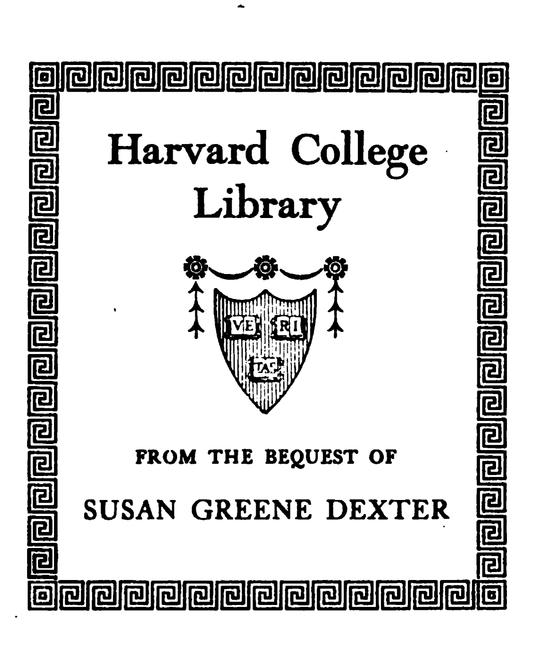

Harvard College
Library
VE RI TAS
FROM THE BEQUEST OF
SUSAN GREENE DEXTER

ЮЖНАЯ РУСЬ

ОЧЕРКИ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

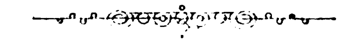
Александры Ефименко,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО, ХАРЬКОВСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО, КІЕВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ И ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ПОЛТАВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

Изданіе Общества имени Т. Г. Шевченка

для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой.

Томъ I.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгопечатня Шмидтъ. Звенигородская, 20.

1905.

ЮЖНАЯ РУСЬ

ОЧЕРКИ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ и ЗАМѢТКИ

Александры Ефименко,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО, ХАРЬКОВСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО, КІЕВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ И ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ПОЛТАВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

Изданіе Общества имени Т. Г. Шевченка

для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская. 20.

1905.

Содержаніе I тома.

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ

Правобережной Украины *)

I. До Люблинской уніи.

На рубежѣ 15-го и 16-го вѣковъ слово «Украина», «кресы» (пограничье) имѣло для обывателя внутреннихъ областей Литовско-Польскаго государства особый, таинственно-привлекательный смыслъ. На плоскихъ равнинахъ Великой Польши, надъ Нѣманомъ, въ непроходимыхъ литовскихъ пущахъ, одѣтыхъ вѣчнымъ туманомъ, кружились фантастическіе разсказы о залитомъ солнцемъ краѣ, гостепріимно открытомъ для каждаго пришельца, гдѣ травы въ ростъ человѣка, укрываютъ дикихъ коней и безъ труда выкармливаютъ стада превосходныхъ воловъ и овецъ, гдѣ стоитъ бросить въ землю горсть зерна, чтобъ народилось столько хлѣба, что не знаешь, куда съ нимъ дѣваться... И понурый бѣлоруссъ, бредя за своей деревянной сохой по истощенному полю, мечталъ о золотыхъ нивахъ Поросья и Побужья; и мазовшанинъ зналъ, что на прекрасномъ Подольѣ ждетъ его не только сытый хлѣбъ, но и воля. Тѣмъ не менѣе, однако, далеко не каждый изъ тѣхъ, кому нехорошо жилось дома и кто могъ уйти, уходилъ въ эти сказочныя страны: на рубежахъ ихъ залегалъ змѣй Горынычъ, та чудовищная гидра, которая постоянно впускала въ предѣлы Украины свои безчисленныя щупальцы, выбирала ad libitum жертвы и втягивала ихъ въ свою бездонную утробу. Но не будь татаръ, и кресы не были бы кресами, тѣмъ плѣнительнымъ краемъ, который неотразимо привлекалъ и привязывалъ къ себѣ всѣ истинно «рицерскія» души.

Украина примыкала къ остальному міру красивой гористой южной Волынью и плоской равниной Кіевскаго Полѣсья, гдѣ

*) „Кіевская Старина“ 1894, №№ 6, 8—11, 1895, №№ 4—5.

на-ряду съ болотомъ и пескомъ встрѣчается и настоящая украинская пшеничная земля. Все это были земли исконнаго старорусскаго заселенія, которыя хранили—какъ и до сихъ поръ хранятъ—въ своихъ нѣдрахъ, подъ своими курганами и валами, поросшими исполинскимъ лѣсомъ, много историческихъ тайнъ, ждущихъ раскрытія. Не смотря на пронесшіяся надъ краемъ крупныя политическія бури—монгольское нашествіе, литовское завоеваніе—населеніе въ массѣ осталось, повидимому, на своихъ насиженныхъ мѣстахъ, перенеся такимъ образомъ живую нить исторической традиціи изъ удѣльной эпохи въ Литовско-Русское государство. Къ югу отъ этой полосы прочнаго заселенія тянулись уже «кресы» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: прекрасная пустыня, куда населеніе, свое—пограничное и пришлое, безудержно тянулось, привлекаемое изобиліемъ разсыпанныхъ вокругъ богатствъ природы, но гдѣ оно могло прочно держаться лишь подъ охраною за́мковъ или какихъ-нибудь естественныхъ прикрытій. Странно одиноко торчатъ эти за́мки, какъ напр. Каневъ, Черкассы, на территоріи южной части бывшаго кіевскаго княжества, но, очевидно, что не просто же они забыты здѣсь исторіей, что прикрываютъ же они кого-нибудь. А естественными прикрытіями для населенія служили лѣса, куда оно убѣгало при татарскихъ нападеніяхъ, если успѣвало, а на берегахъ Днѣстра и Смотрича, сверхъ того, и пещеры въ скалистыхъ берегахъ. Въ двухъ полосахъ этой пустыни населеніе успѣло болѣе или менѣе сплотиться: это по верхнему теченію Буга до Брацлавля (Побужье) и по Днѣстру отъ Смотрича приблизительно до Могилева (Поднѣстровье, Подолье). И та и другая территорія, и Поднѣстровье и Побужье, не сейчасъ только начинали свою историческую жизнь.—Несомнѣнно, на Побужьѣ въ концѣ удѣльной эпохи сидѣли, а, слѣдовательно, и имѣли свои княжества эти загадочные Болоховскіе князья, за которыми такъ тщетно гоняются историки; а русское заселеніе Поднѣстровья имѣетъ еще болѣе раннюю исторію: остатки скитовъ, выдолбленныхъ въ мягкомъ прибрежномъ камнѣ, православныхъ церквей и монастырей надъ богатыми залежами кремневыхъ орудій и другихъ памятниковъ каменнаго вѣка, намекаютъ какъ-бы на древнюю культурную роль этой территоріи. Но и тутъ и тамъ, на Днѣстрѣ, какъ и на Бугѣ, нить исторической преемственности, видимо, чѣмъ-то порвана, и жизнь какъ-бы начинаетъ складываться съизнова. На Побужьѣ жизнь эта складывается подъ явнымъ тяготѣньемъ Волыни; на Поднѣстровьѣ, примыкающемъ къ Галиціи, на такъ называемыхъ молдавскихъ кресахъ, которые уже съ 14-го вѣка встали въ непосред-

ственную политическую связь съ Польшей, русскій элементъ оказался подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго. Вотъ въ грубомъ видѣ контуры той исторической сцены, которую называли Украиной—той совсѣмъ особенной исторической сцены, глядя на которую, въ исторической перспективѣ трехъ послѣднихъ вѣковъ (XVI—XVIII) какъ будто не видишь ничего, кромѣ потрясающихъ драматическихъ эпизодовъ, кромѣ потоковъ человѣческой крови и слезъ... Дальше къ югу тянулись уже «дикія поля», совершенно безлюдная ровная степь, гдѣ зимой бушевали снѣжныя мятели, а осенью сѣверный вѣтеръ гналъ безпрепятственно къ югу цѣлыя полчища перекатиполя; зато весной все убиралось въ цвѣточный коверъ, все было полно блеска, сладкихъ звуковъ и благоуханій. Но въ эту-то именно пору расцвѣта своей красоты степь и дѣлалась страшно опасной для пограничнаго человѣка: подъ прикрытіемъ ея роскошной растительности татары незамѣтно пробирались въ заселенныя мѣстности... И при первой возможности пограничникъ безжалостно пускалъ въ эту степь краснаго пѣтуха, и вся ея цвѣтущая красота исчезала подъ чернымъ саваномъ пепла. Да, не могъ онъ смотрѣть на эту степь иначе, какъ взглядомъ вѣчно настороженнаго, вѣчно озлобленнаго врага...

Литовское государство, сплотивъ около своего ядра западныя русскія земли, въ половинѣ 14 вѣка отбросило къ Черному морю татарскія орды, которыя кочевали было по Бугу и Днѣстру и мирно уживались со своими осѣдлыми русскими сосѣдями, собирая съ нихъ дань серебромъ и хлѣбомъ и предоставляя имъ за то свободу и безопасность. А между тѣмъ въ теченіе слѣдующаго столѣтія положеніе рѣзко измѣнилось. Крымскій полуостровъ сдѣлался теперь центромъ, около котораго группировались кочевники степей, прилегающихъ къ Черному морю. Въ то же время Крымъ оторвалъ отъ Астраханской орды ногайцевъ и передвинулъ этихъ дикарей, возбуждавшихъ ужасъ, въ сосѣдство Украины: они-то именно, подъ названіемъ татаръ очаковскихъ, бѣлгородскихъ, буджакскихъ, отличающимъ ихъ отъ татаръ собственно крымскихъ, или перекопскихъ, и играютъ такую важную роль на кровавыхъ страницахъ Украинской исторіи. Вассальная связь Крымскаго ханства съ Турціей, только что водворившейся въ Европѣ, придала этому само-по-себѣ слабому и неустойчивому государству прочность и силу. Но бѣда была не въ силѣ, а въ томъ направленіи, какое получила эта сила. Расположившись по берегамъ Чернаго моря, Крымское ханство унаслѣдовало традиціи венеціанской и генуэзской торговли, но оригинально приспособило къ себѣ эти традиціи: главнымъ и

чуть-ли не единственнымъ предметомъ его торговопромышленной дѣятельности были люди. Ловля людей и торговля ими сдѣлалась главнымъ жизненнымъ нервомъ для Крымскаго ханства. Роскошныя нивы Украины, совершенно открытыя съ юга, отъ татаръ, служили для нихъ своего рода питомникомъ, гдѣ такъ легко выращивался и разводился этотъ цѣнный человѣческій товаръ.

Украинскій хлопъ былъ ходкимъ товаромъ въ районахъ Чернаго и Средиземнаго морей, какъ рабочая сила на галерахъ; онъ требовался на сѣверное прибрежье Африки, въ Аравію, въ Персію. Но совсѣмъ особую цѣну имѣла украинская женщина. Ея славянская красота вошла въ моду на мусульманскомъ востокѣ, и начала вытѣснять смуглыхъ и худощавыхъ черкешенокъ не только изъ гаремовъ крымскаго хана, но и самаго падишаха: въ Константинополѣ особенно цѣнились подолянки. Дѣло было широко организовано. Суда торговцевъ невольниками подвозили къ крымскимъ портамъ все необходимое для промысла—оружіе, одежду, коней, и отплывали нагруженныя человѣческимъ товаромъ. Въ 16-мъ столѣтіи колонія турецкихъ купцовъ прочно устроилась подъ Бѣлгородомъ (Аккерманомъ): купцы эти снабжали татаръ всѣмъ, въ чемъ тѣ нуждались для своихъ разбойничьихъ экспедицій, однимъ словомъ, брали на себя всѣ расходы, составляли сами планы этихъ экспедицій подъ условіемъ раздѣла добычи пополамъ. Здѣсь содержались шпіоны и проводники, которые знали всѣ дорожки «Лехистана»: иногда повѣренные константинопольскихъ купцовъ даже сопровождали шайки въ ихъ экспедиціяхъ, чтобы лично наблюдать за правильнымъ дѣлежомъ добычи.

Отправлялись татары на добычу то малыми шайками, то большими отрядами, иногда въ нѣсколько тысячъ всадниковъ подъ предводительствомъ какого-нибудь предпріимчиваго мурзы или даже крымскаго царевича—какъ случалось. Успѣхъ зависѣлъ отъ одного: отъ того, насколько имъ удавалось пробраться незамѣченными вглубь края. Замѣтятъ чамбулъ во время съ могилы или кургана, какіе были разсыпаны всюду на границахъ съ дикой степью, съ селитрянаго майдана—дѣло на этотъ разъ пожалуй и проиграно: подниmется тревога, запылаютъ сторожевые огни, зазвонятъ звоны—населеніе опрометью кинется за стѣны замковъ, въ лѣса и пещеры, а тамъ сберется и какая-нибудь вооруженная сила для отпору. Удастся пробраться незамѣченными, залягутъ татары кошемъ въ укрытомъ мѣстѣ и распустятъ вокругъ загоны: прежде чѣмъ населеніе опомнится, уже все опустошено, пограблено, и разбойники

скачутъ что есть силы въ свои степи, безжалостно гоня и таща за собой свою живую добычу, людей и скотъ. Въ поспѣшномъ уходѣ щадили только красивыхъ женщинъ и людей богатаго и знатнаго рода, за которыхъ можно было взять большой выкупъ: остальное могло и пропадать, если затрудняло уходъ и подвергало шайку опасности быть настигнутой погоней. Только въ глубокой степи, въ безопасности, останавливались на отдыхъ, осматривали и дѣлили добычу. Большіе чамбулы, и при благопріятныхъ для татаръ обстоятельствахъ, уводили людей не только тысячами, а десятками тысячъ: прибавьте къ этому опустошенныя деревни, угнанныя стада, стравленный хлѣбъ, не говоря уже о цѣнной движимости. Три шляха вели изъ глубины дикихъ степей на Украину: Черный,—самымъ названіемъ указывающій на ту трагическую роль, которую онъ игралъ въ судьбахъ края—велъ перекопскихъ татаръ съ лѣваго берега Днѣпра, отъ Канева, Черкассъ вглубь Волыни по направленію къ Львову; Кучменскій, или ханскій,—отъ Чернаго моря на Балту и дальше вглубь края по водораздѣлу правыхъ притоковъ Буга и лѣвыхъ Днѣстра; Волосскій направлялся по правому берегу Днѣстра къ Покутью, при чемъ татары переправлялись черезъ рѣку для грабежа Подолья: два послѣднихъ шляха служили, главнымъ образомъ, для ордъ ногайскихъ.

Какъ могла существовать жизнь подъ такою вѣчной угрозой? И, тѣмъ не менѣе, она существовала. Мало того: въ земляхъ стараго заселенія она существовала въ извѣстной независимости отъ этого вѣчно тяготѣющаго надъ ней Дамоклова меча, повинуясь импульсамъ, вынесеннымъ ею изъ иныхъ эпохъ и иныхъ условій.

Передъ нами двѣ территоріи—Волынь и Кіевское Полѣсье. Онѣ сливаются другъ съ другомъ, слѣдовательно, сходны по своимъ физическимъ условіямъ, та и другая земли исконнаго русскаго заселенія, гдѣ русскій элементъ развивался совершенно самостоятельно, безъ примѣси какихъ-нибудь постороннихъ вліяній. И, при всемъ неизбѣжномъ сходствѣ, какая разница въ соціальномъ обликѣ этихъ территорій!

Волынь, которая захватывала своими отношеніями и Кіевщину по верховьямъ Тетерева, всегда выступаетъ съ яркимъ сознаніемъ своей политической особности и самостоятельности. Она какъ будто бы не хочетъ знать иной связи съ остальными частями литовско-русскаго государства, кромѣ той, какая для нея добровольно создается признаніемъ верховной власти Ягеллоновъ. Да и къ этимъ своимъ господарямъ относится она довольно легко: свысока третируетъ го-

сподарскихъ пословъ, люстраторовъ и т. под. Но что такое Волынь, какъ политическое понятіе? Это ея князья и земяне. Волынь кишѣла князьями: это опять-таки ея типическая особенность. Почему вышло такъ, что въ ней именно сохранилось и размножилось такое количество княжескихъ родовъ, которые вели свое происхожденіе отъ старыхъ русскихъ удѣльныхъ князей и отъ Гедиминовичей,—дѣло спеціальнаго изслѣдованія. Фактъ въ томъ, что были на-лицо всѣ эти безчисленные Сангушки и Вишневецкіе, Заславскіе и Корецкіе, Пронскіе, Ковельскіе, Каширскіе, Козики, Курцевичи и т. д.—все буйное и гордое, заявляющее какія-то свои особыя права на привилегированное положеніе, на исключительное занятіе урядовъ своей земли и пользованіе господарскими (государственными) имуществами. Иные роды или вѣтви ихъ убожали и обращались въ «ходачковыхъ» князей, у которыхъ ничего не оставалось отъ ихъ величія, кромѣ титула; другіе, наоборотъ, удачно пользовались своею привилегированностью и выростали въ настоящихъ владѣтельныхъ князей. Во главѣ этой послѣдней категоріи стояли, конечно, князья Острожскіе. Благодаря выдающимся достоинствамъ и заслугамъ великаго гетмана литовскаго кн. Константина Ивановича и его личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ Сигизмунду I, родъ князей Острожскихъ занялъ первое мѣсто на Волыни. Князь Василій Константиновичъ Острожскій, извѣстный поборникъ православія, имѣлъ полное право смотрѣть на себя, какъ на удѣльнаго князя, да и удѣльнаго князя не изъ послѣднихъ. Его княжество заключало въ себѣ 40 замковъ, 100 мѣстъ (городовъ) и мѣстечекъ и 1300 деревень. Недаромъ на его печати значилось: «Dei gratia dux Ostrogiae», а въ документахъ, выдаваемыхъ имъ обывателямъ своихъ владѣній, онъ писалъ: «били намъ чоломъ»... Въ каждой изъ 600 церквей на земляхъ его владѣній—въ которыхъ тысяча поповъ молилась за здоровье его княжеской милости—былъ устроенъ золоченый закрытый конфессіоналъ на случай прибытія князя, чтобъ никто не видѣлъ, какъ такой большой земной панъ бьетъ поклоны небесному; а выходъ изъ церкви салютовался надворной милиціей, которая въ числѣ 2000 сопровождала князя въ его торжественныхъ выѣздахъ. И все это не случайное проявленіе болѣзненно вздутаго тщеславія, а что-то находящееся въ соотвѣтствіи съ средой и обстоятельствами. Но на чемъ матеріальномъ опиралось все-таки это княжеское могущество, представителемъ котораго можетъ служить князь Острожскій? Разумѣется, на крупномъ землевладѣніи. Но какъ и изъ чего сложилось это землевладѣніе? Каждый изъ такихъ землевладѣльцевъ, княжескаго рода,

непремѣнно долженъ былъ что-нибудь унаслѣдовать; затѣмъ онъ получалъ отъ господаря земли, какъ вознагражденіе за свои личныя услуги государству, главнымъ образомъ, по защитѣ края; наконецъ, всякій князь и земянинъ, по мѣрѣ своихъ способностей и значенія, имѣлъ притязанія на высшіе или низшіе уряды, занятіе которыхъ было соединено съ пользованіемъ землями. Все это создавало землевладѣніе очень пестраго характера. Вѣдь съ землями, переходившими черезъ пожалованіе или урядъ отъ государства въ частныя руки, передавались только тѣ права и обязательства, которыя лежали на этихъ земляхъ, т. е. права на пользованіе извѣстными повинностями со стороны населенія этихъ земель—не больше. Но дѣло въ томъ, что сильныя руки, захватившія земли, хотя бы въ совершенно условное владѣніе, уже не выпускали ихъ больше и быстро превращали въ настоящую собственность. Вмѣстѣ съ превращеніемъ условнаго владѣнія въ безусловную собственность, свободный крестьянинъ—отчичъ, сидѣвшій на своемъ дворищѣ, превращался въ волочнаго или полъ-волочнаго, четверть-волочнаго хлопа (по польской терминологіи); впрочемъ, много крестьянъ садилось уже на готовыя размѣренные волоки, оставленные своими первоначальными собственниками, добровольно-ли или по неволѣ, напр.—послѣ татарскаго набѣга; садились сначала на полную свободу, которая продолжалась до 24 лѣтъ, а потомъ за опредѣленныя договоромъ небольшія повинности. Вообще, не смотря на несомнѣнное и значительное развитіе панской власти на землю, волынскому крестьянину жилось все-таки недурно: земли и угодьевъ вволю, а отъ излишнихъ притязаній всегда можно было уйти на свободную степь. Оттого-то и притязанія не были велики; а кое съ какими тяготами крестьянинъ охотно мирился, получая въ обмѣнъ нѣкоторую защиту и относительную безопасность. Надо думать, что въ общемъ доходы отъ крестьянскаго населенія были не велики, а отъ другихъ свободныхъ людей, жившихъ на княжескихъ земляхъ, бояръ и мѣщанъ, и того меньше: ихъ обязательства почти исключительно ограничивались участіемъ въ военной оборонѣ края. Поэтому, приходилось крупнымъ землевладѣльцамъ, эксплоатируя свои недавнія права на свободныя земли захваченныхъ ими районовъ, прибѣгать къ разнаго рода промысламъ, смотря по условіямъ мѣстности: выпасыванію скота въ степяхъ, добыванію селитры, бортничеству, разнымъ видамъ лѣсной промышленности, шинкованію водки, пива и меду. Все это могло имѣть широкіе размѣры у князей Острожскихъ, числившихъ въ своей латифундіи больше 2 милліс-

новъ морговъ земли; а у другихъ, хотя-бы и князей, все было скромно по необходимости, которая коренилась въ невозможности вполнѣ закрѣпостить крестьянина. Вотъ основная причина того, что на Волыни, не смотря на обиліе князей, на ихъ большія притязанія, жизнь была съ внѣшней стороны обставлена очень просто. Не отступалъ отъ этихъ традицій простоты даже и самъ князь Василій Острожскій. Замокъ Острогъ, его главная резиденція, былъ великолѣпенъ снаружи своими массивными стѣнами, прекрасными готическими арками и сводами своихъ башенъ; но внутри онъ былъ патріархально скроменъ. Вообще, утонченность европейской цивилизованной обстановки, уже очень распространенной въ Польшѣ, еще не имѣла доступа на Волынь; и оттого волынскіе князья казались панамъ какой-нибудь краковской или сандомирской земли полудикарями.

И какъ странно поражаетъ своими противорѣчіями эта волынская жизнь! Европейскія вліянія еще такъ мало коснулись Волыни, что ея женщина и не мечтаетъ пока о первенствующей роли въ салонѣ, какую уже занимаетъ ея ближайшая сосѣдка, малопольская шляхтянка: волынская земянка должна по традиціи сидѣть въ своемъ теремѣ, прясть и ткать. Однако ей уже тамъ тѣсно. Широкій размахъ личной энергіи, который она чуетъ въ окружающей общественной атмосферѣ, захватываетъ и ее. И она выходитъ изъ терема, но не въ салонъ, а прямо въ чистое поле, одѣвается въ броню, садится на боевого коня и во главѣ своихъ приближенныхъ мчится, если не на защиту края, то, по крайней мѣрѣ, на защиту своихъ личныхъ интересовъ. Передъ нами цѣлый рядъ волынскихъ женщинъ этого типа: онѣ ѣздятъ верхомъ и стрѣляютъ изъ рушницы, какъ любой казакъ, дѣлаютъ вооруженныя засадки на своихъ враговъ по дорогамъ, заѣзды на чужія имѣнія, штурмуютъ замки враговъ, конечно, личныхъ враговъ. Женщина, такъ рѣшительно порвавшая съ теремомъ, не можетъ быть и вѣрной хранительницей патріархально-семейныхъ традицій; а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравы общества теряютъ строгость. И вотъ мы видимъ, что Волынь, еще не тронутая заразой европейскаго религіознаго вольномыслія, которая уже проникла въ Польшу, тѣмъ не менѣе представляетъ такую картину расшатанности устоевъ, какую являютъ обыкновенно лишь эпохи кризисовъ. Съ одной стороны, такая суровость семейнаго обычая, что взрослый сынъ, самъ носящій званіе высокаго государственнаго сановника, не смѣетъ возвысить голоса въ присутствіи отца, не смѣетъ сѣсть, выйти безъ разрѣшенія отца изъ покоя; съ

другой, братья и сестры воздвигають другъ на друга настоящія войны, супруги безъ особыхъ церемоній кидаютъ другъ друга и вступаютъ въ новые брачные союзы, замужнія женщины вступаютъ открыто въ любовныя связи. Ни католичество, ни протестантизмъ не имѣютъ пока доступа на Волынь: здѣсь безраздѣльно царитъ православіе. Для князей и земянъ волынскихъ православіе есть знамя особности и независимости ихъ земель, и они дорожатъ имъ чрезвычайно. Каждый княжескій родъ имѣетъ не только свои церкви, но и монастыри, которые онъ одѣляетъ по мѣрѣ силъ и возможности, такъ какъ въ нихъ онъ имѣетъ мѣсто и для успокоенія своихъ княжескихъ останковъ, и для помѣщенія тѣхъ лишнихъ членовъ рода, которые не нашли себѣ соотвѣтствующихъ положеній въ жизни. Вообще, церкви, монастыри, епископскіе столы—все это богато надѣлено и движимыми имуществами, и землями. Но при всемъ томъ трудно счесть это отношеніе къ православію за проявленіе глубокой общественной религіозности, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ классѣ. Наоборотъ, многое указываетъ скорѣе какъ-бы на значительное развитіе религіознаго индифферентизма. Низшее духовенство сплошь темно и невѣжественно; высшее.... но высшее есть никто иной, какъ тѣ же волынскіе князья и земяне. Они смотрѣли на «духовные хлѣба», т. е. духовные уряды, тѣми же глазами, какъ и на остальные, свѣтскіе уряды, и стремились на перебой ихъ захватывать, повидимому, совсѣмъ забывая о томъ особенномъ значеніи, которое съ ними было связано. Оттого на Волыни, случалось, бывали епископы, не принявшіе духовнаго сана; епископы, которые хотя и приняли духовный санъ, но постоянно забывали, что пастырскій жезлъ не палашъ, и расправлялись имъ по военному; епископы, которые устраивали другъ противъ друга настоящія военныя кампаніи, осаждали и штурмовали свои столицы и т. п. Такая пастырская среда едва ли могла воспитывать религіозность у своей паствы. Еще разъ повторимъ: общественный строй Волыни поражалъ своими противорѣчіями; разъясненіе же ихъ надо искать въ предъидущихъ историческихъ эпохахъ.

Иную картину представляло сосѣднее Кіевское Полѣсье. Князей здѣсь нѣтъ совсѣмъ, если не считать двухъ-трехъ захудалыхъ княжескихъ родовъ, не играющихъ никакой роли въ краѣ. Ни на какую политическую самостоятельность и особность эта территорія не претендуетъ: ею заправляетъ воевода кіевскій, который соединяетъ въ своемъ лицѣ и званіи овручскаго старосты, настоящаго хозяина края. Не претендуетъ потому, что нѣтъ такого класса,

который былъ-бы достаточно силенъ для поддержки своихъ притязаній. Въ Кіевскомъ Полѣсьѣ преобладали бояре, которые иногда назывались по волынски земянами, а позже околичной шляхтой— классъ очень архаическаго облика, если можно такъ выразиться. Это были мелкіе собственники, одновременно землевладѣльцы и земледѣльцы. Какимъ образомъ могло случиться, что процессъ общественнаго дифференцированія обошелъ ихъ, не разбивъ на два враждебныхъ стана—дѣло темное: разъясненіе лежитъ во всякомъ случаѣ за предѣлами той эпохи, на которой мы останавливаемся. Они сохранили за собой право служить государству исключительно военною, а не тяглой службой, а въ этомъ-то собственно и заключалось ихъ отличіе отъ крестьянина, ихъ привилегированность. Напрасно цѣлыя столѣтія боролись полномочные овручскіе старосты, которые не могли обойтись безъ тяглой службы населенія, за то, чтобы привлечь бояръ къ этой службѣ: бояре, сильные лишь своей сплоченностью и единодушіемъ, не дѣлали ни малѣйшей уступки, и вынесли таки нетронутой свою привилегированность изъ этой неравной борьбы. Интересна жизнь этихъ архаическихъ русскихъ обывателей. Они жили въ поселеніяхъ, которыя звались околицами. Каждую околицу занималъ цѣлый боярскій родъ, который состоялъ иногда меньше чѣмъ изъ десятка, иногда изъ многихъ десятковъ, даже сотенъ семействъ: напр., — Дидковскихъ, Меленевскихъ было до 300 семействъ каждаго рода. Когда количество семей разросталось, онѣ отличались одна отъ другой прозвищами, но твердо держались своего родового имени, какъ и вообще во всемъ свято хранили свои родовыя традиціи. Конечно, въ имущественномъ положеніи отдѣльныхъ семей могли возникать различія, но онѣ не разрывали родовыхъ связей: убогіе гордились зажиточностью своихъ родичей, зажиточные не забывали, что они должны поддерживать убогихъ. Да и не могло возникать большихъ имущественныхъ различій, разъ отдѣльные члены родовъ не разрывали со своей почвой и не уходили въ вольный широкій свѣтъ искать доли, а къ этому бояре были мало наклонны. Все хозяйство было мелкое, патріархальное, какъ пахатное, такъ и промысловое, на своихъ промысловыхъ угодьяхъ, составлявшихъ необходимую принадлежность пахотной земли. Ловили рыбу, такъ какъ край былъ богатъ рѣчками и ручьями, гнали бобровъ, которые ютились еще во многихъ мѣстахъ въ заросляхъ, по берегамъ этихъ водъ, занимались бортничествомъ, варили пиво и медъ, охотились въ пущахъ, гдѣ водились даже лоси, копали болотную желѣзную руду, обрабатывали лѣсной ма-

теріалъ. Главное шло для собственнаго потребленія, кое-что на продажу, и ничто не принимало характера широкаго промышленнаго хозяйства, на подставѣ котораго—внѣ политическихъ условій—только и могутъ создаваться большія имущественныя различія. Внѣшнимъ выраженіемъ родовыхъ связей служили для каждаго рода своя особая церковь или монастырь, поддерживаемая общими средствами; вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и свои особые праздники. Такъ жили эти боярскіе роды, каждый на своей территоріи, ревниво оберегая свою особность отъ сосѣдей, ревниво оберегая свою привилегированность отъ притязаній государства въ лицѣ старосты. Все было темно и невѣжественно и также мало тянулось за культурностью, какъ и настоящее крестьянство. Но постоянная острая необходимость быть насторожѣ своихъ правъ создали въ этомъ классѣ особую черту: исключительную страсть къ тяжбамъ. Ссоры одного рода съ другимъ, взаимные заѣзды, безконечные процессы —это постоянная картина положенія. Бояре не довольствуются своими собственными конными судами, а обращаются въ общіе суды и наводняютъ ихъ жалобами, протестами, манифестами. Въ концѣ-концовъ, когда взаимныя отношенія сосѣднихъ родовъ не доставляли достаточно матеріала, питающаго эту несчастную страсть, она обращалась внутрь и разъѣдала свою собственную околицу. Разъигрывались безконечные процессы уже между родичами изъ-за куска болота, изъ-за плетня, пары сапогъ, шапки, сопровождающіеся взаимными штуками, которыя строили другъ другу близкіе враги, напр.—въ родѣ заплетанія улицъ, чтобъ соперникъ не могъ выбраться изъ дома и т. д. Тѣмъ не менѣе, это боярство, въ общемъ, были мужественные и честные люди, очень привязанные къ своей родинѣ, очень преданные православной вѣрѣ, всегда готовые сложить въ честномъ бою свои головы, какъ за Полѣсье, или по крайней мѣрѣ хоть за свою околицу, такъ и за православіе, а особенно за свой монастырь или церковь.

Можно думать, конечно, что бояре не удержали бы своей привилегированности, если-бъ они не были такъ нужны для обороны края, если-бъ не была такъ важна ихъ военная служба.

Всюду на Украинѣ организація защиты опиралась на зáмки, которые являлись ея необходимыми центрами. Особенности татарскихъ нападеній дѣлали такую именно ея организацію особенно важной. Дѣло въ томъ, что татары почти никогда не нападали на замки, даже маленькіе и слабо защищенные, обходили ихъ совершенно: только очень большой чамбулъ, и по особенно сильнымъ побужде-

ніямъ, рѣшался, какъ изрѣдка случалось, попытаться овладѣть за́мкомъ. Къ каждому замку тянула территорія, для которой вопросъ о защитѣ отъ татаръ былъ вопросомъ такой же важности, какъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Каждый полноправный обыватель, подъ какимъ бы именемъ онъ ни являлся— князя, земянина, боярина, непосредственно участвовалъ въ устройствѣ за́мка и владѣлъ тамъ своей городней, или двумя—тремя, смотря по размѣру своихъ средствъ, а то цѣлая группа обывателей складывалась общими силами на одну городню: во всякомъ случаѣ, городня наглядно представляла собою обывателя земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовала объ его обывательской полноправности. Въ за́мкѣ ютилось, въ опасное время, все, что требовало обороны; въ за́мкѣ хранились военные снаряды. А самое главное—замокъ былъ организаторомъ защиты для всей своей земли: сюда сходились всѣ извѣстія, отсюда выходили всѣ распоряженія. Такимъ за́мкомъ былъ для кіевскаго Полѣсья Овручъ, къ которому тянули бояре и который распоряжался ихъ службой. Кромѣ прямой военной службы, на которую они всегда должны были быть готовы по требованію старосты, представлявшему собою за́мковый урядъ, они еще обязаны были и спеціальными службами. Такъ, напр., на обязанности бояръ лежало держать полевую сторожу въ двухъ пунктахъ. Цѣлью этой сторожи было предупреждать за́мокъ о татарскомъ нападеніи; сторожевые пункты расположены были надъ Чернымъ шляхомъ, который только и былъ опасенъ для данной мѣстности. Кромѣ того, бояре должны были сторожить въ самомъ замкѣ и развозить извѣстія или листы, по требованію замковаго уряда.

Организація военной защиты на Волыни была того-же типа, только нѣсколько сложнѣе, въ соотвѣтствіе съ болѣе сложнымъ составомъ общества. Поскольку волынскіе князья являлись господарскими (великокняжескими) урядниками, старостами и державцами господарскихъ замковъ, они также привлекали къ замковой службѣ всѣхъ свободныхъ обывателей замковыхъ районовъ и распоряжались ими по своему усмотрѣнію и по требованіямъ обстоятельствъ. Но по скольку они являлись дѣйствительно панами, т. е. частными собственниками, дѣло стояло иначе. Паны-собственники должны были сами защищать свои владѣнія. Если они хотѣли имѣть заселенныя земли—а что значила въ тѣ времена земля безъ населенія?—они должны были доставить населенію защиту. И вотъ, волей-неволей, а должны паны строить на собственный счетъ за́мки и поддерживать ихъ; должны вступать въ такія сдѣлки съ населеніемъ, въ силу которыхъ они поступались

разными своими выгодами, лишь бы привлечь населеніе къ участію въ оборонѣ; должны на собственныя средства нанимать и содержать надворные отряды.

Такъ жили старыя русскія области, приспособляясь къ тому новому опредѣляющему условію, какое исторія создала для нихъ въ видѣ близости хищныхъ татарскихъ ордъ. Но на территоріяхъ новаго заселенія условія эти отразились гораздо ярче.

Побужье, отъ Винницы до Саврани, представляло чрезвычайно большія удобства и выгоды для заселенія. По обѣимъ сторонамъ Буга тянулась слегка волнистая поверхность съ очень плодородной почвой. Многочисленные притоки Буга представляли собою массу текучей воды, не высыхающей въ засуху, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не наводняющей окрестности въ половодье, текучей воды, образующей превосходные рыбные пруды, очень удобной для устройства мельницъ. Луговъ и пастбищъ сколько угодно, и какихъ луговъ! Отъ восточнаго холоднаго вѣтра край былъ защищенъ бужскими пущами, которыя на сѣверовостокѣ соединялись съ пущами литинскими и хмѣльницкими, а на сѣверозападѣ съ барскими. Такимъ образомъ не было недостатка ни въ лѣсномъ матеріалѣ, ни въ звѣриныхъ ловахъ, ни въ бобровыхъ гонахъ. А для пчеловодства врядъ-ли и выдумать можно было болѣе благодатный край. И въ то же время мѣстность совершенно открытая съ юга, со стороны степи, вполнѣ предоставленная природой хищничеству татаръ, проторившихъ вдоль Буга свой кучменскій, или ханскій шляхъ.

Конечно, разъ жизнь начинала складываться при такихъ обстоятельствахъ, она должна была складываться по-своему. Повидимому, территорія колонизовалась Волынью, но жить по-волынски она не могла. Здѣсь нечего было дѣлать волынскимъ князьямъ и земянамъ— не было настоящей почвы ни для какой привилегированности: все уравниваетъ вѣчная грозящая опасность, вѣчная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Правда, государство выдвинуло на Побужье два замка Винницу и Брацлавль, а гдѣ замки, тамъ, конечно, и старосты—они назначались изъ волынскихъ князей—слѣдовательно, попытки организовать защиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественныя отношенія: господари щедро раздавали здѣшнія земли волынскимъ земянамъ. Но замки стояли полуразрушенные, «стѣны дыра на дырѣ, и не только людямъ спрятаться въ случаѣ опасности отъ непріятелей, а и скотъ страшно сюда загнать»—въ такихъ краскахъ описываетъ господарскій люстраторъ положеніе винницкаго замка, лучшаго изъ двухъ. Земяне же пустили кое-какіе слабые корни въ винницкомъ

районѣ и почти совсѣмъ не пустили ихъ въ брацлавскомъ, болѣе южномъ, слѣдовательно, болѣе опасномъ. На Побужьѣ было полное царство простолюдина, который не имѣлъ никакихъ правъ, но и не нуждался въ нихъ, такъ какъ всѣ его права заключались въ той отчаянной рѣшимости, съ какой онъ селился и держался на своемъ ежеминутно угрожаемомъ посту. А пока его не ухватили татарскія руки, онъ широко пользовался всѣми благами, какія разливала вокругъ благодатная природа. Онъ былъ «богатшій и пышнѣйшій нижли панъ», владѣлъ такими пасѣками, изъ которыхъ иная одна стоила трехъ пахатныхъ дворищъ (селищъ), такъ какъ къ ней принадлежало окружной земли на полмили, а то и на цѣлую милю, а на той землѣ и пашня, и рыбные пруды, и сады, и огороды. И простолюдинъ считалъ себя полнымъ господиномъ всего этого добра, не признавая обязательства уплатить что-нибудь съ своей собственности господарю или послужить чѣмъ-нибудь замку. Съ пахатныхъ же селищъ, вошедшихъ въ обложеніе, онъ отбывалъ ничтожныя повинности: три дня въ годъ работы или шесть грошей денежной подати. Къ привилегированному же сословію, водворявшемуся или водворяемому государствомъ въ качествѣ урядниковъ или иначе, онъ относился съ нескрываемой ненавистью и презрѣніемъ, на смотря на то, что это были люди одной съ нимъ народности, вѣры и обычая: прежде всего, онъ въ нихъ не нуждался. Дѣло въ томъ, что здѣшній «человѣкъ» не возлагалъ на государство и на привилегированный классъ заботы о своей безопасности, а, дурно или хорошо, но заботился о ней самъ,—и вотъ это-то именно и составляетъ основную характерную черту положенія. Проявленіемъ этой заботы было выдѣленіе изъ среды здѣшняго народа людей, для которыхъ столкновеніе съ татарами было главнымъ содержаніемъ жизни. Мы говоримъ о козакахъ.

Здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какой предумышленной организаціи; все дѣлалось само-собой, въ силу жизненной необходимости. Смѣлое, гордое, свободолюбивое населеніе естественно выдвигало изъ себя людей, которые мало дорожили прелестями осѣдлой земледѣльческой жизни, правда, доставляющей извѣстныя удобства, но зато томительной своимъ напряженнымъ и регулярнымъ трудомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки лишенной обезпеченнаго завтрашняго дня. Зачѣмъ привязывать себя къ пашнѣ, когда можно быть сытымъ и безъ такой привязи? Стоитъ ли такъ много вкладывать заботъ въ хозяйственное благоустройство, чтобы тѣмъ вѣрнѣе привлечь на себя вниманіе хищника? Не гораздо-ли занимательнѣе изъ пре-

слѣдуемой татариномъ дичи обратиться въ охотничью собаку и такимъ образомъ помѣняться ролью съ врагомъ? Какъ бы то ни было, людей такого или подобнаго настроенія, которые предпочитали «козацкій хлѣбъ» всякому иному, всегда было много на окраинахъ. Такой козакъ имѣлъ обыкновенно осѣдлость въ какомъ-нибудь населенномъ пунктѣ, семью, хату, гдѣ онъ могъ «домовать» въ свободное время. Правда, хата была запущенная, безхозяйственная, такъ какъ настоящаго хозяйства не было и не могло быть. Козакъ могъ заниматься ремесломъ, наниматься временно работать на майданы (смолокуренные), на буды или гуты, винокурни—вездѣ нужны были рабочія руки; но его тянуло въ дикую степь. Лишь только наступала весна, козаки сплачивались въ артели и уходили на низовья рѣкъ на рыбные и бобровые промыслы. Но подходя такимъ образомъ къ татарскимъ кочевьямъ, они всегда были не прочь отогнать у кочевниковъ стадо, спалить улусъ, вообще, поживиться на его счетъ и навредить по-возможности. И вмѣстѣ съ тѣмъ они отбывали попутно обязанности полевой сторожи, такъ какъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ татарской степи, и извѣщали о подозрительныхъ движеніяхъ осѣдлое населеніе; затѣмъ, при удобныхъ обстоятельствахъ они нападали на чамбулы, разгоняли ихъ или отбивали добычу. Жизнь въ дикой степи, полная опасностей и лишеній, клала особый отпечатокъ на этихъ людей, выработала изъ нихъ особый типъ. Закаленность—чрезвычайная; привычка сносить холодъ и голодъ такая, что въ случаѣ нужды могли перебиваться желудями, рогами, копытами и костями животныхъ; отчаянное мужество естественно вытекало изъ презрѣнія къ смерти, которая постоянно глядѣла въ глаза козаку, хозяйничавшему подъ носомъ смертельнаго врага; любовь къ свободѣ выростала до неспособности сносить какое-нибудь стѣсненіе, изъ чего бы оно ни вытекало. Не дорожа жизнью, козакъ естественно не дорожилъ и имуществомъ: что перепадало ему въ карманъ—тяжелымъ-ли трудомъ или легкимъ наскокомъ на нагруженнаго врага—онъ все готовъ былъ спустить заразъ въ разгулѣ, для котораго онъ не зналъ внутренней мѣры. Дикую степь и всѣ ея свойства козаки изучили до тонкости, и это-то дѣлало ихъ такъ опасными для татаръ. Пограничные старосты не могли не понимать, какое важное значеніе имѣютъ эти качества козаковъ для охраны края, и старались ихъ привлекать въ замки; такимъ образомъ, являются козаки брацлавскіе, барскіе, черкасскіе. Конечно, только при дѣятельномъ содѣйствіи козаковъ, могъ извѣстный хмельницкій староста Предславъ Ланцкоронскій дойти въ 1516 г. до Чернаго

моря и уничтожить Бѣлгородъ. Но, покровительствуя козакамъ, старосты естественно стремились ихъ подчинить себѣ, а это противорѣчило основнымъ инстинктамъ этихъ людей. И потому мы видимъ, что козацкія организаціи возникаютъ не подъ крылышкомъ старость, а на вольномъ просторѣ дикой степи. Одна изъ такихъ организацій, при благопріятныхъ условіяхъ, успѣла выростп и закрѣпнуть въ настоящее политическое цѣлое, которое стянуло къ себѣ и съорганизовало неустойчивые элементы степной вольницы: едва ли надо пояснять, что мы подразумѣваемъ Низъ, Запорожье.

Въ такіе разнообразные типы складывалась русская жизнь на Украинѣ. И это еще не все: была на ея обширномъ пространствѣ одна территорія, которая представляетъ опять-таки свой особенный обликъ, съ рѣзкими чертами отличія отъ всего, описаннаго выше. Но здѣсь русскій элементъ оказался оттѣсненнымъ въ низшіе общественные слои, а на общественную сцену выступилъ иной элементъ—польскій. Дѣло идетъ о Подольѣ.

Какъ только татары были вытѣснены изъ Подолья, начинается борьба за него между Литвой и Польшей: подъ Подольемъ, или Понизьемъ, тогда подразумѣвалось все Побужье и Поднѣстровье въ доступныхъ захвату предѣлахъ. До политической уніи Литвы съ Польшей, борьба шла открытая, кровавая, позже, по преимуществу, мирная, политическая и дипломатическая. Но дѣло шло къ развязкѣ какъ-бы независимо отъ этой борьбы, въ силу какихъ-то естественныхъ внутреннихъ отношеній: Побужье тяготѣло къ Волыни и черезъ нее къ Литвѣ, Поднѣстровье, или Подолье собственно—къ Польшѣ, и никакія усилія политики не могли перешагнуть черезъ этотъ фактъ. Между Подольемъ и Побужьемъ лежало Барское староство, польское политически, но сохранившее во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ, въ своихъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцахъ «боярахъ», слѣды литовско-русской соціальной организаціи.

Подолье, иначе молдавскіе кресы, т. е. порубежье съ Молдавіей, или Волощиной, имѣло центральнымъ своимъ пунктомъ неприступный замокъ Каменецъ — этотъ первый оплотъ христіанства со стороны мусульманскаго востока—и было территоріей съ характеромъ исключительной привлекательности. Отроги Карпатъ, заходя съ сѣвера, придавали ландшафту рѣдкое разнообразіе и красоту, почва отличалась плодородіемъ, лѣса изобиловали звѣремъ; въ красивыхъ рѣчкахъ, притокахъ Днѣстра, ловили жемчугъ. Но главное, это была непосредственная близость Днѣстра и торговыхъ путей, которые Богъ знаетъ съ какихъ незапамятныхъ временъ проходили этимъ

краемъ, соединяя азіатскій востокъ съ европейскимъ сѣверо-западомъ. Черезъ Подолье шли восточные товары на Львовъ, Замостье, Варшаву, Вильно, Кіевъ: этимъ путемъ снабжалась Польша, Литва и даже Московія дорогими восточными тканями, шалями и коврами, дамасскими саблями, турецкими луками и стрѣлами, сѣдлами и проч. конскою сбруей, сафьяномъ, винами, бакалеей, благоуханіями и мылами—однимъ словомъ, почти всѣмъ, что составляло комфортъ и роскошь тогдашняго быта. Немудрено поэтому, что восточные торговцы разныхъ національностей охотно селились на этомъ пограничьѣ, и такъ какъ встрѣчали большое покровительство со стороны польскаго государства, то и осѣдали прочными колоніями. Но ни евреи, ни греки, никто не привился къ Подолью такъ, какъ армяне. Каменецъ сдѣлался для нихъ вторымъ Эчміадзиномъ, и всѣ армяне, выбрасываемые политическими бурями изъ своей старой родины, находили на прекрасномъ Подольѣ новую. Въ концѣ концовъ вся восточная торговля очутилась въ ихъ рукахъ; но за то же они всегда платили краю теплой привязанностью. Вотъ на какомъ пестромъ фонѣ складывалась общественная жизнь Подолья. Впечатлѣніе этой пестроты еще усилится, если прибавить, что мы встрѣчаемся здѣсь съ осѣдлыми татарами, которые извѣстны были подъ именемъ черемисовъ; а пограничные молдаване, или волохи, подъ тѣмъ или другимъ видомъ постоянно участвовали въ жизни этой области.

Какъ бы то ни было, русская народность всегда являлась преобладающимъ и устойчивымъ элементомъ, скорѣе способнымъ претворить въ себя ей чуждое, какъ это было съ выселившимися сюда мазурами, чѣмъ самой поддаться ассимилированію. Но тѣмъ не менѣе изъ привилегированнаго и правящаго класса она была вытѣснена совершенно элементомъ польскимъ. Дѣлалось это, сколько можно судить, воздѣйствіемъ Польскаго государства, прямо и просто навязавшаго области свой классъ пановъ и правителей; но есть основаніе думать, что рядомъ шелъ и иной процессъ. По крайней мѣрѣ, если родъ Бучацкихъ, такъ извѣстный въ исторіи Подолья въ 15-мъ вѣкѣ, былъ въ самомъ дѣлѣ русскій, какъ это утверждаетъ Шайноха, то, слѣдовательно, высшій классъ русскій былъ не просто отодвинутъ въ низшіе общественные слои, но частью и полонизированъ.

Подолье было чрезвычайно привлекательно для Польши. Но положеніе его требовало исключительнаго вниманія, исключительной заботы, такъ какъ край былъ окруженъ опасностями со всѣхъ сторонъ. По правому берегу Днѣстра проходилъ волосскій шляхъ, и

ногайскіе татары могли свободно, пользуясь многочисленными днѣстровскими бродами — главное подъ Рашковымъ — сворачивать для грабежа Подолья; на восточной границѣ Подолья пролегалъ шляхъ Кучменскій; да и перекопскіе татары, двигавшіеся по Черному шляху, пускали свои загоны съ сѣвера на Подолье. Мало того: Подолье лежало на рубежѣ съ Молдавіей, а «здрадливые» (коварные) волохи всегда не прочь были разъиграть роль татаръ по отношенію къ близкимъ сосѣдямъ, лишь бы чуяли возможность богатой и легкой поживы. А когда закрѣпились вассальныя отношенія Молдавіи къ Турціи, то Подолье очутилось лицомъ къ лицу съ тою силой, которая держала въ трепетѣ всю Европу. Нелегко было обезпечить краю необходимую безопасность.

Могла или нѣтъ Польша какъ-нибудь иначе гарантировать безопасность этой своей отдаленной провинціи—но устроила она дѣло такъ: передала Подолье въ руки нѣсколькихъ панскихъ родовъ, возложивши все на ихъ иниціативу и энергію, подстрекаемую личнымъ интересомъ. Иные изъ этихъ пановъ являлись въ качествѣ органовъ государственной власти, воеводъ, старостъ и каштеляновъ, причемъ уряды дѣлались, повидимому, почти наслѣдственными въ томъ или другомъ родѣ: напр., семь Потоцкихъ подъ-рядъ несли урядъ «генерала земли подольской». Другимъ — государство просто передавало во владѣніе такую или иную часть территоріи. И панъ-урядникъ и панъ-владѣлецъ обязаны были по отношенію къ своему району двумя вещами: возможно его заселять и возможно защищать. Впрочемъ, это были двѣ стороны одного предмета, такъ какъ заселять нельзя было не обезпечивши населенію защиту, а ростъ защиты опирался на растущее населеніе. Брать на себя обязанность такого подольскаго пана со всѣми ихъ правами могли только люди большой личной энергіи и въ то же время сильные матеріально, имѣющіе на чемъ основаться въ своихъ первыхъ операціяхъ по упорядоченію своихъ территорій. Надо было немало затратить, чтобъ встать твердою ногою на новую почву; но зато же какая блестящая перспектива открывалась всякому, не обдѣленному умомъ и мужествомъ... Вѣдь на Подольѣ выросли, кромѣ Потоцкихъ, Кмиты, Одровонжи, Фирлеи, Мѣлецкіе, Язловецкіе, Гербурты, Сѣнявскіе, Тарновскіе, Сѣненскіе, и наконецъ Конецпольскіе и Калиновскіе— всѣ эти «кролевята», которые вмѣстѣ съ волынскими князьями и литовскими магнатами распоряжались позже судьбами Рѣчи Посполитой.

Привлекать населеніе было не легко по той простой причинѣ,

что оно вообще было малочисленно, какъ въ Подольѣ, такъ и въ сосѣднихъ областяхъ. Надо было для привлеченія обѣщать большія льготы, помощь, а главное защиту. И вотъ первой заботой каждаго пана было устроить укрѣпленный дворъ, «замечекъ», непремѣнно каменный, непремѣнно обведенный валомъ и насыпью, съ подъемнымъ мостомъ, а гдѣ можно было воспользоваться водой для защиты, такъ и она приводилась въ дѣйствіе. Старались устроить такой «замечекъ» на возвышеніи, чтобъ съ его сторожевой башни можно было видѣть далеко окрестности. Конечно, такой укрѣпленный дворъ не могъ имѣть притязаній на званіе крѣпости, но онъ удовлетворялъ своему назначенію: населеніе, которое ютилось въ своихъ хатахъ около, могло въ случаѣ тревоги укрыться въ его стѣнахъ, а татары, какъ уже было сказано выше, считали неразсчетливымъ тратить время и силы на взятіе стѣнъ. Но недостаточно было воздвигнуть замокъ или замечекъ, надо было его обезпечить вооруженною силой. Каждый панъ долженъ былъ содержать на своемъ иждивеніи въ каждомъ изъ своихъ замечковъ наемный отрядъ хоть въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Болѣе сильные паны и въ укрѣпленіяхъ болѣе важныхъ держали и по нѣсколько сотъ наемнаго войска; а Сѣнявскій въ Меджибожѣ, послѣ Каменца и Бара значительнѣйшемъ изъ подольскихъ замковъ, имѣлъ наготовѣ до 1000 человѣкъ одной пѣхоты.

Такимъ образомъ, организація защиты Подолья опиралась, съ одной стороны, на пограничныхъ старостахъ—каменецкомъ, барскомъ,—которые содержали на доходы своихъ староствъ вооруженные отряды въ замкахъ и устраивали сторожевые посты, дѣйствуя за-одно съ другими пограничными старостами, трембовльскимъ, львовскимъ; съ другой стороны—на панскихъ надворныхъ отрядахъ. Но польскій общественный строй выдвинулъ на защиту этого въ высшей степени привлекательнаго и дорогого, но и въ высшей степени угрожаемаго края еще одну силу, очень аналогичную по своему происхожденію и свойствамъ съ козачествомъ, но настолько отличную отъ него, насколько, вообще, русско-демократическій строй отличался отъ польско-шляхетскаго. Эта сила олицетворялась «ротмистромъ на Подольѣ». Ротмистрованье, возникшее съ начала 16 вѣка, сдѣлалось для Польши тѣмъ же, чѣмъ было для Руси козакованье.

«Ротмистръ на Подольѣ»—это былъ терминъ, получившій даже и правовое признаніе, обозначающій шляхтича, который на собственный счетъ и рискъ занялся на пограничьѣ партизанской войной съ татарами. Для всякой истинно «рицерской» души По-

дольше представляло поле, гдѣ удаль могла широко размахнуться, а въ случаѣ удачи, и много выиграть: коли не пропалъ, то панъ. Такой шляхтичъ, задумавшій заняться ротмистрованіемъ, долженъ былъ прежде всего навербовать себѣ отрядъ удальцевъ, хотя бы въ нѣсколько десятковъ человѣкъ. У обывателей Подолья онъ всегда встрѣчалъ радушный пріемъ: край былъ такъ богатъ и такъ нуждался въ защитѣ, что пріютить на время и накормить молодцевъ не считалось за обремененіе. Случалась большая тревога—ротмистръ присоединялся къ старостѣ или какому-нибудь пану; въ другое время онъ сторожилъ татаръ на пограничныхъ курганахъ, самъ шелъ въ степь гоняться за татариномъ, дѣлалъ засады на волосскомъ шляху, иногда, соединившись съ другими ротмистрами, шелъ въ степи, подъ самое гнѣздо очаковскихъ или бѣлгородскихъ татаръ, какъ это сдѣлали въ 1529 г. Латальскій и Сѣнявскій, или направлялся вглубь Молдавіи, мстя волохамъ за пограничные набѣги. Удачное ротмистрованіе открывало шляхтичу дорогу не только къ богатству, но и къ почестямъ, къ видному уряду, пожалуй и къ сенаторскому креслу. Очень типиченъ въ этомъ отношеніи извѣстный Претвичъ, силезецъ родомъ, гроза татаръ и оборона кресовъ, о которомъ до сихъ поръ помнитъ народъ на Подольѣ: «за пана Претвица спала отъ татаръ граница», и жалобы на котораго доходили до самого падишаха. Претвичъ неустанно гоняется за татарами по степямъ, изучивъ до тонкости всѣ непріятельскіе «фортели и фигли»; нѣсколько разъ становится подъ Очаковымъ, Киліей, Бѣлгородомъ, освобождаетъ изъ неволи множество народа, отбиваетъ на милліоны награбленной движимости. Въ награду за свои заслуги, Претвичъ получилъ отъ Сигизмунда I барское, а потомъ трембовльское староство. Въ качествѣ барскаго старосты, Претвичъ имѣлъ поле дѣйствія общее съ брацлавскими козаками и, вѣроятно, оцѣнивъ преимущества козацкой организаціи и способа дѣйствій, онъ формируетъ на козацкій манеръ черемисовъ, жившихъ на земляхъ барскаго староства.

Только къ концу первой половины 16 вѣка защита Подолья была нѣсколько урегулирована; кварцяное войско [1]) должно было постоянно пребывать здѣсь, и вновь учрежденъ урядъ польнаго гетмана, въ обязанность котораго входило всегда держаться на кресахъ.

Что такое были подольскіе магнаты и какъ понимали они свою роль въ краѣ, это превосходно иллюстрируется молдавской политикой.

1) Кварцяное войско—наемное войско, на содержаніе котораго шла кварта, т. е. 4-я часть доходовъ со староствъ.

Молдавія издавна находилась въ запутанныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ: то признавала себя въ вассальной зависимости отъ нея, то вела съ ней вражду изъ-за пограничныхъ областей—Покутья и Шенинскаго округа. Когда же на Молдавію заявили притязанія турки, польское государство охотно готово было поступиться своими правами, чтобъ не дразнить слишкомъ могущественнаго врага. Но не такъ думали на этотъ счетъ подольскіе магнаты. Имъ отчетливѣе были видны выгоды, проистекающія изъ зависимаго положенія Молдавіи, а общіе государственные разсчеты задѣвали ихъ мало, и вотъ они ведутъ молдавскую политику, не давая себѣ труда сообразоваться съ общей политикой Рѣчи-Посполитой. Пользуясь хронической анархіей, на которую была обречена несчастная страна, гдѣ господарю почти никогда не удавалось досидѣть благополучно на тронѣ до своей естественной смерти, подольскіе паны то сажають господарей, то низвергають ихъ, вступають съ ними въ договоры, ведуть съ Молдавіей на собственный рискъ и страхъ войны, лишь извѣщая Рѣчь-Посполитую о случившемся. Гдѣ, кромѣ Польши, возможны были такія отношенія? гдѣ могъ рѣшиться подданный изъ личной мести захватить въ плѣнъ государя союзной державы, какъ это сдѣлалъ Христофъ Зборовскій съ господаремъ Богданомъ? Все это было, какъ было и многое другое, что такъ ярко рисуетъ польское «можновладство» вообще, окраинное въ частности.

Непосредственная близость къ востоку не могла не отразиться на Подольѣ. Было и смѣшеніе крови съ молдаванами и армянами, было и духовное воздѣйствіе. Конечно, этому воздѣйствію надо приписать жестокость нравовъ, проявлявшуюся, напримѣръ, въ утонченныхъ пыткахъ и казняхъ, жестокость, мало свойственную польскому національному характеру. Отсюда же, конечно, и склонность къ роскоши въ домашнемъ быту, къ дорогимъ коврамъ, мягкимъ диванамъ, блестящимъ погремушкамъ. Какой-нибудь угрюмый и невзрачный съ виду «замечекъ» часто заключалъ внутри чарующее сочетаніе восточной роскоши съ европейской утонченностью. Вообще, паны на Подольѣ жили весело, шумно и дружно: общая опасность и общая отвѣтственность связывала панство въ одинъ узелъ, котораго не расторгала даже и рознь религіозныхъ убѣжденій, хотя многіе подольскіе паны уже заражались «лютерскими еретическими новинками». Вѣротерпимость царила полная: подъ хоругвью пана католика или зараженнаго лютерской вѣрой, сражался православный русинъ кметъ или мѣщанинъ, рядомъ съ армяниномъ-грегорьянцемъ, черемисомъ-магометаниномъ и даже съ невѣрнымъ жидомъ. Правда,

католическое духовенство, глядя на православную русскую массу, уже мечтало о своей просвѣтительной и душеспасительной миссіи; но историческія условія еще не расчистили поля для его дѣятельности. А между тѣмъ эти историческія условія уже подготовлялись. Польская цивилизація, господствовавшая, хотя и не пускавшая еще глубокихъ корней, въ одной части края, скоро должна была разлиться на чужую бѣду и свою собственную гибель по всей обширной территоріи Украины.

II. Подъ польскимъ владычествомъ.

Конечно, въ исторіи не часто случаются политическіе факты, такъ богатые проистекающими изъ нихъ послѣдствіями, какъ была богата ими Люблинская унія 1569 г., связавшая Литовско-Русское и Польское государства въ одно политическое цѣлое.

Бѣдный Вольскій, королевскій дворянинъ, ѣздилъ нѣсколько мѣсяцевъ по Волыни, чтобъ собрать всѣ необходимыя подписи: волынскіе князья и земяне предпочитали подписывать унію на дому. Ясно, что они не слишкомъ-то торопились узаконить этотъ актъ, котораго такъ добивались поляки; но не было замѣтно и сопротивленія. Само-собою разумѣется, что владѣльному князю, въ родѣ Острожскаго, Люблинская унія ничего не могла прибавить, несмотря на всю полноту шляхетскихъ правъ, какую она несла съ собой, а убавить—она убавляла ужъ однимъ тѣмъ, что низводила его, хотя бы только de jure, на одинъ уровень съ другими, сравнивая въ одномъ общемъ понятіи шляхтича. Но большіе паны уже успѣли втянуться въ интересы польской жизни. Напр., Острожскій былъ женатъ на дочери знаменитаго гетмана Тарновской, которая принесла съ собою на Волынь атмосферу польской культуры, а главное —какъ разъ ко времени Люблинской уніи завязался споръ о громадныхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ Тарновскихъ между Острожскими и польскими претендентами: унія расчистила почву для рѣшенія спора въ пользу Острожскаго.

Какъ-бы то ни было, унія была подписана, и такимъ образомъ проведена демаркаціонная линія, которая разбила общество на двѣ части: надъ линіей все было сравнено въ полнотѣ шляхетскихъ правъ,—подъ нею все было погружено въ безправіи. Первой части общества слишкомъ легко было примѣняться къ новымъ условіямъ, второй—слишкомъ трудно. Конечно, до-поры до-времени все оста-

валось по-старому, по крайней мѣрѣ съ виду. Новыя правовыя нормы стояли пока въ отдаленіи, какъ идеальныя цѣли жизненныхъ стремленій: нельзя было сразу навязать русскому обществу польскихъ понятій о земельной собственности, объ отношеніи хлопа къ пану. Но это должно было сдѣлать время; а пока что, русскіе князья, земяне и бояре пріучались къ своимъ новымъ политическимъ правамъ, сеймикованью и выборамъ пословъ на сеймъ и депутатовъ въ трибуналъ, политическимъ интригамъ, публичному краснорѣчію. Но важнѣйшимъ изъ непосредственныхъ результатовъ унія былъ не этотъ: за такой результатъ надо, конечно, признать польскую колонизацію.

Дѣло польской исторіи рѣшить, въ силу чего польскій элементъ устремился съ такою энергіей на Украину, какъ только унія уничтожила преграды этому стремленію: для насъ важенъ, конечно, лишь фактъ. Въ томъ же роковомъ 1569 г. состоялась конституція, въ силу которой станы могли раздавать пустыя земли на кресахъ, въ качествѣ «panis bene merentis» (хорошо заслуженнаго хлѣба). Кто же были люди, достойные этого «panis bene merentis»? Конечно, магнаты. На Волыни не было пустыхъ земель: свои князья давно поразобрали все, что можно было забрать. Полѣсье тоже было занято, да къ тому же и не особенно привлекательно. За то Брацлавское и Кіевское воеводства, по новой польской административной терминологіи,—и въ особенности послѣднее,—представляли запасъ свободныхъ земель, фактически почти неисчерпаемый, еслибъ не польско-магнатскій способъ захватывать земли цѣлыми областями. Напр., Валентій Калиновскій получилъ въ даръ Уманскую «пустыню»: чтобъ объѣхать ея границы, надо было скакать на добромъ конѣ нѣсколько дней. Но главную притягательность для захвата представляла собою бывшая Кіевская земля съ ея необъятной территоріей, неопредѣленно уходящей въ дикія степи, съ ея благодатной почвой и слабой, спорадической населенностью. Кіевскія окраины, переходящія съ лѣваго берега Днѣпра на правый, составляли какъ-бы цѣлый поясъ огромныхъ королевщинъ, отдѣляющихъ Польское государство отъ остального свѣта: любецкое, остерское, переяславское, каневское, черкасское, корсунское, богуславское и бѣлоцерковское. Поляновскимъ миромъ предѣлы его были еще расширены на счетъ Сѣверной земли. Заднѣпровскія земли пошли почти всѣ въ однѣ руки—Іереміи Вишневецкаго, владѣнія котораго занимали всю теперешнюю Полтавскую и большую часть Черниговской губ. Но это имѣло мѣсто уже въ концѣ разсматриваемой эпохи; да и о терри-

торія лѣвобережной Украины мы упомянули лишь ради иллюстраціи. Вообще, надо сказать, что общее стремленіе крупныхъ польскихъ пановъ захватывать себѣ земли на Украинѣ обнаружилось въ полной силѣ лишь нѣсколько позднѣе; пока же разбирали королевщины, или просто пустыя урочища, польскіе магнаты, на первомъ планѣ: Конецпольскіе, Калиновскіе, Сѣнявскіе, Замойскіе, а частью тѣ же волынскіе—князья Острожскіе, Вишневецкіе, Заславскіе, Збаражскіе.

Польскіе магнаты приводили съ собою на Украину и мелкую служебную шляхту—это не могло быть иначе. Но шляхта эта стремилась сюда и самостоятельно, стремилась неудержимо еще и до того, какъ магнаты развернули во всю ширину свою колонизаціонную дѣятельность. Изъ Великой Польши, Силезіи, Поморья тянулась на благодатный украинскій югъ «загоновая» шляхетская бѣднота, влекомая увѣренностью, что стоитъ ей добраться до мѣста, а тамъ уже ее ждутъ, если не богатство, то довольство. И въ самомъ дѣлѣ, земли было сколько угодно, и какой земли! Но тѣмъ не менѣе не такъ-то легко было извлечь что-нибудь изъ земли такому шляхтичу, у котораго былъ только конь да сабля. И если его не выручалъ какой-нибудь случай—выгодная женитьба, участіе въ удачной военной экспедиціи въ Молдавію, противъ татаръ,—то ему ничего не оставалось, какъ пристать къ какому-нибудь панскому двору и выжидать панской ласки. Конечно, можно было и не дождаться этой ласки, и тогда шляхтичъ увеличивалъ собою массу недовольныхъ, безпокойныхъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ и потому всегда на все готовыхъ элементовъ, которыхъ безъ того въ избыткѣ выдѣляла украинская жизнь. Панская же ласка давала возможность шляхтичу «врости въ землю»; за «вросненьемъ» слѣдовало занятіе мелкихъ урядовъ, затѣмъ покрупнѣе—и новый шляхетскій родъ вступалъ на дорогу роста, который шелъ иногда, на тучной украинской почвѣ, въ ея исключительныхъ условіяхъ, съ поразительной быстротой. Выростало, случалось, такимъ образомъ даже и настоящее магнатство, напримѣръ: Яблоновскіе. Но была и средина между магнатомъ, который представлялъ собою колесо политическаго механизма и въ качествѣ частицы государственной силы какъ-бы завоевывалъ новую территорію, и описаннымъ выше шляхетскимъ голышемъ, искателемъ фортуны. Средину эту занималъ предпріимчивый шляхтичъ, которому или не везло на родинѣ, или который былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и не видѣлъ возможности его измѣнить на старомъ пепелищѣ. Онъ продавалъ свое имущество или отдавалъ его «въ державу», забиралъ съ собою деньги и отправлялся на Украину, имѣя съ чѣмъ осѣсть

на новомъ мѣстѣ. Оглядѣвшись, онъ отправлялся къ какому-нибудь пану и просилъ уступить ему кусокъ земли. Тотъ, конечно, не отказывалъ, такъ какъ пустой земли лежало сколько угодно, а непосредственныя выгоды отъ уступки ясны: взявшій землю позаботится о томъ, чтобъ на ней были люди, сначала хоть дворовая челядь, а потомъ и земледѣльческія хозяйства, и такимъ образомъ земля получитъ цѣнность, которой у нея не было; притомъ же, такой шляхтичъ есть во всякомъ случаѣ лишняя вооруженная единица. Но иногда шляхтичъ бралъ не пустую землю, а населенную; въ такомъ случаѣ онъ вручалъ пану деньги, какъ-бы помѣщая у него свой капиталъ, и начиналъ хозяйничать на землѣ, сбиралъ доходъ отъ населенія въ видѣ процентовъ на этотъ капиталъ. Это называлось «заставнымъ державствомъ». Кромѣ того, осѣдало на Украинѣ много шляхты изъ военныхъ людей, заходившихъ сюда съ войскомъ, ротмистры, поручики, намѣстники, товарищи хоругвей, иногда остававшіеся здѣсь подолгу «на лежахъ»; ознакомившись съ мѣстными условіями и оцѣнивши всѣ ихъ выгоды, эти военные люди часто обзаводились осѣдлостью.

А было еще и то, что изъ Польши просто бѣжали или укрывались на Украину преступники, преслѣдуемые закономъ, должники отъ кредиторовъ, боящіеся чьей-нибудь мести. Но обыкновенно кто бы и какъ ни попадалъ на Украину, онъ сживался съ своей новой родиной и не стремился уже назадъ: слишкомъ много было здѣсь привлекательнаго для всякаго, у кого разъ хватило рѣшимости порвать съ насиженнымъ гнѣздомъ.

За шляхтой тянулось и католическое духовенство, никогда не забывающее о своей просвѣтительной и душеспасительной миссіи.

И такъ, Люблинская унія снесла плотину, разгораживавшую Польшу отъ Литовско-русскаго государства, и на Украину хлынула польская волна. Конечно, бѣда была не въ волнѣ: Украина была такъ обширна, мало населена и богата естественными своими богатствами, что ей ничего не стоило пріютить и прокормить и гораздо большую по численности массу людей. Дѣло въ характерѣ этой волны: вѣдь все это была шляхта, т. е. классъ людей, предполагавшій собою существованіе другого класса—хлопскаго, который долженъ его кормить. А между тѣмъ, кметей изъ Польши не шло совсѣмъ или почти совсѣмъ. Такимъ образомъ, нахлынувшая шляхта вся должна была какъ-то прокармливаться и рости на счетъ наличнаго земледѣльческаго русскаго населенія. Но это послѣднее, естественно, не было расположено увеличивать своей тяготы, а отъ

насилія имѣло возможность укрываться въ степяхъ. Ясно, что съ наплывомъ польской шляхты въ условіяхъ украинской жизни произошло измѣненіе, невыгодное для ея равновѣсія. Часть шляхты, приспособляясь къ условіямъ, садилась на землю и начинала сама лично заниматься земледѣліемъ, и въ концѣ концовъ «хлопѣла» и «русѣла». Но это не могла быть значительная часть: для этого поляки были слишкомъ проникнуты чувствомъ своей высшей культурности, а также и сознаніемъ политическаго верховенства своихъ соціальныхъ принциповъ.

Люблинская унія, какъ извѣстно, не налагала никакихъ стѣсненій по отношенію къ русской народности, ея языку, ея религіи: первымъ стѣсняющимъ актомъ по отношенію къ религіи была Брестская унія 1596 г.; а языкъ и другіе элементы національности пока не подвергались никакимъ ограниченіямъ. Но вліяніе польской культуры начало обнаруживаться уже тогда, когда не было рѣчи ни о какихъ насильственныхъ воздѣйствіяхъ. Обнаруживалось оно, конечно, лишь на высшемъ классѣ русскаго населенія, на тѣхъ, кто получилъ права польской шляхты, и сначала тамъ, гдѣ русскіе земяне были слабѣе численно и поставлены въ зависимость отъ польскихъ магнатовъ. Такъ напр., слѣды такого ополяченія мы замѣчаемъ у земянъ Брацлавщины, которые находятся подъ вліяніемъ Потоцкихъ и Конецпольскихъ, захватившихъ почти все такъ называемое побережье. По крайней мѣрѣ, на такое ополяченіе намекаютъ эти прозвища, передѣланныя на польскій ладъ и иногда изобличающія довольно странную и какъ-бы юмористическую фантазію, въ родѣ напр. «Дзика (кабана) де Свиняны», извѣстнаго сподвижника Стефана Хмелецкаго. Но тамъ, гдѣ русское населеніе не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскаго, какъ напр. на Волыни, земяне обнаруживаютъ пока большую привязанность къ своимъ національнымъ особенностямъ. Къ тому же у нихъ были братства, которыя волынскіе князья и земяне горячо поддерживали; были, наконецъ, такіе столпы народности, какъ князь Василій Острожскій со всѣми его просвѣтительными учрежденіями, какія онъ устраивалъ въ Острогѣ, русской типографіей, академіей, семинаріей и школами. Но какъ непрочны были эти столпы, видно изъ того, что когда, напр., Острожскій женился на Тарновской, въ брачное условіе было внесено, что сыновья будутъ слѣдовать религіи своего отца, а дочери — матери; а старшій сынъ Острожскаго Янушъ съ юныхъ лѣтъ оказался ревностнымъ католикомъ. Очень интересенъ для характеристики тогдашняго положенія Волыни, этого главнаго центра русской народности, одинъ документъ.

Это завѣщаніе богатаго земянина волынскаго Загоровскаго, состоявшаго въ родствѣ съ княжескими домами, который попадаетъ въ плѣнъ къ татарамъ и оттуда, изъ Крыму, дѣлаетъ нѣкоторыя распоряженія на счетъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Онъ приказываетъ устроить въ своемъ имѣніи церковь по образцу той, какую у себя устроилъ князь Курбскій, а при ней, такъ же, какъ и при другой церкви во Владимірѣ, по шпиталю, каждый на 20 человѣкъ; но главнѣйшая его забота о дѣтяхъ, сыновьяхъ. Загоровскій горячо умоляетъ опекуновъ позаботиться, чтобы дѣти не забыли «своего русскаго письма, своего русскаго языка, честныхъ и покорныхъ русскихъ обычаевъ, а главнѣе всего своей вѣры»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказываетъ отослать дѣтей въ Вильно «до іезуитовъ, потому что хвалятъ тамошнюю добрую методу преподаванія», и выражаетъ желаніе, чтобы они оставались въ обученіи, не выходя ни на минуту изъ школы, въ теченіе 7 лѣтъ, потому что только такимъ образомъ они могутъ, по его мнѣнію, какъ слѣдуетъ «отполироваться». Можно представить себѣ, что могло остаться изъ народныхъ традицій у этихъ русскихъ мальчиковъ послѣ семи лѣтъ іезуитской полировки.

Но пока еще ополяченіе не связывалось необходимо съ католичествомъ, за которымъ не стояло насиліе въ видѣ государственнаго воздѣйствія. Политика Стефана Баторія, какъ и политика Ягеллоновъ, была свободна отъ религіозной нетерпимости; все это принесло съ собою лишь несчастное царствованіе Сигизмунда III, да и то не сразу. Мало того: положеніе вещей въ самомъ польскомъ обществѣ было такое, что польская культура, являясь на Украинѣ во второй половинѣ 16-го в., привлекала къ себѣ симпатіи высшаго класса русскаго общества главнымъ образомъ религіознымъ раціонализмомъ, который она несла съ собою, въ видѣ лютеранства, кальвинизма, социніанства съ ихъ разными толками и сектами. А какъ мало было въ этомъ слагающемся молодомъ украинскомъ обществѣ, съ его неперебродившими и неустоявшимися элементами религіознаго фанатизма, видно изъ того, что мелкая католическая шляхта, наново селившаяся здѣсь, крестила дѣтей, совершала вѣнчанья, похороны въ православныхъ церквахъ, такъ что понадобилось особое распоряженіе Баторія, запрещающее православному духовенству подъ угрозой большого штрафа исполнять требы для католиковъ, а съ другой стороны, низовые козаки безъ малѣйшихъ затрудненій принимали католиковъ въ свое общество.

Религіозный раціонализмъ, занесенный изъ Польши, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ на Украинѣ. И при томъ надо замѣтить, что здѣсь распространялись болѣе крайнія секты. Кальвинизмъ не вы-

ходилъ за предѣлы Подолья, гдѣ его прививалъ Янъ Потоцкій, устроившій въ Паніовцахъ Кальвинскую академію; въ русскихъ же украинскихъ областяхъ находили горячихъ сторонниковъ социніане, аріяне, антитринитаріане—все крайнія секты, не останавливавшіяся передъ «demoliendum dogma Trinitatis». Главными очагами аріанской пропаганды были Раковъ и Люблинъ: отсюда аріанство расходилось, изъ одного панскаго двора въ другой, по Волыни, заходило въ пустынное еще кіевское воеводство, забиралось и въ полѣсскія пущи. Украинская шляхетская молодежь ѣздила учиться въ Раковскую академію, которая могла соперничать съ іезуитскими школами какъ въ изученіи классическихъ языковъ, такъ и діалектики. Но на Волыни появилась и своя аріанская школа въ Киселинѣ, которая нѣсколько позже выросла до степени академіи; такая же школа была въ Хмѣльникѣ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ, въ средней Волыни, по направленію отъ Киселина къ Житомиру, при панскихъ дворахъ были аріанскія каплицы, а при нихъ и низшія училища. Въ Кіевскомъ воеводствѣ сдѣлался главнымъ покровителемъ аріанства старый русскій земянскій родъ Немиричей; на Волыни— Чапличи. Въ качествѣ ихъ сторонниковъ выступаетъ множество и польско-шляхетскихъ, и чисто русскихъ земянскихъ родовъ.

Но, конечно, какъ до Брестской уніи, такъ и послѣ нея, старое православіе, восточнаго обряда, составляло все-таки преобладающую религію русскаго населенія, между прочимъ, и русской шляхты.

Оставимъ однако пока въ сторонѣ тѣ интеллектуальныя воздѣйствія, которыя принесла съ собою польская колонизація, а остановимся на ея ближайшихъ практическихъ результатахъ. Результаты эти, по нашему мнѣнію, группируются около двухъ фактовъ.— Первымъ изъ нихъ надо считать усиленіе защиты.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый отдѣльный шляхтичъ, прибывшій на Украину, представлялъ собою вооруженную и опытную въ военномъ дѣлѣ единицу; каждый осѣвшій на землѣ шляхтичъ былъ маленькимъ организаціоннымъ пунктомъ защиты. Болѣе же энергичные изъ магнатовъ организовали защиту умѣло и на широкую ногу. Возьмемъ, напр., хоть-бы Замойскихъ. Замойскіе тоже перебрались съ Подолья на русскую Украину и принялись за колонизацію своихъ огромныхъ имѣній со страстнымъ увлеченіемъ. Но успѣхъ колонизаціи, конечно, зависѣлъ самымъ тѣснымъ образомъ отъ успѣха защиты, и организація защиты была у нихъ поставлена превосходно. Отъ Паволочи до Тарнополя, на страшно растянутой линіи ихъ земель, гдѣ раскидано было до 110 мѣстечекъ и около 200 деревень, имъ принадлежащихъ,

постоянно дѣйствовалъ сторожевой отрядъ, въ 600—800 человѣкъ, организованныхъ по-казацки. Отрядъ этотъ находился подъ предводительствомъ такого тонкаго знатока и необычайно энергичнаго человѣка, какъ Стефанъ Хмелецкій, который всю жизнь проводилъ въ степи верхомъ на конѣ и былъ здѣсь, какъ у себя дома, который умѣлъ угадывать безошибочно по полету птицы, по всполошенному звѣрю, не только то, что приближается чамбулъ, но и какъ онъ великъ, далеко-ли онъ и т. п. Конечно, такая организація защиты требовала большихъ жертвъ со стороны владѣльца: Томасъ Замойскій съ королевскою щедростью предоставилъ Хмелецкому цѣлую волость «въ ласкавую (безплатную) державу», не говоря уже о громадныхъ прочихъ расходахъ такого хозяйничанья на государственную ногу. Если прибавить къ этимъ панскимъ заботамъ то обстоятельство, что теперь на Украинѣ должно было постоянно пребывать кварцяное войско съ польнымъ гетманомъ, то ясно, какъ должна была выиграть Украина, особенно если припомнимъ, что гетманами, многіе годы дѣйствовавшими на Украинѣ, были такіе люди, какъ Жолкѣвскій и Конецпольскій. Немудрено, что и на дѣйствіяхъ татаръ какъ-бы отражается вліяніе измѣняющихся условій: они, повидимому, начинаютъ воздерживаться отъ постоянныхъ нападеній небольшими чамбулами, а снаряжаютъ уже цѣлыя военныя экспедиціи, формальные походы.

Вторымъ важнымъ фактомъ, вытекшимъ изъ колонизаціи, является чрезвычайный и трудноудовлетворяемый спросъ на хлопа, на рабочія руки. Надо было привлекать населеніе какими-то особенными мѣрами, приманкой полной безопасности, чрезвычайными льготами, въ родѣ свободы отъ всякихъ повинностей на многіе годы, обѣщаніемъ матеріальной помощи, напр.—постройки хорошихъ хатъ и проч., наконецъ, даже магдебургскимъ правомъ. Приходилось смотрѣть сквозь пальцы на сомнительное прошлое этихъ хлоповъ, даже прикрывать ихъ передъ закономъ: по крайней мѣрѣ на Яна Замойскаго внесена была жалоба въ сеймъ, что «онъ имѣнія свои осадилъ бѣглецами и гультяями съ удивительными и неслыханными вольностями». Да и что же оставалось дѣлать такому украинскому владѣльцу, одолѣваемому колонизаторской горячкой? Бывало и еще хуже: владѣльцы побезцеремоннѣе просто переманивали хлоповъ у сосѣдей, а случалось, при враждѣ и насильственно ихъ переводили, позабравши въ плѣнъ, а такихъ плѣнниковъ придерживать приходилось иногда и угрозой пытки и казни.

Но русская жизнь въ лицѣ козачества сама выработала себѣ защиту, которая имѣла крайне непріятное для шляхетства свойство вбирать въ себя, съ большою интенсивностью, хлопство, рабочія руки.

Отсюда непріязненное отношеніе польскаго строя, начинавшаго обхватывать собою Украину, къ козачеству было неизбѣжнымъ. Тотъ или другой отдѣльный магнатъ, гетманъ, уже не говоря о рядовой шляхтѣ, могъ питать самыя дружескія чувства къ козачеству—въ общей враждѣ къ невѣрному востоку была благодарная почва для такихъ чувствъ, но общія условія въ концѣ концовъ должны были взять верхъ надъ личными симпатіями и частными отношеніями.

Въ одномъ мѣстѣ степей, какъ уже было сказано выше, козачество успѣло сложиться въ организацію съ чертами политическаго характера. Это было на южныхъ границахъ Кіевскаго воеводства,—на днѣпровскихъ островахъ, за порогами, на такъ называемомъ Низу или Запорожьѣ. Къ этому пункту тяготѣли всѣ козацкіе элементы, разбросанные по русской Украинѣ, кромѣ, конечно, козацкихъ милицій, содержимыхъ крупными владѣльцами при своихъ дворахъ, милицій, не имѣвшихъ ничего общаго съ настоящими козаками, кромѣ названія и нѣкоторыхъ военныхъ пріемовъ.

Нельзя назвать точно времени, къ какому слѣдуетъ пріурочить возникновеніе козацкаго Низоваго, т. е. Запорожскаго «братства»: повидимому, къ началу 16-го в. оно уже существовало. По крайней мѣрѣ, документы этой эпохи упоминаютъ о низовыхъ козакахъ, которые появляются со своими товарами на рынкахъ г. Кіева и гуляютъ тамъ. Вѣроятно, только незначительная часть козаковъ оставалась постоянно на островахъ; большинство расходилось зимой по Украинѣ: извѣстно, что масса низовцевъ проживала въ Брацлавщинѣ.

Писатели польскіе той эпохи, Папроцкій и Бѣльскій, отзываются о козакахъ съ большимъ сочувствіемъ: они удивляются ихъ рыцарскому духу, ихъ неутомимости въ борьбѣ съ невѣрными. Повидимому, никакого племенного или религіознаго антагонизма между козацкимъ братствомъ и польскимъ элементомъ сначала нѣтъ и тѣни. Сыновья русскихъ князей и земянъ, какъ и подольскихъ магнатовъ, одинаково ѣздятъ на Запорожье, чтобы обучаться тонкостямъ «татарскаго танца».

Низовцы добровольно приглашаютъ въ гетманы Самуила Зборовскаго, сына одного изъ могущественнѣйшихъ польскихъ магнатскихъ родовъ, и вопросъ о разновѣрьи не выступаетъ ни малѣйшимъ намекомъ во всей эпопеѣ его козацкихъ похожденій. Польскій шляхтичъ, являясь на Запорожье, долженъ былъ оставить дома свой гербъ, свое фамильное имя, прибрать себѣ прозвище, приличное его новой демократической средѣ, а дальше уже дѣло шло лишь о его мужествѣ, выносливости, преданности общимъ интересамъ. Такъ было до-поры до-времени.

Могло-ли государство относиться безразлично къ новому политическому тѣлу, возникающему на его границахъ, поддерживающему съ нимъ постоянныя сношенія и, такъ сказать, питающемуся соками своей метрополіи? Очевидно, нѣтъ. Въ видахъ внѣшней политики, Стефанъ Баторій могъ дѣлать туркамъ такое объясненіе относительно козаковъ: «Это горстка разноплеменныхъ бродячихъ людей, не имѣющихъ ни постоянной осѣдлости, ни права, и ни отъ кого не зависящихъ». Но потребностямъ внутренней политики не могла удовлетворять такая формулировка. Пока еще государство оставалось литовско-русскимъ, уже и тогда чувствовалась необходимость какъ-нибудь урегулировать козачество; но вызванное Люблинской уніей обостреніе отношеній сдѣлало эту необходимость жгучей. Однако, положеніе вещей было такъ сложно, что остановиться сразу на какомъ-нибудь рѣшеніи было невозможно, и вѣсы польской политики долго колебались. Украина не могла быть подчинена польскому общественному строю до тѣхъ поръ, пока существовало козачество въ его старомъ видѣ — это ясно, какъ не менѣе ясно было и то, что козачество составляло такой барьеръ отъ татаръ, снести который едва ли было возможно и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ рискованно. Тѣ самые паны, которые постоянно страдали отъ того, что хлопъ выскальзывалъ у нихъ изъ рукъ, оставляя невоздѣланными ихъ роскошныя нивы, рука объ руку съ этимъ окозаченнымъ хлопомъ дѣлали погони за татарами, садили господарей на молдавскій тронъ и такимъ образомъ невольно воспитывали въ себѣ симпатію и уваженіе къ нему. Но въ концѣ концовъ одна чашка вѣсовъ должна была неизбѣжно перетянуть: выработался такой взглядъ на положеніе дѣлъ, что козаки вредятъ государству, такъ какъ дразнятъ постоянными нападеніями татаръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и турокъ—своимъ вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла. Можетъ быть, кое-что въ этомъ взглядѣ слѣдуетъ приписать и близорукости варшавскаго кабинета. Варшавскіе политики, слишкомъ удаленные отъ мѣста дѣйствія, могли и серьезно себѣ представлять, что безъ вызова со стороны козаковъ татары будутъ удовлетворяться «упоминками», которые ежегодно шли отъ польскаго двора въ Крымъ. Они могли и не соображать, что одно удачное нападеніе доставляло татарамъ въ нѣсколько разъ больше выгоды, чѣмъ 15,000 червонныхъ золотыхъ вмѣстѣ съ златоглавыми и адамашками, луньскими и иными сукнами,—соболями, куницами, лисицами. Да еще и могъ-ли перекопскій царь съ царевичами и мурзами удержать отъ нападеній бѣлгородскихъ, буджакскихъ, очаковскихъ татаръ, т. е. ногайцевъ? А на счетъ молдавскихъ дѣлъ, польскіе политики тоже очевидно забывали, что первый походъ козаковъ въ Мол-

давію подъ предводительствомъ князя Димитрія Вишневецкаго былъ сдѣланъ по иниціативѣ польскаго пана Ласкаго, который разорился на молдавскихъ проектахъ; а подольскіе магнаты считали молдавскія дѣла чуть-ли не своими собственными. Выработалось убѣжденіе, энергическимъ представителемъ котораго былъ король Стефанъ Баторій, что козачество должно быть преобразовано изъ вольнаго братства въ пограничную стражу, опредѣленнаго комплекта, на постоянномъ жалованьи, съ «старшимъ», утвержденнымъ правительствомъ. Всѣ самостоятельныя политическія дѣйствія козачества должны быть строго преслѣдуемы, какъ противозаконныя и вредящія интересамъ государства.

Первымъ яркимъ проявленіемъ этой точки зрѣнія на козачество надо считать казнь Ивана Волошина или Подковы въ 1578 году.

Кто таковой былъ этотъ Иванъ Волошинъ, — теперь уже возстановить этого невозможно; неизвѣстно даже точно, какъ онъ прозывался — Подковой или Серпягой. Были-ли у него дѣйствительно какія нибудь формальныя права на молдавское господарство въ видѣ родства съ бывшимъ господаремъ Ивоней, которому помогалъ козацкій атаманъ Свирговскій, или онъ былъ просто запорожской креатурой,— однимъ изъ тѣхъ «господарчиковъ»,—самозванцевъ, какіе изготовлялись въ Запорожьѣ—дѣло темное. Несомнѣнно, что онъ былъ родомъ русскій; несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ съ достоинствами. «Всѣ люди того Подкову жалѣли, говоритъ польскій хроникеръ, а король даже не рѣшился казнить его въ Варшавѣ, чтобы не дѣлать непріятности шляхтѣ, собранной на сеймъ, такъ какъ послы (депутаты) просили за него. Когда же казнили Подкову во Львовѣ, то король распорядился, чтобы войско стояло наготовѣ, и для усиленія его далъ своихъ гайдуковъ, такъ какъ боялся народнаго волненія, которое могли произвести козаки, появившіеся въ большомъ числѣ въ городѣ».

Изъ этого видно, что мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-нибудь простымъ бродягою, случайно выдвинутымъ на сцену. Запорожцы сдѣлали двѣ экспедиціи со своимъ атаманомъ Шахомъ, чтобы водворить Подкову на господарствѣ, и это имъ удалось. Но господарствовалъ онъ всегда два мѣсяца и долженъ былъ бѣжать назадъ на Украину. Любопытно, что главнымъ организаторомъ этихъ походовъ, повидимому, былъ польскій шляхтичъ Копыцкій; польскіе же магнаты, пограничные староста и воеводы, всѣ эти Бучацкіе, Мелецкіе, Збаражскіе относились ко всему совершающемуся передъ ихъ глазами съ видимымъ участіемъ. Необходимы были рѣшительныя мѣры со стороны столь вообще рѣшительнаго человѣка, какъ Стефанъ Баторій, чтобы побудить

воеводу брацлавскаго, въ районѣ котораго расположился Подкова съ запорожцами, выслать Подкову въ Варшаву. Да и то дѣло обошлось безъ всякаго насилія. Подкова самъ охотно отдался въ руки короля, въ надеждѣ на милость: но на короля, раздраженнаго козацкимъ самовольствомъ, сильно напиралъ чаушъ, прибывшій съ укоризненнымъ посланіемъ отъ султана, и посолъ молдавскаго господаря. Итальянецъ Талдуччи, очевидецъ, оставилъ подробное описаніе казни Подковы, между прочимъ написалъ и тѣ слова, съ которыми осужденный обратился къ народу передъ казнью. Слова эти очень характерны. «Господа поляки, говорилъ онъ, иду на смерть, не знаю за что, потому что не помню, чтобы я въ жизни сдѣлалъ что-нибудь, заслуживающее такого конца. Хорошо знаю то, что всегда бился храбро и по-рыцарски противъ врага христіанскаго и что всегда трудился на корысть и добро края, желая твердо быть для него стѣной и крѣпостью противъ невѣрныхъ, такъ, чтобы они въ границахъ своихъ оставались. Ничего больше не знаю, только то, что умираю отъ руки палача, потому что турокъ, поганая собака, велѣлъ это сдѣлать вашему королю, своему подданному, и вашъ король тому (палачу) приказалъ. Наконецъ, для меня одного все это не много значитъ, но держите въ памяти, что скоро то, что со мной случилось, и васъ пристигнетъ, и ваше имущество, головы ваши и вашихъ королей будутъ отвезены въ Царьградъ, какъ только та поганая собака прикажетъ».

Какъ все это дышетъ спокойной вѣрой не только въ свою личную правоту, но и въ правоту того дѣла, за которое пострадалъ осужденный. Тѣло его козаки отвезли на Украину. Это былъ первый рѣшительный шагъ по роковому пути, который привелъ къ гибели и Польшу, и Украину. Польская политика, у руля которой стоялъ Стефанъ Баторій, начала все сильнѣе и сильнѣе напирать на козаковъ. Король слалъ на Украину универсалъ за универсаломъ со строгими, стѣснительными распоряженіями по отношенію къ непослушнымъ запорожцамъ. «Отъ этого времени, писалъ онъ пограничнымъ старостамъ, чтобы никто не смѣлъ Низовцевъ у себя принимать, ни ихъ защищать, давать имъ селитру, порохъ, свинецъ, съѣстные припасы»... «Приказываемъ,—пишетъ онъ къ Острожскому, который, какъ кіевскій воевода, имѣлъ Запорожье въ своемъ яко-бы административномъ вѣдѣніи,—чтобы ясновельможный князь Острожскій отправился на Днѣстръ и выгналъ оттуда этихъ разбойниковъ Низовцевъ, а которыхъ достанетъ,—чтобы казнилъ»... Возможно-ли все это было? возможно-ли было «раскозаковать» не одинъ десятокъ тысячъ сильныхъ и до высокой степени мужественныхъ и привыкшихъ къ свободѣ людей и усадить ихъ на землѣ,

гдѣ имъ угрожало подданство? Варшава думала, что такія стѣсненія заставятъ ихъ подчиняться реестрованію. Въ этомъ смыслѣ состоялось въ 1589—90 г. первое сеймовое постановленіе относительно Запорожья, «Порядокъ со стороны Низу и Украины», заключавшее рядъ суровыхъ постановленій, направленныхъ противъ козачества и угрожавшихъ ему въ случаѣ ослушанія полной гибелью. Жизнь тотчасъ же дала отвѣтъ на предъявленныя ей политикой требованія: прошло всего только три года, и разразился первый бунтъ, бунтъ Косинскаго. Дѣло было такъ. Тотчасъ вслѣдъ за смертью Баторія козаки вознаградили себя тѣмъ, что предприняли большіе походы на татаръ: Очаковъ пошелъ съ дымомъ, Козловъ сравненъ съ землей; они воспользовались тѣмъ, что паны украинскіе отправились въ Варшаву на элекцію, уводя съ собою и свои милиціи; князь Острожскій имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ, такъ что его въѣздъ въ Варшаву занялъ на цѣлый день вниманіе столицы. За козацкими нападеніями послѣдовалъ тотчасъ же реваншъ со стороны татаръ, которыхъ козакамъ опять-таки удалось ограбить на возвратномъ пути, и жалобы и угрозы Варшавѣ со стороны Порты. Въ половинѣ 1590 г. придумана была новая стѣснительная мѣра: для усмиренія украинскаго своеволія была учреждена спеціальная сторожа въ тысячу человѣкъ, и на урочищѣ Кременчугѣ предположено устроить новый зáмокъ. Все это поручено было очень опытному въ пограничныхъ дѣлахъ человѣку Язловецкому, который носилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и титулъ «старшого войска Запорожскаго», т. е. начальника реестровыхъ козаковъ и долженъ былъ стеречь, чтобы отъ козачества не было «зацѣпки сосѣднимъ государствамъ». Язловецкій поддерживалъ дружескія отношенія съ козаками и не ухудшилъ положенія лишнимъ вмѣшательствомъ; но за тоже онъ и оставался лишь номинальнымъ старшимъ въ то время, какъ въ степи дѣйствовали, то и дѣло смѣняя одинъ другого, фактическіе старшіе. Такимъ «атаманомъ козацкимъ и всего войска на Низу» былъ Косинскій, который успѣлъ не только соединить около себя купы своевольныхъ, т. е. нереестровыхъ козаковъ, но привлекъ и реестровыхъ, обѣщая имъ жалованье, которое вѣчно задерживало польское правительство.

Косинскій былъ польскій шляхтичъ, изъ служебныхъ дворянъ князя Василія Острожскаго. Повидимому, у Косинскаго было и личное раздраженіе противъ князя; но, во всякомъ случаѣ, Острожскій, какъ кіевскій воевода, а, слѣдовательно, главный исполнитель требованій государства, имѣлъ поводъ къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Запорожьемъ. Собравши козаковъ, зимой 1591 г. нападаетъ Косинскій на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, на Бѣлую Церковь, лежавшую въ

то время на самомъ рубежѣ степей; Бѣлая Церковь, куда татары заглядывали, по образному выраженію одного тогдашняго писателя, «какъ псы на кухню», принадлежала вмѣстѣ съ огромнымъ пространствомъ земли князю Янушу Острожскому, воеводѣ волынскому. Безъ всякаго сопротивленія забралъ Косинскій у бѣлоцерковскаго подстаросты деньги и драгоцѣнности, принадлежащія князю Острожскому, и всѣ его бумаги, которыя тоже хранились здѣсь: уничтоженіе документовъ характеризуетъ собою всѣ козацкія волненія. Очевидно, это былъ сознательный протестъ противъ правъ, вещественнымъ выраженіемъ, а иногда и основаніемъ которыхъ были эти документы. Но вслѣдъ за этимъ Косинскій скрылся въ степи и не появлялся на Украинѣ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. А между тѣмъ на Украинѣ всюду что-то творилось неладное. Цѣлая Кіевщина и Брацлавщина были покрыты сѣтью маленькихъ отрядовъ своевольныхъ людей, занимающихся грабежемъ земянъ и мѣщанъ. Всюду чувствовалось присутствіе горючаго матеріала, который пока только дымилъ, но каждую минуту могъ вспыхнуть и залить пожаромъ весь край. Волненіе распространялось дальше, на Волынь, на Подолье. Въ началѣ 1592 г. появились на кресахъ коммиссары, высланные королемъ, съ уполномочіями относительно усмиренія «людей своевольныхъ, которые учиняютъ великіе и неслыханные шкоды, кривды, грабежи и убійства, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ деревняхъ»... Но что значили коммиссары со всѣми ихъ полномочіями и грозными листами, если угрозы и полномочія не подпирались военной силой? Язловецкій двинулся въ Хвастовъ и оттуда уговаривалъ запорожцевъ вести себя спокойно, въ предѣлахъ требованій, предъявляемыхъ государствомъ и выдать Косинскаго, какъ главнаго зачинщика смуты. Но все это ни къ чему не повело, а между тѣмъ Низовцы похозяйничали въ Кіевѣ, забрали тамъ «пушки, порохъ и всякую стрѣльбу». Къ осени появился изъ степей и Косинскій, но теперь уже во главѣ настоящаго хорошо вооруженнаго войска... Народъ привѣтствовалъ это запорожское войско, укрѣпленныя мѣстечка отворяли ему свои ворота, православное духовенство встрѣчало его со звономъ, пѣніемъ и хоругвями, съ водосвятіемъ. Косинскій сбиралъ подати съ народа, требовалъ отъ шляхты и мѣщанъ «послушенства» и присяги на вѣрность козачеству; мѣста, гдѣ встрѣчалъ отпоръ, приказывалъ жечь и грабить. Впрочемъ, въ Брацлавщинѣ онъ не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія; наткнулся на него онъ лишь на Волыни, гдѣ было гораздо больше земянъ. Войско Косинскаго заняло Острополь, любимое мѣстечко князя Острожскаго, богатое и очень удобное по своему положенію на границѣ Волыни съ благопріятной

для запорожцевъ Брацлавщиной, и укрѣпился здѣсь. Не дремалъ и князь Острожскій. Онъ просилъ о помощи короля, а пока самъ, съ сыномъ, началъ организовать защиту изъ подданныхъ, служебныхъ людей, подчиненной или дружественной шляхты. Любопытно то, что польный гетманъ Жолкѣвскій, который стоялъ недалеко отъ границъ Волыни съ короннымъ войскомъ, не тронулся съ мѣста на помощь, какъ бы все совершавшееся на Волыни было лишь частнымъ дѣломъ князя Острожскаго. Между тѣмъ король прислалъ универсалъ, сзывающій на посполитое рушеніе шляхту Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго воеводствъ. «Такъ далеко распространилось то своеволіе низовыхъ козаковъ, пишетъ король въ своемъ универсалѣ, что они наши и сенаторскіе и шляхетскіе города берутъ какъ непріятели, грабятъ, мучатъ подданныхъ, забираютъ имущество, а что самое важное, принуждаютъ какъ шляхтичей, такъ и горожанъ отдавать себѣ присягу». Въ то же время шляхта, собранная на судовые рочки въ Луцкѣ, занесла въ гродскія книги протестъ въ томъ смыслѣ, что она не можетъ исполнять своихъ обязанностей по случаю козацкихъ безпорядковъ; слѣдовательно, волненіе обхватывало уже и отдаленныя части Волыни. Пунктомъ сбора для посполитаго рушенія назначенъ былъ Старый Константиновъ. Хотя паны и земяне со своими отрядами собирались неохотно, крайне медленно, но Косинскій все-таки отступилъ въ кіевское воеводство и подошелъ къ границамъ Волыни съ другой стороны, со стороны житомирскаго повѣта. Здѣсь онъ занялъ Пятокъ, мѣстечко, принадлежащее тоже Янушу Острожскому, и укрѣпился снова. Позиція и здѣсь была очень выгодна: населеніе ближайшихъ пунктовъ было очень расположено къ козакамъ, а пустая степь къ югу обезпечивала отступленіе. Милиція Острожскаго была не мала, но плохо дисциплинирована, большихъ пановъ пришло на помощь только двое: Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, и Александръ Вишневецкій, староста каневскій и черкасскій,—кромѣ того, нѣсколько православныхъ земянъ, изъ «пріятелей» дома Острожскихъ. Они преслѣдовали Косинскаго, но не могли ему помѣшать укрѣпиться въ Пяткѣ. Пока они раздумывали, какой имъ принять дальнѣйшій образъ дѣйствій, Косинскій самъ рѣшилъ ихъ сомнѣніе. Онъ задумалъ смять врага и кинуться въ глубь Волыни. 2-го февраля 1593 г. произошла битва. Но результаты ея были крайне неблагопріятны для козаковъ: запорожцы потеряли много людей, всѣ пушки и знамена. Еще съ недѣлю Косинскій держался за валами мѣстечка, но голодъ вынудилъ просить о посредничествѣ пана Вишневецкаго, который въ качествѣ старосты пограничнаго съ Запорожьемъ, всегда поддерживалъ съ козаками

близкія отношенія и не разъ пользовался ихъ помощью въ своихъ ссорахъ съ сосѣдями-панами... 10-го февраля Косинскій съ горстью Низовцевъ явился въ станъ враговъ, отдаваясь на ихъ милость. Самъ престарѣлый воевода кіевскій князь Василій Острожскій пріѣхалъ на это торжество. Косинскій униженно просилъ прощенія. Воевода простилъ съ условіемъ, чтобы бунтовщикъ вмѣстѣ съ старшиною козацкою далъ письменное обязательство, которое и дошло до насъ. Вотъ нѣкоторыя, важнѣйшія, мѣста этого пятковскаго договора между яко-бы удѣльнымъ княземъ паномъ Острожскимъ и взбунтовавшимся козацкимъ вожакомъ: «Кристофъ Косинскій, гетманъ на тотъ-часъ, сотники, атаманы и все рыцарство войска запорожскаго. Не памятуя милостей, оказанныхъ намъ княземъ воеводою кіевскимъ, постыдно напали мы на его владѣнія, а теперь, получивши отъ него прощеніе, присягаемъ: не имѣть отъ сего часа Косинскаго гетманомъ, а на его мѣсто выбрать на Украинѣ себѣ другого въ теченіе трехъ недѣль. Королю его милости обѣщаемъ послушенство; кромѣ того, обязуемся не возобновлять распрей съ сосѣдними государствами и пребывать за порогами на означенныхъ мѣстахъ. Обязуемся не расквартировываться во владѣніяхъ ихъ княжескихъ милостей (т. е. князей Острожскихъ), также какъ и въ имѣніяхъ и державахъ пріятелей ихъ милостей, князя Александра Вишневецкаго и иныхъ, здѣсь находящихся, не чинить никакихъ шкодъ или кривдъ; а также въ имѣніяхъ и державахъ слугъ ихъ его милости ничего злого не дѣлать.»

Но Косинскій не чувствовалъ себя связаннымъ заключеннымъ имъ договоромъ. Онъ отправился тотчасъ же на Низъ, снова набралъ тамъ горсть охотниковъ и въ концѣ марта уже отправился на Черкасы противъ Вишневецкаго; экспедиція была неудачна, и самъ Косинскій былъ убитъ.

Мы разсказали подробно эпизодъ бунта Косинскаго, разскажемъ и о бунтѣ Лободы и Наливайка, и такимъ образомъ познакомимъ читателя со всѣмъ первымъ цикломъ козацкихъ волненій—въ pendant къ его наслѣднему циклу, Хмельнищинѣ. Въ противоположность Хмельнищинѣ, гдѣ все ярко, цѣльно, а, слѣдовательно, и понятно, этотъ первый циклъ непріятно удивляетъ всякаго, кто съ нимъ знакомится, кажущейся нецѣлесообразностью событій, неясностью мотивовъ, противорѣчивостью стремленій. «Чего ради»? вотъ невольный вопросъ, то и дѣло навязывающійся при видѣ этихъ хаотически нагромождающихся фактовъ. А между тѣмъ эта смута въ воспріятіи фактовъ неизбѣжна: она есть естественное отраженіе смуты, которая царила въ настроеніяхъ людей той эпохи. Ко времени Хмельнищины логика жизни

уже выяснила до очевидности всѣ противорѣчія; въ періодъ первыхъ козацкихъ волненій, противорѣчія эти лишь неопредѣленно ощущались, отражаясь неудовлетворенностью, порождавшей броженіе, съ признаками какого-то стихійнаго процесса. Чтобъ сколько-нибудь въ этомъ оріентироваться, надо постоянно помнить слѣдующее. Новыя правовыя понятія требовали отдѣленія хлопа отъ козака: жизнь, по своимъ старымъ традиціямъ, рѣшительно противилась этимъ требованіямъ. Правительство желало непремѣнно реестровать козаковъ, выбросивъ тѣмъ самымъ все остальное въ посполитство; козачество не хотѣло, а можетъ быть и не могло этому подчиниться. Вся эта козацкая масса должна была чѣмъ-то содержаться, а государство запрещало ей ходить за «козацкимъ хлѣбомъ» въ степи; должна была гдѣ-то имѣть пріютъ на зиму и имѣла его въ своихъ родныхъ селахъ или хуторахъ, а правительство требовало, чтобъ козаки жили или за порогами, или на точно опредѣленной, прилегающей къ Низу территоріи; да и паны желали и считали себя въ правѣ требовать, чтобъ на ихъ, панскихъ, земляхъ жили только ихъ подданные, а не свободные, какими были козаки. Сдѣлавъ эти оговорки, продолжаемъ нашъ разсказъ.

Тотчасъ вслѣдъ за смертью Косинскаго, въ томъ-же 1593 г. выдано было новое сеймовое постановленіе о Низовцахъ, въ силу котораго козаки объявлялись изъятыми изъ-подъ дѣйствія правъ, провозглашались измѣнниками и врагами отечества.

Въ 1596 г. состоялась религіозная, такъ называемая Брестская унія: политическій актъ, въ высокой степени несвоевременный. Съ одной стороны, онъ разбилъ панскій лагерь на два враждебныхъ стана: князь Василій Острожскій, главная сила панской Украины, побѣдитель Косинскаго—оказался въ оппозиціи, сближенный религіозными интересами съ тѣми самыми Низовцами, съ которыми онъ только-что сражался. Съ другой стороны, всѣ бродящіе элементы недовольства получали объединяющій и, въ извѣстномъ смыслѣ, санкціонирующій ихъ лозунгъ. Каждый отдѣльный взрывъ могъ обходиться свободно и безъ этого лозунга; но для объединенія этихъ взрывовъ, для приданія движенію цѣльности, а, слѣдовательно, и устойчивости, это условіе оказалось чрезвычайно важнымъ.

Но пока что, дѣло на Украинѣ шло своимъ ходомъ, не справляясь съ епископами и соборами. Хотя Язловецкій продолжаетъ называться старшимъ войска Запорожскаго, но у реестровыхъ запорожцевъ появляется свой «старшій», пользующійся, повидимому, признаніемъ со стороны мѣстныхъ представителей польскаго правительства,—Лобода,

человѣкъ выдающихся качествъ; «наклонный къ великодушію, онъ вѣрно держалъ свое слово, охранялъ права и, самъ суровый по отношенію къ подчиненнымъ, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности», —такъ характеризуетъ его одинъ польскій историкъ; отвага же его имѣла легендарный характеръ. И вотъ этотъ-то старшій, охраняющій права съ опасностью жизни, тою же осенью (въ годъ смерти Косинскаго), бросился въ степь, напалъ на городъ Джурджевъ (около Аккермана) во время ярмарки, которая тамъ происходила, ограбилъ все, потомъ пустилъ загоны, по татарско-козацкому обычаю, и счастливо ускакалъ съ добычей. Очевидно, онъ не считалъ свой образъ дѣйствій расходящимися съ правомъ такимъ, какимъ онъ его представлялъ. Въ томъ же 1593 г., является въ Брацлавщинѣ новый предводитель уже «своевольныхъ купъ», который набираетъ себѣ отрядъ въ нѣсколько тысячъ, чтобы съ ними выступить въ степь. Это Семенъ Наливайко, который, повидимому, не справляется уже ни съ какимъ правомъ. Брацлавщина, опираясь на него и его «своевольныхъ» козаковъ, волнуется такъ, что Струсь, староста брацлавскій, не можетъ явиться въ городъ для отправленія правосудія: «изъ-за своеволія и бунтовъ злыхъ хлоповъ», какъ онъ объясняетъ. Шляхта должна была для сеймикованія отправиться въ Винницу; а когда рѣшилась вернуться въ Брацлавль, то на дорогѣ, подъ городомъ, на нее напали козаки Наливайка подъ предводительствомъ бурмистра, избили и отняли все имущество. Своевольныя купы забираютъ у земянъ коней, стада, съѣстные припасы. Однимъ словомъ, Брацлавщина представляетъ картину территоріи, которую начинаетъ обхватывать пламя «хлопскаго бунта». Но кто же этотъ Наливайко, который занимаетъ центръ въ новой разыгрывающейся бурѣ?

Наливайко былъ русскій, сынъ скорняка, значитъ мѣщанина, родомъ изъ Гусятина, принадлежавшаго въ то время Мартыну Калиновскому. «Отцу моему», пишетъ самъ Наливайко, «который у меня одинъ былъ, онъ (Калиновскій) безъ всякой причины такъ поломалъ ребра, что тѣмъ самымъ его и со свѣта сжилъ». Слѣдовательно, съ польскимъ панствомъ были у Наливайка личные, и не малые, счеты. Послѣ смерти отца семейство Наливайка переселилось на жительство въ Острогъ. Старшій братъ Семена, Демьянъ, учился въ Вильнѣ, сдѣлался священникомъ, потомъ протопопомъ, и усердно работалъ съ Иваномъ Ѳедоровымъ надъ печатаніемъ извѣстной Острожской библіи. По своему времени, онъ былъ человѣкомъ ученымъ, писалъ, переводилъ сочиненія религіознаго содержанія, отличался краснорѣчіемъ; патріархъ Іеремія, гостившій на Волыни, обра-

тилъ на него вниманіе, и Демьянъ Наливайко, по его ходатайству, сдѣлался духовникомъ князя Василія-Константина. Повидимому, и Семенъ Наливайко не былъ лишенъ книжнаго образованія; но главная его школа была Запорожье, откуда онъ ходилъ «со многими козачьими гетманами во многихъ мѣстахъ въ земляхъ непріятельскихъ».

Во время войны князя Острожскаго съ Косинскимъ, Наливайко состоялъ на службѣ князя и, «связавши себя словомъ честнаго человѣка, служилъ ему по-рыцарски, какъ слѣдуетъ»; слѣдовательно, сражался противъ Запорожцевъ. Такимъ образомъ, когда Наливайко выступилъ въ степь съ отрядомъ своевольныхъ козаковъ, Запорожье отнеслось къ нему съ недовѣріемъ. И вотъ Наливайко, захватившій у татаръ 3—4 тысячи коней, шлетъ пословъ на Запорожье, прося Низовцевъ принять въ даръ половину добычи въ знакъ пріязни и заявляя при томъ, что онъ не замедлитъ и самъ лично стать среди козацкой рады и, вручивши ей свою саблю, дать ей объясненіе на счетъ своего поведенія. Этихъ Наливайковыхъ пословъ встрѣтилъ на Базавлукѣ у Чертомлыка Лассота, который пріѣхалъ на Низъ приприглашать «пановъ братьевъ» на войну съ невѣрными отъ имени германскаго Императора Рудольфа II, который прислалъ Низовцамъ серебряныя трубы и котлы, знамена и деньги. Вѣроятно, нѣсколько раньше Наливайко со своимъ отрядомъ своевольныхъ козаковъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ совершилъ большой походъ по обыкновенному козацкому шляху между Аккерманомъ и Бендерами, опустошилъ Бендеры, но не могъ добыть замка штурмомъ и пустилъ по краю загоны: «пятьсотъ селъ огнемъ уничтожилъ», а въ плѣнъ взялъ турокъ, турчанокъ, татаръ, татарокъ 4000. Но молдавскій господарь на обратномъ пути, при переправѣ черезъ Дунай, «далъ помощь бусурманину» и отбилъ всю добычу. Козаки «словомъ рыцарскимъ» пообѣщали отмстить молдаванамъ за это вмѣшательство, но все-таки должны были вернуться ни съ чѣмъ. На обратномъ пути черезъ степь пришлось бѣдствовать отъ голода; Наливайко потерялъ въ этомъ походѣ полторы тысячи человѣкъ.

И такъ, между Наливайкомъ и Запорожьемъ состоялось соглашеніе. Результатъ его обнаружился въ томъ же 1594 году. Въ Брацлавщинѣ появился Лобода во главѣ большого и хорошо вооруженнаго отряда; подъ начальство Лободы поступилъ Наливайко со своими своевольными козаками. Такимъ образомъ является войско въ 12000 человѣкъ, раздѣленное на 40 хоругвей. Двѣ главныя хоругви имѣли гербы германскаго императора. Козаки разсказывали,

что ихъ посылаетъ козацкая рада на помощь христіанскому монарху противъ невѣрныхъ.

Однако все предпріятіе разрѣшилось традиціоннымъ походомъ на несчастную Молдавію. Съ быстротою молніи кинулись козаки за Прутъ на Яссы и въ три дня разграбили и окрестности, и городъ: молдавская столица была разорена до неузнаваемости, сохранился только каменный дворецъ воеводы.

На обратномъ пути ранняя и жестокая зима захватила козацкое войско на Подольѣ. Подолье было совсѣмъ лишено защиты: всѣ военныя силы были отвлечены молдавскими дѣлами. О козакахъ ходили страшныя вѣсти: всѣ панско-польскіе обыватели края убѣгали и прятались. Козаки заняли Баръ. На козацкой радѣ, которая состоялась на другой же день послѣ занятія, рѣшено было окружить городъ стражей, часть войска расквартировать въ Барѣ, часть по сосѣднимъ селамъ. Предводители разослали универсалы мѣстнымъ властямъ о доставленіи войску провіанта; порѣшили напомнить правительству о жалованьѣ. Сотникъ Демковичъ командированъ былъ панами козаками къ молдавскому господарю для выслушанія присяги, которую долженъ былъ дать господарь со всѣми чинами, духовными и свѣтскими, въ томъ, что онъ отказывается отъ подданства турецкаго и принимаетъ подданство императора христіанскаго. Однимъ словомъ, козаки ведутъ себя, какъ политическая сила вполнѣ увѣренная въ своей легальности. Правда, въ Барѣ жилъ, въ средѣ козацкой дружины, шляхтичъ Хлопицкій, который принималъ раньше участіе въ переговорахъ Лассоты съ Запорожцами и, надо думать, служилъ для козачества своего рода юрисконсультомъ.

Съ открытіемъ весны Лобода, который тѣмъ временемъ успѣлъ жениться на шляхтянкѣ изъ окрестности Бара, опять отправился въ татарскую степь, подъ Бѣлгородъ и Очаковъ. А между тѣмъ Наливайко занялъ Острополь и началъ опять стягивать къ себѣ своевольныя купы для новыхъ предпріятій. Онъ называлъ себя гетманомъ войска запорожскаго и такъ объяснялъ свое поведеніе коронному гетману: «съ соизволеніемъ князя пана моего (т. е. Вас. Острожскаго) собралъ я себѣ товарыство, чтобы стать съ нимъ тамъ, гдѣ окажется надобность противъ непріятеля государства», и въ концѣ проситъ Замойскаго защитить его отъ людей, привыкшихъ умалять козацкую славу и указать мѣсто, гдѣ бы онъ могъ «добывать себѣ пока необходимые съѣстные припасы». Въ то же время кн. Острожскій писалъ зятю своему Радзивиллу: «а тотъ разбойникъ Наливайко, оторвавшись отъ другихъ, въ тысячу человѣкъ гоститъ у меня въ

Остропо.тѣ... другого Косинскаго Господь Богъ на меня посылаетъ...» Не дождавшись отвѣта отъ гетмана, Наливайко открылъ самостоятельно дѣйствія. Онъ во главѣ 2000 козаковъ отправился въ Венгрію на помощь Максимиліану, напугалъ обывателей больше, чѣмъ татары, спустился съ горъ отъ Мункачи черезъ Самборъ, мимо Львова, и очутился въ Луцкѣ. По дорогѣ онъ заглянулъ въ Гусятинъ, чтобы отомстить убійцѣ своего отца, но не засталъ Калиновскаго; сжегъ замокъ, разрушилъ мѣстечко. Въ Луцкѣ онъ тоже спалилъ предмѣстье, ограбилъ городъ и, прогостивъ только три дня, исчезъ такъже неожиданно, какъ и появился. Добравшись до Днѣпра, этой извѣчной козацкой дороги, Наливайко двинулся вверхъ по рѣкѣ, на Литву. Здѣсь онъ разсчитывалъ, повидимому, расположиться на зимнихъ квартирахъ. Но, пишетъ Наливайко, «едва мы тамъ одной ногой ступили, какъ обратились противъ насъ литовскіе паны, безъ вины, только за чуточку хлѣба, котораго мы едва поѣли въ ихъ имѣніяхъ, а лучше сказать и совсѣмъ не ѣли». Что звучитъ въ этихъ словахъ: умышленная-ли наивность лукаваго украинца, или серьезная, хотя и трудно объяснимая, увѣренность въ томъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего находящагося въ противорѣчіи съ правомъ? Какъ бы то ни было, Наливайкѣ пришлось на Литвѣ непріятельскимъ способомъ добывать себѣ хлѣба: онъ взялъ штурмомъ Слуцкъ, забралъ оттуда все оружіе, въ томъ числѣ и пушки, а на обывателей наложилъ контрибуцію. Изъ-подъ Слуцка козачество разошлось по краю, сбирало подати деньгами, вербовало хлопскую молодежь; наконецъ, Наливайко утвердился въ Могилевѣ. Но литовскіе паны начали шевелиться не на шутку, и скоро войско Радзивилла уже стояло подъ Могилевымъ. Наливайко оставилъ замокъ, чтобы дать битву въ открытомъ полѣ; по козацкому обычаю, отаборовалъ своихъ людей возами и конями, и литовское войско отступило, ничего не подѣлавши врагу, къ Могилеву, а Наливайко направился къ югу. Его войско росло съ каждымъ днемъ, обозъ растягивался на нѣсколько миль. Вслѣдъ за нимъ лѣниво тащились Литвины, видимо заботясь только о томъ, чтобы выпроводить эту орду на Волынь. Необычайно мягкая зима благопріятствовала Наливайку. Въ январѣ 1596 г. Наливайко остановился въ Рѣчицѣ. Сюда явился къ нему одинъ предпріимчивый шляхтичъ, нѣкто Нишковскій, повидимому задумавшій составить себѣ карьеру умиротвореніемъ края. Онъ привезъ Наливайку яко-бы письмо короля, имъ самимъ скомпонованное, съ обѣщаніемъ простить козаковъ, если перестанутъ бунтовать. Наливайко въ отвѣтъ послалъ королю свои оправданія и вмѣстѣ проектъ

упорядоченія дѣлъ, очень характерный. Онъ проситъ короля, чтобы тотъ пожаловалъ ему пустыню, къ югу отъ Брацлавщины, между Днѣпромъ и Бугомъ, «на татарскомъ шляху, между Тясинемъ и Очаковымъ, гдѣ отъ сотворенія міра никто никогда не живалъ». Здѣсь онъ устроитъ городъ и замокъ для защиты государства, соберетъ сюда реестровыхъ козаковъ, а за порогами будетъ держать своего поручика. Обязуется не принимать къ себѣ своевольныхъ людей и «знаковать» тѣхъ, кто будетъ къ нему сбѣгать, обрѣзая имъ уши и носы, возвращать подданныхъ и банитовъ. За свою вѣрную службу онъ проситъ, чтобы изъ казны выдавалось ему то, что идетъ на «упоминки» татарамъ или что заблагоразсудится его величеству. За все это онъ готовъ по первому приказу биться, какъ съ врагами христіанства, такъ и съ великимъ княземъ московскимъ; а въ предѣлы государства никогда не будетъ входить, развѣ только по Днѣпру въ Бѣлоруссію будетъ посылать за нужнымъ для войска»... Нишковскій отправился съ проектомъ въ Варшаву, но вмѣсто ожидаемой награды былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти.

Насталъ роковой 1596 г., принесшій съ собою, съ одной стороны, церковную унію, съ другой, трагическую развязку этого перваго цикла козацкихъ волненій.

Положеніе вещей было такое. Уже въ январѣ король прислалъ универсалъ волынской шляхтѣ, извѣщая ее, что скоро появятся коронныя войска для усмиренія бунтовщиковъ. И въ самомъ дѣлѣ, польный гетманъ Жолкѣвскій, покончивши съ молдавскими дѣлами, уже стоялъ на западной границѣ воеводства волынскаго. Но войска у него было всего тысяча человѣкъ, да и то изнуренныхъ, ободранныхъ; онъ упрашивалъ украинскихъ воеводъ и пановъ поспѣшить къ нему на помощь, но не могъ ничего дождаться ни откуда. Между тѣмъ Наливайко, оставивъ Рѣчицу, расквартировался между Константиновымъ и Острополемъ, на земляхъ Радзивилла, полученныхъ имъ отъ Острожскаго. Лобода, вернувшись, по приказу великаго короннаго гетмана Замойскаго, изъ татарскихъ степей, держался въ окрестностяхъ Кіева: у него былъ отрядъ въ 3000 человѣкъ, и въ его большомъ таборѣ находились козацкія жены и дѣти. Лобода пока отрекался отъ всякой солидарности съ Наливайкомъ, «своевольнымъ человѣкомъ, который, забывши страхъ Божій, пренебрегаетъ всѣмъ на свѣтѣ, собралъ подобныхъ себѣ людей своевольныхъ и дѣлаетъ шкоды коронѣ польской, а мы о немъ ничего не знаемъ и знать не хотимъ». Другая часть запорожцевъ ушла подъ предводительствомъ Савулы, «съ сильною» арматой, по примѣру Наливайка,

на Литву добывать себѣ козацкаго хлѣба. Въ глубинѣ Волыни творится нѣчто особенное: совершаются систематическіе заѣзды, повидимому организуемые въ Острогѣ и направленные противъ главныхъ двигателей уніи, епископа Кирилла Терлецкаго и брацлавскаго каштеляна Семашко. Въ этихъ заѣздахъ принимаютъ участіе земяне, близкіе дома Острожскихъ, какъ Гулевичи и князья Воронецкіе, и протопопъ Демьянъ Наливайко. Князь Василій отрекается отъ участія въ какихъ-нибудь дѣйствіяхъ, противныхъ праву; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что участники заѣздовъ укрываются отъ преслѣдованій закона подъ его могущественной рукой.

Жолкѣвскій рѣшился дѣйствовать, не смотря ни на что: это былъ человѣкъ чрезвычайной энергіи и опытный вождь. Наливайко не предвидѣлъ, что гетманъ можетъ двинуться въ походъ по снѣгамъ и ростепели, и едва успѣлъ уйти. Началась погоня Жолкѣвскаго по пятамъ за Наливайкомъ, гдѣ оба выказали геройскую выносливость, упорство, отвагу, ловкость; но козаки успѣли таки выскользнуть изъ рукъ стараго гетмана и скрылись въ «Уманіи», въ дикихъ поляхъ за Бѣлой Церковью. А между тѣмъ около Бѣлой Церкви расположился и Лобода съ горстью Запорожцевъ. Въ Кіевѣ хозяйничалъ Саско, а изъ Бѣлоруссіи уже успѣлъ вернуться и Савула. Жолкѣвскій рѣшился отдохнуть нѣсколько дней въ Брацлавщинѣ, принялъ мѣры къ усмиренію Брацлавля, а затѣмъ двинулся къ востоку, въ центръ волнующагося района, двинулся уже съ увеличеннымъ войскомъ, такъ какъ къ нему пришла кое-какая помощь. Правой рукой его былъ князь Рожинскій, владѣлецъ маетностей, лежащихъ около Бѣлой Церкви, который имѣлъ свой собственный отрядъ въ 500 человѣкъ, свою артиллерію, знакомство со степью и большую опытность въ «фортеляхъ» пограничной войны; къ тому же онъ былъ заядлый ненавистникъ козацкой вольницы. «Наймалъ множество того гультяйства», пишетъ про него Жолкѣвскій, «и больше пятидесяти изъ нихъ велѣлъ порубать. Я же до-сихъ поръ держу руки чистыми отъ ихъ крови, кромѣ тѣхъ, что въ битвахъ падаютъ. Хотѣлось бы мнѣ, если можно, попорченные члены лѣчить, а не отрубать. Но и князю Рожинскому не удивляюсь: какъ всѣхъ тамошнихъ обывателей, такъ, особливо, его живьемъ заѣли». Кромѣ естественнаго увлеченія борьбы, старый гетманъ былъ тоже озлобленъ на своихъ противниковъ доходившими до него угрозами и похвальбами, въ которыхъ съ панствомъ переплетался и король, и Краковъ. Жолкѣвскій остановился въ Погребищахъ. Ему все-таки очень хотѣлось кончить дѣло мирно, и отсюда онъ началъ переговоры съ Лободой. Онъ

требовалъ, чтобы козаки вернулись за пороги и выдали ему Наливайка. Неизвѣстно, что думалъ объ этомъ самъ Лобода, но его козаки были рѣшительно противъ этого, и Лободѣ едва удалось спасти гетманскаго посланнаго. Но въ то же время явился въ польскій лагерь посолъ отъ Наливайка съ просьбой о помилованіи. Гетманъ требовалъ, чтобы предводитель отдался въ руки, хотя и соглашался оставить его въ живыхъ, и ставилъ условіемъ выдачу захваченныхъ пушекъ и нѣмецкихъ знаменъ. Отвѣтомъ на эти условія было соединеніе Наливайка съ Лободой. Военныя дѣйствія должны были продолжаться. Враги сошлись надъ Острымъ Камнемъ, недалеко отъ Бѣлой церкви. Козаки, по обыкновенію, скрѣпили цѣпями возы и сражались подъ этимъ прикрытіемъ. Бились съ обѣихъ сторонъ съ крайнимъ ожесточеніемъ, и потери были большія. Хотя поляки какъ будто и брали верхъ, но разорвать таборъ не могли, и козаки отступили въ боевомъ порядкѣ къ Кіеву, гдѣ оставались ихъ семьи, чтобы забрать ихъ оттуда и на чайкахъ переправить съ «русскаго» на «татарскій» берегъ, хотя рѣка и была покрыта плывущими льдинами. Жолкѣвскій, получивши себѣ еще подкрѣпленія, двинулся вслѣдъ за козаками къ Днѣпру, а молодого Ходкевича, къ которому присоединился князь Рожинскій и Михаилъ Вишневецкій, тоже богатый украинскій панъ, отправилъ, чтобы очистить отъ бунтовщиковъ Каневъ. Польскій отрядъ ворвался въ городъ на первый день Пасхи: 400 человѣкъ было посѣчено въ церкви, изъ остальныхъ, спасавшихся бѣгствомъ, много утонуло въ Днѣпрѣ. «Ой, бодай же ты, дивчыно-бранко, щастя и доли не знала, що ты намъ той смутный день Свитлого праздныка напоминала». Такъ до нашихъ дней дошло въ думѣ воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ: такія событія, къ несчастію, слишкомъ глубоко врѣзываются на народную душу.

Цѣлый апрѣль и начало мая ушли на безплодные переговоры. Козаки хотѣли помѣшать полякамъ переправиться на лѣвый берегъ; Жолкѣвскому хотѣлось задержать козаковъ, чтобы они не ускользнули куда-нибудь въ Московскія границы, или на Донъ, или, наконецъ, снова на правый берегъ «въ дикія поля»; и это они могли сдѣлать, такъ какъ въ ихъ распоряженіи была цѣлая запорожская флотилія, приведенная Подвысоцкимъ. Но козаки были слишкомъ стѣснены въ своихъ движеніяхъ женами и дѣтьми. Лобода самъ пріѣзжалъ потихоньку для переговоровъ съ гетманомъ, но уѣхалъ ни съ чѣмъ: козаки не могли согласиться ни на выдачу Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, ни на отдачу иноземныхъ знаменъ. Значитъ, дѣло должно было идти прежнимъ ходомъ: козаки тронулись въ степь.

Послѣ отступленія ихъ кіевскіе мѣщане, терроризированные присутствіемъ польскаго войска, согласились перевезти поляковъ на лѣвый берегъ; явились челны, спрятанные до тѣхъ поръ подъ водой, и переправа состоялась. Козаки утвердились было въ Переяславлѣ; но когда узнали о приближеніи Жолкѣвскаго, рѣшились двинуться къ Лубнамъ. Они думали, перейдя Сулу, сжечь за собою переброшенный черезъ нее искусный мостъ и такимъ образомъ выиграть время для далнѣйшаго отступленія. Но эти разсчеты обманули ихъ. Поляки не только не дали имъ разрушить мостъ, но одинъ отрядъ неожиданно зашелъ имъ съ тылу, воспользовавшись боромъ. Козаки были окружены, оставалось или отдаться на милость врага, или защищаться до послѣдней капли крови. Можно вообразить себѣ, какъ велико было взаимное ожесточеніе, если козаки, при которыхъ были жены и дѣти, все-таки рѣшились на сопротивленіе, совершенно безнадежное.

Это было на урочищѣ Солоницѣ, недалеко отъ Лубенъ. Козаки окопались валами съ трехъ сторонъ, четвертая примыкала къ болотистой Сулѣ. Всего въ козацкомъ таборѣ было отъ 6 до 8 тысячъ, кромѣ женщинъ и дѣтей. Войско Жолкѣвскаго было теперь и численно, и пышно. Въ его лагерѣ были представители польскаго рыцарства изъ Польши и Подолья, литовскіе и русскіе князья и множество земянъ: тѣмъ замѣтнѣе было отсутствіе князей Острожскихъ и «пріятелей» ихъ дому.

Осада козацкаго табора началась 25 мая и продолжалась до 7 іюня. Осаждающіе постоянно тревожили осаждаемыхъ нападеніями, отражая вылазки, врывались въ таборъ. Послѣднюю недѣлю они обступили таборъ на коняхъ и стерегли его день и ночь. Но рѣшительный оборотъ дѣла приняли только тогда, когда привезли изъ Кіева большія пушки.

А между тѣмъ положеніе осаждаемыхъ было ужасно въ полномъ смыслѣ этого слова. Стояла невыносимая жара, воды не было, и пили жидкую грязь, добываемую изъ копанокъ; не стало топлива,— разбивали въ щепки возы; не стало муки, соли; а что важнѣе всего, не было пастбища для коней и они падали сотнями. Женщины, а особенно дѣти умирали то и дѣло; труповъ не погребали, и они, разлагаясь, заражали атмосферу. Плачъ и стоны голодныхъ и томимыхъ жаждою дѣтей наполняли воздухъ. Случалось, что отецъ умерщвлялъ своего ребенка, чтобы не видѣть его мукъ. Отчаяніе доходило до послѣднихъ предѣловъ. Въ то же время козацкая рада, вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ помыслы на одномъ, ссорилась:

таборъ распался на двѣ партіи, запорожцевъ и вольницы, Лободы и Наливайка. Послѣдняя, болѣе сильная, взяла верхъ. Лобода былъ убитъ, а вмѣсто него выбранъ атаманомъ Кремпскій. Но положеніе дѣлъ не улучшилось; помощи ни откуда, а врагъ тѣснилъ все сильнѣе. Рѣшили еще разъ вступить въ переговоры. Но Жолкѣвскій ставилъ непремѣннымъ условіемъ выдачу, съ одной стороны, Наливайка съ другими главнѣйшими зачинщиками, съ другой—подданныхъ, убѣжавшихъ изъ панскихъ имѣній. Это первое ясное выступленіе на историческую сцену соціальной подкладки украинскихъ волненій. Козаки не могли принять этихъ условій.

Два дня большія пушки громили козацкій таборъ. 6 іюня вечеромъ гетманъ предложилъ конницѣ спѣшиться, чтобы сдѣлать аттаку.— А въ таборѣ былъ настоящій «судный день»! Наливайко во главѣ полка изъ болѣе храбрыхъ и испытанныхъ товарищей хотѣлъ пробиться въ степь. Но другіе его не выпускали: «не пустимъ, кричали со всѣхъ сторонъ, ты насъ довелъ до такого лиха, такъ и расхлебывай вмѣстѣ». На разсвѣтѣ поляки заняли таборъ почти безъ сопротивленія. Насталъ послѣдній кровавый актъ трагедіи. Изъ 10000 человѣкъ обоего пола едва 1500 спаслось, подъ предводительствомъ Кремпскаго. Остальное все было порублено. Наливайко, Савула и нѣсколько другихъ предводителей лежали связанными у ногъ побѣдителя.

Нѣсколько недѣль спустя, Жолкѣвскій торжественно вступилъ въ Львовъ. Передъ нимъ несли хоругви императора Рудольфа II, эрцгерцога Максимиліана, забранныя у козаковъ. За хоругвями шли плѣнники въ цѣпяхъ: впереди всѣхъ человѣкъ, исполинскаго роста и вида, съ гордой осанкой, рядомъ съ которымъ другіе выглядывали карликами: то былъ Наливайко. Проходя мимо собора, онъ воскликнулъ презрительно: «О святыня, святыня! Стали бы твои алтари яслями, а то обратилъ бы я тебя въ конюшню»! Наливайка держали еще 10 мѣсяцевъ въ Варшавѣ, гдѣ его инквизиторски допрашивали о всѣхъ подробностяхъ. Тамъ онъ былъ и казненъ въ апрѣлѣ 1597 г. Товарищи его еще раньше сложили голову подъ топоръ. Появился грозный королевскій универсалъ, который приказывалъ ловить козаковъ, раскиданныхъ погромомъ, карать смертью непослушныхъ и сбирающихся въ купы, а запорожцамъ воспрещалъ входъ на Украину.

Побѣда была одержана, и она имѣла результаты. На настроеніе массы произведено было сильное впечатлѣніе въ смыслѣ выгодномъ для польско-государственныхъ интересовъ. Конечно, спокойствіе не могло быть возстановлено разомъ. Въ слѣдующемъ же 1597 г.

появляются на мгновеніе на сцену новые вожаки вольницы, Метла и Гедройцъ, и тотчасъ исчезаютъ. Старшій запорожскаго войска, признанный правительствомъ, Тихонъ Байбуза, находитъ себѣ соперника въ Полузѣ, являющемся предводителемъ враждебной полякамъ партіи, и цѣлый отрядъ, высланный Байбузой въ степь на развѣдки, падаетъ жертвой ночного нападенія этихъ братьевъ - враговъ. Нѣкоторые изъ пограничныхъ пановъ, какъ напримѣръ каменецкій каштелянъ Претвичъ, сынъ знаменитаго ротмистра, принимаютъ дѣятельное участіе въ томъ, чтобы примирить Запорожье съ правительствомъ. Претвичъ ведетъ съ Запорожьемъ оживленную корреспонденцію, совѣтуя послать депутацію къ королю и отвезти ему въ гостинецъ нѣсколько плѣнниковъ и хотя пару верблюдовъ, обѣщая и свое содѣйствіе, чтобы выпросить королевское прощеніе. Мало-по-малу польское, такъ сказать, настроеніе беретъ верхъ окончательно и выдвигаетъ въ вожаки козачества такихъ лицъ, какъ Кошка и въ особенности Сагайдачный, которые, являясь энергичными представителями и защитниками козацкихъ интересовъ, пытаются создать modus vivendi на компромиссахъ съ государствомъ.

Въ 1599 г. у поляковъ опять начинается война съ Молдавіей. Коронный гетманъ Замойскій посылаетъ листы на Низъ, прося двѣ или три тысячи запорожцевъ придти на помощь: посолъ везъ имъ, какъ баннитамъ, охранный королевскій листъ, немного денегъ и много обѣщаній. Запорожцы поставили свои скромныя условія: «чтобы невинно возложенная на нихъ банниція была уничтожена», чтобы имъ шло постоянное жалованье, и еще кое-какія мелкія условія. Гетманъ ихъ принялъ, снялъ временно, силою своихъ полномочій, банниціи, и запорожцы тронулись въ походъ. Въ письмахъ кошевого Кошки сохранились интересныя подробности этого похода. 16 іюля 1599 г. Низовцы тронулись съ днѣпровскихъ островонъ вверхъ, шли водой, при чемъ ихъ задерживали противные вѣтры, съ большимъ усиліемъ прошли пороги, пришлось тащить суда по песку, а это было такъ тяжело, что одно судно тащили триста человѣкъ. По дорогѣ лежали Каневъ и Черкассы: здѣсь отдыхали и ждали панско-козацкихъ отрядовъ изъ пограничныхъ городовъ. Отъ Канева, черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавль, лежало большое пространство, и молодцамъ давали подводы. Кошка держалъ козаковъ въ строгой дисциплинѣ, коронныя имѣнія обходили совсѣмъ, земянъ не притѣсняли, провіантъ брали справедливо, не допуская насилій. По дорогѣ козаки покупали коней, которыхъ было сколько угодно на равнинахъ Брацлавщины, и когда козаки остановились на отдыхъ подъ Каменцемъ,

дружина изъ пѣшей обратилась уже въ конную. Въ началѣ сентября Кошка съ запорожцами уже былъ въ Молдавіи, въ обозѣ Замойскаго, подъ Сочавой. Козаки принимали самое дѣятельное участіе въ обложеніи Сочавы, затѣмъ служили авангардомъ польскому войску, расчищая ему дорогу по горамъ и буковымъ лѣсамъ Седмиградіи. Великій коронный гетманъ принадлежалъ къ числу пановъ, нерасположенныхъ къ козакамъ: но онъ долженъ былъ признать ихъ выдающіяся заслуги въ этомъ блестящемъ походѣ, благодарилъ Кошку за его вѣрную службу, обѣщалъ ходатайствовать за запорожцевъ у короля и наградить всѣхъ по ихъ заслугамъ. Не успѣли еще козаки вернуться на Запорожье, какъ ихъ догнало новое гетманское предложеніе идти съ поляками на сѣверъ противъ шведовъ, которые вторглись въ Лифляндію. Послѣ бурныхъ совѣщаній, запорожцы приняли и это предложеніе, но опять поставили свои условія: чтобы выдано было жалованье, чтобы наслѣдство по умершемъ запорожцѣ доставалось его товарищу, чтобы козаки судились лишь своимъ судомъ, чтобы никакія мѣстныя власти не затрогивали ихъ во время ихъ походовъ на службѣ у государства, для чего при нихъ будетъ на это время находиться королевскій коммиссаръ, и, наконецъ, чтобы банниція была снесена, а Терехтемировъ возвращенъ: Терехтемировскій монастырь, расположенный на земляхъ Каневскаго староства, служилъ шпиталемъ для старыхъ и больныхъ козаковъ, а въ Терехтемировѣ проживала козацкая старшина. Гетманъ на все согласился, и запорожцы поворотили на сѣверъ. Много тяжелаго пришлось имъ вынести: негостепріимная чужая сторона, суровый климатъ, холодъ, дожди; живности нѣтъ, фуражу нѣтъ, нѣтъ даже дровъ, нѣтъ соломы, чтобы сдѣлать хоть какое-нибудь прикрытіе; жалованье доставляется неаккуратно, да нечего и купить, хоть и есть деньги. Цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ терпѣли запорожцы; наконецъ терпѣніе лопнуло. «Не хотятъ больше служить его королевской милости», пишетъ Кошка гетману, «и если бы мы (старшины) стали ихъ уговаривать, то вѣрно бы насъ побили камнями». Но и тутъ запорожцы не оставили позицій, пока не дождались отвѣта отъ гетмана.

Такъ старались козаки примириться съ государствомъ, сохраняя все-таки за собой свою самостоятельность. Но едва-ли-бы взаимныя отношенія могли такъ долго, цѣлую четверть вѣка, держаться на этой ногѣ, еслибы не благопріятствовали этому внѣшнія обстоятельства.

Польша всю первую четверть 17-го вѣка вела тяжелыя внѣшнія войны, требовавшія отъ нея большихъ усилій, сначала съ Москов-

скимъ государствомъ, потомъ съ Турціей, и помощь козаковъ ей была крайне необходима и тутъ, и тамъ. Естественно, поэтому, что поляки вынуждены были смотрѣть сквозь пальцы на то, что всѣ ихъ запрещенія на счетъ войны съ сосѣдями нисколько не соблюдаются. Козаки не только дѣлаютъ по старому походы въ степь, жгутъ татарскіе аулы, но расширяютъ свою контрабандную дѣятельность за всѣ мыслимые до сихъ поръ предѣлы: достаточно вспомнить ихъ походы противъ Турокъ 1614 — 16 годовъ, опустошеніе береговъ Анатоліи, Синопъ, Трапезундъ. Но за-то все растущія козацкія силы и энергія выливались на востокѣ, наполняя ужасомъ Московское государство и добывая тамъ богатые козацкіе хлѣба, а внутри государства, внутри Украины все было относительно спокойно. Относительно, потому что отдѣльные эпизоды своеволія козацкой вольницы, конечно, бывали. Такъ напримѣръ, когда Польша въ 1609 г. сбирала свои силы подъ Смоленскомъ и скликала охотниковъ, запорожское козачество прошло съ своихъ острововъ черезъ кіевское воеводство въ образцовомъ порядкѣ. Вслѣдъ за нимъ начали собираться своевольныя купы съ той же цѣлью, но по дорогѣ грабили шляхетскія имѣнія. Нѣкто Пашкевичъ, шляхтичъ изъ Низовыхъ козаковъ, принялъ титулъ полковника и началъ вербовать людей въ смоленскій походъ. Разумѣется, охотники тотчасъ нашлись. Къ Пашкевичу присоединились другіе такіе же полковники со своими отрядами, и онъ уже сталъ себя называть атаманомъ. Отрядъ Пашковича вступилъ въ границы Кіевскаго воеводства въ числѣ 8000. Все это, двигаясь широкимъ поясомъ и распуская слухи о татарахъ, чтобы самому удобнѣе было грабить, доплыло до имѣній Немирича и, найдя здѣсь всего въ изобиліи, расположилось на квартирахъ. Цѣлое лѣто Пашкевичъ оставался на мѣстѣ, при чемъ его отрядъ поѣдалъ и истреблялъ, все, что только было, къ тому же допускалъ всякія издѣвательства надъ подданными, такъ что когда своевольное войско двинулось дальше къ Смоленску, имѣнія Немирича были разорены. Но этимъ не кончилось дѣло. Въ то время, какъ Пашкевичъ былъ на сѣверѣ, Немиричъ организовалъ свои военныя силы, чтобы отомстить врагу, когда тотъ будетъ возвращаться. И въ самомъ дѣлѣ, на обратномъ пути, когда Пашкевичъ шелъ съ отрядомъ, значительно ослабленнымъ, но за-то съ богатой добычей, Немиричъ такъ ловко устроилъ нападеніе, что не только атаманъ былъ убитъ, но и вся его добыча досталась Немиричу. Но такіе эпизоды не интересовали государство. Это была частная война пана Немирича съ полковникомъ Пашкевичемъ—и только.

Да, втеченіе цѣлой почти четверти вѣка внѣшнія обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали тому, чтобы создать нѣкоторое временное равновѣсіе. Но вѣдь всѣ старыя условія, дѣлавшія столкновенія между панско-польскимъ и козацко-русскимъ элементомъ почти неизбѣжными, оставались все-таки во всей своей силѣ. И если равновѣсіе не нарушалось такъ долго, то только потому, что теченіе дѣлъ за это время не было предоставлено своей собственной стихійной силѣ, а что имъ заправляла сознательная мысль сильнаго человѣка, охватывавшаго положеніе и цѣлесообразно имъ руководившаго. Мы говоримъ о Сагайдачномъ. Онъ цѣлые полтора десятка лѣтъ, до самой своей смерти, держался, какъ «самодержавный панъ на Низу», на этомъ самомъ капризномъ Низу, который мѣнялъ своихъ кошевыхъ по первой прихоти своего непостояннаго права. И эти долгіе годы его проницательная мысль и вся энергія его сильной натуры была направлена на одно: чтобы отстоять интересы того дѣла, которое ему было вручено довѣріемъ массы. Интересы эти онъ понималъ широко. Достаточно вспомнить ту серьезную и спокойную увѣренность, съ какой онъ вмѣшивался въ религіозныя дѣла, поддерживая православіе, которое къ этому времени уже вступило въ настоящую борьбу съ уніей. На Украинѣ центромъ борьбы былъ Кіевъ, гдѣ жизнь въ это время била ключемъ. Здѣсь, по преимуществу, набирались вольныя дружины, которыя поддерживали московскихъ самозванцевъ, широко развивалась торговля; умственная жизнь, хотя въ видѣ религіозныхъ вопросовъ и споровъ, распространена была во всѣхъ слояхъ общества. Во главѣ уніатовъ стоялъ игуменъ Выдубицкаго монастыря Антоній Грековичъ, ревностный распространитель своихъ религіозныхъ убѣжденій; во главѣ православныхъ — скромный игуменъ монастыря Михайловскаго, будущій митрополитъ, Іовъ Борецкій, умный и энергичный. Жилъ здѣсь и католическій епископъ; успѣли водвориться, подъ покровительствомъ польскихъ властей, и бернардины, и іезуиты, и доминикане. И если православные все-таки могли высоко держать голову, то только потому, что чувствовали за собой постоянно сильную опеку Низоваго козачества и его знаменитаго кошевого, въ которомъ такъ нуждались поляки. Нуждались они въ немъ постоянно; но бывали такіе моменты, когда отъ Сагайдачнаго и его козачества многое зависѣло. Припомнимъ хотя бы послѣдніе годы жизни Сагайдачнаго. Въ то время, какъ онъ пріобрѣталъ для Польши Сѣверскую землю,—добыча Московскаго похода 1618 г.,—Польша въ первый разъ встрѣтилась лицомъ къ лицу въ открытомъ полѣ съ Турціей. Результаты

встрѣчи были очень плачевны для Польши. По договору въ Бушѣ 1617 г., заключенному Жолкѣвскимъ съ Скиндербашой, Польша отказывалась отъ своихъ старинныхъ притязаній на Молдавію; а когда она нарушила договоръ, то наказаніемъ было ужасное пораженіе подъ Цецорой. Тогда поляки обратились за помощью къ Сагайдачному и его козакамъ; и только ихъ содѣйствіямъ обязаны они были блестящей Хотимской побѣдой 1621 г. Запорожцы дрались, какъ львы, шли въ огонь съ какимъ-то отчаяннымъ мужествомъ, никому не давали пощады, зная, что имъ-то ужъ, конечно, не будетъ пощады. Молодой королевичъ Владиславъ, будущій король, принималъ личное участіе въ Хотимскомъ походѣ и съ этихъ поръ проникся тѣмъ расположеніемъ къ козачеству, которымъ онъ всегда отличался. Когда войска уже были распущены, Владиславъ оставался еще нѣсколько дней подъ Хотимомъ, чтобы осмотрѣть его укрѣпленія, и задержалъ низовцевъ: часто ѣздилъ въ ихъ станъ, снабжалъ ихъ живностью и провіантомъ и потомъ выхлопоталъ имъ у короля хорошую денежную награду. Сагайдачнаго же, который былъ тяжело раненъ, окружилъ заботливостью и знаками уваженія: уступилъ ему свой экипажъ, своего придворнаго врача и т. п. Только пять мѣсяцевъ прожилъ Сагайдачный послѣ Хотимской побѣды.

Прошло два-три года со смерти Сагайдачнаго, и неизбѣжность трагической коллизіи, заключенная въ положеніи украинскихъ дѣлъ, обнаружилась съ новой силой. Козацкія волненія слѣдуютъ одно за другимъ; польская военная сила систематически ихъ давитъ, топитъ въ крови. Но терроръ уже какъ бы теряетъ свою обычную силу: онъ не парализуетъ энергіи, а только озлобляетъ. Передъ нами проходятъ ряды вожаковъ, которые часто платятся мучительною смертью за свою дерзость, но это не устрашаетъ другихъ, слѣдующихъ за ними. Поляки изъ всѣхъ силъ стараются удерживать отношенія въ томъ видѣ, какъ они были формулированы договоромъ, заключеннымъ между коммисіей, уполномоченной Рѣчью Посполитой и козаками въ 1625 г. на урочищѣ Медвѣжьи-Лозы; черезъ 13 лѣтъ правительственной коммисіи, договаривавшейся съ козаками послѣ ужаснаго пораженія Павлюка подъ Кумейками, удалось формулировать эти отношенія въ еще болѣе стѣснительномъ видѣ. Но жизнь не могла приспособляться къ предъявляемымъ ей государствомъ требованіямъ; правда, насиліе вымучивало иногда на нѣкоторое время внѣшнюю покорность, какъ это было послѣ 1638 г., по усмиреніи гетманомъ Конецпольскимъ возстанія Остраницы, когда, между прочимъ, учреждена была должность коммисара, замѣнившаго собою

«старшаго» запорожскаго войска: коммиссаръ этотъ долженъ былъ жить въ Терехтемировѣ и зависѣть вполнѣ отъ гетмана, который самъ и назначалъ его на эту должность. За-то тѣмъ ужаснѣе былъ взрывъ, какъ реакція этой вынужденной покорности. Такимъ взрывомъ была Хмельнищина.

Не могъ русско-украинскій народъ подписать самъ себѣ смертный приговоръ; но не могло и польское государство отказаться отъ самого себя, отъ распространенія на области, которыя оно теперь считало своими, основъ быта, выработанныхъ его исторической жизнью. Разсмотримъ положеніе края.

Панская колонизація на Украинѣ въ 17 вѣкѣ росла съ такою энергіей, которая невольно напоминаетъ современному изслѣдователю, при всей громадной разницѣ условій, американскую колонизацію западныхъ штатовъ. Польскіе магнаты разобрали вмѣстѣ съ русскими князьями, какъ уже было сказано, всѣ королевщины, староства. Съ этихъ староствъ, вмѣсто законной кварты, т. е. четвертой части доходовъ въ казну, они едва платили десятую, обращая остальное якобы на содержаніе замковъ. Эти староства, переходя отъ отца къ сыну, пріобрѣтали характеръ частной собственности. Опираясь на нихъ, а то и независимо, магнаты пріобрѣтали имѣнія покупкой, тратя иногда на такія покупки большіе капиталы: сдѣлалось въ Польшѣ какъ-бы модой пріобрѣтать себѣ земли на Украинѣ. Замойскій за Поволоцкую волость заплатилъ княгинѣ Рожинской 1200000 злотыхъ; въ ней было, правда, 58 деревень. Конецпольскій половину такой суммы заплатилъ за голую степь. Тышкевичъ, для закругленія Махновецкой волости, заплатилъ за 6 небольшихъ деревень около 400,000 злотыхъ. Когда нельзя было пріобрѣсть покупкой, паны не останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы брать имѣнія у мѣстныхъ владѣльцевъ въ заставныя державства (аренды, обезпеченныя капиталомъ, внесеннымъ владѣльцу): такъ, Конецпольскій, до пріобрѣтенія собственной земли, арендовалъ Мгліевскую волость у княгини Рожинской и т. д. А выше уже была упомянута сеймовая конституція о раздачѣ пустыхъ земель на кресахъ заслуженнымъ людямъ. Пріобрѣтая землю, паны изо всѣхъ силъ старались ее заселять. На Уманской пустынѣ, которую получилъ отъ登 становъ Валентій Калиновскій въ 1609 г., сынъ его Мартинъ, черезъ 30 лѣтъ, уже имѣлъ больше 100 деревень и 11 церквей въ мѣстечкахъ. Конецпольскій, при помощи французскаго инженера Боплана, осадилъ на пріобрѣтенной имъ степи 50 городовъ и мѣстечекъ, а около нихъ вскорѣ появилось около 1000 сельскихъ

поселеній и т. д. Какъ это дѣлалось, объ этомъ уже шла рѣчь выше. Хлоповъ приходилось и приманивать, и переманивать, однимъ словомъ, добывать всякими правдами и неправдами: особенно два первыя десятилѣтія 17-го вѣка суды переполнены жалобами владѣльцевъ одинъ на другого за уводъ чужихъ хлоповъ. Бѣдные шляхтичи, которымъ всегда было несравненно труднѣе привлечь хлоповъ, чѣмъ магнатамъ, выручали, случалось, себя очень экстраординарными мѣропріятіями. Напримѣръ, нѣкто Иванъ Жашковскій, изъ самозванныхъ полковниковъ, занялся ловлей хлоповъ, чтобы заселить свой клочекъ земли; упорныхъ изъ изловленныхъ распиналъ на крестѣ, мучилъ, пока мучимый не сложитъ троекратной присяги, что останется жить на землѣ Жашковскаго и уже никогда не воротится на свое гнѣздо. Но что же выходило изъ этого по отношенію къ интересующей насъ соціальной сторонѣ украинскаго положенія?

А выходило вотъ что.

Гордые брацлавскіе «окозаченные» хлопы съ ихъ свободными землями, хлопы, которые едва удостаивали помнить, что они сидятъ на земляхъ, находящихся въ районѣ старостинской власти, безчисленные хутора, «посѣянные козаками» въ Кіевщинѣ, все это оказалось теперь на панскихъ земляхъ. По польскому праву, свободный земледѣлецъ былъ аномаліей, которой нѣтъ мѣста въ благоустроенномъ обществѣ; а потому, пріобрѣтая какимъ бы то ни было правомъ территорію, панъ тѣмъ самымъ пріобрѣталъ право на всю земельную собственность всѣхъ владѣльцевъ этой территоріи, кромѣ шляхтичей, будь бы они оказались, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права на самыя личности этихъ владѣльцевъ. Но не могъ же украинецъ, исторически воспитанный на понятіи своей личной и земельной свободы, примириться съ этой точкой зрѣнія; не могъ даже и тогда, когда садился на панскую землю по договору, привлекаемый временными, хотя и долгосрочными слободами и другими льготами. Козачество поддерживало этотъ, крайне аномальный, съ польской точки зрѣнія, строй. И потому всѣ договоры съ козаками необходимо говорятъ о томъ, что всѣ, кто живетъ на панскихъ земляхъ, есть панскіе подданные, а кто не хочетъ себя такимъ считать, отказывается отъ послушенства, долженъ уходить съ земли: но куда же дѣваться, когда вся земля кругомъ панская, а число козаковъ точно реестровано? Такимъ образомъ, вся масса украинскаго народа, въ силу договора на Медвѣжьихъ Лозахъ и другихъ, распадалась на двѣ страшно неравныя по численности части: нѣсколько тысячъ реестровыхъ коза-

ковъ, которые должны были жить на точно опредѣленныхъ правительствомъ территоріяхъ и пользовались личной свободой, и все остальное населеніе, которое жило на панскихъ земляхъ съ накинутой на шеѣ петлей крѣпостного состоянія, хотя эта петля во многихъ случаяхъ и была еще совершенно свободной, могла совсѣмъ не давать себя чувствовать. Многолѣтнія свободы, льготы и защита, которою окружали сильные владѣльцы своихъ подданныхъ, въ соединеніи съ земельнымъ просторомъ и естественными богатствами края, могли дѣлать положеніе хлопа не только дурнымъ, но даже во многихъ отношеніяхъ завиднымъ, и паны, между которыми не рѣдко были и гуманные, высокообразованные люди, невольно сравнивая положеніе украинскаго хлопа съ положеніемъ польскаго, правы были въ своемъ искреннемъ удивленіи: какого еще рожна нужно этому буйному хлопу? и чѣмъ кромѣ innata malitia (врожденной злости) объяснить его ничѣмъ неудовлетворяемое недовольство? Въ многихъ случаяхъ могло быть такъ, но, конечно, нерѣдко бывало и иначе, и чѣмъ шире распространялась панская власть, чѣмъ увѣреннѣе она становилась, тѣмъ сильнѣе проявлялись и ея отрицательныя стороны: это неизбѣжный, естественный ходъ вещей.

Но, конечно, въ числѣ многаго другого не было условія, болѣе ухудшавшаго положеніе, болѣе обострявшаго отношенія, какъ появленіе на Украинѣ еврея, въ качествѣ посредника между паномъ и хлопомъ. На Волыни евреи жили издавна. Въ Острожскомъ княжествѣ, еще до Люблинской уніи, около 4000 израильтянъ занималось приготовленіемъ водки, пива и меду; а княжескіе ревизоры, докладывая о состояніи княжескихъ земель, на ряду съ такими отмѣтками о пустыхъ земляхъ: «татары забрали» (населеніе) или «кмети пошли прочь послѣ татарщины», — отмѣчаютъ и такъ: «пустки за жида» или «дворищовые за жида прочь пошли». На Подольѣ евреи также издавна соперничали въ торговлѣ съ армянами; но въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ они появляются только послѣ договора на Медвѣжьихъ Лозахъ, т. е. 1625 г. Появляются между прочимъ даже и какъ подстаросты, т. е. замѣстители старостъ, на которыхъ лежала, главнымъ образомъ, организація пограничной защиты. Государство принимало мѣры къ тому, чтобы старостa жили непремѣнно въ замкахъ, чтобы староства не переходили наслѣдственно къ женщинамъ. Но тѣмъ не менѣе случалось, что старосты проматывали въ столицѣ доходы со своихъ староствъ, которыя простирались иногда, какъ напримѣръ Бѣлоцерковское староство, на сто миль, а всю власть передавали державцу, который, естественно,

заботился только о своихъ доходахъ. Если же на мѣстѣ державца оказывался еврей, то, конечно, онъ не только заботился о доходахъ, но и умѣлъ ихъ извлекать артистически; а что изъ этого выходило, показываетъ слѣдующій примѣръ. Нѣкто панъ Снопковскій отдалъ въ аренду еврею Капелю Каневщину и Богуславщину, которыя самъ онъ держалъ въ качествѣ старосты,— отдалъ «съ млинами, корчмами горѣльчаными, поташовыми будами, чиншами, рыбными ловлями, перевозами, мытами и со всякими доходами тѣхъ старостъ»... На обязанности Капеля лежало содержать въ порядкѣ зáмокъ, снабжать его военными снарядами, содержать гарнизонъ, пушкарей и пр. Что же удивительнаго, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ еврейскаго державства ревизоры нашли, что доходы старостъ упали меньше, чѣмъ на половину первоначальной величины, а въ замкѣ Каневскомъ ни воротъ, ни башенъ, какихъ слѣдуетъ, стѣны въ дырахъ и т. д. Однимъ словомъ, по отношенію къ государственному имуществу, какимъ считалось староство, еврей являлся прямымъ разорителемъ; но за-то для пана-старосты еврей былъ чрезвычайно удобенъ, такъ какъ всегда имѣлъ наготовѣ деньги, все готовъ былъ купить или арендовать, за все готовъ былъ платить впередъ наличными, требовалъ же для себя только одного: напугать хлопа, чтобы тотъ боялся дѣлать что-нибудь, могущее служить къ уменьшенію его, еврейскихъ, доходовъ. Трудно даже и понять, какъ могли успѣть евреи въ такое относительно короткое время, меньше чѣмъ въ четверть вѣка, обхватить Украинскій народъ желѣзной цѣпью своего посредничества и возбудить къ себѣ ту бѣшеную, неукротимую ненависть, какая проявлялась въ каждомъ народномъ взрывѣ.

Много содѣйствовалъ ухудшенію положенія и религіозный вопросъ. Съ распространеніемъ панства, католическая вѣра не только de jure, но и de facto начала выступать въ роли господствующей. Конечно, кіевская католическая епископская каѳедра, которая имѣла въ концѣ 16-го вѣка такого блестящаго представителя, какъ Іосифъ Верещинскій, не могла потягаться земельными имуществами съ Кіево-Печерскимъ монастыремъ, но она была уже хорошо обезпечена: три торговыхъ мѣстечка, кромѣ деревень и мельницъ. Но главной, воинствующей силой католичества было на Украинѣ не свѣтское духовенство, а монашествующее: доминикане и въ особенности іезуиты. Іезуиты имѣли большой успѣхъ, между прочимъ на Кіевскомъ Полѣсьѣ, среди его боярства, еще недавно такъ преданнаго православію. Много отдѣльныхъ мелкихъ земельныхъ имуществъ перешло здѣсь въ ихъ руки. Былъ здѣсь устроенъ въ 1634 г. въ Ксаверовѣ и іезуитскій кол-

легіумъ вмѣстѣ съ разными другими учрежденіями, воздвигнутыми средствами и инициативой Игнатія Ельца, обращеннаго въ католичество изъ православія. Такъ, усиліями іезуитовъ, католичество пробиралось даже и до низшихъ общественныхъ слоевъ русской народности, уже не говоря о высшихъ, гдѣ іезуитская пропаганда имѣла большой успѣхъ. Но за-то аріанство осталось на Украинѣ спеціально «панской вѣрой»,—принадлежностью настоящаго панства. Броженіе религіозной мысли, обусловливаемое вторженіемъ религіозныхъ «новинокъ», придавало отчасти украинскому панству видъ религіознаго вольномыслія; но были и настоящіе столпы католичества. Къ такимъ столпамъ принадлежалъ, напримѣръ, весь магнатскій родъ Тышкевичей, но въ особенности извѣстный кіевскій воевода Янушъ Тышкевичъ. На свой счетъ водворилъ Тышкевичъ іезуитовъ въ Кіевѣ и Винницѣ, кармелитовъ въ Бердичевѣ, бернардиновъ въ Махновкѣ, доминиканъ въ Мораффѣ, громадныя суммы тратилъ онъ на костелы, на содержаніе духовенства. Но не такъ распространеніе католичества, какъ оно ни было велико, раздражало и волновало умы украинскаго народа, какъ тотъ расколъ, который раздѣлилъ православную церковь на два лагеря. Знамя восточнаго православія уже теперь неразрывно связалось съ дѣломъ украинскаго народа: всѣ оппозиціонные правительству элементы были въ лагерѣ «дизунитовъ».

Вообще, распространеніе польскаго политическаго и правового строя на русскую Украину съ ея своеобразно развившимися бытовыми формами было такъ внезапно и навязчиво, что мирный выходъ изъ положенія во всякомъ случаѣ былъ бы крайне затруднителенъ. Но если принять во вниманіе свойства польскаго государства, какъ формы самой по себѣ, его крайнюю неустойчивость, слабую сплоченность его частей, обусловливавшую теченія, которыя парализовали другъ-друга своимъ противорѣчіемъ, то такой мирный исходъ является уже прямой и простой невозможностью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на ту картину анархіи, какую представляла собою Украина въ разсматриваемую эпоху, эпоху относительно мирную, эпоху торжества государственнаго начала, эпоху Сагайдачнаго, а потомъ цѣлаго ряда побѣдъ надъ козаками, все сильнѣе и сильнѣе сгибавшихъ хлопское своеволіе подъ панское ярмо. Земли стараго заселенія, Волынь и Кіевское Полѣсье, т. е. Овручскій и Житомірскій повѣты съ ихъ давними исторически сложившимися формами, представляли болѣе порядка; но положеніе русской Украины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. Брацлавщины и Кіевщины, было крайне ненормально. У государства не хватало силы поддерживать здѣсь

хоть какое-нибудь элементарное общественное равновѣсіе, дать опору дѣйствующему праву, и край былъ погруженъ въ такой правовой хаосъ, представленіе о которомъ съ трудомъ вмѣщается въ головѣ современнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ забыть, что имѣетъ дѣло съ областью польскаго государства, снабженной, повидимому, всѣми необходимыми по государственной конституціи учрежденіями, административнымъ, судебнымъ и инымъ. Видя, что дѣло неладно, государство передаетъ въ руки пограничныхъ старостствъ право brachium regale (королевской руки), т. е. жизни и смерти, но это не улучшаетъ положенія. И всѣ эти экстренныя мѣры направляются не противъ козаковъ или хлоповъ, а противъ шляхетско-польскаго элемента: это ясно изъ смысла сеймовыхъ конституцій. Да оно и не могло быть иначе. На Украину постоянно прибывали изъ глубины края безпокойные люди, искавшіе здѣсь убѣжища: осужденные преступники, участники политическихъ движеній, и т. п. Здѣсь у «татарской стѣны», имѣя за плечами врага, готоваго ежеминутно обрушиться, не такъ-то легко было, конечно, преслѣдовать преступника, буде-бы власти и смотрѣли на дѣло серьезно. А смотрѣли они вотъ какъ: гетманъ Жолкѣвскій открыто, универсалами, приглашалъ на Украину политическихъ преступниковъ, участниковъ жолнерскихъ конфедерацій, на службу королю и Рѣчи Посполитой. Иногда же безпокойные элементы на Украинѣ усаживались на землѣ и превращались въ мирныхъ гражданъ, на сколько здѣсь вообще могли быть мирные граждане. Но большею частью они и здѣсь оставались столь же безпокойными и входили въ вольныя дружины. Эти вольныя дружины составляли въ данную эпоху настоящее бѣдствіе украинской жизни, пожалуй не меньшее, чѣмъ татарскіе набѣги. Вызывало ихъ къ жизни само государство. Ведя тяжелыя войны и нуждаясь постоянно въ военной силѣ, оно охотно выдавало каждому, хотя бы то былъ ловкій запорожецъ или польскій шляхтичъ-баннитъ, «заповѣдный или приповѣдный листъ», который давалъ право формировать вольную дружину. О подвигахъ одной такой дружины, атамана Пашкевича, и его войнѣ съ Немиричемъ, мы говорили выше. Во время Московскихъ походовъ Украина доставила до шестидесяти тысячъ такихъ волонтеровъ, которые двигаются по однимъ только побужденіямъ, наживы посредствомъ грабежа, и которые начинаютъ свои подвиги чуть не съ перваго момента своего выступленія въ походы, съ перваго ночлега. Актовыя книги гродскихъ судовъ переполнены жалобами на такія дружины и ихъ предводителей. Вотъ два-три примѣра. Нѣкто Искоростенскій, напр., земянинъ изъ

Быхова, явился въ Кіевщину, чтобы вербовать здѣсь охотниковъ, и такъ хорошо управлялся, что въ теченіе одного 1609 г. подано было на него 29 жалобъ о грабежѣ, а тридцатая о смертоубійствѣ одного мирнаго шляхтича. Во время приготовленій къ турецкой кампаніи нѣкто Фастовецъ набралъ себѣ войско изъ «своевольнаго мѣщанскаго гультяйства» въ 2000 человѣкъ, вымуштровалъ его, снабдилъ даже пушками, захваченными въ одномъ изъ замковъ, и повелъ въ краѣ настоящую войну по всѣмъ правиламъ искусства. Онъ приближался къ какому-нибудь дворцу, конечно, защищенному, какъ это обыкновенно водилось, и требовалъ выкупъ деньгами и съѣстными припасами. Если предложеніе отклонялось, онъ начиналъ осаду; побѣжденныхъ облагалъ тяжелой контрибуціей. Когда-же встрѣчалъ упорный отпоръ, то все палилъ, а виновныхъ вѣшалъ: нѣсколько поселеній подверглось такой участи. Еще одинъ подобный отрядъ дѣйствовалъ такъ, что грабилъ дворы и мѣстечка, а отъ обиженныхъ вымогалъ документы, въ томъ смыслѣ, что они не имѣютъ никакихъ претензій на грабителей и т. д. Правительство, видя, какое зло вытекаетъ изъ всего этого, пыталось ограничить, если не совсѣмъ прекратить, выдачу «заповѣдныхъ листовъ»; но вынуждаемое необходимостью, само отмѣняло свои распоряженія. Наконецъ, зло достигло такихъ размѣровъ, что гетманъ Жолкѣвскій издалъ универсалъ къ кварцяному войску, чтобы оно готовилось къ усмиренію своевольниковъ. Однако, все и всѣмъ проходитъ безнаказанно, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда личная месть является на помощь безсильному правосудію.

Но хуже всего, конечно, было то, что сами коронныя войска, въ виду опаснаго положенія края, расположенныя здѣсь на постоянныхъ квартирахъ, вмѣсто того, чтобы охранять внутренній порядокъ и защищать отъ непріятеля, допускали такія же злоупотребленія, какъ и вольныя дружины. Разница была лишь въ томъ, что коронныя войска никогда не трогали имѣній магнатовъ и высшихъ урядниковъ, но мелкую шляхту съ ея имѣніями они третировали по-непріятельски. Цѣлый рядъ кварцяныхъ ротмистровъ пользовался такою же громкой и столь же заслуженной печальною славой, какъ и предводители разбойничьихъ шаекъ, извѣстныхъ то подъ именемъ своевольныхъ купъ, то вольныхъ дружинъ. Одна хоругвь порубила въ пень обывателей Звягля за то, что они не хотѣли исполнить требованій ея начальника. Подъ предлогомъ «выбиранія стацій» допускались самыя вопіющія злоупотребленія, да и вообще выбираніе стацій очень смахивало на военныя дѣйствія въ непріятельской странѣ. Двѣ хоругви, «черная» Стемпковскаго и «красная» Хмелецкаго,

каждая изъ тысячи человѣкъ, дѣйствовали такъ, что народъ собирался и вооружался, при вѣсти о ихъ приближеніи, точно какъ при вѣсти о татарскомъ чамбулѣ; Брусиловъ для защиты укрѣпился, они взяли его штурмомъ и спалили до-тла. И правительство не находило иного способа справиться со зломъ, какъ только уменьшить войско. «Постоянный плачъ и жалобы бѣдныхъ людей, кровавыми слезами взывающихъ къ небесамъ», пишетъ гетманъ Конецпольскій, «привели его королевскую милость къ рѣшенію уменьшить украинскія войска, чтобы они не слишкомъ распространялись по краю: такъ расширились они, такъ высвободились изъ войсковой строгости, что уже, не обращая вниманія ни на страхъ Божій, ни на свою совѣсть, ни на военные законы, ни на добрую славу, чуть что не кровь пьютъ бѣдняковъ и дѣлаютъ въ глазахъ кресовыхъ людей отвратительнымъ и ненавистнымъ самое имя жолнера»...

Что можетъ быть краснорѣчивѣе признанія стараго гетмана, главы этихъ самыхъ жолнеровъ?

Но если такъ дѣйствовали коронныя войска, то чего же ожидать отъ панскихъ надворныхъ отрядовъ. Вотъ какими словами описываетъ Іерличъ надворное войско Лаща, короннаго стражника: «банниты, волохи, татары, разбойники, воры, честнаго человѣка и не спрашивай, а нѣсколько сотъ всегда при немъ находилось такихъ, которые и дороги въ Кіевъ потеряли и не ѣздили туда ради своихъ разбоевъ и грабежей»... Какъ могла дѣйствовать такая дружина? А вотъ какъ. Падаетъ конь подъ всадникомъ, онъ забираетъ перваго попавшагося коня; а приводится ли выпречь этого коня изъ встрѣчнаго экипажа, или вывести изъ чьей-нибудь конюшни—это ужъ все равно; не достаетъ припасовъ —осматриваются вокругъ, не работаетъ ли гдѣ плугъ въ полѣ, не тянется ли обозъ по дорогѣ: выпрягутъ вола, разложатъ тутъ же огонь, зарѣжутъ—и сыты; нужна водка, пиво, фуражъ—на то есть сосѣдняя деревня: является отрядъ, а народъ, зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, торопится попрятаться поскорѣе.

Въ такомъ положеніи находилась организація защиты. Если-бы все это не было лишь симптомомъ анархіи, то оно само по себѣ могло бы быть ея достаточной причиной. Если разнузданность личныхъ стремленій вообще характеризуетъ собою польское общество, то здѣсь, на Украинѣ, въ разсматриваемую эпоху, разнузданность эта принимаетъ по истинѣ чудовищные размѣры. Отдѣльные шляхетскіе дома ведутъ между собою безконечные процессы, которые то и дѣло сходятъ съ правовой дороги на путь частной войны, сопро-

вождаемой всѣми ея необходимыми послѣдствіями, вооруженнымъ занятіемъ земель противника, штурмомъ зáмковъ, взаимнымъ грабежомъ и убійствами. Всплывалъ и антагонизмъ между магнатствомъ и мелкою шляхтою, въ основѣ котораго, между прочимъ, лежала и рознь экономическихъ интересовъ: магнаты, при посредствѣ экстренныхъ мѣръ, усиленно колонизуя свои земли, тѣмъ самымъ подрывали возможность для мелкой шляхты колонизовать свои. Антагонизмъ этотъ, случалось, прорывался очень ярко, такъ какъ въ условіяхъ украинской жизни все легко приходило ко взрыву: напр., когда въ 1611 г. одинъ магнатъ справлялъ въ Бердичевѣ свадьбу своей дочери съ богатымъ земяниномъ, который имѣлъ въ родствѣ много бѣдной шляхты, произошло настоящее побоище съ многими жертвами, убитыми и ранеными, вызванное тѣмъ, что магнатскіе служебники начали смѣяться надъ земянскими гайдуками. Общественная атмосфера Украины была такъ насыщена правонарушеніемъ, что нелегко было найти шляхтича, котораго не привлекали бы въ судъ за насиліе или заѣздъ, который не имѣлъ бы на себѣ хотя одной банниціи. Выработался особый типъ шляхтича «съ фантазіей», въ родѣ князя Романа Рожинскаго, этого не-то героя, не-то авантюриста, не-то разбойника отъ природы, однимъ словомъ, человѣка, который былъ совсѣмъ не приспособленъ къ условіямъ мирнаго гражданскаго быта и долженъ былъ необходимо искать себѣ какого-нибудь подходящаго поля, если не въ Молдавіи, то на Запорожьѣ, если не въ Запорожьѣ, то въ Москвѣ: онъ, Рожинскій сдѣлалъ своей спеціальностью московскихъ самозванцевъ, за нихъ и сложилъ свою буйную голову. О какихъ-нибудь высшихъ цѣляхъ, какъ бы онѣ ни понимались, здѣсь нѣтъ и помину. Крайне любопытно заявленіе, которое сдѣлалъ этотъ авантюристъ королю Сигизмунду черезъ своего посланнаго: «если кто рѣшится отнять у насъ наши кровавыя заслуги и ту жатву, которую мы собрали пóтомъ чела, кровью и желѣзомъ, то мы въ такомъ случаѣ не будемъ почитать ни пана за пана, ни брата за брата, ни отечество за отечество». Конечно, мораль князя Рожинскаго была очень откровенная; но еще откровеннѣе были дѣйствія другого, еще гораздо болѣе извѣстнаго, шляхтича, который даже не считалъ нужнымъ разыскивать поле для своей широкой натуры внѣ предѣловъ отечества. Мы говоримъ о знаменитомъ коронномъ стражникѣ, овручскомъ старостѣ Самуилѣ Лащѣ, который представлялъ собою для Украины героя даннаго историческаго момента.

Несомнѣнно, Лащъ былъ человѣкъ выдающихся дарованій, по крайней мѣрѣ военныхъ. Недаромъ же онъ заслужилъ названіе «та-

тарскаго страха»; съ этой стороны онъ можетъ стать въ ряду съ такими защитниками Украины, какъ Претвичъ, Хмелецкій, Гослицкій. Но и помимо своихъ военныхъ заслугъ, онъ умѣлъ пріобрѣтать себѣ симпатіи людей: гетманъ Конецпольскій стоялъ за него горой до конца, не смотря ни на что, и самъ Владиславъ IV, человѣкъ правдивый и не склонный къ лицепріятію, не разъ спасалъ его отъ преслѣдованій закона. Но какъ третировалъ всякіе права и законы этотъ украинско-польско-шляхетскій герой, трудно было-бы повѣрить, если бы мы не имѣли на этотъ счетъ точныхъ документальныхъ свидѣтельствъ. Прежде всего, онъ никогда не удостоивалъ связываться съ судами. Противъ него велось безчисленное множество процессовъ —онъ самъ не жаловался и не отвѣчалъ, т. е. не отвѣчалъ правовымъ способомъ, а если отвѣчалъ, то только истцу фактически: «кто на него въ судъ обращался, тотъ долженъ былъ раньше отказаться отъ жены и отъ дому и спасаться, пока цѣлъ». Подкладкой всѣхъ его дѣяній было безцеремонное добываніе средствъ: онъ былъ изъ «худопахолковъ», а большія матеріальныя средства были ему необходимы уже хоть бы и для того, чтобы исполнить свою обязанность по защитѣ края,—таковъ былъ строй Рѣчи Посполитой, что бѣдному человѣку трудно было быть даже и полезнымъ своему отечеству. Началъ Лащъ съ небольшихъ злоупотребленій, которыя какъ бы даже и примыкали къ обычному украинскому праву, съ порубокъ въ чужомъ лѣсу, насильственнаго выбиранія стацій, небольшихъ заѣздовъ.—Все сходило съ рукъ благополучно, и фантазія Лаща разыгрывалась шире и шире. Первыя крупныя правонарушенія Лащъ производилъ въ товариществѣ и какъ бы подъ покровительствомъ Криштофа Немирича, члена одного изъ самыхъ вліятельныхъ въ Кіевщинѣ домовъ. Зимой 1618 г. они произвели штурмъ и взятіе двухъ людныхъ и защищенныхъ мѣстечекъ, Ярославки и Михайловки; за упорную защиту мѣстечки предназначены были къ истребленію, ихъ подпалили съ четырехъ концовъ; особенно жестоко пострадала Ярославка, мѣстечко пана Адама Рожинскаго. Обиженные нашли сильную поддержку въ Кіевскомъ воеводѣ Замойскомъ, и Криштофъ Немиричъ, не смотря на всю поддержку, какую они имѣли въ родственныхъ связяхъ, былъ казненъ; Лащъ, его сподручный, подвергся банниціи, но это было лишь началомъ его выступленія на дорогу самостоятельныхъ предпріятій. Съ этихъ поръ онъ выступаетъ, съ одной стороны, какъ очень важный полезный слуга государства—въ войнахъ съ Турціей, въ столкновеніяхъ съ козаками и, наконецъ, въ качествѣ короннаго

стражника въ постоянныхъ погоняхъ за татарскими чамбулами: онъ былъ правою рукою гетмановъ. Но съ другой стороны развивается crescendo и противозаконная дѣятельность Лаща: въ одномъ 1630 г. его двадцать шесть разъ требовали къ суду—по дѣламъ о грабежахъ, нарушеніи договоровъ, неуплатѣ долговъ и т. д. Вообще по отношенію къ равнымъ себѣ шляхтичамъ или даже высшимъ магнатамъ—надо отдать должное Лащу, что онъ мало смотрѣлъ на лица: почти всѣ его правонарушенія носили имущественный характеръ, лишь квалифицируясь насиліемъ, грабежомъ, поджогомъ и т. п. Онъ занималъ чужія имѣнія, отдавалъ въ заставную державу, выгонялъ державцевъ и самъ водворялся на ихъ мѣсто, какъ державца безплатный; или отдавалъ свое имѣніе, пріобрѣтенное имъ тѣмъ или инымъ путемъ, въ заставную державу; бралъ деньги, но не допускалъ державцу водворяться; или отдавалъ одно и то же имѣніе разомъ двумъ-тремъ лицамъ и т. д. Процессы за процессами тянулись по судамъ противъ Лаща; истцы ихъ выигрывали; на Лаща сыпались банниціи и инфаміи, изъ которыхъ каждая дѣлала его изъятіемъ изъ-подъ охраны законовъ, такъ что первый встрѣчный обязывался его схватить и представить *въ гродъ*, могъ даже безнаказанно убить его, какъ дикаго звѣря. И тѣмъ не менѣе Лащъ, неся на плечахъ тяжесть 236 баннцій и 37 инфамій, не только жилъ и дѣйствовалъ какъ полноправный обыватель, но и продолжалъ беззаконія, опираясь на королевскія глейты и гетманскія экземпты, которыя ему выдавались безконечно, какъ человѣку необходимому для обороны края. Есть преданіе, что онъ явился въ Варшаву къ королю въ ферязи, подшитой банниціями и инфаміями. Но если такъ дѣйствовалъ Лащъ въ той средѣ, которая могла какъ-ни-какъ защищать себя при содѣйствіи закона и права, то какъ онъ долженъ былъ дѣйствовать тамъ, гдѣ не было защиты со стороны закона по отношенію къ низшему классу, козакамъ и хлопамъ? Здѣсь не ведется процессовъ, нѣтъ актовъ, есть только намеки и отдѣльныя отрывочныя указанія въ судебныхъ шляхетскихъ документахъ. Какъ широко и свободно здѣсь раскинулась дѣятельность Лаща, видно изъ того, что практика жизни выработала особые термины, которыми обхватывалась эта его дѣятельность: «лащованье» и «лащовчики». Подразумѣвались же подъ лащованьемъ такія дѣйствія: обращеніе козаковъ въ хлоповъ, значкованіе упорныхъ хлоповъ, т. е. обрѣзаніе имъ носовъ и ушей, свадьбы «по-татарски», т. е. похищеніе молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ потомъ насильственно выдавали замужъ за похитителей; лащовчики же, по словамъ Хмельницкаго, это тѣ, кто «коза-

ковъ заслуженныхъ въ Польшѣ въ хлоповъ обращали, грабили, за бороды таскали, въ плуги запрягали». Но суды во все это вступались лишь по столько, по сколько здѣсь были задѣты имущественныя права шляхтичей—не больше. Выведенная изъ терпѣнія волынская шляхта въ 1646 г. на сеймикѣ въ Луцкѣ, составляя инструкцію для своихъ пословъ, внесла петицію, чтобы король лишилъ силы охраняющіе Лаща глейты, какъ противные праву. Но только внезапная смерть гетмана Конецпольскаго могла сломить Лаща; однако и тутъ понадобилось созвать противъ него посполитое рушеніе, которое приблизилось къ дому Лаща съ такими предосторожностями, точно дѣло шло о татарскомъ кошѣ: но Лащъ уже не могъ и не хотѣлъ защищаться.

Могъ-ли русскій козакъ или хлопъ уважать это чуждое и явно враждебное ему право и его опору—польское государство, если къ этому праву и этому государству съ такимъ пренебреженіемъ относились его родныя дѣти?

III. Хмельнищина и руина.

Почти десять лѣтъ прошло со времени послѣднихъ козацкихъ волненій, а Украина была спокойна. Можно было думать, пожалуй, что козацко-хлопскій вопросъ уже рѣшенъ окончательно. Все располагало къ оптимизму: превосходные урожаи, мягкія зимы, видъ дѣятельнаго рабочаго люду, которымъ кишѣла степь, люду на взглядъ спокойнаго, веселаго—и гордая шляхта жила себѣ и гуляла, не предчувствуя близкой бѣды. Очень заняла всѣхъ, но не поразила вѣсть о внезапной смерти гетмана Конецпольскаго, усмирителя своевольнаго козачества. Но извѣстіе о тяжелой болѣзни короля сильно встревожило украинскую шляхту: въ этой тревогѣ звучала нота недовѣрія къ магнатству, на рукахъ котораго должно было очутиться государство въ случаѣ королевской смерти.

А между тѣмъ въ Чигиринѣ и его окрестностяхъ разъигрывался очень простой и незначительный по своему содержанію прологъ къ ужасающей исторической драмѣ.

Чигиринское староство послѣ смерти гетмана Конецпольскаго перешло къ его сыну, коронному хорунжему. Управлялось оно подстаростой, который жилъ въ Чигиринѣ. Въ описываемое время подстаростой этимъ былъ нѣкто Чаплинскій, выходецъ изъ Литвы, опредѣленный еще покойнымъ гетманомъ. Едва-ли этотъ человѣкъ

былъ здѣсь на своемъ мѣстѣ. Чтобъ понимать всѣ сложныя особенности мѣстной жизни, надо было родиться или по крайней мѣрѣ долго жить на вулканической почвѣ Украины. А Чаплинскій, повидимому, только и зналъ, что простого литовскаго хлопа, который покорно тянулъ свое ярмо до послѣдней возможности и, если становилось не въ моготу, исчезалъ въ лѣсу. Въ узко-шляхетской головѣ подстаросты не вмѣщалось то, что и не шляхтичъ можетъ быть человѣкомъ состоятельнымъ, уважаемымъ, образованнымъ. А таковымъ былъ, несомнѣнно, его близкій сосѣдъ, войсковой писарь Богданъ Хмельницкій. Богданъ имѣлъ на земляхъ чигиринскаго староства, надъ рѣкой Тясьминомъ, хуторъ Суботовъ, полученный еще его отцомъ, убитымъ подъ Цецорой, въ видѣ пустаго урочища, а въ описываемое время уже совсѣмъ благоустроенный: былъ тамъ и домъ, и мельница на прудѣ, и обширный садъ, а, главное, было уже и населеніе. Къ этому хутору Богданъ лично выпросилъ у короля за свои высокія заслуги еще степной участокъ за рѣкой, гдѣ тоже скоро появилось населеніе, платившее владѣльцу чиншъ, были пасѣки, гумна, корчмы. Такимъ образомъ войсковой писарь былъ замѣтной особой въ районѣ чигиринскаго староства даже и по имущественному своему положенію. Но надо къ этому прибавить то уваженіе, которымъ онъ пользовался. Пользовался онъ имъ за свое образованіе, такъ какъ онъ учился у іезуитовъ въ Ярославѣ и умѣлъ показать лицомъ свою школьную науку; пользовался за свою большую опытность, которую вынесъ изъ своихъ странствованій: онъ два года былъ плѣнникомъ въ Константинополѣ и Крыму, бывалъ въ Варшавѣ, былъ лично извѣстенъ Владиславу IV; пользовался разумѣется, уваженіемъ и за свой выдающійся умъ и даровитость, въ которыхъ ему невозможно отказать. И съ уваженіемъ относилась къ Хмельницкому не только козацкая среда или мелко-шляхетская, но даже мѣстные магнаты прибѣгали къ совѣтамъ войсковаго писаря. Но въ глазахъ Чаплинскаго все это были лишь незаконныя притязанія наглаго «плебея», дерзко попирающаго всѣ человѣческія и божескія права. И этому плебею легко и свободно удается то, чего лишь съ такимъ усиліемъ добивается самъ онъ, Чаплинскій, желающій изъ всѣхъ силъ угодить вельможному пану Конецпольскому,—удается заселеніе пустыхъ земель.

Какъ перешло затаенное неудовольствіе въ открытую вражду? Несомнѣнно, здѣсь была замѣшана женщина—подстаростина Чаплинская, позже вторая жена Богдана Хмельницкаго, первоначально, въ качествѣ сироты, пріемышъ его семьи. Участіе этой женщины въ слу-

чившемся ясно; но характеръ этого участія теменъ. Несомнѣнно, что Чаплинскій началъ оспаривать права Хмельницкаго на его земли; несомнѣнно, что онъ сдѣлалъ на имѣніе Хмельницкаго «заѣздъ», въ которомъ погибло имущество Хмельницкаго, и была похищена дѣвушка, которая сдѣлалась вслѣдъ затѣмъ подстаростиной. Несомнѣнно и то, что Чаплинскій имѣлъ какую-нибудь юридическую зацѣпку для своихъ насильственныхъ дѣйствій: польское право, водворявшееся на почвѣ стараго литовско-русскаго права, съ одной стороны, и мѣстнаго правового обычая, съ другой, производило страшную смуту понятій, отражавшуюся въ жизни той анархіей, о которой была рѣчь выше. Изъ правового хаоса выплывалъ наверхъ или фактически сильный, или тотъ, кому посчастливилось заручиться какой-нибудь непреложной съ формальной стороны правовой гарантіей, въ родѣ королевской грамоты или сеймовой конституціи. Вѣроятно, войсковой писарь не былъ обезпеченъ ничѣмъ подобнымъ, такъ какъ ему не помогли даже личныя его хлопоты въ Варшавѣ: его Суботовъ отданъ былъ въ пожизненное владѣніе тому же самому Чаплинскому. Но вражда Чаплинскаго не разрѣшилась этимъ его торжествомъ: вѣроятно, и Хмельницкій, который теперь поселился въ томъ же Чигиринѣ, гдѣ жилъ подстароста, держалъ себя не какъ побѣжденный. Чаплинскій наноситъ Хмельницкому рядъ тяжелыхъ обидъ: достаточно вспомнить хотя бы то, что онъ публично, на чигиринскомъ рынкѣ, велѣлъ высѣчь старшаго сына Хмельницкаго. Управы на Чаплинскаго, который пользовался полнымъ довѣріемъ молодого старосты, не было, и искать ее было негдѣ.

Въ декабрѣ 1647 г. Хмельницкій ушелъ на Низъ, на Запорожье. А съ открытіемъ весны уже что-то творилось на Украинѣ неладное: явились тѣ тревожные признаки, по которымъ опытные люди умѣли предсказывать близкую бурю. Изъ хаты въ хату, по будамъ и винокурнямъ, по уединеннымъ хуторамъ, ходили какія-то темныя вѣсти... Кто переносилъ ихъ? Богъ знаетъ, шляхтичу ничего тутъ нельзя было дознаться: можно было лишь догадываться, что вѣтеръ дуетъ съ юга, отъ днѣпровскаго Низу. И вѣсти были не спроста. Наймиты кидали свои работы, пропивали въ корчмахъ заработки, а между тѣмъ въ полголоса совѣщались между собою о чемъ-то. Въ одно прекрасное утро пропадаетъ столько-то людей изъ такого-то города, изъ села: очевидно, на Украинѣ снова собирались «купы» и исчезали въ степи. Не было села или хутора, гдѣ не ощущалось бы тлѣніе, предвѣстникъ готоваго вспыхнуть пожара. Но пока все было спокойно.

Однако великій коронный гетманъ Потоцкій, знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Украинѣ и предупрежденный о томъ, что на Запорожьѣ что-то готовится, самъ пріѣхалъ на Украину. Лучше, если бъ онъ этого не дѣлалъ: съ его появленіемъ возникло въ польскомъ войскѣ двоевластіе, антагонизмъ между нимъ и польнымъ гетманомъ Калиновскимъ. Тѣмъ не менѣе ясно, что поляки были во-время предупреждены, понимали опасность, приняли противъ нея возможныя мѣры. Тѣмъ большимъ ужасомъ обхватила ихъ вѣсть о тяжеломъ пораженіи у Желтыхъ Водъ и подъ Корсунемъ. Войска нѣтъ больше, оба гетмана въ плѣну, къ Хмельницкому перешли всѣ реестровые и всѣ украинцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, за-одно съ Хмельницкимъ дѣйствуетъ извѣстный татарскій наѣздникъ мурза Тугай-бей съ ногайцами. Послѣднее поражало больше всего: козаки въ союзѣ съ татарами... какую страшную угрозу Польшѣ заключаетъ въ себѣ эта неожиданная перемѣна фронта, которой никто не предвидѣлъ?

Въ концѣ апрѣля Хмельницкій вышелъ со своимъ войскомъ изъ Запорожья; въ концѣ мая онъ уже стоялъ обозомъ подъ Бѣлой Церковью, какъ полный господинъ положенія. Событія слѣдовали одно за другимъ съ головокружительной быстротой. Въ дополненіе ко всему разнеслась вѣсть о смерти Владислава IV.

А между тѣмъ на всей территоріи Украины поднималась соціальная революція со всѣми своими ужасами. Видъ края измѣнился моментально. Вчерашніе господа, поляки и евреи, сегодня были жалкими и беззащитными жертвами въ виду возставшаго, какъ одинъ человѣкъ, народа, безпощаднаго, кроваваго мстителя. Въ своемъ мстительномъ гнѣвѣ, слѣпомъ, какъ бушующая стихія, онъ не зналъ ни справедливости, ни состраданія: все губилъ онъ въ яростномъ порывѣ, злое, какъ и доброе, виновное, какъ и невинное, дряхлаго старика, грудного ребенка. Счастливъ былъ тотъ шляхтичъ или еврей-арендаторъ, который успѣлъ спастись и спасти свои семьи отъ страшныхъ рукъ своихъ хлоповъ за стѣнами замковъ; но еще гораздо счастливѣе были тѣ, кому удалось пробраться въ Польшу, хотя бы покинувъ все добро на произволъ судьбы. Не только въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ, но и на Волыни, въ Кіевскомъ Полѣсьѣ и даже въ восточной части Подолья всюду хлопы вырѣзали пановъ и арендаторовъ евреевъ, если тѣ не успѣли ускользнуть своевременно. Очередь была за укрѣпленными городами и мѣстечками. Правда, и тутъ всюду былъ элементъ, благопріятствующій возстанію, въ видѣ мѣщанъ, сплошь русскихъ и православныхъ. Но въ каждомъ замкѣ было теперь много вооружен-

ной шляхты, были и надворные панскіе отряды. Хлопы могли голыми руками расправляться съ панами, но, очевидно, не могли брать даже слабо укрѣпленныхъ мѣстечекъ. Но рядомъ по всей территоріи шла усиленная и самопроизвольная организація военныхъ отрядовъ. Это брали на себя люди энергичные и опытные въ военномъ дѣлѣ, иногда заручившись согласіемъ войскового уряда, воплощавшагося теперь въ лицѣ гетмана Хмельницкаго, какъ-бы «заповѣднымъ листомъ», иногда обходясь и такъ, лишь «съ воли люду»: было не до формальностей. Эти отряды, или «загоны», въ нѣсколько сотъ, тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ, должны были окончательно очистить Украину отъ всего лядскаго и жидовскаго, и, дѣйствительно, очистили ее. Самымъ страшнымъ изъ нихъ, и по размѣрамъ, и по жестокости своего предводителя, былъ, конечно, отрядъ Кривоноса: изъ Кіевщины черезъ Брацлавщину Кривоносъ перенесъ свою дѣятельность на Подолье. Всюду, гдѣ проходилъ Кривоносъ, по слѣдамъ его оставались лишь дымящіяся почернѣлыя развалины и трупы. Тоже въ Кіевщинѣ дѣйствовалъ Харченко Гайжура съ Лысенкомъ Вовгуромъ. На Подольѣ Ганжа и Морозенко стояли во главѣ отряда въ 80000 человѣкъ; а кромѣ того, еще были самостоятельные отряды Остапа Павлюка и Антона. На Волыни пріобрѣли извѣстность, какъ предводители, Колодка, Иванъ Дунецъ, Тыса, на Полѣсьѣ — Гловацкій. Конечно, это были имена лишь главнѣйшихъ предводителей; было рядомъ съ ними и еще многое множество другихъ, второстепенныхъ. Но отмѣчать ихъ имена и дѣянья было некому: шляхтичъ, историкъ или авторъ мемуаровъ, съ отвращеніемъ записывалъ имя ненавистнаго и презрѣннаго хлопа, лишь вынуждаемый къ тому крайней необходимостью. Укрѣпленные города и мѣстечки одинъ за другимъ падали подъ натискомъ этихъ отрядовъ, на встрѣчу которымъ стремились симпатіи русскихъ мѣщанъ. Ужасы поголовнаго избіенія, которому подверглись нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ, напр. Тульчинъ, Немировъ, Полонное, превосходятъ всякое описаніе. Наконецъ взятъ былъ Кривоносомъ и Баръ. Только превосходно укрѣпленный природою Каменецъ-Подольскій остался на всей территоріи Украины одной единственной точкой, гдѣ еще задержалась крупица польско-католической стихіи, которая такъ быстро и вольно разлилась было по Украинѣ. Почти все польское, если не спаслось бѣгствомъ, то погибло; вслѣдъ за нимъ пошли и паны русской крови и православной вѣры, кромѣ тѣхъ, кто вольно или невольно отказался отъ своихъ общественныхъ преимуществъ и «окозачился», или кто успѣлъ попрятаться

по монастырямъ, особенно въ Кіево-Печерскую Лавру; а вмѣстѣ съ панами пострадали и тѣ изъ православныхъ русскихъ, кто не успѣлъ во-время отказаться отъ польскаго культурнаго обычая, забиравшаго силу надъ русскими, особенно въ городахъ и мѣстечкахъ. Но высшимъ предметомъ народной ненависти, надъ которымъ она изощряла свою мстительную фантазію, были евреи и католическій монахъ. Доминикане, въ память страшныхъ событій этого года, перемѣнили свой черный поясъ на красный, цвѣта крови. А евреи имѣютъ въ своемъ календарѣ одинъ день, день скорби, напоминающій имъ до сихъ поръ ужасы украинской революціи.

Во всей громадной территоріи Украины нашелся всего только одинъ магнатъ, который прямо несъ свою гордую голову на встрѣчу страшной бурѣ хлопскаго бунта. Это былъ Іеремія Вишневецкій, тотъ легендарный Ярема, самое имя котораго звучало въ ушахъ русскаго населенія, какъ звонъ набатнаго колокола. Съ лѣваго берега Днѣпра, изъ Лубенъ, своей столицы, переправился онъ во главѣ отряда, набраннаго изъ шляхты, сидѣвшей на его земляхъ, обнимавшихъ Полтавскую и значительную часть Черниговской губ., на правый берегъ, прошелъ Украину поперекъ и сталъ на ея западныхъ границахъ. Онъ пробился черезъ море волнующагося, враждебнаго населенія, отмѣчая свой путь страшными жестокостями: онъ не снисходилъ до переговоровъ съ врагами, до того, чтобы захватывать плѣнныхъ: и парламентеры, и плѣнники одинаково шли на колъ. Его выдающіяся военныя способности и мужество доставили ему рядъ побѣдъ надъ предводителями встрѣчныхъ загоновъ, главнымъ образомъ надъ Кривоносомъ; но въ результатѣ онъ могъ только пробиться, и надо сознаться, что и это было слишкомъ много.

Вотъ приблизительные итоги этого ужаснаго лѣта, этихъ трехъ первыхъ мѣсяцевъ, отъ іюня по августъ, открывшихъ собою кровавую эпопею.

Въ 17 украинскихъ королевщинахъ въ руки русскаго населенія перешло 134 города и мѣстечка, изъ которыхъ половина представляла собою настоящіе зáмки, затѣмъ 4200 деревенъ, слободъ, хуторовъ, колонизованныхъ боярами или шляхтой, наконецъ до 2000 млиновъ, составлявшихъ важную статью старостинскихъ доходовъ. Имущественныя потери Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Замойскихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, уже не говоря о сотняхъ менѣе важныхъ шляхетскихъ родовъ, вычисляются многими милліонами. Много цѣнностей пошло съ дымомъ или было уничтожено въ слѣпой ярости; но масса драгоцѣнныхъ движимостей захвачена была и населеніемъ. Мѣстная

шляхта была очень богата: панскіе дворы полны дорогихъ вещей; подъ самой убогой шляхетской крышей можно было найти какую-нибудь драгоцѣнную вещицу; въ костелахъ множество сосудовъ художественной работы, священныхъ предметовъ, украшенныхъ брилліантами, жемчугами, рубинами, запасы золота и серебра. Все было расхищено до тла; даже изъ гробовъ выбрасывали трупы, чтобъ снимать съ нихъ драгоцѣнныя вещи.

Одинъ современникъ Альбрехтъ Раздивилъ опредѣляетъ число людскихъ жертвъ этого времени въ милліонъ головъ. На чемъ основана эта цифра? Какъ велика степень ея достовѣрности? По всей вѣроятности, очень не велика. За болѣе достовѣрныя надо считать извѣстія еврейскихъ писателей-современниковъ, оставившихъ описанія бѣдствій своего народа. По этимъ извѣстіямъ, при взятіи Немирова погибло евреевъ 6000, Тульчина и Бара — по 2000, Полонпаго—10000, кромѣ менѣе значительныхъ погромовъ въ Заславлѣ, Острогѣ, Дубнѣ, Винницѣ, Брацлавлѣ и т. д., въ общемъ разорено до тла 300 еврейскихъ кагаловъ, считавшихъ до 250000 человѣкъ.

Однимъ словомъ, уже къ августу на территоріи Украины не осталось ни одного еврея, какъ не осталось католическаго священника или монаха, польскаго шляхтича или жолнера. Но пострадало и русское населеніе. Татары, какъ тотъ злой духъ восточной сказки, котораго такъ легко было вызвать на помощь и такъ трудно отдѣлаться, не могли удовольствоваться гетманами и 8000 рядовыхъ, которыхъ имъ отдалъ Хмельницкій послѣ Корсунской битвы. Подъ предлогомъ готовности на помощь они держались въ предѣлахъ Украины, по среднему Бугу, и распускали свои загоны: захватывая шляхту, — женщины и дѣти всегда доставались имъ при дѣлежѣ добычи съ козаками,—они хватали мимоходомъ и хлоповъ, которые были гораздо многочисленнѣе, и уводили въ Крымъ свой ясыръ. Такова была татарская помощь. Но главная бѣда, которая висѣла надъ русскимъ населеніемъ края и скоро должна была обнаружиться во всѣхъ своихъ ужасныхъ послѣдствіяхъ,—это была общественная дезорганизація вообще, экономическая въ частности. Населеніе огромной территоріи, сплошь земледѣльческое, въ слѣпомъ увлеченіи побросало въ лѣтніе мѣсяцы свои земли и ушло козаковать; къ каждому болѣе благоразумному и осторожному, кто оставался на мѣстѣ, относились съ презрѣніемъ, если не съ прямымъ недовѣріемъ. Какая бѣда могла быть по своимъ ближайшимъ результатамъ страшнѣе этой?

Какъ относился Хмельницкій къ тому, что творилось на

Украинѣ? Все дѣлалось помимо него; но знать-то, конечно, онъ зналъ обо всемъ. Хорошій хозяинъ, онъ едва-ли могъ видѣть безъ скорби водворявшееся хозяйственное запустѣніе и разореніе; совсѣмъ не врагъ шляхетской привиллегированности, какъ таковой, онъ не могъ сочувственно относиться къ хлопской завзятости, сносившей все привиллегированное, во что бы то ни стало: онъ даже давалъ совѣты лично извѣстнымъ ему шляхтичамъ, какъ имъ дѣйствовать, чтобы спастись отъ гибели. Но останавливаться на всемъ этомъ ему было невозможно, некогда: потокъ событій властно уносилъ его, могущественнаго гетмана «Божіей милостью», хотя со стороны могло казаться, что это именно онъ направляетъ событія—оптическій обманъ, постоянно наблюдаемый въ исторіи, какъ и въ жизни. Пока необходимо было сосредочить все вниманіе на одномъ: на томъ, какъ дать отпоръ Польшѣ, которая, не смотря на междуцарствіе, спѣшила собрать всѣ свои силы въ видѣ посполитаго рушенья (земскаго ополченія). Но Польшу преслѣдовала ея злая судьба. Такъ какъ гетманы были въ плѣну, необходимо было выбрать замѣстителей. Повидимому, въ выборѣ этомъ не могло быть колебаній. Все указывало на Іеремію Вишневецкаго, начиная съ того, что онъ былъ самымъ богатѣйшимъ и, слѣдовательно, наиболѣе лично заинтересованнымъ въ дѣлѣ изъ украинскихъ магнатовъ, кончая той популярностью, доходившей до обожанія, какою онъ пользовался среди военнаго люда. Но варшавская политика рѣшила иначе. Во главѣ войска сталъ тріумвиратъ изъ людей, которые ни каждый порознь, ни, тѣмъ болѣе, всѣ вмѣстѣ совсѣмъ не годились въ полководцы: «перына», по насмѣшливому выраженію Хмельницкаго, князь Доминикъ Заславскій, толстый бонвиванъ; «латына»—ученый дипломатъ Остророгъ; «дытына»—молодой Конецпольскій.

Польское войско сбиралось медленно: но за-то оно представляло квинтъ-эссенцію шляхетской Рѣчи Посполитой. Паны точно сговорились сразить презрѣнныхъ хлоповъ видомъ своей роскоши, утонченности, блестящихъ костюмовъ, изысканныхъ принадлежностей бытового комфорта. Медленно шелъ имъ на встрѣчу отъ Бѣлой Церкви Хмельницкій, стягивая къ себѣ по дорогѣ загоны: онъ поджидалъ на помощь татаръ. Враги встрѣтились недалеко отъ Константинова, надъ рѣчкой Пилявой, подъ Пилявцами. Что произошло тамъ? Чѣмъ объяснить это позорное бѣгство поляковъ до битвы лишь подъ вліяніемъ слуха, и то невѣрнаго, о приближающейся татарской ордѣ? Самое внимательное изученіе историческихъ источниковъ, касающихся

этой столь несчастной для поляковъ кампаніи, которая продолжалась всего отъ 11 до 22 сентября, не даетъ никакого разъясненія. Кажется, правильнѣе всего отнести случившееся просто къ «панфобіи», нервной заразѣ, случаи которой еще не разъ и потомъ проявлялись между поляками въ ихъ столкновеніяхъ съ украинскимъ народомъ. Пилявецкія «донативы» (подарки) долго обращались потомъ по Украинѣ: драгоцѣнности продавались мѣшками за баснословно дешевыя цѣны, хлопы ѣли съ серебряныхъ тарелокъ...

Безъ малѣйшаго препятствія войска Хмельницкаго очутились подъ богатымъ Львовомъ, который откупился отъ осады деньгами, потомъ подъ Замостьемъ. Передъ украинскими хлопами лежала совершенно открытою Польша. Волна народной ненависти, которая донесла Хмельницкаго до Замостья, толкала его и дальше, въ глубь края; но эту волну перерѣзало сильное теченіе, царившее въ умахъ болѣе вліятельной части козачества, и къ которому примыкалъ цѣликомъ самъ Хмельницкій. Нельзя порывать съ Польшей, такъ думали люди этого настроенія, чтобъ не попасть изъ огня да въ полымя: надо лишь пользоваться моментомъ, чтобы обезпечить Украинѣ тѣ права, въ которыхъ Польша ей отказывала. И вотъ Хмельницкій, стоя на территоріи беззащитной Польши, не только не предпринимаетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, а, наоборотъ, постоянно увѣряетъ Варшаву, что онъ ждетъ только конца междуцарствія, ждетъ, съ полной вѣрой въ его правосудіе, новаго государя, чтобъ поступить согласно его волѣ, какъ подобаетъ истинному вѣрноподданному его королевской милости.

Между нѣсколькими кандидатами на польскій престолъ взялъ верхъ, согласно категорически выраженнымъ желаніямъ козачества, Янъ-Казиміръ, и Хмельницкій тотчасъ же отступилъ на Украину, чтобъ на мѣстѣ ждать прибытія коммиссіи, которую назначитъ король для урегулированія новыхъ отношеній Украины къ Польшѣ.

Коммиссія была снаряжена, съ Киселемъ во главѣ, Брацлавскимъ воеводой, магнатомъ русскаго рода и православной вѣры. Они пріѣхали на Поднѣпровье, въ Переяславль, въ началѣ 49-го года, послѣ торжественнаго въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ: въѣздомъ этимъ и Кіевъ какъ бы получилъ формальное подтвержденіе своихъ старыхъ правъ на званіе столицы православной Украины, и Хмельницкій утверждался всенароднымъ признаніемъ, освященнымъ церковью, во главѣ съ патріархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, въ званіи украинскаго монарха, «illustrissimo principi». Сосѣднія державы признавали его за таковаго монарха, посылая къ

нему пословъ. Дѣло украинскаго народа и его вождя своимъ необычайно быстрымъ успѣхомъ было разомъ вознесено на головокружительную высоту. Тѣмъ труднѣе было дѣйствовать польской коммиссіи, которая пріѣхала улаживать взаимныя отношенія на тѣхъ основаніяхъ, какія казались единственно возможными польскимъ кролевятамъ: не смотря на все случившееся, они допускали лишь нѣкоторыя уступки, но никакъ не радикальное измѣненіе отношеній. Да и какая дипломатія возможна была въ этой атмосферѣ, насыщенной жгучей ненавистью, въ какую попали коммиссары, какъ только вступили на почву Украины? Подъ сильной военной охраной прибыли они въ Переяславль; въ теченіе десяти дней ихъ пребыванія здѣсь имъ ежечасно, ежеминутно грозила смерть отъ разъяренной толпы. На предложенія свои они слышали въ отвѣтъ лишь грозный окрикъ: «мовчить, ляхи!» И, наконецъ, когда великодушно рѣшившись пожертвовать для несчастныхъ соотечественниковъ своей панской гордостью, они дошли до смиренныхъ просьбъ объ отпускѣ польскихъ плѣнныхъ, которыхъ было захвачено множество послѣ первыхъ битвъ и взятія Кодацкаго замка, они съ горечью увидѣли, что и смиреніе ихъ нисколько не трогаетъ торжествующаго врага. Коммиссія отложена была до Троицыной недѣли, «до травы»; но, очевидно, трава нужна была не для дипломатическихъ переговоровъ, а для военнаго похода. Слишкомъ отчетливо чувствовалось всѣми, что еще не наступилъ моментъ, когда можно что-нибудь рѣшать переговорами. Пришла новая весна, и украинскій народъ снова поголовно взялся не за плуги и рала, а за пики и рушницы: Хмельницкій сзывалъ народное ополченіе, а на помощь къ нему шелъ Крымскій ханъ. Въ то же время польское войско, верховнымъ предводителемъ котораго считался самъ король, уже было наготовѣ, и какъ только на Волыни снова появились загоны, оно вступило, чтобъ разгонять ихъ: нѣкоторые города перешли назадъ въ руки поляковъ, въ томъ числѣ Баръ.

Непріятельскія силы встрѣтились снова на той же территоріи, что и въ предъидущемъ году. Осада Збаража, обложеннаго войсками Хмельницкаго и крымцами, такъ героически выдержанная поляками, которыхъ воодушевлялъ Іеремія Вишневецкій, составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ польской исторіи; но подъ Зборовымъ, гдѣ украинско-татарское войско встрѣтило польскую армію, спѣшившую подъ предводительствомъ самого короля на выручку Збаража, опять чуть было не повторилась та же картина безудержнаго бѣгства подъ вліяніемъ паническаго страха. Результатомъ пораженія былъ Зборовскій мирный договоръ, заключенный нѣсколько поспѣшно подъ

давленіемъ татаръ и представлявшій собою попытку разрубить положеніе, которое нельзя было распутать.

Итакъ, Зборовскій договоръ, составленный и утвержденный подписью Яна-Казиміра въ августѣ 1649 г., характеризуетъ собою моментъ нѣкотораго временнаго затишья, въ теченіе котораго дѣлаются попытки къ упорядоченію отношеній, къ выведенію ихъ изъ хаотическаго состоянія.

Польша признала козацкую Украину, въ предѣлахъ которой прекращало свое дѣйствіе польское право. Предѣлы эти отмѣчены были не тѣсно: съ запада—Горынь, Случъ и Днѣстръ до Ягорлыка; съ сѣвера—Припять, Днѣпръ по Деснѣ и Ипути, а съ востока и юга нечего было и ограничивать—просто до Московіи и Татаръ. Въ предѣлахъ этой территоріи, которой хватило бы на перворазрядное европейское государство, Украина дѣлилась на 16 полковъ, которые назывались по главнымъ городамъ (на правомъ берегу было 9 полковъ), а полки дѣлились на сотни и пользовались полной автономіей. Всего козацкаго войска, расположеннаго на этой территоріи, вписаннаго въ реестры, полагалось Зборовскимъ договоромъ 40.000; но еслибъ эта цифра и соблюдалась, то все-таки она включала въ себѣ значительную массу населенія. Каждый реестровецъ втягивалъ въ привиллегированный классъ всѣхъ своихъ родственниковъ, затѣмъ онъ имѣлъ двухъ помощниковъ, или замѣстителей, пѣшаго и коннаго, которые вмѣстѣ съ своими роднями тоже входили въ составъ козачества. Но Хмельницкій, вмѣстѣ съ прочими русскими, ясно видѣлъ, какъ страшно трудно разбить всю возставшую и «окозачившуюся» массу украинскаго народа, сбросившую съ себя всѣ старыя обязательства, снова на козаковъ и хлоповъ, то-есть какъ-никакъ, а все-таки на привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ. Однако миръ съ Польшей внѣ этого условія не былъ возможенъ; да едва ли и самъ Хмельницкій думалъ, что осуществимъ иной общественный строй, исключающій такое раздѣленіе. И вотъ, чтобы облегчить переходное состояніе, онъ подъ-рукой еще устроилъ двадцать тысячъ резервнаго войска, которымъ предводительствовалъ его старшій сынъ, а тамъ, гдѣ видѣлъ сильное броженіе и недовольство, разрѣшалъ формировать сверхъ того и «охочіе» полки. Но часть населенія все-таки должна была оставаться внѣ козачества, слѣдовательно, въ хлопствѣ: а главное—въ силу Зборовскаго догоговора паны могли возвратиться на свои земли. Какая часть населенія оставалась въ распоряженіи пановъ, возвращавшихся по приглашенію

Хмельницкаго, видно, напр., хотя бы изъ сохранившихся книгъ гродскихъ, земскихъ и поточныхъ житомірскаго повѣта за 1650 г., въ которыхъ оставшіеся на мѣстахъ подданные давали подъ присягой показанія, что въ панскихъ волостяхъ почти нѣтъ людей; что изъ ста хатъ едва остается 2 — 4 жилыхъ. О томъ, чтобы вернуть старыя права надъ подданными, панщины, произвольные поборы и т. п., которые водворялись было уже передъ Хмельнищиной на земляхъ стараго заселенія, паны не могли и мечтать пока: слава Богу, если хлопы соглашались платить десятину, да и той нелегко было добиться. А между тѣмъ народъ былъ крайне ожесточенъ уже однимъ появленіемъ польскихъ пановъ, съ которыми онъ надѣялся раздѣлаться на-всегда: шляхта же, подъ личиной вынужденнаго смиренія, таила озлобленное недовѣріе и страхъ къ своимъ подданнымъ. Положеніе было крайне напряженное, которое не могло затянуться на долго. Въ то-же время начали ощущаться всѣ ужасы голода. Уже два года, какъ поля были заброшены, старые запасы истощились, торговый подвозъ со стороны Московіи не могъ удовлетворить нуждъ такой большой территоріи, да у массы населенія не было и средствъ для покупки, такъ какъ все пріобрѣтенное при первомъ разграбленіи шляхетскаго добра и пилявицкая добыча — все успѣло разойтись въ два нерабочихъ года. Народъ выкапывалъ и ѣлъ коренья, ѣлъ листья, пухъ съ голоду и умиралъ во множествѣ по улицамъ и дорогамъ; ежедневно толпы тащились со всѣхъ сторонъ по направленію къ Заднѣпровью, надѣясь тамъ найти пищу. Изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ всюду по Украинѣ бродилъ страшный призракъ голодной смерти; Кіевщина, Волынь, Подолье пустѣли. Въ томительной атмосферѣ этого народнаго бѣдствія зловѣщимъ шепотомъ передавались разсказы о женщинѣ, которая съѣла своихъ родныхъ дѣтей, о другой, которая заманивала къ себѣ гостей, чтобы изъ мяса ихъ приготовлять обѣдъ своимъ домашнимъ... А рука-объ-руку съ голодомъ появились, какъ всегда, тяжелыя повальныя болѣзни, которыя какъ бы свили себѣ съ тѣхъ поръ постоянное гнѣздо на Украинѣ на долгіе годы: отъ моровой язвы 1650 г. «люди падаютъ и лежатъ какъ дрова къ Днѣстру, около Шаргорода и далѣе къ Брацлавлю», пишетъ одинъ современникъ. Мерзость запустѣнія начала водворяться въ краѣ, еще такъ недавно плѣнявшемъ своей цвѣтущей красотой; вмѣсто пѣнія птицъ слышенъ былъ вой собакъ и волковъ, которые такъ разлакомились человѣческимъ мясомъ, что кидались на каждаго неосторожнаго, и жалобно

выли, если не находили себѣ добычи... При такихъ-то обстоятельствахъ должны были водворяться на Украинѣ новые порядки, вытекавшіе изъ условій Зборовскаго договора.

А Польша между тѣмъ уже давно перестала презрительно трактовать украинскія дѣла, какъ простыя своеволія презрѣнной черни. Хлопъ превратился въ козака, а козакъ принялъ образъ какой-то многоголовой гидры, посягающей на самое существованіе шляхетской Рѣчи Посполитой. И въ самомъ дѣлѣ, почти на всемъ пространствѣ государства шляхта чувствовала подъ своими ногами подземные толчки, сотрясающіе ту хлопскую почву, на которой опиралось ея существованіе; на Литвѣ и въ Галиціи уже были хлопскіе бунты; отдѣльные загоны переходили изъ Волыни на территорію Польши: а что если и всюду изъ нѣдръ хлопства вылупится козакъ, и тотъ или иной Хмельницкій поведетъ чернь на шляхту? Зборовскій миръ не могъ успокоить этихъ опасеній; напротивъ, эта козацкая гидра получила свое законное логовище, откуда ей тѣмъ удобнѣе будетъ замышлять свои ковы на шляхетскую Польшу. Съ другой стороны, хотя Зборовскій договоръ и возвратилъ шляхтѣ ея права на земельную собственность въ предѣлахъ козацкой Украины, но пока эти права были совершенно фиктивными, а будущее... о какомъ свѣтломъ будущемъ подъ козацкимъ режимомъ могла мечтать шляхта? Всѣ же мечты, обширные планы и далекіе виды магнатовъ на захватъ и колонизацію новыхъ земельныхъ районовъ разлетались окончательно. Неудовольствіе было общее и крайнее. Тревожное настроеніе, въ которомъ раздраженіе мѣшалось со страхомъ, страхъ съ надеждой, все это питало легковѣріе во всѣхъ его видахъ. Слухи о всевозможныхъ ужасахъ ходили, какъ достовѣрныя извѣстія объ украинскихъ событіяхъ; разсказы о сверхъестественныхъ явленіяхъ и чудесахъ не возбуждали никакого скептицизма, такъ какъ не могъ же божественный промыселъ безучастно относиться къ такому нарушенію предопредѣленнаго имъ порядка. Въ Барѣ днемъ вышла изъ костела процессія мертвецовъ, замученныхъ Кривоносомъ, всѣ въ бѣлыхъ саванахъ и съ воплями: «отомсти, Боже нашъ, кровь нашу»! Въ Дубнѣ три распятія, обращенныя на востокъ, сами обернулись на своихъ подставахъ къ западу, т. е. отвернулись отъ козаковъ. Въ Сокалѣ Божія Матерь сама обѣщала монаху побѣду. Даже въ Крыму были небесныя знаменія, которыя, по словамъ плѣнныхъ, возвращавшихся на родину, ханскіе знахари толковали, какъ обѣщающія побѣду поляковъ надъ козаками. Въ августѣ вернулся изъ плѣна польскій гетманъ Конецпольскій со страстной

ненавистью къ козакамъ, со страстной жаждой отомстить имъ и тѣмъ смыть свой позоръ. Тотчасъ же вступилъ онъ въ исправленіе своихъ обязанностей и въ главѣ кварцянаго войска залегъ на Подольѣ, съ нетерпѣніемъ выжидая случая, чтобы вмѣшаться въ украинскія дѣла. Случай тотчасъ же дали пограничные споры: подольскіе хлопы не хотѣли признавать границъ, поставленныхъ Зборовскимъ договоромъ, такъ какъ онѣ оказались внѣ козацкой Украины, и брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ шляхетской Польши, не только набиралъ въ козаки изъ мѣстностей, лежащихъ внѣ указанныхъ предѣловъ, но и занялъ нѣкоторые пункты, не отходившіе къ козакамъ по договору.

Въ самомъ началѣ 1651 г. Калиновскій занялъ безъ сопротивленія подольскіе за́мки: Ямполь, Шаргородъ, Мурафу. Только въ Красномъ, гдѣ находился самъ Нечай, встрѣтилъ онъ отпоръ. Двое сутокъ обороняли козаки за́мокъ, и когда, наконецъ, враги ворвались, то въ одной изъ замковыхъ свѣтлицъ они нашли тѣло Нечая: у изголовья горѣли восковыя свѣчи, дьякъ читалъ надъ покойникомъ, а кругомъ молились его близкіе. Но таково было всеобщее ожесточеніе тѣхъ ужасныхъ временъ, что даже и этотъ торжественный видъ уже поконченныхъ счетовъ съ жизнью, не удержалъ жолнеровъ. Всѣ присутствующіе были убиты; тѣло брошено на поруганіе. Надо отдать справедливость Калиновскому: онъ былъ сильно возмущенъ такимъ святотатствомъ. Подобные эпизоды глубоко западаютъ въ народную память; вѣроятно, благодаря этому имя и образъ Нечая, очень далекій, повидимому, отъ его реальныхъ чертъ, перешли и въ украинскія думы, и въ польскую поэзію. И такъ, польское войско захватило часть края, находившагося въ козацкихъ рукахъ, и теперь, ободренное успѣхомъ и обремененное провіантомъ и цѣнной добычей, двигалось въ глубь «Бужскаго козачества», прямо на Винницу, гдѣ заперся съ горстью козаковъ полковникъ Богунъ.

Изъ восьмидесяти дѣятелей, имена которыхъ дошли до насъ отъ перваго десятилѣтія Хмельнищины, Богунъ есть несомнѣнно самый замѣчательный. Умъ и энергія въ связи съ выдающимися военными способностями и большой независимостью характера отмѣчаютъ всѣ его дѣйствія; онъ никогда не запятналъ себя безцѣльной жестокостью, а, главное, въ его поступкахъ всегда ощущается присутствіе идеальныхъ мотивовъ, которыхъ какъ бы недостаетъ иногда самому Хмельницкому. Въ столкновеніи подъ Винницей съ Калиновскимъ, къ которому пришелъ на помощь брацлавскій воевода Ланцкоронскій, Богунъ въ первый разъ выступилъ на историческую сцену и вы-

ступилъ блестяще. Вытѣсненный изъ города и изъ замка, Богунъ со своей горстью держался въ монастырѣ, на надбрежной скалѣ. Безпрестанныя вылазки, фигли, на придумываніе которыхъ Богунъ былъ чрезвычайно изобрѣтателенъ, сдѣлали то, что поляки рѣшились отступить, такъ какъ понесли большія потери. Но тутъ опять повторилось съ польскимъ войскомъ старое несчастіе: разнесся слухъ о томъ, что на помощь Богуну идетъ Хмѣльницкій съ татарами, и войско разбѣжалось въ паническомъ страхѣ, побросавъ всю свою добычу. Крайне изнуренные козаки Богуна даже не имѣли силъ преслѣдовать бѣглецовъ. Съ этихъ поръ Богунъ выступаетъ, какъ брацлавскій полковникъ, т. е. предводитель Бужскаго козачества, глава всего Побужья.

Такимъ образомъ, еще не наступила весна 1651 г., а уже на югѣ Украины открылись военныя дѣйствія. Но пока обѣ стороны дѣлали видъ, что принимаютъ все происходящее за частное столкновеніе, а сами энергично готовились къ войнѣ. Паны, только что начинавшіе устраиваться въ своихъ имѣніяхъ, снова спасались поспѣшнымъ бѣгствомъ. Въ Польшѣ сбиралось посполитое рушенье: шляхта шла съ необычайной готовностью, съ религіознымъ подъемомъ настроенія, самъ король предводительствовалъ войскомъ. И въ лагерѣ Хмѣльницкаго не было недостатка въ готовности, но былъ недостатокъ въ единодушіи. Прежде всего, русскіе горькимъ опытомъ убѣдились, какъ тяжело приходилось расплачиваться за помощь татаръ, которые опять пришли къ Хмельницкому съ ханомъ; а главное самъ украинскій народъ раскололся на козака и хлопа и чувствовалъ это.

Битва дана была «пидъ мистечкомъ, та пидъ Берестечкомъ», по словамъ украинской думы, на р. Стыри, въ іюнѣ. Это было первое и страшное пораженіе, которое нанесли поляки Хмельницкому. Причиной пораженія были татары. Ханъ Исламъ-Гирей явился на помощь козакамъ противъ воли, подъ давленіемъ Турціи, которая разсчитывала пріобрѣсти протекторатъ надъ Украиной. Татары не только покинули украинцевъ въ критическую минуту, но захватили съ собой насильно Хмельницкаго, и такимъ образомъ украинское войско осталось безъ вождя. Положеніе сразу сдѣлалось крайне опаснымъ. Огромный украинскій таборъ, окопанный валами съ трехъ сторонъ, а съ четвертой примыкавшій къ болоту, заключалъ въ себѣ до двухсотъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей, стариковъ и духовенства. Изъ числа военнаго люду едва одна пятая состояла изъ реестровыхъ козаковъ; остальное—хлопы, хотя

и подѣленные Хмельницкимъ на отряды и пристроенные къ полкамъ, но недисциплинированные, плохо вооруженные, а то и совсѣмъ безоружные. Въ этой пестрой массѣ, предоставленной въ крайне опасный моментъ самой себѣ, наступило разложеніе. Ярко вспыхнуло недовѣріе хлопа къ козаку; чернь подозрѣвала, что старшина выдастъ ее на жертву врагу; явилось нѣсколько партій, которыя боролись одна съ другой; духовенство, вмѣсто того, чтобы явиться въ роли миротворца, усиливало своимъ вмѣшательствомъ раздоры. Богунъ, который былъ выбранъ массой изъ числа прочихъ семнадцати старшинъ какъ бы въ наказные гетманы, нѣсколько времени спасалъ положеніе своей необыкновенной энергіей: поддерживалъ кой-какой порядокъ внутри лагеря, дѣлалъ удачныя вылазки изъ табора, велъ переговоры съ королемъ и разсылалъ шпіоновъ за вѣстями о Хмельницкомъ, относительно судьбы котораго никто ничего не зналъ въ таборѣ. День и ночь не сходилъ онъ съ коня, пользовался каждой оплошностью врага, былъ всѣмъ—и вождемъ, и начальникомъ штаба, и инженеромъ. Но положеніе было слишкомъ трудно, и тянуть его сдѣлалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что къ польскому войску подвезли большія пушки, которыя громили таборъ. Надо было уходить. Богунъ подготовилъ уходъ, перекинулъ мостъ черезъ рѣчку и плотину черезъ болото, которая намощена была изъ возовъ, походныхъ шатровъ, конской сбруи, кожуховъ, человѣческихъ труповъ. Все это онъ устроилъ втихомолку, втихомолку ночью и выбралась часть войска изъ лагеря. Но вдругъ хлопскую массу охватила паника, въ основаніи которой лежалъ слухъ, что старшина съ козаками ее кидаетъ: народъ разомъ бросился на переправу, давили другъ друга, топили плотину и сами тонули въ болотѣ. Напрасно Богунъ, вернувшись на-встрѣчу, убѣждалъ и уговаривалъ успокоиться и не губить себя и другихъ: ничто не помогало. Тогда онъ прорвался съ своими козаками черезъ польскій отрядъ, заступившій дорогу, и ушелъ въ степь; за нимъ послѣдовали и другіе козацкіе старшины; хлопская масса въ самомъ дѣлѣ осталась «на мясныя ятки». Двѣсти человѣкъ засѣли на болотной кочковинѣ и рѣшились защищаться до послѣдняго. Гетманъ, видя ихъ отчаянную рѣшимость, заявилъ, что оставляетъ имъ жизнь, но они не приняли милости, въ знакъ своей рѣшимости, въ виду войска, побросали въ воду всѣ свои деньги, а потомъ опять взялись за самопалы. Конница не могла съ ними ничего подѣлать; послали пѣхоту, которая оттѣснила ихъ въ болото. Но и здѣсь, стоя по поясъ въ болотѣ, они защищались отчаянно. Наконецъ, остался

одинъ, но и тотъ не принялъ пощады, а держался нѣсколько часовъ, пока какому-то мазуру не удалось достать его и зарубить косой. Это изъ польскихъ разсказовъ о хлопской «завзятости».

Такимъ образомъ къ концу лѣта 1651 г. положеніе Украины было критическое. Украинское войско все разсыпалось или истреблено, а между тѣмъ гетманы Потоцкій и Калиновскій съ своими жолнерами двигаются въ глубь края; съ сѣвера же идетъ имъ на встрѣчу съ литовскими войсками Радзивиллъ, который перешелъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый и уже взялъ Кіевъ. Правда, урожай этого лѣта предохранялъ населеніе отъ голодной смерти; но эпидеміи свирѣпствовали попрежнему, а, можетъ быть, и сильнѣе прежняго, благодаря новому побоищу. А, главное, водворялась анархія въ народномъ настроеніи. Хотя Хмельницкій вернулся на Украину, откупившись отъ своего союзника, хана, но не вернулась съ нимъ та сила обаянія, какою онъ держалъ въ рукахъ украинскій народъ. Масса волновалась, приписывала Хмельницкому вину пораженія подъ Берестечкомъ, сбиралась черная (общенародная) рада на Масловомъ ставу и требовала, чтобъ гетманъ далъ на ней отчетъ въ своемъ поведеніи; выдвигались другіе кандидаты на гетманство; внутренній расколъ и взаимное недовѣріе росли. Если прибавить къ этому, что Хмельницкій только что пережилъ тяжелую семейную драму, которая кончилась позорной казнью его молодой жены, бывшей подстаростины Чаплинской, и потерялъ въ военныхъ стычкахъ своихъ лучшихъ друзей, между прочимъ и Тугай-бея, то можно смѣло сказать, что едва ли онъ переживалъ въ своей жизни болѣе тяжелыя, болѣе критическія минуты, чѣмъ теперь. И то, что онъ не потерялся въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, лучше всего доказываетъ, что онъ не былъ простымъ человѣкомъ случая. Одновременно устраиваетъ онъ свои семейныя и общественныя дѣла: вступаетъ въ третій бракъ съ немолодой уже вдовой Анной Филиппихой, сестрой двухъ полковниковъ, корсунскаго и нѣжинскаго, братьевъ Золотаренокъ, подпираетъ какъ-то свою расшатавшуюся власть и ведетъ энергично съ поляками переговоры о новомъ мирѣ. Сопротивляться войскамъ, коронному и литовскому, которыя соединились въ глубинѣ Украины, подъ Васильковымъ, при такихъ обстоятельствахъ было прямой невозможностью. Надо было купить миръ какой-бы то ни было цѣной, лишь бы выиграть время. А будущее еще могло представить всякія возможности: недаромъ судьба убрала съ дороги какъ разъ въ такое тяжелое время самаго ожесточеннаго и самаго опаснаго врага украинскаго народа, Іеремію

Вишневецкаго, который умеръ внезапно въ Паволочи, въ цвѣтѣ лѣтъ и силы, повидимому отъ холеры.

Конечно, поляки также сильно желали мира: и въ ихъ войскахъ свирѣпствовали повальныя болѣзни.

Коммиссія, попрежнему съ Киселемъ во главѣ, прибыла въ Бѣлую Церковь, въ то время главный военный украинскій станъ. Этотъ форпостъ, выдвинутый въ дикую степь, превратился какъ бы въ огромный городъ: здѣсь кишѣла масса хлопства, стянутаго со всей козацкой Украины—до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ по меньшей мѣрѣ, и посреди этой массы, кое-какъ справляясь съ нею, дѣйствовала козацкая старшина. Хлопство не хотѣло слышать ни о какихъ коммиссарахъ, ни о какихъ соглашеніяхъ: конечно, теперь оно хорошо понимало, что всякое соглашеніе кончится для него неизбѣжно панщиной. «Съ ума вы посходили, паны, что-ли!»—такъ привѣтствовалъ коммиссаровъ войсковой писарь Выговскій, «что пріѣхали въ огонь, къ хлопамъ? И мы, защищая васъ, пропадемъ»...

Пропасть старшина не пропала; но она, съ Хмельницкимъ во главѣ, должна была привести въ дѣйствіе всѣ свои силы, всю энергію, чтобъ уберечь коммиссаровъ отъ толпы. Разбивали хлопскіе черепа, снимали съ плечъ хлопскія головы, чтобы удержать чернь отъ штурма замка, гдѣ укрывались коммиссары; при появленіи поляковъ на улицѣ, надъ ними ругались, грозили, бросали камнями, пускали стрѣлы. И хотя въ концѣ концовъ ихъ отпустили живыми, но за то отняли все, что у нихъ было съ собой—деньги и драгоцѣнности, коней и шатры. Тѣмъ не менѣе Бѣлоцерковскій миръ былъ заключенъ: число реестровыхъ уменьшено до двадцати тысячъ, границы козацкой Украины съужены до предѣловъ одного Кіевскаго воеводства. Въ октябрѣ войско оставило Украину, что собственно только и было нужно Хмельницкому: о соблюденіи условій мира онъ не думалъ: да и можно ли было думать объ этомъ? Къ тому же и сама Польша дала на то формальное право: тотъ сеймъ, на которомъ должно было состояться утвержденіе договора, былъ сорванъ, и такимъ образомъ Бѣлоцерковскій договоръ не получилъ юридической силы.

Если Хмельницкій еще недавно допускалъ, что возможенъ modus vivendi между Украиной и Польшей, то теперь уже онъ не думалъ этого. Являлась неизбѣжной какая-нибудь иная политическая комбинація. Двѣ комбинаціи навязывались положеніемъ: одна—протекторатъ Турціи, другая—Московскаго государства. Обѣ, при положительныхъ сторонахъ, представляли и много отрицательныхъ. Вы-

боръ былъ не легокъ, гетманъ колебался. Но, колеблясь, онъ поддерживалъ съ Москвой и Константинополемъ самыя тѣсныя отношенія, подготовляя свой послѣдній шагъ, но не рѣшаясь его сдѣлать ни въ ту, ни въ другую сторону. Въ то же время онъ держалъ по отношенію къ Польшѣ видъ вѣрноподданнической покорности и соблюденія поставленнаго договора. Но этимъ видомъ онъ пользовался лишь для проведенія своихъ собственныхъ цѣлей. Поляки требовали приведенія въ исполненіе условій Бѣлоцерковскаго договора: гетманъ на-встрѣчу ихъ требованіямъ слалъ жалобы, что такіе-то и такіе-то бунтовщики и вожаки своевольной черни не даютъ ему, гетману, несмотря на всѣ желанія, приводить въ исполненіе постановленныя условія. А на Украинѣ, дѣйствительно, появлялись отдѣльныя лица, которыя воплощали въ себѣ народное недовольство положеніемъ дѣлъ вообще, Хмельницкимъ въ частности. Согласно заявленіямъ Хмельницкаго, поляки послали на Украину судную коммиссію, и такимъ образомъ гетманъ, при помощи ихъ и до нѣкоторой степени на ихъ счетъ, раздѣлывался съ вожаками недовольныхъ. На украинскихъ рынкахъ катились головы враговъ гетмана; терроръ сдерживалъ нѣсколько проявленія недовольства; но положеніе дѣлъ не улучшалось. Народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже пришелъ къ убѣжденію, что положеніе, плохое въ настоящемъ, ничего не обѣщаетъ и въ ближайшемъ будущемъ, и двинулся за Днѣпръ. Въ теченіе года, слѣдующаго за Бѣлоцерковскимъ миромъ, масса жителей Поднѣстровья и Побужья ушла и осѣла на берегахъ Донца, Удая, Коломака, Харькова: росла Украина Слободская, и пустѣла настоящая, исконная.

Но разыгрывая передъ поляками видъ покорности, Хмельницкій подъ рукой приводилъ въ исполненіе свои планы. Очереднымъ изъ этихъ плановъ, состоявшимъ, вѣроятно, въ связи съ турецкимъ протекторатомъ, было соединеніе Молдавіи съ Украиной путемъ брака старшаго сына Тимоша съ Розандой, дочерью господаря Лупулла. Ни Лупуллъ не хотѣлъ этого брака, ни Польша, его союзница. Калиновскій, послѣ Бѣлоцерковскаго мира, стоялъ съ кварцянымъ войскомъ на Побужьѣ и рѣшилъ ни за что не пропускать сватовъ въ Молдавію. Для этой цѣли онъ расположился на берегу рѣки Буга, недалеко отъ Ладыжина у горы Батоги, а въ его войско собрался цвѣтъ польскаго рыцарства. Хмельницкій дѣлалъ видъ, что не принимаетъ ни въ чемъ участія, предупреждалъ Калиновскаго о сыновней затѣѣ, а на самомъ дѣлѣ пригласилъ на помощь татаръ и самъ организовалъ предпріятіе, и организовалъ такъ удачно, что

польское войско было окружено и потерпѣло ужасное пораженіе, самъ гетманъ Калиновскій убитъ. Дѣло было въ концѣ мая 1652 года. Тимошъ побѣдоносно прошелъ въ Молдавію, и Лупуллъ теперь желалъ только одного: какъ-бы поскорѣе удовлетворить сватовъ. Розанда, утонченная красавица, сдѣлалась женой простака Тимоша. Теперь поляки ясно увидѣли, какъ двусмысленна была относительно ихъ политика «хлопскаго гетмана». Только что наступилъ новый 1653 г.; еще стояла зима, и потому никто не ожидалъ нападенія, какъ на Украину обрушился во главѣ десяти тысячъ кварцянаго войска Стефанъ Чарнецкій, коронный обозный, человѣкъ необыкновенной энергіи, большой опытности «въ козацкихъ фортеляхъ», которымъ онъ обучился у самихъ козаковъ, и нечеловѣческой жестокости: укрощать грозой, топить хлопскій бунтъ въ хлопской крови—только этимъ онъ и руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ. Всюду, гдѣ онъ проходилъ, онъ оставлялъ за собой пустыню, полную развалинъ и пепелищъ, страшную той тишиной, въ которой еще какъ-бы звучали предсмертные стоны замученныхъ людей. О жестокости козаковъ сохранилось много ужасающихъ свидѣтельствъ; но и этихъ козаковъ поражалъ Чарнецкій своей безчеловѣчностью. Не находили оправданій для дѣйствій короннаго обознаго и его соотечественники, какъ они ни были озлоблены противъ украинскаго народа. Въ Погребище Чарнецкій ворвался во время ярмарки, когда тамъ собралось множество народу: онъ вырѣзалъ всѣхъ, не щадя ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей. Къ счастію, его успѣлъ задержать въ его страшномъ движеніи Богунъ: въ битвѣ подъ Монастырищемъ и самый коронный обозный былъ опасно раненъ, и войско его все разсыпалось. Такимъ образомъ, вся эта военная экспедиція оставила лишь впечатлѣніе ужасовъ, которые произвелъ Чарнецкій: но терроризировать украинское населеніе было нелегкой, и можно сказать, даже неисполнимой задачей.

Теперь поляки сосредоточивали все свое вниманіе на томъ, чтобы мѣшать Хмельницкому въ его Молдавской политикѣ. Тимошъ, отвезя молодую жену на Украину, возвратился съ козаками въ Молдавію и, конечно, руководясь отцовскими планали, затѣялъ войну съ Валахіей. Но предпріятіе оказалось неудачнымъ; валашскій господарь соединился съ седмиградскимъ княземъ Ракочи, получилъ помощь отъ поляковъ; Лупуллъ былъ свергнутъ съ престола, а потомъ и Тимошъ умеръ отъ раны, полученной имъ въ то время, какъ враги осаждали Сочаву, гдѣ онъ заперся. Хмельницкій не

*

успѣлъ во-время придти на помощь. Вся молдавская политика кончилась ничѣмъ, или, точнѣе сказать, тяжелой потерей, смертью сына. Тѣмъ самымъ сошла со сцены и мысль о турецкомъ протекторатѣ. А между тѣмъ осенью, когда со смертью Тимоша пришли къ окончательной развязкѣ молдавскія дѣла, польскій король самъ явился во главѣ войска на Поднѣстровье. На Поднѣстровьѣ же стоялъ и Хмельницкій, къ которому опять пришелъ на помощь татарскій ханъ. Но этотъ такъ называемый Жванецкій походъ обошелся безъ всякаго серьезнаго столкновенія воюющихъ сторонъ: Хмельницкій благоразумно предоставилъ полякамъ сражаться съ стихійными невзгодами: осенними ливнями, холодомъ, недостаткомъ крова и провіанта. Жолнеры начали бунтовать и разбѣгаться. Состоялся, по настоянію татаръ, Жванецкій миръ. Условія его были какъ бы и выгодны для украинскаго народа: имъ возвращался въ свою силу Зборовскій договоръ. Но въ числѣ этихъ условій было одно, позорное и для поляковъ, и для украинцевъ: татары выговорили себѣ право распустить свои загоны по Украинѣ, чтобъ набрать себѣ ясыръ въ видѣ контрибуціи. Еще лишній разъ видѣла Украина, какихъ союзниковъ имѣетъ она въ татарахъ. Однако кое-кто на Украинѣ уже зналъ, что гетманъ рѣшился, что послѣдній шагъ уже сдѣланъ, хотя пока еще и держится въ тайнѣ: Украина порываетъ съ Польшей и поступаетъ подъ протекторатъ Московскаго государства.

8 января 1654 г. состоялась Переяславская рада, которая дала окончательную санкцію уже заключенному договору; жизнь украинскаго народа пробивала себѣ новое историческое русло. Договоромъ этимъ количество войска запорожскаго опредѣлялось въ 60.000, а за Украиной обезпечивалась полная свобода суда и самоуправленія.

Рѣшеніе Переяславской рады соединиться съ Москвой не было выраженіемъ единодушной воли, единодушнаго согласія всего украинскаго народа. Высшее кіевское духовенство встрѣтило рѣшеніе съ тревогой и сомнѣніемъ; многіе принесли присягу, но вопреки своимъ убѣжденіямъ; были и такіе, что совсѣмъ отказались отъ присяги, напр. Сирко, позже знаменитый кошевой запорожскій, и брацлавскій полковникъ Богунъ. Но какъ-ни-какъ, а рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, и логическія его послѣдствія наступили. Алексѣй Михайловичъ объявилъ войну Польшѣ: одно московское войско двинулось на Литву, другое на Украину. Когда поляки узнали объ оппозиціи Богуна, они предложили ему гетманское достоинство, надѣясь такимъ образомъ удержать за собой Побужье, если не всю правобережную

Украину. Богунъ велъ переговоры, затягивалъ ихъ, но это было съ его стороны лишь дипломатической сноровкой: если Богунъ не хотѣлъ московскаго протектората, то еще гораздо меньше хотѣлъ возвращенія къ Польшѣ. Наконецъ, и поляки увидѣли, что здѣсь имъ не на что надѣяться. Переговоры съ Крымомъ тоже затягивались. Хотя ханъ, въ виду соединенія Хмельницкаго съ Москвой, теперь становился естественнымъ союзникомъ Польши, но только къ осени поляки могли добиться высылки на помощь татарскаго войска, и то на тяжелыхъ условіяхъ: татарамъ отдавался на зимовье весь край между Днѣстромъ и Бугомъ, чтобы въ каждомъ мѣстечкѣ гарнизонъ былъ на половину польскій, на половину татарскій, чтобы рядомъ съ гетманомъ былъ султанъ-калга, рядомъ съ полковниками мурзы.

Лишь въ концѣ октября коронныя войска стали подъ Шарогродомъ, «украинскими воротами», и принялись очищать Поднѣстровье. Въ авангардѣ снова шелъ свирѣпый Чарнецкій. Отпоръ встрѣтили въ Бушѣ. Заброшенная у сліяніи рѣчекъ Морафы и Буши, окруженная скалами, Буша была столицею «левенцовъ», или подольскихъ самозванныхъ козаковъ. Они были вытѣснены изъ Могилева и засѣли здѣсь. Всего укрывалось здѣсь до 16000 человѣкъ; однѣхъ женъ козацкихъ было тысячъ шесть. Взятіе Буши Чарнецкимъ принадлежитъ къ числу самыхъ ужасныхъ эпизодовъ всей этой ужасной эпохи. Жители сами зажигали свои дома и умерщвляли себя; женщины кидались съ дѣтьми въ пламя или кидали дѣтей въ колодцы, бросались сами вслѣдъ. Жена сотника Завистнаго сѣла на бочку пороха и подпалила ее, хотя красавица Гандзя могла разсчитывать на пощаду. «Твердыя сердца русскія не имѣли надъ собой никакого сострađанія», говоритъ одинъ польскій историкъ, современный событіямъ. Все остальное высѣкъ, спалилъ, потопилъ Чарнецкій, не выпустилъ ни души. Огромныя богатства, собранныя въ Бушѣ, всѣ погибли въ огнѣ: если Чарнецкій и былъ корыстолюбивъ, то жестокость его брала верхъ надъ корыстолюбіемъ. Польскіе гетманы, по совѣту Чарнецкаго, разбросали по краю универсалы, требуя послушанія и грозя въ случаѣ отказа судьбой Буши. Но ничего не могли дождаться: села опустѣли, мѣстечки окопались, Побужье молчало, положеніе было такое, что весь край нужно было принуждать къ повиновенію штурмомъ.

Въ январѣ 1655 г. встрѣтилось войско польско-татарское съ козацко-московскимъ: это была такъ-называемая Ахматовская кампанія, разъигравшаяся на территоріи Бѣлой Церкви. Народъ на

своемъ образномъ языкѣ говорилъ, что встрѣча враговъ произошла «на Дрыжиполѣ», такъ какъ дѣло было лютой зимой, и всѣмъ приходилось крайне страдать отъ холода. Обстоятельства встрѣчи сложились очень неблагопріятно для украинцевъ. Поляки окружили часть союзнаго войска, Хмельницкаго съ Шереметевымъ, въ то время, какъ главная масса московскаго войска, ничего не подозрѣвая, спокойно стояла себѣ съ Бутурлинымъ подъ Бѣлой Церковью. Козакамъ пришлось съ большими потерями пробиваться сквозь непріятелей таборомъ. Таборъ былъ громадный: квадратъ изъ ста тысячъ возовъ, поставленныхъ въ три ряда, скованныхъ цѣпями и уставленныхъ пушками, занималъ площадь до полмили въ длину. Пѣхота дѣйствовала около пушекъ, а въ срединѣ квадрата была заключена конница. Кругомъ этой подвижной крѣпости кипѣли польскія войска, бѣшено кидаясь на нее: послѣ страшныхъ усилій и потерь полякамъ удалось оторвать конецъ табора, но таборъ все-таки сомкнулся, и украинцы соединились подъ Бѣлой Церковью съ московскимъ войскомъ. Поляки считали побѣду своей: но они понесли большія потери, а главное— все это для нихъ не имѣло никакихъ послѣдствій. Край попрежнему лежалъ въ своемъ угрюмомъ и молчаливомъ отпорѣ, не страшась никакого террора, не трогаясь никакими просьбами и увѣщаніями. А между тѣмъ польскіе союзники татары, расположившіеся между Днѣстромъ и Бугомъ, выбирали здѣсь ясыръ, какъ въ завоеванной странѣ. Они хватали все молодое, сильное, красивое, что представляло какую-нибудь цѣнность на восточныхъ рынкахъ. Въ Студеницѣ, Ушицѣ, Бакотѣ, Рашковѣ не стало женщинъ; уводя съ собой, кромѣ того, огромныя стада коней и воловъ, татары еще требовали, чтобъ союзники давали имъ охрану. Но и охрана не спасала татаръ отъ Богуна, который залегъ съ своими «богуновцами» въ дикихъ степяхъ, чтобъ отбивать у татаръ ихъ добычу.

Между тѣмъ мрачная грозовая туча облегла Польшу со всѣхъ сторонъ. Положеніе государства казалось безвыходнымъ. Послѣ Смоленска, московскія войска взяли Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ, Ковно, Минскъ и вступили въ Вильно: Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго. Шведы вторглись въ Польшу съ сѣвера и заняли почти все государство съ обѣими его столицами, Варшавой и Краковомъ. Хмельницкій снова стоялъ подъ Львовомъ, держа въ своихъ рукахъ не только Червонную, но и Холмскую Русь; взятъ былъ и Люблинъ. Таково было положеніе дѣлъ осенью того же 1655 года. Теперь во власти соединеннаго московско-украинскаго войска была судьба русскаго племени во всѣхъ

его подраздѣленіяхъ и историческихъ оттѣнкахъ, и, повидимому, Хмельницкій понималъ все значеніе этого обстоятельства: но, къ несчастію, этого не понимали его союзники. Въ слѣдующемъ же 1656 г. московскій царь, плѣненный перспективой, которую выставили ему поляки, получить польскую корону, заключилъ съ Польшей отдѣльный миръ, безъ всякаго участія украинцевъ. Этотъ оборотъ дѣла поразилъ всѣ сознательные и руководящіе элементы Украины, прежде всего, конечно, Хмельницкаго; московскимъ симпатіямъ нанесенъ былъ серьезный ударъ: какъ положиться на такого неустойчиваго покровителя и союзника? какъ быть дальше? Опять появляется мысль о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ: Хмельницкій вступаетъ въ сношеніе съ шведами и венграми. При такомъ-то положеніи дѣлъ, изъ котораго не видно было никакого удовлетворительнаго выхода, измученный заботой, умеръ Хмельницкій въ концѣ іюля 1657 года.

Между тѣмъ внутреннее состояніе украинскаго общества было тоже крайне смутно. Хозяйственная организація почти распалась; главное — земля лежала заброшенною: историческія обстоятельства отвратили отъ нея человѣка. Въ то же время соціальный строй въ теченіе десяти лѣтъ уже успѣлъ утратить ту однородность и простоту, какая его характеризовала первое время послѣ революціи. Намѣтились классовыя различія, а съ ними и противоположность классовыхъ интересовъ. Изъ среды козачества выдѣлялась какъ-бы аристократія, заслуженные люди, заявлявшіе притязаніе на особыя права — полковники, осаулы, сотники; сюда примыкали люди, лично близкіе гетману и кое-кто изъ шляхты русской или даже и польской, вступившей въ союзъ съ козачествомъ. Подъ властью старшины состояла козацкая масса, вписанная въ реестры. Внѣ реестровъ оставались посполитые, но имъ тоже не хотѣлось возвращаться къ плугу: они осѣдали по мѣстечкамъ и образовывали собой городскую козацкую милицію—«городы». Это терпѣлось, такъ какъ подобными запасными козаками наполнялись кадры полковъ, то и дѣло нуждавшіеся въ пополненіяхъ вслѣдствіе безпрестанныхъ военныхъ потерь. Но тѣмъ не менѣе кто-нибудь да долженъ же былъ оставаться при полевой работѣ. Козацкая старшина, сначала мягко, потомъ съ все растущей настойчивостью принуждала хлоповъ оставаться при землѣ. И, наконецъ, на ряду съ этими классовыми группами заявлялъ о своемъ существованіи пролетаріатъ, «голота», чрезвычайно усилившійся въ смутное время классъ людей, утратившихъ свои общественныя связи и свое, такъ-сказать, общественное равновѣсіе. Они служили наймитами на

безчисленныхъ винокурняхъ, которыя были въ то время чуть не при каждомъ зажиточномъ хозяйствѣ, пастухами при многочисленныхъ стадахъ, но предпочитали проводить время въ шинкахъ, ожидая созыва на посполитое рушенье, или случая примкнуть къ какому-нибудь гайдамацкому загону. Десятилѣтняя безпрерывная война, усиливъ эту группу, усилила въ ней и ея противообщественные инстинкты: дикость и жестокость, стремленіе къ легкой добычѣ, къ ничѣмъ необуздываемой свободѣ.

Обнаружившись въ этомъ направленіи, раздробленіе украинскаго общества обнаружилось и въ другомъ. Симпатіи къ Польшѣ и ея культурѣ, которыя всегда укрывались въ душахъ извѣстной части украинскихъ людей, начинали проявляться все сильнѣе и свободнѣе, особенно среди правобережной старшины. Въ то-же время обездоленные, по преимуществу голота лѣваго берега, проявляли тяготѣніе къ Москвѣ, которая привлекала ихъ неопредѣленныя симпатіи своимъ православіемъ и все уравнивающимъ монархическо-демократическимъ строемъ. Вотъ два болѣе ясныхъ политическихъ настроенія, но были и другія. Пока Хмельницкій былъ живъ, пока Украина имѣла въ немъ сильный руководящій центръ, всѣ отдѣльныя стремленія молчали; когда его не стало, все заговорило своими особыми голосами.

Юрій Хмельницкій, 16-тилѣтній сынъ Богдана, выбранный еще при жизни отца радой въ его преемники, не могъ въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Украина, удержать даже и призрака власти. Его опекунъ, войсковой писарь Иванъ Выговскій, тотчасъ же послѣ смерти Хмельницкаго былъ провозглашенъ гетманомъ «на тотъ часъ».

Выговскій, овручскій шляхтичъ, женатый на новогрудской каштелянкѣ, находящейся въ родствѣ съ магнатскими родами Литовской Руси, былъ, вмѣстѣ съ переяславскимъ полковникомъ Тетерей, образованнѣйшимъ представителемъ польской культуры при чигиринскомъ дворѣ. Со свойственной ему осторожностью Выговскій скрывалъ свои польскія симпатіи; но какъ только онъ сталъ руководящей силой, дѣло сближенія съ Польшей приняло новый и рѣшительный оборотъ. Ревностный аріанинъ кіевскій подкоморій и овручскій староста Юрій Немиричъ, единственный оказавшійся представитель родовитаго панства при чигиринскомъ дворѣ, много трудился надъ этимъ сближеніемъ. Оффиціальнымъ агентомъ съ польской стороны былъ волынскій каштелянъ Беніовскій. Между Полоннымъ, гдѣ жилъ Беніовскій, и Чигириномъ открылись энергическія сно-

шенія; самъ чигиринскій дворъ принялъ польскій характеръ, этикетъ, языкъ. И хотя Выговскій продолжалъ вести двуличную политику, увѣряя Москву въ своей преданности, уже въ началѣ осени 1658 года, т. е. ровно годъ спустя послѣ избранія Выговскаго, былъ составленъ знаменитый гадячскій договоръ. Въ силу его, Польша признавала Украину за особое княжество, связанное съ ней, какъ и Литва, лишь федеральной уніей, съ собственнымъ управленіемъ, со своимъ особымъ урядомъ, и духовнымъ и свѣтскимъ, съ 60-ю тысячами реестроваго войска. Повидимому, надъ Украиной занималась заря новой жизни, занималась... и тотчасъ потухла, какъ миражъ надъ безводной пустыней, какъ блуждающій огонекъ надъ гніющимъ болотомъ. Украина неудержимо катилась по своей роковой наклонной плоскости. Правъ или нѣтъ былъ Беніовскій, когда писалъ, что козачество, «gens tauro-scythica», ничѣмъ нельзя удовлетворить; правъ или нѣтъ коронный обозный Андрей Потоцкій въ своихъ словахъ Яну Казиміру, что у украинцевъ «главная задача, чтобъ не быть имъ ни подъ вашей королевской милостью, ни подъ царемъ, и они надѣются добиться своего, пугая вашу королевскую милость царемъ, а царя вашей королевской милостью»,— но можно-ли было винить украинскую массу, что она не могла повѣрить въ прочность союза съ Польшей, въ искренность ея намѣреній, какъ вѣрила старшина? Польша ликовала по случаю заключенія гадячскаго договора; сеймъ 1659 г. осыпалъ милостями козаковъ, прибывшихъ въ Варшаву для заключенія договора и принятія присяги; нобилитаціи и пожалованія сыпались какъ изъ рога изобилія; особенно много щедротъ пришлось на многочисленную семью Выговскихъ; Юрій Немиричъ сказалъ блестящую рѣчь, въ которой сравнивалъ Украину съ блуднымъ сыномъ, возвращающимся подъ кровъ отчій. И все было напрасно. Еще тою же осенью 1657 г., когда Выговскій былъ выбранъ гетманомъ, на лѣвомъ берегу поднялся старый Пушкаренко, дикій и неотесанный, но мужественный и опытный воинъ, любимецъ черни. Лѣвобережная голота видѣла въ немъ своего представителя и прочила ему гетманскую булаву. Все недовольное тянулось къ Полтавѣ, которая приняла видъ укрѣпленнаго лагеря. Болѣе 40,000 собралось подъ знамя Пушкаренка босыхъ и нагихъ «дейнековъ», безъ коней и оружія, съ рогатинами, кіями и косами. Съ трудомъ удалось Выговскому потушить возстаніе: Пушкаренко былъ изрубленъ побѣдителями, Полтава сожжена до-тла. Но какъ только разнеслась по Украинѣ вѣсть о заключеніи съ Польшей новаго договора, снова

вспыхнуло волненіе, особенно на лѣвомъ берегу. Смута все усиливалась; Юрій Немиричъ палъ ея жертвой вмѣстѣ съ шляхтой, которая поселилась было на лѣвомъ берегу, полагая, что гадячскій договоръ обезпечиваетъ ея безопасность; то и дѣло появлялись новые претенденты на гетманскую булаву, чтобъ, пофигурировавъ на сценѣ одинъ день, исчезнуть. Всѣ эти Пушкаренки, Довгали, Безпалые, Золотаренки, Цецуры, Сомки, посылаютъ въ Москву жалобы, доносы и обвиненія другъ на друга, просятъ о помощи: отряды московскихъ войскъ проходятъ вдоль и поперекъ по несчастному краю; пламя войны снова вспыхиваетъ на правомъ берегу. Но польскія войска лишь слабо подкрѣпляютъ Выговскаго, и онъ видитъ, что долженъ уйти. Осенью 1659 г. Выговскій сложилъ булаву, и Юрась Хмельницкій, теперь уже достигшій совершеннолѣтія, объявленъ былъ гетманомъ. Козацкая рада, собранная около Терехтемирова на Жердевскомъ полѣ, постановила остаться подъ московскимъ протекторатомъ съ тѣмъ, чтобы расширены были автономныя права Украины: за образецъ для измѣненій въ этомъ смыслѣ взятъ былъ тотъ же самый гадячскій договоръ. Но Москва меньше всего думала объ увеличеніи украинскихъ правъ и вольностей. Трубецкой везъ на Украину такія инструкціи: чтобъ вся Бѣлоруссія и Сѣверщина съ Черниговомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Стародубомъ и Почепомъ были отобраны отъ Украины, а въ Переяславѣ, Нѣжинѣ, Брацлавлѣ и Умани рядомъ съ полковниками жили царскіе намѣстники. Опасаясь противодѣйствія со стороны правобережья, Трубецкой вызвалъ Юрася Хмельницкаго со старшиной въ Переяславъ для заключенія новыхъ условій и присяги. Болѣе вліятельные изъ правобережныхъ полковниковъ, брацлавскій — Зеленскій, подольскій — Гоголь, паволоцкій — Богунъ, уманскій — Ханенко и друг. не поѣхали въ Переяславъ. И хотя договоръ былъ заключенъ въ желанномъ для Москвы смыслѣ, но послѣдствія этого насильственнаго заключенія обнаружились въ слѣдующемъ же 1660 году, когда произошло снова столкновеніе московско-козацкихъ войскъ съ польско-татарскими. Московскія войска были разбиты подъ Чудновымъ, Шереметевъ, главный начальникъ ихъ, пошелъ въ плѣнъ къ татарамъ, а козацкое войско, съ Юріемъ Хмельницкимъ во главѣ, передалось на сторону Польши. Чудновскимъ договоромъ козаковъ съ Польшей возобновлялась сила договора гадяцкаго. Но никакой договоръ не могъ обнаружить дѣйствія; анархія продолжала царить на Украинѣ.

А между тѣмъ та незамѣтная еще въ началѣ Хмельнищины

трещина, которая дѣлила украинскій народъ на двѣ половины, восточную и западную, лѣвобережную и правобережную, успѣла за этотъ короткій, десятилѣтній, промежутокъ времени вырости до размѣровъ настоящей пропасти. Не смотря на весь внѣшній хаосъ, царящій повсюду, на кажущуюся противорѣчивость частныхъ стремленій, несомнѣнно ясно было все-таки, что лѣвобережная Украина тяготѣетъ къ Московскому государству, правобережная къ Польшѣ. Днѣпръ, эта извѣчная колыбель южнорусскаго племени, силою несчастныхъ историческихъ условій искусственно раздѣлилъ единую народную стихію. Гетманъ, выдвинутый лѣвобережной Украиной, могъ появиться на правомъ берегу; правобережный гетманъ, случалось, на одинъ моментъ завладѣвалъ вліяніемъ на лѣвобережьѣ; Янъ-Казиміръ, во главѣ польско-козацко-татарской арміи въ 1663—64 гг. побѣдоносно прошелъ по лѣвобережной территоріи. Но Украина объединялась ровно до тѣхъ поръ, пока налицо была гнетущая сила; какъ только гнетъ устранялся, раздвоеніе опять вступало въ свои права.

Андрусовское перемиріе, состоявшееся между Москвой и Польшей въ 1667 г., закрѣпило этотъ фактъ, открыто разорвавъ Украину на двѣ половины: московскій царь увольнялъ обывателей правобережья отъ данной ему присяги. Лѣвобережная Украина со своей столицей въ Батуринѣ, окончательно оторвалась подъ власть Москвы, которая съ все растущей интенсивностью втягивала ее въ составъ своего государственнаго цѣлаго; правобережная продолжала свой анархическій путь.

Номинально край считается польскимъ по Днѣпръ. Но фактическія границы, гдѣ кое-какъ признавалась польская власть, были гораздо уже: едва половина подольской земли по Ушицу, потомъ Волынь и Кіевское Полѣсье до Чернобыля надъ Днѣпромъ. Все Браславское воеводство, большая половина Кіевскаго и юговосточная часть Подольскаго знать не хотятъ Польши, хотя все-таки сильно пропитаны польскими культурными вліяніями: старшина говоритъ по-польски, оффиціальный русскій языкъ усвоилъ себѣ польскіе обороты, названія урядовъ заимствованы отъ Польши; только католическая церковь снесена совершенно. На этой территоріи лишь въ отдѣльныхъ замкахъ постоянно держался, и то съ большими усиліями, польскій гарнизонъ: главнымъ образомъ въ Бѣлой Церкви, затѣмъ въ Дымерѣ, а по временамъ въ Барѣ. Но Польша все-таки не отказывалась отъ своихъ правъ, и потому здѣсь кипѣла неустанная борьба, смѣнявшаяся лишь на мгновенье грознымъ затишьемъ,

полнымъ ожиданія новой бури. Не только каждый годъ, но чуть-ли не каждое время года имѣло свою особую исторію. Народъ и полковники выбирали себѣ гетмана: онъ то признавалъ власть Польши, то возмущался противъ нея, обращался ко всѣмъ сосѣдямъ поочередно, къ Москвѣ, Турціи, молдавскому или валахскому господарю, крымскому хану,—и исчезалъ, вытѣсненный другимъ, и успѣвъ лишь пролитой кровью запечатлѣть память о своемъ эфемерномъ владычествѣ. Татары хозяйничаютъ на правомъ берегу, какъ у себя дома, и свободно выбираютъ свою дань. Числятся пока еще слѣдующіе полки, а, слѣдовательно, и населенные округа: Чигиринскій, Каневскій, Черкасскій, Паволоцкій, Брацлавскій, Тарговицкій, Уманскій, Корсунскій, Бѣлоцерковскій, Кальницкій и наказной Подольскій; упоминается, кромѣ того, Немировскій и Межибожскій; но населеніе уменьшается. Вотъ маленькіе отрывки изъ люстраціи 1665 г. Въ какой-то моментъ затишья удалось полякамъ сдѣлать опись государственныхъ имѣній части Подольскаго воеводства: «Летичевское староство—все опустошено, потому что лежитъ на самомъ шляху, по которому ходитъ каждый непріятель, отчего нѣтъ надежды удержать ни мѣщанъ, ни подданныхъ по деревнямъ». О Проскуровѣ и его волостяхъ: «мѣщанъ въ городѣ 12, ничего не платятъ, такъ какъ недавно сѣли здѣсь на свободу. Въ деревняхъ (такихъ-то) нѣтъ ни одного подданного, почему ставы и млины пусты, такъ какъ изъ-за наѣздовъ и нападеній не могутъ люди оставаться въ своихъ домахъ». То же староства Улановское и Хмельницкое; въ Вержбовецкомъ староствѣ «ни въ мѣстечкѣ, ни въ деревняхъ, къ нему принадлежащихъ, нѣтъ ни одного подданнаго» и т. д. Край пустѣетъ.

Послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій соединилъ было на одинъ моментъ обѣ Украины и тотчасъ же, почувствовавъ, насколько власть была ему не по-силамъ, отказался отъ нея и ушелъ въ монастырь (1660 г.), выступилъ въ правобережной Украинѣ гетманомъ Тетеря, зять Хмельницкаго. Тетеря былъ искренній сторонникъ Польши, и, еслибъ въ его силахъ было слить Украину съ Польшей, то онъ, конечно, сдѣлалъ бы это. Но задача была не по-плечу даже и не такому заурядному человѣку, какъ Тетеря. Онъ счастливо справился съ самымъ замѣтнымъ изъ своихъ противниковъ Попенкомъ, который собралъ около себя заднѣпровскую голоту и выступилъ какъ ярый врагъ всего польскаго, но все-таки уже въ 1665 г. долженъ былъ сложить булаву. Тотчасъ послѣ его удаленія, появился на исторической сценѣ чигиринскій полковникъ Петръ Дорошенко. Доро-

шенку удалось на нѣсколько лѣтъ заслонить собой всѣ остальныя фигуры, всѣхъ этихъ Опаръ, Суховіевъ, Ханенокъ, которые параллельно выдвигались одинъ за другимъ изъ хаоса.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ замѣчательный человѣкъ. И сорока лѣтъ еще не было Дорошенку, когда правобережные полковники сдѣлали его своимъ гетманомъ. Онъ былъ не безъ образованія: изъ кіевскихъ школъ вынесъ онъ знакомство съ «козацко-русскимъ» письмомъ, но на умы окружающихъ онъ дѣйствовалъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ не школьнаго, а чисто народнаго склада, сильной діалектикой, прямо, безъ ухищреній, достигающей намѣченной цѣли. Наружность молодого гетмана была самая подкупающая, и онъ умѣлъ украшать ее по-шляхетски; вообще, ни въ чемъ не пренебрегалъ шляхетской обстановкой. Добродушіе, которое располагало къ нему простыя сердца, не исключало жестокости, если она требовалась обстоятельствами. А подъ всѣмъ этимъ укрывался политическій умъ, сильное честолюбіе, широкіе замыслы.

Дорошенко, слѣдуя традиціямъ политики Богдана Хмельницкаго, не пренебрегалъ никакой политической комбинаціей, лишь бы она сулила выгоды; но больше всего возлагалъ онъ упованій на союзъ съ мусульманами. Онъ надѣялся такимъ путемъ сохранить внутреннюю самостоятельность. Татарскій ханъ — постоянный союзникъ Дорошенка. Благодаря татарамъ, а также, конечно, и своимъ личнымъ способностямъ, Дорошенку удалось было даже взять верхъ надъ вліятельнымъ лѣвобережнымъ гетманомъ Брюховецкимъ и на одинъ моментъ опять соединить обѣ Украины; но Андрусовское перемиріе положило окончательный предѣлъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Дорошенка въ томъ направленіи. Онъ вынужденъ былъ ограничить свою дѣятельность правымъ берегомъ: надо было устраиваться здѣсь. Дорошенко былъ не прочь признать вассальную зависимость отъ Польши, еслибъ эта зависимость не влекла за собой никакихъ фактическихъ обязательствъ; но для Польши весь вопросъ заключался именно въ томъ, какъ реализовать свои номинальныя права. Столкновенія были неизбѣжны, и столкновенія невыгодныя для Польши, такъ какъ за Дорошенкомъ всегда стояла татарская орда. Но зато во главѣ военныхъ силъ польскихъ стоялъ въ это время такой въ высокой степени замѣчательный человѣкъ, какъ Янъ Собѣскій, будущій король, пока еще великій коронный гетманъ. Его необыкновенная энергія, въ связи съ высокими дарованіями и исключительными свойствами характера, уравновѣшивали собою неравенство борющихся силъ. Въ годъ Андрусовскаго перемирія (1667 г.)

состоялся между Дорошенкомъ и Собѣсскимъ Подгаецкій договоръ. Польша признавала за Дорошенкомъ титулъ гетмана его королевской милости войска запорожскаго; вся фактическая территорія козаковъ оставалась за ними, но шляхта могла возвратиться въ свои имѣнія. Такимъ образомъ договоръ этотъ заключалъ временныя уступки; но бѣда въ томъ, что ни та, ни другая сторона не думали серьезно объ его выполненіи. Польша ясно видѣла, что съ такимъ гетманомъ, какъ Дорошенко, ей не придти ни къ какому возможному для нея modus vivendi, и выдвинула ему соперника въ лицѣ уманскаго полковника Ханенка. Правобережная Украина распалась на два лагеря съ двумя столицами—одной въ Чигиринѣ, другой въ Умани. Дорошенко рѣшился на послѣдній шагъ: отдалъ Украину въ подданство Турціи на правахъ господарствъ молдавскаго и валахскаго.

Планы Дорошенка совпали съ настроеніемъ турецкой политики. Еще въ концѣ 1669 г. воинственный Магометъ IV, покончивши съ Кандіей, рѣшилъ, опираясь на предложенія украинскаго гетмана, покончить также и старые счеты съ Польшей. Турція приступила къ грандіознымъ приготовленіямъ. Конечно, въ Польшѣ не могли не знать, что дѣлается въ Турціи. Знали о приготовленіяхъ король и великій коронный гетманъ Собѣсскій, зналъ каждый, кто хотѣлъ знать. Но польскимъ государствомъ, при слабомъ Михаилѣ Корибутѣ, управляла шляхта, а она-то именно и не хотѣла ничего знать объ опасности. Ей больше нравилось представлять дѣло такъ, что всѣ домогательства короля и гетмана на счетъ предупредительныхъ мѣръ вытекаютъ изъ ихъ «деспотическихъ» стремленій, изъ желанія усилить свою власть. Вѣдь всякія мѣры требовали со стороны шляхты жертвъ, и не малыхъ. А между тѣмъ Порта начала уже открыто заявлять протекторатъ. Шляхта все-таки продолжала упорно не вѣрить опасности, въ то время какъ на Украинѣ знали чуть не день и часъ, когда она должна наступить. Литовскіе татары, издавна поселенные надъ Нѣманомъ, пробирались на югъ, кидая свои пепелища, на встрѣчу подымающемуся на Польшу мусульманскому потоку.

Пока Магометъ IV стягивалъ въ свой лагерь къ Адріанополю огромныя силы анычаровъ и спаговъ, земское ополченіе европейскихъ и азіатскихъ владѣній, молдаванъ и валаховъ, добружскихъ и бѣлгородскихъ татаръ, липковъ (татаръ литовскихъ),—крымская орда, въ качествѣ авангарда, заливала край, вторгаясь въ него по всѣмъ тремъ шляхамъ. Ханъ стоялъ съ Дорошенкомъ на Украинѣ и разсылалъ универсалы съ требованіемъ покорности падишаху. Что было польскаго войска на Украинѣ, все было снесено. Хищники

залили Подолье, проникли далеко въ глубь края по направленію къ сѣверо-западу, разорили русское воеводство, пробрались на Покутье въ такія мѣстности, которыя считались до тѣхъ поръ защищенными отъ татаръ горами и лѣсами: теперь впереди дикихъ татаръ шли знакомые съ мѣстными условіями липки и барскіе черемисы. До ста тысячъ людей досталось въ ясыръ. Наконецъ тронулась въ путь, въ началѣ іюня 1672 г., и пестрая трехсотъ-тысячная армія Магомета IV. Самъ султанъ со своимъ дворомъ сопровождалъ ее, выступая на покореніе невѣрнаго Лехистана; путь его былъ обставленъ всей возможной восточной роскошью. Армія въ своемъ движеніи растягивалась на нѣсколько миль; каждую ночь въ пунктѣ султанскаго ночлега выросталъ цѣлый городъ, удовлетворявшій всѣмъ утонченнымъ потребностямъ двора. Немудрено поэтому, что только въ августѣ армія выступила въ границы Подолья. Теперь грозная опасность была ясна каждому. Но шляхта и здѣсь успѣла найти себѣ успокоеніе; она увѣрила себя въ неприступности Каменца. Напрасно убѣждалъ Собѣсскій, что мысль объ этой неприступности неосновательна, что крѣпость крайне нуждается въ поправкѣ укрѣпленій, въ усиленіи гарнизона, иначе она непремѣнно должна будетъ сдаться: его никто не слушалъ.

Всѣ турецкія силы направились на Каменецъ: лишь взятіе Каменца обезпечивало занятіе Подолья. На одного осаждаемаго воина приходилось больше сотни осаждающихъ; въ Каменцѣ не было такихъ пушекъ, какія были у турокъ, всего было четыре человѣка знающихъ артиллеристовъ; не было даже боевыхъ снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ. «Только чудо могло бы спасти Каменецъ, но вѣдь Господь Богъ не дѣлаетъ чудесъ безъ необходимости», писалъ по этому поводу Собѣсскій. Больше недѣли держался городъ; но дальнѣйшее сопротивленіе являлось при этихъ условіяхъ явной невозможностью. Каменецъ сдался; 30 августа Магометъ IV торжественно вступилъ въ столицу Подолья.

Вѣсть о взятіи Каменца поразила Польшу, какъ громовой ударъ изъ безоблачнаго неба. Такъ велика была слѣпая вѣра польскаго общества въ неприступность Каменца, что не находили возможнымъ иначе объяснить случившееся, какъ измѣной, и въ безсмысленной ярости искали виновныхъ. Каменецъ взятъ, этотъ ключъ къ прекрасному Подолью, драгоцѣннѣйшему перлу польской короны. Маіоръ Геклингъ взорвалъ бастіонъ, гдѣ хранили порохъ, и погубилъ такимъ образомъ вмѣстѣ съ собой до двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ храбраго Володіевскаго, «подольскаго Гектора»; каменецкія

церкви обращены въ мечети; множество женщинъ, и шляхтянокъ, горожанокъ, и монахинь погнано на далекій востокъ, на продажу въ гаремы; тысячи возовъ потащили къ Волощинѣ и къ Черному морю подольскія сокровища, свезенныя на сбереженіе въ Каменецъ со всего края... Вотъ вѣсти, которыя несли съ собой въ глубь Польши подольскіе бѣглецы, отъ тѣхъ поръ бездомные и безпріютные скитальцы, изъ которыхъ лишь болѣе счастливые успѣхи захватить кое-что изъ своихъ драгоцѣнностей, родовыя иконы и останки предковъ. А, главное, вся Польша стоитъ открытой и беззащитной передъ страшною турецкой силой. И она, въ самомъ дѣлѣ, двинулась въ глубь края, по направленію къ Львову. Вокругъ главныхъ силъ турецкой арміи кишѣли татары и козаки: маленькими отрядами разбѣгались они во всѣ стороны, захватывая въ неволю безчисленныя жертвы. Въ теченіе ста дней на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль стояло сплошное зарево, носились клубы дыма, раздавались жалобные стоны, заглушаемые дикимъ крикомъ побѣдителей. Тридцать укрѣпленныхъ замечковъ пало къ ногамъ Магомета IV: нѣкоторые изъ нихъ геройски защищались, другіе прямо отдавались на милость врага. И если потокъ непріятельскій остановился подъ Львовомъ, а не подъ Краковомъ или Варшавой, то не польское войско задержало его, а приближающаяся осень съ холодомъ и сыростью, невыносимыми для непривычныхъ южныхъ людей, изъ какихъ состояло турецкое войско. Но и добрый геній Польши еще бодрствовалъ надъ ней: онъ олицетворялся теперь Яномъ Собѣсскимъ. Гетманъ не могъ ничего сдѣлать, чтобы предупредить бѣду; но когда всѣ его предсказанія сбылись почти съ математической точностью, онъ съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ до послѣдней степени испуганнаго, растерявшагося общества и завладѣлъ положеніемъ. Но пока можно было только одно: цѣной всякихъ жертвъ удалить врага. Въ октябрѣ 1672 года былъ заключенъ столь тяжелый для Польши Бучацкій договоръ: Подольское воеводство съ Каменцемъ дѣлалось турецкой областью, Украина собственно, т. е. Брацлавщина и Кіевщина, объявлялись козацкимъ владѣніемъ подъ турецкимъ протекторатомъ. Границы вновь созданнаго Подольскаго пашалыката включали въ себя Чортковъ и Ягельницу, шли далѣе по теченію р. Збручи и достигали до Чернаго шляха. На западъ и сѣверъ отъ этихъ границъ была Польша; на югъ и востокъ, по Днѣпръ, зависящая отъ Турціи козацкая Украина.

Что внесла собой для Украины эта новая политическая сила? Только усилила разложеніе, и ничего больше. Была или нѣтъ осуществима для Богдана Хмельницкаго идея украинскаго княжества подъ

турецкимъ протекторатомъ, но для Дорошенка это было уже невозможно, слишкомъ поздно.

Взятіе Каменца оглушило Польшу, но въ слѣдующемъ же году Хотинская побѣда доказала, съ одной стороны, что Польша еще не безсильна, съ другой—сдѣлала королемъ Собѣсскаго. Польское государство слишкомъ было далеко отъ того, чтобы отказаться отъ своихъ правъ на Подолье и Украину.

Положеніе Украины сдѣлалось отчаяннымъ: ее терзали со всѣхъ сторонъ. Великій визирь Кара-Мустафа, приводя край въ повиновеніе, до тла уничтожилъ Ладыжинъ и Умань, главные пункты края, опустошилъ почти всю Брацлавщину, захвативъ и часть Волынской земли; татары, разоряя всюду, съ неудовольствіемъ смотрѣли на дѣйствія своихъ союзниковъ, которые безразсудно тратили живой капиталъ: сколько денегъ можно было взять за даромъ перерѣзанныхъ жителей на цареградскихъ рынкахъ! Когда отступали татары и турки, появлялись польскіе отряды, тоже приводя къ покорности. Одна часть козаковъ признавала власть Ханенка и тянула къ Польшѣ, другая—Дорошенка и тянула къ Турціи; наконецъ лѣвобережный гетманъ Самойловичъ хотѣлъ воспользоваться смутой и высылалъ сюда свои отряды, чтобъ поддерживать своихъ сторонниковъ. Жизнь на Украинѣ сдѣлалась невозможной. Населеніе бѣжало во всѣ стороны: на западъ въ Червонную Русь, но больше всего на востокъ за Днѣпръ. Стали выселяться цѣлыми полками: въ 1674 г.—въ годъ, когда свирѣпствовалъ Кара-Мустафа, два полка, уманскій и брацлавскій, осѣли по р. Орели; въ слѣдующемъ году корсунскій полкъ со своимъ полковникомъ Кандыбой переправился за Днѣпръ. Ханенко увидѣлъ, что нѣтъ возможности ему въ данныхъ условіяхъ держаться на своемъ якобы гетманствѣ, тоже убѣжалъ за Днѣпръ, въ 1675 г. отдалъ свою булаву въ руки Самойловича и поселился доживать свою старость на покоѣ въ Козельцѣ Черниговской губ. Наконецъ, и онъ, главный виновникъ событій, правобережный гетманъ Петръ Дорошенко, долженъ былъ прійти къ печальному убѣжденію, что несбыточны были всѣ его планы, ошибочны всѣ разсчеты: Турція не могла послужить оплотомъ для новой украинской общественной организаціи. И Дорошенко вслѣдъ за народомъ правобережья тоже направился на лѣвый берегъ, отдался во власть московскаго государя и здѣсь, въ московской землѣ, кончилъ свои дни въ почетной ссылкѣ. Много бѣдъ принесли Украинѣ его широкіе замыслы; но и враги не рѣшаются утверждать, что его дѣйствія направлялись лишь личными побужденіями, своекорыстными разсчетами. Въ слѣдующіе (77—78-й) годы, годы

осады Чигирина Турками и новыхъ татарскихъ нападеній, остатки населенія перебрались на лѣвый берегъ. На всей территоріи Украины оставался одинъ только козацкій полкъ, Подольскій, державшійся въ Брацлавщинѣ, съ полковникомъ Гоголемъ; но и тотъ, по приглашенію Собѣсскаго, перешелъ на Кіевское Полѣсье, въ Дымерское староство. Общественная организація козацкой Украины распалась совершенно.

Украина, т. е. подольское, брацлавское и большая часть кіевскаго воеводства, обратилась въ пустыню. Можетъ быть, десятка два тысячъ еще ютилось въ рѣдкихъ и жалкихъ поселеніяхъ по окраинамъ этой пустыни, по берегамъ рр. Днѣпра и Днѣстра, не считая, конечно, большого турецкаго гарнизона въ Каменцѣ; но они не составляли Украины. Были люди, но не было общества. Дальше въ глубь края пустыня дѣлалась уже совершенно безлюдной. Роскошныя нивы Украины заросли бурьяномъ; нигдѣ жилья человѣческаго, ни признака стадъ, которыми еще такъ недавно славилась Украина; только одичавшія собаки, размножившіяся до-невѣроятности, вели ожесточенную борьбу за существованіе съ господами степи волками; начали снова появляться даже и дикіе кони, которые сдѣлались было уже рѣдкостью, расплодились дикія козы, лоси и медвѣди. Лукьяновъ въ пять дней ѣзды черезъ Украинскую пустыню не встрѣтилъ живой души. Отъ Корсуня и Бѣлой Церкви на Волынь, по словамъ Величка, можно было видѣть лишь безлюдные замки, высокіе валы которыхъ были пріютомъ дикихъ звѣрей, а повалившіяся стѣны, покрытыя мхомъ и поросшія бурьяномъ, служили прибѣжищемъ гадовъ. Всюду было полнѣйшее запустѣніе. Подолье, со своимъ необычайнымъ плодородіемъ, не могло прокормить пятнадцати тысячъ каменецкаго гарнизона: муку, овесъ, ячмень—все принуждены были турки доставать изъ Молдавіи и Валахіи. Подольскіе кмети, разбѣжавшіеся при нашествіи турокъ, опять начали было собираться понемногу; но насильственныя дѣйствія со стороны турокъ снова и окончательно разгоняли ихъ; съ тѣхъ поръ до полнаго водворенія турокъ, на Подольѣ ютились лишь разбойничьи липки и др. бродяги, которые жили наѣздами и грабежомъ сосѣднихъ польскихъ областей. На огромной территоріи Барскаго староства совсѣмъ не было населенія, кромѣ небольшого числа черемисъ, тоже потерявшихъ привычки правильной осѣдлой жизни. Степную Украину съ ея скудными обитателями снабжало теперь хлѣбомъ Кіевское Полѣсье. Прекратилось торговое движеніе, заросли дороги, лишь немногочисленные караваны верблюдовъ, подъ сильнымъ турецкимъ конвоемъ, ходили по одному

проторенному пути между Каменцомъ и Шаргродомъ, гдѣ пріютились восточные купцы, которые откупались отъ татаръ и которыхъ не трогали поляки, нуждавшіеся въ ихъ товарахъ.

Не стало населенія, не стало Украины. Три сосѣднихъ государства, еще такъ недавно и съ такимъ ожесточеніемъ боровшіяся за ея обладаніе, остановились передъ неожиданной дѣйствительностью: не за что стало бороться. Этотъ фактъ, такъ удачно прекратившій борьбу, остроуміемъ дипломатовъ былъ возведенъ въ принципъ. Между условіями Бахчисарайскаго мира, заключеннаго въ 1681 г. между Россіей и Турціей, есть слѣдующее: «Обѣ стороны свято обязуются отъ Кіева до Запорожья, по сторонамъ Днѣпра, не устраивать городовъ и мѣстечекъ». А когда Россія заключала съ Польшей такъ называемый вѣчный миръ (1686 г.), то между сторонами и вышло затрудненіе на счетъ тѣхъ разоренныхъ замковъ и городовъ, которые были отъ мѣстечка Стаекъ внизъ по Днѣпру по рѣкѣ Тясмину, и этотъ пунктъ уладили такъ, что та мѣстность должна оставаться пустой, какой она и теперь есть.

Дипломатія рѣшила обратить территорію Украины въ вѣчную могилу, въ грандіозную надгробную плиту надъ свободолюбіемъ народа, который предпочелъ залить землю своей кровью и усѣять своими костями, лишь бы не подчиниться навязываемому ему подневольному режиму. Но жизнь не справлялась съ дипломатіей, и лишь только затихла вытоптавшая ее борьба, она всюду снова пустила свои отпрыски, такъ легко и быстро разроставшіеся на плодородной почвѣ Украины. И по мѣрѣ того, какъ жизнь снова возникала и укрѣплялась, она опять принимала старыя козацкія формы. Это и не могло быть иначе: вѣдь вплотную къ степной Украинѣ примыкало, съ одной стороны, насквозь козацкое Запорожье, съ другой—Кіевское Полѣсье, которое теперь выступило на первый планъ въ судьбахъ края.

Кіевское Полѣсье, какъ и Волынь, во время Хмельнищины дѣйствовало заодно съ остальной Украиной; но такъ какъ привиллегированный классъ — князья и земяне на Волыни, застѣнковая шляхта, т. е. бояре на Полѣсьѣ—былъ здѣсь несравненно сильнѣе, то и умиротвореніе, въ смыслѣ присоединенія къ Польшѣ, наступило здѣсь еще въ то время, когда въ степяхъ кипѣла ожесточенная борьба: конечно, этому способствовало и укромное положеніе края, лѣсного и лежащаго въ сторонѣ. Теперь Кіевское Полѣсье очутилось на границѣ, съ одной стороны, Подольскаго пашалыката, съ другой—разоренной дикой степи. На немъ лежала тяжесть пограничной

*

сторожи отъ мусульманскихъ сосѣдей, тяжесть, которую еще недавно несла на себѣ степная Украина. Польское правительство, сознавая это, стремилось организовать здѣсь усиленную защиту, но, по обыкновенію, наталкивалось на недостатокъ средствъ. Нельзя сказать, какъ бы оно вышло изъ затрудненія, еслибъ былъ иной король. Но Янъ Собѣсскій былъ страстный поклонникъ козачества, конечно, въ теоріи. Да и на практикѣ онъ охотно входилъ въ сдѣлки съ козаками, готовъ былъ смотрѣть снисходительно на ихъ преступныя, съ польской точки зрѣнія, дѣйствія, зналъ русскій языкъ, имѣлъ въ козацкой средѣ личныхъ хорошихъ знакомыхъ, если не друзей, и самъ пользовался между козаками такимъ расположеніемъ, что знаменитый кошевой запорожскій Сирко охотно помогалъ Собѣсскому, хотя Запорожье и тянуло вмѣстѣ съ лѣвобережной Украиной къ Москвѣ. Любимой мечтой Собѣсскаго, такъ же какъ и его вѣрнаго помощника, великаго короннаго гетмана Яблоновскаго, было возстановить козачество, сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ искренно привязанное къ Польшѣ, и сдѣлать изъ него оплотъ для борьбы съ мусульманскимъ востокомъ. Кіевское Полѣсье представлялось имъ удобной территоріей для осуществленія этой мечты. И вотъ Собѣсскій приглашаетъ Гоголя съ его козаками изъ Брацлавщины въ Дымерское староство, какъ уже было сказано выше, и они переселяются, около тысячи человѣкъ: козаки должны были подчиниться власти короннаго гетмана, которую представлялъ польскій коммиссаръ или региментарь, и получали жалованье и сукно или право выбирать провіантъ съ населенія. Кромѣ того, королевская канцелярія выдавала «заповѣдные листы» отдѣльнымъ лицамъ на право формировать вольныя козацкія дружины. Сначала эти листы выдавались только шляхтичамъ, потомъ только старымъ опытнымъ козакамъ, когда правительство убѣдилось, что шляхтичи выбиваются изъ послушанія мѣстнымъ военнымъ властямъ. Полки росли, какъ грибы послѣ дождя; но государству отъ нихъ было мало пользы, а краю — рѣшительное разореніе. На первомъ планѣ въ составѣ этихъ полковъ стояли обыватели шляхетскихъ околицъ (хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ разсчитывалъ Собѣсскій, такъ какъ эти бывшіе когда-то русскіе бояре уже привыкли смотрѣть на себя, какъ на польскихъ шляхтичей, и считали унизительнымъ служить въ козацкихъ вольныхъ дружинахъ); затѣмъ всякій сбродъ изъ-за Днѣпра, съ Запорожья, мѣщане, бѣглые хлопы и т. д. Всегда стѣсненное въ средствахъ польское правительство предоставляло этимъ дружинамъ, вмѣсто жалованья, право выбирать съ обывателей «борошно», т. е. обыватели обязывались не только кормить козаковъ,

но и одѣвать, однимъ словомъ—удовлетворять всѣ ихъ потребности; а потребности, конечно, вещь растяжимая: къ нимъ могъ относиться не только провіантъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. мука, крупа, сухари, но и возы, упряжь, порохъ, свинецъ — на случай похода, и даже пиво, водка, медъ. Отсюда вытекали безконечныя столкновенія и злоупотребленія правомъ сильнаго. Козаки, число которыхъ быстро увеличивалось, дѣйствовали въ краѣ, какъ въ завоеванной странѣ. Мѣстная шляхта вопила къ трону о защитѣ и правосудіи, но тамъ дѣлали видъ, что ничего не слышатъ и не знаютъ: слишкомъ сильно было желаніе короля и стараго гетмана имѣть свое собственное козачество. На самомъ дѣлѣ, это импровизированное козачество совсѣмъ не имѣло въ себѣ ничего козацкаго, кромѣ внѣшнихъ формъ, приближаясь скорѣе къ надворнымъ панскимъ козацкимъ милиціямъ, чѣмъ къ настоящему козачеству. Оно не имѣло и не могло имѣть въ себѣ козацкаго духа, такъ какъ ничѣмъ внутренно не было связано съ территоріей, на которой дѣйствовало, ни съ ея населеніемъ, не было ни въ какомъ смыслѣ его представителемъ, какимъ было настоящее козачество. Немудрено поэтому, что подобное искусственное козачество легко вырождалось чуть что не въ разбойничьи шайки, для которыхъ не было своихъ и чужихъ, которыя равно охотно бились съ басурманами, какъ обдирали сосѣднихъ земянъ, кметей или даже себѣ подобныхъ козаковъ. Но это полѣсское, или «лѣсное», козачество имѣло большое значеніе для той вновь зарождающейся жизни въ степяхъ, о которой мы говорили выше. Какъ только степнымъ козакамъ становилось слишкомъ трудно держаться на своей одичалой Украинѣ, они являлись на Полѣсье, получали здѣсь необходимую имъ поддержку и опять исчезали въ дикой и вольной степи. Такой поддержкой Полѣсья выросъ и Палій, въ лицѣ котораго въ послѣдній разъ ярко вспыхнуло къ жизни украинское козачество.

Такую роль играло Полѣсье, а слѣдовательно и Польша во вновь возникающей жизни на Украинѣ. Но и Турція не могла оставаться безучастной. Турки не видѣли никакихъ выгодъ отъ Бучацкаго договора, такого, на взглядъ, блестящаго: пустынный край не только ничего не приносилъ, но требовалъ еще большихъ расходовъ. Естественно было туркамъ подумать о какихъ-нибудь мѣрахъ для измѣненія положенія. Въ 1682 г. султанъ передалъ Украину вмѣстѣ съ гетманскимъ достоинствомъ молдавскому господарю Дукѣ съ обязательствомъ жить здѣсь. Дука дѣятельно принялся за колонизацію своихъ новыхъ владѣній. Колонизація пошла успѣшно. Изъ-за Днѣстра двигаются молдаване и селятся вдоль береговъ рѣки; изъ-за Днѣпра

возвращаются цѣлыми громадами «прочане» и расходятся по Украинѣ, стремясь въ тѣ мѣста, гдѣ отцы ихъ пользовались козацкою волей. Переселяясь на лѣвый берегъ Днѣпра, они обращались большею частію въ посполитыхъ, и теперь, на призывъ Дуки, недовольные лѣвобережными порядками, они охотно шли назадъ на свои пепелища. Это обратное переселеніе достигаетъ такихъ размѣровъ, что лѣвобережный гетманъ Самойловичъ приходитъ въ тревогу и принимаетъ чрезвычайныя мѣры. Козаки Самойловича пытаются силою задержать народъ; на переправахъ происходятъ настоящія битвы, съ кровопролитіемъ и трупами, но это не помогаетъ, какъ не помогаютъ дипломатическіе переговоры. Украина оживаетъ: Брацлавъ, Чигиринъ, Богуславъ, Хвастовъ, Черкассы снова заселяются настолько, что появляются полки соотвѣтствующихъ названій, отстраиваются села, появляются и церкви, и колокольный звонъ заставляетъ забывать, что дѣло идетъ въ турецкой территоріи. Дука, человѣкъ тихій, мягкій, къ тому же обезпеченный доходами молдавской земли, ничего не требовалъ отъ своихъ новыхъ подданныхъ, кромѣ признанія своей власти; а Турки только что пережили Вѣну. Немудрено поэтому, что колонизація началась такъ удачно.

Это удачное начало турки задумали укрѣпить и развить, обратившись за помощью къ тѣни великаго перваго вождя, поднявшаго Украину. Въ 1685 г. султанскимъ фирманомъ вызывается къ существованію новое удѣльное княжество Сарматія, и, какъ выходецъ изъ давно заброшенной и позабытой могилы, появляется на историческую сцену новый украинскій гетманъ съ титуломъ удѣльнаго князя Сарматіи Юрій Хмельницкій, ничтожный сынъ своего отца. Ограниченный, тщеславный, эпилептикъ, онъ уже и своимъ образованіемъ на панскую ногу былъ оторванъ отъ народной среды, а во время своихъ долгихъ скитаній на чужбинѣ, по преимуществу въ Турціи и Крыму, растратилъ тѣ остатки нравственныхъ понятій, какія могли еще его связывать съ родною почвой. Конечно, не на такой опорѣ могла Турція создать что-нибудь прочное: сверхъ всего, Хмельницкій возбуждалъ къ себѣ недовѣріе и презрѣніе русскаго населенія, какъ разстрига. Не смотря на громкій титулъ, территоріальный районъ его владѣній былъ ограниченный. За годъ до возникновенія княжества Польша отдала въ распоряженіе козачества всѣ земли между рр. Тясьминомъ, Тикичемъ и Кіевскимъ Полѣсьемъ, т. е. бывшую территорію полковъ чигиринскаго, каневскаго, корсунскаго, черкасскаго, уманскаго, кальницкаго и бѣлоцерковскаго. Отсюда не слѣдуетъ заключать, конечно, что эти земли были въ полномъ распо-

ряженіи Польши; но можно заключить, что польское вліяніе было здѣсь сильнѣе турецкаго, и, слѣдовательно, Сарматія не могла имѣть сюда никакихъ дѣйствительныхъ притязаній. Оставалась для нея лишь территорія полка брацлавскаго и небольшая часть Подоліи, остававшаяся за предѣлами пашалыката. Столицей княжества былъ Немировъ, раньше многолюдное мѣстечко, отъ котораго къ описываемому времени сохранились лишь развалины, гдѣ ютилось нѣсколько несчастныхъ полуодичалыхъ еврейскихъ семей. Князь явился въ свое княжество подъ охраной военнаго отряда, состоящаго частью изъ турокъ, частью изъ всякаго сброда, липковъ, волохъ, босняковъ, болгаръ, бѣглыхъ червонорусскихъ кметей и т. д.; построилъ кое-какое помѣщеніе для себя, своего двора и гарема, который онъ держалъ, какъ истинный вассалъ султана. Надо было княжить, а главное жить. Но чѣмъ, т. е. на чей счетъ, жить? Территорія княжества, и въ указанныхъ выше, ограниченныхъ, предѣлахъ, все же была довольно обширна; но населеніе было крайне скудно, и главное— совсѣмъ не расположено платить, и постоянно готово сняться со своихъ еще не насиженныхъ, какъ слѣдуетъ, мѣстъ. По этому поводу вышло столкновеніе съ брацлавскимъ полковникомъ Коваленкомъ, котораго Хмельницкій убилъ собственноручно; русское населеніе было возмущено окончательно. Пробовалъ Хмельницкій дѣлать грабительскіе набѣги со своимъ сбродомъ на Червонную Русь, но Польша находилась въ періодѣ подъема своего духа, и всюду была такая бдительность и осторожность, что эти набѣги не могли ничего дать. Оставалось прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ въ родѣ прямого обдирательства своихъ подданныхъ. Такихъ подданныхъ, которыхъ стоило бы обдирать, конечно, было немного, но они были. Въ Немировѣ жилъ богатый еврей Аронъ, или Орунъ, торговецъ невольницами; онъ-то и сдѣлался жертвой Хмельницкаго. Однако такая внутренняя политика князя не понравилась туркамъ; они вызвали Хмельницкаго и казнили его. Такимъ образомъ княжество Сарматія покончило черезъ два года свое эфемерное существованіе.

Трудно сказать, сколько правды заключается въ этомъ эффектномъ эпизодѣ столкновенія Хмельницкаго съ Оруномъ, такъ какъ южнорусскіе, польскіе и армянскіе писатели различно разсказываютъ исторію окончательнаго исчезновенія Юрія Хмельницкаго съ исторической сцены. Но самъ Орунъ, какъ типъ, если не какъ индивидуальность, есть несомнѣнная горькая историческая правда. Да нѣтъ основаній заподозрѣвать Оруна и какъ личность, такъ какъ народъ Украины еще въ половинѣ настоящаго XIX столѣтія пѣлъ о немъ:

Буде дивка, Орунъ купыть,
Колыбъ тильки гарна...

Такъ ужасно одичала жизнь на Украинѣ, что матери продавали своихъ малолѣтнихъ дочерей тому или другому Оруну, знакомому съ секретами калотехники, который воспитывалъ изъ простыхъ сельскихъ дивчатъ съ ихъ безъискусственной красотой настоящихъ гаремныхъ одалискъ: создавая цѣлыми годами усилій и соотвѣтствующихъ приспособленій утонченную красоту, онъ въ то же время систематически убивалъ въ своихъ воспитанницахъ нравственное чувство, такъ что подобная гурія, вышедшая изъ искусныхъ рукъ своего воспитателя, уже и не мечтала ни о чемъ, кромѣ лѣни и роскоши гарема.

Торговля людьми была до сихъ поръ лишь принадлежностью крымскихъ татаръ; теперь и на Украинѣ стали появляться люди, достаточно предпріимчивые и безсовѣстные, чтобъ сдѣлать изъ торговли своими братьями источникъ наживы. Можно указать, напр., на Шпака, одного изъ ватажковъ или полковниковъ, который, пользуясь смутой, царившей на Украинѣ въ началѣ 18-го в., уводилъ толпы украинцевъ и продавалъ ихъ въ крымскихъ владѣніяхъ. Имя Шпака до сихъ поръ держится въ народной памяти въ названіи Шпаковаго шляха по направленію отъ Немирова къ Балтѣ.

Турція еще пыталась было и послѣ Юрія Хмельницкаго назначать отъ себя гетмана, но уже въ 1688 г. въ Немировѣ жилъ въ качествѣ наказного козацкаго атамана шляхтичъ Куницкій, поставленный Собѣскимъ. Районъ турецкаго вліянія, все съуживаясь, наконецъ заключается въ Каменцѣ-Подольскомъ, не выходя за предѣлы его стѣнъ; самъ городъ находился въ такой блокадѣ, что турецкій гарнизонъ не могъ, какъ говорится, показать носа за эти стѣны. Такимъ образомъ, когда въ силу Карловицкаго мира, заключеннаго въ 1699 г., край былъ возвращенъ Польшѣ, то туркамъ оставалось только выступить изъ Каменца и ничего больше.

И такъ, къ началу 18-го в. положеніе дѣлъ было такое. Украина снова принадлежала Польшѣ, теперь уже на правахъ завоеваннаго края. Но жизнь, между тѣмъ, успѣла пустить ростки по всей роскошной территоріи Украины, и ростки отъ стараго корневища—тѣ же упорные, русско-козацкіе, несовмѣстимые съ существованіемъ польскаго общественнаго строя. Новое населеніе опять вязалось въ полки, выбирало полковниковъ и не хотѣло и слышать о подданствѣ: «сама натура каждаго хлопа, особенно въ тѣхъ краяхъ, между козаками, всегда побуждаетъ къ бунтамъ противъ пановъ», какъ выражается одинъ польскій современникъ-шляхтичъ. А

въ хаотическомъ броженіи чувствовалось присутствіе направляющаго начала, исходящаго отъ сильной личности одного человѣка, который, безъ всякаго уполномочія, признанія гетманскаго титула, былъ главнымъ руководящимъ двигателемъ украинской жизни въ данный моментъ. Мы подразумѣваемъ хвастовскаго полковника Семена Палія.

Вмѣстѣ съ талантами дипломата, администратора и полководца Палій соединялъ въ себѣ ту особую силу, которая окружаетъ извѣстныхъ людей обаяніемъ, дѣйствующимъ на души не только современниковъ, но и потомства. У Палія это его обаяніе связано было несомнѣнно съ той его характерной чертой, что онъ не допускалъ противопоставленія козацкихъ интересовъ хлопскимъ, всюду являясь сторонникомъ не козацкой привиллегированности, а общенародной независимости. Палій утвердился въ степной части Кіевскаго воеводства, примыкающей къ Полѣсью, укрѣпился въ Хвастовѣ и колонизовалъ Хвастовщину. Но ему было, вѣроятно, всетаки трудно держаться въ степи, и въ 1689 г. онъ появляется на Полѣсьѣ, пользуясь тѣмъ покровительствомъ, какое здѣсь оказывалось козачеству. И не только въ степи, но и на Полѣсьѣ Палій утвердился такъ прочно, не смотря на жалобы шляхты, на неудовольствіе мѣстнаго козачества, что къ нему и народъ, и шляхта обращались, какъ къ высшей инстанціи: шляхтичи просили помощи у «вельможнаго пана Палія» не только въ своихъ затрудненіяхъ по отношенію къ подданнымъ, но и во взаимныхъ спорахъ и недоразумѣніяхъ. Стало и лѣсное козачество примыкать къ степовой «палiивщинѣ». Остальные полковники организующихся украинскихъ полковъ, Самусь, Искра, Абазинъ видѣли въ Паліѣ свой центръ и подчинялись ему. Свободное степовое козачество росло и крѣпло, а Польша, имѣя подъ бокомъ Турцію, относилась къ этому росту съ благосклонной снисходительностью. Положеніе рѣзко измѣнилось съ полнымъ вытѣсненіемъ турокъ: къ тому же умеръ и покровитель козачества Собѣсскій, за три года до Карловицкаго мира. Тотчасъ же за заключеніемъ этого мира появляется сеймовая конституція, совершенно уничтожающая козачество на всей территоріи польскаго государства, слѣдовательно, не только Полѣсья, но и вновь присоединеннаго Подолья и Украины. Тѣмъ самымъ все населеніе Украины обращалось въ подданство панамъ, которые тотчасъ же должны были явиться, чтобы занять свои старыя имѣнія. Но невозможно было и предположить, чтобъ на этой почвѣ, пропитанной кровью, пролитой за свободу, дѣло могло обойтись мирно. Борьба была неизбѣжна. Уже въ 1702 г. снова все было въ огнѣ, и Кіевщина, и Брацлавщина, и

Подолье, весь край вплоть до Волыни, гдѣ многочисленные земяне успѣли съорганизоваться во-время и удержать хлоповъ. И Польша, терзаемая снова внутренней войной, не могла справиться съ своими бунтующими подданными: Палій былъ сломленъ лѣвобережнымъ гетманомъ Мазепой. Но еще нѣсколько лѣтъ длились волненія, которыя питались политической смутой, царившей эти годы на сѣверо-востокѣ Европы подъ именемъ великой сѣверной войны. Наконецъ, затихли и эти внѣшніе толчки, волновавшіе несчастный край,—все затихло; старая жизнь замерла окончательно. Но тотчасъ же на смѣну ея ворвалась новая торжествующая волна, которая залила и погребла подъ собой, вмѣстѣ съ козачествомъ, и русскую національную стихію Украины.

IV. Передъ паденіемъ Польши.

Въ началѣ 18-го вѣка, первыя два его десятилѣтія, Украина на-ново переживаетъ то, что уже переживала когда-то, послѣ Люблинской уніи—усиленную польскую колонизацію. Но какъ различны были условія тогда и теперь! Тогда польскій элементъ, привлекаемый просторомъ и непочатыми природными богатствами Украины, шелъ сюда бодро и радостно, полный вѣры въ свою культурную миссію, полный надежды на свѣтлое будущее, и на первыхъ порахъ не наталкивался здѣсь ни на вражду, ни на отпоръ, въ худшемъ случаѣ лишь на выжидающее недоумѣніе. И теперь Украина была попрежнему прекрасна и изобильна, попрежнему зеленѣли и благоухали ея безбрежныя степи, но ея роскошная растительность укрывала пепелища и бѣлѣющія кости; а безобразныя развалины, которыя еще не успѣла спрятать мать-земля, разсказывали безконечныя легенды объ ужасахъ братоубійства. Атмосфера была насыщена воспоминаніемъ недавняго кроваваго прошлаго. И людскія души питали въ себѣ это воспоминаніе, какъ свое дорогое наслѣдство. Скудное населеніе Украины встрѣчало пришельцевъ съ чувствомъ безсильной и глубоко затаенной злобы. Тѣ являлись со смѣшанными чувствами страха, ненависти и злораднаго торжества. На такой нездоровой психологической почвѣ предстояло создавать на-ново общественную жизнь.

Поляки начали возвращаться на Украину тотчасъ «post hosticum», т. е. послѣ удаленія турокъ. Но движеніе это было задержано новыми волненіями, о которыхъ была рѣчь выше. Только

послѣ 1711—13 гг., т. е. послѣ Прутскаго мира и новаго массоваго выселенія жителей Украины на лѣвобережье, край сдѣлался польскимъ: русское государство окончательно отказалось отъ всякихъ на него притязаній. Украина была открыта не только для польской политики, но и для польскаго права; слабое, кое-гдѣ разбросанное населеніе уже не представляло никакого сопротивленія. Шляхетство могло устраиваться по своему.

Не надо забывать, что уже больше полстолѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ украинскіе владѣльцы покинули свои имѣнія. Огромное большинство ихъ умерло, не дождавшись возвращенія на родину; и только дѣти и внуки изгнанниковъ, разсѣянныхъ по разнымъ уголкамъ Рѣчи Посполитой, вскормленные мечтами о благословенной Украинѣ, текущей медомъ и млекомъ, могли увидѣть обѣтованную землю. Конечно, это относится не къ магнатамъ, а къ рядовой шляхтѣ. Какіе-нибудь Конецпольскіе могли совсѣмъ не интересоваться своими заброшенными и пустынными украинскими латифундіями. Но шляхетская масса, вытолкнутая изъ Украины народными волненіями, не имѣла владѣній въ глубинѣ Литвы или Польши; а какъ-нибудь устроиться такому безземельному шляхтичу на территоріи, и безъ того переполненной шляхтой, конечно, могло быть лишь дѣломъ исключительнаго счастливаго случая: всякій трудъ, кромѣ войны и хозяйства, считался для шляхтича позоромъ, который могъ лишить человѣка даже шляхетскаго достоинства со всѣми его огромными прерогативами. Немудренно поэтому, что возвращеніе на Украину было для огромнаго большинства изгнанниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возвратомъ къ прочному общественному положенію, обезпеченному завтрашнему дню, благосостоянію, и все это къ тому же облеченное въ таинственную и заманчивую неизвѣстность, гдѣ въ неопредѣленныхъ и фантастическихъ образахъ и краскахъ рисовалась роскошная Украина. Да и въ самомъ дѣлѣ она была неисчерпаемо богата со своею плодородною почвой, отдохнувшей цѣлые полвѣка отъ плуга, куда достаточно было бросить беззаботной рукой горсть зерна, чтобъ получить богатый урожай, съ лѣсами фруктовыхъ деревьевъ, съ изобиліемъ всякой дичи—и звѣря, и птицы, и рыбы, которая безпрепятственно размножалась все это долгое время. Естественно, что изгнанники тосковали за своей Палестиной и рвались къ ней. Но на встрѣчу этимъ радужнымъ надеждамъ шли тяжелыя разочарованія. Конечно, каждый возвращающійся думалъ прежде всего о своемъ родовомъ гнѣздѣ. Онъ не могъ не предполагать, что оно запущено, разорено; но мысль, что оно су-

ществуетъ въ какомъ бы то ни было видѣ, была большой отрадой для бездомнаго скитальца. Каково же бывало пораженіе, когда возвращающіеся не только не находили гнѣзда или его остатковъ, но часто не находили слѣда того, что оно существовало когда-нибудь на свѣтѣ. На мѣстѣ защищеннаго и благоустроеннаго панскаго двора, окруженнаго бѣлыми хатами, разукрашенный образъ котораго крѣпко держался въ семейной традиціи, была холмистая поляна или лѣсъ, выросшій изъ запущеннаго сада, и только деревья привѣтствовали бѣднаго пришельца, отыскивающаго свой родной уголъ. Цѣлыя большія поселенія исчезли такъ, что не осталось отъ нихъ камня на камнѣ, и, случалось, даже самое имя пропадало, а вмѣстѣ съ нимъ и всецѣло воспоминаніе о томъ, что было когда-то на данномъ мѣстѣ. Но главная бѣда была не въ огорченіяхъ и разочарованіяхъ, а въ тѣхъ безконечныхъ юридическихъ затрудненіяхъ, какія вытекали изъ указаннаго положенія вещей. Чѣмъ и какъ было доказывать свои владѣльческія права? Настоящихъ магнатовъ эти затрудненія опять-таки не касались. Ихъ территоріи, захватывавшія по нѣсколько уѣздовъ, легко поддавались опредѣленію: какія затрудненія могли встрѣтить, напр., Потоцкіе, которымъ прямо и просто принадлежало Поднѣстровье отъ Смотрича за Могилевъ? Совсѣмъ иное было положеніе рядовой шляхты, которая владѣла, на правахъ-ли собственности, или заставнаго державства, небольшими имѣніями. У многихъ пропали документы: извѣстно, съ какой ожесточенной ненавистью истреблялъ украинскій народъ всѣ шляхетскія бумаги. Но чѣмъ могли помочь и документы, если не было фактической опоры для утвержденія владѣльческихъ правъ на опредѣленный участокъ: не было старожиловъ, на показаніяхъ которыхъ можно было основаться, не было межевыхъ или граничныхъ знаковъ, не сохранилось, случалось, даже старыхъ названій урочищъ. Отсюда вышло то, что и должно было выйти—безконечный правовой хаосъ. Часто возвращающійся шляхтичъ совсѣмъ не могъ найти своего наслѣдства; иногда онъ его заставалъ уже захваченнымъ другимъ лицомъ, какимъ-нибудь сосѣдомъ, расширившимъ не въ мѣру свои границы, или заставнымъ державцей, который яко-бы получилъ землю подъ капиталъ отъ третьяго лица—и нечѣмъ было отстранить этихъ фактическихъ владѣльцевъ. На каждый земельный кусокъ являлось нѣсколько, а, случалось, и нѣсколько десятковъ претендентовъ; безспорныхъ владѣльцевъ, можно сказать, не было вовсе. Сыпались безконечныя жалобы, манифесты, дѣлались заѣзды; сутяжничество развилось до самой вы-

сокой степени. Жалкіе украинскіе «гроды», только что начавшіе оправляться отъ разоренія, были полны юристами-сутягами, кормившимися этой безурядицей, и наслѣдниками, которые рады были отступиться отъ всѣхъ своихъ правъ, лишь бы получить за нихъ хоть что-нибудь наличными деньгами.

Не лучше было возвратившейся шляхтѣ и въ экономическомъ отношеніи. Шляхетское благосостояніе опиралось исключительно на трудъ зависимаго населенія, подданныхъ. А между тѣмъ населеніе на владѣльческихъ земляхъ Кіевщины, Брацлавщины и Подолья было крайне скудно. Напр., въ Кіевщинѣ «Хвастовъ, Черногородка и деревни, принадлежащія къ Хвастову, такъ опустошены, что нѣтъ ни одного человѣка, кромѣ 8 подданныхъ въ Черногородкѣ»; или на Подольѣ, въ Могилевскомъ ключѣ, состоящемъ изъ большого мѣстечка и 4 селъ, оказалось, по счисленію коммиссара Потоцкихъ, всего на-все 178 душъ обоего пола, «хозяевъ, женъ ихъ, вдовъ, паробковъ и дѣвокъ». Трудно было приняться за хозяйство при такомъ состояніи «живого реманента». Да и это скудное населеніе надо было эксплоатировать осторожно, такъ какъ ему, при данномъ пустынномъ положеніи края, очень легко было уйти отъ владѣльца, которымъ оно было недовольно. Быть или не быть украинской шляхтѣ стало въ зависимость отъ того, успѣетъ-ли она привлечь и удержать хлопа.

Магнаты, располагавшіе большими средствами, не зависѣли отъ своихъ украинскихъ имѣній и здѣсь нашли выходъ изъ затрудненія. Они стали привлекать населеніе изъ другихъ областей Польскаго государства и даже изъ-за границы. Замойскіе вывели себѣ подданныхъ съ-надъ Вислы; Сѣнявскіе, Ржевусскіе и иные подольскіе паны вызывали людей изъ Галиціи, съ территоріи Пшемысла и Санока, такъ что цѣлыя деревни на Подгорьѣ запустѣли; Любомірскій привлекъ въ свои Шаргородскія имѣнія мазуровъ, а на Побережье волоховъ, которые очень охотно стали переселяться на лѣвый берегъ Днѣстра; призывали выходцевъ изъ-за Днѣпра, не забывшихъ своей правобережной родины, даже великорусскихъ раскольниковъ, такъ-называемыхъ филипоновъ. Но все это поглощалось панскими латифундіями, да и тамъ составляло каплю въ морѣ: громадныя пространства земли всетаки лежали пустыми. А заурядному шляхтичу ничего не оставалось, какъ заманивать къ себѣ какими-нибудь способами простого украинскаго хлопа или отъ своихъ собственныхъ сосѣдей, или изъ ближайшихъ мѣстностей болѣе густого заселенія. Такими мѣстностями были по отношенію къ собственной

Украинѣ Волынское, Русское, Бельзское воеводства и сѣверная часть Подольскаго.

Всѣ способы заманиванія группировались около одного главнѣйшаго—«слободы». Владѣльцы, желавшіе имѣть свои земли заселенными, должны были приманивать населеніе обѣщаніемъ свободы отъ обязательствъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Сроки эти обращались между 15 и 30-ю годами, причемъ кратчайшіе сроки были на Подольѣ, и, все удлиняясь по направленію къ востоку, они въ Кіевщинѣ достигали своего максимума. На все это время владѣлецъ ограничивался нѣсколькими злотыми годового чинша и нѣсколькими днями лѣтней работы; бывала и полная свобода отъ обязательствъ, но, повидимому, лишь какъ исключеніе.

Надо было во что бы то ни стало приманивать хлопа, удерживать его въ сладкой надеждѣ, что хоть и длиненъ срокъ свободы, а всетаки онъ кончится, и изъ полувольнаго слобожанина вылупится подданный, предоставленный польскимъ правомъ на полный произволъ его пана. Не могъ не знать грозящей ему участи и украинскій народъ, но онъ, закрывая глаза, шелъ ей на встрѣчу. Да что-же бы, впрочемъ, ему оставалось дѣлать? Вѣдь въ силу господствующаго теперь права посполитый не могъ быть владѣльцемъ земли, а долженъ былъ садиться на чужую землю и тѣмъ поступать въ подданство землевладѣльца. Исторія дала украинскому хлопу небольшую отсрочку, и онъ старался воспользоваться ею возможно шире. Изъ всего этого создались на Украинѣ на цѣлые полвѣка, пока истекли сроки послѣднихъ «слободъ»—что имѣло мѣсто лишь въ началѣ второй половины столѣтія—особыя условія.

Шляхтичъ, желавшій призвать людей на свою пустующую землю, поручалъ обыкновенно это дѣло опытному человѣку, какому нибудь заслуженному дворянину (служащему при панскомъ дворѣ) простонароднаго происхожденія или мелкому оффиціалисту изъ тѣхъ, кому приходилось, по обязанностямъ своего званія, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народомъ. Необходимымъ условіемъ успѣха было то, чтобы агентъ хорошо зналъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, и всѣ способы ихъ уловленія. Такой вербовщикъ набиралъ съ собой запасъ хлѣба и горѣлки и ѣхалъ въ мѣстечко на ярмарку, на престольный праздникъ—туда, гдѣ можно было встрѣтить много народа. Тамъ, на людномъ пунктѣ, онъ вбивалъ жердь съ дощечкой, на которой написаны были условія предлагаемой «слободы», а самъ, стоя подъ жердью, приглашалъ всѣхъ желающихъ на хлѣбъ и горѣлку. Прохожіе останавливались; кто-нибудь,

чаще всего дьячекъ, читалъ написанное; начинались разговоры, вербовщикъ не жалѣлъ красокъ, чтобы представить въ соблазнительномъ видѣ богатство земли, всѣ ея необычайныя удобства для поселенія, исключительную доброту пана. И разстояніе-то до мѣста рукой подать, и топлива сколько угодно—цѣлые дубовые лѣса, и водопой въ самой деревнѣ, громадный какъ озеро ставъ, гдѣ и рыбы, сколько хочешь, и мельницъ на немъ можно устроить хоть нѣсколько. Однимъ словомъ, все являлось въ описаніяхъ вербовщика фантастически окрашеннымъ въ самые идеальные цвѣта, а обильное угощеніе располагало умы къ довѣрію. Впрочемъ, являлся обыкновенно на сцену и достовѣрный свидѣтель, какой-нибудь подготовленый Иванъ или Петръ, который собственными глазами видѣлъ этотъ земной рай и готовъ былъ расписывать его красоту. Не бѣда, если вмѣсто лѣса оказывался корявый кустарникъ въ буеракѣ на голой степи, а вмѣсто рыбнаго става болото: главное дѣло было сдѣлано, условія написаны писаремъ, который былъ у вербовщика наготовѣ, и народъ двигался на условленное мѣсто. Положимъ, что, обманутый и разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ часто кидалъ мѣсто своей новой осѣдлости; но это было съ его стороны уже противозаконнымъ дѣйствіемъ.

Но такое свободное зазываніе на «слободы» могло практиковаться лишь первое время, пока еще были люди, не имѣвшіе осѣдлости на панскихъ земляхъ, и пока еще не подвергалось такимъ строгимъ преслѣдованіямъ переманиваніе хлоповъ отъ сосѣдей. Но мало-по-малу это переманиваніе «живого реманента» приняло характеръ злостнаго противообщественнаго преступленія, возбуждавшаго усиленное преслѣдованіе со стороны закона и общественное негодованіе. Но часто экономическая необходимость всетаки заставляла его совершать, хотя и контрабанднымъ способомъ. Вотъ тогда-то и появились на свѣтѣ тѣ контрабандные торговцы запретнымъ живымъ товаромъ, которые назывались «выкотцами».

«Выкотца» — это беззастѣнчивый человѣкъ, который брался за извѣстное вознагражденіе доставить владѣльцу пустыхъ земель столько-то кметей, способныхъ къ работѣ. Занимались этимъ непочетнымъ и небезопаснымъ дѣломъ бѣдные шляхтичи и евреи. Шляхтичъ пріѣзжалъ въ намѣченную деревню верхомъ, яко-бы отыскивая себѣ службу; еврей притаскивался въ корчму на возу подъ предлогомъ скупки чего-нибудь, напр.—овчинокъ. Переходя изъ хаты въ хату, выкотца уговаривалъ крестьянъ оставить свою осѣдлость и перейти на новую, обѣщая всякія блага. Сама по себѣ соблазнительна была

уже мысль начать свой срокъ слободы съ начала, если онъ на старомъ мѣстѣ былъ въ значительной долѣ выжитъ. Если выкотца добивался согласія, то условливались, когда приступать къ опасному предпріятію: конечно, крестьянамъ надо было нѣкоторое время, чтобъ ликвидировать свои дѣла. Въ означенный срокъ выкотца являлся съ подводами, забиралъ охотниковъ и съ большою осторожностью, окольными дорогами, велъ ихъ въ назначенное мѣсто. Ремесло выкотца было несомнѣнно выгоднымъ ремесломъ: за доставку семьи изъ Гусятина до Ходоркова шляхтичъ уплатилъ, въ извѣстномъ случаѣ, напр., 120 злотыхъ; за крестьянскую чету, выведенную отъ Брацлавля подъ Бердичевъ, другой предлагалъ 70 злотыхъ: очень вліяло на увеличеніе платы количество дѣтей. Но за-то жъ приходилось и тяжело расплачиваться за эти выгоды, если случай отдавалъ выкотцу въ руки обиженнаго имъ владѣльца. До суда обыкновенно не доводили дѣла: владѣльцы расправлялись сами. Слава Богу, если выкотца отдѣлывался побоями, могло быть и хуже — до висѣлицы, включительно. Въ одномъ случаѣ шляхтичъ, поймавши двухъ такихъ выкотцевъ, которые увели у него цѣлый поселокъ, распорядился такъ: взыскать съ нихъ всѣ свои убытки, а чтобы принудить ихъ къ выполненію, кромѣ лишенія свободы, присудилъ одного изъ нихъ, шляхтича, получать каждую пятницу по двадцать ударовъ — на коврѣ, чтобы не нанести ущерба шляхетскому достоинству, а другого, еврея, запрягалъ вмѣстѣ съ клячей въ соху и борону и заставлялъ пахать. Таковъ былъ самосудъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Такимъ образомъ между землевладѣльцами и хлопами шла неустанная партизанская война. Шляхтичи пускали въ ходъ всякія хитрости, чтобъ словить уходящихъ хлоповъ; тѣ, съ своей стороны, употребляли еще болѣе усилій, чтобы выскользнуть изъ разставленныхъ имъ силковъ. Конечно, это говорится о гуртовомъ выселеніи, цѣлыми партіями. Въ одиночку хлопу уйти было не трудно; окольными дорогами, минуя деревни и мѣстечки, проводя ночи въ лѣсахъ или бурьянахъ,—конечно, терпя и холодъ и голодъ, держалъ онъ путь на полдень и обыкновенно не обманывался въ разсчетѣ на пріютъ, который на первое время всегда оказывался гостепріимнымъ. Иное дѣло, если приходилось уходить таборомъ. Тутъ шляхтичи поднимались въ погоню съ надворными отрядами и выслѣживали бѣглецовъ съ тѣми пріемами, съ какими плантаторы выслѣживали бѣглыхъ негровъ. Когда догоняли, дѣло нерѣдко доходило до кровопролитной стычки. Но на одной сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, а на другой только палки и колья, и дѣло обыкновенно принимало невыгодный

для этой другой стороны оборотъ. Бѣглецамъ приходилось тяжко выкупать свою предпріимчивость: ихъ били, лишали всѣхъ льготъ и сажали на тяжкую панщину, а изувѣченныхъ въ битвѣ отсылали въ замки, гдѣ они должны были работать при тачкахъ. Но если хлопскій таборъ достигалъ назначеннаго мѣста, тутъ уже выходило иначе: шляхтичъ, на землѣ котораго садились бѣглецы, самъ выступалъ на ихъ защиту противъ преслѣдователей, и начиналась битва по всѣмъ правиламъ искусства.

А рядомъ съ войной изъ-за хлопа возникла и охота на хлопа. Бѣдный шляхтичъ, у котораго была земля, а не было денегъ, чтобы ее заселить, находилъ такой выходъ изъ затрудненія: конно, самъ-другъ или самъ-третей, отправлялся онъ выслѣживать краснаго звѣря, т. е. хлопа, мѣняющаго осѣдлость. Укрываясь за придорожной могилой или въ лѣсу, выжидалъ такой шляхтичъ бѣглеца, нападалъ на него неожиданно, захватывалъ и подъ угрозой пули велъ его къ себѣ, чтобъ поселить на своей землѣ. Бывало и еще хуже. Шляхетская застѣнковая бѣднота собиралась партіями и устраивала облавы на переселяющихся хлоповъ съ простой цѣлью грабежа, чтобъ поживиться добромъ, которое тѣ несли съ собой на мѣсто новой осѣдлости. Все это если и не считалось въ шляхетской средѣ рыцарскимъ и почетнымъ дѣломъ, то сходило все таки за дозволенное: вѣдь бѣглый хлопъ былъ, по польскому праву, persona vagabunda, лицо внѣ закона, отданное тѣмъ самымъ на произволъ перваго встрѣчнаго, достаточно сильнаго, чтобъ имъ овладѣть. Жестокіе нравы и нелюдскія отношенія выростали на почвѣ Украины, отравленной потоками пролитой крови. Украинскій шляхтичъ дичалъ и деморализировался въ этой безславной борьбѣ, въ которой не было и тѣни идеальныхъ мотивовъ, въ видѣ ли защиты христіанства отъ басурманъ, или культуры и государственности отъ варварства и анархіи. Украинскій крестьянинъ утрачивалъ то, на чемъ держится въ осѣдлой земледѣльческой массѣ ея нравственная крѣпость: привязанность къ своей землѣ, къ родному углу. Страхъ передъ крѣпостнымъ подданствомъ, въ которое попадалъ крестьянинъ, какъ только кончался договорный срокъ, гналъ его изъ одной мѣстности въ другую, по преимуществу въ юго-восточномъ направленіи. Обитатели сѣверныхъ частей Украины тянулись на Подолье, подольскіе поселенцы двигались въ Брацлавщину, брацлавскихъ точно выпирала какая-то сила въ кіевскія степи... Трудъ дѣлался постылымъ земледѣльцу, который вѣчно мечталъ о какомъ-то отдаленномъ земномъ раѣ, его ожидающемъ, если у него хватитъ отваги и счастья порвать связывающія его узы; осѣдлое

населеніе развивало вновь утраченные было имъ кочевые инстинкты.

Такъ прошло полвѣка. Въ періодъ между 1715 и 1730 гг. движеніе достигло своего апогея; затѣмъ начало слабѣть, хотя не прекращалось почти все столѣтіе, въ концѣ его выливаясь уже за предѣлы Рѣчи Посполитой, въ новороссійскія степи.

Какъ бы то ни было, Украина заселялась. Ея населеніе было неустойчиво, непрочно, но оно было, и на роскошной украинской почвѣ быстро размножалось. Съ прекращеніемъ сроковъ слободъ земля стала усиленно повышаться въ своей цѣнности. То, что въ началѣ столѣтія переуступалось за безцѣнокъ, въ половинѣ его уже составляло часто значительное имущество. Янъ - Александръ Конецпольскій въ завѣщаніи, писанномъ въ 1702 г., оцѣнилъ свои огромныя украинскія пустыни всего лишь въ 50,000 злотыхъ; лѣтъ 20—30 спустя эти пустыни перешли къ Любомирскимъ уже за милліонъ злотыхъ; въ концѣ же столѣтія Любомирскіе продали одну лишь четвертую ихъ часть за 60 милліоновъ, но это были уже, конечно, не пустыни.

Магнаты въ первый періодъ новаго заселенія края совсѣмъ пренебрегали своими украинскими имѣніями. Всѣ эти Сѣнявскіе, наслѣдниками которыхъ были Чарторижскіе, Потоцкіе, Любомирскіе, Яблоновскіе, Замойскіе — жили въ столицѣ или въ другихъ своихъ имѣніяхъ въ глубинѣ Рѣчи Посполитой, все предоставляя своимъ оффиціалистамъ. Оффиціалисты того или другого магнатскаго дома, напр. дома Потоцкихъ, были такъ многочисленны, что составляли своего рода обособленную группу среди украинской шляхты. Во главѣ оффиціалистовъ стояли губернаторы, которые держали себя по образцу своихъ вельможныхъ принципаловъ. Они жили въ укрѣпленныхъ дворахъ, или замкахъ, имѣли въ своемъ распоряженіи артиллерію, состоящую изъ нѣсколькихъ пушекъ, и надворную милицію, пѣшую и конную, а, главное, владѣльцы передавали имъ всѣ свои огромныя права надъ подданными до права жизни и смерти включительно. Въ особенности велики были полномочія губернаторовъ болѣе отдаленныхъ и угрожаемыхъ юго-восточныхъ окраинъ. Но по мѣрѣ того, какъ край заселялся и имѣнія пріобрѣтали прочную, и притомъ съ страшной быстротой возрастающую, цѣнность, и магнаты начали все больше и больше удѣлять вниманія своимъ украинскимъ латифундіямъ. Въ концѣ-концовъ, украинское магнатство, опираясь на эти латифундіи, сдѣлалось главной руководящей силой Рѣчи Посполитой, рѣшительницей ея судебъ. Здѣсь, на украинской территоріи, и были окончательно рѣшены эти судьбы.

Пышнымъ экзотическимъ цвѣткомъ со всѣмъ его блескомъ и дурманомъ развернулась на Украинѣ панская жизнь.

Прежде всего надо сказать, что украинское панство было теперь уже сплошь польскимъ и католическимъ. Еще въ началѣ описываемаго періода можно было встрѣтить кое-гдѣ, въ особенности на Волыни, дворянина православнаго, а слѣдовательно — и помнящаго свою національность. Это уже не магнатъ, но еще и не какой-нибудь захудалый обыватель шляхетской околицы: случалось, хотя какъ большая рѣдкость, попадался даже и на сеймѣ православный посолъ. Въ качествѣ анахронизма можно встрѣтить волынскаго православнаго дворянина еще и во второмъ десятилѣтіи описываемаго вѣка. Но логика исторіи дѣлаетъ свое жестокое дѣло, неумолимо разворачивая дальше и дальше цѣпь причинъ и слѣдствій. Еще немного—и православный дворянинъ дѣлается уже невозможностью, соціальной нелѣпостью. Православіе, какъ и прочіе аттрибуты русской національности, соединяются неразрывно съ низшимъ, зависимымъ, презираемымъ общественнымъ положеніемъ. Русскіе дворянскіе роды, въ своемъ стремленіи возможно скорѣе и и цѣльнѣе забыть свои старыя связи, не стѣсняясь ни здравымъ смысломъ, ни историческими фактами, фабрикуютъ самыя нелѣпыя генеалогіи. Фабрикаціей этой занимаются обыкновенно ученые спеціалисты изъ монаховъ, напр.—бердичевскіе кармелиты. Эти генеалогіи возводятъ родословныя дерева обыкновенно не ближе, какъ къ Попелю, миѳическому польскому королю, а то къ какому-нибудь еще болѣе миѳическому Литталеону, правителю Литвы, который жилъ чуть-чуть что не до Рождества Христова; переселеніе же протопластовъ рода на Русь никакъ не предполагалось позже 12—13 в.в.

Украина представляла собой теперь нѣсколько самодержавныхъ магнатскихъ государствъ, въ промежуткахъ между которыми были разсѣяны владѣнія простой шляхты. На первый планъ между украинскими магнатами выдвигались, конечно, Потоцкіе и Чарторижскіе, съ именами которыхъ такъ неразрывно связана вся послѣдняя эпоха исторіи Польши,—представители и главы двухъ лагерей, двухъ политическихъ теченій, своимъ антагонизмомъ подготовившихъ окончательную гибель государства. Украинскія имѣнія Потоцкихъ занимали большую часть Брацлавскаго воеводства; они разбросаны были въ треугольникѣ, углы котораго отмѣчаются Тарговицей, Могилевомъ, Тульчиномъ. Впрочемъ, эти земельныя богатства долго были раздроблены между отдѣльными вѣтвями дома Потоцкихъ, и только

*

во второй половинѣ столѣтія соединились въ рукахъ кіевскаго воеводы Франциска Салезія, котораго современники не даромъ звали «русскимъ королькомъ», а затѣмъ сына его Щенснаго-Потоцкаго, сыгравшаго такую большую и неудачную роль въ послѣднихъ судьбахъ Рѣчи Посполитой. Съ Чарторижскими могли равняться во всемъ Польскомъ королевствѣ развѣ одни только Радзивиллы. Колыбелью рода Чарторижскихъ была Клевань на Волыни. Извѣстный Адамъ-Казиміръ, генералъ земель подольскихъ, — который былъ подготовленъ въ преемники къ Августу III—кромѣ огромныхъ литовскихъ имѣній, земель въ Коронѣ и Русскомъ воеводствѣ, родовой Клеванщины, владѣлъ еще Грановщиной въ воеводствѣ Брацлавскомъ и большими имѣніями на Подольѣ: Межибожемъ съ его территоріей и гродовыми староствами Каменецкимъ и Летичевскимъ. На Волыни никто, конечно, не могъ потягаться земельнымъ богатствомъ съ наслѣдникомъ князей Острожскихъ, княземъ Сангушкой; но этотъ ничтожный человѣкъ, въ половинѣ столѣтія, раздарилъ или распродалъ, словомъ, разбросалъ свои громадныя богатства, хотя и не имѣлъ на это права, и ихъ разобрали украинскіе магнаты и ихъ кліенты, во главѣ съ Чарторижскими: такимъ образомъ Чарторижскимъ достались еще и Старо-Константиновскія волости князей Острожскихъ. Немногимъ уступало владѣніямъ Потоцкихъ и Чарторижскихъ по величинѣ территоріи, хотя и уступало по доходности, Побережское государство Любомирскихъ, занимавшее огромныя пространства между Бугомъ и Днѣстромъ, такъ-называемые Бужскій и Днѣстровый тракты: земли Любомирскихъ начинались подъ Винницей и кончались подъ Ягорлыкомъ и Конецполемъ. Надо, впрочемъ, сказать, что имѣніе Любомирскихъ, какъ пріобрѣтенное куплей, а не наслѣдствомъ или вѣномъ, не могло сообщить своимъ обладателямъ, въ глазахъ современниковъ, всего должнаго престижа. Если къ этому счету присоединить еще Ржевусскихъ и Яблоновскихъ—огромныя имѣнія тѣхъ и другихъ разбросаны были по всей Украинѣ,—то вотъ почти и всѣ магнатскіе роды, дѣлившіе между собой господство надъ Украиной. Изрѣдка случалось, что достигалъ магнатскаго значенія и не магнатъ по происхожденію: такимъ значеніемъ пользовался, напр., одно время кіевскій воевода Стемпковскій.

Владѣнія магнатовъ дѣлились, въ административныхъ и экономическихъ видахъ, на ключи, размѣры которыхъ были различны, смотря по особенностямъ территоріи, густотѣ населенія и типу поселеній, характеру хозяйства. Одно дѣло сѣверная Волынь съ ея тѣсными старыми поселеніями и лѣснымъ хозяйствомъ, другое—без-

конечный степной просторъ заселяющейся южной Украины. Клеванскій ключъ Чарторижскихъ, со всѣми его неисчерпаемыми лѣсными богатствами, состоялъ всего изъ одного мѣстечка и десяти деревень,—а въ Грановскомъ, степномъ ключѣ считалось 26 большихъ поселеній, хотя главный доходъ ключа составляли не эти поселенія, а степи, гдѣ свободно гуляло стадо изъ 700 кобылицъ, а волы выпасались тысячами. Побережское государство князей Любомирскихъ состояло изъ 11 ключей: къ Немировскому ключу, напр., относился Немировъ и пятьдесятъ деревень.

Въ каждомъ магнатскомъ государствѣ была, конечно, столица; случалось, и не одна. По крайней мѣрѣ, резиденцій у болѣе притязательныхъ пановъ, тянувшихся за тѣмъ, чтобъ воспроизводить образъ жизни владѣтельныхъ особъ, бывало до четырехъ, и между ними распредѣлялъ такой панъ свой годъ по сезонамъ. Въ главной резиденціи былъ, само собой разумѣется, дворецъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующій магнатскому достоинству. Правда, все это пришлось возводить наново, но богатая Украина легко доставляла средства, а панъ не жалѣлъ ихъ для такой цѣли.

Теперь панскому дворцу не зачѣмъ было представлять собою феодальный замокъ; ничто не угрожало безопасности его обитателей, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ края. Но искусственная традиція не легко уступала свое мѣсто. Немудрено, что старый дворецъ степного Тульчина, позднѣйшей главной резиденціи Потоцкихъ, былъ защищенъ валами и бастіонами, у которыхъ стояли огромныя гранатныя бомбы, съ висѣлицей у воротъ. Но и дворецъ Яблоновскихъ въ тихихъ и безопасныхъ Ляховцахъ надъ Горынью, выстроенный въ половинѣ столѣтія, имѣлъ тотъ же феодальный видъ. Стѣны и глубокіе рвы, окружающіе массивный, неуклюжій пятиугольникъ, были сверхъ всего защищены огромнымъ прудомъ, воды котораго разливались вокругъ замка въ болота и топи. Подъемный мостъ, въѣздная брама съ башнями и стрѣльницами, бастіоны, снабженные пушками, все было разсчитано на средневѣковый замокъ,—кромѣ необходимости и цѣлесообразности всѣхъ этихъ приспособленій. Впрочемъ, иные магнатскіе дворцы позднѣйшаго сооруженія уже свободны отъ этихъ феодальныхъ затѣй. Новый великолѣпный Тульчинскій дворецъ Потоцкихъ, на которомъ была знаменательная надпись: «чтобъ всегда былъ жилищемъ вольныхъ и честныхъ», поражалъ современниковъ роскошной мебелью, хрусталемъ, бронзами, картинной галлереей, заключавшей въ себѣ драгоцѣнные оригиналы, нумизматическимъ кабинетомъ, обширной библіотекой, изящнымъ театромъ,

садомъ съ руинами, прудами и водопадами, съ померанцевыми и ананасными оранжереями. Въ изящномъ Лабуньскомъ дворцѣ Стемпковскаго вниманіе останавливалось, прежде всего, на роскошной бальной залѣ и искусно разбитомъ садѣ, полномъ клумбъ и газоновъ, рощицъ и бесѣдокъ—идиллическихъ уголковъ, разсчитанныхъ на «амуретки». Движимость Подгорецкаго дворца Ржевусскихъ оцѣнивалась ни больше, ни меньше, какъ въ 2.800.000 золотыхъ. Главная резиденція Чарторижскихъ была не на Украинѣ, а въ Коронѣ: когда русскіе сожгли ихъ дворецъ въ Пулавахъ, то вмѣстѣ съ естественно-историческимъ музеемъ погибла и ихъ библіотека, состоявшая изъ 40.000 томовъ. Вообще можно сказать, что въ дворцахъ украинскихъ пановъ была собрана масса произведеній искусства и наукъ, остатки которыхъ пошли потомъ на украшеніе перворазрядныхъ музеевъ и галлерей въ столицахъ.

Образъ жизни магнатовъ соотвѣтствовалъ ихъ обстановкѣ. Магнатъ—человѣкъ не изъ дюжины; въ немъ самомъ и въ окружающихъ жило сознаніе этой его недюжинности, какъ бы лучъ величія, почивающаго на главахъ избранниковъ и помазанниковъ; онъ чувствовалъ себя призваннымъ выражать каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ шагомъ, что онъ есть монархъ въ миніатюрѣ, король in partibus.

Дворы магнатовъ по многолюдству, богатству, этикету, конечно, не уступали дворамъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. При дворѣ тульчинскаго самодержца было больше четырехсотъ придворныхъ слугъ и дворянъ. Сорокъ солдатъ постоянно держали стражу при замковой брамѣ; по мѣстечку то и дѣло сновали придворные козаки, разбѣгаясь въ разныя стороны съ порученіями отъ центральнаго управленія—двѣ сотни козаковъ исполняло эту службу поочередно; собственные уланы пана Потоцкаго охраняли порядокъ. Все указывало на пребываніе владѣтельнаго лица. А внутри замка, въ магнатскихъ покояхъ, толпилась одѣтая въ цвѣтныя ливреи куча слугъ, цѣлый легіонъ дворянъ ждалъ панскаго кивка, чтобы летѣть сломя голову, другой легіонъ прибывшихъ по какому-нибудь дѣлу или просто на поклонъ жилъ при дворѣ въ терпѣливомъ ожиданіи, пока магнатъ удостоитъ аудіенціи или вообще какого-нибудь знака вниманія. И придворные дворяне, и пріѣзжая шляхта садились за панскій столъ, проводили время, какъ хотѣли, забавлялись музыкой въ постные дни, танцами въ разрѣшенное церковью время: многочисленный женскій штатъ ясновельможной пани, ея «фрауцимеръ», доставлялъ въ изобиліи дамъ. Такимъ образомъ при магнатскомъ дворѣ шелъ вѣчный пиръ: будни ничѣмъ не отличались отъ праздничныхъ дней. Магнатъ

и его супруга могли по цѣлымъ недѣлямъ не показывать своихъ ясныхъ очей ни дворянамъ, ни гостямъ. Охоцкій въ своихъ скандалезныхъ, но тѣмъ не менѣе крайне интересныхъ, мемуарахъ разсказываетъ, что двѣ недѣли прожилъ при дворѣ прежде, чѣмъ ему удалось увидѣть тульчинскаго монарха и робко изложить свою просьбу. Но такъ какъ магнату, въ его политическихъ видахъ, нельзя было слишкомъ открыто третировать шляхту, то онъ держалъ при своемъ дворѣ ловкихъ и умныхъ людей, чтобъ принимать и занимать гостей, подслащая всякими способами горькую пилюлю, преподносимую шляхетскому достоинству магнатскимъ высокомѣріемъ. Вообще, магнаты старались украшать свои дворы резидентами, или «вѣчными гостями» изъ людей, интересныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи: хорошими разсказчиками и балагурами, артистами, учеными, въ особенности—поэтами: почти всѣ настоящіе магнатскіе дворы имѣли своихъ «бардовъ». Надо сказать, что, при общихъ чертахъ, жизнь каждаго магнатскаго двора имѣла и свой индивидуальный характеръ, зависѣвшій отъ личности самого монарха. При Тульчинскомъ дворѣ все было широко и пышно, но чинно и однообразно. Въ то же время при Лабуньскомъ дворѣ у воеводы кіевскаго Стемпковскаго шелъ уже не пиръ, а просто разгулъ, непрерывная вакханалія. Не «бардъ» былъ здѣсь предметомъ вниманія, а пьяница, который могъ выпить разомъ кубокъ въ восемь бутылокъ; охота смѣнялась картежной игрой и танцами, а рядомъ, въ отдаленныхъ комнатахъ, въ тѣни лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, въ бесѣдкахъ, увитыхъ плющемъ, завязывались и развязывались нескромные романы. Въ Чудновскомъ дворцѣ кн. Адама Понинскаго, сосѣда воеводы—тоже одного изъ украинскихъ магнатовъ—шла самая отчаянная азартная игра, и жизнь прожигалась такъ, что въ концѣ-концовъ оказалось, что на имѣніяхъ князя лежитъ ни больше, ни меньше, какъ 83 милліона злотыхъ долгу. А въ скучномъ Ляховецкомъ дворцѣ кн. Яблоновскаго, между тѣмъ, царствовала невыносимая натянутость и этикетъ, доходившій до высокаго комизма. Каждый шагъ былъ точно опредѣленъ и точно разсчитанъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ не произошло какого-нибудь ущерба княжескому достоинству владѣльца. Пріемъ вассаловъ—такъ называлась зависимая шляхта—былъ точной копіей съ пріемовъ при настоящихъ дворахъ коронованныхъ особъ; князь сидѣлъ на тронѣ въ горностаевой мантіи, вассалы, являясь на торжественную аудіенцію, должны были три раза преклонить колѣно и потомъ цѣловать руку; самымъ тяжелымъ наказаніемъ для вассала было недопущеніе къ панскому лицезрѣнію въ теченіе такого-то вре-

мени. Соотвѣтственно была устроена и вся жизнь князя. Впрочемъ, надо сказать, что подобная утрировка магнатскаго положенія возбуждала уже въ современникахъ порицаніе и насмѣшки.

Такъ жили магнаты дома. Конечно, когда они появлялись въ Варшавѣ, они держали себя иначе: даже Щенсный-Потоцкій оставлялъ дома свою угрюмость и высокомѣріе и дѣлался доступнымъ и привѣтливымъ. Магнаты были прежде всего люди политики, а политика требуетъ приспособленія. Но путешествія ихъ, а особенно по своимъ владѣніямъ, были обставлены тѣмъ же церемоніаломъ и пышностью. Когда кн. Адамъ Чарторижскій дѣлалъ въ 1782—83 гг. осмотръ своихъ украинскихъ имѣній, онъ имѣлъ при себѣ дворъ изъ 200 человѣкъ, а обозъ его везло 400 лошадей и еще нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ походными шатрами. Вообще, подобный панъ никуда не выѣзжалъ безъ вооруженной стражи и множества слугъ, безъ того, чтобъ за его тяжелой каретой еще не слѣдовала какая-нибудь брика съ кухней, погребомъ, съѣстными припасами, всѣми принадлежностями домашняго комфорта.

Такой образъ жизни обусловилъ собой огромные расходы. Расходы предполагали соотвѣтственные доходы. Доходы съ земельныхъ имуществъ, о размѣрахъ которыхъ было сказано выше, тоже не могли не быть огромными. Правда, Щенсный-Потоцкій получалъ съ 3 милліоновъ морговъ и 130,000 крестьянскихъ хозяйствъ всего-на-все два милліона злотыхъ годового дохода; но не здѣсь находился главный источникъ доходности его имѣнія, а въ торговлѣ водкой. Кромѣ того, каждое украинское панское хозяйство отправляло на сѣверъ, главнымъ образомъ въ Данцигъ, стада рогатаго скота и огромныя партіи разнаго хлѣба, особенно пшеницы. Доходы Любомирскихъ съ ихъ $2^{1}/_{2}$ милліоновъ морговъ были не такъ значительны. Но доходы Чарторижскихъ во всякомъ случаѣ равнялись, если не превышали, доходы Потоцкихъ, хотя количество крестьянскихъ хозяйствъ на ихъ земляхъ было нѣсколько меньше. За то въ ихъ имѣніяхъ господствовалъ образцовый порядокъ, и хозяйство шло, какъ машина. Главнымъ рычагомъ этой машины была строгая отчетность и точная хозяйственная статистика, для веденія которой былъ знающій, опытный и добросовѣстный люстраторъ. До сихъ поръ сохранилось до 60 фоліантовъ, заключающихъ подробныя люстраціи имѣній Чарторижскихъ въ теченіе 30 лѣтъ. Въ нихъ мы находимъ описаніе хозяйственныхъ построекъ и инвентаря, перечисленіе дохода съ арендъ, млиновъ и ставовъ, затѣмъ реестры подданныхъ съ ихъ повинностями и, въ заключеніе, множество замѣтокъ экономическаго и историческаго

характера. Имѣя всегда подъ рукой столь точный матеріалъ, хозяйственная администрація могла легко и свободно направлять движеніе хозяйственнаго механизма. Славился хозяйственностью и Щенсный-Потоцкій, но его заботы были направлены на другое: на разнаго рода хозяйственныя меліораціи. Онъ заботился о сохраненіи лѣсовъ, о заведеніи садовъ, распространялъ въ краѣ фруктовыя деревья, выписывалъ изъ Молдавіи милліоны тополей, заботился также объ улучшеніи рогатаго скота, дѣлалъ опыты скрещиванія венгерской породы съ молдавской, выписывалъ дорогихъ мериносовъ, довелъ до высокой степени совершенства лошадей своихъ заводовъ. Такимъ образомъ, его дѣятельность отражалась на хозяйственной культурѣ края. Вообще, можно сказать, что украинскіе магнаты,—по крайней мѣрѣ лучшіе ихъ представители,—понимали, что они не свободны отъ извѣстной нравственной отвѣтственности за всѣ тѣ огромныя прерогативы, которыми они пользовались, благодаря своему соціальному положенію. Надо замѣтить, что магнаты стояли, въ общемъ, значительно выше рядовой шляхты по своему образованію, къ которому прилагались большія заботы. Магнаты добровольно брали на себя починъ въ такихъ общественныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, какія обыкновенно лежатъ на государствѣ.

И то сказать, впрочемъ, вѣдь значительный процентъ въ массѣ ихъ земельной собственности составляли королевщины, староства, державства, т. е. государственныя имущества, въ которыхъ они были, по настоящему, лишь распорядителями, и только путемъ узурпаціи непринадлежащихъ имъ правъ выступали собственниками. Какъ бы то ни было, Щенсный-Потоцкій былъ не единственнымъ образцомъ магната, который думаетъ и заботится о вещахъ, полезныхъ и нужныхъ не только ему, но и окружающему обществу, краю. Типографіи на Украинѣ были лишь въ панскихъ имѣніяхъ; ученыя изслѣдованія дѣлались только магнатами, по ихъ почину и на ихъ средства: такъ, Дзѣдушицкій—частью подольскій, но главнымъ образомъ галицкій магнатъ—взялъ на себя, и не только расходами, но и личнымъ трудомъ и рискомъ, нелегкое дѣло изслѣдованія Днѣстра въ цѣляхъ пользованія имъ для навигаціи; на счетъ Ржевусскихъ предпринято было изслѣдованіе флоры Подолья. Но не на это направлены были, главнымъ образомъ, средства и силы магнатовъ, а на политику. Политика заслоняла собой все. Можно-ли видѣть въ этомъ одно лишь стремленіе каждаго магната стать у того источника благъ, откуда изливались всѣ эти староства, державства, широкое пользованіе которыми такъ питало магнатское могущество?

Надо полагать, что было частью и такъ. Но при этомъ нельзя отрицать, что лучшіе представители магнатства безкорыстно полагали, что на нихъ лежитъ нравственная отвѣтственность за направленіе государственнаго корабля, и что потому они имѣютъ не только право, но и обязанность вести политику за собственный страхъ и рискъ. Сколько всяческихъ стараній прилагаемо было, чтобы усилить политическое значеніе своего рода путемъ установленія связей съ коронованными особами, съ другими сильными родами; какихъ жертвъ стоило это иногда; какія трагедіи разыгрывались на этой почвѣ за толстыми стѣнами магнатскихъ зàмковъ: самъ Щенсный-Потоцкій всю жизнь носилъ на себѣ отпечатокъ угрюмости и меланхоліи, вынесенный имъ изъ впечатлѣній молодости, отравленной трагической смертью его первой любимой жены, которая пала жертвой политическихъ разсчетовъ его отца, гордаго «королька Руси».

По строю польскаго государственнаго механизма, политическія права принадлежали всему польскому народу, подразумѣвая, конечно, лишь народъ шляхетскій, шляхту. Роль магнатовъ заключалась въ томъ, чтобъ направлять слѣпую силу этой шляхты въ тѣхъ или иныхъ своихъ политическихъ видахъ.

Конечно, магнаты сдѣланы были изъ того же тѣста, что и остальная шляхта. Они были плоть отъ плоти и кость отъ кости всей массы шляхетскаго народа, насквозь пропитаннаго сознаніемъ своей чрезвычайной привиллегированности, возносящей ея голову чуть-что не на высоту коронованныхъ головъ, свободно, весело и открыто попирающей право, особенно здѣсь, на Украинѣ, легкомысленной и буйной, своевольной и заносчивой. Были, какъ это всегда водится въ каждомъ обществѣ, многочисленныя промежуточныя ступени, которыя вязали первѣйшаго изъ магнатовъ съ послѣдними представителями шляхетской бѣдноты, съ какимъ-нибудь ходачковымъ или загоновымъ шляхтичемъ, который развѣ только тѣмъ напоминалъ о своей привиллегированности, что неохотно брался за плугъ и предпочиталъ, бросивши свой клочекъ, пристроиться куда-нибудь на службу, а то и просто промышлять чужимъ добромъ, по большимъ дорогамъ. Какіе-нибудь Чацкіе или Велегорскіе, Гижицкіе, Ильинскіе, Мнишки могли не имѣть ни богатствъ, ни политическаго вѣса Потоцкихъ или Чарторижскихъ, но, тѣмъ не менѣе, могли не только равняться съ ними, но и превосходить роскошью своихъ баловъ и пріемовъ, изысканностью кухни, качествомъ художественныхъ произведеній, украшающихъ ихъ дворцы. Но и небогатая шляхта тянулась изъ послѣдняго, чтобъ обставить себя сообразно своему достоинству.

Вотъ, напр., передъ нами захудалый княжескій родъ князей Четвертинскихъ на Волыни. Обширное жилище надъ живописной Горынью все-таки напоминаетъ зàмокъ, и замкомъ зоветъ его окрестное населеніе: дворъ обнесенъ квадратной стѣной, по угламъ неуклюжіе приземистые бастіоны со стрѣльницами. Большую залу украшали турецкіе ковры, козацкіе бунчуки, какъ военные трофеи, шлемы и проч.; между окнами висѣли фамильные портреты, а колонны, поддерживающія тяжелые своды, обвѣшены были кругомъ небольшими венеціанскими зеркалами въ тяжелыхъ бронзовыхъ рамахъ. По стѣнамъ лавки, обтянутыя коврами, посреди дубовый столъ, вокругъ него тяжелыя кресла, украшенныя вырѣзанными гербами, на столѣ громадный пергаментовый свитокъ съ генеалогіей рода. Но послѣдній грошъ изъ скудныхъ доходовъ тратился на содержаніе приличной по количеству службы, которая могла бы въ случаѣ нужды быть надворнымъ войскомъ: такимъ образомъ, человѣкъ тридцать толкалось по дому и двору. Во главѣ этой службы стояло нѣсколько человѣкъ резидентовъ съ военными титулами неизвѣстнаго происхожденія; правда, все это было одѣто въ потертое платье, выѣзжало въ поле на очень скромныхъ и скромно убранныхъ лошадяхъ, но за то было буйно и крикливо, вѣчно готово какъ ухватиться за саблю, такъ и выпить добрую чарку.

Къ той же «кармазиновой»—въ противоположность сѣрой, ходачковой, или загоновой—шляхтѣ принадлежала еще и масса «одновеськовыхъ» (весь—деревня), «двувеськовыхъ» владѣльцевъ, всюду въ изобиліи разсѣянныхъ по Украинѣ. Они не могли содержать «службы», а жены ихъ «фрауцимера»; они личнымъ трудомъ должны были участвовать въ веденіи своего маленькаго хозяйства; но они все-таки носили, вмѣстѣ съ сознаніемъ своей шляхетской привиллегированности сознаніе своей личной независимости. Конечно, они должны были въ общественныхъ дѣлахъ примыкать къ тому или другому магнату, но это было дѣломъ ихъ свободнаго выбора. Магнатъ долженъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, заискивать передъ ними, склоняя ихъ на свою сторону, привлекать ихъ «czapką i parką, trunkiem i pocałunkiem» (шапкой и хлѣбомъ, напиткомъ и поцѣлуемъ).

И такъ, вся эта шляхта разныхъ степеней богатства и знанія добровольно группировалась около того или другого магната, поддерживала его на сеймикахъ, сеймахъ и въ трибуналѣ, а за то получала его вліятельное содѣйствіе въ пріобрѣтеніи должностей, званій, знаковъ отличія. Но на ряду съ этой независимой шляхтой

стоялъ огромный контингентъ шляхты зависимой, тѣсно связавшей свою судьбу узами подчиненія или денежныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ магнатскимъ домомъ, такъ что для нея уже не было свободы выбора. Отношенія, связавшія эту шляхту съ магнатами, разнообразны.

Каждый магнатскій дворъ былъ полонъ шляхтой. Большая часть этой шляхты состояла просто на положеніи слугъ и получала жалованье: такой шляхтичъ ѣлъ за панскимъ столомъ, хоть и на нижнемъ концѣ, а за провинность могъ потерпѣть и тѣлесное наказаніе, правда, не на голомъ полу, а на диванѣ или коврѣ. Выше этихъ слугъ стояли «пріятели» магнатскаго дома: это шляхтичи, не лишенные самостоятельнаго матеріальнаго обезпеченія, но предпочитавшіе проводить весело и привольно жизнь при дворѣ магната, которому они умѣли быть чѣмъ-нибудь полезными или пріятными. Постоянные «резиденты» имѣли вблизи панскаго двора отведенные имъ самостоятельные дворики, гдѣ они могли проживать даже съ семьей. Затѣмъ панскій дворъ былъ окруженъ цѣлымъ роемъ оффиціалистовъ, т. е. шляхтичей, отправлявшихъ тѣ или другія обязанности въ громадныхъ магнатскихъ имѣніяхъ: губернаторы, подстаросты, лѣсничіе, ловчіе, люстраторы, скарбники и т. д. и т. д. Оффиціалисты дома Потоцкихъ или Чарторижскихъ составляли на Украинѣ силу, и много значительныхъ панскихъ домовъ выросло изъ ихъ среды. И, наконецъ, еще была одна группа шляхты, зависящей вполнѣ отъ того или другого магнатскаго дома: это такъ называемые «державцы», своего рода арендаторы. Шляхта съ разныхъ концовъ Рѣчи Посполитой въ цѣляхъ наживы являлась на Украину, чтобъ «ходить державцами». Такой шляхтичъ продавалъ свою тощую, выпаханную родовую землю, пріѣзжалъ на Украину и помѣщалъ свой капиталецъ у магната, получая за то кусокъ земли. Не смотря на страшный ростъ колонизаціи, свободныхъ земель было все-таки много, такъ что магнаты даже сами разыскивали подобныхъ державцевъ. Щенсный-Потоцкій каждой своей поѣздкой въ Варшаву пользовался, чтобъ разыскать ихъ тамъ человѣкъ до десяти и больше. Иногда онъ не требовалъ даже и внесенія капитала, замѣняя это обезпеченіе рекомендаціей извѣстнаго ему лица. Кромѣ этихъ «заставныхъ державцевъ», были еще и безплатные державцы, которые получали отъ магнатовъ землю, случалось, и заселенную, какъ выраженіе магнатскаго благоволенія за какую-нибудь услугу. Въ заключеніе укажемъ еще на способъ, какимъ независимые по положенію шляхтичи привязывали свои утлыя ладьи къ магнатскимъ кораблямъ. Если у шлях-

тича появлялся капиталъ, то онъ не зналъ другого способа дать ему вѣрное и доходное помѣщеніе, какъ внести «на провизію» въ кассу того или другого магната. Такимъ образомъ, всѣ эти «интересанты», державцы—полноправные осѣдлые земяне — составляли главную политическую силу магната на сеймикахъ, отъ которыхъ зависѣлъ выборъ пословъ на сеймъ или депутатовъ въ трибуналъ.

Но что же представлялъ собой этотъ шляхетскій народъ, оттѣснившій и подтоптавшій себѣ подъ ноги тотъ настоящій народъ, который дѣлалъ до сихъ поръ украинскую исторію?

Украинская шляхта первыхъ десятилѣтій 18-го в. была очень груба и невѣжественна, особенно на отдаленныхъ окраинахъ, брацлавскихъ, кіевскихъ и подольскихъ. Одичаніе было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, о которыхъ была рѣчь выше. Даже мѣстное духовенство, этотъ всегдашній носитель просвѣщенія, раздѣляло съ паствой ея темноту: преоры, префекты школъ, пробощи, уніатскіе попы, монахини, на обязанности которыхъ лежало образованіе шляхетскихъ дочерей,—все это едва умѣло подписать свое имя. Одни іезуиты составляли въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Съ теченіемъ времени положеніе стало мѣняться. Съ ростомъ колонизаціи и упорядоченіемъ отношеній на Украинѣ появились магнаты, и магнатскіе дворы сдѣлались источниками просвѣщенія для окружающей шляхты. Положимъ, просвѣщеніе это не захватывало глубоко: оно касалось больше смягченія формъ жизни, лоска и утонченности въ обстановкѣ и взаимныхъ отношеніяхъ. Дѣло шляхетскаго образованія пошло успѣшнѣе, когда за него взялись піаре и базиліане, которые вытѣснили изъ Украины іезуитовъ. Параллельно замѣчается идущее crescendo развитіе французскаго вліянія. Къ концу столѣтія вліяніе это проникло до самыхъ отдаленныхъ окраинъ, изгоняя изъ шляхетской среды національный обычай. Распространилась игра на цитрѣ, арфѣ или гитарѣ, танцы мода начала забирать свою неограниченную власть надъ внѣшними формами жизни. Румяна и бѣлила, духи и пудра вошли въ общее употребленіе въ самыхъ отдаленныхъ шляхетскихъ деревушкахъ. Мѣсто четокъ и молитвенника замѣнили сочиненія г-жи Жанлисъ. Литература, печатная и писанная, въ видѣ стиховъ разнообразнаго содержанія, сатиръ, газетъ, заграничныхъ и варшавскихъ, начала входить въ обыденный обиходъ у самой захолустной шляхты.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли, конечно, полный доступъ въ шляхетскую среду и французскія идеи, служившія ферментомъ для жизни и мысли всей Европы. Но имѣя полный доступъ, онѣ, эти идеи,

не имѣли тѣмъ не менѣе никакого вліянія. Ни liberté, ни egalité не были для шляхтича какими-нибудь новыми понятіями: онъ самъ постоянно кричалъ на сеймикахъ въ защиту «золотой вольности» шляхетскаго народа, и послѣдній шляхтичъ на огородѣ зналъ, по пословицѣ, что онъ равенъ воеводѣ. Но не смотря на это, а, можетъ-быть, именно поэтому, истинный гуманный смыслъ французскихъ идей былъ совершенно чуждъ украинскому шляхтичу. Мало того: тѣ гражданскія чувства, въ которыхъ мы не можемъ отказать шляхтѣ стараго времени, какъ-бы вымираютъ въ шляхтѣ 18-го в. Въ политическихъ вопросахъ украинскіе шляхтичи слѣпо слѣдуютъ указаніямъ магнатовъ, которые группируютъ ихъ около себя приманками разныхъ выгодъ. Такой шляхтичъ, въ интересахъ того или другого лица, свободно беретъ на себя презрѣнную роль тормаза общественной жизни, «срывача» сеймиковъ; выбранный въ послы, готовъ онъ нести на соймѣ, въ угоду своему магнату, безконечно длинныя, безмѣрно скучныя рѣчи; безъ всякой критики, безъ всякаго обращенія къ своей совѣсти и своему личному убѣжденію, поворачиваетъ онъ за всѣми поворотами магнатскаго корабля. Однако корыстный разсчетъ могъ побудить шляхтича и отцѣпиться отъ своего магната: извѣстно, какъ много украинской шляхты всѣхъ партій перешло на сторону политическихъ русскихъ симпатій, руководствуясь стремленіемъ получить свою долю въ выгодахъ отъ подрядовъ по поставкѣ провіанта и фуража для русскихъ войскъ. На такой нездоровой почвѣ ложно направленной общественной жизни развилось въ средѣ украинской шляхты мелочное честолюбіе, стремленіе къ титуламъ, званіямъ, знакамъ отличія. Стемпковскій, пользуясь исключительной благосклонностью короля Понятовскаго, держалъ при помощи этой приманки въ своихъ рукахъ всю шляхту кіевскаго воеводства. Онъ не способенъ былъ указывать другимъ дорогъ чести и патріотизма, такъ какъ самъ не зналъ ихъ, но шляхта тѣмъ не менѣе готова была идти за нимъ куда угодно: за то же около Стемпковскаго не было шляхтича, хотя бы изъ одновеськовыхъ, который бы не былъ украшенъ какой-нибудь ленточкой.

Чувство привиллегированности выродилось въ шляхетской массѣ въ чудовищный сословный эгоизмъ. Отечество есть каста гербовныхъ, осыпанная съ головы до ногъ привиллегіями; свѣтъ созданъ на то, чтобъ доставлять шляхтичу возможно больше всякихъ удобствъ, которыми онъ имѣетъ право пользоваться, не давая себѣ труда двинуть пальцемъ; никто не въ правѣ требовать у него ни малѣйшей

жертвы, хотя бы отъ этого зависѣло спасеніе отечества: таковъ былъ общепринятый кодексъ шляхетскихъ понятій. Шляхтѣ принадлежитъ только легкая, веселая и выгодная сторона жизни. Однако, можетъ-ли правильно двигаться общественная жизнь, если руководящія его единицы кладутъ въ основаніе своихъ дѣйствій подобные принципы? Очевидно, нѣтъ; это было слишкомъ ясно. Но здѣсь на выручку явилась оригинальная формула: Polska stoi nierządem (т. е. Польша держится безпорядкомъ), слѣдовательно поведеніе, неумѣстное и пагубное въ иныхъ мѣстахъ, въ шляхетской Польшѣ какъ разъ правильно и спасительно. Жизнь разбила эту иллюзію, выросшую на почвѣ грубаго сословнаго эгоизма.

Что же дѣлалъ между тѣмъ народъ, не благородный шляхетско-польскій, католическій народъ, а тотъ украинскій гминъ, закостенѣло-упрямый въ преданности къ своему хлопскому языку и своей хлопской вѣрѣ? Конечно, онъ былъ лишь подстилкой подъ шляхетскими ногами, той сѣрою почвой, которая предназначена была свыше питать и взращивать радужный цвѣтъ шляхетской культуры. Но—увы! онъ слишкомъ часто принималъ въ глазахъ шляхты и ея легко воспламеняющемся воображеніи образъ огненнаго дракона, рыкающаго льва... Гербовные, правда, безпечно ѣздили на этомъ чудовищѣ; но лишь только дикій звѣрь показывалъ зубы,—что случалось время отъ времени—паническій ужасъ смѣнялъ вчерашнюю веселую беззаботность.

О правовомъ положеніи украинскаго народа не можетъ быть серьезной и рѣчи: удѣломъ его было полное безправіе, граничащее съ безправіемъ раба въ любомъ варварскомъ обществѣ. «Крестьяне едва смѣютъ дышать безъ воли своихъ пановъ, они не имѣютъ никакого права, они не могутъ никоимъ способомъ уклониться отъ притѣсненій или жестокости, уже не говоря о несправедливостяхъ, которыя они терпятъ постоянно»... Такъ пишетъ изъ Украины Костюшко, этотъ великій патріотъ, недосягаемо высоко поднимавшій свою благородную голову надъ шляхетскою массой. Польское право во всемъ отказывало украинскому хлопу; но жизнь вырывала у этого права нѣкоторыя смягченія и уступки, правда, ограниченныя мѣстомъ и временемъ: въ общемъ, конечно, фактическое положеніе тяготѣло къ правовому, какъ къ своему естественному предѣлу.

Главнѣйшія данныя для характеристики фактическаго, собственно экономическаго, положенія украинскаго народа уже даны выше, при описаніи новаго заселенія Украины. Только въ началѣ второй по-

ловины столѣтія истекли послѣдніе сроки слободъ; слѣдовательно, до тѣхъ поръ были подданные—правда, во все убывающемъ по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ количествѣ, которые пользовались почти полной свободой отъ экономическихъ обязательствъ. Затѣмъ, конечно, тяготы панщины наступали не вдругъ: паны имѣли осторожность наблюдать нѣкоторую постепенность. Такимъ образомъ; въ каждый данный моментъ можно было наблюдать на территоріи Украины много различій въ экономическомъ положеніи населенія: въ то время, какъ на отдаленныхъ юго-восточныхъ окраинахъ богатые крестьяне Щенснаго-Потоцкаго благоденствовали, на Подольи и Волыни мы встрѣчаемъ такія степени обремененія, которыя заставляютъ уже задумываться о физическихъ предѣлахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что кромѣ грубыхъ мотивовъ разсчета и страха могло удерживать зауряднаго шляхтича въ его стремленіи выжимать изъ подданныхъ возможно больше средствъ, такъ необходимыхъ ему на удовлетвореніе его все возрастающихъ жизненныхъ потребностей? Общій шляхетскій взглядъ на подданнаго находилъ себѣ на Украинѣ поддержку и какъ бы оправданіе въ той обоюдной враждебности, которую воспитала недавняя кровавая исторія, въ взаимной ненависти «католыка» и «схизматика», постоянно поддерживаемой политикой прозелитизма, враждой темнаго духовенства. Не мудрено поэтому, что масса шляхты, особенно темной шляхты первой половины вѣка, искренно не могла видѣть въ украинскомъ хлопѣ человѣка, точно такъ, какъ не видѣлъ его американскій плантаторъ въ негрѣ.

«Инвентари имѣній» даютъ намъ очень вѣрныя, точныя описанія и очень краснорѣчивыя въ своей сухой безыскусственности свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи украинскаго подданнаго. Подданные дѣлились на очиншованныхъ и неочиншованныхъ, т. е. оброчныхъ и барщинныхъ, по русской терминологіи; всѣ, кромѣ того, по размѣру живаго инвентаря, подраздѣлялись на паровыхъ, поединковъ и пѣшихъ.

Вотъ какъ рисуетъ одинъ инвентарь 1760 г. положеніе чиншоваго крестьянина подъ Каменцомъ-Подольскимъ. Паровой крестьянинъ вносилъ, вмѣсто повинностей работой и натурой, въ панскую казну 46 злотыхъ 68 грошей; кромѣ того десятину отъ пасѣки, 2 куръ, 20 яицъ, 20 пасомъ прядива. Въ переводѣ на рабочіе дни, по тогдашнимъ цѣнамъ рабочаго дня, принятаго инвентаремъ, это составляетъ 218 годовыхъ дней. Положеніе нечиншеваго крестьянина такъ опредѣляется инвентаремъ того же времени и той же Подольской территоріи, а именно одного имѣнія, около Шаргорода:

паровой крестьянинъ отрабатывалъ ежегодно 104 дня панщины, давалъ, сверхъ того, одного каплуна, 2 куръ, 12 яицъ, мотокъ пряжи, что все въ совокупности составляло 111 дней. А сверхъ всего шли всѣ эти безчисленные «заорки, объорки, закоски, обкоски, зажинки, обжинки, заграбки, ограбки, завозки, обвозки»—отдѣльные рабочіе дни, яко-бы въ силу экстренной необходимости вырываемые панской властью у хлопской беззащитности. Въ маленькихъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльческій контроль, а, слѣдовательно, и вымогательство были легче, владѣльцы заставляли хлопа платить за всякую мелочь: четвертый кошъ грибовъ, третью кварту земляники, орѣховъ и т. д.

Это были середнія цифры для такой середней территоріи, какой было Подольское воеводство, и для половины столѣтія, серединнаго пункта описываемой эпохи. Отсюда видно, какими гигантскими шагами шелъ процессъ обращенія крестьянъ въ рабочее «быдло»: еще на кіевской Украинѣ не выжиты были окончательно сроки слободъ, какъ на Подольѣ уже экономическое отягощеніе приближалось къ своимъ крайнимъ предѣламъ.

Но было еще одно условіе, которое чрезвычайно ухудшало матеріальное положеніе украинскаго народа: это посредничество евреевъ.

Какое-то естественное сродство, какъ-бы законъ роковой внутренней необходимости, дѣлалъ для польскаго шляхтича вообще, для украинскаго въ частности, помощь еврея совершенно неизбѣжной. И евреи тянулись на Украину упорно, постоянно забывая, что они всегда дѣлались первыми жертвами народной ненависти. Они заполняли мѣстечки, захватывали въ свои руки всю мелкую торговлю, развозили спиртные напитки, спаивая народъ, часто на свою собственную гибель. Неутолимая страсть къ наживѣ дѣлала изъ трусливаго еврея отчаянную голову, которая не отступала даже передъ ножемъ. Въ описываемую эпоху евреи затянули всю Украину сплошной сѣтью арендъ. Дѣло въ томъ, что всюду на Украинѣ былъ обычай отдавать въ аренду извѣстные виды доходовъ съ имѣнія. Къ такимъ по обычаю арендуемымъ доходамъ принадлежали: продажа водки, «мита», т. е. пошлина отъ проѣзда или провоза товаровъ, помолъ, разные виды попаса. Никто, кромѣ еврея, не могъ и не умѣлъ пользоваться этими арендами, извлекая изъ нихъ большіе доходы для пана, еще большіе для себя. Но для народа эти аренды являлись самымъ тяжелымъ и несноснымъ обдирательствомъ. Назойливый еврей совалъ свой носъ въ каждый возъ, въѣзжающій въ городъ, считалъ

каждую штуку скота, выведеннаго на продажу, разбрасывалъ сухую рыбу, сторожилъ при вѣсахъ, чтобы ни одинъ гарнецъ хлѣба не проскользнулъ безъ оплаты; а притѣсненія при помолѣ? Всякое выраженіе неудовольствія еврей зажималъ угрозой пожаловаться въ замокъ; а наготовѣ всегда былъ и доносъ о бунтѣ: онъ не стѣснялся извлекать доходы и изъ политики.

Больше всего выгоды для пана и еврея, больше всего разоренія и всяческаго зла для подданнаго вытекало, конечно, изъ питейной аренды. Жидовская корчма, ненавистная и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимо привлекательная, была самымъ яркимъ и типическимъ явленіемъ, выражающимъ собою весь ужасъ положенія, созданнаго исторіей для несчастнаго украинскаго народа. Евреи и панскій дворъ обнаруживали самую трогательную солидарность въ извлеченіи доходовъ изъ спаиванія народа. Всѣ взаимныя отношенія по этому предмету оговаривались и обусловливались. Разумѣется, всякое стремленіе крестьянина какъ-нибудь обойти своего арендатора преслѣдовалось очень жестоко. Если у крестьянина не было денегъ на-пропой, опять-таки арендаторъ не долженъ былъ страдать отъ этого: онъ могъ смѣло давать пить въ долгъ, дворъ гарантировалъ ему уплату до извѣстной цифры, напр. отъ 16 злотыхъ для пароваго до 4 злотыхъ для пѣшаго. Но это не значило, что дворъ уплачивалъ уговоренную сумму за должникомъ, беря на себя разсчетъ съ ними; это значило только, что дворъ обязывался назначить «экзекуцію для выплаты долговъ». «Экзекуціей же называлось слѣдующее: дворъ высылалъ на неисправныхъ должниковъ своихъ слугъ, которые должны были жить на счетъ этихъ должниковъ до уплаты долга, при чемъ допускались разные вымыслы», по выраженію документовъ, т. е. вымогательства. Въ силу аренднаго договора арендаторъ не имѣлъ права брать въ уплату долга скотъ—куда бы годился крестьянинъ безъ инвентаря?—но за то могъ свободно брать все остальное: хлѣбъ, живность, одежду и пр. Точно также въ силу договора крестьянинъ имѣлъ право пить «могаричъ» только въ корчмѣ: если припомнить, что такое могаричъ въ крестьянскомъ быту, то понятно, какимъ это отзывалось лишнимъ и тяжелымъ стѣсненіемъ. И этому-то ненавистному притѣснителю, жиду, крестьянинъ долженъ былъ то давать по полѣну съ каждаго воза дровъ, вывезеннаго изъ лѣсу, то поставлять пахолка въ его корчму, то, наконецъ, даже давать ночную сторожу, особенно въ безпокойное время. Мудрено-ли, что сторожа эти, случалось, грабили корчму, сваливая потомъ вину на неизвѣстныхъ разбойниковъ, которые яко-бы успѣли скрыться; но еще не

успѣвали очистить стѣнъ корчмы отъ еврейской крови, которою онѣ были забрызганы, какъ уже водворялся въ ней новый арендаторъ, и все шло по-старому. Однимъ изъ самымъ тяжелыхъ оскорбленій для украинской женщины было назвать ее «жидовской наймычкой»; однимъ изъ самыхъ энергическихъ проклятій: «о, щобъ ты жидамъ воду носыла»!—такъ глубоко назрѣла въ народной душѣ ненависть къ этому племени.

Едвали не единственнымъ исключеніемъ изъ среды украинскаго дворянства былъ Щенсный-Потоцкій: онъ уничтожилъ въ своихъ имѣніяхъ еврейскія аренды, желая уменьшить среди подданныхъ пьянство. Впрочемъ, этимъ не ограничивались его заботы о народѣ: онъ уменьшилъ панщину и потомъ совсѣмъ уничтожилъ ее, замѣнивъ очень легкимъ чиншомъ; устроилъ администрацію, простую и удобную по отношенію къ контролю надъ притѣсненіями подданныхъ со стороны панскихъ оффиціалистовъ. Конечно, изъ всего этого едвали выходила арендная идиллія, описанная Хржонщевскимъ, который увѣряетъ, что подданные Потоцкаго сами рвались къ работѣ, а дивчата платили надсмотрщикамъ, чтобъ тѣ выгоняли ихъ на панщину. Однако традиція о благожелательствѣ магната къ подданнымъ до сихъ поръ живетъ въ средѣ мѣстнаго населенія. На матеріальномъ благосостояніи не останавливался Потоцкій, по крайней мѣрѣ въ идеалахъ и планахъ: онъ думалъ, что благосостояніе вызываетъ потребность въ просвѣщеніи, а просвѣщеніе неизбѣжно приведетъ къ ополяченію. На-лицо были и историческія доказательства въ томъ процессѣ, коимъ русскія земли обратились въ польскую шляхту. Иначе не умѣли думать и благороднѣйшіе изъ польскаго шляхетства.

Несомнѣнно, положеніе украинскаго народа въ описываемую эпоху не было въ общемъ хорошо, а, главное, оно ухудшалось съ чрезвычайною быстротой. Но и независимо отъ этого, могъ-ли народъ такъ скоро забыть свою исторію и безропотно тянуть накинутое на него ярмо? Положимъ, что населеніе было сплошь сдвинуто съ своихъ мѣстъ; но богатый запасъ словеснаго народнаго творчества и въ особенности пѣсни и думы, съ ихъ носителями кобзарями и лирниками, легко поддерживали въ воспріимчивой народной душѣ живую нить исторической традиціи.

Козачество въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой было уничтожено. Въ силу указа Петра Вел. 1711 г. часть козаковъ выселилась на лѣвобережье, часть сбѣжала на Запорожье; но осталась горсть, разсѣянная по всѣмъ воеводствамъ, которая не захотѣла покинуть родину,

но не захотѣла и перейти на незавидное положеніе панскихъ подданныхъ. Это былъ первый ферментъ для того длительнаго явленія, которое подъ названіемъ гайдамачества характеризуетъ собою украинскую жизнь въ теченіе всего столѣтія.

Несомнѣнно, гайдамачество не могло бы существовать—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало—еслибъ Украина не имѣла подъ бокомъ политически-самостоятельнаго Запорожья и его дикихъ и раздольныхъ степей. Запорожскія паланки съ ихъ многочисленными, разбросанными въ степяхъ хуторами-зимовниками, пасѣками и другими пристанищами, доставляли въ изобиліи предпріимчивыхъ людей, которые составляли ядро каждаго гайдамацкаго отряда. Какъ только наступала весна, эти степныя пристанища высылали или рыболовныя ватаги на Бужскій, Днѣпровскій и Тилигульскій лиманы, или военные отряды на сѣверъ, на разоренье и гибель ляхамъ и жидамъ. Въ предѣлахъ Польши отрядъ подкрѣплялся мѣстными жителями, и въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ шелъ пускать дымомъ села и панскія усадьбы, убивать, грабить добро ненавистныхъ притѣснителей. Не было деревни, которая не имѣла бы воспоминаній объ этихъ кровавыхъ посѣщеніяхъ; не было въ краѣ католической святыни, которая бы не подверглась ограбленію. Въ особенности привлекали гайдамаковъ костелы, славившіеся чудотворными иконами, которыхъ было особенно много на Подольѣ, и ни одна изъ этихъ святынь не миновала гайдамацкаго нападенія и грабежа. Съ награбленной добычей, навьюченной на лошадяхъ, «батовней», со стадами отогнаннаго панскаго скота, поспѣшно скрывались гайдамаки въ запорожскую степь и тамъ паевали добычу. Край жилъ подъ вѣчной угрозой гайдамацкаго нападенія. Какъ только наступалъ, такъ сказать, гайдамацкій сезонъ, всѣ, кто имѣлъ основаніе опасаться гайдамаковъ, т. е. не русское и не православное населеніе края, приходило въ тревогу. Кто не могъ спасаться подъ военной охраной, тотъ выискивалъ какихъ-нибудь иныхъ способовъ: напр., на ночь уходили изъ домовъ въ степь, попрятавши цѣнное имущество и скрываясь другъ отъ друга, по одиночкѣ, изъ опасенія, чтобы другой, хотя и близкій, человѣкъ не выдалъ гайдамакамъ въ мукахъ пытки.

Въ меморіалѣ кн. Чарторижскаго русскому послу убытокъ отъ гайдамаковъ для десятилѣтія 1750—60 гг. вычисляется въ 4 милліона, такъ какъ за это, относительно спокойное, время было разорено 80 деревень, 14 мѣстечекъ и убито 600 человѣкъ.

Въ иные годы, когда въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ и бужскихъ

очеретахъ накопилось слишкомъ много бродячаго населенія, которое нуждалось въ пищѣ и одеждѣ, гайдамацкое нападеніе принимало видъ татарскаго набѣга. Гайдамаки разбѣгались по краю небольшими, но многочисленными партіями, загонами: слѣдуя традиціонной хищнической тактикѣ, загоны эти не дѣлали нападеній вблизи границъ, а пробирались въ глубь края, широко пользуясь покровительствомъ и содѣйствіемъ мѣстнаго населенія. Если было въ виду трудное предпріятіе, напр. надо было овладѣть богатымъ мѣстечкомъ, маленькія партіи соединялись въ одну. Но такія предпріятія предполагали организацію. Во главѣ ихъ долженъ былъ стоять опытный и вліятельный ватажокъ, который долженъ былъ составлять планъ кампаніи. Онъ могъ и не принимать личнаго участія въ предпріятіи, а сидѣлъ гдѣ-нибудь въ Черномъ лѣсѣ: тамъ устраивалась засѣка, а то закладывался настоящій кошъ, куда сбѣгались загоны, и сносилась добыча. Типическимъ ватажкомъ гайдамацкимъ былъ, напр., запорожецъ Медвѣдевскаго куреня Игнатъ, который прозванъ былъ Голымъ за то, что при дѣлежѣ добычи оставлялъ себѣ лишь ничтожную часть, ни въ чемъ не нуждаясь: куртка изъ телячьей кожи, баранья шапка, на цѣлый годъ одна рубаха, вымоченная въ дегтю, самопалъ, немного свинцу, тютюнъ и люлька—вотъ и всѣ его потребности. Иванъ Голый дѣйствовалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ и пользовался большой популярностью между гайдамаками и народомъ, который много разсказывалъ о его смѣлости и жестокости. Вообще, гайдамацкимъ ватажкомъ могъ быть только человѣкъ отчаянной храбрости, ловкій въ разныхъ тонкостяхъ степныхъ фиглей и фортелей, знающій, какъ свои пять пальцевъ, всѣ яры, очерета и пущи.

Что же дѣлало Польское государство, чтобы побороть это хроническое зло, подтачивавшее жизнь ея окраинъ? Да почти ничего, или очень мало. «Украинская партія» постояннаго войска съ региментаремъ во главѣ должна была держаться на Украинѣ; но силы эти были слишкомъ ничтожны по сравненію съ огромной линіей, открытой для набѣговъ границы. Главная забота предоставлена была панамъ. Правда, магнаты дѣйствовали не только какъ частные собственники, но въ качествѣ старостъ и какъ органы государственной власти: въ ихъ рукахъ находилась цѣпь староствъ — Хмельницкое, Чигиринское, Бѣлоцерковское, Богуславское и Черкасское,—которая обхватывала Украину съ юго-востока.

Первое мѣсто по организаціи защиты занимали Потоцкіе и Любомирскіе, какъ могущественные владѣльцы самыхъ опасныхъ окраинъ. Но и мелкій владѣлецъ нѣсколькихъ деревушекъ не могъ не содер-

жать на свой счетъ хоть нѣсколько десятковъ вооруженныхъ людей: таково было положеніе.

Типъ организаціи былъ приблизительно одинаковъ. Панская милиція состояла изъ пѣхоты и конницы. Пѣхота служила гарнизономъ для замковъ и мѣстечекъ и состояла почти всегда изъ поляковъ или нѣмцевъ. Конница состояла изъ надворныхъ козаковъ, которые набирались изъ мѣстныхъ жителей, тѣхъ же самыхъ подданныхъ. Пѣхота была немногочисленна: 60—100 человѣкъ для укрѣпленія. Исключенія составляли лишь большіе замки, напр.—Баръ, гдѣ Любомирскіе держали 200 человѣкъ инфантеріи, или Могилевъ на Днѣстрѣ, гдѣ Потоцкіе имѣли гарнизонъ даже въ 500 человѣкъ.

Многочисленнѣе и важнѣе по своему значенію, въ силу мѣстныхъ условій, была козацкая конница. Извѣстное число дымовъ, т. е. податныхъ единицъ, должно было поставлять на козацкую службу одного человѣка: этотъ человѣкъ освобождался отъ панщины и другихъ обязательствъ, получалъ отъ панскаго двора обмундировку, оружіе, состоявшее изъ копья, рушницы и пистолетовъ, коня, а иногда еще, сверхъ того, небольшое жалованье. Но важнѣе жалованья была добыча, отнятая отъ гайдамаковъ, которая предоставлялась въ пользу такого надворнаго козака. Козаки эти дѣлились на сотни: во главѣ отряда стоялъ непремѣнно полякъ, шляхтичъ, но сотники и поручики (начальники полсотенъ) выбирались изъ самихъ же козаковъ. Заслуженнымъ козакамъ магнаты давали, случалось, въ державу деревушку—двѣ, и такимъ образомъ они получали сами какъ-бы значеніе шляхтичей: бывали случаи и настоящей нобилитаціи, по ходатайству магнатовъ. Подобнымъ шляхетскимъ положеніемъ пользовался на службѣ у Любомирскихъ извѣстный Савва Чалый, который палъ жертвою преданности долгу своей службы отъ руки упомянутаго выше Игната Голаго; также и злосчастный Гонта, еще болѣе извѣстный уманскій сотникъ. Кіевскій воевода Салезій Потоцкій обратилъ цѣлую уманскую волость въ своего рода военное поселеніе: съ ней обыкновенно выбиралось для военной службы больше трехъ тысячъ человѣкъ; Грановщина князей Чарторижскихъ тоже отбывала только козацкую службу. Для охраны Побережскаго государства князей Любомирскихъ служило около трехъ тысячъ козаковъ, кромѣ маленькой польской хоругви, предназначенной собственно для наблюденія за этими козаками, и волошскихъ отрядовъ, набираемыхъ изъ волоховъ, поселенныхъ вдоль Днѣстра.

Надворные козаки были главной силой въ преслѣдованіи гайдамаковъ. Никто другой не могъ такъ хорошо выслѣдить загонъ въ

степяхъ, предусмотрѣть какой-нибудь фортель, отбить батовню, захватить гайдамаковъ врасплохъ при дѣлежѣ добычи. Только такой козацкій отрядъ могъ рѣшиться разыскивать гайдамаковъ даже въ глубинѣ запорожской степи, «разгонять шершней въ самомъ ихъ гнѣздѣ», какъ это дѣлалъ, напр., Савва Чалый. Но эти же козацкія милиціи были, съ другой стороны, и Ахиллесовой пятой въ системѣ панской военной обороны края.

Въ самомъ дѣлѣ, надворные козаки, соблазняемые выгодами своего привиллегированнаго положенія, могли преслѣдовать гайдамаковъ, ревностно сторожить захваченныхъ, спокойно глядѣть, какъ болтались на шибеницѣ передъ стѣнами замка трупы казненныхъ, забывая, что все это братья по крови и вѣрѣ. Такъ было въ обыкновенное, спокойное время. Но наступилъ моментъ возбужденія, когда народная масса поднималась, обхваченная общей идеей, общимъ чувствомъ,—и это искусственное козачество разомъ забывало и о выгодахъ своего положенія, и о долгѣ службы, вязавшемъ его съ панскимъ дворомъ, и тогда наступала катастрофа, ужасный образчикъ которой мы видимъ въ Уманской рѣзнѣ.

Не одинъ разъ въ теченіе столѣтія поднимался украинскій народъ. Волненія эти всегда примыкали къ гайдамачеству, имѣли его своимъ базисомъ; но обнаруживали въ своемъ развитіи и нѣкоторыя особенности. Самое главное то, что народъ поднимался лишь тогда, когда получалъ толчки со стороны политическихъ событій и непремѣнно съ увѣренностью въ сочувствіи и помощи со стороны Россіи. Что-то фатальное было въ этомъ отношеніи въ его судьбахъ.

Въ 1734 г. русскія войска вступили на Украину, чтобъ поддерживать избраніе Августа III: между украинской шляхтой было много противниковъ «Саса», сторонниковъ Станислава Лещинскаго. Русскій полковникъ Поляновскій расположился квартирой въ Умани и сдѣлалъ обращеніе къ надворнымъ козакамъ, чтобъ они организовались въ полки и дѣйствовали противъ сторонниковъ Лещинскаго. Обращеніе это было принято украинскимъ народомъ, какъ лозунгъ въ такомъ смыслѣ: «дана воля грабить жидовъ и убивать ляховъ». Всѣ три украинскихъ воеводства сразу были охвачены волненіемъ. Къ надворнымъ козакамъ и волошскимъ отрядамъ, которые тоже поднялись, руководимые жаждой добычи, присоединились подданные въ надеждѣ на свободу. Главнымъ вождемъ возстанія былъ Верланъ, волошскій полковникъ службы князей Любомирскихъ. Возставшій народъ, разумѣется, нисколько не думалъ о сторонникахъ Лещинскаго или Саксонскаго курфюрста: для него существовали только паны

вообще, и какъ ихъ дополненіе, евреи. Въ одномъ брацлавскомъ воеводствѣ было убито девяносто владѣльцевъ. Масса цѣнной движимости и денегъ перешла въ руки бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ обращали преимущественное вниманіе на костелы и вообще католическія святыни; другіе на имущества крупныхъ пановъ; третьи занимались тѣмъ, что грабили и крестили евреевъ; наконецъ были и такіе, какъ напр. наказный атаманъ Грива, которые всю свою ненависть обращали на шляхетскія бумаги. Множество мелкихъ загоновъ разбѣжалось по краю; на Подольѣ собралось и настоящее войско бунтовщиковъ въ количествѣ десяти тысячъ. Вообще, это волненіе, очень широкое по захваченной территоріи, не отмѣчено большими жестокостями, тѣми кровопролитіями и всяческими ужасами, какими такъ часто отмѣчалъ свои вспышки украинскій народъ. Больше всего отличались жестокостью не украинцы, а волохи. Въ самый разгаръ движенія появилось распоряженіе начальника русскихъ войскъ, расположенныхъ на Украинѣ, въ томъ смыслѣ, что всѣ войска, какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя, т. е. поднявшіеся козаки, обязаны охранять шляхту, такъ какъ она признала власть Августа III. Волненіе было подавлено при дѣятельномъ содѣйствіи русскихъ войскъ. Цѣлый край покрылся сѣтью шибеницъ и палей. Спеціальные суды boni ordinis или causarum exorbitantiarum такъ же, какъ и всѣ гродскіе суды, были завалены работой. А сколько виновныхъ было просто повѣшено безъ всякаго суда на первой попавшейся вѣткѣ; если же жаль было веревки, то такого несчастнаго просто кидали въ степи съ переломанными ребрами, чтобъ издыхалъ себѣ понемножку... Но страхъ потери «живого реманента» превозмогалъ иногда въ шляхетской душѣ даже и мстительное чувство. Когда подольскій воевода Гумецкій вытѣснилъ изъ яровъ между Рашковымъ и Смотричанскимъ Устьемъ засѣвшую тамъ вольницу, которая отдалась на его произволъ, и хотѣлъ приступить къ экзекуціи, къ нему явилась шляхта съ просьбой отдать ей виновныхъ. Шляхтичи просили воеводу «знаковать» преступниковъ, пообрѣзать имъ уши; но тотъ, человѣкъ добраго сердца, рѣшилъ такъ отпустить плѣнниковъ, предоставивъ панамъ самимъ расправляться со своими подданными. Такимъ образомъ на этотъ разъ дѣло обошлось безъ палей, четвертованій, шибеницъ,— одними батогами, да и то не чрезмѣрными, такъ какъ реманентъ требовалъ вниманія: зато уже было покончено разомъ и навсегда съ свободами и иными льготами.

Значительно меньше по району захваченной территоріи, но несравненно сильнѣе по размѣрамъ было народное волненіе 1768 г., такъ

называемая колiивщина, кульминацiонный пунктъ которой извѣстенъ подъ именемъ Уманской рѣзни: оно захватило лишь Кiевщину и Брацлавщину, почти не тронувъ Волыни и Подолья.

Въ началѣ 1766 г. выступила Барская конфедерацiя съ своимъ вооруженнымъ протестомъ противъ короля Понятовскаго и его русской политики, въ результатѣ которой была сеймовая конституцiя, возвратившая права диссидентамъ, слѣдовательно, и православнымъ. Всѣ польскiя военныя силы Украины стянуты были подъ Баръ. Туда же двигались и русскiя войска на помощь войскамъ королевскимъ. А между тѣмъ на Украинѣ, предупреждая открытiе военныхъ дѣйствiй, ходила вѣсть, что русская царица намѣрена дать волю украинскимъ хлопамъ, и, слѣдовательно, они должны рѣзать жидовъ и ляховъ. Богуславскiй сотникъ Шелестъ, точныя показанiя котораго дошли до насъ, обстоятельно разсказываетъ, какъ еще за четыре мѣсяца до разыгравшейся катастрофы вѣсти эти ему сообщили запорожцы, предлагая участвовать въ военной экспедицiи противъ жидовъ и ляховъ. Шелестъ, человѣкъ положительный, долго раздумывалъ, какъ ему быть, и наконецъ надумался: если правда, что царица хочетъ дать свободу польскимъ хлопамъ, то объ этомъ долженъ знать кiевскiй намѣстникъ. До Кiева рукой подать, разомъ можно и мощамъ святымъ поклониться: и вотъ Шелестъ идетъ въ Кiевъ и прямо направляется за разъясненiями къ генералъ-губернатору Воейкову. Тотъ похвалилъ козака за его предусмотрительность и сказалъ, что «монархиня россiйская очень далека отъ того, чтобы покровительствовать преступникамъ». Шелестъ вернулся домой и во время волненiя твердо стоялъ на польской сторонѣ. Но такiе благоразумные люди были рѣдки даже и между старшиной надворныхъ козацкихъ отрядовъ.

Располагалъ къ довѣрiю и источникъ, изъ котораго выходили слухи на этотъ разъ.

На югѣ Кiевской Украины, выходя за ея предѣлы и примыкая къ Днѣпру, начинался и тянулся рядъ лѣсовъ. Всѣ эти лѣса, мотренинскiй, лебединскiй, смилянскiй, лисянскiй, звенигородскiй, уманскiй, корсунскiй, каневскiй, таращанскiй, соединяющiеся между собой цѣпью зарослей, подходили подъ Кiевъ. Здѣсь лежалъ тотъ путь или «гайдамацкое окно», черезъ которое можно было совсѣмъ незамѣтно проникать изъ запорожскихъ степей въ глубину края. Лѣса эти кишѣли людомъ, которому не было мѣста подъ польскимъ правовымъ строемъ. Надъ обрывистымъ же берегомъ Днѣпра или на его островахъ были разбросаны небольшiе православные монастырьки, скиты: въ скитахъ этихъ, а въ особенности на укромныхъ хуторахъ и мельницахъ по днѣпров-

скимъ притокамъ, гдѣ жили монастырскіе подданные, также былъ свободный пріютъ этому люду. Вотъ отсюда-то, изъ этихъ скитовъ, какъ бы освященная благословеніемъ церкви, и пошла по Украинѣ пагубная вѣсть.

Игумену монастыря, расположеннаго въ мотренинскомъ лѣсу, Мельхиседеку Значко-Яворскому приписываютъ большую роль въ появленіи и распространеніи этой вѣсти. Вѣроятно, въ этомъ есть своя доля правды. Мельхиседекъ былъ человѣкъ образованный, предпріимчиваго характера, какъ правитель украинскихъ церквей, глубоко заинтересованный въ торжествѣ православія на Украинѣ, возбужденный столкновеніями съ темнымъ уніатскимъ духовенствомъ, которое съ своей стороны предпринимало разныя наступательныя дѣйствія на «шизму», отражая на себѣ толчки отъ высшей политики, взволнованной диссидентскимъ вопросомъ. Но могъ-ли Мельхиседекъ благословлять толпу на рѣзню? поддѣлывалъ-ли золотую грамоту, якобы манифестъ Екатерины, однимъ словомъ какой-то документъ, который былъ несомнѣнно въ рукахъ у вожаковъ возстанія? Повидимому, ничто подобное не могло имѣть мѣста уже по одному тому, что Мельхиседекъ былъ въ то время, когда разыгривалась буря, не въ своемъ монастырѣ, а въ Переяславлѣ. Яростная вспышка народнаго гнѣва и мести, извѣстная подъ названіемъ коліивщины, такъ поразила умы, что дала поводъ для множества всяческихъ вымысловъ, наряду съ массой и точно констатированныхъ фактовъ. Кто не писалъ о ней въ свое время? И темные монахи, и мѣщане, и оффиціалисты, и даже женщины; писали не только прозой, но и стихами: нѣсколько томовъ составилось бы изъ этихъ разсказовъ современниковъ, обнародованныхъ и необнародованныхъ. Но тѣмъ не менѣе полнаго изслѣдованія этого событія,—изслѣдованія, удовлетворяющаго требованіямъ исторической безпристрастности, до сихъ поръ нѣтъ.

Весь этотъ ужасный эпизодъ разыгрался съ необычной быстротой. Ничтожный гайдамацкій отрядъ, напавшій на Жаботинъ, по пути въ Смѣлу выросъ до 300 человѣкъ; по дорогѣ къ Лисянкѣ въ немъ насчитывали уже больше тысячи. Толпа росла, какъ катящаяся съ горы лавина, росла не только съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ. Подъ Уманью было уже двадцать тысячъ народу; а въ то же время мелкіе загоны разсыпались по Украинѣ, на сѣверъ до Кіевскаго Полѣсья, на югъ до Дашева, Кальника, Балты. Сопротивленіе оказывала только надворная пѣхота. Козацкія милиціи почти всѣ безъ исключенія покинули свои польскія знамена. Шляхта не проявила ни малѣйшей готовности къ отпору, никакой

энергіи. То-ли, что лучшіе ея представители были въ войскахъ конфедераціи, то-ли, что вообще въ ея средѣ мужество шло на убыль, только она ничего не съумѣла сдѣлать лучшаго, какъ попрятаться за укрѣпленіями Умани или бѣжать вмѣстѣ съ евреями, сломя голову. На всемъ захваченномъ волненіемъ пространствѣ нашелся только одинъ шляхтичъ на Волыни, гродскій судья Дубровскій, который собралъ горсть охотниковъ и оказалъ съ ними противодѣйствіе бунту: онъ охранилъ Житоміръ, Бердичевъ и цѣлый Овручскій повѣтъ, а потомъ съ Полѣсья двинулся и въ степь; наряду съ нимъ дѣйствовали для усмиренія волненія не шляхтичи, а нѣсколько человѣкъ надворныхъ козаковъ, въ ихъ числѣ упомянутый выше сотникъ Шелестъ.

Нечего останавливаться на тяжелыхъ подробностяхъ Уманской рѣзни, которая воспроизводитъ собою ужаснѣйшіе изъ эпизодовъ хмельнищины. Она была описана много разъ. Исторія возлагаетъ отвѣтственность за всѣ эти потоки пролитой крови на головы Желѣзняка и Гонты, справедливо-ли это? Не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло просто съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, извѣстныхъ исторіи, случаевъ коллективнаго безумія, когда человѣческія души моментально обхватываются неутолимой жаждой мукъ и крови? Рядомъ съ этими, далеко не ясными, фигурами яко-бы главныхъ вождей возстанія, стоятъ Швачка и Неживый, страшные, облитые кровью фантомы— въ польскихъ изображеніяхъ, мужественные и самоотверженные борцы и защитники угнетеннаго православнаго люда—по украинскимъ думамъ и преданіямъ, на самомъ дѣлѣ, конечно, лишь минутные герои своей увлеченной толпы.

Укрощеніе волненія опять-таки выпало на долю русскихъ войскъ: извѣстно, какъ дѣйствовалъ подъ Уманью генералъ Кречетниковъ. Ловчій коронный Браницкій, исполнявшій обязанности региментаря, стоялъ на Днѣстрѣ; его помощникъ, коронный обозный Стемпковскій, дѣлалъ видъ, что занятъ усмиреніемъ, но на самомъ дѣлѣ лишь таскался то съ отрядами Кречетникова, то Апраксина. И тотъ и другой представитель польской военной силы нашли болѣе удобнымъ все предоставить русскимъ, на себя же взяли болѣе легкое дѣло вершителей правосудія. Оба эти человѣка были настоящія дѣти своего времени, времени упадка, безнравственные эпикурейцы, для которыхъ въ жизни было только два дѣйствительныхъ побужденія, успѣхъ и чувственное наслажденіе. Они предпочитали, сидя спокойно на мѣстѣ, «гасить украинскій пламень въ хлопской крови»...

Кречетниковъ прислалъ изъ-подъ Умани семьсотъ человѣкъ бо-

лѣе виновныхъ, и въ томъ числѣ Гонту, въ деревню Сербы, недалеко отъ Могилева. Браницкій отправился наблюдать за исполненіемъ казни надъ этими виновными. Они были сброшены въ огромныя ямы: до сихъ поръ можно еще видѣть среди поля слѣды этихъ ямъ въ нѣсколько десятковъ саженъ длины. Конная стража и полкъ пѣхоты стерегли эти ямы. Дальше шли длиннымъ рядомъ висѣлицы, единичныя для болѣе важныхъ преступниковъ, и общія для менѣе важныхъ. Посреди висѣлицъ былъ остроконечный, тонкій и высокій столбъ, паля, на которой долженъ былъ кончить свою жизнь Гонта. За висѣлицами подъ лѣсомъ бѣлѣлись шатры, гдѣ расположился панъ ловчій съ порядочной свитой войсковыхъ чиновъ. Здѣсь онъ задавалъ скромные обѣды и вечеринки, на которые приглашалась шляхта изъ окрестностей. Все это ѣло и очень много пило, слушая вопль несчастныхъ... Милое развлеченіе продолжалось двѣ недѣли.

Казалось-бы, какой еще надо мести? Но для шляхты этого было слишкомъ мало. Ея традиціонная ненависть, скрытый страхъ передъ дикимъ звѣремъ,—страхъ, отъ котораго она никогда не могла отдѣлаться,—все вырвалось теперь въ слѣпомъ порывѣ неутолимой мстительной злобы. «Всѣ сосѣди», пишетъ тотъ-же Браницкій королю по этому поводу, «шляхта, жиды бѣгутъ ко мнѣ; одни совѣтуютъ четвертовать ихъ, другіе жечь, вбивать на колъ, вѣшать безъ милосердія... Возьми, распни!» Только нѣсколько позже, когда чувства поостыли, выступила на сцену старая забота о живомъ реманентѣ.

На другомъ концѣ края, на сѣверѣ его, въ Житомірѣ засѣдалъ родъ экстренной судебной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ упомянутаго выше Дубровскаго, который вмѣстѣ съ Браницкимъ и Стемпковскимъ имѣлъ дарованное отъ короля jus gladii, право меча. Дубровскій былъ человѣкъ отважной души, неумолимый судья для виновнаго хлопа, но все-таки судья: онъ отсылалъ осужденныхъ въ Кодню, мѣстечко, лежащее въ трехъ миляхъ отъ Житоміра, гдѣ ихъ принималъ для экзекуціи Стемпковскій, которому больше нравилась роль палача.

Но Стемпковскій не могъ ограничиться только исполненіемъ судебныхъ приговоровъ; онъ хотѣлъ и самостоятельно воспользоваться своимъ правомъ меча для пользы края и его благородныхъ «обывателей». Какъ ангелъ-истребитель прошелъ онъ по Полѣсью. Путь свой онъ обозначалъ висѣлицами, хлопъ шелъ на висѣлицу по самому ничтожному подозрѣнію. У него не было рѣчи о судѣ, о томъ, чтобы разбирать степени виновности: стоялъ-ли хлопъ, чтобъ

утруждать себя такими мелочами? Всѣ его подначальные заняты были тѣмъ, что разыскивали подозрительныхъ людей по Полѣсью. Всякій, кто укрывался, былъ подозрителенъ, слѣдовательно, преступникъ, слѣдовательно, достоинъ смертной казни.

Такимъ образомъ, въ Коднѣ набралось нѣсколько тысячъ людей, частью присланныхъ изъ Житоміра, т. е. осужденныхъ, частью нахватанныхъ безъ всякаго слѣдствія и суда. Никого изъ важныхъ преступниковъ, изъ козацкой старшины, изъ вожаковъ возстанія здѣсь не было; наоборотъ, было не мало стариковъ, дѣтей, даже женщинъ. Все это подъ-рядъ шло подъ топоръ. Палачи смѣняли одинъ другого, щербились топоры на хлопскихъ шеяхъ, наблюдающіе за казнью теряли счетъ отрубленнымъ головамъ, а панъ обозный все сидѣлъ на удобномъ креслѣ надъ ямой, куда бросались отрубленныя головы, и курилъ свою трубку. Цѣлый курганъ высится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ падали эти несчастныя головы. Нѣсколько дней тянулась экзекуція. Сколько головъ пало тамъ? Противные лагери разно опредѣляютъ эту утрату: польскіе писатели принимаютъ ихъ въ 1000—2000, русскіе—въ 4000; первая цифра, повидимому, слишкомъ мала, другая слишкомъ велика. Шляхта сама пошла просить обознаго о пощадѣ, по крайней мѣрѣ такъ заявилъ Стемпковскій, да и не мудрено: эти казни происходили уже въ сентябрѣ, т. е. три мѣсяца спустя послѣ совершеннаго преступленія: можно было поостыть и обдуматься. Вѣдь если въ самомъ дѣлѣ принесть въ жертву Немезидѣ весь ремапентъ, то сами гербовные, сотворенные для короны и сабли, должны будутъ ходить за плугомъ: перспектива печальная... И шляхта умоляла Стемпковскаго вложить въ ножны свой грозный мечъ правосудія. Стемпковскій пріостановилъ казни; но уцѣлѣвшихъ онъ все-таки приказалъ «значковать» десятаго. Значковать не такъ, какъ значковали когда-то въ началѣ столѣтія,—нѣтъ: отрѣзали не ухо, а руку и ногу, при чемъ если шла на отрубленіе правая рука, то вмѣстѣ съ ней лѣвая нога, и обратно. Трудно повѣрить такой ужасной и безцѣльной жестокости, но все это несомнѣнные факты, никѣмъ не оспариваемые. Долго Кодня и страшный Іосифъ, который рубилъ головы невиннымъ людямъ, какъ маковки, жили въ потрясенномъ воображеніи мѣстнаго народа. Уже заросли травой и могилы казненныхъ въ Коднѣ, одно поколѣніе вымерло, а другое и третье все еще повторяло, какъ проклятіе недоброму человѣку, «колыбъ тебе не минула святая Кодня»! Надо замѣтить, что общественное мнѣніе Польши было противъ Стемпковскаго и его возмутительной жестокости. Чарторижскіе, Замойскіе,

Любомирскіе, даже самъ Салезій Потоцкій, наиболѣе пострадавшій матеріально во время этихъ волненій,—всѣ высказывались съ громкимъ порицаніемъ. И король, вообще очень благосклонный къ коронному обозному, охладѣлъ къ нему на нѣкоторое время.

Результаты коліивщины и ея усмиренія въ окончательномъ, хотя неточномъ, подсчетѣ даютъ такія приблизительныя цифры. Подверглось разоренію около 230 населенныхъ мѣстъ и погибло до 200 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ шляхтичей и евреевъ вырѣзано шестьдесятъ тысячъ. Да кромѣ того, отъ чумы, которая страшно разыгралась тотчасъ же послѣ катастрофы, погибло приблизительно еще столько же народу.

Что сказать о «хлопскихъ бунтахъ» 1789 г.? Мы знаемъ, что украинская шляхта снова была обхвачена тревогой; что въ одной Лабуни подъ крыломъ у коденскаго героя укрывалось четыре мѣсяца до 200 человѣкъ шляхты; что были учреждены военные суды и наставлены висѣлицы, однимъ словомъ было все... кромѣ самихъ бунтовъ, повидимому. Вѣдь нельзя же считать за хлопскіе бунты убійство шляхтича Вылежиньскаго съ семьей, тѣмъ болѣе, что судебнымъ слѣдствіемъ было уяснено это убійство, какъ обыкновенный случай разбойническаго нападенія; или тѣ бумажные ножи громадныхъ размѣровъ, которые появились неизвѣстно откуда на вечеринкахъ у Стемпковскаго, при чемъ дамы падали въ обморокъ, а кавалеры усиленно угощались старымъ венгерскимъ; или, наконецъ, тѣ темные слухи о какихъ-то указахъ, когда-то, гдѣ-то, кѣмъ-то подхваченные... Все дѣло было явно дутое; самъ король смотрѣлъ на него, какъ на выдумку, какъ на интригу своихъ политическихъ враговъ, которымъ выгодно было смятеніе въ качествѣ нѣкоторой диверсіи. Но хлопы были все-таки виноваты тѣмъ, что пугаютъ пановъ, хотя и безъ своего вѣдома: вѣчное повтореніе въ лицахъ басни о волкѣ и ягненкѣ. А потому только и нашелся на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой одинъ шляхтичъ, Игнатій Потоцкій, который протестовалъ на сеймѣ противъ ненужныхъ висѣлицъ; да еще Костюшко, изъ своихъ американскихъ принциповъ, громко высказывался противъ произвола устроенныхъ на этотъ случай военныхъ судовъ.

Украинскій народъ уже не могъ больше подниматься: Сѣчь не существовала, и не было у него старой опоры въ степной вольницѣ.

Польша, а вмѣстѣ съ нею и Украина, преобразованная ею по своему образу и подобію, быстро приближалась къ завершенію по-

слѣдняго цикла своихъ историческихъ судебъ. Правда, идея о необходимости основныхъ измѣненій въ государственномъ и общественномъ строѣ уже зародилась въ сознаніи лучшихъ людей польскаго общества; появилась на свѣтъ и партія «реформы», во главѣ которой стояли Чарторижскіе. Но пагубныя историческія привычки и эгоизмъ, сословный и личный, стояли на стражѣ, всегда готовые выбросить столь привлекательное для шляхетской массы знамя «золотой вольности» поперекъ дороги всякому серьезному реорганизаціонному стремленію. Много должно было пройти времени, чтобъ подготовительный процессъ внутренней работы пересоздали настроенія. Можетъ быть, все это и совершилось бы; но исторія не хотѣла ждать.

Какъ Барская, такъ и Тарговицкая конфедерація — эти двѣ ступени, черезъ которыя Польское государство валилось въ пропасть,—по какой-то роковой ироніи судьбы обѣ возникали на почвѣ Украины, на ней разворачивали свои силы, питались ея соками. Казалось-бы, глубокое различіе отдѣляетъ эти два проявленія шляхетскаго автократизма: различны были мотивы возникновенія этихъ конфедерацій, различны программы, различны цѣли. А въ томъ впечатлѣніи, какимъ отразились онѣ на душахъ современниковъ и потомства, это различіе выростаетъ въ полярную противоположность. Дѣятели Барской конфедераціи, эти поэтическіе «рыцари Маріи» съ ихъ ксендзомъ Маркомъ, героическая фигура котораго какъ-бы перенесена въ 18-ый вѣкъ изъ сѣдой средневѣковой древности, въ яркомъ и горячемъ свѣтѣ симпатіи являются великодушными патріотами, самоотверженными борцами за національное дѣло. Дѣятели конфедераціи Тарговицкой выступаютъ, какъ мрачные злодѣи, измѣнники, обремененные проклятіями погубленной ими родины, преслѣдуемые этими проклятіями даже въ своихъ чадахъ. Но безпристрастный судъ исторіи долженъ дать иной приговоръ. Приговоръ этотъ предвосхищенъ въ нѣкоторомъ смыслѣ региментаремъ подольскимъ Тадеушомъ Дзѣдушицкимъ, который такъ высказывался одному изъ «барщанъ»: «Только на легальной дорогѣ можетъ Рѣчь Посполитая достигнуть улучшенія, а вы дѣйствуете нелегально; безправье васъ сгубитъ: все очарованіе героизма спадетъ съ васъ, какъ внѣшняя оболочка, и вы предстанете передъ судомъ внуковъ ничтожными эгоистами!» Правда, между дѣятелями Барской конфедераціи были люди высокихъ достоинствъ сердца и характера; но вѣдь и Щенснаго-Потоцкаго, вождя Тарговицкой, никто не упрекаетъ въ томъ, что онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ мотивами личныхъ

выгодъ: въ иномъ положеніи и иномъ освѣщеніи онъ могъ бы легко занять мѣсто въ пантеонѣ самоотверженныхъ патріотовъ. Тотъ же духъ разложенія проникалъ собою дѣйствія и Барской конфедераціи: каждый повѣтовый маршалекъ былъ королькомъ своего повѣта, предводитель каждаго отряда—гетманомъ, а каждый повѣтъ представлялъ собою Рѣчь Посполитую въ миніатюрѣ: сколько повѣтовъ, столько враждебныхъ партій... Нѣтъ, не здѣсь лежалъ путь къ спасенію. Молодежь, воспитанная Барской конфедераціей, четверть вѣка спустя оказалась въ рядахъ Тарговицкой; не будь первой, не было бы, вѣроятно, мѣста и второй.

Результатомъ Барской конфедераціи былъ первый раздѣлъ Польши; результатомъ Тарговицкой — второй раздѣлъ, то есть присоединеніе Украины къ Россіи.

МАЛОРУССКОЕ ДВОРЯНСТВО

И ЕГО СУДЬБА *).

Историческій очеркъ.

I.

Великій переворотъ 1648 г. снесъ, можно сказать, южно-русское дворянство съ лица малорусской земли, т. е. лѣвобережной Украины. Однако оно въ самомъ непродолжительномъ времени появляется снова. Одновременно съ тѣмъ, какъ начинаютъ приходить въ равновѣсіе взбудораженные переворотомъ общественные элементы, начинается и процессъ новообразованія дворянскаго сословія. Вотъ этотъ-то процессъ и служитъ содержаніемъ настоящаго очерка.

Но было ли дворянство уничтожено Хмельнищиной цѣликомъ, или кое-какіе его остатки на лѣвомъ берегу пережили катастрофу?

Пережили, несомнѣнно. Триста шляхтичей (по счету Карпова, на основаніи переписныхъ дворянскихъ книгъ) присягнули въ январѣ 1654 г. на вѣрность Алексѣю Михайловичу, который обѣщалъ оставить ихъ «въ своихъ шляхетскихъ вольностяхъ, правахъ и привилеяхъ» и «добра имѣть свободно, какъ и при польскихъ короляхъ бывало» [1]). Недаромъ же и Хмельницкій выговаривалъ въ своихъ статьяхъ, чтобы шляхтѣ «позволено было маетностями своими владѣть по-прежнему и судитця своимъ стародавнимъ правомъ» и «вообще при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребывать» [2]). Конечно, это была шляхта «благочестивые христіанскіе вѣры». По всей вѣроятности, ея главный контингентъ составляли бывшіе земяне, низшія наслоенія шляхетскаго сословія, родственныя шляхтѣ литов-

---

*) „Вѣстникъ Европы". 1891, № 9.

[1]) Карповъ. О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи. Русск. Арх., 1875, кн. 6.

[2]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. 3. Акты гетманскіе.

скихъ «застѣнковъ» или еще ближе извѣстной овручской лычаковой шляхтѣ, которая ходила за плугомъ съ саблями, подвязанными мочалой, и хотя могла себя мнить de jure «равной воеводѣ», но de facto должна была взирать на недосягаемую воеводскую высоту изъ своихъ общественныхъ доловъ чуть не съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и любой подданный.

Но какъ бы то ни было, разъ установленъ фактъ, что дворянство, хоть и въ жалкихъ остаткахъ, пережило переворотъ, является естественное предположеніе, что именно оно и послужило ферментомъ, благодаря вліянію котораго такъ быстро образовалось въ лѣвобережной Украинѣ новое дворянство. Однако такое предположеніе ошибочно. Старая шляхта осталась въ сторонѣ, и процессъ новообразованія дворянскаго сословія пошелъ такъ, какъ бы ея и не было вовсе. Причина ясна, если представить себѣ тогдашнее положеніе вещей.

Хмельнищина, вмѣстѣ съ политической зависимостью, уничтожила и сложившійся общественный строй, въ фундаментѣ котораго лежало закрѣпощеніе земледѣльческаго труда. Малорусскій народъ очутился въ положеніи калифа на часъ: онъ могъ осуществить свой идеалъ общественнаго благополучія. Идеалъ его не поражалъ размахомъ фантазіи: это былъ простой и естественный идеалъ каждаго закрѣпощеннаго—свободный трудъ на свободной землѣ. Форма осуществленія этого идеала была готовая: это — козакъ, единственный извѣстный южно-русскому хлопу видъ свободнаго земледѣльца. Итакъ, вся масса освобожденнаго южно-русскаго народа устремилась въ козачество. Страна приняла своеобразный видъ мирнаго военнаго лагеря; впрочемъ, надо сказать, первое время не было недостатка и въ военной дѣятельности, до извѣстной степени оправдывавшей такое положеніе вещей. Верховная власть въ лицѣ гетмана, администрація, судъ—все было организовано по военному типу на демократической подкладкѣ: источникомъ власти былъ народъ, и потому всюду, гдѣ можно, господствовало выборное начало. Разумѣется, мы говоримъ лишь о первомъ періодѣ этой новой эпохи въ южнорусской исторіи, такъ какъ основы, на которыхъ держался строй, довольно быстро измѣнились, съ одной стороны подъ вліяніемъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, съ другой—собственныхъ своихъ внутреннихъ противорѣчій. Старая шляхта со всѣми своими, гарантированными ей, «правами и привилеями» оказалась, такъ сказать, за штатомъ: ей не было мѣста въ новомъ общественномъ строѣ, не на чемъ было осуществлять своихъ правъ и привилегій. «Шляхетскія

вольности» сводились, какъ свидѣтельствуютъ и статьи Хмельницкаго, къ двумъ главнымъ пунктамъ: «чтобъ маетностями владѣть по-прежнему», т. е. сохранять за собой право неограниченной частной собственности на землю и «чтобъ судитця своимъ стародавнимъ правомъ». Шляхетскіе судьи, земскіе и гродскіе, были выговорены статьями Хмельницкаго и, слѣдовательно, могли бы существовать. Но они никогда не существовали, такъ какъ шляхта была слишкомъ ничтожной горстью, разбросанной въ массѣ оказачившагося населенія, чтобъ стоило для нея обзаводиться цѣлымъ особымъ сложнымъ институтомъ, который естественно потребовалъ бы и своего центральнаго, апелляціоннаго органа въ родѣ трибунала. Такимъ образомъ, шляхта должна была судиться у тѣхъ же сотниковъ, полковниковъ, апеллировать къ тому же гетману, какъ и все остальное населеніе. Не больше выгодъ принесло шляхтѣ также выговоренное ей право «маетностями владѣть по-прежнему». При старыхъ порядкахъ, право владѣть земельной маетностью на положеніи неограниченной частной собственности было исключительно шляхетскимъ правомъ: такое шляхетское право признавалось и за козаками. Но теперь все населеніе оказалось пользующимся тѣмъ же шляхетскимъ правомъ, такъ что право это, потерявъ свою исключительность, потеряло вмѣстѣ съ нею и смыслъ. Правда, къ шляхетскому праву на землю ходомъ исторіи приросло еще и право на личность земледѣльца, сидящаго на этой землѣ. Никто и ничто не отрицало у шляхты и этого ея права; но дѣло въ томъ, что не оказывалось объекта, на которомъ бы его можно было практиковать, такъ какъ всѣ бывшіе зависимые земледѣльцы подѣлались козаками, сидящими на шляхетскомъ правѣ на своей собственной землѣ. Крѣпостное право, какъ государственное учрежденіе, само собой, безъ всякихъ спеціальныхъ законовъ, упразднилось. На чужой землѣ садились лишь по договору, и степень зависимости, вытекающая изъ этого факта, опредѣлялась исключительно объемомъ и содержаніемъ договора. Этимъ путемъ, въ извѣстной степени симулирующимъ крѣпостное право, могъ имѣть зависимыхъ отъ себя людей любой земледѣлецъ, и, случалось, дѣйствительно имѣлъ ихъ. Такимъ образомъ, шляхетскія права и тутъ оказывались ни при чемъ, и маетностями владѣть по-прежнему шляхта не могла, несмотря ни на какое признаніе ея правъ. Но, кромѣ того, для земельныхъ правъ шляхты явилось и еще фактическое ограниченіе, вытекавшее изъ положенія вещей. Эту сторону разъясняетъ интересный универсалъ 1690 г. [1]) полковника Лизогуба,

[1]) Кіевск. Старина, 1885, III.

управлявшаго полкомъ черниговскимъ, гдѣ наиболѣе удержалось старой шляхты. Дѣло въ томъ, что въ періодъ хаотическаго состоянія, сопровождавшаго переворотъ, шляхта позабрасывала свои грунты, можетъ быть изъ страха народнаго, можетъ быть потому, что некому было ихъ обрабатывать. Когда край успокоился, шляхта, опираясь на законное признаніе своихъ правъ, начала возвращаться на земли. Но земли эти оказались занятыми: разные люди поосѣдали на нихъ на основаніи того же самаго jus primum occupandi, на какомъ занимались земли по всей малорусской территоріи. Перекраивать положеніе на старый юридическій ладъ значило бы оскорбить народъ въ его глубокомъ ощущеніи верховнаго права на землю, освобожденную его кровью, и, такимъ образомъ, снова дать толчокъ только-что улегшимся политическимъ страстямъ—на это не рѣшился бы и Хмельницкій. Естественно, что полковникъ Лизогубъ безъ всякаго опасенія «касуетъ» старыя шляхетскія права, утвержденныя гетманскими статьями и царскимъ одобреніемъ, въ пользу новыхъ, которыми не обмолвился ни одинъ документъ, но за которыми было сознаніе народной массы. Мало того: универсалъ этотъ даетъ еще такое любопытнѣйшее распространеніе или толкованіе новому положенію: «На чомъ хто оседѣлъ (осѣлъ) зъ шляхти и всякихъ людей по селахъ описаннихъ прошлими часы и теперь сколко собою розробленихъ своихъ уживае и держить кгрунтовъ (какимъ количествомъ земли, своими силами разработанной, пользуется), а болше роспахати и розробити *самъ не може*, абы тимъ ся контентовали (чтобы тѣмъ довольствовались) и тые за власность свою мѣли (и тѣ считали за свою собственность), а що над-то иними хто розробилъ (сверхъ того чужими силами кто разработалъ) и еще не розробленихъ и запустѣлыхъ мѣло бы бути въ тѣ околичности кгрунтовъ, которіе за отчискіе (вотчинные) собѣ иле шляхта звикла ославлювати (привыкли называть) и давнимъ шляхетскимъ правомъ граничити (межевать), присвоюють и не допускають сполмешканцомъ (сосѣднимъ жителямъ) своимъ розроблятн и поидати, тое цале касую и овшемъ, жебы ровне и спокойне зъ шляхтою и всякіе люди, якихъ хто може, кождіе селяне въ своемъ ограниченію лежачіе пустуючіе кгрунта посѣдали, розробляли и ку пожитковѣ своему приводили»... Ясно, что при такой радикальной постановкѣ земельнаго вопроса, какая принята полковникомъ Лизогубомъ «за сполною обрадою (общимъ совѣтомъ) съ полковою старшиною и значнымъ войсковымъ товариствомъ», не только ничего не оставалось отъ исключительныхъ шляхетскихъ правъ, но очень немногое осталось и

отъ фактическаго владѣнія, которое сводилось все на тотъ же трудовой захватъ.

Такимъ образомъ, всѣ права старой шляхты сводились на нѣтъ; слѣдовательно, отъ нея осталась только тѣнь, которой предстояло исчезнуть. И она исчезла. Послѣ Хмельницкаго уже нигдѣ въ гетманскихъ статьяхъ не упоминается о шляхтѣ и ея правахъ; не упоминается о нихъ и въ другихъ документахъ. Только позже, когда начало совсѣмъ независимо складываться новое дворянство, старая шляхта тоже стала вытаскивать изъ сундуковъ свои залежавшіеся документы, у кого они сохранились, и пользоваться ими: они стали тогда въ большой пригодѣ. Но все это дѣла дней грядущихъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Пока же съ насъ довольно положенія, которое, кажется, достаточно нами установлено: что старая шляхта не участвовала въ образованіи малорусскаго дворянства, къ которому оно лишь примкнуло позже, да и то не въ цѣломъ своемъ составѣ.

II.

Итакъ, повторимъ: Малороссія въ первый періодъ [1]) послѣ своего освобожденія отъ Польши представляла, по типу своей соціальной организаціи, военный лагерь на демократической подкладкѣ. Равенство правъ и обязанностей было полное: каждый могъ занимать изъ неисчерпаемаго запаса свободныхъ земель столько, сколько могъ захватить фактическимъ трудовымъ захватомъ; каждый могъ участвовать въ выборѣ уряда, начиная отъ сельскаго атамана, кончая гетманомъ; каждый могъ быть выбранъ на всякій урядъ. Слабо намѣчались кое-какія общественныя дифференціаціи—оказачившійся мѣщанинъ, выборный попъ—но онѣ не мѣняли общаго фона картины. Самое важное, что между казакомъ и посполитымъ, между которыми исторія въ теченіе слѣдующаго полустолѣтія успѣла вырыть пропасть, лежала пока лишь легко стираемая черта чисто-фактическаго различія: кто хотѣлъ и могъ отправлять козацкую службу—былъ козакомъ; кто не хотѣлъ или не могъ, оставался посполитымъ, замѣняя козацкую службу отбываніемъ податей и повинностей [2]). При такомъ строѣ общества—

[1]) Считаемъ этотъ первый періодъ приблизительно до начала XVIII-го в.

[2]) „Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ"—подлинное выраженіе одного документа 1729 г., въ которомъ населеніе давало само показанія о своемъ происхожденіи. Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне. Записки Черниг. Губ. Стат. Комитета 1865 г., кн. I, стр. 6.

демократическомъ, такъ сказать, до мозга костей—не было мѣста дворянству. И однако оно явилось, и явилось не актомъ внѣшняго насилія, а естественнымъ путемъ внутренняго роста. Дѣло въ томъ, что въ нѣдрахъ этого демократическаго общества укрывались аристократическія idées-mères, которыя дѣлали появленіе дворянства не только возможнымъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и необходимымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Малороссія разорвала свой политическій союзъ съ Польшей. Но не такъ-то легко было порвать духовную связь съ ней—связь, которая не могла же не образоваться годами тѣснаго общенія. Какъ бы мы ни оцѣнивали размѣры тяготѣній тогдашняго малорусскаго общества къ высшей культурѣ, но тяготѣнія эти несомнѣнно существовали, и за удовлетвореніемъ ихъ малорусскому человѣку некуда было обращаться помимо Польши: тогдашняя Малороссія стояла сама на слишкомъ низкомъ уровнѣ, чтобы обойтись безъ культурнаго посредника, а ея новый патронъ, Москва, была и чужда, и груба. Неудивительно поэтому, что кіевская академія продолжала быть сколкомъ съ польскихъ коллегій, что высшее образованіе покоилось на той же польской латыни, что польская книга вмѣстѣ съ латинской была главнымъ содержаніемъ книжнаго богатства образованнаго малорусса, что польскій обычай связывался съ представленіемъ объ утонченномъ. Юношей посылали заканчивать образованіе во Львовъ, въ Вроцлавъ. Гетманы старались изо всѣхъ силъ подражать въ обстановкѣ своихъ дворовъ дворамъ магнатскимъ и потому съ удовольствіемъ принимали на свою службу выходцевъ изъ-за Днѣпра, цѣня въ нихъ знаніе магнатскихъ порядковъ; за гетманами, естественно, тянулись и другія лица войскового уряда, устанавливая, такимъ образомъ, господствующій тонъ. Всѣ сравнительно образованные люди тогдашняго малорусскаго общества, черпая свою образованность изъ польскаго источника, необходимо проникались польскими соціальными идеями, альфой и омегой которыхъ былъ панъ и хлопъ, и польскими идеалами прекраснаго и желаемаго, которые могли разцвѣтать только на дворянской почвѣ. Но образованный человѣкъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, и болѣе обезпеченный, а матеріальная обезпеченность вмѣстѣ съ образованностью—хотя бы въ видѣ простой письменности—только и были тѣми условіями, въ силу которыхъ люди въ тѣ времена всплывали на верхъ и группировались около власти. Такимъ образомъ, всѣ вліятельные и руководящіе элементы общества находились подъ вліяніемъ польско-шляхетскихъ идей соціальнаго порядка. Понятно, не могли же эти идеи не отражаться на дѣйствіяхъ, проникну-

тыхъ ими лицъ, на томъ направленіи, которое эти лица давали, стоя у кормила, общественнымъ дѣламъ. Но поперекъ дороги этому идейному теченію лежала страшная по своимъ размѣрамъ, хотя и косная, народная масса. Удалось ли бы вдвинуть ее въ намѣчающееся русло, еслибы не явился на помощь новый могучій двигатель? Этимъ двигателемъ, сила котораго росла съ прогрессирующей быстротой, былъ союзъ съ Россіей.

Политическій союзъ Малороссіи съ московскимъ государствомъ скоро превратился въ политическую зависимость, а затѣмъ и въ политическое объединеніе. Чѣмъ дальше уходилъ этотъ процессъ, тѣмъ сильнѣе становилось непосредственное вліяніе сѣверно-русскихъ порядковъ на строй малорусской жизни, независимо даже отъ какихъ-либо преднамѣренныхъ дѣйствій русской государственной власти. Меньшее и слабѣйшее, вдвинутое въ извѣстное положеніе, естественно уподоблялось большему и сильнѣйшему. Всякій актъ центральной государственной власти, направленный на Малороссію и, конечно, не имѣвшій въ основаніи полнаго знакомства съ ея положеніемъ и особенностями, былъ лишнимъ шагомъ на пути этого уподобленія. Такъ было во всемъ, такъ было и относительно дворянства. Разъ въ Великороссіи существовало дворянство, хотя бы и съ служилымъ, а не самодовлѣющимъ характеромъ польской шляхты,—этотъ фактъ долженъ былъ тяготѣть надъ Малороссіей, давая направленіе, усиливая, подчеркивая все, что было ему родственнаго въ здѣшнихъ условіяхъ. Великая Россія тянула Малую въ ту же сторону, куда послѣднюю толкали унаслѣдованныя отъ Польши идеи соціальнаго порядка.

Нельзя не упомянуть еще объ одной стихійной силѣ, которая должна была незримо, но могуче работать для распаденія соціальнаго демократическаго равенства на привиллегированное и непривиллегированное. Эта стихійная сила—рѣзко очерченный личный интересъ той группы, которая, ставши около власти, должна была образовать собою малорусское дворянство.

III.

Новое малорусское дворянство все цѣликомъ образовалось изъ войсковаго уряда, сначала исключительно выборнаго, затѣмъ и назначаемаго. Столѣтіе спустя, въ концѣ XVIII-го в., когда малорусскому привиллегированному сословію надо было во что бы то ни стало доказать свои права на дворянство, оно аргументировало, между

прочимъ, такъ: «по древнему праву выборовъ, малороссійскому праву присвоенныхъ, всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ невозможно было никому быть избираемому и имѣть чинъ» [1]). Легко замѣтить натяжку уже и въ редакціи этого положенія; исторія же опровергаетъ его совершенно: кто выбирался на войсковой козацкій урядъ, не дѣлался и не могъ дѣлаться тѣмъ самымъ шляхтичемъ, и ужъ, конечно, не шляхтичи выбирались на уряды. Правда, въ средѣ козацкой старшины, какъ до Хмельнищины, такъ и послѣ нея, встрѣчались отдѣльныя лица, носившія шляхетское или дворянское достоинство, но онѣ получали нобилитацію или путемъ сеймовой конституціи за особыя услуги Рѣчи Посполитой, или позже черезъ государево пожалованіе. Не только потомки этихъ немногихъ счастливцевъ, но и все окружающее панство, конечно, знало наперечетъ всѣ эти случаи со всѣми сопровождавшими ихъ обстоятельствами, но оно было слишкомъ заинтересовано въ томъ, чтобы дѣлать видъ невѣдѣнія.

Козацкій лагерь, какой представляла собою страна послѣ своего освобожденія отъ Польши, былъ организованъ такъ. Войско козацкое, или Малороссія — что̀ было одно и тоже — дѣлилось на полки, полки на сотни. Каждая сотня выбирала себѣ свой сотенный урядъ, полкъ—полковой, наконецъ все войско—общій войсковой или генеральный урядъ. Выборное начало рано начало подвергаться ограниченіямъ, какъ со стороны центральной, такъ и мѣстной гетманской власти, причемъ чѣмъ выше и значительнѣе былъ урядъ, тѣмъ раньше выборъ замѣнялся назначеніемъ; но форма организаціи сохранилась въ неприкосновенности до самой той поры, пока Екатерина II не распространила и на Малороссію предпринятую ею реформу русскаго административнаго строя, чѣмъ и положенъ былъ конецъ своеобразному общественному строю Украины. Уряды генеральный, полковой и сотенный повторяли другъ друга, лишь съуживаясь книзу въ своемъ объемѣ. Во главѣ войска стоялъ гетманъ, за которымъ слѣдовали генеральные войсковые чины: обозный, судья, подскарбій, писарь, осаулъ, хорунжій—каждый чинъ съ прибавленіемъ эпитета: «генеральный войсковый». Во главѣ полка стоялъ полковникъ, опять съ полковыми: обознымъ, судьей, писаремъ, осауломъ, хорунжимъ. Во главѣ сотни стоялъ сотникъ, съ сотенными

[1]) Записка изъ дѣла, произведеннаго въ комитетѣ, Высочайше утвержденномъ при Правительствующемъ Сенатѣ касательно правъ на дворянство бывшихъ малороссійскихъ чиновъ.

чинами: писаремъ, осауломъ, хорунжимъ. Первыя лица каждаго изъ трехъ концентрическихъ круговъ войсковой іерархіи, т.-е. гетманъ, полковникъ и сотникъ пользовались въ районѣ своей власти огромнымъ значеніемъ, такъ какъ совмѣщали въ своемъ лицѣ не только военную и административную, но и судебную власть, несмотря на то, что существовали отдѣльные судьи, какъ полковой, такъ и генеральный, и даже былъ генеральный войсковой судъ. Подобное смѣшеніе функцій распространялось, хотя не въ такой степени, и на остальные уряды, которые были какъ бы больше чинами въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ дѣйствительными должностями: напр., генеральный обозный отправлялъ дѣла, не имѣющія ничего общаго съ войсковымъ обозомъ, т.-е. артиллеріей, засѣдалъ какъ одно изъ первыхъ лицъ въ войсковой генеральной канцеляріи. Оно и не могло быть иначе, такъ какъ приходилось съ упрощенными средствами чисто-военной организаціи заправлять всею развивающеюся сложностью цѣльнаго общественнаго строя. Въ первые моменты послѣ переворота между урядомъ и массой рядового козачества не было, повидимому, никакого посредствующаго звена. Но по мѣрѣ того, какъ край умиротворялся и общественные элементы осѣдали, кристаллизуясь, сверху козацкой массы поднялся слой «можнѣйшаго» козачества. Это было такъ-называемое «знатное войсковое товарищество»—переходный слой между массой и войсковымъ урядомъ: одной своей стороной онъ сливался съ рядовымъ козачествомъ, другимъ—съ козацкой старшиной. Знатное войсковое товарищество составляло какъ бы резервъ, изъ котораго постоянно выдѣлялись лица, занимавшія уряды, и куда они опять уходили, когда оставляли свои посты. Что знатное войсковое товарищество пользовалось значительнымъ вліяніемъ на общій ходъ дѣлъ—это несомнѣнно, но оформливалось ли чѣмъ-нибудь это вліяніе—намъ неизвѣстно. Позже неопредѣленная стихія знатнаго товарищества стала принимать болѣе опредѣленныя очертанія. Выдвинулась изъ нея войсковая аристократія — бунчуковое товарищество, состоящее при генеральномъ урядѣ, собственно при гетманѣ, «подъ бунчукомъ», изъ котораго назначались болѣе важные генеральные урядники или полковники; выдѣлилось «значковое» или полковое товарищество, состоящее при полковомъ значкѣ, число котораго было точно опредѣлено указомъ Анны Іоанновны для всѣхъ десяти полковъ въ 420 человѣкъ. Низшая ступень знатнаго войскового товарищества былъ простой знатный или славетный козакъ, который могъ попадать на низшіе сотенные уряды.

Вотъ этотъ-то войсковой урядъ со своей стихіей знатнаго товариства, которая его постоянно выдвигала и поглощала, и составилъ малорусское привиллегированное сословіе, которое впослѣдствіи обратилось въ дворянство.

Конечно, если малорусскому народу, волею историческаго рока, не суждено было удержать первоначальное демократическое равенство, то разложить это равенство долженъ былъ урядъ. По самому своему существу онъ былъ привиллегированъ; лица уряда необходимо должны были освобождаться отъ тяготѣющихъ на всемъ остальномъ населеніи службъ и повинностей; они были необходимо выше средняго уровня массы по образованію,—получалось ли оне путемъ книжнымъ и школьнымъ, или путемъ житейской опытности и натертости; они стояли выше средняго уровня и по матеріальной обезпеченности, такъ какъ избирались на урядъ люди болѣе свободные отъ гнета насущныхъ потребностей, да и самъ урядъ соединялся съ вознагражденіемъ, которое выдвигало пользующихся имъ лицъ изъ массы. Само это вознагражденіе, по своему характеру, было такого рода, что рѣзко оттѣняло привиллегированность уряда. Какъ извѣстно, этимъ вознагражденіемъ служили «ранговыя маетности». Ранговыя маетности, это—населенныя земли, находящіяся въ распоряженіи войска и имѣющія спеціальное назначеніе служить вмѣсто жалованья войсковому уряду. Къ каждому уряду, или рангу, было приписано точно опредѣленное количество этихъ маетностей. Значеніе этого вознагражденія заключалось не въ землѣ—какую цѣнность сама по себѣ имѣла въ тѣ времена земля?—а въ службѣ и повинностяхъ сидящаго на этой землѣ посполитства, которое должно было отбывать ихъ въ этихъ маетностяхъ уже не въ пользу войскового скарба, а въ пользу того или другого лица изъ войскового уряда. Такой, а не иной способъ вознагражденія за службу лицъ войскового уряда обусловливался исключительно необходимостью, положеніемъ вещей; но онъ чрезвычайно способствовалъ превращенію войскового уряда въ панское сословіе.

Разумѣется, извѣстной группѣ, чтобы принять видъ сословія, недостаточно было стать лично въ привиллегированное положеніе: необходимо было такъ или иначе упрочить его за собой и за своими. Но къ фактическому упроченію (юридическое пришло лишь позже и на иныхъ путяхъ) не встрѣтилось большихъ затрудненій. Здѣсь пришли на помощь тѣ свойства человѣческой природы, которыя могутъ быть охарактеризованы извѣстнымъ изреченіемъ: «всякому имѣющему дастся и пріумножится». Казалось естественнымъ, чтобы

какой-нибудь сотничѐнко, наслѣдовавшій имущество, обстановку, жизненныя привычки своего отца, наслѣдовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преимущества, какія давалъ отцу его урядъ,—и вотъ сотниченко предпочтительно передъ другими кандидатами выбирается въ сотники. Конечно, отецъ, въ интересахъ сына, долженъ былъ позаботиться, чтобы дать ему своевременно и соотвѣтствующее образованіе и практическій навыкъ, долженъ былъ хоть до нѣкоторой степени позаботиться и о томъ, чтобы удержать за собой, а слѣдовательно и за сыномъ также, симпатіи населенія, отъ котораго зависѣлъ выборъ. Такимъ образомъ, при господствѣ выборнаго начала могли быть даже извѣстныя выгоды въ передачѣ власти по наслѣдству; при назначеніяхъ же такая передача сопровождалась часто интригами и подкупами вліятельныхъ лицъ, на что человѣкъ, стоящій у уряда, имѣлъ обыкновенно больше способовъ. Такимъ образомъ, уряды удерживались въ извѣстной группѣ семей, составлявшихъ своего рода сеньорію: если назначеніе свыше и вводило сюда иногда совсѣмъ чуждые элементы, то рѣдко случалось, чтобы совсѣмъ выпускали уряды изъ рукъ сéмьи, не запятнавшія себя ни политической измѣной, ни безтактностью поведенія по отношенію къ власть имѣющимъ, чѣмъ предки малорусскаго дворянства, повидимому, не склонны были грѣшить.

Итакъ, посполитый, пока еще онъ пользовался свободой, стремился въ козаки; козакъ желалъ выдвинуться въ передніе ряды своей группы, въ знатные войсковые товарищи; знатный войсковой товарищъ стремился попасть на какой-нибудь урядъ. Такимъ образомъ, урядъ, со всѣми связанными съ нимъ, дѣйствительно значительными, преимуществами, былъ центромъ всѣхъ вожделѣній, и много тратилось энергіи для проложенія къ этому центру или прямого пути, или кривыхъ обходныхъ тропинокъ. Болѣе или менѣе состоятельные родители изъ простыхъ козаковъ или мѣщанъ, озабоченные жизненной карьерой своихъ сыновей, имѣли еще подъ рукой такой способъ выдвигать ихъ въ привиллегированную группу: они давали имъ образованіе съ латынью или хотя бы и безъ нея, и приписывали ихъ затѣмъ къ генеральной войсковой канцеляріи и къ суду въ войсковые канцеляристы. Это было заимствованіемъ польскаго обычая: тамъ къ правительственнымъ канцеляріямъ и въ особенности къ такъ-называемой палестрѣ (при судахъ) приписывалась масса молодежи съ цѣлью получить, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній, свѣтскій лоскъ и житейскую опытность. Такъ и въ Малороссіи сотни молодыхъ людей, включая сюда и сыновей важнѣй-

шихъ урядниковъ, состояли при генеральной войсковой канцеляріи, имѣя въ виду пробиться со временемъ такимъ путемъ въ сотенную или полковую старшину. Болѣе богатые жили на своемъ содержаніи на своихъ квартирахъ; остальные, по старымъ войсковымъ традиціямъ, жили въ куренѣ, большомъ общемъ домѣ, и на содержаніе ихъ были отписаны такія же маетности, какъ и на ранги [1]).

IV.

Допустимо ли, что извѣстная обособленная общественная группа можетъ имѣть присущіе ей инстинкты, руководящіе дѣйствіями отдѣльныхъ ея членовъ? Какъ бы то ни было, та группа, которой предстояло сдѣлаться малорусскимъ дворянствомъ, обнаружила замѣчательное единодушіе и цѣлесообразность въ выборѣ средствъ для достиженія этой общей цѣли. И то сказать, впрочемъ: здѣсь интересы группы слишкомъ тѣсно сливались съ эгоистическими интересами каждаго отдѣльнаго ея члена.

Сеньоріи войскового уряда, чтобы сдѣлаться дворянствомъ, необходимо было создать себѣ прочное экономическое обезпеченіе, въ основѣ котораго лежала бы земельная собственность. Только на этомъ фундаментѣ могло бы быть заложено дворянство. И вотъ цѣлое столѣтіе, которое потребовалось, чтобы завершить циклъ этой общественной метаморфозы, наполнено страстной, хищнически-беззастѣнчивой погоней за наживой и землей, землей, землей. Трудно заподозрить въ этихъ рыцаряхъ кармана и кулака дѣдовъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, или безсмертнаго Аѳанасія Ивановича съ своей Пульхеріей Ивановной, или прадѣдовъ теперешняго малорусскаго пана и полупанка, у которыхъ предпріимчивость во всякомъ случаѣ не составляетъ слишкомъ замѣтной черты. Вся общественная энергія, вызванная возстаніемъ Хмельницкаго и сопровождавшими это возстаніе обстоятельствами, въ слѣдующемъ поколѣніи разошлась на пріобрѣтенія и захватъ.

Каждый выдвигавшійся изъ рядовой массы мнилъ себя «паномъ» независимо отъ какихъ-либо юридическихъ опредѣленій, а панъ прежде всего долженъ былъ владѣть болѣе или менѣе крупной земельной собственностью. Къ этому приводили и воззрѣнія, унаслѣдованныя отъ старой исторіи, и данный экономическій строй съ его

---

[1]) Кіевская Старина, 1884, I: Записки ген. судьи А. С. Сулимы.

чисто патріархальнымъ характеромъ. При первоначальномъ, т.-е. имѣвшемъ мѣсто послѣ переворота, обиліи свободныхъ земель, доступныхъ каждому, кто бы могъ и хотѣлъ ихъ эксплоатировать, казалось, ничего не стоило—особенно при извѣстномъ положеніи у власти—сдѣлаться владѣльцемъ какого угодно земельнаго района. Но на дѣлѣ было не такъ. Наоборотъ, самая эта свобода клала на первое время почти непреодолимыя преграды къ скопленію въ однѣхъ рукахъ крупной земельной собственности. Откуда было ей образоваться? Выше было указано на то, что первоначальная вольная заимка ограничивалась фактическимъ, трудовымъ захватомъ; каждый могъ занять лишь столько земли, сколько могъ обработать силами своей семьи, можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ расширенной небольшимъ числомъ подсусѣдковъ или сябровъ. Чужой рабочей силы, въ видѣ ли наемнаго или иного зависимаго труда, взять было негдѣ, и слѣдовательно къ нему нельзя было прибѣгнуть для фактическаго захвата. Такимъ образомъ и знатный урядникъ, первое время послѣ переворота, долженъ былъ довольствоваться, наряду съ простымъ козакомъ или посполитымъ, тѣмъ немногимъ, что̀ онъ могъ занять изъ общаго запаса, плюсъ ранговыя маетности, количество которыхъ сначала было очень скромно: по статьямъ Богдана Хмельницкаго, полагалось на полковника и нѣкоторыхъ лицъ войсковой генеральной старшины лишь по мельницѣ. Позже ранговыя маетности стали составляться изъ населенной земли. Но ранговыя маетности уже по тому, что онѣ связаны были съ урядомъ, а не съ лицомъ, тѣмъ менѣе родомъ, не могли лечь въ фундаментъ земельнаго богатства: по крайней мѣрѣ, таково было общее правило, допускавшее, впрочемъ, огромное число исключеній. Затѣмъ единственный путь для пріобрѣтенія земельной собственности, оправдываемый и закономъ, и общепринятой обычной нравственностью, была покупка земли, уже перешедшей въ частную собственность. Но хотя земля была и обильна, и дешева, деньги были и рѣдки, и дороги. Конечно, отъ эпохи смутъ, всегда богатой всякими случайностями, могли сберечься въ нѣкоторыхъ рукахъ значительныя цѣнности, которыя, можетъ быть, и дали въ иныхъ случаяхъ возможность выдвинуться въ привиллегированное положеніе той или другой семьѣ. Но случайность есть случайность, а деньги нужны были каждому честолюбивому человѣку, чтобы выдвинуться и удержаться на выдающемся положеніи, чтобы окружить себя панскою обстановкой, чтобы сглаживать себѣ пути впередъ подарками, а главное, чтобы скупать землю. Каждому лицу войсковаго уряда перепадало кое-что со стороны низшихъ и под-

чиненныхъ отъ приношеній, такъ-называемыхъ «на ралецъ»—одно изъ видоизмѣненій довольно извѣстныхъ и по великорусской старинѣ праздничныхъ поздравленій. Если Кочубей, на допросахъ въ Витебскѣ, показывалъ правду, что «случалось, и нерѣдко, что кто талеромъ другимъ поклонится, то я не бралъ, а отдавалъ назадъ»—онъ составлялъ для своего времени рѣдкое исключеніе. Полковники и сотники получали также доходы отъ суда.

Но если кто хотѣлъ себѣ наживать состояніе помимо широкаго и торнаго пути злоупотребленій властью и положеніемъ, то единственнымъ средствомъ было обратиться къ дѣятельности торговой или промышленной. И удивительное дѣло: то самое малорусское привиллегированное сословіе, которое видѣло въ польскомъ шляхетствѣ идеалъ и стремилось его осуществить въ формахъ быта, какъ общественнаго, такъ и частнаго, на этомъ пунктѣ рѣшительно отказывалось отъ шляхетскихъ традицій. Вмѣсто польско-шляхетскаго презрѣнія къ торговлѣ, мы видимъ страстную погоню за торговой наживой. Правда, для большихъ успѣховъ въ этой области существовали естественныя ограниченія, лежащія въ самыхъ условіяхъ тогдашняго производства, связаннаго узами патріархальнаго земледѣльческаго хозяйства,—къ тому же хозяйства вначалѣ крайне стѣсненнаго недостаткомъ рабочей силы. Но малорусское дворянство en herbe раскидывало, какъ могло, свои торговыя и промышленныя операціи, въ фундаментѣ которыхъ лежало вначалѣ лишь то небольшое количество обязательнаго труда, которое было связано съ ранговыми маетностями. Хлѣбъ, почти единственный продуктъ южной полосы края, не имѣлъ сбыта, ни внутренняго,—такъ какъ населеніе, вообще говоря, не нуждалось въ покупномъ хлѣбѣ,—ни внѣшняго: хлѣбъ, по своей дешевизнѣ и по затруднительности транспорта, не выносилъ сколько-нибудь отдаленной перевозки. Чтобы обратить хлѣбъ въ деньги, необходимо было его переработать. И вотъ, первою страстною заботой каждаго пана стало всѣми правдами и неправдами завладѣть возможно бо́льшимъ числомъ мельницъ и мѣстъ, для нихъ удобныхъ, а затѣмъ и понастроить винокурень съ возможно бо́льшимъ количествомъ казановъ, т.-е. винокуренныхъ котловъ. Свобода винокуренія, предоставленная московскимъ правительствомъ украинскому народу, была такою важной привиллегіей, что, конечно, та болѣе обезпеченная часть населенія, которая могла извлекать изъ этой привиллегіи непосредственныя выгоды, дорожила ею не менѣе, чѣмъ всѣми своими политическими правами и преимуществами. Водка распродавалась и на мѣстѣ по

шинкамъ, выдерживала и отдаленную перевозку; паны даже брали ее для распродажи съ собой въ походы, и куда бы случайности войны ни загоняли нашихъ воиновъ—всюду находилъ себѣ рынокъ этотъ ходкій товаръ. Вторымъ предметомъ торговыхъ оборотовъ былъ скотъ, главнымъ образомъ волы, которые такъ отлично выпасались «вольни, нехранимы» на безграничномъ свободномъ степу. Скотъ гоняли въ Москву, Петербургъ, гоняли и за границу: главными заграничными мѣстами сбыта были Гданскъ и Шленскъ (Данцигъ и Силезія). Иной хозяйственный складъ представляла сѣверная полоса края собственно такъ-называемый стародубскій полкъ. Здѣсь имѣло мѣсто разведеніе промышленныхъ растеній, главнымъ образомъ конопли; болѣе скудная почва, песчаная и болотистая, покрытая лѣсами, давала побужденіе искать въ землѣ иныхъ источниковъ дохода. Предпріимчивость обратилась на устройство руденъ (заводы для добыванія и обработки желѣзной руды), будъ (поташныхъ) и гутъ (стеклянныхъ заводовъ); бортное пчеловодство, исконный мѣстный промыселъ, также обратило на себя вниманіе пановъ, которые стали захватывать въ свои руки борти. Уряды стародубскаго полка, въ особенности, конечно, стародубское полковничество, стали считаться завиднѣйшими изъ урядовъ. Пунктами сбыта, въ особенности для пеньки, служили Рига и Кенигсбергъ. Наконецъ, для всего края издавна были проторены торговые пути на югъ, въ Крымъ, куда также находили свой сбытъ различные продукты и откуда вывозилась главнымъ образомъ соль.

Бѣглыми и сухими чертами отмѣтили мы направленіе хозяйственной дѣятельности будущаго малорусскаго панства. Но если заглянуть въ дневники, письма и т. п. документы этой эпохи, почувствуешь напряженіе жизненнаго пульса, бьющаго въ этихъ отмѣткахъ, записяхъ, извѣстіяхъ о цѣнахъ на пеньку въ Ригѣ, о волахъ, проданныхъ по такой-то цѣнѣ въ Гданскѣ, о куфахъ водки, отправленныхъ въ Сулакъ. Нужны были крайне деньги, и онѣ стекались потихонечку да помаленечку, и собирались не въ дворянскіе «атласные дырявые карманы», а въ крѣпкія кишени, которыя не такъ-то легко выпускали то, что̀ разъ попало въ нихъ, развѣ что на подарки и угощеніе сильнымъ міра сего и на покупку земли.

Земля была дешева, какъ мы только-что сказали: объ этомъ свидѣтельствуетъ масса сохранившихся актовъ земельной купли-продажи. Но, тѣмъ не менѣе, на пути къ составленію крупныхъ земельныхъ владѣній часто лежали большія препятствія. Чтобы соста-

вить настоящее владѣніе, цѣнное въ хозяйственномъ отношеніи, надо было, конечно, не просто зря покупать землю, а скупать или прикупать ее, расширяя и закругляя первоначальное, обыкновенно очень незначительное, хозяйственное ядро. Будущіе малорусскіе дворяне, вѣроятно, больше чѣмъ понимали—чувствовали, что именно здѣсь, въ этомъ расширеніи и округленіи земельныхъ владѣній, ключъ къ росту и значенію не только личному, но и групповому, сословному. На этомъ пунктѣ они чуть не отрѣшались отъ своей національной несчастной черты—постояннаго тяготѣнія къ разрозненности и раздробленію, чуть не выростали до полнаго пониманія солидарности своихъ интересовъ. По крайней мѣрѣ, есть указанія на то, что паны не только старались не вторгаться перекуплями въ районы взаимныхъ владѣній, но и помогали другъ другу въ округленіи владѣній. Выработалось даже нѣчто въ родѣ обычно-правовой нормы, въ силу которой никто въ районѣ владѣній извѣстнаго пана не смѣлъ продавать земли никому помимо этого пана. Въ свою очередь, гетманы, плоть отъ плоти и кость отъ костей того же панства, вполнѣ сочувствовавшіе его интересамъ, дѣйствовали въ его пользу по мѣрѣ силъ и возможности: не боялся отказа панъ, обращающійся къ гетману съ просьбою разрѣшить занять всякое удобное и свободное мѣстечко, могущее служить къ округленію панскаго владѣнія.

Но ни панское взаимное содѣйствіе, ни гетманская власть не могли устранить иныхъ препятствій. Центральное правительство относилось очень неблагосклонно къ скуплѣ земель, какъ свободныхъ посполитскихъ, пока были еще свободные посполитые, такъ и козачьихъ. И не могло быть иначе: государственный интересъ требовалъ, чтобы земля не выходила изъ тягла и службы. Такой слабый гетманъ, какъ Скоропадскій, надъ которымъ постоянно тяготѣла рука Петра, самъ издавалъ универсалы съ цѣлью прекратить скуплю; но другіе гетманы, какъ напр. Полуботокъ и Апостолъ, были за-одно съ панами и, наоборотъ, дѣйствовали такъ, чтобы парализовать правительственныя мѣры противъ скупли. Такимъ образомъ, изъ Петербурга шелъ указъ за указомъ, запрещающій скуплю, а скупля шла себѣ да шла своимъ порядкомъ. Бывало и такъ, что ослушниковъ, какимъ-нибудь образомъ подвернувшихся подъ правительственную руку, предавали суду; подобное случилось съ нѣжинской старшиной въ 1741 г., хотя она все-таки была прощена, только земля была отобрана безъ вознагражденія. Но тѣмъ не менѣе паны покупали, разумѣется, не безъ нѣкотораго трепета: нельзя имъ было рости безъ этого. «Пожалуйте, мосцѣ добродѣю, »

скупляхъ постарайтеся, гдѣ надлежитъ, чтобъ были сохранены, понеже не одного мене тое долягаетъ, но почитать безъ виключенія всѣхъ»,—такъ пишетъ одинъ панъ другому, пребывающему по дѣламъ въ Москвѣ [1]). Гетманъ Разумовскій, обреченный и внутренними своими свойствами, и внѣшнимъ положеніемъ на то, чтобъ сидѣть между двухъ стульевъ, придумалъ такой компромиссъ: запретилъ скупать козачьи грунты цѣликомъ — свободныхъ посполитыхъ къ этому времени панство уже поглотило,—но разрѣшилъ покупать ихъ «малою частью». Конечно, положеніе дѣлъ едвали бы мѣнялось такимъ распоряженіемъ, еслибъ даже оно и исполнялось. А могло ли оно исполняться при такомъ, напр., отношеніи власти къ своимъ распоряженіямъ. Одинъ изъ панскаго легіона, нѣкій Ханенко, проситъ у Разумовскаго утвердить скупли его отца. Разумовскій въ своемъ универсалѣ заявляетъ, что это скупли незаконныя, которыя слѣдовало бы отобрать, но тѣмъ не менѣе, «респектуя на службы» и иныя заслуги просителя, оставляетъ за нимъ эти противозаконныя скупли въ вѣчное владѣніе [2]). Въ концѣ концовъ, паны остались, какъ и слѣдовало ожидать, при своихъ скупляхъ.

Но съ петербургскими указами легче было справиться, чѣмъ съ какимъ-нибудь упрямымъ козакомъ, который врѣзался съ своимъ участкомъ въ средину панскаго владѣнія или сидѣлъ по несомнѣннѣйшимъ документамъ на части мельницы, скупленной паномъ, и т. п. Малоруссъ упрямъ по природѣ; къ тому же, какъ исконный земледѣлецъ, онъ привязанъ къ своему клочку и естественно наклоненъ относиться къ нему не такъ, какъ къ простому предмету купли-продажи. Какъ ни велика была власть урядника, напр. полковника или сотника, совмѣщавшихъ въ своемъ лицѣ и военачальниковъ, и администраторовъ, и судей, надъ простымъ рядовымъ козачествомъ, но и ея часто не хватало, чтобъ склонить какого-нибудь маленькаго владѣльца на добровольную сдѣлку. И видѣлъ себя вынужденнымъ панъ урядникъ сломить рога строптивому.

Вотъ мы подходимъ вплотную къ той темной сторонѣ предмета, которой не можетъ обойти добросовѣстный историкъ, какихъ бы общественныхъ взглядовъ и симпатій онъ ни держался. Вмѣстѣ съ г. Лазаревскимъ, который посвятилъ десятки лѣтъ добросовѣстнаго труда детальному выясненію фактической стороны происхожденія большей части малорусскихъ крупныхъ дворянскихъ родовъ, мы

[1]) Архивъ Сулимъ, № 152.

[2]) Обозрѣніе Румянцовской описи. изд. Черниг. Губ. Стат. Комитета, стр. 761—2.

должны признать, что малорусское панство выросло на всяческихъ злоупотребленіяхъ своею властью и положеніемъ. Насиліе, захватъ, обманъ, вымогательство, взяточничество—вотъ содержаніе того волшебнаго котла, въ которомъ перекипала болѣе удачливая часть козачества, превращаясь въ благородное дворянство. Съ своей стороны мы прибавимъ: у него не было другого пути. Конечно, можно бы спросить: было ли тамъ неизбѣжно необходимо — съ исторической ли, общественной, нравственной или иной какой точки зрѣнія— войсковому уряду превращаться въ дворянство? Но чтобъ избѣжать риску заблудиться безповоротно въ дебряхъ подобныхъ вопросовъ, лучше избѣжать соблазна ихъ ставить.

Непривлекательный видъ кулака и міроѣда являетъ собою панъ, когда онъ, какъ напр. отецъ Даніила Апостола, въ дорогой годъ даетъ деньги нуждающимся, которые берутъ ихъ, «чтобъ дѣтокъ своихъ голодною смертію не поморити», и затѣмъ отбираетъ землю за эти деньги [1]; или, какъ Тернавскій, Лизогубъ отнимаетъ землю за долгъ, напитый въ гостепріимномъ панскомъ шинкѣ [2]; или какъ Гамалѣя—«привозитъ въ село горѣлки и всякаго яствія», сбираетъ народъ, въ томъ числѣ «старинныхъ людей», всѣхъ чествуетъ и «подъ веселую мысль» проситъ, чтобъ уступили ему «общевольную дубраву» [3]; такимъ образомъ, Гамалѣя пріобрѣтаетъ землю даромъ, въ то время какъ полковникъ Свѣчка, «не хотячи себѣ ничего дарма взяти у поссессію свою», на самомъ же дѣлѣ, чтобъ попрочнѣе закрѣпитъ пріобрѣтеніе, покупаетъ у громады за двѣсти талеровъ десятки верстъ побережья Сухой Оржицы [4], и т. д., и т. д. Конечно, все это были дѣйствія, съ одной стороны, не предусматриваемыя уголовными законами, съ другой — не только не порицаемыя, но можетъ быть и одобряемыя общественнымъ мнѣніемъ своей группы, единственнымъ, которымъ человѣкъ обыкновенно дорожитъ серьезно. Но паны видѣли себя вынужденными далеко переходить за барьеръ этого — относительно дозволеннаго — на ту территорію, которую всегда болѣе или менѣе строго отгораживалъ правовой смыслъ всякаго человѣческаго общества. Можно думать, что и здѣсь паны находили себѣ поддержку въ атмосферѣ того же снисходительнаго общественнаго мнѣнія; иначе трудно объяснить себѣ ту массовую беззастѣн-

[1]) Лазаревскій, Очерки малорусск. фамилій. Русск. Архивъ. 1875. кн. 1-я.
[2]) Обозрѣніе Румянцовской описи. стр. 77.
[3]) Русск. Архивъ. 1875. кн. 4.
[4]) Кіевск. Стар.. 1882. кн. 8.

чивость, съ какой дѣйствовали люди, не сплошь же лишенные нравственныхъ инстинктовъ разумѣнія добра и зла.

Панъ жаждетъ пріобрѣсти кусокъ земли, принадлежащій козаку или посполитому: тотъ рѣшительно не хочетъ отъ него отступиться. Панъ пробуетъ ласку, просьбу, угрозу, взываетъ къ своей власти: «знать ты противишься власти нашей!» Ничто не помогаетъ. Остается одно: залучить какъ-нибудь непокорнаго, написать купчую, насильно поставить рукою продавца крестъ, а деньги, по своей оцѣнкѣ, вкинуть за пазуху—и сдѣлка готова. Акты свидѣтельствуютъ, что паны нерѣдко такимъ способомъ совершали земельныя купли-продажи. Или, напр., раздаетъ Лизогубъ нуждающимся деньги взаймы, какъ это обыкновенно дѣлали паны, и даетъ, между прочимъ, козаку Шкуренку 50 золотыхъ (10 рублей). «Дай мнѣ въ арештъ грунта свои, а я буду ждать долга, пока спроможешься съ деньгами». «Я и отдалъ», разсказываетъ козакъ, «свой грунтикъ, но не во владѣніе, а въ застановку (въ закладъ). А какъ пришелъ срокъ уплаты, сталъ я просить Лизогуба подождать, пока продамъ свой скотъ, который нарочно выготовилъ для продажи. А Лизогубъ задержалъ меня въ своемъ дворѣ и держалъ двѣ недѣли, требуя отдачи долга. Со слезами просилъ я отпустить меня домой, такъ какъ жена моя лежала на смертной постели. Но Лизогубъ тогда же вмѣстѣ со своимъ господаремъ (управляющимъ) оцѣнилъ мой грунтикъ и насильно послалъ меня къ конотопскому попу, говоря: «иди къ попу, и какъ попъ будетъ писать—будь при томъ». Попъ написалъ купчую, но безъ свидѣтелей съ моей стороны и безъ объявленія въ ратушѣ. Такъ панъ Лизогубъ и завладѣлъ моимъ грунтомъ, хотя я и деньги ему потомъ носилъ» [1]).

И попробуй затѣмъ продавецъ доказать неправильность сдѣлки. Всякая власть, къ которой онъ долженъ обратиться, есть панъ; всякій панъ знаетъ хорошо пословицу: «рука руку моетъ», прекрасно понимаетъ всю закулисную сторону дѣла и глубоко сочувствуетъ положенію своего собрата, вынужденнаго прибѣгать къ такому непріятному и хлопотливому способу устроивать сдѣлки. Разумѣется, отъ такой насильственной покупки уже полъ-шага до прямого, ничѣмъ не прикрытаго, насилія. Еще въ XVII вѣкѣ, когда значеніе массы было несравненно больше, чѣмъ въ XVIII в., когда полковники даже подлежали суду своихъ полчанъ, и тогда имъ случалось «силомоцю посѣдати людскіе грунта». А ужъ позже, когда они стали назна-

---

[1]) Кіевск. Стар.. 1882. I.

чаться гетманами или русскимъ правительствомъ, являясь въ своемъ полку иногда настоящими бичами божіими, какъ напр. Милорадовичъ, насиліе стало практиковаться въ очень беззастѣнчивыхъ и очень широкихъ размѣрахъ. «Гдѣ было какое годное къ пользѣ людской мѣсто, все онъ (полк. Горленко, любимецъ Мазепы) своими хуторами позанималъ; а дѣлалъ это такъ, что одному заплатитъ, а сотни людей должны неволею свое имущество оставлять. Куда ни глянешь, все его хутора, и все будто купленные, а купчія беретъ, хотя и не радъ продавать» [1].

Рядомъ съ захватомъ—на законномъ и на незаконномъ основаніи—имущества частныхъ лицъ, шло усиленное расхищеніе общественнаго достоянія. Мы уже не говоримъ о заимкахъ свободныхъ земель; заимки эти, въ началѣ стѣсненныя господствовавшимъ въ первое время народнымъ правовымъ смысломъ, не позволявшимъ захватывать землю иначе какъ фактическимъ, трудовымъ захватомъ, затѣмъ, съ устраненіемъ народа на задній планъ, стали практиковаться въ такихъ размѣрахъ, что уже въ половинѣ XVIII-го столѣтія почти не оставалось свободныхъ земель; земли не заселялись, а просто разбирались панами въ чаяніи будущихъ благъ. Земельный народный фондъ, единственное обезпеченіе будущихъ поколѣній, исчезъ безслѣдно. Но захватъ земель, свободныхъ и пустыхъ, все-таки не такъ оскорблялъ правовое чувство, какъ расхищеніе ранговыхъ маетностей.

Ранговыя маетности—тѣ населенныя земли, доходъ съ которыхъ, главнымъ образомъ, въ видѣ обязательнаго труда населенія, шелъ вмѣсто жалованья войсковымъ чинамъ. Земля оставалась собственностью населенія. Но паны принялись за аттаку ранговыхъ маетностей съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, они старались лишить и въ концѣ-концовъ, конечно, лишили посполитыхъ правъ собственности на эту землю; съ другой, каждый панъ стремился обратить ранговую маетность, т. е. собственность войсковую, въ свою личную, наслѣдственную, и если только пользовался расположеніемъ сильныхъ міра сего, т. е. имѣлъ связи при дворѣ, знакомство съ вельможами или былъ просто-на-просто хорошъ съ гетманомъ или великорусскими правителями Малороссіи, то всегда и успѣвалъ. Такимъ образомъ и ранговыя маетности шли, а въ концѣ-концовъ и ушли, вслѣдъ за свободными землями, на расширеніе и округленіе панскаго владѣнія.

Но пріобрѣсти такъ или иначе землю—это было еще полдѣла:

---

[1]) Русск. Арх. 1875, кн. 9.

надо было ее закрѣпить за собой. Всякое пріобрѣтеніе само по себѣ было крайне шатко. Ранговую маетность, даже перешедшую по наслѣдству, всегда могъ оттягать другой войсковой чинъ, ссылаясь на ея общественный характеръ; занятую свободную землю, хотя бы занятую и съ законнаго разрѣшенія, могъ оттягать и сосѣдъ, которому она была также нужна, и громада, изъ земельнаго фонда которой она была извлечена; даже купля съ несомнѣннѣйшими документами—и та сама по себѣ не гарантировала вполнѣ прочности владѣнія, если только она встрѣчалась съ интересами лица болѣе сильнаго. Если кто-нибудь, ведя тяжбу, убѣждался, что его сторона не возьметъ верхъ, то онъ уступалъ свои права вліятельному лицу, и такимъ образомъ донималъ противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, потому что чашка его правъ тотчасъ же начинала перевѣшивать [1]. Все было шатко, непрочно, все зависѣло отъ случайности и произвола, отъ того, кто раньше подсунетъ нужному лицу пріятный подарокъ, съумѣетъ лучше угостить это нужное лицо, успѣетъ съ нимъ покумиться и т. п. Никакой панъ, сидя на благопріобрѣтенныхъ маетностяхъ, не могъ быть увѣренъ, что такая или иная перемѣна въ Петербургѣ, смѣна гетмана или правителя, не лишитъ его если не всего, то хоть части его пріобрѣтеній, совсѣмъ даже помимо какихъ-либо политическихъ или иныхъ его провинностей, просто потому, что его благопріобрѣтеніе приглянется другому, болѣе сильному или ловкому. Единственной гарантіей прочности, и то далеко не полной, хотя все-таки практически удовлетворительной, была царская грамота на владѣніе, въ меньшей мѣрѣ гетманскій универсалъ. Конечно, выхлопотать царскую грамоту было нелегко: много было надо на это времени, хлопотъ въ Петербургѣ, а главное поклоновъ и подарковъ. Но зато самое сомнительное право, граничащее съ беззастѣнчивѣйшимъ самоуправствомъ, могло укрываться и дѣйствительно укрывалось за царской грамотой, какъ за каменной стѣной. Оттого добиться царской грамоты было мечтой каждаго пана; заграмотныя или просто «грамотныя» маетности цѣнились чрезвычайно.

V.

Мы говорили исключительно о землѣ. Но права на землю такъ тѣсно переплетались съ правами на обязательный трудъ населенія, сидящаго на этой землѣ, что трудно и разграничить эти два предмета—или скорѣе двѣ стороны одного и того же предмета.

[1]) Архивъ Сулимъ, № 155.

Исходный пунктъ положенія, послѣ Хмельницкаго, указанъ нами выше: вся земля была совершенно свободна; свободенъ былъ и человѣкъ, которому предстояло занять эту землю. Прошло столѣтіе. Что сталось съ землей—видно и изъ предъидущей главы; а свободный земледѣлецъ, которому переворотъ открывалъ, казалось, такую лучезарную перспективу?

Болѣе сильная экономически часть свободныхъ земледѣльцевъ успѣла, подъ именемъ козаковъ, сохранить свою свободу; но зато болѣе слабая часть, такъ называемые посполитые, очутились въ полной зависимости отъ пановъ. Любопытно, что весь этотъ процессъ совершился чисто фактическимъ, а не юридическимъ путемъ, безъ всякаго вмѣшательства, по крайней мѣрѣ, непосредственнаго вмѣшательства государственной власти. Указъ 3 мая 1783 г., съ котораго считаютъ крѣпостное право въ Малороссіи, лишь далъ санкцію, а вмѣстѣ съ нею, конечно, и устойчивость, существующему положенію,—не больше.

Если войсковой урядъ для превращенія въ дворянство не могъ обойтись безъ земли, то онъ не могъ, конечно, обойтись и безъ обязательнаго труда. Съ одной стороны, по понятіямъ времени, пользованіе обязательнымъ трудомъ входило необходимой составной частью въ понятіе дворянской привиллегированности; съ другой, и въ силу экономическихъ условій, невозможно было крупному землевладѣльцу вести хозяйство безъ обязательнаго труда. Предложеніе свободныхъ рабочихъ рукъ было слишкомъ ничтожно, и мало-мальски усиленный спросъ поднялъ бы тотчасъ же цѣны до полной невозможности продолжать дѣло. Но какимъ образомъ могъ войсковой урядъ закрѣпить за собой свободное населеніе, еще такъ недавно освободившееся «отъ ига лядскихъ пановъ», по тогдашнему выраженію, еще полное сознанія совершеннаго имъ дѣла и пріобрѣтенной свободы? Никакихъ правовыхъ средствъ для этого у него въ рукахъ не было. На русское правительство нечего было въ данномъ случаѣ разсчитывать: какъ союзъ Малороссіи съ Россіей возникъ въ силу тяготѣній къ нему массы, такъ и дальнѣйшая политика русскаго правительства, вплоть до второй половины XVIII-го столѣтія, имѣла демократическій характеръ, не допускавшій никакой рѣшительной мѣры, направленной въ интересахъ привиллегированнаго сословія противъ непривиллегированнаго.

И однакожъ панскій интересъ, поддерживаемый взаимной солидарностью и относительной организованностью панства, какъ правящей группы,—поддерживаемый, конечно, также независимо отъ какой-

либо политической тенденціи самымъ строемъ русскаго государства,—былъ настолько сильнѣе народной слѣпоты и разрозненности, что свершилось то, чего довольно трудно было ожидать: народъ, только-что освободившійся изъ-подъ ига лядскихъ пановъ, самъ подставилъ шею подъ иго своихъ пановъ, которые часто были, по его же собственному сознанію, «хуже лядскихъ».

Конечно, выраженіе: «народъ самъ подставилъ шею», не совсѣмъ точно: точнѣе сказать, онъ по своей пассивности не замѣтилъ, какъ панство помемножку втянуло его въ ярмо. Шло дѣло къ этому своему окончательному результату двумя совсѣмъ различными путями, тѣми же, впрочемъ, по существу, несмотря на различіе формы, какими шелъ аналогичный процессъ и въ Великой Россіи, съ тою разницей, что онъ здѣсь растянулся на нѣсколько столѣтій, а въ Малой весь закончился меньше чѣмъ въ одно столѣтіе. Эти два различные пути были такіе. Съ одной стороны, панство лишало свободныхъ земледѣльцевъ ихъ земли и свободы; съ другой, садило свободныхъ, но безземельныхъ людей, по договору, на свои пустыя земли, а затѣмъ прикрѣпляло ихъ къ этой землѣ.

Въ основаніе процесса легли, какъ это и можно было ожидать, ранговыя маетности.

При Богданѣ Хмельницкомъ войсковой урядъ не смѣлъ ничего себѣ назначить въ вознагражденіе за свой трудъ управленія, кромѣ мельницъ. Но уже скоро послѣ Хмельницкаго стали раздаваться на уряды населенныя земли. Впрочемъ, раздача эта не заключала въ себѣ ничего иного, кромѣ права на обязательный трудъ населенія, сидящаго на этой землѣ, и то права крайне ограниченнаго: напримѣръ, на подданныхъ лежало гаченье плотинъ, уборка сѣна и доставка дровъ на панскій дворъ [1])—и только. Вообще, надо думать, что размѣры этихъ повинностей при сообразлялись къ тому, что платило или отбывало остальное свободное населеніе въ пользу войскового скарба. Тотъ фактъ, что населеніе этихъ земель отбывало свои повинности не въ пользу войскового скарба, а въ пользу пана полковника или пана осаула, не должно было ничѣмъ отражаться на личной свободѣ земледѣльца, ни на его правахъ на землю, которая была его полной собственностью. Но первый комъ снѣга былъ пущенъ по наклонной плоскости и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій выросъ въ снѣжную гору, задавившую всѣ посполитскія воль-

[1]) Лазаревскій. Посполитые крестьяне. 30.

ности. Тоненькая ниточка зависимости, первоначально связавшая пана съ посполитымъ, обратилась въ мертвую петлю. Чрезвычайная быстрота, съ какой пошелъ процессъ, объясняется, кромѣ связи съ русскимъ государственнымъ организмомъ, уже имѣвшимъ развитое крѣпостное право, и тѣмъ фактомъ, что лица, успѣвшія захватить въ свои руки ниточку, къ которой привязана была свобода—личная и имущественная—населенія, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, администраторами, судьями—однимъ словомъ, полновластными правителями того же самаго населенія. Между какимъ-нибудь московскимъ испомѣщеннымъ боярскимъ сыномъ и населеніемъ, на тягло и службы котораго онъ получалъ право, какъ-ни-какъ, а все-таки стояло государство и его агенты; между посполитымъ и паномъ полковникомъ или сотникомъ не было никого. Пришло и тутъ и тамъ къ одному, но пришло тамъ въ сотни лѣтъ, тутъ—въ какіе-нибудь десятки.

Даже не зная фактовъ, легко представить себѣ, какъ шло дѣло. Количество обязательнаго труда въ пользу пана все увеличивалось, стремясь, при отсутствіи противодѣйствія, къ своему естественному предѣлу, какой кладется минимальнымъ уровнемъ потребностей и привычекъ населенія, ниже котораго оно уже не сможетъ или не захочетъ опуститься. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ростетъ и личная зависимость подданнаго отъ пана, какъ прямой и необходимый результатъ двойной зависимости отъ него, какъ господина и правителя. Къ землѣ подданный привязанъ и безъ того: вѣдь она его собственность. Но какое значеніе могъ имѣть этотъ фактъ, когда собственникомъ земли былъ человѣкъ, лишенный перваго изъ личныхъ правъ—права распоряжаться своимъ трудомъ? Мало-по-малу паны начали толковать универсалы и грамоты на ранговыя или жалуемыя маетности не въ первоначальномъ смыслѣ права на распоряженіе извѣстнымъ количествомъ труда населенія, сидящаго на этихъ земляхъ, а въ смыслѣ полнаго права собственности и на самую землю. Встрѣчныя права посполитыхъ, иногда также утверждаемыя законными документами, хотя въ большинствѣ случаевъ, конечно, лишенныя юридическихъ закрѣпленій, теряли передъ этими универсалами и грамотами всякое значеніе. Такимъ образомъ, быстро, но все-таки съ извѣстной постепенностью, безъ рѣзкихъ насилій, безъ всякихъ рѣшительныхъ мѣропріятій со стороны законодательной власти, свободные земледѣльцы превратились въ зависимыхъ. При этомъ, разумѣется, не обошлось и безъ массы прямыхъ значительныхъ злоупотребленій. Напр., выпрашиваетъ войсковой канцеляристъ Романовичъ у гетмана Скоропадскаго за свою «службу» при описи раскольничьихъ слободъ право на то, чтобъ

крестьяне села Случка обработывали принадлежащую ему въ этомъ селѣ «чвертку» земли. Изъ этого маленькаго факта черезъ три только года выростаетъ такое положеніе: «село старинное ратушное Случокъ объялъ въ подданство панъ Романовичъ и тимъ бѣднымъ людемъ не даетъ отпочинку; по цѣлой недѣлѣ загнанніе въ Погаръ (за три милѣ) матери его отправуютъ великія работизны безъ перемѣны; а другіе тутъ на мѣстцѣ не зиходять зъ пригону, будують, бруся возять, пашуть, на сторожу по два человѣка ходять на отмѣну, а когда ѣдетъ до города, то беретъ у людей коней у подводы, изъ каждого двора по возу беретъ сѣна, посопъ (отсыпъ) хлѣбный и поборъ приказалъ себѣ готовити»[1]... Или позволяетъ полковникъ сотнику взять изъ крестьянъ села четырехъ человѣкъ «для домовой прислуги»: этого оказывается достаточнымъ, чтобы сначала оказалось въ подчиненіи сотника все крестьянское населеніе села, а затѣмъ и все село въ полномъ его составѣ переходитъ во власть сотника[2]). Однимъ словомъ, постоянно разыгрывается въ лицахъ сказка о волкѣ, который позволилъ положить лисицѣ одну лапу въ свою хату; какъ разъ то, что выражаетъ собою малорусская пословица: «дай панові пучку (палецъ), а вінъ и за ручку». Но, собственно, рѣзкія насилія и выдающіяся злоупотребленія не составляютъ характерной черты этого процесса: весь онъ, несмотря на быстроту, закончился относительно спокойно, почти безъ сопротивленія и протестовъ со стороны посполитыхъ. Зато панамъ выпало-таки порядкомъ хлопотъ при обращеніи козаковъ въ подданные.

Во II главѣ мы сказали, что послѣ Хмельницкаго первое время не было разницы между козакомъ и посполитымъ, кромѣ чисто фактической: кто хотѣлъ и могъ быть козакомъ — вписывался въ козацкіе компуты и отправлялъ военную службу; кто не хотѣлъ или не могъ — оставался посполитымъ. Это чисто фактическое различіе къ началу XVIII-го стол. обратилось уже въ юридическое: образовались двѣ сословныя группы, хотя все еще равныя по своимъ личнымъ и имущественнымъ правамъ. Переходы были еще возможны, но уже до нѣкоторой степени затруднены юридической стороной положенія. Параллельно шедшій процессъ надавливанія панства на посполитыхъ съ каждымъ шагомъ своимъ все углублялъ и углублялъ борозду, разграничивавшую эти двѣ сословныя группы. Крайне жаль, что нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить относительныя

1) Лазаревскій. Стародубскій полкъ, 164.
2) Тамъ же. 164.

цифры козачества и посполства къ началу XVIII-го вѣка. Какъ бы то ни было, панамъ, очевидно, не хватало посполитыхъ, иначе они не гнались бы такъ за хлопотливымъ дѣломъ обращенія въ подданные козаковъ. Хлопотливость обусловливалась тѣмъ, что за козаковъ были законы, («Литовскій Статутъ»), какъ они ни были неопредѣленны и шатки, былъ обычай, наконецъ было даже и русское правительство; свобода же посполитыхъ, существовавшая въ началѣ какъ фактъ, не была гарантирована буквой закона, ни традиціей, ни центральной властью, какъ она ни стремилась быть демократичной: посполитый есть мужикъ, а что такое мужикъ—Петербургъ это зналъ. Противъ свободы посполитыхъ, какъ голаго факта, выступилъ другой фактъ—потребность привиллегированнаго сословія въ обязательномъ трудѣ, и болѣе сильное взяло верхъ. Свобода козаковъ была особь-статья, и если панство рѣшилось воевать и съ нею, то, значитъ, ему дѣйствительно было слишкомъ мало посполитыхъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что тутъ все переплетается съ вопросомъ о землѣ, и трудно сказать, былъ ли въ томъ или другомъ случаѣ нуженъ пану самъ козакъ или его земля.

Хаотическое состояніе общества, невыясненность и неопредѣленность всѣхъ общественныхъ отношеній давали постоянно предлоги и поводы панству «ухватывать за ручку» и козака. Больше всего мутило воду, чтобъ панамъ удобнѣе было ловить рыбу, то, что движеніе земельной собственности между посполитыми—пока паны еще не закрѣпили ихъ окончательно—и козаками было свободно. А между тѣмъ отправленіе тѣхъ или иныхъ повинностей, козацкихъ или посполитскихъ, связано было болѣе съ землей, чѣмъ съ лицомъ. Какъ быть, если козакъ продавалъ или иначе какъ-нибудь отчуждалъ свой «козацкій грунтъ» посполитому? какъ быть, если козакъ оказывался владѣющимъ посполитскимъ грунтомъ? Однимъ словомъ, путаница выходила страшная, и паны имѣли полную возможность, какъ господа, судьи и администраторы, въ каждомъ данномъ случаѣ поворачивать дѣло такъ, какъ имъ было удобнѣе. Болѣе сильные изъ нихъ, напр. вліятельные полковники, имѣвшіе сильную руку у пана гетмана, а еще лучше прямо въ Петербургѣ, не нуждались въ мутной водѣ, а прямо брали свое, гдѣ оно имъ полюбится. «Мы купили себѣ козацкіе плецы для житя и хотѣли козацкую службу служить, такъ якъ и отецъ нашъ, но поневже тое село было за разними панами полковниками Чернѣговскими въ подданствѣ и нельзя было такъ сильной власти противиться, ибо не токмо намъ невозможно было, але въ нѣкоторыхъ маетностяхъ и

зажилые старые козаки подвернены были въ подданство, а другіе въ боярскую службу, того ради мусѣли усиловне отбувать подданскую повинность» [1]), —такъ жалуются одни изъ массы козаковъ, обращаемыхъ въ подданство. Но такой львиный способъ дѣйствій, приличный гетману или сильному полковнику, былъ не по чину лицамъ низшаго войскового уряда. Имъ приводилось или придираться къ путаницѣ положенія, или самимъ его спутывать, а затѣмъ приводить дѣло къ концу или при помощи законной власти, или при помощи насилія, вплоть до настоящаго мучительства: приковыванія на арматѣ, привязыванія къ сволоку за руки или стремглавъ [2]) и т. п. Чаще всего дѣлалось такъ. Панъ прежде всего отбиралъ землю за просроченный долгъ, какъ это было показано въ предъидущей главѣ. Обезземеленнаго козака онъ принималъ къ себѣ подсосѣдкомъ, оставляя его жить на той же самой землѣ, которую онъ уже обратилъ въ свою собственность; а потомъ принуждалъ его отбывать повинности наравнѣ съ подданными, угрожая въ противномъ случаѣ выгнать со двора. Впрочемъ, способы были различны. Напримѣръ, былъ обычай, чтобъ лицамъ войскового уряда опредѣлять извѣстное число «куренчиковъ», т. е. козаковъ, «до всякихъ къ покоямъ службъ и до посилокъ з письмами», нѣчто въ родѣ деньщиковъ: этихъ куренчиковъ, пользуясь ихъ зависимымъ положеніемъ, паны обращали въ подданныхъ и т. д. Способы различны, результатъ одинъ. Архивы лѣвобережной Украины переполнены жалобами козаковъ на пановъ, обратившихъ ихъ изъ козацкой службы въ «послушенство»: все это такъ называемыя дѣла «объ ищущихъ козачества». Русское правительство довольно рано обратило вниманіе на эти дѣйствія войскового уряда, въ которыхъ видѣло злоупотребленія, вредящія государственнымъ интересамъ: вмѣстѣ съ запрещеніемъ скупли козачьихъ земель, запрещалось и обращеніе козаковъ въ подданство. Но судьба и тѣхъ и другихъ запрещеній была одна и та же.

Итакъ, свободные землядѣльцы—посполитые въ полномъ своемъ составѣ, козаки частью — составили первую категорію зависимаго населенія: но панство имѣло и еще способъ обезпечивать за собой обязательный трудъ населенія, подготовлять себѣ въ немъ будущихъ крѣпостныхъ. Этотъ способъ былъ: заселеніе пустыхъ земель, по договору, свободными людьми.

Какъ только положеніе вещей открыло къ тому возможность,

[1]) Архивъ Сулимъ, № 178.
[2]) Кіевск. Стар. 1882, № 3. Лазаревскій, Очерки, и пр., Милорадовичи.

панство начало усиленно пріобрѣтать пустыя земли. Имѣя въ распоряженіи такую землю, панъ обращался къ гетману за разрѣшеніемъ осадить на этой землѣ слободу, и обыкновенно не получалъ отказа. Въ XVII-мъ вѣкѣ разрѣшеніемъ опредѣлялось число людей, которое можно было посадить, напримѣръ человѣкъ десять. Но позже гетманы, въ огражденіе интересовъ какъ казны, такъ и остального панства, ставили лишь такое ограниченіе: чтобъ на новую слободу созывались люди «непенные лечъ съ заграницы захожіе» (изъ-за Днѣпра, изъ польской Украины), или если это были люди мѣстные, то, «жебы не были господари изъ жилищъ осѣдлыхъ на певныхъ селахъ маючихся для вольности слободской оттоль ухилялися, але жебы люди вольные, легкіе, жилища и притулиска своего слушного и жадного не маючіе» [1]), а просто «волочачіеся» люди. Конечно, каждый гетманъ, самъ панъ, первый между равными, отлично понималъ, какимъ сильнымъ средствомъ для роста панства были слободы съ одной стороны, но и какъ онѣ могли, при отсутствіи юридическаго прикрѣпленія населенія къ землѣ, съ другой стороны, вредить этому росту, еслибъ онѣ заселялись людьми, которые, въ виду возрастающихъ стѣсненій, кидали свои старыя земли, хотя и собственныя, но ускользающія изъ рукъ, и уходили на новыя, хотя и панскія, но привлекательныя «своею слободскою вольностію». Эта слободская вольность заключалась въ томъ, что панъ, призывая людей на свои земли, договаривался съ ними такъ: на первое время, обыкновенно на нѣсколько лѣтъ, они совсѣмъ освобождались отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, затѣмъ по истеченіи льготныхъ лѣтъ должны были платить легкій чиншъ. Въ болѣе отдаленное будущее договаривающіяся стороны не заглядывали, по крайней мѣрѣ не заглядывали открыто, хотя про себя панъ, умудренный политическимъ опытомъ, могъ кое-что провидѣть, что ускользало отъ менѣе дальнозоркаго слобожанина. Но будущее и само не замедливало разворачивать свои перспективы. Чинши все росли; къ нимъ присоединялись и другія обязательства, и вольность слободская быстро обращалась въ тяжелую, сначала только экономическую, а затѣмъ и юридическую неволю. Какъ это дѣлалось — пусть за насъ говорятъ документы. Вотъ панъ черезъ двухъ осадчихъ «закликаетъ слободу». Свободы дается «на десять лѣтъ и когда выйдутъ тѣ годы, то болшъ никакихъ долегливостей отъ слобожанъ не требо-

[1]) Напр. универсалы Мазепы, Апостола: Обозрѣніе Румянцовской описи. 355, 364, 433.

вать, какъ только давать имъ въ годъ по сто талеровъ, да досматривать тамошній млинокъ и отвозить изъ млинка розмѣръ». Годовой чиншъ панъ начинаетъ требовать уже въ 1719 г., хотя очевидно еще не истекъ условленный срокъ, но тѣ не спорятъ и платятъ. А въ 1727 г. положеніе слобожанъ принимаетъ такой оборотъ. Владѣлица присылаетъ въ слободу и требуетъ, чтобъ ѣхали на панщину въ то село, гдѣ она жила. «Мы не поѣхали», разсказываютъ слобожане, «помня договоръ, чтобы платить только годовой чиншъ по сто талеровъ и быть уже свободнымъ отъ всякой панщины. Понаровивши нѣкоторое время, Даровская (имя владѣлицы) снова прислала намъ приказъ, чтобы ѣхали мы на ту панщину неотмовно; и мы, исполняя тотъ приказъ Даровской яко комендерки своей, выслали на панщину тридцать-пять своихъ парубковъ, которыхъ Даровская приказала всѣхъ безъ исключенія тирански батожьемъ бить, приписуючи вину сію, что за первымъ разомъ не поѣхали на панщину. А потомъ позваны были во владѣльческое село и всѣ мы, хозяева, гдѣ, зазвавши насъ во дворъ, приказала Даровская, по одному оттуда выводя, нещадно кіями бить, отъ котораго бою недѣль по шесть и побольше многіе изъ насъ пролежали» [1]). Конечно, не все панство было такъ энергично, какъ Даровская, хотя подобное утвержденіе своихъ правъ было очень въ духѣ тогдашнихъ пановъ, практиковавшихъ, главнымъ образомъ, на этомъ поприщѣ свои наслѣдственные воинственные инстинкты. Если панъ иногда не обнаруживалъ большой наступательной энергіи, то процессъ обращенія населенія въ зависимое затягивался, но онъ неизбѣжно приходилъ къ тому же своему естественному концу; опять-таки приходилъ, конечно, лишь фактически: земледѣлецъ былъ привязанъ къ панской землѣ своимъ хозяйствомъ, которымъ онъ обзавелся, очень часто задолженностью передъ паномъ, тѣмъ, что ему некуда было дѣться, такъ какъ на новыя слободы не принимали «господарей изъ жилищъ осѣдлыхъ на певныхъ селахъ маючихся»; а иногда распоряженіями, казалось бы, совершенно произвольными, не имѣющими подъ собой никакой правовой подкладки, но тѣмъ не менѣе вполнѣ дѣйствительными, мѣстныхъ властей. А не за горами было и законное юридическое закрѣпленіе.

Вообще, съ людьми, посаженными по договору на землю,—пустую ли, какъ садились на слободы, или же съ устроеннымъ хозяйствомъ, какъ подсосѣдки,—съ такими людьми легче было упра-

---

[1]) Стародубскій полкъ, вып. II, 353.

вляться, легче было приводить ихъ въ вполнѣ зависимое положеніе, подготовлять полное крѣпостное право, чѣмъ съ посполитыми, сидящими на своей собственной землѣ. Отсюда вытекало такое злоупотребленіе, повидимому довольно распространенное, и вызывавшее частыя и горькія жалобы. Панъ, получивъ какимъ-нибудь образомъ въ свое владѣніе населенную маетность—на рангъ ли, въ видѣ ли пожалованія и т. п.,—старался о томъ, чтобы заставить населеніе маетности покинуть свои земли. «Обнявши оное селцо Хмелевку въ подданство», жалуются посполитые на одного изъ подобныхъ пановъ, «немѣрными и несносными работизнами и податками насъ утѣснилъ для того, чтобы смо по слободахъ расходилися, а ему чтобъ грунта наши и дворы остались, яко съ десяти тяглыхъ человѣкъ одинъ только остался человѣкъ; прочіи по слободахъ, оставивши свои осѣдлости, мусѣли разволоктися» [1])... Разумѣется, не мало хлопотъ стоило пану добиться того, чтобъ населенію стало настолько не въ моготу, что оно покидало бы свои родныя батьковскія земли.

Итакъ, закрѣпощеніе населенія шло двумя руслами. Съ одной стороны, посполитые, свободные землевладѣльцы, лишались понемногу и правъ на землю, и личной свободы; съ другой, лично свободные, но безземельные люди, садившіеся по договору на владѣльческія земли, также теряли свои права свободныхъ людей. Знаменитый указъ Екатерины II, 3-го мая 1783, слилъ оба эти теченія въ одно, и они утратили такимъ образомъ свои особенности: въ общей массѣ крѣпостного населенія уже нельзя было разобрать,—да и не къ чему,—кто происходилъ отъ крестьянъ-собственниковъ, кто отъ вольныхъ перехожихъ людей.

Выше было сказано, что указъ Екатерины лишь далъ устойчивость существовавшему положенію,—не больше. Но можно ли сказать это, если только въ силу упомянутаго указа крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, а до тѣхъ поръ сохраняли свободу передвиженія, какъ это принято думать? Въ томъ-то и дѣло, что свобода передвиженія уже задолго передъ указомъ была если не отнята юридически,—такъ какъ этого нельзя было сдѣлать безъ законодательнаго акта, исходящаго отъ верховной власти,—то отнята фактически. А сдѣлалось эта такъ. Паны войскового уряда, господа населенія и правители края, конечно, ощущали постоянно и напряженно, что свобода передвиженія, которая была гарантирована народу, какъ одно изъ его правъ и вольностей,

[1]) Стародубскій полкъ, 165.

хороша лишь до тѣхъ поръ, пока, благодаря ей, можно заставить покинуть свои земли старое населеніе, съ которымъ неудобно имѣть дѣло, и заселить эти земли новымъ. Дальше же этого она есть страшное зло, подводящее постоянно мины подъ всѣ панскія сооруженія, воздвигаемыя съ такими усиліями. Неудивительно поэтому, что войсковой урядъ началъ дѣлать натиски на эту свободу еще въ то время, когда они совсѣмъ еще, повидимому, не оправдывались обстоятельствами, когда посполитому и во снѣ не грезилась его будущая судьба. Такъ сохранился, напр., приказъ Мазепы 1707 г. полтавскому полковнику, чтобы онъ людей, уходящихъ на слободы, «не только переймалъ, грабилъ, забиралъ, вязеннемъ мордовалъ, кіями билъ, лечъ безъ пощадѣння вѣшати розсказовалъ» [1]). Конечно, это можно счесть за выходку «малороссійскаго владыки», желающаго насолить своимъ личнымъ врагамъ, которые осмѣлились, безъ его разрѣшенія, осаживать слободы. Но любопытно, что его гнѣвная мысль принимаетъ именно это, а не иное направленіе. Какъ бы то ни было, уже въ 1739 г. генеральная войсковая канцелярія, пользуясь, вѣроятно, обстоятельствами тогдашняго военнаго времени, считаетъ себя въ правѣ, подъ угрозой смертной казни, запретить переходы, чтобы пресѣчь будто бы такимъ образомъ побѣги за границу. Но русское правительство, слѣдуя своей традиціонной демократической политикѣ, черезъ три года (1742 г.) именнымъ указомъ уничтожаетъ это запрещеніе. Но положеніе теперь уже было иное, чѣмъ при Мазепѣ, всего 35 лѣтъ тому назадъ, и иную силу имѣютъ и приказанія и запрещенія. Несмотря на указъ 1742 г., какъ бы возстановлявшій старыя права посполитыхъ, они уже не могли быть старыми, такъ какъ свершилось нѣкоторое перемѣщеніе соціальнаго центра тяжести: теперь уже даже полковыя канцеляріи рѣшаются въ спорныхъ дѣлахъ съ посполитыми обращаться къ статьямъ Литовскаго Статута, трактующимъ земледѣльца какъ несвободнаго, и на основаніи этихъ статей своею властью ограничиваютъ право перехода [2]). Еще 18 лѣтъ, и гетманъ Разумовскій уже считаетъ возможнымъ узаконить своею властью такое ограниченіе, почти равняющееся запрещенію: чтобъ посполитые, намѣревающіеся оставить владѣльца, не брали съ собой никакого имѣнія, «какъ нажитаго съ владѣльческихъ грунтовъ» и кромѣ того обязательно брали у владѣльца при отходѣ письменное

---

[1]) Русскій Арх. 1875, кн. 8, стр. 408.
[2]) Кіевск. Стар. 1885, кн. 7. Универсалъ Разумовскаго.

свидѣтельство [1]). Такимъ образомъ, и овцы были цѣлы, и волки сыты,—и императорскіе указы соблюдены, и владѣльцы вполнѣ удовлетворены: куда пойдетъ посполитый, ободранный отъ своей движимости, да еще связанный обязательствомъ имѣть письменное свидѣтельство отъ пана? Болѣе энергичная часть населенія, не имѣя права легальнаго перехода, просто бѣжала, куда глаза глядятъ, въ новороссійскія степи, въ Запорожье,—благо по сосѣдству былъ еще земельный просторъ,—чтобъ укрыться отъ панскихъ притязаній [2]).

Какой горькой насмѣшкой, хотя, конечно, не преднамѣренной, надъ судьбой народа звучатъ тѣ слова только-что упомянутаго универсала Разумовскаго, гдѣ онъ въ доказательство необходимости сдѣлать ограниченіе переходовъ, обращается къ «стародавнимъ правамъ и вольностямъ народа малороссійскаго»: эти права и вольности, на которыя еще такъ недавно ссылались указы въ защиту народной свободы, теперь оказались не чѣмъ инымъ, какъ Литовскимъ Статутомъ, который такъ хорошо знаетъ различіе между свободнымъ и не свободнымъ. Какъ будто и не бывало того, что народъ разрушилъ своими руками общественный строй, находившій свое юридическое выраженіе въ Литовскомъ Статутѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, и на вѣки вѣковъ похоронилъ этотъ законодательный памятникъ своего рабства.

VI.

Малорусское панство обезпечило себя землей; обезпечило себя обязательнымъ трудомъ. Слѣдовательно были на-лицо тѣ главнѣйшія соціальныя условія, на которыхъ зиждется дворянская привиллегированность. И однако оно все еще не было дворянствомъ. Русское правительство, которое одно могло дать свою верховную санкцію факту, и собственно должно было бы дать, такъ какъ фактъ этотъ уже существовалъ въ полной гармоніи со всѣмъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, тѣмъ не менѣе упорно продолжало видѣть въ малорусскомъ панствѣ простую козацкую старшину, недостойную стать въ рядъ съ благороднымъ русскимъ дворянствомъ. Однако панство не унывало и прямо шло къ намѣченной цѣли.

---

1) Кіевск. Стар. 1885, кн. 7. Универсалъ Разумовскаго.

2) Есть указъ (10 дек. 1763 г.), подтверджающій это распоряженіе Разумовскаго.

Но можно ли, однако, сказать, что цѣль эта была сознательно намѣчена? Можно ли предположить, что малорусское панство—не въ отдѣльныхъ единицахъ, а въ цѣломъ составѣ своей группы—было настолько политически опытно и проницательно, чтобъ умѣть заглядывать въ будущее? Нѣтъ, по всей вѣроятности; но поступало оно, тѣмъ не менѣе, вполнѣ сообразно съ интересами своей сословной группы. Надо было, прежде всего, заставить забыть другихъ—а лучше всего и самому забыть—свое близкое родство, свою недавнюю связь съ черной костью народной массы. А забыть это было нелегко: общность типа и уровня культурности, языкъ, формы быта, господствовавшія не только въ XVII-мъ, но еще и въ началѣ XVIII-го вѣка, все твердило о тождествѣ происхожденія привиллегированныхъ съ непривиллегированными. Необходимо было добиться того, чтобъ панское благородство, помимо какихъ-либо юридическихъ или историческихъ доказательствъ, било въ глаза изъ всѣхъ мелочей и подробностей жизненной обстановки.

Обезпеченность и досугъ, какъ результатъ обладанія землей и обязательнымъ трудомъ, открыли малорусскому панству широкую и торную дорогу такъ-называемаго европейскаго «образованія», смѣси формъ внѣшней полировки съ нѣкоторыми условно-необходимыми навыками и свѣдѣніями, приправленной, впрочемъ, иногда и крупицами настоящей науки. Малорусское панство кинулось на эту дорогу съ большой энергіей, нѣтъ спору. Велико-русское дворянство той же эпохи, стремившееся въ Европу со всей силой инерціи, какую сообщилъ гигантскій размахъ Петра, все-таки уступало въ этомъ отношеніи малорусскому панству. Забота объ образованіи дѣтей, забота о томъ, чтобъ и въ себѣ поддержать путемъ чтенія, путемъ сношеній съ образованными людьми усвоенные начатки образованности, были однѣми изъ главнѣйшихъ заботъ обезпеченнаго человѣка. На образованіе дѣтей выпрашиваются и жалуются маетности; въ духовныхъ образованіе дѣтей упоминается на первомъ планѣ, а книга есть такая же важная статья завѣщанія, какъ плецъ или млинъ; люди не особенно богатые разстроиваютъ свое состояніе на образованіе дѣтей.

Эта энергія довольно быстро подняла уровень образованности войсковой старшины, вначалѣ очень незначительный, едвали сколько-нибудь замѣтно возвышавшійся надъ общимъ уровнемъ образованности всей народной массы. Достаточно сказать, что даже сотники, на обязанности которыхъ лежалъ, между прочимъ, и судъ, были еще въ XVII-мъ в. часто неграмотны. Мало того, даже въ

началѣ XVIII-го в. встрѣчаются неграмотные полковники. Неграмотны были женщины въ средѣ высшей старшины, вращающейся около гетманскаго двора; напр., не умѣла подписать своего имени жена извѣстнаго Кочубея, врага Мазепы; сомнительно, умѣла ли это сдѣлать и жена гетмана Даніила Апостола.

Конечно, первое время для Малороссіи окномъ въ Европу, издавна прорубленнымъ, была Польша. Люди болѣе бѣдные и менѣе требовательные довольствовались домашними латинскими школами, кіевскими, переяславскими или новгородъ-сѣверскими, позже перенесенными въ Черниговъ. Но и въ этихъ школахъ юношество получало лишь то, что было аппробовано польской педагогической мудростью, питавшейся западно-европейскими уроками; латинскій языкъ, немножко Аристотелевой философіи, краснорѣчія и богословія, а въ добавокъ польскій языкъ [1]), какъ необходимое орудіе для дальнѣйшихъ успѣховъ и въ наукѣ, и въ свѣтѣ. Изъ этихъ школъ выходили «латинщики», которые стремились въ канцеляристы генер. войсковой канцеляріи, разсчитывая отсюда уже пробиться на какой-нибудь урядъ, имѣющій превратить канцеляриста изъ «судового панича» въ пана. Но люди болѣе состоятельные не довольствовались домашними школами, а посылали дѣтей заканчивать образованіе въ Польшу, преимущественно во Львовъ и Бреславль. Естественно, что въ библіотекахъ образованныхъ людей первой половины XVIII-го вѣка, и даже далѣе, наряду съ латинскими книгами мы встрѣчаемъ довольно много книгъ польскихъ, историческихъ и философскихъ. Такимъ образомъ шло дѣло образованія по изстари намѣченной колеѣ приблизительно до второй половины XVIII-го вѣка. А между тѣмъ подготовлялась перемѣна. Великая Россія, съ Петровскими реформами, получила для Малороссіи притягательную силу, какой не имѣла раньше; политическое сближеніе, двигавшееся по направленію къ полному сплоченію, усиливало эту притягательность. Въ мѣру сближенія Великой Россіи съ Малой, Польша теряла свой старый престижъ и такимъ образомъ перемѣщался центръ тяжести культурныхъ тяготѣній малорусскаго человѣка. Вслѣдъ за Великой Россіей Малая стала признавать за своего руководителя въ дѣлѣ культуры Германію, нѣсколько позже Францію. Къ половинѣ XVIII-го вѣка малорусское панство начало посылать своихъ дѣтей въ нѣмецкіе университеты. Отдѣльные случаи бывали и раньше: такъ Томара учился въ нѣмецкихъ земляхъ еще въ началѣ XVIII-го вѣка. Но лишь со второй поло-

---

1) Шафонскій, Описаніе Черниговскаго намѣстничества.

вины столѣтія, и, кажется, съ легкой руки М. В. Скоропадскаго, зятя Апостола, Гёттингенъ и другіе центры нѣмецкой учености сдѣлались постояннымъ ученымъ прибѣжищемъ малорусскаго панскаго юношества. Много ли науки вывозили съ собой оттуда малорусскіе паничи—дѣло темное, но несомнѣнно, что они возвращались оттуда отполированными по-европейски. Впрочемъ, насчетъ науки есть указанія, что, случалось, паничи и учились со страстью («когда мнѣ не пришлютъ денегъ, то хочь хлѣба просячи, буду учитися», пишетъ Обидовскій своимъ роднымъ [1]) и вывозили кое-какія, а иногда и довольно значительныя знанія, какъ свидѣтельствуетъ переписка съ сыновьями Ханенка Сулимы. Свѣтская же полировка сдѣлала особенно большіе успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ малорусское панство, вслѣдъ за великорусскимъ, обратилось за образованіемъ къ Франціи, приблизительно съ Елизаветинскихъ временъ. Со второй половины XVIII-го вѣка большое, а слѣдовательно, и болѣе образованное панство начинаетъ употреблять французскій языкъ, хлопочетъ о французскихъ гувернерахъ и гувернанткахъ,—вообще, сливается съ великорусскимъ дворянствомъ въ одинаковомъ стремленіи отполировать своихъ дѣтей на свѣтски-французскій ладъ, безусловно необходимый для ихъ успѣховъ въ жизни, такъ какъ дорога къ этимъ успѣхамъ уже теперь лежала одинаково для малорусскаго панства, какъ и для великорусскаго дворянства, черезъ Петербургъ. Теперь малорусскіе паничи уже обучаются и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, подготовляясь къ карьерѣ или при дворѣ, или при разныхъ русскихъ общегосударственныхъ учрежденіяхъ. Хлопочетъ панство усердно и о томъ, чтобъ завести у себя дома высшія училища, университеты, корпуса, институты и т. п., съ цѣлью облегчить себѣ трудное и дорого стоющее дѣло образованія: ни одно почти коллективное заявленіе правительству, о нуждахъ ли края или своей мѣстности, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни дѣлалось, не обходится безъ просьбъ о высшихъ образовательныхъ заведеніяхъ.

Итакъ, только одно столѣтіе прошло послѣ Хмельнищины и даже сама до чрезвычайности благосклонная къ малороссіянамъ Елизавета еще не могла признать за малорусскимъ панствомъ дворянскихъ правъ, а уже войсковой урядъ значительно успѣлъ отполироваться на европейски-космополитическій ладъ, оставивъ своимъ недавнимъ близкимъ родичамъ, козаку и посполитому, ихъ національный, немножко татарско-польскій обликъ.

[1]) Архивъ Сулимъ, № 34.

Могъ ли малорусскій панъ, стремившійся къ образованію сначала на манеръ польскаго, затѣмъ великорусскаго дворянина, сохранить настолько уваженія къ языку своихъ простонародныхъ предковъ, чтобы попытаться положить именно этотъ языкъ въ основу своей новой, нарождающейся культурности? Могъ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ онъ этого не сдѣлалъ, хотя языкъ, полученный имъ въ наслѣдство, уже, можно сказать, былъ возведенъ на степень языка литературнаго, и потому не требовалъ спеціальной работы надъ своимъ приспособленіемъ къ требованіямъ болѣе сложныхъ формъ жизни. Слѣдовательно, не отъ этой работы—можетъ быть, и непосильно трудной—уклонился панъ, а просто увлекся опять-таки заботой о томъ, чтобы забыть свое простонародное происхожденіе. Еще и въ XVIII столѣтіи, по крайней мѣрѣ въ первыя его десятилѣтія, малорусское панство любило щеголять польскимъ языкомъ, который такъ тѣсно связывался въ панскихъ представленіяхъ съ благородствомъ происхожденія; но въ силу историческихъ и политическихъ причинъ польскій языкъ все-таки не могъ завоевать себѣ полныхъ правъ гражданства. Совсѣмъ иное дѣло былъ языкъ Великой Россіи; онъ самъ навязывался, какъ языкъ оффиціальныхъ сношеній, хотя, конечно, малорусскому обществу вольно было усвоить или не усвоить его, какъ языкъ частной жизни или литературы. Но оно предпочло къ нему обратиться, хотя не могло, разумѣется, долго его усвоить вполнѣ, а лишь пользовалось имъ, чтобы на основѣ все-таки родной малорусской рѣчи образовать свой, панскій, тяжелый, искусственный языкъ: польскія слова, выраженія, обороты, господствовавшіе раньше, стали уступать мѣсто великорусскимъ, пока, наконецъ, великорусскій языкъ не получилъ полнаго и окончательнаго господства. За всю разсматриваемую нами эпоху, ни въ перепискѣ, ни въ какомъ другомъ документѣ, мы ни разу не встрѣчаемся съ тѣмъ прекраснымъ, чистымъ, сильнымъ народнымъ малорусскимъ языкомъ, который такъ плѣняетъ насъ, напр., въ письмахъ кошевого Сирка, хотя не могло же малорусское панство не владѣть этимъ языкомъ въ совершенствѣ: изъ живой рѣчи, при всѣхъ стараніяхъ, изгнать народный лухъ было несравненно труднѣе, чѣмъ изъ письменнаго языка. Долго и упорно должны были отцы и наемные воспитатели бранить своихъ воспитанниковъ «мужиками» и наказывать ихъ за «грубыя слова», пока воспитанники не пріучались выражаться «по-пански».

Панство достигло своей цѣли. Еслибы его простонародные дѣды могли теперь снова выглянуть на свѣтъ божій, едвали бы они

признали за своихъ внучатъ людей, которые забыли или дѣлали видъ, что забыли то, безъ чего не можетъ быть и родственной связи—родной языкъ. Къ счастью или несчастью, малорусское панство не видѣло и не могло въ то время видѣть, какое преступленіе сдѣлало оно всѣмъ этимъ противъ своего народа. Оно его ограбило въ конецъ духовно, ограбило тотъ самый народъ, на плечахъ котораго воздвигло свое матеріальное благосостояніе. Въ самомъ дѣлѣ, разъ языкъ народной массы превращался изъ національнаго языка въ простонародный, мужицкій, онъ переставалъ проводить въ массу культурность извнѣ, и народъ оскудѣвалъ духовно. Такъ это и было съ малорусскимъ народомъ. Этимъ обстоятельствомъ на первомъ планѣ, а затѣмъ уже крѣпостнымъ правомъ, надо объяснить то рѣзкое паденіе уровня культурности малорусскаго народа, какое бьетъ въ глаза человѣку, изучающему съ бытовой точки зрѣнія два послѣднія столѣтія. Не вѣдало панство—что̀ творитъ.

Конечно, панъ, по-европейски образованный, не могъ остаться при старой простотѣ въ своей обстановкѣ, благо были и средства, чтобы ее измѣнить. Одежда, жилище, пища, экипажъ—все должно было приспособляться къ новымъ, болѣе утонченнымъ вкусамъ, и приспособлялось тѣмъ быстрѣе, что паны не могли не чувствовать себя заинтересованными въ этой перемѣнѣ, такъ рельефно выставляющей на видъ ихъ панскую отличность. Въ одеждѣ, правда, съ самаго начала господствовали польскіе жупаны и кунтуши и вообще польскій покрой; но такъ какъ тотъ же покрой принятъ былъ всей болѣе зажиточной частью населенія, то панство не удовольствовалось тѣмъ отличіемъ, какое клалось цѣнностью и качествомъ матеріала—у пановъ обыкновенно очень дорогого,—а рано начало переходить къ нѣмецкой или французской одеждѣ. «Для успѣха въ свѣтѣ», пишетъ бѣдный слободской дворянинъ въ 1769 г., «нужно было имѣть нѣмецкое платье, а я имѣлъ черкасское (малорусское), недорогое» [1])... Простая хата уступила мѣсто панскому «будинку», свѣтлицы котораго украшались портретами, картинами, коврами, а простыя лавки вытѣснялись креслами, клавесинами и тому подобными затѣями. Вмѣсто галушекъ и пампушекъ являются на панскомъ столѣ марципаны; вмѣсто горѣлки, оковитой—цинемоновыя, ганусовыя и иныя настойки, заграничныя вина. Уже не «кованный возъ» подъѣзжалъ къ рундуку панскаго будинка, чтобы принять пана сотника или пана полковника, а рыдванъ, берлинъ, карета.

---

[1]) Кіевск. Стар. 1886, II, 368.

Конечно, измѣнить обстановку было не трудно, разъ было желаніе и необходимыя средства. Гораздо труднѣе было самому человѣку приспособиться къ тѣмъ требованіямъ, какія вытекали изъ формъ усвоиваемой имъ высшей культурности. Но панство едва ли думало объ этомъ. По крайней мѣрѣ, малорусскій панъ XVIII-го в. рисуется намъ, несмотря на всѣ внѣшніе признаки европейства, человѣкомъ довольно первобытнымъ. Нравы его грубы и жестки, но не испорчены,—грубы настолько, насколько это совмѣстно съ его малорусской природой, вообще мягкой и гуманной. Какъ онъ проявлялъ себя въ своихъ отношеніяхъ къ низшему классу населенія, который ему приходилось завоевать—это мы видѣли выше: надо сказать, что мы, во избѣжаніе упрековъ въ односторонности и пристрастіи, не приводили наиболѣе рѣзкихъ фактовъ панской жестокости и беззастѣнчивости. Но тутъ была дѣйствительно соціальная война, отъ исхода которой зависѣло—быть или не быть пану уряднику дворяниномъ, а ужъ извѣстно, что à la guerre comme à la guerre. Важнѣе для характеристики нравовъ малорусскихъ пановъ ихъ взаимныя отношенія. Но и здѣсь кулачная расправа является дѣломъ довольно обыкновеннымъ, взаимные заѣзды напоминаютъ нравы польскаго дворянства. Попойки—главнѣйшее развлеченіе, все содержаніе панскихъ «бенкетовъ», праздничныхъ или простыхъ сосѣдскихъ гостинныхъ съѣздовъ; даже дневникъ такого по своему времени высоко-культурнаго человѣка, какъ Яковъ Маркевичъ, густо пересыпанъ сообщеніями, въ родѣ: «куликали изрядно», «подпіяхомъ жестоко зѣло», «обѣдали и подпивали» [1]) и т. д.

Нельзя не отмѣтить также отношенія панства къ общественнымъ дѣламъ. Оно, очевидно, въ новомъ положеніи утратило то простое, непосредственное чувство общественности, которое заправляло посполитскою громадой, копой или козацкою радой, а взамѣнъ не успѣло пріобрѣсть гражданскаго смысла, являющагося спутникомъ человѣка на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія. Отсюда масса несимпатичныхъ явленій, поражающихъ насъ въ общественномъ быту, въ теченіи общественныхъ дѣлъ, которыми панство заправляло всецѣло. Расхищеніе общественнаго достоянія, взяточничество и кумовство, всякіе виды заискиванія передъ власть имущими—все это даже и не прячется отъ дневного свѣта, не прикрывается ничѣмъ. До общественнаго блага—какъ бы его ни понимать—повидимому, никому нѣтъ дѣла, всякъ тянется только за кускомъ общественнаго пирога;

[1]) Дневныя записки малор. подскарбія генеральнаго Якова Маркевича.

даже отъ войны козацкая старшина начинаетъ отлынивать еще до начала XVIII-го в.; а къ концу его «духъ геройства» уже исчезаетъ совершенно [1]).

Нравы были грубы, но не испорчены, сказали мы выше. Панъ оставался все-таки религіознымъ, въ кругу своихъ узенькихъ требованій, пожалуй и нравственнымъ человѣкомъ, радушнымъ и гостепріимнымъ, хорошимъ семьяниномъ. Несмотря на всѣ измѣненія, какія вошли теперь вмѣстѣ съ образованностью въ формы его быта, онъ продолжалъ уважать дѣдовскій обычай: тотъ же «родинный хлѣбъ», разсылаемый по всѣмъ родичамъ, возвѣщалъ его появленіе на свѣтъ божій съ тою разницею, что вмѣсто узвара, слишкомъ простонароднаго, посылалось французское вино; то же «весілле», со всей его сложной обрядностью, сопровождало его женитьбу, съ той разницей, что ѣли и пили не простые, а панскіе кушанья и напитки; съ тѣмъ же звономъ по церквамъ и обѣдомъ старцямъ сходилъ онъ въ могилу. Все это и не могло быть иначе, такъ какъ обрядовая сторона слишкомъ тѣсно простается съ религіозной и разрушается вмѣстѣ съ нею, а случается даже переживаетъ и ее.

Но правовой обычай, связывавшій пана съ простолюдиномъ, панъ все-таки нашелъ возможнымъ порвать, такъ какъ это было существенно важно для его интересовъ. Это очень любопытная, хотя, къ сожалѣнію, трудная по существу и мало выясненная сторона. Хмельнищина, вмѣстѣ со старымъ соціальнымъ строемъ, снесла и право, которое его облекало. Малорусскій народъ остался безъ права, кромѣ того, которое жило въ его сознаніи. Но жизнь предъявляла свои требованія; возникали суды, хотя и очень упрощенные, на основѣ существующей военно-козацкой организаціи, общіе для всего народа; возникло и право. Что же это было за право? «Не ясное право, состоящее въ смѣшеніи войсковыхъ обычаевъ съ Литовскимъ Статутомъ»,—отвѣчаетъ знатокъ этой эпохи г. Лазаревскій [2]),—«состоящее въ смѣшеніи обычнаго права старой козацкой громады и народной копы съ отголосками писаннаго права», сказали бы мы. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Литовскій Статутъ не былъ не только единственнымъ, но и главнымъ источникомъ права до второй половины XVIII-го вѣка. Онъ признанъ былъ за таковой лишь указомъ Екатерины II, относящимся къ 1768 г. Однако малорусское панство стало обращаться къ Статуту гораздо раньше. Съ тѣхъ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1883, I, 893.
[2]) Русскій Арх. 1875 г. II, 257.

самыхъ поръ, какъ оно начало сознавать себя панствомъ, оно, конечно, всей душой радо было бы сдѣлать Статутъ исключительнымъ источникомъ права, такъ какъ на немъ можно было бы вполнѣ удовлетворительно основать и свою шляхетскую привиллегированность и народную безправность; но этого нельзя было сдѣлать до тѣхъ поръ, пока соціальный центръ тяжести устойчиво не перемѣстился на сторону панства. До тѣхъ же поръ панство подготовляло почву такимъ образомъ, что обращалось къ нормамъ Статута для опредѣленія своихъ личныхъ и семейныхъ частно-правовыхъ отношеній. Любопытно, хотя трудно прослѣдить по документамъ, какъ панство, живя, очевидно, сначала общею правовою жизнью съ массой, начинаетъ затѣмъ обособляться. Сначала панъ, какъ и козакъ и посполитый, знаетъ лишь обычное право, то, которое и до сихъ поръ заправляетъ юридическими отношеніями южно-русскаго крестьянства: «Женить меньшого сына мимо старшаго противно общенародному обычаю»,—пишетъ вдова Лубенскаго полковника Савича и также остерегается отъ такого «незвычайнаго» поступка, какъ и теперь остережется любая вдова въ любомъ селѣ, нетронутомъ городскою цивилизаціей; неженатые сыновья не отдѣляются,—«але и оженившіеся еще терпятъ, если живы суть отцы и матери» [1]); на свадьбѣ племянницы гетмана Апостола вѣнчанье съ шлюбомъ также отдѣляется отъ «весілля», какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ малорусскомъ крестьянствѣ; наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями и дочерьми: «одной руки равные пальцы» [2]), и т. д., и т. д. Но Статутъ мало-по-малу начинаетъ вытѣснять обычное право: сначала панство обращается къ нему главнымъ образомъ для опредѣленія юридическихъ отношеній брачущихся сторонъ, затѣмъ правъ и порядка наслѣдованія. Въ концѣ концовъ Статутъ завоевываетъ себѣ полное господство, и панство крайне дорожитъ имъ, что видно изъ его заявленій и просьбъ русскому правительству.

VII.

Уже малорусскій панъ давно чувствовалъ, что не простонародная, а настоящая шляхетская кровь течетъ въ его жилахъ, но тѣмъ не менѣе не только польскій магнатъ, а даже и простой великорусскій дворянинъ не хотѣлъ призвать его за равнаго себѣ; онъ не имѣлъ еще государственнаго признанія своихъ правъ.

---

1) Архивъ Сулимъ, № 60.
2) Русск. Арх. 1875, т. I, кн. 2.

Русское правительство было глухо къ такимъ доводамъ, что «по древному праву выборовъ, малороссійскому праву присвоенныхъ, всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и шляхтичъ, и не бывъ шляхтичемъ, невозможно было быть избираемому и имѣть чинъ». Не дѣйствовала и ссылка на Статутъ, гдѣ было сказано: «достоинства и чиновъ простолюдинамъ не давать, а давать только одной шляхтѣ каждаго рыцарскаго состоянія человѣку» (артик. 18, раздѣлъ 3). Но остаться въ такомъ межеумочномъ положеніи, въ какомъ находился малорусскій панъ, было не только непріятно, но даже и просто опасно: только дворянское достоинство давало санкцію обладанію землей, а главное обязательнымъ трудомъ—иначе вся панская сила была лишь простымъ голымъ фактомъ, создать и поддерживать который было очень трудно, а уничтожить, однимъ почеркомъ пера изъ Петербурга, ничего не стоило.

Но пассивное выжиданіе того момента, когда раздастся сверху властное слово, открывающее войсковому уряду прямой путь въ лоно русскаго дворянства, было слишкомъ тягостно, и малорусское панство кинулось на отыскиваніе побочныхъ тропинокъ и лазеекъ, какими бы можно было туда пробраться. Здѣсь уже приходилось дѣйствовать вразбродъ, вразсыпную — каждой малорусской панской фамиліи за свой собственный счетъ и рискъ. Каждому надо было для себя доказать, во что бы то ни стало, что онъ «не здѣшней, простонародной малороссійской» [1]), а какой-нибудь особенной шляхетской породы. Это было, съ одной стороны, и очень трудно, такъ какъ приходилось утверждать очевиднѣйшую неправду, но съ другой стороны и очень легко, такъ какъ при беззастѣнчивости и матеріальной силѣ, да еще сочувствіи и поддержкѣ окружающихъ, всегда на свѣтѣ можно было, въ дѣлахъ общественнаго характера, гдѣ замѣшаны сильные личные интересы, доказать, что дважды два пять.

Сподручнѣе и легче всего было доказывать свое непростонародное происхожденіе чрезъ посредство Польши. Ляхъ и шляхтичъ всегда былъ въ глазахъ малоросса одно и тоже; престижъ шляхетства всегда окружалъ все польское. И вотъ какой-нибудь самый обыкновенный козацкій сынъ Василенко (по Василью-отцу), выдвинувшись на маленькій урядъ, начинаетъ подписываться на польскій манеръ Базилевскимъ, Силенко—Силевичемъ, Гребинка—Грабянкою

[1]) Обовр. Рум. опис., 21.

и т. д.; а то и просто берегъ любую польско-шляхетскую фамилію, безъ всякаго на то основанія, какъ напр. сдѣлали Будлянскіе, родственники Разумовскихъ, да и козаки Розумы по тому же пріему превратились въ Разумовскихъ. Съ теченіемъ времени всѣ эти самозванные Базилевскіе, Силевичи, Тарасевичи успѣвали увѣрить другихъ, а можетъ быть и себя, въ своемъ польско-шляхетскомъ происхожденіи. Оставалось его утвердить документомъ. Съ деньгами это было дѣломъ уже не такъ труднымъ. Можно было добиться частною сдѣлкой того, чтобъ какой-нибудь—конечно, незначительный—шляхетскій родъ согласился принять въ свой гербъ; можно было склонить того или другого польскаго магната похлопотать передъ сеймомъ о внесеніи въ сеймовую конституцію и выдачѣ диплома на шляхетство подъ предлогомъ яко бы утраты документовъ во время смутъ; но можно было также и обойти всѣ эти формальности. На этотъ случай были подъ рукой евреи, которые охотно брались за фабрикацію необходимыхъ документовъ. Вѣроятно, это стоило не особенно дорого, такъ какъ во время возникновенія коммиссій о разборѣ дворянскихъ правъ въ Малороссіи оказалось до 100.000 дворянъ съ документами [1]), между тѣмъ какъ лѣтъ за 15—20 передъ тѣмъ малорусское панство въ лицѣ своихъ депутатовъ заявляло, что у него документовъ нѣтъ, такъ какъ «имѣвшіеся у предковъ ихъ на шляхетство дипломы и другія доказательства пропали, растеряны чрезъ бывшія въ Малой Россіи междоусобныя брани и многочисленныя отъ турковъ, татаръ и поляковъ войны, нападенія, разоренія, плѣненія и пожары, такъ что многія фамиліи лишились всего имѣнія своего и, будучи многіе годы въ плѣну *переименованы*, нынѣ едвали у кого сыщется собственно служащаго ему на шляхетство доказательства». Довольно неправдоподобно, но, къ сожалѣнію, совершенно вѣрно: для нелегальнаго возстановленія легальныхъ правъ работалъ Бердичевъ. И что за фантастическія генеалогіи появились на свѣтъ божій! Еще хорошо, когда генеалогія примыкала (конечно, при помощи гербовника Нѣсецкаго, экземпляръ котораго всегда находился при генеральной войсковой канцеляріи) къ простому шляхетскому роду или придумывала какого-нибудь, никогда ни существовавшаго, предка «референдарія надъ тогобочной Украиною», какъ у Скоропадскихъ. А то случалось, что фантазія самозванныхъ генеалоговъ залетала по истинѣ въ высокія хоромы.

---

[1]) Кіевск. Старина, 1888, т. I. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 107—8.

Рославцы, напр., производили свой родъ немного-немало, какъ отъ извѣстной магнатской фамиліи Ходкевичей. Одинъ слободско-украинскій панокъ, единственно на томъ основаніи, что его предки были родомъ изъ Острога, изъявлялъ претензію на происхожденіе отъ князей Острожскихъ, для которыхъ не слишкомъ высокъ былъ и польскій престолъ.

Конечно, малорусское панство заинтересовано было въ польскомъ своемъ происхожденіи исключительно постольку, поскольку съ нимъ было легче доказать свое шляхетство. А за шляхетство панъ готовъ былъ объявить себя не только полякомъ, но венгромъ, сербомъ, грекомъ, кѣмъ угодно, такъ какъ лишь домашнее свое малорусское происхожденіе клало безповоротно клеймо простонародности. Карновичи производили себя отъ венгерскаго дворянскаго рода, Кочубеи—отъ татарскаго мурзы, Афендики—отъ кого-то молдавскаго бурколаба, Капнисты—отъ миѳическаго венеціанскаго графа Капнисси, жившаго на о. Зантѣ, Иваненки—отъ не менѣе миѳическаго волоха дубосарскаго гетмана Ивана Богатаго Іоненка. Правда, между малорусскимъ панствомъ было довольно людей иностраннаго происхожденія, были и потомки польскихъ выходцевъ, особенно любимыхъ гетманами за знакомство съ обстановкою магнатскихъ дворовъ; но насколько ихъ иностранные предки были у себя дома «князья въ своихъ породахъ»—дѣло темное.

Лишь малорусское происхожденіе клало безповоротно клеймо простонародности, сказали мы только-что. Но нѣкоторые малорусскіе роды сумѣли обойти это: сохранили національное происхожденіе, успѣвъ окружить его ореоломъ исключительности. Такъ, Тарасевичи устроили себѣ, при помощи сфабрикованнаго документа, происхожденіе отъ гетмана Тараса Трясилы; Искры—отъ не менѣе извѣстнаго Остранина, или Остряницы.

Впрочемъ, было нѣсколько счастливыхъ фамилій, которыя не нуждались въ сочиненныхъ генеалогіяхъ и фабрикованныхъ документахъ. Такъ одинъ изъ Лизогубовъ былъ нобилитованъ польскимъ сеймомъ еще во времена Хмельнищины за нѣкоторыя заслуги въ пользу Польши, и такимъ образомъ Лизогубы имѣли права шляхетства; имѣли ихъ подобнымъ же путемъ и Дмитрашки-Раичи. Затѣмъ въ разное время и по различнымъ соображеніямъ русское правительство давало отдѣльнымъ лицамъ дворянское достоинство. Это началось еще съ Алексѣя Михайловича: напр., Горленки основывали свое благородство на таковомъ пожалованіи, сдѣланномъ еще въ 1665 г. полковнику Горленку, вышедшему изъ рядового козачества;

Божко произведенъ былъ въ дворяне Елизаветой «за вѣрную службу въ уставщикахъ спѣвальной музыки при дворѣ» и т. д. Наконецъ были еще остатки старой шляхты, о которой шла рѣчь выше (въ I главѣ). Кое-кто изъ этой шляхты примкнулъ къ войсковому уряду и, выдвинувшись этимъ путемъ въ панство, вытащилъ изъ-подъ спуда свои старые документы: таковы были Рубцы, Борозды, Бакуринскіе, Случановскіе. Здѣсь любопытно то, что часть старой шляхты, которая не примкнула своевременно къ уряду, такъ и осталась на непривиллегированномъ положеніи, несмотря на свои документы: примѣръ Богуши [1]).

Какого же на самомъ дѣлѣ былъ происхожденія войсковой урядъ, которому предстояло сдѣлаться дворянствомъ?

Румянцовъ жаловался Екатеринѣ въ своихъ письмахъ (1766 г.), что при выборѣ депутатовъ малороссійскимъ шляхетствомъ «не обошлося безъ того однако ни одно собраніе, чтобъ кто-либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина или отъ жида» [2]). Конечно, это было полемическое преувеличеніе. Бóльшая часть малорусскихъ дворянскихъ родовъ вышла изъ той безразличной народной массы, въ какую Хмельнищина слила все малорусское,—масса, которая скоро опять сама собою подраздѣлилась на козаковъ и посполитыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ образовалась и группа мѣщанъ, опять-таки вначалѣ существовавшая лишь фактически, сливаясь въ правахъ и обязанностяхъ какъ съ посполъствомъ, такъ и съ козачествомъ. Извѣстныхъ родовъ, которые бы имѣли своимъ предкомъ выкрещеннаго еврея, кажется, было немного: Маркевичи, Доровскіе, Герцики, Крыжановскіе. «Славетныхъ» (мѣщанскихъ) предковъ было, конечно, значительно больше; не попрекать ими или стыдиться ихъ малорусское дворянство могло лишь на томъ же общемъ основаніи, на какомъ оно вообще стыдилось своего національнаго, или простонароднаго, происхожденія. Впрочемъ, можетъ быть обличители намекали здѣсь на то, что славетные предки примыкали къ панству не на пути воинскихъ заслугъ отечеству, единственно приличествующихъ шляхетству. Хотя на это можно бы было сказать, что все малорусское панство сплошь занималось торговлею, винокуреніемъ и другими промыслами, совершенно

[1]) Записки Черниг. Стат. Ком., 1866, ч. 2, стр. 52.
[2]) Романовичъ-Славатинскій, прим. 7.

игнорируя традиціонныя представленія о занятіяхъ, соотвѣтствующихъ шляхетскому достоинству,—но относительно славетныхъ, примкнувшихъ къ панству, дѣйствительно дѣло обстояло нѣсколько особымъ образомъ. А именно, нѣкоторые изъ нихъ, благодаря богатству и связямъ, добивались привиллегированнаго положенія, не примыкая къ уряду. Такъ было съ Кулябками, предокъ которыхъ, мѣщанинъ г. Лубенъ, держалъ одно время на откупу мѣстные шинки [1]) и получилъ привилегію свободы отъ налога для своихъ мельницъ—привилегія, которою пользовался лишь урядъ; или съ Скоруппами, славетный предокъ которыхъ получилъ отъ гетмана Скоропадскаго за какія-то заслуги, а можетъ быть и просто по кумовству, право «заживати до работизнъ людей посполитыхъ села Кустичъ» [2]). Дѣти этихъ привиллегированныхъ славетныхъ уже непремѣнно вступали въ войсковой урядъ, сначала въ войсковые канцеляристы, такъ какъ родители обыкновенно заботились о томъ, чтобъ дать имъ необходимое образованіе, изъ канцеляристовъ въ сотники или на какую-нибудь другую должность и, благодаря богатству, быстро достигали высокихъ степеней въ войскѣ, занимая мѣсто въ ряду войсковой аристократіи.

Не мало было такихъ панскихъ фамилій, которыя позже заявляли претензіи насчетъ того, чтобы ихъ внесли въ четвертую дворянскую книгу, книгу иностранныхъ родовъ. Происхожденіе ихъ было большею частью темное, претензіи большія. Выше мы упомянули нѣсколько дворянскихъ родовъ этой категоріи. Сюда же относятся Вишневскіе, родоначальникъ которыхъ былъ сербъ, поставщикъ венгерскаго вина ко двору Елизаветы; Томары, предокъ которыхъ, гречанинъ, въ концѣ XVII-го вѣка торговалъ въ Малороссіи «турскими товарами»; Милорадовичи, происходящіе отъ сербскаго торговца, назначеннаго Петромъ Великимъ въ гадяцкіе полковники; Галаганы и нѣкоторые другіе.

Какъ ни заинтересовано было панство въ томъ, чтобъ дѣлать видъ взаимнаго довѣрія къ своимъ генеалогическимъ фантазіямъ, но не могло же оно не чувствовать, что дѣло не совсѣмъ ладно. «Всѣ въ Малой Россіи не князья въ своихъ породахъ и въ свѣтѣ люди творятся болѣе нежели родятся» [3]), сознается одинъ такой панъ, когда его упрекнули въ томъ, что онъ отдаетъ дочь замужъ за потомка выкрещеннаго еврея. Оскорбленное естественное чувство правдивости прорывалось насмѣшками и сатирой—

[1]) Кіевск. Стар. 1886, I.
[2]) Архивъ Сулимъ, № 116.
[3]) Архивъ Сулимъ, № 153.

выходившими, конечно, изъ той же панской среды надъ дворянскимъ самозванствомъ. Сохранились кое-какіе образчики обличительной литературы этого рода. Напримѣръ, есть юмористическая генеалогія подъ названіемъ «Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны»: «Да вже-жъ наши дворяне гербы посилають, а що я бувъ дворянинъ, то-того и не знають», говоритъ самозванный дворянинъ. «Онъ у мене гербъ якій, въ деревянимъ цвити, що ни в кого не було в Остерськимъ повити: лопата написана держаломъ у гору,—побачивши, скаже всякъ, що воно безъ спору,—у середыни граблн, вила и сокира, якими було роблю, хоть якая сквира, также цапомъ молотывъ, скажу правду матку, що ажъ скинешъ було шапку» и т. д. При этомъ приложенъ и рисованный гербъ въ видѣ внушительной лопаты съ остальными принадлежностями по срединѣ. «Дали трохи якъ розживсь», продолжаетъ претендентъ на дворянство, а той годи робыты, а надумавсь отдаты въ школу свои дѣти. Якъ вывчилысь, въ судъ упхавъ, учиця писаты» [1]) и т. д.

Такъ, вѣроятно, смѣялся настоящій панъ, т.-е. такой, который имѣлъ два-три поколѣнія предковъ, не жившихъ трудами своихъ рукъ, надъ такимъ, который только-что выклевывался изъ рабочей скорлупы. Въ томъ же родѣ юмористическое прошеніе депутата Плящинскаго, который проситъ его уволить отъ обязанностей выборной своей службы на томъ основаніи, что онъ «посвятилъ всю свою жизнь шинковому промыслу» [2]). Но, разумѣется, и Данилей Кукса, и депутатъ Плящинскій съ полнымъ правомъ могли сказать любому изъ пановъ, которые изощряли свое остроуміе въ обличеніяхъ этого рода: «чему смѣєшься? надъ собой смѣешься»...

VIII.

Трудно сказать, почему русское правительство такъ долго отказывалось признать дворянскія права за малорусскимъ панствомъ. Что панство это было не чѣмъ инымъ, какъ козацкой старшиной, конечно, это трудно было забыть; но вѣдь также не могъ еще придти въ забвеніе и служилый характеръ русскаго дворянства. Не допуская дѣтей малороссіянъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, основанный въ 1731 г., «поелику-де въ Малой Россіи нѣтъ дворянъ» — запрещеніе, подтвержденное еще при

[1]) Кіевск. Стар. 1882, II.
[2]) Кіевск, Стар. 1888, III.

Елизаветѣ Петровнѣ, русское правительство тѣмъ не менѣе постоянно подтверждало грамотами малорусскимъ панамъ «для совершенной въ вѣчные часы твердости» ихъ права на землю, обращая, по позднѣйшему выраженію, въ вѣчное и потомственное владѣніе ихъ земельныя пріобрѣтенія, часто очень сомнительнаго характера. Въ принципѣ стоя до поры до времени на-стражѣ народныхъ интересовъ, Петербургъ не могъ или не хотѣлъ видѣть тѣмъ не менѣе, что земли эти въ массѣ случаевъ есть прямая и самая несомнѣнная собственность того земледѣльческаго населенія, которое на нихъ сидѣло. Каждый актъ такого подтвержденія былъ лишнимъ шагомъ въ сторону крѣпостного права и дворянской привиллегированности.

Наказы депутатамъ въ Екатерининскую коммиссію отъ малорусскаго шляхетства наполнены аргументаціею въ пользу его полноправности съ русскимъ дворянствомъ, заявленіями и просьбами о необходимости сравнять ихъ права. Единодушнѣе и настоятельнѣе всего хлопочутъ малорусскіе паны насчетъ общаго законодательнаго утвержденія своихъ земельныхъ правъ; конечно, они понимали, что добиться полнаго юридическаго закрѣпленія земель было то же самое, что и добиться формальнаго утвержденія своего въ дворянскомъ достоинствѣ. Разъ было первое, — второе, какъ необходимо вытекающее изъ перваго, дѣлалось лишь вопросомъ времени.

Екатерина II, стремясь къ объединенію государства, приняла такія мѣры, изъ которыхъ само собою вытекало признаніе дворянскаго достоинства за малорусскимъ панствомъ. Въ 1782 г. законъ о губерніяхъ 1775 г. распространенъ былъ и на Малороссію: такъ какъ законъ этотъ требовалъ участія дворянства, то для примѣненія его приходилось признать въ Малороссіи за дворянство тамошнее шляхетство. Въ слѣдующемъ же году, указомъ 3-го мая 1783 г., малорусское посполитство было лишено права перехода, которое до тѣхъ поръ юридически все-таки еще ему принадлежало, и такимъ образомъ великорусское крѣпостное право распространено и на Малороссію. Малорусскіе паны, признанные за дворянъ закономъ 1782 г., указомъ 1783 г. уже сдѣлались настоящими дворянами, полноправными владѣльцами своихъ крестьянъ. Когда въ 1785 г. явилась на свѣтъ жалованная грамота россійскому дворянству, уже нельзя было не распространить ее и на дворянство малорусское. Прекратилось многолѣтнее томленіе малорусскаго панства: врата въ недоступное до тѣхъ поръ святилище были ему открыты.

Но дѣло не приходило этимъ къ ясному и положительному концу. Одинъ большой вопросъ размѣнялся теперь на массу ма-

ленькихъ вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія. Малорусское панство не составляло сплошной массы, рѣзко отдѣлявшейся отъ остального населенія; паны обращались въ полу-панковъ, полу-панки примыкали къ простому козачеству. Козаки всегда пользовались нѣкоторыми спеціально шляхетскими правами, но нельзя же было признать за ними правъ дворянства. Если же признать за дворянъ лицъ войскового уряда, то опять-таки низшій урядъ слишкомъ тѣсно примыкалъ къ переднимъ рядамъ козачества. Приходилось рѣшать вопросъ о томъ, какія степени уряда даютъ права на дворянство, какія нѣтъ, а для того необходимо было перевести малорусскіе чины на языкъ табели о рангахъ. Стали дѣлать попытки такого перевода. Войсковой урядъ раздѣленъ былъ на военный и гражданскій. Для тѣхъ, кто состоялъ на военной службѣ, чины были переведены такъ: полковые есаулы, хорунжіе и писаря—ротмистрами, сотники—поручиками, войсковые товарищи—корнетами, а прочіе низшіе чины—унтеръ-офицерами. Для оставшихся у гражданскихъ дѣлъ переводъ имѣлъ такой видъ: бунчуковые товарищи оказались премьеръ-маіорами, полковые обозные есаулы, хорунжіе и писаря—секундъ-маіорами, сотники—ротмистрами, полковники—бригадирами. Но, вѣроятно, въ переводѣ этомъ встрѣтились какія-нибудь немаловажныя затрудненія, такъ какъ не выработывалось для него точныхъ правилъ, и когда сенату приходилось рѣшать дѣла о переименованіи малорусскихъ чиновъ въ русскіе, то онъ переименовывалъ то такъ, то иначе. А тутъ еще усложнили дѣло крайнія злоупотребленія со стороны дворянскихъ депутатскихъ собраній, которымъ порученъ былъ разборъ правъ малорусскаго шляхетства. Депутаты завели чуть-что не открытую торговлю дворянскими правами и дипломами. Предупрежденная объ этомъ герольдія—къ тому же смущенная, конечно, отсутствіемъ точнаго руководящаго закона—въ 1790-хъ годахъ прикрыла поплотнѣе двери заповѣднаго святилища, которыя держались до тѣхъ поръ довольно свободно: герольдія стала требовать неопровержимыхъ доказательствъ дворянства, отказывая въ признаніи тѣмъ, кто его основывалъ лишь на томъ, что его предки были полковыми есаулами, хорунжими, писарями, сотниками. Такая строгость вызвала, уже въ царствованіе Александра I, новыя хлопоты со стороны дворянъ, такъ какъ многіе изъ нихъ не могли представить болѣе вѣскихъ доказательствъ; хлопоты эти нашли энергическую поддержку въ лицѣ малороссійскаго военнаго губернатора кн. Репнина. Результатомъ этихъ хлопотъ оказалось заключеніе особаго комитета при Сенатѣ, въ томъ смыслѣ, что права потомственныхъ дворянъ признаются за тѣми мало-

русскими чинами, которые переименованы въ чины генералитетскіе и штабъ-офицерскіе, т.-е. за генеральной старшиной, полковниками и т. п.; прочіе же малорусскіе чины даютъ права лишь на личное дворянство. На основаніи этого заключенія и состоялся указъ 1835 г. Но и это еще былъ не послѣдній указъ по дѣлу о правахъ малорусскаго панства; послѣдній имѣлъ мѣсто въ 1855 г. Такимъ образомъ, почти до самой крестьянской реформы тянулось запутанное дѣло о водвореніи малорусскаго панства въ лоно русскаго дворянства [1]).

Какъ бы то ни было, малорусскій панъ сдѣлался русскимъ дворяниномъ. Къ началу настоящаго XIX столѣтія, малорусское общество уже успѣло выработать такое панство, которое могло занять мѣсто въ переднихъ рядахъ русскаго дворянства. Небольшая рѣдкость были паны изъ старой козацкой старшины, числившіе за собой 8.000—10.000 крестьянскихъ душъ (напр. Апостолъ, Галаганъ и ин.); они уже не довольствовались придворными должностями камеръ-лакеевъ—такъ начинало свою служебную карьеру малорусское панство при Елизаветѣ, а пробивались на высшія ступени чиновной іерархіи (прим. Безбородко). Это новое малорусское магнатство увеличивалось чиновными и случайными людьми, которые получали, черезъ пожалованіе, имѣнія въ Малороссіи (прим. Разумовскіе, Завадовскій). На другомъ, противоположномъ, концѣ стояли безчисленные полу-панки и подпанки, по народной терминологіи, которымъ, конечно, приличнѣе было бы остаться въ старой юридической категоріи козаковъ, чѣмъ дворянъ: это—потомки войсковыхъ, значковыхъ товарищей и другихъ разныхъ маленькихъ чиновъ, пробивавшіеся въ дворянство, пользуясь той смутой, которая царствовала первое время разбора дворянскихъ правъ.

Чѣмъ же и какъ проявило себя это новое дворянство?

Сначала по отношенію къ закрѣпощенному имъ населенію. Вопросъ темный, требующій спеціальныхъ изысканій, въ область которыхъ мы пускаться не можемъ. Воспользуемся готовымъ выводомъ, къ которому пришелъ единственный, можно сказать, русскій историкъ дворянства, г. Романовичъ-Славатинскій. Онъ утверждаетъ, что въ Великой Россіи чаще встрѣчались добрыя патріархальныя отношенія между помѣщикомъ и крѣпостнымъ, чѣмъ въ Малой, гдѣ «помѣщичій классъ подлежалъ въ своемъ историческомъ образованіи вліянію польскихъ шляхетскихъ началъ» [2]). Надо принять этотъ

[1]) Романовичъ-Славатинскій. 104—110.
[2]) Стр. 331.

выводъ добросовѣстнаго и осторожнаго историка за правильный; но едвали правильно самое объясненіе факта. Давно уже успѣло изгладиться непосредственное вліяніе польскаго строя, которое одно могло въ данномъ случаѣ имѣть воспитывающее значеніе. Скорѣе, намъ кажется, надо принять за объясненіе то простое психологическое основаніе, по которому простолюдинъ, вышедшій въ господа, напряженнѣе обращаетъ свое вниманіе на демаркаціонную линію, отдѣляющую его отъ низшаго себя; къ тому же и эти низшіе, закрѣпощенная масса малорусскаго народа, не могли такъ скоро забыть свою свободу, и затаиваемая, но все-таки такъ или иначе прорывающаяся озлобленность должна была обострять сильнѣе взаимное недоброжелательство.

Теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ проявило себя малорусское дворянство въ качествѣ «ума и души своего народа», по выраженію императора Александра I.

Въ теченіе второй половины XVIII-го и первыхъ годовъ настоящаго XIX столѣтія малорусское дворянство имѣло не разъ случай высказаться коллективно, отъ лица всего сословія, и въ этихъ коллективныхъ заявленіяхъ выразить какъ степень своего пониманія, такъ и свое внутреннее отношеніе къ своей соціальной роли. Такихъ случаевъ мы знаемъ три: прошеніе малорусскаго шляхетства Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ; наказы депутатамъ въ Екатерининскую коммиссію; прошеніе Александру I также при восшествіи его на престолъ. Два первые случая имѣли мѣсто еще до жалованной грамоты, слѣдовательно, до оффиціальнаго признанія малорусскаго шляхетства россійскимъ дворянствомъ; но это обстоятельство формальнаго характера едвали имѣетъ какое-нибудь значеніе, такъ какъ и въ прошеніи Екатеринѣ, и въ наказахъ малорусское панство выступаетъ въ роли отдѣльнаго высшаго сословія. Вся разница заключается въ томъ, что и прошеніе, и наказы наполовину наполнены домогательствами въ разныхъ видахъ уравненія своихъ правъ съ русскимъ дворянствомъ, что̀ уже было излишнимъ послѣ жалованной грамоты.

Разумѣется, все, что̀ касается вопроса о дворянскихъ прерогативахъ малорусскаго панства, все это выдвигается имъ на первый планъ крайне внимательно, настоятельно, съ тщательнымъ подборомъ всѣхъ аргументовъ въ пользу своего дѣла. Вслѣдъ за этимъ, такъ сказать, спеціально дворянскимъ вопросомъ, выступаютъ на сцену два вопроса, которымъ панство придавало, видимо, особенно большую важность: это вопросы, по теперешней терминологіи, экономическій

и образовательный. Конечно, на ряду идутъ усиленнѣйшія домогательства насчетъ прикрѣпленія посполитыхъ, разрѣшенія скупли козачьихъ земель и т. п. предметы, которые мы разсматривали въ особыхъ главахъ.

Хотя свою экономическую обезпеченность панство видѣло въ землѣ и укрѣпленіе земель составляетъ существенную часть его хлопотъ о дворянствѣ, но оно не упускаетъ изъ виду и другія стороны, которыя способствовали бы его экономическому преуспѣянію. Прежде всего оно хлопочетъ о томъ, чтобы обезпечить себѣ свободный сбытъ своихъ продуктовъ. Въ прошеніи, поданномъ Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ, панство проситъ объ уничтоженіи вновь учрежденныхъ внутреннихъ таможенъ и возстановленіи взамѣнъ ихъ старыхъ сборовъ, такъ-называемые индукты и эвекты,—финансовая мѣра общаго характера. Позже оно уже не возвращается къ этому предмету, а хлопочетъ лишь о томъ, чтобъ получить экономическія льготы для себя: «чтобъ свободныя въ собственномъ каждаго имѣніи винокуренныя дѣланія всякихъ напитковъ, шинкованіе и продажа оптомъ всего того, обращеніе всякого рода внутреннихъ продуктовъ, для лучшей каждому прибыли, чтобъ внутренніе промыслы намъ безъ пошлины и безпрепятственны были навѣки, такожъ дабы шляхетство имѣло свободу въ привозѣ крымской соли, въ отгонѣ скота, въ вывозѣ пеньки и другихъ всѣхъ въ ихъ земляхъ родящихся товаровъ въ чужіе края»... [1]). Впрочемъ, нѣкоторыя шляхетства просили объ уничтоженіи пошлины на крымскую соль въ видѣ общей мѣры для всего края. Въ дополненіе къ этимъ льготамъ шляхетство проситъ сначала объ освобожденіи отъ консистентской дачи, т.-е., содержанія натурой русскихъ войскъ (прошеніе Екатеринѣ); а когда эта дача замѣнена была рублевымъ окладомъ съ хаты, то объ освобожденіи и отъ этого налога, какъ такого, который, за скудостью подданныхъ, владѣльцы вынуждены часто уплачивать сами, и о возстановленіи дачи натурой; вмѣстѣ съ тѣмъ хлопочутъ объ освобожденіи своего сословія отъ постойной повинности или о расквартированіи войскъ исключительно въ городахъ. Но малорусское панство понимаетъ свое экономическое преуспѣяніе не только подъ условіемъ вышеупомянутыхъ отрицательныхъ мѣръ, т.-е. освобожденія его промышленности отъ пошлинъ, налоговъ и иныхъ стѣсненій и ограниченій; оно желаетъ и кое-какихъ положительныхъ экономическихъ мѣръ въ свою пользу.

[1]) Наказы малоросс. депутатамъ 1767 г., Кіевъ, 1889, стр. 18.

Главнѣйшая изъ этихъ мѣръ, о которыхъ проситъ панство, это—учрежденіе для него специальнаго государственнаго банка, потому что «крайняя въ деньгахъ скудость лишаетъ способовъ распространять коммерцію и промыслы», и чтобъ такимъ образомъ шляхетство «могло бы подкрѣплять себя въ случаѣ нужды отъ слѣдующаго имъ крайняго разоренія», происходящаго отъ того, что «занимая деньги принуждено бываетъ закладывать имѣнія свои на упадъ» (т.-е. безъ выкупа по прошествіи срока). Къ этой же категоріи мѣръ, хотя и не съ такимъ исключительнымъ сословнымъ характеромъ, относятся просьбы панства, обращенныя къ Екатеринѣ II, объ уничтоженіи откупной системы вообще, а прежде всего табачнаго откупа, а затѣмъ о дозволеніи «свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе имѣть жидамъ», которые до запрещенія имъ жительства и въѣзда въ 1742 г. «наибольшее въ малороссійскихъ торгахъ имѣли участіе». Неловко чувствовалъ себя безъ жида и новый панъ лѣвобережной Украины.

Такими мѣрами думало малорусское панство благоустроить себя въ экономическомъ отношеніи. Значительное число этихъ мѣръ, какъ можно видѣть, разсчитано лишь на сословные интересы дворянства; очень немногія, какъ просьба о сложеніи пошлины на соль, объ отмѣнѣ откупной системы, обнимаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и экономическіе интересы всего края.

Но образовательный вопросъ панство, очевидно, считало исключительно своимъ дворянскимъ вопросомъ. Хлопочетъ оно о заведеніи разныхъ образовательныхъ учрежденій чрезвычайно; мысли о необходимости просвѣщенія высказываетъ самыя возвышенныя: «ничто въ жизни для честнаго шляхетства не можетъ быть столь полезно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдаетъ своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ-то въ университетъ московскій, въ С.-Петербургъ, а другіе посылаютъ въ чужія далекія государства и, достигая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ черезъ великіе убытки имущества и приходятъ къ бѣдности». Паны просятъ о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, для себя полезныхъ: гимназіяхъ, шляхетскихъ корпусахъ, «особо же для ученія высшимъ наукамъ и распространенія воспитаній, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользѣ, въ домостроительствѣ и въ прочемъ жизни человѣческой нужномъ, служить могутъ»—университетахъ или академіяхъ, «для благородныхъ же дѣвицъ, какъ и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ

добромъ воспитаніи», просятъ устроить «особливый домъ воспитанія». Не забыты и типографіи «при университетахъ, а гдѣ запотребно судится и при гимназіяхъ для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, которыя, чтобы не были противны вѣрѣ и самодержавному правленію, всегда будутъ свидѣтельствуемы отъ цензоровъ». Но обнаруживая такое большое пониманіе пользы наукъ, панство, тѣмъ не менѣе, не обнаруживаетъ желанія взять на свои плечи поддержку проектируемыхъ имъ разсадниковъ просвѣщенія. Напримѣръ, оно для всего разсчитываетъ «на казенный коштъ» хотя и изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ; въ прошеніи же Екатеринѣ II шляхетство изъявляетъ желаніе возложить тяготу по своему образованію на имѣнія духовенства.

Таковы два важнѣйшихъ предмета, на которыхъ сосредоточивается панская заботливость. Затѣмъ шляхетство проситъ обыкновенно о сохраненіи Литовскаго Статута, хотя нѣкоторая часть шляхетства и понимаетъ его несообразность съ требованіями времени, и не только допускаетъ, но даже желаетъ нѣкоторыхъ въ немъ исправленій: напримѣръ, черниговское шляхетство въ своемъ наказѣ находитъ, что статьи Статута о верховной власти несообразны съ началомъ самодержавія, что другія статьи противны естественному праву [1]) и т. д. Впрочемъ, просьба черниговскаго шляхетства о важныхъ измѣненіяхъ въ Статутѣ приписывается личной инціативѣ Безбородка, которому далеко не сочувствовало остальное панство. Довольно любопытнымъ является въ наказахъ шляхетства отвращеніе малорусскихъ пановъ къ переписямъ вообще, въ частности къ генеральной переписи, предпринятой около того времени (такъ-называемой Румянцевской), которую они очень настоятельно, хотя мало убѣдительно, просятъ прекратить. Наконецъ, съ общимъ характеромъ являются хлопоты панства о средствахъ къ защитѣ ихъ имѣній и подданныхъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны расквартированныхъ войскъ.

Когда сличишь между собою всѣ эти документы, въ которыхъ малорусское панство выражало свои желанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и степень пониманія какъ своихъ сословныхъ, такъ и интересовъ своего общества и народа, необходимо является такой выводъ. По мѣрѣ того, какъ панство обращалось въ дворянство и прочнѣе устанавливалось въ новомъ своемъ положеніи, кругъ его общественнаго пониманія, сколько о немъ можно судить по указаннымъ документамъ, какъ будто не только не расширялся, а, наоборотъ,

---

[1]) Наказы 11.

рѣзко съуживался. Въ прошеніи Екатеринѣ II при восшествіи ея на престолъ, самомъ раннемъ изъ разсматриваемыхъ документовъ, панство еще, какъ бы въ качествѣ войскового уряда, плохо или хорошо, но заботится объ интересахъ всего общества, которымъ управляетъ. Оно проситъ правительство и о вольностяхъ духовнаго чина, и о вольностяхъ мѣщанъ, о лучшей организаціи войска, объ обезпеченіи козаковъ жалованьемъ, особенно въ заграничныхъ походахъ, вообще о всяческомъ облегченіи козачества; конечно, все это стоитъ на заднемъ планѣ по сравненію съ тѣмъ, чего панство хочетъ для себя; но все это есть все-таки; только одни посполитые всецѣло исчезаютъ изъ перспективы, въ какой панство располагаетъ свои соціальныя пожеланія. Въ наказахъ депутатамъ, которые дѣлались если еще не отъ имени дворянства, то все-таки малорусскаго шляхетства, сословные шляхетскіе интересы заполняютъ собою почти все; лишь кое-гдѣ проскальзываетъ просьба о какой-нибудь мѣрѣ, которая захватываетъ собою общенародный интересъ, но непремѣнно такой, который совпадаетъ и съ интересами самого шляхетства. Наконецъ, въ прошеніи Александру I, при восшествіи его на престолъ, малорусское панство, являясь уже настоящимъ дворянствомъ, какъ будто утрачиваетъ и представленіе о томъ, что оно есть «умъ и душа народа»; мало того, какъ будто даже и сословные свои интересы оно начинаетъ понимать очень узко. Наряду съ просьбами объ удержаніи Литовскаго Статута и возстановленіи гродскихъ судовъ, оно проситъ лишь, пространно и краснорѣчиво, о сохраненіи своихъ старыхъ правъ свободнаго винокуренія и продажи вина, затѣмъ о нѣкоторомъ участіи въ выгодахъ городского хозяйства, наконецъ о льготахъ по сдачѣ рекрутъ; только лаконическая просьба объ университетѣ въ Черниговѣ еще напоминаетъ старое шляхетство, такъ хлопотавшее объ образованіи своихъ дѣтей [1]).

Были ли у малорусскаго дворянства какіе-либо политическіе идеалы? У болѣе передовой, образованной его части были несомнѣнно. Но идеалы эти являются не какъ плодъ труда, изученія, знакомства съ разными формами жизни, а лишь какъ результатъ исторической традиціи. Когда останавливаешься на удивительныхъ генеалогическихъ фантазіяхъ малорусскаго панства, когда видишь то крайнее искаженіе историческихъ фактовъ, на какомъ оно основывало обыкновенно свою аргументацію въ пользу благородства своего происхожденія, можно подумать, что имѣешь дѣло съ крайнимъ исто-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1890, 8.

рическимъ невѣжествомъ. Но это ошибочно: на самомъ дѣлѣ, панство порядочно знало исторію своего края и любило въ нее углубляться— на это есть довольно много указаній. И несомнѣнно, оно увлекалось этой исторіей, которая такъ хорошо гармонировала съ его нарождающимися шляхетскими вкусами, и черпало изъ нея готовыя соціально-политическія идеи, хотя прекрасно понимало также и необходимость, въ настоящемъ своемъ положеніи, держать эти идеи подъ прикрытіемъ. Прошеніе къ Екатеринѣ II написано подъ сильнымъ вліяніемъ этихъ идей: очевидно, панство считало моментъ благопріятнымъ, чтобы высказаться откровеннѣе. Тутъ есть просьба и о вольномъ избраніи гетмана, и о шляхетскихъ судахъ, земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ по польскому образцу, съ малороссійскимъ трибуналомъ взамѣнъ Люблинскаго, а главное, о генеральной радѣ или сеймѣ, какъ воспроизведеніи польскаго шляхетскаго сейма; панство имѣло даже смѣлость увѣрять Екатерину II, что именно такая рада была подтверждена Малороссіи «пунктами, данными прежнимъ гетманамъ и другими документами», а не извѣстная войсковая козацкая рада. При восшествіи на престолъ Александра I изъ среды малорусскаго дворянства опять раздались голоса въ томъ же смыслѣ [1]). Но теперь уже преобладающимъ является иное настроеніе, толковымъ выразителемъ котораго является желчный авторъ «Замѣчаній о Малой Россіи». Реформы Екатерины II создали для дворянства такое status quo, для котораго оно охотно отрекалось отъ старыхъ историческихъ традицій, и въ массѣ оно желало теперь одного: чтобы никакія случайныя вмѣшательства, въ родѣ того, какое имѣло мѣсто при Павлѣ, не мѣшали мирному процвѣтанію великихъ реформъ Великой Государыни.

---

1) Романовичъ-Славатинскій, 483.

ЮЖНО-РУССКІЯ БРАТСТВА*).

(Историко-этнографическій очеркъ.)

Никогда русская читающая публика не предъявляла литературѣ такого спроса на отечественную исторію, какъ теперь. И предложеніе идетъ, какъ всегда, на встрѣчу спроса: откуда ни взялась съ своими услугами масса призванныхъ и непризванныхъ историковъ; какъ грибы послѣ дождя, выскочили изъ литературныхъ нѣдръ историческіе журналы; въ невиданномъ и неслыханномъ количествѣ посыпались историческіе романы. Невольно вниманіе останавливается, пытаясь проникнуть въ причины явленія... останавливается, и уступаетъ, не получивъ удовлетворенія. Никакихъ внутренно-необходимыхъ, органическихъ причинъ не усматривается. Мода—вотъ то ядовитое, но тѣмъ не менѣе единственно пригодное слово для объясненія явленій этого рода,—слово, передъ которымъ должна остановиться пытливость. Но, скажутъ, можетъ-быть, отчего-же не предположить, что мы попали теперь въ ту струю, которая въ извѣстные моменты выноситъ общество, какъ и отдѣльнаго человѣка, на путь критическаго къ себѣ отношенія, на путь самопознанія и самоизученія, и что наше увлеченіе исторіей есть результатъ именно этого внутренняго процесса? Предположить, конечно, можно, но только это предположеніе совсѣмъ не оправдывается фактами. Не увлекалось-ли наше общество первой половины шестидесятыхъ годовъ естественными науками, и гдѣ это увлеченіе? гдѣ его результаты? Что мы стоимъ, если не обѣими, то хоть одной ногой на пути самоизученія—это вѣрно; но не менѣе вѣрно, кажется, и то, что современное увлеченіе

*) «Слово». 1880. №№ 10—12.

исторіей не имѣетъ никакихъ внутренно-необходимыхъ связей съ этимъ стремленіемъ къ самопознанію,—стремленіемъ, дѣйствительно существующимъ въ серьёзной части нашего общества. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ въ современномъ увлеченіи нашей читающей публики исторіей было что-нибудь большее простой случайной моды, еслибъ это увлеченіе можно было поставить въ зависимость отъ серьёзнаго стремленія къ самопознанію, то, конечно, въ массѣ разнообразнаго историческаго матеріала, преподносимаго публикѣ періодическими изданіями, можно было-бы замѣтить хоть какое-нибудь, хотя неопредѣленное тяготѣніе къ уясненію болѣе существенныхъ сторонъ нашей прошлой исторической жизни. Ничего подобнаго не видно; преобладающая тенденція работъ, предназначенныхъ для удовлетворенія историческихъ аппетитовъ читающей публики, это—тенденція гостинной интересности, если можно такъ выразиться. Естественно, что гостинная интересность почти никогда не совпадаетъ съ дѣйствительно серьёзнымъ интересомъ науки и жизни.

А между тѣмъ, въ сторонѣ отъ этой увеселительной исторіи, заполонившей собою литературную арену, лежитъ цѣлый непочатой уголъ историческихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ должно было-бы лечь въ фундаментъ нашихъ общественныхъ воззрѣній, нашихъ толкованій настоящаго, нашихъ видовъ на будущее. Конечно, нельзя забывать того, что обыкновенно болѣе важные вопросы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе сложные, но это не освобождаетъ, по крайней мѣрѣ, хоть присяжныхъ ученыхъ отъ нравственной обязанности обращаться прежде всего къ разрѣшенію этихъ вопросовъ первенствующей важности. Отъ кого-же чаять движенія воды, если призванные ученые будутъ подчиняться вкусамъ и требованіямъ публики? Мало-ли мы встрѣчаемъ именъ извѣстныхъ историковъ подъ статьями, разсчитанными на одну внѣшнюю занимательность и лишенными серьёзнаго историческаго значенія? Изъ остальныхъ же ученыхъ историковъ, не увлеченныхъ этимъ поверхностнымъ теченіемъ исторической моды,—много-ли такихъ, которые выбираютъ темы для своихъ работъ не случайно, а по сознательной строгой оцѣнкѣ относительной важности затрогиваемыхъ ими вопросовъ? Немудрено поэтому, что та небольшая серьёзная часть нашего общества, которая болѣетъ отсутствіемъ положительныхъ общественныхъ идеаловъ и понимаетъ, какое значеніе имѣетъ для созданія этихъ идеаловъ знаніе не только своего настоящаго, но и прошлаго,—что она, эта серьёзная часть нашего общества, должна отвращаться отъ исторической науки, которая почти ничего не даетъ для нея пригоднаго

и уже во всякомъ случаѣ не задается серьёзнымъ желаніемъ что-нибудь дать. Немудрено, что и молодежь наша, жаждущая идеаловъ, питается не теоріями, выдвинутыми родной почвой, а живетъ исключительно переработанными впечатлѣніями западной жизни.

А между тѣмъ сколько остается вопросовъ безъ разработки и хоть нѣсколько удовлетворяющаго пытливость рѣшенія,—вопросовъ, напрашивающихся на усиленное вниманіе, кидающихся въ глаза по рѣзкости, съ какой они выдвигаются изъ массы другихъ вопросовъ? Передъ нами великорусская исторія. Не нужно особенно углубляться въ нее, чтобъ замѣтить рѣзкія типическія особенности, отличающія ее отъ исторіи другихъ славянскихъ племенъ,—особенности, указывающія какъ будто на народныя свойства, рѣшительно не вяжущіяся съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о такъ-называемыхъ общеславянскихъ племенныхъ свойствахъ. Съ одной стороны, типъ мягкій, гуманный, привязанный къ родному очагу и свободѣ, дорожащій своей личной независимостью, но въ то же время мало способный дѣйствовать сообща, чтобъ отстоять независимость племенную, и вообще мало устойчивый передъ натискомъ чуждыхъ вліяній, особенно культурныхъ; съ другой стороны, великорусскій типъ, нѣсколько жесткій и то, что называется хищный, съ несомнѣнной способностью не только къ пассивному сопротивленію, но и къ активному наступленію, что̀ доказываетъ обширная исторія нашей колонизаціи, и, что еще рельефнѣе, очень наклонный къ солидарности, къ организаціи, къ полному подчиненію своей личности той общественной формѣ, посредствомъ которой онъ ведетъ свою борьбу съ природой или людьми. Особенности нашей исторіи объясняютъ обыкновенно особенностями внѣшнихъ историческихъ условій, въ родѣ перенесенія правительственнаго центра съ юга на сѣверъ, случайнаго усиленія одного княжескаго рода и т. п. Но отчего историки не обратятъ вниманія на то значеніе, какое должна была имѣть для измѣненія племенныхъ свойствъ, многовѣковая борьба, стоящая пока внѣ исторіи, великорусскаго племени съ финскими, угорскими и разными иными инородческими элементами, въ среду которыхъ вторглось великорусское племя, и обрусеніе этихъ элементовъ, которое непремѣнно должно было имѣть мѣсто въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ? Антропологія и курганная археологія уже установили тотъ фактъ, что московскіе черепа значительно уклоняются отъ чистаго славянскаго типа. А исторія пока еще не хочетъ принимать во вниманіе тотъ процессъ, путемъ котораго могло произойти такое уклоненіе, и его значеніе для объясненія историческихъ явленій. (Первая антропологическая выставка и конгрессъ

въ Москвѣ—ст. Майнова. «Слово», 1879 г. ноябрь). Монгольское иго до сихъ поръ тоже остается иксомъ, который одни приравниваютъ къ нулю, другіе признаютъ за нѣкую величину, не пытаясь опредѣлить ближе значеніе этой величины. А между тѣмъ сравненіе нашего общественнаго строя эпохи передъ порабощеніемъ и эпохи послѣ порабощенія въ связи съ изученіемъ культуры монгольскаго племени могло бы навѣрное навести на кой-какія небезъинтересныя соображенія [1]). Затѣмъ вліяніе Петровской реформы, о которой было столько писано и за, и противъ. Выяснило-ли все писанное, хотя-бы тотъ вопросъ—не отразилась-ли эта реформа, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія общественныхъ силъ, на нашемъ послѣдующемъ толчкообразномъ прогрессѣ, съ его неестественными подъемами и крайними паденіями? Все это такіе вопросы, которыми такъ или иначе занималась историческая наука. А сколько такихъ, которыхъ она или совсѣмъ не касалась, или только затрогивала мимоходомъ, чтобъ кинуть, какъ не стоющіе болѣе обстоятельной остановки, болѣе усиленнаго вниманія! Напр., историческая судьба общественныхъ формъ, въ которыхъ такъ или иначе выражается симпатическое начало русской и народной жизни, порождавшее ихъ и, въ свою очередь, питавшееся ими—все это явленія первостепенной важности, которыя заслуживаютъ самаго серьёзнаго вниманія, самыхъ старательныхъ историческихъ изысканій. А между тѣмъ и эти явленія часто дѣлаются предметомъ очень небрежнаго отношенія со стороны историковъ. Вопросъ затрогивается мимоходомъ и забывается, опять появляется на сцену, чтобъ снова исчезнуть во Мракѣ забвенія, высказываются разнообразныя мнѣнія безъ всякаго вниманія къ тому, что́ уже было высказано о предметѣ, уже не говоря объ иностранныхъ, даже въ своей собственной литературѣ,—и уясненіе предмета не подвигается ни на волосъ. Вотъ примѣръ такого отношенія изъ занятій послѣдняго археологическаго съѣзда въ Казани, примѣръ, которымъ мы подойдемъ какъ разъ къ предмету настоящей статьи.

---

[1]) Какъ мало выясненъ русской исторической наукой, въ своемъ существѣ, даже этотъ вопросъ, который затрогивался историками безконечное число разъ, видно хотя-бы и изъ того, что въ нѣсколькихъ №№ ученаго журнала, по преимуществу органа профессоровъ, «Критическаго Обозрѣнія», высказаны были совершенно противоположныя мнѣнія о значеніи монгольскаго ига въ русской жизни. Одинъ ученый утверждаетъ, что русскіе заимствовали у монголовъ почти всѣ существеннѣйшія учрежденія государственнаго права и называетъ внутренніе порядки монголовъ ключемъ къ уразумѣнію московскаго періода русской исторіи. Другой совершенно отрицаетъ и факты и выводы, какіе дѣлаются по примѣненію къ русской жизни. Крит. Обозр, 1879. №№ 18 и 21).

На этомъ съѣздѣ профессоръ Нѣжинскаго лицея, г. Сребницкій предложилъ докладъ [1]) о слѣдахъ церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи, преимущественно въ приднѣпровскихъ уѣздахъ Полтавской губ. Тамъ нашелъ г. Сребницкій братства двухъ родовъ: церковныя—въ деревняхъ и селахъ, и цеховыя—въ поселеніяхъ съ городскимъ характеромъ, мѣстечкахъ. Онъ указывалъ на черты сходства этихъ братствъ съ знаменитыми церковными братствами юго-западной Руси. Двѣ вышеупомянутыя группы братствъ онъ ставилъ въ генетическую связь, производя церковныя братства отъ цеховъ. По поводу этого реферата высказаны были присутствовавшими учеными различныя мнѣнія о происхожденіи братствъ. Одни отрицали всякую связь между цехами и церковными братствами, предполагая, что церковныя братства возникли самостоятельно, какъ орудіе протеста противъ религіознаго и національнаго гнета Польши. Другіе, поддерживая референта, утверждали, что современныя братства, цеховыя и церковныя, суть остатки тѣхъ промышленныхъ цеховъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ и братствъ, такъ какъ они заключали въ себѣ и элементы благотворительности, — цеховъ, которые существовали въ восточной Малороссіи еще во время присоединенія ея къ Московскому государству. Третьи, отвергая мнѣніе о происхожденіи братствъ отъ цеховъ, утверждали, что братства существовали и въ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ они получили характеръ ватагъ, артелей и тому подобныхъ корпорацій.

Какъ самый докладъ, такъ и высказанныя по поводу его мнѣнія, съ одной стороны, показываютъ, что гг. члены археологическаго съѣзда считали, повидимому, вопросъ о братствахъ какъ будто-бы только нарождающимся на свѣтъ Божій съ открытіемъ г. Сребницкаго; а между тѣмъ и у насъ этотъ вопросъ имѣлъ кой-какую литературу, не особенно обширную, не особенно плодотворную по своимъ результатамъ, но все-таки литературу; съ другой стороны, они, очевидно, и не подозрѣвали, что имѣютъ дѣло съ общественной формой, не эпизодическаго лишь и мѣстнаго значенія, а съ формой глубокой исторической важности и широкаго распространенія, формой, которая шла рука объ руку со всѣмъ ходомъ европейской цивилизаціи, получила и у насъ своеобразное развитіе, и, наконецъ, дала жизнь нѣкоторымъ, до сихъ-поръ дѣйствующимъ правовымъ институтамъ.

Оставляя въ сторонѣ тѣ отпрыски этой формы, которые прію-

---

[1]) Журналъ Мин. Народ. просвѣщенія 1878 г. Мартъ. Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани.

тились и въ нашемъ законодательствѣ,—отпрыски, заимствованные и мертворожденные,—все-таки надо признать, что эта форма до сихъ поръ еще не изжила окончательно своего содержанія, по крайней мѣрѣ, въ малорусскомъ народѣ. Да едвали это содержаніе и могло быть изжито скоро,—на столько оно жизненно въ своей основѣ: исчезновеніе братствъ, на которыя указываетъ г. Сребницкій, вѣроятно, есть не столько результатъ внутренняго одряхленія и разложенія, сколько вторженія въ народную жизнь внѣшнихъ элементовъ. Малорусскій народъ рано утратилъ поземельную общину, великорусская промысловая артель не развилась, вслѣдствіе почти исключительно земледѣльческаго характера народнаго хозяйства; но симпатическое начало въ общественной жизни у малорусскаго племени, хотя и не получало иногда такой интенсивности, какъ у племени великорусскаго, тѣмъ не менѣе все-таки было достаточно сильно, чтобъ искать себѣ осуществленія во внѣшнихъ формахъ, и находило его въ различныхъ видахъ братства—цехового, церковнаго, парубоцкой громады, братства козацкаго и т. д.

Вотъ это-то именно обстоятельство, т. е. то, что братство въ его видоизмѣненіяхъ есть почти единственная свободная общественная организація въ малорусскомъ народѣ, и побудило насъ заняться этой формой поближе. Ближайшее-же разсмотрѣніе повело къ уясненію связи малорусскихъ братствъ со многими другими формами, очень разнообразными на видъ, фигурировавшими подъ различными ярлыками, но, тѣмъ не менѣе, связанными глубоко чертами внутренняго родства и тождества по происхожденію. Мы не имѣемъ никакой претензіи на то, чтобъ обслѣдовать вопросъ во всей его широтѣ,—это дѣло спеціалистовъ, которые могутъ выступить во всеоружіи знанія и научныхъ пособій. Наша же скромная цѣль—съ одной стороны, дать общій очеркъ развитія малорусскаго братства въ прошломъ и настоящемъ, насколько это позволяютъ сохранившіяся историческія свидѣтельства и собранные на мѣстѣ этнографическіе матеріалы; съ другой стороны—намѣтить мѣсто малорусскихъ братствъ въ общей цѣпи развитія тѣхъ формъ, которыя можно обозначить генетическимъ именемъ славянскаго братства, германской гильды.

I.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ движеніе религіозной мысли широко разлилось по Европѣ и колебало жизненные устои, заложенные цѣлымъ рядомъ столѣтій. Заразительнѣйшая изъ заразъ, зараза

свободной и дѣятельной мысли, тотчасъ проникла и въ Литовско-Польское государство, совершенно открытое тогда для европейскихъ вліяній. По уровню образованія своихъ высшихъ классовъ, по своимъ свободнымъ государственнымъ учрежденіямъ, Польша не только могла считаться по праву европейскимъ государствомъ, но и однимъ изъ передовыхъ европейскихъ государствъ своего времени—никому не видно было, на какомъ непрочномъ фундаментѣ воздвигается этотъ ранній расцвѣтъ польской культуры. Литва оказалась наиболѣе впечатлительной къ воспріятію новыхъ религіозныхъ вѣяній, т. е. собственно католическая ея часть—православно-русская гораздо упорнѣе держалась своего православія. Настоящимъ пожаромъ охватилъ протестантизмъ католическую Литву; въ скоромъ времени больше семидесяти сектъ оспаривали другъ у друга совѣсть литовскаго народа. Изъ сферы религіознаго убѣжденія броженіе, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, передавалось и въ совсѣмъ отдаленныя сферы практической дѣятельности, жизни общественной и политической. А между тѣмъ всякое такое броженіе грозило серьезной опасностью для Литовско-Польскаго государства, державшагося на системѣ крайне неустойчиваго дуализма, давившаго третью составную національную часть государства—русскую. Обстоятельства обостряли опасность. Со смертью послѣдняго бездѣтнаго Ягеллона Сигизмунда Августа II долженъ былъ прекратиться личный династическій союзъ, которымъ соединялась до сихъ поръ Литва и Польша. Конечно въ выгодѣ для обѣихъ половинъ соединеннаго государства, окруженныхъ сильными врагами, было держаться вмѣстѣ. Но интересы отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ Литвы, которой въ союзѣ приходилось играть второстепенную роль, сословій, партій, такъ перепутывались, что будущность союза являлась далеко не обезпеченной. Поляки, интересы которыхъ въ этомъ дѣлѣ, какъ національности преобладающей, не разбивались, показали такую энергію и единодушіе, какія рѣдко встрѣчаются въ ихъ смутной исторіи. Несмотря на отвращеніе мягкаго и гуманнаго Сигизмунда Августа II къ рѣшительнымъ мѣрамъ и его привязанность къ Литвѣ, несмотря на упорное нежеланіе самой сильной изъ литовскихъ партій—партіи литовскихъ и отчасти русскихъ магнатовъ—была проведена поляками Люблинская унія, насильно слившая обѣ половины государства въ одно политическое цѣлое, причемъ Литва еще, про запасъ, обезсилена была присоединеніемъ русскихъ ея областей къ коронѣ.

Люблинская унія была первымъ серьёзнымъ шагомъ поляковъ на пути объединенія тѣхъ составныхъ частей своего государства, ко-

торыя нѣкогда соединились съ ними, «какъ равныя съ равными и свободныя съ свободными». Но воинствующая идея государственнаго единства не могла остановиться на этой первой своей побѣдѣ. Результаты объединяющаго принципа были такъ заманчивы, а поле для его приложенія такъ обширно, что идеалистическіе мотивы, вродѣ уваженія къ свободѣ, къ правамъ личности, къ закону, хотя относительно и довольно развитые въ польскомъ обществѣ, не могли удержать его движенія по этой наклонной плоскости. Религіозное разномысліе явилось первымъ, рѣзко бьющимъ въ глаза, препятствіемъ на пути шествія всесокрушающаго принципа—религіозное единство сдѣлалось ближайшей политической цѣлью. Для этого дѣла, Польша нашла себѣ помощника и союзника. Въ то время католическая церковь, доведенная до высшей степени возбужденія начавшимся повсюду религіознымъ броженіемъ, выковала себѣ превосходное орудіе для борьбы съ натискомъ свободныхъ религіозныхъ идей, орудіе, проникающее всюду и разлагающее своимъ прикосновеніемъ все, что человѣчество успѣло выработать себѣ цѣннаго въ сферѣ нравственнаго прогресса. Множество басенъ, цѣлые мифы успѣли создаться на счетъ іезуитскаго ордена; психологическая ихъ подкладка понятна—это то сложное и тяжелое, отталкивающее чувство, какое всегда возбуждаетъ въ людяхъ союзъ высокой нравственной красоты, заключающейся въ самоотверженномъ служеніи идеѣ, съ отвратительнѣйшими изъ нравственныхъ проявленій человѣческой природы—обманомъ, предательствомъ, интригой и т. п. Іезуиты для борьбы съ протестантизмомъ сначала появились въ Польшѣ; тотчасъ вслѣдъ за Люблинской уніей они перешли въ Литву. Какъ тамъ, такъ и тутъ они имѣли громадный успѣхъ. Ловкая интрига, которою они опутывали пана, потворство грубымъ инстинктамъ наравнѣ съ высокими подвигами самоотверженія,—напр., во время чумы, поражавшими души болѣе благородно настроенныя—всѣмъ безъ разбору пользовался орденъ. Но безспорно самой сильной стороной іезуитовъ было то, что они не чуждались науки, а, напротивъ, старались овладѣть ею, чтобъ сдѣлать ее орудіемъ для своихъ цѣлей. Іезуитскія школы считались лучшими школами страны; воспитаніе юношества было могущественнѣйшимъ средствомъ дѣйствовать на умы и настроеніе общества. Въ Польско-Литовскомъ государствѣ ихъ система оказалась такъ хорошо приспособленной къ мѣстнымъ жизненнымъ условіямъ, что результаты ея прямо могутъ казаться чудесными. Религіозное вольнодумство таяло, какъ вешній снѣгъ, передъ дружнымъ натискомъ черной арміи патеровъ, такихъ ученыхъ, кра-

снорѣчивыхъ, въ шелковыхъ рясахъ, съ прекрасными манерами, со всѣми качествами, способными заполонить и не такую податливую душу, какъ душа культурнаго поляка или культурно-ополяченнаго литовскаго или русскаго пана. Нѣсколько десятковъ лѣтъ іезуитскаго вліянія,—и польское общество, такъ свободомыслящее и терпимое въ вопросахъ вѣры, можетъ-быть, даже нѣсколько легкомысленное въ религіозномъ отношеніи, обращается въ одно изъ болѣе нетерпимыхъ, чуть не фанатически настроенныхъ обществъ Европы. Но іезуиты не удовольствовались подавленіемъ религіознаго свободомыслія; ихъ виды были шире. Католицизмъ всегда питалъ завоевательные планы относительно восточнаго православія;—интересно, что римская курія еще съ XIII-го вѣка назначала русскихъ епископовъ in partibus infidelium—и іезуиты, стоя теперь на рубежѣ двухъ религіозныхъ міровъ и полные вѣры въ свою только что народившуюся, но уже побѣдоносную силу, чувствовали себя призванными на великую миссію слiянія двухъ раздѣлившихся религіозныхъ теченій въ одно римское русло. Дѣло было завѣдомо нелегкое, такъ какъ православіе, несмотря на внѣшнія неблагопріятныя условія, напр., крайне неудобное іерархическое положеніе съ зависимостью отъ константинопольскаго патріарха, все-таки обладало значительною долей внутренней устойчивости. Но въ Польшѣ дѣло соединенія упрощалось, что̀ давало іезуитамъ полную увѣренность въ побѣдѣ. Идея государственнаго единства съ успѣхомъ Люблинской уніи получила такой толчекъ къ дальнѣйшему приложенію, что іезуиты, прикрываясь ея знаменемъ, могли разсчитывать на сильную поддержку со стороны польскаго правительства и общества. Съ другой стороны, единственнымъ значущимъ, съ польско-шляхетской точки зрѣнія, представителемъ православія было русское панство. А панство это, съ вѣрой, порасшатанной свободомысліемъ, съ готовностью подмѣнять религіозные интересы политическими, затѣмъ со всѣми слабостями и пороками сословія господствующаго и эксплоатирующаго, и со спеціальными недостатками польскаго шляхетства,—панство это, какъ хорошо понимали іезуиты, было плохой опорой для чего-бы то ни было, что̀ не было непосредственно связано съ его личными и сословными интересами въ томъ числѣ и для православія. Разсчетъ былъ вѣренъ, но не доведенъ до конца, и потому итоги его не сошлись съ дѣйствительностью. Активные русскіе элементы, какъ оказалось, не исчерпывались податливымъ панствомъ. Вдвойнѣ враждебный характеръ религіозной уніи, которая должна была подготовлять русскій народъ польскаго государства, съ одной стороны, къ

католичеству, съ другой, къ ополяченію, сразу поднялъ національное русское самосознаніе, таившееся въ тѣхъ изъ низшихъ слоевъ общества, которые еще не были подавлены крѣпостнымъ правомъ, въ горожанахъ и потомъ въ козачествѣ. Пробудившееся самосознаніе выразилось въ такой упорной, сознательной, разумной борьбѣ, что историкъ не можетъ не остановиться съ чувствомъ нѣкотораго удивленія на этомъ моментѣ изъ исторіи русской народности. Русское мѣщанство не смогло вынести дѣло на своихъ плечахъ по выбранному имъ пути легальной борьбы и должно было передать воспитанную и взлелѣянную имъ идею козачеству, которое перенесло борьбу на иную почву; но усилія его и упорство въ борьбѣ, такъ неравной по силамъ, заслуживаютъ глубокаго уваженія. Орудіемъ для борьбы русской народности съ надвигавшимися на нее враждебными силами польскаго правительства, польской культуры, латинства и іезуитства, были братства, теперь впервые въ русской исторіи выдвинувшіяся на освѣщенную историческую сцену изъ той тѣни, въ которой находились до того времени. [1])

Когда историкъ говоритъ о братствахъ литовско-польской Руси, онъ всегда подразумѣваетъ только нѣсколько братствъ, замѣтно фигурировавшихъ на исторической сценѣ—Львовское, Виленское, Могилевское, Луцкое, Кіевское, главнымъ образомъ, два первыя. Оно и понятно. Братства эти, особенно Львовское и Виленское, оставили послѣ себя столько памятниковъ своего существованія и дѣятельности, что совершенно заслонили собою безчисленную массу болѣе скромныхъ братствъ, о которой можно лишь догадываться, такъ какъ сравнительно ничтожному меньшинству изъ этой массы посчастливилось сохранить для потомства слѣды своего бытія въ какомъ-нибудь историческомъ документѣ. Но не только количественно, широтой распространенія, числомъ членовъ, размѣромъ средствъ отличаются эти передовые, такъ-сказать, историческія братства отъ братствъ второстепенныхъ. Передовыя братства развили въ себѣ такія стороны, которыя дѣлаютъ ихъ и качественно отличными отъ остальныхъ братствъ: они выступили съ рѣзкими чертами орудій національно-политической борьбы. Конечно, нельзя отрицать, что и другія братства обладали этими сторонами in potentia, но не развили ихъ, а это главное. Поэтому историкъ вполнѣ правъ, когда предлагаетъ намъ только факты, касающіеся нѣсколькихъ извѣстныхъ братствъ и не находитъ нужнымъ подобрать тѣ историческія крошки,

[1]) Акты юго-западной Россіи, т. 1-й (изслѣдованіе Иванишева). Кулишъ. Возсоединеніе Руси. Т. 1-й. Кояловичъ. Литовская церковная унія и Люблинская унія.

которыя оставила послѣ себя скромная трапеза братствъ второстепенныхъ. Въ этомъ историкъ правъ. Но онъ неправъ въ томъ, что разрываетъ ту органическую связь, которая связываетъ всѣ эти органическія формы, и получившія историческое значеніе, и неполучившія его, въ одно цѣлое, не показываетъ намъ, какимъ путемъ простое братство, преслѣдующее извѣстныя цѣли, отчасти религіозныя, отчасти обще-житейскія, если можно такъ выразиться, развилось въ такое сильное орудіе національно-политической борьбы, какъ, напр., братство Львовское. Мало того, что историкъ не показываетъ намъ—онъ, повидимому, и самъ не подозрѣваетъ, что тутъ былъ какой-нибудь процесъ историческаго развитія. Для него братства какъ-то выскакиваютъ вдругъ изъ нѣдръ южно-русской исторіи во всеоружіи своей огранизаціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствительно вызванной новыми наступившими тогда условіями и обстоятельствами, но въ другихъ частяхъ носящей на себѣ слѣды глубокой древности и длиннаго органическаго процесса. До какой степени эта точка зрѣнія, или вѣрнѣе это отсутствіе точки зрѣнія на происхожденіе братствъ польско-литовской Руси отражается на пониманіи фактовъ, видно изъ слѣдующаго. Пишущіе о братствахъ имѣютъ обыкновеніе, ничто же сумняшася, обозначать самымъ точнымъ образомъ годъ возникновенія каждаго братства (напр., книга свящ. Флерова о братствахъ и вообще работы, касающіяся исторіи югозападной Руси). Обратитесь къ источникамъ—и что же вы увидите! Годомъ этимъ почти всегда является или годъ, когда патріархъ даетъ братству (собственно, братскому храму) права ставропигіи, или годъ, когда братство само мѣняетъ свой уставъ, обыкновенно на уставъ братства Львовскаго, или годъ, когда новый король подтверждаетъ по просьбѣ братства права и привилегіи, данныя предшественниками, или что-нибудь въ этомъ родѣ, не имѣющее ничего общаго съ первоначальнымъ возникновеніемъ братства. [1]) Да оно и понятно. Не только годъ, даже приблизительную эпоху возникновенія того или другаго братства мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить,—чаще всего она, вѣроятно, совпадаетъ съ образованіемъ самаго поселенія, въ которомъ появляется братство. Но самое главное то, что мы, вслѣдствіе подобныхъ взглядовъ на братства, господствовавшихъ досихъ поръ въ исторіи, вполнѣ лишены возможности указать на тѣ условія, которыя способствовали такому сильному и своеобразному развитію нѣкоторыхъ изъ нихъ. А между тѣмъ это вопросъ болѣе чѣмъ интересный.

Братства—мы будемъ подразумѣвать пока подъ этимъ названіемъ

---

[1]) О правосл. церк. братствахъ юго-зап. Россіи. Свящ. Флерова. Спб. 1857 г. Памятники временной Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ и Акты западной Россіи, т. IV, напр., акты подъ №№ 28, 36, 55 и др.

исключительно братства польско-литовской Руси, выступившія на историческую сцену въ XVI—XVII вв.—имѣли организацію, одинаковую въ главнѣйшихъ и существенныхъ чертахъ. Суть ея хорошо вырисовывается изъ жалованныхъ королевскихъ грамотъ горожанамъ конца XVI вѣка. Она въ слѣдующемъ. Общество, группирующееся около извѣстной церкви, имѣетъ надъ этою церковью право патроната, и какъ для этой цѣли, такъ и для другихъ, заключаетъ между собой братскій союзъ, составляетъ братство такой-то церкви. Братство своими средствами и трудомъ поддерживало церковь, доставляло восковыя свѣчи, давало содержаніе причту. Затѣмъ оно устраивало и содержало шпиталь (богадѣльню) «въ которомъ бы люди въ хоробахъ уломные безпечное и спокойное мѣшканье мѣти могли» [1]); строили братскіе дома «для сходокъ и намовъ своихъ» [2]); наконецъ, обзаводились вольной русской школой «для науки дѣтей ихъ мѣщанскихъ, такъ тежъ и иныхъ посполитыхъ людей, хто бы колыкъ зъ народу хрестьянскаго въ науку языка русскаго до тоѣ школы ихъ мѣсткоѣ дати хотѣлъ» [3]). Вотъ главнѣйшія учрежденія каждаго братства, имѣющаго въ своей братской казнѣ кой-какія средства. Затѣмъ, каждое братство подавало по праздникамъ милостыню нищимъ на улицахъ, заключеннымъ въ тюрьмахъ и убогимъ въ шпиталяхъ. По отношенію къ членамъ своей корпораціи, братство обязывалось давать помощь изъ братской казны въ случаѣ болѣзни брата, а также во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, гдѣ могла придтись кстати братская помощь. Особенное же вниманіе обращало братство на погребеніе братьевъ: для бѣдныхъ членовъ братства издержки цѣликомъ брались на общій счетъ,—во всѣхъ случаяхъ братство брало на себя извѣстныя погребальныя обязанности и непремѣнно должно было провожать брата до могилы въ полномъ своемъ составѣ и со всею торжественностью. Какіе источники дохода были у братской казны? Во-первыхъ, взносы братьевъ при поступленіи и обязательные періодическіе взносы, затѣмъ штрафы за нарушеніе братскаго устава, наконецъ, пожертвованія на братство, особенно посмертныя. Былъ и еще одинъ источникъ братскихъ доходовъ, котораго братства лишились, когда вступили на путь открытой борьбы съ польскимъ правительствомъ изъ-за уніи—источникъ очень характерный, указывающій на органическую связь церковныхъ братствъ литовско-польской Руси съ иными очень непохожими на нихъ съ виду формами братскаго союза. Въ жалованныхъ

---

1) Акты западной Россіи, т. IV, № 36.
2) Тамъ же.
3) Тамъ же № 28.

грамотахъ королевская власть обыкновенно разрѣшаетъ братствамъ «медовые склады» раза по два въ годъ на большіе праздники: собранный медъ дозволяется братству безпошлинно варить въ опредѣленномъ количествѣ и продавать въ братскомъ домѣ втеченіе нѣсколькихъ дней, — вырученныя деньги шли въ братскую казну, а воскъ на церковь [1]). Въ связи съ этимъ безпошлиннымъ медовареніемъ и шинкованіемъ были братскіе пиры, такъ какъ часть меда употреблялась на общее братское угощеніе. Пиры эти, которые устраивались или въ день патрональнаго праздника или въ другой большой праздникъ, имѣли религіозный характеръ, такъ что даже совершались въ церкви,—впрочемъ, вѣроятно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда братство не успѣло еще обзавестись братскимъ домомъ [2]). Затѣмъ братство, конечно, выбирало изъ своей среды почтенныхъ лицъ для завѣдыванія братскими дѣлами и распоряженія братской казной и имѣло по многимъ дѣламъ право суда.

Вотъ главнѣйшія черты устройства братствъ западной Руси XVI-го и XVII-го вѣка. Конечно, уровнемъ нравственныхъ потребностей членовъ братства и размѣромъ ихъ матеріальныхъ средствъ обусловливалось то, насколько братства расширяли районъ своихъ дѣйствій. По селамъ и деревнямъ, можетъ-быть, и по городамъ, вѣроятно, были и такія братства, дѣятельность которыхъ сосредоточивалась главнымъ образомъ около медовыхъ складовъ и воска на церковь; затѣмъ, конечно, были такія, у которыхъ средствъ и потребностей хватало на шпиталь, но не хватало ихъ на школу, — большая часть городскихъ братствъ принадлежала къ обрисованному выше среднему типу, и наконецъ, было нѣсколько выдающихся братствъ, около которыхъ сосредоточивается вниманіе историка, братствъ, на столько расширившихъ районъ и сферу своихъ дѣйствій, что они получили значеніе учрежденій не только широкаго общественнаго, но и политическаго характера. Эти передовыя братства къ послѣднему десятилѣтію XVI-го стол., т. е. къ началу своей борьбы съ уніей, выработали себѣ прочную организацію, которая получила свое выраженіе въ уставѣ Львовскаго братства, утвержденномъ восточными патріархами. Санкціонируя своимъ признаніемъ братскій уставъ, кон-

---

[1]) Акты зап. Росс., т. IV, №№ 37, 38, 39, 119.

[2]) Молдавскій господарь Александръ, посылая Львовскому братству въ 1565 г. деньги на пиво и хлѣбъ, на десять яловицъ и двадцать барановъ, совѣтуетъ братству совершить празднество въ церкви при закрытыхъ дверяхъ, «а ляховъ въ церковь не пускать, ибо это не годится». Изъ лѣтописи Львовскаго братства, составленной Зубрицкимъ (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1849 г., апрѣль).

стантинопольскій патріархъ, іерархическій глава русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ, далъ братскимъ храмамъ, средоточію дѣятельности братствъ, въ Львовѣ и Вильнѣ,—а впослѣдствіи и еще нѣкоторымъ—права патріаршей ставропигіи. Этимъ путемъ братства освобождались отъ подчиненія мѣстной іерархической власти, а эта свобода способствовала расширенію ихъ дѣятельности, такъ какъ шляхтичи-епископы, даже православные, ужъ не говоря объ уніатахъ, часто очень неблагосклонно смотрѣли на то, какъ хозяйничаютъ въ ихъ епархіяхъ братчики-кожевники, сапожники и т. п. Къ тому времени, какъ на православномъ горизонтѣ литовско-польской Руси стала вырисовываться зловѣщая фигура уніи, въ средѣ братствъ проявилось сильное стремленіе къ однообразію—«да вездѣ единакія брацтва будутъ», какъ выразился Брестскій соборъ 1590 г. [1]). Всѣ братства на-перерывъ начали принимать Львовскій уставъ, и Львовское братство сдѣлалось такимъ образомъ прототипомъ прочихъ братствъ, съ той разницей, что далеко не всѣ братства, конечно, могли развить свои учрежденія до широты и разнообразія львовскихъ. Главнѣйшія черты этого устава въ слѣдующемъ [2]). Доступъ въ братство совершенно свободный для лицъ всѣхъ званій, мѣстныхъ жителей, какъ и постороннихъ, подъ условіемъ опредѣленнаго взноса при поступленіи—въ шесть грошей. Ежегодный обязательный взносъ въ братскую кружку тоже шесть грошей. Кромѣ того, каждый братъ, являющійся на мѣсячную сходку, обязанъ положить въ братскую кружку полъ-гроша. Братскія сходки, какъ мѣсячныя, такъ и экстренныя, по требованію обстоятельствъ, сзываются черезъ обсылку по братьямъ братскаго знамени. Въ общемъ годовомъ собраніи братство выбираетъ изъ себя четырехъ старшихъ братьевъ, которымъ поручаетъ управленіе дѣлами братства: кружка братская хранится старшимъ, а ключъ отъ нея младшимъ братомъ. Въ общемъ же годовомъ собраніи отслужившіе годъ братья даютъ братству отчетъ въ своемъ управленіи. Отказъ отъ старѣйшинства безъ уважительныхъ причинъ наказывается штрафомъ—три безмѣна воску. Штрафомъ же и сидѣньемъ на колокольнѣ наказывается тотъ, кто обидитъ словомъ брата въ братствѣ, а также тотъ, кто скажетъ въ братствѣ неприличное «корчемное» слово; строго наказывался еще тотъ, кто выносилъ за порогъ братскаго дома тайну братскихъ совѣщаній. Старшіе братья, «чести ради», обязаны были нести за тотъ же просту-

[1]) Сводная Галицко-русская лѣтопись, сост. Петрушевичемъ, Львовъ, 1874 г. стр. 596.

[2]) Памятники Кіевской временной Комиссіи, т. 3-й.

покъ наказанія вдвое и втрое бо̀льшія, чѣмъ простые братчики. Судъ братскій совершается въ общемъ собраніи братьевъ: старшіе утверждаютъ, что̀ присудятъ младшіе. Непослушаніе братскому суду наказывается отлученіемъ отъ церкви. Братство помогаетъ своимъ членамъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ случаѣ болѣзни или потери имущества; братство также даетъ членамъ деньги взаймы безъ процентовъ, при чемъ уставъ оговариваетъ, что «должно смотрѣть не на сбереженіе, не на тѣхъ, которые хотятъ обогатиться, но на тѣхъ, которые по допущенію Божію терпятъ большіе недостатки», или, какъ выражается уставъ Луцкаго братства [1]), «тѣхъ, которые въ хорошемъ состояніи и богаты, братья не должны дѣлать богаче, но только обѣднѣвшимъ помогать и деньги братскія ссужать заимообразно, безъ всякой лихвы». Обычная помощь при погребеніи и милостыня, какъ уже было сказано выше.

Какъ видите, канва братской организаціи не особенно широка, разнообразна и многообѣщающа, но жизнь вышила по этой канвѣ роскошные узоры. Русскій народъ литовско-польскаго государства, оторвавшійся въ силу историческихъ обстоятельствъ отъ своего родного племени, попалъ въ колею государственной жизни, общую съ народностями ему чуждыми. Но пока онъ жилъ съ Литвой, положеніе хоть и имѣло видъ политической зависимости, на самомъ дѣлѣ, было довольно выгодно: немногочисленная, некультурная Литва легко подпала вліянію русской народности, пользовалась ея языкомъ, усвоивала ея не особенно высокую, но все-таки культуру. Совсѣмъ другое дѣло, когда литовская Русь, послѣ Люблинской уніи, пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ польской народностью—изъ русскихъ земель одна Галиція гораздо раньше, съ половины XIV-го в., попала подъ польское господство. Русская народность очутилась лицомъ къ лицу съ народностью, господствующею политически, многочисленною, съ развивающимся аппетитомъ на поглощеніе чуждыхъ національныхъ элементовъ, запряженныхъ въ одно съ ней государственное ярмо, а главное—сильной своею относительно высокой культурой. Еще политическія стѣсненія ограничивались одной Галиціей, а религіозныя и не предчувствовались, какъ уже невидный и неслышный пока польскій культурный Drang заставилъ встрепенуться русскую народность. Заговорилъ инстинктъ національнаго самосохраненія. Что онъ заговорилъ, въ этомъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго; но удивительно то, что онъ указалъ единственно надеж-

[1]) Памятники Кіевск. врем. ком., т. 1-й.

ный путь, на которомъ народность можетъ найти средства защиты отъ культурнаго Zwang'а преобладающей народности. Это путь подъема своей собственной культуры. Къ счастію, польское государство еще не на столько было лишено политической свободы и терпимости, чтобы помѣшать какой-либо составной своей части вести дѣло своей защиты на томъ благородномъ полѣ. Иниціативу дѣла взяли въ свои руки мѣщане, сгруппировавшіеся въ братства; благородное русское панство только пристало къ дѣлу, такъ какъ и въ немъ, при общемъ возбужденіи, не могли не проснуться національные инстинкты, пристало до тѣхъ поръ, пока жертвы для національнаго дѣла не оказались слишкомъ тяжелыми,—тогда дворянство почти въ полномъ своемъ составѣ передалось во враждебный лагерь. Братствамъ, представлявшимъ теперь весь «славный народъ русскій» [1]), нечего было много ломать голову надъ тѣмъ, какими средствами вести свою культурную борьбу,—такой оживленный вѣкъ, какъ XVI-й, училъ многому, а на глазахъ іезуиты показывали примѣры того, съ какимъ успѣхомъ можно иногда употреблять въ качествѣ оружія знаніе и науку. Со всѣмъ жаромъ, какой могли вложить въ дорогое имъ дѣло только цѣльные люди изъ народа, не расшатанные, подобно современному имъ дворянству, сомнѣніями, религіознымъ и нравственнымъ индифферентизмомъ, принялись братства за подъемъ родной культуры. Закипѣла умственная дѣятельность—съ удивительной быстротой начали выростать школы и типографіи.

«Первое да при храмѣ... братство церковное, любовію связуемо неразрушно и вѣчнѣ пребываетъ, второе да типографія станетъ во преподаваніе книгъ божественнаго учительства, третіе же гимнасіонъ да будетъ во обученіе юнымъ и предложеніе художества писменъ и ученій внѣшнихъ же и божественныхъ», такъ опредѣляетъ главныя цѣли своего существованія Львовское братство въ предисловіи къ одному изъ своихъ изданій [2]). Типографія, «дѣло преизящно и вещь многоцѣнна», созданная «иждивеніемъ многимъ и прилежаніемъ братскимъ» [3]) была любимымъ дѣтищемъ Львовскаго мѣщанства. Съ тѣхъ поръ, какъ братство пріобрѣло ее отъ типографщика Ивана Өедорова [4]) (въ концѣ семидесятыхъ или началѣ восьмидесятыхъ

---

[1]) Виленское братство, посылая въ 1588 г. письмо братству Львовскому, адресуетъ его такъ: «Братству о Христѣ храма такого-то, мѣщанамъ великаго града Львова, славному народу русскому». Акты зап. Рос., т. IV. стр. 6.

[2]) Къ Октоиху 1644 г. Сводная Галицко-русская лѣтопись, стр. 97.

[3]) Тамъ же.

[4]) До пріобрѣтенія этой типографіи у Львовскаго братства уже была типографія, но почему-то пришла въ упадокъ (Флеровъ, «О православныхъ церковныхъ братствахъ», стр. 123).

годовъ XVI-го в.), искусство котораго оказалось ненужнымъ Москвѣ, откуда онъ бѣжалъ «озлобленія и зависти ради», и пріютилось во Львовѣ, черезъ весь длинный періодъ, пока тянулась борьба, Львовская типографія оказала огромныя услуги дѣлу русской народности. По примѣру Львовскаго, устроились типографіи и въ другихъ большихъ братствахъ, въ Вильнѣ, Луцкѣ, Могилевѣ. Типографіи меньшихъ размѣровъ заводились не только въ городахъ, и въ мѣстечкахъ; заводили типографіи и частныя лица (напр., знаменитая типографія кн. Константина Острожскаго въ Острогѣ); сильная потребность вызывала даже существованіе странствующихъ типографій [1]. Но все-таки центръ типографской дѣятельности былъ въ братствахъ, и особенно во Львовскомъ Въ какое цвѣтущее состояніе привело свою типографію Львовское братство видно изъ того, что къ ней обращались за содѣйствіемъ не только братства,—даже князь Острожскій, патріархъ Іерусалимскій, молдавскій господарь просятъ ее то о напечатаніи того или другаго, то о высылкѣ шрифту и наборщиковъ. Зубрицкій опредѣляетъ число напечатанныхъ этою типографіей книгъ за время ея существованія тремя стами тысячъ [2], цифра очень значительная по тогдашнимъ типографскимъ средствамъ.

Что же печатали братства? Въ дополненіи къ уставу, которое было дано Львовскому братству патріархомъ Константинопольскимъ Іереміей, во время его пребыванія въ Польшѣ въ 1590 г., разрѣшается братству печатать не только богословскія книги и хроники, «но и другія, нужныя для училища, именно: грамматику, піитику, реторику и философію» [3]. Но кромѣ книгъ богословскаго и научнаго содержанія, братства всегда разрѣшали себѣ печатаніе сочиненій полемическаго характера. Правда, поводомъ къ полемикѣ всегда служили религіозные вопросы, и разыгралась она особенно послѣ Брестскаго собора 1596 г., когда унія въ первый разъ выступила открыто; но могла ли полемика удержаться на исключительно богословской почвѣ въ такомъ разгарѣ страстей, когда религіозные вопросы перепутывались съ національными и политическими? Въ разгаръ борьбы образовалась цѣлая полемическая литература какъ изъ большихъ сочиненій, такъ и летучихъ брошюръ, посланій, проповѣдей, разнаго рода публикацій. На поприще литературной полемики выступили тогда «сотни борцовъ разнообразныхъ званій, образованности, добросовѣстности, дарованій, борцовъ, которые вооружались самымъ разнообразнымъ оружіемъ, схва-

[1] Кояловичъ, Литовская церковная унія, т. 1-й, стр. 176, т. 2-й, стр. 261.
[2] Badania o drukarniach Russkoslawianskich w Halycyi, 1836 г.
[3] Памятники Кіев. вр. ком., т. 3-й, стр. 40.

тывали налету и поражали или защищали каждое событіе, каждый случай, каждую мысль, если усматривали въ нихъ хоть малѣйшую опору для себя и пораженіе для противниковъ, а типографіи, разсѣянныя тогда по всей Литвѣ, воспроизводили и обнародовали этотъ горячій и непрерывный споръ», какъ замѣчаетъ талантливый авторъ изслѣдованія о Литовской церковной уніи г. Кояловичъ. A la guerre comme à la guerre: когда нужно было свалить сильнаго врага, полемика переходила и на почву личныхъ обличеній. На этой почвѣ братства были особенно хорошо вооружены, такъ какъ при своей широко развѣтвленной коллективности, имѣли массу связей во всѣхъ слояхъ общества, начиная отъ нисшихъ до самыхъ высокихъ, и потому, конечно, могли знать многое. И они пользовались своимъ знаніемъ, чтобъ дискредитировать въ глазахъ общества и народа враговъ—личная полемика могла имѣть въ то время и при тогдашнемъ общественномъ строѣ большое общественное значеніе. Такъ работали братскія типографіи, отстаивая дѣло своего народа. Можно ли подумать, глядя теперь на этотъ Богомъ забытый западный край, что онъ былъ когда-то ареной такой оживленной литературной дѣятельности, главный починъ которой исходилъ отъ жалкихъ ремесленниковъ? И это было въ царствованіе того прославленнаго іезуита и фанатика Сигизмунда III, имя котораго отожествляется со всякими притѣсненіями и гоненіями всего православно-русскаго! Польская конституція обезпечивала обществу такую долю свободы, особенно въ дѣлѣ выраженія мнѣній, въ дѣлѣ печати, въ дѣлѣ сходокъ и ассоціацій, что и угнетенной русской народности хватило ее на то, чтобъ развернуть въ полномъ блескѣ свои силы для легальной борьбы и отпора. Правда, правительство польское допускало, чтобъ іезуиты, на основаніи папскихъ буллъ, «перечищали библіотеки», напр., въ 1575 г., по словамъ Ярошевича [1]), они жгли на улицахъ Вильны цѣлые костры книгъ и позже не разъ совершали руками палачей книжныя ауто-да-фе. Но въ то же время оно не запрещало типографій, напротивъ, давало братствамъ привилегіи на ихъ учрежденіе. Жизнь польскаго государства была полна противорѣчій; но изъ-подъ этихъ противорѣчій еще можно было выбиться здоровому жизненному ростку.

Къ сожалѣнію, не сохранилось сколько-нибудь полныхъ свѣдѣній о книгахъ, которыя увидѣли свѣтъ въ братскихъ типографіяхъ: больше всего дошло свѣдѣній о книгахъ богословскаго содержанія, главнымъ образомъ, богослужебныхъ, которыя, вѣроятно, и печатались въ большомъ

1) Obraz Litwy. т. 3-й, стр. 91.

количествѣ экземпляровъ и въ церквахъ легче сохранялись во время политическихъ смутъ и переворотовъ. Относительно научной литературы, созданной братскими типографіями—типографіи въ то время были не нынѣшними печатными заводами, а учрежденіями, около которыхъ группировались мѣстныя интеллигентныя силы,—можно указать на то вниманіе, какое придавали братства изданію грамматикъ славянскаго и греческаго языковъ. Изданіе руководствъ по грамматикѣ было необходимо для школъ; но труды по славянской грамматикѣ имѣли и другое—общественное и даже политическое значеніе. Хотя реформація и пошатнула значеніе латыни, такъ какъ рѣзко выставила на видъ, что и на вульгарномъ языкѣ можно писать о высокихъ предметахъ, но все-таки латынь господствовала въ наукѣ почти безраздѣльно. Польша была страной, выдающейся по распространенности въ ней латинскаго языка: латынь здѣсь была необходимой принадлежностью самаго элементарнаго образованія, доступнаго и простонародью, конечно не холопству, а мѣщанству [1]). Но когда начала разыгрываться національная и религіозная вражда, это обстоятельство тѣмъ болѣе должно было отвращать православное русское населеніе отъ латыни: латинскій языкъ, полякъ, іезуитъ, католичество или унія—все это были для православнаго русина разныя стороны одного и того же понятія. Конечно, русское населеніе польскаго государства, въ своемъ пробудившемся стремленіи къ просвѣщенію, могло бы противупоставить латинскому языку греческій, который тоже считался завѣдомо способнымъ къ передачѣ высокихъ понятій—и братства дѣйствительно вводили въ свои высшія школы греческій языкъ. Но онъ могъ служить развѣ только вывѣской, которую можно было оборачивать къ латинству, когда оно приставало съ вѣскими аргументами въ пользу исключительнаго высокаго значенія своего языка,—онъ не могъ удовлетворять насущнымъ жизненнымъ потребностямъ народа, для котораго церковнымъ языкомъ былъ всегда языкъ родственный славянскій, а не греческій. Но самый фактъ употребленія славянскаго языка въ богослуженіи и религіозной литературѣ не зажималъ рта латинянамъ. Знаменитый іезуитъ Скарга, въ одномъ изъ своихъ полемическихъ сочиненій противъ православія, доказываетъ, что только при помощи латинскаго и греческаго языковъ можно дойти до совершенства въ наукѣ и вѣрѣ, и что на всемъ свѣтѣ не было и никогда не будетъ ни академій, ни коллегій, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки

[1]) Кулишъ, Возсоединеніе Руси, т. 1. стр. 193—свидѣтельство Кромера, писавшаго о Польшѣ эпохи Баторія.

могли преподаваться на иномъ языкѣ. При славянскомъ же языкѣ, доказываетъ онъ, никогда никто ученымъ быть не можетъ, такъ какъ языкъ этотъ никогда не имѣлъ правилъ и грамматики [1]). Ясно, что при такой постановкѣ вопроса у польско-католической партіи, для братствъ, жаждавшихъ создать русское просвѣщеніе, являлось вопросомъ настоятельной потребности доказать, что славянскій языкъ можетъ тоже, какъ и привиллегированные языки, имѣть и правила, и грамматику. Этимъ объясняется, что при скудныхъ вообще свѣдѣніяхъ о книгахъ, выходившихъ изъ братскихъ типографій, мы находимъ въ небольшой періодъ времени три извѣстія объ изданіи грамматикъ—греко-славянской въ Львовѣ и двухъ славянскихъ въ Вильнѣ, грамматикъ, авторами которыхъ являются такіе выдающіеся по своимъ дарованіямъ члены виленскаго братства, какъ Зизаній и Мелетій Смотрицкій [2]).

Даже изданіе богослужебныхъ книгъ было въ рукахъ братствъ однимъ изъ сильныхъ орудій ихъ общественной борьбы. Кромѣ того общаго значенія, какое имѣло изданіе богослужебныхъ книгъ для поддержанія православія, дѣло котораго неразрывно связано было тогда съ дѣломъ русской народности, изданія книгъ этого рода, постоянно предпринимаемыя тогда братствами, имѣли еще особое значеніе. Іезуитская партія, въ своей борьбѣ съ православіемъ, прибѣгала къ одному средству, очень неблаговидному съ современной точки зрѣнія, но совершенно дозволительному по тогдашнимъ, особенно іезуитскимъ взглядамъ на дѣло—къ фальсификаціи православныхъ церковныхъ книгъ. «Книгами фальшивыми закидають, книги змышляють, пишучи подъ датою старою, письмомъ старымъ», говоритъ авторъ одного полемическаго православнаго сочиненія, такъ называемаго Перестороги [3]). «Ало присмотрися пильно въ самую рѣчь», аргументируетъ далѣе авторъ, «и знайдешь тамъ слова, вѣка теперешняго людьми уживаемые, которыхъ старые предки нашѣ не уживали: бо... Русь у свой языкъ намѣшали словъ польскихъ и оныхъ уживають. Тогды снадно познаешь, же то книжки змышленые и неправдивые». Фальсифицируя тексты, іезуиты думали сломить упорство православныхъ, не подозрѣвая, что коренится это упорство не въ текстахъ, а въ инстинктѣ національнаго самосохраненія, который отталкивалъ русскій народъ отъ привлекательной своей внѣшностью

---

1) Кулишъ, Возсоединеніе Руси, т. 1. стр. 252.

2) Грамматика Смотрицкаго даже въ Великороссіи имѣла нѣсколько изданій и пользовалась около 200 лѣтъ авторитетомъ.

3) Акты зап. Рос., т. IV, № 149.

польской культуры и тянулъ его на тяжелый путь самостоятельнаго культурнаго труда—въ тѣхъ инстинктахъ и стремленіяхъ, выразителями которыхъ сдѣлались братства. Но понятно, что братства не могли остаться безучастными зрителями подпольной іезуитской работы и давили ее массой своихъ изданій, тщательно просмотрѣнныхъ и исправленныхъ въ православномъ духѣ.

Симпатичный авторъ Перестороги, конечно, какой-нибудь львовскій братчикъ, изслѣдуетъ въ началѣ своего труда причины, отъ которыхъ русская народность пришла въ такое тягостное для нея зависимое положеніе. Какъ настоящій сынъ своего времени и членъ своего братства, онъ корень всего зла видитъ въ недостаткѣ просвѣщенія у русиновъ, главное въ недостаткѣ просвѣщенія въ посполъствѣ, въ народѣ. По его мнѣнію, первые ревнители вѣры, перенесшіе христіанство изъ Греціи на Русь, много настроили монастырей и церквей и богато одарили ихъ, даже книгъ много нанесли, «лечь (но), што было напотребнѣйшее,—школъ посполитыхъ не фундовали». Оттого потомки этихъ великихъ ревнителей, «науками не выученые», не только не смогли удержать за собой политической власти, но не могли отстоять и свою церковь, и вѣру. Погибло панство русское, «же не могли школъ и наукъ посполитыхъ разширяти и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науки мѣли, тогды бы за невѣдомостью (невѣжествомъ) своею не пришли до таковые погибели». А затѣмъ уже по неволѣ, когда Русь соединилась съ Польшей, то русины «позавидовали обычаямъ, мовѣ и наукамъ» польскимъ, «и не маючи своихъ наукъ у науки римскіе своѣ дѣти давати почали, которые з науками и вѣры ихъ навыкли». Въ этихъ историческихъ взглядахъ автора Перестороги хорошо выразилось, какое исключительное значеніе придавали братства дѣлу образованія. И они осуществляли на практикѣ свои теоретическія воззрѣнія. Каждое братство, сколько-нибудь сносно поставленное, старалось «для науки дѣтокъ малыхъ школу мѣти и бакаляра въ ней ховати и тамъ дѣтей письма греческаго и русскаго учити давати». А братства передовыя устраивали высшія школы, гдѣ было по нѣскольку классовъ, гдѣ преподавались языки русскій, славянскій, греческій, иногда еще латинскій и польскій, какъ было въ братствѣ Виленскомъ, гдѣ дѣти учились «не только отъ Священнаго Писанія», но «и отъ философовъ, поэтовъ, историковъ», не пренебрегая ничѣмъ изъ семи свободныхъ наукъ [1]), если можно было найти способныхъ преподава-

[1]) Сигизмундъ III дастъ Львовскому братству грамату на содержаніе школы «pro tractandis liberis artibus».

телей. Мѣщане, сгруппировавшіеся въ братства, не могли согласиться съ шляхетскимъ мнѣніемъ, что «имъ, какъ простымъ людямъ, науки не нужны»,—мнѣніемъ, которое не стыдился выражать даже шляхтичъ—православный епископъ львовскій [1]). Они всегда готовы были отвѣтить отъ Писанія, какъ жители Гологуръ, съ которымъ обращался епископъ, что «святой Павелъ повелѣваетъ учиться». Честолюбивой цѣлью братствъ, обзаведшихся высшими школами, было то, чтобъ ихъ попеченія о школахъ произвели въ свое время искусныхъ священниковъ, не только въ городахъ, но и въ селахъ [2]). Оно и понятно; только черезъ образованныхъ священниковъ могло поддерживаться православіе—что такъ хорошо понимали поляки, которые позднѣе приняли систему мѣшать православнымъ имѣть образованное духовенство; только чрезъ такихъ священниковъ могли граматность и знаніе распространяться въ нисшихъ народныхъ слояхъ, въ темномъ хлопствѣ. Образованное православное духовенство, сознательно принимающее положеніе учителей и вожаковъ народа, могло быть самой надежной опорой той политической и общественной идеи, которую представляли братства.

Устроенныя народомъ и для народа «для науки дѣтей ихъ мѣщанскихъ такъ тежъ и иныхъ посполитыхъ людей», братскія школы, какъ высшія, такъ и нисшія, отличались демократическимъ характеромъ своей организаціи. Въ братскіе уставы иногда спеціально вносились пункты на счетъ того, что «братство обязано подавать возможную помощь дѣтямъ, которыя не имѣютъ достатка, а хотятъ учиться» [3]). Въ высшихъ школахъ бѣдняки содержались на счетъ братской казны; не препятствовали учиться и тому, кто кормился милостыней. Чрезвычайно интересны пункты устава Луцкой школы [4]),—единственный сохранившійся полный уставъ братскихъ школъ, которыми устанавливается въ школахъ полное равенство учащихся. «Садиться каждый долженъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаемомъ по успѣхамъ», говоритъ уставъ. «Кто больше будетъ знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ; а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на нисшемъ мѣстѣ. Богатые передъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою, а по внѣшности равны всѣ. Учитель долженъ и учить, и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убо-

---

[1]) Флеровъ, стр. 90.
[2]) Акты зап. Рос., т. IV, № 217.
[3]) Памятники врем. Ком., т. 3-й, стр. 40.
[4]) Тамъ же, т. 1-й, стр. 40.

гихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить, сколько кто по силамъ научиться можетъ; только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ... Двухъ или четырехъ мальчиковъ, въ каждую недѣлю иныхъ, по порядку назначать должно для наблюденія, отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь. Дѣло ихъ будетъ: пораньше придти въ школу, подмести школу, затопить въ печкѣ и сидѣть у дверей и знать обо всѣхъ, кто выходитъ и входитъ». Чтобъ понять смыслъ и цѣль этихъ и подобныхъ правилъ, которыя теперь могутъ звучать чѣмъ-то неумѣстнымъ и лишнимъ, надо имѣть въ виду, что, рядомъ съ братскими школами, всюду въ городахъ были іезуитскія школы, а польскія іезуитскія школы, аристократическія въ принципѣ, не хотѣли знать этихъ мѣщанскихъ началъ школьнаго равенства, которыя кажутся намъ теперь такими простыми и элементарно-необходимыми. Китовичъ [1]) разсказываетъ, что въ іезуитскихъ школахъ богатые паничи имѣли для себя то преимущество, что сидѣли въ школахъ на переднихъ скамьяхъ. На заднихъ скамьяхъ сидѣли дѣти бѣдной шляхты, находящейся на службѣ у шляхты богатой. Сыновья бѣдной шляхты и въ школѣ прислуживали сыновьямъ своихъ патроновъ: носили имъ книжки, чистили платье, служили на посылкахъ и т. п... Нѣкоторые изъ бѣдныхъ студентовъ, обыкновенно великовозрастныхъ, за плату отъ болѣе состоятельныхъ, обязывались рубить дрова и топить печи, и только истопивши печь, усаживались за ученье. Какъ видите, начала польско-шляхетскаго воспитанія были довольно отличны отъ началъ мѣщанско-русскихъ, и распространенностью іезуитскихъ школъ, куда и русскіе, особенно шляхта, нерѣдко отдавали своихъ дѣтей, объясняется та настойчивость, съ которою братства указывали въ своихъ школьныхъ уставахъ на правило школьнаго равенства.

Но не въ однихъ этихъ правилахъ выражались демократическія начала братскихъ школъ. Доступъ въ нихъ былъ совершенно свободенъ для каждаго. Для того, чтобъ кто-нибудь не взялъ на себя школьныхъ обязательствъ, не соразмѣривши своихъ силъ съ трудностями предстоящаго ученія, желающаго вступить въ школу допускали на нѣсколько дней присмотрѣться къ ученію и порядкамъ, — при этомъ бѣдному давалось и даровое пропитаніе. Только присмотрѣв-

---

[1]) Opis obyczayòw i zwyczayòw za panowania Augusta III, т. 1-й, стр. 15, 22, 24. Китовичъ пишетъ о XVIII-мъ в.; но нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобъ іезуиты предыдущаго вѣка держались болѣе демократическихъ воззрѣній на воспитаніе—напротивъ, въ XVIII-мъ в. старые взгляды уже начали терять подъ собой почву, что повело къ реорганизаціи школъ, сначала піарскихъ, потомъ и іезуитскихъ.

шись, онъ долженъ былъ рѣшить окончательно — хочетъ-ли онъ остаться въ школѣ или нѣтъ; когда же рѣшался остаться, долженъ былъ безусловно подчиняться строгой школьной дисциплинѣ. Также можно было свободно заниматься любыми науками изъ преподававшихся въ школѣ по выбору: только выборъ уже не былъ предоставленъ на произволъ ученика, «такъ какъ онъ не могъ въ скорости узнать ни наукъ, которыя преподаются, ни того, къ какой онъ способенъ», а за него рѣшали родители, или ученикъ обращался за совѣтомъ къ начальнику школы, который давалъ совѣтъ, сообразуясь «съ лѣтами, наклонностями и способностями ученика». Начальникъ школы оставлялъ за собою право давать совѣты на счетъ болѣе полезнаго выбора наукъ и тѣмъ, занятія кого опредѣлялись родителями. Трудно было придумать что-нибудь болѣе цѣлесообразное. Хотя ученіе наизусть, по общимъ педагогическимъ представленіямъ того времени составляло существенный элементъ преподаванія, но уставъ прямо обязываетъ также учить дѣтей объяснять читанное, разсуждать и понимать.

Школы, устроенныя «великимъ стараніемъ и иждивеніемъ и заботою мѣщанъ русскаго рода на пожертвованія всѣхъ православныхъ христіанъ, какъ духовнаго сословія, такъ и особъ княжескихъ, господскихъ и дворянскихъ и всего простого народа, даже и до убогихъ вдовицъ», пользовались постояннымъ братскимъ надзоромъ и попеченіемъ. Братства не ограничивались тѣмъ, что давали матеріальныя средства. Они не только стремились къ тому, чтобъ обставить хорошо ученіе въ школѣ, но наблюдали за тѣмъ, чтобъ и внѣ школы ничто не препятствовало ученикамъ въ ихъ занятіяхъ. Они пользовались правомъ напоминать родителямъ о правильномъ веденіи ихъ сыновей, также хозяовамъ квартиръ, гдѣ жили ученики, особенно послѣднимъ: если на квартирѣ встрѣчался какой-нибудь безпорядокъ, «препятствующій наукѣ и благимъ нравамъ», виновный былъ привлекаемъ братствомъ къ отвѣтственности. Обращалось большое вниманіе на выборъ и обезпеченіе учителей; къ сожалѣнію, въ нихъ часто чувствовался недостатокъ. Когда Львовская школа, раньше другихъ основанная, встала на ноги, она поставляла учителей для другихъ братствъ; позже ея первенствующее мѣсто, какъ разсадника русской православной учености, заступило Кіевское Богоявленское братское училище, давшее просвѣтителей и Московскому государству. Впродолженіи почти полутора вѣка, до основанія Московскаго университета (1755 г.), Кіевское братское училище, которое потомъ было преобразовано въ духовную академію, гораздо болѣе дѣлало для удовлетворенія умственныхъ потребностей Великой Россіи, чѣмъ какое

другое образовательное учрежденіе [1]). Пока же не было еще своихъ учителей, братства добывали себѣ преподавателей даже съ далекаго греческаго востока: такъ, при возникновеніи высшей школы во Львовѣ, въ ней два года занимался митрополитъ Диномитскій и Еласонскій Арсеній. Заводили братства и библіотеки при своихъ училищахъ: извѣстна большая Львовская библіотека, состоявшая изъ книгъ греческихъ, латинскихъ, славянскихъ и польскихъ [2]).

Ограничимся этимъ очеркомъ просвѣтительной дѣятельности братствъ; затрогивать ихъ дѣятельность филантропическую, самопомощь, которую они практиковали въ широкихъ размѣрахъ, ту поддержку, какую они оказывали православію, помимо косвенныхъ путей, и непосредственной матеріальной помощью, значило бы расширить размѣры нашей статьи далеко за намѣченные нами предѣлы. Чтобъ закончить картину братскаго движенія, остановимся еще только на одной сторонѣ. Не меньше чѣмъ на дѣятельность просвѣтительную, потрачено было братствами энергіи на прямую защиту роднаго народа отъ надвигающагося на него гнета. Тутъ опять-таки выдвигаются братства Львовское и Виленское — единственныя изъ братствъ, настолько сильныя матеріально, чтобъ вести дѣло хоть съ кое-какой надеждой на результатъ. Они постоянно сносились другъ съ другомъ и, слѣдовательно, могли бы, такъ сказать, столковаться на счетъ своего образа дѣйствій, ближайшихъ цѣлей, лучшихъ средствъ для ихъ достиженія и т. п. Но этого-то, къ удивленію, мы и не видимъ. Два эти братства идутъ къ своимъ цѣлямъ совсѣмъ различными путями, отмѣчающими ихъ дѣятельность чертами типическаго различія. Львовское братство всегда предпочитаетъ средства ультра-мирныя, ультра-легальныя, старается достигать своихъ цѣлей незамѣтными окольными путями; Виленское братство, напротивъ, отдаетъ видимое предпочтеніе открытому образу дѣйствій, рѣзкимъ проявленіемъ энергическаго протеста, который не ограничивается тѣмъ, что пользуется

---

1) Исторія Кіевской Академіи, Макарія Булгакова, С.-Петерб. 1843 г. стр. 12. Воспитанники Кіевской Академіи, распространялись по Россіи въ качествѣ русскихъ чиновъ духовной іерархіи, устраивали школы, гдѣ могли. Такимъ образомъ, малорусскіе архіереи занесли школы даже въ такія отдаленныя мѣста, какъ Сибирь и Архангельская губ. Ихъ просвѣтительныя предпріятія, случалось, наталкивались на недоброжелательство великорусскаго духовенства. Такъ Варсонофій, епископъ архангельскій и холмогорскій, по поводу школы, устроенной его малорусскимъ предшественникомъ въ Холмогорахъ, выражалъ слѣдующія мнѣнія: «чего ради такая не по здѣшней епархіи школа построена? да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не подлежитъ; къ школамъ имѣли охоту бывшіе здѣсь архіереи черкасишки, ни къ чему негодницы». (Соловьевъ, исторія Россіи, т. XXII, стр. 272).

2) Флеровъ, стр. 90, 93.

всѣмъ, заключающимся въ предѣлахъ строгой легальности, но пытается даже расширить эти предѣлы на свой собственный страхъ и рискъ. Чѣмъ объяснить эту разницу? Послѣ Люблинской уніи галицкіе русины были уравнены въ правахъ со всѣмъ остальнымъ русскимъ народомъ; значитъ, она не можетъ быть объясняема юридическимъ положеніемъ. Конечно, могли быть какія-нибудь ускользающія отъ насъ условія, которыми опредѣлялся такой, а не иной характеръ дѣятельности братства. Но мы не можемъ не отнести отмѣченнаго нами различія въ дѣятельности Виленскаго и Львовскаго братствъ, если не цѣликомъ, то хотя отчасти, къ разницѣ въ общественномъ, такъ сказать, характерѣ галицкаго и остального западно-русскаго мѣщанства. Галицкіе русины два вѣка уже были въ зависимости отъ Польши, въ политическомъ подчиненіи, между тѣмъ какъ остальной западно-русскій народъ переживалъ медовый мѣсяцъ своего новаго тѣснаго союза съ народомъ польскимъ. Привычки народа политически свободнаго уже замирали въ Галиціи, но еще были живы въ Западной Руси. Интересно, съ этой точки зрѣнія, прочесть одинъ изъ немногихъ сохранившихся документовъ, касающихся взаимныхъ сношеній упомянутыхъ братствъ: это письмо старшаго львовскаго братчика Юрія Рогатинца Стефану—вѣроятно, Зизанію—и вообще Виленскому братству [1]). «Запечатали вамъ церковь именемъ нареченнаго ихъ (папежниковъ) митрополита Ипатія: не смущайтесь о томъ и не злорѣчьте Ипатію въ роспачи его, на горшее приводячи, съ чого возрастаетъ ярость, гнѣвъ и клопотъ безвременный, а не божіе строеніе...» Такъ пишетъ львовскій братчикъ въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ упомянутый Стефанъ извѣщаетъ Львовское братство, что братство Виленское насильно вторглось, пользуясь смертью стараго митрополита, въ Троицкій монастырь, откуда его выгнали было уніаты и захватили братскій алтарь. Осмотрительный Львовскій братчикъ прямо не порицаетъ этотъ поступокъ, даже какъ бы высказываетъ ему условное одобреніе, но вышеприведенный совѣтъ, «чтобъ не злорѣчить Ипатію въ роспачи его» и т. п., бросаетъ свѣтъ на настоящій смыслъ его осторожныхъ словъ. Ясно, что Львовское братство не относилось съ полнымъ сочувствіемъ къ слишкомъ, по его мнѣнію, рѣшительному образу дѣйствій братства Виленскаго. Съ другой стороны, изъ этого же документа можно заключить, что и Виленское братство не было совсѣмъ довольно большой львовской осторожностью, даже какъ будто бы склонно было видѣть въ ней

[1]) Акты зап. Рос., т. IV, № 146.

готовность на уступки врагамъ общаго дѣла: по крайней мѣрѣ, Рогатинецъ считалъ нужнымъ дѣлать объясненія въ родѣ того: «а што слышно о мнѣ, ижъ мѣваю розмову и съ Ипатіемъ и писанія до себе посылаемо, яно не есть то подозрѣніе, али уваженіе справъ. Мѣваю я частую розмову со всякими противными людьми, не держачи стороны ихъ, але овечьимъ незлобіемъ и мудростью зміиною и цѣлостью голубиною, яко Христосъ научилъ, поступаючи...»

Кромѣ стѣсняющихъ и принудительныхъ дѣйствій, обращенныхъ прямо противъ религіи, католическая партія, во главѣ которой стояло правительство, прибѣгала и къ другого рода стѣсненіямъ относительно русскаго народа—чувствительнѣе всего были стѣсненія въ экономической жизни. Несмотря на прямой и положительный законъ, уравнивавшій русскихъ въ ихъ правахъ между собою и съ поляками, русское мѣщанство подвергалось то и дѣло ограниченіямъ въ своей промышленной дѣятельности. Стѣсненія эти и ограниченія сосредоточивались около цеховъ. Такъ какъ цехи, по польскому законодательству, считались учрежденіями религіознаго характера, въ ихъ дѣла мѣшались духовныя католическія и уніатскія власти. Львовское братство жалуется на митрополита Ипатія Потѣя за то, что онъ дѣлаетъ православнымъ «вытисканье изъ цеховъ». [1]) Виленское братство въ своихъ пунктахъ объ обидахъ православнымъ [2]) говоритъ, что «отъ легата папежскаго въ цехахъ папежницы ремесницы новые привилеи противъ людей греческой вѣры собѣ выправуютъ, а король ихъ конфирмуетъ», оттого «въ цехахъ ремесла каждаго и въ мѣстскихъ обходѣхъ людей греческой вѣры папежницы ровной зъ собою чести и вольности, яко первѣе бывало, заживати не допущаютъ и великіе кгвалты чинятъ». Стѣсненія временами доходили до того, что русскому православному люду запрещались всякія ремесленныя занятія «до найменшой иглы и шилця, чимъ бы только человѣкъ живъ быти могъ», какъ говоритъ Львовское братство въ своихъ воззваніяхъ къ народу русскому. [3]) О религіозныхъ стѣсненіяхъ нечего особенно распространяться, такъ какъ эта сторона довольно извѣстна: стѣсненія были самаго разнообразнаго характера, начиная отъ насильственнаго отобранія у православныхъ ихъ церквей для передачи уніатамъ до запрещеній появляться на улицѣ торжественными процессіями съ зажженными свѣчами и т. п.

Братства считали себя представителями всего русскаго народа, да

---

[1]) Сводная Галицко-русская лѣтопись, стр. 403.
[2]) Акты зап. Рос., т. IV, № 138.
[3]) Сводн. Гал. Рус. лѣт., стр. 8.

такъ относились къ нимъ и всѣ, даже польское правительство, которое не разъ обращалось къ братствамъ по дѣламъ, касавшимся всего русскаго народа. [1]) Понятно, что они, эти «старшіе изъ народа русскаго, защищающіе права цѣлой націи», считали своей прямой обязанностью противодѣйствовать, съ надеждой или безъ надежды на успѣхъ, каждой новой мѣрѣ, клонящейся къ стѣсненію русскаго православнаго люда. Львовское братство практиковало въ этихъ случаяхъ, съ большой энергіей и упорствомъ, одну излюбленную имъ систему. Опираясь на законы, покровительствующіе русинамъ, оно постоянно заводило процессы противъ стѣснительныхъ мѣръ. Такъ какъ его процессы имѣли очень мало шансовъ на благопріятный результатъ, оно направляло ихъ движеніе постояннымъ подмазываніемъ колесъ въ оффиціальной машинѣ, попросту задариваніемъ всѣхъ, отъ кого зависѣло дать ихъ дѣлу то или иное направленіе. Братство обдаривало всѣхъ и вся: обдаривало свой магистратъ, латинскаго архіепископа, старосту, обдаривало короля, королевскихъ сановниковъ и чиновниковъ, судей. Братство то и дѣло отправляло своихъ депутатовъ въ столицу, даже содержало тамъ постоянныхъ резидентовъ изъ среды себя, чтобы двигать свои безконечныя тяжбы. Все это, понятно, должно было стоить страшныхъ денегъ, но братство не останавливалось передъ издержками. Истощались его средства, оно обращалось съ воззваніями о помощи къ другимъ братствамъ, ко всему народу русскому, и опять продолжало свои безконечные процессы, при помощи которыхъ ему иногда и удавалось кое-что удерживать и отстаивать, кое-что пріобрѣтать. Конечно, новый актъ законнаго или даже и незаконнаго насилія вновь все сметалъ, что̀ было пріобрѣтено цѣной такихъ усилій и пожертвованій, и даже братство приходило въ отчаяніе, сбиралось покинуть родину, чтобъ искать себѣ убѣжище въ православной Молдавіи съ ея такъ хорошо расположенными къ братству господарями. Но привязанность къ родинѣ брала верхъ, и снова начиналась Сизифова работа. Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о средствахъ, которыми располагало братство,—почти только на счетъ Львовскаго братства и сохранились извѣстія, позволяющія составить хоть приблизительное представленіе объ этомъ предметѣ. По годовой ревизіи 1645 г. въ кассѣ братства оказалось наличными деньгами больше 8000 злотыхъ и розданными по рукамъ подъ обезпеченіе больше 27,000 злотыхъ.

---

[1]) Такъ напр. Владиславъ IV предлагалъ православному духовенству и братствамъ Виленскому и Львовскому проектъ объ избраніи патріарха для западной Россіи, подобно патріарху Московскому и т. д.

Вскорѣ послѣ этой ревизіи Іеремія Вишневецкій разграбилъ братскую казну, заграбивъ деньгами и драгоцѣнными вещами болѣе 27,000 злотыхъ. Въ слѣдующемъ-же году Янъ-Казиміръ, возвратившись изъ-подъ Зборова, наложилъ на Львовъ уплату 10,000 зл., которые король долженъ былъ заплатить крымскому хану, и братство должно было внести третью часть этой суммы за русское населеніе Львова. Это должно было совсѣмъ истощить братскую казну. Но нѣсколько времени спустя, мы опять видимъ въ рукахъ братства значительные капиталы. Когда Карлъ XII взялъ Львовъ и отдалъ на разграбленіе, то братству пришлось потерять въ деньгахъ и дорогихъ вещахъ до 120,000 зл. [1]) Въ это время братство было уже такъ стѣснено, что не могло вынести тяжести этихъ потерь, особенно, когда сдѣланъ былъ подрывъ его типографіи: оно, наконецъ, покорилось и приняло унію.

Совсѣмъ иного образа дѣйствій придерживалось Виленское братство. Всегда энергическій, всегда открытый образъ его дѣйствій, съ одной стороны, со стороны православныхъ, возбуждалъ къ нему восторженный энтузіазмъ, съ другой стороны—со стороны враговъ русской народности и вѣры рѣзкое негодованіе и ненависть. Братскіе взгляды на положеніе дѣлъ хорошо выразилъ на сеймѣ 1620 г. извѣстный староста Виленскаго братства, шляхтичъ Лаврентій Древинскій, въ своей энергической рѣчи къ королю. Онъ перечислялъ всѣ гоненія, которымъ подвергался русскій народъ, спрашивалъ у короля, какое онъ имѣетъ право разсчитывать на то, что русскій народъ будетъ помогать полякамъ въ предстоящей турецкой войнѣ, когда дома не знаетъ спокойствія и подвергается всякимъ бѣдствіямъ, и заключилъ словами, какъ бы резюмировавшими собою profession de foi Виленскаго братства: «Если не исполнены будутъ наши справедливыя желанія, если не будетъ доставлено намъ спокойствія, то мы принуждены будемъ воскликнуть вмѣстѣ съ пророкомъ: «разсуди, Боже, нашу распрю!» [2]) Вскорѣ послѣ Брестскаго собора 1596 г., Виленское братство выступаетъ дѣятельнымъ участникомъ въ извѣстномъ соглашеніи православныхъ съ протестантами на счетъ общей оппозиціи польско-католической партіи: сохранились отъ 1599 г. пункты Виленскаго братства о своихъ обидахъ съ предположеніемъ вступить въ союзъ съ протестантами для совмѣстной защиты вѣры. [3])

---

[1]) Флеровъ, 194—5.

[2]) День, 1862 г., № 40. Кояловичъ, Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ.

[3]) Акты зап. Рос., т. IV, № 138.

Затѣмъ онъ не столько вступаетъ въ открытую борьбу съ духовной уніатской или своей муниципальной властью, но оказываетъ явное сопротивленіе даже королю: несмотря ни на что, укрываетъ отъ преслѣдованій своихъ священниковъ и проповѣдниковъ, строитъ себѣ безъ разрѣшенія новыя церкви и т. п. Власть прямо обвиняетъ братство въ томъ, что оно «немалые бунты и розрухи въ Рѣчи Посполитой межи народами и законы хрестьянскими чинятъ,» «звирхности своей духовной и свѣтской злорѣчатъ и писмомъ польскимъ и русскимъ въ друкъ подаютъ рѣчи новые, непристойные, которые нетолько абы милость и згоду межи народомъ хрестіанскимъ множити и заховати мѣли, але до розруховъ и незгодъ и до бунтовъ дорогу подаютъ и указуютъ». [1]) Несмотря на строгія королевскія грамоты, оно не переставало чинить «бунты и зхажки покутные припускаючи з собой до того людей разныхъ вѣръ» [2]). Чтобъ сдержать фанатизмъ Сигизмунда III, оно пугало короля, имѣвшаго виды на московскую корону, что посылало братчиковъ на границу передать въ Москву вѣсти о религіозныхъ угнетеніяхъ, которыя дѣлаются въ Польшѣ. Когда собственныя усилія не приводили ни къ чему, оно сносилось съ козаками. Виленское братство и гетманъ Сагайдачный, воспользовавшись извѣстнымъ неудобнымъ для Польши стеченіемъ политическихъ обстоятельствъ, достигли соединенными усиліями того, что возстановили снова въ Польскомъ государствѣ высшую православную іерархію, что̀ сильно подкрѣпило православіе въ его борьбѣ съ уніей. Недаромъ же такъ ненавидѣла польско-католическая партія Виленское братство и относила на его счетъ все, что только совершалось для нея непріятнаго на всей православной территоріи, включая сюда даже витебское убійство извѣстнаго уніатскаго фанатика Кунцевича.

Русское православное дворянство не осталось равнодушнымъ зрителемъ этого невиданнаго подъема общественныхъ русско-православныхъ силъ. Зрѣлище было слишкомъ возбудительно. Мягкая же дворянская душа того времени, съ одной стороны, не успѣла еще подъ натискомъ польской культуры совсѣмъ потерять національныхъ инстинктовъ; съ другой—настолько была затронута общимъ движеніемъ XVI-го вѣка, что не могла не сочувствовать стремленію къ наукѣ, къ образованію, къ отстаиванію свободы совѣсти, несмотря даже и на то, что эти стремленія проявлялись въ непривиллегированной массѣ. Дворянскія симпатіи къ мѣщанскимъ братствамъ ока-

[1]) Акты зап. Рос., т. IV, № 94.
[2]) Акты зап. Рос., т. IV, № 102.

зались не особенно глубокими и прочными, но все-таки онѣ были, кое въ чемъ выражались и очень помогли братствамъ встать на ноги. Разумѣется, для того или другого братства не могло быть безразличнымъ, что съ нимъ стоитъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ магнатъ, вродѣ кн. Острожскаго, владѣльца цѣлой сотни городовъ и болѣе чѣмъ тысячи трехсотъ деревень: кн. Острожскій былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Львовскимъ братствомъ и относился къ нему съ такимъ довѣріемъ и симпатіею, что поручалъ ему даже наблюденіе за своимъ сыномъ (который потомъ перешелъ въ католичество). Какъ искренно было панское увлеченіе братствами и ихъ дѣятельностью, видно, напр., хоть изъ того факта, что князь Вишневецкій даетъ Львовскому братству свои драгоцѣнности, чтобъ оно ихъ заложило и добыло такимъ образомъ денегъ на предпринятое изданіе: а этотъ кн. Вишневецкій былъ отцомъ фанатическаго католика и врага козаковъ Іереміи и дѣдомъ польскаго короля Михаила. Однимъ словомъ, до тѣхъ поръ пока потокъ обстоятельствъ, передъ которымъ не могло устоять русское панство, не вырвалъ его изъ родного русла, чтобъ слить безслѣдно съ польско-шляхетско-католическимъ моремъ, панство это, все, включая сюда и знатное русское магнатство, находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ братствами. Оно оказывало братствамъ серьезную поддержку, за которую тѣ расплачивались книгами, учителями, священниками, постоянно высылаемыми изъ братствъ по панскимъ владѣніямъ. [1]) Случалось, что дворяне даже заключали союзы между собой и давали взаимное обязательство совокупными силами защищать братство, когда положеніе дѣлъ грозило ему опасностью. [2]) Но нагляднѣе всего выражалось симпатическое отношеніе русскихъ дворянъ къ братствамъ въ томъ, что они сами часто вступали въ братства въ качествѣ простыхъ братчиковъ. Въ спискѣ членовъ Львовскаго братства встрѣчается много старинныхъ дворянскихъ русскихъ фамилій; въ Виленскомъ братствѣ также было много пановъ, тоже и въ другихъ братствахъ. [3]) Дворяне пробовали основывать и свои отдѣльныя дворянскія братства: такъ, около 1612 г. дворянство Минскаго воеводства и другихъ земель—многіе извѣстные русскіе роды—соединились въ братство для защиты православія и русской народности. [4]) Мы не имѣемъ свѣдѣній о судьбѣ этихъ панскихъ попытокъ, но врядъ-ли онѣ были

[1]) Акты зап. Рос., т. IV, № 33.

[2]) Сводн. Гал. рус. лѣт., стр. 397. Дворянство Волынскаго воеводства обязывается защищать Люблинское братство.

[3]) Памятн. вр. ком., т. III. 90—3. Акты зап. Рос., т. IV, № 33.

[4]) Сводная лѣт., № 274.

особенно удачны. Основанія для этого мнѣнія въ томъ, что, вступая въ члены общихъ братствъ, дворяне вообще выказывали мало наклонности къ активному участію въ ихъ энергической дѣятельности. Они предпочитали «поручать надзоръ за дѣлами и возлагать труды на младшихъ господъ братій, на господъ мѣщанъ», съ тѣмъ, чтобъ тѣ несли всѣ труды и имѣли надзоръ и наблюденіе за всякимъ порядкомъ», а только «во всемъ ссылались бы на дворянъ какъ на старшихъ». А дворяне, «какъ старшіе младшимъ», обязывались имъ вспомоществовать, за нихъ заступаться и ихъ защищать на каждомъ дѣлѣ и въ каждомъ мѣстѣ, какъ говорится въ листѣ, данномъ дворянами Луцкаго воеводства Луцкимъ мѣщанамъ. [1]) Этимъ интереснымъ документомъ прекрасно обрисовывается роль дворянства въ мѣщанскихъ братствахъ. Оно выказывало матеріальную поддержку и защиту, а затѣмъ все остальное предоставляло господамъ мѣщанамъ. Но тѣмъ не менѣе участіе дворянъ имѣло громадное значеніе для братствъ. Значеніе это обусловливалось сущностью польскаго государственнаго устройства. Въ Польшѣ только то дѣло могло двигаться путемъ легальной борьбы, которое имѣло за себя политическую поддержку. Мѣщанство было лишено политическихъ правъ, а, слѣдовательно, и всякихъ средствъ отстаивать свое дѣло на законномъ пути, когда ему встрѣчалось противодѣйствующее теченіе. Русское православное дворянство было тѣмъ орудіемъ, посредствомъ котораго мѣщанскія братства могли отстаивать свою идею единственно дѣйствительнымъ изъ открывавшихся имъ мирныхъ путей, путемъ политической борьбы на сеймикахъ и сеймахъ. Правда, партія политическихъ противниковъ, католиковъ и централистовъ, на сторонѣ которой въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го в. цѣликомъ стояла и королевская власть, обладала сравнительно громадными силами и средствами; но свободныя государственныя учрежденія на столько воспитали шляхетство политически, съ другой стороны, свободомыслящій XVI-й вѣкъ такъ отразился на его міросозерцаніи, что политическая группа, выставляющая на своемъ знамени требованіе уваженія къ свободѣ совѣсти, всегда могла разсчитывать на поддержку извѣстной части самого польскаго общества. Кромѣ того, дѣло, которое имѣло политическихъ представителей, не могло систематически сдѣлаться жертвой произвола и насилія—тѣхъ безобразныхъ проявленій грубаго самоуправства сильнаго, которыми такъ богата закулисная польская исторія. Братства могли стоять за свое дѣло съ надеждой на успѣхъ. Но, къ сожалѣнію, дворянская опора

[1]) Памятн. вр. ком., т. III, стр. 90—3.

оказалась непрочной; дворянство и мѣщанство, сословія слишкомъ разобщенныя по своимъ общественнымъ интересамъ, слишкомъ скоро разошлись и по своимъ взглядамъ на положеніе дѣла. Мѣщанство, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось стороной болѣе крайней, менѣе склонной къ примирительнымъ уступкамъ польскому элементу. Первая уступка, которой потребовали—унія, унія мягкая, обставленная всѣми гарантіями и льготами русской народности и православію—встрѣтила въ низшихъ слояхъ русскаго народа и его представителяхъ—братствахъ самый рѣшительный отпоръ, не допускавшій никакой мысли о возможности соглашенія въ настоящемъ или будущемъ. Дворянство не могло такъ отнестись къ уніи: привычка свободнаго отношенія къ вопросамъ вѣры, условленная культурными элементами Польскаго государства въ XVI-мъ вѣкѣ, не дозволяла дворянству видѣть какое-либо принципіальное препятствіе для православія принять главенство папы, еслибы папа гарантировалъ въ остальномъ неприкосновенность русской церкви; да врядъ-ли и можно было отыскать такое препятствіе, обставленное доказательствами, достаточными для ума культурныхъ людей того времени, столь наклонныхъ къ тонкой аргументаціи въ религіозныхъ вопросахъ. А та инстинктивная подкладка, которая отталкивала братства отъ всякой уступки въ пользу сближенія съ польскимъ элементомъ, хоть и существовала у дворянства—чего нельзя отрицать въ виду очевидныхъ фактовъ—все-таки была значительно ослаблена и самой его культурой, которая носила на себѣ рѣзкіе слѣды польскаго вліянія, и соціальнымъ положеніемъ, которое поневолѣ ставило его ближе къ польскому шляхетству, чѣмъ къ русскому мѣщанству, козачеству или хлопству. Еще ратуя за православіе хотя бы на Брестскомъ соборѣ 1596 года, дворянство не имѣло уже противъ уніи ничего, кромѣ тѣхъ формъ, въ которыхъ она вступила на русскую почву, формъ, оскорблявшихъ русское дворянство въ его правахъ патроната надъ православною церковью. Когда русскій народъ принялъ дѣло иначе, разрывъ сдѣлался неизбѣжнымъ. А этотъ разрывъ кореннымъ и безповоротнымъ образомъ отразился на будущности русской народности въ польскомъ государствѣ. Братства лишились политическаго представительства, а, слѣдовательно, и всякаго политическаго значенія. Дѣло ихъ, великое дѣло охраненія своей народности и вѣры, стало какъ-бы внѣ закона, который сколько-нибудь дѣятельно охранялъ только политически правоспособныхъ, оказалось отданнымъ на произволъ господствующей партіи.

Братства потеряли свое дѣло, но его подняли козаки.

II.

Политическая роль братствъ, созданная извѣстнымъ стеченіемъ историческихъ обстоятельствъ, кончилась. Измѣнившіяся историческія условія снова вогнали ихъ въ старую, вѣками наѣзженную колею мирной дѣятельности, преслѣдующей обыденныя религіозныя, нравственныя и общежитейскія цѣли. Съ этой поры братства перестаютъ существовать для историковъ; но это тѣмъ болѣе обязываетъ насъ, по мѣрѣ нашихъ средствъ и возможности, подобрать ничтожныя и случайныя историческія свидѣтельства, проскальзывающія то тутъ, то тамъ, чтобъ возстановить историческую нить существованія братствъ и связать ее съ современностью.

Въ Западной Руси уніей нанесенъ былъ серьёзный ударъ идеѣ братскаго союза. Мѣстами православныя братства продолжали еще влачить жалкое существованіе, но значительная часть православныхъ братствъ обратилась въ уніатскія. Общее количество братствъ, надо думать, не уменьшилось, такъ что на первый взглядъ все осталось по-старому. Но это только на первый взглядъ. На самомъ же дѣлѣ, настоящее уніатское братство было только блѣдной тѣнью, одностороннимъ отраженіемъ живого русскаго братства. Могущественное католическо-польское вліяніе высосало всѣ жизненные соки изъ этого учрежденія, оставивъ въ утѣшеніе народу безжизненный призракъ. Уніатскія братства, которымъ очень покровительствовали уніатскія власти, гораздо ближе стояли къ католическимъ религіознымъ братствамъ, существовавшимъ во множествѣ при католическихъ церквахъ съ исключительной цѣлью упражненій въ религіозности и благочестіи, чѣмъ къ настоящимъ западно-русскимъ церковнымъ братствамъ. Достаточно взглянуть на уставъ уніатскаго братства, въ родѣ устава братства Смединскаго, утвержденнаго извѣстнымъ уніатскимъ митрополитомъ Володковичемъ [1]), и сравнить съ любымъ уставомъ православнаго братства, чтобъ оцѣнить все значеніе этой разницы. Тотъ духъ формализма и исключительности, которымъ отличается католицизмъ, наложилъ свою печать на унію, а черезъ нее и на братства, убилъ въ нихъ всякій зародышъ ихъ общественнаго значенія и вліянія, сосредоточивъ братскія цѣли исключительно на мо-

---

[1]) Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные Кіевской временной коммисіей, т. 2-й, стр. 332—9.

литвахъ и исповѣдяхъ, аккуратномъ посѣщеніи храмовъ, и т. п. Конечно, народъ могъ кое-что вносить въ эту мертвую схему, продиктованную ему патеромъ,—и вносилъ, судя по остаткамъ, которые сохранились еще, переживъ и самую унію; но онъ, этотъ народъ, былъ самъ слишкомъ задавленъ, чтобъ быть въ силахъ вынести цѣлой свою идею изъ-подъ того разнообразнаго гнета, подъ которымъ она очутилась.

Но въ то время, когда братская жизнь замираетъ на правомъ берегу Днѣпра, она начинаетъ развертываться по лѣвому его берегу. Восточная Малороссія, раньше и прочнѣе успокоившаяся отъ политическихъ треволненій, съ половины XVII-го и съ начала XVIII-го вв. начинаетъ доставлять намъ изобильныя свѣдѣнія о братствахъ. Нѣсколько извѣстій о малороссійскихъ братствахъ встрѣчается еще въ первой половинѣ XVII-го в.,—одно отъ 1632 г. извѣстіе дошло до насъ даже изъ Слободской Украины [1]); но послѣ присоединенія Малороссіи, по мѣрѣ того, какъ край успокаивается, свѣдѣнія о братствахъ становятся все изобильнѣе, хотя, вообще говоря, они имѣютъ видъ отрывочныхъ сообщеній, не дозволяющихъ вникнуть поближе во внутреннюю жизнь братскихъ учрежденій. Однако, только теперь выступаютъ передъ нами въ сколько-нибудь отчетливыхъ очертаніяхъ двѣ группы братствъ, сохранившихся въ Малороссіи и до настоящаго времени: братства цеховыя, главнымъ образомъ, ремесленныя, и братства собственно церковныя.

Правда, между цеховыми братствами и церковными также трудно провести пограничную черту, какъ между цеховыми братствами и собственно цехами. Ставя связующія звенья въ видѣ переходныхъ формъ, жизнь всегда крайне затрудняетъ такія разграниченія. Но теоретическая потребность въ классифицированіи и опредѣленіяхъ заставляетъ насиловать жизнь. Подчиняясь необходимости, и мы принуждены нѣсколько разобраться въ употребляемыхъ нами терминахъ и ихъ приложеніяхъ, чтобъ не дать какихъ-либо поводовъ къ недоразумѣніямъ. Подъ цехами мы подразумѣваемъ тѣ ремесленные союзы, которые существовали по большимъ городамъ Литовско-Польской Руси, большею частью, пользовавшихся привиллегіями Магдебургскаго права,—союзы, которые носятъ въ своихъ уставахъ и вообще организаціи замѣтные слѣды нѣмецкаго вліянія. Цеховыя братства по малорусскимъ мѣстечкамъ и селамъ—это братства въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. союзы

[1]) Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи архіеп. Филарета. Харьковъ. 1859 г. III, 219.

съ сильнымъ преобладаніемъ обще-братскихъ религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ цѣлей и лишь съ крайне слабо выраженнымъ экономическимъ оттѣнкомъ. Наконецъ, братства собственно, т. е. братства церковныя, съ очень развитой формой которыхъ мы познакомились въ предъидущей главѣ.

Итакъ, мы остановимся теперь на братскомъ движеніи въ Малороссіи, которое начинаетъ становиться замѣтнымъ со второй половины XVII-го вѣка. Движеніе это не сосредоточивается въ большихъ городахъ, какъ было въ западной Руси, а разливается по мѣстечкамъ и селамъ; рядомъ съ мѣщанствомъ въ немъ принимаетъ участіе и козачество и посполитство. Здѣсь нѣтъ того блеска, который привлекаетъ вниманіе къ западно-русскимъ братствамъ: братская дѣятельность не рвется шумнымъ потокомъ, который пытается снести всѣ лежащія на его пути преграды, а тихо и незамѣтно просачиваетъ собою весь грунтъ народной жизни, оплодотворяя скрытые въ немъ зародыши. Разница обусловливается, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ дѣятельности западно-русскихъ братствъ подмѣшался элементъ политическій, элементъ борьбы; въ братствахъ малорусскихъ естественно не было мѣста этому элементу. Во всемъ остальномъ, за вычетомъ политическаго начала, малорусскія братства представляютъ полное тождество съ западно-русскими: все, что мы говорили объ организаціи и цѣляхъ второстепенныхъ братствъ западной Россіи, можетъ быть цѣликомъ приложено и къ братствамъ Малороссіи. Это вѣрно по отношенію къ церковнымъ или ктиторскимъ братствамъ, какъ ихъ иначе называли; но съ нѣкоторыми ограниченіями оно можетъ быть приложено и къ братствамъ цеховымъ. И тѣ, и другія ставили себѣ однѣ цѣли, въ которыхъ на первомъ планѣ стояла помощь церкви. Только помощь церкви можно было въ прошломъ столѣтіи понимать значительно шире, чѣмъ это указывается общепринятымъ теперь точнымъ смысломъ этого слова.

Въ Малороссіи XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка церковь была учрежденіемъ довольно оригинальнымъ и въ высшей степени демократическимъ. Народъ пріобрѣлъ себѣ надъ ней широкое право патроната, какъ бы завѣщанное ему польской конституціей. Право это разлагалось на три составные элемента—jus donandi, jus praesentandi, jus patronandi, т. е. право пожертвованія, право назначенія священно-и церковнослужителей и право покровительства, въ собственномъ смыслѣ слова; всѣми этими правами равно пользовался малорусскій народъ по отношенію къ своей церкви. Высшая войсковая власть отстаивала эти народныя права отъ по-

ползновеній на нихъ духовной іерархіи. Такъ, когда въ 1729 г. кіевскій митрополитъ вздумалъ отъ себя поставить священника въ одно изъ малорусскихъ мѣстечекъ, то гетманъ, по жалобѣ жителей, писалъ митрополиту: «подали намъ жалобу... товариство и посполитые.., чтобъ того намѣсницкаго зятя попомъ не посвящено, но свободно бы имъ было, кого хотя иного, пожелавши, избрать и за свидѣтельствомъ людзкимъ на священство выправити. Того ради мы разсудивши тое ихъ быть слушное прошеніе, ибо его императорское величество, приутверждая ихъ права и обыкновенія прежніе малороссійскіе, повелѣлъ на всякую власть производить не насилно, но кого пожелаютъ, по избранію вольными голосами..., яко тежъ равнимъ образомъ и священники до церквей поставляются бывало за свидѣтельствомъ парохіанъ... Ежели не по ихъ желанію послать въ ихъ парохію священника, то чрезъ тое болше нѣчто не слѣдуетъ, кромѣ однихъ неспокойнихъ заводовъ и ссоровъ, з чого не токмо не можетъ быть при церкви божественной якое благочиніе, но и весма тое и Богу будетъ противно» [1]). Сдѣлавшись хозяиномъ своей церкви, народъ устроился съ ней по своимъ представленіямъ и потребностямъ. Такъ какъ съ религіей у народа естественно связываются всѣ высшія сферы духовныхъ потребностей, народъ и на практикѣ связалъ съ церковью все, что служило для ихъ удовлетворенія. Церковь явилась сложнымъ учрежденіемъ, соединявшимъ въ себѣ храмъ, шпиталь и школу. И вотъ Малороссія оказалась покрытой, какъ показываютъ точныя цифры ревизій, сохранившіяся въ ревизскихъ полковыхъ книгахъ бывшаго Архива Малороссійской Коллегіи, громаднымъ количествомъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. Правда, учрежденія эти были элементарны, какъ элементарны были и самыя потребности, ихъ вызвавшія, но они драгоцѣнны тѣмъ, что были выдвинуты самимъ народомъ, и уже не цивилизованнымъ мѣщанствомъ большихъ городовъ, промышленныхъ и торговыхъ центровъ, а темнымъ населеніемъ глухихъ городишекъ, мѣстечекъ, селъ. Всѣ эти обстоятельства открыли для братства широкую арену дѣятельности.

По дошедшимъ до насъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ сороковыхъ годахъ XVIII-го вѣка въ девяти полкахъ сегобочной Украины, нынѣшнихъ двухъ губерніяхъ Полтавской и Черниговской, было болѣе 1000 школъ. Правда, по нашимъ представленіямъ это, вѣроятно, были достаточно мизерныя школы. Помѣщались онѣ при

---

[1]) Основа. 1862 г., май, стр. 88 (изъ Архива Малор. Коллегіи).

церквахъ въ особыхъ школьныхъ избахъ, которыя постоянно упоминаются Румянцовской описью Малороссіи. Въ этихъ школахъ жили учителя-дьяки, иногда и съ учениками: поэтому дома, гдѣ живутъ дьяки, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи до сихъ поръ называются школами. Но надо имѣть въ виду, что эти дьяки-учителя имѣли мало общаго съ позднѣйшимъ классомъ дьяковъ—этихъ отбросковъ сословной замкнутости и бурсацкой науки. Мѣстные жители свободно выбирали себѣ кого имъ было угодно въ дьяки для исполненія церковныхъ и школьныхъ обязанностей: изъ той же Румянцовской описи видно, что дьяки были изъ козачьяго званія и изъ посполитаго, и изъ духовнаго. Они получали пропитаніе изъ доходовъ церковныхъ; кромѣ того, натурой получали плату съ учениковъ за выучку букварю или какой другой книжкѣ [1]). Конечно, это были лишь школы простой грамотности. Иногда, особенно въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. по свѣдѣніямъ отъ 1732 года, упоминаются школы съ двумя и даже четырьмя учителями; въ Харьковѣ при Троицкомъ храмѣ упоминается братская школа даже съ семью наставниками—въ такихъ школахъ курсъ уже былъ, конечно, выше элементарнаго [2]). Вообще, потребность малорусскаго народа въ просвѣщеніи въ прошломъ столѣтіи была на столько сильна, что Тепловъ, въ своемъ проектѣ объ учрежденіи университета въ Батуринѣ,—проектѣ, написанномъ для гетмана Разумовскаго въ 1760 году, не дѣлалъ никакого преувеличенія, когда писалъ: «въ склонности народа малороссійскаго къ ученію и наукамъ ни малаго сумнѣнія нѣтъ, потому что въ Малой Россіи отъ давняго времени заведенныя школы, не имѣя никакого къ себѣ содержанія, а учащіеся и по силѣ обученные никакого одобренія, не токмо по сіе время не ослабѣваютъ, но еще по временамъ число учениковъ большее оказывается. Свѣту показывались въ духовномъ чину малороссійскіе ученые люди, и многіе свѣтскіе, которые малороссійскими школами не обучены, но довольно только возбуждены, имя ученыхъ людей заслужили. По состоянію малороссійскихъ епархіальныхъ школъ, батуринскій университетъ въ числѣ студентовъ никакого недостатка имѣть не можетъ и предъ Петербургскимъ и Московскимъ университетами великій въ томъ авантажъ предвидится» [3]).

---

1) Земскій Сборникъ Черниговской губ. 1877 г. № 2-й ст. П. Ефименко: Народное образованіе въ Черниговской губ., стр. 101—2.

2) Описаніе Харьковской епар. III, 103, 418, 513 и т. д.

3) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1864 г. кн. 1-я, ст. Сухомлинова: «Училища и народное образованіе въ Черниг. губ.»

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ тѣсно связывали церковныя братства западной Руси свою дѣятельность со школой. Уже не говоря о братствахъ большихъ городовъ, каждое изъ братствъ второстепенныхъ непремѣнно устраиваетъ школу—нѣкоторыя указанія этого рода сохранились не только о братствахъ небольшихъ городовъ, но даже селъ. Малорусскія братства естественно приняли традиціи, завѣщанныя имъ ихъ роднымъ прошлымъ. При нашихъ скудныхъ и отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, мы не можемъ опредѣлить точнаго отношенія братствъ Малороссіи прошлаго вѣка къ ея школамъ. Конечно, каждое братство, помогая церкви, помогало тѣмъ самымъ и состоящей при ней школѣ; но есть основанія думать, что между братствомъ (по крайней мѣрѣ, церковнымъ братствомъ) и школой существовала еще и болѣе тѣсная, непосредственная связь. Кромѣ соображеній и косвенныхъ указаній, въ родѣ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земля, на которой стоитъ школа, до сихъ поръ называется братской (напр., въ селѣ Британы Борзенскаго у. Черниговской губ)., есть и прямыя указанія, что братства содержали на свой счетъ школу и дидаскала [1]). Что всѣ братства такъ относились къ школѣ—мы не имѣемъ точныхъ данныхъ утверждать за положительное; можетъ быть, иныя ограничивались той общей помощью, которую они оказывали церкви. Но, во всякомъ случаѣ, вліянію братскаго движенія надо отвести если не главнѣйшее, то одно изъ главныхъ мѣстъ въ томъ удивительномъ развитіи школъ, которое мы находимъ въ прошломъ столѣтіи, особенно въ первой его половинѣ. На пространствѣ какого-нибудь Черниговскаго полка, гдѣ теперь всего-на-все школъ и земскихъ, и министерскихъ, и частныхъ, и церковныхъ, съ небольшимъ пятьдесятъ, въ первой половинѣ XVIII-го вѣка по ревизскимъ цифрамъ ихъ было до полутораста. И все это были школы реально существовавшія, а не на бумагѣ только, какъ позднѣйшія церковно-приходскія школы — никакое начальство въ то время еще не было заинтересовано въ томъ, чтобъ получать отчеты съ краснорѣчивыми цифрами. Правда, школы прошлаго столѣтія не были такъ многолюдны, какъ современныя, но не надо, съ другой стороны, забывать того обстоятельства, что и населеніе, удовлетворявшее этими школами свои просвѣтительныя потребности, было за полтораста лѣтъ раза въ два-три рѣже, значитъ, по крайней мѣрѣ, въ два-три раза меньше нуждалось въ школахъ.

[1]) Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, книга 5-я, ст. 344. Описаніе Харьковской епархіи—въ разныхъ мѣстахъ.

Такими блестящими результатами заявила себя кратковременная эпоха самоуправленія, которымъ пользовался тогда малорусскій народъ. Правда, и тогда уже достаточно рѣзко вырисовывались зародыши того политическаго и соціальнаго процесса, который, стирая мѣстную автономію, въ то же время закрѣпощалъ народъ. Но пока еще процессъ этого превращенія не заражалъ общественную атмосферу, и малорусскій народъ работалъ съ замѣчательной энергіей надъ улучшеніемъ и облагороженіемъ общественныхъ формъ своего быта. Конечно, само по себѣ областное самоуправленіе не могло произвести такихъ результатовъ. Но при извѣстной лишь доли самостоятельности и самодѣятельности возможно было, чтобъ и то движеніе по инерціи, толчокъ которому былъ данъ изъ западной Руси, и то возбужденіе политической, а слѣдовательно и общественной мысли, которое не могло не быть результатомъ войны за независимость, и послѣдующихъ событій, чтобъ вся сила этихъ культурныхъ двигателей не разсѣялась въ общественной атмосферѣ, а сконцентрировалась въ опредѣленномъ дѣйствіи. Это время было временемъ расцвѣта малорусской народной культуры. Къ сожалѣнію, расцвѣтъ этотъ былъ непродолжителенъ. Тотъ общественный процессъ, о которомъ говорено выше,— процессъ, посредствомъ котораго народъ потерялъ вмѣстѣ съ самоуправленіемъ и личную свободу, задавленную крѣпостнымъ правомъ,— пошелъ гигантскими шагами, безжалостно разрушая тѣ культурные ростки, которые пустила было народная жизнь. Однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ ростковъ были школы, и имъ скоро пришлось сдѣлаться жертвой историческаго рока.

Уже къ концу прошлаго столѣтія центральная власть взяла въ свои руки дѣло народнаго образованія и въ Малороссіи. По мѣрѣ того, какъ принципъ государственнаго просвѣщенія входилъ въ силу, народное просвѣщеніе уничтожалось. Народъ не имѣлъ средствъ отстаивать свое дѣло. Къ началу настоящаго (XIX) столѣтія старыхъ школъ уже не существовало. Опека, которой хотѣли подчинить просвѣщеніе народа, едвали не самая дѣйствительная причина насильственной смерти училищъ, въ будущность которыхъ еще такъ недавно вѣрили лучшіе люди края. Рѣшительныя мѣры, принятыя во второй половинѣ XVIII-го столѣтія къ учрежденію оффиціальныхъ училищъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрами противъ народныхъ школъ. Предписано было учить по такимъ-то книгамъ, въ такіе-то часы, подчиняться такимъ-то начальникамъ. Но исполненію подобныхъ требованій представлялись на первыхъ порахъ препятствія непреодолимыя. Никто не хотѣлъ посылать своихъ дѣтей въ училища;

власти прибѣгали къ угрозамъ, но, видя ихъ безуспѣшность, рѣшались на сдѣлки—допускали совмѣстное обученіе и въ оффиціальныхъ, и въ домашнихъ школахъ... Перебирая вереницу данныхъ, невольно приходишь къ вопросу: зачѣмъ такое ревностное желаніе уничтожить неопаснаго врага—старинныя школы съ ихъ вѣковыми обычаями? Съ какою цѣлью составлялись великолѣпныя новыя программы, если общество не въ состояніи было ихъ выполнить? Нуженъ-ли былъ дѣйствительный успѣхъ или только блестящая наружность: учебныя книги съ европейскими идеями, училищные чиновники по цивилизованнымъ образцамъ и краснорѣчивые отчеты, удобные для перевода на иностранные языки? Говорятъ, что при жалобахъ о неприсылкѣ дѣтей въ новыя школы, лица вліятельныя совѣтовали не слишкомъ горевать объ этомъ, ибо школы заводятся не для насъ, а для Европы, т. е. для поддержанія въ ней хорошаго о насъ мнѣнія». Такъ говоритъ г. Сухомлиновъ о правительственныхъ мѣрахъ противъ малорусскихъ школъ [1]). Надобно сказать, что народными училищами, которыя предполагалось насаждать, на оффиціальномъ языкѣ назывались школы городскія, которыя дѣйствительно и были заводимы въ городахъ на мѣсто церковно-приходскихъ. Сельское-же населеніе осталось безъ всякихъ образовательныхъ заведеній. «Съ 1804 г. по 1820 г. по всей Черниговской губ. открыто только три оффиціальныхъ школы, и тѣ въ скоромъ времени закрылись» [2]).

Съ 1840 г. Министерство Госуд. Имуществъ стало заводить сельскія школы, въ которыя ученики рекрутировались съ помощью полицейскихъ мѣръ; затѣмъ, съ начала шестидесятыхъ годовъ, и епархіальныя власти стали заботиться о возстановленіи уничтоженныхъ церковно-приходскихъ школъ. Но уничтожить легче, чѣмъ создать: причтъ по приказу не хотѣлъ учить, народъ по приказу не хотѣлъ учиться [3]). Теперь никому не пришло бы въ голову проектировать новый малороссійскій университетъ на томъ основаніи, что онъ будетъ въ числѣ студентовъ имѣть великій авантажъ передъ Петербургскимъ и Московскимъ университетами. Даже простая грамотность упала такъ, что къ тому времени, какъ за дѣло народнаго образованія взялись земства, малорусскій народъ оказался въ нѣ-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1864 г. кн. 1-я.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Въ Черниговской епархіи въ 1861 г. считалось школъ, открытыхъ духовенствомъ 848: въ 1869 г. ихъ показывалось 338; въ 1873 г.—172, въ 76 г.—130, въ 78 г.—8. (Черниговскій земскій сборникъ, 1877 г. № 2, стр. 105).

сколько разъ менѣе грамотнымъ, чѣмъ великорусскій ($3^3/_4$% грамотныхъ для восьми южнорусскихъ губерній съ преобладающимъ малорусскимъ населеніемъ, для Черниговской губ. $4,_7$%, для двадцати великорусскихъ губ. $22^1/_5$% [1]). Итакъ, съ уничтоженіемъ народныхъ школъ, къ началу настоящаго вѣка одна изъ самыхъ видныхъ и плодотворныхъ отраслей братской дѣятельности была навсегда вырвана изъ рукъ братствъ.

Третьимъ членомъ того сложнаго учрежденія, которое въ Малороссіи прошлаго столѣтія называлось церковью, былъ, какъ мы уже сказали, шпиталь, т. е. благотворительное учрежденіе, которое было въ одно и то же время и богадѣльней, и страннопріимнымъ домомъ. Шпиталей было, какъ показываютъ тѣ же статистическія свѣдѣнія изъ ревизскихъ книгъ, вообще нѣсколько меньше, чѣмъ школъ. Всего въ половинѣ прошлаго вѣка насчитывалось въ Малороссіи около 750 шпиталей (въ Черниговскомъ полку по ревизіи 1732 г. считалось ихъ около 120; вообще, между числомъ школъ и числомъ шпиталей, сколько позволяютъ заключать сохранившіяся цифры, держалось отношеніе 4: 3). Если положить на каждый шпиталь по шести человѣкъ, то, значитъ, шпитали давали постоянное пристанище четыремъ съ половиной тысячамъ бездомныхъ стариковъ. Мы уже говорили выше о томъ, что, по братскимъ уставамъ, братства всегда ставили въ своихъ заботахъ шпитали рядомъ со школами, а иногда и впереди школъ (извѣстное Минское братство даже и называлось шпитальнымъ) [2]). Церковныя братства, съ одной стороны, имѣли постоянно своей цѣлью устройство при своей церкви шпиталя и поддержку его; съ другой, каждое братство, и церковное, и цеховое, непремѣнно считало своей обязанностью въ извѣстные дни посылать по шпиталямъ подаянія. Самъ по себѣ шпиталь представлялъ довольно интересное явленіе. Онъ тоже имѣлъ свою своеобразную организацію на братскихъ началахъ, относительно которой сохранились только намеки, но намеки очень любопытные для того, кто интересуется проявленіями народнаго творчества въ сферѣ общественныхъ формъ.

Самое большее количество письменныхъ слѣдовъ своего существованія оставили братства восточной Малороссіи въ надписяхъ на церковныхъ книгахъ и разныхъ церковныхъ вещахъ, жертвованныхъ ими по церквамъ. Между этими надписями встрѣчаемъ мы и такія:

---

1) Военно-статистическій сборникъ.
2) Акты зап. Рос., т. II, стр. 53.

«сію чашу соорудила братія стареческая, хорольскій Юрко со всею братіею», или надпись на книгѣ: «куплена коштомъ братства старецкаго шпиталя успенской погарской церкви, а теперь 1734 г. уже повторне ими же старцами за старецкія деньги оправою обновлена» [1]). Итакъ, старцы (нищіе) шпиталей составляли нищенское братство, или какъ его обыкновенно называли «старечій цехъ» [2]), по одному акту «товариство». Для поступленія въ это братство, какъ и во всякое другое, требовался взносъ—надо было вкупиться въ него незначительнымъ денежнымъ вкладомъ. Для этихъ взносовъ и пожертвованій была у братства старечья кружка. Для распоряженія деньгами и прочими дѣлами шпитальнаго братства, оно выбирало изъ себя старца набожнаго и «дужчаго» (болѣе крѣпкаго), въ старосты старецкіе или въ атаманы. Кромѣ денежнаго капитала, шпиталь имѣлъ иногда земли, завѣщанныя ему набожными людьми, мельницы и т. п., которыми братство распоряжалось по своему усмотрѣнію. Случалось, что набожные люди жертвовали имущество не на одинъ шпиталь, а вообще на шпитали данной мѣстности. Сохранился одинъ интересный актъ XVII-го вѣка, касающійся именно подобнаго случая—приведемъ изъ него отрывокъ: «На сотенный урядъ носовскій стали персоналиторъ Василь Герко, Иванъ Хорольскій, Юрко Демковскій, Семенъ Морозъ со всею братіей своей, разнихъ шпиталей носовскихъ товариство убогихъ каликъ, положили: имѣючи соби отъ давнихъ рокъ легованный на убогихъ старцовъ носовскихъ и тестаментомъ подтвержоный по нобожчику блаженной его памяти Ивана-Мозыри млынокъ...», такъ какъ старцы не въ состояніи были его поддерживать, то продаютъ [3]). Такимъ образомъ, «безгрунтовніе старцы», которые поступали въ шпитали, дѣлались обезпеченными не только въ своихъ первыхъ потребностяхъ, но при благопріятныхъ условіяхъ обзаводились и грунтами. Вообще шпиталь можно считать воплощеніемъ того гуманнаго народнаго взгляда на нищенство, который считаетъ его несчастіемъ, но не униженіемъ. Положеніе старцовъ, собственниковъ, свободно, какъ самостоятельное юридическое лицо, распоряжающихся своими дѣлами, не могло оскорблять того чувства собственнаго достоинства, которое такъ тонко развито въ малороссѣ. До сихъ поръ сохранился еще этотъ, впрочемъ, уже вымирающій типъ старца, который смотритъ на свое положеніе, какъ на извѣстную заслугу передъ людьми, такъ какъ

[1]) Опис. Черн. епар., кн. 7-я, стр. 37, 412.
[3]) Опис. Черн. епар., кн. 5-я, стр. 139, 344.
[2]) Основа, 1861 г., май, стр. 85.

доставляетъ имъ случай дѣлать добрыя дѣла и тѣмъ пріобрѣтать заслугу передъ небомъ. Особенно къ этому типу принадлежатъ слѣпцы-бандуристы. Въ шпиталяхъ, гдѣ жили такіе слѣпцы, съ ними жилъ и ихъ поводырь. Вѣроятно, братствамъ или товариствамъ шпиталей въ значительной степени обязана наука прекрасными историческими пѣснями и думами—онѣ если не создавались, то, по крайней мѣрѣ, сохранялись тамъ. Съ уничтоженіемъ шпиталей начала забываться и историческая поэзія, потому что пало старчество, протягивавшее руку за подаяніемъ съ полнымъ чувствомъ своего права и платившее за подаяніе пѣсней, а на мѣсто его начало развиваться настоящее нищенство, презираемое и презирающее самое себя. Какъ организовано было старинное старчество, показываетъ тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бывали даже нищенскія школы: такъ Покошичи (село Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губ.) славилось когда-то такой школой [1]).

Итакъ, шпитали имѣли иногда собственныя средства въ деньгахъ и недвижимомъ имуществѣ. Затѣмъ, случалось, церковныя братства устраивали особый старческій шинкъ (о шинкахъ, какъ доходной братской статьѣ, будетъ рѣчь впереди), доходы съ котораго шли на шпиталь [2]). Наконецъ, постоянный и спеціальный свой доходъ каждый шпиталь получалъ отъ подаянія въ разныхъ его видахъ. Цеховыя братства всегда такъ или иначе поддерживали шпиталь: иногда они доставляли отопленіе и освѣщеніе старцамъ, всегда посылали въ свои патрональные праздники въ шпитали мясо, хлѣбъ, соль, пшено, водки, свѣчку и ладанъ съ наказомъ, чтобъ помолились за ихъ предковъ. То же дѣлали и частные люди: нужно устроить кому-нибудь поминки по умершему, онъ отошлетъ припасы въ шпиталь—«нехай старці тамъ собі состроять обідъ». По большимъ праздникамъ тоже и цехи и частные люди посылали по шпиталямъ съѣстное, на Рождество мясо, на пасху яицъ; иные зажиточные хозяева посылали что-нибудь въ шпиталь каждую субботу и праздникъ. Такъ и пропитывалось старецкое братство. А если не хватало присланнаго, нѣкоторые старцы покрѣпче шли по кусочки на себя и на болѣе слабую братью, а то садились на крыльцо и кричали, прося подаянія. Въ шпиталяхъ призрѣвались и мущины, и женщины—оттого шпитальная хата дѣлилась обыкновенно на двѣ половины. Кромѣ постоянныхъ обитателей шпиталя, въ немъ бывали временные—

---

1) Опис. Черн. епарх., кн. 5-я, 402.
2) Тамъ же, кн. 6-я, 252.

богомольцы, странники, разный захожій людъ. Случалось, и недобрый человѣкъ находилъ себѣ временное «прихилище» въ шпиталѣ: могли-ли шпитальные обитатели разбирать—достоинъ или недостоинъ человѣкъ пріюта? Между тѣмъ, это обстоятельство подавало поводъ къ нѣкоторымъ нареканіямъ на шпитали, и правительство воспользовалось этими нареканіями, чтобъ начать преслѣдованіе противъ шпиталей. Одинъ ученый сообщилъ намъ, что онъ видѣлъ указъ, прямо запрещающій шпитали. Такимъ образомъ, шпитали исчезли, впрочемъ, не безъ исключенія. По какой-то счастливой случайности, нѣсколько изъ нихъ дожили до настоящаго времени и перешли въ качествѣ благотворительныхъ учрежденій въ завѣдываніе земствъ. Такъ, шпитали Конотопа и Борзны превратились въ земскія богоугодныя заведенія [1]). Еще въ одномъ пунктѣ братствамъ нанесенъ былъ существенный ударъ. Они остались влачить свое существованіе, лишенныя всего, что давало ихъ дѣятельности настоящій жизненный смыслъ.

Поддержка церкви, шпиталя, школы, удовлетвореніе другихъ потребностей, обусловливавшихся братской организаціей, все это требовало матеріальныхъ средствъ. Средства эти малорусскія братства, какъ и западно-русскія, находили во взносахъ своихъ членовъ. Затѣмъ мы видимъ въ распоряженіи малорусскихъ братствъ земли, луга, лѣса, пасѣки: они жертвованы были въ братства или братчиками, чаще по завѣщанію, или просто набожными людьми. Иногда жертвователи оговаривали спеціальную цѣль, ради которой совершалось пожертвованіе, напр., «для построекъ и поправокъ школы и шпиталя» [2]). Кромѣ того, братства имѣли свои дома и дворы, изъ которыхъ тоже извлекали выгоды. Но самымъ постояннымъ и выгоднымъ источникомъ братскихъ доходовъ было шинкованье. Практиковалось оно въ различныхъ видахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно сохранило еще свой первобытный характеръ: на патрональные и другіе большіе праздники собирались деньги, на которыя покупался медъ и готовился братскій столъ для причта и братчиковъ. Медъ же сытили и продавали желающимъ [3]). Въ одномъ актѣ половины прошлаго вѣка мы находимъ такую просьбу жителей одного села Черниговской губ.: «для лучшаго въ потребностяхъ церковныхъ за нашимъ убожествомъ (которое послѣдовало за отбуваніемъ вой-

---

[1]) Приведенныя свѣдѣнія о шпиталяхъ собраны отъ стариковъ въ Борзенскомъ и Конотопскомъ уу., Черниговской губ., П. Ефименкомъ.

[2]) Опис. Черн. сп., кн. 7, 321.

[3]) Опис. Харьк. сп. III, 599.

сковыхъ походовъ и за не малою саранчею) намѣреваемся мы устроить подъ звоницею свѣтелку съ погребомъ для единой продажи сиченого меду къ лучшей церковной прибыли и то только о рожествѣ, о воскресеніи Христовомъ да о успеніи Богоматери, по примѣру другихъ приходскихъ церквей, продающихъ чрезъ кануны сиченой медъ въ праздники» [1]). Отъ устройства свѣтлицы подъ колокольней для шинкованья недалеко уже было и до обзаведенья настоящимъ шинкомъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что множество малорусскихъ братствъ прошлаго вѣка имѣетъ собственные шинки и шинковые дворы. Если мы встрѣчаемъ при описаніи церкви шинокъ, то это несомнѣнное доказательство того, что при этой церкви было церковное братство. Иногда братскіе шинки называются просто церковными. Это обстоятельство подавало недовольнымъ малорусскими порядками лишній поводъ къ нареканіямъ на эти порядки: «а къ предосужденію святости едва не всѣ церкви подъ именемъ своимъ шинки имѣютъ», укоризненно пишетъ Малороссійская Коллегія въ своей инструкціи къ члену своему Наталину, котораго она посылала отъ себя въ знаменитую екатерининскую комиссію. Другой депутатъ отъ Малороссіи Политика такъ возражалъ на это обвиненіе: «хотя Коллегія и говоритъ, что въ Малой Россіи, къ предосужденію святости, едва не всѣ церкви подъ своимъ именемъ шинки имѣютъ, но я такихъ шинковъ не знаю, а знаю только то, что такъ называемые церковные шинки принадлежатъ всегда не церквамъ или церковнымъ причетникамъ, но братству, или прихожанамъ тѣхъ церквей, имѣющимъ на то право, которые получаемые изъ оныхъ прибыли употребляютъ на всякія церковныя нужды и благолѣпіе» [2]).

Изъ этого препирательства видно, что въ прошломъ столѣтіи, по свидѣтельствамъ современниковъ, «едва не всѣ церкви» Малороссіи имѣли шинки, а слѣдовательно,—и церковныя братства. Тоже, кажется, было и въ Слободской Украинѣ, сколько можно судить по массѣ сохранившихся указаній на братства и братерскіе дворы, школы, шпитали, церковные шинки, которые мы находимъ въ Описаніи Харьковской епархіи. Но, кромѣ церковныхъ братствъ, въ Малороссіи прошлаго вѣка мы встрѣчаемъ еще множество братствъ цеховыхъ, которыя преслѣдовали тѣ же религіозно-нравственныя цѣли, что и братства церковныя, примѣшивая къ нимъ нѣкоторыя свои спе-

---

[1]) Опис. Черн. еп. 7, 326.
[2]) Чтенія въ Император. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1858 г., кн. 3-я, 61, 89.

ціальныя цѣли, обусловливающіяся особенностями соціальнаго положенія лицъ, входящихъ въ ихъ составъ.

Цеховыя братства всегда составлялись лицами одного соціальнаго положенія. Больше всего существовало такихъ братствъ между ремесленниками: вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи, со второй половины XVII-го вѣка, всюду по селамъ, мѣстечкамъ и небольшимъ городамъ мы видимъ ихъ во множествѣ. Кромѣ ремесленныхъ, встрѣчаются еще цеховыя братства торговыя, союзы торговцевъ солью, олеемъ и т. п.: «цехъ соляницкій», «цехъ олѣйницкій», какъ они себя называли. О цехахъ старецкихъ, т. е. цеховыхъ братствахъ нищихъ, мы говорили выше. Затѣмъ интересны еще, по своей связи съ одной широко-распространенной современной народной братской формой, братства парубоцкія или молодецкія, т. е. союзы молодежи, имѣющей общія занятія ремесленныя или торговыя. Итакъ, между цеховыми братствами Малороссіи XVIII-го вѣка, по дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, мы находимъ четыре группы: братства ремесленныя, самыя многочисленныя, братства торговыя, братства старецкія и братства парубоцкія.

Насколько братства цеховыя, особенно ремесленныя, ставили себѣ тѣ же цѣли, что и братства церковныя, показываютъ многіе факты, сохранившіеся въ актахъ прошлаго столѣтія. Начиная со второй половины XVII-го вѣка, мы постоянно встрѣчаемъ просьбы ремесленниковъ къ войсковой старшинѣ въ родѣ того, что «хотячи з побожности своей вспарте алболи рачей порядокъ въ свѣчахъ и в складци на потребу церковную грошовой въ дому Божомъ Рождества Пресвятыя Богородицы учинити и братство мѣти...» «Абы була помочъ въ обрядахъ церкви Божіей и разширене хвалы святой при ихъ оферы чинилась», «видячи немалую оскудность въ церкви» «взіявши себѣ звичай з великихъ городовъ подлеглихъ и пожиточныхъ Божой церкви» [1])— почти исключительно лишь такими мотивами обусловливаютъ ремесленники свои просьбы объ утвержденіи ихъ братствъ. И полковники выдаютъ универсалы на подтвержденіе или утвержденіе ихъ братствъ «нѣнащо иншое, толко абы былъ въ нихъ порядокъ и помочъ була въ церкви Божіей». Въ одномъ уставѣ цехового братства встрѣчаемъ мы, кромѣ этой общей всѣмъ братствамъ цѣли, еще особо оговоренную спеціальную религіозную цѣль «для каждаго и нищего и богатаго по смерти поховаття тѣла абы бестийско

[1]) Обозрѣніе Румянцовской описи Малороссіи, вып. 1-й, 96. вып. 3-й, 400, 403.

народъ христіанскій на улицахъ не валялся и въ домахъ не зоставалъ» (голтвянское ткацкое братство 1664 г. по имѣющейся у насъ рукописи). Выше мы видѣли, что каждое братство ставило себѣ въ обязанность погребеніе своихъ членовъ; но въ данномъ случаѣ, вѣроятно, какія-нибудь особыя условія, въ родѣ повальной болѣзни, вызвали широкую потребность въ отправленіи погребальныхъ обязанностей и цеховое братство беретъ на себя эти обязанности.

Ремесленное братство часто трудно отличить отъ церковнаго; вѣроятно, на практикѣ эти формы иногда сливались. Такъ отчасти было и въ западной Россіи; напр., проситъ короля о дозволеніи устроить школу церковное Брестское братство, представителями котораго являются «цехмистры братству разныхъ ремеслъ» [1]). Чѣмъ могло отличаться отъ церковнаго, напр., хоть такое ремесленное братство, которое мы находимъ въ прошломъ вѣкѣ въ с. Ярославкѣ (Козелецкаго у., Черниг. губ.)? Братство составляется изъ всѣхъ ремесленниковъ села безъ исключенія—портныхъ, сапожниковъ и пр. Ремесленники эти выбирали двухъ старшихъ братьевъ, которые въ ремесленныхъ братствахъ, по примѣру настоящихъ цеховъ, носили названіе цехмистра и его помощника. Эти два старшіе члена братства освобождались сельскимъ обществомъ отъ общественныхъ повинностей, такъ какъ они исполняли при богослуженіи должности пономаря, въ торжественные дни обязаны были звонить, наблюдали за чистотой церкви и церковнаго погоста, присутствовали при починкахъ церковныхъ. Каждый членъ братства дѣлалъ опредѣленный годовой взносъ, который поступалъ въ братскую кружку; въ кружку же поступали плата за цеховое погребеніе умершаго не цехового и братскіе штрафы. Всѣ эти сборы шли въ пользу церкви. Чисто ремесленнаго было въ устройствѣ этого братства только то, что всякій посторонній ремесленникъ, который хотѣлъ бы работать въ селѣ, долженъ былъ сдѣлать взносъ въ пользу церкви. Кромѣ того, братство наблюдало за исправностью работы всѣхъ ремесленниковъ и съ неисправныхъ брался штрафъ въ пользу братской кружки, т. е. главнымъ образомъ въ пользу церкви же. Но это право наблюденія и штрафованія, которое практиковалось ремесленнымъ братствомъ по отношенію къ своимъ членамъ, не имѣло ничего по существу различающагося отъ права каждаго братства наблюдать за нравственностью своихъ членовъ, судить ихъ въ извѣстныхъ дѣлахъ и налагать на-

---

[1]) Акты западной Россіи, т. IV, № 28.

казанія. Вообще въ сохранившихся документахъ можно найти кой-какіе факты, которые показываютъ, что часто нельзя было практически провести граничной черты между цеховымъ и церковнымъ братствомъ. Вѣроятно, бывали такіе случаи, что къ цеховому братству ремесленниковъ примыкали для общихъ заботъ о церкви и другихъ нравственно-религіозныхъ цѣлей и не ремесленники, какъ это, мы видимъ, случается и теперь. Въ самомъ дѣлѣ, если ремесленное братство имѣло въ себѣ такъ мало экономически обособленнаго, что въ него могъ вступать ремесленникъ всякаго ремесла, то отъ чего же, въ случаѣ надобности, не могли къ нему примкнуть люди и другихъ занятій, не ремесленныхъ? Но, кромѣ этихъ общихъ ремесленныхъ цеховыхъ братствъ, мы встрѣчаемъ въ прошломъ столѣтіи во множествѣ и такія, которыя заключаютъ въ себѣ лишь ремесленниковъ опредѣленной спеціальности: цеховыя братства ткачей, сапожниковъ, гончаровъ, кузнецовъ и т. п. Такія братства сохраняютъ болѣе рѣзкія очертанія, не позволяющія ихъ смѣшивать по внѣшности съ другими родственными формами. Но содержаніе ихъ дѣятельности, тѣмъ не менѣе, тоже самое. До сихъ поръ въ церквахъ Малороссіи хранится множество богослужебныхъ книгъ и разныхъ церковныхъ вещей, жертвованныхъ этими братствами. Снабженіе церквей восковыми свѣчами всегда было существенной обязанностью ремесленниковъ и въ цехахъ, и въ цеховыхъ братствахъ. Вообще, цеховыя ремесленныя братства оказывали церкви поддержку во всѣхъ видахъ. Шпитали всегда пользовались особеннымъ покровительствомъ со стороны цеховыхъ братствъ. Да и въ организаціи своей они ничѣмъ не отличались отъ церковныхъ: тѣ же урядовые старшіе братчики, которые иногда только носили названіе цехмистровъ, тѣ же вклады въ братскую скриньку, тотъ же братскій судъ, тѣ же общіе братскіе пиры, кануны, изъ которыхъ потомъ выростаютъ и братскіе шинки, тѣ же братскіе дворы, которые предназначались для братскихъ сходокъ, а случалось опредѣляемы были и для общей помощи всѣмъ парохіанамъ, т. е. служили тѣмъ, чѣмъ служили дворы церковнаго братства. Единственное существенное различіе ремесленнаго цеховаго братства отъ церковнаго было то, что въ цеховое братство обязательно долженъ былъ вступать каждый, кто занимался ремесломъ, образующимъ это братство, а иначе обязанъ былъ платить штрафъ или въ братскую скриньку или прямо въ церковь деньгами и воскомъ [1]).

---

[1]) Обозрѣніе Румянцовской описи, вып. 5-й, 398.

Малорусскія торговыя цеховыя братства, сколько можно судить, не отличались существенно отъ цеховыхъ братствъ ремесленныхъ. Цѣль ихъ тоже: «абы мѣли надъ собою старшаго брата и порядокъ въ своемъ братствѣ за такимъ докладомъ абы особливое було собраніе въ скринцѣ ихъ братской на церковь Божію». Сверхъ обычной помощи церкви, немногія свѣдѣнія, которыя сохранились, говорятъ о сборахъ съ торговцевъ своихъ и пріѣзжихъ и о запрещеніи торговать безъ вѣдома старшаго брата [1]). Своеобразнѣе, сколько можно судить, были братства молодецкія, «молодецкіе», или «парубоцкіе цехи», какъ ихъ называли.

Еще въ исторіи церковныхъ братствъ западной Россіи мы встрѣчаемся съ «младенческими» или «младшими братствами», которыя имѣли особые уставы, устраивались «по уставу и артикуламъ младенческихъ братствъ», какъ говорится въ одномъ актѣ. Иногда они состояли при большихъ братствахъ—такъ было младшее братство при Львовскомъ—и помогали при церковной службѣ [2]). Что такое были эти младенческія братства, ближе не видно; ясно, что это были братскіе союзы молодыхъ людей, но на какихъ основаніяхъ соединялась эта молодежь,—было-ли это братство церковное, не различающее соціальнаго положенія лицъ, входящихъ въ его составъ, или братство лицъ, связанныхъ одинаковымъ положеніемъ и экономическими интересами—изъ сохранившихся указаній нельзя сдѣлать на этотъ счетъ никакого вывода. Въ Малороссіи прошлаго вѣка иногда мы находимъ при цехахъ и цеховыхъ братствахъ братства молодыхъ ремесленниковъ или подмастерьевъ. Эти братства естественно устраивались по типу тѣхъ союзовъ, при которыхъ они возникали. Но болѣе оригинальное развитіе, приближающееся къ современной парубоцкой громадѣ, эти братства молодежи получили въ селахъ. Сохранилось такое описаніе молодецкаго братства села Ярославки (Черниговской губ.). По числу двухъ приходовъ села, парубки составляли два братства, изъ которыхъ каждое выбирало себѣ атамана. Въ первый день Рождества парни «гуртомъ» обходили съ поздравленіемъ село и собранный за поздравленіе хлѣбъ и пр. продавали. Три части вырученныхъ денегъ отдавали въ распоряженіе своихъ атамановъ, а четвертую оставляли себѣ «на молодецкій могарычъ», т. е. на братскую пирушку. Атаманы же за полученныя отъ парубковъ деньги должны были исправлять въ церковь три ра-

---

1) Обозрѣніе Румянцовской описи, вып. 5, 818—820.
2) Сводная Галицко-русская лѣтопись. 330. 476.

за въ годъ двѣ большія ставныя свѣчи, окрашенныя ярью—обычай, принятый всѣми цехами и ремесленными братствами; также починяли церковныя хоругви и др. церковныя вещи [1]).

Вотъ все, что мы могли выжать изъ отрывочныхъ и скудныхъ свѣдѣній о малорусскихъ братствахъ прошлаго вѣка. Дѣятельность братская не поражаетъ широкимъ размахомъ, какъ въ братствахъ западной Руси. Она крайне тиха и скромна. Но, тѣмъ не менѣе, она должна была имѣть громадное значеніе для культуры малорусскаго народа. Если малорусскій народъ, по сравненію съ великорусскимъ, поражаетъ насъ высотой культурно-нравственнаго развитія, то, вѣроятно, въ этомъ участвовали въ значительной степени братства, которыя постоянно вкладывали въ свою дѣятельность широкій нравственный принципъ и давали ему воплощеніе въ общественныхъ формахъ. Вновь наступившія условія политической жизни помѣшали братствамъ развивать свое дѣло на установившихся уже началахъ. Одна за другой закрывались имъ тѣ сферы дѣятельности, которыя они взяли въ свое распоряженіе, съуживался районъ ихъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе, какое они имѣли для окружающей среды. Они осуждены на вымираніе. Но они вымираютъ не безъ борьбы. Ихъ богатая жизненность ожесточенно борется съ мертвящими условіями, и борьба еще далеко не закончена. Слабые и блѣдные остатки братствъ еще во множествѣ покрываютъ и современную Малороссію, и Западный край.

III.

Многочисленные, хотя большею частью лишь блѣдные остатки братствъ, сказали мы, еще покрываютъ собою и Западный край, и Малороссію [2]). Во многихъ случаяхъ, это даже уже и не братства, а, такъ-сказать, лишь воспоминанія братствъ, хранимыя народомъ въ видѣ какихъ-нибудь братскихъ обычаевъ; въ другихъ случаяхъ, братства удержали остовъ своей организаціи, но онъ одѣтъ слабой, мало-жизненной плотью; наконецъ, есть братства, держащія свои традиціи, живущія и дѣйствующія со всей энергіей, какую можно развернуть въ узкомъ, искусственно стѣсненномъ внѣш-

[1]) Опис. Черниг. епар., кн, 5-я, 225.

[2]) Разъ навсегда мы должны оговориться, что о Малороссіи мы судимъ главнымъ образомъ по Черниговской губерніи, относительно которой могли раздобыться свѣдѣніями изъ непосредственныхъ источниковъ.

ними условіями районѣ. Попеченія о церкви, нѣкоторая обоюдная помощь, наблюденіе надъ добрыми нравами внутри своего братства — вотъ и все, къ чему сводится содержаніе братскаго союза во всѣхъ сохранившихся видахъ его проявленія. Въ западной Россіи преобладаютъ въ остаткахъ братствъ, сколько можемъ судить по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, тѣ черты, которыя связываютъ ихъ традиціонно съ чистымъ типомъ церковнаго братства, когда-то такъ пышно разцвѣтшаго на западно-русской территоріи; въ Малороссіи же преобладаютъ остатки тѣхъ братскихъ союзовъ, которые мы видѣли очень развитыми въ прошломъ столѣтіи и которые мы называли цеховыми братствами. При тождествѣ цѣлей и сходствѣ организаціи, два эти типа братствъ имѣютъ и довольно существенное различіе, которое заключается, какъ видно и изъ предъидущей главы, въ томъ, что въ цеховое братство соединяются люди одинаковаго соціальнаго положенія, между тѣмъ какъ церковное братство не обусловливаетъ собой этого принципа исключительности. Конечно, жизнь, какъ всегда, насмѣхаясь надъ попытками подвести ея явленія подъ рубрики, смѣшиваетъ въ промежуточныхъ формахъ церковныя братства съ цеховыми, принципъ общности одной группы съ принципомъ исключительности, свойственнымъ другой группѣ. Знаменитое Виленское церковное братство, въ спискахъ членовъ котораго встрѣчаемъ вмѣстѣ съ именами литовско-русскихъ магнатовъ и имя какой-нибудь Натальи убогой, вѣроятно, выросло изъ предѣловъ исключительнаго братства цехового; съ другой стороны, и позднѣйшія церковныя братства по селамъ и деревнямъ практически могли быть исключительными, такъ какъ составлялись лишь одними крестьянами. Но независимо отъ преобладанія того или другого принципа, между цеховыми и церковными братствами есть и еще одно отличіе. Церковныя братства были постояннымъ учрежденіемъ, существовавшимъ при церкви; они составляли какъ-бы одно цѣлое съ церковью, болѣе или менѣе существенную, теперь даже и совсѣмъ не существенную, но все-таки часть церкви. Цеховое братство, преслѣдуя тѣ же религіозныя цѣли, всегда стояло и стоитъ въ сторонѣ отъ церкви, внѣ ея. Церковное братство—общественный органъ церкви, слѣдовательно, участвуетъ такъ или иначе въ жизни церкви; цеховое братство только помогаетъ ей.

Отчего въ Малороссіи сохранились по преимуществу остатки цеховыхъ братствъ, а не церковныхъ? Намъ кажется, что тутъ не безъ вліянія то обстоятельство, что Малороссія раньше присоединилась къ Россіи, а слѣдовательно, и церковь ея раньше сдѣлалась оффиціаль-

нымъ русскимъ государственнымъ учрежденіемъ, которое не терпитъ въ своихъ дѣлахъ участія, а тѣмъ болѣе вмѣшательства общественнаго элемента. Малорусскій народъ не только былъ лишенъ возможности устраивать свою церковь такъ, какъ онъ ее понималъ и какъ хотѣлъ ее устраивать, но и прямо былъ отстраненъ отъ церкви. Тогда идея братскаго союза пріютилась, съ одной стороны, въ цеховыхъ братствахъ, съ другой, въ парубоцкихъ громадахъ. Замѣчается при этомъ любопытный фактъ. Существуетъ братство, которое по всѣмъ признакамъ должно было бы быть церковнымъ: уже не говоря о томъ, что цѣли его исключительно религіозныя, оно состоитъ изъ крестьянъ-земледѣльцевъ, хотя свободно допускаетъ и ремесленниковъ. Тѣмъ не менѣе, оно называется цехомъ, «пахарскимъ цехомъ» и принимаетъ на себя внѣшность ремесленнаго цехового братства. Такіе странные цехи встрѣчаемъ мы въ южной части Черниговской губерніи. Съ организаціей и дѣятельностью одного изъ такихъ цеховъ мы могли довольно близко познакомиться: кромѣ непосредственныхъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, намъ удалось получить приходо-расходную книгу Семиполкскаго цеха, которая позволяетъ составить болѣе точное представленіе о смыслѣ и значеніи общественныхъ формъ этого рода.

Мѣстечко Семиполки Остерскаго уѣзда Черниговской губ. — не особенно многолюдное, бѣдное мѣстечко, чисто-земледѣльческаго характера, безъ сколько-нибудь развитыхъ промысловъ или ремеслъ. Въ немъ есть братство, свѣдѣнія о которомъ дошли до насъ лишь отъ начала нынѣшняго столѣтія. Въ какомъ видѣ оно существовало раньше—неизвѣстно. Но съ 1812 года, когда оно надумалось завести себѣ записную книгу, находящуюся у насъ въ рукахъ, и до нашего времени оно имѣетъ все одинъ и тотъ же видъ цехового братства, «пахарскаго цеха». Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о числѣ членовъ братства; въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно составляло 100 человѣкъ на населеніе около 1500 душъ, т. е. почти 100 семей: полагая на каждую семью по пяти человѣкъ, значитъ, около трети населенія. Для ремесленниковъ прежде было, повидимому, обязательно вступать въ братство: такъ, есть запись въ книгѣ, что «по жалобѣ здѣшнихъ портныхъ» взяты съ посторонняго портного въ цехъ взносныя деньги. Изъ всѣхъ сторонъ братской дѣятельности въ современныхъ братствахъ, подобныхъ Семиполкскому, развилась по преимуществу одна (исключая помощь церкви)—это его погребальная дѣятельность. Семиполкское братство можно назвать погребальнымъ братствомъ par excellence, и съ этой

стороны оно получаетъ для народа смыслъ и экономическое значеніе. Братство имѣетъ всѣ похоронныя принадлежности: мары (носилки), сукна (похоронныя покрывала), похоронныя свѣчи. Всякій членъ братства имѣетъ право на даровыя заботы братства о его погребеніи; расходы семьи умершаго только на поминки, какую-нибудь кварту горѣлки для тѣхъ братчиковъ, которые работали,—а иногда и эту кварту ставитъ цехмистръ изъ братскихъ денегъ. Съ непринадлежащихъ къ братству оно беретъ за погребеніе довольно высокую плату, отъ 50 коп. до 5 руб., смотря по состоянію семьи покойника: дороже взимается съ дворянъ и вообще лицъ другихъ сословій. Погребальныя обязанности такъ тѣсно связались съ братствомъ, что уже никто другой, не принадлежащій къ цеху, не вмѣшается въ погребальное дѣло. Существованіе такого братства очень облегчаетъ крестьянину нелегкія похоронныя заботы, особенно лѣтомъ въ рабочую пору, когда такъ трудно найти въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ свободныя руки. Погребальная дѣятельность и заботы о церкви даютъ главное содержаніе братской жизни такого пахарскаго цеха. Братство на свой счетъ чинитъ церковь, краситъ ее, дѣлаетъ лѣстницы, поправляетъ колокольню—все, что можетъ, дѣлаетъ собственными руками; затѣмъ покупаетъ разныя церковныя вещи,—иконы, хоругви, кресты и т. п., которыя украшаютъ церковь, но считаются собственностью цеха и называются «братецкими». Братская помощь практикуется въ видѣ ссудъ изъ братскаго капитала—ссуды дѣлаются и по мелочамъ, и довольно крупныя, до 100 рублей. Наблюденіе за нравственностью членовъ какъ въ каждомъ братствѣ, и братскій судъ, по рѣшенію котораго выгоняется изъ цеха тотъ, кто погрѣшилъ противъ братской нравственности или дисциплины. Доходы братства, прежде всего, изъ взносовъ при поступленіи въ цехъ отъ 25 коп. до 1 руб.—если кто женитъ сына, то еще приплачиваетъ въ цехъ нѣсколько копѣекъ «за опуку». Вообще, эти взносы не могутъ считаться важной доходной статьей братства. Гораздо значительнѣе доходы за погребеніе не цеховыхъ—доходы правильные и постоянные, такъ какъ ни одинъ мѣсяцъ, по братскимъ записямъ, не обходится безъ одного, двухъ или нѣсколькихъ случаевъ похоронъ, за которыя братство получаетъ иногда, кромѣ денегъ, вещи, особенно полотенца, платки, холстъ, случается—и посмертныя пожертвованія: такъ, напр., изъ записей видно, что одинъ землевладѣлецъ завѣщалъ въ пользу братства сто рублей. До самаго послѣдняго времени братства получали также значительный доходъ съ кануновъ. Канунъ устраивался въ Семиполкахъ одинъ разъ въ году, о Рождествѣ. На братскія

деньги покупали пудовъ пять сотоваго меду и наваривали ведеръ около сорока папитку. Для приготовленія меду у братства былъ, да и до сихъ поръ есть, большой мѣдный казанъ (котелъ): братство снабжало этимъ казаномъ за плату другое братство, которое тоже до сихъ поръ существуетъ въ Семиполкахъ, какъ и въ другихъ селахъ и мѣстечкахъ, братство парубоцкое, имѣвшее тоже и свой канунъ, лѣтомъ, о Троицынѣ днѣ. Варили медъ сами братчики, сами били воскъ, назначали двухъ братчиковъ на недѣлю въ канунщики для продажи меду. Всѣ расходы братства по приготовленію и распродажѣ меду ограничивались тѣмъ, что оно покупало водку и рыбу «трудящимся», сальныя свѣчи для освѣщенія канунщиковъ въ ранніе декабрьскіе сумерки; дрова для варки меду тоже не покупались, а сбирались съ цеховыхъ. Кромѣ порядочной выручки за медъ, братству оставался въ прибыли воскъ, который частью продавался, частью шелъ на собственное употребленіе, на приготовленіе похоронныхъ, а также тѣхъ праздничныхъ свѣчъ, которыя братчики держатъ въ рукахъ въ церкви во время чтенія евангелія или молебна. Канунъ былъ важнымъ подспорьемъ для братства: вообще, уничтоженіе кануновъ бываетъ такимъ экономическимъ подрывомъ для братства, что многія братства его не переносятъ и прекращаются. Нѣкоторый доходъ Семиполкское братство по временамъ извлекаетъ изъ съемки какого-нибудь кусочка земли, луга подъ сѣнокосъ и т. п. Во всѣхъ случаяхъ, какіе выставляетъ жизнь, братство является вѣрнымъ хранителемъ традицій церковнаго братства—всюду оно выступаетъ посредникомъ между обществомъ и церковью. Встрѣчается-ли въ церкви какая-нибудь неисправность—братство считаетъ своимъ долгомъ позаботиться объ ея устраненіи; нужно устроить звонъ въ высокоторжественный день или по случаю проѣзда архіерея—цеховые звонятъ, получая изъ братскихъ денегъ на горѣлку за труды; нужно устроить на Крещенье крестъ на водѣ—опять-таки это братское дѣло. Братство участвуетъ на первомъ планѣ въ каждой церковной процессіи, неся кресты и хоругви. Нужно обществу пригласить священника, чтобъ онъ на Юрья освятилъ жита, приглашаетъ его братство и платитъ за молебенъ изъ своихъ средствъ. Однимъ словомъ, братства, подобныя Семиполкскому, во всемъ, что касается ихъ цѣлей—церковныя братства чистаго типа, только насильственнымъ образомъ отодвинутыя отъ церкви. Лишенныя возможности дѣйствовать съ жизненнымъ смысломъ и значеніемъ на старомъ привычномъ полѣ, они пытаются поддержать свое существованіе развитіемъ другихъ сторонъ, напр., похоронной дѣятельности, которая въ зародышѣ

существуютъ въ каждомъ братскомъ союзѣ, такъ какъ братья всегда обязаны участвовать въ похоронахъ другъ друга. По внѣшней же своей формѣ, братство сорганизовано ближе къ типу цехового братства. Должностныя лица братства выбираются на Рождество или на Пасху. Ихъ четверо: цехмистръ, другой старшій братъ, молодшій братъ и ключникъ. Цехмистръ распоряжается похоронами и вообще братскими дѣлами; но онъ не можетъ расходовать денегъ безъ вѣдома братчиковъ, такъ какъ ключи отъ братской скрыньки у ключника, хотя сама скрынька хранится у цехмистра. Письменная отчэтность въ приходѣ и расходѣ братской казны всегда ведется отъ имени цехмистра и ключника. Старшій братъ помогаетъ цехмистру, особенно при похоронахъ; младшій братъ служитъ на посылкахъ. Кромѣ чести—цехмистръ пользуется такимъ уваженіемъ, что за оскорбленіе его даже словомъ виновный изгоняется изъ братства—цеховые обязаны еще подносить цехмистру каждое Рождество и Пасху на поздравленіе по 5 копѣекъ и по 2 пирога.

Такіе же пахарскіе цехи находимъ мы и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губ. Въ селѣ Ярославкѣ, напр., гдѣ есть такой цехъ, только 20 дворовъ изъ 1,300 дворовъ не вписано въ него. Значеніе его тоже, главнымъ образомъ, похоронное: своихъ хоронятъ даромъ, только кварту водки и хлѣба на закуску, съ постороннихъ берутъ 1—3 руб. и воску отъ $^1/_2$ фунта до 2 фун.; за уничтоженіемъ кануновъ, которые доставляли воскъ, братство такимъ образомъ раздобывается воскомъ на цеховыя свѣчи. Взносъ—2—3 копѣйки каждый годъ; выбираютъ цехмистра и ключника. Еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такія братства существовали недавно, на памяти всѣхъ. Но священники начали изъявлять притязанія на братскую казну, желая обратить ее въ церковную, и это обстоятельство было послѣдней каплей, которою чаша была переполнена: братства распались.

Вотъ все, что намъ извѣстно о пахарскихъ цехахъ, современной формѣ братскаго союза, ближе другихъ подходящей къ типу церковнаго братства. Гораздо многочисленнѣе настоящія цеховыя братства, съ которыми мы нѣсколько познакомили читателя въ предъидущей главѣ, союзы ремесленниковъ или вообще промышленниковъ съ нравственно-религіозными цѣлями. Ихъ можно найти вездѣ, не только по городамъ и мѣстечкамъ, но даже и по небольшимъ селамъ. Слѣдя за ними, мы слѣдимъ въ то же время за развитіемъ кустарныхъ промысловъ въ Малороссіи: по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ, напр., Остерскомъ и Козелецкомъ уу., Черниговв-

ской губ., каждый кустарь есть вмѣстѣ съ тѣмъ цеховой братчикъ, и наоборотъ. Этимъ путемъ кустарство получаетъ свою организацію, въ которой къ религіозно-нравственнымъ цѣлямъ не могутъ не примѣшиваться и экономическія, такъ какъ народъ, по своей непосредственности, всегда склоненъ создавать такія общественныя формы, которыя имѣютъ болѣе или менѣе сложный и смѣшанный характеръ, удовлетворяя разнымъ сторонамъ его потребностей. Кромѣ селъ и мѣстечекъ, цеховыя братства есть всюду и въ небольшихъ городахъ, гдѣ ихъ по внѣшности можно смѣшать съ оффиціальными цехами, но они созданы по народной инициативѣ, преслѣдуютъ свои собственныя цѣли, руководствуются своими собственными традиціонными представленіями и обычаями, такъ что ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ цехами, если они даже пользуются оффиціальнымъ признаніемъ и принимаютъ поэтому кое-что изъ внѣшнихъ формъ, навязываемыхъ имъ закономъ. Но все-таки нельзя сказать, чтобъ эта обязательная сторона ихъ существованія не отразилась нѣсколько и на внутреннемъ существѣ этихъ братскихъ формъ: кое-что въ нихъ искусственно парализовано, кое-что привито. Въ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ законъ не признаетъ цеховъ и потому игнорируетъ существующія формы ремесленныхъ союзовъ, они сохранились въ болѣе чистомъ видѣ.

Въ маленькихъ селахъ и деревняхъ обыкновенно по одному цеху; въ большихъ селахъ и мѣстечкахъ по нѣскольку — два, три; случается и до шести. Чаще встрѣчаются братства собственно ремесленниковъ, шевскія, кравецкія, шаповальскія, перепечайскія, прасольскія; затѣмъ уже идутъ братства разныхъ кустарей-ткачей, гончаровъ, гребенщиковъ и т. п. Эти цеховыя братства, повидимому, ничѣмъ почти не отличаются отъ пахарскихъ цеховъ, описанныхъ выше. Вотъ, напр., что такое цеховое братство села Калиты, совершенно сходное съ братствами множества селъ Остерскаго уѣзда. Въ с. Калитѣ живутъ ткачи-земледѣльцы (ткутъ не на продажу, а по заказамъ изъ сосѣднихъ селъ)—ихъ 50 дворовъ изъ 260 всѣхъ дворовъ села. Занятіе ихъ передается по наслѣдству. Они упорно держатся за свой цехъ: «батьки имѣли и мы хотимъ поддерживать». Ежегодно выбираютъ цехмистра, къ которому по обычаю на Рождество и Пасху являются съ пирогами и деньгами, и ключника. Сборы свои они употребляютъ на церковь: устраиваютъ ризы или другое что, въ чемъ встрѣтится надобность. Имѣютъ въ церкви четыре свои свѣчи, которыя зажигаютъ при чтеніи евангелія. Есть у нихъ и свои собственные хоругви и крестъ, также погребальныя

принадлежности, сукно и мары: за деньги копаютъ могилы и хоронятъ не цеховыхъ. Похоронныя деньги частью пропиваютъ, частью кладутъ въ общій расходъ, на церковь и свѣчи. Какъ видно изъ этихъ скудныхъ свѣдѣній, такой цехъ во всемъ сходенъ съ пахарскимъ цехомъ Семиполокъ, кромѣ того, что онъ имѣетъ замкнутый характеръ. Въ большомъ гребенщицкомъ цехѣ Новаго-Ропска, Новозыбковскаго у., Черниговской губ. (выдѣлывающемъ ежегодно около полумилліона крестьянскихъ роговыхъ гребешковъ), сверхъ обычной старшины—цехмистра, ключника, старшаго и младшаго брата—есть еще писарь. Изъ братской скриньки, кромѣ расходовъ на церковь, братчикамъ выдаются деньги въ ссуду на короткіе сроки и за извѣстные проценты. При цеховыхъ собраніяхъ открываютъ скриньку, на крышкѣ которой, съ внутренней стороны, есть изображеніе Спасителя, и передъ этимъ изображеніемъ зажигаютъ свѣчу, которая горитъ все время, пока старшина и братчики толкуютъ о братскихъ дѣлахъ [1]).

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ цеховыхъ братствъ можно встрѣтить еще старинные обычаи братскаго суда и расправы, основанныхъ на своеобразныхъ юридическихъ воззрѣніяхъ; напр., въ с. Тулиголовѣ, Глуховскаго уѣзда, гончары составляютъ цехъ, имѣютъ выборнаго цехмистра и другую старшину. Старшина цеха строго наблюдаетъ за поведеніемъ братчиковъ. Если кто провинится въ чемъ-нибудь, братскій судъ присуждаетъ, напр., къ такому наказанію: привязываютъ виноватаго на улицѣ къ огорожѣ за руку и за ногу (это наказаніе въ старину было, повидимому, распространено въ цеховыхъ братствахъ—привязывали къ воротамъ); другое употребительное наказаніе—копать могилу для умершаго бѣдняка. Набожность, честность, строгое выполненіе обязательствъ отличаетъ тулиголовскихъ гончаровъ, братство которыхъ остается еще пока традиціоннымъ хранителемъ нравственной чистоты своихъ членовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились даже остатки кануновъ. Напр., въ Лѣткахъ, мѣстечкѣ Остерскаго у., до сихъ поръ въ храмовые праздники братства покупаютъ медъ у своихъ пчеловодовъ, варятъ его, часть напитка продаютъ на ярмаркѣ, а часть распиваютъ сами: мы не знаемъ, какъ въ Лѣткахъ обходятся акцизныя стѣсненія, изъ-за которыхъ огромное большинство братствъ уже давно покончило съ своими исконными канунами. Между другими цехами Лѣтокъ—это большое

---

[1]) Труды Вольнаго Экономич. Общества. 1872 г., т. 2, ст. «О выдѣлкѣ роговыхъ гребешковъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ».

промышленное мѣстечко—встрѣчается цехъ мельницкій, т. е. братство мельниковъ. Затѣмъ по селамъ и деревнямъ нерѣдко можно встрѣтить общіе цехи, куда входятъ ремесленники и промышленники всѣхъ родовъ. Такіе цехи, которые не подходятъ ни подъ какія опредѣленія цеха, принятыя закономъ и юридической наукой, есть и въ городахъ. Напр., въ городѣ Конотопѣ, кромѣ цеховъ сапожническаго, рѣзницкаго и т. п., есть еще цехъ промышленническій: къ нему примыкаетъ каждый, кто не подходитъ подъ остальные цехи, а между тѣмъ пропитывается отъ труда своихъ рукъ—и ремесленникъ, и мелкій торговецъ, и музыкантъ: оттого на хоругви этого цеха въ видѣ эмблемы изображены, между ремесленными орудіями, скрипка и вѣсы.

Цеховыя братства городовъ должны были подчиниться общимъ установленіямъ о цехахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не выносятъ тяжести надвигающихся ограниченій и обязательствъ, и прекращаютъ свое существованіе. Такъ въ Борзнѣ уничтожился цехъ бублишницъ или перепечайскій,—единственный изъ извѣстныхъ намъ женскихъ цеховыхъ братствъ: бублишницы выбирали себѣ урядниковъ, цехмистра и ключника изъ мужей, держали свои сходки у цехмистра, имѣли свою хоругвь съ изображеніемъ булки и свѣчу, которую носили въ процессіяхъ. Другія цеховыя братства городовъ продолжаютъ существовать, но по неволѣ сокращаютъ свою дѣятельность въ прежнемъ направленіи. Они не могутъ уже служить такой поддержкой церкви, такъ какъ ихъ труды и деньги отвлекаются исполненіемъ разныхъ обязанностей, которыя предписываются имъ ихъ оффиціальнымъ положеніемъ. Впрочемъ, въ остальномъ они тѣ же цеховыя братства, вносящія въ мертвую форму цеха, предписываемаго закономъ, свое собственное многострадальное историческое содержаніе, правда, оборванное, съуженное, во всѣхъ направленіяхъ, но еще не утратившее всѣхъ своихъ типическихъ чертъ. Это все-таки не цеховое сословіе, о которомъ хлопочетъ законъ, а рядъ братствъ, которыя слагаются, живутъ и управляются по своимъ собственнымъ представленіямъ и обычаямъ.

Въ каждомъ городкѣ Черниговской губерніи—южной чисто малорусской ея части—можно встрѣтить по нѣсколько цеховъ, чаще существующихъ особнякомъ, иногда по два вмѣстѣ. При поступленіи въ цехъ необходимо сдѣлать взносъ. Взносъ сопровождается угощеніемъ цехмистра и братьевъ: въ цеховыхъ книгахъ можно встрѣтить записи, что такой-то «поставилъ столъ» и «братія осталась съ великимъ удовольствіемъ». Каждый поступающій долженъ отбыть

непремѣнно извѣстныя цеховыя службы: быть нѣкоторое время молодшимъ, затѣмъ клюшникомъ. Отъ службы можно откупиться взносомъ, но все-таки исполнивши извѣстныя формальности. Напр., присоединяется къ цеху въ зрѣлыхъ лѣтахъ человѣкъ, которому уже неудобно бѣгать на-посылкахъ молодшимъ и который можетъ быть полезнѣе цеху своей службой въ ключникахъ для письмоводства. Собирается братская сходка. Вновь поступившему подносятъ расщепленную палку съ мѣдной монетой въ расщепѣ. Онъ беретъ палку и становится у дверей, фиктивно отбывая свое молодчество. Затѣмъ вноситъ откупъ, а палку, съ булкой въ придачу, передаетъ кому-нибудь, стоящему на очереди въ молодшіе. Должности молодшаго и клюшника отбываются по очереди и наряду; на должности цехмистра, старшаго и подстаршаго братьевъ братство выбираетъ болѣе уважаемыхъ своихъ членовъ. Собственно реальныя обязанности соединяются лишь съ должностью цехмистра, котораго называютъ панъ-отецъ: старшіе братья иногда помогаютъ цехмистру, но больше играютъ почетную роль цеховой старшины.

Денежныя дѣла городскихъ цеховыхъ братствъ далеко не въ блестящемъ положеніи. Главный источникъ доходовъ каждаго цеха—это взносы и штрафы. Кое-гдѣ сохранился еще отъ старыхъ лучшихъ временъ кусокъ братской земли—его отдаютъ въ аренду. У многихъ цеховъ есть братскіе дома, которые отдаются обыкновенно въ наемъ «подъ заведеніе» въ воспоминаніе о братскихъ шинкахъ; кой у какихъ цеховъ есть лавочки на базарѣ. Затѣмъ тѣ цехи, которые имѣютъ погребальныя принадлежности, получаютъ нѣкоторый доходъ отъ погребенія состоятельныхъ людей изъ не-цеховыхъ; бѣдняковъ хоронятъ за самую ничтожную плату. Вотъ и всѣ скудные источники цеховыхъ доходовъ: да и то далеко не всѣ цехи пользуются этими источниками во всей ихъ полнотѣ, такъ какъ далеко не у всѣхъ есть запасный кусокъ земли, братскій домъ или лавочки, не у всѣхъ даже есть и погребальныя принадлежности. Ни у одного цеховаго братства небольшихъ городовъ нѣтъ никакого денежнаго запаса; изворачиваются изъ года въ годъ: если встрѣтится какой-нибудь экстренный серьёзный расходъ,—сгоритъ братскій домъ, нужно сдѣлать новую икону,—устраиваютъ складчину. Видная часть ежегодныхъ скудныхъ доходовъ цеховъ поглощается расходами изъ оффиціальнаго положенія; на нихъ лежитъ извѣстная часть заботъ по городскому благоустройству, до самаго послѣдняго времени—не знаемъ, какъ теперь—они должны были каждый большой праздникъ являться съ обильными поздравленіями къ разнымъ лицамъ городского начальства, что

прибавляло не мало тяжести безъ того къ тяжелой чести ихъ оффиціальнаго признанія. Остатокъ доходовъ поглощается покупкой воска, починкой хоругвей или цеховыхъ значковъ, погребальныхъ принадлежностей, братскими праздниками. Особенно тяжела покупка воску на большія цеховыя—праздничныя и похоронныя свѣчи. Со многими изъ своихъ старыхъ обычаевъ разсталось цеховое братство въ силу тѣхъ толчковъ на неровной дорогѣ его историческаго существованія, какіе выпали на его долю. Но восковыя свѣчи до сихъ поръ составляютъ безусловно необходимую принадлежность малорусскаго цеховаго братства. Покупкой, взносами—оно часто замѣняетъ денежные взносы восковыми,—пожертвованіями раздобывается цехъ воскомъ, изъ котораго заказываетъ себѣ большія размалеванныя свѣчи, обходящіяся цеху не дешево, рубля 3—4 и больше каждая. Нѣкоторые бѣдные цехи не могутъ уже имѣть и похоронныхъ свѣчъ, а только праздничныя; другіе еще поддерживаютъ свою честь, хотя съ большой экономіей, отмѣривая каждый разъ на свѣчѣ, сколько ей допускается сгорѣть у покойника. Все мало-по-малу рушится и скудѣетъ; скудѣютъ и братскія патрональныя пиршества—вмѣстѣ съ восковыми свѣчами послѣдніе памятники братскихъ кануновъ. Иные цехи по бѣдности не могутъ даже имѣть иконы своего патрона; тѣмъ не менѣе чтятъ память патрона, и въ патрональный день устраиваютъ въ честь его братскую сходку и угощеніе, которому предшествуетъ панихида по умершимъ братьямъ, — тогда же обыкновенно бываютъ и выборы. Подъ вліяніемъ закона, братскій судъ превращается въ цеховой судъ, который судитъ за плохое или недобросовѣстное исполненіе работы; но сохранились еще слѣды и стараго братскаго суда, карающаго за всякіе проступки противъ нравственности и братской дисциплины. Рядомъ съ судомъ за дурной товаръ, поставленный на чоботы, цехъ судитъ и за мелкую кражу и за то, что цеховой ободралъ собаку, нарушая старый обычай, въ силу котораго братчикъ не можетъ дотрогиваться до падали, и т. п.

Итакъ, цеховое братство во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, повидимому, уже вымираетъ. Но въ Малороссіи сохранилась еще одна форма братскаго союза, которая, какъ кажется, пока крѣпко держится. Это братство молодежи, такъ-называемая парубоцкая громада, встрѣчающаяся чуть-ли не въ каждомъ малорусскомъ селѣ. До сихъ поръ существуютъ еще и переходныя формы отъ цехового братства къ парубоцкой громадѣ въ видѣ братствъ молодыхъ ремесленниковъ-подмастерьевъ и парубоцкихъ торговыхъ цеховъ. Напр., въ Острѣ парубки сапожничьяго цеха образуютъ своего рода цехо-

вое братство: подъ наблюденіемъ старшаго брата складываются по 25—30 коп. и на эти деньги справляютъ большую свѣчу въ церковь, также покупаютъ на цѣлый годъ деревяннаго масла: это называется «парубоцька свѣча». На деньги, собранныя о Рождествѣ за колядованье, устраиваютъ братскую пирушку. Въ промышленномъ мѣстечкѣ Олишевкѣ (Козелецкаго у. Черниговъ. губ.) два прихода, и по числу ихъ два цеха, оба парубоцкіе, одинъ ремесленный, другой—торговый. У каждаго цеха есть свой цехмистръ, который называется «старшинцемъ», и у него, какъ у настоящаго цехмистра, есть особый «значекъ», символъ его власти: желтая камышевая палка аршина въ два длиною съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ, который украшенъ разноцвѣтными лентами. Въ простые дни палка эта хранится въ церковной ризницѣ, а въ торжественные дни, въ процессіяхъ, старшинцы носятъ ее въ рукахъ. Въ каждомъ цехѣ есть шесть большихъ зеленыхъ свѣчъ, которыя зажигаются въ праздники. Цеховые въ церкви становятся на серединѣ по три въ рядъ, одни за другими. Въ большіе праздники двое изъ цеховыхъ съ горящими свѣчами входятъ въ алтарь, одинъ черезъ сѣверныя, другой черезъ южныя двери: тамъ становятся они по сторонамъ престола, и стоятъ, пока читается евангеліе, потомъ выходятъ къ цеху. Въ Рождество, съ перваго дня до новаго года, цеховые парубки ходятъ по домамъ съ иконой и поютъ. Собранныя деньги идутъ на церковь.

Путемъ подобныхъ формъ, цеховое братство незамѣтно сливается съ сельской парубоцкой громадой, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается такимъ же братствомъ со всѣми типичными чертами братскаго союза. Всѣ парубки и дивчата села, которые достигли обычнаго совершеннолѣтія, дающаго право на участіе въ хороводахъ и другихъ забавахъ взрослой молодежи, считаются членами громады. Тѣмъ не менѣе, требуется сдѣлать и денежный членскій взносъ въ громадскую скриньку: съ парубка четвертакъ, съ дѣвушки половину; кромѣ того, парубокъ долженъ поставить громадѣ кварту горѣлки. Взносъ этотъ не взыскивается тотчасъ же, какъ новый членъ пристанетъ—до «хлопъячого» или [1]) до «дівочого» гурту; но онъ непремѣнно долженъ быть выправленъ, пока членъ громады не вступитъ въ бракъ, которымъ оканчивается связь юноши или дѣвушки съ своимъ гуртомъ. Громада выбираетъ себѣ «отамана», который хранитъ братскую «скриньку». Отаманъ иногда выбирается

---

[1]) Черниговскія Губ. Вѣдомости 1853 г. № 13.

и изъ парубковъ, но чаще эту должность отправляетъ, по выбору и просьбѣ громады, женатый человѣкъ, пожилой и зажиточный, случается и старикъ. Дѣлается это изъ предосторожности, чтобъ молодой отаманъ не растратилъ какъ-нибудь, по легкомыслію общія деньги и чтобъ можно было пополнить съ имущества, еслибъ приключился какой-нибудь ущербъ громадской казнѣ. По обычаю, громада можетъ безнаказанно забрать у отамана хоть воловъ, если онъ растратитъ ея деньги. Отамана выбираютъ на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ, пока или онъ не откажется управлять дѣлами громады или громада ему не откажетъ. Распоряжаться деньгами онъ не можетъ безъ согласія парубковъ: онъ только исполняетъ то, чтó постановитъ громада. Затѣмъ громада выбираетъ изъ своей среды двухъ подъотамановъ, обязанныхъ быть постоянно въ селѣ, не отлучаться на заработки. Они, главнымъ образомъ, слѣдятъ за тѣмъ, чтобъ дѣвушка или парубокъ не вышли изъ громады, не сдѣлавъ своего взноса, а также завѣдуютъ и другими дѣлами громады. Парубоцкая громада, какъ и другія братства, первой цѣлью своего существованія ставитъ заботу о церкви. На церковь идутъ почти всѣ ея доходы, объ увеличеніи которыхъ она очень заботится. Кромѣ упомянутыхъ выше взносовъ, громада получаетъ доходы «за коляду». Наканунѣ Рождества, какъ только начинаетъ томнѣть, парубки идутъ къ отаману, и несутъ ему подарокъ за его службу—чоботы и платокъ для жены. Потомъ отаманъ съ подъотаманомъ отправляются за благословеніемъ къ священнику: въ знакъ своего благословенія, священникъ даетъ имъ колокольчикъ. Съ этимъ колокольчикомъ парубки и колядуютъ: входя во дворъ,, они звонятъ, затѣмъ уже идутъ въ хату, гдѣ поютъ, и получаютъ сало, колбасы, хлѣбъ, деньги и пр. Такимъ образомъ, они обходятъ все село: вырученное продаютъ, небольшая часть денегъ идетъ на угощеніе, остальное поступаетъ въ скриньку. До послѣдняго времени парубоцкія громады тоже имѣли, по братскому обычаю, и кануны въ свои праздники. Выше мы упомянули о такомъ «молодецкомъ» канунѣ при описаніи Семиполкскаго братства; г. Чубинскій, отъ котораго мы заимствуемъ большею частью свѣдѣнія о парубоцкихъ громадахъ, заявляетъ, что до сихъ поръ парубоцкія громады еще варятъ медъ [1]). Но самый значительный доходъ извлекаетъ громадская скринька отъ земли. Парубки, на сходкѣ у отамана, обсуждаютъ, какъ сподручнѣе нанять

[1]) Труды этнограф.-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Географическимъ обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, Чубинскаго, т. 6-й, стр. 708—711.

кусокъ земли для посѣва, и порѣшивъ, отправляютъ для найма отамана съ подъотаманомъ на лошадяхъ, въ которыхъ никто не можетъ отказать, если есть. Когда наймутъ, принимаются за работу: тѣ парубки, у кого есть волы, пашутъ, другіе сѣютъ и т. п. Когда хлѣбъ поспѣетъ, сбираютъ его парубки и дѣвушки: парубки косятъ, дѣвушки вяжутъ. Отаманъ же наблюдаетъ за порядкомъ и покупаетъ изъ парубоцкихъ денегъ горѣлку на угощеніе, харчи же каждый припасаетъ свои. Свозятъ хлѣбъ тоже сами: тѣ парубки, у кого есть волы, обязаны ихъ дать на работу. Хлѣбъ продаютъ, оставивъ извѣстную часть на сѣмена; выручка, конечно, въ скриньку. Всѣ эти доходы идутъ на покупку или поправку хоругвей и молодецкаго креста, на большія парубоцкія свѣчи, съ которыми парубки стоятъ въ церкви во время чтенія евангелія, на новыя ризы для священника. Если умретъ парубокъ или дивчина, громада, въ качествѣ братства обязана провожать покойника до могилы съ своими хоругвями и крестомъ. Братскій судъ тоже сохранилъ въ парубоцкихъ громадахъ нѣкоторую долю своей жизненности. Если парубки поссорятся между собой или подерутся, чаще всего изъ-за дѣвушки, то никуда не идутъ разбираться помимо громады. Судъ производится у отамана: дѣло разбирается, виновнаго присуждаютъ извиниться передъ обиженнымъ, затѣмъ въ знакъ примиренія покупается могарычъ и распивается. Случается, и дѣвушка, какъ-нибудь обидѣвшая парубка, платится горѣлкой на мировую. И бо́льшіе проступки, которые громада не можетъ судить, она все-таки обсуждаетъ, какъ-бы производя слѣдствіе, а затѣмъ уже передаетъ дѣло въ волостное правленіе.

Парубоцкой громадой заканчиваются всѣ извѣстныя намъ формы братствъ въ современной Малороссіи; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились еще слѣды братскаго союза иныхъ, вѣроятно, болѣе древнихъ формъ. Мы не говоримъ о братскихъ столахъ и канунахъ, которые до послѣдняго времени существовали по многимъ селамъ Малороссіи и даже Харьковской губерніи, а кое-гдѣ держатся и до сихъ поръ,—они могутъ быть приняты за остатки церковныхъ братствъ. Но въ глухихъ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи сохранились остатки кануновъ, которые не могутъ быть выведены отъ церковныхъ братствъ, и имѣютъ несомнѣнно свое самостоятельное происхожденіе отъ тѣхъ первобытныхъ братскихъ формъ, изъ которыхъ развились и братства всѣхъ видовъ. Это такъ называемыя «свѣчи». Въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ храма, общество имѣетъ свою общественную икону, которая стоитъ въ крестьянскихъ

хатахъ погодно. Въ честь этой патрональной иконы устраиваютъ каждый годъ братскую складчину «свѣчу», за которой икону переносятъ въ новую хату. Передъ праздникомъ крестьяне сбираются на сходку, гдѣ назначаютъ цѣну на имѣющій быть собраннымъ хлѣбъ и договариваются съ шинкаремъ на счетъ водки. Затѣмъ, накапунѣ праздника, или нарочно для этого назначенные бѣдные крестьяне или шапоръ, въ домѣ котораго стоитъ икона, начинаютъ сборъ по деревнѣ хлѣба. Они ходятъ изъ дома въ домъ и зовутъ хозяевъ на «Божью свѣчу». Хозяинъ даетъ сборщикамъ ковригу хлѣба, затѣмъ беретъ съ собою, сколько надумается, ржи или другого зерноваго хлѣба и идетъ на свѣчу. Здѣсь онъ сдаетъ хлѣба братчику, который завѣдываетъ доходами «свѣчи», и садится; а братчикъ угощаетъ его водкой. Такъ собранные хозяева просиживаютъ цѣлую ночь, толкуя о томъ, о семъ, слушая чтеніе, если найдется грамотникъ и книжки и т. п. На другой день, когда должно происходить настоящее торжество, сбираются хозяева не только свои, но и съ чужихъ деревень, пріѣзжаетъ священникъ, и съ обычными церемоніями икона переносится въ другой домъ; затѣмъ продаютъ хлѣбъ, отчисляютъ изъ выручки деньги священнику и на церковь, а остальныя пропиваютъ. Послѣ того, какъ пропиты вырученныя деньги, угощаются уже на свои, перебираясь изъ дома въ домъ,— и такъ празднуютъ цѣлую недѣлю. До введенія акциза варили медъ; медъ продавался, а изъ воска дѣлали большую свѣчу къ своей иконѣ, отчего празднованіе и до сихъ поръ называется «свѣчой», хотя свѣчъ теперь дѣлать не изъ чего [1]). Въ такихъ обычаяхъ празднованія можно видѣть уже близкое родство съ великорусскими формами братчинъ, кануновъ, складчинъ и т. п.

Выше мы уже имѣли случай указать, что въ Малороссіи преобладаютъ остатки цеховыхъ братствъ, а въ западной Россіи—церковныхъ. Церковныхъ братствъ въ западной Россіи до сихъ поръ такъ много, что ихъ надо считать сотнями, если не тысячами. Одни сохранили организацію, близко напоминающую второстепенныя братства XVI-го вѣка; но такихъ—меньшинство. Большая часть это остатки братствъ, представляющіе лишь нѣсколько чертъ или даже одну какую-нибудь черту старой братской организаціи: выше мы указали, какъ отразилась на братствахъ унія. Не будемъ остана-

---

[1]) Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Труды «этнографическаго отдѣла кн. 3, вып. 1, стр. 77.
Описаніе Черниговской епархіи кн. 7, стр. 162—3.
Описаніе Харьковской епарх. III, 599.

вливаться на общихъ чертахъ современнаго церковнаго братства западной Россіи — онѣ достаточно извѣстны. Братство составляется обыкновенно зажиточными прихожанами, какъ мужчинами, такъ и женщинами, иногда въ числѣ ста и даже двухсотъ человѣкъ. Тамъ, гдѣ священники не оттѣснили братства, оно твердо держится старой своей роли—быть посредникомъ между церковью и обществомъ, или общественнымъ органомъ церкви. Если священнику встрѣтится надобность въ церковной починкѣ, въ покупкѣ чего-нибудь для церкви, онъ обращается къ братству, которое обсуждаетъ предложеніе священника и затѣмъ уже передаетъ это предложеніе громадѣ: оно же беретъ на себя и исполненіе. И помимо указаній священника, братство наблюдаетъ за церковью и церковнымъ имуществомъ. Въ храмовые праздники, поминальные дни, на радоницу и т. п., по общему согласію, устраиваетъ братство обѣды, братскіе и сестричные особо. Въ назначенный день приносится «на цвинтарь усе, чимъ споміґъ імъ Богъ». Въ хорошую погоду обѣдъ приготовляется послѣ обѣдни подъ открытымъ небомъ, близъ церкви или въ колокольнѣ; въ случаѣ же неблагопріятной погоды, въ домѣ священника, въ крестьянской хатѣ, чаще же всего «въ школѣ» (жилищѣ дьячка или пономаря). За обѣдомъ братчики и сестрички прислуживаютъ всѣмъ, начиная отъ священника, кончая нищимъ [1]). Эти обѣды—соединеніе братскаго пира съ извѣстнымъ братскимъ обычаемъ посылать въ свои праздники милостыни по шпиталямъ и острогамъ, котораго до сихъ поръ придерживаются цеховыя братства Малороссіи (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи, напр. въ с. Покошичахъ Глуховскаго у., существуетъ обычай въ извѣстные дни дѣлать общественный обѣдъ для нищихъ)—послѣдній остатокъ какой-то братской организаціи. Вотъ въ какомъ видѣ существуютъ теперь церковныя братства западной Россіи. Кіевскія епархіальныя вѣдомости за 1862 г. (№ 8) сообщаютъ, что въ одномъ селѣ Каневскаго уѣзда сохранился еще въ своей силѣ братскій судъ, что братство заботится о помощи обѣднѣвшимъ братьямъ и вообще бѣднымъ, объ обученіи желающихъ грамотѣ и гончарному мастерству, о поддержаніи нравственной своей чистоты въ своей средѣ.

Намъ нѣсколько совѣстно, что мы обременили вниманіе читателей массой фактовъ, которые могутъ, по однообразію своему, показаться достаточно скучными. Но что же дѣлать? Мы пользуемся случаемъ,

---

[1]) Основа, 1862 г. сентябрь, ст. «Послѣ поѣздки на Волынь». Газ. День 1862 г. № 44, ст. Кояловича: «Литва и Бѣлоруссія — нѣсколько свѣдѣній о современномъ состояніи западно-русскихъ церковныхъ братствъ».

чтобъ обнародовать нѣсколько фактовъ, добытыхъ изъ непосредственнаго источника: пусть они сохранятся для будущаго изслѣдователя, такъ какъ они скоро могутъ быть совсѣмъ вымыты изъ народной жизни могучей силой разрушительнаго теченія, безжалостно уничтожающаго братскій союзъ во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Да, печальную картину разрушенія представляетъ современное малорусское братство. Всюду жалкіе обломки формъ, изъ которыхъ все болѣе и болѣе улетучивается животворившій ихъ духъ. Многое держится привычкой и преданіемъ; лишь кое-что служитъ дѣйствительнымъ выраженіемъ еще живого братскаго начала. Больше пострадали въ этомъ процессѣ разрушенія тѣ формы, которыя ближе къ поверхности, къ той оффиціальной корѣ, которая сковываетъ собою народную жизнь,—напр., братства церковныя, соприкасающіяся съ оффиціальной церковью, братства цеховыя, соприкасающіяся съ оффиціальнымъ цехомъ; больше уцѣлѣли и сохранили въ себѣ свѣжести и жизненности формы, ушедшія въ глубину народной жизни, спасающую отъ всякихъ неблагопріятныхъ соприкосновеній, напр., парубоцкія громады.

Скопилась цѣлая масса причинъ на окончательную погибель братства. Новыя надвигающіяся соціально-экономическія условія, почти совсѣмъ уже подкопавшія старыя патріархальныя основы соціальнаго быта, разрушаютъ большую великорусскую семью, ослабляютъ артельный и общинный духъ великорусскаго племени; могутъ ли они не отражаться на братскомъ союзѣ, еще гораздо болѣе хрупкомъ, чѣмъ артель и община, такъ какъ связывающій его принципъ лежитъ болѣе въ религіозно-нравственномъ чувствѣ, чѣмъ въ матеріальномъ интересѣ? Затѣмъ не можетъ не вліять на ослабленіе зиждущей силы братскаго духа и постоянно усиливающееся регулированіе жизни, которое безусловно мѣшаетъ народу выражать свои стремленія въ своихъ собственныхъ формахъ. То же регулированіе разрушаетъ и формы, созданныя уже прошлымъ. Братства, не признанныя закономъ, если не уничтожаются прямо, то отдаются на произволъ всякаго, имѣющаго хоть какую-нибудь власть и вздумавшаго обратить на нихъ вниманіе: слишкомъ свѣжи еще преданія о томъ, напр., какъ при обращеніи уніатовъ въ православіе западно-русскія церковныя братства уничтожались въ качествѣ наслѣдія уніатства. Священникъ Кояловичъ, лицо несомнѣнно заслуживающее полнаго довѣрія, разсказываетъ объ этомъ любопытныя вещи [1]. Съ другой стороны, добыть

[1] День, 1862 г. ст. О западно-русскихъ церковныхъ братствахъ.

законное признаніе, всегда стѣснительное, такъ какъ оно сопряжено съ подведеніемъ подъ извѣстную данную уже рубрику, всегда обставленное большимъ или меньшимъ формализмомъ, само по себѣ для народа такое трудное дѣло, что онъ непремѣнно остановится передъ этимъ препятствіемъ. А сколько собралось на уничтоженіе братствъ еще частныхъ условій... Сначала откупная система, затѣмъ акцизная разрушила братское медовареніе, кануны, сократила братскіе пиры, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожила и важный источникъ братскихъ доходовъ. Затѣмъ вновь устроиваемыя, по оффиціальной иниціативѣ, церковныя попечительства, принимая на себя старыя обязанности церковнаго братства по отношенію къ церкви, обнаруживаютъ стремленіе забирать въ свои руки братскую казну; то же стремленіе обнаруживаютъ и священники, такъ что братствамъ приходится выносить притязанія даже на неоспоримѣйшую свою собственность. Въ западной Россіи церковныя братства, искони считавшія своимъ правомъ и обязанностью доставлять въ церковь восковыя свѣчи, сталкиваются съ интересами свѣчнаго сбора и лишаются того, что̀ вѣками считалось ихъ монополіей. Для цеховыхъ братствъ Малороссіи новымъ поводомъ къ распаденію являются ремесленные билеты и т. д. Каждое изъ этихъ условій вноситъ лишній плюсъ въ общую сумму вліяній, разрушающихъ и братскій союзъ и то начало братской солидарности, на которой онъ держался.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ появились сверху идущія искуственныя попытки возобновленія старыхъ церковныхъ братствъ. Тогдашніе малорусскіе народники, въ лицѣ своего органа «Основы» отозвались чрезвычайно сочувственно на эти попытки. Сочувствіе хоть и понятное, но мало основательное. Гдѣ та сила, что можетъ вдохнуть въ персть живую душу? Что значитъ форма, изъ которой улетѣла жизнь? Не короткіе и прямые пути такихъ попытокъ ведутъ въ то царство идеала, гдѣ царитъ народное благо, а длинные, извилистые и тернистые пути усилій, направленныхъ къ устраненію условій, стѣсняющихъ народную жизнь: народъ самъ, и только онъ одинъ, можетъ рѣшить, что будетъ жить и что уже навсегда и безвозвратно погребено въ безконечныхъ наслоеніяхъ прошедшаго. Не нужно было имѣть особенной проницательности, чтобъ предугадать будущность такихъ попытокъ: однѣ должны были замереть въ общей массѣ безжизненныхъ и безпочвенныхъ попытокъ, появляющихся лишь для того, чтобъ не лопнуть даже, оставивъ въ зрителѣ все-таки хоть какое-нибудь, хоть ничтожное впечатлѣніе, а какъ-то разойтись, расплыться незамѣтно и безслѣдно въ общемъ равнодушіи и апатіи;

другія, болѣе благопріятно поставленныя, должны были обратиться въ оффиціальныя учрежденія со всѣми аттрибутами оффиціальныхъ учрежденій, съ инспекціями, отчетностями и казенными субсидіями, учрежденія, можетъ быть, и дѣятельныя, но имѣющія мало общаго съ тѣмъ, во имя чего они возникли. Въ современномъ западномъ краѣ, и сѣверномъ, и южномъ, есть нѣсколько такихъ яко-бы братствъ въ большихъ городахъ, Вильнѣ, Ковно, Люблинѣ, Кіевѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, свѣдѣнія о которыхъ можно получить развѣ только изъ оффиціальныхъ отчетовъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода. О братствахъ перваго рода, менѣе счастливыхъ, можно сказать словами одного корреспондента изъ Луцка (Недѣля 1879 г. № 37): «есть у насъ еще какое-то братство, но сами члены навѣрное не знаютъ, въ чемъ его цѣль и существуетъ-ли оно въ дѣйствительности».

IV.

Всякій, кто писалъ о братствахъ, непремѣнно считалъ нужнымъ высказать и свое мнѣніе о происхожденіи братствъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ всѣ писавшіе о братствахъ разсматривали ихъ какъ явленіе исключительно историческое. Мы пытались въ нашемъ очеркѣ представить братства также и съ точки зрѣнія ихъ бытового характера. Не скрываемъ отъ себя, что эта сторона нашей задачи выполнена далеко неудовлетворительно: матеріалъ слишкомъ скуденъ для того, чтобъ можно было обрисовать по немъ съ достаточной выразительностью то значеніе, какое имѣли и имѣютъ братства въ народной жизни. Не удовлетворивъ читателя въ этомъ направленіи, мы хотимъ попытаться—не будемъ ли счастливѣе въ другомъ: мы хотимъ высказать нашъ взглядъ на происхожденіе братствъ, въ нѣкоторой надеждѣ, что, можетъ быть, мы поможемъ этому темному вопросу выйти изъ сферы узкихъ и одностороннихъ догадокъ, въ которой онъ до сихъ поръ вращался, по крайней мѣрѣ въ русской литературѣ.

Самыя распространенныя изъ мнѣній, высказанныхъ русской научной литературой, о происхожденіи братствъ, это тѣ, которыя останавливаются исключительно на блестящей картинѣ жизни братствъ западной Руси XVI-го и XVII-го вв. Они выводятъ происхожденіе братствъ изъ причинъ, вызвавшихъ этотъ временный, небывалый подъемъ братской дѣятельности—изъ религіознаго движенія, вызван-

наго уніей, раздувшей національную борьбу между русской и польской народностями, или изъ реформаціи, какъ перваго толчка, исходнаго пункта дальнѣйшаго броженія. Кажется, лишнее говорить, что въ предположеніи такого рода нѣтъ даже и попытки отвѣтить на вопросъ о происхожденіи братствъ,—оно можетъ годиться лишь какъ отвѣтъ на вопросъ о причинахъ временнаго расцвѣта братствъ западно-русскихъ: извѣстно, что львовское братство впервые упоминается подъ 1439 г. [1]), когда не только уніи, но и реформаціи не было еще и въ поминѣ, а fraternitates—въ Volumina legum и еще раньше [2]). Но есть и другая группа мнѣній, которая дѣйствительно пытается отвѣтить на вопросъ о происхожденіи братствъ, хотя и неудовлетворительно, по нашему крайнему разумѣнію.

Едвали стоитъ останавливаться на томъ предположеніи, которое выводитъ братство изъ христіанскихъ «вечерь любви»,—предположеніи, высказанномъ свящ. Флеровымъ, авторомъ единственнаго систематическаго сочиненія, касающагося исторіи западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Но тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія другое мнѣніе о происхожденіи братствъ, и по сути своей, и по тому, что оно было высказано лицомъ, настолько компетентнымъ въ вопросахъ русской исторіи, какъ покойный Соловьевъ. Это мнѣніе выводитъ братства изъ братчинъ, т. е. пировъ въ складчину, которые отходятъ, по точнымъ свидѣтельствамъ русскихъ историческихъ памятниковъ, въ далекую старину, и по мнѣнію другихъ ученыхъ, Срезневскаго и А. Попова, связываются непосредственно съ «законными обѣдами» языческой Руси. Итакъ, единственное серьезное мнѣніе о происхожденіи братствъ, опирающееся на вѣскій авторитетъ трехъ почтенныхъ ученыхъ именъ, можно формулировать такъ: братства развились изъ старинныхъ пировъ въ складчину—братчинъ, тѣ же въ свою очередь должны быть связаны съ религіозными пирами древняго русскаго или, точнѣе сказать, славянскаго язычества. Нельзя не признать за Соловьевымъ большого историческаго чутья, которое указало ему черты органическаго сродства въ общественныхъ формахъ, обнаруживающихъ такъ мало общаго не только для поверхностнаго взгляда, но даже и для пристальнаго изученія, если это изученіе замкнется въ тѣсной сферѣ изучаемыхъ явленій, не пытаясь внѣ ихъ отъискать для этихъ формъ связующія органиче-

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1849 г. апрѣль—Лѣтопись Львовскаго братства, Зубрицкаго.

[2]) Volumina legum—a. 1420, vol. 1, folium 81 titul. De fraternitatibus.

скія звенья. Но этимъ, т. е. указаніемъ на органическую связь, и оканчивается истина въ мнѣніи Соловьева; дальнѣйшее, т. е. установленіе между братчинами и братствами причинной зависимости, представляется совершенно лишеннымъ достаточныхъ основаній. Это замѣтилъ въ свое время еще и Бѣляевъ. Онъ не считалъ возможнымъ произвести одну отъ другой формы, не имѣющія по цѣлямъ своимъ ничего общаго между собой: исключительная цѣль братчинъ—это пиръ въ складчину; цѣль такъ называемыхъ братствъ, т. е. собственно (церковныхъ) братствъ, о которыхъ только и идетъ дѣло, съ самаго начала, какъ они появляются въ исторіи—забота о церкви въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Какимъ путемъ, какимъ процессомъ могла одна форма переродиться въ другую? Соловьевъ не дѣлаетъ на это даже намёка. При изложеніи нашего взгляда на происхожденіе братствъ мы будемъ еще имѣть случай вернуться къ мнѣнію, высказанному Соловьевымъ. Затѣмъ остается еще одинъ взглядъ на происхожденіе братствъ, довольно распространенный между учеными, занимающимися южнорусской исторіей, выводящій братства изъ цеховъ. Мы затрудняемся даже и опровергать это мнѣніе, такъ какъ оно держится на недоразумѣніи. Цехи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается и наукой и законодательной практикой, явились позже даже и извѣстныхъ западно-русскихъ братствъ, по крайней мѣрѣ Львовскаго,—уже мы не говоримъ о такихъ явленіяхъ, какъ извѣстное Ивановское купеческое братство въ Новгородѣ въ первой половинѣ XII-го вѣка. Значитъ, отъ цеховъ, если употреблять это слово въ его точномъ значеніи, братства не могли произойти ни въ какомъ случаѣ. Совсѣмъ иное дѣло было бы, если бы кто вздумалъ производить наши братства отъ нѣмецкихъ братствъ, или гильдъ. Такое мнѣніе можно было бы обставить довольно серьезной и вѣской аргументаціей. Но, къ удивленію, именно такой гипотезы, единственно способной выдержать хоть какую-нибудь критику, мы и не встрѣчаемъ даже у тѣхъ ученыхъ, которые не прочь считать наши братства учрежденіемъ не самостоятельнаго происхожденія и характера.

Дѣло въ томъ, что повидимому никто изъ писавшихъ о братствахъ не былъ знакомъ съ тѣмъ фактомъ, что братства—явленіе совсѣмъ не мѣстнаго происхожденія и характера. Хотя наука еще не обращала настоящаго вниманія на группу явленій, которыя мы подводимъ подъ общее понятіе братства, а потому и факты, касающіеся этой группы, не подбирались пока систематически, но и собраннаго уже матеріала достаточно, чтобъ установить положеніе,

что братство есть культурное явленіе, если и не такой общности, какъ напр., поземельная община, то все-таки достаточно распространенное. Изъ западно-европейскихъ литературъ нѣмецкая изучала германскія формы братскаго союза со своей всегдашней нѣмецкой серьезностью и основательностью. Но какъ русская научная литература въ своихъ разсужденіяхъ о братствахъ исходила изъ подразумѣваемаго положенія, что братства есть явленіе мѣстно-русское, такъ и германская стояла на почвѣ исключительно германскаго характера своихъ гильдъ, Brüderschaften, fraternitates, conjurationes, convivia conjurata, confratriae, Zechen и т. д. въ ихъ могучемъ и многостороннемъ развитіи. Понятно поэтому, что и германская наука, не смотря на богатую разработку фактической стороны своихъ братствъ, не могла достаточно ясно и широко взглянуть на вопросъ объ ихъ происхожденіи. Въ прекрасномъ сочиненіи Гирке Geschichte des deutschen Genossenschaftsrechts приводятся мнѣнія многихъ нѣмецкихъ ученыхъ объ этомъ предметѣ. Одни, такъ же какъ и русскіе ученые, выводятъ братства изъ языческихъ религіозныхъ пиршествъ и народныхъ собраній, другіе видятъ ихъ источникъ въ христіанствѣ съ его духомъ и учрежденіями. Извѣстный изслѣдователь гильдъ Вильда считаетъ братства результатомъ союза обоихъ этихъ первоначальныхъ вліяній—духа христіанской любви и древнихъ языческихъ обычаевъ. Другіе ученые (Мюнтеръ — Kirchengeschichte) и Винцеръ (Die deutschen Brüderschaften des Mittelalters) выводятъ братства изъ упоминаемыхъ въ сагахъ союзовъ скандинавскихъ героевъ ради дружбы и мщенія (побратимство). Зибель (Entstehung des Königthums) производитъ братства изъ остатковъ родового быта. Существуютъ еще мнѣнія, отказывающія братствамъ въ опредѣленномъ историческомъ исходномъ пунктѣ: напр. Гирке,—для котораго, какъ для юриста, историческіе факты имѣютъ значеніе лишь какъ выразители того діалектическаго процесса, которымъ развивается правовая идея,—видитъ въ братствѣ первую сознательно-свободную форму союза въ противоположность союзамъ, существовавшимъ до тѣхъ поръ, какъ безсознательнымъ продуктамъ естественнаго роста общества.

Почти въ каждомъ изъ вышеприведенныхъ мнѣній о происхожденіи братствъ есть своя доля правды, такъ какъ они указываютъ на связь братствъ съ формами и явленіями, дѣйствительно обнаруживающими несомнѣнныя родственныя черты,—такая же доля правды, какъ въ мнѣніи Соловьева о происхожденіи братствъ отъ братчинъ. Но какъ тамъ, такъ и тутъ, какъ въ гипотезѣ русскаго ученаго,

такъ и въ гипотезахъ нѣмецкихъ, вся правда заключается лишь въ установленіи факта родственности двухъ явленій: ни одна изъ этихъ гипотезъ не въ состояніи утвердить между явленіями причинной связи. Коренной недостатокъ, которымъ поражены всѣ эти гипотезы, обусловливается, во-первыхъ, отсутствіемъ руководящаго принципа, при помощи котораго должны были бы устанавливаться отношенія между изслѣдуемыми явленіями, во-вторыхъ, узкимъ полемъ фактическаго наблюденія. О томъ, что и германскіе и русскіе ученые наблюдали проявленія братскаго союза лишь въ предѣлахъ своей національности, мы уже говорили выше: нельзя при этомъ не отдать должной справедливости германской наукѣ, которая по крайней мѣрѣ собрала о своихъ братствахъ массу фактовъ изъ прошедшаго, не только собственно нѣмецкаго, но и скандинавскаго и англо-саксонскаго, между тѣмъ какъ русская наука и фактовъ собрала крайне мало, какъ изъ прошедшаго, такъ и изъ современнаго, которое, вѣроятно, богаче германскаго остатками братскихъ формъ, и не догадалась заглянуть въ родственный славянскій міръ. Относительно же руководящаго принципа мы должны сказать слѣдующее. Если существуютъ двѣ общественныя формы, съ различнымъ содержаніемъ, но тѣмъ не менѣе обнаруживающія черты органическаго сродства, то общія наблюденія надъ ходомъ развитія, какъ біологическихъ, такъ и соціальныхъ организацій, всегда заставляютъ предполагать въ такомъ случаѣ существованіе третьей материнской формы, которая въ зародышѣ заключала бы содержаніе той и другой изъ наблюдаемыхъ формъ. Эта третья коренная или материнская форма, конечно, можетъ уже и не существовать въ то время, когда изслѣдователь остановитъ свое вниманіе на формахъ производныхъ; но она можетъ быть возстановлена гипотетически, если сохранившихся производныхъ формъ окажется достаточнымъ для синтеза. По сохранившимся до сихъ поръ остаткамъ братскаго союза и по тому, что сообщаетъ намъ о немъ историческая наука, германская и русская, кажется, можно было бы возстановить эту коренную форму. Но жизнь избавляетъ насъ отъ этого труда. Она сохранила для науки, хотя уже и въ состояніи разрушенія, одну такую форму, за которой нельзя не признать всѣхъ необходимыхъ свойствъ и чертъ прототипа, это—родовое братство, низшая родовая группа—та основная форма, около которой наслаиваются прочія формаціи родового общества. Южные славяне, которые кое-гдѣ сохранили еще остатки родового быта, представляютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и образчики родового братства. Въ большой цѣлости сохранилось оно у черногорцевъ.

Пользуясь богатымъ матеріаломъ, какой даетъ трудъ г. Богишича [1]), мы представимъ черногорское братство, какъ типъ родового братства, которое должно было служить исходнымъ пунктомъ всѣхъ прочихъ формъ братскаго союза.

Черногорцы до послѣдняго времени не знали никакой территоріальной общины; мѣсто ея заступали родовые союзы, низшіе—братства, высшіе—племена. Черногорское братство состоитъ изъ бо̀льшаго или меньшаго количества семей, которыя считаютъ себя происходящими отъ одного предка: объ этомъ фиктивномъ или дѣйствительномъ предкѣ обыкновенно что-нибудь разсказываютъ и относятъ его существованіе за сто, двѣсти или даже триста лѣтъ назадъ. Число членовъ въ отдѣльныхъ черногорскихъ братствахъ очень различно: есть братства въ 80—50 душъ, а есть и въ 700—800. Каждое братство имѣетъ прозвище, общее для всѣхъ, входящее въ его составъ. Главныя черногорскія братства — Ковачевичи, Кривокапичи, Вукотичи. Прозвище идетъ отъ предка: Ковачевичи, напр., считаютъ, что они произошли отъ ковача—кузнеца, о которомъ существуетъ и подходящее преданіе. Именемъ братства каждый членъ его называется внѣ своего братства. Такимъ образомъ для всѣхъ инобратственниковъ онъ просто Ковачевичъ, Кривокапичъ и т. д.; внутри своего братства онъ называется своимъ личнымъ именемъ, къ которому, по мѣрѣ надобности, прибавляется имя отца, затѣмъ имя дѣда, дальше имя семьи (задруги). Случается, что братство образуетъ территоріальную единицу, составляя одно или нѣсколько поселеній; но бываетъ и такъ, что братскія кучи (задруги) разбросаны по разнымъ поселеніямъ, такъ что рядомъ живутъ члены разныхъ братствъ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ дѣлахъ они тянутъ къ своему братству, исключая небольшого числа дѣлъ, когда въ силу естественнаго порядка вещей необходимо дѣйствовать сообща съ живущими вмѣстѣ, напр., когда нужно устроить дорогу черезъ село и т. п. Представляя изъ себя единицу по отношенію къ государству въ мирное время, братство старается вмѣстѣ держаться и на войнѣ. Вотъ внѣшній обликъ черногорскаго братства. Обратимся къ его внутреннему устройству.

Братство связывается, какъ мы уже сказали, представленіемъ объ общемъ предкѣ, слѣдовательно, сознаніемъ кровнаго родства. Какъ ни очевидна фиктивность, съ нашей точки зрѣнія, этого кровнаго

[1]) Богишичъ. Zbornik sadašnjih pravnih obićaja u južnih Slovena. knjiga prva, u Zagrebu 1874. 511—514 и сл.

родства, сознаніе его поддерживается всей атмосферой этого родового общества въ такой свѣжести, что до послѣдняго времени не заключались даже браки внутри братства. Религіознымъ освященіемъ и въ то же время выраженіемъ этого сознанія кровной связи служитъ то важное обстоятельство, что каждое братство имѣетъ своего особаго патрона, какого-нибудь святого, прямого преемника родового божества-покровителя, и празднуетъ въ честь его «крсно имя», празднество, дающее намъ прекрасное представленіе объ языческихъ жертвенныхъ пирахъ и обрядахъ. Затѣмъ братство старается имѣть свою церковь: оттого въ Герцеговинѣ, Черной-Горѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Далмаціи по селамъ множество маленькихъ церковокъ, изъ которыхъ въ каждой едва можетъ помѣститься 30 человѣкъ и которыя такъ бѣдны, что не только не могутъ имѣть своего причта, но даже и всѣхъ принадлежностей богослуженія [1]). Наконецъ, братство имѣетъ свое кладбище. Кромѣ общихъ религіозныхъ цѣлей, родовое братство преслѣдуетъ и цѣли нравственнаго характера. При связи настолько тѣсной, что каждое лицо, вступившее въ родство съ членомъ братства посредствомъ брака, кумовства и т. п., становится вмѣстѣ съ тѣмъ родственникомъ цѣлаго братства, естественно, что братство строго цензируетъ дѣйствія своихъ членовъ съ точки зрѣнія братскихъ интересовъ, и наоборотъ, каждый членъ разсматриваетъ положеніе своего братства, его силу или слабость, позоръ или славу, прямо отражающимися на его собственной личности. «Зло юнаку у братству неяку» (плохо молодцу въ слабомъ братствѣ), говоритъ пословица. Отсюда братство считаетъ себя въ правѣ не только наблюдать за поведеніемъ и поступками своихъ членовъ, но и прямо принимать извѣстныя мѣры, чтобъ не допустить кого-нибудь до поступка неблаговиднаго или невыгоднаго для братства, напр., брака съ членомъ болѣе слабаго братства. Кромѣ того, нравственная связь между членами братства выражается во взаимной помощи, которая имѣетъ мѣсто во всевозможныхъ случаяхъ. Сгоритъ у братственника (члена братства) домъ, братственникъ идетъ по братству просить о помощи; захочетъ бѣдный человѣкъ жениться—беретъ на себя или всѣ издержки, или часть ихъ, смотря по обстоятельствамъ и т. д. Вообще, взаимную помощь надо считать одной изъ главныхъ цѣлей братства. Рядомъ съ ней стоитъ и другая цѣль—это взаимная защита. Типичнѣйшимъ выраженіемъ этой послѣдней стороны служитъ отношеніе братскаго союза къ убійству и возникающему

[1]) Тамъ же. стр. 517—8.

изъ него обязательству мщенія—этимъ археологическимъ остаткамъ юридическаго быта древнихъ общественныхъ формацій. Если членъ братства А убьетъ члена братства В, все братство убитаго обязано мстить за него, и если не можетъ убить самого убійцу, то должно убить какого-нибудь другого близкаго ему братственника. Если послѣдствія убійства покрываются миромъ, то этотъ миръ заключаетъ опять-таки братство съ братствомъ, а не отдѣльныя лица. Въ платѣ, которою выкупаетъ свою вину убійца передъ родственниками убитаго, ему помогаетъ тоже его братство. Однимъ словомъ, все, вытекающее изъ нарушенія общественнаго мира посредствомъ убійства, считается исключительно дѣломъ прикосновенныхъ братствъ. Разумѣется, государство не можетъ равнодушно относиться къ существованію такихъ правовыхъ представленій и обычаевъ и принимаетъ всѣ мѣры къ ихъ уничтоженію; такъ что даже въ Черногоріи кровавое мщеніе почти уже совсѣмъ выводится. Къ тѣмъ чертамъ, которыми обрисовывается родовое братство въ трудѣ г. Богишича, прибавимъ еще, что оно имѣетъ обыкновенно общія земли для пастбища, общую мельницу и ступу, имѣетъ право перекупа на недвижимое имущество своихъ членовъ. Братство выбираетъ изъ среды себя главаря или старѣйшину—лучшаго члена лучшей семьи въ братствѣ у черногорцевъ или самаго старшаго члена братства въ другихъ мѣстностяхъ. Онъ представляетъ братство передъ государствомъ и управляетъ его внутренними дѣлами: сбираетъ подати, судитъ и наказываетъ, сзываетъ братскія сходки, имѣетъ во всѣхъ случаяхъ исполнительную власть, а въ иныхъ случаяхъ и распорядительную, въ Черногоріи онъ предводительствуетъ братствомъ на войнѣ. Обыкновенно, кромѣ него на дѣла имѣютъ вліяніе и другіе уважаемые члены братства. Братскія сходки, на которыя сбираются всѣ главы семей, обсуждаютъ дѣла, касающіяся церкви, кладбища, общихъ пастбищъ, лѣсовъ, водъ, и судятъ по извѣстнымъ дѣламъ, семейнымъ дѣлежамъ и проч. Если кто посторонній пожелаетъ вступить въ братство, напр., въ качествѣ домазета (зятя-пріемыша), долженъ платить вкупъ.

Вотъ главнѣйшія черты, которыя мы могли собрать о славянскомъ родовомъ братствѣ. Даже человѣкъ предубѣжденный не можетъ не признать, съ одной стороны, что родовое славянское братство обнаруживаетъ черты близкаго родства съ различными формами братскаго союза; съ другой, что это братство есть явленіе несомнѣнно самостоятельнаго и очень ранняго происхожденія. Такія же низшія родовыя единицы, заключающіяся въ той высшей родовой единицѣ, которую называютъ родомъ или племенемъ, находимъ и у другихъ

народовъ, не вышедшихъ еще изъ родового быта, напр., у киргизовъ. Отдѣленія или подъотдѣленія киргизскихъ родовъ исполняютъ тѣ функціи, которыя у черногорцевъ принадлежатъ братству: та же тѣсная связь, держащаяся на представленіи объ общемъ происхожденіи, та же взаимная помощь, то же взаимное ручательство и отвѣтственность, въ особенности, по дѣламъ объ убійствѣ, и т. д. [1]) Интересно, что и германская наука подмѣтила въ самыхъ раннихъ указаніяхъ на гильды (братства), сохранившихся въ древнѣйшихъ памятникахъ, которые восходятъ даже къ VII-му вѣку, черты союзовъ родового характера; но она какъ-то упускаетъ изъ виду эти наблюденія и не дѣлаетъ попытокъ положить ихъ въ основаніе своихъ теорій о происхожденіи братствъ. Вильда, напр., въ своемъ Strafrecht der Germanen толкуетъ gegilga и gegildun древнихъ законодательныхъ памятниковъ, какъ союзъ отдаленныхъ родственниковъ, основывающійся на болѣе раннемъ кровномъ родствѣ и не потерявшій своеобразной родовой поруки за виру; тотъ же Вильда въ своемъ сочиненіи о братствахъ das Gildenwesen im Mittelalter развиваетъ упомянутую выше теорію происхожденія гильды отъ воздѣйствія христіанства на древніе языческіе пировые обычаи и не замѣчаетъ даже тѣхъ указаній на то, что гильды могли быть когда-нибудь родовыми союзами, которыя самъ приводитъ въ многочисленныхъ цитатахъ и вообще въ фактической части своего изложенія. Напр., онъ приводитъ любопытнѣйшіе факты изъ хроники Неокоруса о Дитмарсахъ, которые до очень поздняго времени сохранили остатки родового устройства: дѣлились на роды, а роды эти, по показаніямъ Неокоруса [2]), «съ незапамятныхъ временъ» имѣли устройство, очень сходное съ братскимъ; даже назывались эти группы съ братской организаціей Vetterschaft (Vetter — двоюродный братъ), напр., die Ravertsche Vetterschaft, т. е. братство Рафертовъ. Вмѣсто того, чтобъ остановиться на естественномъ предположеніи, что позднѣйшая свободная гильда является преемницей родового братскаго устройства, совершенно отчетливые и неподлежащіе сомнѣнію остатки котораго онъ самъ находитъ, Вильда подъ вліяніемъ своей теоріи склоняется къ невозможному предположенію, что роды Дитмарсовъ приняли извнѣ гильдовое устройство.

---

[1]) Записки Оренбургскаго отдѣла Географическаго Общества, вып. 2-й 1871 г. ст. Народные обычаи Малой Киргизской Орды и Рукописный сборникъ юридич. обычаевъ Киргизъ Малой Орды, записанныхъ П. Ефименко со словъ султана Махмета-Газзи въ г. Холмогорахъ.

[2]) Wilda, 59—61.

Изъ описанія черногорскаго родового братства видно, что оно заключаетъ въ себѣ всѣ черты, какія мы встрѣчаемъ въ различномъ развитіи въ разнообразныхъ формахъ братскаго союза, какъ прошедшаго, даже самаго отдаленнаго, такъ и настоящаго. Какъ шло раздробленіе этой первобытной соціальной организаціи на множество организацій, тѣсно связанныхъ съ своимъ прототипомъ, но нерѣдко очень различныхъ между собой? Какимъ путемъ могло первобытное родовое братство обратиться въ формы союза договорнаго? Путь этотъ, вѣроятно, не былъ прямымъ и простымъ путемъ. Попытаемся намѣтить главнѣйшіе пункты, черезъ которые онъ долженъ былъ проходить.

Еще при полномъ господствѣ родового быта, всегда имѣетъ мѣсто въ значительныхъ размѣрахъ и возникновеніе договорныхъ формъ. Даже у народовъ, у которыхъ основы родового быта еще не тронуты и отдаленнымъ образомъ, у какихъ-нибудь индѣйцевъ Сѣверной Америки или негровъ [1]), мы уже находимъ договорные союзы разнообразнаго характера и съ разнообразнымъ содержаніемъ. Какимъ путемъ они тамъ возникаютъ, мы не знаемъ. Но, наблюдая аналогичные процессы и у себя, и у народовъ, близкихъ намъ по происхожденію, а слѣдовательно и по извѣстнымъ кореннымъ даннымъ своего развитія, можно придти къ кое-какимъ заключеніямъ на этотъ счетъ.

При господствѣ естественныхъ формъ быта, держащихся на кровномъ родствѣ, всегда имѣетъ, въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, мѣсто фикція, придающая искусственному союзу внѣшній видъ естественной, кровной связи. Ученые, изучавшіе родовой бытъ, находятъ, что въ немъ играетъ видную роль фиктивный родъ. Даже семья въ народѣ нерѣдко держится на фикціи; намъ случалось наблюдать въ Архангельской губерніи семью, которая состоитъ изъ трехъ поколѣній, не связанныхъ между собою ни тѣнью кровнаго родства, а два поколѣнія чужихъ, соединенныя въ семью, встрѣчаются сплошь и рядомъ. Оно и понятно. Народъ вырабатываетъ формы своего быта страшно медленнымъ стихійнымъ процессомъ, и когда жизнь подставляетъ ему новыя требованія, онъ не имѣетъ сначала возможности удовлетворить ихъ иначе, какъ въ старыхъ формахъ, которыя съ нимъ, такъ сказать, срослись. Вотъ этимъ-то путемъ, еще при существованіи родового братства, могли возни-

---

1) Bastian. Die Rechtsverhältnisse bei verschiedenen Völkern der Erde. Berlin. 1872 г.. 402—4.

кать братства искусственныя, фиктивныя. Такъ какъ толчкомъ для возникновенія такихъ братствъ служила какая-нибудь жизненная потребность, то они, формируясь вообще по типу братства родового, съ самаго начала могли давать преобладаніе какой-нибудь одной сторонѣ, удовлетворявшей потребности, ихъ вызвавшей,—прочія же стороны, всѣ или нѣкоторыя, какъ менѣе существенныя, или и вовсе несущественныя, подвергались атрофированію, между тѣмъ какъ существенныя стороны, питаясь благопріятными общественными условіями, могли получить широкое развитіе, лишь отдаленно намѣченное въ прототипѣ. Современная жизнь южныхъ славянъ, такъ богатая археологическими остатками, сохранила также нѣкоторые намеки на тотъ процессъ, которымъ могли возникать подобныя братства. Намеки эти мы видимъ въ существующемъ тамъ до сихъ поръ, хотя уже ослабѣвающемъ, обычаѣ такъ называемаго побратимства, нѣкогда такъ широко распространенномъ у всѣхъ и славянскихъ и германскихъ народовъ. Побратимство интересно для насъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, оно можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ фиктивнымъ союзомъ замѣняется естественный; съ другой—представляетъ собою зародышъ нѣкотораго договорнаго, искусственнаго братства. Побратимство особенно распространено въ Черногоріи. Побратимы, названные братья—это лица, долженствующія замѣнять другъ другу кровныхъ братьевъ. Если одинъ человѣкъ окажетъ другому какую-нибудь важную услугу, напр. спасетъ жизнь въ опасности, унесетъ раненнаго съ поля битвы или что-нибудь въ этомъ родѣ, также выручитъ изъ большой нужды—это дастъ поводъ къ побратимству; черногорецъ въ большой опасности обращается къ человѣку, который можетъ ему помочь: «Pomozi tako ti Boga i swetog Jowana, uzimam te za Bogom brata!» и если тотъ, къ кому онъ обращается, дѣйствительно его выручаетъ, они три раза цѣлуются и дѣлаются побратимами. Затѣмъ побратимство можетъ устанавливаться просто въ силу взаимной симпатіи, провѣренной болѣе или менѣе долговременнымъ опытомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ побратимство имѣетъ мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ кровныхъ братьевъ. Побратимство, разъ заключенное, неразрывно и обязываетъ больше даже, чѣмъ кровное родство: измѣнить побратиму и не помочь ему въ нуждѣ, хотя бы даже съ пожертвованіемъ своей жизнью, считается высочайшимъ позоромъ; побратимъ даже обязанъ заботиться о семьѣ умершаго, какъ о своей собственной. Въ соотвѣтствіе съ важностью, какую народъ придаетъ союзу побратимства, заключеніе его обставляется торжественною обрядностью. Оно совер-

шается въ церкви, впрочемъ только въ Черногоріи и у славянъ-католиковъ: православное духовенство вообще не допускаетъ этого обряда, хотя прежде у сербовъ были спеціальныя молитвы для такихъ случаевъ и даже въ русскомъ требникѣ 1652 г. помѣщается «чинъ братотворенія». Въ Черногоріи желающіе побрататься приглашаютъ въ церковь священника прочесть имъ молитву. Послѣ молитвы, братающіеся пьютъ вмѣстѣ вино изъ чаши и съѣдаютъ немного хлѣба; наконецъ цѣлуютъ крестъ, евангеліе и икону, послѣ чего цѣлуются другъ съ другомъ три раза. У славянъ-католиковъ братающіеся идутъ къ обѣднѣ, наряженные въ лучшую одежду и вооруженные, въ сопровожденіи родственниковъ. Передъ входомъ въ церковь они снимаютъ оружіе. Въ церкви становятся рядомъ на колѣни съ зажженными свѣчами въ рукахъ, а жупанъ (начальникъ жупы—церковнаго прихода) становится около съ двумя зажженными свѣчами. Священникъ подходитъ къ нимъ и спрашиваетъ, ради чего они братаются. Старшій изъ братающихся отвѣчаетъ: «ради любви». Тогда священникъ дѣлаетъ имъ наставленіе, какъ они должны жить между собой, читаетъ имъ молитву и благословляетъ. Послѣ обѣдни побратимы цѣлуются передъ всѣмъ народомъ. Въ заключеніе обряда побратимства всегда бываетъ пиршество, одинъ день—у одного побратима, другой день—у другого. [1]) Кромѣ того, побратимы обмѣниваются подарками—рубашками, платками, въ Черногоріи — оружіемъ, въ старину въ Великороссіи—крестами (кое-гдѣ встрѣчается и теперь). Въ «Толковомъ Словарѣ» Даля встрѣчается выраженіе: «братья по свѣчѣ», которое объясняется такъ: въ западномъ краѣ есть обычай покупать складчиною свѣчу и держать ее въ церкви во время херувимской поочередно—держащіе свѣчу и есть «братья по свѣчѣ». Особый-ли это видъ побратимства, или перетолкованный, точнѣе сказать, недотолкованный извѣстный обычай церковнаго братства? Въ болѣе отдаленной древности церковный обрядъ при побратимствѣ замѣнялся, какъ извѣстно, питьемъ крови.

Въ древней русской поэзіи встрѣчаются указанія на то, что могли заключать союзъ побратимства и нѣсколько человѣкъ. «Отправились три русскіе могучіе богатыря. Тутъ они крестами побратались; старый козакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ; Михайла Потокъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ; молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшій братъ» [2]). И современная

---

[1]) Богишичъ. Pravni obićaji u Slovena. Privatno pravo. U Zagrebu. 1867. 150—2.
[2]) Рыбниковъ, т. III, стр. 71.

жизнь юго-западныхъ славянъ представляетъ подобныя же указанія. Напр., въ Болгаріи есть обычай коллективныхъ побратимствъ: женатые люди братаются между собой, чтобъ взаимно помогать другъ другу и защищаться съ женами своими и дѣтьми [1]). Крайне жаль, что лицо, сообщавшее объ этомъ интересномъ обычаѣ, не вдалось въ подробности организаціи такого союза. Во всякомъ случаѣ, этотъ примѣръ показываетъ, что путемъ побратимства могли возникать извѣстные договорные братскіе союзы. Такіе же союзы по типу братства родового должны были возникать при господствѣ родового быта и дѣйствительно возникали во множествѣ, выдвигая на первый планъ и развивая извѣстныя стороны, ради которыхъ они обыкновенно и появляются на свѣтъ.

Но былъ и другой путь, которымъ могли возникать искусственные братскіе союзы. Это черезъ разложеніе родового братства, которое неизбѣжно наступало при общемъ разложеніи формъ родового быта и лежащихъ въ ихъ фундаментѣ представленій. Та или другая черта или обычай родового братства или цѣлая группа чертъ и обычаевъ изъ находящихся въ соотвѣтствіи съ новыми условіями сохраняется, несмотря на общее разложеніе родовыхъ формъ, и даетъ матеріалъ для новой братской организаціи. И такъ, мы намѣчаемъ два главнѣйшіе момента, черезъ которые переходило родовое братство въ свободные братскіе союзы: во-первыхъ, образованіе искусственныхъ братскихъ формъ по типу братства родового, которое могло имѣть мѣсто еще и при господствѣ родового быта; во-вторыхъ, образованіе новыхъ формъ братскаго союза путемъ разложенія родового братства.

Какимъ бы путемъ ни шло образованіе свободныхъ формъ братскаго союза, какими бы мотивами и условіями оно ни опредѣлялось,— свободное братство, большею частью, сохраняетъ, если не въ развитомъ видѣ, то хотя въ намекахъ, всѣ черты, присущія родовому братству; въ ничтожномъ меньшинствѣ находятся такія формы, въ которыхъ атрофировались бы цѣлыя группы чертъ. И въ церковномъ братствѣ, и въ цеховомъ, и въ парубоцкой громадѣ—во всѣхъ формахъ, которыя мы разсматривали ближе—можно найти ясныя черты братства родового; можно найти ихъ, иногда непосредственнымъ наблюденіемъ, иногда лишь съ помощью анализа, и въ другихъ видахъ братскаго союза. Но гармонія отношеній, присущая родовому братству, въ свободныхъ братствахъ уже нарушается: однѣ черты получаютъ

[1]) Богишичъ. Zbornik, 387.

преобладающее развитіе, другія являются лишь въ видѣ придатковъ къ этимъ преобладающимъ чертамъ. Разсматривая тѣ формы братствъ, которыя развились изъ братства родового, мы будемъ главнымъ образомъ останавливаться лишь на преобладающихъ чертахъ.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ отпрысковъ родового братства, какъ по распространенности его, такъ и по значенію, встрѣчается въ ранней западно-европейской исторіи подъ именемъ братствъ для защиты—Schutzgilden, по нѣмецкой научной терминологіи. До конца VIII-го вѣка гильды, попадающіяся въ европейскихъ законодательныхъ памятникахъ, напр. англосаксонскихъ законахъ Ипи и Эльфреда, еще видимо союзы родовые; съ IX-го вѣка появляются въ историческихъ свидѣтельствахъ уже договорныя братства для защиты—договорный ихъ характеръ виденъ изъ самаго названія ихъ «conjuratio». Однако и значительно позже наряду съ братствами договорными существовали и родовыя, или гильды occasione parentelae, какъ называются онѣ въ одномъ законѣ имп. Фридриха I (XII вѣка). Не удовлетворяя, съ одной стороны, все возрастающимъ потребностямъ въ организаціи и защитѣ, съ другой, ослабляясь вслѣдствіе разрушенія естественно родовыхъ основъ быта, родовыя братства все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто братствамъ договорнымъ, особенно въ городахъ, гдѣ потребность въ искусственныхъ союзахъ, конечно, почувствовалась гораздо раньше, чѣмъ внѣ ихъ. Организуясь во всемъ по типу братства родового, гильды для защиты тѣмъ не менѣе развили рѣзко лишь тѣ стороны, которыми родовой ихъ прототипъ ограждалъ отъ болѣе или менѣе внѣшняго, а слѣдовательно болѣе или менѣе враждебнаго міра. При описаніи черногорскаго братства мы видѣли, какое участіе принимаетъ братство въ дѣлахъ, возникающихъ изъ нарушенія междуродоваго мира какимъ-нибудь преступленіемъ, главнымъ образомъ убійствомъ. Братства той и другой стороны принимаютъ близкое участіе въ дѣлѣ, если преступленіе приводитъ къ осветѣ, т. е. кровавому мщенію; но его участіе еще ближе, еще непосредственнѣе, если вмѣсто осветы выступаетъ возстановленіе мира путемъ платы за голову, такъ называемой крварины. Во всемъ сложномъ процессѣ примиренія братство играетъ самую дѣятельную роль: оно же главнымъ образомъ и страдаетъ, если замедлитъ примиреніемъ, такъ какъ оскорбленное братство до примиренія считаетъ не только правомъ, но и обязанностью вредить своимъ якобы оскорбителямъ чѣмъ ни попало, поджигать, рубить, всячески портить ихъ имущество, ограбить при случаѣ и т. п. Никто изъ братства убійцы не смѣетъ

до примиренія даже появляться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ встрѣтиться съ членомъ братства убитаго, напр. въ церкви. Братство убійцы начинаетъ примиреніе тѣмъ, что является впродолженіе двѣнадцати воскресеній умолять оскорбленныхъ о мирѣ; братство же убитаго и заканчиваетъ примиреніе тѣмъ, что приходитъ въ полномъ своемъ составѣ въ домъ убитаго на примирительный пиръ, которымъ заключается длинный процессъ «мира ради мртве главе». О помощи въ платѣ мы говорили выше (обычаи Герцоговины, Черной Горы и Боки Которской [1]). Надо замѣтить, что эти обычаи родовой защиты въ болѣе важныхъ обстоятельствахъ такъ срослись съ братствами, что гдѣ держатся братства, тамъ держатся и они, несмотря на усердное желаніе правительствъ ихъ вытѣснить и на то, что они должны, казалось-бы, необходимо являться лишними, такъ какъ преступникъ, независимо отъ платъ и примиреній, все-таки отдается въ руки правосудія. Всматриваясь въ эти и подобные обычаи, живущіе еще у южныхъ славянъ, начинаешь отчетливо представлять, какою насущной потребностью вызвано было то страшное развитіе гильдъ для защиты, съ которымъ такъ усердно боролись французскіе короли и нѣмецкіе императоры. Съ одной стороны, правовыя представленія, по которымъ преступленіе съ его послѣдствіями считалось дѣломъ заинтересованныхъ сторонъ, съ другой—государство, еще слишкомъ слабое, чтобъ оказывать существенное давленіе на измѣненіе подобныхъ представленій, и вообще мало способное поддерживать въ гражданинѣ чувство увѣренности въ своемъ правѣ и въ своей безопасности, все это побуждало личность, какимъ-либо образомъ разорвавшую родовыя связи, искать ихъ замѣны. Находила она эту замѣну въ искусственномъ союзѣ, организованномъ по типу естественнаго, который утратила. Остановимся нѣсколько на организаціи гильдъ для защитъ, съ которымъ очень обстоятельно знакомитъ Вильда по датскимъ гильдовымъ статутамъ,—Данія вмѣстѣ съ Англіей были тѣми странами, гдѣ правительство не только не преслѣдовало гильдъ, но оказывало имъ покровительство. Коснемся лишь слегка общихъ чертъ этой организаціи, чтобъ остановиться подольше на особенностяхъ этого вида братскаго союза.

Братство для защиты,—гильда, fraternitas, conjuratio, имѣло еще много и другихъ терминовъ для своего обозначенія на латинскомъ языкѣ, а еще болѣе на разныхъ мѣстныхъ діалектахъ. Но самое характерное изъ этихъ названій несомнѣнно conjuratio, т. е.

---

[1]) Богишичъ. Zbornik. 580—1.

союзъ, связанный клятвой. Подъ именемъ conjuratio, братства подвергались сильнымъ преслѣдованіямъ правительствъ Франціи и Германіи, также духовенства, которое на своихъ соборахъ изрекало самыя строгія запрещенія: растущія организаціи государства и церкви чувствовали инстинктивную вражду къ свободнымъ народнымъ союзамъ въ формѣ братства вообще и къ союзамъ, связаннымъ клятвой, въ особенности. Оно и понятно: клятва это тотъ цементъ, который придавалъ искусственному союзу прочность естественнаго, родового, а слѣдовательно придавалъ ему устойчивость и для борьбы; juramentum, sacramentum гильды, вѣроятно, было нѣчто вродѣ того торжественнаго обряда, которымъ освѣщаютъ свой союзъ сербскіе побратимы. Интересно, что клятва повидимому имѣла мѣсто и въ германскомъ родовомъ союзѣ, когда къ нему присоединялись, напр. посредствомъ брака, лица другаго рода; на это указываютъ слова Eidam—зять (отъ Eid), также Schwager, Schwiegervater, Schwägerschaft отношеніе свойства (отъ Schwur). Кстати, такъ какъ дѣло коснулось филологическихъ соображеній, замѣтимъ, что выше упомянутое названіе извѣстнаго родственнаго союза Vetterschaft заключаетъ въ своемъ корнѣ (Wette, wetti) понятіе заклада, поручительства, compositio, т. е. возстановленіе нарушеннаго мира [1]): это все сближаетъ Vetterschaft съ гильдой для защиты.

Изъ родовой отвѣтственности, какъ нравственной, такъ и юридической, всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ, естественно вытекало то, что въ гильду допускались лишь лица правоспособныя и съ незапятнанной репутаціей. Принимала ли гильда для защиты въ разсчетъ соціальное положеніе своихъ членовъ? Вѣроятно, и да и нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ мѣста и времени. Извѣстная шлезвигская гильда — она въ 1130 г. убила датскаго короля Николая, при проѣздѣ его черезъ городъ, въ отмщеніе за смерть герцога Канута Лаварда—состояла «изъ скорняковъ и башмачниковъ», по презрительному выраженію короля, переданному хроникой [2]), что не мѣшало умерщвленному герцогу Кануту быть членомъ гильды. Съ другой стороны, встрѣчаются городскія гильды, въ которыхъ по статутамъ выключается какая-нибудь группа городскихъ промышленниковъ, напр. булочники. Пріемъ въ гильду новаго члена имѣлъ мѣсто лишь по единодушному согласію всѣхъ членовъ, — принципъ принудительнаго большинства, конечно, не могъ имѣть

---

[1]) Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen, 1854 г., стр. 601, 657.
[2]) Wilda, 71.

мѣста въ союзѣ, который держался исключительно на нравственномъ началѣ. Члены дѣлали обязательные взносы сначала воскомъ и медомъ, потомъ деньгами. Во главѣ гильды стоялъ старѣйшина, Altermann, senior; у него обыкновенно помощники. Кромѣ того, извѣстнымъ значеніемъ и вліяніемъ на дѣла, какъ и въ родовомъ братствѣ, пользовались вообще старики vires seniores, homines senes. Каждый гильдовый статутъ строго регулировалъ все, что касалось обычныхъ пировъ въ честь патрона гильды (отъ этихъ пировъ и гильда часто называлась convivium, convivium conjuratum). Дни пиршественныхъ собраній служили также для обсужденія общихъ дѣлъ и для отправленія общаго богослуженія, въ которомъ видную роль играли мессы за упокой душъ умершихъ братьевъ. Взаимная помощь членовъ гильды должна была имѣть мѣсто во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни: потерпитъ братъ отъ болѣзни, отъ пожара, кораблекрушенія и пр., братство обязано облегчить по мѣрѣ возможности положеніе брата. Братъ обязанъ спасти брата отъ опасности, если встрѣтитъ его на морѣ, выкупить его изъ плѣна и т. п. Затѣмъ гильда пользовалась широкимъ правомъ самосуда. Все это, впрочемъ, черты, общія болѣе или менѣе всѣмъ развитымъ братствамъ; остановимся теперь на особенностяхъ гильды для защиты, которыя такъ хорошо воспроизводятъ архаическую физіономію родового братства— охранителя правъ и безопасности братьевъ.

Во всѣхъ правовыхъ столкновеніяхъ члена гильды съ внѣшнимъ міромъ гильда выступаетъ со всѣми аттрибутами рода. Только по позднѣйшимъ статутамъ гильда поддерживаетъ своего члена противъ чужого in so fern er Recht hat. По болѣе раннимъ представленіямъ, стоящимъ ближе къ своему источнику, гильда заботится только объ одномъ: «ne frater scandalizetur et fratribus sit opprobrium». Если братъ могъ своими поступками навлечь тѣнь порицанія на все общество, онъ изгонялся; пока же онъ принадлежалъ къ гильдѣ, до тѣхъ поръ пользовался всецѣло ея защитой. Пользовался даже тогда, когда совершалъ преступленіе: преступникъ, который часто могъ исправить свою вольную или невольную вину, нуждался при тогдашнихъ условіяхъ въ защитѣ больше, чѣмъ кто-нибудь. Отсюда встрѣчаются въ статутахъ гильды слѣдующія любопытныя постановленія. Если членъ гильды убьетъ не принадлежащаго къ гильдѣ, то присутствующіе братья обязаны отстранить отъ преступника опасность, которая можетъ непосредственно угрожать его жизни отъ мщенія людей, близкихъ убитому, и дать ему возможность спастись бѣгствомъ. Если дѣло происходитъ вблизи воды, братья обязаны дать

преступнику судно и весло, сосудъ для питья и топоръ, и затѣмъ уже предоставить его самому себѣ. Если же—вблизи лѣса, то должны проводить его до лѣса, но не въ лѣсъ; они даютъ ему лошадь, которою онъ можетъ даромъ пользоваться сутки, а затѣмъ долженъ за нее заплатить хозяину, или, въ случаѣ его несостоятельности, платитъ гильда. Въ этихъ обстоятельствахъ гильда цѣликомъ завладѣваетъ правами родственнаго союза, которому древнія германскія юридическія воззрѣнія позволяли оказывать такую же помощь преступнику. Такъ, скандинавскіе законы Гулатинга и Фростатинга позволяютъ родственникамъ преступника, спасающагося бѣгствомъ, подставить преслѣдователямъ рукоять меча или ногу, чтобъ повалить ихъ на землю, но только одинъ разъ; затѣмъ бросить преступнику, спасающемуся по водѣ, весло или руль и т. п. [1]). Если вина можетъ быть выкуплена вирой, а преступникъ не имѣетъ средствъ ее уплатить, гильда, естественно, платитъ за него: каждый братъ долженъ внести опредѣленную часть. Въ другихъ случаяхъ, если, напримѣръ, членъ гильды совершилъ преступленіе, мстя за обиду, и слѣдовательно считалъ себя и считался правымъ, но все-таки могъ ожидать отмщенія, братство обязано было заботиться объ его безопасности: двѣнадцать вооруженныхъ братьевъ обязано было сопровождать его. Ту же роль родового братства играла гильда, когда совершалось преступленіе по отношенію къ ея члену. Пока общественный порядокъ дозволялъ кровавое мщеніе—оно принадлежало, какъ религіозная и нравственная обязанность, ближайшимъ родственникамъ убитаго. Гильда, какъ и родъ, могла выступать въ качествѣ мстителя лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, и выступала, какъ видно изъ приведеннаго выше случая съ датскимъ королемъ Николаемъ. Затѣмъ, когда кровавое мщеніе смѣняется платой за мертвую голову—гильдѣ принадлежитъ уже въ каждомъ случаѣ дѣятельная роль. Она стояла за семью убитаго, подкрѣпляя своимъ вліяніемъ ея требованія; на ея долю приходилась и извѣстная часть вытребованной платы. На судѣ члены гильды играли ту же роль, которую старинныя законодательства, германскія и славянскія (чешское и сербское), а также современные юридическіе обычаи народовъ, сохранившихъ родовой бытъ, напр. киргизъ, [2]), отводятъ родовому союзу [3]). Это—роль сопри-

---

[1]) Шпилевскій. Союзъ родственой защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. Казань 1866 г. 51.

[2]) Записки Оренбургскаго отд. георг. общ., ст. Народные обычаи Малой Кирг. Орды.

[3]) Шпилевскій. Союзъ родственной защиты, 148—156.

сяжниковъ, поротниковъ (по законнику Стефана Душана), conjuratores, Eideshelfer, которые являются на судъ, чтобъ очистить своей клятвой подсудимаго отъ взводимаго на него обвиненія. Вообще, по статутамъ гильдъ, всѣ члены ея должны были являться на судъ, если присутствіе ихъ могло имѣть какое-либо значеніе, напр., чтобъ импонировать своей внушительностью сильному противнику; въ качествѣ соприсяжниковъ—во всякомъ случаѣ. Если дѣло разбиралось въ какомъ-нибудь высшемъ судѣ, куда нужно было ѣхать, двѣнадцать членовъ гильды, выбранныхъ альдерманомъ, должны были сопровождать подсудимаго на счетъ гильды; иногда соприсяжники назначались по жребію, и никто, подъ угрозой наказанія, не могъ уклоняться отъ этой обязанности [1]). Соприсяжничество гильды пользовалось такимъ уваженіемъ, что судъ обыкновенно допускалъ членовъ гильды къ присягѣ вдвое или втрое меньшемъ числѣ, чѣмъ другихъ соприсяжниковъ.

Безчисленныя гильды для защиты, которыя должны были возникать всюду въ городахъ, а можетъ быть и внѣ ихъ, гдѣ ослабѣвалъ родовой союзъ, сильныя своей организаціей, охватывавшей всего человѣка такъ же прочно, какъ родъ, какъ семья, сдѣлались могучей силой, съ которой приходилось считаться государству. Государство должно было вступить съ ней въ борьбу или въ союзъ. Франція и Германія пошли по первому пути, Англія—по второму. Поэтому нигдѣ гильды не получили такого могучаго развитія, какъ въ Англіи. Кромѣ обыкновенныхъ гильдъ для защиты, тамъ возникли широко развитыя гильды мира, или союзы для охраненія общественной безопасности. Мало того: государство положило принципъ гильдоваго союза въ самое основаніе своего строя, и по типу гильды организовало мелкія административныя единицы—frithborgas [2]). Вообще, надо сказать, что гильды для защиты, которыя организовались по типу братства родового, сами послужили прототипомъ для разнообразныхъ охранительныхъ союзовъ, которые заключались не только между лицами, но и между корпораціями—городами, монастырями и т. п. Фридрихъ Барбарусса, запрещая conjurationes въ городахъ и внѣ ихъ, въ то же время запрещаетъ и союзы «между лицемъ и лицемъ, между городомъ и лицемъ» [3]).

Цѣль нашей статьи не позволяетъ намъ вдаваться въ дальнѣйшія подробности относительно этой интересной братской формы, ко-

---

1) Wilda, 115—144.
2) Gierke. Geschichte des deutschen Genossenschaftsrechts 1, 7, 254.
3) Тамъ же, 237.

торая такъ ярко развернулась на зарѣ европейской исторіи и долго еще отражалась въ своеобразной жизни ея городовъ. Но мы не можемъ обойти одного вопроса: были-ли описанныя нами гильды явленіемъ лишь западно-европейской жизни, или и славянскій міръ представлялъ аналогичныя явленія? Къ сожалѣнію, мы не можемъ съ полной увѣренностью сказать ни да, ни нѣтъ. Ничего вродѣ гильдовыхъ статутовъ Англіи или Даніи нѣтъ ни у русскихъ, ни у другихъ славянъ, какъ нѣтъ ихъ, впрочемъ, и у нѣмцевъ. Но въ древнихъ славянскихъ законодательныхъ памятникахъ сохранились нѣкоторыя указанія, которыя позволяютъ думать, что нѣчто аналогичное имѣло мѣсто и у славянскихъ народовъ. Нельзя не остановиться, прежде всего, на томъ извѣстномъ загадочномъ мѣстѣ «Русской Правды», которое безконечное число разъ останавливало на себѣ вниманіе ученыхъ и толковалось ими въ разнообразныхъ смыслахъ. Это ея постановленія, касающіяся «дикой виры». Какой союзъ подразумѣвался подъ платившимъ «дикую виру»? Изъ «Русской Правды» вытекаютъ съ полной очевидностью два положенія: во-первыхъ, это союзъ для взаимнаго ручательства и отвѣтственности по дѣламъ объ убійствѣ; во-вторыхъ, это союзъ свободный, въ противоположность родовому или административно-общинному: «аще кто не вложится въ дикую виру, тому людье не помогаютъ, но самъ платить» (по Троицкому списку),—значитъ, каждый могъ или вкладываться, или не вкладываться въ такой союзъ, по произволу. Свободный союзъ для взаимнаго ручательства и отвѣтственности—не есть ли это самыя общія и типическія черты гильды для защиты? Въ первой новгородской лѣтописи подъ 1209 г. есть одно мѣсто, которое еще болѣе сближаетъ союзы «дикой виры» съ гильдами для защиты: новгородцы обвиняютъ посадника Дмитра въ томъ, что онъ велѣлъ «на новгородцихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую...» Отсюда видно, что союзы для уплаты «дикой виры» заключались между купцами, однимъ изъ городскихъ сословій: не указываетъ ли это обстоятельство на то, что союзы дикой виры, какъ и гильды для защиты, были главнымъ образомъ, если не исключительно, въ городахъ, гдѣ непремѣнно должна была возникнуть потребность въ такихъ союзахъ, между тѣмъ какъ внѣ городовъ могли еще держаться союзы родовые, незамѣтно переходившіе въ территоріально-общинные? Конечно, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать, что эти союзы въ своихъ подробностяхъ организовались, какъ и гильды для защиты, по типу братства родового, хотя это очень вѣроятно, такъ какъ родовыя братства вмѣстѣ съ

родовымъ бытомъ у славянъ удержались дольше, чѣмъ у германцевъ, и мѣстами держатся еще, какъ мы видѣли, до сихъ поръ. Слѣды подобныхъ договорныхъ союзовъ можно найти и въ нравахъ другихъ славянскихъ народовъ, какъ на то указываетъ Иречекъ [1]). Затѣмъ можно найти указанія и на союзы для охраненія общественной безопасности, напоминающіе англійскія гильды мира, напр. тотъ польскій «braterski związek, о которомъ упоминаетъ Мацѣевскій [2]).

На этомъ и покончимъ съ братствами для защиты, чтобъ перейти къ тѣмъ формамъ братской ассоціаціи, которыя выросли изъ религіозной стороны родового братства. Впрочемъ, скажемъ еще два слова объ одной славянской исторической формѣ, которая носитъ на себѣ черты братской организаціи и по характеру своему ближе всего стоитъ къ братству для защиты; это—военныя братства, которыя были у русскихъ славянъ, какъ и у славянъ южныхъ, являясь иногда съ родовымъ характеромъ [3]), обыкновенно же лишь организуясь по типу родового братства. Надо имѣть въ виду, что до сихъ поръ родовое братство черногорцевъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и военная организація, главарь ея—предводитель на войнѣ, значеніе братства измѣряется количествомъ ружей: у другихъ славянъ, не сохранившихъ, какъ черногорцы, независимости, понятно, что эта сторона братской организаціи уже исчезла. Типичнѣйшимъ и интереснѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ представителемъ военнаго братства можетъ служить Запорожская сѣчь съ ея братчиками, съ ея религіозно-нравственнымъ характеромъ, со многими ея особенностями, носящими на себѣ черты братской организаціи. Описанная нами въ предыдущей главѣ парубоцкая громада, которая съ одной стороны такъ близко подходитъ къ братству цеховому и церковному, нѣкоторыми своими чертами съ другой стороны такъ напоминаетъ братство казацкое, что намъ случалось встрѣчать мнѣніе, выводящее парубоцкую громаду изъ подражанія громадѣ казацкой.

Родовое братство, какъ мы сказали выше, имѣетъ религіозный характеръ. У сербовъ этотъ религіозный характеръ братства выражается въ томъ, что оно празднуетъ одно «крсно име», т. е. имѣетъ одного патрона, въ честь котораго и совершается празднованіе. Хотя «крсно име» празднуется теперь во имя какого-нибудь христіанскаго святого, но оно имѣетъ несомнѣнно до-христіанское происхожденіе и характеръ,—это праздникъ родового божества. Кромѣ

---

1) Slovanské pravo v Cechach a na Moravě. V Praze, 1863 v., 161—165.
2) Historya prawodawstw slowianskich, изд. 2-е, 1858 г., т. II, 257—8.
3) Тамъ же, т. I. 393.

соображеній, основывающихся на анализѣ этого явленія,—приводить которыя здѣсь мы считаемъ лишнимъ,—высказанное нами мнѣніе о происхожденіи и значеніи «крсного имени» можетъ найти непосредственную опору въ свидѣтельствахъ сербскихъ историковъ и народныхъ преданіяхъ [1]). Остановимся на нѣкоторыхъ, болѣе интересныхъ для насъ, чертахъ этого обычая, пользуясь обстоятельной статьей г. Миличевича, помѣщенной въ первомъ выпускѣ перваго года «Годишницы» Николы Чупича. Вотъ два главные пункта, которые, по опредѣленію г. Миличевича, даютъ содержаніе «крсному имени»: празднуя «крсно име», сербъ, во-первыхъ, молится за живыхъ и умершихъ, также приноситъ какъ-бы жертву, во славу святителя, защитника своего рода; во-вторыхъ, приглашаетъ пріятелей и зазываетъ путниковъ и встрѣчныхъ, чтобъ ихъ угостить какъ можно больше и лучше. Святой, въ честь котораго каждый родъ неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе празднуетъ свое «крсно име», разсматривается родомъ во всѣхъ случаяхъ какъ его истинный патронъ: ему по преимуществу молятся, его именемъ клянутся, черезъ него надѣются добиться отъ Бога желаемаго. Не отпраздновать своего «крсного имени» со всей торжественностью и съ соблюденіемъ всѣхъ его обрядовъ считается чѣмъ-то вродѣ преступленія, которое покрываетъ позоромъ виновника и неизбѣжно навлекаетъ на него небесный гнѣвъ и мщеніе: послѣдній бѣднякъ тянется изъ всѣхъ силъ, чтобъ не впасть въ такой тяжкій грѣхъ. Каждый свѣчаръ, т. е. домохозяинъ, празднующій свое «крсно име», заготовляетъ сколько можетъ больше всякой ѣды и питья; кромѣ того, припасаетъ еще нѣсколько предметовъ, имѣющихъ спеціальный, жертвенно-религіозный характеръ—восковыя свѣчи, вино, коливо (кутья) и колачъ (хлѣбъ особаго вида), ладанъ и деревянное масло. Самый важный изъ этихъ предметовъ—большая восковая, такъ называемая «крсная» свѣча, которая зажигается при торжествѣ. Безъ «крсной свѣчи» не можетъ быть празднованія «крсного имени»: чѣмъ она больше, тѣмъ угоднѣе патрону, тѣмъ больше чести свѣчару. Сербы даже клянутся «крсной» свѣчой: «Крсне ми свијече. Тако ми се не угасила крсна свијече». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ большой свѣчи, заготовляется еще много маленькихъ свѣчей, которыя раздаются въ руки гостямъ, когда совершается извѣстная часть жертвеннаго обряда, предшествующаго собственно пиру. Существенную часть этого обряда составляетъ переломленіе или взрѣзываніе хлѣба (колача), которое

[1]) Годишница Николе Чупича—издаје негова задужбина. година 1-а, у Београду, 99.

совершается или въ церкви, или дома передъ началомъ пира, всегда со множествомъ разныхъ церемоній надъ хлѣбомъ и кутьей [1]). Съ такимъ-же религіозно-жертвеннымъ значеніемъ является вино. Имъ поливаютъ хлѣбъ и кутью, его обязательно долженъ попробовать каждый, кто только есть въ домѣ, не исключая самаго малаго ребенка. Пирующіе за столомъ пьютъ его много, сопровождая питье точно опредѣленнымъ ритуаломъ, также пѣніемъ, вродѣ: «Ко за славе вино пије—помози му Бог!»; гдѣ нѣтъ вина, оно замѣняется медовой ракіей. Празднованіе крсного имени начинается обыкновенно съ кануна того дня, который посвященъ церковью святому. Въ самый же торжественный день, послѣ богослуженія, за которымъ между другими обрядами бываетъ и поминаніе умершихъ, свѣчары угощаютъ народъ, около церкви, при чемъ служатъ ему сами съ открытой головой. Послѣ того уже идутъ по своимъ кучамъ, гдѣ тоже, послѣ жертвенныхъ обрядовъ [2]), угощаютъ собравшихся гостей. Празднованіе съ обильнымъ угощеніемъ, но уже безъ торжественности перваго дня, тянется обыкновенно трое сутокъ.

«Крсно име», какъ праздникъ родового божества, объясняетъ намъ многое изъ религіозной стороны позднѣйшихъ братствъ. Интересно, какъ зависимость этихъ явленій проявляется даже во второстепенныхъ подробностяхъ. Мало того, что позднѣйшее братство, какого бы оно ни было характера, непремѣнно имѣетъ, по образу родового братства, своего патрона и отправляетъ въ честь его пиршества, которыя тѣсно связаны съ внутренней жизнью братствъ: восковыя свѣчи, съ ихъ исключительно важнымъ религіознымъ характеромъ, вино и замѣняющіе его медъ или пиво, угощеніе народа около церкви, имѣющее до сихъ поръ мѣсто въ нѣкоторыхъ церковныхъ братствахъ и т. п.,—все это не случайныя совпаденія, а прямая зависимость родства или непосредственнаго заимствованія. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ описаніе «крсного имени» только изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ братство уже распалось, такъ что «крсно име» празднуетъ отдѣльно каждая куча, хотя идея о томъ, что «крсно име» есть праздникъ братства, сохранилась, между

---

[1]) Напомнимъ читателю одно мѣсто изъ извѣстныхъ вопросовъ Кирика: „Аже се Роду и Роженицѣ краютъ хлѣбы и сыры и медъ."

[2]) Насколько въ этихъ интересныхъ обрядахъ чисто языческаго, видно, напр., хоть изъ молитвенныхъ словъ свѣчара, которыя онъ произноситъ надъ хлѣбомъ, солью, виномъ и свѣчей: онъ молится за солнце, которое грѣетъ, за мѣсяцъ и звѣзды, что свѣтятъ; за землю, за огонь, за воду; за всякое растеніе—за жито, кукурузу и т. д.; за людей, начиная съ ближайшихъ и кончая всѣмъ свѣтомъ; за скотъ и за всякую живность, за псовъ, которые стерегутъ скотъ; за упокой души всѣхъ людей, начиная съ ближайшихъ; за упокой души всего заколотаго и издохшаго скота и т. д.

прочимъ, въ томъ представленіи, что всѣ празднующіе одно «крсно име» — родственники между собой, хотя бы они жили въ разныхъ концахъ страны, и прежде такіе воображаемые родственники даже не женились между собою, какъ въ настоящемъ братствѣ. Съ распаденіемъ рода, «крсно име», съ одной стороны, ушло въ семью, съ другой—перешло на общину, выразившись въ такъ называемой «општинской славѣ». Это тоже «крсно име», только не семьи, а общины, и празднуется оно всѣми ея членами. Послѣ освященія полей, по которымъ проносятъ кресты, ради урожая, совершаются главнѣйшіе изъ обрядовъ крсного имени, а затѣмъ идетъ пиршество на открытомъ воздухѣ съ обычнымъ питьемъ. Иногда пиршество устраиваетъ какой-нибудь одинъ хозяинъ, передавая эту обязанность на слѣдующій годъ другому, и т. д. по очереди; въ другихъ мѣстностяхъ пирующіе устраиваютъ складчину, сами приносятъ, кто что можетъ. Всѣ путники и встрѣчные должны принимать участіе въ праздникѣ.

Религіозная сторона родового братства сильно отразилась во всѣхъ типахъ позднѣйшаго братства. Но кромѣ того, изъ нея получила существованіе особая историческая форма, которая вызвала не мало толкованій и споровъ между русскими учеными, такъ называемая древне-русская братчина, остатки которой и теперь еще сохранились кое-гдѣ, отчасти подъ тѣмъ же названіемъ, отчасти подъ другими.

Откуда взялась братчина? Братскій союзъ, какъ мы уже сказали выше, могъ возникать двоякимъ путемъ: или путемъ вновь-образованія по типу братства родового, или путемъ разрушенія самого родового братства. Въ общемъ разрушеніи родового союза могла сохраняться одна или нѣсколько сторонъ, и эти стороны получали самостоятельное существованіе, независимое отъ цѣльной братской организаціи, хотя и сохранили извѣстныя черты, ей родственныя. Примѣръ подобнаго процесса мы видимъ на велико-русской братчинѣ. Что братчина не есть простое наслѣдіе языческихъ пиршествъ, какъ это обыкновенно утверждаютъ русскіе ученые, что она есть обломокъ болѣе широкой организаціи—это достаточно доказывается тѣмъ, что она имѣла право суда. Извѣстно положеніе Псковской судной грамоты («а братьщина судить какъ судьи»), которое повторяется въ народномъ юридическомъ изреченіи: «братчина судитъ, ватага рядитъ». Какимъ образомъ могло бы явиться у случайнаго сборища право суда? Братчина есть обломокъ именно братской организаціи, а не какой-нибудь другой; это видно, прежде всего, изъ самаго ея названія: *братчина* — пиръ братства. Затѣмъ это доказывается извѣстными особенностями устройства братчинъ, древнихъ и совре-

менныхъ. Братчина праздновалась въ честь патрона, сначала, конечно, языческаго, потомъ христіанскаго,—отсюда ея названія: никольщина, покровщина и т. п. Г. Костомаровъ въ «Сѣверно-русскихъ народоправствахъ» объясняетъ это названіе тѣмъ, что братчины сбирались въ храмовые праздники. Едвали это такъ. Братчина имѣла отношеніе къ своему исконному патрону, который могъ быть или не быть патрономъ ближайшаго храма, смотря по обстоятельствамъ. До сихъ поръ въ Архангельской губ. можно встрѣтить такіе факты; напр., въ Чухчеремской волости Холмогорскаго уѣзда въ Никольскомъ приходѣ празднуется «веденьевщина», въ Ильинскомъ «васильевщина» и т. д. Храмовой праздникъ всегда совпадалъ бы съ братчиной въ томъ случаѣ, еслибъ члены братчины сами устраивали храмъ, естественно посвящая его своему патрону, какъ дѣлаютъ родовыя братства Герцеговины и Черногоріи; но братчина, взявшая на себя заботы о церкви, не была бы уже временной братчиной, а церковнымъ братствомъ, которое необходимо было бы учрежденіемъ постояннымъ, а слѣдовательно и обладающимъ организацiей, соотвѣтственной этому условію. Братчины въ старину устраивались всюду, въ городахъ и внѣ ихъ, по волостямъ. Каждый участникъ братчины давалъ свою часть хлѣбомъ и другими съѣстными припасами, медомъ, хмѣлемъ, ячменемъ для приготовленія напитка, деньгами, чтобъ купить недостающее. Изъ всего этого устраивалось пиршество, которое тянулось иногда по нѣсколько дней, обыкновенно три дня. Для распоряженія пиромъ выбирался одинъ, опытный въ этихъ дѣлахъ, человѣкъ, пировой староста. Кромѣ пирового старосты Псковская судная грамота упоминаетъ еще пивцовъ, подъ которыми, вѣроятно, подразумѣвались всѣ пьющіе, участники на братчинѣ. По древнему обычаю, вполнѣ понятному, на братчину могъ каждый являться незваннымъ. Но такъ какъ изъ этого обычая вытекали дурныя послѣдствія, «татьба, душегубство», «гибель» и «иные убытки», когда на братчину, къ пирующимъ, разгоряченнымъ питьемъ, являлись чужіе, а иногда и прямо непріятные люди, какіе-нибудь «тіуны или намѣсничьи люди», которые пили «силно» (насильно); то правительство московское съ XV в. запрещало «ѣздить на пиры и братчины незваннымъ» [1]). Потомъ и самыя братчины, случалось, подвергались преслѣдованіямъ: съ теченіемъ времени онѣ естественно были лишены права самосуда и происходившія на нихъ, почти неизбѣжныя, ссоры и драки доходили до суда и обращали на себя вниманіе администраціи. Такъ въ

---

[1]) Акты Археографической экспедиціи, т. 1-й, №№ 50. 72 и 123.

прошломъ столѣтіи по Сибири сдѣлано было распоряженіе, чтобъ «каноновъ и братчинъ отнюдь не было». Нарушители распоряженій, которые все-таки продолжали варить братчины, особенно зачинщики, жестоко наказывались—плетьми и т. п. Естественно, братчины вывелись [1]). Но въ Великороссіи онѣ еще до сихъ поръ держатся между другими крестьянскими праздниками и пиршествами, являясь подъ разными названіями. Ихъ можно отличить по слѣдующимъ признакамъ: это пиршество, обыкновенно съ угощеніемъ всякаго званнаго и незваннаго, иногда спеціально нищихъ, устраиваемое въ складчину (ссыпчина, ссыпка, скупштина, пословица: братчина-складчина) въ честь святого, которымъ чаще бываетъ не патронъ приходскаго храма—въ честь послѣдняго устраиваются особые храмовые праздники [2]); варка въ складчину меду или пива, «канунъ», непремѣнная придлежность братчины. Канунъ, съ которымъ соединяется понятіе о поминаніи усопшихъ, есть отголосокъ религіозно-родовыхъ представленій, такъ какъ жертвенное пиршество въ честь родового божества должно было соединяться и съ жертвами въ честь умершихъ членовъ рода: недаромъ же позднѣйшія братства всегда поминали своихъ покойниковъ въ своихъ торжественныхъ собраніяхъ. Братчины необходимо сливаются, мѣстами уже и совсѣмъ слились, съ храмовыми и другими праздниками, особенно же съ тѣми, которые празднуются въ честь того или другого святого «по обѣщанію», для отвращенія какого нибудь несчастія и т. п.,—сербскія «заветины». Но все-таки ихъ еще кое-гдѣ можно отличить. Описанныя выше «свѣчи» сѣверныхъ уѣздовъ Черниговской губ. (также Могилевская губ.) можно отнести къ братчинамъ; покойный Якушкинъ въ своихъ «Путевыхъ письмахъ» говоритъ о братчинѣ въ г. По-

---

[1]) Юридическіе обычаи крестьянъ старожиловъ Томской губ., кн. Кострова, Томскъ, 1876 г., стр. 57.

[2]) Въ храмовыхъ праздникахъ, которые обыкновенно захватываютъ болѣе широкій районъ, чѣмъ братчины, вѣроятно, отзываются остатки чествованія болѣе общихъ божествъ—племенныхъ, которыя потомъ перешли въ областныя. Укажемъ на слѣдующую въ высшей степени интересную выписку изъ одного стариннаго житія, приводимую Щаповымъ въ его ст. «Историческіе очерки народнаго міросозерцанія» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1863 г. № 1): «Псковъ и вел. Новгородъ блажитъ Варлаама и Михаила юродиваго Христа ради, Смоленскъ блажитъ кн. Θеодора, московское же царство блажитъ Петра, Алексѣя и Іону и Максима и инѣхъ множество. Ростовъ блажитъ Леонтія и Игнатія, Исаію, Вассіана и Ефрема; Вологда бо блажитъ преп. Дмитрія и иныя тамо сущія многія: каяждо страна своихъ блажитъ. И мы же (Устюжане) тебѣ, Прокопіе, сѣверная страна по Двинѣ рѣцѣ, Вага, рѣка на ней же градъ Сенкурія, и она блажитъ Георгія Христа ради юродиваго. Соловецкій же островъ и все поморіе блажитъ Савватія и Зосиму. Мы жь тебя, яко же стража и хранителя, имѣемъ, отчины града нашего Устюга».

гарѣ (Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда Черниг. губ.) [1]). Относительно средней полосы Россіи у насъ нѣтъ подъ рукой никакихъ матеріаловъ о братчинахъ, кромѣ указаній на существованіе братчинъ въ Костромской, Владимірской губ., также у инородцевъ—зырянъ, чувашъ, черемисъ. Сѣверная же полоса Россіи—Архангельская, Вологодская, Вятская губ.—богата остатками братчинъ. Скажемъ нѣсколько словъ о братчинахъ Архангельской губ., которая намъ лучше извѣстна. Въ Архангельской губ. братчина, кануны, поварки празднуются отдѣльными деревнями или печищами, т. е. небольшими поселками, которые обыкновенно не утратили еще совсѣмъ воспоминаній объ общности своего происхожденія (въ этихъ печищахъ, которыя есть вмѣстѣ съ тѣмъ и земельныя общины, можно еще натолкнуться на фактъ самосуда, который называется братскимъ судомъ); иногда двѣ-три деревни празднуютъ вмѣстѣ [2]). Празднованіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ нѣсколько различается въ подробностяхъ. Вотъ болѣе общія черты. Всѣ домохозяева складываются матеріаломъ, необходимымъ для варки пива, которое и варится, или въ извѣстномъ домѣ по соглашенію, или въ общей пивоварнѣ, если она есть. Въ этихъ случаяхъ каждый бѣднякъ ставитъ ребромъ свою послѣднюю гривну, чтобъ не отстать отъ складчины. Въ день празднованія домохозяева отправляются въ церковь слушать «канунъ», т. е. молебенъ святому, и привозятъ съ собой въ церковь по бочкѣ пива, также хлѣбъ и сыръ изъ конoплянаго сѣмени и яицъ (этотъ хлѣбъ и сыръ тоже и взрѣзываютъ на трепезѣ, какъ во времена Кирика, только не Роду и Роженицѣ, а замѣнившему ихъ святому), также медъ, и вмѣсто сыра иногда рыбу. Послѣ молебна все съѣстное, доставленное къ церкви, складывается на общемъ столѣ, или въ церковной трапезѣ или въ оградѣ, и послѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ начинается общее угощеніе; иногда все принесенное, за вычетомъ извѣстной части въ пользу духовенства, идетъ нищимъ. А настоящее угощеніе происходитъ, въ такихъ случаяхъ, уже не около церкви, а на деревнѣ: или сбираются въ одинъ домъ, гдѣ варилось пиво, или всѣ ходятъ изъ дома въ домъ, гдѣ каждому приходящему, званному и незванному, знакомому и незнакомому, хозяинъ непремѣнно подноситъ пиво въ «братынѣ» (особый сосудъ). Встрѣ-

[1]) Основа, 1862 г. Январь, стр. 24.

[2]) Села въ Архангельской губ. складываются именно изъ собранія такихъ деревень, или печищъ; изъ нихъ та деревня, въ которой находится церковь, называется *погосской* или погостомъ. Каждая деревня, входящая въ составъ села, имѣетъ своего патрона, помимо святого, въ честь котораго построена церковь.

чаются и такія видоизмѣненія, что кануны празднуются отдѣльными домохозяевами, по очереди или по желанію: этотъ годъ справляетъ одинъ, слѣдующій годъ — другой, тотъ, кто приметъ за канунными обѣдомъ вызовъ на канунъ, дѣлаемый торжественно священникомъ.

Чтобъ не злоупотреблять долѣе вниманіемъ читателя, ограничимся этими фактами. Но нельзя не остановиться еще немного на тѣхъ фактахъ, которые связываютъ братчины съ церковными братствами. Въ нѣкоторыхъ обычаяхъ празднованія и пиршествъ замѣчается стремленіе оказывать въ то же время и помощь церкви. Мы уже упоминали, что часть канунныхъ приношеній отдается въ пользу духовенства. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шенкурскаго уѣзда крестьяне держатъ общихъ барановъ, или корову, или быка, которыхъ вскармливаютъ на общинныхъ лугахъ. Въ день праздника животныя закалываются, дѣлятся по семьямъ и съѣдаются въ церковной оградѣ: шкуры продаютъ, жертвуя вырученныя деньги на церковь, ноги и голову отдаютъ причту. Затѣмъ въ Пинежскомъ уѣздѣ есть еще такой обычай. Общественные котлы, которые служатъ для варки общаго пива, находятся въ завѣдываніи церкви: въ церкви они хранятся и оттуда выдаются въ случаѣ надобности церковнымъ старостой за опредѣленную плату: 1—1½ коп. съ пуда или четверика матеріала, изъ котораго варится пиво. Такимъ образомъ, эти котлы составляютъ постоянную доходную статью церкви.

Только такіе или подобные зачатки церковнаго братства мы и находимъ въ Великороссіи, въ ея настоящемъ и не очень отдаленномъ прошедшемъ. Ничего сходнаго съ южно-русскимъ церковнымъ братствомъ не встрѣчается на сѣверѣ, въ предѣлахъ Московскаго государства. Однако въ сѣверной Россіи XII в. несомнѣнно существовали церковныя братства, какъ показываетъ извѣстная уставная грамота (1134—35 г.) новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данная церкви св. Іоанна на Опокахъ [1]). Выраженіе грамоты «по старинѣ» не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что это братство не было явленіемъ исключительнымъ, устроеннымъ, какъ могло бы случиться, по какому-нибудь чуждому образцу, а явленіемъ своимъ, исконнымъ, обычнымъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе на этотъ счетъ покойнаго Бѣляева, ученнаго въ высшей степени осмотритель-

[1]) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи русскаго права. С.-Петербургъ 1859 года Русская Бесѣда, 1858 года. Кн. 1-я, отд. критики, ст. Бѣляева.

наго въ своихъ заключеніяхъ и большого знатока нашей правовой старины. Но если церковныя братства были на сѣверѣ, то куда же они подѣвались? Отчего послѣ XII вѣка мы не встрѣчаемъ ихъ больше? Отчего не развилась въ сѣверо-восточной Руси ни одна полная форма братскаго союза, а все свелось къ братчинѣ, которая не могла имѣть почти никакого общественнаго значенія? Вся народная общественная жизнь сѣверной Руси сосредоточивается около формъ экономическаго характера, общины и артели; наоборотъ, жизнь Руси южной представляетъ лишь намеки на общину и артель, а развиваетъ у себя широко формы братскаго союза. Такимъ образомъ, жизнь русскаго народа въ элементарныхъ основахъ своей общественности пошла по двумъ различнымъ русламъ—фактъ, надъ которымъ еще не останавливалась съ достаточной серьезностью русская мысль и надъ которымъ сила вещей, вѣроятно, заставитъ въ непродолжительномъ времени остановиться съ полнѣйшей внимательностью. Въ чемъ причина этого интереснаго и въ высшей степени важнаго факта? Конечно, онъ находится въ извѣстной связи съ давленіемъ тѣхъ совершенно различныхъ государственныхъ организацій, въ которыя уложилась жизнь обѣихъ половинъ русскаго народа. Но болѣе опредѣленный отвѣтъ на этотъ важный вопросъ пока едва ли возможенъ въ виду настоящаго состоянія фактической разработки исторіи, особенно южно-русской.

Церковное братство настоящаго, полнаго типа, особенности котораго указаны нами выше, есть по преимуществу южно-русское братство. Правда, и на западѣ церковныя, или благочестивыя братства мы встрѣчаемъ въ большомъ развитіи, особенно въ XIV и XV вв., когда гильды для защиты уже были упразднены ходомъ исторіи. Не существовало почти церкви, особенно въ городахъ, при которой не было бы одного или нѣсколькихъ такихъ братствъ; въ большихъ городахъ они считались десятками и даже сотнями [1]. Но это было нѣчто иное, рѣзко отличающееся отъ южно-русскаго церковнаго братства. Русское церковное братство есть часть церкви, ея общественный органъ,—и это-то обстоятельство было однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ той внутренней силы, которое оно обнаружило въ XVI и XVII вѣкахъ. Католицизмъ, въ противоположность православію, не допускалъ вмѣшательства свѣтскаго элемента въ дѣла церкви. Оттого католическія церковныя братства стоятъ лишь при церкви, но внѣ ея, выполняя свои благочестивыя цѣли.

[1]) Wilda, 344—350.

Кромѣ того, эти цѣли крайне специализировались, что еще болѣе отнимало у этихъ союзовъ ихъ жизненность: напр., были общества съ исключительной цѣлью поддерживать на алтарѣ опредѣленное число свѣчей, общества для поддержанія зданія церкви или даже какой-нибудь одной его части, общество для совершенія въ извѣстномъ порядкѣ извѣстныхъ религіозныхъ упражненій и. т. п. Вообще, эти союзы могутъ быть названы братствами только въ очень условномъ смыслѣ. Протестантизмъ разбилъ католическую исключительность; но въ то же время онъ выбросилъ знамя личности и съ ненавистью отнесся къ братскому принципу, въ которомъ онъ увидалъ одно изъ порожденій католическаго абсолютизма. Съ реформаціей церковныя братства совершенно исчезаютъ, также какъ и другія,—ремесленныя вырождаются въ цехи. Это время пагубнаго кризиса для братствъ западно-европейскихъ совпадаетъ съ расцвѣтомъ братствъ южно-русскихъ. Что этотъ расцвѣтъ не былъ въ то же время и эпохой возникновенія церковнаго братства—объ этомъ мы уже имѣли случай говорить выше. Ивановское церковное братство XII-го вѣка существовало въ то время, когда русскій сѣверъ еще не порвалъ съ югомъ. Вскорѣ послѣ того, какъ Галиція успокоивается политически подъ властью Польши, появляется на сцену и Львовское братство; въ половинѣ XVI-го вѣка въ Volumina legum [1]) мы находимъ запрещеніе всякихъ братствъ, кромѣ церковныхъ, слѣд. церковныя были уже въ настоящемъ развитіи. Что церковное братство не есть союзъ позднѣйшаго времени и производнаго характера, показываетъ и его организація: освобожденная отъ риторики писанныхъ уставовъ, она обнаруживаетъ черты первобытнаго характера. Надо имѣть въ виду тотъ фактъ, что родовыя братства Герцеговины и Черногоріи суть вмѣстѣ съ тѣмъ и церковныя, такъ какъ почти каждое изъ нихъ имѣетъ свою церковь и кладбище. Этимъ мы, конечно, не хотимъ сказать, что церковныя братства были ни что иное, какъ братства родовыя: такое предположеніе тѣмъ болѣе неумѣстно, что церковное братство встрѣчаемъ мы, большею частью, въ городахъ, а не въ селахъ. Мы хотимъ только сказать, что оно настолько древне по происхожденію, что удержало еще многія черты братства родового; еслибъ оно было болѣе поздняго происхожденія,

[1]) Volumina legum, an. 1550 vol. II. f. 598: «Cechy już dawno od Przodków naszych są podniesione: My i teraz według pierwszych statutow podnosimy i wniwecz obracamy: oprócz rządów i obchodów koscielnych». Надо замѣтить, что польское законодательство безразлично употребляетъ выраженія cechy, bratstwa, fraternitates.

прошло черезъ какія-нибудь посредствующія формы, оно должно было бы больше утратить изъ чертъ, приближающихъ его къ прототипу. Доказательство этого положенія на лицо. У южныхъ славянъ встрѣчается одинъ видъ настоящаго церковнаго братства, который въ то же время носитъ отпечатокъ близкаго родства съ родовымъ братствомъ. Остановимся нѣсколько на этой интересной братской формѣ. Въ Далмаціи, въ Дубровицкомъ округѣ, почти въ каждомъ селѣ есть братство, членами котораго всѣ мужчины старше восемнадцати лѣтъ. Главная цѣль братства: поддержаніе набожности, а также благосостоянія села. Братство имѣетъ свою церковь и кладбище, которыя содержатся на братскій счетъ. Каждый долженъ заботиться о всѣхъ и всѣ о каждомъ, и въ дѣлахъ матеріальнаго интереса, и въ дѣлахъ нравственности. Всѣ дѣла братства рѣшаетъ братская сходка; но въ качествѣ исполнительной власти выбирается одинъ старшій братъ-гестодъ, который прежде всего завѣдываетъ церковнымъ имуществомъ, и нѣсколько младшихъ, служащихъ 1—3 года, которыми по очереди бываютъ всѣ члены братства, а слѣдовательно, всѣ мужчины села. Если какая-нибудь семья приходитъ въ стѣсненное положеніе, ей помогаютъ деньгами изъ братской казны, или если семья страдаетъ отъ недостатка работниковъ, всѣ братья по-очереди помогаютъ ей обработывать землю. Вдова, у которой нѣтъ сыновей, освобождается отъ всякихъ взносовъ въ братскую казну, хотя не теряетъ своихъ правъ на братскую помощь. Если какой-нибудь братъ тяжело заболѣетъ, младшіе обязаны извѣстить священника, привести его къ больному и отвести его назадъ, причемъ они несутъ свѣчи и пр., если священникъ идетъ съ св. дарами. Если братъ умретъ, хоронить его тоже обязанность братства въ лицѣ младшихъ: они одѣваютъ мертвеца, сзываютъ родственниковъ и знакомыхъ на проводы, также и все братство, которое обязано сопровождать покойника до могилы въ полномъ своемъ составѣ. Младшіе несутъ умершаго, закапываютъ его и т. д. Семья покойнаго ничего не тратитъ на погребеніе, кромѣ того, что даетъ младшимъ по-немногу денегъ и угощаетъ виномъ. Проступки противъ нравственности и непослушаніе судятся братскимъ судомъ, и наказываются или штрафомъ, который уплачивается обыкновенно восковыми свѣчами, или тѣмъ, что виновный долженъ лишній годъ прослужить въ младшихъ. За болѣе важные проступки виновный изгоняется изъ братства на-время или навсегда, причемъ, конечно, теряетъ всѣ братскія права. Вообще, всякій, кто можетъ подавать своимъ поведеніемъ примѣръ соблазна для другихъ, не терпится въ братствѣ.

Въ старину такихъ исключали изъ братства съ похороннымъ звономъ. Исключеніе изъ братства тамъ, гдѣ братство составляетъ все село, почти равняется по тяжести своихъ послѣдствій практиковавшемуся въ древности изгнанію изъ рода, и страхъ такого наказанія долженъ служить сильной сдерживающей уздой для членовъ братства. Разъ въ году бываетъ торжественное братское собраніе и пиршество. Забота о всѣхъ приготовленіяхъ къ этому собранію лежитъ на гестодѣ. На собраніе это являются только домохозяева. На немъ просматриваютъ счеты, перемѣняется «служба», т. е. исполнительная власть братства, записываются новые братья, сбираются деньги на причтъ, а потомъ происходитъ братскій судъ. Утромъ, въ день торжества, сначала слушаютъ обѣдню, затѣмъ сбираются или въ домъ гестода, или въ другой какой-нибудь заранѣе приготовленный домъ, и садятся около стола, за которымъ предсѣдательствуетъ какой-нибудь братъ изъ стариковъ. Гестодъ представляетъ годичный отчетъ и предлагаетъ роспись издержекъ на будущій годъ. Послѣ того идетъ судъ: жалобы, назначеніе наказаній. Наконецъ разсматриваютъ издержки на устраиваемое пиршество и, если окажется остатокъ изъ собранныхъ на него денегъ, онъ идетъ въ братскую казну. Иногда бываютъ на этихъ собраніяхъ и шумъ и споры, и проходитъ порядочно времени, прежде чѣмъ не дойдутъ до окончательнаго рѣшенія; но почти всегда все заканчивается мирно и по-дружески. Когда всѣ дѣла кончены, младшіе несутъ кушанья: они служатъ за столомъ съ открытой головой и каждаго называютъ: «почтенный братъ». Гестодъ также стоитъ на ногахъ и наблюдаетъ за младшими. Въ завершеніе пиршества, гестодъ съ младшими вноситъ чашу съ виномъ, украшенную цвѣтами (обычай украшать чашу цвѣтами есть и на сербскомъ «крсномъ имени»), проситъ у присутствующихъ прощенія, если въ чемъ провинился передъ ними въ прошедшій годъ своей службы, пьетъ за здоровье вновь назначенныхъ служащихъ, подноси имъ вино и цвѣты. Если есть въ селѣ какой-нибудь бѣднякъ, посылаютъ ему угощеніе отъ общей трапезы. Кромѣ этого торжественнаго собранія, случается братству сбираться для своихъ дѣлъ и втеченіе года: сбираются, по приглашенію гестода, при церкви. Идти на собраніе безусловно обязанъ, подъ страхомъ наказанія, каждый братъ. Церковное братство этого типа приближается къ родовому тѣмъ существеннымъ обстоятельствомъ, что въ него долженъ поступать каждый взрослый, слѣдовательно оно сохраняетъ первоначальный характеръ естественной обязательности. Затѣмъ, оно сходно во всѣхъ главныхъ

чертахъ съ южно-русскими церковными братствами, и вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и съ современными цеховыми.

Цеховое братство какъ мы уже видѣли, стоитъ въ самой близкой родственной связи съ братствомъ церковнымъ, и по цѣлямъ своимъ, и по организаціи. Но между тѣмъ какъ настоящее церковное братство составляетъ, кажется, исключительную принадлежность славянскаго племени, цеховое, промышленное, развилось всюду, гдѣ промышленная жизнь давала ему содержаніе, особенно въ городахъ. Интенсивная жизнь западно-европейскаго города сообщила и особую энергію западно-европейскому промышленному братству, которое играло на западѣ выдающуюся роль въ исторіи города. Но все это вещи, достаточно извѣстныя, и мы не будемъ останавливать на нихъ вниманіе читателя. Скажемъ только, что хотя исключительность, въ извѣстномъ смыслѣ, составляетъ типическую черту каждаго цехового братства вообще, а западно-европейскаго въ частности, но она, эта исключительность, играетъ далеко не одинаковую роль въ теченіе всей длинной исторіи западно-европейскаго цехового братства. Нечего и говорить о монополіи, которой вначалѣ нѣтъ и слѣда: доступъ въ каждое братство совершенно свободенъ и открытъ для всякаго, кто подходитъ по нравственнымъ качествамъ и по роду своихъ занятій. Мало того, по болѣе древнимъ свѣдѣніямъ, которыя дошли до насъ о цеховомъ братствѣ, въ немъ нѣтъ даже и полной спеціализаціи по занятіямъ: одинъ и тотъ же ремесленникъ можетъ быть членомъ нѣсколькихъ братствъ. Однимъ словомъ, это нѣчто очень близкое къ современному цеховому малорусскому братству, разумѣется, только болѣе цѣльное и не помятое такъ исторіей, съ другой—къ церковному братству. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливается принципъ исключительности, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь распространяться, пока въ эпоху, непосредственно примыкающую къ реформаціи, цеховое братство не вырождается въ настоящій строго замкнутый и монопольный цехъ.

Теперь является болѣе важный и интересный для насъ вопросъ: что же такое малорусское цеховое братство? Имѣетъ-ли оно самостоятельное происхожденіе, или это есть объѣдокъ западно-европейской цивилизаціи, преподнесенный Польшей въ даръ русскому народу? Наука, не задумываясь, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ. Да, малорусскіе цехи и цеховыя братства суть исковерканные западно-европейскіе цехи, которые польское законодательство пыталось привить русскимъ, какъ и польскимъ городамъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ правомъ. Но намъ кажется, что нельзя рѣшиться на

такое простое, такъ-сказать, прямолинейное рѣшеніе. Нѣмецкая жизнь оказывала глубокое давленіе на польскую; нѣмцы Богъ-знаетъ съ какихъ временъ колонизовали Польшу. Нечего и говорить уже о большихъ массовыхъ нѣмецкихъ заселеніяхъ послѣ татарскаго нашествія, въ XIII столѣтіи. Ипатіевская лѣтопись указываетъ на нѣмцевъ-ремесленниковъ, живущихъ по городамъ Волыни—Холмѣ, Владимірѣ (Ипат. Лѣт. подъ 1259, 1268, 1287—8 годами). Да и на что историческія указанія, когда весь техническій языкъ малорусскихъ ремеслъ, изобилующій нѣмецкими терминами, служитъ несомнѣннѣйшимъ доказательствомъ нѣмецкаго вліянія вообще,—вліянія на промышленную сторону культуры малорусскаго и польскаго народа въ частности? Отсюда аргументируютъ такъ: нѣмецкое вліяніе на Польшу, а слѣдовательно и Русь, было глубоко и сильно, особенно въ сферѣ городской и промышленной жизни; нѣмцы имѣли цехи, въ Польшѣ и въ южной Руси были цехи и цеховыя братства; слѣдовательно, цехи и цеховыя братства Польши и Руси возникли въ силу нѣмецкаго вліянія. Въ русской научной литературѣ, сколько намъ извѣстно, не было до сихъ поръ сомнѣній въ силѣ этой или подобной аргументаціи. Попробуемъ выставить кой-какіе контр-аргументы, которые можетъ быть отнимутъ у принятой аргументаціи кое-что изъ ея вѣскости.

Если бы цехи составляли исключительную принадлежность западной Европы и встрѣчались только въ ней или тамъ, куда она могла ихъ передать—гипотеза заимствованія имѣла бы въ одномъ этомъ фактѣ такую крѣпость, противъ которой можно было бы снаряжаться лишь съ очень большимъ запасомъ боевыхъ средствъ. Но вѣдь однако этого нѣтъ. Цехи, т. е. болѣе или менѣе замкнутыя ремесленныя братства съ самобытнымъ характеромъ, встрѣчаемъ мы въ предѣлахъ Россіи и у крымскихъ татаръ, и у евреевъ, и въ Закавказьѣ [1]); турки передали юго-славянскимъ цехамъ свою цеховую терминологію, такъ что послѣдователи заимствованія южно-русскимъ народомъ цеховъ отъ нѣмцевъ, доказывающіе ее тѣмъ, что слова цехъ и другіе термины взяты отъ нѣмцевъ, могли бы съ такимъ же правомъ доказывать заимствованіе южными славянами цеховъ отъ турокъ [2]). Однимъ словомъ, цехъ, въ болѣе раннемъ смыслѣ цехового ремесленнаго братства, составляетъ повидимому такую же принадлежность развитія западной культуры, какъ и восточной; разумѣется, степень значенія этой формы въ общемъ культурномъ ито-

[1]) Якушкинъ. Обычное право. №№ 1143, 1289—90, 1054.
[2]) Богишичъ. Zbornik. 501.

тѣ обусловливается степенью общаго промышленнаго развитія, и въ этомъ отношеніи западной Европѣ принадлежитъ первенствующая роль. И такъ, можно, кажется, считать допустимымъ, что Русь, развивая у себя промышленность, могла развивать и самобытныя промышленныя, купеческія и ремесленныя,цеховыя братства—не даромъ же мы видимъ образчикъ, и конечно, не исключительный—такого братства, средняго между церковнымъ и купеческимъ,—въ Новгородѣ XII-го вѣка. Далѣе. Обыкновенно предполагается, что польское законодательство внесло цехи въ русскія земли вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ. Однако, привиллегіи на магдебургское право, выдаваемыя королями русскимъ городамъ, не содержатъ въ себѣ никакихъ намековъ на цехи. Да и могло-ли оно вводить цехи, или вообще ремесленные союзы въ какихъ бы то ни было видахъ, когда оно преслѣдовало ихъ такъ упорно? Съ начала пятнадцатаго стол. до половины шестнадцатаго Volumina legum представляютъ цѣлый рядъ ограниченій и стѣсненій, направленныхъ противъ «fraternitates, quas mechanici civitatum observant» (братствъ, которыя образуются ремесленниками городовъ), пока въ 1550 г. не были окончательно запрещены всѣ братства, кромѣ церковныхъ, какъ уже было сказано выше. Однимъ словомъ, едва ли стоитъ серьезно говорить о цехахъ, привитыхъ русскому народу путемъ польскаго законодательства. Но, скажутъ, можетъ быть, города, получая королевскія привиллегіи на магдебургское право, тѣмъ самымъ пріобрѣтали возможность устраивать свою жизнь на началахъ нѣмецкаго городского права. Обращаясь же къ его источникамъ, они находили тамъ и цехи, которые и могли вводить у себя. Внѣшней несообразности въ такомъ предположеніи, конечно, нѣтъ, но внутренняя—очень большая. Можно допустить, что даже относительно слабое польское правительство давленіемъ своей власти, при большомъ желаніи съ своей стороны, вводитъ въ средѣ городскаго населенія чуждую ему организацію. Но предположить, чтобы народъ, прочитавъ въ нѣмецкомъ правѣ о цехахъ, ввелъ ихъ и у себя—это большая нелѣпость: извѣстно, какъ свободно относилось населеніе городовъ къ нѣмецкимъ законоположеніямъ, которыми de jure руководилось—да и могло ли быть иначе, когда нѣмецкое право являлось чуждымъ и во многихъ отношеніяхъ принципіально отличнымъ отъ тѣхъ вѣками накопившихся юридическихъ представленій, которыя развилъ у себя русскій народъ? Можно допустить, что нѣмецкія законоположенія о цехахъ отразились на организаціи существовавшихъ уже ремесленныхъ братствъ; но это все, что можно допустить.

Однако для нѣмецкаго вліянія былъ и еще путь, путь непосредственный, черезъ общеніе русскаго и польскаго народа съ польскими нѣмцами. Можетъ быть, нѣмцы этимъ непосредственнымъ путемъ передали народу польскаго государства свои Zechen и Zünfte? Когда дѣло идетъ о такомъ непосредственномъ, такъ-сказать атмосферическомъ, вліяніи, тутъ такъ же трудно что-нибудь доказывать, какъ и отвергать. Однако представимъ на соображеніе читателя слѣдующее. Простое наблюденіе надъ общественными и историческими явленіями, подъ руководствомъ здраваго смысла, указываетъ намъ, что заимствованіе однимъ народомъ у другого общественной формы есть далеко не такая простая вещь, какъ заимствованіе названія или техническаго пріема. Общественная форма всегда слишкомъ сложна, слишкомъ многими и разнообразными нитями связана и съ внѣшними условіями и съ психикой человѣка для того, чтобы процессъ внѣшняго подражанія могъ въ сферѣ ея происходить легко и свободно. Но такъ могло-бы и быть, еслибъ дѣло шло только о цехахъ и цеховыхъ братствахъ большихъ городовъ, гдѣ русскіе ремесленники могли жить рядомъ съ мѣщанами и поддаваться ихъ вліянію. Но вѣдь цеховыя братства встрѣчаются и въ селахъ, куда нѣмецкое вліяніе не могло проникнуть; слѣдовательно надо предположить волшебную силу нѣмецкаго воздѣйствія даже и помимо непосредственнаго соприкосновенія. Съ другой стороны, русское цеховое братство стоитъ въ самой тѣсной органической связи съ церковнымъ братствомъ, которое нельзя вывести съ запада, такъ какъ тамъ не было соотвѣтственныхъ формъ, и съ такими формами, какъ парубоцкая или козацкая громада. Вопросъ ставится такъ: или допустить, что цеховое братство могло имѣть самобытное происхожденіе, или признать, что и церковныя братства и парубоцкая громада, и запорожская сѣчь, что все это возникло подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Едвали такая дилемма можетъ быть рѣшена на-двое. Повторяемъ еще разъ, что ремесленныя братства большихъ городовъ могли заимствовать кой-какіе обычаи у нѣмцевъ, и путемъ законодательства и путемъ непосредственнымъ, и что зашедшіе такимъ образомъ нѣмецкіе обычаи, можетъ быть, могли забрести даже въ села. Но все-таки въ основѣ каждаго цеха, наряженнаго въ нѣмецкое платье, лежитъ свое собственное братство. Вѣдь не надо забывать, что если теперь цехи большихъ городовъ являются въ такомъ видѣ, что едвали въ нихъ можно увидѣть что-нибудь самобытное, то уже полтора вѣка, какъ русское законодательство взяло на себя заботы объ ихъ нѣмецкой костюмировкѣ—срокъ, въ связи съ прочими ус-

ловіями, болѣе чѣмъ достаточный, чтобъ довести ихъ до полнаго обезличенія.

Итакъ, мы полагаемъ, что южнорусскіе ремесленные союзы, какъ и польскіе, были явленіемъ самобытнымъ: какъ городъ не былъ заимствованъ у нѣмцевъ, такъ не было заимствовано и городское ремесленное братство. Тотчасъ какъ появляются въ польской исторіи города, появляются и братства, ремесленныя и купеческія [1]). Они имѣютъ свою исторію, такъ какъ и имъ пришлось вести борьбу. Но ихъ борьба не была такъ плодотворна, какъ та, которая происходила за стѣнами нѣмецкихъ городовъ. Нѣмецкіе ремесленные гильды, братства или цехи боролись за политическія права съ аристократіей городскихъ родовъ; польскіе горожане въ своихъ братствахъ боролись съ земянами изъ-за экономическихъ интересовъ, изъ-за права назначенія цѣнъ на ремесленные и городскіе продукты и т. п. По крайней мѣрѣ, почти полуторавѣковый рядъ постановленій Volumina legum противъ цеховыхъ ремесленныхъ братствъ даетъ понять, что была борьба, и борьба упорная: не даромъ же Volumina legum обвиняютъ братства въ томъ, что они оскорбляютъ вольности дворянства «libertatem nobilium offendunt [2]). Смыслъ этой борьбы въ слѣдующемъ. Всякое цеховое братство, соединяющее людей одинаковыхъ занятій, считало себя въ правѣ налагать на своихъ членовъ извѣстныя экономическія стѣсненія, напримѣръ въ назначеніи цѣнъ на продукты, при покупкѣ товаровъ и т. п. Эти регулированія привыкли считать порожденіемъ замкнутаго цеховаго устройства, наступившаго позже. Но оно не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Оно есть прямой и необходимый результатъ извѣстной ранней стадіи экономическаго развитія, когда понятія свободнаго труда, конкурренціи, какъ регулятора цѣнъ и т. п., еще не имѣютъ смысла. Патріархальная община, какъ извѣстно, всегда регулируетъ экономическія отношенія своихъ членовъ. Сербскія родовыя братства до сихъ поръ стѣсняютъ своихъ членовъ въ отчужденіи своего имущества извѣстными правилами—послѣдній остатокъ старыхъ экономическихъ представленій, держащихся среди наступившаго иного экономическаго строя [3]). Цеховое братство, естественно, усвоило себѣ патріархальныя экономическія представленія, приноровивши ихъ къ

---

1) Maciejowski, Historya prawodawstw, IV, 318.

2) 1543 г., I fol. 568.

3) Богишичъ. Zbornik, стр. 516. Его же Pravni običaji u Slavena, стр. 183. Галицкіе бойки (малорусское племя), занимающіеся скотоводствомъ, общиной назначаютъ цѣны своему скоту, назначая его въ продажу. См. предисловіе къ Сборнику Галицкихъ пѣсенъ Я. Головацкаго.

условіямъ своего существованія. Остатки этихъ представленій замѣтны еще кое въ чемъ въ малорусскихъ цеховыхъ братствахъ. Но гораздо отчетливѣе они выступаютъ въ цеховыхъ братствахъ болгарскихъ,— очень цѣльной и потому интересной формѣ. У болгарскихъ цеховъ есть такіе обычаи. Если сторонній торговецъ доставитъ къ нимъ на продажу скотъ, или вообще какой-нибудь предметъ не обработанный, то ни одинъ членъ цеха не можетъ купить его самъ, но все общество назначаетъ изъ себя кого-нибудь для покупки, давъ ему инструкцію на счетъ цѣны. Когда вещь куплена, она дѣлится между членами цеха на равныя части. Если же торговецъ явится къ нимъ купить что-нибудь изъ произведеній ихъ труда, ни одинъ членъ цеха не смѣетъ продать свою вещь независимо отъ другихъ, но всегда сообразуясь съ тѣмъ, что имѣютъ готоваго на продажу и другіе члены цеха, чтобъ и они могли соразмѣрно участвовать въ выгодахъ продажи [1]). Стоя на почвѣ подобныхъ экономическихъ представленій, братства польскихъ городовъ естественно считали своимъ правомъ регулировать цѣны своихъ товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ, которые являлись на ихъ городской рынокъ. Но тутъ ихъ интересы приходили въ столкновеніе съ интересами землевладѣльцевъ. Въ интересахъ послѣднихъ, правительство то и дѣло издаетъ постановленія о томъ, что право назначенія цѣнъ принадлежитъ земскимъ урядникамъ. Но такъ какъ братства, не смотря на эти постановленія, продолжаютъ крѣпко держаться за то, что они считаютъ своимъ естественнымъ правомъ, правительство приходитъ къ необходимости совсѣмъ уничтожить ремесленныя братства, которыя ведутъ «in detrimentum libertatis terrestris», къ ущербу для земскихъ вольностей. Итакъ, если въ польскихъ городахъ были самостоятельныя братства—мы можемъ подкрѣпить наше мнѣніе и ссылкой на такой авторитетъ, какъ Мацѣёвскій, — то само собой падаетъ значеніе предположенія о заимствованіи русскими нѣмецкихъ цеховъ черезъ Польшу.

Намъ кажется, что наши доводы въ пользу самобытнаго происхожденія малорусскихъ братствъ пріобрѣтутъ бо́льшую силу убѣдительности, если мы, вмѣсто того, чтобъ привести еще нѣсколько лишнихъ апріорныхъ соображеній, представимъ читателю болгарское цеховое братство. Благодаря туркамъ, владычество которыхъ приготовляетъ изъ подвластныхъ имъ народовъ прекрасные общественно-историческіе консервы, у болгаръ сохранилось цеховое братство въ такомъ цѣльномъ и полномъ видѣ, что оно можетъ быть сочтено

[1]) Богишичъ. Zbornik. 504.

за прототипъ славянскаго цехового братства. Едва ли кто рѣшится предположить о заимствованіи этой формы болгарами отъ нѣмцевъ. Она имѣетъ въ названіяхъ и кой-какихъ обычаяхъ общее съ турецкими цехами; въ другихъ же чертахъ сближается съ разными видами славянскаго братства.

Цехи, т. е. цеховыя ремесленныя братства, есть и между сербами, но трудъ г. Богишича мало заключаетъ о нихъ свѣдѣній. Главная цѣль сербскихъ цеховъ оказывать взаимную помощь другъ другу. Всякій членъ вноситъ ежегодную плату въ общую казну, и въ случаѣ несчастія имѣетъ право разсчитывать на помощь отъ цеха. Всякій, вступающій въ цехъ, обязанъ «пиръ учинити», какъ въ южно-русскихъ цеховыхъ братствахъ. Цехи Босніи, какъ и Болгаріи, называются турецкимъ словомъ «еснафъ». Въ Болгаріи цеховыя братства, повидимому, крайне распространены; сосредоточиваются они въ городахъ, но и въ селахъ встрѣчаются братства болѣе обыкновенныхъ ремесленниковъ, напр. портныхъ. Въ городѣ всякое особенное занятіе, ремесленное ли то или торговое, имѣетъ свое цеховое братство (описаніе его мы имѣемъ изъ Татаръ-Базарджика). Во главѣ каждаго цехового братства стоятъ его выборныя власти— првомасторъ, старѣйшина и бирникъ (малорусскіе—цехмистеръ, старшій братъ и младшій братъ, главная обязанность котораго сбирать братство). Всякій членъ цеха обязанъ дѣлать на годичномъ торжественномъ собраніи, которое у всѣхъ ремесленныхъ братствъ Татаръ-Базарджика бываетъ въ одно время, въ январѣ, свой взносъ деньгами и воскомъ. Изъ набраннаго воска, къ которому присоединяется и весь воскъ, собранный цехомъ путемъ штрафовъ—они уплачиваются исключительно воскомъ—братство дѣлаетъ восковыя свѣчи для церкви. Болгарскія церкви Базарджика, у которыхъ нѣтъ собственнаго имущества и никакихъ постоянныхъ доходовъ, поддерживаются почти исключительно цеховыми братствами. Приходящія училища, устроенныя при церквахъ, получаютъ тоже помощь отъ цеха: на всякую школьную надобность, напр. на покупку книгъ для бѣдныхъ учениковъ, цеховые братья дѣлаютъ на своихъ сходкахъ складчины. На годовую январьскую сходку братствъ является бѣдное духовенство и нищіе, за помощью и милостыней: имъ дается угощеніе, ракія, кофе, затѣмъ по свѣчѣ и по нѣсколько грошей изъ собранныхъ денегъ. Въ субботу передъ днемъ торжественнаго собранія всякій членъ братства приноситъ въ цехъ коливо (вареная пшеница, смѣшанная съ орѣхами и жареное мясо съ медомъ) и сосудъ съ виномъ или ракіей. Все это устанавливается въ порядкѣ на столѣ, является священникъ и рѣжетъ коливо, поминая всѣхъ умершихъ

членовъ цеха, имена которыхъ записаны въ особой книгѣ, которая хранится въ братскомъ домѣ. Затѣмъ коливо раздается промежду собой, а ракія отдается нищимъ. Въ самый день собранія опять тоже бываетъ поминаніе умершихъ, святятъ воду, какъ на сербскомъ крсномъ имени и т. д.; затѣмъ уже производится ревизія кассы и опредѣляются издержки на слѣдующій годъ. Братскіе пиры совершаются очень торжественно. Каждое ремесленное братство имѣетъ общій котелъ, разную посуду, серебряныя чаши для вина и ракіи и прочія хозяйственныя принадлежности: одной мѣдной посуды у каждаго братства пудовъ до тридцати. Видно, что все это копилось вѣками мирнаго существованія, замкнутаго и недоступнаго для внѣшняго вмѣшательства. Не будемъ описывать торжественнаго обряда рукоположенья, которымъ неполноправные калфы (подмастерья) дѣлаются мастерами, а цеховые ученики возводятся въ званіе калфъ, такъ какъ обрядовъ соотвѣтственной торжественности мы не находимъ въ южно-русскихъ цеховыхъ братствахъ. Замѣтимъ еще только, что и у болгаръ похоронныя обязанности тоже лежатъ на братствѣ. Если умретъ цеховой или членъ его семейства, подмастерье или ученикъ, цехъ тотчасъ назначаетъ четырехъ молодыхъ своихъ членовъ выкопать могилу и устроить гробъ, а изъ общей казны выдается пять большихъ похоронныхъ свѣчъ — одна для священника, четыре для носильщиковъ. Всѣ братья извѣщаются на счетъ времени для похоронъ, и всѣ безъ исключенія сбираются: младшіе и старшіе. Еслибы кто не явился безъ особенно важной причины, онъ строго наказывается братскимъ судомъ, который можетъ наложить штрафъ воскомъ, можетъ и запретить на нѣкоторое время ремесло, а подмастерьевъ подвергаетъ тѣлесному наказанію.

Замѣчательно сходство болгарскихъ цеховыхъ братствъ съ южно-русскими: нѣтъ ни одной черты, важной или мелочной, которая не воспроизводилась бы такъ или иначе въ какомъ-нибудь даже изъ тѣхъ жалкихъ остатковъ братства, какія сохранились до сихъ поръ въ южной Россіи: одного только обряда рукоположенья не встрѣчается въ южно-русскомъ цеховомъ братствѣ. Можетъ быть, онъ заимствованъ у турокъ, гдѣ совершается почти точно такъ же, какъ въ болгарскихъ цехахъ, за исключеніемъ разницы въ религіозной сторонѣ обрядовъ. Воспроизводятся самымъ точнымъ образомъ даже обрядовыя мелочи: цеховыя знамена, палки—символы власти цехмистра, обычай стоять въ церкви или двигаться въ торжественной процессіи по-двое въ рядъ и т. п.

Представимъ читателю въ нѣсколькихъ словахъ смыслъ того, что мы сказали о цеховомъ братствѣ, подъ которымъ подразумѣ-

*

вается главнымъ образомъ братство ремесленное. Монопольнаго западно-европейскаго цеха, выросшаго изъ ремесленнаго братства, никогда не знала Малороссія. Тѣ экономическія стѣсненія, которыя налагало цеховое братство на своихъ членовъ, не имѣютъ ни въ источникѣ своемъ, ни въ характерѣ ничего общаго съ позднѣйшими цеховыми монополіями. Цеховое южно-русское братство, такъ же какъ и польское, надо считать явленіемъ самостоятельнаго происхожденія, а не заимствованнымъ отъ нѣмцевъ, какъ это привыкли полагать; вмѣстѣ съ городомъ появлялась промышленность, ремесленная или торговая, появлялись и братства—необходимое проявленіе того духа братской кооперации, зародышъ котораго коренится еще въ первобытномъ строѣ общества. Впрочемъ, нѣмецкое вліяніе не прошло безслѣдно для малорусскихъ цеховыхъ братствъ, особенно въ большихъ городахъ, которые были одарены привиллегіями магдебургскаго права: обращаясь къ нѣмецкимъ источникамъ своихъ правъ, города могли находить въ нихъ и примѣнять къ своимъ ремесленнымъ братствамъ нѣмецкіе цеховые порядки. Непосредственное вліяніе нѣмцевъ тоже могло имѣть мѣсто. Русское цеховое законодательство почти совсѣмъ изгнало изъ городскихъ ремесленныхъ братствъ все, что оставалось еще въ нихъ самобытнаго. Жалкіе остатки самобытнаго ремесленнаго братства пріютились отчасти и по небольшимъ городамъ, большею же частью по мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, гдѣ не трогаютъ ихъ законы о цехахъ.

Это все, что мы имѣемъ сказать о развѣтвленіяхъ братскаго союза. Навѣрное онъ далеко не исчерпывается этими формами. Но мы даемъ, что можемъ.

Итакъ, южно-русскія братства, которыя мы сдѣлали главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія, не есть явленіе одинокое, Богъ знаетъ откуда взявшееся и сиротливо торчащее на историческомъ полѣ: они входятъ какъ звенья въ общую цѣпь однородныхъ явленій, уходящую далеко въ глубь исторіи и богатую развѣтвленіями, какія она даетъ въ разныя сферы жизни. Тѣ звенья этой цѣпи, которыя представляются южно-русскими братствами, въ различныхъ отношеніяхъ заслуживаютъ глубокаго вниманія, даже независимо отъ того, такъ сказать, прикладного интереса, какой возбуждаетъ все родное.

Принципъ братской организаціи нашелъ въ малорусскомъ народѣ особенно благопріятную почву для своего примѣненія и развитія. Братское начало породило въ средѣ этого народа очень разнообразныя формы, которыми удовлетворялись, а отчасти и до сихъ поръ удовлетворяются различныя стороны его общественныхъ потребностей.

Нѣкоторыя изъ этихъ формъ достигли высокой степени самобытнаго развитія. Напр., церковныя братства южной и западной Руси XVI-го и XVII-го вѣка представляють несомнѣнно одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ исторіи русскаго народа. Свою первоначальную религіозно-нравственную основу братства эти развили въ широкую просвѣтительную дѣятельность. Мало того, стремленія Польши, пытавшейся наложить свою руку на самобытность малорусскаго народа, нашли въ братствахъ могучее орудіе національнаго протеста и политической борьбы. Конечно, нельзя оставлять безъ вниманія и того обстоятельства, что внутренняя энергія братствъ нашла себѣ благопріятную почву во внѣшнихъ условіяхъ, какими были свободныя учрежденія Польши. Какъ ни узко понималась политическая свобода въ польскомъ государствѣ, она все таки создавала атмосферу, въ которой возможно было развитіе общественныхъ учрежденій, безусловно заглушаемое въ атмосферѣ абсолютизма. Въ сосѣднемъ московскомъ государствѣ, гдѣ правительство взяло въ свои руки всѣ функціи общественной жизни, ничего подобнаго знаменитымъ южно-русскимъ церковнымъ братствамъ не могло развиться; подъ давленіемъ всепоглощающаго центра исчезли даже тѣ первоначальныя формы братскаго союза, которыя завѣщаны были исторіей сѣверно-русскому народу точно такъ же, какъ и южно-русскому. Нетолько самобытное развитіе, даже внѣшнее заимствованіе формъ болѣе или менѣе свободнаго общественнаго характера сдѣлалось невозможнымъ. Во время расцвѣта южно-русскихъ братствъ, въ XVII-мъ вѣкѣ, были дѣлаемы и въ Москвѣ попытки завести учено-литературныя братства (напр., братство Ртищева), но эти попытки были неудачны: братства не привились даже и въ этой скромной формѣ. Имъ недоставало воздуха, который создается для общественной жизни лишь политической свободой [1]).

[1]) Когда статья наша была уже написана, мы прочли въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» (1875 г., сентябрь и октябрь) статью доцента Скабалановича «Западно-европейскія гильдіи и западно-русскія братства». Странно, какъ бываютъ иногда вещи устроены на бѣломъ свѣтѣ. До сихъ поръ вопросъ о такомъ характерномъ началѣ, каково братское, и порождаемыхъ имъ формахъ былъ почти исключительнымъ достояніемъ духовной литературы; а между тѣмъ даже и церковное братство никакъ нельзя отнести къ сферѣ предметовъ какого-нибудь спеціальнаго вѣдѣнія. Г. Скабалановичъ, сколько намъ извѣстно, первый въ русской литературѣ замѣтилъ родство между западными гильдами и русскими братствами. Но этимъ и ограничивается его заслуга. Со стороны фактовъ онъ не даетъ безусловно ничего новаго; со стороны теоретической—рабски переводитъ на русскій языкъ и прилагаетъ къ русскимъ братствамъ довольно таки неудачную теорію происхожденія братствъ Вильды, о которой мы говорили выше, неудачность которой выступаетъ еще рѣзче въ передачѣ г. Скабалановича. Вотъ и все.

КОПНЫЕ СУДЫ

въ лѣвобережной Украинѣ *).

Немного повыше Новгорода-Сѣверскаго, въ Десну впадаетъ, съ лѣвой стороны, въ незначительномъ разстояніи одна отъ другой, нѣсколько рѣчекъ: Знобовка, Свига съ притокомъ Бычихой, Ивотка. Теперь уже почти нѣтъ лѣсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ у насъ пойдетъ рѣчь; но свойства почвы указываютъ, что тутъ были нѣкогда боры. Въ актахъ XVI вѣка упоминаются ивотскіе бортники; еще въ началѣ прошлаго столѣтія бортные урожаи играли видную роль въ хозяйствѣ теперешней очкинской волости.

Село Хильчичи очкинской волости (новгородской сотни, стародубскаго полка)—тотъ пунктъ, гдѣ совершился кровавый эпизодъ, описаніе котораго служитъ исходнымъ пунктомъ нашихъ замѣчаній и соображеній о копныхъ судахъ. Время, къ которому относится эпизодъ,—1722 годъ, а наказнымъ гетманомъ въ то время былъ полковникъ черниговскій Полуботокъ.

Въ одно зимнее утро, въ Филипповъ постъ, подъ Хильчичами происходила такая сцена. Толпа народа двигалась отъ Хильчичъ по направленію къ сосѣднему бору. Кромѣ разнаго случайнаго люда, толпа эта состояла изъ почтенныхъ вотчинниковъ Хильчичъ, Очкина, Кренидовки, Мефедовки, Олтаря, Знобп, Кривоносовки, Глазова—однимъ словомъ, большаго района, захватившаго не только теперешнюю очкинскую, но и часть протопоповской и жиховской воло-

*) Кіевская Старина. 1885. № 10.

стей. Всѣ эти вотчинники съ атаманами, войтами, панскими старостами, собрались въ Хильчичи для самовольнаго отправленія правосудія, и теперь конвоировали осужденнаго ими преступника къ мѣсту казни; священникъ далъ преступнику предсмертную исповѣдь, сама пани Кутневская не побрезгала пріѣхать на интересное зрѣлище. Преступникъ былъ «бортный злодій» Савка Розгоненко, сынъ одного хильчанскаго жителя, подданнаго пана Жоравки. Савку везли къ мѣсту казни на саняхъ, которыми управлялъ его сообщникъ Якимъ Подоляка, хильчинскій подсусѣдокъ. Самозванные судьи и въ то же время палачи далеко не имѣли вида безстрастныхъ исполнителей правосудія. Озлобленіе къ преступнику простиралось до того, что, не смотря на всѣ его мольбы, никто не далъ осужденному глотка воды. Его привезли къ соснѣ, которая должна была служить орудіемъ казни. Соучастникъ Подоляка долженъ былъ надѣть на шею осужденному петлю и тянуть его на сосну; «якъ оторветься, то тебе повѣсимъ», говорили подневольному палачу. Иные совѣтывали повѣсить обоихъ на одной веревкѣ черезъ вѣтку, и который перетянетъ, того и казнить. Конечно, это была только педагогическая угроза для Подоляки, такъ какъ настоящимъ преступникомъ въ глазахъ всѣхъ былъ лишь Савка Розгоненко. Тащить осужденнаго на сосну принялись многіе, въ томъ числѣ и хильчанскій дьякъ. Трупъ былъ оставленъ на деревѣ. Когда съ Савкой уже было покончено, разложили подъ той же сосной Подоляку и били его батогами.

Разумѣется, до уряда скоро дошла вѣсть объ этомъ актѣ крестьянскаго самосуда, и началось дѣло. Слѣдствіе выяснило такія обстоятельства.

Савка Розгоненко былъ однимъ изъ тѣхъ отщепенцевъ, которые, перескочивши разъ черезъ преграду, какую ставитъ каждое общество своимъ членамъ, въ видѣ принятыхъ нормъ нравственности и права, затѣмъ уже неудержимо, какъ по наклонной плоскости, двигаются въ этомъ направленіи. Началъ онъ съ выдиранія пчелъ; затѣмъ, когда пришлось потерпѣть нравоученіе въ видѣ побоевъ отъ людей, которые заподозрѣли его, онъ сталъ мстить за побои: поджигалъ хлѣбъ, строенія, рубилъ бортныя деревья. Но его противообщественная дѣятельность сосредоточивалась главнымъ образомъ на выдираніи пчелъ изъ бортей. Не задолго до описаннаго нами роковаго финала, онъ подобралъ себѣ товарища Якима Подоляку, чрезъ котораго и раскрылось все. Познакомились они на молотьбѣ у Савкинаго батька. Разъ Савка повелъ Подоляку показать якобы какую-то находку и привелъ его въ лозу на болото. Тамъ онъ по-

казалъ ему полведра сотоваго меда и началъ его угощать: «мой то медъ, я самъ его промыслилъ», говорилъ Савка, когда Подоляка выражалъ ему свои сомнѣнія. Когда тотъ наѣлся, Савка сказалъ: «ужъ ты отъ мене не откараскаешься». Черезъ нѣсколько дней Савка пришелъ за Подолякой, приглашая его идти вмѣстѣ на промыселъ. Упорство Подоляки Савка сейчасъ же побѣдилъ такимъ аргументомъ: «якъ ты не пойдешь? ûвъ еси со мною медъ». Когда смеркалось, они отправились: въ томъ же мѣстѣ, на болотѣ въ лозѣ достали спрятанное ведро и лазиво, пришли съ ними къ соснѣ, выкресали огня и выдрали пчелъ; тамъ же въ лозѣ и спрятали добычу. Съ этого дня они втеченіи нѣсколькихъ недѣль постоянно ходили на промыселъ: медъ ѣли сами, одно ведро продали. А между тѣмъ люди узнали, что у нихъ въ лѣсу не ладно; пошелъ слухъ на счетъ того, что Савка Розгоненко съ Подолякой часто не бываютъ въ полночь дома. Однимъ словомъ, «люди узяли обыскъ», т. е. принялись за предварительное слѣдствіе. Оба заподозрѣнные рѣшились по-добру по-здорову убраться отъ обыска изъ села и уѣхали въ Кульбаки къ дядькѣ Подолякиному, гдѣ Подоляка и думалъ остаться на житье. Черезъ недѣлю ночью они оба пріѣхали въ Хильчичи, чтобы еще выдрать пчелъ и захватить жену Подоляки и ея имѣніе съ собою въ Кульбаки. Но тутъ-то они и попались. Увидали и донесли атаману Полудѣ, что Подоляка пріѣхалъ и хочетъ ночью увезти свою жену. Это обстоятельство возбудило въ атаманѣ нѣкоторое сомнѣніе: тотъ велѣлъ привести Подоляку и сталъ его спрашивать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ за женою ночью, когда онъ человѣкъ «незачепный» и могъ бы сдѣлать это днемъ. Подоляка объяснилъ, что на нихъ съ Савкой Розгоненкомъ «пословица пала, бо пчолъ богато подрано». Сомнѣніе атамана обратилось въ опредѣленное подозрѣніе. Онъ сейчасъ же ночью позвалъ войта, старосту и еще нѣсколькихъ человѣкъ изъ хильчанскихъ хозяевъ. Послали за Савкой, который, по словамъ Подоляки, остановился съ конемъ на одномъ гумнѣ; но ни коня, ни Савки уже тамъ не оказалось. Подоляку задержали, какъ «непевного» человѣка. На утро во дворъ атамана собрались всѣ козаки и мужики хильчанскіе допрашивать Подоляку. Пока шелъ допросъ, пришелъ одинъ изъ хильчанскихъ домохозяевъ и принесъ ужныцю: «отъ, панове, откинена сіеи ночи моя ужныця, що украдена була о Покровѣ». Когда осмотрѣли ужныцю, она оказалась замазанной медомъ; тогда всѣ собравшіеся вотчинники сказали: «пойдемъ, кто мае пчолы близько, оглядымъ, чи нема кому шкоды». Пошли. Въ самомъ дѣлѣ, двое хо-

зновъ нашли своихъ пчелъ выкраденными той же ночи, такъ какъ пчелы были еще живыя. О результатѣ осмотра сейчасъ же было сообщено на атаманскій дворъ. «Знать то Савка Розгоненко пакости чинитъ, какъ и прежде чинивалъ», сказали люди, и рѣшились по шляхамъ разыскивать Савку. Пока они совѣтывались, подошелъ человѣкъ изъ Глазова и говоритъ: «чи нема у васъ шкоды якои? Мы поймали въ селѣ своемъ Глазовѣ злодія зъ конемъ и санми и зъ медомъ...» Оказалось, что глазовскіе люди его задержали и связали, и передали войту. Услыхавъ все это, хильчане рѣшились послать нѣсколькихъ домохозяевъ въ Глазовъ удостовѣриться, не ихъ ли это злодій. Въ самомъ дѣлѣ, это оказался Савка Розгоненко. Его привезли въ Хильчичи въ атаманскій домъ. Собравшіеся тамъ люди сейчасъ же послали за старостой пана Журавки, въ подданствѣ у котораго былъ Савка. Вмѣстѣ съ старостой пришли къ такому рѣшенію, что атаманъ долженъ послать въ разныя окрестныя села, въ Очкинъ, Кренидовку, Мефодовку, Олтарь, Знобу, чтобы вотчинники этихъ селъ на завтрашній день собрались въ Хильчичи. Въ Кривоносовку не посылали, такъ какъ староста пана Кутневскаго, кривоносовскаго владѣльца, самъ пріѣхалъ, прослышавъ, что пойманъ злодій, отъ котораго пострадали и пчелы пана Кутневскаго. Вскорѣ послѣ старосты пришелъ и еще одинъ житель Кривоносовки, и тогда староста пана Кутневскаго принялся допрашивать Савку, нѣтъ ли у него товарищей, и велѣлъ бить его батогами. Савка показалъ, что у него есть товарищъ Иванъ Малиненко, съ которымъ онъ и выкралъ пчелы у пана Кутневскаго. Привели Малиненка и забили его въ колодки. Затѣмъ снова стали допрашивать Савку батогами, правду ли онъ показалъ на Малиненка. Подъ батогами Савка сказалъ, что онъ наговорилъ на Малиненка «по злости»: Малиненка пустили, а Савку опять стали бить кіями, допытываясь его полнаго сознанія. Привели Подоляку, который разсказалъ все, что зналъ; тогда, наконецъ, и Савка сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Въ то время, какъ избитый злодій уже сидѣлъ на землѣ, пріѣхалъ Михей Антіохъ. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ ему: «се той злодій, що и твои, пане Михей, пчолы выкралъ и дерево зрубалъ». Тогда Михей, вставши съ санокъ, тоже ударилъ Савку нѣсколько разъ. «Що съ симъ злодіемъ будемъ чинити? много онъ людямъ подѣялъ шкоды»... спросили опять у Михея. Михей отвѣчалъ: «якъ зберетьтся куна, повишаты обохъ безъ суда, безъ права; я когдась уже такого судилъ на Ивоти Ганжуля и велѣлъ повѣсити, да и пропалъ за собаку, *бо бортницкого злодія не ведуть на право*

миское, але сами вотчичи судять» [1]). Послѣ того всѣ разошлись по домамъ. На другой день собрались приглашенные вотчинники изъ окрестныхъ селъ и составили купу на атаманскомъ дворѣ. Староста пана Журавки сказалъ купѣ: «що, панове, будемъ чинити? Повѣсити его, буде намъ всѣмъ недобре, выбьемъ его еще кіями да пустимъ, нехай онъ самъ сгинетъ безъ нашего грѣха». На это отозвался Иванъ Лизень, одинъ изъ пострадавшихъ: «подобно и ты, панъ староста, такъ хочешь, якъ Квѣтковскій староста, право намъ стерти, который, узявши его Савку у дворъ до себе за злодейство, право намъ стеръ и отпустилъ его. Конечно уже треба его повѣсити». Всѣ ухватились за это слово. Но староста продолжалъ: «Що се вы хочете діяти? вже радытеся его вѣшати? Чи не будете сему отрекатися напотимъ?» Всѣ отвѣчали: «не будемъ, воля Божія». «Ну, сказалъ староста, когда не будете отрекаться, запишитесь по имени». Всѣ согласились, и еще сильнѣе начали требовать казни преступника. Подрѣзъ изъ Зноби говорилъ: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину; и другіе по рублю *прикладными* обѣщались быть за смерть обвѣшаннаго». А Аврамъ, олтарскій войтъ, говорилъ: «повѣсьте его, уже що буде вамъ, тое и намъ». Хильчанскій-же атаманъ все уговаривалъ пустить преступника на покаяніе. Но на это сказалъ олтарьскій войтъ: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды, бо и въ насъ двое выкрадено пчолъ». И еще иные кричали на хильчанскаго атамана: «Когда ты за злодѣемъ тягнешь, такъ ты и самъ злодѣй, плати намъ заразъ 100 злотыхъ, бо и въ моего зятя комора теперь выкрадена». При этомъ былъ и братъ пана-Кутневскаго, но не наступалъ на злодѣя, а только говорилъ, что къ нему приходилъ Савка меду продавать, съ такимъ договоромъ, чтобъ о покупкѣ знали только они двое, и торговался на рубли да на талеры битые, но тотъ отказался отъ покупки. Хотя большинство вотчинниковъ стояло на томъ, чтобы повѣсить преступника, но все-таки иные не рѣшались взять на себя это дѣло, и по окончаніи совѣщанія хотѣли разойтись по домамъ. Тогда староста пана Кутневскаго крикнулъ: «стойте, не йдите со двора», затворилъ ворота и всѣхъ понуждалъ непремѣнно повѣсить Савку. Наконецъ позвали попа, и послѣ исповѣди повезли преступника на мѣсто казни.

По разсмотрѣніи этого дѣла судъ нашелъ виновными въ само-

---

[1]) Припомнимъ кстати, что Литовскій Статутъ (вторая его редакція 1529 года) давалъ право «копѣ» казнить вора, пойманнаго на кражѣ съ поличнымъ.

вольной расправѣ тридцать девять человѣкъ, «приводцевъ», тѣхъ, которые обѣщались вложить по рублю за смерть Савки. Троихъ изъ нихъ, какъ главныхъ зачинщиковъ, присудили къ «гарматному вязенню», т. е. сидѣнью на пушкѣ на цѣпи, причемъ они-же должны были снять повѣшеннаго съ сосны, похоронить своимъ коштомъ и справить по немъ надлежащіе сорокоусты. Остальнымъ дано было по нѣскольку десятковъ ударовъ кіями.

Изложенное нами дѣло «о завѣшенномъ человѣку Савцѣ Розгоненку на соснѣ, подъ селомъ Хильчичами, за покражу пчолъ зъ бортей» взято изъ архива бывшей малороссійской коллегіи, хранящагося при харьковскомъ университетѣ. Каждый читатель, знакомый съ южно-русской исторіей, видитъ, что здѣсь идетъ рѣчь о томъ интересномъ историко-бытовомъ явленіи, которое профессоръ Иванишевъ представилъ вниманію ученаго міра подъ именемъ копныхъ судовъ. Изслѣдованіе Иванишева констатировало существованіе этого учрежденія въ правобережной Украинѣ. Но существовало-ли оно и на остальномъ протяженіи, занимаемомъ малорусскимъ племенемъ? Въ частности, имѣло-ли оно мѣсто въ Украинѣ лѣвобережной? Это, сколько намъ извѣстно, пока не ставилось наукой даже и въ видѣ простаго вопроса. А между тѣмъ поставить такой вопросъ, въ особенности-же рѣшить его утвердительно, значило-бы отнять у разсматриваемаго явленія случайный характеръ, слѣдовательно придать ему тотъ болѣе широкій и глубокій смыслъ, какой находится въ связи того или другаго явленія со всей національной исторіей. Правда, въ изданныхъ уже историческихъ матеріалахъ есть кой-какія указанія на то, что копные суды были и въ лѣвобережной Украинѣ. Такъ, въ Запискахъ черниговскаго статистическаго комитета, въ статьѣ г. Лазаревскаго (кн. 2-я, стр. 91): «Черты быта и нравовъ XVII—XVIII в.», есть одинъ актъ, въ которомъ упоминается «купа», собиравшаяся по поводу залома въ житѣ. Но здѣсь слово купа употреблено въ смыслѣ сельской громады, т. е. въ значеніи съуженномъ, производномъ, такъ что упомянутый актъ могъ бы служить лишь косвеннымъ доказательствомъ того, что копный судъ не былъ чуждъ и лѣвобережной Украинѣ. За болѣе прямое доказательство можетъ быть сочтенъ актъ, приводимый въ извлеченіи у архіеп. Филарета въ его историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи (кн. 7-я, стр. 77): здѣсь воевода стародубскій,—въ согласіи съ тѣмъ, что мы находимъ въ актахъ правобережной Украины—велитъ «собирать мужовъ и купу учинить». Но мы всетаки не видимъ ни состава купы, ни другихъ подробностей,

которыя могли бы дать намъ непреложную увѣренность, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же самымъ явленіемъ. И только документъ, подробно изложенный нами выше, вполнѣ убѣждаетъ насъ, что копные суды имѣли мѣсто и въ лѣвобережной Украинѣ, имѣли мѣсто даже и въ относительно позднее время, какимъ является начало XVIII вѣка.

Разумѣется, читатель, знакомый съ трудомъ Иванишева, замѣтилъ, что приведенный нами актъ имѣетъ то важное отличіе отъ актовъ Иванишева, что послѣдніе констатируютъ существованіе копнаго суда, какъ учрежденія легальнаго, признаннаго закономъ, въ видѣ Литовскаго Статута, учрежденія, рѣшенія котораго вносятся въ урядовыя книги и т. п., между тѣмъ, какъ копный судъ нашего акта является преслѣдуемымъ и караемымъ, какъ беззаконіе. Различіе важное, но не для нашей цѣли. По этому поводу надо сказать, что, во-первыхъ, копные суды и въ лѣвобережной Украинѣ находили себѣ признаніе со стороны оффиціальной московской власти, какъ это видно изъ акта, приводимаго у арх. Филарета (воевода стародубскій велитъ «собрать мужовъ и купу учинить»). Вѣроятно въ XVII в. купа, или копа, настолько коренилась въ нравахъ южнорусскаго народа и потому являлась въ извѣстныхъ случаяхъ настолько необходимою, что если она даже и не имѣла легальнаго положенія въ признанной московскою властью системѣ судебно-административныхъ учрежденій, то все-таки завоевывала себѣ извѣстныя права. Впрочемъ, можетъ быть, копные суды и признавались въ тѣхъ предѣлахъ, какіе отводились имъ Литовскимъ Статутомъ, а подвергались преслѣдованію лишь превышенія ими своихъ прерогативъ. Тотъ фактъ, что копные суды держались, не смотря на непризнаніе ихъ оффиціальной властью и даже преслѣдованіе, доказываетъ особенную живучесть этого учрежденія, зависѣвшую, конечно, отъ того, что оно не было учрежденіемъ привитымъ или заимствованнымъ путемъ польскихъ законодательныхъ вліяній, какъ склонны были думать нѣкоторые.

Но, можетъ быть, требуется доказать, что въ приведенномъ актѣ мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ тѣмъ же самымъ копнымъ судомъ, который признавался Литовскимъ Статутомъ и признавался въ западномъ и юго-западномъ русскомъ краѣ. Доказательства налицо. Судное собраніе называется и въ нашемъ актѣ купой, или копой. Это не собраніе сельской громады, не великорусскій деревенскій судъ стариковъ: это судное собраніе относительно большаго района, обнимающаго части трехъ теперешнихъ волостей—нѣсколько

большихъ поселеній. Вѣчевой принципъ личнаго участія, а не представительства, характеризующій собою копный судъ, соблюдается и здѣсь: на судъ сзываются вотчинники, козаки и мужики, т. е. главы самостоятельныхъ хозяйствъ.

Но копное право, сведенное Иванишевымъ по актамъ копныхъ судовъ, допускало и представительство: съ одной стороны, въ видѣ такъ называемыхъ «стороннихъ людей» по одному, по два человѣка изъ трехъ селеній сосѣдняго копнаго округа, съ другой стороны, въ болѣе позднее время представительство помѣщичьей власти за своихъ крестьянъ. То же мы видимъ и здѣсь. Отъ села Кривоносовки является панскій староста, который однако не приступаетъ къ допросу преступника, пока не является на копу еще одинъ кривоносовскій житель. По акту, приведенному Филаретомъ, копные судьи и называются такъ же, какъ и въ актахъ Иванишева (и въ актахъ виленской археографической коммисіи т. VI), сусѣдями.

Та круговая отвѣтственность, которая связывала жителей копнаго округа, выражается и въ нашемъ актѣ: припомнимъ слова олтарьскаго войта: «коли сего злодѣя пустите, такъ платите намъ селомъ шкоды» и т. д. Крайне интересны въ этомъ смыслѣ слова Подрѣза знобовскаго: «повѣсьте злодѣя, и я, коли що буде, рубля прикину», равно обѣщаніе другихъ сложиться по рублю за смерть злодѣя. Самый судебный процессъ, сколько можно прослѣдить его по нашему акту, по существу тотъ-же самый, съ какимъ мы знакомы по изслѣдованію Иванишева, хотя здѣсь эта сторона затемняется нѣсколько предварительнымъ вмѣшательствомъ сельской власти, въ лицѣ атамана. Не смотря на это, ясно и изъ нашего акта, что судебный процессъ слѣдуетъ тому же началу частнаго права. Еще до вмѣшательства атамана, пострадавшіе вотчинники сами «узяли обыскъ» т. е. сдѣлали предварительное разслѣдованіе; затѣмъ всѣми дѣйствіями копы по отношенію къ судебному процессу руководили они-же. Сами дѣлали словесный допросъ подсудимаго, подвергали его судебной пыткѣ (въ видѣ битья батогами), наконецъ сами собственноручно и казнили. Наконецъ, необходимо указать и на то, что самый объектъ преступленія по нашему акту есть тотъ традиціонный объектъ, который и Литовскимъ Статутомъ поручается копнымъ судамъ, и на практикѣ, сколько можно судить по сохранившимся актамъ, часто давалъ поводъ къ копнымъ судебнымъ собраніямъ.

Надѣемся, вышеуказаннаго болѣе чѣмъ достаточно для доказательства того положенія, что мы въ нашемъ актѣ имѣемъ дѣло съ

копнымъ судомъ, и что, слѣдовательно, копные суды существовали и въ лѣвобережной Украинѣ не только въ польскій, болѣе древній, періодъ ея исторіи, но и въ позднѣйшій московскій, даже не смотря на непризнаніе ихъ закономъ.

Иванишевъ въ своей извѣстной работѣ далъ самый основательный и добросовѣстный анализъ копнаго суда, какой только можно было дать по имѣвшимся у него матеріаламъ. Но онъ не свелъ типическихъ чертъ такъ хорошо разложеннаго имъ явленія; мало того, онъ самъ неумышленно затемнилъ результаты своего анализа, увлекшись неудачной мыслью отождествить копу съ сельской общиной. Извѣстно, что его работа даже и называется: «О древнихъ сельскихъ общинахъ, въ юго-западной Россіи». Между тѣмъ, ни о какихъ сельскихъ общинахъ, ни о чемъ, кромѣ копныхъ судебныхъ собраній, у него нѣтъ и помину. Конечно, если употреблять слово «община» для обозначенія всякой территоріальной связи, какого-бы происхожденія и характера эта связь ни была, то копа, разумѣется, можетъ быть сочтена представительницей такой связи. Но во всякомъ случаѣ выраженіе «сельская община» имѣетъ смыслъ настолько опредѣленный, что пользоваться имъ такъ, какъ пользуется Иванишевъ, болѣе, чѣмъ неудобно.

Въ чемъ же заключается сущность разсматриваемаго нами явленія?—Попробуемъ свести, по возможности сжато, все, что намъ представляется въ немъ типическаго. Будемъ пользоваться для этого актами Иванишева, напечатанными въ архивѣ юго-западной Россіи, нашимъ актомъ и актами виленской археографической комиссіи.

На всемъ протяженіи, занятомъ малорусскимъ племенемъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ ближе русскихъ его предѣлахъ, въ XVI и XVII вв. мы видимъ какія-то территоріальныя организаціи, довольно большихъ размѣровъ, захватывавшія въ свой районъ по нѣсколько большихъ населенныхъ мѣстъ, т. е. размѣръ ихъ долженъ былъ приблизительно соотвѣтствовать размѣру теперешней волости. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ другихъ функціяхъ организаціи, кромѣ судебной, и потому можемъ назвать эти союзы судебными округами, хотя съ словомъ округъ мы привыкли соединять представленіе объ искусственномъ подраздѣленіи, а здѣсь имѣемъ дѣло съ организаціями, выросшими естественно. Не даромъ-же онѣ и назывались сосѣдствами. Но, употребляя слово «судебный», необходимо оговориться: здѣсь слово «судебный» должно имѣть болѣе широкій и даже нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ это принято. Дѣло въ томъ, что если связь членовъ этихъ союзовъ

не была искуственна, то она вмѣстѣ съ тѣмъ не была и только внѣшней. Она держалась на нравственныхъ основаніяхъ, на общемъ сознаніи этой связи; юридическимъ выраженіемъ этой нравственной связи была круговая порука и отвѣтственность. Связанные этой круговой порукой, всѣ члены союза обязывались блюсти за тишиной и безопасностью внутренней территоріи, предупреждая и затѣмъ судя и наказывая преступленія, нарушающія общественный миръ. Цѣлый округъ по отношенію къ другимъ округамъ и отдѣльныя части его по отношенію къ цѣлому союзу обязаны были выдавать преступниковъ, представлять ихъ на судъ, вознаграждать пострадавшаго и т. д. Все это отправленіе скорѣе полицейско-административнаго характера, если вообще къ понятіямъ и учрежденіямъ иного, такъ сказать, архаическаго строя, приложимы юридическія нормы, выработанныя при совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Собственно судебныя функціи этого союза, какъ отчасти видно и изъ изложеннаго нами подробно акта, а также и изъ изслѣдованія Иванишева, замѣчались въ слѣдующемъ. Если на территоріи копнаго округа совершалось преступленіе, *а преступникъ имъ былъ вовсе неизвѣстенъ*, или если фактъ связи его съ констатируемымъ преступленіемъ требовалъ доказательствъ, обиженный имѣетъ право созвать вѣче, копу, громаду. Всѣ полноправные члены копнаго округа, т. е. домохозяева, обязаны были отозваться на призывъ и явиться на коповище. Копное собраніе было чрезвычайно сильнымъ орудіемъ разслѣдованія. Не только въ тѣ времена, когда организація судебныхъ отправленій по необходимости была чрезвычайно элементарна, но даже теперь едва-ли правосудіе располагаетъ болѣе сильнымъ въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ орудіемъ къ раскрытію истины. Прежде всего отношеніе членовъ копы къ дѣлу не было лишь формальнымъ, а внутреннимъ отправленіемъ правосудія, не юридическимъ обязательствомъ, но и нравственною обязанностью. Понятно, какую силу давало копѣ, какъ орудію судебнаго разслѣдованія, это ея отношеніе къ дѣлу. Но этого мало. Каждый членъ копы былъ въ то же время представителемъ совѣсти всего своего дома, членовъ семьи и прочихъ домочадцевъ. Такимъ образомъ, всѣ жители копнаго округа поголовно участвовали въ раскрытіи преступленія, совершеннаго на ихъ территоріи. При тогдашнихъ-же условіяхъ жизни, и теперь еще отчасти сохраняющихся въ селахъ, когда каждый необходимо зналъ каждаго со всѣми его обстоятельствами, сохраненіе тайны дѣлалось вещью тоже невозможною, осуществимой лишь при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Прибавьте къ этому всю силу

внѣшней наблюдательности, которую обнаруживаютъ люди, стоящіе близко къ природѣ, что въ связи съ опытностью и совершеннымъ знаніемъ мѣстности и мѣстныхъ условій, дѣлало копу незамѣнимою въ искусствѣ отыскивать преступленіе «по знакамъ», «гнать слѣдъ» и т. п. Не мудрено потому, что государство (польское), естественно тяготѣя къ отнятію у копы ея старыхъ правъ, все-таки дорожило ею со стороны этой ея, такъ сказать, слѣдовательской функціи, на столько дорожило, что даже искуственно устраивало копы, гдѣ онѣ были уничтожены жизненнымъ процессомъ.

Но въ описываемое нами время копа была еще цѣльнымъ судебнымъ органомъ, хотя и съ ограниченнымъ кругомъ вѣдѣнія. Мало того: она носила на себѣ явные и несомнѣнные слѣды того болѣе ранняго своего состоянія, когда она была не судебнымъ органомъ только, а какимъ-то инымъ учрежденіемъ, болѣе широкимъ и полнымъ. Этой-то стороны дѣла мы и хотимъ коснуться ближе. Впрочемъ, здѣсь необходимо предупредить читателя, что наша замѣтка уже выходитъ изъ исторической области въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ ту область, куда до сихъ поръ можно сказать еще не заглядывали настоящіе историки, но куда они обязательно должны были-бы обращаться за разъясненіемъ генезиса бытовыхъ формъ. Степень ихъ вниманія къ этой области, разумѣется, должна обязательно обусловливаться тѣмъ, насколько они вообще будутъ придавать значеніе изученію формъ общественной жизни по сравненію съ политическими событіями. Область, о которой идетъ у насъ рѣчь,—сравнительная этнографія, или этнологія, въ связи съ юридической археологіей.

Новѣйшія этнологическія изысканія, по отношенію къ происхожденію правовыхъ формъ и учрежденій, привели къ такимъ выводамъ. Государство, съ его свободнымъ отъ кровныхъ узъ характеромъ, съ его публичнымъ уголовнымъ правомъ, индивидуальной собственностью, личной отвѣтственностью за долгъ и преступленіе—есть продуктъ относительно поздняго времени, историческаго періода въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Этому времени предшествовали многіе вѣка такого общественнаго состоянія, когда люди сплачивались не въ государства, а въ относительно простые и небольшіе союзы для взаимной защиты и поддержанія общественнаго мира. Подобный союзъ въ его чистомъ видѣ удовлетворялъ всѣмъ несложнымъ потребностямъ тогдашняго человѣка: общій языкъ и культъ—его нравственнымъ потребностямъ, общій трудъ и собственность—потребностямъ матеріальнымъ. Съ правовой точки зрѣнія

союзы эти характеризовались такими чертами (кромѣ упомянутой выше общности): взаимной отвѣтственностью за жизнь и собственность, изъ которой вытекало обязательство правовой мести за каждаго члена.

Основы, сдерживавшія такой союзъ, были двоякаго рода: въ болѣе ранній періодъ—кровное родство, позже—территоріальная связь, общая осѣдлость. Мы взяли самыя рѣзкія черты организацій того и другого типа, т. е. типа государственнаго въ противуположность съ болѣе первобытными организаціями для мира и защиты. Но жизнь, разумѣется, какъ и всегда, слишкомъ уклонялась отъ той простоты, которую мы допускаемъ въ нашихъ опредѣленіяхъ. Сложность явленія часто затушевывала рѣзкость его основныхъ чертъ; организаціи одного типа незамѣтно переходили въ организаціи другого типа, или, что еще для насъ важнѣе, входили однѣ въ другія. Такимъ образомъ союзы для мира и взаимной защиты, какъ случалось часто, не распадались подъ давленіемъ слагающагося государства, а входили въ него или цѣликомъ, или видоизмѣненныя подъ его вліяніемъ.

Входя въ государство, союзы для общественнаго мира и взаимной защиты дѣлаются уже историческимъ явленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Юридическая археологія указываетъ во множествѣ ихъ слѣды, и остатки ихъ въ состояніи переживанія держатся въ жизни народныхъ массъ еще и до сихъ поръ. Разумѣется, они не могли удержаться въ цѣльномъ видѣ. Историческій процессъ развитія государственной жизни уничтожилъ большинство ихъ функцій, подхвативъ одну какую-нибудь изъ нихъ и въ лучшемъ случаѣ оставивъ нѣкоторые слѣды, по которымъ научное изслѣдованіе можетъ возстановить генезисъ формы. Къ остаткамъ такихъ союзовъ принадлежатъ, прежде всего, большія задружныя семьи, затѣмъ братства, цехи и гильдіи, далѣе разные виды поземельной общины. Славянская юридическая археологія указываетъ на вервь (древне-русскую и юго-славянскую по Полицкому Статуту), чешскія организаціи spolećnoj ruku... и т. д. Сюда же несомнѣнно относится и копа.

Что копа была нѣкогда цѣльной организаціей, союзомъ для общественнаго мира и взаимной защиты, косвеннымъ доказательствомъ этого можетъ служить тотъ этимологическій фактъ, что это самое слово *киора* у литовцевъ обозначало родовую общину [1]), и въ связи съ нимъ то соображеніе, что члены русской копы назывались

---

[1]) Мацѣевскій. Hist. prawod. slow. IV, 138.

сусѣдями (vicinae, тѣмъ терминомъ, которымъ и въ сѣверной Россіи и на западѣ назывались члены территоріальныхъ союзовъ). Но вѣрнѣе, конечно, тѣ прямыя доказательства, которыя можно извлечь изъ анализа самой организаціи этого учрежденія. Собственно говоря, эти доказательства приведены уже выше, стоитъ только свести ихъ здѣсь. Мы знаемъ, что копа обязана была заботиться о мирѣ и безопасности въ предѣлахъ своей территоріи; въ извѣстномъ, указанномъ выше, смыслѣ она еще сохранила отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ. Чрезвычайно важнымъ выраженіемъ взаимной связи и отвѣтственности, имѣющемъ близкое родственное отношеніе къ древне-русской и древне-германской *вирѣ, головщинѣ,* болгарской и хорватской *враждбѣ,* сербской *крвнинѣ* служатъ тѣ денежные взносы, которые дѣлали члены копъ, и на которые есть указанія въ актахъ. Припомнимъ слова Подрѣза злобовскаго изъ нашего акта: «повѣсьте злодія, и я, коли що буде, рубля прикину», и то, что другіе тоже обѣщались сложиться по рублю (на это же есть указаніе и въ Актахъ виленской археографической коммиссіи). Слова эти такъ и просятся на сопоставленіе съ извѣстнымъ темнымъ выраженіемъ «Русской Правды», вызывавшемъ такъ много толкованій: «аще кто вложится въ дикую виру»... Очевидно, члены копы несли другъ за друга и матеріальную отвѣтственность, хотя за недостаткомъ данныхъ и невозможно выяснить ея размѣръ и ближайшій характеръ.

Мы сказали, что могли, о предметѣ столь важномъ и совершенно почти ускользающемъ отъ вниманія нашихъ историковъ. Съ нашими средствами мы и не имѣли возможности выяснить явленіе въ настоящей его полнотѣ. Впрочемъ, смѣемъ думать, что и тѣмъ, что сказано нами относительно занимающаго насъ и несомнѣнно интереснаго вопроса, кое-что достигнуто. Прежде всего установленъ фактъ существованія копныхъ судовъ и въ лѣвобережной Украинѣ, и не только въ польскій, но и въ московскій періодъ ея исторіи. Затѣмъ намѣченъ генезисъ этого явленія, указывающій, что мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь случайно возникшей формой, а съ однимъ изъ многочисленныхъ проявленій общаго процесса разложенія, подъ давленіемъ государства, тѣхъ архаическихъ организацій, которыя обнимали собою всю догосударственную общественную жизнь. Правда, мы не имѣли возможности намѣтить даже главнѣйшія стадіи или моменты въ процессѣ этого разложенія; но по аналогіи съ дальнѣйшимъ, съ тѣмъ, какъ вліяло государство на превращеніе копнаго суда изъ уголовнаго судебнаго органа съ широкими преро-

гативами въ спеціальный органъ полицейскаго разслѣдованія—процессъ указанный и Иванишевымъ—по аналогіи съ дальнѣйшимъ, говоримъ мы, можно представить себѣ и болѣе ранній ходъ этого процесса.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать еще разъ на то важное значеніе, какое имѣетъ для внутренней исторіи, для исторіи быта, самый тѣсный союзъ съ этнологіей, которая дѣлаетъ такіе большіе успѣхи на Западѣ и такъ слабо прививается къ нашей русской наукѣ.

НАРОДНЫЙ СУДЪ
въ Западной Руси *).

(Историческій очеркъ).

— —

I.

«Что есть правда?»—спрашиваетъ себя современный человѣкъ. Человѣку прошлаго не надо было дѣлать такихъ вопросовъ: онъ, и не оглядываясь, отчетливо зналъ, что за плечами его стоятъ правда и кривда и своею вѣчною неустанною борьбой направляютъ его шаги по жизненному пути то вправо, то влѣво.

Есть ли та правда, которую инстинктивно ощущаетъ въ себѣ современный человѣкъ, та же самая правда, которою жили люди безчисленныхъ прошедшихъ поколѣній? Да, повидимому. «Не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы дѣлали другіе», какъ правило поведенія, и «положи душу свою за други своя», какъ идеалъ,—вотъ основные и вѣчно неизмѣнные устои всякой человѣческой правды.

Какъ ни просты эти два основныхъ положенія правды и морали, тѣ сочетанія, въ какія они вступаютъ со свойствами человѣческой природы и со всѣмъ разнообразіемъ внѣшнихъ условій, образуютъ безконечно причудливый калейдоскопъ. Однако, несмотря на всю эту причудливость, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ его сочетаній можно усмотрѣть извѣстную правильность.

Наука не знаетъ человѣка внѣ общества, но первые общественные союзы, въ которыхъ она его усматриваетъ, суть союзы кровнаго родства. И первая человѣческая правда безвыходно заключена въ пре-

*) «Русская Мысль». 1893. №№ 8–9.

дѣлы подобнаго союза. Внѣ его нѣтъ ни права, ни нравственности, внѣ—дикая пустыня, гдѣ царитъ ужасъ лишь голыхъ зоологическихъ отношеній. Но человѣкъ, силою своей человѣчности, рано выводится изъ этой исключительной замкнутости. Когда же люди разныхъ родовыхъ группъ сталкиваются между собой, неизбѣжно возникаютъ положенія, при которыхъ зоологическая точка зрѣнія является неудобной или невыгодной. Но, между тѣмъ, пока невозможна еще и гуманитарная точка зрѣнія, практикующаяся внутри кровнаго союза. Отсюда та условная правда, правда компромисса, которая укрываетъ собою насиліе и произволъ,—однимъ словомъ, правда для чужихъ. Если человѣкъ, подталкиваемый страстью, совершаетъ посягательство на своего ближняго, совсѣмъ различныя послѣдствія вытекаютъ для него, смотря по тому, къ своей или чужой группѣ принадлежитъ этотъ ближній. Преступленіе внутри родовой группы можетъ влечь за собой какое-нибудь патріархальное наказаніе виновника съ цѣлью устрашенія его или умилостивленія разгнѣванныхъ пенатовъ,—въ крайнемъ случаѣ, изгнаніе преступника изъ родового союза, самый тяжелый видъ несчастія, какое могло постигнуть человѣка, такъ какъ онъ въ этомъ случаѣ нетолько всецѣло лишался всѣхъ благъ соціальной жизни, но и покровительства своихъ родовыхъ боговъ, передавался во власть враждебныхъ духовъ, всюду сторожившихъ человѣка за предѣлами его родовой территоріи. Посягательство на ближняго изъ иной родовой группы, чужого, имѣло характеръ произвольнаго нарушенія заключеннаго мира. Первымъ послѣдствіемъ такого нарушенія была месть со стороны обиженнаго виновнику и его роду,—месть во весь неудержъ оскорбленнаго чувства; дальнѣйшимъ—какая-нибудь сдѣлка, которою могла бы быть въ достаточной мѣрѣ удовлетворена обиженная сторона. Здѣсь царитъ принципъ возмездія: пусть обиженный какою бы то ни было монетой,—кровью оскорбителя, его скотомъ и другимъ добромъ,—но непремѣнно получитъ все, чѣмъ можетъ быть удовлетворено его оскорбленное чувство.

Такимъ образомъ, въ генезисѣ права мы имѣемъ двѣ исходныхъ точки, образующихъ два параллельныхъ теченія въ его дальнѣйшемъ развитіи. Теченія эти сталкиваются, переплетаются, наконецъ, окончательно сливаются. Исторія права до сихъ поръ, повидимому, ничего не знаетъ объ этомъ двойственномъ процессѣ. Лишь въ послѣднее время въ замѣчательномъ изслѣдованіи М. М. Ковалевскаго о правѣ осетинъ [1]) обнародованы чрезвычайно интересные факты,

[1]) *Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи.* Москва. 1886 г.

выясняющіе этотъ предметъ, а также и нѣкоторые выводы, сдѣланные на ихъ основаніи почтеннымъ ученымъ. Въ наши цѣли не входитъ останавливаться на этомъ предметѣ. Намъ интересна одна лишь его сторона, а именно вотъ какая.

Два теченія въ развитіи права должны были вызвать къ жизни и два типа правовыхъ учрежденій. Такъ оно и было. Въ то время, какъ членовъ родового союза судило собраніе родичей или родовая старѣйшина, для рѣшенія столкновеній между членами разныхъ союзовъ должны были возникать приспособленные къ потребностямъ дѣла институты. Такимъ институтомъ былъ, прежде всего, добровольно избранный сторонами судъ посредниковъ, судъ знающихъ людей, за которыми признавались особенныя знанія, проницательность или одаренность (брегоны у древнихъ кельтовъ, біи у современныхъ киргизъ и т. д.), судъ жрецовъ. Въ концѣ-концовъ, въ роли такого посредника, естественно, очутилось государство и его верховный представитель, великій князь или король у славянскихъ племенъ. Но отсюда никакъ нельзя дѣлать того вывода, который обыкновенно дѣлается нашею историческою наукой, что съ самаго начала исторической жизни славянскихъ племенъ, а, слѣдовательно, и русскаго, судебная власть находилась въ рукахъ главы государства,—нельзя тѣмъ болѣе, что родовые союзы, даже и послѣ того, какъ они обратились въ союзы территоріальные, имѣли свои суды, имѣли ихъ тѣ союзы, которые образовывались съ разнообразными цѣлями, но по типу родовыхъ: «а братчина судитъ какъ судьи»,—говоритъ псковская судная грамота. Конечно, на сферу компетенціи этихъ судовъ должны были простирать свои ограничивающія стремленія и политическая власть, и церковь. Но несомнѣннымъ свидѣтелемъ того, насколько суды эти были живучи и жизненны, служитъ наше богатое обычное право: слишкомъ очевидно, что оно могло возникнуть лишь путемъ правильной многовѣковой судно-правовой практики. Что дѣятельность этихъ судовъ могла отложиться лишь напластованіемъ правовыхъ понятій въ сознаніи народной массы, а не кипами писанной бумаги на полкахъ архивовъ, это понятно: суды эти, вообще говоря, не нуждались въ записяхъ. Но, благодаря счастливой исторической случайности, у насъ есть документы, касающіеся одной группы такихъ судовъ, такъ что мы можемъ говорить о предметѣ не на основаніи догадокъ, а на основаніи фактическихъ данныхъ.

Недавно вышелъ 18-й томъ *Актовъ виленской археографической коммиссіи*, заключающій въ себѣ *Акты о копныхъ судахъ*. Нашей исторической наукѣ небезъизвѣстны эти суды, суды народныхъ сходокъ, имѣвшіе мѣсто въ Литовской Руси. Иванишевъ, на основаніи найденныхъ имъ двухъ десятковъ копныхъ декретовъ, написалъ свое очень извѣстное изслѣдованіе, названное имъ не совсѣмъ точно, или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ неточно: *О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-западной Россіи*. Послѣ Иванишева еще найдено было нѣсколько документовъ, относящихся къ XVIII стол. и къ Сѣверщинѣ, т.-е. Черниговской губ. Эти крупинки были все, чѣмъ могла пользоваться наука въ своихъ заключеніяхъ объ этомъ учрежденіи, интересъ котораго она не могла не признавать. Упомянутое изданіе виленской коммиссіи есть, по сравненію съ этими крупинками, настоящая розсыпь: въ текстѣ 518 страницъ большого формата, заключающихъ въ себѣ около 450 документовъ, обнимающихъ періодъ отъ 1552 по 1707 г., сохранившихся въ гродскихъ книгахъ брестскаго, минскаго, пинскаго, слонимскаго и слуцкаго судовъ. Конечно, теперь уже можно сказать объ этомъ предметѣ что-нибудь положительное.

XVI вѣкъ былъ то, что называютъ критическою эпохой въ исторіи литовско-русскаго государства. Въ теченіе этого вѣка произошелъ коренной переворотъ въ устояхъ общественнаго строя, и этому-то обстоятельству мы и обязаны тѣмъ, что до насъ дошла такая масса копныхъ документовъ: въ эпохи спокойнаго органическаго развитія не возникало бы обстоятельствъ, побуждавшихъ къ оформливанію рѣшеній, ко внесенію ихъ въ гродскія книги, гдѣ они и сохранились.

Общественные устои въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в. потрясались съ такою силой и измѣнялись съ такою быстротой, съ какою это возможно только при одномъ условіи: при сильномъ, подавляющемъ вліяніи на извѣстный соціальный организмъ другого, болѣе могучаго соціальнаго организма. Таковымъ былъ по отношенію къ Литовской Руси организмъ Польскаго государства. Высшая культурность, бо́льшая опредѣленность и законченность формъ и, наконецъ, чисто внѣшнія, политическія условія,—все сошлось къ тому, чтобы подчинить Литовскую Русь, и подчинить всецѣло, не одною лишь политическою подчиненностью.

Строй Литовской Руси до XVI в. характеризовался двумя основными чертами: мелкимъ землевладѣніемъ и отсутствіемъ строгой междусословной разграниченности. Выраженіе «мелкое землевладѣніе» мы употребли исключительно лишь для оттѣненія его отличій отъ шля-

хетско-польской организаціи національнаго земельнаго хозяйства, но на самомъ дѣлѣ это было вотъ что. Большая часть разработанной земли,—которая составляла, конечно, лишь небольшіе куски, выхваченные изъ громадной дикой территоріи,—находилась въ рукахъ свободныхъ земледѣльцевъ, жившихъ отдѣльными родовыми или большесемейными союзами, дворищами, огнищами. Это была, такъ сказать, основная общественная группа. Къ ней примыкала другая: перехожіе люди, лезные, тѣ, которые вышли по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ изъ большихъ кровныхъ союзовъ и не могли, по недостатку силъ и средствъ, сѣсть на дикую землю, а должны были обращаться къ кому-нибудь за разработанною землей, которую и получали на извѣстныхъ обязательствахъ. Самый низшій классъ населенія составляли невольники, о которыхъ не распространяемся. Внѣ этихъ группъ и сверху ихъ стоялъ немногочисленный правящій классъ, сильная аристократія, «князья» и «паны», включившая въ себя частью размножившихся потомковъ св. Владиміра и Гедимина, можетъ быть, также частью родовыхъ литовскихъ князей. Этотъ классъ только и былъ обособленъ, представляя изъ себя группу съ наслѣдственною привиллегированностью, наслѣдственными правами и обязанностями по отношенію къ управляемой имъ массѣ. Все остальное были не сословія, а состоянія, свободно переходившія изъ одного въ другое. Нѣкоторую устойчивость придавала этому подвижному обществу лишь тяготѣвшая надъ нимъ военная организація, суровая и напрягавшая всѣ силы бѣднаго матеріально общества, поставленнаго въ крайне тяжелыя внѣшнія, политическія условія. Вся воздѣлываемая земля несла на себѣ тягло военной службы: земля и служба сдѣлались, наконецъ, синонимами (въ смыслѣ пріуроченія опредѣленной военной повинности къ извѣстному району воздѣлываемой земли; отсюда выраженія: двѣ земли, двѣ службы, $^1/_2$ земли, $^1/_2$ службы).

Подъ гнетомъ суровой военной организаціи началось, еще независимо отъ вліянія Польши, нѣкоторое общественное дифференцированіе. Тѣ изъ сидѣвшихъ на своихъ земляхъ, кто былъ сильнѣе и могъ самостоятельно отбывать военную повинность, оказались какъ бы въ привиллегированномъ положеніи и стали называться земянами; кто же не могъ ее отбывать въ виду значительныхъ расходовъ, какихъ она требовала, тотъ долженъ былъ отправлять извѣстныя повинности въ пользу господаря (великаго князя или иного, удѣльнаго, владѣльца) или того, кому господарь находилъ нужнымъ или возможнымъ предоставить пользованіе этими повинностями, опять-таки подъ обязательствомъ службы. Изъ этой группы отчичей, вмѣстѣ съ тѣми, кто

садился на чужой расчищенной землѣ, образовался классъ «людей», «мужей», тотъ слой, который наиближе соотвѣтствовалъ нашему понятію «народъ» и который въ Литовской Руси до поры до времени пользовался всѣми человѣческими правами въ томъ ихъ объемѣ, въ какомъ понимало эти права тогдашнее общество. Но на Литовскую Русь надвигался иной общественный строй съ равноправнымъ и полноправнымъ шляхетскимъ народомъ и съ совершенно безправною массой человѣческаго «быдла», вся цѣль существованія котораго была въ томъ, чтобы содержать этотъ народъ. Какія исключительныя условія создали этотъ совершенный въ своей возмутительной законченности строй,—это, вѣроятно, такъ и останется навсегда одною изъ множества историческихъ задачъ безъ рѣшеній. Но онъ долженъ былъ подавляюще влiять на тотъ незаконченный и разсплывающійся строй, какой представляла собой Литовская Русь.

Конечно «пановъ» и «князей» Литовско-Русской земли съ ихъ владѣтельными правами, не могло особенно привлекать шляхетство, тѣмъ болѣе, что оно предполагало уравненіе ихъ съ тѣмъ классомъ, къ которому аристократія относилась какъ къ низшему и зависимому. Но для многочисленнаго и сильнаго класса земянъ шляхетство открывало врата земного рая, вознося ихъ на общественныя высоты и низвергая остальные классы въ преисподнюю. Всѣ условныя и случайныя отношенія зависимости, въ какихъ стояло къ земянамъ остальное населеніе, болѣе слабое матеріально, обращались шляхетскимъ правомъ въ узы крѣпостничества, передавшаго подданныхъ въ безотчетное распоряженіе владѣльца.

Люблинская унія дала окончательное торжество польскому праву въ Литовской Руси, но и до нея земяне усердно тянулись къ шляхетству: конечно, они видѣли покровительство въ своихъ домоганіяхъ со стороны верховной власти, для которой всякое соціальное объединеніе этихъ столь различныхъ по строю областей было прямымъ преддверіемъ желанной политической уніи.

Въ самомъ дѣлѣ, еще первая редакція литовскаго статута (1529 г.), правда, неопредѣленно и робко, но уже говоритъ о шляхтѣ, причемъ то подразумѣваетъ подъ шляхтою земянъ, то прилагаетъ это слово вообще къ высшему классу общества: видно, что съ этимъ словомъ еще не связалось никакое точно опредѣленное понятіе. Но уже вторая редакція, на три года предупредившая политическую унію, составлена въ духѣ этой уніи: здѣсь идетъ рѣчь о правахъ народа шляхетскаго, «заровно всихъ въ томъ почитаючи отъ вельможного и до навбожшого шляхтича». Отсюда понятно,

почему земяне еще и до Люблинской уніи наклонны выбиваться изъ-подъ юрисдикціи копнаго суда. Но, тѣмъ не менѣе, обычай крѣпко держитъ ихъ въ своихъ тискахъ. Тѣ вѣковыя узы копныхъ обязательствъ, какими земяне были связаны со всѣми людьми и мужами своего сосѣдства, не могли быть разорваны такъ легко и свободно. И вотъ начинается броженіе, которое тянется цѣлое столѣтіе. Только благодаря этому броженію, мы имѣемъ томъ копныхъ документовъ, который даетъ намъ возможность заглянуть въ этотъ любопытный уголокъ старины. Какъ отразилось это броженіе на сознаніи и правовомъ чувствѣ массы, это другой вопросъ: деморализація и одной, и другой стороны, и побѣдителя, и побѣжденнаго, кажется, всегда была обычнымъ результатомъ классовой борьбы.

Копный судъ, захватывавшій въ предѣлы своего вѣдѣнія всѣхъ обывателей своего округа, своего сосѣдства, всѣхъ «спулечныхъ», «пограничныхъ» сосѣдей, необходимо предполагалъ въ своей идеѣ общественное равенство этихъ сосѣдей, если не экономическое, то юридическое. Панъ и его крѣпостной, какъ сосѣди, какъ равноправные члены судебной сходки—абсурдъ. Однако, надо было, все-таки, цѣлое столѣтіе, чтобы жизнь выяснила этотъ абсурдъ и уничтожила его своею непреложною логикой. Такая затяжка, конечно, обусловливалась и тѣмъ, что самое крѣпостное право не было фактомъ, осуществившимся сразу, однимъ актомъ законодательной власти. Въ тѣ времена государство еще было слишкомъ слабо для того, чтобы пересоздавать такъ общество, и старыя фактическія отношенія могли тянуться долгіе годы, лишь медленно уступая надавливанію со стороны новыхъ государственныхъ юридическихъ принциповъ, хотя бы даже за этими принципами стоялъ и перевѣсъ фактической силы. Но были и другія причины.

Конечно, узы обычая, связывавшія земянина и подданнаго въ одинъ общій союзъ копныхъ мужей, были бы разорваны гораздо скорѣе, если бы народившаяся шляхта была цѣльно въ этомъ заинтересована. Но дѣло не стояло такъ. Для каждаго, кто нуждался въ правосудіи, нуждался не въ возможности, а de facto пренебречь судомъ копы, съ его могучими рессурсами къ разслѣдованію преступленія, было просто неразсчетливо. И вотъ каждый земянинъ въ массѣ дѣлъ, входившихъ въ вѣдѣніе копы, предпочиталъ обращаться къ ней, какъ къ болѣе скорому и дѣйствительному способу возстановленія своего права. Зато, наоборотъ, каждый, кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы укрыть правонарушеніе, старался уклониться отъ копнаго суда и находилъ себѣ лазейку въ своей принад-

лежности къ шляхетскому сословію. Шляхтичъ-истецъ охотно идетъ на копу, но шляхтичъ-отвѣтчикъ ея избѣгаетъ,—вотъ обычная картина отношеній шляхты къ копному суду.

Любопытно слѣдить, какъ шелъ процессъ разложенія копы. Въ началѣ процесса, относящемся приблизительно къ половинѣ XVI в., земяне, видимо, только что начинаютъ подозрѣвать, что имъ въ случаѣ неудобствъ, угрожающихъ отъ копы, можно обойтись и «окромъ копнаго права», можно прибѣгнуть «къ уряду». «Я того суда вашего не ганю ани фалю (не порицаю и не одобряю) и его тежь слухать не хочу, але подьте до вряду» (39 [1]),—такъ говоритъ представителямъ копы одна земянка, недовольная копнымъ рѣшеніемъ. Вообще женщины раньше и энергичнѣе, «згордивши судомъ копнымъ», начали давать отпоръ притязаніямъ копы. «Выходить шляхтянцѣ на копу рѣчь не слушна» (неприличное дѣло), или: «я, смерде, вольность маю, ты мене негоденъ на копу позывати» (83, 91),—такъ отвѣчаютъ земянки, проникнутыя идеей своего новаго шляхетскаго достоинства. Мужчины такъ не отвѣчаютъ: пока еще они идутъ на копу, хотя и заявляютъ иногда, что идутъ «не водлугъ (не въ силу) права, а водлугъ сосѣдства», или изъ жалости, «будучи жалостливъ шкоды сосѣднее» (34, 191), идутъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда это безразлично для нихъ или даже противно ихъ интересамъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда это совпадаетъ съ ихъ интересами, они охотно подчиняются всѣмъ подробностямъ копнаго обычая и откладываютъ на время въ сторону свое панское достоинство, обращаясь къ коплянамъ, какъ къ людямъ себѣ равнымъ: «мои ласковые панове-мужеве». Но время идетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и роковой процессъ. Панъ уже не идетъ на копу, если это ему неудобно, не стѣсняется по отношенію къ ней насмѣшками и угрозами, не принимаетъ упоминальныхъ листовъ, не пускаетъ въ свой дворъ посланныхъ отъ копы, а то и просто прогоняетъ копу съ своей земли, стрѣляетъ въ нее и т. п. (43, 131, 141, 180). Но какъ ни разрушительно все это должно было вліять на правовое чувство массы, все-таки, не въ этомъ было главное зло, разрушавшее копное право. Главное зло, главный источникъ разложенія непосредственно истекалъ изъ все усилившагося развитія крѣпостного права. Сначала нѣтъ и намека на то, что панъ можетъ какъ-нибудь вмѣшаться въ копныя дѣла своихъ подданныхъ: оно и не могло быть иначе, пока подданные эти были мужи лично свободные, лишь

[1]) Въ скобкахъ № документа, изъ котораго сдѣлано извлеченіе.

обязанные по отношенію къ пану извѣстными, точно опредѣленными повинностями, натуральными или денежными. Но мало-по-малу начинается вмѣшательство. Панъ запрещаетъ своимъ подданнымъ какое-нибудь копное дѣйствіе, по его мнѣнію, неудобное или недолжное, находитъ неудобнымъ такое или иное время для копнаго собранія и проситъ копу отложить на другое, наконецъ, разсердившись на непріятный для него оборотъ суднаго процесса, уводитъ съ копы своихъ подданныхъ. Отсюда одинъ шагъ до того, что и просто запрещаетъ своимъ подданнымъ выходить, «становиться» на копу; или беретъ насильно съ копы подсудимаго, своего подданнаго; или не выдаетъ своего подданнаго, осужденнаго копой; или просто приказываетъ копѣ разойтись, если ея дѣйствія ему непріятны. Можетъ ли быть при такихъ условіяхъ серьезная рѣчь объ отправленіи правосудія? Но для народа такъ дорого было это его право, что онъ судорожно цѣплялся за его жалкіе обломки, несмотря ни на что. Понемногу паны начали становиться на ту точку зрѣнія, почву для которой имъ давалъ законъ: что они есть отвѣтчики за своихъ подданныхъ передъ государствомъ и что, слѣдовательно, имѣютъ по отношенію къ нимъ и право суда. Панъ начинаетъ вчинать искъ отъ лица своихъ подданныхъ, обращаться съ жалобами на подданныхъ къ пану, и районъ копныхъ правъ все съуживается и съуживается. Копа понемногу становится орудіемъ панской власти, которому панъ можетъ приказывать отыскать виновнаго, подъ угрозой возложить на нее отвѣтственность.

И вотъ процессъ приходитъ къ своему концу. Мы во второй половинѣ XVII вѣка. Край пережилъ уже Хмельнищину или, по крайней мѣрѣ, дошедшіе изъ Украйны сюда на Литву ея отголоски. Уже не земянинъ и людинъ стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, одинаково согнувшіеся подъ тяжелымъ государственнымъ ярмомъ, одинаково, въ качествѣ спулечныхъ сосѣдей, охраняющіе миръ и безопасность своего округа,—другъ противъ друга, со взаимною ненавистью и вѣчною затаенною угрозой, стоятъ мужикъ, хамъ, «непріятель народу шляхетскаго», и панъ-шляхтичъ, охраняющій свою шляхетскую «утстивость» (достоинство), «на которой мужикъ, при своей мужичьей завзятости, всегда готовъ его, шляхтича, оскорбить» (255). Положеніе копы такое: хлопской копѣ, какъ категорически выражается одинъ документъ, не подлежитъ ни одинъ человѣкъ шляхетскаго званія. Но паны еще допускаютъ копу, какъ удобное орудіе предварительнаго судебнаго разслѣдованія. Въ этихъ только предѣлахъ она допустима у панскихъ подданныхъ. Но паны

не забыли копы и ея преимуществъ и не прочь бы были устроить, по ея типу, свой собственный шляхетскій судъ: появляется «судъ пріятелей», который засѣдаетъ на старыхъ коповищахъ (обычныхъ мѣстахъ копныхъ сходокъ) и обращается за содѣйствіемъ къ хлопской копѣ. Но старая копа уже умерла; эти новые блѣдные ея призраки не могли возстановить ее, такъ какъ были лишены того, что только и давало копѣ такую силу: единодушія и единомыслія всѣхъ жителей копнаго сосѣдства, въ основѣ котораго лежали ихъ традиціонно-равноправныя взаимныя отношенія.

Тамъ же, гдѣ было необходимое для процвѣтанія копы условіе— свобода населенія, копа держалась долго: въ бывшей Сѣверщинѣ, т.-е. Черниговской губ., мы встрѣчаемся съ копнымъ судомъ, сохранившимъ еще всѣ свои живыя особенности даже и въ XVIII столѣтіи [1]).

II.

Копный судъ есть судъ народнаго собранія, копы, купы, громады, вѣча, какъ судъ этотъ называется въ болѣе раннихъ актахъ [2]).

Томъ актовъ, на которомъ мы основываемся, свидѣтельствуетъ о существованіи копныхъ судовъ въ Сѣверо-западномъ краѣ, на территоріи, главнымъ образомъ, русскаго племени, но частью и литовскаго. Сохранились документы о копахъ и въ Юго-западномъ краѣ, и въ Черниговской губ. Чисто-русское ихъ происхожденіе и характеръ засвидѣтельствованы литовскимъ статутомъ [3]).

Очень соблазнительна мысль отождествить копный округъ съ вервью Русской Правды, но отъ этого соблазна слѣдуетъ благоразумно воздержаться. Родовою ли, кровною или сосѣдскою, территоріальною, связью была образована вервь, объ этомъ ничего нельзя сказать съ увѣренностью; но что копный округъ былъ союзомъ сосѣдства, территоріальнымъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Разумѣется, надо думать, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это сосѣдство было ничто иное, какъ то же родство, потерявшее

---

[1]) *Кіевская Старина* 1885 г., кн. 10-я, стр. 2.

[2]) *Иванишевъ*: «О древнихъ сельскихъ общинахъ». *Кулишъ*: «Исторія возсоединенія», т. II, стр. 161.

[3]) Третья редакція (1588 г.), разд. 14, арт. 9: «На Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали, копы сбираны и отправованы быти мають, яко ся на Руси заховывало и заховуетъ».

память о своей кровной связи. Люди помнили, что они «издавна о шкоды вшелякія зхаживалися» съ такими-то; но почему они сходились именно съ тѣми изъ своихъ территоріальныхъ сосѣдей, а не съ другими, объ этомъ они позабыли. Такимъ образомъ, сосѣдства эти или копные округи, при ихъ естественномъ происхожденіи и ростѣ, не могли имѣть одинаковыхъ размѣровъ. Когда копные суды уже начали приходить въ разложеніе, но еще цѣнились правительствомъ и признавались оффиціально, какъ удобное орудіе для преслѣдованія нѣкоторыхъ преступленій, въ концѣ XVI в. были правительственныя попытки дать копнымъ округамъ точно опредѣленные районы; по крайной мѣрѣ, въ Трокскомъ воеводствѣ назначены коповища (мѣста сходокъ), по преимуществу, въ большихъ населенныхъ пунктахъ и опредѣлены размѣры копной околицы «на всѣ стороны по мили» [1]). Исконныя же коповища бывали обыкновенно на границахъ селъ или отдѣльныхъ имѣній, въ точно опредѣленномъ урочищѣ: «подъ такими-то липами», «у бору, гдѣ есть звыклое мѣстце судовъ копныхъ», у такого-то прудца и т. д. Копа, собранная не на обычномъ коповищѣ, а тамъ, гдѣ «передъ тымъ отъ стародавнихъ вѣковъ николи копа не бывала», могла быть опротестована какъ незаконная: помимо обычныхъ коповищъ, копа могла собираться лишь въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ преступленія.

Итакъ, передъ нами территорія копнаго округа, приблизительно 75—150 кв. верстъ. Не слѣдуетъ удивляться такимъ ея размѣрамъ. Если принять во вниманіе естественную разрѣженность тогдашняго населенія, большое количество болотъ и лѣсовъ, то надо думать, что это относительно большое пространство далеко не вмѣщало въ себѣ даже населенія одной нашей волости среднихъ размѣровъ; это подтверждаютъ и попадающіяся кое-гдѣ данныя о числѣ копныхъ сходатаевъ. Разбросанное населеніе жило по разработаннымъ имъ земельнымъ клочкамъ дворищами. Но въ XV в., особенно во второй его половинѣ, когда уже значительно подвинулся описанный нами процессъ общественнаго дифференцированія, старыя дворища, съ одной стороны, обратились въ земянскіе дворы, съ другой—раздробились въ небольшія села и деревни; кое-гдѣ на территоріи копнаго округа попадалось и мѣстечко. Въ селахъ за единицу, какъ хозяйственную, такъ и правовую, принимался дворъ,—домохозяйство,

---

[1]) Литовская миля = 7,2 нашихъ версты. *Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-западнаго края,* составленный Горбачевскимъ, стр. 216—217.

заключавшее въ себѣ, сколько можно догадываться, большую семью; представителемъ ея былъ домохозяинъ (мужъ), остальное была его «челядь».

Все внутри копнаго округа было проникнуто духомъ круговой поруки: именно духомъ, такъ какъ круговая порука была стихіей правовыхъ отношеній, а не учрежденіемъ. Домохозяинъ отвѣчалъ за свою челядь, село отвѣчало за каждый дворъ, копный округъ отвѣчалъ за все свое населеніе. Кровная связь, естественный источникъ круговой поруки, исчезла, но осталось выросшее на почвѣ этой связи взаимное доброжелательство и довѣріе, знаніе другъ друга, основанное на сосѣдствѣ и общности интересовъ, увѣренность во взаимной добросовѣстности. Принимать участіе въ отправленіи копнаго правосудія могли только «зацные люди» (почтенные), «вѣры годные», «добрые мужи»; не даромъ же и копа называлась «святой», а рѣшеніе ея «свентобливымъ» (благочестивымъ). Надо думать, что копный округъ имѣлъ какія-нибудь средства очищать себя отъ «непевныхъ», «подейзреныхъ» членовъ, которые «негодны обращаться на копѣ съ добрыми людьми», и вытѣснять ихъ въ категорію лезныхъ (свободныхъ, но не осѣдлыхъ) людей: не даромъ чувствуется такое предубѣжденіе противъ лезныхъ. Но копный округъ держитъ себя на-сторожѣ не только по отношенію къ лезнымъ,—всякій чужой человѣкъ, прохожій, гость есть предметъ его подозрительнаго вниманія. Случись какое-нибудь не раскрытое преступленіе въ округѣ, первымъ движеніемъ всѣхъ и каждаго—разузнать, не было ли гдѣ-нибудь прохожаго, не былъ ли у кого-нибудь въ околицѣ гость изъ-за ея предѣловъ? И вотъ, если тотъ, у кого случится такой гость, не поспѣшитъ заявить объ этомъ, не представитъ на копу гостя или не дастъ вполнѣ удовлетворительныхъ объясненій по поводу этого гостя, на него тѣмъ самымъ возлагается вина, отъ которой онъ долженъ очищаться, какъ знаетъ, или принять на себя всѣ ея послѣдствія.

Законъ въ лицѣ литовскаго статута предоставлялъ суду копы лишь пограничные споры, убійство безплеменнаго проѣзжаго человѣка, потраву и разслѣдованіе кражи по слѣду. Но копа сама твердо знала кругъ своего вѣдѣнія, и пока чувствовала подъ собою почву, не допускала въ немъ ограниченій. Кромѣ правонарушеній, указанныхъ литовскимъ статутомъ, копа всегда вѣдала, и во всемъ ихъ объемѣ, многочисленныя дѣла, возникавшія въ бортныхъ угодьяхъ изъ-за бортей, бортныхъ сосенъ и т. д., затѣмъ столкновенія изъ-за бобровыхъ гоновъ и вообще все, что касалось промысловыхъ

урочищъ и ухожаевъ. Если прибавить къ этому, что къ ней относились всѣ дѣла по потравамъ и покосамъ, по захватамъ земли или лѣса, по захвату, угону, убійству скота, то можно сказать коротко, что копа охраняла всю арену хозяйственныхъ интересовъ своего округа. Сюда же примыкали дѣла по поджогамъ и въ особенности многочисленныя и разнообразныя дѣла по покражамъ на территоріи округа, кража хлѣба съ поля, скота, кража въ домахъ, коморахъ и вообще усадебныхъ постройкахъ. Наконецъ, мы встрѣчаемся въ копныхъ документахъ съ дѣлами объ убійствѣ, колдовствѣ, грабежахъ и побояхъ. Но всѣ ли подобныя преступленія, совершившіяся на территоріи копнаго округа, подлежали вѣдѣнію копы, или только нѣкоторыя, мы не можемъ ничего сказать. Вообще, чувствуется, что принципъ, объединяющій всѣ правонарушенія, подлежащія вѣдѣнію копы, есть прямая или косвенная связь ихъ съ землей округа. Въ высокой степени любопытно, что даже убійство могло разсматриваться съ этой точки зрѣнія, какъ «змаза грунту» (оскверненіе земли) (214).

Преступленіе нарушило спокойствіе копнаго округа; каждый полноправный членъ округа долженъ принимать участіе въ возстановленіи этого спокойствія. Но, тѣмъ не менѣе, никто не имѣетъ права вчинать дѣла, кромѣ обиженной или пострадавшей отъ правонарушенія стороны, въ дѣлахъ объ убійствѣ—кровные родственники. Даже при убійствѣ безплеменнаго проѣзжаго человѣка «могъ явиться въ качествѣ частнаго истца тотъ, на чьей землѣ лежалъ трупъ, какъ обиженный «змазой грунту». Истецъ могъ и прекратить начатое дѣло въ каждый данный его моментъ, включая даже тотъ, когда отвѣтчикъ уже «стоялъ на остатнемъ стопню шибеницы» (на послѣдней ступенькѣ висѣлицы). Однимъ словомъ, мы присутствуемъ еще при правовомъ строѣ, соотвѣтствующемъ той стадіи правового развитія, которая не знаетъ разницы между уголовнымъ и гражданскимъ порядкомъ: въ копномъ судопроизводствѣ едва можно разсмотрѣть нѣкоторые слабые намеки на эту разницу. Отвѣтчикъ еще не преступникъ, а шкодникъ, который долженъ, прежде всего, удовлетворить такъ или иначе—матеріально ли, деньгами, или нравственно, видомъ своимъ страданій—пострадавшаго отъ шкоды (шкода—имущественный ущербъ), и въ этомъ вся цѣль правосудія.

Если обиженный открывалъ преступленіе тотчасъ же по его совершеніи, «на горячемъ учинку», онъ сзывалъ ближайшихъ околичныхъ сосѣдей, и, такимъ образомъ, составлялась на мѣстѣ преступ-

ленія небольшая «горячая» копа: ея дѣломъ было произвести разслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но это разслѣдованіе лишь давало матеріалъ для настоящей большой копы (великая, вальная, генеральная). На такую копу необходимо было скликать всѣхъ полноправныхъ обывателей копнаго округа, и собираться она должна была непремѣнно на коповищѣ. Обыкновенно, дѣло не кончалось одною этою копой; для окончательнаго постановленія рѣшенія и приведенія его въ исполненіе собиралась еще третья копа, такъ называемая «завитая». Иногда случалось, что и на трехъ копахъ дѣло не могло быть закончено, и тогда въ качествѣ завитой собиралась четвертая копа [1]).

III.

Обыватель усматриваетъ нанесенную ему шкоду: у него выкрадена комора, выведена изъ стойки лошадь, перекопанъ огородъ, потравленъ хлѣбъ, увезено сѣно и т. д., и т. д. Какъ быть, что дѣлать, чтобъ открыть шкодника? Одно ясно: нельзя медлить, надо пользоваться «горячимъ часомъ», захватывать «на горячомъ учинку». Нечего и думать пока о томъ, чтобъ обратиться къ содѣйствію всѣхъ членовъ копнаго округа. Надо какъ можно скорѣе созвать хоть «малую громадку» мужей, своихъ ближайшихъ сосѣдей, чтобы съ ними «сочити злодѣйство» (выслѣживать воровство). И вотъ горячая копа собирается иногда тою же ночью, какъ обнаружилась шкода, чаще на другой день.

Конечно, воръ не можетъ же не оставить какихъ-нибудь слѣдовъ своего пребыванія на мѣстѣ своего злочинства. Копа «беретъ горячій слѣдъ» отъ пяты и гонитъ его, гонитъ съ искусствомъ и настойчивостью ищейки, выслѣживающей уходящую отъ нея добычу. Повидимому, человѣкъ XVIII в. еще имѣлъ больше основаній довѣрять остротѣ своихъ внѣшнихъ чувствъ, чѣмъ человѣкъ современный. По крайней мѣрѣ, мы не разу ни видимъ, чтобы копа не

[1]) Три суда, три судебныхъ рока, для даннаго суднаго дѣла,—повидимому, эти понятія общи не только для всего славянскаго, но и для древняго нѣмецкаго права. (*Grimm*: «Rechtsalterthümer». стр. 210). Въ славянскихъ же правахъ мы встрѣчаемся съ этими понятіями, кромѣ русскаго, еще въ польскомъ (въ статутахъ піотрковскомъ, вислицкихъ, мазовецкомъ) и чешскомъ. Такимъ же образомъ въ разныхъ статутахъ и друг. памятникахъ встрѣчаемся съ выраженіями: горячій судъ, завитой рокъ. Думаемъ, что обычаи копы помогутъ пониманію этихъ и подобныхъ темныхъ мѣстъ и выраженій.

достигла своей цѣли—потеряла слѣдъ, сбилась съ него, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда преступникъ имѣлъ возможность насильственно помѣшать копѣ. Разумѣется, онъ старался объ этомъ изо всѣхъ силъ: принималъ ложныя направленія, чтобы спутать слѣдъ, сбивалъ скотомъ, затиралъ, если шелъ по снѣгу. Со стороны земянъ бывали и прямыя насилія, тѣмъ болѣе возможныя, что маленькая горячая копа часто не имѣла возможности захватить съ собою не только вознаго отъ гродскаго уряда, но даже и какое-нибудь оффиціальное лицо въ качествѣ вижа (возный, вижъ—судебный приставъ): паны просто сбивали копу со слѣда и прогоняли прочь, случалось еще и съ насмѣшкой: «не умѣетъ де копа вести слѣдъ» (280).

Отъ всей этой процедуры, какъ гнали и отводили слѣдъ, вѣетъ на насъ духомъ архаическихъ временъ. Конечно, и люди Русской Правды вели точно такимъ же образомъ свой «сводъ по землямъ». Копа беретъ слѣдъ и идетъ по нему. Слѣдъ приводитъ къ грунту (землѣ) такого-то села. Копа останавливается на границѣ и посылаетъ дать знать въ село, чтобъ оно выходило на границу, приняло слѣдъ и вывело его изъ своихъ предѣловъ. Село высылаетъ отъ себя людей для отвода слѣда. Если это село помѣщичье, то съ просьбою объ отводѣ копа посылаетъ на панскій дворъ и проситъ, чтобъ дворъ прислалъ кого-нибудь присутствовать при этой процедурѣ. Если злодій не укрывается на территоріи села, то слѣдъ можно вывести, и его выводятъ и ведутъ до новой границы. Тамъ повторяется то же: снова просятъ хозяевъ земли придти, взять слѣдъ и вывести. По Русской Правдѣ истецъ обязанъ былъ идти со сводомъ только до третьей земли: тотъ, кто владѣлъ третьей землей, долженъ былъ удовлетворить обиженнаго, а самъ уже вести сводъ дальше [1]). И здѣсь мы встрѣчаемъ въ одномъ дѣлѣ упоминаніе о трехъ границахъ, какъ бы намекъ на особое значеніе именно трехъ границъ (244). Но, къ сожалѣнію, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приходится копѣ гнать слѣдъ, онъ кончается, не переходя трехъ границъ. Но вотъ копа привела слѣдъ на такую землю, хозяева которой не могутъ сдѣлать «отвода» и тѣмъ «себя очистить». Хозяева—будь то село или отдѣльный землевладѣлецъ — могутъ, конечно, сначала дѣлать

[1]) Съ обычаемъ свода, кромѣ русскаго права, встрѣчаемся въ сербскомъ, гдѣ о немъ говоритъ законникъ Стефанъ Душана (*Зигель,* стр. 182), также въ правѣ чешскомъ (*Jirećek:* «Slowanské prawo». II, стр. 244). Вообще, всѣ эти правовыя понятія съ ихъ обозначеніями: «сводъ», «сочить», «сокъ» (сочащій, гоняцій слѣдъ), «лице» (поличное), по ихъ распространенности между всѣми славянскими племенами, заставляютъ думать о глубокой древности, предшествующей всѣмъ племеннымъ раздробленіямъ.

попытки какъ-нибудь отклонить отъ себя бѣду: могутъ доказывать, напримѣръ, что слѣдъ, который усматривается на ихъ землѣ, не тотъ самый слѣдъ, который гонитъ копа и который связываетъ ихъ землю съ мѣстомъ преступленія, что потому они не повинны дѣлать отводъ. Но на сцену являются доказательства тождественности: слѣды разсматриваются, вымѣряются въ присутствіи обѣихъ сторонъ и какого-нибудь оффиціальнаго лица, представителя власти, которые «уфаляютъ слѣдъ», «же то есть тотъ слѣдъ власный».

Какъ же быть дальше? Дальше дѣло могло принимать различный оборотъ. Село—или личный хозяинъ земли—могло просто-напросто отказаться отводить слѣдъ; тогда истецъ давалъ вину тому селу, а себѣ оставлялъ право на «вольное правное мовенье» (точно: свободный правовой разговоръ) на слѣдующей копѣ, гдѣ село это уже должно было явиться въ качествѣ отвѣтчика. Но село могло и не взять на себя вины; тогда оно должно было выдать настоящихъ виновниковъ преступленія, которые не могли не быть ему извѣстны,—собственно, фактически они могли ихъ и не выдавать, а только по общему приговору громады села «дать о нихъ справу». Наконецъ, возможенъ былъ и третій исходъ: если село не признавало себя виноватымъ, но, въ то же время, не могло себя очистить отводомъ слѣда, у него еще была возможность правнаго очищенія—предоставить копѣ «трясти дома». Впрочемъ, отъ копы зависѣло согласиться или не согласиться на трясенье.

Трясенье это, т.-е. обыскъ, было вторымъ правовымъ отправленіемъ горячей копы. Дѣлалось это приблизительно такъ. Если село давало согласіе на то, чтобъ его трясли, то постановляло, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы никто изъ громады, и даже подростки, не входили больше въ свои дома, а всѣ стояли вмѣстѣ, чтобы не имѣть возможности скрыть что-нибудь. Нѣсколько человѣкъ съ вижемъ, безъ котораго нельзя было дѣлать обыскъ, шли отъ дома къ дому поочередно, осматривая всѣ строенія, и забирали подозрительныя вещи, «лице», буде онѣ находились. Если неудобно было взять «лице», какъ, наприм., хлѣбъ, сѣно, то его оставляли на мѣстѣ, приставляя сторожу.

Бывали случаи, что горячей копѣ не нужно было ни гнать слѣду, ни трясти; тогда она сбиралась, чтобы сдѣлать опытъ, т.-е. опросъ лицъ, которыя могли что-нибудь знать или слышать о случившемся.

Все это—и слѣдъ, и трясенье, и опытъ, и осмотръ (наприм., потравы)—давали матеріалъ для судебнаго слѣдствія, которому была посвящена уже великая, генеральная, вальная копа.

IV.

Истецъ путемъ горячей копы собралъ кое-какой матеріалъ, освѣщающій дѣло; надо дать этому дѣлу дальнѣйшій правовой ходъ, созвать великую копу. Но истецъ могъ и ничего не добиться горячею копой, никакихъ слѣдовъ шкодника не обнаружилось. Опять-таки нѣтъ другого исхода, какъ скликать великую копу; авось она поможетъ своимъ «большимъ разсудкомъ», тѣми сильными средствами къ раскрытію истины, какими располагаетъ цѣлое населеніе копнаго округа: кто-нибудь, что-нибудь, гдѣ-нибудь видѣлъ, слышалъ, кто-нибудь, что-нибудь сообразилъ, и, смотришь,—уже въ рукахъ ниточка, по которой можно добраться и до сути. И надо сказать, что почти всегда оно такъ и было. Крайне рѣдки случаи, когда даже и большая копа ни до чего не добирается, и вынуждена пустить дѣло «на переслухъ». «Когда узнаешь что-нибудь, тогда снова сберешь копу и будешь отыскивать своего шкодника»,—такъ заявляетъ въ этомъ случаѣ копа пострадавшему. Для добыванія же вѣстей наибольше всего случаевъ представлялось «на торгахъ и въ корчмахъ», куда и долженъ былъ обращаться истецъ со своимъ дѣломъ, пущеннымъ «на переслухъ».

Истецъ собираетъ на такой-то день большую копу: всѣ, кто повиненъ на нее становиться, должны явиться на коповище. Единственный предлогъ, по которому могло не состояться собраніе, это неотложныя полевыя работы, «часъ пашный». Затѣмъ ни время года, ни непогода не могли служить отговоркой. Недаромъ коповища назначались обыкновенно «подъ дубами», «подъ липами» и т. д.,—это, все-таки, представляло нѣкоторую защиту, когда приходилось стоять цѣлый день подъ дождемъ, какъ бывало; случалось, что ждала иногда копа выхода какихъ-нибудь своихъ членовъ и дня по два.

На копу шли только домохозяева, но, въ случаѣ необходимости, они были обязаны представлять и свою челядь. Допускалось и представительство, и чѣмъ дальше, тѣмъ въ бо́льшихъ и большихъ размѣрахъ: вѣроятно, тутъ оказывалъ свое вліяніе и панъ, въ интересахъ котораго было ограничивать личное участіе своихъ подданныхъ въ копныхъ дѣлахъ. Стали появляться на копахъ по два мужа отъ села въ качествѣ представителей своихъ односельчанъ: они заявляли, что берутся отвѣчать за свое село и уполномочены совершать отъ его имени всѣ правовыя дѣйствія. Но отъ копы и

лица зависѣло удовлетвориться ли этимъ представительствомъ, или потребовать личнаго выхода остальныхъ.

Однако, какія же средства, помимо нравственныхъ, имѣла копа побуждать своихъ членовъ къ выходу? Одно, но чрезвычайно сильное: по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока копа имѣла силу приводить въ исполненіе свои рѣшенія, дѣйствіе этого средства было неотразимо. Это—юридическая формула, одна изъ основныхъ формулъ копнаго права: «невыходъ платитъ шкоду» [1]). «Всѣ ли вышли?»—опрашиваютъ, прежде всего, другъ друга мужи-копники. «Нѣтъ такого-то и никого не выслалъ онъ за себя на копу, для отвѣта». Копа даетъ знать отсутствующему, если только въ немъ почему-либо заинтересована, чтобъ онъ непремѣнно явился на слѣдующую копу или представилъ кого-нибудь за себя; однако, тотъ не является снова и никого не ставитъ. Третья копа, завитая, «по невыходу» прилагаетъ всю шкоду къ тому отсутствующему. А то, какъ нерѣдко случалось, люди цѣлаго села «не выходятъ на копу, ани о себѣ вѣдомости учинить не хотятъ», а то и становятся, но утекаютъ съ копы. Опять-таки завитая копа кладетъ вину на село. Эта простая формула очень облегчала копное судопроизводство и совсѣмъ не была столь нелѣпой въ правовомъ смыслѣ, какъ это можетъ казаться съ современной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если членъ копнаго округа съ явною предумышленностью уклоняется отъ того, что всѣми и каждымъ признается его непремѣнною обязанностью, отъ участія въ копномъ собраніи, какая можетъ быть этому причина, кромѣ страха передъ копнымъ правосудіемъ, кромѣ сознанія своей прикосновенности къ правонарушенію («ту се значи ижъ не правый, али винный утекаетъ», 44)? Къ тому же, приложеніе формулы «невыходъ платитъ шкоду» совсѣмъ не тождественно съ обвинительнымъ приговоромъ, ничуть: платящій шкоду по невыходу не только не признается этимъ самымъ преступникомъ, но даже и шкодникомъ. Онъ не вышелъ и тѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе, а, главное, положилъ препятствіе къ дальнѣйшему отправленію копнаго правосудія. Вслѣдствіе этого онъ долженъ взять на себя послѣдствія правонарушенія, матеріальное удовлетвореніе обиженной стороны. Но у него не отнято право вести дѣло дальше,—тѣми же самыми правовыми средствами отыскивать настоящаго виновника и получить отъ него удовлетвореніе. Повидимому, села, въ средѣ которыхъ на-

---

[1]) «Нестанье на судъ» или «нестанье на завитой, третій рокъ теряетъ дѣло»,—это—положеніе, выраженное въ разныхъ памятникахъ чешскаго и польскаго законодательства.

ходился виновникъ, нерѣдко поступали такъ: не выходили на копу, брали такимъ образомъ на себя шкоду, а потомъ домашнимъ образомъ управлялись съ нарушителями спокойствія. Разумѣется, такая постановка возможна лишь при господствѣ извѣстной точки зрѣнія, что главная цѣль правосудія есть удовлетвореніе обиженной или пострадавшей стороны, при предположеніи, что всякій ущербъ можетъ имѣть свой матеріальный эквивалентъ. Эта точка зрѣнія, послѣдовательно проведенная, могла приводить къ такимъ видимымъ несообразностямъ: наприм., подозрѣваемые въ убійствѣ оправдываются путемъ очистительной присяги (о ней ниже) и освобождаются отъ наказанія, но, тѣмъ не менѣе, присуждаются къ уплатѣ головщины въ пользу истца (259).

Но вотъ копа собралась въ полномъ составѣ: иногда человѣкъ сто и болѣе. Есть всѣ повинные, т.-е. настоящіе копные мужи, всѣ, кого требовалъ истецъ въ качествѣ или отвѣтчиковъ или свѣдковъ (свидѣтелей), явились нарочно приглашенные сторонніе люди (можетъ быть, изъ-за предѣловъ копнаго округа?) и, наконецъ, возный, вижъ, тоже со «стороной», двумя шляхтичами. Водворяютъ «порядокъ по обычаю и праву своему копному», старшіе копники «засѣдаютъ въ лавѣ» (въ ряду) съ вознымъ и стороною людьми добрыми. Старшіе копники провозглашаютъ судъ открытымъ. Дальнѣйшій ходъ зависитъ отъ частныхъ обстоятельствъ дѣла.

Если истецъ не могъ ничего добиться предварительнымъ разслѣдованіемъ, онъ обращался къ копѣ приблизительно съ такою рѣчью: «Панове-мужеве! прошу васъ и спрашиваю, не слыхали ли вы чего-нибудь о моей шкодѣ на торгу или въ корчмѣ въ какихъ-нибудь разговорахъ, въ бесѣдѣ, не упоминалъ ли кто относительно себя или другого? Или, можетъ быть, вамъ пришлось увидѣть, что кто-нибудь несетъ или везетъ что-нибудь въ то время, когда мнѣ шкода стала, или у кузнецовъ, можетъ быть, видѣли (дѣло идетъ о покражѣ съ мельницы муки и желѣзныхъ орудій), что они перерабатываютъ желѣзныя орудія на другія вещи, или покупаютъ ихъ и продаютъ, или, можетъ быть, кто нибудь, не имѣя своего хлѣба, хлѣбомъ торговалъ?»

Начинается опытъ всѣхъ присутствующихъ мужей-копниковъ. Село за селомъ, или черезъ своихъ представителей, должны «въ одно слово повѣдать», что они не суть такому-то шкодниками и не знаютъ ничего ни о какой шкодѣ. Въ иныхъ случаяхъ соблюдается строгій порядокъ опыта. Наприм., дѣло идетъ объ убитомъ человѣкѣ; села даютъ показанія въ томъ порядкѣ, въ какомъ ѣхалъ

убитый. Если нѣтъ на копѣ представителей изъ одного населеннаго пункта, лежащаго на дорогѣ, то люди изъ пунктовъ, дальше лежащихъ, совсѣмъ отказываются отвѣчать (250). Если дѣло шло о пропавшей лошади, начинается общій допросъ о томъ, не былъ ли у кого въ то время, какъ произошла пропажа, какой-нибудь гость издалека, и если былъ, то открыто ли ушелъ, не укрывали ли его? (224). Обыкновенно такой опытъ непремѣнно что-нибудь обнаруживалъ. Если не было точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній, являлись какія-нибудь косвенныя указанія. Наприм., выступаетъ мужъ-копникъ и заявляетъ, что когда онъ молотилъ на панскомъ гумнѣ съ такими-то, то явился на гумно такой-то и «въ нихъ того жита на хлѣбъ просилъ», а ему такіе-то молотники отвѣчали: «ты-дей жита на хлѣбъ у насъ просишь, а сыновья твои хлѣбомъ торгуютъ; чего-жь ты у сыновей хлѣба не берешь и не просишь?» И вотъ копа уже имѣетъ ниточку, по которой добирается до воровъ, обобравшихъ мельницу. Или копникъ заявляетъ, что онъ былъ въ корчмѣ и тамъ слышалъ споръ между такими-то, причемъ упоминались такія-то имена и обстоятельства, имѣющія отношенія къ разслѣдуемому преступленію (328). Копа снова имѣетъ нить. Или «за пытаньемъ купнымъ» выступаютъ два мужа и выражаютъ свое удивленіе по поводу того, что такой-то Иванъ Стрыга, хоть и стоитъ передъ вами, панове купа, а ничего не говоритъ, а между тѣмъ жена его то-то и то-то намъ, постороннимъ людямъ, при встрѣчѣ говорила насчетъ своихъ подозрѣній о томъ, откуда «въ сосѣдствѣ частокроть шкоды становятся», и не могла же де она не говорить этого и ему, своему мужу. И тутъ «вся копа между собою переглянулись, размышляючи, что бы ей въ этомъ случаѣ дѣлать». Опять-таки копѣ есть за что ухватиться.

Но бывало и такъ, что большая копа, собравшись, уже имѣла желанную нить, помимо истца и общаго опыта копниковъ: надо было только ее укрѣпить. «Ты, старче Микито, со всѣми подданными ея милости пани своее теперь на сей копѣ съ нами сталъ?»— спрашиваетъ копа послѣ общей провѣрки всѣхъ собравшихся коплянъ (панскіе подданные выходили на копу со своими старцами, т. е. старостами). Микита отвѣчаетъ, что «я-дей, панове старцы и копляне, уже со всѣми подданными ея милости панѣ моее вышолъ».—«А зачѣмъ ты не ставилъ раньше на копѣ двухъ изъ своего села, такихъ-то?» Старецъ объясняетъ, что онъ ихъ не ставилъ раньше не по какимъ-нибудь особеннымъ уважительнымъ причинамъ, а исключительно потому, что сами не хотѣли идти «за

неявкою боязнью своею», и предлагаетъ копѣ самой спросить у этихъ двухъ, отчего они раньше не становились. Копа спрашиваетъ, тѣ подтверждаютъ, что дѣйствительно не шли раньше «одно за страхомъ своимъ». Тогда копа, посовѣтовавшись, спрашиваетъ между собою: «Развѣ были тѣ два человѣка въ какомъ подозрѣніи?» Выступаетъ одинъ мужъ-копникъ и заявляетъ, что онъ самъ изъ устъ старца Микиты слышалъ, какъ онъ обвинялъ въ разслѣдуемомъ преступленіи этихъ двухъ человѣкъ. Старецъ началъ было запираться, но долженъ былъ сознаться,—и вотъ опять завязывается узелъ, который копѣ уже не трудно развязать.

Но чаще всего истецъ является на большую копу уже съ готовымъ матеріаломъ для обвиненія, собраннымъ путемъ горячей копы или другимъ какимъ способомъ: этого требовалъ его собственный интересъ. Въ такомъ случаѣ копа прямо обращалась къ нему съ вопросомъ: «на кого онъ въ той своей шкодѣ имѣетъ жаль?»— иначе говоря, «на кого онъ кладетъ вину?» Истецъ долженъ былъ «чинить доводъ». Съ этого момента большая копа вступаетъ въ свою настоящую роль. Изъ среды копы выбираются почтенные люди, которые выступаютъ въ роли судей, выбираются или самою копой, или истцомъ и отвѣтчикомъ. Послѣ объясненій истца, заключающихъ въ себѣ обвиненіе, передъ копой долженъ выступить обвиняемый и «дать о себѣ справу», «сдѣлать выводъ».

Вообще къ обвиненію предъявлялись совсѣмъ иныя требованія, смотря по тому, на кого оно обращалось: на добраго ли мужа, ни въ чемъ никогда не заподозрѣннаго, за добросовѣстность котораго готовы были выступить съ ручательствомъ и родня, и село его, или на «подейзренаго», «приличнаго» человѣка, особенно изъ лезныхъ, стоящихъ внѣ союза круговой поруки и отвѣтственности. Чтобы довести до конца обвиненіе добраго мужа, надо было выдвинуть значительный арсеналъ судебныхъ доказательствъ, одной малой частички которыхъ было достаточно для обвиненія подейзренаго лезнаго человѣка. Короче говоря, въ первомъ случаѣ onus probandi лежало на истцѣ, во второмъ случаѣ—на отвѣтчикѣ.

«Лице» (поличное) не играетъ, можно сказать, почти никакой роли въ числѣ судебныхъ доказательствъ на большой копѣ: потому, надо думать, что злодій, пойманный съ лицемъ, вынуждался къ добровольному сознанію и не нуждался въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ большой копы, а прямо переходилъ въ распоряженіе завитой копы, которая постановляла приговоръ и приводила его въ исполненіе. Но за то большое значеніе имѣли свѣдки, т.-е. свидѣтели.

Копа давала цѣну лишь свидѣтельству людей добрыхъ, ей извѣстныхъ. Когда отвѣтчикъ, доказывая alibi, ссылается на свидѣтеля, ему говорятъ: «То плохой отводъ: развѣ не могъ тебя видѣть какой-нибудь добрый человѣкъ, кѣмъ бы ты могъ сдѣлать отводъ, а не тѣмъ плохимъ, неизвѣстнымъ человѣкомъ? Дорога никогда не спитъ, ѣздятъ люди не только днемъ, но и ночью: какъ же бы ты большою дорогою да не встрѣтился, не съѣхался съ кѣмъ-нибудь?» (217). Впрочемъ, въ важныхъ дѣлахъ, наприм., убійствѣ, допрашивали всѣхъ обывателей данной мѣстности, не только мужчинъ, но женщинъ и даже дѣтей (432).

Истецъ въ подтвержденіе своего обвиненія «выдаетъ трехъ свѣдковъ». Копа спрашиваетъ у отвѣтчика: «если же всѣхъ трехъ свѣдковъ любишь?» Отвѣтчикъ изъ нихъ «улюбилъ и обралъ такого-то и повѣдилъ, то-дей добрый человѣкъ, може правду сознать». Когда избранный свидѣтель тоже показываетъ не въ пользу отвѣтчика, послѣдній заявляетъ: «похоже-де, что такой-то тѣхъ свѣдковъ накупилъ». Но для копы свидѣтельство выбраннаго самимъ отвѣтчикомъ свѣдка, подтверждаемое показаніями другихъ лицъ, уже имѣетъ рѣшающее значеніе (86).

Обвиненіе, опирающееся на свѣдкахъ, должно было выставить ихъ не меньше трехъ: при двухъ свидѣтеляхъ необходимо было представить еще дополнительныя судебныя доказательства.

Если истецъ ссылался на людей изъ такого села, которое не повинно становиться на той копѣ, и потому не могъ представить ихъ на разбирательство, то копа сама выбирала изъ среды себя двухъ мужей добрыхъ и посылала для опроса свидѣтелей на мѣстѣ. Конечно, копа въ такомъ случаѣ должна была разойтись, чтобы собраться снова по полученіи свидѣтельскихъ показаній (224).

Пока копа добивается «слушныхъ доводовъ» отъ истца и выслушиваетъ таковые же «выводы» отъ отвѣтчика, взвѣшиваетъ показанія свидѣтелей и косвенныя улики, выдвигающіяся обстоятельствами дѣла, она стоитъ на той же раціоналистической почвѣ, на какой стоитъ и современный процессъ. Но если и современный народный правовой обычай носитъ на себѣ рѣзкіе слѣды генетической связи права съ ирраціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, то, конечно, на отношеніяхъ къ праву всякаго человѣка XVI вѣка, а тѣмъ болѣе простого мужа-копника, эта связь должна была отразиться еще гораздо болѣе рѣзко. Наприм., мы имѣемъ дѣло съ такого рода судебными доказательствами.

Надо утвердить показанія, отрицаемыя противною стороной:

доводчикъ ставитъ ногу съ тѣмъ, чтобы противная сторона приставила свою; копа, видя такое «смѣлое постановенье ноги съ ногой», склоняется на сторону доводчика, а неправильно запиравшійся отвѣтчикъ сознается въ своемъ запирательствѣ. Но что же, однако, было въ этомъ «смѣломъ постановеньи ноги съ ногой» такого, что могло такъ сильно подѣйствовать на душу и виновнаго, и копниковъ? Очевидно, никакихъ раціоналистическихъ объясненій здѣсь приложить нельзя; только археологія права можетъ дать кое-какой намекъ на происхожденіе и значеніе этого обычая (63).

Или еще болѣе распространенный, постоянно встрѣчающійся обычай—ставить шапку. Истецъ или свидѣтель, всякій, кому надо было усилить вѣсъ своихъ показаній, ставилъ шапку и требовалъ, чтобы противная сторона приставила свою. Въ чемъ опять-таки заключалась сила этой шапки—дѣло темное; но неправый не рѣшался обыкновенно на приставку [1]).

Или значеніе черты (вѣроятно, подъ чертой надо разумѣть что-нибудь вродѣ веревки или легкой огорожи, о которой говоритъ Гриммъ въ своихъ Rechtsalterthümer по отношенію къ нѣмецкому народному суду, для отдѣленія дѣйствующихъ лицъ процесса отъ остальной массы): истецъ требовалъ у отвѣтчика стать на черту; всѣ мужи-копники въ нѣкоторыхъ случаяхъ кидали свои шапки за черту или просто кидались за черту. И все это являлось не въ видѣ мертвыхъ правовыхъ символовъ, сохранившихся какъ переживаніе, а въ видѣ живыхъ правовыхъ дѣйствій. По крайней мѣрѣ, обычай ставить ногу или голень, ставить или приставлять шапку является съ вѣсомъ настоящихъ судебныхъ доказательствъ, хотя, можетъ быть, уже и лишенныхъ вполнѣ самостоятельнаго значенія.

Но зато съ вполнѣ самостоятельнымъ значеніемъ является присяга, обычай той же самой категоріи, но получившій въ копномъ правѣ большое значеніе и очень широкій районъ примѣненія.

---

[1]) Обращаясь къ археологіи права, мы находимъ въ древнемъ чешскомъ судномъ процессѣ слѣдующее указаніе, осмысливающее нѣсколько эту „ногу“: истецъ становится правою ногой на спорную вещь, а отвѣтчикъ лѣвою, и въ такомъ положеніи они выговариваютъ формулу «вданя», т.-е. правового заклада,—обязательства уплатить такую-то сумму въ случаѣ своей неправоты (*Jireček*: «Slovanské pravo», II, стр. 219). Повидимому, родственное происхожденіе имѣла и «шапка»: по крайней мѣрѣ, въ болѣе древнихъ памятникахъ литовско-русскаго права упоминается шапка, въ которую кладется правовой закладъ—рубль грошей. Но все это, конечно, нужно принимать скорѣе за простое указаніе на древность и широту распространенія тождественныхъ обычаевъ, чѣмъ за объясненіе къ ихъ генезису.

V.

Повидимому, никогда и нигдѣ человѣкъ, развивая свои правовыя идеи, не могъ обойтись безъ того, чтобы не дать болѣе или менѣе широкаго примѣненія присягѣ. Оно и понятно: идея Божьяго вмѣшательства (Божьяго суда), въ тѣхъ случаяхъ, когда является затруднительнымъ отличить правое отъ неправаго, есть одна изъ тѣхъ естественныхъ идей, на которыя необходимо долженъ набрести человѣческій умъ въ извѣстной стадіи его развитія. А присяга и есть именно самый сподручный способъ обращенія къ этому Божьему суду. Если историки права и выдѣляютъ присягу въ особый институтъ по отношенію къ разнымъ видамъ собственно Божьяго суда или ордалій, то едвали за этимъ разграниченіемъ можно признать серьезное основаніе [1]). Соприсяга, соприсяжничество, является, при господствѣ родового быта или соціальнаго міровоззрѣнія, изъ него непосредственно вытекающаго, необходимымъ дополненіемъ или расширеніемъ простой личной присяги. У чеховъ имѣлъ право присягать самъ только тотъ, кто не имѣлъ рода, и это называлось сиротскимъ правомъ.

Но съ какими бы признаками универсальности ни являлся институтъ присяги самъ по себѣ, такое или иное его развитіе, такая или иная широта его примѣненія есть дѣло индивидуальнаго творчества народа и индивидуальныхъ условій его жизни. Копное право русскаго народа, на нашъ взглядъ, съ особеннымъ пристрастіемъ остановилось именно на этомъ видѣ судебныхъ доказательствъ. Не въ томъ ли причина, что копа, очень сильное орудіе правосудія, въ однихъ отношеніяхъ оказывалась слишкомъ грубымъ, а потому мало дѣйствительнымъ орудіемъ во всемъ, что требовало тонкаго вниманія, детальнаго, продолжительнаго труда, и, останавливаясь передъ

---

[1]) Это, между прочимъ, доказываетъ и г. Ковалевскій въ своей книгѣ: *Современный обычай и древній законъ.* Помимо теоретическихъ соображеній, за это утвержденіе можно выставить и факты. Ордаліи вообще и частный видъ ихъ, практиковавшійся широко особенно въ восточной Руси,—поле, вымирая, замѣнялись присягой (*Maciejowski:* «Historya prawodawstw». III, 288. *Аѳанасьевъ:* «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», II. стр. 273). Самое слово «присяга» имѣетъ въ своемъ корнѣ «сягати», дотрогиваться. Андрей съ Дубы, чешскій хроникеръ, свидѣтельствуетъ. что очистительную формулу выговаривалъ обвиняемый. держа пальцы положенными на раскаленное желѣзо.

разворачивающейся перспективой неразрѣшимыхъ для ея средствъ затрудненій, предпочитала разрубить ихъ Гордіевъ узелъ присягой?

Въ самомъ дѣлѣ, именно съ такимъ признаніемъ мы встрѣчаемся въ одномъ копномъ декретѣ: «Копа вся, не хотячи большой собѣ трудности и волокиты задавать, наказали съ тыхъ селъ на присягу мужовъ добрыхъ выбирать» (194). Но, разумѣется, кромѣ внѣшнихъ трудностей, можно предположить и внутреннія, психологическія причины, по которымъ народный судъ такъ охотно рѣшалъ свои дѣла посредствомъ присяги.

Присяга примѣнялась и къ истцу, и къ отвѣтчику, и къ свидѣтелямъ, и, наконецъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ постороннимъ лицамъ, связаннымъ съ тою или другою стороной союзомъ круговой поруки. Но, собственно, кто бы ни присягалъ, а присяга имѣла лишь два смысла: она была или обвинительной, или очистительной, причемъ обвинительная присяга примѣнялась лишь въ опредѣленныхъ ограниченныхъ случаяхъ, зато очистительная практиковалась очень широко и разнообразно.

Очистительная присяга имѣла мѣсто во всей той массѣ случаевъ, когда истецъ не могъ собрать достаточно вѣскихъ уликъ противъ подозрѣваемыхъ, и, въ то же время, эти подозрѣваемые не были «подейзреными» людьми, на которыхъ копный округъ уже и безъ того смотрѣлъ съ предубѣжденіемъ. Если истецъ не могъ выставить противъ подозрѣваемыхъ никакихъ объективныхъ уликъ и требовалъ очистительной присяги лишь на основаніи своего субъективнаго убѣжденія въ виновности такихъ-то, копа отказывала въ присягѣ, разъ это были люди добрые. Но если только выставлялись какія-нибудь улики, то копа взвѣшивала ихъ и, найдя недостаточными, обыкновенно прибѣгала къ очистительной присягѣ.

Вообще, очистительная присяга даетъ наиболѣе яркое представленіе о круговой порукѣ, которая составляла такую характерную черту копнаго права. Присяга одного подозрѣваемаго лица за самого себя почти никогда не примѣнялась, хотя чѣмъ дальше во времени, тѣмъ чаще и настоятельнѣе дѣлаются заявленія въ томъ смыслѣ, что не хотятъ присягать за другихъ: «за себя-де только готовы присягать и за свою челядь». Тѣмъ не менѣе, очистительная присяга за другихъ практиковалась все время въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Иногда сама копа, но чаще истецъ предлагали обвиняемому очистить себя присягой съ кровными родственниками или тремя сосѣдями; но еще гораздо чаще это дѣлалось такъ: спрашивали у села, беретъ ли оно на себя подозрѣваемыхъ и готово ли за нихъ

присягать? Если село готово очистить подозрѣваемаго, то истцу предоставляется выбрать самому нѣсколько мужей, вѣры годныхъ, и когда они приносутъ присягу, то уже подозрѣваемый «воленъ отъ обжалованія вѣчными часы»,—дѣло порѣшено окончательно. Точно такая же процедура имѣла мѣсто и въ томъ случаѣ, если обжалованнымъ на копѣ являлось не отдѣльное лицо, а цѣлое село: по особенностямъ копнаго права, это часто бывало. И тогда истецъ выбиралъ мужей до присяги, и этою присягой село «отприсягалось», т.-е. очищалось отъ обвиненія. Выбранный къ присягѣ могъ просить о томъ, чтобы присяга была отложена на такой-то болѣе или менѣе продолжительный срокъ, наприм., недѣль на шесть, чтобы собрать свѣдѣнія объ обстоятельствахъ дѣла, буде они ему не вполнѣ извѣстны (301); могъ и совершенно отказаться отъ присяги, что нерѣдко бывало. Но, отказываясь, онъ зналъ, что даетъ лишнее судебное доказательство въ руки истца; и, во всякомъ случаѣ, отказъ влекъ для него такія тяжкія нравственныя, а, можетъ быть, и матеріальныя послѣдствія, что лишь полная невозможность идти противъ совѣсти и навлечь ложною клятвой гнѣвъ Божій могла принудить человѣка къ такому отказу. Возможны были даже такіе случаи, что приговаривали къ уплатѣ шкоды самого присяжника, если онъ не шелъ къ присягѣ, а остальные присяжники не соглашались принимать присягу безъ него, т.-е. какъ бы за него. Въ случаяхъ особенной важности, собственно убійства, копа обставляла очистительную присягу особыми, болѣе тяжелыми условіями: напримѣръ, требовала, чтобы подозрѣваемые представили присяжниковъ не изъ своего села, а изъ сосѣднихъ, по выбору истцовой стороны, или чтобы прислали по 12 человѣкъ отъ каждаго конца села. Вообще, очевидно, что имѣло мѣсто то положеніе, которое примѣнялось и въ другихъ славянскихъ и древнихъ нѣмецкихъ правахъ: чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ большее число присяжныхъ людей требовало оно.

Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, очистительная присяга приносилась обыкновенно въ церкви, въ присутствіи священника. Истецъ формулировалъ, въ какомъ смыслѣ онъ желаетъ имѣть присягу, и присяга, повидимому, записывалась; по крайней мѣрѣ, не разъ упоминается «рота на письмѣ». Конечно, различны были, по обстоятельствамъ дѣла и требованію истца, лишь оттѣнки, общій же смыслъ очистительной присяги всегда былъ одинъ и тотъ же: клялись именемъ Божіимъ («яко справедливо, такъ намъ, Боже, поможи, а ежели несправедливо, пане Боже, насъ убій на тѣлѣ и на всемъ добромъ нашемъ»), что они, присяжники, «въ той шкодѣ, о кото-

рой идетъ дѣло, сами шкодниками не суть и о шкоднику не вѣдаютъ и въ своемъ селѣ шкодника не маютъ» (352, 274). Вѣроятно, эта процедура сопровождалась тою торжественностью, такъ сильно дѣйствующею на воображеніе, какою она до сихъ поръ сопровождается, наприм., въ Черногоріи, гдѣ сохраняются еще кое въ чемъ архаическіе нравы и обычаи.

Значеніе присяги, какъ призыва самого Бога къ вмѣшательству въ людскія дѣла, какъ передача правосудія Его всемогуществу, чуждому поблажекъ и уклоненій, видимо, стояло очень высоко въ сознаніи массы. Только во второй половинѣ XVII столѣтія, послѣ Хмельнищины, которая дошла и сюда своими отголосками, и съ одной стороны подчеркнула, съ другой—сама развила дикую, противуестественную рознь между людьми, еще такъ недавно стоявшими рука объ руку,—стало обнаруживаться время отъ времени легкое отношеніе къ присягѣ. Такому-то «не новость отприсягаться отъ воровскихъ вещей», замѣчаетъ копа по одному поводу, или: «подданные такіе-то извѣстные воры и не разъ отприсягались отъ воровства не только по-одиночкѣ, но и самъ-три и самъ-десять, и платили разнымъ людямъ шкоды и вины» (381). Но, все-таки, это были единичные случаи. Въ общемъ, масса все еще смотрѣла на ложную присягу какъ на такое дѣйствіе, которое неминуемо должно вызвать карающее вмѣшательство Божіе, но и вообще видѣла во всякой присягѣ священный актъ, который нельзя профанировать будничнымъ употребленіемъ, примѣненіемъ, не вызываемымъ насущною потребностью. Тотъ, кто требуетъ присяги, беретъ на свою душу отвѣтственность въ томъ, что онъ тревожитъ Бога, и надо значительное сознаніе своей правоты и ощущеніе нужды въ Божьемъ вмѣшательствѣ, чтобы рѣшиться на такое дѣйствіе. «Великій грѣхъ и бремя на совѣсти приводить невинныхъ людей къ присягѣ» (205); и случалось, что обжалованный предпочиталъ не очищаться присягой, а уплатить шкоду, чтобы самому потомъ отыскивать настоящаго виновника. Иногда обжалованные уже стояли въ церкви, готовые очиститься присягой, но напоминаніе священника о тяжести присяги такъ дѣйствовало на нихъ, что они тутъ же вступали въ сдѣлку съ истцомъ и его удовлетворяли (351).

Къ свидѣтелямъ присяга рѣдко примѣнялась. Но обвинительная присяга, присяга со стороны истца, есть одна изъ существенныхъ составныхъ частей копнаго процесса.

Когда обвиненіе выставляло тяжелыя улики, въ виду которыхъ уже нельзя было прибѣгнуть къ очистительной присягѣ, но, все-таки,

недостаточно полныя, по мнѣнію копы, тогда истецъ предлагалъ, какъ бы въ дополненіе, обвинительную присягу: если копа соглашалась, и истецъ принималъ присягу, подозрѣваемые, отдѣльное ли лицо или село, объявлялись виновными. Но часто копа отвергала предложеніе обвинительной присяги со стороны истца и замѣняла ее очистительной. Иногда вѣсы копнаго правосудія колебались между двумя сторонами, изъ которыхъ каждая предлагала присягу, и, въ силу того, склонялись ли они на сторону истца или отвѣтчика, назначалась присяга обвинительная или очистительная. Затѣмъ обвинительная присяга постоянно примѣнялась въ тѣхъ случаяхъ, когда уликъ со стороны истца было недостаточно, но самая личность отвѣтчика, помимо этого, являлась подозрительной въ глазахъ мужей-копниковъ: иногда достаточно было одной чьей-нибудь обвинительной присяги, чтобы произнести смертный приговоръ человѣку, котораго копный округъ уже держалъ въ подозрѣніи (345).

Случалось, что обжалованный, стоя твердо на своей невинности, самъ требовалъ отъ истца обвинительной присяги, беря на себя всѣ ея послѣдствія, въ чаяніи, конечно, того, что истецъ не рѣшится отяготить ею свою душу. Бывало и такъ, что обвиняемый добровольно освобождалъ отъ обвинительной присяги: «Однаково мнѣ на тотъ свѣтъ идти, но хочу его на душу свою брати и ею души ображати» (53, 171).

VI.

Истецъ представилъ всѣ необходимыя судебныя доказательства, но, тѣмъ не менѣе, подсудимаго никакъ нельзя довести до «устнаго признанія». Въ массѣ случаевъ такого признанія и не требуется, лишь было бы на кого положить вину, т.-е. удовлетворить истца за его шкоду, за убытокъ, который онъ понесъ. Но въ другихъ случаяхъ, отмѣченныхъ болѣе ли тяжелымъ характеромъ преступленія (убійство, поджогъ, колдовство, святотатство), личностью ли подсудимаго (недобрый, подейзреный человѣкъ, лезный, панскій слуга изъ чужой земли, наприм., мазуръ), является необходимостью добиться правды. Истецъ можетъ предложить копѣ взять отвѣтчика «на пробу» или «на муку», съ навязкой, т.-е. попробовать пыткой вынудить признаніе подъ обязательствомъ вознагражденія, если онъ «не домучится своей шкоды». Это иногда допускалось, но, все-таки, пока процессъ держался на почвѣ частнаго иска такого-то противъ

такого-то за причиненную имъ такую-то шкоду, допускалось съ большою осторожностью и осмотрительностью. Но дѣло могло перейти и на иную почву, что дастъ намъ возможность подмѣтить зарожденіе собственно уголовнаго права и процесса.

Большая копа закончила свой процессъ, виновность подсудимаго констатирована и утверждена единодушнымъ признаніемъ, «одинъ другого не отступаючи», копныхъ мужей, которые спрашиваютъ: «кто бы такого-то не хотѣлъ дѣлать виннымъ?» Никто не отступаетъ въ сторону; слѣдовательно, виновность признана единодушно. Убытки по нанесенной шкодѣ оцѣнены. Если истецъ не получаетъ тутъ же удовлетворенія, то даетъ копѣ «памятное», хоть сермягу съ хребта, какъ внѣшній знакъ, закрѣпляющій копное рѣшеніе. Если получаетъ разомъ и удовлетвореніе, то, войдя въ середину копы, благодаритъ за благочестивое рѣшеніе. Копа беретъ себѣ половину «пересуда» (судебныя пошлины), а другую даетъ гродскому уряду или пану, буде обвиняемый панскій подданный. Дальше остается только, если виновный не заплатилъ добровольно, взыскать съ него шкоду при помощи ли пана, принявшаго пересудъ, или другими средствами. Вотъ и все [1]).

Но дѣло не всегда этимъ кончалось. Руководствовалось ли правовое чувство народа какими-нибудь формальными признаками, чтобъ отдѣлять извѣстныя дѣла въ категорію такихъ, которыя не могутъ быть кончены простымъ возмѣщеніемъ шкоды, мы не знаемъ и указать ихъ не можемъ. Во всякомъ случаѣ, ясно, что шкодникъ, выросшій какимъ-то неуловимымъ для насъ процессомъ въ преступника, все еще сохраняетъ свое частное отношеніе къ истцу, который можетъ распоряжаться имъ по произволу: можетъ требовать смертной казни, можетъ взять къ себѣ въ кабалу, можетъ и отпустить на всѣ четыре стороны. Но дѣло въ томъ, что тутъ, на перерѣзъ притязаніямъ истца, могутъ выросги другія притязанія, притязанія иныхъ членовъ копнаго округа, чѣмъ и мѣняется характеръ процесса. Все это имѣло мѣсто уже на завитой копѣ.

Завитою копой могла называться всякая послѣдняя копа, которая

---

[1]) Судебныя платы, практиковавшіяся на копѣ, подъ названіемъ памятнаго и пересуда, извѣстны и другимъ славянскимъ правамъ. Памятное, кромѣ статутовъ Владислава Ягеллы и Вислицкаго. встрѣчается съ широкимъ употребленіемъ въ чешскомъ правѣ. *Jirečeк*, II. стр. 239—240. Съ такимъ же употребленіемъ встрѣчается терминъ «пересудъ» въ правѣ русскомъ, какъ восточномъ, такъ и западномъ. Русскіе ученые невѣрно толкуютъ этотъ терминъ, придавая ему смыслъ подачи на апелляцію. Въ чешскомъ правѣ то же понятіе выражается сл. přisudné.

постановляла окончательное рѣшеніе. Но съ типичнымъ характеромъ являлась она, какъ спеціальный актъ копнаго правосудія, лишь при тѣхъ болѣе важныхъ дѣлахъ, гдѣ шкода выростала уже въ преступленіе.

Когда процессъ большой копы уяснялъ этотъ усложненный характеръ виновности, собраніе «завиваетъ копу на иншій часъ», а виновнаго заключаетъ въ «вязенье» (отъ сл. вязать) до этого иншаго часа или отдаетъ на поруки. Вязенье бывало иногда и копное; слѣдовательно, существовало что-то вродѣ копной тюрьмы (63), но чаще отдавали въ вязенье самому истцу или селу, которое было заинтересовано въ дѣлѣ; еще чаще отдавали не въ вязенье, а на поруку, такъ какъ, конечно, было затруднительно охранять узника, при недостаточной же охранѣ, онъ, случалось, и уходилъ (165). Отдавался виновный на поруки или его пану, или селу, подъ отвѣтственностью уплаты болѣе или менѣе значительной денежной суммы, отъ 100 до 1000 копъ грошей, съ обязательствомъ «становить до права на завитую копу въ опредѣленный срокъ».

И вотъ собирается завитая копа. Ясна и несомнѣнна виновность, ясно и то, чѣмъ долженъ виновный удовлетворить своего истца въ его шкодѣ. Но самый характеръ виновности обнаруживаетъ въ виновномъ черты «приличнаго злодія», т.-е. не только человѣка, совершившаго то или другое преступное дѣяніе, но человѣка вообще способнаго на совершеніе преступныхъ дѣяній. Это уже не шкодникъ своего истца, а врагъ общественнаго (понимая подъ обществомъ, конечно, копный округъ) мира и спокойствія. Надо замѣтить, что если эта сторона выясняется какими-нибудь обстоятельствами слишкомъ рѣзко, то копа не считаетъ даже обязательнымъ обычныя формы судопроизводства: наприм., относительно такого преступника, за котораго даже родные братья отказываются присягать, копа считаетъ себя въ правѣ, по копному обычаю, просто «каразнь» (казнь) дать безъ всякой процедуры. Но если такой несомнѣнности нѣтъ, все идетъ своимъ порядкомъ. Копа должна допытаться у виновнаго, не онъ ли причиной тѣхъ преступленій, какія совершались на территоріи копнаго округа,—буде были такія преступленія съ неизвѣстными шкодниками,—и нѣтъ ли у него товарищей, такихъ же злыхъ людей? Могло случиться, что подобныхъ преступленій въ копномъ округѣ вовсе не было и никто не отзывается на вопросъ: «не имѣетъ ли кто пытать злодія о своей шкодѣ?» Тогда виновный остается въ распоряженіи истца. Но могло случиться, что такія преступленія бывали, и тогда каждый пострадавшій имѣетъ право «домучиваться своей

шкоды». Въ болѣе легкихъ случаяхъ, когда копа видѣла, что имѣетъ дѣло не съ тяжкимъ и закоренѣлымъ преступникомъ, все могло ограничиться патріархальными «дубцами». Если не съ перваго раза, то «повторе» дубцы приводили такого преступника къ откровенному разсказу о своихъ поступкахъ (32). Но часто дѣло принимало болѣе мрачный оборотъ. Вся копа или только потерпѣвшіе сговариваются между собою, какъ доходить имъ своихъ шкодъ на такомъ-то. Обычный способъ вынудить сознаніе была проба, т. е. пытка огнемъ. Преступникъ иногда добровольно сознавался, чтобы предупредить пытку. «Панове муже,—говорилъ онъ,—вижу я, что пришелъ мой часъ; прошу васъ всѣхъ, не давайте меня на муку и не уродуйте моего грѣшнаго тѣла; что дѣлалъ и что вамъ зашкодилъ—во всемъ признаюсь добровольно, безъ муки» (145). Такое сознаніе, когда преступникъ признавался «невязаный, небитый, безъ всякой муки», очень цѣнилось, но оно, все-таки, не избавляло иногда отъ пытки. Пострадавшіе, все-таки, могли требовать у копы, чтобъ она выдала преступника попытать о свои шкоды». Подъ пыткой допрашивались о своихъ шкодахъ и о томъ, не было ли у преступника товарищей и помощниковъ.

Вообще, допросъ съ пристрастіемъ по отношенію «приличнаго злодія», видимо, составлялъ необходимую принадлежность копнаго процесса. Но надо замѣтить, что копа скорѣе стремится ограничить, чѣмъ расширить примѣненіе этого средства. Ни съ какими изысканными пытками мы не встрѣчаемся: дубцы и огонь—это все, что допускалось. Конечно, обиженные, которые имѣли свое право на злодія, подъ вліяніемъ раздраженія, могли иногда позволять себѣ и излишнія жестокости. «Взяли,—находимъ мы въ одномъ документѣ,—такого-то на муку и почавши съ полудня ажь до самаго вечера мучили, палили его соломой, нарогами и сковородой, лучиной, на очепъ стоймя и вверхъ ногами вѣшали, семь разъ его на муку брали, допытываясь своихъ шкодъ, волосы его опалили, нижніе члены сожгли и сдѣлали его вѣчно хромымъ» (175). Но на подобные случаи наталкиваешься какъ на исключеніе, и всегда отчетливо видно, что тутъ дѣйствуетъ не копа, а сами пострадавшіе, право которыхъ она не всегда умѣла или могла ограничить.

Сознался ли въ чемъ преступникъ, или не сознался, назвалъ ли онъ своихъ товарищей, или не назвалъ, все равно ему дорога одна на шибеницу (висѣлицу). Лишь въ легкихъ преступленіяхъ, наприм., кражѣ скота, хлѣба съ поля, и то, вѣроятно, лишь тогда, когда дѣло шло не объ упорномъ рецидивистѣ, наказаніе ограничивалось

тѣмъ, что преступника просто срамили: водили по мѣстечку съ навязаннымъ на шею житомъ, съ надѣтою уздечкой и т. д. Обыкновенно, его ждала шибеница, тотчасъ же приготовленная на своемъ обычномъ мѣстѣ (412). Вотъ уже онъ и «взогнанъ», уже и «на остатнемъ ступню». Еще нѣсколько мгновеній, и онъ явится передъ Богомъ или съ бременемъ преступленій, которыя утаилъ отъ міра, или освободившись отъ нихъ исповѣдью. Вниманіе копы устремлено на него напряженно: всѣ ждутъ тѣхъ признаній, которыхъ не посмѣетъ не сдѣлать преступникъ въ этотъ великій послѣдній моментъ. Иногда какой-нибудь старецъ рѣшится обратиться съ увѣщаніемъ, чтобы онъ, виновный, все сказалъ, что зналъ, не таилъ, идучи со свѣта, никакихъ за собой «таемныхъ рѣчей» (63). Но нужны ли тутъ увѣщанія? Преступникъ самъ полонъ одной мысли, одного желанія облегчить, по возможности, свою грѣшную душу передъ этимъ безвозвратнымъ шагомъ въ вѣчность. Про себя собственно ему и сказать нечего: онъ уже раньше, въ чаяніи своего часа, все сказалъ. Онъ знаетъ, что на этомъ остатнемъ ступню копа ждетъ, что онъ выдастъ своихъ сообщниковъ и подтвердитъ или отвергнетъ свои прежнія показанія, сдѣланныя насчетъ ихъ: не захочетъ-де онъ нести, кромѣ отвѣта за себя, еще отвѣта за чужіе грѣхи, что не минуетъ его, если онъ ихъ укроетъ, или, съ другой стороны, не захочетъ онъ прибавлять къ своему бремени еще бремя ложнаго извѣта. И вотъ преступникъ начинаетъ припоминать все: а что комору тогда-то тамъ-то выкрали, то подговорилъ меня такой-то; а что кляча у такого-то украдена, то слышалъ, какъ похвалялся такой-то; а что овцы у такого-то покрадены, то хвалился такой-то и т. д. (171). «А тотъ злодій на остатнемъ ступню не хотѣлъ отволать такихъ-то (взять назадъ оговоръ), но говорилъ: «такіе-то мои товарищи, помощники и губители, отъ нихъ на тотъ свѣтъ иду»; «выговоривши и поволавши (оговоривши) такихъ-то, кинулся съ висѣлицы и смертью тотъ свой оговоръ запечатлѣлъ». Такой оговоръ на остатнемъ ступню считался очень важнымъ. Оговоръ этотъ не только врѣзывался въ сознаніе мужей-копниковъ, но и записывался въ «черныя» гродскія книги. Конечно, одного оговора было недостаточно, чтобы начать судебное преслѣдованіе противъ оговореннаго. Но онъ уже навсегда остается съ клеймомъ «подейзренаго» человѣка, на котораго обращено подозрительное вниманіе копнаго округа. Малѣйшаго проступка съ его стороны достаточно, чтобъ погнать его на висѣлицу (276).

Бывали случаи, что копа и миловала, т. е., конечно, при томъ необходимомъ условіи, что не было такихъ пострадавшихъ, которые бы

*

«инстиговали преступника о горло». Напримѣръ, на остатнемъ ступню осужденный начинаетъ умолять истца и копу о милосердіи, обѣщаясь и «присягаясь Богу въ Троицѣ Единосущему и всей копѣ», что уже никогда не будетъ дѣлать ничего подобнаго. Истецъ, по просьбѣ «коплянъ, добрыхъ людей, даруетъ его горломъ» и велитъ сходить съ висѣлицы; копа даетъ преступнику «хлосту» и предоставляетъ его въ распоряженіе истца (394).

Но, вообще, оказать милосердіе и освободить отъ смерти не было такимъ простымъ дѣломъ: тотъ, кто имѣлъ законное право требовать смерти, но освобождалъ отъ нея виновнаго, тѣмъ самымъ бралъ на себя отвѣтственность за его будущіе проступки. Панъ, изъ подданныхъ котораго былъ преступникъ, случалось, даже жаловался оффиціально на истцовъ, которые осудили преступника вмѣстѣ съ копой и окрикнули на смерть, но не казнили (243, 426).

Преступленія, которыя наказывались висѣлицей,—исключительно кражи, иногда осложненныя поджогомъ; ни съ чѣмъ другимъ мы не встрѣтились. Кража изъ церкви наказывается сожженіемъ, значительныя по цѣнности кражи у помѣщиковъ — четвертованіемъ заживо. Такимъ образомъ, копа казнитъ почти исключительно за посягательство на чужую собственность. Только одинъ разъ встрѣчаемся съ смертнымъ приговоромъ за колдовство. По дѣламъ объ убійствахъ копа иногда производитъ только предварительное разслѣдованіе, но иногда ведетъ и все слѣдствіе,—однако не видимъ ни разу, чтобъ она произносила окончательное рѣшеніе: вѣроятно, эти дѣла отходили отъ копы «на большій разсудокъ» гродскаго суда. Въ заключеніе замѣтимъ еще, что упомянутыя выше, болѣе тяжелыя уголовныя преступленія съ ихъ ужасными наказаніями имѣли мѣсто въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за Хмельнищиной.

Мы изложили весь процессъ копнаго судопроизводства въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ представляется по изученіи всей совокупности изданныхъ актовъ, касающихся копы. Каждый актъ въ отдѣльности не даетъ о цѣломъ этого процесса никакого понятія. Дѣло въ томъ, что эти акты не протоколы копныхъ собраній, какъ это можно предположить: копы обходились безъ письменнаго судопроизводства потому, съ одной стороны, что въ немъ не нуждались, а съ другой—въ силу общей безграмотности, на которую есть указанія. Акты эти извлечены изъ книгъ гродскихъ судовъ: туда записывались, по желанію которой-либо изъ сторонъ, вознаго, иногда самой копы, лишь сомнительные случаи, которые могли нуждаться въ обращеніи къ «большему разсудку» правительственнаго суда: масса

дѣлъ, не возбуждавшихъ сомнѣній, не нуждалась и въ гродскихъ книгахъ. Характеръ этихъ документовъ очень разнообразный: тутъ и копные декреты, и жалобы на дѣйствія копнаго суда, и просто заявленія или записи различныхъ, почему-либо и для кого-либо интересныхъ обстоятельствъ, выяснившихся путемъ копнаго процесса.

Но въ самомъ копномъ правѣ была одна сторона, которая затрудняетъ пониманіе копнаго судопроизводства. Дѣло въ томъ, что далеко не всегда копный процессъ развертывался до своей естественной законченности; слишкомъ часто онъ прерывался на какой-нибудь своей промежуточной фазѣ. Здѣсь мы должны поближе коснуться этой любопытной особенности копнаго права.

Выше мы уже имѣли случай говорить о томъ, что копное право еще почти всецѣло держалось началъ частнаго права, что для него первою, а часто и исключительною цѣлью правосудія было удовлетворить матеріально истца, возмѣстить шкоду. Тотъ переходъ на почву уголовнаго права, на который мы только что указали, имѣлъ скорѣе характеръ не удовлетворенія требованій высшей справедливости, а характеръ мѣры общественной безопасности. Надо избавиться отъ вреднаго человѣка, за котораго еще того и гляди придется отвѣчать,—вотъ та крайне простая идея, которою руководилась копа въ своей криминалистикѣ.

Изъ того представленія, что главная цѣль правосудія—удовлетворить истца за нанесенный ему ущербъ, вытекало, какъ слѣдствіе, то, что копа искала не виноватаго, а того, на кого можно было бы возложить вину, т. е. удовлетвореніе обиженнаго. Конечно, этимъ достигалась и другая попутная цѣль—упрощеніе копнаго судопроизводства, что, конечно, тоже было мотивомъ очень вѣскимъ: надо представить себѣ всѣ внѣшнія, такъ сказать, физическія трудности, которыя заключались въ судѣ при посредствѣ собранія мужей цѣлаго копнаго округа.

На кого положить вину? Если есть явный шкодникъ, т. е. найдено «лицо», есть достаточное число свидѣтелей, добрыхъ людей, дана обвинительная присяга, то дѣло ясно: вина кладется на него, онъ платитъ шкоду по оцѣнкѣ копы. Но шкодникъ не отыскивается, несмотря на всѣ тѣ могущественныя средства къ раскрытію истины, какими обладаетъ копа, и, такимъ образомъ, главная цѣль копнаго правосудія, удовлетвореніе обиженнаго, не достигнута, даромъ потрачено время и трудъ мужей цѣлаго копнаго округа. Но тутъ часто обнаруживаются такія обстоятельства, которыя позволяютъ выйти изъ затрудненія. Можетъ быть, село или домохозяинъ не могъ отвести

слѣда. Въ такомъ случаѣ уже никто и не думаетъ о дальнѣйшихъ розыскахъ: вина кладется на того, кто не отвелъ слѣдъ, онъ долженъ уплатить шкоду, а если сознаетъ себя невиновнымъ, то можетъ уже самъ отъ себя начать отыскивать настоящаго виновника. «Не трудите меня больше, но сказывайте скорѣе, сколько я долженъ платить?»— говоритъ такой домохозяинъ, не могущій отвести слѣда, зная, что ему уже нѣтъ другого выхода изъ положенія, которое могло зависѣть и не отъ его вины, а отъ стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ. Село или отдѣльное лицо получило извѣщеніе о томъ, что копа приглашаетъ ихъ къ выходу, но они не выходятъ и не извѣщаютъ о томъ, какія уважительныя причины воспрепятствовали выходу: копа кладетъ на нихъ вину. Домохозяинъ скрываетъ отъ копы, что у него былъ гость изъ-за предѣловъ копнаго округа; онъ даетъ пристанище лезному; село держитъ подозрительнаго человѣка, за котораго, однако, присягать не хочетъ,—всего этого достаточно, чтобы положить вину, слѣдовательно, уплату шкоды на такого домохозяина или село. Такому-то предложили очистить себя присягой, но онъ отказался: за то онъ долженъ взять на себя вину. Одинъ домохозяинъ имѣлъ неосторожность при свидѣтеляхъ проговориться, что онъ знаетъ, «куда пошло покраденное жито», и опять-таки, когда онъ сталъ отъ этихъ словъ отпираться, а свидѣтели его уличили, на него кладется вина и т. д., и т. д. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ домохозяинъ или село, на которое положена вина и уплата шкоды, сохраняетъ за собой «право вольное виннаго искать» и такимъ путемъ добиваться возмѣщенія понесеннаго имъ ущерба.

Очень характеренъ такой оборотъ дѣла. Въ одномъ тяжеломъ преступленіи (кража съ поджогомъ) копа находитъ настоящаго преступника, который и идетъ на висѣлицу. Уплата же шкоды возлагается на свидѣтелей, которые своими сбивчивыми показаніями давали поводъ къ нѣкоторымъ подозрѣніямъ въ ихъ прикосновенности къ дѣлу, хотя нѣтъ никакой рѣчи о преданіи къ суду. Надо прибавить, что въ этомъ случаѣ преступникъ былъ слуга тѣхъ самыхъ пановъ, которые явились истцами, такъ что съ него взыскивать было нечего.

Дѣло объ убійствѣ копа не рѣшала, но она производила слѣдствіе и выясняла, кто долженъ былъ платить «головщину», т. е. плату за голову родственникамъ убитаго. Сюда примѣнялись тѣ же общія основы копнаго права. Прежде всего, вина клалась на то село, на территоріи котораго было найдено тѣло: оно уже само могло принимать мѣры къ отысканію преступника, чтобы переложить на

него уплату. Если бы было установлено разслѣдованіемъ, что человѣкъ исчезъ на такой-то территоріи, то село платило головщину условно: въ случаѣ, если бы человѣкъ появился, она должна быть возвращена. По отношенію къ убитому проѣзжему, копа слѣдитъ по дорогѣ, и на то владѣніе, на которомъ прекращается слѣдъ, возлагается уплата.

VII.

Остается взглянуть на изслѣдуемое нами явленіе въ его исторической перспективѣ. Правовое развитіе человѣчества имѣло не одну исходную точку, какъ это принято думать, а двѣ (см. главу I). Правда для своихъ и правда для чужихъ двумя, очень различающимися между собой, нитями сплелись и образовали такую плотную ткань, что не только изслѣдователю современнаго права, но и историку права трудно добраться до первоначальныхъ элементовъ. И ученые были бы безсильны разобраться въ этомъ, еслибъ не обратились къ изслѣдованію правовыхъ отношеній и понятій тѣхъ народовъ, которые задержались на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, какъ это сдѣлалъ г. Ковалевскій по отношенію осетинъ.

XVI — XVII вв., къ которымъ пріурочивается наше изслѣдованіе хронологически, были въ исторіи русскаго народа, а тѣмъ болѣе западно-русской его вѣтви, сравнительно позднею эпохой: сзади лежали уже вѣка государственной жизни, которая непремѣнно перерабатывала первобытныя патріархальныя отношенія, сплавляла естественно обособленные родовые союзы, воспроизводила силою создаваемыхъ ею потребностей союзы иного искусственнаго типа. Искать въ русскихъ юридическихъ памятникахъ XVI—XVII вв. указаній на первобытныя, такъ сказать, исходныя правовыя отношенія было бы неблагодарною задачей.

Но, стоя твердо на этой точкѣ зрѣнія, мы все-таки считаемъ возможнымъ указать на одну характерную черту, какъ бы ставящую копное право въ связь съ первобытною правдой для своихъ. Эта черта — мирный характеръ копнаго права. Все въ немъ какъ будто разсчитано на то, чтобы наиболѣе скорыми и дѣйствительными путями достигнуть главной цѣли — водворенія въ копномъ округѣ спокойствія, нарушеннаго проступкомъ или преступленіемъ члена этого округа. Въ этомъ отношеніи копный судъ, несмотря на всю совокупность своихъ своеобразныхъ юридическихъ аттрибутовъ, по

духу ближе стоитъ къ полицейскому, чѣмъ судебному учрежденію настоящаго времени. Лишь бы было тихо и мирно въ настоящемъ, лишь бы устранить все, что можетъ угрожать этой тишинѣ и миру въ будущемъ... Присяга, это постоянное обращеніе къ Богу и передача Его всевѣдѣнію и всемогуществу всѣхъ недохватокъ по людскому правосудію, была въ рукахъ копнаго суда могущественнымъ орудіемъ для водворенія желаннаго мира.

Что копное право стоитъ въ генетической связи съ другими славянскими правами, поскольку они уясняются сохранившимися памятниками, на это приходилось уже, хотя и мимоходомъ, указывать. Нечего и говорить о такихъ крупныхъ фактахъ, какъ существованіе на всей территоріи славянскаго племени сосѣднихъ союзовъ, аналогичныхъ копнымъ округамъ, подъ разнообразными названіями: волости, гмины, ополья, околицы, жупы съ ихъ круговою отвѣтственностью и порукой, съ обязательствомъ сосѣдей гнать слѣдъ, уплачивать головщину и т. п. Матеріальная сторона копнаго права носитъ на себѣ также рѣзкія черты сходства съ разными славянскими «правдами». Возьмемъ, наприм., хотя бы легкое отношеніе копнаго права къ захвату собственности, стоящей открыто, которое находитъ себѣ аналогію въ постановленіяхъ польскихъ статутовъ (вислицкихъ, піотрковскаго); отношеніе «шкоды» къ «злодѣйству» приводится и развивается въ разныхъ чешскихъ и польскихъ правахъ; значительное развитіе присяги, пороты, съ извѣстными указанными особенностями ея примѣненія, встрѣчается во всѣхъ славянскихъ правахъ. Но важнѣе всего указать, какую связь имѣетъ копное право съ литовско-русскими законодательными памятниками общаго характера, т. е. судебникомъ Казиміра и литовскимъ статутомъ. Глубокая органическая связь между копнымъ правомъ и этими двумя законодательными памятниками не подлежитъ сомнѣнію: внимательное ознакомленіе легко приводитъ къ убѣжденію, что это—три вѣтви одного и того же ствола. Понятіе о преступленіи, способы разслѣдованія преступленія, судебныя доказательства, послѣдствія преступленія,— все это обнаруживаетъ самое близкое родство, если не тождество, принциповъ права писаннаго и обычнаго, т. е. копнаго. Но сходство это маскируется въ силу слѣдующихъ обстоятельствъ. Законодательные памятники имѣютъ своею главною цѣлью указать выходъ изъ опредѣленныхъ юридическихъ затрудненій; затрудненія же эти, по представленію законодателя, почти всегда были въ связи съ личностью преступника. Дѣло не въ томъ, чтобы дать юридическую норму, которую часто и не было надобности давать, такъ какъ она

была жива въ сознаніи общества, а въ томъ, чтобы пріурочить ее къ тому или иному общественному положенію. Такое развивающееся и усложняющееся въ своемъ развитіи общество, какъ то, которое имѣлъ въ виду литовскій статутъ, дѣлало изъ вопросовъ этого характера вопросы первой необходимости: панъ, земянинъ, людинъ, бояринъ путный, парубокъ, хлопъ или челядь невольная,— каждая категорія требовала особыхъ опредѣленій, вытекающихъ изъ ея собственныхъ общественныхъ отношеній. Копное же право было совсѣмъ въ другомъ положеніи: исходя изъ потребностей общества съ простымъ составомъ, оно до конца оставалось на той же почвѣ, очень упрощавшей всѣ юридическія постановки. Все ростущее общественное дифференцированіе отражалось на копѣ лишь тѣмъ, что выводило членовъ изъ ея юрисдикціи, ничего не мѣняя по существу.

Но, конечно, самая любопытная черта копнаго права—та, что право это практиковалось народнымъ судомъ,—судомъ громады, вѣча. Какъ отнестись къ этому факту? Имѣетъ ли онъ свое настоящее мѣсто въ общей цѣпи соотвѣтствующихъ историческихъ явленій, или это—исключеніе, результатъ стеченія какихъ-нибудь особенныхъ случайныхъ условій? Другими словами, принадлежало ли право суда народу не въ видѣ случайнаго историческаго исключенія, а въ видѣ общаго историческаго правила?

Наука имѣетъ на это готовый отвѣтъ. Что было за предѣлами исторіи, говоритъ она, это вопросъ спорный, но въ историческія времена судебная власть принадлежитъ всегда главѣ государства или тому, кому онъ ее передастъ; по крайней мѣрѣ, это несомнѣнно по отношенію къ русскому и другимъ славянскимъ племенамъ. Всѣ извѣстные судебники, законники, статуты, судныя грамоты ясно говорятъ объ одномъ, что князь, король, царь есть единственный источникъ судебной власти. Такъ говоритъ и наука. Но такъ ли оно было на дѣлѣ?

Почва, на какой создалась историческая фикція, связывающая право суда съ исключительными прерогативами верховной власти, ясна: это—участіе, какое съ самаго начала принимало государство въ судебныхъ пошлинахъ и урокахъ, вирахъ и пересудахъ. Но эти платы не были платами за судебное рѣшеніе, хотя платы за рѣшеніе и были совершенно въ духѣ архаическаго правового мышленія. Виновный платилъ на копѣ, кромѣ всего, что требовалось для удовлетворенія обиженной стороны, въ пользу судей-копниковъ и столько же въ пользу пана или государства ($^1/_2$ пересуда копѣ, $^1/_2$ пану или гродскому суду). Мы думаемъ, что этотъ порядокъ копа сохра-

нила отъ глубокой древности. Кто судилъ, тотъ получалъ плату за рѣшеніе; но считалось, кромѣ того, правильнымъ, чтобы преступникъ платился въ пользу государства. Какой государственный доходъ могъ быть справедливѣе этого дохода отъ преступника, врага общества, нарушителя общественнаго мира? Епископы, совѣтуя Владиміру Святому возстановить отвергнутыя имъ виры, говорили: «Рать многа; ожо вира, то на оружье и на конихъ буди» [1]). Слѣдовательно, виры были необходимы на содержаніе дружинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ долженъ былъ искать правды древній человѣкъ?

Въ эпоху ранней исторической жизни, когда общественныя отношенія еще рѣзко распадались на отношенія между своими, признаваемыми за родныхъ, и чужими, но родными, нарушенная правда, внутри родового союза, возстановлялась общимъ сознаніемъ и традиціями этого союза; правда между чужими, желающими встать на почву мирнаго соглашенія, обращеніемъ къ посредничеству лицъ, за которыми признавался извѣстный авторитетъ—особой одаренности или опытности, мудрости и т. д. Въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи, когда вступило уже въ свои права государство съ его объединяющею тенденціей, сначала держались тѣ же начала. Правду искали въ тѣхъ же двухъ источникахъ: или въ сознаніи окружающихъ, членовъ данной общественной группы, или въ обращеніи къ посредничеству людей высшаго знанія и высшей мудрости (по Геродоту, у скиѳовъ судили мудрецы, по Гельмгольцу, у славянъ—жрецы). Этими посредниками могли быть и князья, но не въ силу своего положенія, а въ силу своей признанной высшей одаренности: Любуша судитъ не потому, что она княжна, но потому, что она мудра. Но такое судебное рѣшеніе, принадлежащее одному или нѣсколькимъ лицамъ, получало свою санкцію только въ общественномъ признаніи; только такое признаніе давало ему обязательную силу. Лишь этою идеей могла обусловливаться, замѣчаемая обоими авторитетами нашими по славянской юридической древности, Мацѣевскимъ и Иречкомъ, тенденція старыхъ славянъ, въ случаѣ недовольства судебнымъ рѣшеніемъ, искать правды во все большемъ и большемъ комплектѣ судей [2]). Повидимому, въ зависимости отъ этой идеи развивалось древнее нѣмецкое право, въ которомъ ортель Urtheil (судебное рѣшеніе) имѣетъ такое условное значеніе: каждый, кому не

---

[1]) Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку,

[2]) *Maciejowski:* «Historya prawodawstw», III, 227, 262, 274; *Jirecek:* «Slowanské prawo», I, 199; II. 236.

понравился судебный ортель, могъ внести закладъ, сѣсть на судебную лавицу и произнести свой ортель. Въ болѣе древнія времена объ истинѣ ортеля судило судебное вѣче; позже—высшій судъ [1]).

Введеніе христіанства, съ которымъ вмѣстѣ проникли идеи и формы высшей культуры, должно было произвести цѣлую революцію въ правовомъ строѣ первобытныхъ славянскихъ обществъ. Высшая правда оказывалась заключенною въ непонятныхъ книгахъ, и ее приходилось принимать частью за страхъ, частью за разумъ. До тѣхъ поръ правда жила въ живомъ и текучемъ сознаніи массъ, теперь явилась возможность создать для нея внѣшніе неподвижные центры. Явились письменныя «правды», опираясь на которыя, могъ судить и князь, и всякій, кому онъ захотѣлъ бы поручить это дѣло; за всѣмъ письменнымъ масса всегда склонна была признавать высшій авторитетъ: «всѣ письма оставлены людямъ на знаніе и науку»,—говоритъ одинъ древній польскій памятникъ. Но, тѣмъ не менѣе, старыя отношенія не такъ-то легко уступили мѣсто новымъ, и народное участіе въ судѣ не скоро еще оказалось упраздненнымъ.

Копный судъ въ одномъ мѣстѣ того сборника документовъ, который послужилъ фундаментомъ нашей работѣ, называется судомъ гайнымъ, т. е. лѣснымъ (отъ сл. gaj—роща) (426) [2]). И самое это выраженіе «гайный судъ» и заключающееся въ немъ понятіе публичнаго суда, отправляющагося подъ открытымъ небомъ, принадлежитъ глубокой и широко распространенной славянской древности; Мацѣевскій приписываетъ слово и соотвѣтствующее понятіе польскому, чешскому, русскому и сербскому народамъ [3]). Но мы встрѣтились съ выраженіемъ sąd gajny лишь въ одномъ древнемъ памятникѣ, который Мацѣевскій относитъ къ 14 в.: Wyroki sądòw miejskih. Изъ нихъ видно, что въ первую эпоху существованія въ городахъ Польши (дѣло идетъ о Краковскомъ воеводствѣ) такъ называемыхъ магдебургскихъ судовъ гайными судами назывались тѣ, которые отправлялись войтомъ съ присяжниками (другіе суды по магдебургскому праву — суды бурмистра съ райцами). Самый памятникъ даетъ основаніе думать, что эти суды имѣли публичный характеръ въ связи съ еще болѣе старою формой суда, совершенно открытаго, вѣчевого или копнаго типа [4]). Древнее нѣмецкое право также знаетъ

---

[1]) *Grimm:* «Rechtsalterthümer», sechstes Buch; *Maciejowski,* т. 6, приложенія: *Wyroki sądów miejskich.*

[2]) Словарь Линде, подъ словами gai, gaić, sąd.

[3]) *Maciejowski,* т. III, 201—204.

[4]) *Maciejowski,* т. VI, 34—5, 56 (судъ этотъ названъ явнымъ), 117.

гайные или лѣсные суды подъ именемъ Fortgericht, Gaingericht, Holzgericht, какъ одно изъ названій того же народнаго, вѣчевого суда. Вообще, такой глубокій знатокъ нѣмецкой юридической древности, какъ Гриммъ, на основаніи и прямыхъ свидѣтельствъ, и филологическихъ соображеній, съ полною положительностью утверждаетъ, что судъ народнаго собранія есть единственный исконный видъ нѣмецкаго суда. Правомъ участія въ народномъ собраніи пользовались всѣ свободные люди, причемъ къ ближайшему отправленію правосудія допускались лишь «добрые мужи», biedermänner, boni homines, наибольшее же значеніе имѣли старики и благородные, alte seniores и majores natu. Въ мѣстныхъ судахъ, судахъ округи или марки, члены судебнаго собранія назывались genossen, nachtarn [1]).

Славянская филологія не даетъ фундамента для такихъ рѣшительныхъ и широкихъ обобщеній, какія дѣлаетъ Гриммъ. Но уже самый фактъ существованія копнаго, гайнаго, вѣчового суда на территоріи Литовской Руси въ XVI—XVII стол. самъ по себѣ говоритъ очень много. Напримѣръ, ученые могли придавать разные смыслы выраженію псковской судной грамоты: «а князь и посадникъ на вѣчи суду не судить», но теперь мы можемъ съ извѣстною увѣренностью принимать это мѣсто за доказательство того, что въ Псковской области существовали судныя вѣча. Если мазовецкіе послы обращаются къ Сигизмунду Старому съ просьбою насчетъ «великихъ роковъ, которые въ Мазовіи воевода съ радами и земскими урядниками разъ въ годъ судитъ вмѣсто вѣча», то, опять-таки, смѣло можемъ принимать это выраженіе памятника въ его прямомъ смыслѣ и говорить, что въ Мазовіи судебныя вѣча существовали до начала XVI в. Если въ сербскомъ Дубровникѣ высшій классъ населенія, т. е. его землевладѣльческій классъ, земяне, назывался судьями и вѣтниками (т. е. вѣчниками), то совершенно естественно связывать это названіе съ правомъ «добрыхъ мужей» участвовать на судебномъ вѣчѣ. «Вѣчное» называлась одна повинность, которую платили сельскія громады Польши судебному урядfestnику, опять-таки, конечно, не безъ отношенія къ судебному вѣчу [2]).

Мы указываемъ на тѣ мѣста памятниковъ, гдѣ прямо говорится о судебномъ вѣчѣ. Но, вѣдь, не слѣдуетъ забывать, что при всей массѣ имѣющихся копныхъ документовъ есть только два указанія, что судебная сходка называется своимъ старымъ общеславянскимъ именемъ вѣча. Такимъ образомъ, очевидно, что нельзя связывать

[1]) *Grimm:* «Rechtsalterthümer», sechstes Buch.
[2]) Maciejowski. т. 6, прибавленія, т. 4, § 187, 319.

понятіе съ однимъ извѣстнымъ терминомъ. Но мы не поведемъ читателя въ утомительное путешествіе по юридическимъ памятникамъ съ цѣлью разыскать и выяснить всѣ могущія въ нихъ укрываться доказательства нашихъ утвержденій. Укажемъ лишь слѣдующее. Въ славянской историко-юридической литературѣ едвали можно указать болѣе капитальное сочиненіе, чѣмъ трудъ Иречка: Slovanské pravo w čechach a na Moravé, и, благодаря этому труду, древнее чешское право является въ гораздо болѣе отчетливомъ и цѣльномъ освѣщеніи, чѣмъ какое-либо иное славянское право. Самъ Іеречекъ былъ, видимо, далекъ отъ мысли, что въ описываемую имъ эпоху судебная власть могла принадлежать народу. Но какой иной смыслъ можетъ имѣть такая его характеристика? Организація общихъ судовъ Чешской земли, по словамъ Иречка, во вторую разсматриваемую имъ эпоху (т. е. отъ начала XI до XIII вв.) имѣла слѣдующій видъ. Во-первыхъ, это были суды полюбовные, которые перешли въ XIV столѣтіи въ такъ называемые «домашніе роки», «roki domaci», на которыхъ, по свидѣтельству Штитнаго, «больше по правдѣ, чѣмъ по праву, судятъ и договариваются люди». Во-вторыхъ, суды жупы, т. е. округа: жупному суду подлежали всѣ обыватели жупы, а судили паны и владыки своей жупы. Наконецъ, въ-третьихъ, высшій судъ снѣма (сейма), т. е. общаго большого вѣча всей земли, на которомъ имѣлъ право участвовать каждый, конечно, лишь свободный человѣкъ. Характеръ судовъ первой и третьей категоріи ясенъ; но что такое судъ жупы, самый важный по объему своей компетенціи? Иречекъ, на основаніи документальныхъ свидѣтельствъ, категорически оговариваетъ, что «въ жупномъ судѣ судили не урядники жупы, но паны и владыки той жупы» (202). «Паны и владыки» соотвѣтствуютъ, по принятой терминологіи, литовско-русскимъ панамъ и земянамъ, т. е. классу привиллегированныхъ землевладѣльцевъ. Т.-е. мы, опять-таки, имѣемъ дѣло съ суднымъ вѣчемъ, причемъ жупное вѣче отличается отъ копнаго вѣча тѣмъ, что на первомъ участвуютъ привиллегированные землевладѣльцы, а на второмъ — всѣ землевладѣльцы округа. Но если принять въ соображеніе, какъ мало вообще выясненъ вопросъ о землевладѣніи, и просмотрѣть тѣ мѣста изъ того же Иречка, гдѣ онъ даетъ опредѣленія разнымъ категоріямъ землевладѣльцевъ, то не трудно придти къ убѣжденію, что владыки или кметы и были тотъ самый классъ свободныхъ землевладѣльцевъ, главный фундаментъ тогдашняго общественнаго строя, который лишь позже распался на привиллегированныхъ и зависимыхъ (см. I главу нашу). Такимъ

образомъ, Иречекъ своимъ изслѣдованіемъ даетъ намъ такое неожиданное и цѣльное представленіе о судебной организаціи близко родственной намъ страны, — организаціи, при которой вся судебная власть, очевидно, находится въ рукахъ народа въ такую относительно позднюю эпоху, какъ XIV в. [1]).

Передача судебной власти въ руки главы государства не была дѣломъ одного какого-либо историческаго момента, а результатомъ болѣе или менѣе продолжительнаго процесса. Разныя ступени этого процесса мы чаще всего и наблюдаемъ по древнимъ памятникамъ. Сначала на народномъ судѣ присутствуетъ княжескій тіунъ или иной какой-нибудь представитель князя, просто для того, чтобы брать виры и пересуды въ княжескую казну. Затѣмъ этотъ представитель княжеской власти участвуетъ на судномъ вѣчѣ уже въ видѣ судьи, хотя это участіе сначала еще можетъ быть совершенно пассивное: не даромъ въ древнемъ нѣмецкомъ судѣ бывали «молчащіе судьи» [2]), Изъ стараго литовскаго статута видно, что судья участвовалъ на копѣ, повидимому, вмѣсто вижа, который присутствуетъ позже, но судья этотъ не могъ оказывать никакого вмѣшательства въ дѣла копы, какъ не оказывалъ вижъ. Въ параграфѣ 117: «О судьи, ижъ не маетъ быти каранъ за злый судъ», вислицкій статутъ говоритъ: «Судья, судячи суды, не можетъ быть каранъ за зло суда: бо не онъ самъ судитъ, але减 пановѣ» [3]). Молчащій судья, не судящій судья, судья не отвѣчающій за зло суда,—всѣ эти очевидныя нелѣпости, съ современной точки зрѣнія, совершенно очевидно, не были когда-то нелѣпостями, имѣли какой-то свой смыслъ, о которомъ можно теперь только дѣлать догадки, позволяющія толковать судью какъ участника, и то совершенно пассивнаго, при отправленіи народнаго суда. Вотъ этотъ-то возможный смыслъ слова судья и не слѣдуетъ опускать изъ вида при чтеніи соотвѣтствующихъ мѣстъ памятниковъ,—мѣстъ, толкуемыхъ обыкновенно съ современной точки зрѣнія: судитъ судья,—слѣдовательно, ему, какъ представителю княжеской власти, и принадлежитъ всецѣло судъ.

Очень правдоподобно, что на ряду съ общими судами вѣчевого

---

[1]) Описаннымъ выше судамъ общаго характера (soudy obecné) Иречекъ противупоставляетъ существовавшіе рядомъ суды частнаго характера, съ спеціальною или временною. случайною компетенціей (soudy mimotni). Сюда, на ряду съ судами межевыми. жидовскими, купеческими, рудокопскими и т. д., онъ причисляетъ и sud dworsky, т. е. судъ княжескаго двора (curia principis), который началъ возростать въ своемъ значеніи лишь съ конца XIII в. (199—214).

[2]) *Grimm:* „Rechtsalterthümer“, 759.

[3]) *Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи,* т. 1.

или копнаго типа очень рано уже существовали и княжескіе суды, какъ это мы и видимъ въ Чешской землѣ, съ узкою и случайною компетенціей, какъ существовали суды церковные, купеческіе, судъ братчины и т. п., какъ и въ Литовской Руси, на ряду съ общею копой, были суды или копы бортниковъ по дѣламъ, касающимся ихъ обширнаго и спеціальнаго промысла. Такимъ образомъ, распространеніе княжеской власти на отправленіе правосудія можетъ идти съ двухъ концовъ: и путемъ усиленія княжескаго представительства на общемъ судѣ, и путемъ расширенія компетенціи спеціальныхъ княжескихъ судовъ, судовъ княжескаго двора, княжескихъ «сѣной».

Но когда король или великій князь являются уже признанными главами правосудія, все-таки, они еще судятъ «досмотрѣвши права съ князи и съ бояры, и съ мѣщаны» (дѣло идетъ о городѣ) [1]), или судятъ «передъ своими людьми и съ ихъ добрымъ умышленіемъ и радой» [2]). Дальнѣйшее развитіе пошло въ западной и восточной частяхъ Русской земли очень различно. Московское государство рѣшительно встало на дорогу централизаціи и автократизма, и правосудіе перешло въ руки верховной власти, Тѣмъ не менѣе, въ эпоху перваго судебника великокняжескіе намѣстники, все-таки, не судятъ «безъ добрыхъ людей», «лучшихъ людей» и даже во второмъ судебникѣ упоминаются «судные мужи» [3]), а на демократизацію суда Иваномъ Грознымъ едва ли слѣдуетъ смотрѣть какъ на какую-нибудь новую и смѣлую реформу. Литовско-Русское государство обнаруживало болѣе тяготѣнія къ децентрализаціи, и великій князь, дѣлясь съ панами своей земли прерогативами своей верховной власти, дѣлился и своею судебною властью. Но какой смыслъ имѣла эта судебная власть пановъ? По разобраннымъ нами копнымъ документамъ, мы видимъ, что копа судитъ панскихъ подданныхъ, уплачивая въ пользу пана половину пересуда; читаемъ, что «панъ судитъ передъ своими людьми съ ихъ добрымъ умышленіемъ и радой» (см. выше). Являлся ли когда-нибудь панъ въ видѣ единоличнаго судьи, гдѣ черпалъ онъ въ такомъ случаѣ свою правду, что давало этой правдѣ санкцію въ глазахъ его подданныхъ? Намъ очень трудно представить, чтобы панъ архаическихъ временъ могъ, по отношенію судебной власти надъ своими подданными, представлять что-нибудь иное, а не сборщика лишь пересуда и головщинъ, въ крайнемъ слу-

1) Уставная грамота Витебской земли. *Акты Зап. Россіи,* № 704,
2) *Maciejowski,* т. 6-й, приложеніе 94.
3) *Чичеринъ:* „Областныя учрежденія“, стр. 39.

чаѣ руководителя судебной сходки [1]). Много времени должно было пройти, пока отношенія зависимости человѣка отъ человѣка настолько заглушили смыслъ первоначальныхъ отношеній, чтобы мѣсто человѣческаго суда,—въ основѣ котораго какъ-никакъ, а должна же лежать идея коллективной правды,—заступила панская расправа.

Остатки народнаго суда на территоріи восточнаго и южнаго славянскихъ племенъ дожили до сихъ поръ. Конечно, и волостные суды не привились бы у насъ съ такою легкостью, если бы за ними не стояли многовѣковыя традиціи. Но и помимо волостныхъ судовъ, дѣйствующихъ на основаніи обычнаго права, можно найти остатки настоящаго архаическаго народнаго суда по разнымъ глухимъ угламъ Русской земли. Деревенскій судъ или судъ стариковъ есть кое-гдѣ въ Великой Россіи еще живое, дѣйствующее учрежденіе. Въ Малороссіи мы встрѣчаемся, наприм., съ судомъ парубоцкой громады, который вѣдаетъ всѣ мелкія дѣла между своими членами, т.-е. молодежью даннаго села. А разные случаи такъ называемаго крестьянскаго самосуда, о которыхъ такъ часто приводится слышать? Въ извѣстной книгѣ Богишича [2]) мы находимъ, что въ Герцеговинѣ и на Черной Горѣ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣтъ по селамъ назначенныхъ судей, а судитъ «судскій скупъ» изъ членовъ общины; въ менѣе важныхъ случаяхъ knêz, т.-е. старшина села, судитъ съ двумя-тремя изъ лучшихъ селянъ, какіе случатся подъ рукой, а чѣмъ важнѣе дѣло, тѣмъ больше требуется судей.

Не часто современному русскому изслѣдователю выпадаетъ случай имѣть дѣло съ матеріаломъ, такъ полно и ярко освѣщающимъ уголокъ изъ прошлой бытовой жизни народной массы, какъ освѣщаетъ его нашъ матеріалъ. Тамъ, гдѣ естественно было предполагать косное существованіе, все ушедшее на борьбу за удовлетвореніе грубыхъ матеріальныхъ потребностей, передъ нами развертывается картина сознательной и дѣятельной человѣческой жизни. Въ народномъ судѣ, который такъ полно демонстрируется вышеизложенными фактами, мы видимъ постоянную дѣятельность живого правового чувства. Какая разница съ позднѣйшею эпохой, когда правосудіе сдѣлалось функціей государства и такъ часто являлось, по отношенію къ народнымъ массамъ лишь ловушкой, прихлопывающей неудачнаго

[1]) Уставныя грамоты земель Волынской и Кіевской, по которымъ паны получаютъ право судить своихъ подданныхъ.

[2]) *Zbornik sadašnich pravnih običaja u južnih Slovena.* Zagreb, 1874.

или неловкаго, утративъ въ значительной степени то, что должно составлять необходимое свойство всякаго правосудія, морализующее вліяніе на душу!

Правовыя идеи, составлявшія содержанія копнаго права невысоки съ точки зрѣнія современной науки, выросшей на римскомъ правѣ. Не будемъ трогать вопроса о томъ, насколько правильна эта точка зрѣнія, такъ какъ пришлось бы опять перетряхать старый споръ о типахъ и степеняхъ. Спросимъ только: можно ли назвать переходомъ къ высшему строю правовыхъ понятій механическое навязываніе отрывковъ и лоскутовъ иной системы воззрѣній, вырванныхъ изъ своей собственной органической связи? Конечно, нѣтъ. А, между тѣмъ, государство, забирая въ свое исключительное вѣдѣніе отправленіе правосудія, всегда, вмѣстѣ съ тѣмъ, навязывало массамъ, вмѣсто тѣхъ живыхъ идей, которыми онѣ руководились, именно отрывки и лоскутки, набранные имъ изъ разныхъ внѣшнихъ и чуждыхъ источниковъ.

Процессъ этотъ—общій для всего цивилизованнаго міра. Но на Западѣ онъ закончился уже многія вѣка тому назадъ, и на пустырѣ, который остался въ народной душѣ послѣ искорененія живой правды, успѣло вырости уваженіе къ закону, къ внѣшней оффиціальной правдѣ, то «тупое уваженіе», которое такъ поражаетъ насъ особенно въ англичанахъ.

Въ Россіи все нѣсколько иначе, и живая народная правда, обычное право еще не вымерло окончательно,—мало того, даже дождалось признанія со стороны государства. Но тутъ выступаетъ на сцену одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми такъ полна наша русская жизнь. Законъ признаетъ обычное право, которому и отводится и своя сфера компетенціи—въ волостныхъ судахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляетъ въ послѣднее время земскимъ начальникамъ право разсматривать рѣшенія волостныхъ судовъ не только въ кассаціонномъ, но и въ апелляціонномъ порядкѣ, т.-е. перерѣшать ихъ по существу. Конечно, для земскихъ начальниковъ обычное право—область, куда они, по всей вѣроятности, не могутъ и, конечно, не хотятъ вступать, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ перерѣшаютъ дѣла по закону. Такимъ образомъ, несмотря на признаніе и охрану закона, создаются условія, разрушающія тѣ остатки обычнаго права, которые еще пощажены исторіей.

ДВОРИЩНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

въ южной Руси *).

(Историческій очеркъ).

I.

Какъ адъ, по извѣстному выраженію, вымощенъ добрыми намѣреніями, такъ онъ, конечно, можетъ быть свободно вымощенъ ошибками, вытекающими изъ неправильнаго примѣненія аналогіи. И не только практическая жизнь кишитъ заблужденіями, имѣющими этотъ источникъ,—даже наука могла бы дать матеріалъ для созданія цѣлой литературы ошибокъ, научныхъ предразсудковъ, фальшивыхъ гипотезъ, призрачныхъ системъ, коренящихся все въ томъ же. Но какъ жизнь никогда не откажется отъ сужденій по аналогіи—этого преобладающаго типа практическихъ сужденій,—такъ не откажется отъ нихъ и наука. И она будетъ права. Конечно, дѣло не въ аналогіи, а въ злоупотребленіяхъ ею, хотя, надо сознаться, нѣтъ болѣе соблазнительнаго и скользкаго логическаго пріема, слѣдовательно, болѣе способнаго вводить въ ошибки. И, все-таки, остается во всей силѣ положеніе: опредѣлите точно сферу компетенціи, обставьте достаточными гарантіями, и вы получите изъ аналогіи логическій пріемъ, способный дать въ своихъ примѣненіяхъ самые плодотворные результаты.

Но въ чемъ «краткій смыслъ сей длинной рѣчи»? А вотъ въ чемъ. Въ своихъ цѣляхъ,—а какихъ, будетъ видно дальше,—мы хотимъ именно примѣнить аналогію, предоставляя читателю быть судьей въ томъ, насколько цѣлесообразно и плодотворно будетъ это примѣненіе.

*) „Русская Мысль". 1892. —№№ 4—5.

Во время пребыванія нашего на сѣверѣ, въ предѣлахъ теперешней Архангельской губерніи, бывшей Двинской земли, намъ посчастливилось достать, главнымъ образомъ изъ рукъ крестьянства, массу актовъ, касающихся исторіи мѣстнаго землевладѣнія. Документы эти освѣтили неожиданнымъ образомъ развитіе формъ сѣвернаго землевладѣнія, бросивъ, какъ намъ кажется, въ то же время, нѣкоторый свѣтъ на извѣстныя темныя и интересныя стороны въ исторіи великорусскаго землевладѣнія вообще. Хотя работа наша была въ свое время обнародована, но мы здѣсь должны повторить нѣкоторые ея выводы: они намъ здѣсь нужны, а мы не смѣемъ надѣяться, чтобъ они были извѣстны кому-нибудь, кромѣ немногихъ спеціалистовъ, добровольно или вынужденно знакомящихся со всѣмъ, что касается ихъ спеціальности. Вотъ эти выводы.

Основною клѣточкой въ историческомъ развитіи сѣвернаго землевладѣнія является деревня. Въ смыслѣ населеннаго мѣста, деревня—это поселокъ изъ нѣсколькихъ скученныхъ дворовъ; въ земельномъ смыслѣ—маленькій оазисъ обработанной, пахотной и сѣнокосной земли, притянутой къ поселку трудомъ и захватомъ человѣка среди дикихъ и пустыхъ окружающихъ земель, главнымъ образомъ лѣсныхъ и тундровыхъ. Нѣсколько, иногда десятка полтора-два такихъ деревень, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, причемъ въ одной изъ деревень есть церковь (погостъ), называется селеніемъ. Селеніе есть единица для управленія, для удовлетворенія религіозныхъ потребностей жителей; для землевладѣнія оно ничто. Организація земельныхъ отношеній заключена въ деревнѣ. Что же это за организація? Сохранившіеся документы еще захватываютъ тотъ ранній періодъ въ развитіи деревни, когда она является цѣльною и простою, не подвергшеюся дифференцированію земельною клѣточкой, собственностью одной большой родовой семьи, которая, усѣвшись среди дикихъ земель, «теребитъ» «лоскуты» земли и притягиваетъ ихъ къ себѣ. Все, что она успѣетъ вытеребить изъ-подъ лѣсу или тундры, все, куда ходитъ ея плугъ, коса и соха, есть ея неотъемлемая, полная собственность. Кромѣ того, что право ея такъ ясно само по себѣ,—оспаривать его некому. Кто бы ни считался верховнымъ собственникомъ земли, Великій ли Новгородъ, или великій князь Московскій, или даже кто-нибудь промежуточный въ видѣ монастыря или боярина, всякій можетъ только радоваться, что изъ ничего создается нѣчто, выростаетъ тягло: какой смыслъ предъявлять притязанія сверхъ тѣхъ, какія естественно вытекаютъ изъ существа крестьянина, какъ тягловаго человѣка? И притязаній не предъяв-

ляется ни откуда, земледѣлецъ утверждается крѣпко на томъ, что вся земля, отнятая отъ безграничной стихіи лѣса и тундры его трудовымъ захватомъ, есть его неотъемлемая и неприкосновенная собственность. Но не личная собственность, конечно: что̀ бы одинъ могъ тутъ подѣлать своими жалкими единичными силами? Тяжелая борьба съ ея результатами въ видѣ притянутыхъ лоскутовъ пахоти и сѣнокоса ведется «родомъ-племенемъ», т. е. цѣлымъ союзомъ ближайшихъ родственниковъ, которые живутъ въ тѣсномъ семейномъ единеніи: дяди, племянники, двоюродные братья. Они могутъ жить въ одной «избѣ» (до сихъ поръ на сѣверѣ держатся громадныя избы, настоящіе дворцы сравнительно, наприм., хотя бы съ южнорусскими хатами), могутъ и разселиться по разнымъ избамъ, подстроеннымъ одна къ другой, все-таки, это одно нераздѣльное «печище». До поры до времени печище ведетъ совмѣстное хозяйство, какъ это мы и до сихъ поръ наблюдаемъ кое-гдѣ въ большихъ великорусскихъ семьяхъ. Однако, приходитъ такое время, когда жить вмѣстѣ становится тѣсно, будь то тѣснота матеріальная или нравственная. Дѣло доходитъ до дѣлежа, и дѣлежа, въ концѣ-концовъ, не только «животами, конями, коровами, овцами, хлѣбомъ и деньгами», но и землей, своею родовою деревней. Но дѣлежъ «животами»—одно, дѣлежъ деревней—совсѣмъ другое. Печищанинъ еще не выросъ до той точки зрѣнія, что земля есть такая же вещь, какъ деньги, кузня, скотъ. Раздѣлъ земли есть дѣло временнаго удобства, ничуть не мѣшающее деревнѣ оставаться въ глазахъ ея совладѣльцевъ единымъ цѣлымъ. Правда, при раздѣлѣ Шумилѣ досталась полоса и въ дворовомъ полѣ, и въ поженномъ, и въ закраинкѣ, и въ маломъ полцѣ,—однимъ словомъ, во всѣхъ лоскутахъ, тянущихъ къ деревнѣ, а рядомъ съ Шумилой досталось Третьяку по полосѣ опять же таки во всѣхъ лоскутахъ, а рядомъ съ Третьякомъ—Завьялу и т. д.; но и Шумила, и Третьякъ знаютъ, что имъ принадлежитъ лишь приходящаяся на ихъ долю пятая часть деревни, а вовсе не та или другая полоса. Покажись Шумилѣ, что не всѣ его полосы равной доброты съ полосами другихъ совладѣльцевъ, и ему не откажутъ въ «передѣлѣ и уравненіи». Однимъ словомъ, каждый изъ родовыхъ совладѣльцевъ деревни есть представитель не извѣстнаго земельнаго куска, а извѣстной идеальной доли деревни, которая не теряетъ, такимъ образомъ, отъ дѣлежа своей цѣлостности. О возможности продажи или другого вида отчужденія помимо совладѣльцевъ еще пока не можетъ быть и рѣчи.

Но жизнь съ предъявляемыми ею къ печищанамъ требованіями все усложняется, родовыя связи съ теченіемъ времени слабѣютъ, стираются и соотвѣтствующія понятія. Представляются случаи къ тому, чтобъ и не члены рода, а посторонніе, путемъ ли женитьбы или какой нибудь юридической сдѣлки, вступали въ права деревенскихъ совладѣльцовъ, и въ правовыхъ представленіяхъ печищанъ уже нѣтъ къ этому препятствій; да и между ними уже ослабѣла память о родовой связи, поддерживаемая развѣ еще общимъ патримоніальнымъ прозвищемъ. Деревня вступаетъ въ новый фазисъ существованія: изъ родовой деревни она превращается постепенно въ деревню «сосѣдей-складниковъ». Но представленіе о земельной цѣлостности деревни еще совершенно живо и переносится въ этотъ новый фазисъ. Каждый изъ деревенскихъ совладѣльцевъ, хотя и не связанныхъ между собою родствомъ, все-таки, является собственникомъ не такого или иного куска деревни, а лишь идеальной доли въ общемъ деревенскомъ земельномъ цѣломъ, той доли, какая ему досталась по наслѣдству ли, сдѣлкѣ или другому какому юридическому акту. Онъ по-старому сохраняетъ право требовать передѣла деревни,—передѣла, который возстановилъ бы его въ его правахъ на идеальную долю, буде ему кажется, что права эти нарушены. О земельномъ равенствѣ между складниками тутъ не можетъ быть и рѣчи. Каждую долю можно произвольно дробить до предѣловъ практической возможности, но, все-таки, это доля деревни, а не опредѣленный ея кусокъ. Изъ четырехъ складниковъ, составляющихъ деревню, одинъ можетъ сидѣть на $^1/_2$ деревнѣ, другой на $^1/_3$, два остальныхъ на $^1/_{12}$ каждый. Первый изъ складниковъ можетъ раздѣлить свою половину между нѣсколькими сыновьями, другой—отдать четверть своей доли въ приданое за дочерью, третій—завѣщать половину своей $^1/_{12}$ въ монастырь на поминъ души и т. д., и т. д. Понятно, какія прихотливыя и сложныя комбинаціи могли вытекать изъ такого порядка вещей. Это та вторая фаза въ организаціи земельнаго владѣнія, о которой говорятъ новгородская и псковская судныя грамоты, называя одинаково деревенскихъ совладѣльцевъ-складниковъ—сябрами. Характерныя черты этой формы до сихъ поръ сохранились на сѣверѣ въ Архангельской губ. въ организаціи владѣнія и пользованія соляными варницами.

Наступилъ третій, критическій фазисъ. Деревня трещитъ подъ бременемъ собственной сложности, вытекающей изъ умноженія населенія и практическихъ неудобствъ, обусловливаемыхъ ея традиціонною организаціей. Архаическія родовыя понятія, породившія идею непри-

косновенной цѣлостности деревни, изглаживаются окончательно. Въ то же время, ничто не защищаетъ деревню отъ разложенія—ни законъ, ни власти; никому нѣтъ дѣла до ея внутренней организаціи, пока она является исправною тягловою единицей,—ничто не защищаетъ, кромѣ расшатывающагося обычая. Конецъ деревни близокъ. Что же ее ждетъ впереди?

Двѣ возможности раскрываются передъ разлагающеюся деревней. Одна изъ нихъ уже, можно сказать, и не возможность, а осуществляющійся фактъ: это—распаденіе деревни на произвольные куски, находящіеся въ свободномъ движеніи, наступленіе порядка подворнаго владѣнія въ его болѣе или менѣе чистомъ видѣ. Другая возможность требуетъ предварительнаго осуществленія одного важнаго и труднаго условія. Эта другая возможность—общинный порядокъ землевладѣнія; предварительное условіе, котораго она требуетъ,—отобраніе у деревенскихъ совладѣльцевъ ихъ вѣковыхъ и, конечно, высоко цѣнимыхъ ими правъ полной, хотя и условно понимаемой собственности на деревенскую землю. Только одно это условіе и нужно: все остальное—идея органической цѣлостности деревни, представленіе своихъ правъ на нее лишь какъ правъ на идеальныя доли, а не реальные куски деревенскаго цѣлаго, право передѣла,—все въ деревенской организаціи совершенно соотвѣтствуетъ общинному строю, дѣлаетъ переходъ отъ деревни къ общинѣ легкимъ и естественнымъ. Но когда можетъ имѣть мѣсто вышеупомянутое условіе, безъ котораго водвореніе общины на мѣсто деревни немыслимо? Оно можетъ имѣть мѣсто, какъ и имѣло на самомъ дѣлѣ, когда верховный собственникъ земли государство, непосредственно ли, какъ это имѣло мѣсто на сѣверѣ, или посредствомъ помѣщичьей власти, какъ въ средней Россіи, предъявитъ свои права на землю и, такъ сказать, конфискуетъ въ свою пользу исторически-сложившіяся и фактически признаваемыя имъ до тѣхъ поръ права крестьянства. Во имя своихъ верховныхъ правъ и практическихъ потребностей, государство предъявило сѣверной деревнѣ требованіе о земельномъ уравненіи, и деревенская организація перешла въ общинную,—перешла, надо сказать, не безъ серьезныхъ трудностей и замѣшательствъ, такъ какъ вмѣшательство государства явилось нѣсколько поздно, когда процессъ разложенія зашелъ уже далеко. Такъ было въ Архангельской губ., по несомнѣнному свидѣтельству многихъ сотенъ документовъ, сохранившихъ детальныя черты всего этого историческаго процесса. Но не могло ли бы все это сложиться иначе? Не могла ли бы деревня сама собой перейти въ общину? Гипотетически тутъ нѣтъ ничего невоз-

можнаго: разъ деревенскіе сосѣди-складники сознали, что имъ, хотя бы въ виду тягловаго уравненія, нельзя удержаться на старомъ положеніи собственниковъ своихъ долей, нельзя обойтись безъ земельнаго равенства, переходъ деревни въ общину совершился бы какъ нельзя болѣе просто. Но мы не встрѣчались съ документальными свидѣтельствами о такихъ фактахъ [1]).

II.

Попросимъ теперь читателя мысленно передвинуться съ сѣвера на югъ, на исконную территорію южно-русскаго племени. Время, къ которому мы пока пріурочиваемъ, главнымъ образомъ, наше изложеніе, XVI в., тотъ вѣкъ, когда сѣверно-русская деревня, частью въ своемъ патріархальномъ видѣ, частью въ видѣ уже деревни сосѣдей-складниковъ, стоитъ еще твердо, не обнаруживая никакихъ признаковъ грядущаго разложенія. Территорія, съ которой мы будемъ имѣть дѣло, не степь, еще пока лежащая пусткой, «дикія поля», которыя едва только начинаетъ затрогивать новая поднимающаяся колонизаціонная волна, сдерживаемая въ своемъ стремленіи крымскимъ страхомъ: южно-руссы предпочитаютъ ютиться въ болѣе сѣверныхъ, залѣсенныхъ, относительно безопасныхъ мѣстностяхъ края.

Передъ нами Полѣсье, Пинскій повѣтъ, мѣстность, напоминающая крайній сѣверъ по естественнымъ условіямъ своего положенія: та же неблагодарная почва, та же могучая стихія лѣса, съ которой населеніе должно вести борьбу за каждый кусокъ земельнаго простора. Населеніе этихъ мѣстъ исконное, русское, не тронутое и не сдвинутое съ своихъ насиженныхъ мѣстъ ни татарскимъ погромомъ, ни напоромъ польской колонизаціи. Вотъ инвентарь Полонскаго имѣнія, относящійся къ 1598 г. [2]). Передъ нами населенное мѣсто, которое инвентарь называетъ селомъ: «село Угриниче» (Полѣсской волости, Пинскаго повѣта). Но это поселеніе, очевидно, имѣющее мало общаго съ тѣмъ, что мы теперь знаемъ подъ именемъ села. Село Угриниче, по инвентарю, есть совокупность «семи дворищъ». Является вопросъ: что же такое дворище? Инвентарь свидѣтельствуетъ, что дворище есть совокупность извѣстнаго небольшаго числа дымовъ. Каждый дымъ

---

[1]) *Изслѣдованія народной жизни*. Москва, 1884 г., ст.: *Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ*, 185—382.

[2]) *Памятники, изданные временною Кіевскою коммиссіей для разбора древнихъ актовъ*, т. III, отд. 2.

соотвѣтствуетъ человѣку, какому-нибудь Ивашку Начевичу съ 4 сыновьями, или Мацку Величковичу съ сыномъ или просто Ѳомѣ Сеньковичу, при которомъ не упоминается никого. Семь дворищъ села Угринича носятъ слѣдующія названія: дворище Капиловичъ, двор. Рокитичъ, двор. Тхоржевичъ, затѣмъ Гитковичъ, Миновичъ, Горбачевичъ и Давидовичъ. Меньшее число дымовъ въ дворищѣ пять, большее—одиннадцать; такимъ образомъ, на семь дворищъ село Угриниче заключаетъ въ себѣ 58 дымовъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ такимъ видомъ заселенія, который трудно понять, стоя на современной точкѣ зрѣнія. Но всякій, кто заглядывалъ въ сѣверно-русскія писцовыя и переписныя книги той же эпохи, или хотя вникъ въ то, что мы говорили выше о характерѣ населенныхъ мѣстъ Двинской земли, легко замѣтитъ, что тутъ идетъ дѣло о совершенно тождественномъ явленіи, носящемъ лишь нѣсколько иныя названія. Сѣверно-русское село есть совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ деревень, южно-русское — нѣсколькихъ дворищъ. Сѣверно-русская деревня — совокупность небольшого числа дворовъ, хозяйствъ или «людей», («а въ деревнѣ такой-то дворовъ столько-то, а людей въ нихъ тожъ»—выраженіе, постоянно встрѣчающееся въ писцовыхъ книгахъ); южно-русская—небольшаго числа дымовъ, т. е. тоже «людей». Что южно-русское дворище соотвѣтствовало южно-русской деревнѣ, на это указывалъ еще Лешковъ [1]) въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *Русскій народъ и государство*. Но можно ли изъ этой аналогіи, пока еще аналогіи чисто-внѣшняго характера, дѣлать какія-либо заключенія къ тождеству внутренней организаціи той и другой формы? Займемся этимъ ниже; здѣсь же сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, необходимыхъ въ виду того, что, вѣроятно, для всѣхъ, кто не занимался спеціально вопросами южно-русской бытовой исторіи, ново не только понятіе дворища, но, можетъ быть, даже и самое слово.

Со всякимъ малоизвѣстнымъ, а, слѣдовательно, и чуждо звучащимъ терминомъ человѣкъ склоненъ связывать лишь узкое и частное значеніе. Не легко освоиться съ мыслью, что дворище для территоріи южно-русскаго племени нѣкогда было такою же типичною формой господствующаго населеннаго мѣста, какъ деревня для великорусскаго; что если Великую Русь извѣстной исторической эпохи съ полнымъ правомъ можно назвать деревенской, то Малую или Литовскую Русь, по всей вѣроятности, съ такимъ же правомъ можно было назвать

[1]) *Русскій народъ и государство*. Москва, 1858 г., стр. 242—3.

подворищной. Оговариваемся выраженіемъ: «по всей вѣроятности» — въ виду того, что исторія южно-русскаго племени въ изданныхъ историко-юридическихъ документахъ и памятникахъ далеко не представлена въ такой ея территоріальной широтѣ и полнотѣ, какъ исторія племени сѣверно-русскаго: богатая и ни съ чѣмъ несравнимая, для выясненія интересующихъ насъ здѣсь вопросовъ, сѣверная литература писцовыхъ и переписныхъ книгъ для южной Руси существуетъ лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Но что же свидѣтельствуютъ документы относительно распространенности дворищной формы, во времени и пространствѣ, на территоріи южно-русскаго племени?

Первое свидѣтельство о дворищѣ въ изданныхъ историко-юридическихъ памятникахъ относится къ половинѣ XIV в. къ территоріи Червонной Руси [1]). Шестнадцатый вѣкъ, который наиполнѣе освѣщенъ со стороны юридико-экономическихъ отношеній изданіемъ сравнительно большаго числа ревизій, инвентарей и писцовыхъ книгъ [2]), представляетъ дворище формой заселенія, господствующей во всей Волынской землѣ, которая захватывала въ эту эпоху почти всю Украину, за исключеніемъ развѣ Подолья, затѣмъ и въ остальномъ Литовскомъ княжествѣ, гдѣ жило южно-русское племя; въ собраніи актовъ, относящихся до XVI в., встрѣчаются и акты XV в., которые также свидѣтельствуютъ о дворищной системѣ заселенія. Въ XVII в. мы еще встрѣчаемся съ документальными свидѣтельствами о дворищахъ на территоріи Волынской земли [3]). Но въ это время, съ перерожденіемъ самаго явленія, начинаетъ терять смыслъ названіе и мало-по-малу исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, въ старомъ своемъ, настоящемъ, значеніи. Отсюда мы заключаемъ, что дворищная организація населенія имѣла мѣсто на территоріи Литовской, а также Галицкой Руси, т. е., слѣдовательно, во всей территоріи южно-русскаго племени, съ самаго, такъ сказать, разсвѣта южно-русской исторіи приблизительно до второй половины XVII в., внесшей въ эту исторію такую коренную пертурбацію. Изъ однихъ мѣстъ она была вытѣснена раньше, въ другихъ задержалась дольше; какъ, что и почему—будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Итакъ, дворище есть какое-то маленькое населенное мѣсто.

---

[1]) *Maciejowsky:* «Hystorya prawodawstw Slowianskich», t. VI, стр, 146.

[2]) *Jablonowsky:* «Rewizya zamkow ziemi Wolynskiej». *Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ вел. кн. Литовскомъ 1559 г.* изд. вил. арх. коммис. 1867 г. *Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ. Писцовая книга Пинскаго старо́ства 1561 — 1566 г.* То и другое изданіе вил. арх. ком. Инвентарь въ память кіевск, врем. комм. для разбора древнихъ актовъ.

[3]) *Архивъ юго-западн. Россіи*, ч. VI, т. I. № CXLIII.

Но только ли?—не только, и даже въ существѣ не это, а что-то другое, иначе невозможны были бы «пустыя дворища», о которыхъ нерѣдко упоминаютъ документы. Пустое, т. е. лишенное населенія, населенное мѣсто—очевидная безсмыслица, а, между тѣмъ, дворище и лишенное населенія представляетъ собою, какъ ясно видно изъ документовъ, полное и законченное понятіе; какое настоящее содержаніе этого понятія—изъ актовъ видно также. Королева Бона даетъ земянину «въ повѣтѣ Пинскомъ четыре земли, т. е. дворища пустыя» [1]. Но слово «земля» замѣняетъ собою слово «дворище» не тогда только, когда дворище пусто,—наоборотъ, дворище съ людьми есть также, прежде всего, «земля». Выраженія: дворище, два дворища, столько-то дворищъ, несомнѣнно населенныхъ, очень часто замѣняются въ актахъ выраженіями: земля, двѣ земли, столько-то земель. Такъ что «земля» и «дворище» употребляются постоянно какъ синонимы, хотя слово земля имѣетъ и свое особое значеніе, болѣе общаго характера. Подъ «землей» въ смыслѣ «дворища», очевидно, подразумѣвается какая-то обособленная, обчерченная, заключенная сама въ себѣ земельная единица. Содержаніе этой единицы также довольно отчетливо вырисовывается словами актовъ: дается «земля», которая называется тутъ же и «дворищемъ», «съ польми, сѣножатьми, дубровами, водами, и з лѣсы и з деревомъ бортнымъ и за нимъ, що къ той землѣ зстародавна прислухало и якъ они (тѣ, за кѣмъ утверждается дворище) тыя земли входы вживали» [2]; или: дворище «съ польми, сѣножатьми и з лѣсы и боры, и з деревомъ бортнымъ, з рѣками и озеры и з гати, и езы, и з ловы рыбными и пташими и со всѣмъ на все, такъ округло, такъ широко и такъ долго, какъ здавна само въ себѣ маеть» и т. д. [3]). Отсюда видно, что входило въ составъ земельной единицы дворища: на первомъ планѣ поля и сѣножати, а затѣмъ и все остальное, что дворище успѣло къ себѣ изстари притянуть своимъ захватомъ, «такъ округло, такъ широко и такъ долго», какъ удалось человѣческимъ силамъ, создавшимъ эту органическую земельную клѣточку, овладѣть окружающимъ стихійнымъ земельнымъ просторомъ. И не только то, что уже было, но даже и то, что еще только могло быть притянуто, входило въ понятіе дворища. По крайной мѣрѣ, одинъ актъ 1528 г. выражается на счетъ этого очень опредѣленно: перечисляя нивы и сѣножати, принадлежащія дворищу, укрѣпленному за нѣкіимъ паномъ Иваномъ Подоляниномъ, актъ при-

---

[1]) *Ревизія пущъ,* стр. 81.
[2]) *Ревизія пущъ*, стр. 254.
[3]) Тамъ же, стр. 254.

бавляетъ, что онъ «и въ дубровѣ и на болотѣ, што прикопаетъ поля и протеребитъ сѣножать, тое супокойне держати маетъ» [1]. Точному опредѣленію въ ихъ реальныхъ границахъ подлежали собственно лишь половыя, можетъ быть, частью сѣнокосныя земли дворища. *Писцовая книга Пинскаго старбства 1561—1566 г.* содержитъ во второй своей части точное описаніе множества дворищъ. Изъ нея видно, что земля дворищъ состояла изъ массы такихъ же «лоскутовъ», какъ и земля сѣверной деревни, да оно и не могло быть иначе, когда приходилось «теребить» землю изъ-подъ лѣсу. Такимъ образомъ, земля каждаго дворища состояла изъ 20—50, случалось и еще больше разбросанныхъ земельныхъ лоскутовъ; рѣдко меньше, чѣмъ изъ 20, т. е. собственно въ указанной мѣстности: это могло, конечно, измѣняться въ связи съ измѣненіемъ топографическихъ условій. Остальныя принадлежности дворища, перечисляемыя актами и указанныя выше, дубровы, боры, воды и т. п., есть не что иное, какъ «входы», т. е. права на пользованіе въ угодьяхъ, не составляющихъ ничьей частной собственности. Естественно, что дворища не могли быть одинаковой величины: ихъ размѣры зависѣли отъ случайныхъ условій. Такъ, изъ измѣренія дворищъ Пинскаго старбства видно, что они имѣли размѣры отъ $^1/_4$ уволоки до 9 уволокъ пахотной земли, приблизительно отъ 5 до 95 десятинъ, хотя надо сказать, что наичаще встрѣчающійся размѣръ дворища около одной уволоки, т. е. около 20 десятинъ пахоти [2].

Происхожденіе дворищъ ясно: это — тѣ начальныя земельныя единицы, которыя человѣкъ отнималъ у дикой природы своимъ трудовымъ захватомъ. Славянское право — право племенъ мирныхъ по основнымъ свойствамъ своей психологіи—всегда склонно было признавать право трудового захвата, и Литовская Русь представляетъ одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этого положенія. Литва завоевала Русь и, естественно, была склонна относиться къ ней такъ, какъ искони вѣковъ побѣдители относятся къ побѣжденнымъ. Къ тому же, ея собственное внѣшнее положеніе было такое, что вынуждало ее напрягать всѣ силы къ организаціи военной зашиты, и Русь должна была volens-nolens переустраиваться по типу, опредѣленному этою цѣлью. Слово «служба» сдѣлалось даже послѣ «земли» еще новымъ синонимомъ дворища: будучи земельною единицей, оно было и податною единицей, съ которой связывалась извѣстная сово-

---

[1] *Арх. юго-западн.* Россіи, ч. VI, т. I.

[2] Въ актахъ упоминаются дворища большія, добрыя, старожитныя и дворища малыя (*Памятники кіевск. комм.*, т. III, отд. II, прим. 4).

купность обязательствъ, составлявшая въ своей суммѣ «службу» [1]). Отсюда замѣна выраженій «столько-то дворищъ» или «столько-то земель» выраженіемъ «столько-то службъ». Впрочемъ, надо оговориться насчетъ того, что выраженіе «служба» болѣе распространено въ собственно Литовскомъ княжествѣ, а «дворище»—на Руси; съ другой стороны, служба могла представлять собою, вѣроятно, лишь дворище средняго размѣра, а не всякое дворище, могло быть и значительно больше, и значительно меньше средняго. Изъ военной организаціи Литвы естественно вытекло, что государственная власть, въ лицѣ великаго князя, раньше и безусловнѣе заявила себя верховнымъ собственникомъ земли, чѣмъ это имѣло мѣсто, наприм., въ Московскомъ государствѣ, и раздача земель на условіяхъ отбыванія военной повинности практиковалась полнѣе и шире. Тѣмъ не менѣе, въ этой военной и феодальной Литвѣ права земледѣльца на воздѣлываемую имъ землю признавались и уважались очень долго, пока не ворвался съ запада, черезъ соединеніе съ Польшей, иной складъ юридическихъ понятій и отношеній. Земли раздавались великими князьями земянамъ и боярамъ, отбирались, отдавались вновь, а земледѣлецъ все сидѣлъ на своей землѣ, лишь мѣняя тотъ объектъ, въ пользу котораго онъ отбываетъ свои повинности: мало этого, онъ могъ свободно распоряжаться своею землей, какъ настоящій собственникъ, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ повинности съ земли отбывались по-старому, чтобы земля не выходила изъ службы, какъ въ Московскомъ государствѣ, изъ тягла. Даже настоящіе владѣльцы, въ родѣ князей, за которыми всегда признавались болѣе полныя и безусловныя права на землю, чѣмъ за какими-нибудь земянами или боярами, и тѣ уважали права земледѣльцевъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ. Это хорошо видно изъ одного любопытнаго акта 1498 года [2]). Князь Ѳедоръ Ивановичъ Ярославичъ жалуетъ служебницѣ своей жены Святохнѣ Ѳедковой Щепиной два пустыхъ дворища въ селѣ Кошевичахъ. Святохна жалуется на кошевицкихъ людей, Горностаевцевъ и Ганковцевъ, очевидно, сидѣвшихъ на сосѣднихъ дворищахъ, что тѣ люди захватили и «разробили» всю землю, такъ что ей, Святохнѣ, «не на чомъ хлѣба пахати». Князь выѣзжаетъ на землю, чтобы удовлетворить Святохну, но кошевицкіе люди не хотятъ уступать ничего Святохнѣ, говоря: «Мы, милостивый господару, не на Святохну тыя земли разробливали, але на себѣ; а

[1]) По третьему статуту, служба равняется крестьянскому хозяйству съ землями. (Предисловіе къ VI ч., I т. *Архива юго-зап. Россіи,* стр. 75, 102).
[2]) *Ревизія пущъ,* стр. 277.

такъ дай, ваша милость, дубровы напротивку тыхъ поль нашихъ старыхъ, нехай вона также собе разробливаетъ». Князь, видя «ижь съ кривдою мужемъ нашимъ есть, а жебы мѣли старыя поля разробливаныя дѣлити», спрашиваетъ у крестьянъ, гдѣ бы можно было дать Святохнѣ землю, вмѣсто тѣхъ, уже разработанныхъ полей, и согласно ихъ указаніямъ отводитъ ей какіе-то острова. Еще въ XV вѣкѣ признавалось право на землю, основанное лишь на фактѣ расчистки [1]). Въ виду того, что право земледѣльца на обрабатываемую имъ землю признавалось не только государственною властью и тѣми, кому она передавала временно свои права, но и настоящими крупными собственниками-князьями, существуетъ еще одинъ синонимъ для обозначенія дворищной земли — «отчизна» (вотчина): даетъ великій князь земянину трехъ людей «съ ихъ отчизнами и съ пашными землями и съ бортными и сѣножатьми и съ езы, и съ озеры, и съ гати, и съ лѣсы, и съ луги, и со всѣми ихъ ихншими воды, што къ ихъ трема отчизнамъ издавна прислухало». Сами же «люди» иначе называются «отчичи». Права ихъ стояли выше правъ, создаваемыхъ пожалованіемъ: такъ, возвратившіеся откуда-то отчичи берутъ у бояръ землю, пожалованную имъ, вѣроятно, въ видѣ запустѣвшаго дворища [2]).

Чьими же силами дикая земельная стихія обращалась въ «дворище», въ «землю», въ «отчизну», въ «службу»? Конечно, не силами отдѣльныхъ, разрозненныхъ человѣческихъ единицъ, а совокупными силами какихъ-то человѣческихъ группъ или союзовъ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ документовъ, свидѣтельствующихъ о дворищахъ, купчая половины XIV в.: нѣкій панъ Вацлавъ Дмитровскій покупаетъ «дворище и съ землею яко извѣка слушало къ тому дворищу вшисци вжитки што днесь суть и потомъ могутъ быти, а што може причинити больше меже тими вжитки, то на свое полѣпшенье», покупаетъ «у вики у Василя, ему-жь ричутъ Скибичь, и въ его брата на имя у Гинка, и въ ихъ мовця у Оленка». Продавцы, «пришедши вшисци и съ своимъ племенемъ», «уздали пану Вацлаву со всими объизды того дворища по своей доброй воли и за иные молвили: абы въ добромъ покоѣ вжити тихъ вжитковъ пану Вацлаву» [3]). Значитъ, собственникъ дворища — «племя» Скибичей, представителями котораго выступаютъ два брата и племянникъ.

---

[1]) *Новицкій:* «Изслѣдов. объ экономич. и юрид. положеніи крестьянъ въ XVI—XVIII вв.», стр. 104. *Акты южной и западной Россіи,* т. I, № 47.

[2]) *Ревизія пущъ,* стр. 107.

[3]) *Maciejowsky,* VI, 146.

Масса несомнѣнныхъ свидѣтельствъ отъ XVI в. подтверждаетъ, что дворища были собственностью, какъ и сѣверныя деревни, «рода-племени», т. е. болѣе или менѣе обширной группы ближайшихъ родичей, иначе говоря — большой или задружной семьи. Отсюда патримоніальныя названія дворищъ, сплошь господствующія въ переписяхъ дворищъ: двор. Пріодчичи, на которомъ сидятъ Пріодчичи, двор. Коптевичи, на которомъ сидятъ Коптевичи, двор. Шепелевичи — сидятъ Шепеливичи, двор. Сабановщина — сидятъ Сабановичи и т. д. [1]). Сидятъ на дворищахъ не только съ братьею и сыньми, но съ братаничи, дядковичи и т. д.

Итакъ, передъ нами видоизмѣненіе того же сѣвернаго «печища». Семейный союзъ сидитъ на землѣ, которую онъ самъ или его предки вытеребили изъ-подъ лѣсу или вообще притянули къ себѣ своимъ трудовымъ захватомъ. Землю эту онъ считаетъ своею, хотя, конечно, очень условною, собственностью, и его права до поры до времени признаются тою общественною организаціей, для которой онъ составляетъ необходимый фундаментъ. Но семейный союзъ имѣетъ естественную тенденцію къ распаденію, независимо отъ всего прочаго, уже просто подъ давленіемъ своего собственнаго роста. А разъ онъ признаетъ за собой право распоряженія своею землей, неизбѣжно послѣдствіе, что дворище должно раздѣлиться. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. И вотъ мы уже рано начинаемъ встрѣчаться съ дробями дворища: половинами, четвертями, третинами. Къ сожалѣнію, изданные документы совсѣмъ почти не освѣщаютъ детальныхъ отношеній внутри дворища, и еслибъ намъ нельзя было призвать на помощь аналогію сѣверной деревни, мы были бы совсѣмъ безпомощны въ уясненіи себѣ этихъ отношеній. Но при помощи аналогіи все уясняется совершенно согласно съ тѣми немногими указаніями и намеками, какіе даютъ источники. Хотя мы и не встрѣчаемся съ прямыми свидѣтельствами о болѣе мелкихъ дробленіяхъ дворищъ, чѣмъ третины, четверти и жеребни, но если на дворищѣ Перевальчичи сидятъ Петръ, Мартинъ, Никита, Ѳедоръ, Антонъ, Кирила, Іона, т.-е. семеро людей, хозяевъ или дымовъ Перевальчичей [2]), то каждый изъ нихъ долженъ представлять собою мелкую дробь. Мы полагаемъ, что каждому Перевальчичу должна была принадлежать именно извѣстная дробь дворищнаго цѣлаго, извѣстная идеальная доля въ общемъ владѣніи, а не тотъ или другой опредѣленный земельный

---

[1]) *Писцовая книга Пинскаго староства,* т. II.
[2]) *Писцовая книга Пинскаго староства,* II, 267.

кусокъ. Прямыхъ документальныхъ доказательствъ этого положенія нѣтъ, какъ ихъ не было и относительно сѣверной деревни, пока приходилось ограничиваться писцовыми, переписными книгами и разными изданными юридическими документами, несмотря на все ихъ богатство; и только счастливый случай, доставившій намъ старинныя «веревныя» [1]), книги, сберегшіяся въ коробьяхъ мѣстныхъ крестьянъ, освѣтилъ внутре-деревенскія земельныя отношенія. А дворищная организація едвали можетъ разсчитывать когда-нибудь на такое освѣщеніе изъ прямыхъ источниковъ: разрушилось дворище гораздо раньше, чѣмъ деревня; къ тому же, мѣстное населеніе пережило много смѣнъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, обратившихъ его въ тѣхъ темныхъ, невѣжественныхъ, суевѣрныхъ полѣщуковъ и пинчуковъ, которые едвали могли бы цѣнить письменные документы, будо бы они и достались какими-нибудь судьбами въ ихъ руки. Но намъ кажется, что тѣхъ доказательствъ, хотя и косвенныхъ по существу, какія даютъ намъ документы, совершенно достаточно, чтобы утверждать съ увѣренностью, что внутри дворища господствовала такая же долевая организація землевладѣнія, какъ и въ сѣверной деревнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что въ извѣстный періодъ дворищное землевладѣніе уже не было нераздѣльнымъ землевладѣніемъ большой семьи-задруги, что дымы дворища были самостоятельными земельными хозяйствами, слѣдуетъ изъ того, что повинности и подати, всегда пріурочиваемыя къ землѣ, платятся каждымъ дымомъ особо [2]). Да и трудно предположить, чтобы, наприм., 27 хозяевъ Плещицкаго дворища [3]) могли имѣть одно нераздѣльное земельное хозяйство. Къ тому же, сохранилось много актовъ о раздѣлѣ дворища между родственниками. Какая же форма земельныхъ отношеній должна была наступать уже по раздѣлѣ дворищъ? Общиннаго владѣнія не могло быть уже по одному тому, что это былъ дѣйствительно раздѣлъ, основывающійся на правовомъ отношеніи къ землѣ, какъ къ частной собственности; прямымъ же доказательствомъ того, что общиннаго владѣнія не было, есть неравенство платежей между дымами: такъ какъ платежи шли съ земли, то неравенство платежей есть эквивалентъ земельнаго неравенства. Не могло ли быть подворное владѣніе, предполагающее раздробленіе

---

[1]) Веревныя книги—книги для измѣренія земли съ цѣлью раскладки повинностей внутри крестьянскихъ обществъ.

[2]) *Памятн. врем. кіев. комм.*, т. III, отд. II, 158. *Акты зап. Росс.*, II, 95: „З дыму таковаго, въ которомъ земли своей и особаго хлѣба уживають“.

[3]) *Писцовая книга Пинскаго староства*, II, 201.

дворища на отдѣльные земельные куски? Все противорѣчитъ этому предположенію: и писцовыя книги, постоянно представляющія дворище во всемъ его земельномъ составѣ какъ одну цѣльную земельную единицу, и акты отчужденія, никогда не говорящіе объ отдѣльныхъ земельныхъ кускахъ, а всегда лишь о дворищахъ или ихъ доляхъ. Какія же другія земельныя отношенія внутри дворища можно предполагать, кромѣ тѣхъ же долевыхъ, что мы видимъ въ сѣверной деревнѣ? «Я продалъ часть дворища своего Савчинскаго, которая же часть того дворища мнѣ ея остала отъ братьи моей... и съ польми, и съ сѣножатьми, и съ лѣсы, и съ боры, и съ деревомъ бортнымъ, съ рѣками и озеры, и съ гати, и съ езы, и съ ловы рыбными и пташими, и со всимъ на все, какъ тая часть дворища моего сама въ собѣ маеть и какъ мнѣ отъ братьи моей въ отдѣлѣ ея остала»,—вотъ слова акта XV в. Достается часть во всемъ, какая причитается по раздѣлу съ братьями, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$ и т. д. во всѣхъ угодьяхъ дворища, не только входахъ, но и поляхъ, и эта же часть, а не опредѣленныя поля или другіе земельные куски, отчуждается. Очевидно, здѣсь дѣло идетъ не о какой-нибудь отрубной территоріи, а, по всей вѣроятности, лишь о правѣ на извѣстную, идеальную долю во всѣхъ угодьяхъ дворища, какъ входахъ, такъ и земельныхъ лоскутахъ, т.-е. то, что мы видѣли въ сѣверной деревнѣ.

Акты отчужденія, продажи и залога долей дворищъ вводили въ составъ владѣльцевъ дворищной земельной единицы чуждые, не родственные элементы и давали поводъ къ возникновенію сложныхъ комбинацій. Такъ, одинъ бояринъ закладываетъ жиду «часть отчизны своей, которая ми часть остала на дѣлу отъ братьи моей... и съ дворомъ моимъ, и съ польми, и съ сѣножатьми и огороды и поплавы и съ деревомъ бортнымъ и со всимъ на все, ничого на себѣ не оставуючи и не выймаючи, такъ широко и долго, какъ ея тая часть отчизны моей сама въ собѣ маеть и какъ мнѣ отъ братьи на дѣлу ся застало»; братъ этого боярина также закладываетъ тому же жиду и свою часть. Первый закладчикъ уговаривается съ жидомъ «тыи обѣ двѣ части (свою и братнюю) отчизны нашей пахоти изъ четвертой части во всему Марку (жиду) три части, а мнѣ четвертая».

И вотъ мало-по-малу дворище теряетъ свой старый характеръ родового гнѣзда и вступаетъ въ новый фазисъ существованія. Изъ кровнаго оно дѣлается, какъ это обыкновенно принято выражаться, договорнымъ. Вмѣсто цѣлаго гнѣзда Скибичей или Перевальчичей,

на дворищѣ сидятъ вмѣстѣ Велецъ Даниловичъ, Невдахъ Петровичъ, Ѳедоръ Борисовичъ съ братіею, Иванъ Юрковичъ, Семенъ Демидовичъ, Прокъ Матвѣевичъ [1]). Конечно, они могутъ, несмотря на отсутствіе общаго патримоніальнаго прозвища, еще быть родственниками болѣе отдаленныхъ степеней родства; но и завѣдомо чужіе уже являются дворищными совладѣльцами. Вмѣсто сыновцевъ, братаничей, дядковичей, выступаютъ на сцену «сябры» и «потужники»; кровный союзъ замѣняетъ «посябрина».

Что такое «посябрина»? Что такое сябры, участники, потужники, которыхъ постоянно перечисляютъ писцовыя книги при переписи дворищъ, о которыхъ такъ часто упоминаютъ разные документы? Никакихъ, не только прямыхъ разъясненій, но и косвенныхъ, сколько-нибудь достаточныхъ указаній на этотъ счетъ акты намъ не сохранили, а какъ бы для вящаго затемненія вопроса еще выступаетъ на сцену слѣдующее обстоятельство. Та эпоха, отъ которой наиболѣе сохранилось относящихся къ предмету письменныхъ памятниковъ, это XVI вѣкъ, и, главнымъ образомъ, его середина. Этотъ же моментъ совпадаетъ съ крупнымъ экономическимъ переворотомъ, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить, отразившимся на формахъ землевладѣнія разрушеніемъ дворища. Старыя слова, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, перешли въ новый историческій фазисъ, измѣнивъ свое содержаніе. Это обстоятельство упускали изъ вида немногіе изслѣдователи, касавшіеся этого предмета; вопросъ, и самъ по себѣ неясный, затемнился, такимъ образомъ, окончательно. Очевидно, сябры, потужники и участники эпохи, лежащей по сю сторону грани, были не то, что они же эпохи предшествующей. Для насъ пока важна только предшествующая эпоха: какую роль играли въ ней всѣ эти сябры и потужники? Мы полагаемъ, что это были тѣ же сѣверные сосѣди-складники, совладѣльцы дворищныхъ долей, заступавшіе мѣсто извлекаемыхъ родственныхъ элементовъ, путемъ женитьбы, продажи, залога, путемъ разнообразныхъ договоровъ съ коренными дворищными владѣльцами. Это заключеніе сдѣлано нами только на основаніи аналогіи: мы считали себя вправѣ его сдѣлать, съ одной стороны, въ силу того, что источники ему не противорѣчатъ, съ другой, главнымъ образомъ, въ силу того, что оно является естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ всѣхъ предшествующихъ ему указанныхъ условій.

---

[1]) *Писцовая книга Пинскаго стардства,* II, 455.

А между тѣмъ какъ дворище мѣняло свой видъ, подчиняясь естественнымъ законамъ своего роста, на него надвигалась извнѣ гроза, которая не дала ему завершить свой циклъ, какъ завершила его сѣверная деревня.

Польша всегда была ареной, на которой происходила борьба самобытныхъ славянскихъ началъ жизни съ напиравшими на нее непосредственно воздѣйствіями западно-европейской жизни, нѣмецкими. Въ правовой области борьба эта велась наиболѣе энергично и рѣзко отразилась, между прочимъ, на организаціи земельнаго устройства. Сохранился одинъ документъ отъ XIV в. (1378 г.) [1]), гдѣ нѣкій львовскій гражданинъ, по прозвищу судя, нѣмецкаго происхожденія, жалуется на неудобства, проистекающія для него изъ того обстоятельства, что поля, принадлежащія къ его селу, расположены «non in una linea secundum jus teutonicum»—не въ одну линію согласно праву нѣмецкому, но «secundum Rutenorum consuetudinem sparsim et particulatim sunt distincti», но разбросаны согласно русскому обычаю. Владиславъ Опольскій, тогдашній правитель Галицкой Руси, къ которому обращалась эта жалоба, находитъ ее совершенно правильною, и, чтобы удовлетворить жалобщика, даетъ ему, въ цѣляхъ размежеванія, въ обмѣнъ за его землю, свою (т. е., очевидно, государственную, коронную). Документъ этотъ имѣетъ чрезвычайно большое историко-юридическое значеніе. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе раннихъ свидѣтельствъ о дворищномъ характерѣ русскихъ поселеній: что подъ полями, расположенными «sparsim et particulatim» согласно русскому обычаю, надо понимать обработанныя земли вмѣстѣ съ поселеніемъ, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія упоминающіяся дальше «quinque mansos quantum cum quinque aratris colere possit», т. е. пять дворищъ, сколько пятью плугами можетъ выпахать: такъ понимаетъ это и Мацѣевскій, который приводитъ этотъ документъ. Но намъ здѣсь важно не это. Важно то, что уже въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси владѣлецъ, опираясь на нѣмецкое право, могъ требовать округленія своихъ владѣній и находилъ легальную поддержку своимъ требованіямъ. Округленіе же это влекло за собой послѣдствія чрезвычайной важности: съ одной стороны, такое округленіе становилось фундаментомъ крупнаго хозяйства, мѣнявшаго въ корнѣ отношенія между владѣльцемъ и зависящими отъ него земледѣльцами, съ другой—обусловливало экспропріированіе собственниковъ дворищъ,

[1]) *Maciejowsky,* т, III, стр. 335.

права которыхъ защищались только обычаемъ. Этотъ документъ предвосхищаетъ собою въ общихъ и грубыхъ чертахъ процессъ, какимъ шло дальнѣйшее развитіе землевладѣнія въ Литовской Руси.

Въ самомъ дѣлѣ, XVI вѣкъ, вѣкъ сліянія Литовскаго княжества съ Польскимъ государствомъ, надломилъ старый литовскій военно-патріархальный строй и внесъ иныя начала въ организацію земельныхъ отношеній. Въ собственной Польшѣ къ этому времени, въ особенности благодаря быстрому и сильному развитію отпускной торговли, успѣло укорениться крупное земельное хозяйство, имѣющее въ основаніи преобладаніе экономическихъ запашекъ (фольварочная система) и необходимое для такого хозяйства обращеніе зависимыхъ земледѣльцевъ въ крѣпостныхъ, отбывающихъ барщину. Выгоды этой системы для владѣльцевъ были слишкомъ очевидны и слишкомъ соблазнительны для того, чтобъ и литовско-русскіе князья и земяне, теперь ставшіе на правовое положеніе польской шляхты, не захотѣли сдѣлать попытки въ томъ же родѣ. Государство, съ своей стороны, въ лицѣ своихъ представителей, польскихъ королей, совершенно проникнутыхъ идеею превосходства польскаго строя, должно было явиться на помощь этимъ попыткамъ со всѣмъ натискомъ своей организованной силы. Все это подготовило для землевладѣнія Литовской Руси роковой кризисъ.

Дворищное землевладѣніе было, какъ мы видѣли выше, землевладѣніемъ маленькихъ группъ, сначала только родственниковъ, позже и не родственниковъ,—группъ или союзовъ, которые вели самостоятельно свое патріархальное хозяйство и смотрѣли на себя какъ на собственниковъ воздѣлываемой ими земли. По сословнымъ опредѣленіямъ, эти земледѣльческія группы были: крестьяне-отчичи, бояре и мелкіе земяне. Они, точно такъ же, какъ и крупные землевладѣльцы, князья и большіе земяне, могли вступать въ договорныя отношенія съ «похожими» вольными людьми и сажать ихъ на свои земли; но мы не касались этой стороны, такъ какъ не этими отношеніями обусловливалась организація землевладѣнія, а, наоборотъ, сами эти отношенія отливались въ приготовленныя уже имъ жизнью формы. Итакъ, земельныя отношенія старой Литовской Руси основывались на признаніи правъ собственности за классомъ земледѣльцевъ, какъ бы ни назывались эти земледѣльцы, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ людей, которые временно садились на чужую землю по договору (древне-русскіе половники). Но, какъ уже было замѣчено выше, эти права собственности были очень условны, и значительно условнѣе, чѣмъ въ сѣверной Руси. Правда, и сѣверный крестьянинъ писалъ на купчей:

«се язъ (такой-то) продаю землю великаго князя, а свое посилье», но онъ продавалъ эту землю великаго князя такъ же свободно, какъ бы и свою полную собственность; но литовско-русскій отчичъ или бояринъ обязательно долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе на такую продажу. Права земледѣльца-крестьянина были ограничены съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, правами владѣльца, въ пользу котораго онъ отбывалъ какія-нибудь повинности, натуральныя или денежныя, какъ бы въ вознагражденіе за военную службу, которую тотъ отправлялъ за него, точнѣе за его землю, государству; съ другой стороны, правами великаго князя, который считался верховнымъ собственникомъ всей земли, за исключеніемъ развѣ, быть можетъ, той, которая принадлежала князьямъ, долго сохранявшимъ за собою, несмотря на свой переходъ въ ряды простой аристократіи, кое-что изъ прерогативъ верховной власти. Права великаго князя на землю, въ виду ея реальныхъ собственниковъ, были, конечно, въ значительной степени номинальны; но отъ него зависѣло реализировать ихъ, въ особенности, когда за великимъ княземъ литовскимъ стоялъ польскій король, распорядитель всей организованной силы Польскаго государства.

Литва къ началу XVI в. уже вышла въ значительной степени изъ того положенія, которое обусловливало ея военный строй и необходимо вынуждало ее къ тому, чтобы представлять собою военный лагерь, суровый, вѣчно настороженный, всѣмъ жертвующій для своего укрѣпленія. Въ виду измѣнившихся политическихъ условій, старый строй являлся анахронизмомъ, ощущалась потребность въ коренныхъ общественныхъ преобразованіяхъ, ощущалась потребность въ подъемѣ экономическаго благосостоянія дикаго и бѣднаго края. Литовско-польскіе короли видѣли, на какомъ пути Польша развивала свои экономическія силы, видѣли въ расширеніи торговли, въ увеличеніи богатства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и матеріальной культуры, блестящіе результаты развитія крупнаго барщиннаго хозяйства, и не могли, конечно, предвидѣть его гибельныхъ отдаленныхъ послѣдствій. Чтобы поставить Литву на тотъ же путь, который естественно казался имъ единственно обезпечивающимъ ея благосостояніе, имъ необходимо было, прежде всего, реализировать свои верховныя права на земли. И они это сдѣлали: они подготовили, еще до сліянія Литвы съ Польшей, почву, на которой уже нетрудно было водвориться новымъ экономическимъ порядкамъ, распространявшимся по территоріи Литовской Руси безпрепятственно до тѣхъ самыхъ поръ, пока они не достигли Украины и не натолкнулись тамъ на фактическія отношенія, затормазившія ихъ распространеніе.

«Кметъ и вся его маетность наша есть»,—заявляетъ Сигизмундъ-Августъ въ уставѣ о волокахъ 1557 г. (§ 29) [1]. «Каждый по тому, какъ онъ свой хлѣбъ ѣстъ, долженъ и работать и повинности намъ отбывать, а не по своимъ предкамъ, со своихъ, какъ они ихъ называютъ, вотчинъ» (слова того же короля [2]). Конечно, de jure такъ оно полагалось и раньше, что и кметъ, и его вотчина,—все считалось собственностью верховной власти; но de facto лишь съ половины XVI в. открывается тотъ новый порядокъ вещей, который дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе этого теоретическаго положенія. Открывается этотъ новый порядокъ вещей очень простымъ актомъ, за которымъ трудно на первый взглядъ признать радикальный или революціонный характеръ, и который, несомнѣнно, много разъ въ исторіи являлся именно съ такимъ характеромъ: размежеваніемъ.

Сигизмундъ-Августъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ (въ 1548 г.), предпринялъ повсемѣстное измѣреніе и описаніе своихъ имѣній (т.-е., правильнѣе говоря, имѣній государственныхъ), съ округленіемъ ихъ границъ и уничтоженіемъ черезполосности посредствомъ полюбовнаго, а нерѣдко и принужденнаго размежеванія съ частными землевладѣльцами,—такъ говоритъ предисловіе къ писцовой книгѣ Пинскаго и Клецкаго староствъ. Самъ король такъ объяснялъ свои намѣренія въ инструкціи пинскому старостѣ Станиславу Довойнѣ: «Повѣдаемъ тебѣ, ижъ для лѣпшаго покою межи подданныхъ иншихъ и для постановленья платовъ и пожитковъ нашихъ господарскихъ умыслили есьмо розсказати въ староствѣ твоемъ Пинскомъ, яко и въ нашихъ замкахъ и дворехъ нашихъ, земли подданныхъ нашихъ на волоки въ три поля помѣрити и поровняти». Отсюда видно, что въ основаніе размежеванія положено было раздѣленіе всей воздѣлываемой земли на правильные куски, волоки или уволоки; уволока равнялась 19 дес. 1,354 кв. саж. 7 кв. ф. $64^1/_2$ кв. д. на теперешнія наши мѣры и представляла собою, съ одной стороны, податную единицу, съ другой—средній, такъ сказать, идеальный размѣръ земли одного крестьянскаго хозяйства, его надѣлъ, говоря на современномъ языкѣ. Волока раздѣлялась на 30—33 морга и разбивалась, согласно требованіямъ трехпольной системы, на три равныхъ поля: крестьянская усадьба должна была находиться въ среднемъ полѣ. Не трудно понять послѣдствія этой,

---

1) *Памятники врем. кіев. ком.*, т. II.
2) *Jablonowsky*, t. 6., XVII.

казалось бы, только раціональной хозяйственной мѣры—не больше. Крестьянинъ отрывался отъ своего дворища, отъ земли, выдранной усиліями его предковъ отъ лѣсной стихіи, расширенной и улучшенной трудами его отцовъ и его собственными. Пусть никакіе писанные законы не подтверждаютъ его правъ на эту землю,—за нихъ достаточно краснорѣчиво говорятъ сознаніе и нравственное чувство, какъ его собственное, такъ и всѣхъ окружающихъ, и равныхъ, и высшихъ. Всѣ знаютъ, что онъ отчичъ, что его предки «на себе» и на свой родъ-племя «тыя земли розробливали». Но вотъ наступаютъ измѣреніе и размежеваніе. Можетъ быть, его и не вынуждаютъ выселяться съ своего дворища на какую-нибудь другую волоку, можетъ быть, его дворище только перекраивается землемѣрами,—кое-что отъ него отрѣзано, кое-что прирѣзано. Но, вѣдь, очевидно, что всѣмъ этимъ его старыя права потоптаны, поставлены ни во что: отрѣзается земля, орошенная пòтомъ цѣлыхъ поколѣній его предковъ, прирѣзается земля, съ которою онъ не имѣетъ никакой трудовой, нравственной связи; его прадѣдовская насиженная усадьба насильственно переносится на другое мѣсто; наконецъ, это уже не дворище, полученное имъ въ наслѣдство отъ дѣдовъ-прадѣдовъ, а что-то другое, «волока», которую онъ «принимаетъ» изъ рукъ землемѣра. Пусть отъ этого его положеніе фактически не ухудшается, можетъ быть, оно даже временно улучшается: одною изъ сторонъ размежеванія было точное опредѣленіе повинностей, имѣвшее цѣлью защитить крестьянъ отъ несправедливыхъ поборовъ со стороны разныхъ старостъ и тивуновъ. Но, тѣмъ не менѣе, крестьянинъ, оставаясь земледѣльцемъ, былъ оторванъ всѣмъ этимъ отъ своей земли, и какъ Антей, лишенный силы, брошенъ былъ безсильною игрушкой на произволъ слѣпого историческаго фатума. Не даромъ же крестьяне тамъ, гдѣ чувствовали за собой силу, рѣшительно отказывались давать размѣривать свою землю. «Боже избави, чтобъ мы то допустили, чтобъ распредѣлять землю по волокамъ, и позволили въ реестры вписывать свое племя»,—такъ говорили обыватели мѣстечка Слободищъ, Кіевскаго воеводства, не безъ основанія видя во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ стремленіе обратить ихъ въ неволю къ панамъ [1]).

Такимъ образомъ размежеваніе очистило почву для дальнѣйшихъ преобразованій. Уже въ уставѣ о волокахъ (§ 20) король высказываетъ желаніе, чтобы вездѣ, гдѣ удобно, заводимы были въ возможно

---

[1]) *Архив. юго-з. Росс.*, ч. 6, т. 1, LXXVII.

большемъ числѣ фольварки. Подъ эти фольварки, въ каждомъ данномъ пунктѣ, отводились наилучшія волоки, причемъ соблюдалось такое отношеніе, чтобы на каждую волоку фольварочной земли приходилось семь волокъ крестьянской. Фольварочная система хозяйства начала распространяться съ чрезвычайною быстротой, какъ въ королевскихъ имѣніяхъ, такъ и въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ; рядомъ, какъ необходимое условіе фольварочнаго хозяйства, шло все увеличивающееся стѣсненіе крестьянина, постепенное обращеніе его въ крѣпостного, отбывающаго все болѣе и болѣе тяжелую барщину.

И такъ, вторая половина XVI вѣка открыла собою эпоху въ исторіи западно-русскаго крестьянства. Крестьянинъ-собственникъ обратился въ съемщика, такого же съемщика, какими были всегда такъ называемые «похожіе люди», «вольники», снимавшіе по договору чужую землю на извѣстныхъ условіяхъ. Мало того, его положеніе было хуже положенія съемщика, такъ какъ онъ до извѣстной степени былъ прикрѣпленъ къ своей землѣ, и это прикрѣпленіе становилось все тѣснѣе. Впрочемъ, и похожій человѣкъ также понемногу стѣснялся въ своемъ правѣ кидать по усмотрѣнію снятую землю, тоже прикрѣплялся постепенно къ землѣ. Такимъ образомъ, оба вида крестьянъ, которые вначалѣ такъ между собою различались, слились въ одну безразличную крестьянскую массу, одинаково сидѣвшую на принятыхъ отъ господскихъ экономій волокахъ, одинаково платившихъ этимъ экономіямъ чинши и всякіе датки и отбывавшихъ барщины на поляхъ этихъ экономій, одинаково прикрѣпленныхъ къ землямъ своихъ волокъ. Разумѣется, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается: не въ одинъ день завершился и этотъ процессъ, какъ ни благопріятно все сложилось для его завершенія.

Напримѣръ, на территоріи собственной Украины, по люстраціямъ первыхъ двухъ десятковъ лѣтъ 17-го вѣка, видны лишь зачатки фольварочно-барщинной системы, и только съ успѣшнымъ подавленіемъ козацкихъ возстаній 20-хъ и 30-хъ годовъ расчищается почва для ея роста. Вообще, широкое территоріальное распространеніе новаго строя нерѣдко встрѣчало для себя непреодолимыя препятствія; но за то въ каждомъ данномъ пунктѣ онъ обхватывалъ всѣ подлежащія ему отношенія съ неудержимою быстротой. Какъ король, представитель государственной земельной собственности, такъ и всѣ частные землевладѣльцы, начиная отъ литовско-русскаго магната-князя до послѣдняго земянина, сдѣлавшагося теперь шляхтичемъ, всѣ были въ этомъ отношеніи связаны круговою порукой серьезнаго личнаго интереса. Такъ называемый «уставъ о похожихъ

людяхъ» краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ хорошо сознавался этотъ интересъ и какъ энергично проводился онъ въ жизнь при посредствѣ круговой поруки всѣхъ заинтересованныхъ [1]).

Стóитъ ли доказывать, что новый строй, въ фундаментѣ котораго лежало отнятіе у земледѣльца правъ собственности на воздѣлываемую имъ землю, насильственное прикрѣпленіе его къ панской волокѣ и барщинѣ, что этотъ строй не могъ благопріятствовать дальнѣйшему развитію или хотя бы даже просто существованію старыхъ земельныхъ организацій, родового ли типа, или вытекшаго изъ него договорнаго? Вѣдь, этотъ новый строй атрофировалъ тотъ жизненный нервъ, которымъ поддерживается всякая естественно выросшая организація: самоопредѣленіе. Но мало этого, принимались нарочитыя мѣры къ разрушенію этихъ организацій: складывающееся крѣпостное государство инстинктивно чувствовало, что эти организаціи до нѣкоторой степени есть, все-таки, защита и убѣжище стараго крестьянскаго вольнаго духа. Нужно было дезорганизовать крестьянскую массу, чтобы поставить лицомъ къ лицу съ новыми условіями лишь единичнаго крестьянина, совершенно безсильнаго, лишеннаго и проблеска сознанія о возможности оппозиціи и борьбы. Въ этомъ смыслѣ очень характерны приведенныя выше слова Сигизмунда-Августа: «Каждый потому, какъ онъ свой хлѣбъ ѣстъ, долженъ и работы, и повинности намъ отбывать, а не по своимъ предкамъ, со своихъ, какъ они называютъ, вотчинъ». Стремленіе къ тому, чтобъ поставить крестьянина въ положеніе человѣка, «отбывающаго работы и повинности, на томъ же личномъ началѣ, на какомъ «онъ свой хлѣбъ ѣстъ», проявляется во всемъ: въ разселеніи крестьянъ по волокамъ, въ замѣнѣ сябрщизны поголовщиной, вообще въ различныхъ мѣрахъ, которыми отмѣнялась старая система, принимавшая за единицу обложенія сначала дворище, потомъ дымъ,—всюду, гдѣ можно, выступаютъ лицо и личная отвѣтственность. Все это должно было привести къ быстрому и окончательному разрушенію дворищной организаціи. На эту тему князь Тадеушъ Любомірскій, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ польскихъ историческихъ писателей, написалъ [2])

---

[1]) Содержаніе этого устава такое: всѣ землевладѣльцы Витебской и Полоцкой земли, духовные и свѣтскіе, крупные и мелкіе, постановили на общемъ своемъ собраніи, что никто не будетъ принимать похожихъ людей иначе, какъ на извѣстныхъ стѣснительныхъ условіяхъ; постановлено привлечь къ этому взаимному обязательству и короля. Король согласился вступить въ этотъ союзъ наступленія на права „вольныхъ" людей.

[2]) *Biblioteka Warszawska* 1855—56 г., «Polnocno - wschodnie woloskie osady», «Starostwo Ratenskie».

настоящую элегію въ прозѣ. Въ его шляхетскомъ сердцѣ нашлись глубоко прочувствованныя и трогательныя слова, которыми онъ изобразилъ положеніе крестьянина, лишеннаго защиты сильной дворищной организаціи и приведеннаго къ тому положенію, которое сами поляки заклеймили выраженіемъ: «Polonia est infernus rusticorum». Съ 16-го вѣка, т. е. съ разрушенія дворищъ, крестьяне Холмской Руси потеряли «свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, свободу женщинъ отъ отбыванія экономическихъ работъ, свободу варить напитки, суды и выборныхъ судей, самостоятельность хозяйствъ и возможность трудомъ пріобрѣтать собственность»,—такъ заключаетъ кн. Любомірскій свою статью о Ратенскомъ староствѣ, т. е., скажемъ мы отъ себя, потеряли все, что отличало ихъ, какъ людей, отъ того рабочаго быдла, въ какое ихъ позже обратила исторія.

Мы сказали сейчасъ, что дворище разложилось быстро и окончательно, но должны прибавить оговорку: на той территоріи, гдѣ забрала полную силу новая система хозяйства. Выше уже было указано, что въ глубь Украины она распространялась туго, и даже передъ самой катастрофой распространеніе ея, уже довольно значительное, все-таки, еще далеко не достигло равномѣрности. Понятно, поэтому, что мы находимъ слѣды дворищной организаціи въ степной Украинѣ до самой Хмельнищины. Но надо сказать, что мѣстныя условія, топографическія и иныя, были таковы, что не благопріятствовали дворищной организаціи поселеній и землевладѣнія. Хуторъ, прямой преемникъ и наслѣдникъ дворища, здѣсь долженъ былъ уступить мѣсто большому населенному мѣсту, селу, мѣстечку, которое представляло несравненно больше гарантій отъ татарскихъ нападеній, висѣвшихъ постоянною черною тучой надъ украинскимъ горизонтомъ.

Но, зная живучесть органическихъ формъ, трудно предположить, чтобы старыя земельныя организаціи, вѣками вошедшія въ плоть и кровь крестьянина, не проявили стремленія въ чемъ-нибудь отродиться. И дѣйствительно, несмотря на постоянно проявляющееся стремленіе панской власти поставить лицомъ къ лицу съ собою всякаго мелкаго съемщика, сидящаго на какомъ-нибудь ничтожномъ земельномъ отрѣзкѣ, который прежде входилъ на извѣстныхъ условіяхъ въ составъ дворищной организаціи, отбывавшей за него повинности,— все-таки, и при волочной системѣ можно наблюдать кое-что, напоминающее старые порядки. Такъ, нерѣдко мы встрѣчаемъ, что волока снимается не единичнымъ крестьяниномъ, а группою хозяевъ въ два-три, даже и четыре человѣка, составляющихъ вмѣстѣ одинъ потугъ.

Какъ устраивались между собою эти потужники по волокѣ—не видно; но, судя по постояннымъ упоминаніямъ о доляхъ, половинахъ, третинахъ, четвертинахъ, надо думать, что въ эти отношенія внесено было кое-что изъ старой дворищной организаціи. Но была и еще одна область поземельныхъ отношеній, гдѣ старые порядки также удерживались до нѣкоторой степени. Это такъ называемые «входы». Мы упомянули о нихъ выше, но не распространялись, какъ не считаемъ нужнымъ и здѣсь вдаваться въ безплодныя догадки и соображенія насчетъ того, составляли ли входы остатки первобытной безграничной свободы въ пользованіи землей, или это есть обломки какихъ-нибудь разрушившихся большихъ общинныхъ организацій. Скажемъ только, что «входы» Литовской Руси значительно отличались отъ аналогичныхъ имъ порядковъ Руси сѣверной. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ населеніе относилось къ рѣкамъ и озерамъ, лѣсамъ и тундрамъ, какъ къ Божіимъ стихіямъ, на которыя человѣку неестественно и грѣшно предъявлять какія-нибудь исключительныя права, въ Литовской Руси, уже въ 16-мъ вѣкѣ, даже безграничныя пущи, не говоря о другихъ угодьяхъ, подлежали частному праву. Но не только крестьяне дворищъ, даже и крестьяне волокъ, все-таки, сохраняли права на пользованіе этими угодьями. Только права эти были большею частью точно опредѣлены и подлежали извѣстнымъ строгимъ ограниченіямъ. Разумѣется, позже крестьянское пользованіе этими входами приняло видъ сервитутовъ, связанныхъ съ панскими землями. Какъ бы то ни было, еще въ концѣ 17-го вѣка и даже въ 18-мъ в. крестьяне такъ крѣпко держались еще на этихъ своихъ исконныхъ правахъ, что называли «входы» своими вотчинами, а себя вотчичами (wchody, alias otczyny, какъ выражаются документы [1]); всѣ же, имѣвшіе вотчины въ одномъ угодьѣ, были между собой сябрами.

Всѣ факты, о которыхъ шла рѣчь въ настоящей главѣ, относятся къ территоріи правобережной Украины, на которой сосредоточивалась въ ту эпоху историческая жизнь южно-русскаго племени. Слѣдующій историческій моментъ—съ половины 17-го в.—она переносится на лѣвый берегъ Днѣпра, и мы послѣдуемъ туда же, чтобы посмотрѣть, какія формы приняло тамъ землевладѣніе. Но пока

[1]) *Протоколы Кіевскаго юридическаго общества.* Прибавл. къ *протоколамъ* за 1880 г., стр. 68.

скажемъ нѣсколько словъ по поводу того, что происходило на территоріи лѣво-бережной Украины въ ту эпоху, о которой у насъ шла рѣчь, т. е. до переворота, внесеннаго въ исторію Хмельнищиной.

Немногочисленные документы свидѣтельствуютъ, что здѣсь, какъ и можно было ожидать, имѣло мѣсто все то же, что и на правомъ берегу. Населеніе сосредоточивалось въ сѣверномъ Полѣсьѣ; степь только что начинала заселяться. Въ Сѣверщинѣ крестьяне «вутчичи» сидѣли точно также большими семейными группами на своихъ «вутчинахъ», «отчизнахъ», «земляхъ». Слово «дворище» намъ здѣсь не попадалось; но описаніе «вутчицкихъ земель» и ихъ принадлежностей, даже самыя названія этихъ земель (Пилиповщина, Пророковщизна и т. д.) показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ тою же самою дворищною формой [1]). Встрѣчаются тѣ же самые дворищные участники «sortium suarum possessores», сябры, которымъ принадлежитъ «во всякихъ рѣчахъ» извѣстная часть. Когда въ первой половинѣ 17-го в. начинаютъ водворяться и здѣсь волоки, онѣ являются здѣсь съ тѣми же аттрибутами стараго дворища, со всѣми принадлежностями: «гаями, дубравами, сѣножатьми и со всѣмъ, что колвѣкъ здавна належало» и т. д. [2]).

III.

Съ половины XVII в. наступилъ въ исторіи южно-русскаго племени одинъ изъ тѣхъ моментовъ, какіе доводится переживать далеко не каждому народу. Точно шкваломъ снесло на значительной части занятой имъ территоріи всѣ соціальныя надстройки, воздвигнутыя вѣковымъ историческимъ процессомъ. Колесо исторической фортуны выбросило на долю малорусскаго народа carte blanche, на которой онъ могъ начать съизнова писать свою исторію.

Снесены были и старые порядки землевладѣнія. Шляхта унесла съ собой и волоки, и фольварки, весь начинавшій-было складываться барщинно-крѣпостническій строй отношеній,—все «было скасовано козацкою саблей». Народъ остался лицомъ къ лицу со своею землей, полнымъ ея господиномъ.

---

1) *Jablonowsky:* «Lustracya Krolewszczyzn», 195—209. *Арх. юго-западной Рус.*, т. VII: *Описаніе Остерскаго замка.*

2) *Jablonowsky:* 208. *Историко-статист. описаніе Черниг. епархіи* V, 96.

И что же наступило теперь? «Когда, при помощи Божіой, малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмельницкимъ кровью своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ берегахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая—потамисть, покамисть они первѣе подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ, и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и потому стались всѣ добра малороссіянамъ быть властными черезъ займы» [1]). Вотъ хорошо обрисованное, словами одного документа 1773 г., положеніе дѣлъ въ первый моментъ послѣ катастрофы, первый организаціонный шагъ. «Земля была сполная и общая» всего малорусскаго народа,—разумѣется, это и не могло быть иначе. Частью на-ново осѣдая и уже, во всякомъ случаѣ, на-ново организуясь, полки, а за ними и сотни должны были необходимо отграничить себѣ земли, конечно, по преимуществу въ ихъ естественныхъ границахъ. Вновь возникшія на этихъ территоріяхъ населенныя мѣста также опредѣляли свои районы, руководствуясь, съ одной стороны, потребностью, съ другой—также природными границами и близостью другихъ населенныхъ мѣстъ [2]). Многовѣковой обычный процессъ занятія и внутренняго распредѣленія территоріи, которымъ обыкновенно и необходимо стиралось первоначальное представленіе земельной «сполности или общности», долженъ былъ здѣсь, въ силу условій, завершиться въ самое короткое время. Конечно, слѣдуетъ помнить, что нѣкоторыя изъ старыхъ поземельныхъ отношеній сохранились, несмотря на пронесшійся ураганъ: осталось кое-что и изъ шляхетскаго владѣнія, остались крупные землевладѣльцы въ видѣ монастырей и церквей, уже не говоря о землевладѣніи крестьянскомъ. Но, все-таки, главная масса основныхъ отношеній складывалась совсѣмъ за-ново, и такое положеніе вещей имѣло слѣдующіе результаты. Съ одной стороны, происходилъ въ высшей степени напряженный захватъ земли подъ разные виды обособленнаго владѣнія, тѣмъ болѣе напряженный, что здѣсь лицомъ къ лицу съ свободною землей стоялъ не какой-нибудь архаическій человѣкъ, не имѣвшій никакихъ опредѣлившихся представленій о зе-

---

[1]) *Записки черн. стат. комитета* 1866 г., ст. г. *Лазаревскаго:* „Малороссійскіе посполитые крестьяне", стр. 26.

[2]) Этотъ первый моментъ занятія территоріи хорошо изображенъ въ обстоятельной статьѣ *Д. И. Багалѣя* „Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ". *Кіевская Старина* 1883 г., XII.

мельной собственности, а стояло населеніе, которое имѣло болѣе или менѣе сложившіяся юридическія понятія, отразившія на себѣ и литовскій статутъ, и права холмское и магдебургское съ саксонскимъ зерцаломъ и многое другое. Съ другой стороны, не могъ же такъ сразу забыться первоначальный фактъ земельной «сполности и общности», поддерживаемый самымъ существованіемъ громаднаго запаса свободныхъ земель. Созданное положеніемъ, въ какомъ очутился малорусскій народъ въ половинѣ XVII вѣка, сознаніе этой общности,—какъ ни быстро стиралось оно подъ давленіемъ вновь нахлынувшихъ историческихъ условій,—все-таки, не могло не отразиться на организаціи поземельныхъ отношеній. Въ немъ источникъ разныхъ видовъ общаго земельнаго владѣнія, слѣды котораго сохранились кое-гдѣ даже до настоящаго времени, сколько бы энергіи во всѣхъ направленіяхъ ни обнаруживалъ расхватъ земель свободныхъ, т.-е. не стоявшихъ подъ защитой частнаго права. Разумѣется, чѣмъ дальше мы отходимъ къ половинѣ XVII в., тѣмъ болѣе расширяется районъ этого общаго владѣнія.

Первый моментъ осѣданія—даже пахоть—не выходитъ изъ предѣловъ общей земли: каждый царапаетъ себѣ землицу, гдѣ хочетъ и можетъ, чтобы затѣмъ кинуть ее и начать царапать въ другомъ мѣстѣ, если оно покажется сподручнѣе; нѣтъ интереса предъявлять какія-либо права на свою заимку, которая, такимъ образомъ, естественно идетъ назадъ въ запасъ «общихъ», свободныхъ земель. Впрочемъ, этотъ моментъ задержался сколько-нибудь значительное время лишь въ нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностяхъ съ очень рѣдкимъ населеніемъ и такими почвенными условіями, которыя не позволяли дорожить трудомъ, вложеннымъ въ землю. Такъ, кое-гдѣ въ Золотоношскомъ уѣздѣ даже ко времени составленія Румянцевской описи (1766—67 гг.), «сколько кому якого лѣта къ паханію надобности укажетъ и гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо оретъ» [1]). Гораздо дольше задержались вольные сѣнокосы. Лугами, а въ особенности степами и степками (лугъ—низменный, поемный сѣнокосъ, степъ—возвышенный) пользовалось свободно не только то или другое населенное мѣсто, но иногда и нѣсколько населенныхъ мѣстъ одной сотни, а то случалось и разныхъ сотенъ, все смотря по топографическимъ условіямъ. Память о вольныхъ сѣнокосахъ задержалась даже до сихъ поръ [2]). Лѣса въ Сѣверщинѣ, гдѣ наиболѣе сохранилось ста-

---

[1]) *Лучицкій:* „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и обществ. земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в.", стр. 166 и др.

[2]) *Драгомановъ:* „Малорусскіе народные преданія и разсказы", стр. 24.

раго земельнаго владѣнія, но тронутаго переворотомъ, въ извѣстной степени остались подъ вліяніемъ исконнаго права входовъ; въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ земельное владѣніе устанавливалось на-ново, они оказались, конечно, тоже вольными. Съ правовыми ограниченіями, возникшими, прежде всего, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходилось цѣнить всякую заросль, встрѣчаемся по сохранившимся документамъ лишь къ концу первой половины XVIII в. [1]), хотя надо думать, что они существовали и значительно раньше. Пастбища, плавни, рыбныя ловли и т. п. удержались въ общемъ владѣніи еще дольше [2]).

Удивительно, какъ быстро исчезалъ и почти исчезъ громадный запасъ общихъ земель, который могъ казаться практически почти не исчерпаемымъ. Эта чрезвычайная быстрота объясняется, съ одной стороны, увеличеніемъ населенія, притомъ, населенія, какъ уже было сказано выше, со сложившимися юридическими представленіями о земельной собственности; съ другой стороны, нарожденіемъ высшаго сословія, тоже совершившимся съ чрезвычайною быстротой. Панство же, какъ и всякая аристократія, опиралось въ своемъ ростѣ на земельную собственность, которая пріобрѣталась, главнымъ образомъ, именно изъ этого свободнаго земельнаго фонда. Здѣсь не мѣсто распространяться на ту тему, какъ шелъ этотъ процессъ. Достаточно сказать, что еще до начала второй половины XVIII вѣка онъ уже почти завершился: совсѣмъ свободныхъ земель, которыя могли бы безпрепятственно идти подъ расширеніе панскаго владѣнія, почти уже не было. Дальше приходилось прибѣгать къ прямому и грубому насилію, отнимая земли, эксплоатируемыя населеніемъ: фактами такого насилія полна исторія дворянскихъ фамилій, матеріалы для которой давно и усердно собираетъ и разрабатываетъ А. М. Лазаревскій [3]).

Очень любопытною стороной дѣла является то, какъ плохо съумѣлъ геній малорусскаго народа воспользоваться тѣмъ исключительно благопріятнымъ положеніемъ, въ какомъ онъ очутился по отношенію къ своей землѣ. Онъ мало обнаружилъ силы самобытнаго творчества въ созданіи формъ пользованія своими запасами общей

---

[1]) *Лучицкій:* „Сборникъ матеріаловъ“, стр. 62—3.

[2]) Остатки формъ этого общаго владѣнія можно въ настоящее время еще найти въ Полтавской губ. Свѣдѣнія о нихъ есть въ сборникахъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. (изд. губ. полтавскаго земства).

[3]) Кромѣ работъ г. Лазаревскаго, см. также Лучицкаго *Сборникъ матеріаловъ*, напримѣръ, №№ XII, XVI, XXIV.

земли, еще менѣе того—цѣпкости и энергіи въ удержаніи за собой этихъ запасовъ. Все, что мы знаемъ о формахъ владѣнія, носитъ на себѣ грубо-фактическій отпечатокъ, образовавшійся давленіемъ насущной потребности. Насчетъ же энергіи въ сохраненіи общихъ земель можно сказать, что недаромъ существуетъ малорусская пословица: «гуртове—чортове»: вся простая и коротенькая исторія общихъ земель проникнута духомъ этой пословицы. Народъ точно тяготится этими землями и спѣшитъ раздѣлаться съ ними по возможности скорѣе: онъ раздариваетъ ихъ за простое спасибо или за доброе угощеніе, продаетъ, дѣлитъ. Особенно энергично ведется продажа. Очень интересный сборникъ документовъ, касающихся этихъ земель, изданный г. Лучицкимъ и названный имъ не совсѣмъ точно: *Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII вѣка*, на добрую половину наполненъ именно купчими и уступочными записями. Вообще можно сказать, что этотъ *Сборникъ* содержитъ въ себѣ почти исключительно документы, свидѣтельствующіе о томъ, съ какимъ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, малорусскій народъ въ лѣвобережной Украинѣ раздѣлывался съ общими землями, какія ему были оставлены въ наслѣдство Хмельнищиной.

Итакъ, вся энергія малорусскаго народа, ставшаго свободнымъ господиномъ вольной земли, направилась на то, чтобъ утвердить за собой положеніе свободнаго частнаго собственника, въ видѣ ли свободнаго посполитаго, или земледѣльца-козака,—стремленіе, совершенно понятное въ земледѣльческомъ населеніи, только что избѣжавшемъ опасности лишиться, вмѣстѣ съ личною свободой, и своей земли. Но историческій рокъ зло отомстилъ малорусскому народу за эту исключительную односторонность его стремленій. Панство, выросшее на захватѣ общихъ земель, къ сохраненію которыхъ народъ отнесся съ такою небрежностью, въ свою очередь лишило этотъ народъ въ значительной степени и воли, и земли...

Утверждаясь въ своихъ правахъ частной собственности на занятую землю, какъ же организовалъ малорусскій народъ свое землевладѣніе?

Вопросъ этотъ, казалось бы, не долженъ былъ возбуждать никакихъ затрудненій. Эпоха, сравнительно не такъ отдаленная, оставившая по себѣ массу архивныхъ и иныхъ письменныхъ, а также и печатныхъ свидѣтельствъ: какія могутъ быть тутъ затрудненія? Такъ оно и есть относительно политической исторіи; но исторія бытовая, культурная — иное дѣло. Тутъ мы часто безпомощны по отношенію къ важнымъ

фактамъ самаго близкаго прошлаго, уже не говоря объ отдаленномъ. Не сохрани счастливый случай какого-нибудь инвентаря или Румянцевской описи,—и мы въ полныхъ потьмахъ. Отсюда возможность такихъ исключающихъ другъ друга мнѣній, какъ тѣ, какія появились въ нашей литературѣ относительно поставленнаго нами вопроса за послѣднее время: раньше не было противорѣчій, потому что вовсе не было мнѣній, а мнѣній не было потому, что никому не приходило въ голову ставить и вопросы. Какъ же выбраться изъ хаоса безъ руководящей нити прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ?

Мы полагаемъ, что надо, прежде всего, не опускать изъ вида такое соображеніе. Какъ ни рѣшительнымъ казался соціальный переворотъ, внесенный въ исторію малорусскаго народа Хмельнищиной онъ не нарушилъ преемственности ни идей, ни бытовыхъ формъ. Люди остались все тѣ же, и новыя условія приспособляли къ своимъ старымъ понятіямъ и взглядамъ. Припомнимъ, на какомъ моментѣ въ развитіи формъ землевладѣнія былъ застигнутъ малорусскій народъ переворотомъ, и мы можемъ уже съ извѣстною степенью увѣренности искать приложенія этихъ формъ и въ новомъ фазисѣ его исторіи.

Старой дворищной формы уже не было: она рушилась, не подъ гнетомъ своего собственнаго неустойчиваго равновѣсія, но подъ натискомъ внѣшнихъ условій, устремившихся къ ея разрушенію. Но изжила-ли свой вѣкъ и умерла-ли ея идея? Въ извѣстномъ смыслѣ—да, въ другомъ — нѣтъ, какъ намъ кажется. А именно, какъ воплощеніе старой патріархальной организаціи, организаціи родовой семьи, она уже отошла въ прошлое: духъ времени уже достаточно развилъ личное начало для того, чтобы возможны были такія цѣлостно-патріархальныя формы. Но, съ другой стороны, ни психическія привычки, ни требованія общественной жизни еще не приспособились къ условіямъ тѣсно-индивидуальнаго или узко-семейнаго устройства. Отсюда потребность въ такихъ общественныхъ формахъ, которыя симулировали бы до извѣстной степени патріархальныя отношенія, не будучи ими по существу. Барщинно-крѣпостническій строй, подъ который старалось Польское государство насильственно подогнуть малорусскій народъ, чуялъ нѣчто себѣ враждебное въ развитіи такихъ формъ и отношеній и потому стремился ихъ давить, какъ это мы показали во второй главѣ. Но несмотря ни на что, они прокидывались то въ томъ, то въ другомъ видѣ.

Естественно, что народъ, очутившись во второй половинѣ XVII вѣка господиномъ положенія, попытался воспроизвести въ новыхъ условіяхъ привычныя и симпатичныя ему формы быта.

Насчетъ дворищъ въ лѣвобережной Украинѣ въ разсматриваемую нами эпоху документы не сохранили никакихъ указаній: повидимому, даже самое слово утратило свой старый смыслъ и стало употребляться какъ синонимъ усадебнаго мѣста. Но многое въ организаціи новыхъ отношеній напоминаетъ, а частью и воспроизводитъ старую дворищную форму.

Прежде всего, заселеніе ведется преимущественно по хуторному типу [1]); хуторъ же, если оставить пока въ сторонѣ внутреннюю организацію, внѣшними своими признаками совершенно воспроизводитъ собою дворище. Затѣмъ самое семейное устройство: хотя это уже не старая родовая семья, вмѣщавшая въ себѣ родственниковъ всякихъ степеней родства, но далеко и не теперешняя малая малорусская крестьянская семья, приближающаяся къ семьѣ культурныхъ сословій. Въ таблицахъ, составленныхъ по Румянцевской описи г. Лучицкимъ, оказывается, что въ томъ уголкѣ Золотоношскаго уѣзда,— слѣдовательно, степной полосѣ,— который захватываютъ эти таблицы, дворъ былъ односемейнымъ на половину (48%); средне-семейныхъ дворовъ, заключающихъ въ себѣ 2—3 семьи,—было 43%, и 8% дворовъ многосемейныхъ, выше 4 и даже 14 семей; среднимъ числомъ на дворъ приходится 2 семьи, 2 хаты и 11 человѣкъ — цифра очень высокая по современному масштабу. Но самое важное, что̀ передало дворище разсматриваемой нами эпохѣ, это—обиліе договорныхъ отношеній, организованныхъ по типу отношеній дворищныхъ и возстановлявшихъ собою до извѣстной степени эти отношенія. Мы употребили выраженіе «договорныхъ», слѣдуя принятоӣ правовой терминологіи, но должны оговориться: въ генезисѣ извѣстной, вѣроятно значительной части этихъ отношеній вовсе не лежалъ договоръ, а выросли они естественнымъ процессомъ на почвѣ разросшейся и разложившейся семьи такъ, какъ это было указано выше. Остатокъ и слѣды этихъ формъ разбросаны всюду въ печатныхъ памятникахъ, касающихся исторіи лѣвобережной Украины послѣ Хмельнищины до конца XVIII вѣка, но еще гораздо больше ихъ хранится, конечно, на полкахъ архивовъ. Г. Лучицкій взялъ на себя трудъ свести и обнародовать кое-какіе изъ относящихся сюда фактовъ, извлеченныхъ имъ по большей части изъ архивовъ. Изслѣдованіе г. Лучицкаго захватываетъ лишь очень небольшую территорію (Черниговскій и Остерскій уѣзды); но, все-таки, попытка освѣтить явленія, остававшіяся до тѣхъ поръ въ полномъ забросѣ,

---

[1]) *Лучицкій* „Сябринное землевладѣніе". *Сѣверный Вѣстникъ* 1889 г., кн. I, стр. 80.

представляетъ значительный интересъ [1]). Всѣ факты, сюда относящіеся, г. Лучицкій обозначаетъ терминомъ «сябриннаго» владѣнія, что кажется намъ совершенно правильнымъ, соотвѣтствующимъ и происхожденію этого слова, и его позднѣйшему употребленію въ народѣ. Можетъ быть, здѣсь будетъ не лишнимъ остановиться немного на этомъ терминѣ. Нѣкоторые наши ученые, какъ, напримѣръ, покойный А. А. Котляревскій, приписываютъ этому слову эстонское происхожденіе, другіе—литовское. Вѣроятно, здѣсь сказывается вліяніе Шафарика, который рѣшительно отказывалъ этому слову въ славянскомъ происхожденіи. Но такой знатокъ, какъ г. Потебня, къ которому мы обращались по этому поводу за указаніями, высказывается за славянскій его характеръ. Сл. себръ, сябръ, встрѣчается въ языкахъ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ славянъ, встрѣчается въ очень древнихъ памятникахъ языка, встрѣчается не только въ значеніи участника, пайщика какого-нибудь предпріятія, какъ въ другихъ языкахъ, но и въ смыслѣ, вѣроятно, болѣе коренномъ—свободнаго земледѣльца (г. Антоновичъ сближаетъ сл. сябръ и сл. севрюкъ). Мало того, что это слово встрѣчается, оно находитъ и юридическое опредѣленіе въ такихъ памятникахъ, какъ новгородская и псковская судныя грамоты, литовскій статутъ, съ одной стороны, въ указанномъ смыслѣ пайщика, съ другой—земельнаго совладѣльца. Въ томъ же смыслѣ, участника въ торговомъ или промышленномъ предпріятіи, въ частности участника въ самой землѣ, сл. сябро употребляется и въ современномъ народномъ языкѣ (Харьковская губ.).

Вотъ существо взглядовъ г. Лучицкаго на сябринное землевладѣніе въ южной Руси. Прежде всего, г. Лучицкій указываетъ на образованіе сябриннаго земельнаго союза изъ распаденія союза семейно-родового. По его словамъ, сябринный союзъ лѣвобережной Украины XVIII в. еще обнаруживаетъ много чертъ, указывающихъ на его архаическое происхожденіе и связывающихъ его съ болѣе старыми формами. Такъ, каждый сябръ, или семейная группа, образовавшаяся изъ большой семейной группы, получалъ въ силу раздѣла лишь право на участіе опредѣленнаго размѣра во всѣхъ безъ исключенія угодьяхъ, составлявшихъ прежде собственность всей семейной группы или «уступъ» въ общемъ. Наприм., продается «во всѣхъ трохъ змѣнахъ поле пахотное, котораго ограничить невозможно, залежь въ борахъ, лѣсахъ, пущахъ, озерахъ, криницахъ и во всѣхъ сѣнокосахъ на меня во всемъ спадаючую и въ лузѣ третья часть». Продажа участковъ отъ сябровъ сябрамъ, а позже и постороннимъ, была

[1]) Ibid.

свободна; можно было продавать не только полную свою долю, но и любую ея часть. Но продажи эти подлежали извѣстнымъ ограниченіямъ. Требовалось обязательно согласіе всѣхъ сябровъ. Они должны были быть «добре того свѣдоми»; о продажѣ заявлялось на ихъ «зебраню», «при ихъ бытности». Новый владѣлецъ долженъ былъ вводиться во владѣніе всѣми сябрами. Г. Лучицкій нашелъ и передѣлы сябринныхъ угодій между сябрами; онъ полагаетъ даже, что передѣлы эти не были случайными, а періодическими или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ежегодными. Равенства въ размѣрѣ владѣнія между сябрами, разумѣется, не было, такъ какъ нельзя его и ожидать, принимая во вниманіе условія происхожденія этихъ отношеній; но за то замѣчается, по его словамъ, пропорціональность въ распредѣленіи пахоти между дворами. Дробленіе долей достигало иногда значительной мелкоты и сложности. Встрѣчаются не только крупныя дроби, какъ-то половины, четверти, трети, но и такія мелкія, какъ $^1/_{20}$ и даже $^1/_{40}$; затѣмъ не рѣдкость такія сложныя отношенія, какъ, наприм., шестая половины, восьмая четверти и т. д. Г. Лучицкій дѣлаетъ слѣдующую общую характеристику сябриннаго землевладѣнія, какъ онъ его находитъ въ XVIII в. въ лѣвобережной Украинѣ. Сябринный союзъ обязанъ своимъ возникновеніемъ распаденію большой родовой семьи на отдѣльныя группы семейныхъ дворовъ, сохраняющія общее владѣніе землей. Земли эти въ моментъ раздѣла распредѣляются поровну, но съ дальнѣйшимъ распаденіемъ группъ распредѣляются соотвѣтственно долѣ «уступа» каждой группы. Каждая группа имѣла право не на опредѣленную землю, а лишь на извѣстную идеальную долю во всѣхъ безъ исключенія общихъ угодьяхъ. Отъ общиннаго владѣнія сябринное отличается слѣдующими признаками: неравенствомъ размѣра участковъ пользованія, свободой отчужденія и продажи паевъ, какъ между сябрами, такъ и постороннимъ лишь съ согласія сябровъ; отъ подворнаго же тѣмъ, во-первыхъ, что владѣніе участками не было постояннымъ или неизмѣннымъ, не связывалось съ даннымъ кускомъ земли, а мѣнялось, передѣлялось между дворами, которые имѣли право не на самую землю, а лишь на участіе въ ней, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что пользованіе участками, хотя и неравномѣрное, было одно другому пропорціональнымъ.

Вотъ выводы г. Лучицкаго относительно сябриннаго владѣнія. Нельзя не замѣтить, что они, къ сожалѣнію, нѣсколько искусственно подведены подъ установленную нами относительно сѣвера схему деревенскаго владѣнія, по крайней мѣрѣ, далеко не все, имъ выведенное, оправдывается сообщаемыми фактами, поскольку о нихъ можно

*

судить по приводимымъ цитатамъ (наприм., относительно передѣловъ, относительно пропорціональности долей, значеніе которыхъ, кстати сказать, не выяснено г. Лучицкимъ). Крайне жаль, что размѣры и характеръ его работы, какъ журнальной статьи, не позволили ему свободнѣе распорядиться фактическимъ матеріаломъ; можетъ быть, ближайшее и подробное знакомство съ нимъ и разсѣяло бы тѣ сомнѣнія, которыя теперь возникаютъ невольно. Затѣмъ, г. Лучицкій слишкомъ исключительно выводитъ всѣ сябринныя формы изъ разложившейся семьи, не отводя должнаго мѣста тѣмъ изъ нихъ, какія несомнѣнно возникли чисто-договорнымъ путемъ. Очутясь лицомъ къ лицу съ новою землей, разбитое въ значительной степени на мелкія семейныя ячейки, населеніе должно было ощущать потребность въ искусственныхъ отношеніяхъ, извѣстнымъ образомъ симулировавшихъ разложившіяся старыя дворищныя отношенія. Сохранившіеся акты подтверждаютъ эти наши слова.

Вотъ, наприм., двое, дядя съ племянникомъ, не могутъ, какъ они заявляютъ въ документѣ [1]), «справиться съ своимъ грунтомъ». Въ этомъ затруднительномъ положеніи они не прибѣгаютъ ни къ какой юридической сдѣлкѣ извѣстнаго намъ типа, а находятъ выходъ вотъ въ чемъ. Вступаютъ въ договоръ съ нѣкіимъ «кулажскимъ человѣкомъ», чтобъ человѣкъ этотъ «поднялся въ томъ ихъ властномъ грунтѣ, то-есть вотчинѣ, своею працею старатися... А що маеть быти съ той вотчины якой колвекъ пожитокъ, маеть отбирати за свою працу половину съ того грунту, а половину той пожитокъ съ того грунта намъ (вотчинникамъ) двумъ совокупно». Этимъ договоромъ создаются для кулажскаго человѣка такія права на землю, которыя почти равняются правамъ вотчинниковъ. Онъ имѣетъ свою долю во всемъ, что къ упомянутому грунту относится, «во всѣхъ его приналежитостяхъ»; затѣмъ эти его права не ограничиваются временемъ, а простираются «на вѣчніе часы» или до тѣхъ поръ, пока онъ самъ захочетъ; наконецъ, ни сами вотчинники, ни ихъ «кровніе близкіе и далекіе» не могутъ нарушить этихъ правъ подъ большими заруками. Такимъ образомъ, его положеніе оказывается даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ положеніе настоящихъ вотчинниковъ. Ограниченіе его правъ лишь въ томъ, что онъ не можетъ по произволу распорядиться землей, а долженъ возвратить ее вотчинникамъ въ томъ видѣ, какъ принялъ, если не захочетъ больше жить съ ними. Здѣсь идетъ рѣчь только объ участіи въ грунтѣ; но договоръ создавалъ и еще болѣе тѣсныя отношенія. «Я, такой-то, бывши оди-

[1]) Изъ дѣлъ архива малороссійской коллегіи.

нокимъ человѣкомъ въ господарству, пріймую до третьей части во всякомъ во грунтѣ, въ полѣ, въ сѣножатяхъ, въ горожахъ, въ дворѣ, въ товарѣ и во всякомъ набытку «такого-то»; «а потомъ во всемъ нашемъ набытку, въ товарѣ рогатомъ, яко тожь въ коняхъ и дробинѣ, а въ хлѣбѣ совокупно жити не токмо намъ, але и дѣтямъ нашимъ» [1]). Любопытны иногда мотивы, какими сопровождаются эти договоры. Наприм., двое «пускають и дають (такому-то) третью часть грунту своего властнаго з особливого своего респекту и милости христіанское, для подспартя и вспоможенья его», причемъ «вольно ему тоею третіею частьею грунту пожитковати и заживати, еднакъ подъ такими кондиціями, «абы онъ самъ тое части грунту пахотнаго заживалъ и робилъ, никому не продаючи, а еслибъ хотѣлъ гдѣ индѣ поити, теди не маеть того грунту продавати». Эти и подобные документы мало вразумительны съ точки зрѣнія современныхъ представленій о собственности и вообще современныхъ юридическихъ отношеній. Путемъ этихъ договоровъ создавались искусственныя семьи, которыя, конечно, легче распадались, чѣмъ естественныя, на свои составныя части и давали начало сябриннымъ отношеніямъ; но еще гораздо чаще—прямо возникали этимъ путемъ сябринныя отношенія: всѣ эти лица, привлекаемыя къ участію въ извѣстной долѣ «единаго грунта» «изъ-за праци» или «изъ милости христіанскоe», были настоящими сябрами [2]). Особенно часто должны были возникать такія отношенія «изъ-за праци»: «же мѣлъ ему Евстратъ служить рокъ шесть, а по выстю тѣхъ литъ шести мѣлъ ему дать во всемъ своемъ добромъ часть третюю». Трудъ цѣнился тогда относительно такъ высоко, что не представлялось никакой аномаліи въ томъ, что имъ однимъ создавались права не только на дикую, невоздѣланную, но и сябринныя права на долю въ занятой уже землѣ, вотчинномъ грунтѣ. Наконецъ, такія же права создавались покупкой: многимъ, экономически-слабымъ, было сподручнѣе вкупиться въ долю чужого воздѣланнаго грунта, чѣмъ на-ново занимать свой. Права всѣхъ такихъ сябровъ, чѣмъ бы они ни создавались, покупкой ли, працей, или чѣмъ инымъ, ставились выше правъ родственниковъ, не только далекихъ, но и близкихъ, за исключеніемъ развѣ прямыхъ наслѣдниковъ, сыновей, съ правами которыхъ, какъ «прирожденныхъ вотчичей», приходилось считаться.

Итакъ, въ сябринныхъ формахъ, будь онѣ того или другого происхожденія, т.-е. естественнаго, изъ разросшейся и разложившейся

---

[1]) См. ст. Лучицкаго въ *Спб. Вѣстникѣ* 1889 г., кн. I, актъ 1706 г.
[2]) *Описаніе черниговской епарх.*, VI, стр. 49.

семьи, или искусственнаго, изъ договора, мы видимъ остатки стараго дворищнаго устройства. Видны его остатки и кое въ чемъ еще, между прочимъ, въ слѣдующемъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи еще недавно (до размежеванія) цѣльный участокъ земли носилъ названіе грунта, загона. При раздѣлѣ на двѣ части, каждая часть называлась полгрунтомъ или половинщиной, на четыре—чверткой или четвертухой, на восемь—восьмухой или полъ-чверткой; затѣмъ встрѣчаются названія: четверть четвертки, восьмая чвертки и т. д. Или, наприм., въ нѣкоторыхъ деревняхъ Стародубскаго уѣзда участки земли во всѣхъ трехъ смѣнахъ съ огородами и сѣнокосами назывались пляцами, полу-пляцами и т. д. Повинности распредѣлялись по пляцамъ [1]).

Но теперь является вопросъ: были ли сябринныя отношенія господствующимъ типомъ формъ землевладѣнія, какъ можетъ подумать тотъ, кто прочтетъ статью г. Лучицкаго, или нѣтъ? Нѣтъ, не были. Мы упомянули о нихъ на первомъ планѣ, такъ какъ именно онѣ связываютъ предшествующій фазисъ въ исторіи формъ землевладѣнія съ разсматриваемымъ нами моментомъ. Но онѣ были только остаткомъ, переживаніемъ—не больше. Дворище ушло въ своемъ разложеніи дальше, до того его естественнаго предѣла, какимъ является уже простое подворно-участковое владѣніе, и именно такое владѣніе и является преобладающею формой землевладѣнія. Только въ концѣ XVIII вѣка, съ закрѣпощеніемъ крестьянъ и другими важными мѣрами царствованія Екатерины II, выступаетъ на сцену еще и общинное владѣніе у крестьянъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ. Что подворно-участковое владѣніе было для XVIII вѣка господствующею формой землевладѣнія, въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія Румянцевская опись и, между прочимъ, статистическія таблицы землевладѣнія Полтавской губерніи, составленныя по этой описи г. Лучицкимъ. Таблицы эти составлены лишь къ четыремъ сотнямъ Золотоношскаго уѣзда и, къ сожалѣнію, не лишены важныхъ недостатковъ, но, всетаки, будучи матеріаломъ статистическимъ, т.-е. въ извѣстномъ смыслѣ единственно непреложно рѣшающимъ, онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. Вотъ что даютъ эти таблицы. Дворъ, какъ мы уже сказали выше, былъ въ моментъ описи, 1767 г., на половину односемейнымъ. Онъ владѣетъ своимъ обособленнымъ участкомъ пахоти, хотя дѣло идетъ здѣсь о степномъ Золотоношскомъ уѣздѣ, принадлежащемъ, какъ мы сказали выше, къ числу тѣхъ, гдѣ наидольше пахоть не выдѣлялась изъ общей земли:

[1]) *Ханенко:* „Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи". Черниговъ, 1864 г., стр. 53, 55.

только 6 дворовъ села Решетокъ пашутъ еще въ общей землѣ, да въ двухъ другихъ селахъ тоже есть нѣкоторая часть пахоти въ общевладѣемомъ степу. Пахоть каждаго двора тогда, какъ и теперь при участковомъ владѣніи, была разбита на большое число кусковъ: среднимъ числомъ на дворъ приходится по 13 кусковъ, по количеству же она равнялась 31 дню, т. е. около 24 десятинъ. Не только пахоть каждаго двора составляла его обособленное владѣніе, но даже внутри двора лишь часть земель составляла общее владѣніе всѣхъ семей, составляющихъ дворъ. Часть же была въ отдѣльномъ владѣніи каждой семьи: на каждый кусокъ земли, находящійся въ нераздѣльномъ владѣніи двора, приходится $1^1/_2$ куска «лично-собственныхъ», по терминологіи таблицъ. Другая разработка Румянцевской описи, сдѣланная по Суражскому уѣзду г. Филимоновымъ [1]), утверждаетъ фактъ господства личнаго землевладѣнія и въ сѣверной части лѣвобережной Украины. Да и какія могутъ возникнуть сомнѣнія въ этомъ фактѣ въ виду массы сохранившихся документовъ о землевладѣніи? Въ одной сводкѣ и извлеченіи изъ Румянцевской описи, составленной г. Лазаревскимъ и изданной черниговскимъ статист. комитетомъ, ихъ такое количество, что небольшой части ихъ совершенно достаточно, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія, буде бы они возникли.

Въ заключеніе работы сдѣлаемъ еще маленькое резюме и скажемъ нѣсколько словъ о литературѣ предмета.

IV.

Хмельнищина круто переломила исторію малорусскаго народа на двѣ рѣзко-отличающіяся одна отъ другой половины. Но, тѣмъ не менѣе, бытовыя формы первой половины вообще, формы землевладѣнія въ частности, перешли изъ первой половины во вторую. Тщетны были бы старанія понять явленія этой второй половины безъ обращенія къ первой. Такимъ образомъ, начало исторіи формъ малорусскаго землевладѣнія надо отнести къ литовско-русскому періоду, дальше котораго, за отсутствіемъ документальныхъ свидѣтельствъ, все погружается во мракъ.

Исторія эта начинается господствомъ дворищной формы. Дворище является основною ячейкой: уяснить себѣ его существо значитъ понять главную нить въ развитіи формъ малорусскаго землевладѣнія.

---

1) *Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Черниговской губерніи.* IX. *Суражскій уѣздъ.* 1888 г.

Но понять организацію дворища лишь при помощи сохранившихся историческихъ документовъ почти невозможно, если не призвать на помощь аналогію сѣверно-русской «деревни». Деревенская организація совершенно освѣщаетъ собою дворищную. Дворище и деревня сходны между собой, какъ сходны двѣ клѣточки одного организма, имѣющія то же самое функціональное назначеніе. Окончательная судьба этихъ формъ была различна; но, во всякомъ случаѣ, и та, и другая одинаково носили въ себѣ задатки этихъ своихъ различныхъ судебъ.

Первые проблески историческаго освѣщенія (которые надо отнести къ XIV и XV вв.) застаютъ какъ дворище, такъ и деревню, новгородское село—еще въ состояніи печища, т. е. земельной единицы, находящейся въ обладаніи цѣлаго «рода-племени» или большой родовой семьи. Слѣдующій затѣмъ фазисъ—родъ-племя начинаетъ распадаться на свои составныя части, но идея земельной цѣлостности деревни или дворища, поддерживаемая, сверхъ всего прочаго, также тягловою или служебною отвѣтственностью передъ государствомъ, еще жива. Земля дѣлится, но не распадается окончательно; каждый совладѣлецъ, входящій въ семейный составъ дворища, есть представитель какой-нибудь идеальной доли цѣлаго, и цѣлое, такимъ образомъ, всегда держится въ сознаніи совладѣльцевъ и легко можетъ быть возстановлено фактически. Но связь между родственными совладѣльцами съ теченіемъ времени все ослабляется; въ то же время, они начинаютъ замѣщаться элементами неродственными. Начинаетъ ослабѣвать и идея неприкосновенной цѣлостности земельной единицы. Права собственности, въ связи съ естественнымъ правомъ перваго захвата и труда,—права, которыя признавались за деревенскими или дворищными совладѣльцами независимо отъ тѣхъ отношеній подчиненности или зависимости, въ какихъ они стояли къ государству или владѣльцамъ, теперь вступаютъ въ свою разрушающую силу. Органической земельной клѣточкѣ предстоитъ распасться на механическіе куски, если что-нибудь не придетъ къ ней на помощь. Къ сѣверно-русской деревнѣ пришло на помощь государственное воздѣйствіе, и она обратилась въ общину. То же государственное воздѣйствіе было обращено и на дворище, но совсѣмъ въ обратную сторону: оно было направлено къ полному и окончательному его разрушенію. Тамъ же, гдѣ процессъ совершался безъ государственнаго давленія, дворище пришло, лишь нѣсколько иначе, къ тому же—къ полному распаденію на свои составныя части, къ водворенію подворно-участковаго или личнаго владѣнія. Но разрушившееся дворище оставило по себѣ въ наслѣдство обиліе сябринныхъ формъ, воспроизводившихъ тѣми или

другими своими сторонами старыя дворищныя отношенія. Остатковъ дворища, въ видѣ сябринныхъ формъ, особенно много существовало, благодаря земельной свободѣ, въ лѣвобережной Украинѣ на ряду съ водворившимся тамъ подворнымъ владѣніемъ. Общее владѣніе, которое водворилось было на одинъ моментъ на территоріи лѣвобережной Украины, тоже должно было отлиться въ извѣстныя формы, но оно исчезло такъ быстро, что и формы его не успѣли ни развиться, ни закрѣпнуть.

Въ такомъ порядкѣ, полагаемъ мы, шли развитіе и смѣна формъ землевладѣнія въ южной Руси, на территоріи малорусскаго племени. Надо сказать, что эта сторона нашей бытовой исторіи стала затрогиваться наукой лишь въ самое послѣднее время, но, тѣмъ не менѣе, въ сознаніи образованной части нашей читающей публики, и даже ея руководителей, успѣли, къ сожалѣнію, пустить корни очень превратныя понятія объ этомъ предметѣ. Можно встрѣтить въ статьяхъ даже замѣтныхъ публицистовъ фразы вродѣ: «теперь, когда уже выяснено наукой, что общинная форма землевладѣнія такъ же присуща малорусскому народу» и т. д. [1]). Въ разговорномъ обиходѣ нашей интеллигенціи такія мысли высказываются сплошь и рядомъ съ тою же категоричностью. При этомъ дѣлаются обыкновенно ссылки на имя и труды г. Лучицкаго. Изъ всего сказаннаго выше, кажется, достаточно ясно видно, какъ мало основанія имѣетъ такое или подобное утвержденіе. Но правильно ли искать его источниковъ въ трудахъ г. Лучицкаго?

Проф. Лучицкій почти единственный ученый, который работалъ, и работалъ не между прочимъ, надъ исторіей южно-русскаго землевладѣнія. Его труды по данному предмету состоятъ, во-первыхъ, изъ изданія документовъ, во-вторыхъ—изъ изслѣдованій. Къ первой категоріи принадлежатъ, прежде всего: *Матеріалы для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII вѣка.* Это очень цѣнный сборникъ документовъ, въ которомъ нѣтъ, конечно,—такъ какъ и не можетъ быть,—ни одного слова объ общинѣ, несмотря на то, что это слово попало какимъ-то образомъ въ оглавленіе книги: онъ весь наполненъ документами объ общихъ земляхъ, главнымъ образомъ, касающимися

[1]) Указываемъ, наприм., на г. В. В., въ статьѣ котораго *О подворномъ владѣніи* мы именно встрѣтили подобную фразу. Еще болѣе рѣзкій примѣръ представляетъ собою извѣстный ученый и даже спеціалистъ по исторіи общины М. М. Ковалевскій, который говоритъ, что „въ Черниговской и Полтавской губ. существовали тѣ же самые общинные порядки землевладѣнія, какіе составляютъ характерную особенность великорусскаго крестьянства“ (*Юридическій Вѣстникъ* 1885 г., № 1).

обращенія этихъ земель въ частную собственность. Второе изданіе г. Лучицкаго, которое мы тоже относимъ къ матеріаламъ, это: *Таблицы землевладѣнія къ четыремъ сотнямъ Золотоношскаго уѣзда.* Хотя таблицы эти представляютъ лишь начало предполагавшагося большого труда и не свободны отъ крупныхъ недостатковъ, обличающихъ въ авторѣ малый навыкъ къ обращенію съ статистическимъ матеріаломъ, но, тѣмъ не менѣе, онѣ очень цѣнны, какъ одна изъ крайне рѣдкихъ попытокъ освѣтить бытовое прошлое при посредствѣ цифровыхъ данныхъ, представляющихъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ такое громадное преимущество передъ данными описательнаго характера. Хотя по отношенію къ этимъ таблицамъ г. Лучицкій и сдѣлалъ въ одномъ мѣстѣ такое замѣчаніе, что онѣ имѣютъ доказывать существованіе общиннаго владѣнія (*Отеч. Зап.* 1882 г., XI, стр. 105), но если онѣ что-нибудь доказываютъ, то только то, что въ эпоху Румянцевской описи въ Малороссіи, и даже въ степной ея части, уже почти не было владѣнія не только общиннаго, о которомъ можетъ быть рѣчь только по недоразумѣнію, но и общаго, а прочно водворилась подворная и лично-семейная форма собственности. Такимъ образомъ, эта категорія трудовъ г. Лучицкаго, наиболѣе солидная, если можетъ чѣмъ оправдывать распространенное въ интеллигентной публикѣ ложное мнѣніе о предметѣ, то лишь такими случайными вещами, какъ внесеніе слова община въ оглавленіе къ матеріаламъ или вышеприведенное замѣчаніе, происхожденія котораго мы, признаться, совершенно не понимаемъ. Остаются изслѣдованія г. Лучицкаго. Вѣроятно, здѣсь-то и надо именно искать источникъ упомянутаго недоразумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, г. Лучицкій напечаталъ въ *Отечеств. Записк.* статью *Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в.,* отъ которой, повидимому, и потянулась вереница недоразумѣній. Статья эта представляетъ первую работу г. Лучицкаго по исторіи малорусскаго землевладѣнія, и напечатана она до появленія матеріаловъ и таблицъ. Надо думать, что когда г. Лучицкій ее писалъ, то онъ еще не былъ достаточно знакомъ съ матеріаломъ, и потому сдѣлалъ нѣкоторые слишкомъ поспѣшные выводы, не оправдываемые фактами. Вѣроятно, онъ и самъ въ настоящее время относится такимъ же образомъ къ своимъ выводамъ. По крайней мѣрѣ, мы именно этимъ объясняемъ себѣ то, что въ послѣднемъ своемъ изслѣдованіи: *Сябринное землевладѣніе въ Малороссіи,* онъ не заикается объ общинѣ ни однимъ словомъ, а, между тѣмъ, предметъ статьи представлялъ бы для этого, казалось, совершенно достаточно поводовъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, г. Лучицкій слишкомъ хорошо образованный и сорьезный человѣкъ, чтобы поддерживать положеніе, которое нельзя поддерживать иначе, какъ чрезъ смѣшеніе терминовъ, путемъ игры словами. Конечно, можно съ большимъ успѣхомъ произвести діалектическое смѣшеніе понятій общиннаго и общаго владѣній, но къ чему это нужно? У насъ, русскихъ, понятіе «общиннаго» владѣнія является съ своими специфическими чертами, которыя рѣзко отпечатлѣлись на общественной мысли, и игнорировать этотъ фактъ значитъ производить неудобную—если не больше—умственную смуту, хотя бы вы даже и имѣли за собой почву формальной правды. А здѣсь едвали даже и можно отыскать такую почву. Характерные признаки общиннаго владѣнія ставятъ его особнякомъ и отъ общественнаго, и отъ другихъ видовъ общаго владѣнія. Основнымъ изъ этихъ признаковъ надо считать права міра не на землю лишь, а на *воздѣланную* землю, иначе—на землю съ трудомъ, въ нее вложеннымъ. Въ этомъ и сильная, и слабыя стороны общиннаго владѣнія, въ этомъ тотъ нравственный его обликъ, который дѣлалъ изъ общины пароль и лозунгъ извѣстныхъ нашихъ общественныхъ кружковъ и направленій. А, между тѣмъ, что же мы видимъ въ статьѣ г. Лучицкаго? Положимъ, что община можетъ и не передѣлять постоянно своихъ земель [1]), но она должна держать въ сознаніи свои права на этотъ актъ, иначе это не община; а гдѣ, въ какомъ документѣ есть хоть намекъ, чтобъ малорусская громада стояла въ такихъ отношеніяхъ къ землѣ своихъ членовъ? Неужели можно назвать общиннымъ владѣніемъ такое положеніе вещей, когда горсточка людей садится на необъятномъ земельномъ просторѣ, и каждый деретъ землю, какъ и гдѣ хочетъ, и можетъ оставлять землю за собой или кидать по произволу, между тѣмъ какъ міръ, громада, совсѣмъ не считаетъ нужнымъ вмѣшиваться въ это [2])? Неужели можно назвать «общиннымъ владѣніемъ пахатною землей», если изъ 12 дворовъ деревни Решетокъ «пять высѣваютъ хлѣбъ на общеказачьей землѣ», а остальные имѣютъ свои личные или подворные участки [3])? Или въ Ирклѣевѣ пользуются такими землями пять дворовъ изъ большаго числа дворовъ мѣстечка, въ Демкахъ—1, въ Краснохиженцахъ—2 и т. д., и т. д. [4]). Наоборотъ, не исключаютъ ли подобные факты всякой мысли объ общинѣ и общин-

---

1) *Отеч. Записки* 1882 г., XI, стр. 109.
2) *Отеч. Зап.*, стр. 101, 3, 5 и т. д.
3) Ibid., стр. 103.
4) Ibid., стр. 104.

номъ владѣніи, такъ какъ они возможны лишь при строѣ совершенно противуположномъ общинному? Не распространяемся въ возраженіяхъ, такъ какъ они, вѣроятно, излишни: г. Лучицкій, очевидно, слишкомъ увлекся тогда массой вновь открытыхъ имъ и неожиданныхъ фактовъ насчетъ общихъ земель и поспѣшилъ съ выводами, которые онъ теперь едвали станетъ поддерживать. Г. Лучицкій не отвернется, конечно, и отъ нравственнаго долга разсѣять упомянутое распространенное въ обществѣ ложное понятіе о предметѣ, которое нельзя не счесть очень неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что на томъ же пути ему предлежитъ и другая важная задача. Дѣло въ томъ, что четыре упомянутыхъ выше работы г. Лучицкаго по исторіи малорусскаго землевладѣнія (два изслѣдованія и два изданія документовъ) трактуютъ, «каждая изъ нихъ, предметъ съ совершенно различныхъ его сторонъ, безъ всякой связи, безъ всякой попытки установить отношеніе одной стороны къ другой». Какъ ученый спеціалистъ, г. Лучицкій имѣетъ полное право поступать такимъ образомъ, но какъ публицистъ,—а г. Лучицкій печатаетъ свои изслѣдованія въ журналахъ, слѣдовательно, обращается къ публикѣ,—не совсѣмъ. Представьте четырехъ человѣкъ, не имѣющихъ никакого понятія о прошломъ малорусскаго землевладѣнія и попавшихъ каждый въ отдѣльности на одну изъ четырехъ работъ г. Лучицкаго. Одинъ останется при убѣжденіи, что въ Малороссіи господствовало общинное владѣніе, если онъ недостаточно силенъ и спеціально образованъ, чтобъ разобраться въ аргументаціи автора; другой будетъ увѣренъ, что господствовала особая форма, которую авторъ называетъ сябринной; третій, попавшій на таблицы, конечно, установится непреложнѣйшимъ образомъ на томъ, что личное землевладѣніе господствовало въ Малороссіи въ прошломъ такъ, какъ въ настоящемъ; четвертый, на долю котораго достанутся матеріалы, составитъ себѣ несомнѣнно такое представленіе, что прошлое малорусскаго землевладѣнія есть хаотическое состояніе, носящее на себѣ лишь характеръ фактическаго владѣнія и лишенное правовыхъ ограниченій и закрѣпленій,—состояніе, изъ котораго малорусскій народъ усиленно старался выбиться путемъ обращенія земель въ частную собственность.

И наука, и общество ждутъ отъ г. Лучицкаго, чтобы онъ увѣнчалъ свои труды такою работой, которая установила бы связь и отношеніе между открытыми имъ отдѣльными группами фактовъ, дала бы имъ общее освѣщеніе.

АРХАИЧЕСКІЯ ФОРМЫ

землевладѣнія у Германцевъ и Славянъ *).

Есть одинъ предметъ, который до сихъ поръ не обращалъ на себя никакого вниманія археологической науки, но который, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ его въ полной мѣрѣ: это слѣды, которыми древній земледѣлецъ начерталъ на поверхности земли первые зачатки своей бытовой исторіи и передалъ эти, такъ сказать, археологическіе «рѣзы» своимъ потомкамъ, свято ихъ хранящимъ, въ видѣ полевыхъ клиновъ, коновъ, столбовъ, полосъ и т. п. Конечно, и экономическія науки и фольклоръ могутъ вѣдать и вѣдаютъ этотъ предметъ; но съ извѣстной точки зрѣнія никто не имѣетъ на него столько правъ, какъ именно археологія. Если въ нѣдрахъ земли, подъ ея поверхностью мы съ такимъ успѣхомъ ищемъ и отыскиваемъ до-историческаго человѣка съ цѣлью возстановленія его быта, то здѣсь на поверхности, въ начертанныхъ на ней плугомъ и сохой краснорѣчивыхъ, хотя далеко еще не разобранныхъ іероглифахъ, для насъ мелькаетъ возможность проникнуть въ темные зачатки нашей исторической жизни... Конечно, глубокій хозяйственный переворотъ, который переживаетъ вотъ уже два вѣка Европа,—переворотъ, отразившійся и на землѣ своими процедурами размежеванія, Verkoppelung—стеръ въ значительной степени и спуталъ архаическіе слѣды, но не настолько однако уничтожилъ ихъ, чтобъ нельзя было, при помощи извѣстныхъ пріемовъ, ихъ возстановить.

---

*) Читано на X Археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ 1896 г. «Вѣстникъ Европы» 1896, № 12.

Только что вышелъ въ свѣтъ замѣчательнѣйшій трудъ извѣстнаго Берлинскаго профессора August Meitzen'a Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven. Много лѣтъ подрядъ, при помощи пріемовъ, въ высокой степени замѣчательныхъ по своему научному достоинству, работалъ Мейценъ надъ указаннымъ мною предметомъ—надъ возстановленіемъ архаическихъ формъ хозяйственнаго захвата земли не только Германскимъ племенемъ, но и его сосѣдями почти по всей территоріи Европы. Нельзя при этомъ благопріятномъ случаѣ не выразить еще лишній разъ глубокаго уваженія передъ нѣмецкой наукой—которой такимъ типичнымъ представителемъ служитъ именно Мейценъ—съ ея духомъ чрезвычайной добросовѣстности, тщательности, точности, качествъ, выработанныхъ нѣмецкой наукой до высоты почти идеальной.

Въ первыхъ посылкахъ тѣхъ моихъ соображеній, которыя я хочу представить на ваше благосклонное вниманіе, мм. гг., я буду стоять именно на почвѣ фактовъ, такъ тщательно собранныхъ и устойчиво сгруппированныхъ Мейценомъ, стоять до тѣхъ поръ, пока почва эта не теряетъ своего характера незыблемости—какъ разъ тамъ, гдѣ нашъ руководитель покидаетъ родную германскую территорію, чтобъ перейти на территоріи народностей ему чуждыхъ.

Мейценъ устанавливаетъ—и рѣшаюсь утверждать — неопровержимо—такое положеніе: что всюду, гдѣ осѣло Германское племя, и осѣло съ несомнѣннымъ характеромъ самобытности, всюду и исключительно господствовала до новѣйшаго времени та форма поселенія и хозяйственнаго захвата земли, которую Мейценъ называетъ Gewanndorf. Ясность и устойчивая законченность этого типа, легко открываемаго даже и тамъ, гдѣ его уже совершенно закрываютъ новѣйшія наслоенія, равно какъ и его архаическій характеръ, таковы, что не оставляютъ никакого мѣста сомнѣніямъ или разнотолкованіямъ. Что такое Gewanndorf—клиновая деревня по точному переводу—для насъ, русскихъ, это не требуетъ особенно подробныхъ и сложныхъ поясненій: мы встрѣчаемся здѣсь съ понятіями и образами, каждому современному русскому, конечно, ближе и нагляднѣе знакомыми, чѣмъ современному нѣмцу. Клиновая деревня—это деревня съ пахатной землей, разбитой на клины. Клинъ—это каждый изъ отдѣльныхъ участковъ пахатной земли, представляющій какія-нибудь особенности, по отношенію къ выгодамъ его обработки, напр., то или иное качество почвы, такое или иное свойство поверхности, большая или меньшая отдаленность отъ поселенія и т. д.

Единственный смыслъ раздѣленія земли на клины въ томъ, чтобы предоставить всѣмъ деревенскимъ совладѣльцамъ одинаковыя выгоды въ пользованіи пахатью. Но вѣдь это наша великорусская община? Нисколько. Что земли этой Gewanndorf находились въ личной собственности деревенскихъ совладѣльцевъ—это еще въ пятидесятыхъ годахъ документально и неопровержимо доказано Wontz'емъ. Если могли еще оставаться какія-нибудь сомнѣнія, то Мейценъ уничтожилъ ихъ безповоротно, демонстрируя передъ нами въ своихъ книгахъ и приложенномъ къ нимъ атласѣ, съ комментаріями изъ документовъ, Gewanndorf во всѣхъ ея составныхъ частяхъ съ такой высокой степенью точности и наглядности, съ какой, вообще, можетъ быть демонстрированъ какой бы то ни было предметъ, подлежащій научному обслѣдованію.

Установивъ окончательно свою Gewanndorf, какъ исконную и неотъемлемую принадлежность Германскаго племени, Мейценъ переходитъ къ Кельтамъ и утверждаетъ существованіе Einzelhof'а, т. е. хутора, всюду, гдѣ Кельтское племя наложило свой отпечатокъ на характеръ поселенія и хозяйственнаго захвата земли. Минуя это утвержденіе—съ тѣмъ острымъ характеромъ противоположенія, какое даетъ ему Мейценъ,—минуя, потому что не имѣю за собой соотвѣтствующихъ знаній и подготовки, чтобъ отнестись къ нему критически. Но когда дѣло переходитъ къ племени Славянскому, чувствую себя въ правѣ не только обсуждать положенія Мейцена, но и опровергать и отвергать ихъ. Захватывая весь огромный районъ Славянскаго засоленія отъ Балканскаго полуострова до Бѣлаго моря, Мейценъ не находитъ здѣсь одной формы, а нѣсколько ихъ—очень различныхъ и какъ бы лишенныхъ органической связи между собой: на югѣ и сѣверѣ русской территоріи—въ Малороссіи и старой Двинской землѣ—онъ усматриваетъ тотъ же Einzelhof, хуторъ, съ тѣмъ же нерасчлененнымъ землевладѣніемъ, которое его характеризуетъ въ Великороссіи—общину, или міръ, по его терминологіи, наконецъ у южныхъ Славянъ Hauskommunion, т. е. задругу. Однимъ словомъ, у Славянъ есть все, кромѣ Gewanndorf, которая остается исключительною особенностью племени Германскаго.

Но правильны ли эти утвержденія Мейцена? Можно-ли разсматривать эти формы внѣ ихъ взаимной органической связи? Можно-ли противопоставлять ихъ всѣ вмѣстѣ и каждую въ отдѣльности нѣмецкой Gewanndorf?

Беру ту форму, которая мнѣ знакома близко и детально—сѣверно-русскую деревню до конца прошлаго вѣка, до распоряженій

царствованія Екатерины II, нарушившихъ старыя основанія земельнаго крестьянскаго устройства. Счастливый случай доставилъ мнѣ въ распоряженіе крестьянскія веревныя книги 16 и 17 вв.—матеріалъ исключительнаго значенія, такъ какъ онъ даетъ возможность представить внутренній земельный строй сѣверно-русской деревни съ наглядностью, неменьшею той, какую даютъ планы Мейцена. Что-же мы здѣсь видимъ? Ничто иное, какъ ту же Gewanndorf, какъ въ общемъ ея характерѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Передъ нами та же замкнутая деревенская клѣточка съ незначительнымъ числомъ дворовъ и расположенными вокругъ земельными угодьями. Земля сѣверной деревни разбита на множество полосъ, расположенныхъ въ отдѣльныхъ клинахъ, или конахъ. Излишне вдаваться въ подробныя описанія этихъ клиновъ и полосъ: тутъ вы не замѣтите ни малѣйшей разницы съ Gewanndorf, да и не можетъ быть этой разницы, такъ какъ все дѣло зависитъ отъ условій каждой данной мѣстности и примѣненія къ этимъ условіямъ въ возможномъ совершенствѣ принципа справедливости, уравниванія выгодъ всѣхъ совладѣльцевъ. Но сходство между этими двумя формами идетъ гораздо дальше. Какъ тутъ, такъ и тамъ каждый домохозяинъ владѣетъ землей, состоящей изъ совокупности участковъ во всѣхъ клинахъ деревни, на правѣ полной частной собственности, что неопровержимо доказывается массой документовъ—купчихъ, закладныхъ, дѣльныхъ. И далѣе: необходимо вытекаетъ изъ этого права дробленіе земельныхъ владѣній или соединеніе земель въ однѣхъ рукахъ, однимъ словомъ, постоянное нарушеніе равенства между совладѣльцами, не мѣшающее однако строгому наблюденію клиноваго уравниванія. Земля одного двора могла дробиться на части между наслѣдниками, могла отчуждаться тѣмъ или другимъ путемъ: но и дробленіе, и отчужденіе касалось каждаго клина, производилось надъ клиномъ. Такимъ образомъ въ деревнѣ, наряду съ единицами владѣнія, соотвѣтствующими первоначальному двору, являлись дроби, иногда очень мелкія и сложныя, но непремѣнно въ каждомъ пахатномъ клину, какъ и въ каждомъ иномъ угодьѣ, относящемся къ деревнѣ. Земельныя владѣнія того небольшаго количества дворовъ, изъ какого состояла какъ сѣверно-русская деревня, такъ и Gewanndorf, могли быть и дѣйствительно были очень неравномѣрны между собой, и это не могло быть иначе.

Одинъ дворъ владѣлъ единицей, другой $1^1/_2$ или 2 и болѣе, третій сидѣлъ на $^2/_3$ или еще какой-нибудь дроби единицы, но и

самая маленькая дробь имѣла право на пропорціональное участіе въ каждомъ деревенскомъ клину, — какъ это ни кажется практически неудобнымъ, сложнымъ и почти безсмысленнымъ; но таково было требованіе архаической справедливости, цѣлыя тысячелѣтія управлявшее умами и дѣйствіями людей, совершенно различныхъ племенъ и различныхъ территорій. Фактическія нарушенія клиноваго равенства, столь возможныя и до извѣстной степени неизбѣжныя при этой крайней перепутанности земельныхъ владѣній, вызывали къ жизни существованіе одного и того же института, извѣстнаго Мейцену лишь по указаніямъ древнихъ скандинавскихъ законодательствъ и памятниковъ, такъ называемой имъ Beebning-procedur, для которой, какъ онъ полагаетъ, и существовали въ Германіи Feldgeschworenen, намъ же, по отношенію сѣвера, близко и наглядно знакомаго подъ названіемъ верввленія, для котораго и существовали веревщики. Каждый могъ требовать, чтобъ его, посредствомъ веревнаго измѣренія, уравняли въ его долѣ, во всѣхъ-ли угодьяхъ деревни, или въ какомъ-нибудь отдѣльномъ клину, гдѣ онъ предполагаетъ нарушеніе его права.

Крѣпкій, хотя и расчлененный организмъ деревни, и тутъ и тамъ, отличался чрезвычайной устойчивостью. Цѣлыя столѣтія вліянія новыхъ идей и условій нужны были, чтобъ онъ сталъ понемногу расшатываться, чтобы начали отъ идеальныхъ долей, на которыя распадалась деревня, отрываться отдѣльные куски и тѣмъ нарушать ея единство. Появились Räthner'ы и Gärtner'ы, подсусѣдки, огородники, захребетники, сидѣвшіе на отдѣльныхъ кускахъ, начались частичныя сплачиванія путемъ сдѣлокъ отдѣльныхъ полосъ. Но какъ въ Германіи, такъ и у насъ, несмотря на всю громадную разницу условій, послѣдній ударъ деревенской организаціи нанесенъ былъ государствомъ, главнымъ образомъ въ прошломъ вѣкѣ посредствомъ межеваній.

Но какъ могла возникнуть организація, повидимому такъ чрезвычайно неудобная, такъ перепутывавшая и связывавшая въ какіе-то нерасторжимые узлы самые насущные интересы всей земледѣльческой массы населенія? Вѣдь мнѣ, конечно, нечего разъяснять вамъ, мм. гг., что клиновое раздѣленіе деревни предполагаетъ необходимо и открытыя поля и принудительный сѣвооборотъ, уже не говоря о всѣхъ неудобствахъ черезполосности и мельчайшаго дробленія пахатныхъ полей,—при чемъ не получается даже и тѣхъ несомнѣнныхъ выгодъ дѣйствительнаго равенства, которыя заключаетъ въ себѣ наша великорусская община? Какъ могла возникнуть Gewanndorf? Мейценъ

ставитъ этотъ вопросъ и отходитъ отъ него: онъ считаетъ его, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, неразрѣшимымъ.

Дѣйствительно-ли онъ неразрѣшимъ?

Беру изъ Актовъ Юридическихъ, изд. Археографической Коммиссіей, документъ № 23, относящійся къ тому же архангельскому сѣверу, и читаю: «Се язъ Назарья Оеанасьевъ сынъ, да язъ Есипъ, да язъ Григорій, да язъ Валфромей Филипповы дѣти, да язъ Елизаръ Өедоровъ сынъ, да язъ Василій, да язъ Павелъ, да язъ Иванъ Онкудиновы дѣти, да язъ Омосъ, да язъ Онтонъ, да язъ Иванъ Стефановы дѣти, да язъ Ларіонъ Стефановъ сынъ, раздѣлили есмя животы отцовъ, кони и коровы и овцы, хлѣбъ и деньги... и земля въ Коржани-курьи. Вси земли есмя раздѣлили по третямъ, дворы и дворища: дворъ Назарьи да Есипу съ братьею съ нижняго конца, Елизарью дворъ да Онкудиновымъ дѣтямъ середній, а Омосу дворъ съ братьею да съ Ларіономъ верхній». Что документъ этотъ изображаетъ намъ настоящую задругу — Hauskommunion — въ этомъ невозможно сомнѣваться, такъ какъ тутъ дѣлятся дѣти шести отцовъ; дѣлятся они на три части, по всей вѣроятности, по тремъ дѣдамъ. Извѣстно, что до сихъ поръ юго-славянская задруга дѣлится поколѣнно, т. е. при допущеніи фикціи, что живы сыновья первоначальнаго основателя задруги, по числу которыхъ и образуются новые дворы. Но по какому принципу распредѣляется земля, — это ясно изъ документа, который я беру изъ нашего собранія документовъ, относящихся къ сѣвернорусской деревнѣ и хранящихся въ настоящее время въ Московскомъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Документъ этотъ — дѣльная 1640 г. Шесть братьевъ дѣлятся «промежъ собой полюбовно хлѣбомъ и солью и слободою и домомъ и деньгами и платьемъ и всякимъ запасомъ... и *деревнею* и всѣмъ безъ остатка». Переходятъ къ землѣ: «Въ дворовомъ полѣ (т. е. клину) Шумилу досталася полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Максиму полоса, отъ Максима досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестого досталась Луки полоса. Въ поженномъ поли да и въ закраинки, что за тѣмъ полемъ, Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумила досталась Третьяку полоса, отъ Третьяка досталась Максиму полоса, отъ Максима досталась Завьялу полоса, отъ Завьяла досталась Шестому полоса, отъ Шестого досталась Луки полоса. Въ маломъ поженномъ полцѣ Шумилу досталась полоса съ верхняго края, отъ Шумилы... Въ прилукомъ полѣ Шумилѣ досталась»... Итакъ до конца всѣ клины.

Смыслъ этого документа совершенно ясенъ и простъ, ни въ чемъ не противорѣчитъ тому, что мы знаемъ о нашемъ народѣ въ его прошломъ и настоящемъ,—и въ то же время раскрываетъ передъ нами возникновеніе клиновой деревни. Жила большая семья «деревней», въ видѣ Einzelhof съ цѣльнымъ нерасчлененнымъ землевладѣніемъ хутора. Пахатныя ея земли, конечно, состояли изъ отдѣльныхъ участковъ, болѣе выгодныхъ для хозяйственнаго захвата. Каждый участокъ, т. е. каждый клинъ—поле, полце, закраинка дѣлится между всѣми, причемъ интересно, что одинъ клинъ дѣлится какъ другой, въ томъ самомъ порядкѣ: и Мейценъ также замѣчаетъ въ своей Gewanndorf, что порядокъ раздѣленія каждаго изъ клиновъ между дворами однообразно правильный. Ясно, какъ путемъ дѣленія получается клиновая деревня изъ шести равныхъ дворовъ; каждый изъ дворовъ дѣлится съ теченіемъ времени на различныя доли, при чемъ величина первоначальнаго двора долго держится въ сознаніи однодеревенцовъ, какъ единица, пока это представленіе не сотрется временемъ-ли, дальнѣйшими-ли расчлененіями деревни или какими-нибудь внѣшними обстоятельствами. Такимъ образомъ та тѣсная связь каждаго владѣльца съ цѣлымъ деревенской единицы, дѣлающая изъ деревни настоящее органическое цѣлое съ частями, такъ сплоченными между собой, что ихъ нельзя тронуть, не повредивъ цѣлаго съ его замкнутой въ себѣ жизнью — есть отпечатлѣвшаяся на землѣ тѣснота союза семейнаго. Сосѣди, vicini, т. е. деревенскіе совладѣльцы, есть какъ выражается сербская юридическая пословица «bracija podzielone-komšije nazwate» раздѣленные братья—нареченные сосѣди.

Такимъ образомъ однодворная сѣверная деревня Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, печище, Einzelhof по Мейцену, есть то же самое, что юго-славянская Hauskommunion—задруга и, намъ документально извѣстно, какъ она можетъ обращаться въ клиновую деревню. Съ другой стороны, если мы представимъ, что Gewanndorf какимъ-нибудь путемъ теряетъ свое право собственности на землю, а, слѣдовательно, и право распоряженія ею, а государство или крупный землевладѣлецъ, которые пріобрѣтаютъ это право, находятъ необходимымъ настаивать на уравненіи земель между совладѣльцами путемъ передѣла—изъ клиновой деревни получается великорусская община.

Ясно, что утвержденіе Мейцена, приписывающее славянскому племени три различныхъ формы крестьянскаго земельнаго устройства и въ то же время противполагающее эти формы нѣмецкой Gewanndorf—неправильно. Всѣ три формы стоятъ въ тѣсной взаимной

органической связи, допускающей въ тѣхъ или другихъ условіяхъ, а частью и необходимо предполагающей ихъ переходъ одна въ другую, будучи въ то же время также органически связаны и съ Gewann-dorf — связью, не допускающей никакого противопоставленія этой формы остальнымъ. Постановка этого вопроса Мейценомъ можетъ служить еще лишнимъ доказательствомъ въ пользу того, какъ опасно переносить вопросы соціальной эволюціи на почву различія національныхъ типовъ, а не ступеней развитія.

Итакъ, новая работа Мейцена показываетъ съ завершающей полнотой и убѣдительностью, что соціальная жизнь европейскихъ племенъ и народовъ началась и долгое время держалась главнымъ своимъ русломъ въ этихъ замкнутыхъ и самодовлѣющихъ деревенскихъ клѣточкахъ съ ихъ расчлененнымъ или нерасчлененнымъ землевладѣніемъ. Эти клѣточки извѣстны въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разныя эпохи подъ различными названіями; главнѣйшія изъ нихъ — huoba или hoba, гуфа для территоріи германской, mansus, mansa — для франкской, гайда — англо-саксонской, бооль — датской, село (земли), печище—Новгородской области, деревня—московскаго сѣвера, дворище—литовско-русскаго юга и т. д. Эта деревенская клѣточка «со всѣмъ, что къ ней потягло», по выраженію нашихъ памятниковъ, съ ея appenditia и adjacentia, по выраженію памятниковъ западныхъ, есть до-поры до-времени «единственная форма народнаго быта», какъ говоритъ Мейценъ, и «само-собой подразумѣваемое и совершенно общее основаніе не только аграрнаго, но и всего политическаго быта».

Положеніе—на мой взлядъ—огромной важности, изъ котораго можно сдѣлать много выводовъ, кидающихъ новый свѣтъ на отправные пункты всей европейской исторіи, наприм., на первоначальное значеніе земледѣльческаго класса, на образованіе сословій, обложеніе и военную повинность, уже не говоря объ исторіи сельскаго хозяйства и экономическаго быта вообще. Я позволю себѣ лишь указать на слѣдующее.

Не замѣчаете ли вы, милостивые государи, что уже одна такая постановка наполовину рѣшаетъ вопросъ, который до сихъ поръ дѣлилъ не только русскую науку, но и европейскую на два противныхъ лагеря—вопросъ о томъ, община ли была исходнымъ пунктомъ поземельныхъ отношеній европейскаго міра, или частная собственность? Очевидно, не права ни та, ни другая сторона, и самый вопросъ, для своего рѣшенія, долженъ быть поставленъ иначе.

Quelles sont les causes qui ont amené la dissolution de la

communauté agraire? такъ начинаетъ М. М. Ковалевскій свой громкій прошлогодній докладъ на 2-мъ конгрессѣ de l'Institut International de Sociologie. Фактъ существованія communauté agraire для нашего многоуважаемаго ученаго есть фактъ, стоящій внѣ сомнѣній—и, конечно, не для него одного. Пора положить конецъ недоразумѣніямъ, которыя порождаютъ такую массу безплодныхъ споровъ и неосновательныхъ теорій.

Прошу васъ выслушать одну совсѣмъ маленькую географическо-статистическую справку, которую я заимствую у того же Мейцена, объ отношеніи пустыхъ необработанныхъ земель къ обработаннымъ на современной территоріи Европы: мы имѣемъ въ настоящее время невоздѣланныхъ земель въ Даніи 12%, въ Германіи—40%, въ Швеціи—89%, въ Норвегіи—96%. Теперь вообразите, что могла собою представлять Европа тысячу лѣтъ тому назадъ по отношенію обработанной земли къ необработанной? Лишь какой-нибудь самый ничтожный процентъ, можетъ быть, только доли процента. Этотъ ничтожный процентъ воздѣланной земли былъ распредѣленъ между деревенскими клѣточками, вкрапленными среди поглощающей ихъ стихіи дикой земли. Гдѣ же искать намъ communauté agraire? Въ этихъ ничтожныхъ клѣточкахъ воздѣланной земли? Но мы знаемъ ихъ организаціи.

Многое въ ней, въ этой организаціи, носитъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ communauté, общинности: эта тѣсная взаимная связь всѣхъ правъ и отношеній, дѣлающая изъ деревни одно неразрывное цѣлое, конечно, болѣе похожее на общину, чѣмъ на механическій комплексъ частныхъ земельныхъ владѣній. Въ этомъ смыслѣ права школа Маурера и вообще такъ называемые германисты, которые усматриваютъ аграрный коллективизмъ на зарѣ германской исторіи; но вѣдь сто разъ правъ и Фюстель-де-Куланжъ съ его талантливой критикой, разбивающей всѣ попытки общинниковъ доказать свои взгляды при посредствѣ документовъ, которые не свидѣтельствуютъ ни о чемъ иномъ, какъ только о частно-правовой земельной собственности. Раскрытіе организаціи клиновой деревни раскрываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причины того безконечнаго qui pro quo, которое раздѣляло до сихъ поръ историковъ въ этомъ кардинальномъ вопросѣ бытовой исторіи. Въ клиновой деревнѣ мы дѣйствительно имѣемъ общину съ частно-правовой земельной собственностью—если только такое понятіе допустимо—но во всякомъ случаѣ не communauté agraire въ томъ смыслѣ, какой приписывается этому термину.

Но не слѣдуетъ ли искать communauté agraire внѣ деревенской

клѣточки, въ этой безконечной стихіи дикой, пустой, невоздѣланной земли? Пожалуй; но трудно ожидать изъ такой попытки плодотворныхъ результатовъ. Исторія этихъ дикихъ, если хотите, общихъ земель—есть исторія совершенно нетронутая. Есть полныя основанія предполагать, что европейское человѣчество вышло въ этомъ отношеніи изъ понятій о землѣ, какъ Божьей стихіи, res nullius—понятіе, до сихъ поръ держащееся въ пустыняхъ русскаго сѣвера; что затѣмъ какимъ-то процессомъ, для насъ неяснымъ, дикая земля сдѣлалась собственностью фиска и его представителей—короля, господаря, великаго князя—черезъ посредство его перешла къ сеньорамъ, причемъ часть ея осталась за тѣми же клѣточками, главнымъ образомъ то, что къ нимъ потягло, т. е. что было захвачено широкимъ первоначальнымъ промысловымъ захватомъ. Но, повторяю—здѣсь мы почти въ полныхъ потемкахъ. И, повидимому, мракъ, окружающій этотъ предметъ, не разсѣется до тѣхъ поръ, пока въ вопросѣ объ эволюціи земельной собственности и формъ землевладѣнія наука не станетъ твердо на ту точку зрѣнія, что она имѣетъ дѣло съ двумя качественно-различными процессами, какъ они ни переплетаются, а въ концѣ-концовъ даже и совершенно сливаются между собой. Но здѣсь я должна кончить, чтобъ не перейти съ твердой почвы фактовъ и выводовъ изъ нихъ на шаткую почву гипотезъ.

ЛИТОВСКО-РУССКІЕ ДАННИКИ
И ИХЪ ДАНИ *).

Въ послѣднее время обнаруживается въ нашей наукѣ все возрастающій интересъ къ Литовско-русской исторіи; почти каждый годъ даетъ какое-нибудь новое солидное пріобрѣтеніе въ этой области, которая такъ долго оставалась, можно сказать, чуждой русской исторіографіи, какъ бы предоставленной въ вѣдѣніе исторіографіи польской. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, все съ большей наглядностью и очевидностью обнаруживается, что именно литовская, а не московская, половина Руси полнѣе восприняла, сохранила и развила традиціи древнерусской жизни, что именно она, литовская Русь, явилась, въ существенномъ, прямой наслѣдницей великокняжеской и удѣльной кіевской Руси.

Въ настоящемъ сообщеніи я намѣрена на извѣстной группѣ фактовъ указать эту связь, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, явится и нагляднымъ доказательствомъ того, какой свѣтъ можетъ пролить изученіе литовско-русской исторіи на архаическій строй русской жизни.

Когда является возможность представить себѣ внутренній строй литовско-русскаго общества на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ свидѣтельствъ — возможность эта наступаетъ съ конца XIV вѣка—мы видимъ слѣдующее. Вся та масса населенія, которой наиболѣе соотвѣтствовало бы современное названіе народа, представляла собой въ Литовско-русскомъ государствѣ, въ разсматриваемую эпоху, то есть, приблизительно отъ временъ Витовта до Люб-

*) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, январь.

линской уніи, двѣ категоріи: тяглыхъ и данниковъ. Тяглые часто называются въ документахъ просто «люди»; къ данникамъ нерѣдко прикладывается эпитетъ «мужи». Тяглые люди, прежде всего, землю пашутъ; данники ея не пашутъ, по крайней мѣрѣ, не земля съ ея страдой стоитъ у нихъ на первомъ планѣ. Данники, въ противоположность тяглецамъ, представляютъ собой группу, убывающую въ числѣ и значеніи, постепенно растворяющуюся въ иныхъ общественныхъ группахъ.

Уже самъ по себѣ этотъ фактъ общественнаго вымиранія данниковъ заставляетъ предполагать, что эта группа съ ея особенностями была передана литовско-русскому обществу готовою изъ иной исторической эпохи; а извѣстное углубленіе въ эти особенности сообщаетъ такому предположенію полную достовѣрность.

Но, прежде всего, что же такое были эти данники? Данниками называлась та часть населенія, которая отбывала свои платежныя обязательства передъ государствомъ всецѣло или по преимуществу данями, то-есть, натурой, добыткомъ своего промысловаго хозяйства, медомъ и мѣхами; такимъ образомъ они являются иногда подъ спеціальными названіями куничниковъ, лисичниковъ, ясачниковъ.

Мы остановимся лишь на данникахъ южно- русскихъ областей, гдѣ они занимали сплошныя значительныя территоріи. Такими территоріями были такъ называемыя Поднѣпрскія волости, лежавшія въ бассейнѣ верхняго Днѣпра и Березины, также Пинское Полѣсье; встрѣчались данники и въ Кіевской землѣ, какъ видно изъ ея древнѣйшей люстраціи, которую профессоръ Владимірскій-Будановъ относитъ къ 1471 году [1]). Но задержались они до конца разсматриваемой эпохи лишь въ территоріяхъ исключительныхъ по своимъ топографическимъ условіямъ. Это—территоріи тѣхъ островковъ удобной земли среди пущъ и болотъ, какими характеризуется глухое Полѣсье. Въ подобныхъ мѣстностяхъ было мало заинтересовано литовско-русское государство съ его тогдашней экономической политикой сельско-хозяйственнаго характера; здѣсь невыгодно было устраивать господарскіе экономическіе дворы и фольварки, сюда долго не проникала даже волочная помѣра. Населеніе могло жить и хозяйничать на свободѣ, какъ хотѣло и умѣло.

Итакъ, данники сохранили свои дани, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и остальныя архаическія особенности своего строя—не въ силу того, что эти особенности стояли въ какомъ-нибудь исключительномъ отно-

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. 7, т. II.

шенія къ промысловому характеру ихъ экономическаго быта. Государство просто обходило ихъ въ своихъ новаторскихъ тенденціяхъ въ силу неудобнаго—въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ—характера занятой ими земли. Тамъ же, какъ, напримѣръ, въ Кіевщинѣ, гдѣ не было этого условія, данники постепенно исчезали, переходя то въ высшую себя группу боярскую, военно-служилую, то въ низшую—тяглую.

Около 50-ти лѣтъ тому назадъ, въ 1855 году, князь Тадеушъ Любомірскій помѣстилъ въ Библіотекѣ Варшавской свою монографію: «Starostwo rateńskie—wyjątek z historyi osad wołoskich w Polsce». Статья эта долго возбуждала исключительный интересъ. На IX-мъ, Виленскомъ, археологическомъ съѣздѣ былъ поставленъ даже профессоромъ Линниченкомъ, въ качествѣ спеціальнаго вопроса, вопросъ о матеріалѣ, которымъ пользовался Любомірскій. Вопросъ этотъ въ настоящее время уже почти рѣшенъ—изданіемъ люстрацій Ратенскаго староства: болѣе древнія изъ нихъ напечатаны въ Галиціи въ Запискахъ Наукового Товариства имени Шевченка, позднѣйшія въ Архивѣ юго-западной Россіи. Та яркая картина народнаго благосостоянія и свободы, которую далъ Любомірскій, теперь уже не поражаетъ изслѣдователей, какъ поражала раньше—своимъ несоотвѣтствіемъ съ общимъ представленіемъ о положеніи народной массы въ исторической Польшѣ, которое невольно распространялось и на Литовскую Русь. Но, разумѣется, необходимо признать, что Любомірскій, набредши случайно и неожиданно для себя на этотъ уголокъ исторической народной жизни, невольно сгустилъ краски; съ другой стороны, онъ просто не понялъ кой-чего въ явленіяхъ раскрывавшейся передъ нимъ жизни, столь отличной отъ жизни современной, и надо прибавить — польской. Намъ легко избѣжать его ошибокъ, такъ какъ мы имѣемъ кромѣ люстрацій, относящихся спеціально къ Ратенскому староству 1500 г., 1512 и 1565 г. [1]), еще не мало и иныхъ свѣдѣній о данникахъ, разбросанныхъ то въ изданіяхъ разнаго рода актовъ, то въ новѣйшихъ монографіяхъ.

Данники жили небольшими поселками, носившими по люстраціямъ

---

[1]) Описи Ратенскаго староства з 1500—1512 р. изданы г. Грушевськимъ въ Запискахъ Наук. Товариства имени Шевченка 1898 года, кн. VI. Люстрація Ратенскаго староства 1565 года Capitaneatus Ratnensis—въ Архивѣ юго-западной Россіи, ч. 7, т. II. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи; Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи; Archivum Sanguszków; Приложенія къ книгѣ Любавскаго, Областное дѣленіе и мѣстное самоуправленіе Литовско-Русскаго государства; Акты Литовско-Русскаго государства XIV—XVI ст., изданные г. Довнаромъ-Запольскимъ, Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1899 г., кн. 4.

названія wies, villa—названія, наиболѣе соотвѣтствующія сѣверно-русскому слову «деревня». Этотъ поселокъ, даже и въ разсматриваемую, относительно позднюю, эпоху, состоялъ все еще лишь изъ небольшого количества дворищъ, приблизительно отъ 10 до 20. Дворище, разнообразное по составу, было основной хозяйственной и юридической единицей, объединяемой личностью главы, на имя котораго оно «писалось», по выраженію документовъ. Дворища обыкновенно выступаютъ съ опредѣленными названіями, напримѣръ, дворище Жаворонковское, Нагорное; но гораздо чаще названія эти патримоніальнаго характера. Въ интересной таблицѣ пинскихъ дворищъ, приведенной г. Довнаромъ-Запольскимъ въ его монографіи [1]), 75% названій несомнѣнно патримоніальныя—Ильковичи, Голубовичи, Любковичи, Шостаковичи и т. д.; да и изъ остальныхъ 25% значительное большинство представляетъ лишь грамматическое измѣненіе той же патримоніальной формы: Иванишевщина, Игнатовщина и т. д.

Я не буду вдаваться подробно въ организацію дворища, такъ какъ мнѣ пришлось уже разрабатывать этотъ предметъ въ спеціальной монографіи [2]). Здѣсь я коснусь только существенно необходимаго, останавливаясь подробнѣе лишь на даняхъ, которыя представляютъ, во многихъ подробностяхъ, переживанія древне-русскаго общественнаго строя.

Любомірскій принимаетъ дворищную единицу за товарищество, «спилку», то-есть, артель; къ такому заключенію приводитъ его, съ одной стороны, многочисленность членовъ дворища, съ другой—неродственные элементы, въ нихъ встрѣчающіеся. Но такое заключеніе, конечно, ошибочно. Дворище есть, прежде всего, соединеніе родичей подъ главенствомъ старшаго—такой-то «человѣкъ со своимъ племенемъ», какъ выражаются документы. Размножаясь и расходясь въ степеняхъ родства, родичи расходились и въ своихъ интересахъ: тогда, продолжая «жить за одними воротами», они, по тогдашнему выраженію, предпочитали «ѣсть разный хлѣбъ». Не разрывая дворищной связи, дворище распадалось на дымы. Въ вышеупомянутой таблицѣ пинскихъ дворищъ на 1 дворище приходится въ среднемъ около 5 дымовъ; нераздѣльное дворище представляетъ собой лишь 8% всѣхъ случаевъ; съ значительнымъ преобладаніемъ является дворище съ 2—10 дымами, а въ 2 случаяхъ на 70 количество дымовъ равняется 23. «Pochlebne», упоминаемое всѣми люстраціями какъ особый видъ

[1]) Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго.
[2]) Дворищное землевладѣніе въ южной Руси.

дани для тѣхъ, кто отходилъ на свой хлѣбъ, продолжая въ остальныхъ даняхъ складываться по-прежнему съ «принципаломъ» дворища, наглядно показываетъ, какъ усиленно шелъ ростъ дымовъ, особенно въ болѣе позднее время: напримѣръ, по люстраціи 1565 года, въ одной деревнѣ на 20 дворищъ упоминается 130 случаевъ нохлѣбнаго отъ тѣхъ, «ktorzi szie na swe gospodarstwo od oyczów odlączyli» [1]). Изъ этого же, какъ и изъ другихъ мѣстъ аналогичныхъ документовъ, видно, что отдѣлялись люди отъ oyczów, чѣмъ, между прочимъ, совершенно опровергается утвержденіе Любомірскаго, что дворище представляло собой артель. Но, тѣмъ не менѣе, въ утвержденіи этомъ есть извѣстная доля истины. Такъ какъ угодья дворища были обширны, а количество платежей и повинностей сообразовалось,—по крайней мѣрѣ до извѣстной степени—съ количествомъ и качествомъ угодій, то дворищу почти всегда было выгодно, а иногда и необходимо, присаживать на свои «пляцы» и «роли» постороннихъ людей изъ лезныхъ и похожихъ. Эти посторонніе люди присоединялись къ дворищу на разныхъ условіяхъ: то какъ равноправные члены, потужники, поплечники, сябры, то какъ зависимые отъ дворищъ половинники, загородники, сосѣди. Съ этой точки зрѣнія дворища, дѣйствительно, имѣли отчасти артельный характеръ; но нельзя опускать изъ виду ихъ родовую основу.

Считая дворищанъ за членовъ свободнаго, договорнаго союза, Любомірскій считалъ такимъ же свободнымъ и договорнымъ ихъ отношеніе къ воздѣлываемой ими землѣ. Въ этомъ его второе, кардинальное заблужденіе. Ратенскіе данники, какъ и данники вообще, были не арендаторами воздѣлываемой ими земли, какъ полагаетъ Любомірскій, а «отчичами». Конечно, ихъ вотчинныя права имѣютъ условный характеръ—какъ, вообще, условны всѣ землевладѣльческія права въ разсматриваемую нами эпоху литовско-русской исторіи,—но во всякомъ случаѣ это права владѣнія, а не арендфизическаго или иного пользованія [2]). До конца дней своихъ данники владѣли своими землями какъ «отчизнами» «według przodków swoich», то-есть, по своимъ предкамъ, какъ это ни противорѣчило принципамъ новаго надвигающагося на нихъ правового строя, который требовалъ, чтобы плательщикъ «według tego jak swój chleb jé, nie zaś według przodków swoich,

[1]) Сохраняемъ правописаніе подлинника.

[2]) Хотя Ратенское староство, по политическимъ и административнымъ отношеніямъ своимъ, принадлежало къ Руси Червонной, но и топографически и по соціальнымъ своимъ особенностямъ оно относится къ Волынскому Полѣсью—такъ принимаютъ польскіе писатели, во главѣ ихъ Яблоновскій, такъ и русскіе.

ze swoich jak je nazywaya ojczyzn»—несъ свои «cziary» относительно государства.

Дворище—самостоятельное, само въ себѣ замкнутое цѣлое—съ тѣмъ же характеромъ выступало и по отношенію къ государству: именно оно являлось главною податною единицей, совершенно закрывавшей собою своихъ членовъ. Только относительно небольшое количество податей несла сообща деревня, и лишь по отношенію къ повинностямъ выступала на первый планъ волость—территорія, объединенная своимъ отношеніемъ къ центральному защитному и административному пункту, замку и городу.

Данники, жившіе подъ «русскимъ», иначе «волынскимъ» правомъ, отбывали свои дани двумя способами: или къ нимъ «въѣзжали по дань» правительственные агенты, или они сами отвозили свои дани въ ближайшій городъ или въ центральный скарбъ. Но и въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, данники пользовались значительной долей свободы и самостоятельности. Количество дани опредѣлялось на волость общей суммой, которую волость сама «разметывала». Въ описываемую эпоху важнѣйшія дани, коими была дань медовая и грошевая, волость сама собирала и доставляла посредствомъ своихъ собственныхъ «старцевъ». По крайней мѣрѣ, Поднѣпрскія волости имѣли несомнѣнно своихъ старцевъ, медовыхъ и серебряныхъ. Старцевъ «уставляла» волость «межи себі по веснѣ, собравшися з мужми посполу» [1]); но «старченство» требовало утвержденья со стороны великаго князя: отъ каждаго «старченья» шелъ господарю поклонъ въ видѣ столькихъ-то корабельниковъ или копъ грошей [2]). Старцы собирали и отвозили дани, организовали повинности, выступали во всѣхъ дѣлахъ впереди волости: «старцы и мужи»—обыкновенное выраженіе документовъ.

Но существованіе старцевъ лишь частью, но далеко не вполнѣ, освобождало волость отъ въѣзда въ нее «по дань» правительственныхъ агентовъ. Въѣздъ въ волость вообще, и въѣздъ по дань, какъ главнѣйшій видъ въѣзда, заслуживаетъ, по своему архаическому характеру, особеннаго вниманія.

Въѣздъ въ волость былъ обставленъ строгими юридическими опредѣленіями и ограниченіями. Могли въѣзжать лишь лица извѣстной компентеціи съ такимъ-то количествомъ спутниковъ, въ такое-то и на такое-то опредѣленное время, должны останавливаться лишь

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. I, № 73.

[2]) Акты Литовско-русскаго государства, издан. Довнаръ-Запольскимъ, № 16 и др.

въ такихъ-то мѣстахъ, получать столько-то подводъ и кормовъ, уже не говоря, конечно, о точно опредѣленныхъ величинахъ самой дани. Разумѣется, сильные «выѣздчіе», или «ѣздоки», сплошь и рядомъ выламывались изъ права; но за то же верховная власть никогда не оставалась глуха къ жалобамъ волостныхъ старцевъ съ мужьми на дѣлаемыя имъ «кривды» и «уводимыя новины».

Кто же имѣлъ право въѣзда въ волость? Конечно, прежде всего, воеводы, старосты или намѣстники, въ болѣе раннее время тивуны даннаго правительственнаго округа; затѣмъ всякаго рода «заказники», то-есть лица, которымъ великій князь дѣлалъ спеціальное порученіе, требовавшее въѣзда; наконецъ, тѣ лица военно-служилаго сословія, которымъ великій князь жаловалъ извѣстный сборъ, какъ награду за службу или жалованье на службу. Сюда относятся, на первомъ планѣ, тѣ бояре, которымъ господарь давалъ держать волости данниковъ по годамъ, по-очереди: бояринъ имѣлъ право «выбирать волость», то-есть, собирать съ нея дани въ теченіе года, чтобъ на слѣдующій годъ уступить очередь другому [1]). Волостные старцы съ мужами должны были поднимать «ѣздоковъ» согласно правовой нормѣ, установленной обычаемъ, подправленнымъ, иногда подновленнымъ, видоизмѣненнымъ великокняжеской грамотой. Ихъ поднимали на опредѣленномъ мѣстѣ, которое носило древне-русское названіе «стана»: «поднимати на томъ стану гдѣ извѣку поднимывали». Поднимали «выѣздчаго» на стану кормами и подводами. Количество какъ подводъ, такъ и кормовъ опредѣлялось согласно значенію того или иного лица. Составъ кормовъ по различнымъ мѣстностямъ, конечно, былъ различный: куры, бараны, медъ, овесъ для лошадей. Необходимой составной принадлежностью корма было пиво или сыченый медъ; вѣроятно, для этой цѣли и служили, главнымъ образомъ, общественные котлы, хранившіеся въ замкѣ. У полоцкихъ данниковъ встрѣчается терминъ «варя» [2]), вѣроятно, тожественный съ «переварой» сосѣднихъ сѣверно-русскихъ областей, словомъ, замѣнявшимъ слово «станъ»: «а поѣздники берутъ подводы съ перевары до перевары». Выѣздчій долженъ былъ останавливаться на стану лишь опредѣленное, очень незначительное, время: «маеть пріѣхати къ обѣду, а ночовавши и обѣдавши назаутріе маеть прочь поѣхати», но, конечно, если такая поспѣшность согласовалась съ характеромъ дѣла, за которымъ совершался въѣздъ. Можно предполагать, напри-

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Помѣстья Литовскаго государства. *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства.

[2]) Акты Литовско-русскаго государства № 105.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] ersten Jahrhun- [illegible]

нами эпохи говорятъ о бортныхъ земляхъ и бортяхъ, бортничествѣ и бортникахъ—ихъ указанія и самыя выраженія отмѣчены особымъ характеромъ какой-то отдаленной и благоговѣйно чтимой древности. Лишь по отношенію къ межамъ бортныхъ земель употребляется терминъ «знамя»: «куды тоѣ земли знамя пошло, гдѣ его знайдуть, то все Божье и ихъ». Описываемая эпоха знаетъ «стародавніе обычаи бортницкіе»[1]; не даромъ до сихъ поръ пчеловодство одѣто въ глазахъ народа какимъ-то мистическимъ покровомъ.

Количество медовой дани съ различныхъ дворищъ одного поселка было различно—пропорціонально величинѣ и силамъ отдѣльныхъ дворищъ. Но для даннаго округа уплачивалась она непремѣнно одной извѣстной, точно опредѣленной мѣрой, образецъ которой хранился въ замкѣ центральнаго города: названія—коройманъ, ведро, липечна, ручка. Медовая дань выплачивалась всегда осенью, почему этотъ медъ и называется иначе осеннимъ. Отдѣльно собирался—съ нѣкоторыхъ дворищъ, въ относительно небольшомъ количествѣ, въ качествѣ особой дани—медъ іюльскій, липецъ. Медъ былъ самъ по себѣ главною данью; но медомъ же могли уплачиваться и иные виды дани. Напримѣръ, въ теченіи XVI вѣка данники Ратенской волости уплачивали медомъ «полюдье», очевидно, за въѣздъ старосты или его заказника по медовую дань («полюдованье—коли у волость не поѣдеть»), подобный откупъ отъ того или другого вида въѣзда практиковался и былъ въ прямыхъ разсчетахъ населенія. Наконецъ, медомъ же отбывали бобровщину, такъ какъ бобры шерстью уже, очевидно, становились рѣдкостью. Медъ въ томъ или другомъ случаѣ переводился на деньги, по желанію плательщика и по установленной оцѣнкѣ: «quemlibet lypyeczna VIII gros. pensat» или «quilibet ciffus mellis per 1 gros. computatur», по люстраціямъ Ратенскаго староства 1501—1502 годовъ.

Вообще, деньги уже и въ эту эпоху усиленно вторгаются въ патріархальный бытъ данниковъ. Главная дань отбывалась натурой; но всегда деньгами уже платили обычные доплатки, post-daciam, подданное, которое, съ одной стороны, являлось вознагражденіемъ за трудъ взиманія, съ другой—просто приложеніемъ общаго соціальнаго закона: «za przimnożeniem ludzi množi się y dań» (съ ростомъ населенія растетъ и дань), по наивному выраженію одной люстраціи. Кромѣ этихъ грошевыхъ (денежныхъ) доплатковъ, деньгами же

---

[1]) Напримѣръ, Акты южной и западной Россіи, №№ 48 и 97.

уплачивался—у Ратенскихъ данниковъ съ самаго начала XVI вѣка—особый видъ дани, который назывался «поборъ». Въ общей сложности для даннаго момента и данной территоріи (половина XVI вѣка Ратенская волость) вся совокупность дани распадалась на медовую и грошевую, при чемъ медовая лишь нѣсколько превосходила цѣнностью грошевую. Позже беретъ перевѣсъ дань грошевая надъ медовой; а раньше, по Кіевской люстраціи 1471 года, преобладала значительно дань медовая, къ которой добавлялись куницы, повидимому шерстью, и воскъ. Въ теченіи XVI вѣка, съ приближеніемъ критической эпохи съ ея выдающимися моментами—волочной помѣрой и водвореніемъ съ Люблинской уніей польскаго права—дани начинаютъ быстро мѣняться въ своемъ характерѣ. Онѣ осложняются привнесеніемъ разнообразныхъ новыхъ взиманій, которыя все растутъ въ своемъ составѣ и количествѣ, приближаясь къ платежамъ тяглецовъ: куры, масло и сыръ, пасхальныя яйца, горсти льну и конопли, овесъ, сѣно. Конечно, это было вначалѣ лишь разложеніемъ на дворища разныхъ видовъ того же въѣзда, становъ, или стацій, поклоновъ. Но въ дальнѣйшемъ эти взиманія растутъ въ величинѣ, частью обращаются въ грошовыя и постепенно приближаютъ положеніе данниковъ къ положенію тяглецовъ. Часть этихъ взиманій еще не перешла въ подворищное обложеніе и уплачивается сообща поселкомъ—и здѣсь виднѣе первоначальный характеръ этой дани: вся громада «за честь» или «за почтъ, который зовется полюдьемъ», платитъ столько-то; за пасхальныя яйца, которыя «вмѣсто почту давали», даетъ столько-то; складывается на «стаційную» яловицу или кабана и т. д.

Всѣ свои повинности данники отбывали частью деревней, частью волостью. Главнѣйшими изъ этихъ повинностей было ходить «на оступъ» (на облаву) и «на ловы» съ воеводой или старостой—повинность нелегкая, такъ какъ приходилось проживать въ пущахъ по нѣсколько недѣль, бросивши свое хозяйство; высылать рабочія силы къ замковому неводу, при чемъ одна деревня брала на себя правое крыло невода, другая—лѣвое и т. д.; исправлять плотины, привозить тесъ и драницы на поправку замка, дѣлать «повозъ», то-есть, давать подводы на извѣстныя надобности замка до опредѣленнаго пункта. Но эти повинности, отъ которыхъ можно было и откупаться деньгами, упоминаются только въ болѣе позднихъ люстраціяхъ; въ древнѣйшей встрѣчается лишь сторожовщина, то-есть, обязанность дававать сторо́жу для замка—повинность сближавшая положеніе данниковъ съ положеніемъ слугъ путныхъ, то-есть, низшаго боярства.

Изъ повинностей общеволостнаго характера любопытна повинность Поднѣпрскихъ данниковъ работать на кіевскій замокъ: каждая волость должна была отправлять въ Кіевъ опредѣленное число топоровъ (напримѣръ, Свислоцкая волость въ половинѣ XVI вѣка отправляла ихъ 60) [1]. Подъ топорами подразумѣвались «добрые молодцы не ребята, ни тежъ люди старые, ни наймиты, одно же съ сыновей мужескихъ посвѣдомыхъ». Волость, въ теченіи зимы, должна была заготовить достаточно дерева и драницъ и сплавить это дерево по веснѣ, тотчасъ послѣ Пасхи, снабдивъ отправляемую съ плотами молодежь вдоволь всякой живностью на цѣлое лѣто.

Этимъ мы ограничиваемся относительно даней по обложенію. Но была еще одна категорія даней, которая представляетъ исключительный интересъ въ видахъ уясненія организаціи и быта русскихъ данниковъ Литовско-русскаго государства. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ тѣ дани, которыя являются съ характеромъ судебныхъ пошлинъ.

Разсмотрѣніе относящихся сюда свидѣтельствъ приводитъ къ убѣжденію, что данники пользовались широкимъ правомъ собственнаго суда. Любомірскій, который имѣлъ въ рукахъ, кромѣ люстрацій, еще какіе-то старостинскіе отчеты или донесенія, опредѣленно говоритъ, что Ратенскіе данники собирались на судебныя копы, или вѣча. Менѣе важныя дѣла рѣшались, по его словамъ, на вѣчѣ двухъ деревень, для болѣе важныхъ сбирались вѣча всего округа. Судебныя рѣшенія были окончательными—аппеляція не допускалась. Что судебныя дѣла рѣшались на вѣчахъ—это подтверждается и изданными люстраціями: господарь черезъ своихъ агентовъ собиралъ лишь судебныя дани. Если дѣло рѣшалось соглашеніемъ сторонъ—что допускалось копнымъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ сообразно архаическому взгляду на преступленіе, какъ нарушеніе частнаго права—господарь получалъ «змирщину», или «змирскую куницу». Если не было примиренія, сторонамъ предоставлялось на ихъ добрую волю—или обратиться къ суду копы, или «выкинуть» дѣло на великокняжескаго урядника, который въ такомъ случаѣ получалъ повинное и выметное. Если же состоялся судъ копы, который присудилъ виновнаго къ денежному взысканію, что допускалось во всякаго рода дѣлахъ—взысканія эти, подъ названіемъ «винъ», «великихъ» и «малыхъ», должны были поступать въ пользу господаря. Въ его же пользу шелъ «присудъ»—опредѣленная пошлина отъ всякаго рода суда, будь то судъ

[1]) Акты южной и западной Россіи, № 109.

копы или урядника. Какъ особая судебная пошлина, упоминается еще «помочное», которое уплачивалось господарю въ томъ случаѣ, если копа налагала уголовную кару, каковой была въ копномъ правосудіи, почти исключительно, смертная казнь черезъ повѣшеніе; надо полагать, что помочное имѣло отношеніе къ той отвѣтственности, какую, по архаическимъ представленіямъ, раздѣляли съ преступникомъ члены его родовой или семейной группы. Затѣмъ слѣдуетъ «вижеване» и «дѣцковане» — судебныя пошлины, какъ вознагражденіе лицъ уряда. Вижеване—плата вижу, исполнявшему обязанности судебнаго пристава при копномъ судѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ; дѣцковане — плата дѣтскимъ, обязанности которыхъ исполняли воеводскіе или старостинскіе слуги, взимавшіе пошлины и отвозившіе ихъ до уряда: они получали плату отъ разстоянія и въ случаѣ надобности могли играть роль лежней. Если встрѣчались затрудненія при взиманіи въ данной волости, господарь грозилъ приступить къ дѣлу «моцно съ дѣцкованьемъ».

Къ концу описываемой эпохи центральная власть, пропитанная культурными, западно-европейскими стремленіями, ограничиваетъ компетенцію копныхъ судовъ, высказываетъ желаніе, чтобы вмѣсто взиманія «винъ» власти обходились «łaskawoscią i sprawedliwem karaniem», уничтожаетъ «змирскую куницу», какъ «непобожный поборъ», несогласный съ новымъ взглядомъ на преступленіе, какъ объектъ права публичнаго. Копные суды должны были исчезнуть вмѣстѣ съ копнымъ, архаическимъ правомъ. Но принципы новаго времени, побѣдоносно заявившіе о себѣ съ эпохи Люблинской уніи, нашли среди русскихъ данниковъ, кромѣ судебныхъ, и иные «непобожные поборы и вымыслы», укрывавшіеся здѣсь подъ видомъ даней со временъ глубокой древности. Уже не исторія, а лишь сравнительная этнографія можетъ намъ разъяснить, что значила, напримѣръ, дань, называвшаяся въ люстраціяхъ «свадебной куницей», или «куницей дѣвочей», «вдовьей», такъ какъ она взималась въ одномъ размѣрѣ съ дѣвушки, и въ значительно большемъ со вдовы; вдовья куница, по Кіевской, древнѣйшей люстраціи, называется иначе «выходной», когда вдова шла замужъ въ иной округъ со «статкомъ», то-есть съ имуществомъ. Непобожнымъ же поборомъ уже представлялось, съ точки зрѣнія новыхъ правовыхъ понятій, и «выходное», или «отклонъ», взиманіе, обезпечивавшее всякому даннику свободу, по уплатѣ, идти на всѣ четыре стороны, прекращая такимъ путемъ свои обязательства; конечно, рѣчь идетъ о данникѣ — мужѣ, то-есть, господарѣ дворища, такъ какъ остальные члены дворища не нуждались,

для осуществленія своей свободы ни въ какихъ юридическихъ дѣйствіяхъ.

Но въ жизни русскихъ данниковъ были и еще худшіе вымыслы, прямо противные «пану Богу и правамъ посполитымъ», служившіе «ku skaženiu obiczayow dobrich», то-есть къ порчѣ нравовъ, такъ что въ половинѣ столѣтія взиманіе даней, опиравшихся на этихъ вымыслахъ, было не только запрещено, но и самые «вымыслы» объявлены преступными, заслуживающими строжайшей кары. Къ этой исключительной категоріи принадлежатъ двѣ дани, касающіяся семейныхъ отношеній и отмѣченныя въ документахъ названіями: «розводы» и «почеревщизна». «Розводы» — плата замковому уряду за разводъ, если, говоря словами люстраціи, «когда какому мужу жена не по нраву (nieподобała) или мужъ женѣ». Почеревщизна— «когда который человѣкъ захотѣлъ бы жить со вдовой или дѣвушкой wyare (то-есть, на вѣру)», то оба шли на замокъ и давали извѣстную сумму денегъ, чтобы имъ это было разрѣшено: гражданская брачная сдѣлка. Слѣдовательно, какъ разводы, такъ и заключеніе брака гражданскимъ путемъ были свободными до половины XVI вѣка.

Итакъ, литовско-русскіе данники съ ихъ данями представляютъ собой пережитокъ предыдущей эпохи, надолго забытый исторической эволюціей въ глухихъ дебряхъ Полѣсья. Какъ самое слово «дань», такъ и ея составъ, «медъ и скора»—все переноситъ въ лѣтописную Русь. Въѣздъ въ волость по дань, полюдье и станы, тивуны и дѣтскіе воспроизводятъ, конечно, съ нѣкоторой неизбѣжной модернизаціей, древнюю Кіевскую Русь. Конечно, звукъ не понятіе, терминъ не жизнь: но здѣсь комплексъ аналогичныхъ терминовъ дѣйствительно воспроизводитъ комплексъ явленій, лишь приспособленный къ иной исторической средѣ. Если бояре держатъ по годамъ и выбираютъ волость данниковъ — развѣ это не то же по существу, о чемъ говоритъ Ипатская лѣтопись подъ 1238 годомъ: «Даніилъ же и Василько вдаста ему (Михаилу) ходити по землѣ своей и даста ему пшеницѣ много и меду и говядъ и овецъ доволѣ?» Встрѣтивъ въ люстраціи, въ качествѣ незначительныхъ, вымирающихъ, даней ловчее и огничее, мы, конечно, въ правѣ привлечь, въ качествѣ разъяснительнаго комментарія, то мѣсто изъ лѣтописи (1289 года), гдѣ Романовъ внукъ Мстиславъ уставлялъ «ловчее» на коромольныхъ Берестьянъ, а для «огничаго»—огнищнаго тивуна Русской правды.

Разумѣется, здѣсь дѣло идетъ не о внѣшнихъ аналогіяхъ, не о случайныхъ созвучіяхъ, а о томъ, что историческая эволюція, въ

*

сторонѣ отъ своихъ торныхъ путей, даетъ иногда любопытнѣйшія отложенія, которыя подобно геологическимъ напластованіямъ сохраняютъ, среди новой жизни, оригинальныя очертанія архаическихъ формъ. Литовско-русское государство ограничило свои отношенія къ данникамъ взиманіемъ даней, и они жили по импульсамъ, унаслѣдованнымъ отъ предшествующихъ историческихъ эпохъ. Вѣча и старцы, архаическій типъ ихъ правовыхъ понятій, выражающійся въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о ихъ судебныхъ обычаяхъ, свадебныя и выходныя куницы, слѣды до-исторической свободы въ отношеніяхъ половъ, отъ всего вѣетъ древностью — какой? Несомнѣнно, той, которая составляла атмосферу жизни такъ называемой Кіевской Руси. Въ ней мы должны искать комментаріевъ къ непонятнымъ для насъ явленіямъ жизни позднѣйшей Литовской Руси, съ другой стороны, въ жизни Руси Литовской—и въ особенности среди ея данническаго населенія—мы ближе всего въ правѣ разсчитывать на объясненія того загадочнаго, что останавливаетъ наше вниманіе въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ относительно внутренняго быта и соціальной организаціи Руси Кіевской.

Отъ Общества имени Т. Г. Шевченка.

Общество имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, учреждено 8 Іюня 1898 г., а 29 Ноября того же года собралось въ первое общее собраніе и открыло свои дѣйствія. Въ первый (1899) годъ своего существованія Общество состояло изъ 161 члена, во второй—изъ 231, въ третій—изъ 279, въ четвертый—изъ 409 и въ пятый—изъ 480 членовъ. За пять лѣтъ въ кассу Общества поступило:

единовременныхъ членскихъ взносовъ . . .	2.650 р.
ежегодныхъ.	5.143 р.
сбора съ концертовъ и вечеровъ, устраиваемыхъ въ С.-Петербургѣ. . . .	6.175 р. 60 к.

Кромѣ того, нѣкоторыми членами Общества устраивались въ пользу Общества благотворительные вечера и въ другихъ городахъ.

Обществомъ выдаются учащимся пособія въ видѣ ссудъ, подлежащихъ возврату. Выдано пособій:

въ	1899	году	8	лицамъ	на	сумму. . . .	426 р.
»	1900	»	25	»	»	»	1.395 »
»	1901	»	53	»	»	»	2.551 »
»	1902	»	83	»	»	»	3.864 »
»	1903	»	72	»	»	»	2.739 »
						Всего за пять лѣтъ на сумму.	10.975 р.

Остальные расходы Общества составляютъ въ годъ около 200 р.

ze swoich jak je nazywaya ojczyzn»—несъ свои «cziary» относительно государства.

Дворище—самостоятельное, само въ себѣ замкнутое цѣлое—съ тѣмъ же характеромъ выступало и по отношенію къ государству: именно оно являлось главною податною единицей, совершенно закрывавшей собою своихъ членовъ. Только относительно небольшое количество податей несла сообща деревня, и лишь по отношенію къ повинностямъ выступала на первый планъ волость—территорія, объединенная своимъ отношеніемъ къ центральному защитному и административному пункту, замку и городу.

Данники, жившіе подъ «русскимъ», иначе «волынскимъ» правомъ, отбывали свои дани двумя способами: или къ нимъ «въѣзжали по дань» правительственные агенты, или они сами отвозили свои дани въ ближайшій городъ или въ центральный скарбъ. Но и въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ, данники пользовались значительной долей свободы и самостоятельности. Количество дани опредѣлялось на волость общей суммой, которую волость сама «разметывала». Въ описываемую эпоху важнѣйшія дани, коими была дань медовая и грошевая, волость сама собирала и доставляла посредствомъ своихъ собственныхъ «старцевъ». По крайней мѣрѣ, Поднѣпрскія волости имѣли несомнѣнно своихъ старцевъ, медовыхъ и серебряныхъ. Старцевъ «уставляла» волость «межи себі по веснѣ, собравшися з мужми посполу» [1]); но «старченство» требовало утвержденья со стороны великаго князя: отъ каждаго «старченья» шелъ господарю поклонъ въ видѣ столькихъ-то корабельниковъ или копъ грошей [2]). Старцы собирали и отвозили дани, организовали повинности, выступали во всѣхъ дѣлахъ впереди волости: «старцы и мужи»—обыкновенное выраженіе документовъ.

Но существованіе старцевъ лишь частью, но далеко не вполнѣ, освобождало волость отъ въѣзда въ нее «по дань» правительственныхъ агентовъ. Въѣздъ въ волость вообще, и въѣздъ по дань, какъ главнѣйшій видъ въѣзда, заслуживаетъ, по своему архаическому характеру, особеннаго вниманія.

Въѣздъ въ волость былъ обставленъ строгими юридическими опредѣленіями и ограниченіями. Могли въѣзжать лишь лица извѣстной компентеціи съ такимъ-то количествомъ спутниковъ, въ такое-то и на такое-то опредѣленное время, должны останавливаться лишь

---

1) Акты южной и западной Россіи, т. I, № 73.

2) Акты Литовско-русскаго государства, издан. Довнаръ-Запольскимъ, № 16 и др.

въ такихъ-то мѣстахъ, получать столько-то подводъ и кормовъ, уже не говоря, конечно, о точно опредѣленныхъ величинахъ самой дани. Разумѣется, сильные «выѣздчіе», или «ѣздоки», сплошь и рядомъ выламывались изъ права; но за то же верховная власть никогда не оставалась глуха къ жалобамъ волостныхъ старцевъ съ мужьми на дѣлаемыя имъ «кривды» и «уводимыя новины».

Кто же имѣлъ право въѣзда въ волость? Конечно, прежде всего, воеводы, старосты или намѣстники, въ болѣе раннее время тивуны даннаго правительственнаго округа; затѣмъ всякаго рода «заказники», то-есть лица, которымъ великій князь дѣлалъ спеціальное порученіе, требовавшее въѣзда; наконецъ, тѣ лица военно-служилаго сословія, которымъ великій князь жаловалъ извѣстный сборъ, какъ награду за службу или жалованье на службу. Сюда относятся, на первомъ планѣ, тѣ бояре, которымъ господарь давалъ держать волости данниковъ по годамъ, по-очереди: бояринъ имѣлъ право «выбирать волость», то-есть, собирать съ нея дани въ теченіе года, чтобъ на слѣдующій годъ уступить очередь другому [1]). Волостные старцы съ мужами должны были поднимать «ѣздоковъ» согласно правовой нормѣ, установленной обычаемъ, подправленнымъ, иногда подновленнымъ, видоизмѣненнымъ великокняжеской грамотой. Ихъ поднимали на опредѣленномъ мѣстѣ, которое носило древне-русское названіе «стана»: «поднимати на томъ стану гдѣ извѣку поднимывали». Поднимали «выѣздчаго» на стану кормами и подводами. Количество какъ подводъ, такъ и кормовъ опредѣлялось согласно значенію того или иного лица. Составъ кормовъ по различнымъ мѣстностямъ, конечно, былъ различный: куры, бараны, медъ, овесъ для лошадей. Необходимой составной принадлежностью корма было пиво или сыченый медъ; вѣроятно, для этой цѣли и служили, главнымъ образомъ, общественные котлы, хранившіеся въ замкѣ. У полоцкихъ данниковъ встрѣчается терминъ «варя» [2]), вѣроятно, тожественный съ «переварой» сосѣднихъ сѣверно-русскихъ областей, словомъ, замѣнявшимъ слово «станъ»: «а поѣздники берутъ подводы съ перевары до перевары». Выѣздчій долженъ былъ останавливаться на стану лишь опредѣленное, очень незначительное, время: «маеть пріѣхати къ обѣду, а ночовавши и обѣдавши назаутріе маеть прочь поѣхати», но, конечно, если такая поспѣшность согласовалась съ характеромъ дѣла, за которымъ совершался въѣздъ. Можно предполагать, напри-

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Помѣстья Литовскаго государства. *Любавскій*, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства.

[2]) Акты Литовско-русскаго государства № 105.

Цѣна 2 руб.

Главный складъ изданія въ „**Литературной Книжной лавкѣ**“ М. В. Пирожкова (СПБ., Васильевскій островъ, 2-я линія, домъ № 13).

ЮЖНАЯ РУСЬ.

ОЧЕРКИ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ и ЗАМѢТКИ

Александры Ефименко,

ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО, МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО, ХАРЬКОВСКАГО ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО, КІЕВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВЪ И ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ПОЛТАВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

Изданіе Общества имени Т. Г. Шевченка

для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.

1905.

Содержаніе II тома.

БѢДСТВІЯ ЕВРЕЕВЪ

ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ XVII ВѢКА *).

(По поводу книги Грецца: Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ) [1]).

—

Евреи—народность совершенно исключительная. Будущая соціологія, конечно, многое почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ. Если бы мы попытались дать опредѣленіе понятію національности, то, по всей вѣроятности, свели бы содержаніе этого понятія къ двумъ элементамъ: языку и территоріальной связи. Но евреи сумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть-ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская? Причина—въ большомъ, тяготѣющемъ надъ живущимъ поколѣніемъ, запасѣ результатовъ духовной жизни поколѣній отжившихъ. Разумѣется, надо принять во

*) Кіевская Старина. 1890. № 6.

[1]) Переведенный на русскій языкъ подъ редакціей А. Я. Гаркави X томъ капитальнаго труда проф. Гретца Geschichte der Juden заключаетъ въ себѣ собственно лишь одну главу съ изложеніемъ событій, въ которыхъ еврейская исторія соприкасается съ южнорусской. Это третья глава книги и называется она: «Хмельницкій и преслѣдованіе евреевъ въ польской Украинѣ козаками». Изъ этой главы мы заимствовали вышеприведенные факты—впрочемъ, коечѣмъ воспользовались и изъ Лѣтописи Ганновера. Лѣтопись эта есть одно изъ двухъ еврейскихъ, переведенныхъ на русскій языкъ, сочиненій, касающихся южно-русской исторіи. Другое—«Бѣдствія временъ» Егошія, переведенное Берлиномъ и помѣщенное въ «Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. росс.» (1885 г. кн. 1). Но этими двумя сочиненіями не исчерпываются еврейскіе источники для малорусской исторіи. У Гретца (стр. 60) есть цѣлый списокъ такихъ источниковъ, собственно относящихся къ козацкимъ войнамъ; есть указаніе на такіе источники и у Мандelькерна въ предисловіи къ Лѣтописи Ганновера.

вниманіе и специфическія свойства этого запаса, его цѣлостный характеръ, объединяющій закономѣрное съ должнымъ, необходимое съ желаемымъ, выводы ума съ требованіями совѣсти. Въ этомъ запасѣ еврей равно находитъ и нравственную поддержку, благодаря которой онъ, робкій отъ природы, могъ мужественно смотрѣть на огонь инквизиціоннаго костра или на козацкую пику,—благодаря которой онъ, жадный до наживы и пріобрѣтенія, всегда былъ готовъ жертвовать и трудомъ и имуществомъ для національнаго дѣла; находитъ и готовый отвѣтъ на всякій запросъ, какъ отвлеченной мысли, такъ и практической потребности. И этотъ запасъ есть дѣйствительно національное богатство въ полномъ смыслѣ этого слова: не одинъ общественный слой, а вся нація въ цѣломъ ея составѣ равно пользуется плодами накопленной въ теченіи тысячелѣтій мудрости предковъ. Конечно, человѣку, причастному современной цивилизаціи, плоды эти должны казаться, съ одной стороны, слишкомъ незрѣлыми, съ другой, въ то же время слишкомъ закаменѣвшими въ этой своей незрѣлости. Но за то въ нихъ нѣтъ того червя односторонности, который подтачиваетъ быстро зрѣющіе роскошные плоды цивилизаціи, имѣющей въ основѣ своей лишь умственный и матеріальный прогрессъ. Съ какой горечью и болью неудовлетвореннаго чувства отворачивается нерѣдко современный человѣкъ отъ блеска этой роскоши, не находя здѣсь удовлетворенія самымъ глубокимъ и живучимъ изъ своихъ внутреннихъ потребностей.

Однако исторія духовной жизни евреевъ показываетъ, что и здѣсь, въ этомъ затишьѣ, защищенномъ отъ волнующагося моря европейской цивилизаціи китайской стѣной полнаго взаимнаго непониманія и отчужденія, далеко не всегда царила та неподвижность—удовлетворенности ли или просто инертности—какую мы склонны считать ея постояннымъ и неизмѣннымъ свойствомъ. И здѣсь мятущійся человѣческій духъ не разъ пытался разорвать оковы авторитета и съ разныхъ концовъ рвался на осаду духовныхъ твердынь своей націи. XVII в., которому посвященъ главнымъ образомъ переведенный нынѣ томъ Исторіи евреевъ Грetца, представляетъ одну изъ тѣхъ эпохъ, когда обостряется это вѣчное, часто дремлющее, но никогда не замирающее окончательно стремленіе человѣческаго духа къ древу познанія добра и зла. Это былъ вѣкъ Спинозы, съ одной стороны, вѣкъ Саббатаи Цеви—съ другой. Первый извѣстенъ намъ несравненно болѣе, чѣмъ второй: его геніальная метафизика съ ея поразительной простотой и силой, вѣроятно, никогда не потеряетъ того обаянія, которымъ она охватываетъ углубляю-

щійся въ нее умъ. Но значеніе философіи Спинозы общечеловѣческое; для правовѣрнаго еврея она не существуетъ, хотя самъ Спиноза есть настоящій сынъ своей націи, рѣдчайшая жемчужина, выброшенная взволновавшейся стихіей національнаго духа. Вообще, значеніе Спинозы въ еврейской исторіи не велико. Совсѣмъ другое дѣло Саббатаи Цеви. Фанатикъ или сумасшедшій, пророкъ или обманщикъ, можетъ быть—все это вмѣстѣ, соединенное въ одной изъ тѣхъ причудливыхъ комбинацій, какія вмѣщаютъ въ себѣ иногда подобныя темныя человѣческія души,—этотъ, одно время почти общепризнанный мессія, произвелъ страшное броженіе во всемъ еврейскомъ мірѣ. Долго послѣ того, какъ онъ исчезъ со сцены, не улегалось еще волненіе, прорывавшееся появленіемъ то новыхъ лжемессій, то новыхъ сектъ, то книгъ, проникнутыхъ саббатіанскимъ духомъ. Среди европейскихъ евреевъ, у польскихъ дольше всего держались теченія, пропитанныя этими фантастическими и мистическими бреднями: такъ называемая подольская секта, франкисты, очень распространенные въ прошломъ столѣтіи, хасиды, которые держатся до сихъ поръ—все это жило и отчасти живетъ, главнымъ образомъ, въ теперешнемъ юго-западномъ краѣ.

Какъ ни цѣльна, при всей территоріальной разрозненности, еврейская нація, но не могли же совсѣмъ не отразиться на физіономіи той или другой части еврейства особенности физической и соціальной среды, въ которой ей пришлось прожить иногда въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Польскій еврей выработалъ въ себѣ такія специфическія черты, которыя позволили ему сыграть въ общееврейской духовной жизни свою особую роль, и надо сказать не особенно для него лестную. Трудно рѣшить, какія особенности—среды-ли или положенія—сдѣлали изъ польскаго еврея того яраго раввиниста и талмудиста, носителя средневѣковаго духа буквы и преданія, какимъ онъ явился въ западную Европу, когда козацкія войны вытолкнули его изъ значительной части Польши. Вообще, положеніе евреевъ въ Польшѣ было сравнительно очень недурное. Правда, въ 17-мъ вѣкѣ Польша уже перестала быть для евреевъ новой обѣтованной землей, какъ до этого времени. Католическая политика Сигизмунда III со всѣми ея послѣдствіями отразилась и на евреяхъ какъ юридическими ограниченіями, такъ и фактическими стѣсненіями, и даже погромами со стороны населенія, нафанатизированнаго іезуитами. Но евреи тѣмъ не менѣе такъ укоренились въ качествѣ необходимаго общественнаго элемента, что сохранили за собой значительную свободу. Помимо общинной организаціи, адми-

нистраціи и суда, они имѣли и общегосударственную организацію, составляя такимъ образомъ status in statu. Верховнымъ органомъ еврейскаго самоуправленія въ Польшѣ былъ синодъ. Онъ собирался два раза въ годъ въ Люблинѣ и Ярославѣ: онъ издавалъ законы, толковалъ ихъ, былъ въ то же время высшей судебной инстанціей, куда поступали дѣла, нерѣшенныя провинціальными судами. Понятно, что такая широкая и сильная организація могла служить для польскаго еврейства оплотомъ, за которымъ свободно развивалась его духовная и матеріальная жизнь. Но, съ другой стороны, можетъ быть именно эта организація и дала первый толчокъ къ развитію въ польскомъ евреѣ такой исключительной наклонности къ талмудическому буквоѣдству. Въ самомъ дѣлѣ, самостоятельность управленія и суда поддерживала въ польскомъ евреѣ постоянное вниманіе къ первымъ источникамъ еврейскаго права — къ Талмуду; потребность въ судебной казуистикѣ должна была благопріятствовать развитію той талмудической казуистики, которою такъ славились польскіе евреи. Но умъ, односторонне направленный на тонкое и формальное, теряетъ обыкновенно вкусъ къ истинному и простому. вмѣстѣ съ тѣмъ тупѣетъ и нравственное чувство. Это именно и случилось съ польскимъ еврействомъ. Развитіе талмудической учености сопровождалось сильнымъ упадкомъ непосредственной нравственности. Обойти даже единовѣрца считалось молодечествомъ: нечего и говорить объ иновѣрцахъ (Гретцъ, стр. 57 и слѣд.).

Малороссъ, съ его простодушіемъ и флегмой, долженъ былъ сдѣлаться легкой жертвой ловкаго и беззастѣнчиваго еврея, лишь только исторія свела ихъ вмѣстѣ. Это случилось одновременно съ усиленіемъ колонизаціоннаго стремленія къ степному югу и измѣненіемъ внутреннихъ соціальныхъ отношеній въ смыслѣ развитія крѣпостной зависимости земледѣльческаго населенія, т. е. въ 16-мъ в. Въ этомъ вѣкѣ существуютъ уже городскія общины во Владимірѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, Острогѣ, Ковелѣ—все на Волыни; впрочемъ, двѣ изъ нихъ, владимірская и луцкая, вмѣстѣ съ кіевской, кажется, получили свое начало въ 15 в.

Православные литовско-русскіе паны, вслѣдъ за польскими, скоро поняли, какое прекрасное орудіе для выжиманія соковъ изъ подвластнаго населенія они имѣютъ въ евреѣ. Отъ конца 16-го вѣка сохранились договоры пановъ Лысаковскаго, кн. Пронскаго и кн. Сангушка съ евреями насчетъ отдачи въ аренду имѣній въ цѣломъ ихъ составѣ, «какъ эти имѣнія и села, въ длину и ширину, въ границахъ, межахъ и въ обширности издавна находятся, со всѣмъ

правомъ, управленіемъ и властью, не оставляя себѣ, ни потомкамъ своимъ никакого права, управленія и власти, со всѣми малыми и великими съ тѣхъ имѣній прибытками и доходами, съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе, со всѣми людьми тяглыми и не тяглыми, съ данями, работами, подводами, съ чиншами, съ пенями денежными, съ корчмами и продажею всякихъ напитковъ и т. д. и т. д.; имѣютъ право паны-арендаторы и ихъ потомки спокойно владѣть и пользоваться тѣми вышеупомянутыми имѣніями нашими, такъ точно, какъ мы сами тѣми имѣніями владѣли и пользовались—судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ вышеозначенными пенями, а если бы кто заслужилъ по праву смерть, то карать и смертію»... (Памятн. изд. врем. комм. т. 1-й отд. II, №№ IX, X, XI). Какъ ни краснорѣчивы сами по себѣ эти документы, но они лишь предвосхищаютъ собою тѣ отношенія, которыя во всей своей красѣ развились лишь въ 17-мъ вѣкѣ, когда дворянство уже почти цѣликомъ отрознилось отъ народа, а политическая порабощенность русскаго элемента — результатъ неудачныхъ возстаній —достигла высшей степени. И современники, и лѣтописцы, и историки, русскіе и польскіе, согласно свидѣтельствуютъ насчетъ той роли, какую играли евреи въ эту эпоху крайняго утѣсненія малорусскаго народа. Но уже, конечно, ничье свидѣтельство не можетъ быть краснорѣчивѣе—и смѣемъ сказать, правдивѣе—въ своей наивной эпической простотѣ, какъ свидѣтельство объ этомъ самого народа въ превосходныхъ сюда относящихся «думахъ». Ни одной жалобы на жидовъ-рандарей, которые «зарандовали вси козацьки шляхи, и на однiй мили по три шинки становили, зарандовали вси козацьки торги, козацьки церкви, козацьки рики», ни одного гнѣвнаго восклицанія, злобнаго эпитета. И между тѣмъ, несмотря на спокойный, даже какъ бы объективный тонъ, эти думы, очевидно, современныя по происхожденію описываемому въ нихъ времени, звучатъ такой напряженностью, что становится жутко. Только геніальному художнику и народу открыта великая тайна искусства—немногимъ и простымъ выражать многое, глубокое и сложное. Сцена изъ думы между козакомъ и жидомъ—шинкаремъ схватываетъ и передаетъ все обостреніе отношеній съ поразительной рельефностью и силой. Козакъ, который съ мушкетомъ за плечами идетъ на рѣчку «утя вбити, жинку свою съ дітьми покормити, и хотя и скоса, якъ ведмедь», поглядаетъ на жида, хватающаго его за патлы, но тѣмъ не менѣе величаетъ его мостивымъ паномъ; жидъ, который выскакиваетъ при

видѣ козака, не заходящаго въ шинокъ купить на денежку горилки и попросить разрѣшенія на охоту, и хватаетъ козака за патлы, но тѣмъ не менѣе хвастается передъ женой, что козакъ величаетъ его паномъ—все это фигуры пятаго акта драмы, заставляющія предчувствовать, что финалъ близокъ. И онъ былъ дѣйствительно близокъ, гораздо ближе, чѣмъ это думали умные и проницательные сыны Израиля. А есть основаніе думать, что они понимали положеніе и вѣрно его оцѣнивали. Еврей Натанъ Ганноверъ, лѣтопись котораго переведена на русскій языкъ и издана уже лѣтъ десять тому назадъ [1]), но мало извѣстна, очевидецъ и жертва страшнаго года, тѣмъ не менѣе изображаетъ обстоятельства, вызвавшія взрывъ, такими красками, что подъ его словами могъ бы подписаться и козацкій лѣтописецъ. «Русскіе, жившіе въ Малороссіи, находились подъ тяжкимъ гнетомъ магнатовъ и шляхтичей, которые дѣлали ихъ жизнь горькою, обременяли ихъ всевозможными трудными работами, подвергали ихъ страшнымъ истязаніямъ, принуждая ихъ переходить въ католичество. Они были до такой степени удручены, что всѣ народности страны, даже стоявшія на низкой ступени въ ряду всѣхъ народовъ господствовали надъ ними...» Такъ говоритъ Ганноверъ, свидѣтель очень добросовѣстный и уже во всякомъ случаѣ не пристрастный въ пользу козаковъ.

Не даромъ у евреевъ есть въ году одинъ день, посвященный печальнымъ воспоминаніямъ 1648 г. Бѣдствіе, постигшее ихъ, и по размѣрамъ, и по характеру, есть настоящая катастрофа, одна изъ тѣхъ, которыя отмѣчаются крупными буквами въ исторіи и столѣтія живутъ въ народной памяти.

Историческій рокъ или историческая случайность сыграли надъ польскимъ еврействомъ самую злостную шутку. Извѣстная еврейская каббалистическая книга Зогаръ, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ, предсказывала на 1648 г. пришествіе Мессіи. Можетъ быть, именно потому евреи и оказались застигнутыми врасплохъ, хотя не могли же они, при своемъ умѣ, при ежечасныхъ сношеніяхъ съ народомъ, не видѣть надвигающейся грозы. Ждали Мессіи, а дождались Хмельницкаго. А врасплохъ они были застигнуты вполнѣ, точно ихъ захватилъ пожаръ, а не народное возстаніе, о которомъ не только шептали, а, вѣроятно, и кричали пьяные гультяи по

[1]) Богданъ Хмельницкій. Лѣтопись еврея—современника Натана Ганновера о событіяхъ 1648—52 г. въ Малороссіи вообще и о судьбѣ своихъ единовѣрцевъ въ особенности. Переводъ Соломона Манделькерна. Одесса. 1878 года.

всѣмъ шинкамъ Украины. Первыя же побѣды Хмельницкаго дали сигналъ къ истребленію евреевъ. Массовое истребленіе началось прежде всего по лѣвую сторону Днѣпра, въ Переяславѣ, Пирятинѣ, Лубнахъ, Лохвицѣ: здѣсь было ихъ убито нѣсколько тысячъ. Сотни евреевъ отрекались отъ вѣры; многіе попали въ плѣнъ къ татарамъ. Четыре еврейскихъ общины предупредили избіеніе тѣмъ, что сдались татарамъ. Вообще, къ добровольному татарскому плѣну не разъ прибѣгали евреи, какъ къ средству спасенія, и разсчеты ихъ оказались вѣрными: турецкіе евреи, при помощи голландскихъ и иныхъ, выкупали своихъ соотечественниковъ. Надо замѣтить, что, въ эту эпоху бѣдствій еврейство доказало, насколько оно живуче своей крѣпкой національной связью, своимъ пониманіемъ общенаціональныхъ интересовъ, своей готовностью къ жертвамъ въ пользу общаго дѣла. Масса несчастныхъ нищихъ польскихъ евреевъ, раскиданная взрывомъ по свѣту, всюду находила энергическую поддержку — пріютъ, денежную помощь изъ сборовъ, которые дѣлались въ ихъ пользу во всѣхъ европейскихъ общинахъ.

Кровавая эпопея еврейскаго избіенія на территоріи правобережной Украины открывается Немировымъ. Здѣсь собралось около 6000 евреевъ, такъ какъ Немировъ былъ однимъ изъ еврейскихъ центровъ, для мѣстныхъ и бѣглецовъ изъ окрестностей, искавшихъ спасенія за стѣнами крѣпости. Немировъ былъ взятъ ничтожнымъ козацкимъ отрядомъ въ 600 человѣкъ, благодаря хитрости и, конечно, сочувствію мѣстнаго православнаго населенія. Ученый раввинъ Іехіэль-Михель, въ виду приближающейся грозы, заблаговременно подкрѣпилъ духъ своей паствы проповѣдью, убѣждая ее не измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ. И дѣйствительно, евреи на этотъ разъ держали себя мужественно. Были примѣры настоящаго геройства со стороны даже молодыхъ дѣвушекъ. Такъ напр., когда вели одну еврейскую красавицу въ церковь, чтобъ тамъ обвѣнчать ее съ козакомъ, она кинулась въ воду съ моста, черезъ который пришлось переходить. Другая, только что обвѣнчанная съ козакомъ, заставила новобрачнаго выстрѣлить въ себя, увѣривъ его, что она умѣетъ заговаривать оружіе, и, конечно, осталась на мѣстѣ мертвою. День немировской рѣзни, 20 іюня, принятъ еврействомъ за поминальный день. Между тѣмъ другой отрядъ напалъ на Тульчинъ, гдѣ также скрылось около 2000 евреевъ. Козаки опять прибѣгли къ хитрости. Они увѣрили поляковъ, также укрывавшихся въ крѣпости, что добираются только до евреевъ, и тѣ сами обезоружили своихъ союзниковъ. Но имъ пришлось горько раскаиваться въ своей измѣнѣ, и

съ тѣхъ поръ поляки, наученные опытомъ, «уже не отдѣляли своего дѣла отъ еврейскаго: и не случись этого обстоятельства, отъ евреевъ не осталось бы и помина», говоритъ Ганноверъ. Евреи Тульчина заперты были въ саду и имъ предложено было на выборъ—умереть или креститься. Но воодушевленные проповѣдью своихъ раввиновъ, евреи всѣ отказались отъ крещенія и были умерщвлены въ числѣ около 1500 человѣкъ: только раввины были пощажены ради выкупа. Женщинъ, вообще, оставляли въ живыхъ, кромѣ больныхъ и старыхъ: имъ былъ хорошій сбытъ въ Крымъ. Около 300 евреевъ спаслось тѣмъ, что притаились между трупами: черезъ три дня послѣ рѣзни, козаки послали выкликать, чтобъ живые поднимались, уже ничего не опасаясь, и они дѣйствительно не только были отпущены, но была имъ оказана и помощь. А между тѣмъ одновременно происходило безпощадное истребленіе евреевъ на другомъ концѣ малорусской территоріи, въ Сѣверщинѣ, въ городахъ Черниговѣ, Стародубѣ и иныхъ. Въ день тульчинской рѣзни были вырѣзаны тоже 1500 евреевъ Гомеля, мужчины, женщины и дѣти: они были выведены за городъ, раздѣты до-нага и затѣмъ имъ было предложено на выборъ—крещеніе или смерть.

Мѣсяцъ спустя имѣлъ мѣсто выдающійся по размѣрамъ еврейскихъ бѣдствій эпизодъ взятія гор. Полоннаго. Около десяти тысячъ евреевъ укрылись за стѣнами этой крѣпости и были умерщвлены: они пали подъ ножемъ непріятеля безъ сопротивленія, говоритъ Ганноверъ, такъ что если какой-нибудь козакъ врывался въ домъ, гдѣ находилось даже нѣсколько сотъ евреевъ, они не сопротивлялись, и онъ одинъ избивалъ всѣхъ. Впрочемъ, нѣсколько сотъ евреевъ крестилось, а нѣсколько сотъ взяты въ плѣнъ татарами.

Теперь евреи Волыни и окрестныхъ провинцій убѣдились, что и стѣны городовъ для нихъ не защита среди мятущагося хлопскаго моря, дышащаго ненавистью и жаждою мщенія. Всякъ, кто могъ, кинулся въ бѣгство, стремясь вырваться изъ района, захваченнаго возстаніемъ, оставляя дома со всѣмъ имуществомъ, спасая лишь жизнь свою и семьи. Кто имѣлъ лошадей, захватывалъ цѣнныя вещи; но и ихъ часто приходилось кидать на дорогѣ. «Бродили мы съ мѣста на мѣсто въ лѣсахъ и деревняхъ», говоритъ Ганноверъ, самъ участникъ этихъ скитаній, «да валялись подъ открытымъ небомъ. Каждую ночь, которую намъ приводилось проводить въ домахъ православныхъ, мы опасались, чтобы они насъ не убили, такъ какъ всѣ безъ исключенія взбунтовались; а вставъ утромъ живыми, читали молитву: «о, благословенъ еси, Господь, воскрешающій мертвыхъ!» А

между тѣмъ вырѣзываніе евреевъ въ городахъ все-таки продолжалось. Иные не имѣли возможности бѣжать; другіе возвращались въ города изъ скитаній, предпочитая скорую смерть отъ меча мучительной голодной смерти въ лѣсахъ. Такимъ образомъ убито было около 200 душъ въ Заславѣ, около 600 въ Острогѣ. Въ Старо-Константиновѣ собралось много евреевъ въ надеждѣ на Вишневецкаго. Но когда онъ вынужденъ былъ оставить городъ, то всѣ евреи, не имѣвшіе лошадей, чтобъ слѣдовать за войскомъ, остались и были истреблены въ числѣ около 3000. Но все-таки, пока на аренѣ дѣйствій еще держались польскія войска, буря не могла принять такихъ всесокрушающихъ размѣровъ. Апогея своего она достигла лишь послѣ того, какъ закончена была вторая кампанія постыднымъ бѣгствомъ польскаго войска изъ-подъ Пилявецъ. Вся территорія малорусскаго племени вплоть до Львова оказалась цѣликомъ залитой волнами народнаго возстанія, захлеснувшими все, что еще осталось еврейскаго. Послѣдніе остатки ихъ держались было нѣкоторое время подъ защитой сильныхъ крѣпостей Бара, Дубна, Каменца-Подольскаго. Но больше тысячи дубенскихъ евреевъ вырѣзано было передъ крѣпостью, куда поляки не сочли возможнымъ ихъ впустить. Сильный Баръ—надежда поляковъ—также палъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло евреевъ до 2000. Опустошительныя эпидеміи, появлявшіяся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скапливались евреи, помогали дѣлу истребленія: въ одномъ Барѣ отъ заразы умерло до 1000 душъ. Львовская община—одна изъ четырехъ главнѣйшихъ еврейскихъ общинъ въ Польшѣ—потеряла во время осады до 10,000 д. отъ голода и болѣзней, кромѣ того, почти все имущество, выданное Хмельницкому въ качествѣ выкупа.

Каждое движеніе, какъ главнаго козацкаго войска, такъ и кишѣвшихъ всюду безчисленныхъ отрядовъ, сопровождалось отыскиваніемъ и безпощаднымъ истребленіемъ евреевъ. Истребленіе это вмѣстѣ съ разливомъ возстанія, далеко перешло за предѣлы украинской территоріи, въ Галицію, Холмскую Русь и наконецъ Литву. Прочное спасеніе находилъ лишь тотъ, кто бѣжалъ въ Валахію или за Вислу. Перспектива умиротворенія, возникшая было съ избраніемъ Яна-Казиміра, дала нѣкоторый отдыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременный. Кое-гдѣ евреи начали возвращаться въ города. Но еще миръ не былъ формально разорванъ, какъ уже козаки снова вырѣзали въ Острогѣ 300 евреевъ, которые водворились было въ немъ снова.

Збаражскимъ договоромъ было постановлено, чтобъ евреи не по-

купали и не арендовали земель на козацкой территоріи (кіевское и часть подольскаго воеводства). Въ другія малорусскія области евреи могли возвратиться и тотчасъ же воспользовались своимъ правомъ. Обращеннымъ въ православіе король разрѣшилъ снова возвратиться къ родной вѣрѣ. Масса всяческихъ недоразумѣній и затрудненій въ семейныхъ и иныхъ отношеніяхъ, вытекшихъ изъ катастрофы, были кое-какъ улажены всеобщимъ синодомъ, собравшимся въ Люблинѣ зимою 50-го года. Но лишь полтора года пользовались евреи отдыхомъ отъ перенесенныхъ страданій. Какъ только началась новая война, они снова сдѣлались первыми ея жертвами. Но еврейское населеніе было такъ рѣдко, что массовыхъ истребленій, подобныхъ тому, какія имѣли мѣсто три года назадъ, уже не было; къ тому же евреи набрались храбрости среди испытанныхъ ими ужасовъ, вооружились и даже выставили изъ среды себя военный отрядъ. Миръ, которымъ окончилась эта несчастная для козаковъ война, расширилъ права евреевъ: имъ предоставлено было по старому селиться гдѣ угодно и арендовать имѣнія. Но, разумѣется, какое значеніе могли имѣть эти постановленія, когда война тотчасъ же началась снова, а вслѣдъ за тѣмъ, съ вмѣшательствомъ въ дѣло Россіи и Швеціи, вся Польша погрузилась въ хаосъ, гдѣ упразднялось всякое право, кромѣ кулачнаго. Ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Литвѣ, ни въ Малой Польшѣ, ни въ Великой нигдѣ не стало убѣжища евреямъ. Всѣ враждующія другъ съ другомъ стороны одинаково принимали евреевъ за своихъ враговъ, не выключая теперь даже и поляковъ: герой эпохи Чарнецкій ненавидѣлъ и преслѣдовалъ ихъ.

Разумѣется, рискованное дѣло дать цифровое опредѣленіе потерямъ, какія понесло еврейство въ Польшѣ. Гретцъ принимаетъ, что собственно козаками уничтожено до 300 еврейскихъ общинъ, и эту цифру надо принимать за значительно болѣе достовѣрную, чѣмъ итоговую цифру погибшихъ людей. Эту послѣднюю принимаютъ иные въ 600,000 семействъ; Гретцъ считаетъ подобную цифру сильно преувеличенною и полагаетъ ее, основываясь на показаніи одного еврея-современника, въ четверть милліона душъ. Но все это, конечно, крайне гадательно. Во всякомъ случаѣ, польское еврейство съ этой эпохи окончательно потеряло силу и значеніе, которымъ когда-то пользовалось въ Польшѣ. Но это не значитъ, чтобъ оно отрясло прахъ отъ ногъ своихъ и покинуло окончательно землю, залитую кровью единовѣрцевъ. Напротивъ, лишь только минулъ десятилѣтній періодъ хаоса и въ краѣ водворилось кой-какое спокойствіе, евреи появляются снова на украинской территоріи, и снова въ старой роли

посредниковъ между паномъ и хлопами. Крѣпостныя узы на усмирившемся населеніи Украины начинаютъ опять затягиваться, и евреи со всей готовностью предлагаютъ свои услуги въ качествѣ орудія для этого затягиванія. Хлопы періодически волнуются и, конечно, первыми жертвами опять-таки являются евреи. Коліивщина напомнила собой 1648 годъ. Но малоруссъ былъ слишкомъ нуженъ еврею, и не такъ-то легко было отъ него освободиться. Прошли столѣтія. Минуло панство, но еврей все остался при своей старой роли посредника, а малороссъ все еще не нашелъ волшебнаго корня, который разорвалъ бы своимъ прикосновеніемъ жестокія узы этого посредничества. Мы видѣли еврейскіе погромы—слишкомъ запоздалый возвратъ къ старымъ преданіямъ; не научили-ли они малорусскій народъ, что не на этомъ пути надо искать освобожденія?

ИЗЪ ИСТОРІИ БОРЬБЫ

МАЛОРУССКАГО НАРОДА СЪ ПОЛЯКАМИ *).

Циммерманъ, въ предисловіи къ второму изданію своей «Исторіи крестьянской войны въ Германіи», проводитъ параллель между народными движеніями и вулканическими явленіями. Сравненіе чрезвычайно удачное—одно изъ тѣхъ, которыя схватываютъ существенныя черты предмета. Въ самомъ дѣлѣ. Не представляетъ ли собою культурное государство новаго историческаго типа, съ интеллигентными классами общества наверху, съ народными массами внизу, тонкую кору, заключающую и сковывающую ту бурную стихію, которая ее отложила и выдвинула наверхъ? На поверхности коры развилась сложная жизнь, увѣнчанная сознаніемъ; а подъ корой, подъ самыми ногами этой сложной, сознательной жизни глухо клокочетъ могучая и грозная стихія, слѣпая, безсознательная. Съ страшною силою давитъ она на кору. Пока это давленіе распредѣляется равномѣрно, оно парализуетъ самого себя. Но вотъ тѣ или другія причины усиливаютъ давленіе въ извѣстномъ мѣстѣ: слышатся роковые удары, отъ которыхъ содрогается тотъ, кто имѣетъ уши слышать, кора потрясается подземными толчками—и вотъ взрывъ все наводняетъ опустошеніемъ и смертью. Горе тому обществу, которое не сумѣетъ во - время предусмотрѣть и предупредить грозящую опасность.

Едва ли существовало когда нибудь государство, накопившее больше условій, благопріятствующихъ такимъ взрывамъ, и общество, менѣе способное что нибудь предусмотрѣть и предупредить, чѣмъ польское государство и общество прошлаго вѣка. Условія эти и

*) Слово. 1879. №№ 9 и 11.

вызвали то вѣковое народное движеніе, которое подъ именемъ гайдамачины изъ года въ годъ потрясало организмъ польскаго государства и время отъ времени разражалось ужасными катастрофами въ родѣ коліивщины. Недавно выпущенный въ «Архивѣ юго-западной Россіи» томъ актовъ о гайдамакахъ, съ изслѣдованіемъ г. Антоновича [1]), позволяетъ представить себѣ этотъ эпизодъ въ такой полнотѣ и цѣлости, о какой не могли имѣть понятія всѣ писавшіе раньше о гайдамачествѣ, которые почти отожествляли все это обширное движеніе съ послѣдними выдающимися моментами—коліивщиной и ужасной уманской рѣзней. По крайней мѣрѣ, наши историки гайдамачины, гг. Скальковскій и Мордовцевъ, все предшествующее коліивщинѣ представляютъ лишь какъ незначительный прологъ къ этой кровавой драмѣ. Освѣщеніе фактовъ совершенно неправильное. Акты архива юго-западной Россіи и отчасти тѣ, которыми мы пользовались въ черниговскомъ архивѣ бывшей генеральной войсковой канцеляріи и малороссійской коллегіи, доказываютъ съ полной очевидностью, что гайдамацкое движеніе тянулось почти впродолженіе цѣлаго столѣтія, лишь обостряясь при особенно благопріятныхъ условіяхъ, какія представилъ, напр., 1734, 1750, особенно 1768 годъ и, наконецъ, въ эпилогѣ 1789, хотя исторія этого послѣдняго года представляетъ еще пока нѣчто очень темное и смутное, ожидающее историческаго освѣщенія.

I.

Андрусовскимъ 1667 г. и московскимъ вѣчнымъ миромъ съ Польшей 1686 года дипломатія окончательно разорвала украинскій народъ и украинскую землю на двѣ части—московскую и польскую: Днѣпръ легъ границей. Малорусская земля, вся облитая кровью малорусскаго народа, отбивавшагося отъ польской зависимости, опустѣвшая, обезлюдѣвшая въ этой борьбѣ, еще разъ передана была въ руки ненавистнаго врага. Но малорусскій народъ правобережной Украины, обезсиленный отдѣленіемъ его отъ лѣваго берега и Запорожья—тѣмъ не менѣе не сдавался на дипломатическія рѣшенія. Можно залюбоваться на ту поразительную, хотя въ значительной степени пассивную силу сопротивленія, съ которою онъ выступилъ

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, изд. Кіевской Археограф. Коммисіей, часть 3-я, томъ 3-й. Акты о гайдамакахъ.

противъ этихъ рѣшеній, на ту живучесть, которую онъ все снова и снова обнаруживалъ, отстаивая свое глубоко прочувствованное имъ право жить обще-племенной жизнью. Это былъ въ данную минуту его идеалъ, и онъ его отстаивалъ такъ, какъ только масса умѣетъ отстаивать свои идеалы, когда обстоятельства вызываютъ или, точнѣе, выталкиваютъ ее на путь открытой борьбы. Правый берегъ пустѣлъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова (условія трактата 1686 г.: «Разоренныя мѣста, лежащія отъ мѣстечка Стаекъ внизъ Днѣпра по рѣку Тясьмину: Ржищевъ, Терехтемировъ, Каневъ, Мошны, Черкасы, Боровица, Бужинъ, Вороновка, Крыловъ и Чигиринъ, до дальнѣйшаго постановленія, останутся пустыми»); но борцы выростали точно изъ земли, и все съ прежней энергіей отстаивали свое дѣло. Хорошо сознавая, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ вожаковъ, каковъ былъ, напр., Палій, что для Украины невозможно самостоятельное политическое существованіе посреди сильныхъ и хищныхъ сосѣдей—народъ лилъ свою кровь за единеніе съ Россіей или съ своими заднѣпровскими братьями подъ покровительствомъ Россіи, которая, однако, не хотѣла или не могла какъ слѣдуетъ поддерживать народъ въ его кровавыхъ жертвахъ. Наконецъ, прутскимъ трактатомъ 1711 г. Россія окончательно была вынуждена отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла правобережной Украины. Еще разъ запустѣлъ правый берегъ—козачество съ прочими жителями все обстоятельно и систематически было выселено на лѣвый.

И такъ, малорусская земля опять вошла въ составъ польскаго государства; снова водворились польскіе порядки, уничтоженные съ такимъ трудомъ, съ такой ожесточенной злобой и ненавистью.

Ни одного свободнаго малорусскаго сословія теперь не существовало въ краѣ, да и вообще не было ни одного свободнаго сословія, которое заполняло бы промежутокъ между панствомъ и хлопствомъ—мы не считаемъ евреевъ, которые сдѣлались какъ бы придаткомъ панства, тѣмъ органомъ, посредствомъ котораго паны наиболѣе удобнымъ для себя способомъ эксплуатировали своихъ хлоповъ: козачество было уничтожено, о торговомъ или промышленномъ городскомъ классѣ не могло быть и рѣчи, когда край цѣлые десятки лѣтъ сплошь былъ опустошаемъ войной. Крестьянство, частью старое, частію вновь осаженное изъ другихъ малорусскихъ земель польскаго государства—Волыни, Подоліи, оказалось лицомъ къ лицу съ шляхтой въ тѣхъ вѣками выработанныхъ отношеніяхъ полнаго безправія съ одной стороны и безграничнаго произвола съ другой, которыя только знала и признавала польская шляхта. Трудно было придумать болѣе

натянутое и ненормальное положеніе общества. Не было никакихъ точекъ соприкосновенія между верхнимъ и нижнимъ общественными слоями, не существовало ничего, что связывало бы ихъ какъ членовъ одного общества: языкъ, религія, обычаи, міровоззрѣніе—все, что связываетъ людей наперекоръ разницѣ въ ихъ правовомъ или экономическомъ положеніи—все было различное. Не мудрено, что панъ и хлопъ разучились видѣть другъ въ другѣ человѣка, а видѣли только пана и хлопа: панъ, полякъ, католикъ, презиралъ хлопа, хлопъ, православный, русскій, ненавидѣлъ пана. Очевидно, польское общество украинскихъ провинцій, т. е. собственно Украины, Волыни и Подоліи, расположилось на вулканѣ наслаждаться жизнью тѣми утонченными способами, образчики которыхъ оно находило во внѣшнихъ формахъ западно-европейской культуры.

Польская шляхта ничему не научилась и ничего не забыла изъ своей длинной исторіи. «L'état c'est moi»—поставила она своимъ девизомъ на хенцинскомъ сеймѣ 1331 г. и съ этимъ девизомъ сошла въ вырытую собственными руками могилу. Знаменитая конституція 3-го мая 1791 г., которою давались кое-какія права горожанамъ, была первою жертвою историческому року, брошенною шляхтой, но жертвою запоздалой и потому безполезной: черезъ четыре года Польши уже не существовало. Дѣйствительно, государство и шляхетство—это были въ польской исторіи два понятія, совершенно нераздѣлимыя или, точнѣе, двѣ стороны одного и того же понятія,—и это-то погубило Польшу. Правда, всегда и всюду государство стремилось и стремится опираться преимущественно на какую-нибудь часть общества, и интересы этой части играютъ наиболѣе видную роль въ томъ, что называютъ интересами государства—иначе и не можетъ быть, пока человѣчество не откроетъ секрета соціальной гармоніи. Но такого чудовищнаго въ этомъ родѣ безобразія могла достигнуть и достигла одна Польша. Выгоды, цѣли и идеалы государственные совершенно и всецѣло отожествились съ выгодами, цѣлями и идеалами шляхетства. Можно представить себѣ, какъ такая политическая организація отразилась на юридическомъ и экономическомъ положеніи массъ. Будемъ говорить, конечно, только о малорусскихъ провинціяхъ Польши, т. е. Волыни, Подоліи и только что возвращенной назадъ Украины, хотя во всей Польшѣ юридически и экономически хлопство поставлено было совершенно одинаково, такъ какъ шляхетство, по отношенію къ малорусскимъ провинціямъ, исходило не изъ какихъ нибудь государственныхъ или политическихъ соображеній, а исключительно изъ своихъ сословныхъ.

Чрезвычайно интересно и поучительно паблюдать, какъ развивались въ литовско-польскомъ государствѣ юридическія отношенія сословій, какъ постепенно замледѣльческое сословіе изъ объекта права государственнаго обращалось въ объектъ частнаго права владѣльцевъ. Закрѣпощеніе шло тамъ съ той логической, суровой и неумолимой послѣдовательностью правового формализма, отпечатокъ котораго римское право наложило на юридическій духъ западно-европейскихъ народовъ. Поляки въ этомъ случаѣ—къ сожалѣнію, только въ этомъ или ему подобныхъ—оказались достойными учениками своихъ великихъ учителей. Сравните цѣльный польскій крѣпостной институтъ, какимъ онъ выразился въ окончательный періодъ своего развитія, съ тѣмъ, если такъ можно выразиться, безалаберным правовымъ суррогатомъ, какой существовалъ въ Россіи, полнымъ распущенности, неясностей, противорѣчій, которыхъ невозможно было примирить съ точки зрѣнія какой-нибудь юридической логики и которыя предоставлялось жизни примирять, какъ она сама знаетъ и умѣетъ, и вы почувствуете сами все значеніе этой разницы. Въ Россіи крѣпостные, въ эпоху самаго высшаго развитія крѣпостного права сохраняющіе за собой возможность законнаго пріобрѣтенія даже недвижимой собственности, хотя и на имя помѣщика, сохраняющіе на судѣ права юридической личности, рядомъ съ крѣпостными масса низшаго податного сословія, въ видѣ государственныхъ крестьянъ, совершенно свободныхъ и пользующихся всѣми гражданскими правами,— все это не позволяло такъ сильно, какъ въ Польшѣ, укорениться идеѣ крѣпостного права въ духѣ русскаго народа. Въ Польшѣ—крѣпостное право, цѣльное и систематическое, переносящее всѣ аттрибуты юридической личности съ хлопа на его владѣльца, охватывающее собою все земледѣльческое сословіе безъ всякихъ послабленій и изъятій, ставящее рѣзкую грань, безусловно не переходимую между шляхетнымъ и нешляхетнымъ,—все это могло и должно было создавать фанатическую вѣру въ крѣпостной принципъ, гдѣ не было мѣста колебаніямъ или сомнѣніямъ—конечно, у шляхты: народъ, не только въ русскихъ провинціяхъ, даже чисто польскій, едва ли могъ быть когда-нибудь низведенъ до такой полной потери образа и подобія Божія. Хотя законъ и полагалъ строгія кары за убійство шляхтича, приравнивая въ то же время убійство хлопа почти къ убійству домашней скотины—все-таки едва ли можно было убѣдить хлопа, что его жизнь есть нѣчто совсѣмъ ничтожное по сравненію съ драгоцѣнной жизнью шляхтича.

Надо сказать, что въ русскихъ провинціяхъ литовско-польскаго

государства то абсолютное крѣпостное право, о которомъ мы говоримъ, получило господство въ относительно позднее время,—гораздо позже, чѣмъ въ самой Польшѣ, именно уже послѣ Люблинской уніи, хотя процессъ его развитія начался подъ вліяніемъ того же польскаго элемента еще до присоединенія Литвы къ Польшѣ. Въ Литвѣ положеніе земледѣльческаго класса было несравненно лучше, чѣмъ въ Польшѣ: онъ въ значительной степени пользовался личными и имущественными правами, т. е. самымъ существеннымъ, поземельной собственностью, имѣлъ право самосуда и т. д. То есть, тамъ собственно не было опредѣленнаго земледѣльческаго класса съ опредѣленными правами, а было нѣсколько категорій земледѣльцевъ, начиная съ полныхъ собственниковъ земли, платившихъ лишь дань государству или лицу, исполняющему за нихъ государству военную службу, до невольниковъ, однимъ словомъ, то же отсутствіе юридической выработки и законченности, что и въ Россіи. Вотъ тутъ-то Польша и пришла на помощь съ своимъ законодательствомъ, которое умѣло упростить и свести всѣ свои соціальныя отношенія къ двумъ формуламъ: равенство шляхты въ безграничномъ пользованіи всѣми возможными общественными правами и равенство всего, что не-шляхта, въ полнѣйшемъ безправіи. Люблинская унія утвердила и въ Литвѣ господство этихъ формулъ, которыя пришлись по вкусу господствующему классу—о вкусахъ народа по обыкновенію не спрашивалось. Литовскій статутъ, которымъ опредѣлялись до самаго послѣдняго времени юридическія отношенія литовско-русскихъ провинцій Польскаго государства, съ большою наглядностью показываетъ, какъ совершался процессъ уравненія и распредѣленія правъ въ направленіи, указанномъ вышеупомянутыми формулами. Три раза передѣлывался статутъ въ продолженіе XVI столѣтія, которымъ окончательно опредѣлились внутреннія отношенія Литвы, и третьей редакціей юридическое положеніе крестьянства было отлито въ окончательную форму, въ которой и застыло, пока исторія не разбила его вмѣстѣ съ самимъ государствомъ Польскимъ.

Первая редакція Литовскаго статута, 1529 года, еще признаетъ разнообразныя права всѣхъ категорій земледѣльческаго класса: этими категоріями, въ жизни, земледѣльцы незамѣтно примыкали къ мѣстному шляхетству, которое тоже, въ свою очередь, дѣлилось на категоріи, а не составляло однообразнаго сословія съ однообразными правами. Но уже и эта редакція старается провести демаркаціонную линію между простымъ людомъ и шляхтой, обязывая великаго князя «простыхъ людей не повышать надъ шляхту». Права землевладѣль-

цевъ на обрабатываемую ими землю еще признаются и обезпечиваются закономъ. Государство уже отказывается въ пользу частныхъ владѣльцевъ отъ большей части повинностей, которыми были ему обязаны крестьяне, но сохраняетъ еще за собою право на иныя изъ нихъ, напр., на поддержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ и замковъ. Хотя суды уже доминіальные, но крестьяне не теряютъ еще права являться передъ общимъ судомъ, урядомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ участіе ихъ въ разбирательствахъ дѣлъ является еще довольно значительнымъ,—имѣютъ также и право свидѣтельства. Копные, т. е. общинные, суды продолжаютъ существовать съ законнымъ ихъ признаніемъ, т. е. за крестьянами остается въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и право самосуда. Такимъ образомъ, мы видимъ, что положеніе крестьянина литовско-русскихъ областей по закону еще гораздо лучше положенія абсолютно безправнаго польскаго хлопа. Но разъ начавшійся общественный процессъ, выгодный эксплуатирующему классу и не встрѣчающій активнаго сопротивленія въ классѣ эксплуатируемомъ, имѣетъ всѣ шансы развиваться съ ужасающей быстротой. Уже черезъ 37 лѣтъ, въ 1566 г., вторая редакція статута отбираетъ у крестьянъ еще одно право, основное по своему значенію: въ этомъ статутѣ появляется юридическое положеніе, исключающее крестьянъ отъ всякаго участія въ землевладѣніи, которое теперь только, впервые, дѣлается привиллегіей шляхетскаго сословія. Хотя за крестьянами признаются еще многія гражданскія права, напр., право завѣщанія части движимаго имущества, довольно широкое право свидѣтельства на судѣ, общинный самосудъ въ видѣ копныхъ судовъ и т. д., но уже очевидно, что земледѣлецъ, лишенный права на землю, единственной гарантіи своей экономической независимости, не сохранитъ за собою и тѣхъ производныхъ, такъ сказать, правъ, которыми обезпечивается его гражданская самостоятельность. Ходъ процесса ускорился Люблинской уніей, которая подоспѣла какъ разъ кстати, черезъ три года послѣ изданія второй редакціи статута. Правда, и третій статутъ не даетъ законодательству о крестьянахъ еще того послѣдняго coup-de-maître, которое бы окончательно поставило литовско-русское крестьянство на одну линію абсолютнаго безправія съ польскимъ хлопствомъ, но онъ все подготовляетъ для того, чтобы жизнь сама, безъ дальнѣйшаго пособія со стороны законодательства, покончила дѣло. Почти всѣ категоріи крестьянства третьимъ статутомъ сравнены между собой,—подготовлено закрѣпощеніе послѣдней категоріи земледѣльцевъ, которая оставалась еще свободною, такъ-называемыхъ людей

«вольныхъ», или «похожихъ»; государство окончательно отказывается отъ повинностей крестьянскихъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ, такъ что государство уже теперь не имѣетъ никакого прямого касательства къ крестьянамъ, положено начало представительству владѣльцевъ за своихъ крестьянъ на судѣ, хотя въ менѣе важныхъ дѣлахъ крестьяне могутъ являться предъ судъ и самостоятельно, значеніе копныхъ судовъ еще уменьшено. Жизнь докончила опредѣленія статута тѣмъ, что крестьяне стали продаваться безъ земли, хотя статутъ не предоставляетъ такого права владѣльцамъ — по крайней мѣрѣ, ясно выраженнаго на этотъ счетъ положенія нѣтъ въ статутѣ—и крестьяне теряютъ совсѣмъ право являться передъ судомъ иначе, какъ «cum assistentia» своихъ владѣльцевъ, пользующихся, значитъ, правомъ представительства. Высшая степень юридической безправности была достигнута. Дальше въ этомъ направленіи идти было уже некуда. Естественно, что законодательство теперь уже совсѣмъ умолкаетъ на счетъ крестьянъ, такъ какъ они предоставлены вполнѣ въ безконтрольное распоряженіе шляхты. Только постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ, то и дѣло издаваемыя сеймами и наполненныя всевозможными репрессивными мѣрами, и встрѣчаемъ мы въ большомъ количествѣ въ продолженіе слѣдующаго, т. е. XVII, столѣтія въ Volumina legum, причемъ на-половину эти постановленія относятся спеціально къ литовско-русскимъ областямъ. Да еще въ одной конституціи конца XVI столѣтія встрѣчаемъ постановленіе, дающее шляхтѣ право наказывать своихъ подданныхъ, не повинующихся имъ въ духовномъ отношеніи, т. е. въ дѣлахъ вѣры. И совѣсть хлопская законнымъ образомъ поступила въ распоряженіе пановъ.

И такъ, къ началу XVIII столѣтія, о которомъ у насъ пойдетъ рѣчь, формальный процессъ закрѣпощенія и въ малорусскихъ областяхъ былъ доведенъ до той законченности, дальше которой шляхетству уже ничего не оставалось желать. Конечно, рука объ руку съ формальнымъ процессомъ долженъ былъ идти и процессъ закрѣпощенія матеріальнаго, экономическаго, уже не de jure только, а и de facto передающаго земледѣльца въ распоряженіе землевладѣльца, какъ его полную собственность. Къ великому огорченію шляхты, экономическое закрѣпощеніе малорусскаго народа не могло идти также легко и свободно отъ препятствій. Хотя козачества, къ которому всегда тянулось и приставало крестьянство для защиты своихъ интересовъ, уже не существовало въ польской Украинѣ, и другія обстоятельства были благопріятны для шляхты, напр. то,

что лѣвобережная русская Украина была настолько густо населена, что туда не могли особенно стремиться малорусскіе крестьяне изъ Польши — все-таки находилось одно препятствіе, лежавшее камнемъ на дорогѣ къ быстрому и успѣшному осуществленію шляхетскихъ экономическихъ идеаловъ: этимъ препятствіемъ было обиліе свободныхъ земель. Въ самомъ дѣлѣ, когда Украина вернулась въ руки поляковъ—она была почти пустыней. «Частныя владѣнія, говоритъ D-r Antoni J. въ своихъ такъ добросовѣстно и интересно составленныхъ «Opowiadania Historyczne», больше полвѣка не давали никакого дохода; внуки едва могли обратно получить то, что война и пожаръ отняли у ихъ дѣдовъ, да и то получали собственность опустошенную, часто не имѣющую и слѣдовъ поселенія... Прекрасная растительность все покрыла своимъ зеленымъ ковромъ... Сѣдое преданіе, вернувшись съ полувѣкового странствованія по свѣту, представляло разукрашенное въ воспоминаніи поселеніе о бѣлыхъ хатахъ, объ укрѣпленномъ замкѣ, а прибывшіе на мѣсто колонисты, вмѣсто воображаемыхъ дворцовъ, идиллическихъ соломенныхъ крышъ села, заставали только всхолмленную поляну и прекрасныя деревья, привѣтствующія ихъ печальнымъ поклономъ». Это описаніе относится къ мѣстности между Днѣстромъ и Бугомъ, т. е. къ южной Подоліи. То же самое было въ Украинѣ кіевской. Въ Хвастовщинѣ въ 1714 г., когда ее явился принять во владѣніе управляющій кіевскаго католическаго епископа, не было *ни души*, а въ другой волости, въ Черногородской, было 8 человѣкъ жителей. Региментарь Галецкій, отправленный съ польскимъ войскомъ въ кіевское воеводство на зимнія квартиры, писалъ оттуда шляхтѣ воеводства: «Вы отправили нѣсколько сотъ конницы на квартиры въ Украину и прислали мнѣ роспись дымовъ въ пустынѣ... вы постарались вытолкнуть войско въ незаселенныя мѣста на посмѣяніе. Назначили въ Вильскъ 25 чел. солдатъ, между тѣмъ какъ въ мѣстечкѣ только 3 человѣка жителей, въ Мирополь 36 солдатъ, между тѣмъ какъ въ немъ нѣтъ теперь и живой собаки. Штабъ мой вы помѣстили въ совершенно пустыхъ Бердичевѣ и Слободищахъ; присылаете мнѣ квартирный листъ въ Карповцы и Мошны—въ Мошны, гдѣ уже тридцать лѣтъ нѣтъ ни собаки» и т. д. И такъ шляхта вступала въ свои права собственности на малорусскую землю, но, увы! хлопа не было... Что же значила земля безъ хлопа? Абсолютно ничего. Надо было раздобыть его во что бы то ни стало. А раздобыть нельзя было иначе, какъ поступившись на время хоть частью своихъ шляхетскихъ правъ и идеаловъ. Пришлось выкликать на слободы, т. е. приглашать зе-

млед̂ѣльцовъ селиться на земляхъ подъ условіемъ экономическихъ льготъ. Земледѣльцевъ же негдѣ было взять, кромѣ какъ изъ другихъ малорусскихъ провинцій, гуще заселенныхъ—тѣмъ болѣе были заселены мѣстности, чѣмъ больше были удалены отъ центра волненій, т. е. отъ Украины; наиболѣе густо заселенной изъ малорусскихъ областей было кіевское Полѣсье, западная Подолія и Волынь. Въ этихъ относительно густо населенныхъ мѣстностяхъ шляхта уже успѣла воспользоваться полнотой своихъ правъ, предоставлявшихъ ей крестьянство съ душой и тѣломъ, и если не довела еще выжиманіе хлопскихъ соковъ до того максимума, который ставился прямой физической невозможностью, то уже, конечно, дѣло стояло не за ея умѣньемъ или хотѣньемъ. Нельзя было выжимать до послѣдняго именно потому, что подъ бокомъ были свободныя земли, куда крестьяне ускользали, несмотря на всевозможныя репрессивныя мѣры: преслѣдованіями, экзекуціями, ничѣмъ нельзя было удержать хлопа, почуявшаго возможность хоть короткое время поработать на себя, а не на пана. И шляхта этихъ населенныхъ мѣстъ, не видя другого исхода, должна была хоть отчасти сдерживаться въ своихъ эксплуататорскихъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, фактъ существованія свободныхъ земель отражался на экономическомъ положеніи почти всего района южнорусскихъ земель Польши. Экономическій процессъ закрѣпощенія шелъ въ совершенно правильной зависимости отъ этого факта, какъ рельефно показываетъ прекрасное изслѣдованіе г. Антоновича о крестьянахъ югозападной Россіи по актамъ 1700—1798 гг. Двѣ совершенно параллельныя нити можно провести черезъ цифры, сохранившіяся въ инвентаряхъ шляхетскихъ имѣній: чѣмъ дальше подвигаемся отъ Украины въ глубь населенныхъ мѣстностей, тѣмъ тяжелѣе становятся крестьянскія повинности, съ одной стороны, и съ другой—тѣмъ тяжеле становятся онѣ, чѣмъ дальше идетъ дѣло къ концу столѣтія, т. е. чѣмъ больше заселяется край вообще.

Украина, т. е. южныя двѣ трети нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губерній, въ теченіе XVIII стол. должна была представляться чѣмъ-то въ родѣ обѣтованной земли для русскаго хлопства другихъ областей Польши: прекрасная природа, плодоносныя земли, воспоминанія недавняго героическаго прошлаго, когда ихъ же дѣды, отцы и старшіе братья, превратившись въ козаковъ, отстаивали свою свободу, а главное, главное—длинный рядъ свободныхъ годовъ, когда отъ тебя не будутъ требовать ни барщины, ни чинша, ни подорожчинъ, ни десятинъ, ни осеповъ, ни толокъ, ни шарварокъ, ни чего другого, что бы ни надумалъ еще ляхъ съ жидомъ: было отъ чего

закружиться бѣдной хлопской головѣ! Призъ былъ таковъ, что изъ-за него стоило рискнуть, и хлопы рисковали, убѣгая отъ своихъ господъ цѣлыми десятками семей... Положеніе крестьянства вновь осаженныхъ мѣстъ экономически дѣйствительно было хорошо: оно или ничего не платило, или платило совершенно необременительную дань деньгами или натурой. Ко второй половинѣ столѣтія уже повинности увеличиваются, но крестьяне еще свободны отъ барщины, а платятъ лишь, какъ видно изъ инвентаря Богуславскаго староства 1766 г., дань хлѣбомъ и деньгами, достигающую лишь суммы 20 злотыхъ, въ переводѣ на рабочіе дни только 60 дней—совершенные пустяки сравнительно съ тѣмъ, что платили въ то же время крестьяне другихъ мѣстностей. Конечно, не въ недостаткѣ желанія со стороны помѣщиковъ заключалась причина такого льготнаго положенія крестьянъ, а въ томъ обстоятельствѣ, что помѣщики не надѣялись иначе удержать населеніе на своихъ земляхъ: свободныхъ земель было еще много, а къ концу столѣтія, послѣ того какъ русскіе завоевали Крымъ, открылись для заселенія безграничныя новороссійскія степи, еще болѣе привлекательныя для малорусскаго хлопства, чѣмъ свободныя же земли въ польскомъ государствѣ. Однимъ словомъ, польскому землевладѣльцу никакъ невозможно было развернуться въ Украинѣ во всемъ своемъ шляхетскомъ полноправіи, гарантируемомъ ему законами Рѣчи Посполитой. Переходныя мѣстности отъ вновь населяемой Украины къ густо населенному Полѣсью представляютъ еще очень сносное экономическое положеніе, хотя здѣсь уже практикуется, сверхъ даней денежныхъ и натуральныхъ, и барщина. Но барщина еще относительно легка, 1—2 дня въ недѣлю: прибавочныхъ работъ, въ видѣ сверхурочныхъ толокъ, сторожъ и т. д., нѣтъ,—начинаютъ онѣ появляться къ концу столѣтія вмѣстѣ съ прибавочной денежной данью, подорожчиной. Натуральными произведеніями, медомъ, грибами и курами, съ начала столѣтія дани незначительныя—какіе нибудь 6 рабочихъ дней; къ концу столѣтія присоединяется къ продуктамъ натуральныхъ повинностей пряжа, хмѣль и яйца, что доводитъ ихъ въ сложности дней до 18. Однимъ словомъ, уже къ самой половинѣ столѣтія въ этихъ мѣстахъ общая сумма повинностей съ крестьянской семьи достигала лишь 82 дней. Но къ концу столѣтія она начала быстро повышаться, особенно послѣднее десятилѣтіе.

Кіевское Полѣсье и западная Подолія были мѣстностями, благопріятными для практики помѣщичьяго права по густотѣ своего населенія, по близость Украины все еще отзывалась. Барщина не

особенно тяжелая—2 дня въ недѣлю, къ концу столѣтія—3 въ лѣтнее полугодіе, но сверхурочные дни появляются уже съ самаго начала: къ концу столѣтія ихъ уже успѣло набѣжать до 60 съ семьи. Денежныя дани, въ видѣ чинша и подорожчины, небольшія: но за то повинности натурой многочисленны и разнообразны. Кромѣ обычнаго льна, меду, куръ, грибовъ, появляются въ инвентаряхъ гуси, кошениль, дрань, ягоды, пряжа, льняное сѣмя и, наконецъ, хмѣль—однимъ словомъ, щипалось отъ всякаго крестьянскаго добра, ничему не давалось спуску. Все это въ сложности, переведенное на рабочіе дни, къ началу столѣтія представляло сумму 162 дней, къ концу же возросло до ужасной цифры—312 дней съ семьи!

Волынь, относительно густо населенная и наиболѣе отдаленная отъ Украины, несомнѣнно изъ всѣхъ областей, заселенныхъ малорусскимъ народомъ, представляла самое удобное мѣсто для практическаго осуществленія шляхетскихъ соціальныхъ идеаловъ. И шляхетство, конечно, воспользовалось выгодами своего положенія. Была ли физическая возможность выжать изъ крестьянина что нибудь сверхъ того, что ухитрялись выжимать изъ него по инвентарямъ конца столѣтія—пусть рѣшитъ самъ читатель. Въ началѣ столѣтія барщинныхъ дней отбывалось 3 въ недѣлю, въ концѣ 4, по одному инвентарю 1791 г. даже 5! (Но такая цифра уже, кажется, показываетъ не серьезное преслѣдованіе помѣщикомъ своего экономическаго интереса или разсчета, а, такъ сказать, помѣщичье увлеченіе, имѣющее параллель въ исторіи объ извѣстномъ анекдотическомъ жидѣ, который отучалъ свою лошадь отъ корму). Сверхурочные рабочіе дни росли подъ самыми разнообразными предлогами, заявлялись подъ самыми разнообразными названіями, ловко приспособленными къ хлопскому уху, чтобы не пугать его даромъ: положимъ, хлопъ обязанъ отработать свою барщину на жнитвѣ—что значитъ ему отработать еще одинъ день лишній при началѣ жатвы и одинъ при концѣ—съ хлопа по ниткѣ пану рубашка. Смотришь, и появились въ инвентарѣ зажинки и обжинки, закоски и обкоски, заорки и объорки. А тамъ, отчего бы не позвать хлопа поработать лишній день за водку, на толоку,—извѣстно, хлопъ пьяница, радъ все сдѣлать за водку—смотришь, за мокрой толокой, т. е. съ угощеніемъ, появилась въ инвентарѣ и сухая, т. е. безъ угощенія. И растетъ, растетъ изъ году въ годъ тягота на хлопской спинѣ—выдержитъ-ли? Выдерживаетъ... Въ повинности крестьянъ не въ зачетъ барщинныхъ дней включается обязанность насадить пану капусту, приготовить и полоть огородъ, полоть просо и пшеницу, собрать съ поля ленъ и пеньку, вымочить

и очистить стебли, давать сторóжу къ панскому двору и гумну и т. д. Прелестный образчикъ шляхетской изобрѣтательности находится въ одномъ инвентарѣ 1792 г., по которому хлопы обязываются отбывать, кромѣ, конечно, всѣхъ упомянутыхъ, урочныхъ и сверхурочныхъ, еще дни за пользованіе лѣсными продуктами: день за березовую кору, день за рыжики, день за опенки и день за *ландыши*. Это было бы невѣроятно, если бы не было документально вѣрно. Не панскій-ли это юморъ своего рода? Этотъ фактъ, какъ и вообще все касающееся экономическаго положенія малорусскихъ хлоповъ въ Польшѣ XVIII вѣка, извлеченъ нами изъ упомянутаго выше изслѣдованія г. Антоновича, гдѣ каждый фактъ можетъ быть провѣренъ ссылкой на соотвѣтствующій документъ. Итогъ всѣхъ повинностей волынскихъ хлоповъ уже въ началѣ столѣтія равнялся 231 дню, въ концѣ 321—собственно рабочими днями 240, чиншомъ и подорожчиной, т. е. вообще деньгами, стоимость 48 дней, и натурой—33. Цифры эти такъ краснорѣчивы, что къ нимъ едва-ли нужно дѣлать какія нибудь поясненія.

Чѣмъ тѣснѣе стягивалась экономическая петля на шеѣ малорусскаго хлопа, тѣмъ болѣе безправнымъ становился онъ фактически, хотя de jure, конечно, ничего не измѣнялось въ его положеніи. Всего сильнѣе и болѣзненнѣе—насколько можно судить по послѣдствіямъ—отражалось его безправіе на сторонѣ религіозной. Снова появилась ненавистная унія, отъ которой больше вѣка отбивался малорусскій народъ и отбился таки на половину, къ великой потерѣ для польскаго государства. Но для шляхты и этотъ урокъ прошелъ даромъ—при первой возможности она снова принялась за водвореніе уніи. Законъ давалъ право помѣщику на совѣсть хлопа, и какъ только панскія руки сдѣлались достаточно длинными для того, чтобъ основательно ухватить хлопа, онѣ ухватывали и принуждали, во имя своего законнаго права, приступать къ уніи. Трудно предположить, чтобы для хлопской темноты имѣло какое нибудь значеніе Filioque или что нибудь подобное; но малорусскій хлопъ вливалъ въ понятіе уніи, какъ въ продуктъ польско-католическо-шляхетскихъ ухищреній, всю ненависть къ тому общественному и государственному строю, который сдѣлалъ изъ него хлопа—и чувствовалъ къ уніи безграничное отвращеніе. Чувство это обострялось еще, конечно, въ силу традиціи, которая напоминала потомкамъ, какъ ихъ предки отстаивали православіе все отъ той же ненавистной уніи. И вотъ унія снова выступила на сцену, когда поляки нѣсколько поуспокоились въ своемъ положеніи властителей правобрежной

Украины. Вся земля собственно Украины принадлежала въ XVIII ст. нѣсколькимъ магнатамъ, главнымъ образомъ, тремъ— Вишневецкому, Яблоновскому и Потоцкому, къ которымъ потомъ присоединилось еще нѣсколько родовъ. Надо сказать, что магнаты— вслѣдствіе-ли болѣе гуманныхъ и свободныхъ понятій, которыя они могли усвоить, толкаясь по Европѣ, или болѣе тонкаго пониманія своихъ выгодъ—магнаты, говоримъ мы, вовсе не были склонны стѣснять своихъ подданныхъ въ религіозныхъ дѣлахъ. Напротивъ, они даже давали имъ акты, обезпечивавшіе свободу вѣроисповѣданія. Но такіе акты, конечно, могли служить только выраженіемъ желаній или взгляда на вещи владѣльцевъ, а не юридической гарантіей, на которую бы хлопъ могъ опереться въ случаѣ нарушенія его яко-бы права. Да и вообще, на практикѣ такіе акты имѣли мало значенія даже при желаніи владѣльцевъ сохранять ихъ въ неприкосновенности. Дѣло въ томъ, что магнаты-владѣльцы не только не жили въ своихъ громадныхъ украинскихъ имѣніяхъ, а и посѣщали-то ихъ рѣдко. Всѣми же дѣлами заправляла масса довѣренной шляхты, которая, съ цѣлью быстрой и богатой наживы, налетѣла въ украинскія имѣнія своихъ патроновъ въ видѣ безконечнаго количества разныхъ губернаторовъ (управляющихъ), коммиссаровъ, поссесоровъ, экономовъ, лѣсничихъ, писарей и т. п. Они были единственными и всемогущими вершителями судебъ украинскаго крестьянства. Эта невѣжественная шляхетская масса, до мозгу костей пропитанная сознаніемъ своего неизмѣримаго превосходства надъ хлопами, которыхъ, однако, боялась какъ бѣшенныхъ собакъ, экономически не заинтересованная въ томъ, чтобъ заглядывать въ отдаленное будущее,— нисколько не была склонна уважать ни трактаты, которыми Польша постоянно обязывалась передъ Россіей не стѣснять православіе, ни конституціи, которыми сеймы подтверждали права православныхъ, ни даже тѣ акты, которые ея же собственные господа, украинскіе магнаты, выдавали своимъ подданнымъ на защиту ихъ вѣры. Шляхта эта легко дѣлалась слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства. Польское же католическое духовенство давно привыкло смотрѣть на малорусскій народъ, какъ на свою обреченную жертву, которая должна присоединиться, такъ или сякъ, къ католической церкви. Для духовенства не существовало даже соображеній общественной или государственной пользы, такъ какъ для него имѣли существенное значеніе только интересы церкви—все остальное было второстепенно и неважно. Понятно поэтому, что духовенство не упустило случая заняться пропагандой уніи, лишь только водвореніе

польскихъ порядковъ расчистило ему мѣсто для новыхъ упражненій этого рода. Въ средствахъ оно по обыкновенію было не разборчиво: все считалось хорошимъ, что было полезно для достиженія благочестивой цѣли,—духовное орудіе, такъ же какъ и свѣтское, устная проповѣдь и убѣжденіе, право и законъ, такъ же хорошо, какъ прямое физическое грубое насиліе. Мѣстная шляхта, со всей полнотой своихъ правъ надъ народомъ, дѣлалась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства. И водвореніе уніи началось, началось систематически, правильно-организованными миссіями, съ содѣйствіемъ всѣхъ силъ католической церкви и мѣстныхъ властей. Православіе же, послѣ присоединенія къ Польшѣ, было на правомъ берегу совсѣмъ лишено организаціи: іерархическія каѳедры, кіевская и переяславская, были за границей, и потому мѣстнымъ властямъ, заинтересованнымъ въ томъ, чтобъ дѣлать всякія стѣсненія православію, и облеченнымъ полновластіемъ, ничего не стоило страшно затруднять сношенія съ заграничной іерархической властью. Вліяніе этой власти годъ отъ году слабѣло. Отсюда возникала церковная дезорганизація, изъ которой выходило то, что каждый приходъ долженъ былъ самъ собою бороться со всей организованной силой уніи. Положимъ, приходъ хочетъ во что бы то ни стало имѣть православнаго священника, а не уніата. Если бы даже мѣстныя власти съ уніатскимъ духовенствомъ и не пожелали употребить въ дѣло прямого насилія, какое употребляли очень часто—документы постоянно свидѣтельствуютъ о насильственныхъ наѣздахъ на церкви и т. п.,—тѣмъ не менѣе обыватели встрѣчали множество препятствій, чтобы остаться въ православіи. Необходимо было раздобыть согласіе владѣльца или его повѣреннаго, отъ котораго зависѣло дать священнику необходимую на содержаніе его землю; затѣмъ получить абсолюцію уніатскаго декана—все это покупалось за деньги. Затѣмъ сколько хлопотъ съ рукоположеніемъ, когда нѣтъ мѣстной іерархической власти! а потомъ всякія обиды и стѣсненія со стороны сильнаго уніатскаго духовенства, со стороны шляхты, для которой православный попъ, бѣдный, невѣжественный, еще недавно въ качествѣ хлопа отправлявшій барщину, конечно, не могъ быть предметомъ уваженія. Очень естественно, что многіе священники, чтобы добиться скорѣе прихода или сохранить его за собою, переходили въ уніатство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народъ волей-неволей долженъ былъ ходить въ уніатскую церковь. Такимъ образомъ, унія, опираясь на свою организацію и поддержку шляхты и пользуясь дезорганизаціей православія, все сильнѣе и сильнѣе распространялась, несмотря на общее

отвращеніе къ ней народа. Но, конечно, пока за православіемъ были симпатіи массъ, его дѣло не могло еще считаться проиграннымъ, какъ бы оно ни казалось плохимъ на видъ. Дѣйствительно, достаточно было появиться лицу, которое взялось энергически за устройство религіозныхъ дѣлъ православнаго населенія польской Украины, принявъ за точку опоры Россію, и все приняло тотчасъ же другой видъ. Лицо это архимандритъ Мотренинскаго монастыря Мельхиседекъ Яворскій; онъ, его дѣятельность и вообще положеніе религіозныхъ дѣлъ въ Украинѣ тѣсно связаны съ Коліивщиной, и потому мы оставляемъ пока этотъ предметъ, чтобы возвратиться къ нему въ своемъ мѣстѣ.

II.

И экономическая петля, все сильнѣе и сильнѣе стягивающаяся около шеи малорусскаго крестьянства Польши, и правовой гнетъ, который не позволялъ хлопу даже мечтать о какомъ нибудь прочномъ обезпеченіи собственности и личности, и постоянныя насилія въ дѣлахъ совѣсти и религіознаго убѣжденія,—все это должно было страшно накопить недовольство въ малорусскомъ хлопствѣ. При той абсолютной разобщенности, которая существовала въ Польшѣ между верхнимъ и нижнимъ общественными слоями, никакихъ смягчающихъ условій, которыя могли бы играть роль предохранительнаго клапана,—не было. Почва для общественныхъ взрывовъ была готова.

Дѣйствительно, условія были благопріятны для зарожденія серьезнаго народнаго движенія. Но все-таки это движеніе могло бы быть или не быть, смотря по обстоятельствамъ и прихоти слѣпого случая, если бы малорусское крестьянство Польши не носило въ себѣ еще элемента, который дѣлалъ движеніе въ той или другой формѣ почти неизбѣжнымъ. Этимъ элементомъ было сознаніе.

Исторія чрезвычайно упростила для малорусскаго народа польскаго государства его соціальную задачу, и потому народъ могъ охватить ее легко и свободно. Землевладѣлецъ и панъ, экономическій и юридическій угнетатель народа, былъ въ то же время человѣкъ чуждой и враждебной національности, ляхъ и католикъ, приверженецъ религіи, внушавшей народу отвращеніе. Національный вопросъ отожествлялъ собою и экономическій, и религіозный, и всѣ прочіе— однимъ словомъ, всю совокупность соціальныхъ вопросовъ. Освобожденіемъ «отъ рабства лядскаго — египетскаго» разрѣшалось все,

что только народъ могъ загадывать въ данную минуту: едва-ли могло быть что нибудь проще такой постановки. И мало того, что въ народѣ было сознаніе: въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, это было сознаніе, закрѣпленное болѣе чѣмъ столѣтіемъ борьбы, т. е. столѣтіемъ фактическаго воспитанія, которое не только возвело сознаніе до возможной для народа степени отчетливости, но и направило въ унисонъ съ нимъ также желанія и волю массъ. Положеніе было единственное въ своемъ родѣ. Это столѣтіе борьбы оставило въ духѣ народа безчисленное количество психическихъ слѣдовъ, которые дали содержаніе безконечнымъ разсказамъ, преданіямъ, легендамъ, пѣснямъ, думамъ—все это поддерживало въ народѣ постоянное извѣстное настроеніе, которое толкало его на путь борьбы при каждомъ стеченіи сколько нибудь благопріятныхъ или вызывающихъ обстоятельствъ.

Народный протестъ былъ неизбѣженъ. Но онъ могъ, конечно, выразиться въ разнообразныхъ формахъ. Почему же онъ такъ упорно принялъ одну излюбленную, ту, которую историки, какъ и самъ народъ, называютъ гайдамачиной? Гайдамачина, несомнѣнно, явленіе очень типичное, рѣзко отличающееся отъ такихъ народныхъ движеній, какъ пугачевщина или разиновщина. Это малорусское народное движеніе отличается отъ соотвѣтствующихъ великорусскихъ движеній такъ же, какъ хроническое теченіе болѣзни отличается отъ остраго. Гайдамачина—это хроническое броженіе, которымъ страдалъ организмъ польскаго государства почти въ теченіе цѣлаго столѣтія. Время отъ времени болѣзнь обострялась, но затѣмъ лишь, чтобы снова принять свой характеръ хроническаго страданія. Ничего могло не мѣняться въ внѣшнихъ отношеніяхъ: шляхтичъ сидитъ въ своемъ имѣніи, проѣдаетъ, пропиваетъ и прокучиваетъ въ пирушкахъ съ сосѣдями чиншы, дани натурой и всю благодать, что доставляетъ ему хлопъ своею работой; хлопъ работаетъ, чтобы доставить пану все это добро. А между тѣмъ, панъ знаетъ какъ нельзя лучше, что хлопъ состоитъ въ борьбѣ съ нимъ, паномъ, что не сегодня-завтра онъ уйдетъ въ гайдамацкую шайку или отправитъ, если не отправилъ еще, въ нее своего брата или сына, или если не отправилъ никого и не идетъ самъ, то даетъ пріютъ гайдамакамъ, проводитъ ихъ, снабжаетъ съѣстными припасами и необходимыми свѣдѣніями, извѣщаетъ о грозящей опасности, сообщаетъ всѣ подробности о немъ самомъ, панѣ, и т. д. И ничего нельзя сдѣлать съ этимъ врагомъ. Истребить его? Но это значитъ истребить свои средства къ существованію! И не мудрено поэтому, что панъ не только самъ не истреблялъ хлопа,

но еще заботился о томъ, чтобы извлечь его изъ рукъ строгаго правосудія: требованія желудка оказывались настойчивѣе требованій оскорбленнаго правового чувства. А между тѣмъ, приходилось каждую минуту дрожать за свою жизнь и имущество. Зима нѣсколько тушила пламя бунта,—употребляя выраженія тогдашней польской рѣчи, которая такъ любила щеголять реторическими украшеніями,—но за то каждый разъ лѣто раздувало его съ новою силой; и такъ изъ года въ годъ. Сравнивая гайдамачину и пугачевщину, какъ малорусское и великорусское народныя движенія, нельзя не обратить вниманіе на нѣкоторое соотвѣтствіе этихъ движеній съ извѣстными типическими племенными особенностями этихъ народностей: малороссъ, апатичный и въ то же время настойчивый, такимъ же выразился и въ своихъ революціонныхъ стремленіяхъ въ противоположность болѣе подвижному и порывчатому великоруссу. Но, конечно, было бы совершенно преждевременнымъ и безплоднымъ искать причинъ историческихъ явленій въ тайникахъ народнаго духа. При настоящемъ состояніи нашихъ знаній гораздо плодотворнѣе проанализировать обстоятельнѣе тѣ внѣшнія условія, которыми былъ обставленъ тотъ или другой историческій фактъ, не пытаясь связывать его пока съ тѣмъ великимъ иксомъ, какимъ представляется намъ народная психологія. Во внѣшнихъ же условіяхъ мы можемъ усмотрѣть кое-что, объясняющее намъ нѣсколько характеръ движенія малорусскаго хлопства.

Прежде всего, такой характеръ движенія, какимъ отличалась гайдамачина, движенія, идущаго, такъ сказать, въ затяжку, не былъ бы возможенъ ни въ какомъ другомъ государствѣ, кромѣ польскаго. Только при той государственной дезорганизаціи, которую поляки называли государственнымъ устройствомъ своей Рѣчи-Посполитой, могло имѣть мѣсто такое ровное и систематическое движеніе, повторяющееся съ правильностью естественнаго явленія.

Государство польское, дѣйствительно, представляло нѣчто совсѣмъ выходящее изъ ряду вонъ по своимъ порядкамъ, какой-то странный анахронизмъ среди прочихъ европейскихъ государствъ. Успѣхи въ государственной техникѣ, какіе дѣлали другія государства, не касались Польши. Ея заржавѣвшій механизмъ скрипѣлъ невыносимо и еле-еле дѣйствовалъ; каждая изъ его составныхъ частей двигалась какъ-то сама по себѣ, мало заботясь о цѣломъ—однимъ словомъ, это было нѣчто неуклюжее и въ практическомъ смыслѣ крайне непроизводительное. Вся Польша была покрыта магнатскими латифундіями. Онѣ были такъ обширны, что могли смѣло играть роль владѣтельныхъ княжествъ. О величинѣ ихъ можно судить по такому

факту, напр., что въ Украинѣ въ концѣ прошлаго вѣка былъ цѣлый особый классъ людей—оффиціалисты Потоцкихъ, т. е. шляхтичи, служащіе въ имѣніяхъ Потоцкихъ. Каждый магнатъ былъ въ своихъ владѣніяхъ гораздо больше королемъ, чѣмъ король въ государствѣ. Роль короля была крайне ничтожна и жалка. Кажется, онъ затѣмъ собственно и выбирался, чтобы не дать панамъ перегрызться между собою на смерть; да и этому онъ не могъ настояще помѣшать, такъ какъ въ средѣ польскаго дворянства самыя грубыя насилія, свидѣтельствующія о полномъ презрѣніи къ закону и верховной власти, были обыкновеннымъ, ежедневнымъ дѣломъ. Затѣмъ, первая и главная обязанность короля была ублажать шляхту всѣми способами, какіе были у него въ рукахъ: раздачей почетныхъ званій, орденовъ и государственныхъ имѣній (крулевщизнъ, староствъ) въ пожизненное владѣніе. Трудно было сдѣлать малѣйшее движеніе, мѣняющее что нибудь въ statu quo: единственная законодательная власть, сеймъ, могъ быть сорванъ однимъ какимъ нибудь подкупленнымъ голосомъ, такъ что цѣлое столѣтіе до вступленія на престолъ Понятовскаго изъ пятидесяти пяти сеймовъ состоялось только семь, да и то подъ чужимъ давленіемъ. Такимъ образомъ, законодательной власти въ странѣ не было: она появлялась только тогда, когда иностранныя правительства посылали свое войско, чтобы водворить порядки. Если какъ нибудь все-таки происходило нѣчто непріятное той или другой панской группѣ—она объявляла конфедерацію, т. е. вооруженное сопротивленіе существующей государственной власти, и сама облекалась во всѣ атрибуты государственной власти, такъ что въ Польшѣ разомъ появлялись два враждующія государства, а случалось и больше. Съ такими трудностями соединенъ былъ каждый шагъ къ какому-либо измѣненію, даже относительно безразличному для шляхетства по своему существу. Что же, бывало, если этотъ шагъ долженъ былъ прямо затронуть шляхетскіе интересы? Съ молокомъ матери впитавши въ себя убѣжденіе, что оно призвано на пиръ природы, и что главная и, можно сказать, почти единственная обязанность государства стоять на-сторожѣ, чтобы никто не помѣшалъ этому пиру, съ одной стороны, а съ другой—помогать пиршеству, если оно паче чаянія приходило въ оскудѣніе, шляхетство съ остервенѣніемъ и злобой встрѣчало всякое, какъ оно считало, посягательство на свои права. Такимъ образомъ, государственная власть обречена была на бездѣйствіе даже въ узкихъ предѣлахъ, доступныхъ ей по закону, такъ какъ ничего нельзя было сдѣлать безъ средствъ, а сколько нибудь значительныхъ средствъ нельзя было выжать изъ

Польши, при ея экономическомъ строѣ, при слабомъ развитіи торговли и промышленности, не задѣвъ шляхетства—владѣльца почти всей польской земли, за исключеніемъ государственныхъ имѣній. Да и съ государственныхъ имѣній государство немногимъ могло поживиться, такъ какъ ими, по обычаю, надѣлялась въ пожизненное владѣніе знать, съ обязательствомъ уплачивать въ казну лишь часть доходовъ, на содержаніе войска.

Такимъ образомъ, чѣмъ же могло государство противодѣйствовать потрясающимъ его народнымъ движеніямъ? Никакихъ административныхъ учрежденій, которыя могли бы что нибудь предусмотрѣть или предупредить, государство не содержало и не могло содержать. Оставалась, значитъ, одна сила, и сила самая существенная, если бы она могла дѣйствовать какъ слѣдуетъ—это войско. Но дѣло въ томъ, что польское войско, какъ и слѣдовало ожидать, было крайне жалко, плохо организовано, очень малочисленно. Всего въ теченіе XVIII стол. считалось на государственномъ содержаніи (на кварту доходовъ съ государственныхъ имѣній) 18,000 войска, 12,000 въ Коронѣ и 6,000 въ Литвѣ. При Понятовскомъ, когда польскія дѣла стали въ политическомъ отношеніи поворачиваться круто, сеймы постоянно мечтали о вооруженіи настоящей военной силы: но мечты, конечно, разбивались о печальную дѣйствительность, т. е. неимѣніе средствъ и полное нежеланіе шляхты чѣмъ нибудь поступиться. Войско короны дѣлилось на четыре партіи: великопольскую, малопольскую, сендомірскую и украинскую. Слѣдовательно, на защиту украинскихъ областей приходилось всего 3000 чел. Но и эти 3000 никогда не могли находиться на лицо; развѣ половина была въ сборѣ. Дѣло въ томъ, что войско польское имѣло совсѣмъ особую организацію, хорошо гармонировавшую со всѣмъ шляхетскимъ строемъ общества, но никуда негодную практически. Каждая изъ хоругвей, на которыя дѣлилось войско, состояла изъ «товарищей» и «шереговыхъ», которыхъ приходилось по нѣскольку на каждаго товарища. «Товарищи» были исключительно дворяне, поступившіе въ хоругвь добровольно, ради той чести, какую доставляло въ тогдашнемъ обществѣ званіе товарища, и изъ желанія выдвинуться впередъ, получить званіе хорунжаго, поручика или ротмистра; «шереговые» были крѣпостные или наемные слуги товарищей. Хоругвь имѣла всегда постоянное мѣстопребываніе. Товарищи, получивъ чего добивались, т. е. военное званіе, разъѣзжались по домамъ или по сосѣдямъ, очень мало думая о службѣ—едва нѣсколько человѣкъ изъ комплекта оставалось на мѣстѣ; начальство же поощряло само такіе

порядки, такъ какъ находило выгоднымъ класть въ свой карманъ то, что выдавалось ему на содержаніе отсутствующихъ товарищей. Также мало думали о военной службѣ и шереговые, которые обзаводились обыкновенно на мѣстѣ стоянки семьями и хозяйствами, такъ какъ были увѣрены, что ихъ не будутъ тревожить. Гетманъ, главный начальникъ военныхъ силъ, никогда не появлялся на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Украину, хотя никакія другія войны его не отвлекали. Даже непосредственный начальникъ украинскихъ войскъ—региментарь украинской партіи—часто передавалъ свои обязанности кому нибудь изъ подчиненныхъ. Однимъ словомъ, распущенность войска была полная: изъ 3000 едва 700—1000 чел. были налицо. Да и эти мизерныя наличныя силы были разбиты по стоянкамъ на отдаленныхъ разстояніяхъ, откуда ихъ приходилось сбирать въ случаѣ надобности, которая часто миновала прежде, чѣмъ войско сбиралось. Мало того: явившись на защиту страны, регулярное войско допускало постоянныя злоупотребленія, незаконный сборъ фуража и провіанта, грабежи и др. насилія. И не только какіе-нибудь шереговые или рядовые товарищи, даже высшій военный мѣстный чинъ—региментарь обвиняется на сеймикѣ брацлавскаго воеводства 1740 г. въ самыхъ крайнихъ и вопіющихъ злоупотребленіяхъ.

И такъ, народу нечего было опасаться серьезнаго отпора со стороны государства. Но, можетъ быть, такой отпоръ представляло само шляхетское общество? Вѣдь оно-то главнымъ образомъ и было заинтересовано въ подавленіи революціонныхъ стремленій народа, такъ какъ стремленія эти были направлены противъ него и лишь ему угрожали непосредственно. Отъ польскаго шляхетства съ правомъ можно бы было ожидать самодѣятельности и энергіи, такъ какъ оно цѣлыми вѣками пріучено было къ самостоятельности, самоуправленію и политической жизни вообще. Но въ критическія-то минуты именно общество и заявляетъ себя во всей красѣ своихъ основныхъ свойствъ. Шляхетство было развращено и разслаблено до мозга костей своимъ нелѣпымъ общественнымъ строемъ и потому не могло имѣть качествъ здороваго политическаго общества. Правда, весь декорумъ политической мудрости былъ на лицо: дѣятельно сбирались сеймики, и ординарные и экстраординарные, поставлялись разныя рѣшенія, болѣе или менѣе умныя, для пресѣченія и предупрежденія зла, грозящаго шляхетскому обществу, но не было того, что составляетъ душу каждаго общаго дѣла—не было ни у кого желанія стѣснять себя и жертвовать своими личными интересами ради общихъ. Общество же, безъ способности къ жертвѣ, не общество, а тѣнь, призракъ—

и польское шляхетское общество было лишь такимъ призракомъ. Позднѣе, когда исторія поставила вопросъ о жертвѣ, какъ о фатальной необходимости (напр., конституція 3-мая 1791 г.), оно и тутъ не сумѣло отнестись къ факту съ достоинствомъ, а сдѣлало изъ своего положенія актерскую роль, въ которой находило удовлетвореніе своему жалкому тщеславію, своей дѣтской наклонности къ мишурному величію и реторическимъ погремушкамъ.

Что же предпринимала шляхта мѣстностей, угрожаемыхъ народными волненіями? Наибольшей опасности подвергались воеводства Кіевское и Брацлавское—и въ нихъ-то больше всего и выказалась неспособность шляхты къ самозащитѣ. Конечно, прежде всего шляхта сбирала свои сеймики—эти типическіе органы мѣстнаго шляхетскаго самоуправленія—на нихъ пили и ѣли, дрались и мирились, и въ концѣ концовъ постановляли обратиться все къ тому же жалкому центральному правительству съ просьбой о помощи—о присылкѣ войска изъ другихъ частей, однако, «безъ обремененія какими либо особыми податями дворянъ пограничныхъ воеводствъ». И объ этомъ просили дворяне, которые сами посылали своихъ пословъ на сеймы, да и всякими другими путями могли хорошо знать, если только интересовались сколько нибудь дѣлами общаго своего отечества, что кварта изъ доходовъ государственныхъ имѣній едва покрываетъ расходы по содержанію войска и что другихъ источниковъ дохода на какія нибудь сверхсмѣтныя военныя издержки у государства нѣтъ. Мало того: они просили черезъ свои сеймики у государственной казны даже вознагражденія за раззореніе, причиняемое имъ гайдамаками, отъ которыхъ не умѣли сами защититься. Еще курьезнѣе тѣ невозможныя требованія, которыя предъявляютъ дворянскіе сеймики къ Россіи черезъ посольства къ пограничнымъ русскимъ властямъ, черезъ короля и сеймъ. Находя очень удобнымъ сваливать все съ себя, польское дворянство постоянно винитъ въ народныхъ волненіяхъ Россію и на основаніи этого требуетъ военной помощи со стороны Россіи для прекращенія этихъ волненій и вознагражденія за убытки всѣхъ пострадавшихъ дворянъ. Это было нѣчто чрезвычайно комическое. Интересно то, что Россія въ самомъ дѣлѣ дѣлала что̀ могла, гораздо больше, чѣмъ ей было обязательно въ силу международныхъ правъ и отношеній: вѣроятно, въ ея дипломатическихъ видахъ входило не раздражать шляхту. Въ своемъ мѣстѣ мы коснемся подробнѣе этого предмета. Здѣсь же замѣтимъ только, что нельзя не удивляться тому терпѣнію и уступчивости, которыя она постоянно выказывала въ виду беззастѣнчивой наглости и вы-

сокомѣрія, которое всегда склоненъ былъ выказывать шляхтичъ, когда не видѣлъ отпора своей необузданной притязательности — у насъ есть на этотъ счетъ интересные документы изъ пограничной переписки. Наконецъ, 1750 г., когда поднялся весь юго-западный край разомъ—все покрылось пожарами, грабежами, опустошеніемъ—шляхта, наконецъ, не видя ни откуда спасенія, рѣшилась на героическія мѣры: вооружить ландмилицію на собственный счетъ. Все было устроено, придуманы красивые мундиры, и ландмилиція въ числѣ 500 человѣкъ долженствовала положить конецъ хлопскимъ безобразіямъ. Но, къ удивленію, оказалось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Мы не видимъ этой милиціи ни въ какихъ дѣйствіяхъ противъ гайдамаковъ; за то встрѣчаемъ множество жалобъ на милиціонеровъ отъ обывателей охраняемыхъ ими мѣстностей—жалобъ на разнаго рода насилія, буйства, раззоренія и грабежи. Какъ видно, общество, зараженное нравственной язвой, не можетъ дать хорошаго плода. Очень естественно, что ландмилиція, просуществовавъ года три, по постановленію тѣхъ же сеймиковъ, которые ее устроили, т. е. Брацлавскаго и Кіевскаго, прекратила свое существованіе.

Но когда личность не могла ждать защиты ни отъ государства, ни отъ общества, она естественно искала средствъ обезопасить сама себя, собственными силами. Такъ и дѣлали украинскіе владѣльцы. Это были, большею частью, люди очень богатые, и они вооружали для себя цѣлые отряды такъ называемыхъ надворныхъ козаковъ: у Потоцкаго въ Уманьскомъ отрядѣ было 1200 чел., у другихъ по нѣсколько сотъ. Помимо цѣлей защиты, надворные отряды были предметомъ насущной необходимости для каждаго знатнаго польскаго пана: безъ отряда онъ не могъ поддержать своего значенія въ Польшѣ, гдѣ нельзя было привести съ исполненіе судебнаго рѣшенія надъ богатымъ человѣкомъ иначе, какъ при посредствѣ вооруженной силы. Надворные казаки могли быть такой защитой для края, лучше которой нечего было и желать: знатоки своего дѣла, хорошо приспособленные къ условіямъ, знающіе мѣстность. И они были чрезвычайно полезны панамъ въ ихъ наѣздахъ другъ на друга. Но, въ качествѣ защитниковъ своихъ владѣльцевъ отъ гайдамаковъ, они оказывались мало пригодными, такъ какъ были заражены неизлѣчимымъ порокомъ: они были хлопы и не могли забыть своего русско-хлопскаго происхожденія, несмотря на всѣ панскія ласки и милости. Если случалось имъ на глазахъ у владѣльцевъ дѣйствовать противъ гайдамаковъ, то они все-таки дѣйствовали вяло и неохотно, никогда не преслѣдовали по настоящему гайдамаковъ и т. д. Большею же частію на-

дворные козаки вступали въ прямыя сношенія съ врагами своихъ господъ, помогали имъ и, при сильныхъ гайдамацкихъ движеніяхъ, случалось, присоединялись къ гайдамакамъ цѣлыми отрядами: ужасная гибель Умани 1768 г. произошла именно вслѣдствіе того, что надворный отрядъ Потоцкаго передался въ полномъ своемъ составѣ врагамъ, со всѣми выборными своими начальниками. Однако, потребность въ какой нибудь, хоть и не надежной, оборонѣ была такъ сильна, что владѣльцы крѣпко держались за свои надворныя козацкія милиціи. Мало того, даже правительство и общество привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на главную защиту, такъ какъ они дѣйствительно по численности далеко превосходили всѣ прочія военныя силы края.

Серьезнаго сопротивленія ожидать было неоткуда: организованная военная сила, какою располагало государство или общество, была и незначительна, и ненадежна. Народнымъ массамъ не было необходимости накапливать неудовольствія, чтобы разомъ дать ему исходъ. Народъ могъ постоянно и систематически отводить свою душу и на панахъ, жидахъ и католическомъ духовенствѣ, и затѣмъ выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, пользуясь которыми, можно было бы уже все перевернуть по своему, обратить ляшское и панское царство въ православное и козацкое. Но, увы! послѣдняго онъ не могъ сдѣлать, хотя бы у него, можетъ быть, и хватило на это силъ и энергіи: дипломатія не могла дозволить малорусскому народу снова рѣшить политическую задачу своими силами, какъ онъ было уже рѣшилъ ее разъ. Но за то никто не могъ помѣшать ему вымещать накипѣвшее зло, и онъ этимъ пользовался.

Но всѣмъ вышесказаннымъ еще не объясняется, почему движеніе малорусскихъ хлоповъ выразилось не въ формѣ неопредѣленнаго броженія, мѣстныхъ вспышекъ, несистематическихъ, безсвязныхъ, какъ выражается всегда народный протестъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Почему гайдамачина является не безпорядочнымъ хлопскимъ бунтомъ, какимъ представляли ее поляки, а настоящей партизанской войной? Этотъ характеръ несомнѣнно былъ приданъ ему участіемъ запорожскаго козачества. Не будь запорожцевъ, гайдамачина не была бы гайдамачиной, т. е. болѣе или менѣе систематической борьбой народа съ угнетателями за свои попранныя права, а осталась бы, вѣроятно, тѣмъ, чѣмъ она была въ началѣ столѣтія, до вмѣшательства запорожцевъ—отдѣльными вспышками, имѣющими нерѣдко видъ вызванныхъ личными и корыстными побужденіями, тѣмъ болѣе, что въ нихъ иногда принимаютъ участіе, въ качествѣ вожаковъ,

шляхтичи, преслѣдующіе само собой исключительно эгоистическія цѣли—мщенія, наживы и т. п. Слѣдуетъ остановиться съ должнымъ вниманіемъ на томъ интересномъ фактѣ, что у насъ до сихъ поръ не было сколько-нибудь серьезнаго народнаго движенія безъ участія свободнаго военнаго сословія, т. е. козаковъ. Это вѣрно по отношенію къ Малороссіи, какъ и къ Великороссіи. Такъ что невольно приходитъ въ голову общій вопросъ: имѣемъ-ли мы основаніе думать, что возможно было серьезное народное движеніе безъ заранѣе приготовленнаго исторіей ядра, къ которому бы оно могло примкнуть? Волненіе, разъ зародившись и найдя для себя подходящую почву, можетъ охватить массу однимъ толчкомъ, какъ-бы электрическимъ ударомъ; но волненіе еще не создаетъ серьезнаго народнаго движенія, такъ какъ оно не создаетъ организаціи. Это совсѣмъ не легкое дѣло—выдвинуть ту первичную организаціонную клѣтку, которая обладала бы достаточно органической силой, чтобы ассимилировать изъ окружающаго подходящіе элементы. А безъ такой клѣтки, которая претворяла бы неорганическую соціальную матерію въ органическое вещество, всякое волненіе останется механическимъ, и даже помимо внѣшняго противодѣйствія можетъ улечься само собой, по тѣмъ же механическимъ законамъ, по какимъ и поднялось. Мы не можемъ себѣ ясно представить того процесса, какимъ могла бы крестьянская масса сама выдвинуть у себя такую клѣтку, тогда какъ къ такому процессу часто оказывается неспособнымъ даже общество культурное, подготовленное къ нему знаніемъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда она, эта клѣтка, является народу готовою, напр. въ видѣ козачества, носящаго въ себѣ всѣ элементы, необходимыя для того, чтобы крестьянство признало за нимъ руководящую роль. Прежде всего, козачество было сословіе, выдвинутое самимъ крестьянствомъ, родное ему по происхожденію, вѣрѣ, міровоззрѣнію, однимъ словомъ, по всѣмъ особенностямъ психическаго строя; затѣмъ это было сословіе свободное въ самомъ полномъ смыслѣ слова—свободное лично, свободное имущественно, обладающее свободными орудіями—землями, рѣками и др. угодьями—для свободнаго труда, что естественно всегда составляло высшій экономическій идеалъ для крестьянства; сословіе съ особенной общинной организаціей, воплощавшей собою все, что народъ считалъ идеальнымъ въ соціальномъ смыслѣ и т. д. И, наконецъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ — козачество умѣло вести вооруженную борьбу; приставъ къ нему, крестьянство формировалось въ военную силу и переставало быть безпорядочной толпой съ коліемъ и дреколіемъ, которую, конечно, всегда могло

разогнать настоящее войско, какъ бы она ни была многочисленна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло, безъ участія запорожцевъ, организоваться движеніе малорусскаго хлопства на глазахъ у пановъ, всегда достаточно вооруженныхъ и военной силой, и силой закона, чтобы пресѣчь въ началѣ всякую попытку къ революціонной организаціи, которую едва-ли можно бы было утаить отъ панскихъ глазъ! Развѣ какія нибудь совершенно исключительныя условія и исключительныя качества личностей, которыя стали бы во главѣ движенія—особая энергія, предпріимчивость, умъ, умѣнье дѣйствовать на другихъ—могли бы что-нибудь двинуть, но и то пришлось бы натыкаться на массу почти непреодолимыхъ трудностей. Совсѣмъ иначе ставилось дѣло, когда для крестьянина вся трудность заключалась лишь въ томъ, чтобы уйти въ гайдамацкую купу, которая формировалась внѣ района панскаго надзора и власти: для крестьянъ, которые постоянно бѣгали отъ своихъ пановъ на новыя мѣста, на слободы, не могло представляться особенно неудобнымъ уйти и въ гайдамаки. Для этого, т. е. для ухода, только и требовалось отъ крестьянина активнаго дѣйствія; дальше онъ долженъ былъ примкнуть къ шайкѣ, ядро которой составляли казаки, и идти за ними, людьми искушенными во всѣхъ тонкостяхъ партизанской тактики и стратегіи. А вѣдь масса всегда только и можетъ, что идти вслѣдъ. Чрезвычайно интересно то, что запорожскіе казаки смотрѣли на свою руководящую роль въ дѣлѣ малорусскаго хлопства, какъ на провиденціальную миссію, хотя это участіе и вредило имъ, какъ обществу, такъ какъ возбуждало противъ Сѣчи постоянное неудовольствіе русскаго правительства; конечно, отдѣльныя личности могли находить въ гайдамачинѣ интересъ личной наживы, но тутъ важно общее настроеніе запорожскаго товарищества. Впрочемъ, объ этомъ у насъ еще будетъ рѣчь впереди. И такъ, мы полагаемъ, что безъ участія запорожскаго казачества гайдамачина не была бы возможна, по крайней мѣрѣ въ той формѣ болѣе или менѣе правильнаго движенія, которая такъ для нея характерна.

Но рядомъ съ участіемъ запорожцевъ нельзя не остановить вниманія и на томъ важномъ обстоятельствѣ, безъ котораго гайдамачина никогда не получила бы такого широкаго развитія—на пограничномъ положеніи волновавшихся областей. Центромъ развитія гайдамачины, въ пору ея процвѣтанія, т. е. съ тридцатыхъ по семидесятые годы, была пограничная Украина. За границей, особенно въ Запорожскихъ степяхъ, было полное приволье, гдѣ могли организоваться гайдамацкіе отряды и куда они могли укрываться въ случаѣ

надобности: поляки не смѣли слишкомъ дерзко нарушать пограничное право, такъ какъ это была русская граница. Тамъ, въ этихъ степяхъ, на уединенныхъ запорожскихъ хуторахъ и пасѣкахъ происходили предварительныя совѣщанія, обсуждались планы походовъ, тамъ были сборные пункты; въ лѣсахъ и балкахъ устраивались лагери уже сформировавшихся отрядовъ, откуда они уже двигались въ Польшу, были гайдамацкіе городки и сѣчи. Оттуда производились предварительныя рекогносцировки, раздобывались оружіе и лошади. Такъ что выступавшія за границу польскую гайдамацкія купы имѣли уже обыкновенно видъ болѣе или менѣе стройныхъ военныхъ отрядовъ, а не какихъ-нибудь безпорядочныхъ разбойничьихъ шаекъ. Разумѣется, ничего подобнаго невозможно бы было дѣлать въ самой Польшѣ, на глазахъ у поляковъ. Кромѣ Запорожскихъ степей, удобнымъ заграничнымъ пунктомъ для организаціи гайдамацкихъ отрядовъ служилъ Кіевъ съ его округомъ: лѣвобережная Украина, густо населенная и отдѣленная русскими форпостами, очень мало давала непосредственной поддержки гайдамачинѣ, а поддерживала ее главнымъ образомъ при посредствѣ Запорожья. Напротивъ, кіевское населеніе содѣйствовало гайдамацкому движенію самымъ дѣятельнымъ образомъ. Обыватели Кіева сами снабжали отряды гайдамацкіе всѣмъ необходимымъ, укрывали гайдамаковъ, прятали и сбывали ихъ добычу и наконецъ, защищали ихъ отъ преслѣдованій русскихъ военныхъ властей своимъ магдебургскимъ правомъ: магистратъ, которому передавались гайдамаки, или находилъ предлоги освобождать ихъ вовсе отъ суда, или отдавалъ ихъ на поруки кіевскимъ же мѣщанамъ, и вообще велъ гайдамацкія дѣла такъ, чтобы лишь соблюдалась необходимая внѣшность ради русскаго начальства. Но еще больше, чѣмъ въ самомъ городѣ, находило поддержку хлопское движеніе на монастырскихъ земляхъ, которыя составляли двѣ трети территоріи кіевскаго округа. Монахи, жившіе въ монастырскихъ угодьяхъ, давали разнообразное матеріальное содѣйствіе гайдамакамъ; участіе монашества въ то же время сгущало религіозную окраску, которой, можетъ быть, и не имѣло бы оно, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, безъ этого обстоятельства.

И такъ, какія же условія содѣйствовали тому, что движеніе малорусскаго хлопства развилось и получило опредѣленную форму выраженія, которая отмѣчается исторіей, какъ и самымъ народомъ, названіемъ гайдамачины? Кромѣ народныхъ традицій и сознанія народомъ своего положенія,—главнымъ образомъ, сознанія, которое представляетъ безусловно существеннѣйшее обстоятельство, мы оста-

навливаемся на слѣдующихъ условіяхъ: дезорганизація польскаго государства и нравственная несостоятельность шляхетскаго общества, вслѣдствіе чего народныя движенія не встрѣчаютъ соотвѣтствующаго отпора; затѣмъ, участіе Запорожскаго козачества, которое, съ тридцатаго года, т. е. со времени возвращенія изъ Турціи снова подъ покровительство Россіи, беретъ на себя руководящую роль въ гайдамацкомъ движеніи, и, наконецъ, благопріятное территоріальное положеніе, которое позволяетъ организоваться движенію за границами Польши и снабжаетъ его родственными и сочувствующими элементами изъ русскихъ предѣловъ.

Въ заключеніе главы попросимъ читателя обратить вниманіе на одно довольно интересное обстоятельство, и именно на то, что гайдамацкое движеніе оказалось сосредоточеннымъ въ области, наилучше обставленной экономически, т. е. въ Украинѣ. Этому способствовало, конечно, ея пограничное положеніе; но помимо этого тутъ играли роль и причины чисто экономическія: доказательство, что сильные взрывы гайдамачины совпадали съ тѣми эпохами, когда истекали сроки льготъ, и повинности крестьянъ увеличивались, хотя постепенно и не особенно чувствительно. Можно считать, что относительно обезпеченная Украина была болѣе наклонна и способна производить и поддерживать движеніе, чѣмъ, напр., страшно угнетенная экономически Волынь. Это можетъ служить доказательствомъ односторонности, а, можетъ быть, и полной ошибочности извѣстной формулы «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше», въ которую вкладывали нѣкоторые приверженцы крайнихъ соціальныхъ ученій извѣстное общественное міровоззрѣніе.

III.

Кажется, мы ничего существеннаго не упустили изъ виду, перечисляя условія; которыя подготовили движеніе малорусскаго хлопства польской Украины и содѣйствовали тому, что это движеніе развилось и получило типическія формы, которыя опредѣляются названіемъ гайдамачины. Теперь попытаемся представить общую картину этого движенія съ выдающимися его чертами и особенностями.

Съ началомъ XVIII стол. на правой сторонѣ Днѣпра было уничтожено козачество, а вмѣстѣ съ нимъ уничтожена и та излюбленная форма, въ которую искони отливался протестъ малорусскаго народа въ его столкновеніяхъ съ поляками. Протестъ, однако, про-

должалъ существовать и искалъ выхода; исторія снова предоставляла теперь творчеству и энергіи народа отыскать себѣ этотъ выходъ, создать его, какъ онъ создалъ когда-то козачество. Началось броженіе. Началось оно, естественно, тамъ, гдѣ густота населенія накопляла протестъ, т. е. на Волыни, въ заселенной части Подоліи и т. д. Но это броженіе еще не носитъ на себѣ типическихъ чертъ гайдамачества. Это отдѣльныя, безсвязныя вспышки, которыя часто носятъ отпечатокъ своекорыстныхъ побужденій: какая нибудь «своевольная купа», собравшись, нападаетъ на панскіе дворы и грабитъ ихъ, грабитъ купцовъ-евреевъ, крестьяне нападаютъ на транспортъ сборщика земскихъ податей и т. д.,—громады мѣстечекъ не только дозволяютъ преступникамъ жить у себя и укрываютъ ихъ, но отказываются ихъ выдавать по жалобамъ дворянъ и т. д. Что̀ тутъ составляетъ преобладающій элементъ — своекорыстный ли разсчетъ или мщеніе оскорбленнаго правового чувства—еще не видно. Интересно, что дворяне, имѣющіе повидимому дѣло съ одиничными случаями грабежа—и только, тѣмъ не менѣе въ жалобахъ своихъ вспоминаютъ «бунты Хмѣльницкаго»—значитъ, чувствуютъ внутреннюю связь между этими столь различными по внѣшности фактами, могучимъ народнымъ возстаніемъ и отдѣльнымъ грабежемъ случайно собравшейся кучки съ какимъ нибудь вожакомъ-мѣщаниномъ во главѣ—вообще, въ этотъ періодъ мы гораздо рѣже встрѣчаемъ дѣйствующими хлоповъ, чѣмъ жителей городовъ и мѣстечекъ. Да и сами эти нападенія на панскіе дворы—мы имѣемъ довольно подробное описаніе одного изъ нихъ—имѣютъ въ себѣ нѣчто такое, что не позволяетъ ихъ совсѣмъ смѣшивать съ заурядным грабежемъ. Вотъ является въ гости къ пану вооруженная шайка. Въ ней всего шесть человѣкъ, но она не боится днемъ и открыто явиться въ деревню густо населеннаго Полѣсья (въ деревню видимо немалую, такъ какъ есть въ ней и корчма) въ панскій дворъ, по обычаямъ того времени набитый челядью. Шайка эта называетъ себя козаками, предводитель ея — атаманъ. Какъ истые козаки, молодцы прежде всего заѣзжаютъ въ корчму, приказываютъ арендатору подавать себѣ горѣлки и потомъ уже являются на панскій дворъ. Во дворѣ также требуютъ прежде всего горѣлки, затѣмъ ѣсть и овса для лошадей. Все «подданство» и челядь разбѣгаются кто въ лѣсъ, кто куда. Прежде, чѣмъ принимаются за дѣло, не опускаютъ случая поиздѣваться надъ панами — пугаютъ выстрѣлами изъ пистолета, вяжутъ, поносятъ неприличною бранью—и надъ жидомъ, съ которымъ обращаются еще хуже: бьютъ канчуками, топчутъ ногами, приклады-

ваютъ саблю къ шеѣ и т. п. Грабятъ они тоже по-козацки: забираютъ, не считая, деньги, забираютъ также оружіе — и затѣмъ, какъ бы для выраженія своего презрѣнія къ разной житейской дряни, необходимой, однако же, въ мирномъ быту, — разбрасываютъ по землѣ горшки съ молокомъ, топчутъ цыплятъ, бросаютъ собакамъ масло. Но типичнѣе всего сцена, которую рисуетъ актъ, какъ жидъ убѣгаетъ отъ вожака шайки и спасается, влѣзая въ ставъ (прудъ). Шайка эта, повидимому, совсѣмъ не почитала себя за простыхъ грабителей, которые опасаются преслѣдованій: они пируютъ себѣ спокойно въ корчмѣ, кричатъ, стрѣляютъ въ свое удовольствіе, такія же штуки продѣлываются и въ другихъ селахъ, какъ видно изъ акта. Выходки эти дѣлаются совсѣмъ непонятными, если и населеніе относилось къ этой и подобнымъ шайкамъ, какъ къ простымъ грабителямъ. Такъ что въ нихъ нельзя не видѣть первыхъ пробныхъ шаговъ гайдамацкаго движенія: въ первый разъ и названіе гайдамаковъ (универсалъ региментаря Галецкаго 1717 г.) примѣняется къ такимъ шайкамъ. Дѣло въ томъ, что и къ настоящей гайдамачинѣ очень часто примѣшивались своекорыстные элементы — наживы, мщенія и т. п.; едва ли безъ этого можетъ обойтись какое нибудь народное движеніе, какъ не обходится безъ нихъ движеніе и культурныхъ классовъ, хотя, конечно, эти своекорыстные инстинкты могутъ у нихъ проявляться въ менѣе грубыхъ формахъ. Разъ общество всколыхнется, необходимо выбрасывается на поверхность его и всякая дрянь, которая въ спокойное время укрывалась бы въ глубинѣ. Интересно, что, пока движеніе не выяснилось, шляхтичи часто принимаютъ участіе въ похожденіяхъ своевольныхъ отрядовъ, то, какъ прямые участники, то какъ укрыватели.

Быстро заселяется пустынная Украина, такъ быстро, какъ только можетъ заселяться мѣстность съ благодатной почвой и климатомъ, близко родная малорусскому народу и по старымъ преданіямъ, и по свѣжимъ воспоминаніямъ только что пережитаго кроваваго прошлаго, манящая крестьянина такими льготами, которыя, хоть на короткое время, а все таки почти приравниваютъ его, хлопа, къ тому идеальному свободному земледѣльцу, образъ котораго носился въ воображеніи малорусскаго крестьянина, когда онъ приставалъ къ загонамъ Хмѣльницкаго и другихъ козацкихъ вождей. Въ то же время, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, выходятъ изъ Турціи и появляются на старомъ своемъ пепелищѣ, за порогами, Запорожцы, эти козаки изъ козаковъ, самые типическіе представители козачества, какіе существовали когда-либо. Съ тридцатыхъ же годовъ мѣсто отдѣльныхъ

безсвязныхъ вспышекъ заступаетъ систематическое движеніе, т. е. настоящая гайдамачина, главнымъ театромъ дѣйствій которой дѣлается Украина. Движеніе, которое началось съ сѣвера и запада, изъ малорусскихъ провинцій Польши, встрѣтилось съ могучимъ теченіемъ, направляющимся изъ Запорожскихъ степей, и было поглощено имъ, слилось съ нимъ въ одинъ потокъ, захватившій всѣ малорусскія области Польши. Каждую весну набѣгала на Польшу волна изъ степей: при благопріятныхъ условіяхъ она затопляла собою огромное пространство, при неблагопріятныхъ—замирала на равнинахъ Украины, но она была неизбѣжна, какъ весенній разливъ рѣкъ, и приносила съ собой опустошеніе и всякія бѣдствія для шляхты, католическаго духовенства и евреевъ—неизбѣжныхъ и незамѣнимыхъ пособниковъ шляхты.

Отъ устья Тясьмина въ Днѣпръ у Крылова до устья Синюхи въ Бугъ у Богополя широкой полосой тянулись Запорожскія степи, отдѣленныя отъ Польши лишь незначительными притоками Днѣпра и Буга, которые не представляли никакихъ препятствій для перехода гайдамацкихъ отрядовъ, и полосою лѣсовъ, которые всегда служили вѣрнымъ убѣжищемъ для гайдамаковъ и прикрывали ихъ переходъ черезъ границу. Только сѣверная полоса этихъ степей была заселена нѣсколько русскимъ правительствомъ, къ большому неудовольствію Запорожскаго товариства: все остальное было вольная и пустынная степь, гдѣ лишь изрѣдка попадались запорожскіе хутора, пасѣки и рыбныя ловли. Эти степныя пустыни давали пріютъ и пропитаніе цѣлому бродячему населенію совсѣмъ особаго характера: это былъ разнообразный людъ, отчасти выброшенный обществами сосѣднихъ странъ, главнымъ образомъ Польской и Русской Украины, отчасти самъ добровольно покинувшій родину въ поискахъ за новымъ и лучшимъ—были и прямо дурные, испорченные люди, но гораздо болѣе было разнаго рода неудачниковъ и искателей счастія. Гдѣ не бывали, чего не испытали эти аргаты и наемники, явившіеся за заработками на запорожскіе зимовники и рыбныя ловли! Вотъ, напр., показаніе одного изъ нихъ насчетъ своего прошлаго житья-бытья: «Родомъ изъ подъ Ровнаго, деревни пана Богуша (конечно, польская Украина доставляла и въ запорожскія степи наибольшій контингентъ бродячаго населенія). Нѣтъ ни отца, ни матери. Взялъ меня гречинъ за хлопца и завезъ въ Бахчисарай, набралъ тамъ товару, а расплатиться было нечѣмъ—вотъ онъ и заложилъ меня на годъ за 500 левовъ. Сидѣлъ я у турчина 12 лѣтъ. Потомъ турчинъ, какъ пришелъ его смертный часъ, пустилъ насъ всѣхъ, четырехъ бранцовъ, и пошли мы на перевозъ

Кинбурнскій до Очакова, а оттуда пошелъ на косы. Тамъ присталъ до козака, промышлявшаго рыбу неводомъ, и шилъ сапоги все прошлогоднее лѣто до Рождества. А оттуда пошелъ до Червоной на Большой Ингулъ—тамъ живетъ козакъ Лобъ, есть у него свой неводъ. Служилъ у того Лоба полгода. Оттуда пошли мы съ парубкомъ Алексѣемъ Сторожаченкомъ изъ Звиногродки и принялъ насъ къ себѣ ватажокъ „Деркачъ» и т. д. Однимъ словомъ, этотъ людъ, попавши въ запорожскую степь, вѣчно кочевалъ по ней, переходя, въ качествѣ овчаровъ и наймитовъ, съ одного зимовника на другой, въ качествѣ аргатовъ съ одной рыбной ловли на другую, съ Буга на Ингулъ, съ Ингула на Тилигульское озеро, на Кинбурнскую косу, на Лиманъ и т. д., пока не натыкался на ватажка-запорожца, который выводилъ эту безпріютную удаль изъ запорожскихъ пустынь въ населенныя польскія области. Этотъ бродячій элементъ Запорожскихъ степей, состоявшій въ значительной степени изъ тѣхъ же малорусскихъ крестьянъ, спасавшихся отъ польско-шляхетскихъ порядковъ, ложился первымъ наслоеніемъ около того основного ядра, которое образовывали настоящіе запорожскіе козаки. Какъ бы ни отнѣкивались кошевые съ ихъ канцеляріями передъ русскимъ правительствомъ отъ участія въ гайдамачинѣ, какъ бы краснорѣчиво и историки, напр., г. Скальковскій, ни оправдывали Запорожское товариство, сваливая всю вину на упомянутое бродячее населеніе степей, несомнѣнные факты изобличаютъ запорожское братство въ самомъ дѣятельномъ участіи въ организаціи и веденіи гайдамачины. Въ своемъ мѣстѣ мы разберемъ этотъ вопросъ обстоятельнѣе. Здѣсь же скажемъ только, что мы не обвиняемъ въ преступномъ увлеченіи чужими дѣлами кошевыхъ, выбираемыхъ подъ давленіемъ русскаго начальства, и вообще ту положительную часть запорожскаго общества, которая, обзаведшись зимовниками и разными сельско-хозяйственными приспособленіями, предпочитала спокойно и безъ риску пользоваться милостями русскаго правительства и увеличивать свое состояніе. Какъ всегда и вездѣ, «легкомысленными людми» (выраженіе, взятое нами изъ бумаги кошевого къ русскому начальству) оказывалась «сирома», холостое козачество, отбывающее службу Сѣчи за содержаніе отъ нея, не связанное ни семьями, ни имуществами, изъ тѣхъ, которые «що въ лями на рыбальняхъ или на звѣриной ловли загорують, то все то черезъ пьянство скоро и прочайкують», какъ объясняетъ въ своемъ чрезвычайно интересномъ «Устномъ повѣствованіи о нравахъ и обычаяхъ Запорожскихъ» запорожецъ Коржъ. И вотъ эта-то часть запорожскаго общества и

взяла на себя руководящую роль въ дѣлѣ малорусскаго хлопства; впрочемъ, и консервативная часть запорожскаго общества, кажется, съ участіемъ смотрѣла на это, какъ ни открещивались отъ всего кошевые въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. По крайней мѣрѣ, Коржъ, свидѣтель, во всѣхъ отношеніяхъ достойный вѣры, прямо говоритъ, что нѣкоторые куренные атаманы, самая вліятельная часть запорожской старшины, дѣлали поблажку запорожскимъ удальцамъ, которые, по большей части, ходили въ Польшу за вѣдомомъ куреня. «Когда, бывало, убирается ватажокъ», разсказываетъ Коржъ, «и проситъ у атамана козаковъ, то куренной атаманъ и приказываетъ ватажкови: «ну, братчику, гляди-жъ, чтобъ ты якого козака не утративъ, то тоди уже и до куреня не вертайся». Ватажокъ же, съ своей стороны, увѣряетъ атамана, что всѣ будутъ цѣлы. То есть куренные боялись одного — отвѣтственности передъ русскимъ начальствомъ и охотно покровительствовали удальцамъ, лишь бы все было шито-крыто. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь, и роль запорожцевъ въ гайдамачинѣ раскрывается въ сохранившихся историческихъ памятникахъ съ полной очевидностью.

Въ Запорожской Сѣчи должна была сильно обращаться общественная и политическая мысль. Къ Сѣчи былъ непрерывный притокъ люду съ разныхъ сторонъ; сами братчики не сидѣли на мѣстѣ. Помимо оффиціальныхъ сношеній, товариство было въ постоянномъ частномъ обращеніи, промышленномъ и торговомъ, съ народами сосѣднихъ странъ. Запорожцы ловили рыбу на турецкихъ границахъ, брали соль изъ татарскихъ озеръ, ѣздили по ярмаркамъ русской и польской Украинъ; торговали въ Молдавіи; изъ всѣхъ этихъ странъ пріѣзжали въ Запорожье за рыбой, солью, лошадьми, мѣхами, кожами и другими товарами; приплывали въ Сѣчь даже турецкія торговыя суда. Всѣ эти постоянныя сношенія съ разными странами и народами, при развитой общественной жизни, которая въ Запорожьѣ почти поглощала частную—въ Сѣчи собственно, какъ извѣстно, совсѣмъ не допускалась семья и жизнь устраивалась на коммунальныхъ началахъ—все это, говоримъ мы, должно было постоянно поддерживать между сѣчевымъ товариствомъ интересъ къ общественной и политической жизни сосѣдей и богатый запасъ знанія этой жизни. Если между русскимъ крестьянствомъ, напр., при настоящихъ неблагопріятныхъ условіяхъ его обстановки, все-таки постоянно обращается множество общественно-политическихъ слуховъ, то сколько ихъ и какъ быстро должно было циркулировать по запорожскимъ

степямъ съ ихъ центромъ Сѣчью! Интересъ къ слухамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быстрота ихъ обращенія страшно возрастали, когда дѣло шло о родномъ малорусскомъ народѣ, съ которымъ у Запорожья, кромѣ обычныхъ дѣловыхъ сношеній, были постоянныя родственныя и дружескія связи. Немудрено поэтому, что всякое новое стѣсненіе, какое накладывала шляхта на хлопство, всякая новая выходка ревнителя уніатства и католицизма противъ православія тотчасъ же облетали запорожскія степи, возбуждая негодованіе, злобу и жажду мщенія, какую можетъ возбуждать насиліе надъ роднымъ и близкимъ; всякая новая комбинація, возникающая на политическомъ горизонтѣ главнѣйшихъ сосѣднихъ странъ, отъ которыхъ зависѣла судьба малорусскаго народа, Россіи, Польши, отчасти Турціи,—война и миръ, перемѣны въ правленіи,—все это тотчасъ же обсуждалось и истолковывалось въ ихъ отношеніяхъ къ судьбамъ братьевъ, особенно тѣхъ, которые наиболѣе были угнетены, т. е. малорусскихъ хлоповъ польскаго государства. Не пора-ли покончить со всѣмъ этимъ? долженъ былъ то-и-дѣло возникать вопросъ у болѣе предпріимчивой части запорожскихъ братчиковъ, — тотъ проклятый вопросъ, который едва-ли могъ рѣшиться самъ для себя формулировать малорусскій хлопъ. Немудрено поэтому, что при тревожномъ, а потому и чуткомъ отношеніи къ дѣлу, всякая благопріятная для малорусскаго хлопства политическая комбинація подхватывалась въ запорожскихъ степяхъ и производила усиленную гайдамацкую агитацію. Каждый годъ вожаки сбирали свои отряды и ходили въ Польшу на гайдамацкіе подвиги, но въ годы, благопріятные политически, движеніе вдругъ принимало громадные размѣры. Запорожцы группировались около временныхъ атамановъ, ватажковъ, которыми дѣлались болѣе опытные, знающіе мѣстность и условія, при которыхъ придется дѣйствовать. Ватажки эти были, большею частью, такъ искусны въ своемъ дѣлѣ, что народъ считалъ ихъ «характерниками», т. е. знахарями, которыхъ не беретъ пуля, которые могутъ такъ очаровать людей, что проведутъ цѣлую шайку въ богатый панскій домъ между многочисленныхъ и вооруженныхъ часовыхъ, не возбудивъ никакой тревоги; конечно, тутъ искусству ватажка много помогало общее сочувствіе къ гайдамакамъ со стороны населенія, сочувствіе, которое дѣлало безполезнымъ пану стѣны его замка, пушки, его милицію, стражу и многочисленный дворъ. Затѣмъ по степямъ раздавался кличъ на ляховъ, который сбиралъ все бродячее населеніе степей въ опредѣленные пункты, на извѣстные хутора, зимовники или рыбныя ловли, гдѣ формировались запорож-

цами военные отряды. «Миргородскаго полку сеглобочныхъ сотенъ Крыловской и Цыбуловской разныхъ селъ и деревень жители, кои поселеніе свое имѣютъ въ волостяхъ Войска Запорожскаго, такъ что уже и къ казацкимъ запорожскимъ зимовникамъ весьма приближились», пишетъ кошевой въ одномъ изъ своихъ обычныхъ весеннихъ донесеній кіевскому генералъ-губернатору (изъ черниговскаго архива), «а сверхъ того, оставя своихъ женъ и дѣтей съ хуторовъ, овчары и наймиты, согласясь съ нѣкоторыми запорожскими козаками да и называющимися напрасно запорожцами, которые внутри Малой Россіи въ разныхъ городахъ и другихъ мѣстахъ за воровства и разбои содерживались въ секвестрахъ, бѣжавъ и прокрались за Днѣпръ (кошевой, по обыкновенію, старается свалить по возможности вину съ головы запорожцевъ на какихъ-то «называющихся напрасно запорожцами»), а иные отъ запорожскихъ козаковъ съ наймовъ же утекая и съ ними по степямъ бродятъ, и взявъ отъ вѣтра яко-бы по неякому указу отъ него, кошевого, и съ старшиною имъ повелѣно на поляковъ собираться и учиня легкомысленное разглашеніе въ немалыя части сбираются, яко-же много и собралось»... «А понеже онъ, кошевой, въ полученіи никакаго указа и ордера ни откуда о томъ не имѣетъ и повелѣнія такого отъ него, яко и отъ старшины его, имъ, вышеписаннымъ недобрымъ людямъ, не дано, но они сами по легкомыслію своему то разглашеніе чинили и въ партіи воровскія сбираются, то»... и т. д. Это писано было въ одинъ изъ бурныхъ годовъ—1750 г. Въ такіе годы, обыкновенно, появлялись и упорно ходили слухи объ указахъ кошевого и царскихъ грамотахъ, которыя должны были легализировать участіе запорожцевъ въ дѣлахъ малорусскаго хлопства.

Достаточно приволья было въ запорожскихъ степяхъ организоваться гайдамацкимъ отрядамъ. Правда, русское начальство очень подозрительно погдядывало на степи, но сбираться отрядамъ оно не могло помѣшать. Сѣчевыя власти, на глазахъ у которыхъ высился Новосѣченскій ретраншементъ съ русскимъ гарнизономъ, были далеко. Начальство Бугогардовой паланки, на глазахъ у котораго приводились въ исполненіе гайдамацкіе замыслы, смотрѣло на гайдамаковъ сквозь пальцы (владѣнія запорожскаго товариства дѣлились для управленія на нѣсколько областей или паланокъ; Гардъ на Бугѣ былъ главнымъ пунктомъ, гдѣ сосредоточивались рыбные промыслы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и администрація этой части степей): по крайней мѣрѣ, бугогардовые полковники, главные начальники паланки, постоянно обвиняются то русскими, то польскими властями въ по-

кровительствѣ гайдамакамъ. Да что было и дѣлать полковникамъ, какъ и прочей старшинѣ, когда общественное мнѣніе Сѣчи было на сторонѣ удальцевъ? Вѣдь вся эта старшина была выбираема вольными голосами, кромѣ кошевого, на выборъ котораго вліяла русская власть. Къ формировавшимся отрядамъ то-и-дѣло примыкалъ разный людъ: бѣглый крестьянинъ, промышленникъ, отправившійся за рыбой, надворный казакъ—все, что было предпріимчивѣе и могло урваться изъ-подъ надзора пановъ, заслышавъ завѣтный кликъ «на ляхивъ», шло въ степи, пополнять собою ряды формирующихся отрядовъ. Запорожцы всему этому придавали стройный видъ, подготовляя къ вторженію въ Польшу. Часто приходилось, прежде чѣмъ отправиться въ походъ, еще отряжать купы на розыски лошадей и необходимаго оружія. Лошадей раздобывали большею частью отъ ногайцевъ. Нѣсколько удальцовъ, приблизившись къ татарскимъ предѣламъ, переплывало пограничную рѣку и присматривало съ берега, не кочуетъ-ли гдѣ ногаецъ со стадомъ. Досмотрѣвшись, подкрадутся къ стаду въ высокой степной травѣ, покончатъ съ ногайцемъ—схватятъ того жеребца, который ведетъ стадо, сядетъ на него кто нибудь, крикнетъ и что есть духу летитъ къ рѣкѣ, а остальное стадо мчится вслѣдъ, подгоняемое другими гайдамаками. Такъ и снабжался конями отрядъ. Впрочемъ, въ случаѣ неудачи, обходились и безъ лошадей, разсчитывая, вполнѣ основательно, запастись всѣмъ необходимымъ, и лошадьми, и хорошимъ оружіемъ, на мѣстѣ, въ Польшѣ. А между тѣмъ, съ весной, масса богомольцевъ тянется къ Кіеву. Между женщинами и стариками попадается и молодежь изъ малорусскихъ хлоповъ, виднѣются и запорожскіе чубы. Не богомолье въ головѣ у этихъ удальцевъ: они слышали, что нѣчто готовится въ степяхъ, и надѣются, что найдутъ здѣсь случай снарядиться въ Польшу. Знаютъ они, что есть не мало доброхотовъ и въ самомъ Кіевѣ, которые не прочь помочь молодцамъ; но еще больше ихъ во владѣніяхъ монастырскихъ, въ средѣ самого кіевскаго монашества, которое, большею частью, находится въ близкихъ родственныхъ связяхъ съ малорусскимъ народомъ Польской Украины и горячо принимаетъ къ сердцу угнетенія православія отъ католиковъ и уніатовъ. Поэтому-то молодцы и не возвращаются съ богомолья, а расходятся въ видѣ послушниковъ и монастырскихъ слугъ, ремесленниковъ, рыболововъ и т. п. по монастырскимъ угодьямъ и владѣніямъ, отыскивая въ средѣ вліятельныхъ монаховъ подходящаго человѣка. И такой человѣкъ, котораго монашеская ряса не отдалила душой и сердцемъ отъ интересовъ угнетенныхъ

православныхъ его братьевъ, находится; находится изъ управителей монастырскихъ угодій, «городничихъ», какой нибудь от. Досифей, от. Даміанъ и т. д., который позволяетъ у себя собраться отряду, укрываетъ его, снабжаетъ всѣмъ необходимымъ, хлѣбомъ, оружіемъ, свинцомъ и порохомъ, и на дорогу даетъ гайдамакамъ свое иноческое благословеніе. Въ то же время и въ самой малорусской Польшѣ всюду возникаютъ небольшія шайки изъ смѣльчаковъ, готовыя пристать къ отрядамъ, когда они появятся, а при случаѣ дѣйствующія и самостоятельно.

А между тѣмъ хлопы чутко прислушиваются къ тому, что долетаетъ до нихъ изъ-за границы, изъ запорожскихъ степей и изъ Кіева, и ждутъ угрюмо, сосредоточенно. То тотъ, то другой исчезаетъ изъ села—безсемейные младшіе братья, сыновья. Чаще начинаютъ сбираться въ кучи, но не слышно громкаго говора, особенно въ шинкѣ крѣпко держатъ языкъ за зубами. Случается, у иного вырвется, въ пьяномъ видѣ или при горькой обидѣ, и угроза: вотъ ужо достанется жидамъ и ляхамъ! Но еще краснорѣчивѣе угрозъ молчаніе и зловѣщіе взгляды, которыми провожаютъ хлопы всѣхъ, кого считаютъ за враговъ. А тѣмъ, кого не считаютъ за враговъ, не прочь они дать и предостереженіе во-время, шепнуть при случаѣ какому нибудь ремесленнику, работающему на панскомъ дворѣ: «ты чужой человѣкъ, уходи съ панскаго двора, чтобъ и тебѣ чего не досталось; лучше будетъ, какъ уйдешь»... Ростутъ слухи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и хлопская дерзость: хлопы начинаютъ ходить со списами, стараясь показываться поближе къ панскому двору, стрѣляютъ, пьютъ и пируютъ, и начинаютъ производить разныя безобразія во владѣніяхъ сосѣднихъ пановъ—косятъ траву на ихъ сѣнокосахъ, ловятъ рыбу въ ихъ прудахъ и т. п. А то, потѣхи ради, чтобы попугать пановъ, устраиваютъ фальшивую тревогу, какъ описываетъ, напр., одна жалоба. «Неизвѣстно, со стороны-ли кто настроилъ тѣхъ быстрицкихъ подданныхъ, или они сами надумались своевольнымъ способомъ, пользуясь нынѣшними временами буйствующихъ своевольниковъ и гайдамаковъ, только они напали ночью на земли и поля свитиницкія, разгромили ночевавшее въ полѣ стадо стольника, перепугали коней и жеребцовъ, учинивши гукъ и шумъ по-гайдамацки, людей, которые сторожили стадо, хотѣли вязать и разогнали; разогнанные люди въ полночь прибѣжали къ свитиницкому двору и предостерегали панство свое отъ нападенія гайдамаковъ, которые стадо будто бы захватили: пораженная страхомъ семья вельможнаго стольника бросилась укрываться и пряталась цѣлую ночь, поразбро-

савши въ смятеніи разныя вещи, черезъ что немалый понесла убытокъ,—больше же всего сама вельможная пани стольникова, по случаю тревоги, не малый ущербъ понесла для своего здоровья»... Наконецъ, доходитъ чередъ и до своихъ пановъ: хлопы отказываются отбывать повинности, даже дровъ не хотятъ привезти на панскій дворъ, какъ жалуется одинъ обиженный владѣлецъ. А между тѣмъ слухи о приближающихся грозныхъ запорожскихъ отрядахъ все растутъ, хлопство волнуется кругомъ, то тамъ то сямъ крестьяне сами расправляются съ панами, гдѣ могутъ достать ихъ своими силами,—остальные ждутъ гайдамаковъ. Ждутъ ихъ и шляхтичи: кто видитъ признаки того, что буря разыграется сильная, убирается по добру по здорову въ болѣе безопасныя мѣста, въ глубь Польши, даже въ русскіе предѣлы; кто разсчитываетъ, что обойдется малымъ, старается обезопасить себя какъ нибудь на мѣстѣ. Сбираются шляхтичи на сеймики, на которыхъ съ свойственнымъ имъ краснорѣчіемъ, на своемъ варварскомъ языкѣ, гдѣ на два польскихъ слова приходится одно латинское, описываютъ, какъ хлопы, вслѣдствіе прирожденной имъ злости—innata malitia—«поднимаютъ руку на Рѣчь Посполитую и пановъ своихъ; имѣя достаточный кусокъ хлѣба и имущество, они тѣмъ не менѣе, презирая страхъ Божій, не взирая на повелѣнія Божіи, на права Рѣчи Посполитой, на христіанскую вѣру, на любовь къ ближнему—наѣзжаютъ на дворы, грабятъ, мучатъ, проливаютъ невинную кровь, забиваютъ до смерти съ жестокостью, занимаются грабежемъ, преступаютъ права не только государственныя, но и божескія». Ѣздятъ шляхтичи по гродамъ, вносятъ въ гродскія книги жалобы въ родѣ того, что «подданство нашего края, близкаго къ Украинѣ, подвергающагося всякой опасности черезъ гайдамацкія наглости, по природѣ своей наклонно къ всякимъ преступленіямъ, грабежамъ, убійствамъ, бунтамъ и постоянно оныхъ жаждетъ, чему и въ настоящее время, когда льются слезы и кровь, тысячи явилось примѣровъ. Во времена нынѣшняго смятенія, приводя себѣ на память печальныя дѣла своихъ предковъ, бунтовщики, особенно въ краяхъ пограничныхъ, задумали снова слѣдовать по тому же пути, ведущему къ вѣчной гибели. Гайдамацкій огонь, нѣсколько десятковъ лѣтъ погребенный въ пеплѣ» (это писалось въ началѣ гайдамацкаго движенія), «началъ снова раздуваться и выбрасывать искры, причиняющія пожары, что́ происходитъ не отъ какой иной причины, какъ отъ той, что хлопство, настроенное на всякія преступленія, нисколько не боится пановъ своихъ и ихъ управителей, которые не чинятъ никакого справедливаго возмездія

преступленіямъ и дѣлаютъ всякія поблажки, какъ недавно показалъ примѣръ»... слѣдуетъ жалоба на шляхтича-управляющаго, который яко-бы потворствуетъ своеволію крестьянъ, на самомъ же дѣлѣ только пользуется возбужденнымъ настроеніемъ подданства, чтобъ насолить сосѣду,—случаи, встрѣчавшіеся въ тѣ времена сплошь и рядомъ.

Но не всегда доступно было бѣднымъ шляхтичамъ даже это послѣднее утѣшеніе—излиться другъ передъ другомъ на сеймикѣ въ краснорѣчивыхъ фразахъ или внести въ гродскія актовыя книги жалобу безъ всякой надежды получить на нее какое-нибудь удовлетвореніе. Въ годы разыгравшагося гайдамацкаго движенія шляхтѣ не было проѣзду по дорогамъ, всякое сообщеніе прекращалось. Да и въ относительно мирное время шляхта не могла чувствовать себя въ дорогѣ сколько нибудь безопасной: уже не говоря о лѣсахъ и пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ всегда можно было натолкнуться на отдѣльную гайдамацкую шайку, даже проѣздомъ мимо селъ и деревень шляхтичи должны были вести себя крайне осторожно, чтобы не вызвать хлопской вспышки. Въ одномъ изъ актовъ сохранилась небезъинтересная жалоба пана на непріятности, которымъ подвергался онъ въ селѣ въ мирный годъ и зимой, когда гайдамацкое движеніе всегда затихало и улегались народныя страсти—жалоба, хорошо рисующая взаимныя отношенія пановъ и хлоповъ и вообще положеніе края. Ѣдучи изъ украинскихъ имѣній въ Овручъ на сессію земскихъ судовъ кіевскаго воеводства, истецъ, житомірскій гродскій судья, послалъ въ одно село впереди себя сына, который, не найдя на дорогѣ корчмы, приказалъ ввести лошадей въ конюшню хлопа—безцеремонность истинно панская. Хлопы, собравшись съ палками и рушницами, выгнали лошадей изъ конюшни и чуть не убили панскаго сына. Когда-жъ надъѣхалъ самъ вельможный судья житомірскій, конечно, какъ водится, съ многочисленной свитой, то хлопы собрались со всякимъ оружіемъ—палками, шестами, топорами, бердышами, рушницами, до сельскаго войта, тамъ устроили совѣщаніе, какъ приняться за пріѣзжихъ—надо думать, что панская челядь раздражила чѣмъ-нибудь хлоповъ, хотя жалоба объ этомъ умалчиваетъ; войтъ же, вмѣсто того, чтобъ успокоить волненіе, разослалъ своего брата отъ хаты до хаты сзывать весь народъ. Хлопы этого села были люди, выражаясь словами жалобы, «привычные до разныхъ бунтовъ, смятеній и насилій, какъ-то: нападеній на шляхетскіе дворы, захватыванія шляхты по дорогамъ и т. п., и вспоминая свои мятежническіе поступки,—такъ какъ изъ этихъ имѣній много находилось бунтовщиковъ, которые въ недав-

нее время шляхту схватывали по дорогамъ, били и вязали къ дубамъ, что доказано судебнымъ разслѣдованіемъ,—жаждали новыхъ убійствъ»... Когда панъ послалъ къ войту одного изъ своихъ придворныхъ, хлопы бросились на него, и самъ войтъ ударилъ его, приговаривая обычную формулу, которою выражали хлопы свой мятежный духъ: «еще намъ ляхи не паны»! Остальные хлопы, бросившись на посланнаго, начали его бить на смерть палками и шестами, волочить его по землѣ, non parcendo statui nobilitari, какъ выражается актъ. Потомъ также напали на панскаго кучера, еще захватили придворнаго и тоже его искалѣчили, и уже направились къ самому пану, когда тамошній священникъ съ арендаторомъ вступили и начали убѣждать народъ прекратить расправу. Народъ сдался на увѣщанія; однако, «для большаго поруганія истца», говоритъ жалоба, «хлопы побрались съ женами своими и другими женщинами за руки, утѣшаясь своими непозволительными поступками, кричали около мѣстонахожденія истца, шумѣли, плясали и иныя несносныя дѣйствія чинили». И такъ, шляхтѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ опасностью, остается одно—выжидать, не пройдетъ-ли мимо приближающаяся гроза. Правда, польскія команды могли быть извѣщены въ свое время объ опасности и растягивались по границѣ, пытаясь предупредить вторженіе гайдамацкихъ отрядовъ. Но помѣшать перейти гайдамакамъ было такъ же трудно, какъ помѣшать перелетѣть птицамъ: команды никогда не могли устеречь, въ какой точкѣ вынырнутъ гайдамацкіе отряды по другой сторонѣ лѣсной полосы. Одинъ изъ регментарей доносилъ, что между Уманемъ и Лебединомъ нѣтъ никакой возможности охранять страну; а не устережешь ихъ тутъ, поди—лови, когда они помчатся вихремъ по странѣ, то раздѣляясь на мелкія кучки, то соединяясь опять, то пропадая, точно будто проваливаясь сквозь землю, то появляясь тамъ, гдѣ ихъ никто и не думалъ ожидать. И не распущенному слабому польскому войску было бы не подъ силу справиться съ гайдамацкими шайками. Кони у гайдамаковъ были чрезвычайно быстрые, прекрасно приспособившіеся къ степямъ; въ искусствѣ верховой ѣзды оборванные и грязные степные рыцари никакъ не уступали изящному турнирному польскому рыцарству. А на счетъ гайдамацкой храбрости, умѣнья биться, ловкости и находчивости, вотъ что говоритъ въ своемъ сочиненіи «Opis obyczayów i zwyczayów za panowania Augusta III» ксендзъ Китовичъ, писатель не только не пристрастный къ гайдамакамъ, но, напротивъ, враждебно противъ нихъ настроенный. «Одинъ гайдамакъ, ворвавшись между поляковъ, могъ въ одинъ моментъ разогнать ихъ сорокъ человѣкъ,

нанося каждому изъ нихъ или рану или смерть... На пятьдесятъ гайдамакъ надо было нашихъ двѣсти - триста и болѣе, чтобы съ ними справиться; никогда они не поддались бы равной или только немного большей силѣ». «Съ пѣшими гайдамаками, разсказываетъ Китовичъ, справиться польскому войску было еще труднѣе, чѣмъ съ конными. Они укрывались въ высокой травѣ украинскихъ степей и стрѣляли по войску, не будучи видимы. Если войско обступало ихъ кругомъ, то защищались такъ отчаянно, что часто поляки отступали, потерпѣвъ жестокія потери, или гайдамаки и сами, дождавшись ночи, проскользали между поляками. Если подъѣздъ польскій такъ близко надъѣзжалъ гайдамаковъ, что имъ нельзя уже было уходить далѣе, они становились въ ряды и, снявши шапку, отдавали поклоны полякамъ, а потомъ начинали биться—что дѣлали частью по дерзости своей, частью, чтобы придать себѣ мужества». А вѣрнѣе, что такимъ образомъ гайдамаки издѣвались надъ тѣми обычными формами изысканной вѣжливости, которыми всегда гордилась шляхта.

Дѣлало или нѣтъ польское войско какія нибудь попытки предупредить вторженіе гайдамакъ, они все-таки разсыпались сначала по Украинѣ, а оттуда и по другимъ русскимъ областямъ, эти обычные лѣтніе гости. Все принимаетъ военный видъ. Надворные козаки день и ночь стерегутъ своихъ пановъ за стѣнами замковъ и замочковъ, что не мѣшаетъ имъ однако перевѣдываться втихомолку съ сѣчевыми гостями; въ городахъ, каждую ночь половина жителей, въ полномъ вооруженіи, съ барабанами и литаврами, сторожитъ на улицахъ, что также не мѣшаетъ многимъ изъ обывателей поджидать гостей съ нетерпѣніемъ. Менѣе состоятельная шляхта и жиды-арендаторы, кому нельзя укрыться ни за стѣны, ни за вооруженную стражу, передъ заходомъ солнца уходятъ изъ дому, укрывши имущество, и прячутся въ степи, скрываясь одинъ отъ другого—мужъ отъ жены, жена отъ мужа, отецъ и мать отъ дѣтей, дѣти отъ родителей и другъ отъ друга, чтобы страхъ смерти и боль истязанія не заставили одного выдать мѣстонахожденіе другихъ. Не весело, надо думать, жилось всѣмъ хлопскимъ господамъ на Украинѣ, когда гостили въ ней эти гости...

Непривлекательны были на видъ гайдамаки, особенно для избалованнаго дворянскаго глаза; недаромъ же они внушали шляхтѣ такое органическое отвращеніе, что благородные дворяне, когда заходила рѣчь о гайдамакахъ, всегда обращались къ самымъ избраннымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, чтобъ выразить, какъ имъ претитъ эта гайдамацкая сволочь. Грубая черная рубаха, пропитанная

козлинымъ жиромъ въ видѣ предосторожности отъ насѣкомыхъ, холщевые шаровары, сверхъ рубашки до колѣнъ кунтушъ изъ телячьей кожи съ шерстью, рукава съ огромными вылетами, висячими или заложенными на плечи, на головѣ шапка изъ такой же кожи въ видѣ остроконечнаго мѣшка, съ концомъ, висящимъ на правую сторону, на ногахъ сапоги соотвѣтствующаго вида; списъ (копье) и самопалъ, какъ вооруженіе, деревянныя стремена лошадей, ременная или портяная тоненькая уздечка довершала уборъ гайдамаковъ. Описаніе гайдамацкой внѣшности, которое оставилъ намъ тотъ же Китовичъ, дополняется еще такимъ типическимъ признакомъ, какъ запущенные усы и закрученные за ухо чубы, по которымъ нельзя не признать запорожцевъ. Какая разница между видомъ этихъ хлопскихъ рыцарей съ одной стороны и защитниками шляхты, панцырными и гусарскими хоругвями въ ихъ богатыхъ и театральныхъ нарядахъ, яркоцвѣтныхъ и блестящихъ серебромъ, золотомъ и дорогими каменьями, съ развѣвающимися страусовыми перьями и леопардовыми шкурами! Но хлопы уже давно успѣли выйти изъ-подъ импонирующаго вліянія внѣшняго блеска, и дорогое оружіе, блестящіе патронташи и пояса служили только лишней приманкой для гайдамакъ, которые не любили возвращаться домой безъ добычи. Часто случалось, что сѣчевики возвращались въ степь, разубранные, какъ польскіе рыцари — магнатъ Любомірскій не погнушался одѣть на себя саблю, снятую при пораженіи гайдамакъ съ ватажка Чортоуса (Записки о Южной Руси, Кулиша, т. 2-й) — хотя это не мѣшало степовикамъ на слѣдующій годъ возвращаться въ Польшу въ томъ же первобытномъ видѣ. Ватажки особенно отличались храбростью и умѣньемъ заполучить цѣнную добычу; не даромъ же и поляки считали ихъ характерниками, на которыхъ нельзя выходить на-просто, а необходимо принять нѣкоторыя предосторожности, напр., отлить пули на свяченой пшеницѣ. А то простыя пули, какъ увѣряли поляки, отскакивали отъ такихъ ватажковъ-знахарей какъ горохъ, онъ ихъ сметалъ съ себя рукой, хотя бы онѣ сыпались градомъ.

Когда по странѣ разсыпались гайдамацкіе отряды, хлопы различнымъ образомъ отзывались на броженіе. Въ годы сильнаго движенія они поднимались громадами и расправлялись съ панами. Но чаще они только выдѣляли изъ себя сильный контингентъ въ гайдамаки, который или заблаговременно, еще въ степи и Кіевскомъ округѣ, присоединялся къ гайдамацкимъ купамъ, или приставалъ къ нимъ въ то время, какъ онѣ разсыпались по странѣ, или, наконецъ, самъ образовывалъ небольшія гайдамацкія шайки. Чаще

всего хлопы приставали къ гайдамакамъ въ то время, какъ тѣ появлялись въ Польшѣ. «Ты меня, батько, не удержишь, я съ ними пойду», говорили отцамъ сыновья, стремясь пристать къ гайдамацкой купѣ; отцы удерживали сыновей, но лишь затѣмъ, чтобы самимъ отправиться вмѣсто нихъ въ походъ. Случалось, что хлопы приставали къ гайдамакамъ насильно, несмотря на нежеланіе послѣднихъ принять ихъ. Хлопы, которые не могли, конечно, управляться съ оружіемъ такъ успѣшно, какъ степовики, чаще употреблялись на предварительныя развѣдыванія — разглядѣть, гдѣ что дѣлается, гдѣ стоятъ поляки, гдѣ можно сдѣлать нападеніе? При самомъ нападеніи они сторожатъ коней и т. п. Но часто хлопы отличались наравнѣ съ самыми завзятыми запорожцами.

Но и помимо прямого, непосредственнаго участія въ гайдамацкихъ предпріятіяхъ, хлопы находили тысячи способовъ помогать гайдамакамъ. Гайдамаки дѣйствовали не въ непріятельской странѣ: все имъ было извѣстно, все къ ихъ услугамъ. Конечно, польскіе хлопы на глазахъ у пановъ не могли вступать съ гайдамаками въ открытыя сношенія, какъ это дѣлали, несмотря на строгости начальства, жители той заднѣпровской русской полосы, лежавшей между Запорожьемъ и польскими владѣніями (сѣверная часть нынѣшняго Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.), которая съ 1680 г. принадлежала Россіи и куда входилъ знаменитый Черный Лѣсъ, одно изъ главныхъ гайдамацкихъ прибѣжищъ. Въ одномъ указѣ, извлеченномъ нами изъ черниговскаго архива, разсказывается «какъ въ заднѣпрскихъ и около оныхъ степныхъ и лѣсныхъ мѣстахъ весьма гайдамаковъ умножилось, и какъ-де видимо есть все оные гайдамаки изъ запорожскихъ казаковъ, которые и съ тамошними обывателями имѣютъ сообщеніе и другія продерзости... Изъ оныхъ же гайдамаковъ болѣе двухсотъ человѣкъ запорожскихъ козаковъ жили Цыбулевской сотни надъ селомъ Уховкою, а обыватели онаго села въ поимкѣ ихъ никакого вспоможенія драгунамъ не чинили, но имъ, гайдамакамъ, вино и всякій харчъ носили, а ѣдущіе изъ села и въ село съ тѣми гайдамаками, остановясь, разговариваютъ»... Конечно, польскіе хлопы не могли такъ открыто заявлять о своихъ связяхъ съ гайдамаками, если дѣло не доходило до общаго хлопскаго бунта, но за то тайно помогали имъ, какъ только могли и умѣли. Благодаря хлопамъ, гайдамаки ходили по чужой и незнакомой имъ странѣ такъ свободно, какъ по своей родной: хлопы проводили ихъ по самымъ удобнымъ и скрытнымъ дорогамъ къ панскимъ имѣніямъ, указывали укромныя мѣста, гдѣ бы можно было

переждать и укрыться въ случаѣ опасности и т. д. Но, конечно, и проводить гайдамаковъ хлопамъ не всегда удавалось безопасно: въ случаѣ подозрѣнія ихъ ожидала жестокая казнь. На какія хитрости пускались хлопы, чтобъ помочь гайдамакамъ и избѣгнуть опасности, показываетъ случай, разсказанный въ собраніи Актовъ о гайдамакахъ, на стр. 526—7. Хлопъ вызывается проводить шайку, но говоритъ: «возьмите съ меня поясъ, свяжите мнѣ руки и ведите, чтобы знакомые люди не говорили, что я добровольно васъ веду». Такъ и сдѣлали гайдамаки. Онъ привелъ ихъ въ лѣсъ, неподалеку отъ имѣнія, на которое они хотѣли напасть, и затѣмъ сказалъ: «сидите тутъ, я пойду до Народичъ (названіе имѣнія) и посмотрю, есть-ли или нѣтъ стражи? Если есть, то я приду на дорогу недалеко отъ васъ и поставлю маленькій крестикъ, а на немъ положу двѣ зарубки, а если нѣтъ и будетъ удобное время напасть, положу три зарубки». Четыре дня сидѣли гайдамаки и ждали, наконецъ, дождались, что на крестикѣ появилось три зарубки, значитъ, можно въ слѣдующую ночь устроить нападеніе. А между тѣмъ вельможный панъ и староста имѣнія собралъ людей и пошелъ на гайдамакъ, взявъ въ проводники того же самаго хлопа, чтобы онъ ихъ провелъ къ гайдамакамъ; понятно, что хлопъ провелъ ихъ мимо, завелъ въ какой-то лѣсъ, который они весь перешарили и не нашли, конечно, ничего; такъ и разошлись съ пустыми руками. Гайдамаки же, воспользовавшись суматохой, обработали свое дѣло. Такъ дѣйствовали хлопы въ пользу гайдамакъ, конечно, съ большимъ рискомъ для себя. Они предупреждали гайдамакъ объ опасности, давали всякіе совѣты и указанія. Они снабжали ихъ съѣстными припасами; войтъ самъ иногда обходилъ хаты и собиралъ провизію для гайдамакъ; присылали имъ хлѣбъ, муку, рыбу и т. п. въ лѣсъ, а случалось гайдамаки и сами являлись въ село за угощеніемъ. Впрочемъ, гайдамаки, когда имѣли деньги, расплачивались за взятое. Только такимъ содѣйствіемъ хлоповъ объясняется удача гайдамацкихъ шаекъ, часто почти невѣроятная: какъ они незамѣтно прокрадываются и внезапно нападаютъ на панскіе дворы, укрываются гдѣ-нибудь въ камышѣ вблизи села посреди густо заселенной мѣстности, ускользаютъ въ самыхъ затруднительныхъ случаяхъ отъ польскихъ командъ, точно проваливаясь сквозь землю и т. д. Исчезли гайдамаки при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ имъ, по всѣмъ соображеніямъ, никакъ нельзя было исчезнуть—смотришь, на какомъ нибудь хуторѣ появились новые наймиты, которые неизвѣстно откуда взялись. Преслѣдовала польская конница верховыхъ гайдамакъ, ко-

торые Богъ знаетъ куда попроваливались безъ всякаго слѣда—смотришь, на крестьянскомъ дворѣ появляются какія-то заморенныя, заѣзженныя лошади; или съ осени появляется въ крестьянской семьѣ новый членъ семьи—неизвѣстно откуда взявшійся родственникъ,—который на весну опять исчезаетъ и т. д. Трудно было бороться съ силой, которую такъ поддерживалъ своимъ сочувствіемъ народъ, еслибъ даже онъ en masse и не принималъ прямого участія въ движеніи, трудно даже и не полякамъ. Это общее сочувствіе побудило польское военное начальство въ 1737 г. издать такой универсалъ для мѣстъ, охваченныхъ гайдамацкимъ движеніемъ: что если на какой-либо городъ, мѣстечко или село напали гайдамаки въ количествѣ, не превышающемъ треть жителей, а тѣ не дали имъ отпора и позволили грабить или дали провіантъ, то эти жители будутъ сочтены за гайдамакъ.

Какъ бы ни были велики силы гайдамакъ, они рѣдко дѣйствовали большими отрядами. Въ-разсыпную имъ было несравненно сподручнѣе: и больше краю можно было захватить такимъ образомъ, и укрыться было легче, и не было риску понести большую потерю, если натыкались на значительную силу регулярнаго войска. Конечно, если бы польское войско было многочисленнѣе и дѣятельнѣе, а гайдамаки не имѣли такой поддержки въ населеніи, которая была въ состояніи часто сдѣлать невидимкой небольшой отрядъ гайдамакъ на глазахъ у польской команды—тогда былъ бы другой разговоръ. Но какъ обстояло дѣло теперь—для гайдамакъ всѣ шансы успѣха были именно въ такого рода дѣйствіяхъ, небольшими шайками. Потому гайдамаки соединялись въ большіе отряды лишь для такихъ исключительныхъ случаевъ, когда нужно было, напр., аттаковать замокъ, что гайдамаки дѣлали рѣдко: слишкомъ рискованное было дѣло при ихъ средствахъ. Въ актахъ только одинъ разъ встрѣчается описаніе удачной атаки замка—да и то, вѣроятно, нехитрый былъ замокъ—въ Погребищахъ, въ 1738 г., соединенными отрядами ватажковъ Хорька, Жилы, Гривы и Медвѣдя: «приступили до замка, гдѣ съ вечера цѣлую ночь штурмовали, стрѣляли и добывали замокъ; а потомъ, посовѣтовавшись, приступили къ мирнымъ переговорамъ и согласились на 200 червонныхъ злотыхъ, которые и получили; а потомъ, какъ бы отступивши, снова всѣ бросились и, окруживши его, одни стрѣляли, другіе вырубали пали, и добыли замокъ...» Гайдамаки тутъ осрамились нарушеніемъ слова; но не надо забывать, что они имѣли дѣло съ поляками, которые сами не признавали ни за хлопами, ни за ихъ мстителями никакихъ правъ

и никогда не считали ихъ воюющей стороной. Въ этой атакѣ встрѣчаемъ мы въ дѣйствіи пятьсотъ гайдамакъ; въ другомъ случаѣ упоминается о стычкѣ польскихъ отрядовъ съ шестью стами гайдамакъ. Но это исключительные случаи. Постоянно упоминаются въ актахъ лишь незначительныя купы. Не говоря уже о небольшихъ панскихъ имѣніяхъ, даже на города нападали гайдамаки отрядами въ нѣсколько десятковъ человѣкъ: весь разсчетъ ихъ успѣха держался на внезапности нападенія, для котораго они выбирали почти всегда ночь, и на сочувствіи извѣстной части населенія, которая, вмѣсто противодѣйствія, оказывала имъ поддержку. Такъ что болѣе типичными для гайдамацкаго образа военныхъ дѣйствій именно и надо считать дѣйствія небольшихъ отрядовъ.

Гайдамацкая купа, иногда еще не вступая въ польскіе предѣлы, намѣчала себѣ главный пунктъ своего похода. Это было въ такихъ случаяхъ, когда въ средѣ купы находились люди изъ тѣхъ мѣстъ, куда гайдамаки надумывались отправиться: они-то и проводили купу въ опредѣленный, хорошо извѣстный имъ пунктъ. Напр., въ 1750 г. для нападенія на мѣстечко Володарку отправилась партія, которая образовалась въ Гарду по иниціативѣ пріѣхавшихъ туда володарскихъ жителей; одинъ изъ этихъ жителей былъ и ватажкомъ, такъ какъ онъ зналъ всѣ способы и удобные случаи, какъ разбить Володарку. Въ другихъ же случаяхъ уже на мѣстѣ въ Польшѣ рѣшалось, куда направиться: хлопы, которые приставали къ шайкѣ, вели ее въ знакомыя мѣста, или гайдамаки и прямо доставали свѣдѣнія разспрашиваніемъ встрѣчныхъ доброжелателей. Проводниками шайки, случалось, дѣлались и шляхтичи, конечно, не по своей волѣ. Направляясь къ извѣстному пункту, отрядъ принималъ всѣ мѣры, чтобъ по возможности не распустить о себѣ вѣстей заблаговременно, не дать врагу приготовиться къ встрѣчѣ. Поэтому шли они со всякой осторожностью. Но не всегда можно было избѣгнуть непріятныхъ встрѣчъ; приходилось выходить на дороги и приближаться къ населеннымъ мѣстностямъ, такъ какъ гайдамаки не могли везти съ собой провіанту, а должны были забирать его на мѣстѣ. Вотъ натолкнется отрядъ на ненадежныхъ людей—какъ тутъ быть? Дѣйствовали разно, смотря по обстоятельствамъ. Если люди попадались завѣдомо опасные—что-нибудь пахнущее жидомъ или шляхтичемъ, то гайдамаки или прибѣгали къ кровавой расправѣ, а если не хотѣли ея почему-либо, то раздѣвали встрѣчныхъ, связывали старательно и укладывали гдѣ-нибудь въ оврагѣ въ сторонѣ отъ дороги; если попадались люди просто ненадежные, то или брали клятву,

что не будутъ разглашать о ихъ появленіи ничего, и отпускали, или забирали ихъ съ собой до тѣхъ поръ, пока можно будетъ ихъ отпустить безопасно, и т. д. Приблизившись къ опредѣленному пункту, гайдамаки укрывались въ лѣсу, въ лозахъ, въ камышѣ, выжидая удобнаго ночного времени для нападенія.

Панскій дворъ, жидовская корчма, католическій монастырь равно привлекали къ себѣ гайдамацкое нападеніе. Его сопровождали грабежъ и истребленіе, оскорбленія и истязанія, наконецъ, убійство. Впрочемъ, убійства далеко не всегда сопровождали дѣйствія гайдамакъ. Они дѣлались общимъ правиломъ только при сильныхъ движеніяхъ, когда передъ народомъ ярко возставала надежда совсѣмъ освободиться отъ лядскаго ига—понятно, что тогда на сцену выступало поголовное истребленіе, какъ надежный путь къ завѣтной цѣли. «Что то за козакъ, что позади его остаются жиды и ляхи!» дѣлалось руководящей идеей гайдамакъ, которые въ такіе моменты цѣликомъ сливались со всѣмъ хлопскимъ населеніемъ Польши. Но въ годы болѣе мирные, когда не было надежды на общее движеніе, могущее привести къ конечнымъ результатамъ, гайдамаками руководило больше желаніе поживиться насчетъ ляховъ и жидовъ и потѣшиться надъ ними, сорвать сердце. Убійства тогда совершались относительно рѣдко, напр., когда панъ очень насолитъ своимъ хлопамъ—и гайдамаки расправлялись по ихъ просьбѣ, или при отчаянной оборонѣ и т. п.; многіе гайдамаки съ полнымъ правомъ могли сказать, что на ихъ рукахъ не было ни одного пятнышка человѣческой крови. Но замѣчательно, что даже въ тѣ годы, когда щадили ляховъ,—часто расправлялись на смерть съ жидами. Неизвѣстно, чѣмъ это объяснить—большой ли ненавистью къ жидамъ, съ эксплуататорствомъ которыхъ хлопъ сталкивался ежеминутно, такъ какъ панъ не могъ шагу ступить безъ жида, который продѣлывалъ вмѣсто него всякія штуки, религіозными ли предубѣжденіями, или просто тѣмъ, что жидовъ было больше, а слѣдовательно и бить ихъ было больше случаевъ: вѣрнѣе, что всѣмъ этимъ вмѣстѣ. Одно несомнѣнно, что жидовъ убивали больше и убивали даже ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ и дѣтей, чего не встрѣчаемъ въ актахъ относительно поляковъ. Никогда въ описаніи нападеній на шляхетскіе дворы и на шляхту—хотя эти описанія дѣлались самою шляхтой, которая по психологической необходимости сгущала краски,—не встрѣчаемъ мы ничего равнаго по жестокости съ такими короткими и не цвѣтистыми описаніями: «Въ 1743 году въ маѣ, весной, 14 гайдамакъ съ ватажкомъ Игнаткой сдѣлали

нападеніе на мѣстечко Звиногродку, ворвались въ домъ арендатора, повязали сторожей, жену арендатора Ицка мучили, пробили въ трехъ мѣстахъ внутренности списомъ, другую винницкую жидовку, которая была беременна, навылетъ пробили и дитя въ ней забили, молодую дочь 13 лѣтъ два раза пробили ножемъ на вылетъ и на смерть замучили, другую дочь пяти лѣтъ на вѣки искалѣчили...» Или: «невѣрныхъ Ашора, Лейбову дочь, арендарку, пекарку вдову Носониху, мать и двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, однихъ вытащивши изъ хатъ, другихъ отъискавши въ лѣсахъ, гдѣ они скрывались, съ жестокостью позабивали; убитую Носониху съ дѣтьми бросили въ лѣсѣ, гдѣ потомъ Иванъ, пасѣчникъ вельможнаго пана Манковскаго, нашедъ ихъ обнаженныхъ, тамъ же въ лѣсѣ похоронилъ, а Гринько, коморникъ Глинянаго, нашедши въ хатѣ малыхъ дѣтей жидовки Носонихи, убѣгшихъ и заброшенныхъ, такимъ же жестокимъ образомъ билъ бычачьей костью, и за неживыхъ бросилъ въ ровъ, гдѣ ихъ люди нашли на другой день и едва съ ними отводились...» Только въ перечнѣ 90 дворянъ, убитыхъ въ 1734 г.—годъ большого волненія и поголовнаго истребленія—въ Брацлавскомъ воеводствѣ встрѣчаемъ мы, между прочимъ: «мучено пани Мосаковскую и застрѣлено дѣтей», «вельможную пани Грохольскую жесточайше замучено», «забито ея мость пани Погорѣльскую съ ребенкомъ у груди», «забито ея мость панну Маріанну Полятовскую трехъ лѣтъ». Но затѣмъ во всѣхъ многочисленныхъ описаніяхъ нападеній на шляхетскіе дворы, какія встрѣчаемъ въ актахъ, не находимъ ни одного случая убійства женщины или ребенка. Такъ что постоянныя восклицанія шляхты о «страшныхъ убійствахъ, взывающихъ къ Богу о справедливомъ отмщеніи» и о другихъ невозможныхъ гайдамацкихъ неистовствахъ, слишкомъ часто только реторическія украшенія, которыя всегда такъ любила шляхта. Правда, гайдамаки всегда не прочь, если встрѣтится удобный случай, поиздѣваться надъ панами и заставить ихъ испробовать того, чѣмъ тѣ подчивали хлоповъ: бьютъ ихъ канчуками, бросаютъ ихъ на землю и пинаютъ ногами, пугаютъ саблями и ружьями, одѣнутъ ради издѣвательства веревку на шею и поводятъ такъ, но насчетъ какихъ-нибудь утонченныхъ жестокостей въ актахъ нѣтъ и помину. Католическое духовенство было на этотъ счетъ менѣе счастливо: въ 1734 г. гайдамаки съ сотникомъ Гривой истязали іезуитовъ винницкой коллегіи, вѣшали ихъ за ноги и т. п. Вообще, по отношенію къ католическому и уніатскому духовенству гайдамаки повидимому выказывали больше ожесточенія, хотя и тутъ нельзя не на-

звать преувеличенными жалобы на гайдамакъ, которые будто бы «разливаютъ кровь священниковъ, посвященную Богу, и разрушаютъ святыни Божіи съ поношеніемъ католической вѣры». Впрочемъ, фанатическая шляхта больше всего возмущалась той безбожеской дерзостью, съ которою гайдамаки учиняли при захватѣ церквей и монастырей разныя святотатства, напр., horret animus cogitare, выбрасывали изъ чашъ св. дары и т. п. А такія святотатства гайдамаки, дѣйствительно, дѣлали постоянно, когда представлялась возможность, считая это повидимому мщеніемъ за постоянныя оскорбленія религіознаго чувства, которыя испытывали хлопы отъ шляхты и польскаго духовенства. Священные сосуды и одежды, книги, органы—все или уничтожается или забирается въ видѣ добычи, при чемъ гайдамаки, конечно, не упускали случая выказать все свое презрѣніе къ святынѣ своихъ враговъ.

Увы! вандалы не щадятъ даже математическихъ инструментовъ, которые находятъ у ученыхъ іезуитовъ винницкой коллегіи. И то сказать, хлопамъ негдѣ было научиться уважать науку; даже простая письменность являлась имъ чѣмъ-то враждебнымъ. Да и что мудренаго? Для хлопа все писанное отожествлялось съ тѣми безчисленными актами и документами, на которые указывали паны, подкладывая тяжести на хлопскую спину; всякая бумага казалась хлопу лишнимъ звѣномъ цѣпи, его сковывавшей. Понятна поэтому та ожесточенная ненависть, какую проявляли гайдамаки по отношенію ко всѣмъ попадавшимся имъ документамъ. Они истреблялись самымъ неистовымъ образомъ. «Всякія права» (т. е. правовые акты), описываетъ жалоба, занесенная въ актовыя градскія книги, «завѣщанія, дарственныя записи, контракты, инвентари, регистры, пергаменты и разные документы, касающіеся упомянутыхъ и др. имѣній, съ немалыми издержками и трудомъ добытые изъ разныхъ гродовъ, книгъ и актовъ, а также тяжебное дѣло... и иные — все сожжено: зажгли въ избѣ и на дворѣ солому и все до-чиста попалили, остальное въ печь побросали»... Въ другой жалобѣ разсказывается, что документы гайдамаки отнесли въ винницу и тамъ спалили ихъ въ котловыхъ печахъ; еще далѣе—какъ побросали ихъ въ грязь и топтали конями, рвали и бросали на-вѣтеръ и т. д. Кажется, уничтоженіе документовъ довольно общее явленіе при народныхъ движеніяхъ—по крайней мѣрѣ, такъ было и въ пугачевщину, такъ было и во времена германскихъ крестьянскихъ войнъ: печальный признакъ того, какими сторонами поворачивается къ народу цивилизація.

Изъ сказаннаго выше видно, что гайдамацкое движеніе въ цѣломъ совсѣмъ не было такъ кроваво, какъ привыкли его представлять по такимъ его образчикамъ, какъ уманская рѣзня. Массовыя истребленія дворянства, евреевъ и ксендзовъ случались лишь въ исключительные годы, когда такія истребленія казались народу дѣломъ политической необходимости—конечно, и страсти разыгрывались въ такіе моменты, народъ не могъ бы произвести бойню по одному разсчету. Но въ другое время національная ненависть и мщеніе рѣдко доводили народъ до большихъ крайностей. Если дѣло шло не о нападеніи посторонней шайки, а о домашнемъ волненіи хлоповъ, то шляхтичи, случалось, и сами находились, какъ предупредить крайности: заявляли хлопамъ свое сочувствіе и готовность съ ними вмѣстѣ дѣйствовать, позволяли имъ, чтобы отвести душу, расправиться съ какимъ нибудь проѣзжимъ ляхомъ, побить его и забрать его имущество, «шобъ було на що горилки выпить» или вели хлоповъ на имѣніе сосѣдняго пана — чтожъ будешь дѣлать? «Гдѣ нельзя перескочить, надо подлѣзть», выражался насчетъ своего образа дѣйствій такой шляхтичъ. А расходившійся народъ ворвется въ панское имѣніе, разнесетъ стѣны, окна и двери, и конюшни, и пивницы, и кухни, потолчетъ печи, пообдираетъ желѣзо, скобы и крюки, попалитъ на угли кузнецамъ еврейскіе дома, разнесетъ изъ панскихъ амбаровъ горохъ, солодъ, гусиное перо — и уляжется его сердце. На убійство народъ идетъ всегда неохотно—кто его знаетъ, не взять бы грѣха на душу;—совсѣмъ иное дѣло — панское имущество, нажитое его собственнымъ, народнымъ хребтомъ и руками. Никакихъ задерживающихъ представленій о провиденціальномъ значеніи высшаго класса у малорусскихъ хлоповъ не могло быть по отношенію къ своимъ панамъ и потому онъ приступалъ къ панскому имуществу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ еврейскому, съ спокойной совѣстью, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній. Поэтому-то паны и евреи часто оставались цѣлы и невредимы, но всегда несли имущественный ущербъ. Каждое лѣто масса цѣнностей переходила изъ рукъ пановъ и евреевъ въ руки гайдамакъ, черезъ которыя она или уходила въ степи и русскія владѣнія, или расходилась по хлопамъ. Гайдамаки всегда возвращались изъ своихъ предпріятій съ панскими лошадьми, нагруженными дорогимъ оружіемъ, хорошимъ платьемъ, разными цѣнными, но не громоздкими вещами, которыя можно было увезти безъ большихъ затрудненій. Иногда гайдамакамъ удавалось захватывать чрезвычайно богатую добычу; такъ, при взятіи замка въ Погребищахъ все захваченное ими оцѣнивалось въ

сумму 400,000 злотыхъ. Добыча эта обыкновенно тутъ же дѣлилась, по крайней мѣрѣ деньги. «Когда начали между собою дѣлить», разсказываетъ одинъ присутствовавшій при такомъ дѣлежѣ уланъ, «начали высыпать деньги, которыя я видѣлъ: одинъ высыпалъ восемьдесятъ червонныхъ злотыхъ, другой рублями и талерами—было ихъ тридцать, третій шостаками битыми высыпалъ и сосчиталъ двадцать талеровъ; когда высыпали деньги, начали оцѣнивать коней, тутъ же забранныхъ, которыхъ коней было одиннадцать, и который конь не стоилъ двухсотъ злотыхъ, докладывалъ до коня по пяти-шести рублей, чтобы каждый конь шелъ въ равной долѣ—въ двѣсти злотыхъ. А забранныя платья, мѣха, драгоцѣнныя вещи, огнестрѣльное оружіе и пояса навьючили на шесть коней; это платье, драгоцѣнныя вещи, пояса, мѣха и оружіе забрали: первый—Өедоръ Пучка, другой—Грицько Лысый полтавскаго куреня, третій — Степанъ Чорный: олова штукъ сорокъ взяли, въ мѣшкахъ уложили на лошадей»... Хлопу, который помогалъ при этомъ нападеніи, хотя и не принималъ въ немъ прямого участія, выдѣлили пять червонныхъ злотыхъ и вильчуру, крытую краснымъ сукномъ. Повидимому, гайдамаки дѣлились поровну, не дѣлая особыхъ выдѣловъ на ватажковъ. Но относительно гайдамакъ изъ запорожцевъ, упомянутый выше Коржъ говоритъ, что они дѣлили добычу на три пая: одинъ пай дѣлился между собой, другой шелъ на ватажка, третій—на курень.

Наступаетъ осень. Довольно погуляли гайдамацкіе отряды, довольно на этотъ годъ подрожали отъ страху и поплатились паны и евреи; разсѣеваются гайдамаки. Хлопы расходятся по домамъ, надѣясь на то, что громада скроетъ ихъ отсутствіе и, въ случаѣ надобности, удостовѣритъ, что ручается за надежность такого-то члена громады, который никогда не былъ замѣшанъ въ гайдамацкихъ буйствахъ; да и паны, хоть и скрежетали зубами на хлоповъ, но не особенно спѣшили отдавать своихъ работниковъ въ руки правосудія, изъ которыхъ уже онъ угодитъ не иначе, какъ на висѣлицу или палю. Вопить передъ властями о жесточайшихъ наказаніяхъ для бунтовщиковъ, о примѣрныхъ истязаніяхъ, при мысли о которыхъ дрожали бы хлопы—это было одно дѣло; а показывать эти примѣры на своихъ хлопахъ—было совсѣмъ другое: рабочія руки такъ рѣдки и дороги въ этихъ ужасныхъ украинскихъ областяхъ, роскошная земля и такъ приноситъ въ панскіе карманы лишь незначительную часть доходовъ, какіе бы она могла приносить, да и тѣмъ приходится дѣлиться съ гайдамаками. Панъ такъ нуждался въ рабочихъ

рукахъ, что нерѣдко готовъ былъ принять даже посторонняго гайдамаку къ себѣ за работника, если тотъ, какъ нерѣдко случалось, задумывалъ не идти на зиму въ степь, а оставаться въ хатѣ до весны,—тѣмъ болѣе готовъ, что собственные его хлопы часто уходили съ гайдамаками въ степь. Все это такъ; но за то, если какой нибудь гайдамакъ, или просто хлопъ, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ гайдамаками, хотя бы по какому нибудь пустому поводу, напр., по тому, что у него ночевали гайдамаки, или что нашли у него какую нибудь ложечку, попадался въ руки правосудія, оно мстило на его головѣ за все, мстило жестоко, неумолимо, злорадно. Судебное слѣдствіе сопровождалось жестокими пытками, и дѣло почти всегда кончалось смертною казнью: легкое наказаніе—отрубятъ голову или повѣсятъ, дальше шли ужасныя пали, самая распространенная казнь, и четвертованія. Пали — это было слѣдующее, по описанію современника. Обнаженнаго гайдамака клали на землю, лицомъ къ ней. Палачъ втыкалъ въ него снизу острый колъ, такъ называемую палю, потомъ припрягалъ къ ногамъ преступника пару воловъ въ ярмѣ и медленно втягивалъ его на палю, наблюдая, чтобы она шла прямо. Посадивши гайдамаку на палю, а случалось и двухъ на одну, когда преступниковъ было много, а паль мало, поднимали ее вверхъ и вкапывали въ землю. Если паля выходила прямо головой или затылкомъ, гайдамака скоро умиралъ; если плечемъ или бокомъ—жилъ на палѣ до третьяго дня. Китовичъ, на котораго мы уже ссылались выше, разсказываетъ удивителныя вещи о томъ невѣроятномъ терпѣніи, съ которымъ иные гайдамаки выносили эту ужасную казнь. «Бывали, говоритъ, такіе, которые, вмѣсто того, чтобы стонать отъ боли, кричали палачу, управляющему втягиваніемъ пали: «криво идетъ паля, майстру», точно будто не чувствовали никакой боли, подобно тому, какъ бы обували на ногу тѣсный сапогъ». Иные, сидя на пали, просили горѣлки и пили. «Гайдамаки, разсказываетъ еще Китовичъ, не только не усмирялись черезъ такія ужасныя мученія, но, напротивъ, считали какъ бы за нѣкоторое геройство покончить на палѣ, и когда одинъ братался съ другимъ въ компаніи за горѣлкой, то говорилъ ему: «щобъ намъ съ тобой на одній пали торчать». Это, вѣроятно, разсказывается о гайдамакахъ изъ запорожцевъ: запорожцы, дѣйствительно, включали въ свой идеалъ козака высшую степень презрѣнія къ физическимъ страданіямъ. Можно сказать, что поляки не только не оставались въ долгу, а возвращали долгъ сторицей.

Что же дѣлаютъ, между тѣмъ, польскія команды? Онѣ никогда

не могли предупредить вторженія гайдамакъ, не могли также остановить ихъ, когда они кружились по странѣ: «исчезаютъ прежде, чѣмъ появится войско, и слѣдъ взять, за малой величиной ихъ купъ, крайне трудно», заявляютъ начальники командъ. Одна надежда была у польскихъ командъ — захватить гайдамакъ на обратномъ пути, когда они возвращались въ степи, нагруженные добычей: «батовки», т. е. караваны навьюченныхъ лошадей, вьючныя телѣги, волы и овцы, которыхъ гайдамаки, случалось, гнали передъ собой,—все это, конечно, должно было страшно замедлять ихъ движенія. Польскимъ командамъ тутъ нерѣдко помогали надворные козаки, которые не прочь были заставить гайдамакъ подѣлиться добычей, хотя не предпринимали противъ нихъ ничего серьезнаго: «надворные козаки не преслѣдовали никогда настояще своихъ братьевъ», говоритъ Китовичъ, «развѣ уже тогда, когда дѣло дѣлалось слишкомъ открыто на глазахъ польскаго начальника; чуть же нѣсколько подальше отъ глазъ, то козаки съ гайдамаками снюхивались, какъ волки съ собаками, порожденными отъ волчицы и пса, и расходились каждый въ свою сторону». Но для шляхты мало было пользы, если имущество ея переходило въ руки надворныхъ козаковъ—они никогда его не возвращали по принадлежности, считая своей военной добычей. Не легко, однако, было вырвать добычу отъ гайдамакъ. Только значительно превышающій численностью отрядъ рѣшался напасть на гайдамацкую купу, да и тутъ, случалось, гайдамаки не только спасались сами, но спасали и добычу: ихъ выручала отчаянная храбрость, которая не знала отступленія и выражалась въ ихъ боевомъ кликѣ: «або добуты, або дома не буты». Поэтому даже въ польскихъ извѣстіяхъ, печатавшихся въ свое время въ польскихъ газетахъ, гораздо рѣже встрѣчаются извѣстія объ удачныхъ стычкахъ съ гайдамаками, чѣмъ о томъ, что гайдамаки ушли благополучно въ степи, за-границу, гдѣ ихъ уже не могли преслѣдовать польскія команды. Впрочемъ, молодежь изъ пограничнаго польскаго дворянства, которая иногда устраивала охоты на гайдамакъ, вторгалась въ Запорожскія степи, но она больше мстила за свои обиды на невинныхъ запорожскихъ зимовникахъ и рыбныхъ ловляхъ, чѣмъ на самыхъ гайдамакахъ.

И такъ, кто изъ гайдамакъ не оставался на мѣстѣ, въ Польшѣ, уходилъ за границу, большею частью въ степи. Одни расходились по волостямъ запорожскаго войска—въ Сѣчь, въ Гардъ, по хуторамъ, зимовникамъ и рыбнымъ ловлямъ, чтобы при случаѣ снова отправиться въ Польшу. Другіе совсѣмъ не расходились, а держа-

лись въ степи, близъ границы, постоянно вторгаясь за граничную черту, нападая на пограничные города, мѣстечки и деревни, угоняя лошадей и другой скотъ. Гайдамаки устраивали себѣ въ удобномъ мѣстѣ лагерь—обсѣкались и оставались себѣ зимовать, пока не придетъ время отправиться въ походъ. Одинъ разъ мы встрѣчаемъ такой лагерь около Тарговицы — пограничнаго польскаго мѣстечка; другой разъ, русское начальство извѣщаетъ, что 130 человѣкъ гайдамаковъ сдѣлали около себя зарубъ на плавнѣ рѣки Космахи и зимуютъ, забирая по зимовникамъ съѣстные припасы. Но чаще всего упоминается о лагеряхъ гайдамацкихъ подъ Чернымъ лѣсомъ. Черный лѣсъ и близкій къ нему Чута были мѣстностями очень замѣчательными въ исторіи гайдамацкихъ похожденій. Чернымъ лѣсомъ называется лѣсная полоса сѣверной части теперешняго Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, входившая въ составъ русскихъ владѣній. Дремучій лѣсъ, большою частью дубовый, тянулся тамъ верстъ на 30 отъ востока къ западу и верстъ на 15 отъ юга къ сѣверу—было гдѣ укрыться гайдамакамъ. Глубокіе овраги, балки пересѣкали его въ разныхъ направленіяхъ. Нѣсколько рѣчекъ и степныя озера могли въ изобиліи снабжать и водой и рыбой; на лѣсныхъ полянахъ было вдоволь корму для лошадей. Этотъ-то Черный лѣсъ, дальше къ западу Кучманскій, наконецъ, другой Черный, доходящій до береговъ Буга,—вся эта пограничная лѣсная полоса точно нарочно создана была тутъ, чтобы скрывать гайдамаковъ, съ ихъ кошами, сѣчами, городками, кишлами, отъ польскихъ и русскихъ военныхъ силъ, отъ надзора и распоряженій сѣчевого начальства.

IV.

Во все продолженіе долгаго царствованія Августа II, шляхетское общество Польской Украины могло быть спокойно. Козачества уже не было. Отъ хлоповъ, беззащитныхъ, разрозненныхъ, отданныхъ обычаями и законами Рѣчи Посполитой въ полное и безконтрольное распоряженіе шляхты, польское общество не привыкло ждать протеста,—не ждало его и не боялось. Правда, вулканъ, на которомъ расположилось общество, постоянно дымился и выбрасывалъ искры, но кто зналъ, что онѣ означали! Были ли это послѣдніе отголоски уже пронесшейся бури, за которыми должна была наступить мертвая тишина мертвой стихіи, тишина, какой наслаждалось уже не одно

столѣтіе шляхетство коренной Польши? Были ли это признаки новой растущей грозы? По свойственному людямъ оптимизму, польское общество, если задавало себѣ на этотъ счетъ какіе-либо вопросы, то должно было рѣшать ихъ самымъ успокоительнымъ для себя образомъ. Можетъ быть, оно было даже и право, рѣшая такъ, право въ томъ смыслѣ, что едва ли можно было отъ хлопства, въ томъ положеніи, въ какомъ оно находилось, всецѣло предоставленнаго самому себѣ, ожидать самостоятельнаго серьезнаго движенія. Но граждане Рѣчи посполитой не принимали во вниманіе того, что ихъ собственная государственная анархія всегда могла вызвать такую комбинацію обстоятельствъ, которая расчистила бы поле и сообщила импульсъ революціоннымъ наклонностямъ народа. Такъ и случилось въ 1734 году, который долженъ былъ убѣдить шляхетское общество, что хлопское недовольство не только не расположено обратиться въ пассивное состояніе терпѣнія, а, напротивъ, лишь ждетъ удобнаго момента, чтобъ разразиться активнымъ сопротивленіемъ, энергической борьбой.

1733—4 гг. былъ для Польши одною изъ тѣхъ смутныхъ эпохъ, которыя пестрятъ исторію этой страны подъ названіемъ междуцарствій. Августъ II, который былъ поставленъ на тронъ и держался на немъ руками Россіи, умеръ. Избирательный сеймъ—августа 1733 г.—распался вслѣдствіе того, что явилось два претендента и двѣ партіи, поддерживаемыя иностранными правительствами: польское большинство съ Франціей и Станиславомъ Лещинскимъ, меньшинство съ Россіей и сыномъ покойнаго короля, курфюрстомъ саксонскимъ, провозглашеннымъ своею партіей королемъ подъ именемъ Августа III. Наступилъ одинъ изъ обычныхъ для Польши періодовъ всеобщей катавасіи, полнаго упраздненія права и господства грубой физической силы,—нѣчто такое, что̀ переноситъ воображеніе въ тѣ первобытныя общества, которыя не умѣютъ ступить шагу безъ помощи кулака. Какъ неизбѣжное deus-ex-machina, въ концѣ 1733 года, вступили въ предѣлы Рѣчи посполитой и русскія войска.

Общее хаотическое состояніе Польши отразилось, конечно, и на ея малорусскихъ областяхъ. Значительное большинство шляхты этихъ областей было на сторонѣ Лещинскаго,—вообще, шляхта, питавшаяся отъ малорусскаго хлопства, была очень склонна къ политическимъ настроеніямъ, враждебнымъ Россіи. Уже въ концѣ 1733 года въ малорусскихъ воеводствахъ Польши—Волынскомъ, Кіевскомъ, Подольскомъ и Браславскомъ—образовались сильныя конфедераціи сторонниковъ Лещинскаго. Но въ этихъ же воеводствахъ находи-

лось много магнатскихъ латифундій, а ихъ владѣльцы принадлежали, большою частью, къ русской партіи, выдвигавшей курфюрста саксонскаго. Началась борьба между шляхтой и магнатствомъ, борьба, въ которую вмѣшались и русскія военныя силы.

Хлопы не могли остаться безучастными зрителями всего этого, еслибы даже и хотѣли. Панству, у котораго разыгрались воинственныя и политическія страсти, было не до расчетовъ и соображеній насчетъ будущаго: хватаясь за всякое сподручное средство, чтобъ насолить врагамъ, оно само волновало крестьянъ чужихъ имѣній, возбуждая ихъ противъ владѣльцевъ, или вооружало своихъ собственныхъ хлоповъ, чтобы съ ихъ помощью напасть на какого нибудь врага-сосѣда. Паны еще не знали на собственномъ горькомъ опытѣ, что значитъ дать ножъ въ руки хлопу и какъ трудно, разъ давши, отобрать его назадъ. И такъ, хлопы не могли остаться въ бездѣйствіи, еслибъ и хотѣли; но зная сколько-нибудь ихъ недавнее прошлое и настоящее, легко можно было сообразить, что при наступившихъ политическихъ усложненіяхъ они и не захотятъ этого—только современники, такіе недальновидные, какъ польскіе паны, и къ тому же ослѣпленные страстями разыгравшейся борьбы, могли этого не предвидѣть. Вмѣстѣ съ русскими войсками, которыя двигались внутрь Польши—такъ какъ главнымъ средоточіемъ военныхъ дѣйствій былъ Данцигъ, гдѣ заперся Лещинскій—появились въ украинныхъ воеводствахъ Польши и остались тамъ дѣйствовать противъ согласниковъ Лещинскаго малорусскіе лѣвобережные козаки, и что еще важнѣе—появились запорожцы, которые въ это самое время возвращались изъ турецкаго подданства снова подъ власть Россіи. Могли ли хлопы остаться индифферентными, когда увидали, что ихъ братья по происхожденію и симпатіямъ, съ которыми только недавно разлучила ихъ воля дипломатіи, принялись расправляться съ ненавистными панами? Этого нельзя было и предположить. Конечно, настоящія политическія пружины, двигавшія событіями, были народу, по обыкновенію, неизвѣстны. Но самый фактъ такъ сильно поражалъ народъ своею очевидностью, настолько согласовался съ его тайными желаніями и симпатіями, что въ народномъ сознаніи причины вытекали изъ факта съ полнѣйшей и неотразимой убѣдительностью. Что могло заставить русскихъ и козаковъ явиться въ Польшу и приняться за расправу съ панами? Конечно, ничто иное, какъ желаніе освободить ихъ изъ подъ власти пановъ-ляховъ. Кто бы могъ разувѣрить въ этомъ хлоповъ? Лѣвобережные или запорожскіе козаки могли bona fide поддерживать хлоповъ въ ихъ

заблужденіи; московскому или даже и козацкому военному начальству былъ прямой расчетъ не открывать хлопству глазъ на смыслъ событій, еслибъ оно и могло это сдѣлать. Все способствовало тому, чтобы фикція укрѣпилась и созрѣла: увлекаемый ея обольстительнымъ миражемъ, народъ началъ рвать свои цѣпи и бросился впередъ очертя голову...

Крестьянство заволновалось уже съ конца 1733 г., одновременно со вступленіемъ русскихъ войскъ въ польскіе предѣлы: перестало платить свои постылые чинши и осепы и начало разбѣгаться съ мѣстъ. Это начало движенія наблюдаемъ мы въ кіевскомъ воеводствѣ, въ которомъ, конечно, прежде всего появились русскія войска и заднѣпрскіе козаки. Но уже въ началѣ 1734 г., въ первые же весенніе мѣсяцы этого года, волненіе разлилось почти до границъ Галиціи, охвативъ всю территорію украинскихъ воеводствъ—разъ сообщенъ уже ему былъ толчокъ, оно разливалось само собой. Хлопы всюду не только «ломали ярмо повиновенія», но «осмѣливались даже по-непріятельски поднимать оружіе противъ пановъ своихъ». Шляхта и евреи, «чтобъ избѣгнуть вѣрной своей смерти», бѣгутъ, кто можетъ, въ болѣе безопасныя мѣста, укрываются въ лѣсахъ и т. п. Начинается истребленіе пановъ и жидовъ, раззоренія, грабежи, пожары и всякія опустошенія. Крестьянство, по обыкновенію, начинаетъ распоряжаться панскими лѣсами, лугами и другими угодьями. Все, что поудалѣе, идетъ въ козаки.

Здѣсь надо намъ будетъ остановиться на одномъ интересномъ фактѣ, рѣзко отмѣчающемъ собою движеніе 1734-го года. Но для ясности надо будетъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ. Всѣмъ извѣстно, что революціонныя движенія малорусскаго парода начались съ конца XVI столѣтія и тянулись черезъ XVII, имѣя то видъ простыхъ волненій, мятежей или бунтовъ, то разыгрываясь въ настоящія войны за независимость. Это были движенія по преимуществу козацкія. Крестьянство ихъ поддерживало своимъ сочувствіемъ, такъ какъ въ политической независимости равно были заинтересованы оба сословія, и выдвигало изъ своей среды наиболѣе активную часть, которая непосредственно сливалась съ козаками для защиты общаго дѣла, «шла въ козаки», но все-таки окраску движеніямъ придавалъ элементъ козацкій, а не крестьянскій. Съ уничтоженіемъ козачества на правомъ берегу, хлопство оказалось предоставленнымъ самому себѣ. Все движеніе XVIII вѣка, которое мы знаемъ подъ именемъ гайдамачины, есть движеніе исключительно хлопское. Участіе запорожскаго козачества имѣло значеніе совершенно подчиненное, служебное,

само цѣликомъ окрашивалось въ тонъ движенія хлопскаго. 1734 годъ представляетъ первую массовую попытку малорусскаго хлопства приняться за рѣшеніе своихъ политическихъ и соціальныхъ задачъ. Однако, старыя традиціи козачества были еще такъ живы въ памяти народной, что и для настоящаго движенія народъ не могъ создать иной формы, какъ то же исконное «хожденіе въ козаки». Но въ какіе же козаки идти, когда нѣтъ больше козаковъ? Лѣвобережные козаки, дѣйствующіе въ качествѣ русскаго войска, не могли служить кадромъ для хлопства. Запорожцы не принимали дѣятельнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ 1734 года, такъ какъ были заняты собственными дѣлами, переводомъ своего коша изъ Турціи, изъ Алешекъ, на р. Подпольную, гдѣ устраивали новую сѣчь. Та часть ихъ, которая была отряжена въ Польшу, дѣйствовала тамъ съ кошевымъ, и потому запорожцы не могли дѣйствовать такъ свободно, какъ тогда, когда они являлись съ своими ватажками. Правда, и тутъ мы находимъ факты, что запорожцы приглашаютъ съ собой хлоповъ «на погулянье», и хлопы идутъ, чтобы дѣйствовать съ ними за-одно, но запорожцы еще не дѣлаются средоточіемъ хлопскаго движенія. На этотъ разъ хлопство само изъ себя выдвигаетъ козацкую организацію, и вотъ этимъ то фактомъ и характеризуется движеніе 1734 года.

Въ предыдущей статьѣ мы остановились на томъ, какое значеніе имѣетъ при народныхъ движеніяхъ существованіе готоваго ядра, примыкая къ которому хаотическое броженіе мало-по-малу переходитъ въ систематическое дѣйствіе. Исторія 1734 года показываетъ, какъ иногда общее захватывающее настроеніе выдвигаетъ въ качествѣ такого ядра элементы, повидимому, совсѣмъ не способные къ такой роли, которую они выполняютъ, однако же, съ полнымъ успѣхомъ—такъ велика возбуждающая сила общаго настроенія. Въ 1734 году роль такого ядра сыграли волошскія надворныя милиціи нѣкоторыхъ магнатовъ, особенно князей Любомірскихъ. Въ началѣ XVIII столѣтія, когда Поднѣстрье запустѣло наряду съ другими украинскими областями Польши, старосты и владѣльцы большихъ имѣній начали перезывать для заселенія этихъ прекрасныхъ плодородныхъ пустынь крестьянъ изъ Молдавіи. Крестьяне шли изъ-за Днѣпра, привлекаемые льготными условіями, и поселялись подъ именемъ волоховъ. Изъ этихъ-то волоховъ владѣльцы образовывали постоянныя надворныя милиціи. Но сходство соціальнаго положенія перевысило національную разницу, и волохи не только оказались на сторонѣ хлопства, но даже сдѣлались со своей военной организаціей

центромъ, около котораго стало группироваться движеніе крестьянъ сначала въ Брацлавщинѣ, а потомъ и дальше, по западной части Украины. Волошскія милиціи вмѣшались въ дѣло сначала, конечно, по распоряженію владѣльцевъ, сторонниковъ русской партіи; но владѣльцы меньше всего на свѣтѣ могли желать, чтобъ онѣ стали въ центрѣ организаціи новыхъ козацкихъ полковъ изъ хлоповъ, какъ оказалось на дѣлѣ.

Брацлавщина, Подоль, вообще приднѣпровская Украина, хорошо помнили еще Палѣевыхъ козаковъ, помнили знаменитаго «полковника его королевской мости», Шпака (1702—1710), который исколесилъ съ своими козаками вдоль и поперекъ всю Подоль и Брацлавщину, поднялъ на ноги Поднѣстровье отъ Ягорлыка по Китай-городъ, доходилъ до самыхъ стѣнъ неприступнаго Каменца и слалъ письма его коменданту съ наказомъ, чтобы не преслѣдовалъ люду. Многіе должны были еще помнить, какъ усмирялъ Поднѣстровье Сѣнявскій, какъ катъ снималъ головы козакамъ, пойманнымъ съ оружіемъ въ рукахъ, и много пожилыхъ хлоповъ надвигали на лѣвый бокъ свои шапки, чтобы скрыть недостачу лѣваго уха. Польскій писатель Отвиновскій свидѣтельствуетъ, впрочемъ, кажется, очень преувеличенно, что послѣ этого послѣдняго козацкаго движанія 70,000 поднѣстрскихъ хлоповъ «шельмовано» было отсѣченіемъ лѣваго уха, такъ какъ берегли работниковъ и не допускали правосудіе наказывать ихъ смертью. Козацкія преданія были еще совсѣмъ свѣжи. И вотъ Брацлавщина дѣлается въ 1734 году главнымъ средоточіемъ движенія, которое отсюда направляется на Подоль, подхваченное, впрочемъ, предупредившими его мѣстными крестьянскими волненіями, и достигаетъ Кременецкаго повѣта Волынскаго воеводства. Во главѣ движенія и новой козацкой организаціи становится нѣкто Верланъ, начальникъ надворной волошской милиціи князей Любомірскихъ въ Шаргородѣ, «наказной полковникъ козацкій», какъ его титуловали по старымъ козацкимъ преданіямъ.

Что́ дало первый толчокъ этому движенію—не видно. Въ показаніяхъ плѣнныхъ гайдамакъ единодушно говорится о какомъ-то ординансѣ, который будто-бы получилъ Верланъ отъ русскаго полковника Полянскаго изъ Умани, дѣйствовавшаго по царскому указу. Можетъ быть, Полянскій дѣйствительно разсылалъ какой нибудь циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ милицій, приглашая ихъ къ совмѣстному дѣйствію противъ шляхтичей партіи Лещинскаго; а можетъ быть, это было одно изъ отраженій того мифическаго царскаго указа, который всегда выступалъ на сцену во время силь-

ныхъ народныхъ движеній. Одинъ изъ плѣнныхъ гайдамакъ—они называли себя тогда, какъ и поляки ихъ называли, козаками—передаетъ яко-бы дословно начало этого ординанса Верлану: «Ея Императорскаго Величества и прочая, и прочая, и прочая. Даю ему команду по указу Ея Императорскаго Величества надъ волохами, казаками и сербами, чтобы служили Ея Императорскому Величеству до смерти...» Получалъ-ли что-нибудь Верланъ или не получалъ, только онъ съ видимой энергіей началъ формировать свой новый козацкій полкъ. Онъ приглашалъ дѣйствовать вмѣстѣ начальниковъ другихъ надворныхъ милицій и даже принуждалъ ихъ къ этому силой,—зазывалъ чиншевую шляхту и всякаго, кого считалъ способнымъ «идти до бунтовъ»; но главный центръ тяжести лежалъ, конечно, не въ этомъ людѣ, приставшемъ случайно, то изъ страха, то изъ желанія погулять, и даже не въ надворныхъ милиціяхъ, которыя давали только кадры для формирующихся отрядовъ, а въ крестьянахъ, прямо, можно сказать, хлынувшихъ въ козаки, въ ряды новаго козацкаго полка. Дѣло закипѣло.

Въ самомъ концѣ мая Верланъ выступилъ къ Боршадѣ во главѣ ста тридцати коней, набранныхъ имъ въ Шарогродщизнѣ и въ Ключѣ Рашковскомъ, имѣніяхъ князей Любомірскихъ, а уже черезъ двѣ недѣли, въ половинѣ іюня, онъ стоялъ лагеремъ подъ Перекоринцами, гдѣ въ его войскѣ считалось тысяча человѣкъ волоховъ. Волохами называлось его войско, состоящее изъ винниковъ, пасѣчниковъ и хлоповъ-бунтовщиковъ, также волоховъ (молдаванъ) и нѣсколькихъ сербовъ, въ отличіе отъ другихъ козацкихъ войскъ. Кромѣ главныхъ силъ, у него еще были распущены загоны для захвата ляшскаго скота на продовольствіе войску и для защиты дружественныхъ мѣстностей отъ непріятельскаго роззоренія. Войско его росло съ каждымъ днемъ. Онъ призывалъ къ себѣ хлоповъ, и къ нему «ежедневно начали сбираться все бóльшія и большія своевольныя купы. Хлопы или сами шли въ лагерь къ Верлану, или приставали къ нему, «гдѣ только шло его войско черезъ какія нибудь имѣнія»; у робкихъ и нерѣшительныхъ его козаки забирали имущество, которое возвращалось, когда они являлись на службу въ новый козацкій полкъ. Войско его не было безпорядочнымъ сборищемъ—оно имѣло настоящую козацкую организацію, какъ показываетъ одинъ сохранившійся компутовый реестръ команды ротмистра Стефана Кифы,—реестръ, который нашли поляки послѣ удачной стычки съ однимъ изъ загоновъ Верланова полка: въ этой стычкѣ взятъ былъ въ плѣнъ и писарь, который велъ сначала реестръ, а потомъ, «какъ

стало на зовъ все больше и больше сбираться народу, уже не писалъ дальше реестра и, побросавши писарство, пошелъ въ товарищи». Сколько можно судить по реестру, въ войскѣ была войсковая старшина, носившая на польскій манеръ титулы ротмистровъ, поручиковъ и хорунжихъ, и рядовое товариство, или чернь, подѣленная на десятки. Въ десятки эти соединялись, вѣроятно, хлопы по мѣстамъ своего происхожденія, такъ какъ десятки всѣ носятъ названіе разныхъ селъ, деревень или мѣстечекъ. Надъ каждымъ десяткомъ стоялъ десятникъ. На найденномъ реестрѣ есть подпись полковника Верлана подъ распоряженіемъ о мѣрахъ для поддержанія порядка въ войскѣ. Распоряженіе это такого содержанія: «Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества войска назначается его милости пану Стефану ротмистру и командѣ его, десятникамъ и войску его, непослушнымъ кара войсковая: кто осмѣлится безъ вѣдома десятника и войска отлучиться, на таковаго кара пятьдесятъ кіевъ и передъ значкомъ три дня пѣшкомъ идти и воды гарнецъ выпити. Которая кара назначается всѣмъ офицерамъ и десятникамъ и черни».

Въ самомъ началѣ своего похода, съ Бершады, Верланъ двинулся на Умань, гдѣ онъ, по свидѣтельству сохранившихся актовъ, присягалъ, вѣроятно, передъ полковникомъ Полянскимъ, вмѣстѣ со всѣми при немъ бывшими «воевать на иноземцовъ, т. е. на ляховъ, при достоинствѣ Ея Милости Императрицы, даже до смерти живота своего». Присягалъ онъ, конечно, въ качествѣ начальника надворной милиціи вмѣстѣ съ другими такими же начальниками, между которыми поименовывается сотникъ Савва изъ Комаргрода, имѣнія князя Четвертинскаго, тотъ извѣстный Савва Чалый, надъ которымъ такъ прихотливо разыгралась капризная фантазія нашихъ историковъ гайдамачины—г. Скальковскаго, а особенно г. Мордовцева. Но этой присягой, кажется, и ограничиваются всѣ отношенія Верлана и его козацкаго полка къ русскимъ. Мы никогда не видимъ ихъ въ дѣйствіи вмѣстѣ съ русскими. «Сколько москвы въ Межибожѣ?» спрашиваютъ поляки у одного изъ плѣнныхъ верлановыхъ козаковъ—отвѣтъ: не слышалъ, потому что «не бываетъ отъ нихъ въ нашемъ обозѣ никакихъ извѣстій». Вновь формирующееся на зовъ Верлана козацкое войско не приводятъ уже къ присягѣ, хотя старшина и отвѣчаетъ на вопросы подчиненныхъ, что они пойдутъ къ Гусятину, гдѣ будутъ присягать передъ княземъ, подъ которымъ, вѣроятно, подразумѣвался ландграфъ гессенъ-гомбургскій, главнокомандующій русскихъ войскъ, «князь Гессенъ Петембургскій», какъ называетъ его Верланъ въ одномъ своемъ сохранив-

шемся письмѣ. Нельзя и предположить, чтобъ русскіе могли отнестись съ одобреніемъ къ затѣямъ Верлана, особенно когда увидѣли, какъ закипѣло хлопство. Главнокомандующій издалъ очень внушительный манифестъ, направленный противъ своевольныхъ людей, и едва-ли кто могъ, съ точки зрѣнія русскаго военнаго начальства, съ большимъ правомъ подходить подъ понятіе людей своевольныхъ, какъ мятежные хлопы. Однако, въ верлановомъ полку твердо держалась вѣра въ то, что за нимъ и его дѣломъ стоитъ русская сила, такъ страшная для шляхетской Польши,—забылись всѣ жестокіе историческіе уроки, которые время не должно было бы еще, повидимому, изгладить изъ народной памяти. Въ полку господствовало убѣжденіе, что «цѣлая Украина и Русь, даже по Збручъ и Случъ, Ея Милости Императрицѣ цѣликомъ принадлежитъ», и что «уже всѣ съ имѣній доходы и аренды на нее идутъ». Это представленіе распространялось въ верлановомъ войскѣ вмѣстѣ съ другимъ, будто бы есть «указъ Императрицы», что по «самый Шаргородъ не вольно грабить, но за Шаргородомъ вездѣ вольно жида или леха, напавши, убить, города, деревни и дворы грабить».— Это сообщилъ козакамъ своего полка самъ Верланъ на вопросы ихъ, козаковъ, какъ будетъ оплачиваться ихъ служба, которая должна будетъ продлиться, по словамъ старшины, лѣтъ до семи. Насчетъ Шаргорода Верланъ упоминалъ, вѣроятно, потому, что хотѣлъ выгородить отъ разоренія имѣнія своихъ господъ—около Шаргорода находилась и его деревенька Качковка, должно быть пожалованная ему князьями Любомірскими на правахъ пользованія; такъ вознаграждали обыкновенно паны своихъ служащихъ. Въ верлановомъ полку ходили слухи о томъ, что на помощь ему идетъ Танскій, послѣдній правобережный козацкій полковникъ, а въ Немировѣ стоитъ гетманъ Самусь, котораго въ то время уже давно не было на свѣтѣ. Танскій и Самусь являлись тутъ олицетвореніемъ психической потребности связать это новое движеніе со старыми козацкими преданіями, потребности, которой не могъ не чувствовать народъ, сосредоточивавшій въ козачествѣ всю свою исторію.

Царскій приказъ убивать ляховъ и жидовъ видимо былъ очень ревностно приводимъ въ исполненіе новымъ козацкимъ полкомъ. Въ винницкія гродскія книги внесенъ перечень девяноста дворянъ Брацлавскаго воеводства, убитыхъ въ 1734 г. гайдамаками,—надо думать, что истребленіе было ожесточенное. Но относительно жидовъ ожесточеніе было еще несравненно больше. Ихъ преслѣдовали и убивали съ остервенѣніемъ—убитыхъ въ это возстаніе считали ты-

сячами. «Пріѣхали козаки, разсказываетъ одинъ изъ плѣнныхъ гайдамакъ въ своихъ показаніяхъ передъ судомъ, и взяли у меня лошадь; просилъ я ихъ, чтобы возвратили; обѣщали отдать, если пойду съ ними до Замихова, я и пошелъ. Спрашивали меня о жидахъ, гдѣ еще можно ихъ найти,—и тамъ, въ тростникѣ, на берегу пруда нашли двухъ жидовокъ, о которыхъ сказали замиховскіе хлопы; тогда взяли тѣхъ жидовокъ до города и въ городѣ ихъ закололи; въ то время было козаковъ четверо и я пятый; оттуда поѣхали до Кунищова, въ среду вечеромъ, такъ какъ громада жаловалась на подстаросту, что избилъ невинно хлопа Москалика—козаки забрали стадо, а онъ за то наказалъ Москалика; и козаки, мстя за это, хотѣли схватить и убить того подстаросту, но мы его не застали. Въ воскресенье, когда закололи тридцать жидовъ, я не былъ, но только слышалъ; при тѣхъ же двухъ жидовкахъ, когда ихъ кололи, былъ. Удивлялись козаки и говорили: «что то за козаки, что послѣ нихъ остаются еще ляхи, жиды и ксендзы! Послѣ насъ никого не останется, ни жида, ни ляха, всѣхъ выколемъ».

Мы мало имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности верлановскаго полка; но по тому немногому, что сохранилось, видно, что Верланъ обнаружилъ большую энергію. Къ половинѣ іюля онъ уже прошелъ все Подольское воеводство и достигъ Кременца, подъ которымъ имѣлъ стычки съ польскими войсками, взялъ Броды и Збаражъ, а оттуда намѣревался двинуться подъ Станиславовъ и Каменецъ.

Кромѣ волошскихъ милицій, и другіе надворные отряды должны были служить центрами, около которыхъ группировалась наиболѣе активная часть хлопства, стремящаяся въ козаки. По крайней мѣрѣ, есть въ актахъ прямое указаніе на уманскій отрядъ съ полковникомъ Писаренкомъ, который дѣйствовалъ одно время вмѣстѣ съ Верланомъ. Но видно, что этимъ не ограничивалось общее движеніе хлопства въ козаки: около Бердичева бродятъ хлопы «въ сотняхъ»—очевидный намекъ на козацкую организацію, во множествѣ сохранившихся актовъ постоянно упоминаются «своевольные козаки», «kozakow swywolne kupy hultayskie», «revolutiones varias Cozaticas» и т. п. Надо думать, что вся хлопская Украина въ 1734 г. была въ такомъ броженіи, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, должно было разомъ выдвинуть изъ нѣдръ хлопства новое козачество взамѣнъ стараго, съ такимъ трудомъ уничтоженнаго Польшей, а, слѣдовательно, разомъ и радикально измѣнить соціальную физіономію Польской Украины—конечно, такая радикальная соціальная метаморфоза была бы возможна только потому, что она сидѣла ясно и

отчетливо въ сознаніи каждаго хлопа. Народъ уже, можно сказать, осязалъ руками новый общественный строй. Но внѣшняя сила, совершенно неожиданно для хлопства, вырвала изъ рукъ этотъ первый плодъ его самостоятельныхъ усилій и снова отдала его въ распоряженіе панства. Въ то самое время, какъ хлопское движеніе было въ самомъ разгарѣ и Верланъ съ своимъ полкомъ уже разгуливалъ по западной части украинскихъ воеводствъ—Минихъ осаждалъ Данцигъ. 30 іюня Данцигъ сдался, Лещинскій бѣжалъ, королевство, слѣдовательно, было укрѣплено за Августомъ III. Дворянскія конфедераціи одна за другой стали приставать къ Августу. Наступила перемѣна декорацій.

Разумѣется, украинское шляхетство было одно изъ первыхъ, поспѣшившихъ изъявить свое согласіе на избраніе Августа: хлопство угрожало уничтожить въ конецъ своихъ пановъ, и единственная надежда на спасеніе была въ русской помощи. Шляхта не обманулась въ расчетахъ. Если русскія власти не одобряли вообще вмѣшательства хлоповъ, то все-таки могли еще относиться къ нему снисходительно, когда видѣли въ немъ орудіе для смиренія непокорной шляхты. Но когда шляхта смирилась, мятежническій духъ хлоповъ, конечно, не могъ быть дольше терпимъ. За грозными универсалами ландграфа главнокомандующаго послѣдовали и дѣйствія: войска на обратномъ пути изъ Польши въ Россію черезъ украинныя воеводства принялись за укрощеніе бунтовщиковъ. Конечно, для русскаго войска это укрощеніе не представляло большихъ затрудненій. Къ концу года всѣ новые козацкіе полки были разсѣяны, предводители ихъ — Верланъ, Писаренко, Медвѣдь, Грива, Сава, Савка, Темка, Моторный и др. скрылись, кто въ Молдавіи, кто въ запорожскихъ степяхъ; нѣкоторые попались въ руки русскихъ, передавшихъ ихъ полякамъ во вновь учрежденные специальные суды causarum-exorbitantiarum. Многіе изъ скрывшихся гайдамацкихъ предводителей скоро опять появились въ Польшѣ въ качествѣ ватажковъ. Но дѣло новой козачины было потеряно. Еще одна хлопская иллюзія была разбита. Часть разогнаннаго самозваннаго козачества держалась еще нѣсколько времени въ оврагахъ Поднѣстровья, отъ Рошкова до устья Смотрича. Выкуривалъ изъ этихъ овраговъ «украинскую саранчу»—такъ называла шляхта своихъ враговъ—тогдашній подольскій воевода, Стефанъ Гумецкій. Воевода передавалъ мятежниковъ прямо въ руки владѣльцевъ на ихъ собственную расправу. Впрочемъ, расправа ограничилась кіями, даже «шельмованія» не было: вообще на этотъ разъ шляхта не оказала особен-

ной жестокости. Только попавшіе въ руки зачинщики и предводители были подвергаемы смертной казни. Много изъ хлоповъ, подозрѣвавшихся въ гайдамачествѣ, даже было прямо выдано на поруки громадамъ.

Русскія и польскія войска могли безъ большихъ усилій разогнать купы своевольныхъ козаковъ и уничтожить такимъ образомъ въ зародышѣ начавшуюся козацкую организацію. Но не такъ то легко было ввести въ берега расколыхавшееся народное море—собственно съ тѣхъ поръ оно уже и не входило больше въ свое ложе. Зимой, 34-го, можно было считать волненіе улегшимся: козацкіе полки разсѣялись, предводители бѣжали; все было тихо. Но съ ранней же весны 35-го снова все закипѣло: снова забродили своевольныя гайдамацкія купы, заняты дороги, крестьяне волнуются, отказываются повиноваться и хозяйничаютъ въ панскихъ угодьяхъ. Снова полны руки дѣла у русскихъ командъ, которыя продолжаютъ оставаться въ Польшѣ—самъ кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ Вейсбахъ, стоитъ въ Бѣлой Церкви и наблюдаетъ за укрощеніемъ расходившагося хлопства. Интересна та предупредительность, съ которою онъ обращается къ шляхетству волнующихся воеводствъ, съ обязательными предложеніями услугъ русскихъ командъ для усмиренія хлоповъ и съ разными совѣтами насчетъ мѣръ для успѣшнѣйшаго укрощенія мятежниковъ. «Съ разныхъ мѣстъ доносятъ», пишетъ графъ Вейсбахъ въ мартѣ 1735 г. къ шляхетству Брацлавскаго воеводства «что собираются своевольныя купы, наѣзжаютъ на дворы, грабятъ и убиваютъ людей. Желая содержать ихъ милостей обывателей воеводства въ полной безопасности, я еще прежде далъ приказъ командамъ войска Ея Императорскаго Величества, моей милостивѣйшей государыни, чтобъ такихъ бунтовщиковъ хватать. Но такъ какъ одна команда отстоитъ отъ другой въ отдаленіи, то для сохраненія въ цѣлости самихъ себя и своего имущества, пусть каждая панская юрисдикція держитъ въ строгости своихъ подданныхъ и гдѣ только подстережетъ бунтовщиковъ, даетъ знать командамъ и помогаетъ ихъ ловить, а пойманныхъ для строгаго и неотложнаго разслѣдованія отсылаетъ въ надлежащій судъ. Сверхъ того, такъ какъ теперь приближается весна, и каждый подданный долженъ исполнять свои хозяйственныя работы, то я рекомендую каждой юрисдикціи принуждать своихъ подданныхъ къ засѣвамъ и помогать тѣмъ, кто не имѣетъ зерна; а подданныхъ же, сопротивляющихся и не принимающихся за работы (что само по себѣ уже является очевиднымъ гайдамачествомъ и наклонностью къ разбою), какъ людей подозрительныхъ

доносить русскимъ командамъ и препровождать таковыхъ въ судъ...» Всѣми мѣрами старается Вейсбахъ ублажить укротившихся пановъ Брацлавскаго воеводства: и даетъ имъ отрядъ для охраненія воеводскихъ книгъ въ Винницѣ и засѣдающихъ тамъ судей (можно судить, какъ тревожно было положеніе края, если даже замокъ требовалъ русской охраны), и обѣщаетъ возвратить всѣхъ хлоповъ, бѣжавшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра, и разыскать скрывшихся главныхъ предводителей возстанія, которые могли бы оказаться въ русскихъ предѣлахъ, и сдѣлать распоряженіе, чтобы русское военное начальство внушало хлопамъ должное повиновеніе помѣщичьей власти,— однимъ словомъ, обѣщаетъ все и возможное и невозможное. Но русскіе не ограничивались обѣщаніями: они, дѣйствительно, дѣлали, что́ могли, и на этотъ разъ сдѣлали очень много. Зная размѣры хлопскаго движенія и состояніе Польши въ то время, едва ли можно сомнѣваться, что, безъ русскаго вмѣшательства, Польшѣ не удержать было бы въ своихъ рукахъ малорусскихъ украинскихъ воеводствъ. Они спасли цѣлость польскаго государства; но не въ ихъ власти было успокоить край и обезпечить помѣщикамъ спокойное обладаніе ихъ правами надъ тѣломъ и душою хлоповъ.

Выше мы сказали, что хотя запорожцы и были въ Польской Украинѣ въ 1734 г., и изъ актовъ видно даже, что не одинъ разъ они дѣлались крестьянскими вожаками, но все-таки не они были средоточіемъ движенія, которое въ 1734 году получило своеобразный характеръ, выдѣляющій его изъ ряда движеній, отмѣченныхъ общимъ именемъ гайдамачины. Но уже непосредственно за 34 годомъ организація гайдамачества сосредоточивается въ запорожскихъ степяхъ.

Интересно, что нѣкоторые изъ предводителей движенія 1734 г. являются потомъ въ Польшу во главѣ гайдамацкихъ шаекъ, какъ запорожскіе ватажки: были ли они дѣйствительно запорожцами? или убѣжали на Запорожье, послѣ того какъ пришлось имъ скрываться осенью 1734 года, и пристали къ сѣчевикамъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними продолжать гайдамацкія похожденія? Вожаками теперь являются почти исключительно запорожцы, и гайдамачина принимаетъ тѣ типическія черты, которыя мы представили въ третьей главѣ нашей статьи. Польскія военныя силы сосредоточиваются на южной украинской границѣ, и начинается безконечная «война съ гайдамаками»— единственная война за все тридцатилѣтнее царствованіе Августа III.

Энергически двигается организація гайдамачества въ Запорожьѣ. Уже въ 36 году появился съ сильнымъ гайдамацкимъ отрядомъ

Медвѣдь—одинъ изъ тѣхъ ватажковъ, которые дѣйствовали въ 34 году въ Брацлавщинѣ; вслѣдъ за нимъ является Грива—тоже одинъ изъ видныхъ участниковъ 34 года; затѣмъ Жила, Харько, Рудь съ своими ватагами и т. д. Осень 36 года долго была памятна для кіевской Украйны. Нѣсколько ватажковъ, соединивши свои отряды, нападали тогда на города, замки и дѣлали страшныя опустошенія: взяты были Паволочь, Погребище, Сквира, Таращa. Мѣстная шляхта понесла громадныя потери. Вообще съ этого времени гайдамачина входитъ въ свою настоящую силу; развитіе этого движенія со всѣми его типическими чертами идетъ теперь crescendo. Крестьянство съ каждымъ годомъ все больше и больше свыкается съ этой формой протеста и пріучается возлагать на нее свои надежды и упованія. Съ панской барщины сходитъ мало-по-малу старое поколѣніе хлоповъ, которому были дороги преданія козачества, и появляется новое, для котораго козацкія традиціи были традиціями въ полномъ смыслѣ слова—оно не помнило сподвижниковъ Палія, послѣднихъ правобережныхъ козаковъ. Оно уже шло не въ козаки, а прямо и просто «въ гайдамаки». Этотъ періодъ въ исторіи гайдамачины заканчивается 1750 годомъ.

50-й годъ интересенъ въ томъ отношеніи, что массовое движеніе произошло тогда безъ всякаго толчка со стороны внѣшнихъ условій и обстоятельствъ. Гайдамачина, что называется, созрѣла и сдѣлала первую пробу достигнуть конечнаго результата своими собственными средствами. Проба была неудачна—не потому только, что она не привела къ результату: къ какому результату могла она привести, когда всѣ соединенныя силы польскаго и русскаго государствъ стояли противъ затѣй малорусскаго хлопства? Мы называемъ ее неудачной потому, что движеніе, очень широкое, явилось въ то же время достаточно безсвязнымъ, лишеннымъ всякаго общаго плана, системы, организаціи. Участія запорожцевъ хватило на то, чтобъ организовать множество отрядовъ, которые подняли на ноги не только Украину, но и Полѣсье даже за Припеть, до границъ Бѣлоруссіи. Но не видно никакой связи между дѣйствіями этихъ отрядовъ, никакой общей центральной, руководящей силы,—каждый работаетъ самъ по себѣ, какъ Богъ положитъ ему на душу. Участіе хлоповъ на этотъ разъ выражается въ томъ, что они выдѣляютъ молодежь въ гайдамацкіе отряды и оказываютъ имъ всякую поддержку. Однимъ словомъ, въ движеніи 50 года рѣзче всего выразилась гайдамачина въ чистомъ своемъ типѣ и при нормальныхъ ея условіяхъ. 34 и 68 года—

продукты, въ значительной степени, внѣшнихъ обстоятельствъ, которыми гайдамачина, такъ сказать, только воспользовалась.

Еще 50-й годъ не наступилъ, а шляхта уже чувствовала, что дѣло идетъ не къ добру. Все больше и больше гайдамацкихъ купъ начинаетъ появляться по веснѣ и кроется по лѣсамъ, болотамъ и оврагамъ, въ окрестностяхъ панскихъ дворовъ, выжидая благопріятнаго момента; все чаще уходятъ хлопы въ гайдамацкія шайки, а чуть появятся въ окрестностяхъ населенныхъ мѣстъ гайдамаки, все къ ихъ услугамъ: и провизія, и совѣты, и хлопскія руки. Уже не говоря о пограничныхъ мѣстностяхъ, у хлопства даже на Полѣсьѣ заводятся постоянныя сношенія съ Сѣчью. Рады бы паны совсѣмъ прекратить эти сношенія, чтобъ ни одна живая душа не переходила запорожскую границу, да, съ одной стороны, и силъ не хватитъ загородить границу, съ другой—нельзя, по экономическимъ расчетамъ: изъ Запорожья надо доставать рыбу, соль, и разное другое, туда можно выгодно сбыть хлѣбъ. И тянутся возы въ Запорожье, а при возахъ идетъ разный людъ, все больше парубки, молодежь, изъ тѣхъ, что не спроста примѣчаютъ каждую тропинку, высматриваютъ каждаго шляхтича,—идетъ и уже не возвращается назадъ при возахъ. Зимой много какого-то народа, безъ опредѣленныхъ занятій и образа жизни, начинаетъ бродить по странѣ, приставая на пивоварни, винницы и хутора въ качествѣ наймитовъ. А вотъ и еще тревожнѣе признаки: то тамъ, то сямъ хлопы обдерутъ пана, изобьютъ его жестоко и сами убѣгутъ Богъ знаетъ куда, побросавши и свои засѣвы,и скудное имущество «wszelkie mobilia y supellektilia», не жалѣютъ его, въ надеждѣ вознаградить себя при случаѣ на панскій счетъ. Однимъ словомъ, чѣмъ ближе къ 50 году, тѣмъ больше ростутъ и ростутъ опасные симптомы. Вотъ какъ еще въ 1749 году рисуетъ положеніе Подольскаго воеводства генералъ Подольской земли въ универсалѣ къ дворянамъ воеводства: «Въ краю нашемъ зачастили разбои, наѣзды, грабежи и т. п. отъ сбирающихся гультяевъ, которые все увеличиваются въ числѣ, такъ что уже и въ домахъ собственныхъ, не только на дорогахъ, господа обыватели (помѣщики) не чувствуютъ никакой безопасности и подвергаются опасностямъ потери не только имущества своего, но и жизни...»

Вотъ насталъ и 50-й годъ. Съ степнымъ вѣтромъ понесся по запорожскимъ степямъ, отъ Сѣчи до Гарду, отъ Днѣпра до Ингула, по лѣсамъ и балкамъ, по зимовникамъ и куренямъ, слухъ, что вышелъ указъ—отъ кого? отъ кошевого или отъ русскаго правительства? это никого особенно не интересовало—собираться на ляховъ,

разбивать ляховъ. Козаки въ Сѣчи начали запасаться оружіемъ, чтобъ идти въ степи «для согласія» на гайдамачество. Въ степяхъ закипѣло. Всѣ обычныя мѣста гайдамацкихъ сборищъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, Бугу, Ингулу великому, Ингульцу малому, Ташличку и Ташликамъ, Громоклеи, Солоной, Мертвоводу, Гарбузной и т. д., наполнились отважнымъ людомъ. Но главнымъ пунктомъ, куда собирались охотники и гдѣ организовались гайдамацкія купы въ 1750 г., былъ Гардъ на Бугѣ. Гардъ на Бугѣ, одинъ изъ главнѣйшихъ центровъ лѣтнихъ рыбныхъ промысловъ въ Запорожьѣ, былъ въ то же время и административнымъ центромъ цѣлаго Запорожскаго округа, Бугогардовой паланки, которая занимала большое пространство степи отъ Синюхи до Тарговицы и отъ лѣваго берега Ингульца и устья Мертвовода до границъ польской Украины. Гардъ на Бугѣ былъ для гайдамакъ всегда очень удобнымъ пунктомъ, потому что онъ находился неподалеку отъ русской и польской границы, и туда весной всегда сходилось для промысла множество народу, между которымъ ватажки могли вербовать себѣ сподвижниковъ. Но было одно условіе, которое гайдамакамъ всегда приходилось принимать во вниманіе, прежде чѣмъ рѣшиться сдѣлать Гардъ исходнымъ пунктомъ своихъ предпріятій. Такъ какъ Гардъ на Бугѣ былъ «уже самымъ граничнымъ мѣстомъ, то для охраненія онаго и поимки воровъ, такожь для порядочности между рыболовами и козаками, отъ коша полковникъ съ особенною пристойною командою козаковъ запорожскихъ отправлялся туда каждый годъ». Команда эта, около 400 человѣкъ, всегда была не прочь не только покровительствовать гайдамакамъ, но даже и сама погулять въ Польшѣ,— между гайдамаками нерѣдко упоминаются и гардовые козаки. Но много зависѣло отъ настроенія и качества Бугогардоваго полковника. Если это былъ человѣкъ рѣшительный и возлагавшій упованія на русское правительство—а такіе бывали между запорожской старшиной—онъ могъ значительно помѣшать гайдамакамъ. Но, къ счастью для гайдамакъ, обстоятельства рѣдко складывались такъ неблагопріятно. Большею частію полковники охотно смотрѣли сквозь пальцы на козацкія затѣи, такъ какъ всегда получали благодарность изъ гайдамацкой добычи—какую нибудь вещь, лошадь, иногда даже опредѣленный пай изъ добытаго.

И такъ, въ 1750 г. Гардъ на Бугѣ былъ главнымъ центромъ гайдамацкой организаціи. Въ то время въ Гарду было «всякое самовольство», какъ показывали захваченные русскими гайдамаки. (Изъ актовъ черниговскаго архива). Множество ватагъ, и конныхъ,

и пѣшихъ, и ничтожныхъ по численности, и такихъ, что ихъ можно было принять за военные отряды, собрались въ Гарду и въ прилежащихъ къ нему урочищахъ, на балкѣ Ташличку, на островѣ Мигеи и т. п. Впрочемъ, такихъ большихъ отрядовъ, какіе видѣла Польша въ 36-мъ году, отрядовъ, бравшихъ замокъ за замкомъ, теперь не было. Многое множество мелкихъ ватагъ, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ каждая, характеризують движеніе 50-го года; иногда эти ватаги соединялись по двѣ, но большею частью дѣйствовали порознь, подкрѣпляемыя на мѣстѣ хлопами. Вдадимся нѣсколько въ стратегическія подробности: онѣ сами по себѣ мало интересны, но безъ нихъ нельзя ясно представить себѣ гайдамацкій образъ военныхъ дѣйствій. Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ коснуться этихъ подробностей,—хотя вообще частности и не входятъ въ планъ нашей статьи,—что возстановляемъ ихъ по неизданнымъ матеріаламъ черниговскаго архива, которые, можетъ быть, будутъ съѣдены крысами прежде, чѣмъ успѣютъ сдѣлаться достояніемъ науки.

Гайдамаки изъ Гарду шли, большею частію, по двумъ направленіямъ: одни двигались прямо на сѣверъ, въ Польшу, избирая главнымъ мѣстомъ своихъ дѣйствій Брацлавское воеводство, другіе поворачивали на востокъ, въ заднѣпрскую полосу русскихъ владѣній, заселенную Крыловскою и Цыбулевскою сотнями Миргородскаго полка, и оттуда уже вторгались въ Кіевское воеводство. Самый значительный изъ отрядовъ, вышедшихъ изъ Бугогардовой паланки въ Брацлавское воеводство, былъ отрядъ Михайла Сухого. Это, по всѣмъ признакамъ, былъ очень бывалый и вліятельный ватажокъ. «Михайло Сухой», сообщаютъ плѣнные гайдамаки, «идучи на грабительство Крутовъ, у Мертвыхъ-Водъ при Гарду имѣлъ лошадей на четыреста собранныхъ, а выбравъ двѣсти, пошелъ на Круты и ограбилъ...» Такимъ образомъ, Сухой вступилъ въ Брацлавское воеводство отъ южной его границы. Между тѣмъ, другой ватажокъ, Прокопъ Савранскій, или Таранъ, собралъ конныхъ гайдамакъ въ балкѣ Ташличку и двинулся въ Польшу черезъ Синюху, которую онъ перешелъ около Тарговицы. Отдохнувъ нѣсколько дней у устья рѣки Омшанки, Прокопъ съ своимъ «комонникомъ» (конный отрядъ) направился на Тальное, откуда онъ круто повернулъ къ западу, на встрѣчу комоннику же Сухого. Мѣсто встрѣчи ихъ было подъ Уманью: на нее и направились силы ихъ соединенныхъ отрядовъ. Была ли заранѣе условлена эта встрѣча? По всѣмъ соображеніямъ, надо полагать, что была. Движенія этихъ ватагъ были такъ быстры и скрытны, что

Умань совсѣмъ не приготовилась къ отпору и не могла выдержать нападенія двухъ гайдамацкихъ купъ. Ворвавшись въ Умань, гайдамаки, по описанію сеймика Кіевскаго воеводства, «оффиціала брацлавскаго и плебана тамошняго на кладбищѣ жестокимъ образомъ поубивали, костелъ ограбили, св. дары изъ чаши повыбросали, городъ сожгли, невинныхъ людей множество убили». Отъ Умани гайдамацкій отрядъ повернулъ назадъ къ степямъ, чтобъ скрыть въ нихъ свою добычу,—иногда гайдамаки передавали добычу хлопамъ, которые доставляли ихъ въ степи въ возахъ подъ видомъ хлѣба или другого товара, но понятно, что это не всегда было удобно, и потому движенія гайдамацкихъ ватагъ часто направлялись необходимостью скрыть добычу. Извѣстный уманскій полковникъ Ортынскій, неутомимый преслѣдователь гайдамакъ, кинулся въ погоню за дерзкимъ отрядомъ. Но при переправѣ черезъ Синюху гайдамаки сами напали на него и благополучно ушли въ свои степи. Много и другихъ купъ разошлось по Брацлавскому воеводству, откуда онѣ вторгались въ Подольское, отчасти въ Кіевское. Разныхъ дѣлъ успѣли за это лѣто надѣлать гайдамаки на обширной территоріи этихъ воеводствъ. Подольская шляхта свезла деньги и самое цѣнное изъ своего движимаго имущества въ отдаленный повѣтовый городъ Летичевъ, подъ защиту чудотворной иконы Божіей Матери. Но ни отдаленность, ни чудотворная икона не спасла отъ гайдамацкихъ рукъ шляхетскую собственность—накопленный результатъ многолѣтняго хлопскаго труда: по обыкновенію, ночью ворвались гайдамаки въ городъ и разграбили доминиканскій монастырь, гдѣ былъ главный складъ свезенныхъ вещей: пострадали при этомъ, конечно, и отцы-доминикане. Въ концѣ лѣта гайдамаки улучили случай вторгнуться даже въ замокъ Винницы, главнаго города Брацлавскаго воеводства, старательно охраняемаго старостой Калиновскимъ. Въ Винницѣ была ярмарка. Гайдамаки, вѣроятно, вошли въ городъ вмѣстѣ съ разнымъ торгующимъ людомъ, и ночью, въ числѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, подкрались къ замковымъ воротамъ, ударили на нихъ и ворвались въ замокъ. Все разбѣжалось и укрылось, кто куда могъ, начиная съ замковаго начальства. Интересно, что гайдамаки, въ такой небольшой горсткѣ, какой удалось сдѣлать это дерзкое нападеніе, конечно, должны были крайне дорожить временемъ. Тѣмъ не менѣе, они не пожалѣли потратить его на то, чтобы разгромить хорошо устроенную и оберегаемую гродскую канцелярію, гдѣ хранились акты цѣлаго Брацлавскаго воеводства: выломавъ двери, они разбросали всѣ бумаги, ка-

кія попались имъ подъ руку, частью подрали ихъ на мелкіе кусочки, частью забрали на пыжи.

Тѣмъ гайдамацкимъ отрядамъ, которые шли изъ Гарду, направляясь черезъ заднѣпрскія русскія владѣнія въ Кіевское воеводство, оказали энергическую поддержку жители селъ, деревень и слободъ Крыловской и Цыбулевской сотенъ. Значительный отрядъ гайдамакъ изъ запорожскихъ козаковъ открыто стоялъ лагеремъ подъ селомъ Уховкой Цыбулевской сотни. «Изъ оныхъ же уховскихъ жителей», доноситъ кіевскому генералъ-губернатору начальникъ Кременчугскаго форпоста, «да и изъ Цыбулева ушло къ гайдамакамъ въ товариство немалое число, у которыхъ имѣются тутъ всѣ родственники и отъ того болѣе ихъ, гайдамаковъ, умножается и всячески укрывается въ тамошнихъ заднѣпрскихъ селахъ и слободахъ и со всѣми сообщеніе имѣетъ...» Русскія военныя команды, которыя постоянно находились въ тѣхъ мѣстностяхъ, были безсильны противъ гайдамакъ. «Побрать ихъ, гайдамаковъ», продолжаетъ то же донесеніе, «за множествомъ и что они всякъ при ружьѣ и списахъ невозможно, ибо по извѣстіямъ какъ въ степи, такъ и въ лѣсахъ многое множество конныхъ и пѣшихъ гайдамакъ имѣется...» Черный лѣсъ и Чута, какъ мы уже сказали выше, всегда были любимымъ мѣстопребываніемъ гайдамакъ. Гайдамацкія ватаги въ Кіевскомъ воеводствѣ показали не меньше энергіи, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствовали въ Брацлавскомъ. Онѣ покушались даже на Бѣлую-Церковь, самую сильную изъ польскихъ крѣпостей края; сожгли Мошны, городъ великаго литовскаго гетмана Радзивила, и впродолженіе сутокъ осаждали замокъ и т. д.

Кромѣ отрядовъ, вышедшихъ изъ Гарду, были и такіе, которые двинулись прямо изъ зимовниковъ по Ингулу и Ингульцу на Хвастово, на Радомышль, т. е. на Полѣсье—Олеска Письменный съ пѣшими гайдамаками, Опанасъ и т. д. На Полѣсьи они встрѣтились съ отрядами, вышедшими изъ Кіевскаго округа. Кіевскіе монастыри тоже проявили на этотъ разъ усиленную дѣятельность. Отряды, выходившіе изъ ихъ территоріи, опустошали Полѣсье, заходя даже на лѣвый берегъ Припети, и отличались религіознымъ настроеніемъ, «почувши же въ лѣсѣ», показываетъ ватажокъ одного изъ такихъ отрядовъ, «рубавъ пилиповецъ (старообрядецъ) дрова на святого Спаса, выскочивши, зловили его и велми, ледве не на смерть збили за тое, же въ свято рубалъ...»

Такъ раскинулось въ 1850 году гайдамацкое движеніе. Чтобы оно представлялось читателю отчетливѣе, дополнимъ наше изложеніе разсказомъ о похожденіяхъ одной ватаги, невиданной ни по

своей численности, ни по смѣлости своихъ предпріятій: пусть на этомъ заурядномъ примѣрѣ читатель познакомится съ характеромъ дѣйствій отдѣльныхъ купъ. Матеріаломъ для разсказа послужатъ намъ показанія плѣнныхъ гайдамакъ, захваченныхъ русской командою.

Ватага эта составилась въ Гарду изъ козаковъ, которые набрались изъ зимовниковъ Бугогардовой паланки, и выходцевъ изъ Польши, которые были въ Запорожскихъ степяхъ на рыбныхъ промыслахъ. Сбиралъ ее ватажокъ Алексѣй Ляхъ, или Олекса Ляшокъ, который титулуется атаманомъ; при атаманѣ есть асаулъ. Эта ватага была изъ пѣшихъ. Въ Гарду въ ней было всего человѣкъ тридцать; во время похода она увеличилась присоединившимися къ ней хлопами, которые въ разныхъ селахъ заднѣпрской русской полосы поджидали случая отправиться въ походъ, — въ самой же Польшѣ, случалось, приставали и изъ страху попасться въ руки ляхамъ, которые во время гайдамацкихъ волненій хватали всѣхъ неосѣдлыхъ людей, не разбирая. Атаманъ объявлялъ всюду, что «нынѣ вольно ходить на ляховъ», что есть указъ разорять ляховъ. Отрядъ двигался по степямъ, останавливаясь въ извѣстныхъ мѣстахъ на продолжительные отдыхи: путь держалъ онъ на русское село Трисаги, лежавшее нѣсколько выше Тарговицы. Подъ Трисагами пѣшій отрядъ Ляха встрѣтился съ коннымъ отрядомъ атамана Похила, приблизительно такой же численности, — повидимому, эта встрѣча была заранѣе условлена. Оба отряда стояли вмѣстѣ подъ Трисагами три дня: атаманы Ляхъ и Похилъ совѣтовались между собой, вѣроятно, насчетъ дальнѣйшаго плана дѣйствій. Пока гайдамаки стояли подъ Трисагами, пріѣхали туда три сотника съ своими командами, — изъ малороссійскихъ казачьихъ сотенъ, — съ приказаніемъ отъ начальства разорить ихъ, гайдамакъ; но сотники, постоявъ нѣсколько времени въ верстѣ отъ гайдамацкаго лагеря, переговорили съ атаманомъ Ляхомъ и уѣхали. Послѣ трехдневной стоянки пѣшіе гайдамаки снова отдѣлились отъ конныхъ и отъ Трисагъ двинулись за польскую границу. Теперь шли они только ночью, днемъ крылись по лѣсамъ и байракамъ—путь держали на Лебединъ, оттуда на Корсунь, который служилъ первой цѣлью ихъ похода. Въ то время въ Корсунѣ была ярмарка. Ночью подкрались гайдамаки къ мѣстечку,—ихъ въ то время было около пятидесяти человѣкъ, многіе безъ ружей,—и ворвались въ него; ворвавшись, начали стрѣлять, чтобы задать страху—все разбѣжалось съ ярмарки. Не трогая людей, гайдамаки принялись разби-

вать крамныя лавки, набрали кой-какого краснаго товару. Но настояще ободрали только татаръ, которые были на ярмаркѣ: взяли у нихъ много денегъ и перепортили ихъ лошадей, подкалывая ихъ, вѣроятно, чтобъ помѣшать пуститься въ погоню. Паевали добычу въ пяти верстахъ ниже Корсуня надъ рѣкой Росью. Вотъ, примѣрно, что получилъ каждый гайдамакъ по раздѣлу: «денегъ цѣлковыхъ полтора рубля, да денежекъ двадцать копеекъ, да съ вещей полотна на сорочку, шолку разнаго цвѣта моточковъ два, нитокъ синихъ моточекъ единъ, поясовъ два, хустокъ двѣ портяныхъ рябыхъ». Отсюда гайдамаки отправились прямо на сѣверъ, въ село Таганчу: тамъ брали у людей харчъ, но ихъ не трогали, только у жившихъ тамъ жида и ляха атаманъ и асаулъ забрали деньги, которыми и раздѣлились—досталось по нѣсколько десятковъ копеекъ. Выйдя изъ Таганчи, захватили на дорогѣ пару воловъ, да съ мельницы взяли два мѣшка муки на харчъ. Направились къ мѣстечку Ржищеву. По дорогѣ захватили четырехъ жидовъ, которые ночевали въ полѣ, и повели ихъ съ возами въ лѣсъ къ Днѣпру: взяли у жидовъ деньги, одежду, а самихъ покололи, лошадь же и возы оставили въ полѣ. Въ Ржищевѣ былъ замокъ и дворъ старосты терехтеміровскаго Щеневскаго. Завладѣвъ ржищевскимъ замкомъ, гайдамаки порядкомъ въ немъ похозяйничали: забрали двѣ пушки, одну мортиру, одну гаковницу, сабли и еще кое-что, все во дворѣ Щеневскаго, сожгли старостинскій домъ и убили какихъ-то двухъ ляховъ. Отъ Ржищева отрядъ, теперь вдоволь снабженный оружіемъ, отправился въ обратный путь по Днѣпру въ байдакѣ—вообще пѣшіе гайдамаки любили добираться до рѣкъ, чтобы по нимъ совершать свои странствованія. Въ байдакѣ дѣлились захваченными въ Ржищевѣ деньгами, досталось по пяти рублей на пай: пожитки же остались въ байдакѣ безъ раздѣлу. Приставши подъ село Ходорково, гайдамаки сожгли жидовскую винокурню. Въ селѣ терехтеміровскаго монастыря забрали во дворѣ все того же старосты Щеневскаго винокуренные казаны, разныя воинскія принадлежности—палаши, перевязи съ лядунками, перчатки, портупеи, шпоры,—затѣмъ взяли горѣлки, меду, соли и т. п. Когда подъѣзжали къ Каневу, пріѣхалъ къ гайдамакамъ каневскій губернаторъ и просилъ атамана Ляха, чтобы миновалъ Каневъ, не трогалъ его. Атаманъ обѣщалъ исполнить просьбу, если ихъ самихъ не задѣнутъ, и подарилъ губернатору кое-что изъ заграбленныхъ вещей. Послѣ губернатора пріѣхалъ на байдакъ каневскій атаманъ съ двумя каневцами просить гайдамакъ о томъ же, чтобъ не трогали города. Гайдамаки

удерживали на байдакѣ атамана и одного каневца, а другого послали къ губернатору, чтобы онъ отпустилъ какого-то колодника. Губернаторъ прислалъ требуемаго колодника на байдакъ, и гайдамаки пустили задержанныхъ. Миновали Каневъ; ниже села Пекарово на гайдамакъ напали поляки; произошла стычка, которая кончилась ничѣмъ—только убили одного гайдамака. Но дальше ихъ ожидала болѣе серьезная опасность: подкараулилъ гайдамакъ русскій капитанъ кіевскаго гарнизона и забралъ ихъ со всѣмъ ихъ оружіемъ, деньгами и пожитками. Все вышеизложенное единодушно показали гайдамаки въ переяславской полковой канцеляріи и въ судѣ генеральномъ, «утвердившись послѣ двухъ пытокъ».

Никогда еще гайдамацкое движеніе не раскидывалось такъ далеко на сѣверъ,—до сихъ поръ Полѣсье почти не знало гайдамакъ. Положеніе украинскихъ воеводствъ съ точки зрѣнія ихъ шляхетскаго населенія было крайне печальное. Вотъ какъ обрисовываетъ его сеймикъ Брацлавскаго воеводства: «видимъ мы не только опасность для жизни и состоянія нашего, но даже настоящую погибель для всего нашего края, такъ какъ разнузданная гайдамацкая дерзость, переносясь безъ малѣйшаго препятствія отъ деревни до деревни, отъ города до города, грабитъ дворы и костелы, тирански мучитъ, печетъ и на-смерть забиваетъ людей, открыто забравши въ свою власть всѣ пути и дороги, не допускаетъ свободнаго переходу и переѣзду, хватаетъ и обдираетъ людей; черезъ все это соблазняется и чернь, и все больше и больше ростетъ число пристающихъ къ своевольнымъ гайдамацкимъ купамъ, такъ что гайдамаки осмѣлились уже дѣйствовать открытою воруженною силою, отъ чего мы совсѣмъ не обезпечены и въ домахъ нашихъ въ своемъ здоровьѣ и жизни». Положеніе Кіевскаго воеводства было такое же, если не хуже, такъ какъ это воеводство было еще болѣе открыто для гайдамацкихъ дѣйствій, чѣмъ Брацлавское: особенно страдали пограничныя мѣстности, напр., староство Чигиринское, которое было окончательно разорено. Но на этотъ разъ все ограничилось опустошеніемъ; даже поголовнаго систематическаго истребленія ляховъ и жидовъ не видно. Народъ, предоставленный самому себѣ, не сумѣлъ ясно поставить себѣ цѣли, не было и сформированныхъ средствъ для того, чтобы получился какой нибудь результатъ. Все ограничилось тѣмъ, что паны попугались, понасѣли на то, чтобъ устроить себѣ средство обороны—и только.

При отсутствіи системы, цѣльности и согласія въ дѣйствіяхъ гайдамакъ, при дѣятельной поддержкѣ со стороны русскаго прави-

тельства, которое принимало всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы ловить гайдамакъ, когда они появлялись на границѣ,—полякамъ можно было не допустить разыграться движенію до степени поголовнаго возстанія. Да и это потребовало бы со стороны поляковъ большихъ усилій. На помощь къ украинской партіи двинута была другая партія регулярныхъ войскъ изъ воеводствъ Русскаго и Подлясскаго; великій коронный гетманъ Потоцкій снаряжалъ отряды на свой собственный счетъ; сеймики Браціавскаго и Кіевскаго воеводствъ учредили милицію; старосты должны были предоставить на защиту края свои надворныя милиціи и т. д. А сколько было принято мѣръ строгости и предосторожности, сколько начало циркулировать по краю универсаловъ королевскихъ, гетманскихъ, региментарскихъ, съ разными повелѣніями, предписаніями, совѣтами дворянству! Всѣ усилія, наконецъ, увѣнчались тѣмъ, что къ слѣдующему году движеніе введено было въ свое обычное русло, изъ котораго оно такъ неожиданно вышло.

V.

Была ли внутренняя необходимость въ томъ, что наиболѣе интенсивныя изъ революціонныхъ движеній малорусскаго хлопства отдѣлялись другъ отъ друга довольно правильными промежутками времени въ 16—20 лѣтъ? Кажется, да: въ разныхъ общественныхъ явленіяхъ можно наблюдать періодическія возвышенія и пониженія общественнаго настроенія, находящіяся, вѣроятно, въ зависимости отъ смѣны поколѣній. Но 1768 годъ, знаменитая коліивщина, несомнѣнно имѣла и свои собственныя, особыя причины, сообщившія ей такую страшную силу.

Съ 1750 года гайдамачина начала видимо ослабѣвать—въ періодъ отъ 50 до 68 обнаруживала гораздо меньше энергіи, чѣмъ въ періодѣ отъ 34 до 50. Дѣло въ томъ, что русское правительство, въ своихъ такъ называемыхъ государственныхъ интересахъ и еще больше въ интересахъ Польши, употребляло большія усилія, чтобъ уничтожить гайдамачество, закрыть тотъ предохранительный клапанъ, какимъ выходило систематически наружу недовольство малорусскаго хлопства. За этотъ послѣдній промежутокъ времени, на запорожскихъ степяхъ, вдоль польской границы, появились линіи сербскихъ поселеній съ новыми крѣпостями и шанцами, явилось цѣликомъ преданное русскимъ интересамъ кошевое начальство, которое организевало

форпосты, разъѣзды и разное другое, чтобъ давить гайдамачество. Гайдамацкое движеніе хотя не прекращалось, но слабѣло, видимый успѣхъ оправдывалъ разумность предпринятыхъ мѣръ. Хлопское недовольство копилось и притаивалось.

А копиться недовольство должно было съ удвоенной силой. Сверхъ всѣхъ общихъ причинъ, о которыхъ мы довольно сказали въ своемъ мѣстѣ, сверхъ того, что ко времени колiивщины, въ шестидесятыхъ годахъ, начали истекать на Украинѣ, на вновь заселенныхъ земляхъ, льготные сроки, и украинскому хлопу приходилось съ тревогой заглядывать въ будущее, сверхъ всего этого примѣшивалось обостряющее обстоятельство въ видѣ религіозныхъ недоразумѣній, и взрывъ разразился.

Народъ своими гайдамацкими движеніями страстно протестовалъ противъ всего польскаго вообще, въ частности противъ того гнета, какой оно налагало на религіозныя убѣжденія хлопства: въ гайдамачинѣ, какъ и въ козацкихъ войнахъ, всюду проявляется рѣзко бьющая жилка протеста противъ насилія надъ совѣстью. Но, странное дѣло, въ то же время унія постоянно распространялась, захватывая все большій и большій районъ: во второй половинѣ столѣтія даже въ Украинѣ собственно, уже не говоря о другихъ малорусскихъ областяхъ, православіе еле-еле держалось, и съ каждымъ годомъ количество уніатскихъ приходовъ увеличивалось на счетъ приходовъ православныхъ. Рѣзкій примѣръ для сравненія дѣйствій, съ одной стороны, сознательной силы, которая ставитъ себѣ ясную цѣль и прямо двигается по пути къ ея достиженію, шагъ за шагомъ отвоевываетъ себѣ поле и пускаетъ корни на каждомъ завоеванномъ клочкѣ, цѣпляясь за всякую неровность, выступъ почвы, который можетъ служить опорой; съ другой—силы стихійной, которая роковымъ образомъ осуждена тратиться безрезультатно, если благопріятныя обстоятельства не допустятъ ее все цѣликомъ перевернуть на свой ладъ. А между тѣмъ гайдамачина, какъ и вообще движенія малорусскаго народа, отличается еще значительной дозой сознательности, напримѣръ, по сравненію съ соотвѣтствующими движеніями народа великорусскаго. Этой сознательности хватало на то, чтобъ обнять вопросъ въ самомъ общемъ его выраженіи и въ конечныхъ результатахъ; но проанализировать его во всѣхъ частностяхъ, и за невозможностью рѣшить цѣликомъ—рѣшать по частямъ,—это было выше народнаго разумѣнія. Оттого уніаты на Украинѣ должны были постоянно дрожать за свою жизнь и имущество: но это не мѣшало имъ продолжать свое дѣло распространенія уніи.

Они уничтожили православную іерархическую власть, такъ что православное священство оказалось въ зависимости отъ уніатскихъ епископовъ и декановъ; съ настойчивостью и энергіей отыскивали они разные обрывки права, цѣпляясь за которые отбирали одинъ за другимъ въ унію православные монастыри и церкви, а вмѣстѣ съ ними и приходы, которые принадлежали къ этимъ церквамъ. Большею частію, они дѣйствовали на почвѣ права, хотя, разумѣется, исключительно формальнаго,—малѣйшая юридическая прицѣпка, при содѣйствіи ихъ организаціи, давала поводъ къ тому, чтобъ обратить православный приходъ въ уніатскій; чувство, воля и желаніе народа съ ихъ точки зрѣнія безусловно ничего не значили. Обратится съ помощью какой-нибудь уловки приходское духовенство въ унію,—и народъ пристаетъ на унію, несмотря на все свое органическое отвращеніе къ ней, идетъ въ уніатскую церковь, такъ какъ нѣтъ православной, куда бы онъ могъ идти. И никакой попытки что-нибудь подѣйствительнѣе гайдамачины противопоставить надвигающемуся гнету!.. Но была ли возможность, въ данномъ общественномъ положеніи народа, сдѣлать такую попытку? Несомнѣнно была, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ мѣстностей. Все вообще малорусское православное населеніе имѣло правовую опору для защиты своей вѣры въ тѣхъ конституціяхъ, которыми Рѣчь посполитая обязывалась передъ Россіей не стѣснять православія. Но понятно, что для хлопства эта гарантія ничего не значила, такъ какъ хлопъ по закону душой и тѣломъ принадлежалъ пану. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что нѣкоторые панскіе «дворы» склонны были поддерживать православіе—въ этомъ заключался матеріальный расчетъ, такъ какъ имѣть православнаго священника было для экономіи выгоднѣе, чѣмъ уніатскаго, особенно, когда на Украинѣ, съ укрощеніемъ гайдамачины, появилось уніатское духовенство болѣе образованное, а, слѣдовательно, и болѣе требовательное. Но хлопство не умѣло пользоваться обстоятельствами и тамъ, гдѣ могло, чтобъ организовать протестъ иного рода. За то, когда явилась сила, вышедшая изъ народа, но внѣ его стоящая, которая взялась за организацію такого протеста, народъ явился на ея поддержку съ замѣчательной энергіей, хотя закончилъ дѣло, когда оно повернулось неблагопріятно, новымъ и болѣе страшнымъ, чѣмъ всѣ прежніе, взрывомъ гайдамачины. Сила, которая взялась вести народъ по пути новаго, такъ сказать, мирнаго протеста, вышла изъ среды правобережнаго украинскаго монашества, и двигающимъ ея рычагомъ была одна крупная по своимъ качествамъ личность,—это Мельхиседекъ Яворскій.

Мельхиседекъ Яворскій, «схизматицкій царь», какъ его обзывали поляки, на самомъ дѣлѣ былъ простымъ игуменомъ ничтожнаго монастыря,—Мотренинскаго. Монастырей въ Приднѣпровьѣ въ XVIII столѣтіи было довольно много, отъ Ржищева до Чигирина, на разстояніи какихъ нибудь трехсотъ верстъ, до пятнадцати. Монашество, православное и русское, было по крови и симпатіямъ, также и по своимъ интересамъ, во многихъ существенныхъ пунктахъ, тѣсно связано съ хлопствомъ; въ то же время въ стѣнахъ монастырей было гораздо привольнѣе вырабатываться сознанію, чѣмъ въ хатѣ хлопа. Мельхиседекъ Яворскій соединялъ энергію и цѣльность человѣка изъ народа съ виднымъ для своего времени образованіемъ, яснымъ представленіемъ о современномъ положеніи вещей и большимъ практическимъ смысломъ. Онъ видѣлъ, какъ унія медленно, но систематически поглощала православіе, между тѣмъ какъ народъ не находилъ другой формы для протеста, кромѣ гайдамачества, которое могло мѣшать работѣ противниковъ, но не могло остановить ее: за хорошо организованной уніей стояла еще вся страшная своей силой организаціи католическая церковь и папство, такъ что ея поступательное движеніе могло быть остановлено лишь крайне энергическимъ противодѣйствіемъ, а гайдамачество между тѣмъ слабѣло изъ году въ годъ. Отстоять же православіе значило отстоять одну изъ главнѣйшихъ поддержекъ того духа національной независимости, который былъ главной силой малорусскаго народа. Мельхиседекъ видѣлъ, что для православія въ Польшѣ необходима опора: онъ нашелъ ее въ возобновленіи старой, почти порванной іерархической связи польско-украинской православной церкви съ русскою. Первой его заботой было прочнѣе установить эту связь; онъ нашелъ себѣ въ этомъ дѣлѣ сочувствіе и поддержку въ русскомъ епископѣ переяславской епархіи, къ которой теперь и потянули украинскія церкви.

Съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ началъ Мельхиседекъ закладывать фундаментъ своего дѣла, связывать украинскую церковь съ русскою. Не занимая никакого оффиціальнаго положенія, которое уполномочивало бы его дѣйствовать, онъ, тѣмъ не менѣе, своей личной энергіей довелъ дѣло до желаннаго результата. Въ 1765 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы заручиться для своего дѣла реальнымъ—несловеснымъ лишь—покровительствомъ русскаго правительства: къ этой поѣздкѣ относится та легенда о свиданіи его съ Екатериной, уполномочившей его будто бы волновать народъ, которую разсказываютъ польскіе историки, а за ними и русскіе. Въ слѣдующемъ году былъ онъ въ Варшавѣ, гдѣ раздобылъ привиллегію отъ короля,

обезпечивающую православнымъ исповѣданіе ихъ вѣры, и другіе документы, на которые онъ могъ опереться въ своей борьбѣ за православіе. Ближайшей цѣлью его хлопотъ было, конечно, удержать въ православіи то, что еще оставалось православнаго, и эта цѣль достаточно обезпечивалась присоединеніемъ православной церкви къ русской епархіи. Но за достиженіемъ этого ближайшаго, открывалась широкая перспектива, которая, естественно, его манила—возвратить къ православію все, что насильно было обращено и держалось подъ уніей. Задача была и легка для исполненія, и трудна: легка—потому, что народъ готовъ былъ по первому мановенію ринуться къ православію съ неудержимою силой; трудна—потому, что противники видѣли и имѣли формальное основаніе видѣть въ этомъ нарушеніе своего пріобрѣтеннаго уже права, и, конечно, не поступились бы безъ борьбы на жизнь и смерть плодами своихъ продолжительныхъ усилій. Что было дѣлать Мельхиседеку въ виду этой задачи? Долженъ ли былъ онъ, со всѣмъ внутреннимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла, съ сознаніемъ, что есть для этого дѣла и внѣшняя поддержка въ лицѣ Россіи, заявлявшей себя защитницей православія, остановиться передъ тѣмъ лоскутомъ формальнаго права, который выставляли уніаты, прикрывая имъ явное насиліе надъ чувствомъ и совѣстью народа? Долженъ былъ или нѣтъ, но онъ не остановился. Онъ перешелъ Рубиконъ. Въ 1766 г. поднялось массовое движеніе народа изъ уніи въ православіе, въ округахъ Смѣлы и Черкасъ, въ губерніяхъ Лисянской, Звенигородской, Корсунской и Каневской. Всюду сбирались громады, не слушаясь «ни двору панскаго, ни зверхности уніатской», сговаривались и клялись держаться православія до послѣдней капли крови, призывали священниковъ-уніатовъ и спрашивали ихъ согласія «на благочестіе», а если тѣ не соглашались, то отрѣшали ихъ отъ приходовъ, запирали церкви и отбирали ключи, чтобы не допустить уніатовъ. Всѣхъ поповъ, соглашавшихся «на благочестіе», везли въ Мотренинскій монастырь на обученіе и испытаніе, ѣхалъ туда народъ и по другимъ церковнымъ дѣламъ, такъ что монастырь сдѣлался центромъ и главой православнаго движенія Понятно, въ какой ужасъ пришло уніатское и католическое духовенство, когда увидало, какъ въ одинъ мигъ разсѣялись результаты его продолжительныхъ хлопотъ о спасеніи хлопскихъ душъ; большая часть панскихъ дворовъ раздѣляла эти чувства, немногіе оставались индифферентными. «Бунтъ», «мятежъ», «гайдамачина»,—такъ обзывали паны и польское духовенство это движеніе, на самомъ дѣлѣ безукоризненно спокойное и мирное. Что было дѣлать господамъ

края? Оставить такъ было немыслимо—эпидемія распространялась съ такою силой, что могла заразить весь край, заселенный малорусскимъ народомъ, погубить дѣло столѣтнихъ шляхетско-католическихъ усилій; раздражить народъ противодѣйствіемъ значило раздуть гайдамачество, когда нечѣмъ его тушить. Надо было обезопасить себѣ прежде всего такую защиту, сидя за спиной у которой можно бы было уже позаботиться о возстановленіи поруганныхъ дерзкою чернью правъ. Усиленное религіозное движеніе началось по веснѣ 1766 г.; а въ началѣ іюня уже вступили въ Смѣлянщину нѣсколько тысячъ регулярнаго войска украинской партіи съ региментаремъ Вороничемъ, призваннымъ наблюдать «за спокойствіемъ края». Началось это наблюденіе за спокойствіемъ тѣмъ, что безпокойный народъ въ самую рабочую пору, въ Петровъ постъ, согнали изъ мѣстечекъ и селъ Смѣлянскаго, Черкасскаго, Чигиринскаго округовъ въ обозъ подъ Ольшану, «и тамъ чрезъ чтири недѣли въ работѣ мучили, и дѣлали, по ихъ названію, обозъ, всѣмъ подобіемъ какъ бы городъ, дворы со всѣмъ строеніемъ съ избами, амбарами, конюшнями и прочимъ строеніемъ». Затѣмъ Вороничъ принялся за систематическое раззореніе народа непомѣрными поборами провіанту: «Все за благочестіе сердячись ляхи великѣ провенты дерли... провенты такіе безмѣрни, которыхъ отъ вѣку не давали и не слыхали... подачи такъ великіи и неумѣренніи, что иной бѣдный человѣкъ всѣмъ имуществомъ едва выстачить моглъ...» Уніаты соблазнили народъ обѣщаніями, «что котора громада пристанетъ на унію и подпишется, то зъ оной нѣ малаго провенту не возмутъ ляхи, такъ громады не подписывались та провентъ великій давали». За крѣпкой защитой войска и съ его содѣйствіемъ, уніатское духовенство принялось за возстановленіе своихъ поруганныхъ правъ. Открылись по странѣ, отъ прихода до прихода, священныя процессіи, во главѣ которыхъ двигались уніаты, а за ними слѣдовали надворные козаки съ панскими коммиссарами и жолнерскіе отряды. Тутъ былъ судъ, тутъ и расправа. Православныхъ священниковъ изгоняли изъ приходовъ, разоряли ихъ дома и грабили имущества, а въ церквахъ водворяли уніатовъ; тѣмъ изъ священниковъ, которые не успѣли спастись бѣгствомъ, а попадали на уніатскій судъ, приходилось очень круто; стригли имъ волосы и бороду, забивали въ колодки и желѣза, жестоко били плетьми, розгами и т. п. Непокорныя громады, упорствующія въ схизмѣ, стращали разными ужасами, чуть не поголовнымъ истребленіемъ всего схизматическаго населенія. Разумѣется, это были пустыя угрозы, такъ какъ въ дѣйствія ихъ народа не было ничего, даже съ точки зрѣнія фор-

мальнаго права, что оправдывало бы примѣненіе какихъ-нибудь жестокихъ мѣръ. Но все-таки дѣло не обошлось пустыми угрозами. При грубости нравовъ, которая господствовала въ тѣ времена, когда страсти такъ разыгрались, а положеніе вещей было настолько смутно и тревожно, торжествующая партія не могла не перейти за тѣ границы, которыя она себѣ должна была бы поставить, если бы руководилась благоразумнымъ расчетомъ. Сдѣлано было много лишнихъ насилій, не оправдываемыхъ обстоятельствами. По Украинѣ и за ея предѣлы полетѣли, переходя изъ устъ въ уста, разсказы о томъ, какъ жолнеры въ Черкасахъ били народъ, мужественно говорившій уніатамъ: «отнимите у насъ жизнь, но мы не хочемъ быть въ уніи», выворачивали руки и ноги, разрывали рты; какъ поляки глумились въ Жаботинѣ надъ православіемъ и дѣлали разныя притѣсненія и насилія жителямъ; какъ въ Корсунѣ уніаты били привезенныхъ туда православныхъ священниковъ до того, что кровь текла ручьями, а мясо отваливалось кусками, «который сколько можетъ стерпѣть, и били пока кто кричалъ, а какъ умолкнетъ, помертвѣетъ такъ, что только дрожитъ, то въ тѣ поры, водою обливъ, отводили», и т. д., и т. д.—безъ конца. Нѣкоторые изъ случаевъ этого рода сдѣлались достояніемъ и исторіи, и народной памяти: они подтверждаются и русскими актами, и польскими свидѣтельствами. Таковы, напр., сожженіе мліевскаго ктитора Данилы Кушнира и казнь жаботинскаго сотника Харька. Старикъ Данила Кушниръ, житель Мліева, по желанію другихъ прихожанъ, взялъ изъ церкви съ престола гробницу съ св. дарами и положилъ ее въ сундукъ, чтобы помѣшать служить въ своей церкви тамошнему уніатскому священнику, который не хотѣлъ согласиться на благочестіе, какъ ни уговаривали его прихожане. Уніатъ сдѣлалъ доносъ, будто Данила съ св. дарами ходилъ въ корчму и чашею пилъ горѣлку. Общее смятеніе и озлобленіе были настолько сильны, что не могли имѣть мѣсто правильное судебное разслѣдованіе. Старика схватили и заключили въ тюрьму. Тамъ его уговаривали пристать на унію; онъ не согласился. Тогда его доставили въ войсковой обозъ, который былъ подъ Ольшаной: тамъ должна была совершиться казнь, на страхъ прочимъ непокорнымъ хлопамъ и схизматикамъ. Старика вывели посреди обоза, обвертѣли ему пенькою руки, осмолили и подожгли. Обгорѣли руки; войсковая шляхта уговаривала уніатскаго декана, который являлся главнымъ обвинителемъ, удовольствоваться этимъ. Но тотъ настойчиво твердилъ, что «если ему не отсѣчете головы, то мнѣ отсѣкутъ», и требовалъ, чтобы казнь была доведена до конца; по его настоянію,

несчастному старику отрубили голову, которая была прибита на палю. Съ конца іюля до конца сентября торчала на палѣ эта голова. Потомъ была тайно унесена православными и перенесена въ Переяславль, гдѣ ее торжественно погребалъ тамошній епископъ. Сотникъ жаботинскій, Харько, котораго гг. Скальковскій и Мордовцевъ сдѣлали почему-то однимъ изъ главныхъ гайдамацкихъ дѣятелей 1750 г., былъ «воинъ храбростью благонадежный, рыцарскій мужъ и вѣрный сынъ православія», какъ выражаются о немъ русскіе акты. Поляки, сколько можно судить, не имѣли противъ него никакихъ обвиняющихъ фактовъ и преслѣдовали по подозрѣнію, какъ враждебнаго имъ и въ то же время вліятельнаго человѣка. О какомъ-то якобы возстаніи Харька подъ 1765 г., о которомъ говоритъ Максимовичъ, основываясь, между прочимъ, на словахъ народной пѣсни (можетъ быть, народъ смѣшиваетъ этого Харька съ извѣстнымъ ватажкомъ Харькомъ, который дѣйствовалъ въ 1736 г.), не можетъ быть и рѣчи. Поводомъ къ выдумкѣ о возстаніи Харька послужили, вѣроятно, волненія хлоповъ по зимѣ 1765 г. въ Телепинѣ, селѣ Смѣлянскаго округа, гдѣ громада прогнала собравшихся ее просвѣщать уніатскихъ миссіонеровъ. Тотъ полякъ, который сообщаетъ объ этомъ волненіи (въ книгѣ «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ»— Rolacya czyli narratiwa zamieszania Ukrainskiego»), заканчиваетъ свое описаніе такъ: «Около часу спустя (послѣ того, какъ ксендзы убрались изъ Телепина), прибѣгъ съ своими козаками Харько, жаботинскій сотникъ, подговоренный Мельхиседекомъ, и, не заставши ксендзовъ, выговаривалъ публично хлопамъ, зачѣмъ они не удержали до его пріѣзда ксендзовъ, съ которыми бы ему хотѣлось поиграть по-козацки». Этотъ же Харько сопровождалъ разъ Мельхиседека за границу, охраняя его отъ враждебныхъ нападеній. Онъ былъ казненъ региментаремъ въ обозѣ подъ Бѣлой Церковью, казненъ тихонько, въ конюшнѣ, гдѣ и зарыли его трупъ. Самъ Мельхиседекъ былъ захваченъ уніатами и, послѣ множества оскорбленій и насилій, засаженъ въ тюрьму на Волыни откуда онъ, благодаря своимъ приверженцамъ, успѣлъ бѣжать въ Россію.

Всѣ эти насилія надъ мирнымъ населеніемъ, не оказывавшимъ никакого активнаго противодѣйствія, привели къ тому, что въ слѣдующемъ же, 1767 г., т. е. наканунѣ коліивщины, все было приведено въ старый порядокъ. Сношенія православнаго населенія съ заграничной эпархіальной властью были фактически прерваны: по проѣзжимъ дорогамъ разставлены солдаты, чтобы не пускать за-гра-

ницу «аки человѣка, аки жида», всѣ лодки на р. Роси уничтожены. Немногія громады изъ вновь обращенныхъ отъ уніатства къ православію твердо стояли на своемъ, оставались лишенными религіозныхъ требъ и терпѣли военную экзекуцію; остальные покорились уніи. Но возвращеніе къ старому порядку было только внѣшнее. На самомъ дѣлѣ была большая разница въ положеніи вещей,—разница въ самомъ существенномъ,—въ настроеніи народа. Пассивное терпѣніе народа, который отлагалъ весь свой запасъ недовольства въ гайдамачину и затѣмъ покорно подставлялъ голову подъ ярмо ненавистнаго statu quo, теперь смѣнилось повсемѣстнымъ глухимъ раздраженіемъ, искавшимъ себѣ выхода. Въ тишинѣ 1767 г. чуялась гроза; изъ запорожскихъ степей уже достигали до Украины первые, пока еще слабые, громовые раскаты.

Въ февралѣ 1767 г. пріѣхалъ въ Мотренинскій монастырь изъ Сѣчи, вмѣстѣ съ монахомъ, который ѣздилъ туда по монастырскимъ дѣламъ, какой-то козакъ Иванъ. Въ то время въ монастырѣ жило нѣсколько священниковъ, изгнанныхъ изъ приходовъ уніатами. Поживъ въ монастырѣ, козакъ явился къ священникамъ и сказалъ имъ: «доки вы, отцы, будете тутъ сыдиты и нужду чрезъ тыхъ проклятыхъ уніативъ терпиты? Когда-бъ вы мини написали листъ до Гарду, чтобъ голота тутъ прибула, то-бъ я ихъ до великодня повыгонявъ и вы-бъ на великдень паски святили». Священики отвѣчали: «нехай лишь, порадимось». Съ общаго согласія одинъ изъ священниковъ написалъ письмо въ Сѣчь; оно было и отправлено туда съ однимъ монахомъ. Затѣмъ козакъ Иванъ попросилъ написать воззванія къ жителямъ Жаботина, Медвѣдовки, Черкасъ и Чигирина. Изъ села въ село начала распространяться вѣсть о томъ, что готовится расплата. Вскорѣ появились въ монастырѣ первые волонтеры изъ хлоповъ и предлагали Ивану напасть на Жаботинъ, гдѣ была часть польскаго войска и много жидовъ. Иванъ, должно быть, изъ опытныхъ сѣчевиковъ, отвѣчалъ: «не наша сила; только уніативъ повыгоняймо».—Не колега-жъ ты намъ,—отвѣчали хлопы и ушли изъ монастыря. Къ вербному воскресенью народъ съ разныхъ концовъ хлынулъ въ монастырь, чего-то ожидая. Козакъ Иванъ просилъ у намѣстника монастыря позволенія «выкликать на затягъ», т. е. сдѣлать среди народа кличъ на охотниковъ. Намѣстникъ не согласился и велѣлъ Ивану уйти изъ монастыря. Иванъ ушелъ, собралъ себѣ купу изъ одиннадцати человѣкъ и принялся выгонять изъ окрестныхъ селъ уніатскихъ священниковъ. Нападалъ онъ ночью на села и очищалъ приходъ отъ уніатовъ, православные же свя-

щенники возвращались на свои мѣста. Наконецъ, на партію Ивана напалъ отрядъ поляковъ и разогналъ ее.

Эта попытка—о ней мы знаемъ изъ сохранившагося слѣдственнаго дѣла надъ однимъ изъ участвовавшихъ въ этой исторіи православныхъ священниковъ—хорошо рисуетъ то общественное настроеніе, которое породило коліивщину. Видимо, что уже въ 1767 г. украинское хлопство готово было въ вооруженной борьбѣ искать, если не измѣненія своего общественнаго положенія, то хоть выхода изъ того гнетущаго психическаго настроенія, какое навѣяно было на украинскій народъ событіями предыдущаго года; Запорожье же, съ своей стороны, уже приготовилось взять свою обычную роль вожака и организатора готовящагося хлопскаго взрыва. Но навѣрное можно сказать, что взрывъ никогда не былъ бы такъ ужасенъ, еслибъ поляки сами не приготовили тѣхъ условій, вслѣдствіе которыхъ онъ разразился съ такою силой и единодушіемъ. Создала эти условія, по обыкновенію, вѣчная анархія Рѣчи посполитой.

Въ началѣ 1768 года на Подоли возникла, въ качествѣ оппозиціи видамъ короля и Россіи, знаменитая барская конфедерація. Конфедерація тотчасъ же вызвала изъ Украйны на Подоль войска украинской партіи,—и такимъ образомъ, самой возбужденной и враждебно настроенной части малорусскаго хлопства, въ моментъ, наиболѣе благопріятный для движенія, весною, были развязаны руки. Въ то же время всюду по странѣ разсыпались, для вербовки себѣ сторонниковъ, мелкіе отряды конфедератовъ, производя всюду смятеніе и замѣшательство. Конечно, дѣло обошлось не безъ насилій, жертвой которыхъ чаще всего становились сторонники православія, въ которомъ конфедераты видѣли одного изъ главныхъ своихъ враговъ—въ ихъ лозунгѣ на первомъ планѣ стояла «вѣра», т. е. защита единой римско-католической вѣры отъ всякихъ постороннихъ притязаній. Воинствующіе конфедераты, съ угрозами и насиліемъ требующіе себѣ содѣйствія и помощи, разъѣзжающіе по странѣ, являлись въ глазахъ народа врагами, которые предупредили его, народъ, въ намѣреніи порѣшить дѣло вооруженной борьбой. Къ конфедераціи пристала почти вся шляхта, управляющая владѣльческими имѣніями. Въ то же время по странѣ разнесся слухъ, что на усмиреніе конфедератовъ,—а, слѣдовательно, для защиты тѣснимыхъ интересовъ православнаго населенія, какъ толковалъ народъ,—идутъ русскія войска. Обстоятельства сложились такъ, какъ еще ни разу не складывались въ цѣлое столѣтіе гайдамачины. Сила удара явилась въ правильномъ соотвѣтствіи съ силой вызвавшаго его толчка.

Запорожье уже давно было готово. Съ ранней весны,—до Коша еще въ апрѣлѣ дошли вѣсти объ этомъ,—множество запорожцевъ съ молодиками, наймитами и аргатами, въ небольшихъ купахъ, пѣхотою, хлынули къ Бугу. Бугогардовый полковникъ, по недостатку силъ, а можетъ быть и желанья, не могъ сдѣлать никакой попытки удержать это движеніе; ограничился только распросами и развѣдываніемъ. На вопросы объѣздной или пограничной старшины—куда идутъ?—вольница отвѣчала, какъ видно изъ донесеній старшины въ Кошъ, угрозами, насмѣшками, или, просто на просто, отрѣзывала на типическій хохлацкій манеръ, что не знаетъ сама: «мабуть въ Чуту, въ Черный лѣсъ, або що». Очаковскія лодки то и дѣло выгружали запорожскихъ гайдамакъ на турецкую сторону Буга, откуда они уже безъ всякихъ препятствій двигались въ Польшу, въ Уманскую ея волость. Опустѣли почти всѣ промысловые притоны даже по лиманамъ Днѣпровскому и Бугскому, уже не говоря объ остальныхъ, менѣе отдаленныхъ отъ польской границы.

И такъ, по веснѣ 1768 г. запорожцы вступили въ Польшу на всѣхъ обычныхъ пунктахъ, во множествѣ незначительныхъ купъ, такъ какъ въ степи уже было неудобно формироваться большимъ отрядамъ, за строгостью русскаго пограничнаго и кошевого начальства,—вступили разомъ и въ Брацлавское, и въ Кіевское воеводства. Но главнымъ пунктомъ, куда на этотъ разъ направлялось движеніе, были дѣйствительно Черный лѣсъ и Чута, откуда оно шло уже по направленію къ лѣсамъ мотренинскимъ и лебединскимъ. Староство чигиринское, волость смилянская привлекали къ себѣ гайдамацкія купы: оттуда началась, тамъ продолжалась борьба православія съ уніатствомъ; тамъ волновались православные, ожидая себѣ помощи отъ напастей, грозившихъ имъ съ разныхъ сторонъ; оттуда писали гонимые уніатами православные священники, разсказывая о бѣдствіяхъ, какимъ подвергался край за «благочестивую вѣру»; тамъ, наконецъ, появились, въ видѣ вооруженныхъ враговъ православія, конфедераты, насиліемъ и угрозами вымогая контрибуціи и содѣйствіе, не брезгая даже прямымъ грабежомъ: на самую Пасху былъ разграбленъ и Мотренинскій монастырь, на который привыкли смотрѣть съ такимъ уваженіемъ всѣ православные обыватели края. Недалеко отъ Мотренинскаго монастыря, верстахъ въ двухъ, надъ Холоднымъ оврагомъ, гайдамаки заложили себѣ кошъ—тамъ расположилась ватага атамана Шелеста, «для защиты онаго и прочихъ благочестивыхъ монастырей». Тутъ

появился изъ монастыря (кажется, Медвѣдовскаго) и Максимъ Желѣзнякъ съ нѣсколькими товарищами.

Принималъ ли Мотренинскій монастырь какое-либо участіе въ подготовленіи кровавой драмы, которая должна была такъ скоро разыграться? Трудно сказать. Вѣроятно, его роль была въ главныхъ чертахъ та же, что и въ предыдущимъ году, когда явился въ монастырѣ съ своими предложеніями козакъ Иванъ. Православные священники, которые скитались, прокармливаясь, по монастырямъ, конечно, были всей душой рады возвратить себѣ, съ помощью гайдамакъ, свои грунты, своихъ воловъ, коровъ, овецъ и приходы, отнятые у нихъ уніатами; многіе изъ монаховъ тоже были не прочь посмотрѣть и послушать, какъ будутъ гайдамаки вымещать на уніатахъ все, чѣмъ они угощали православныхъ. Но монастырское начальство едва ли бы рѣшилось взять на себя починъ въ видѣ открытаго благословенія народа, освященія ножей или чего-нибудь подобнаго, въ чемъ поляки обвиняли монаховъ. Какъ бы то ни было, одно несомнѣнно, что Мельхиседекъ Яворскій, на котораго сваливаютъ чуть не всю коліивщину, былъ въ ней рѣшительно ни при чемъ. Онъ въ это время жилъ уже на лѣвомъ берегу Днѣпра и посылалъ оттуда увѣщанія народу не прибѣгать къ насилію. По своему активному, энергическому темпераменту,—темпераменту борца, а не монаха,—онъ могъ сочувствовать рѣзкому народному протесту; но онъ слишкомъ хорошо зналъ положеніе вещей, настроеніе и виды Россіи, чтобы могъ надѣяться на удовлетворительный результатъ кровавыхъ усилій народа; поэтому невозможно предположить, чтобы онъ рѣшился взять на свою совѣсть подтолкнуть на прямую и очевидную гибель народъ, отъ котораго онъ видѣлъ столько сочувствія и поддержки. Да и была ли надобность въ какомъ-нибудь подталкиваніи? Теперь, когда гайдамацкое движеніе уже достаточно выяснилось, очевидно, что при извѣстномъ стеченіи условій, какое, напримѣръ, имѣло мѣсто передъ коліивщиной, народъ невозможно было ни подталкивать, ни удерживать: въ расколыхавшейся стихіи безслѣдно исчезали усилія отдѣльнаго человѣка. Можетъ быть, можно поставить Мельхиседеку въ вину его иллюзію — достигнуть чего-нибудь въ Польшѣ путемъ легальнаго протеста, путемъ защиты правъ угнетеннаго на опорной точкѣ данныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій, — иллюзіи, поднявшей нѣсколько настроеніе украинскаго народа? Въ польской республикѣ это оказалось такъ же мало возможнымъ, какъ въ любомъ деспотическомъ государствѣ. Тамъ, гдѣ онъ видѣлъ дорогу, ея не было, положеніе оказалось

безвыходнымъ. Дѣйствительно, это была ошибка Мельхиседека, но ошибка такого рода, которую нельзя ставить въ вину человѣку, Есть натуры, одаренныя настолько требовательными общественными инстинктами, что ихъ неудержимо тянетъ толкаться не только въ закрытыя двери, но даже въ глухую стѣну—и Мельхиседекъ принадлежалъ къ такимъ натурамъ. Но тамъ ошибка и для него, человѣка съ умомъ и пониманіемъ положенія, была возможна—то былъ, при данныхъ условіяхъ, первый опытъ, въ то же время такой опытъ, въ которомъ для себя было больше риску, чѣмъ для другихъ; относительно гайдамацкихъ движеній у него не могло быть такого заблужденія. Поэтому мы считаемъ вполнѣ убѣдительными тѣ свидѣтельства актовъ, изъ которыхъ видно, что Мельхиседекъ старался удержать народъ отъ насильственнаго образа дѣйствій, какъ отъ совершенно безплодной, при данныхъ условіяхъ, траты силъ.

И такъ, можно считать вполнѣ достовѣрнымъ, что Мельхиседекъ Яворскій не получалъ никакихъ тайныхъ инструкцій отъ Екатерины, хотя и былъ ей разъ представленъ въ Невскомъ монастырѣ послѣ молебна, не писалъ золотой грамоты, не ѣздилъ ни въ Запорожье подговаривать на бунтъ кошевого, ни въ зимовникъ на Громоклеи просить стараго козака Желѣзняка отпустить на дѣло сына Максима, не воспламенялъ откровенными разговорами честолюбіе отважнаго запорожца, не освящалъ ножей, не произносилъ эффектныхъ рѣчей—однимъ словомъ, не совершалъ никакихъ ни трогательныхъ, умилительныхъ, торжественныхъ, ни хитрыхъ, пронырливыхъ, коварныхъ дѣйствій, которыми такъ щедро одѣляютъ его польскіе, а за ними и наши историки гайдамачины, съ той разницей, что поляки предпочитаютъ дѣйствія коварныя, а русскіе историки—умилительныя и торжественныя.

Но если исторія такъ разубрала скромную фигуру Мельхиседека, то и a priori можно было бы предположить, что она не пожалѣетъ мишуры и погремушекъ на гораздо болѣе эффектную фигуру Желѣзняка. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ надутъ и разукрашенъ, что изъ-за его фигуры коліивщина, въ ея изображеніяхъ и у польскихъ и у русскихъ ея историковъ, гг. Скальковскаго и Мордовцева, совершенно теряетъ типическія черты гайдамацкаго движенія, превращается въ какую-то своего рода пугачевщину съ ярко выраженнымъ центромъ, къ которому все пріурочивается. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Коліивщина произведена была множествомъ гайдамацкихъ купъ, изъ которыхъ однѣ, по обыкновенію, вышли изъ запорожскихъ степей и русскихъ владѣ-

ній, другія формировались на мѣстѣ: хлопство тѣхъ мѣстностей, которыя были возбуждены предыдущимъ религіознымъ движеніемъ и уніатскими насиліями, поднималось единодушнѣе и энергичнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ общемъ движеніе оставалось тѣмъ же, чѣмъ оно было и въ предыдущіе годы, когда разыгрывалась гайдамачина; въ частности оно было интенсивнѣе обыкновеннаго въ опредѣленной мѣстности, гдѣ были спеціальныя причины для усиленнаго волненія. Такъ что можно сказать, что у коліивщины былъ центръ, но не въ личности Желѣзняка, а въ мѣстномъ раздраженіи, которое производило болѣе усиленный притокъ гайдамацкихъ силъ къ опредѣленному пункту, т. е. въ староство Чигиринское и его окрестности, гдѣ разыгрывалась борьба между православіемъ и уніатствомъ. Въ этихъ наиболѣе возбужденныхъ мѣстностяхъ появились запорожскіе ватажки Шелестъ, Неживый, Желѣзнякъ, Бондаренко; были, конечно, и другіе, такъ какъ всегда при гайдамацкихъ движеніяхъ пограничное Чигиринское староство платилось больше другихъ мѣстностей. Главный лагерь гайдамакъ былъ, какъ мы уже сказали, около Мотренинскаго монастыря. Кругомъ, въ староствахъ Чигиринскомъ и Черкасскомъ, въ Смилянщинѣ и Жаботинщинѣ, всюду волновались хлопы. Надворныя козацкія милиціи, которыя были въ каждомъ изъ центровъ этихъ мѣстностей,—въ Чигиринѣ, Черкасахъ, Смилѣ и Жаботинѣ,—раздѣляли хлопское недовольство, такъ какъ уніатскія преслѣдованія затрогивали и ихъ. У всѣхъ недовольныхъ и готовящихся къ расплатѣ должно было господствовать общее представленіе, что ихъ намѣренія совпадаютъ съ намѣреніями Россіи, которая защищала до сихъ поръ православіе мирнымъ путемъ—черезъ короля и сеймъ (это могъ подтвердить подъ клятвой каждый православный священникъ и самъ Мельхиседекъ), а теперь, когда паны образовали вооруженное сопротивленіе видамъ Россіи, идетъ съ войскомъ противъ пановъ, враговъ благочестія. Ничего не могло быть яснѣе. Тѣмъ изъ запорожцевъ, волнующихся хлоповъ и надворныхъ козаковъ, которые группировались въ этихъ возбужденныхъ мѣстностяхъ, должно было легко придти соображеніе, что уже настало настоящее время поработать въ руку Россіи и на защиту православія. Отдѣльными разбросанными купами, конечно, не много сдѣлаешь путнаго: надо силамъ соединиться. Но соединенными силами должно управлять лицо, выше козацкихъ сотниковъ или гайдамацкихъ атамановъ, — необходимъ полковникъ. Въ то время въ Медвѣдовкѣ Чигиринскаго староства жилъ полковникъ надворной козацкой милиціи, польскій шляхтичъ Квасневскій. Одинъ изъ немно-

гихъ представителей панскихъ дворовъ, онъ защищалъ православіе отъ уніатскихъ преслѣдованій и еще недавно выпроводилъ изъ староства уніатскихъ миссіонеровъ. Ясно, что онъ долженъ былъ быть другомъ Россіи и врагомъ конфедератовъ,—и между польской шляхтой были друзья Россіи и враги конфедератовъ; этого, конечно, не могли не знать гайдамаки. Въ 1734 году полковникъ надворной волошской милиціи князей Любомірскихъ всталъ во главѣ народнаго движенія въ Брацлавщинѣ; отчего же не могъ полковникъ надворной козацкой милиціи князей Яблоновскихъ сдѣлать того же на Украинѣ въ 1768 г.? И вотъ Желѣзнякъ съ товарищами является съ такимъ предложеніемъ къ Квасневскому. Но шляхтичъ такъ испугался предстоящей ему чести, что убѣжалъ за р. Тясьминь, въ русскіе предѣлы. Хотя этотъ эпизодъ передаетъ только одинъ изъ польскихъ писателей Липпоманъ, но онъ обставленъ такими доказательствами и самъ по себѣ настолько правдоподобенъ, что мы не усомнились принять его за доказанный фактъ. Къ удивленію, г. Мордовцевъ, котораго все сочиненіе о гайдамачинѣ представляетъ сплетеніе всякихъ противорѣчивыхъ фактовъ, не провѣренныхъ ни надлежащимъ сличеніемъ источникомъ ни продуманнымъ соображеніемъ, относится почему-то съ недовѣріемъ къ этому показанію Липпомана,—одному изъ тѣхъ немногихъ его показаній, къ которымъ можно отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь удѣлить мѣста необходимымъ критическимъ подробностямъ и потому принуждены ограничиться голословнымъ утвержденіемъ. Когда Квасневскій отказался, гайдамакамъ не оставалось ничего дѣлать, какъ выбрать, по своему козацкому обычаю, полковника изъ среды себя. Въ томъ же кошѣ на Холодномъ оврагѣ былъ выбранъ полковникомъ Максимъ Желѣзнякъ, который уже назывался не полковникомъ его королевской милости, какъ старые правобережные козацкіе полковники, а полковникомъ Низоваго запорожскаго войска.

Почему былъ выбранъ именно Желѣзнякъ? Обусловливался ли этотъ выборъ его совершенно исключительными, выдающимися личными качествами, или онъ былъ результатомъ какого-нибудь стеченія обстоятельствъ, одной изъ безчисленнаго множества случайностей, которыя управляютъ такъ часто человѣческими дѣйствіями? Предоставляемъ г. Скальковскому обвинять Желѣзняка въ злодѣйскихъ и кровавыхъ честолюбивыхъ замыслахъ, которые будто бы руководили его дѣйствіями, предоставляемъ г. Мордовцеву, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, одарять его всякими качествами не-

дюжиннаго характера, утверждать съ увѣренностью, что начальство надъ возстаніемъ «была завѣтная мечта Желѣзняка», что впереди у него блестѣла «обаятельная гетманская булава» и т. д. Мы, въ нашей скромной роли повѣствователя и немножко толкователя событій, должны признаться, что безусловно не знаемъ ничего положительнаго насчетъ личности Желѣзняка; мало того, всѣ обстоятельства, по скольку они достовѣрно извѣстны, не даютъ ни намъ, ни кому другому права рѣшительно ничего заключать на этотъ счетъ. Народныя преданія и пѣсни—единственный источникъ, откуда бы можно было что нибудь почерпнуть; но это еще очень большой и сложный вопросъ, какъ слѣдуетъ пользоваться народными преданіями и поэзіей въ качествѣ источниковъ исторіи—одно можно сказать съ достовѣрностью, что не такъ, какъ пользовался г. Мордовцевъ, совершенно невѣроятнымъ образомъ не дѣлающій различія между историческимъ фактомъ и народнымъ преданіемъ. Гдѣ выдвигается достовѣрный историческій фактъ, Желѣзнякъ скрывается. Мало того: даже вся эта масса кровавыхъ подвиговъ, которая взваливается на ополченіе, предводительствуемое Желѣзнякомъ,—выдумка, источникомъ которой было фальшивое представленіе о коліивщинѣ, какъ о движеніи, произведенномъ по опредѣленному плану, съ опредѣленнымъ центромъ и главой и т. п. На самомъ дѣлѣ, всѣ эти взятія Черкасъ, Канева, Богуслава, Лысянки, приступъ къ Бѣлой-Церкви и т. п.—съ разными болѣе или менѣе кровавыми подробностями—все это была, какъ обыкновенно въ гайдамацкихъ движеніяхъ, работа различныхъ гайдамацкихъ купъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы кое-что знаемъ, напр., количество ихъ, имена ватажковъ. Такъ, около Богуслава работалъ отаманъ Швачка съ нѣсколькими сотнями человѣкъ, около Бѣлой-Церкви Журба съ тремя стами, съ знаменами, пушками и гаковницами, около Чигирина и Канева—Неживый и т. д. Когда Желѣзнякъ былъ выбранъ полковникомъ, всѣ эти отаманы, по обычной козацкой военной дисциплинѣ, должны были считать себя ему подчиненными, хотя дѣйствовали сами собой, на свой страхъ и рискъ, по своимъ собственнымъ планамъ; а сколько должно было быть такихъ, болѣе отдаленныхъ отъ главнаго центра движенія, которые и совсѣмъ не слыхали о полковникѣ Желѣзнякѣ... Гайдамацкія купы, дѣйствовавшія въ Кіевской Украинѣ, были всѣ проникнуты однимъ религіознымъ настроеніемъ: онѣ всюду забирали уніатскихъ священниковъ, принуждая ихъ обращаться къ православію и изъявлять согласіе на подчиненіе переяславской епархіи; священники должны были немедленно отправляться

въ Переяславль, по настоянію гайдамакъ,—въ случаѣ отказа ихъ убивали. Рѣзня жидовъ и ляховъ шла своимъ порядкомъ.

Полчища (по выраженію историковъ гайдамачины) Желѣзняка были очень скромныхъ размѣровъ. Воейковъ, тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ, пишетъ кошевому насчетъ гайдамацкой шайки Желѣзняка: «Главный вождь помянутой гайдамацкой шайки сказывается полковникомъ войска запорожскаго, низового, и называется Максимъ Желѣзнякъ, при коемъ яко бы дѣйствительно до 100 человѣкъ запорожскихъ козаковъ находится...» Липпоманъ, со словъ Квасневскаго, передаетъ, что шайка Желѣзняка возросла до трехъ сотъ лишь тогда, когда онъ двинулся къ Смилѣ, постоянно все увеличиваясь хлопами, которые приставали къ ней съ разнымъ оружіемъ, а нѣкоторые, вмѣсто пикъ, съ обостренными на концахъ кольями; только тогда, когда онъ уже двигался къ Звенигородкѣ, направляясь на Умань, около него собралось больше тысячи человѣкъ. Даже подъ Уманью, по наиболѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, число гайдамакъ было всего тысячи двѣ. Конечно, на точность подобныхъ цифръ невозможно полагаться: но когда въ ихъ опредѣленіи сходятся современники—и друзья и враги, онѣ могутъ быть приняты за приблизительно вѣрныя. Разумѣется, на крупное дѣло, въ родѣ взятія Умани, должны были сходиться хлопы, которые опять расходились по домамъ—это не могло быть иначе.

Единственное видное дѣло ополченія Желѣзняка было взятіе Умани: до Умани мы не имѣемъ основаній ничего изъ дошедшихъ до насъ событій, болѣе или менѣе замѣтныхъ, отнести насчетъ Желѣзняка. Только взятіе Корсуня было, сколько можно судить, дѣломъ его ополченія. Корсунь долженъ былъ привлекать Желѣзняка съ его гайдамаками, какъ такой пунктъ, гдѣ былъ центръ мѣстнаго уніатства, гдѣ производились суды и расправа надъ православнымъ духовенствомъ. Но никакихъ достовѣрныхъ подробностей о взятіи Корсуня нѣтъ, кромѣ того, что въ корсуньскомъ замкѣ были забиты Желѣзнякомъ уніатскіе священники. Отсюда Желѣзнякъ чрезъ Звенигородку направился на Умань. Уманьская рѣзня, одна единственная, создала громкую извѣстность Желѣзняка, послуживъ ему пьедесталомъ, на который одни тащили его, чтобы удобнѣе заушать, какъ злодѣя, по мановенію руки котораго погибли тысячи жертвъ, другіе—чтобы удобнѣе кадить ему, какъ народному герою, который явился руководителемъ народа на пути осуществленія завѣтныхъ его стремленій и идеаловъ. Что злодѣйство Желѣзняка было ни при чемъ въ уманьской рѣзнѣ—это слишкомъ очевидно: народъ въ сходныхъ

обстоятельствахъ всегда самъ собою производилъ подобныя же повальныя избіенія жидовъ, шляхты и ксендзовъ. Что Желѣзнякъ не могъ быть и настоящимъ народнымъ вождемъ, который долженъ воплощать въ себѣ въ сознательной формѣ то, что бродитъ въ массахъ въ видѣ безсознательныхъ стремленій и инстинктовъ, это слишкомъ ясно обнаружилось его образомъ дѣйствій, или, точнѣе, бездѣйствія, послѣ уманьской рѣзни. Вырѣзать Умань для того, чтобы стоять подъ ней, дожидаться, пока придутъ русскіе, и въ буквальномъ смыслѣ слова, перевяжутъ руки—это было нѣчто, достаточно приличное для простого заурядняго запорожскаго ватажка, хотя бы онъ носилъ и титулъ полковника, но совсѣмъ не подходящее для народнаго героя, выдающагося человѣка, съ безпокойной душой и великими, честолюбивыми замыслами, какъ его обыкновенно изображаютъ. Было ли у Желѣзняка даже искусство и предпріимчивость обыкновеннаго ватажка? Можетъ быть, да и почти навѣрное: трудно предположить, чтобы гайдамаки выбрали за вожака человѣка, стоящаго ниже средняго уровня по тѣмъ главнымъ качествамъ, которыя ими требовались и о которыхъ они, безспорно, могли судить съ увѣренностью. Но по фактамъ не видно и этого: Умань, взятіе которой было почти единственнымъ безспорнымъ предпріятіемъ его ополченія, была взята благодаря измѣнѣ Гонты и козацкой надворной уманьской милиціи. Страннымъ образомъ создаются историческіе взгляды и мнѣнія. Только потому, что въ Умани нашлись образованные монахи, что губернаторъ Младановичъ далъ своей дочери настолько порядочное образованіе, что она могла составить свои записки,—остается нѣсколько описаній уманьской рѣзни, описаній, сдѣланныхъ очевидцами, которые пишутъ подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ событія: потоки крови, горы труповъ, вопли жертвъ, свой собственный безумный страхъ,—все это припоминается пишущему и туманитъ ему голову. Событіе, само по себѣ крайне печальное, ужасное, выростаетъ подъ перомъ до чудовищныхъ размѣровъ, до какихъ хватаетъ воображеніе и искусство пишущаго. И вотъ передъ потомствомъ, на темномъ фонѣ, которымъ безмолвіе покрываетъ всю столѣтнюю связь событій, съ ихъ причинами и послѣдствіями, выдвигается кроваво-яркимъ пятномъ одна безобразная картина. Изъ-за уманьской рѣзни не видно ни коліивщины, ни даже гайдамачины. Но уже настала пора отвести этому событію его надлежащее мѣсто. Безспорно, что во всей исторіи гайдамачины не было такого большого по числу жертвъ истребленія жидовъ и поляковъ за одинъ разъ, такъ какъ никогда не попадалось ихъ столько въ руки гайдамакамъ, и притомъ все

самаго ненавистнаго разбора: барскіе конфедераты, шляхтичи-поссессоры, уніатскіе миссіонеры и т. п. Но писатели-очевидцы, должно быть, сильно преувеличиваютъ ихъ число. Что-то совершенно невѣроятное, чтобы двадцать тысячъ—около этого обыкновенно опредѣляютъ поляки число погибшихъ въ Умани—за стѣнами хорошо укрѣпленнаго замка, съ запасомъ всякаго оружія, пушекъ, пороху, позволили себя перерѣзать толпѣ желѣзняковыхъ гайдамакъ, если допустить даже, что она была усилена тысячей, двумя, нѣсколькими тысячами, если хотите, хлоповъ, вооруженныхъ, большею частію, одними кольями. Надо думать, что польская цифра страшно преувеличена, вѣроятно, въ нѣсколько разъ, хотя теперь уже невозможно возстановить истину. Интересно, что уманьскіе жители, которые пріѣхали для торговли въ Сѣчь и были допрашиваемы, какъ очевидцы, войсковой старшиной насчотъ уманьскихъ событій, опредѣлили число убитыхъ шляхтичей до 100 человѣкъ, а жидовъ до 300, всего на все 400. А они были такъ же мало заинтересованы въ томъ, чтобы уменьшать число убитыхъ, какъ поляки-очевидцы въ томъ, чтобы его увеличивать, т. е. не имѣли въ этомъ никакого личнаго интереса, хотя должны были имѣть нѣкоторый, такъ сказать, интересъ партіи, побуждающій человѣка выгораживать своихъ и валить на чужихъ.

Чѣмъ привлекала къ себѣ гайдамакъ Умань? Зачѣмъ они кинулись на нее и затѣмъ остановились, точно совершивъ какой-то великій подвигъ? Умань былъ богатый, торговый городъ и сильная пограничная крѣпость, зорко выглядывавшая на запорожскія степи; когда поднялось смятеніе на Украинѣ и отозвалось на Подоли, въ ней укрылась масса шляхты съ своими имуществами и евреевъ, которые буквально запрудили городъ. Все это, несомнѣнно, было очень соблазнительно. Въ Уманьской волости гайдамаки изъ Украины могли встрѣтить въ случаѣ надобности сильную поддержку отъ тѣхъ гайдамацкихъ купъ, которыя вступили въ Польшу черезъ Бугъ и турецкія владѣнія. И это могло входить въ расчеты, если они были. Но все-таки центръ тяжести долженъ былъ лежать не въ такихъ или подобныхъ расчетахъ и соображеніяхъ. Гайдамацкія купы съ хлопствомъ и надворными козаками соединились и выбрали собѣ полковника для достиженія одной опредѣленной цѣли—защиты православія отъ уніатскихъ и конфедератскихъ насилій. Конечно, къ этому присоединялись и обычныя завѣтныя мечты объ освобожденіи отъ панства, о превращеніи хлоповъ въ козаковъ, а польской Украины въ гетманщину, но главный толчокъ движенія исходилъ

изъ непосредственныхъ впечатлѣній отъ послѣднихъ, совершенно еще свѣжихъ въ памяти, событій, и эти впечатлѣнія должны были господствовать надъ умами массы. Великою ревностью о вѣрѣ своего владѣльца Франца-Салезія Потоцкаго, Умань около эпохи коліивщины сдѣлалась настоящимъ разсадникомъ католической и уніатской пропаганды. Потоцкій и его главный губернаторъ Младановичъ изо всѣхъ силъ старались, чтобы въ Уманщину не занесенъ былъ духъ заразы благочестія, вторгнувшійся въ Смилянщину и др. окрестныя мѣста; мало того, чтобъ изъ Умани возсіялъ свѣтъ на всю слѣпую и мятущуюся въ своей слѣпотѣ Украину. Потоцкій учредилъ въ Умани уніатскую миссію и пригласилъ миссіонеровъ, подъ руководствомъ опытнаго и усерднаго миссіонера Ираклія Костецкаго, которому предстояло пасть въ Умани отъ руки гайдамакъ въ числѣ прочаго духовенства; устроилъ съ той же цѣлью школы, базиліанскій уніатскій монастырь, основалъ множество новыхъ церквей въ Уманьской волости и т. н. Понятно, почему гайдамаки, которые стояли кошемъ около Мотренинскаго монастыря и шли съ полковникомъ, только что вышедшимъ изъ монастырскихъ послушниковъ, должны были смотрѣть съ ненавистью на Умань и стремились къ ней, какъ къ своей главной цѣли. Тревожиться насчетъ послѣдствій своихъ поступковъ имъ не приходило и въ голову. Россія была достаточно сильна, чтобы защитить своихъ сторонниковъ, а русскія войска шли къ Бару, гдѣ заперлись враги православія—конфедераты. Можетъ быть, эту увѣренность поддерживалъ и царскій указъ, или золотая грамота, если только она не миѳъ, какъ указы 34 и 50 годовъ, а дѣйствительно была кѣмъ-нибудь написана, что не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ коліивщинѣ, несомнѣнно, сочувствовало православное духовенство, достаточно грамотное для того, чтобы написать какую-нибудь бумагу: вѣдь писало жъ оно въ 1767 году воззваніе къ жителямъ Жаботина, Черкасъ и т. д. Несомнѣнно одно, что золотая грамота, выдаваемая поляками за подлинную грамоту Екатерины, есть такая грубая и невѣжественная подцѣлка, какой не могъ сдѣлать ни одинъ православный попъ, ни козакъ, однимъ словомъ, никакой грамотный украинецъ.

Мы почти совсѣмъ не видимъ Желѣзняка ни при взятіи Умани, ни во время уманьской рѣзни; всѣ описывавшіе эти кровавыя событія едва-едва вскользь упоминаютъ его имя. За то другой герой коліивщины, знаменитый уманьскій сотникъ Гонта, не сходитъ, что называется, съ пера. Оно и понятно: для очевидцевъ, переживших

весь ужасъ этихъ кровавыхъ событій, Гонта, на котораго шляхетство Умани возлагало почему-то всѣ свои надежды и благодаря измѣнѣ котораго оно подверглось такой печальной участи, Гонта, естественно, былъ фокусомъ, поглощавшимъ все вниманіе. Но несмотря на относительно большое количество матеріала, исторія не только не выясняетъ личности Гонты, не выясняетъ даже мотивовъ его измѣны, единственнаго дѣйствія, благодаря которому имя его сдѣлалось историческимъ. Лишь только дѣло коснется Гонты, историки гайдамачины опять прибѣгаютъ къ тѣмъ же шаблонамъ—злодѣйству и неблагодарности, съ одной стороны, необузданному честолюбію—съ другой. Ни одинъ историкъ не остановился на слѣдующемъ показаніи неизвѣстнаго автора записокъ объ уманьской рѣзнѣ, очевидца ея, котораго считаютъ за Павла Младановича, сына уманьскаго губернатора и брата Вероники Кребсовой, урожденной Младановичъ, которая написала другія записки, очень извѣстныя. Записки Павла Младановича сравнительно плохо обработаны въ литературномъ отношеніи и, можетъ быть, потому онѣ такъ мало останавливаютъ на себѣ вниманіе историковъ по сравненію съ описаніями Кребсовой, Липпомана и Тучапскаго. А между тѣмъ въ нихъ много любопытнаго, чѣмъ можетъ воспользоваться историкъ коліивщины, разумѣется предварительно провѣривъ, насколько можно, его показанія. Насчетъ Гонты предполагаемый Павелъ Младановичъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: «Обухъ (полковникъ надворной уманьской милиціи) доносилъ въ маѣ на Гонту, что онъ имѣетъ сношенія съ заграничными людьми, уходитъ ночью изъ лагеря въ свою деревню и тамъ съ кѣмъ-то держитъ совѣщанія. Урядъ нринялъ этотъ доносъ, поручилъ Обуху самое старательное наблюденіе, но объяснилъ ему, что нельзя вѣшать неуличеннаго. Такъ какъ Гонту не допустили ни съ кѣмъ снестись и предупредить, то онъ не могъ предостеречь своевременно кіевскихъ поповъ насчетъ того, что ему запрещены сношенія, и они пришли въ лагерь, какъ люди подозрительные, были схвачены и отданы подъ строгій присмотръ. Однако же, въ письмахъ, которыя они принесли изъ Кіева, не было ничего, кромѣ заявленій отвращенія къ уніи, жалобъ на епископское запрещеніе ходить въ кіевскія святыя пещеры и на урядъ, который поддерживаетъ это запрещеніе... Послѣ этого съ Гонты взяли присягу, что если онъ останется при милиціи, то подъ страхомъ смерти прерветъ всякія сношенія съ кѣмъ бы то ни было». Этотъ эпизодъ—допустимъ его, такъ какъ онъ крайне правдоподобенъ, правдоподобнѣе многихъ другихъ, принимаемыхъ историками коліивщины

за достовѣрные факты—объясняетъ нѣсколько поступки Гонты. Онъ сочувствовалъ религіозному движенію, которое охватило всѣ окрестныя мѣстности; онъ не могъ относиться враждебно и къ тому гайдамацкому ополченію, которое заявляло себя, какъ активный представитель этого движенія. Его рѣшимости «измѣнить пану Потоцкому, который осыпалъ его благодѣяніями», какъ выражаются обыкновенно поляки, содѣйствовало, конечно, и смутное время, когда всѣ отношенія усложнялись и перепутывались такъ, что въ нихъ даже историку не легко разобраться, не то, что современнику, вынужденному обстоятельствами впутаться въ событія. Ополченіе Желѣзняка считало своимъ врагомъ конфедератовъ, съ которыми сливалось уже все католическое, уніатское и шляхетское, однимъ словомъ, все, что народъ издавна привыкъ считать себѣ враждебнымъ. Но вѣдь была и шляхта, которая шла тоже противъ конфедератовъ. Сама Умань почему-то удерживалась отъ того, чтобы дать требуемую конфедераціею помощь, между тѣмъ какъ всѣ окрестныя имѣнія (за исключеніемъ, конечно, имѣній Чарторижскихъ и ихъ партіи) поспѣшили дать эту помощь. Почему не давала ее Умань? Едва-ли уманьскій урядъ могъ это дѣлать, не справляясь съ политическими видами своего господина. Гонта могъ принимать въ соображеніе и это обстоятельство... Конечно, главный корень всему былъ въ томъ, что Гонта, хоть и не хлопъ, самъ чуть-чуть не шляхтичъ, владѣлецъ деревень, все-таки былъ малороссъ со всѣми завѣтными стремленіями своего народа, съ идеалами козачины и гетманщины, съ тайной надеждой на Россію.

Мы не станемъ вдаваться въ подробности относительно взятія Умани и уманьской рѣзни—г. Мордовцевъ описалъ все это очень обстоятельно по Кребсовой и Тучапскому,—да и интереса, признаться, немного въ этихъ подробностяхъ. Какъ ни преувеличивали поляки ужасы своихъ описаній, все-таки дѣйствительность была возмутительна. «Дывысь, пане подстолій, якъ гуляють!» говорилъ Гонта уманьскому губернатору Младановичу. И, дѣйствительно, былъ ужасный разгулъ народныхъ страстей, родъ безумнаго и бѣшенаго, звѣрскаго экстаза, который овладѣваетъ массой, когда она вырывается на немногія минуты изъ-подъ гнета, именно на минуты—она, вѣроятно, инстинктивно чувствуетъ это,—и хватаетъ въ свои руки власть. «Вы не Младановичъ, мы Младановичи», кричали уманьскому губернатору гайдамаки. И оскорбленное общественное чувство, національное, религіозное, вѣками питавшееся ненавистью въ тайникахъ народной души, и давняя личная обида, и свѣжее

мелкое оскорбленіе, все разомъ овладѣваетъ душой и съ неистовой жадностью ищетъ удовлетворенія въ крови, въ стонѣ жертвъ, въ безобразномъ насиліи. Еще ни разу не доводилось гайдамацтву «погулять» на такомъ просторѣ. Павелъ Младановичъ, который десятилѣтнимъ мальчикомъ присутствовалъ при уманьской рѣзнѣ, въ своемъ скромномъ описаніи, лишенномъ притязаній на эффектъ, такъ разсказываетъ о томъ, что видѣлъ: «Дорога уже была выстлана трупами. Трупы всѣ были обнажены, даже безъ сорочекъ, козачество летало передъ глазами отъ одного конца до другого; крикъ, шумъ, вопли производили въ головѣ помѣшательство, ужасъ. Дѣти, поднятыя на копья, представляли ужасное и поражающее зрѣлище. Выбиваютъ окна, разваливаютъ печи, одни выгоняютъ людей изъ домовъ, другіе принимаютъ на копья выгнанныхъ, топчутъ конями недоколотыхъ... Черезъ рынокъ идти нужно было (мальчику съ охранявшимъ его козакомъ). Тутъ представилось ужасное зрѣлище. Онъ уже былъ выстланъ трупами по всей своей площади. Лежали разно: одни—лицомъ къ землѣ, а затылкомъ къ небу, другіе—затылкомъ къ землѣ, а лицомъ къ небу. Окна во всѣхъ домахъ уже были выбиты, книжки, перины повыбросаны на улицу, перины распороты, перья разносились вѣтромъ и покрывали трупы. Надо было наступать на трупы, а когда выдавливались при этомъ внутренности: «о, не зважай», кричалъ козакъ, «соромныя то тила, не православної виры!»

Несмотря на всю сумятицу, которую должно было производить въ умахъ и настроеніяхъ участіе въ этой кровавой оргіи, главный мотивъ, соединившій и двинувшій ополченіе Желѣзняка—«православная вира» и мщеніе за нее—все-таки былъ на первомъ планѣ. Самыя тяжелыя сцены группируются около костеловъ, школъ, всего, что напоминаетъ католичество и уніатство. Уніатскихъ священниковъ запрягали въ ярмо, приговаривая: «уніатскіе волы—не православные священники». Восклицанія: «ото Богъ лядскій!» сопровождали разныя надруганія надъ католической святыней. Лядчину отъ нелядчины различали по тому, умѣетъ ли человѣкъ прочесть молитву, умѣетъ ли какъ слѣдуетъ перекреститься по православному. Но и этого было недостаточно; надо было еще имѣть «православное тило». «Много было такихъ несчастныхъ», разсказываетъ Младановичъ, «которые умѣли все, что касается вѣры—и крестились какъ слѣдуетъ, и молитву говорили, и пили хорошо (теплую горѣлку съ медомъ), а какъ доходило до «покажи тило»—гинули, потому что не имѣли чернаго тѣла: и вѣрно, что въ ихъ лагерѣ у всѣхъ тѣла были

одного чернаго цвѣта». Конечно, дѣло не могло обойтись безъ расплаты и за соціальные грѣхи. Панство гибло съ жидами, которые, по обыкновенію, являлись козлищами отпущенія и за свои, и за чужія вины, съ имуществами, цѣликомъ преданными на разграбленіе и истребленіе разгулявшемуся гайдамацтву, съ документами и всякими бумагами, на которыя гайдамаки накидывались, какъ всегда. Младановичъ разсказываетъ, что когда онъ, свободно уже пущенный ходить по Умани, такъ какъ рѣзня утихла, зашелъ въ замокъ и забралъ съ другимъ полякомъ, своимъ учителемъ, нѣсколько бумагъ, то вслѣдъ за ними прискакали на коняхъ гайдамаки съ криками: «выдай, выдай письма лядскія, выдай заразъ!» Начали обыскивать мальчика и учителя, отобрали у нихъ свертокъ бумагъ, бросили его въ растопленую печь, а имъ запретили показываться въ замокъ.

Войско Желѣзняка и Гонты расположилось лагеремъ подъ Уманью. Все больше и больше хлоповъ прибывало туда. Уманьскія событія туманили голову. Разомъ, однимъ ударомъ, такъ сказать, почти безъ потерь и усилій, большой округъ совершенно освободился отъ своихъ господъ—эффектъ былъ поразительный. Гетманщина и козачина,—все, что до сихъ поръ рисовалось, какъ отдаленный идеалъ—вдругъ, подъ впечатлѣніемъ успѣха, должно было представляться такимъ близкимъ и легко осуществимымъ. Сходить еще на Волынь, на Подоль, на Полѣсье, снести тамъ лядчину, какъ снесли ее въ Уманьщинѣ, и все кончено. Да и теперь на Украинѣ развѣ не козачина? Шляхты нѣтъ, кто вырѣзанъ въ Умани, въ Лисянкѣ, въ другихъ городахъ, въ своихъ имѣніяхъ гайдамацкими купами и хлопскими громадами, кто бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Устроить козацкіе полки, провозгласить Желѣзняка гетманомъ, выбрать полковниковъ—все это такъ легко и просто... Масса оказалась легковѣрна и легкомысленна, какъ всегда; у ней не нашлось вождей, которые стояли бы выше ея. Не было Хмѣльницкаго, и движеніе осталось въ глазахъ современниковъ и исторіи гайдамацкимъ бунтомъ, а не народной войной, какой оно могло бы сдѣлаться при данной интенсивности народнаго настроенія.

Довольно извѣстно, какой бѣдой кончился гайдамацкій пиръ подъ Уманью. Когда до русскаго военнаго начальства, командующаго войсками, которыя сражались противъ конфедератовъ, дошла вѣсть о подвигахъ гайдамакъ, оно, по обыкновенію, сочло своею обязанностью доказать польскому панству, что русское правительство не имѣетъ ничего общаго съ мятежнымъ хлопствомъ, и какъ бы ни стояли международныя отношенія, всегда готово содѣйствовать водворенію надлежащаго порядка. Русскіе отряды двинулись къ Умани. Но къ

военной силѣ не пришлось даже и прибѣгать. Вѣчно легковѣрный, вѣчно ослѣпленный своими фикціями, народъ поддался на всѣ неособенно тонкія хитрости москалей и позволилъ себя переловить и перевязать голыми руками. Когда уже дѣло было сдѣлано, явился гетманъ Браницкій. Русское начальство передало ему всѣхъ мятежниковъ изъ польскихъ подданныхъ; русскіе подданные, главнымъ образомъ запорожцы, должны были судиться въ Россіи. Желѣзнякъ такъ же незамѣтно сошелъ съ исторической сцены, какъ и вступилъ на нее. Историки разсказываютъ разныя сказки объ его приключеніяхъ послѣ того, какъ онъ будто бы ускользнулъ изъ лагеря, примѣтивъ, что москали хотятъ «убрать въ шоры» гайдамакъ. Но подлинные акты несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что онъ не оказался хитроумнѣе своихъ товарищей: онъ былъ схваченъ подъ Уманью и отвезенъ въ Кіевъ для суда. Вѣроятно, въ Кіевѣ онъ заполучилъ кнута и отправился въ ссылку въ отдаленныя мѣста, въ родѣ Нерчинска, на каторжныя работы, какъ Колотнечъ, Чуприкъ и Саражинъ, которые были «знаменитѣе другихъ своею дерзостью и жестокостью». А можетъ быть, съ нимъ вышло что-нибудь и еще похуже за то, что онъ взялъ на себя великую продерзость чинить «ложныя разглашенія, простой во тьмѣ невѣжества погруженный народъ къ бунту противъ властей, начальниковъ и помѣщиковъ воздвигать». Наказаніе должно было соотвѣтствовать винѣ. Остальныхъ гайдамакъ, которые попали въ руки русскихъ, поразсылали по внутреннимъ гарнизонамъ и въ Сибирь на поселеніе. Кстати, историческое примѣчаніе. Обыкновенно, историки гайдамачины приписываютъ генералу Кречетникову незавидную честь провести гайдамацкій лагерь съ его безхитростными предводителями. Сколько мы могли заключить изъ сличенія источниковъ, эту честь надо отнести на счетъ поручика Кологривова и полковника Гурьева (карабинеровъ); генералъ Кречетниковъ прибылъ съ донцами и гусарами уже позднѣе и въ качествѣ высшаго чина перехватилъ лучи славы, долженствовавшіе озарять чины низшіе.

Опять гайдамацкое движеніе лишилось начавшагося было формироваться центра, а, слѣдовательно, и надежды на правильное дальнѣйшее развитіе. Какъ ни всколыхалось народное море, оно должно было улечься—оно не могло не улечься даже безъ особенно сильнаго давленія со стороны внѣшней силы. При давленіи же оно не достигло, по широтѣ распространенія, даже тѣхъ предѣловъ, какихъ достигало въ 34 и 50 годахъ, едва вышло за границу собственно Украины. Но по интенсивности, сколько можно судить, не было ему равнаго. Уже послѣ того, какъ гайдамацкій лагерь

былъ разгромленъ подъ Уманью, и погибла, слѣдовательно, надежда на будущее, изъ степей все продолжали идти запорожцы съ своими ватагами «противъ конфедератовъ, на защиту людей греческаго исповѣданія»; даже куренные атаманы попадались въ числѣ предводителей ватагъ. Громады одна за другой вставали и расправлялись съ панами. Русскіе продолжали усмирять край; принялись за усмиреніе и польскіе войска во главѣ съ регимѳнтаремъ Стемпковскимъ. Вмѣстѣ съ усмиреніемъ они начали въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ практиковать устрашеніе. Великій коронный гетманъ Браницкій завезъ Гонту съ товарищами подъ Могилевъ на Днѣстрѣ, чтобы тамъ произвести судъ и расправу, не посмѣвъ сдѣлать этого подъ Уманью. Младановичъ разсказываетъ, что надъ Гонтой произнесенъ былъ приговоръ исполненія казни на четырнадцать дней. Первые десять дней—вырѣзываніе каждый день по одной полосѣ кожи. Одиннадцатаго дня—отсѣченіе обѣихъ ногъ; двѣнадцатаго—обѣихъ рукъ; тринадцатаго—вынутіе сердца; четырнадцатаго—отсѣченіе головы. Потомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Украины должно было быть разставлено четырнадцать висѣлицъ и на каждой изъ нихъ повѣшенъ одинъ изъ кусковъ тѣла Гонты. Два дня терпѣливо выдерживалъ Гонта казнь. На третій день заревѣлъ отъ боли, началъ вспоминать короля, говорить, что выполнялъ волю короля. Не могъ снести этихъ словъ Браницкій, но не могъ также и отступиться отъ приговора,—крикнулъ: «чтобъ больше не болталъ, пусть приговоръ выполняется на трупѣ». Сейчасъ же велѣлъ приготовить лошадей и выѣхалъ. Что смутило Браницкаго, если этотъ эпизодъ разсказанъ хоть приблизительно вѣрно? Не боялся ли онъ разоблаченій со стороны Гонты, которыя, можетъ быть, обнаружили бы какія-нибудь непріятныя для сильныхъ міра сего подробности? Или, можетъ быть, его смутила роль строгаго карателя измѣны, его, который только что изъ яраго конфедерата превратился въ ревностнаго приверженца королевско-русской партіи? Впрочемъ, послѣднее едва ли: польскіе паны не были никогда особенно щепетильны въ такихъ пустякахъ. Остальныхъ гайдамакъ Браницкій, для исполненія надъ ними смертныхъ приговоровъ, поразсылалъ по разнымъ городамъ,—во Львовъ, Броды, Винницу и т. д., чтобы вся земля, заселенная малорусскимъ хлопствомъ, видѣла, какъ панство наказываетъ измѣну. А между тѣмъ, креатура Браницкаго, Стемпковскій, разгромивъ нѣсколько гайдамацкихъ купъ, расположился лагеремъ подъ Кодней, чтобы тоже заняться устрашеніемъ. Если нервы Браницкаго оказались нѣсколько слабыми, зато

Стемпковскій превзошелъ всѣ ожиданія, произвелъ нѣчто грандіозное. Онъ имѣлъ дѣло не съ предводителями, а съ простой чернью, съ простыми мятежниками, хлопами,—потому ему не надо было заботиться объ особой утонченности истязанія. Передадимъ читателю, что дѣлалось подъ Кодней, пользуясь описаніемъ Dr. Antoni I. (Nowe Opowiadania Historyczne), который составилъ его по польскимъ источникамъ. Въ Кодню согнали огромную толпу мятежныхъ хлоповъ, чтобы казнить ее тамъ. Палачъ рубилъ головы и бросалъ въ нарочно выкопанную яму—надъ ямой; на удобномъ креслѣ, сидѣлъ панъ региментарь, съ безмятежнымъ спокойствіемъ покуривалъ свою трубку и считалъ головы. Нѣсколько дней присутствовалъ онъ при этой бойнѣ—столько дней, сколько она тянулась. Толпа, лишившаяся разсудка отъ голода и страха, выла въ ожиданіи казни, а въ толпѣ этой были старики, дѣти и женщины. Мѣнялись палачи, топоры тупились на хлопскихъ шеяхъ, а работа все продолжалась. Цифру убитыхъ такимъ образомъ хлоповъ опредѣляютъ различно: поляки отъ тысячи до двухъ, враги ихъ до четырехъ—можно принять среднюю цифру въ три тысячи. Остальныхъ Стемпковскій рѣшился оставить въ живыхъ, если смогутъ остаться, на страхъ и поученіе мятежному хлопству: имъ отрубали по рукѣ и ногѣ, правую руку и лѣвую ногу, или наоборотъ.

Гетманъ Браницкій, на совѣсть котораго относится до 700 смертныхъ приговоровъ, счелъ нужнымъ оправдываться передъ королемъ въ своей жестокости: «Всѣ сосѣди», писалъ онъ: «обыватели, жиды пріѣзжаютъ ко мнѣ: одинъ совѣтуетъ ихъ четвертовать, другой—жечь, сажать на палю, вѣшать безъ милосердія и т. д. Tolle, crucifige! Напрасно ихъ убѣждаешь, что часть тѣхъ разбойниковъ велю казнить, а часть поразсылаю по городамъ, крѣпостямъ, замкамъ на работы, но со всѣхъ сторонъ доносятъ на нихъ. Какъ могу, успокоиваю умы...» Стемпковскій же, который казнилъ тысячами, оправдывался, напротивъ, въ излишнемъ снисхожденіи къ виновнымъ, объясняя его просьбами шляхты, которая осаждала его въ лагерѣ, убѣждая воздержаться съ справедливымъ возмездіемъ, чтобы совсѣмъ не извести работника и чтобы имъ самимъ, гербовнымъ, не пришлось ходить за плугомъ...

Кромѣ Стемпковскаго, jus gladii дано было еще Дубровскому, богатому помѣщику и градскому судьѣ, можетъ быть, и еще кому-нибудь—Рѣчь посполитая не имѣла привычки стѣсняться въ такихъ вещахъ, когда дѣло шло о хлопахъ.

Но какъ ни были мягки и снисходительны Браницкій и Стемп-

ковскій, паническій страхъ овладѣлъ народомъ. Всѣ, кто могъ, бѣжали, куда глаза глядятъ—въ Молдавію, Крымъ, въ Россію, на Донъ: рѣзались, вѣшались, топились, чтобы избѣгнуть рукъ правосудія. Заселенныя мѣста безлюдѣли, обращались въ пустыню. Изъ рукъ шляхты опять ускользали имущества. Еще-бы ей было не воздержаться, наконецъ, въ своемъ справедливомъ мщеніи... Сеймъ постановилъ амнистію.

«При объявленіи панщины», заканчиваетъ Младановичъ свое нехитрое повѣствованіе о хлопской революціи, «въ деревнѣ Бабонкѣ зарѣзалось два ткача».

Есть одинъ польскій документъ изъ относящихся къ коліивщинѣ,—документъ въ высшей степени интересный. Отношеніе шляхты къ этому движенію, взглядъ ея на хлопа, вообще польско-шляхетская точка зрѣнія на положенія и событія, шляхетское общественное міросозерцаніе обрисовывается въ немъ съ такою наивной и беззастѣнчивой откровенностью, что, вѣроятно, исторія немного начтетъ у себя такихъ безцеремонныхъ документовъ. Дѣло въ томъ, что церемониться было не передъ кѣмъ: разсчитывалось только на хлопскую публику. Документъ этотъ—универсалъ помянутаго выше региментаря Стемпковскаго, обращенный къ украинскому крестьянскому сословію и данный 30 августа 1768 г. въ лагерѣ все подъ той же «святой» Кодней, о которой до сихъ поръ сохранилось въ народѣ проклятіе: «о, щобъ тебе святая Кодня не минула!» Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ этого прекраснаго документа, которымъ не пользовался еще ни одинъ русскій историкъ гайдамачины.

«Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состояніямъ, отъ монарха и до послѣдняго сословія, поставилъ ихъ на извѣстныхъ ступеняхъ, и васъ, подданные (крестьяне), создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего, равнаго прочимъ, кромѣ души. Каждый вѣрующій въ Бога христіанинъ Его святую волю долженъ принимать съ покорностью; притомъ, о васъ установлены законы, и если вы не въ состояніи ихъ понимать, то должны бы были пріучиться изъ непрерывнаго опыта по вашимъ предкамъ, которые, родясь съ повинностями, съ ними жили и умирали, передавая потомству свойственныя ихъ сословію обязанности, которыя и вы должны были всосать съ материнскимъ молокомъ, т. е. вѣрность панамъ и вѣчное подданство владѣльцамъ. Между тѣмъ вы, громады различныхъ городовъ, мѣстностей и деревень, въ особенности въ Кіевскомъ и Подольскомъ воеводствахъ, и бѣжавшіе изъ Волыни, вмѣсто того, чтобы исполнять ваши обязанности, даже въ

храмахъ Господнихъ надѣлали столько беззаконія. Родившись и воспитавшись въ римско-католической вѣрѣ греко-уніатскаго обряда, вы осмѣлились перемѣнить эту вѣру, тогда какъ, давъ обѣтъ при св. крещеніи, вы должны были сохранять ее нерушимо и въ ней стать передъ судъ Всевышняго Бога. Вы должны знать, что за переходъ изъ этой вѣры въ иную не только прежнія, но и новѣйшія постановленія назначили примѣрное наказаніе, какъ-то отнятіе и конфискацію имущества, или же изгнаніе изъ отечества, или же смерть, отъ чего не изъяты даже высшія въ государствѣ особы. Чего же вы заслуживаете за это преступленіе, вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ, вы, которые, кромѣ души своей, не имѣете ничего собственнаго? Затѣмъ, какая христіанская религія разрѣшаетъ наносить такія безчестія Господнимъ храмамъ, какія наносили вы?.. Я это самъ видѣлъ въ Лисянкѣ, преслѣдуя съ войскомъ бездѣльниковъ. При видѣ костела францисканскихъ едва можно было вѣрить, что это храмъ... Если бы пришлось высчитывать всѣ способы, какими вы истязали ваши жертвы, то ихъ не сберетъ и память. Одно воспоминаніе наводитъ ужасъ... Гдѣ же заповѣдь Господня—не убій! Сколько вы совершили насилія, сколько принужденныхъ браковъ съ вашими владѣлицами! Судите же сами, чего вы за все это достойны? Посмотрите, сколько сотъ тысячъ шляхты сколько вашихъ управителей, коммиссаровъ, губернаторовъ, писарей, администраторовъ и другихъ лицъ, которымъ вы, платя дани и повинности, должны были повиноваться, пало отъ такой ничтожной руки! Не считалось также у васъ за грѣхъ умерщвленіе жидовъ, которые, живя по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ, держали отъ пановъ аренды, и такимъ образомъ вы нанесли панамъ вашимъ многоразличные убытки!.. Посмотри, необузданное и разъяренное подданство, на этотъ обѣтованный край: теперь онъ облитъ невинною кровью. Сколько разрушено оборонительныхъ замковъ, зданій, построенныхъ съ большими издержками, сколько городовъ, мѣстечекъ и деревень, не упоминая уже о костелахъ и церквахъ! Теперь все это уничтожено, разрушено и обращено въ прахъ,—едва слѣды остались. Разсудите же сами, какой отъ этого ущербъ въ панскихъ дѣлахъ, которыя вы, сознавая свое подданство, должны были бы поддерживать изъ обязательной вѣрности и привязанности къ панамъ. Поземельная плата, аренда, подати и прочіе налоги, и прежде вносимые небезнедоимочно, теперь совсѣмъ прекратились по причинѣ вашего сумасбродства и дерзости. Вы даже грабили казну его королевской милости....... говоря притомъ, что вы не

принадлежите къ его государству, къ Рѣчи посполитой! Мы, рожденные въ равенствѣ, благодаримъ Бога за возведеніе его на престолъ; вамъ же какая-то сумасшедшая голова внушаетъ, будто вы народъ не этого короля и не этого края! Умный и достойный человѣкъ не только не станетъ говорить вамъ этого, но даже и не свяжется съ вами; подобное заблужденіе вселилъ въ васъ, вѣроятно, какой-нибудь простолюдинъ, считавшій себя умнѣе васъ. Не думайте, что начальство и милостивѣйшій король съ цѣлымъ народомъ—ужъ не говоря о владѣльцахъ, панахъ вашихъ—не почувствовали великой потери, которую понесли во множествѣ погибшихъ васъ, бездѣльниковъ: такая гибель людей — общественное бѣдствіе; а во всемъ этомъ вы виноваты!.. Будьте же вѣрны и послушны своимъ владѣльцамъ и панамъ, взносите надлежащія подати имъ самимъ, или арендаторамъ, или ихъ приказчикамъ; не мѣшайте селиться жидамъ-арендарямъ и другимъ, проживающимъ съ разрѣшенія властей по деревнямъ, городамъ и мѣстечкамъ — словомъ, оставьте всякое безчинство, которое было до сихъ поръ. Въ противномъ же случаѣ... Я буду васъ преслѣдовать и поражать, какъ это было въ Лисянкѣ, у Ольхова и Литвянки, и такъ наказывать, какъ наказывалъ всѣхъ подобныхъ вамъ гайдамакъ,—и тѣлесными наказаніями и смертію...»

Украинѣ былъ нанесенъ и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи такой ударъ, отъ котораго ей нелегко было оправиться. Запорожскіе ватажки появились въ Украинѣ и въ слѣдующемъ году, но хлопство уже не могло отозваться на призывъ. Война Россіи съ Турціей, вслѣдствіе которой турки и татары, какъ союзники барскихъ конфедератовъ, раззоряли Украину, совсѣмъ придавила ее. А пока она оправлялась, русская сила нанесла окончательный ударъ гайдамачеству, уничтоживъ Запорожскую Сѣчь. Малороссійское хлопство Польскаго государства очутилось въ томъ положеніи, въ какомъ было въ началѣ столѣтія,—разрозненное, предоставленное самому себѣ, лишенное возможности организовать вооруженную борьбу. Можно сказать, что съ уничтоженіемъ Сѣчи уничтожается и гайдамачество.

Что сказать о 1789 годѣ? Готовилось ли тогда дѣйствительно что нибудь серьезное, какъ утверждаютъ одни, или весь тогдашній переполохъ, когда поляки метались, преслѣдуемые разными ужасными призраками, былъ лишь плодомъ ихъ живой и къ тому же крайне напуганной фантазіи, какъ полагаютъ другіе? Не будемъ вдаваться въ подробности, съ которыми читатель можетъ познако-

миться, если пожелаетъ, изъ статьи г. Костомарова: «Послѣдніе годы Рѣчи посполитой» («Вѣстникъ Европы» 1869 г., т. II). Но коснуться хоть коротко событій этого года мы считаемъ нелишнимъ, такъ какъ они очень интересны для общественной психологіи. Въ то время, какъ въ Варшавѣ собрался знаменитый четырехлѣтній сконфедерованный сеймъ, отъ котораго поляки ожидали разныхъ благодѣтельныхъ реформъ для своей разваливающейся монархической республики, изъ нѣдръ котораго должна была возникнуть еще болѣе знаменитая конституція, 3-го мая 1791 года, вдругъ отцы отечества поражены были вѣстью о томъ, что въ малорусскихъ областяхъ снова готовится что-то въ родѣ коліивщины. Откуда шла эта вѣсть? Чѣмъ она была вызвана? Никто ничего не зналъ. Съ каждымъ днемъ слухи все росли и дѣлались болѣе опредѣленными: отъ дворянства угрожаемыхъ областей шли одна за другой вѣсти о близкой опасности. Теперь уже съ увѣренностью переходило изъ устъ въ уста, что изъ-за русской границы привезены транспорты ножей необыкновенной формы, съ особенными крючками для вытаскиванія внутренностей,—такіе ножи, вырѣзанные изъ бумаги, показывались всюду (къ сожалѣнію, какъ говоритъ современникъ, никто не видалъ желѣзныхъ); что по малорусскимъ областямъ ходятъ великорусскіе офени съ прокламаціями отъ русской императрицы и съ деньгами, которыя раздаютъ хлопамъ, чтобы готовились къ бунту; что всюду попы являются посредниками между русской властью и хлопами, подговариваютъ на бунтъ, вербуютъ шайки, раздаютъ деньги, ножи и т. п. Шляхтой малорусскихъ воеводствъ, Кіевскаго, Подольскаго, Брацлавскаго, Волынскаго, овладѣла паника,—все бѣжало, скрывалось, съѣзжалось, чтобъ сговориться о защитѣ, взывало въ Варшаву о помощи. Нѣкоторыя воеводства устраивали милиціи, изъ Варшавы двинули въ Украину войска. Съ минуты на минуту ожидали, что разомъ откроется рѣзня. Былъ-ли реальный поводъ къ такому переполоху? И да, и нѣтъ. Двадцать лѣтъ прошло со времени коліивщины. Поколѣніе хлоповъ, напуганное ужасами панскаго мщенія, придавленное нравственно и матеріально, отживало свой вѣкъ; на смѣну ему наросло новое, начиненное горючимъ матеріаломъ, создаваемымъ общественно-политическими условіями той среды, въ какую втиснула его судьба, и свободное отъ психическаго угнетенія. Между тѣмъ, Украина оправилась и экономически. Въ то же время православіе, благодаря энергическому образу дѣйствій со стороны Россіи, все выигрывало въ своихъ правахъ: къ 1789 г. снова началось большое движеніе изъ уніи въ правосла-

віе, теперь уже защищаемое сильною русскою властью. Конечно, это движеніе не могло обойтись безъ всякой попытки къ отпору со стороны польской шляхты. Все это вмѣстѣ снова подняло народное настроеніе. То тамъ, то сямъ стали слышаться намеки, угрозы, пошелъ слухъ про́ Гонтина сына, которому императрица дала разрѣшеніе начинать свое дѣло; въ одномъ мѣстѣ какой-нибудь пьяный дьякъ начнетъ скакать и приговаривать: «вотъ ужо какъ буду я рѣзать жидовъ и ляховъ!»; въ другомъ хлопъ, выведенный изъ себя какимъ-нибудь панскимъ безобразіемъ, скажетъ: «надо бы на васъ Гонтина сына, чтобъ научилъ по-людски обращаться съ людьми» и т. д. Создавалась грозовая общественная атмосфера. Но козачества уже не было, не было, значитъ, и того ядра, около котораго могло бы организоваться хлопское недовольство; не было на этотъ разъ и такихъ внѣшнихъ условій, въ родѣ междоусобной борьбы шляхты или вторженія русскихъ войскъ, которыя помогли бы этому недовольству вылиться въ болѣе или менѣе цѣльномъ и систематическомъ дѣйствіи. Напряженному состоянію общественной атмосферы было бы суждено отчасти разразиться мелкими, единичными, т. е. совершенно безполезными и безслѣдными, вспышками, отчасти разсѣяться само собой. Такъ бы оно и было. Но господа края не были расположены остаться въ роли простыхъ наблюдателей имѣющаго совершиться передъ ихъ глазами общественнаго процесса. Страхъ за свою шкуру раздувалъ опасность до грандіозныхъ размѣровъ. Требовалось немедленно уничтожить, не допустить, пресѣчь... Но чего не допустить, что уничтожить, когда опасность не приняла еще никакой реальной формы? А что дѣйствительно не приняла никакой реальной формы—это несомнѣнно: нигдѣ не было ни малѣйшей попытки что-нибудь организовать, не было даже отдѣльныхъ случаевъ насильственнаго протеста. Этого не было; но за то паны чувствовали психическую потребность что-нибудь создать для того, чтобы было что уничтожить и тѣмъ облегчить угнетенную страхомъ душу. Къ тому же и попугать не мѣшало, кого слѣдуетъ. Создать же фикцію, достаточно похожую на реальность, по крайней мѣрѣ въ глазахъ напуганныхъ современниковъ, конечно, было дѣло нетрудное: вѣдь въ ея созданіи былъ заинтересованъ цѣлый классъ людей, классъ господствующій. Къ тому же, въ головѣ у шляхты былъ готовый шаблонъ, по которому эта фикція должна была создаваться: русское правительство, попы, ножи и хлопы—все это засѣло крѣпко-на-крѣпко въ каждой шляхетской головѣ, и очень немного требовалось реальнаго матеріала, чтобы связать всѣ эти предметы

въ одинъ цѣльный и живой образъ. И вотъ сразу на всей обширной территоріи малорусскихъ воеводствъ появился миѳъ о маркитанахъ (офеняхъ) и филипонахъ (раскольникахъ), которые разносятъ главнымъ образомъ попамъ указы Екатерины, ножи и деньги для предстоящей рѣзни; попы же, конечно, съ вѣдома, разрѣшенія, благословенія своего высшаго духовнаго начальства, или даже по его приказанію, берутся организовать дѣло. Для шляхты все это было просто и ясно какъ день: вѣдь великорусскіе офени несомнѣнно ходили—правда, они и всегда ходили, но что же изъ этого?—несомнѣнно останавливались, случалось, и у поповъ и даже чаще у поповъ, несомнѣнно имѣли въ своемъ товарѣ ножи—правда, они и всегда останавливались чаще у поповъ и всегда носили ножи, но, опять таки, что жъ изъ этого? Разумѣется, панская потребность облегчить душу не обошлась безъ послѣдствій для хлоповъ и несчастнаго духовенства, особенно сельскаго: въ Житомірѣ, Брацлавлѣ, Каменцѣ начался судъ и расправа. «Всѣ такъ усердно принялись искоренять бунтъ», говоритъ полякъ-современникъ, ничуть не пристрастный къ русскимъ и хлопамъ, «что по истинѣ много невинныхъ погибло отъ руки палача. Арестовывали за самую малость: сказалъ-ли кто въ пьяномъ видѣ подозрительное слово, погрозилъ-ли, обидѣлъ-ли эконома и не могъ заплатить за вину—всякаго обвиняли, судили и казнили. Впослѣдствіи открылось, что вся эта тревога была безосновательна...» Особенно отличалось на этотъ разъ волынское воеводство: тамошняя шляхта напустила такого туману своимъ рвеніемъ къ искорененію бунта, что иные историки даже принимаютъ какъ доказанный фактъ, что будто на Волыни уже готово было разразиться серьезное движеніе и только шляхетская энергія успѣла его предупредить. На самомъ дѣлѣ на Волыни было меньше основаній къ шляхетскимъ подозрѣніямъ, чѣмъ гдѣ-либо, и вся исторія, которая тамъ разыгралась и жертвой которой сдѣлалось много людей, рѣшительно ни въ чемъ невинныхъ, глубоко возмутительна, хотя и не лишена поучительности: она можетъ служить яркимъ образчикомъ того, какъ при ненормальныхъ общественныхъ условіяхъ создаются фиктивныя преступленія, и создаются не по злобѣ или другимъ личнымъ побужденіямъ, хотя и личные мотивы въ такихъ случаяхъ, когда разыгрываются человѣческія страсти, часто играютъ видную роль... Главная причина, почему исторія разыгралась на Волыни, была въ томъ, что въ Волынскомъ воеводствѣ было кому взять на себя заботу объ искорененіи бунта, а въ такихъ условіяхъ одного этого обстоятельства обыкновенно бываетъ достаточно, чтобъ произвести

все дальнѣйшее. Шляхетскимъ органомъ воеводства, который взялъ на себя трудъ спасти отечество, было ничто иное, какъ коммиссія, выбранная шляхтой воеводства для устройства дѣлъ между нею и русскимъ правительствомъ по снабженію фуражемъ русской арміи. Конечно, эта маленькая перемѣна ролей была нѣсколько странна, но съ чѣмъ не примиришься въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ? И вотъ, коммиссія, выбранная для того, чтобъ охранять интересы шляхетскихъ кармановъ, оказалась уполномоченной отъ сейма блюсти спокойствіе края. Но она не удовольствовалась этимъ и спокойно присвоила себѣ судебную власть съ правомъ жизни и смерти. Сеймъ умѣрилъ ея ревность и растолковалъ ей ея права послѣ того, какъ было уже казнено много народу, но такъ какъ казненные были хлопы и ихъ попы, то, разумѣется, никто не заявлялъ особенныхъ претензій на такое недоразумѣніе. Интересно то обстоятельство, что на этотъ разъ гибли отъ рукъ шляхты попы уніатскіе, такъ какъ на Волыни почти не было православныхъ. Никого другого, болѣе подходящаго, не случилось подъ рукой, надъ кѣмъ бы можно было отвести сердце, къ тому же, уніаты непростительно легко начали переходить въ православіе, когда оно крѣпче оперлось на Россію, и, наконецъ, многіе шляхтичи стали приходить къ убѣжденію, что отъ уніи мало толку и что слѣдуетъ ее совсѣмъ перевести, водворивъ на мѣсто ея католичество въ тѣхъ видахъ, что единство вѣры подкрѣпитъ шатающееся государство. Къ тому же, изъ разницы вѣръ происходятъ и большія практическія неудобства: «у пана пасха, а у слуги только масляница окончилась, у пана праздникъ—у слуги его нѣтъ, у пана постъ—у слуги или у дворни скоромница, и наоборотъ», замѣчаетъ, между прочимъ, «Голосъ обывателя», брошюра, выпущенная въ виду предстоящаго четырехлѣтняго сейма.

Духъ обывателя (помѣщика), замѣчаетъ иронически одинъ современникъ изъ уніатскаго духовенства, описывавшій событія 1789 г. на Волыни, «чрезвычайно проницателенъ и можетъ заглядывать въ отдаленнѣйшіе закоулки самыхъ скрытыхъ тайниковъ сердца; для своего убѣжденія, онъ не требуетъ никакихъ доказательствъ, но если они понадобятся для публики, онъ постарается и найдетъ самыя убѣдительныя...» Вотъ этимъ то духомъ прониклась коммиссія, а за ней и все волынское шляхетство. Ихъ страстное желаніе что-нибудь открыть начало мало-по-малу приводить къ кое-какимъ результатамъ. Правда, отъ хлоповъ ничѣмъ нельзя было поживиться—ихъ вѣшали, рубили головы, засѣкали палками, но дѣло не подвигалось. Но все начало настраиваться на ладъ, когда принялись за

поповъ. Отъ нихъ легко было добиться всего, чего хотѣлось. Дѣло завязалось такъ. До коммиссіи доходитъ слухъ, что у такого-то попа, Лукаевича, ночевалъ маркитанъ. Одинъ изъ членовъ коммиссіи ѣдетъ за попомъ. Попъ, невѣжественный, простакъ, крайне перепуганный проситъ у пана, не изволитъ ли ему сообщить, зачѣмъ онъ его везетъ. Членъ коммиссіи грозно отвѣчаетъ: «Будешь, попъ, отвѣчать коммиссіи за то, что позволилъ ночевать маркитану». Еще болѣе перепуганный попъ проситъ научить, что ему отвѣчать коммисіи. Ловкій шляхтичъ начинаетъ утѣшать попа: «Не бойся, ничего тебѣ не будетъ дурного, если скажешь, что тебя маркитанъ подговаривалъ на бунтъ и показывалъ тебѣ письмо императрицы».—«Но вѣдь, пане, этого не было: правда, была между нами рѣчь о войнѣ, что Москва съ кѣмъ то бьется, и еще говорили, что и поляки собираютъ войска, можетъ, тоже собираются воевать, а больше ничего не говори...» «А развѣ тебѣ этого мало? вѣдь говорилъ же тебѣ маркитанъ, что Москва готовится на поляковъ, а ты ужъ и самъ долженъ бы былъ догадаться, что онъ хочетъ тебя подговаривать, чтобы бунтовалъ противъ насъ хлоповъ; ты ужъ лучше скажи передъ коммиссіей, что онъ тебя подговаривалъ и письмо показывалъ, а то погибнешь и семью погубишь... жаль мнѣ тебя...» Въ доказательство своей искренности, членъ коммиссіи суетъ попу два червонныхъ злотыхъ на издержки въ Луцкѣ, обѣщая, что дадутъ и еще, если все пойдетъ какъ слѣдуетъ. Попъ валится въ ноги своему благодѣтелю и допрашиваетъ: «а буду ли я свободенъ, когда буду такъ показывать?» Панъ даетъ честное слово, что не только будетъ свободенъ, а еще и награду получитъ. Вотъ этотъ-то попъ показывалъ передъ коммиссіей въ Луцкѣ, къ большому ея торжеству «что у него ночевалъ маркитанъ и подговаривалъ взбунтовать хлоповъ своего прихода на поляковъ, показывалъ ему какую-то московскую бумагу, которую онъ, попъ, не могъ прочитать, а только на подписи разобралъ нѣсколько буквъ: Екат... увѣрялъ, что Императрица обѣщаетъ большую награду тому, кто сдѣлаетъ по ея волѣ». Помянутый членъ коммиссіи самъ расказывалъ о пріемахъ, какими онъ добился показаній отъ Лукаевича; несмотря на то, Лукаевича возили въ Варшаву, на показъ королю и сейму, какъ наглядное доказательство готовящихся ужасовъ и русскаго коварства, и ему, кромѣ денежной награды, была выдана медаль за вѣрность отечеству. Теперь уже съ большей увѣренностью можно было хватать направо и налѣво, и открытіе слѣдовало за открытіемъ. Одинъ попъ своимъ умомъ дойдетъ, что чѣмъ больше наговаривать, особенно въ

направленіи, желательномъ для поляковъ, на высшее русское духовенство и т. п., тѣмъ легче и скорѣе отпустятъ; другого уговоритъ адвокатъ, что только такимъ путемъ и можно вырваться на свободу. Создавалось то, что нужно было полякамъ, и увѣренность общества въ серьезности положенія росла. Появились, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, сыскные волонтеры; какой-нибудь прощалыга явится къ попу подъ видомъ, напр., поповича, гонимаго поляками, проситъ укрыть,—простякъ попъ, неопытный въ дѣлахъ такого рода, расчувствуется, укроетъ бѣдняка, накормитъ, напоитъ, да и самъ не упуститъ случая напиться, а напившись, разумѣется, наговоритъ разнаго пьянаго вздору, наводимый подходцами провокатора—и погибъ несчастный попъ; а то панъ подговоритъ слугу, чтобы на исповѣди покаялся попу, яко бы хочетъ пристать къ бунту—что дескать заговоритъ попъ? Не станетъ ли самъ подговаривать? Посыпались отовсюду доносы: тамъ-то спрятаны ножи, ищутъ и, разумѣется, ничего не находятъ; тамъ-то попъ въ молитвахъ поминалъ русскую царицу—оказывается, что поминалась дѣйствительно царица, только не русская, а небесная; тамъ тотъ сказалъ то-то, а другой это. Все благородное шляхетство малорусскихъ воеводствъ обратилось въ ищеекъ и гончихъ: положеніе несчастныхъ поповъ, бѣдныхъ, невѣжественныхъ, которые не могли искать печальнаго утѣшенія даже въ славныхъ традиціяхъ, крѣпко державшихся въ хлопскихъ головахъ, дѣйствительно было въ высшей степени печально. Такъ, Луцкая коммиссія хватаетъ и приговариваетъ къ повѣшенію попа за то, что онъ, при встрѣчѣ съ кѣмъ-то, разговаривая, тыкалъ ему пальцемъ въ животъ—явный намекъ на рѣзню, по мнѣнію остроумной шляхты; тамъ вѣшаютъ уже за то, что просто гулялъ съ хлопами въ корчмѣ, ругался и пилъ—вѣрно, что-нибудь и злоумышлялъ. Это было нѣчто нелѣпое, дикое, въ высшей степени возмутительное—шляхта одурѣла отъ страха за свою шкуру. Назначенные, разумѣется, шляхтою, дни для рѣзни проходили одинъ за другимъ, а рѣзни все не было. Въ Великую субботу, насчетъ которой было самымъ твердымъ образомъ рѣшено, что маркитаны съ попами и хлопами начнутъ рѣзать жидовъ и ляховъ, въ Луцкѣ даже отправился въ поле военный отрядъ отражать опасность. Современникъ-уніатъ, на котораго мы ссылались выше, не безъ ироніи разсказываетъ объ этомъ: «Великій предводитель милиціи, нашъ гродскій судья, панъ Загурскій возсѣдши на своего коня, во главѣ милиціонеровъ, выѣхалъ за Луцкъ въ поле противъ маркитанскаго войска. Боже! гдѣ же то войско? Кто его видѣлъ? съ которой стороны подойдетъ оно? По землѣ ли, или по воздуху? Но не затрудняются этими

соображеніями богатырскія сердца, которыя жаждутъ или поразить непріятеля въ открытомъ полѣ и съ тріумфомъ вернуться домой на великій праздникъ, или мужественно и славно положить свою жизнь на полѣ битвы, защищая своихъ соотечественниковъ... Ничего не видно въ полѣ, только вдали что-то мелькаетъ. Одинъ изъ милиціонеровъ, извѣстный отвагой, бывъ высланъ на развѣдки, донесъ предводителю, что нѣсколько бабъ идутъ изъ Луцка домой. Испугался непріятель—не показался, убѣжалъ въ неприступныя мѣста, чтобы не помѣшать нашимъ рыцарямъ весело воспѣть аллилуйя!» Все это, конечно, смѣшно; но не до смѣху было жертвамъ этой глупой исторіи. Благополучно прошла Пасха; рѣшили, что рѣзня отложена до Вознесенья. Прошло и Вознесенье—значитъ, отложили на Троицынъ день. Прошелъ и Троицынъ день, Духовъ, Петровъ день—шляхта начала понемногу успокоиваться. Мало по малу и совсѣмъ успокоилась, убѣдившись, что ничего нѣтъ; поумнѣе—пришли къ убѣжденію, что ничего и не было, поглупѣе—оставались на томъ, что шляхта спасла край своей энергіей. Взгляды на дѣло мѣнялись; но жертвы, какъ были, такъ и остались въ своихъ могилахъ.

Депутація, снаряженная сеймомъ для разслѣдованія этой исторіи, по обыкновенію, нашла интригу Россіи, которая заводила въ Польшѣ всякое замѣшательство и подготовляла бунтъ черезъ своего агента, слуцкаго архимандрита Садковскаго, которому было поручено блюсти интересы православія въ Украинѣ. Все это былъ чистый вздоръ; въ чемъ другомъ, но въ этомъ Россія была невинна передъ Польшей, невинна въ 1789 году, какъ и въ 1768 году и раньше. Да и Садковскій не былъ способенъ взять на себя роль народнаго вожака даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ, напр., Мельхиседекъ: онъ для этого былъ слишкомъ корыстный человѣкъ и слишкомъ русскій чиновникъ.

«Мы не знаемъ, какое государство на мѣстѣ Россіи не воспользовалось бы такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ. Всякое другое государство, вѣроятно, осталось бы, по крайней мѣрѣ, равнодушнымъ зрителемъ борьбы русскаго элемента съ польскимъ и дожидалось бы, пока русскій народъ обратится къ нему съ просьбою избавить отъ Польши и принять подъ свою защиту и власть. Такъ и поступала Россія во времена Алексѣя Михайловича и Хмѣльницкаго, и этотъ образъ дѣйствій вполнѣ оправданъ и исторіей, и современной жизнью... Но Екатерина поступила иначе. Она и все тогдашнее русское общество слишкомъ были удалены и отъ старыхъ

русскихъ преданій и отъ русскаго народа. Гайдамацкое движеніе было задавлено русскими войсками». Такъ говоритъ священникъ Кояловичъ въ предисловіи къ оффиціозному изданію: «Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ». Но въ прошломъ столѣтіи правительство не могло взглянуть на гайдамацкое движеніе такимъ яснымъ и трезвымъ взглядомъ. Едва ли въ Петербургѣ даже представляли, въ чемъ суть дѣла. Правда, изъ лицъ правительственныхъ сферъ, ближе стоявшихъ къ дѣлу, современникъ коліивщины Румянцевъ, тогдашній правитель Малороссіи, отлично представлялъ себѣ это движеніе; но на взглядахъ петербургскаго двора не могло не отражаться то, чтó шло съ другой стороны, изъ Варшавы, отъ русскихъ пословъ, которые, какъ, напримѣръ, Рѣпнинъ, упорно смотрѣли на движеніе украинскаго народа глазами поляковъ. Но въ результатѣ было все равно, какъ ни смотрѣло русское правительство на эти волненія, какъ на разбои-ли и бунты, внушаемые духомъ строптивости и неповиновенія, или какъ на борьбу за независимость, національную, общественную, религіозную: русское правительство во всякомъ случаѣ не желало вступить въ союзъ съ хлопствомъ. Оно доказывало это полякамъ самымъ систематическимъ, самымъ искреннимъ образомъ, но видѣло со стороны поляковъ лишь неблагодарность. Поляки безусловно не вѣрили въ то, что русское правительство съ полной искренностью хлопочетъ объ уничтоженіи гайдамачества, хотя у каждаго на глазахъ были такіе убѣдительные факты, какъ смиреніе коліивщины; а сколько еще скрывается въ актахъ доказательствъ хлопотъ и усилій русскаго правительства, усилій, настолько искреннихъ, что правительство желало даже скрывать ихъ отъ поляковъ, чтобы не дать лишняго повода имъ привязаться съ ихъ непомѣрной притязательностью. Поляки очень могли, но не хотѣли понимать, что русское правительство, какъ и всякое другое, не всесильно: оно не могло, несмотря на все свое желаніе, предупредить участія Запорожья въ гайдамачинѣ иначе, какъ уничтоженіемъ Сѣчи; не могло сдѣлать такъ, чтобы жители другихъ пограничныхъ русскихъ владѣній не оказывали гайдамакамъ участія и поддержки; не могло разыскать каждаго хлопа, который убѣгалъ на лѣвый берегъ Днѣпра, и возвратить полякамъ каждую вещь изъ гайдамацкой добычи, которая попала за русскую границу—и мало ли еще чего оно не могло сдѣлать, когда все пограничное русское населеніе готово было всѣми возможными средствами поддерживать гайдамачество. Корень этого слѣпого польскаго непониманія заключался въ томъ,

что поляки-паны никакъ не могли допустить мысли, чтобы хлопы сами по себѣ способны были къ чему-нибудь стремиться, кромѣ удовлетворенія своихъ грубыхъ матеріальныхъ потребностей. Хлопы въ Украинѣ волновались больше всего, а имъ было вдоволь чего ѣсть и пить, и барщина съ другими повинностями была относительно легка—ясно, что тутъ было не безъ посторонней интриги. Хотя въ универсалѣ Стемпковскаго и сказано, что Богъ не оставилъ въ хлопахъ ничего равнаго прочимъ, кромѣ души, но на самомъ дѣлѣ паны никакъ не могли думать серьезно, чтобы хлопы имѣли такую же душу, какъ и они. Чувство національной независимости... Какой нелѣпый вздоръ! Если у нихъ, пановъ, чувства національной независимости хватало лишь на то, чтобы торговать имъ направо и налѣво, оптомъ и въ розницу, то можно ли предположить, чтобы это высокое «благородное» чувство, — на счетъ котораго, навѣрное, у каждаго пана нашлась бы хвалебная цитата изъ какого-нибудь латинскаго классика,—могло бы имѣть мѣсто въ душѣ хлопа? Панская голова не могла вмѣстить такого представленія. Отсюда всеобщее панское убѣжденіе, что хлоповъ втихомолку волновала Россія, чтобы вредить своей сосѣдкѣ,—участіе въ гайдамачинѣ запорожцевъ, которые считались русскими подданными, давало внѣшнюю опорную точку внутреннему убѣжденію. Политическій элементъ гайдамачины поляки видѣли только въ мнимомъ тайномъ подстрекательствѣ Россіи; все остальное за этимъ было въ ихъ глазахъ лишь простымъ бунтомъ и разбоемъ, порождаемыми врожденною злобою—innata malitia хлопскихъ душъ. Но общество, которое не хочетъ понимать ненормальностей своего положенія и искать изъ него выхода, рано или поздно понесетъ расплату за это; поляки даже черезчуръ жестоко поплатились за свои соціальные грѣхи.

ДВѢНАДЦАТЬ ПУНКТОВЪ

ВЕЛЬЯМИНОВА.

3-го іюля 1722 года, въ Глуховѣ умеръ гетманъ Скоропадскій. Онъ не пережилъ послѣдняго удара, который нанесъ Петръ гетманской власти учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи.

Смерть избавила престарѣлаго гетмана отъ униженія состоять подъ командой бригадира Вельяминова и другихъ штабъ-офицеровъ Коллегіи.

Положеніе края было смутно и тяжело. Изъ соціальнаго хаоса, въ какой онъ былъ погруженъ въ половинѣ XVII-го вѣка, уже возникло общество; его элементы вышли изъ первоначальнаго броженія, но еще не окрѣпли, не пришли въ состояніе вполнѣ устойчиваго равновѣсія. А между тѣмъ уже новый страшный толчокъ потрясалъ до основанія это неокрѣпшее общество. Петръ, со всей своей страстной и всесокрушающей энергіей, втиснулъ и Малороссію въ ту общерусскую государственную тягу, которая обязательна была въ Великороссіи.

Уже не говоря о тягостныхъ, истощавшихъ край, постоянныхъ войнахъ, тысячи за тысячами лучшихъ силъ страны гибли на государственныхъ работахъ, при устройствѣ укрѣпленій и крѣпостей, рытьѣ каналовъ, какъ на сѣверѣ съ его суровымъ климатомъ, такъ и на югѣ, среди нездоровыхъ знойныхъ степей Каспійскаго прибрежья.

А въ то же время, независимо отъ всего этого, въ малорусскомъ обществѣ шла подпольная борьба. Посполитство чувствовало, что узы его зависимости отъ владѣльцевъ стягиваются все тѣснѣе, жмутъ все больнѣе и больнѣе. Оно не могло и не хотѣло прими-

риться съ такимъ положеніемъ и глухо волновалось. Всякая катастрофа или просто крупное измѣненіе наверху, на исторической сценѣ, отзывалось взрывомъ, хоть и частичнымъ, народнаго неудовольствія, направленнаго противъ владѣльцевъ. Такимъ взрывомъ сопровождалась и смерть Скоропадскаго.

Съ другой стороны, вновь народившееся изъ козацкой старшины, малорусское панство было цѣликомъ поглощено своимъ соціальнымъ вопросомъ, который былъ для него вопросомъ существованія, роковымъ вопросомъ о томъ, «быть или не быть» ему, какъ дворянству, какъ сословію привилегированному.

Все зависѣло отъ того, успѣетъ ли оно закрѣпить за собой народъ съ землей и трудомъ: только подъ этимъ условіемъ будущность его могла бы быть обезпечена; тогда оно могло бы разсчитывать на прочное общественное положеніе, соединенное съ правами наслѣдственнаго дворянства; въ противномъ случаѣ оно ничто, случайно поднявшійся гребень общественной волны, который спадетъ въ слѣдующій же моментъ по волѣ той или другой стихіи.

Понятно, что передъ этимъ вопросомъ блѣднѣли и стушевывались всѣ другіе вопросы—историческихъ или иныхъ правъ, политической или національной независимости и т. д. А главное, не могло же панство упустить хоть на одинъ моментъ изъ виду того, что въ случаѣ настоящаго, сильнаго народнаго взрыва, его спасеніе было возможно лишь подъ сѣнью русскаго оружія, и нигдѣ больше. Въ свою очередь и народъ былъ убѣжденъ, что только въ центральной правительственной власти онъ могъ найти поддержку противъ пановъ. Съ своей стороны, русское правительство дѣлало все, чтобъ поддерживать въ народѣ эту увѣренность: однимъ изъ первыхъ дѣйствій Малороссійской Коллегіи былъ разосланный по краю универсалъ, который высказывался въ этомъ смыслѣ вполнѣ откровенно [1]. Третье главное сословіе малорусскаго общества козачество, съ одной стороны, было до нельзя ослаблено государственными тяготами, которыя ложились почти исключительно на него; съ другой, разбито въ своихъ интересахъ, примыкая верхнимъ слоемъ къ панству, нижнимъ къ посполыству.

Слѣдствіемъ этихъ взаимныхъ отношеній между сословіями, а равно отношеній каждаго изъ нихъ къ русской власти было то, что край былъ переполненъ неудовольствіемъ; но оппозиціи по от-

---

[1]) Оговариваемся, что мы сами не знаемъ этого универсала, а пишемъ о немъ со словъ Костомарова (Историч. монографіи и изслѣдованія, т. 14, ст. Павелъ Полуботокъ, стр. 231).

ношенію къ крутымъ мѣрамъ русскаго правительства, сознательнаго и организованнаго сопротивленія, ни даже стремленія, наклонности къ оппозиціи нигдѣ не было и тѣни. Петръ могъ дѣлать, что ему угодно. Малороссійская Коллегія такъ же спокойно водворилась и открыла свои засѣданія въ Глуховѣ, какъ могла бы это сдѣлать въ любомъ изъ городовъ Россійской Имперіи.

Но человѣчеству свойственно питаться иллюзіями... Традиціи старинныхъ правъ и вольностей были такъ привлекательны и еще такъ свѣжи; обѣщанія о не нарушеніи ихъ еще такъ недавни: а вѣдь это были обѣщанія никого иного, какъ Петра, обѣщанія человѣка страшной, исполинской силы, которая слишкомъ чувствовалась всѣми, силы, не нуждавшейся, какъ иная сила, во лжи и дипломатическихъ уловкахъ. Забывалось только или просто не понималось, что Петръ уже давно успѣлъ включить Малороссію въ свою идею «государства», которая безраздѣльно властвовала надъ его душой. Что были для него всѣ эти обѣщанія, вынужденныя когда то обстоятельствами? Можетъ быть, непріятная, но, во всякомъ случаѣ, ничтожная подробность. Петръ могъ припоминать въ иныя минуты, что люди называютъ это несправедливымъ, что кому то отъ этого больно, могъ искренно пожалѣть старика Скоропадскаго, но въ сущности все это были для него такіе пустяки, съ которыми совсѣмъ не стоило считаться. Вѣдь онъ, Петръ, хочетъ пріобщить и малорусскій народъ къ тому великому благу, которое онъ творитъ для своей родины, творитъ, не щадя ни себя, ни другихъ. Къ чему тутъ эта жалкая старшина съ ея какими-то жалкими правами?

Но старшина надѣялась, что Малороссійская Коллегія ограничится ролью высшей апелляціонной инстанціи по отношенію къ генеральному суду. Однако бригадиръ Вельяминовъ не даромъ былъ выбранъ Петромъ въ президенты Коллегіи. Это былъ человѣкъ крутого нрава. «Я бригадиръ и президентъ, а ты что такое передо мной?» кричалъ Вельяминовъ Полуботку, наказному гетману: «Ничто! Вотъ я васъ согну такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому!» На замѣчаніе Полуботка о неприличіи такого его, бригадирскаго, поведенія при чтеніи высочайшаго указа—«я вамъ указъ!» было отвѣтомъ. И все это не была одна свойственная тогдашнимъ московскимъ людямъ грубость; дѣло шло за словомъ. Коллегія видимо хотѣла захватить въ свои руки всѣ главныя нити управленія краемъ и энергически принялась за дѣло. Старая войсковая организація скоро должна была сдѣлаться лишь ненужнымъ придаткомъ къ но-

вой власти, въ лучшемъ случаѣ—ея исполнительнымъ органомъ. Вельяминовъ олицетворялъ собою смертный приговоръ всему старому строю. Понятно, что генеральная старшина не могла остаться индифферентной. Бороться съ надеждой на успѣхъ она не могла; но не могла она также хоть чѣмъ-нибудь не проявить, что существуетъ. Все время, впрочемъ очень непродолжительное, отъ смерти Скоропадскаго и назначенія наказнымъ гетманомъ Полуботка до отъѣзда Полуботка въ Петербургъ (іюль 1722 г.—августъ 1723 г.) наполнено этой quasi-борьбой Полуботка съ Вельяминовымъ, генеральной старшины съ Малороссійской Коллегіей.

Разумѣется, ничего драматическаго въ этой борьбѣ не было; никакихъ коллизій, ни трагическихъ моментовъ или эффектныхъ положеній. Финалъ всей этой борьбы—вызовъ Полуботка въ Петербургъ со всѣми послѣдствіями, конечно, не лишенъ драматизма, но старые малорусскіе лѣтописцы и историки такъ испортили все, что было въ этомъ эпизодѣ истинно драматическаго, сильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фальшивымъ освѣщеніемъ, такъ поспѣшили задрапировать Полуботка въ тогу римскаго гражданина, что пока лучше оставить все это въ покоѣ. Борьба на самомъ дѣлѣ велась самымъ скучнымъ и прозаическимъ способомъ—канцелярской перепиской. Указы, доношенія, промеморіи шли изъ Малороссійской Коллегіи въ Генеральную Войсковую Канцелярію и обратно; шли въ полки, сотни и обратно; наконецъ—и что самое главное—бумаги изъ Малороссійской Коллегіи шли въ Петербургъ и тоже шли обратно.

Рѣшающее вліяніе во всей этой перепискѣ имѣли представленія отъ Малороссійской Коллегіи въ Петербургъ. Условія жизни сложились однако же такъ, что, какъ ни ясенъ былъ смыслъ всей этой канцелярской борьбы, какъ ни отчетливо читался онъ между строкъ, все-таки на поверхности стояли вопросы о сборахъ, о привлеченіи козаковъ въ посполъство и о пр. Всѣ эти вопросы не имѣютъ никакого значенія для характеристики борьбы, если она только можетъ нуждаться въ характеристикѣ, но они имѣютъ значеніе для уясненія положенія дѣлъ въ краѣ, и съ этой точки зрѣнія очень не мѣшаетъ съ ними познакомиться.

Мы совершенно случайно натолкнулись среди листовъ дѣла, взятаго въ харьковскомъ архивѣ [1]), на одинъ интересный документъ. Документъ этотъ—двѣнадцать пунктовъ, въ которыхъ Вельяминовъ формулировалъ свои столкновенія съ генеральной старшиной.

[1]) Малороссійскій Архивъ при харьковскомъ университетѣ. Дѣло подъ № 995.

Повидимому, съ этими пунктами ѣздилъ Вельяминовъ въ Петербургъ, по крайней мѣрѣ, на нихъ отмѣчено: «поданы Его Императорскому Величеству» и т. д.; извѣстно, что за этой поѣздкой послѣдовалъ и вызовъ Полуботка. Этотъ документъ важный и интересный по содержанію, не былъ обнародованъ; поэтому мы и прилагаемъ его цѣликомъ. Здѣсь же разберемъ его постольку, поскольку онъ обрисовываетъ тогдашнее положеніе Малороссіи.

Вельяминовскіе пункты обнимаютъ собою два главныхъ предмета, на которыхъ происходили по преимуществу столкновенія Малороссійской Коллегіи съ генеральной старшиной: это сборы и отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ, т. е. козацкой старшины къ козачеству и посполитству. Сборы, ихъ организація и все, до нихъ относящееся, естественно, было главнѣйшимъ предметомъ русскаго правительства, и понятно, почему половина пунктовъ относится именно сюда. Но въ данный моментъ другой вопросъ—объ отношеніяхъ козацкой старшины къ низшимъ классамъ выдвинулся по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ на первый планъ. Въ этомъ вопросѣ были такія нити, посредствомъ которыхъ русское правительство легко могло держать въ рукахъ всѣ общественные элементы края. Выше уже показано отчасти, въ чемъ тутъ было дѣло. Но здѣсь мы еще дадимъ нѣкоторыя объясненія.

Между владѣльцами и посполитствомъ происходила борьба, и это была уже не канцелярская борьба на бумагѣ, а борьба настоящая, съ энергичнымъ наступленіемъ и такимъ же сопротивленіемъ, если безъ смертоубійствъ, то, во всякомъ случаѣ, не безъ розогъ, канчуковъ, плетей. Владѣльцы дѣлали все, что могли, чтобъ обратить подданныхъ въ свою живую собственность; крестьяне дѣлали все, что могли, чтобъ отстоять свою недавнюю свободу, свой свободный трудъ, свою собственную землю; однако, они должны были отступать шагъ за шагомъ, такъ какъ противъ нихъ была вся организація мѣстнаго войскового управленія, спаянная круговой порукой насущнаго личнаго интереса. Закрѣпощеніе шло неизмѣнно и быстро впередъ, хотя и неровными шагами. Къ описываемому нами времени оно еще не успѣло уйти очень далеко: сколько можно судить по драгоцѣннымъ документамъ, приводимымъ г. Лазаревскимъ [1]), для описываемаго нами момента можно было принять за обычную норму повинностей посполитыхъ два дня въ недѣлю работизны и осенщину. Но нормы въ этихъ случаяхъ всегда оказываются растяжи-

[1]) Записки черниговскаго губ. стат. Комитета, 1866 г., книга первая, ст. „Малороссійскіе посполитые крестьяне“.

мыми, даже когда онѣ закрѣплены закономъ; здѣсь же не было никакого общаго правового закрѣпленія. Поэтому эластичность ихъ оказывалась чрезвычайной. Кромѣ того являлись возможными уже и исключенія въ такомъ родѣ, что владѣлецъ, напримѣръ, «могъ зъ кождого двора по человѣку съ конемъ высылать уставичне безъ перемѣны кождого дня на роботизну, не минуючи и не чтячи господскихъ божественныхъ праздниковъ и святыхъ нарочитыхъ [1])»... А надо замѣтить, что исключенія этого рода имѣютъ постоянную коварную тенденцію какъ разъ обращаться въ правило, а затѣмъ и въ законъ. Къ этому же моменту относятся и жалобы крестьянъ, приводимыя тамъ же [2]) на пана Ѳедора Гречанаго, одного изъ трехъ малорусскихъ членовъ Малороссійской Коллегіи (назначенныхъ вслѣдъ за смертью Полуботка). Все это дѣло представляетъ картину крайне утѣсненнаго положенія крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего могли ждать истцы, подавая просьбы такимъ лицамъ, къ корымъ отвѣтчикъ обращался «полецая себя» ихъ «непремѣнному братерскому назавше аффектови» [3]).

Смерть Скоропадскаго и нововведенія, которыми она сопровождалась, оживили надежды крестьянъ на улучшеніе ихъ участи. Вотъ чрезвычайно характерныя слова изъ одной владѣльческой жалобы, которыми обрисовывается положеніе: «Подданные наши, уже лѣтъ отъ сорока намъ въ послушенствѣ обрѣтающіеся, по мѣрѣ своей служили; а теперь, или съ чьихъ наговоровъ, или сами собой, въ развращеніе пришли и не хотятъ належитого своего отдавати послушенства; сами между собою бунтъ вчинаютъ до заводовъ, который сильнѣйшій, то убогого бьетъ, и нѣтъ средствъ какъ ихъ унять бо отказуютъ: не можетъ зъ насъ нихто теперь учинити справедливости, а державцѣ своего не боимося! И осторожно мы теперь съ ними обходимся, боясь, чтобъ отъ бунтовъ ихъ въ своемъ здоровьѣ не пострадать» [4]). Интересно, что подразумѣвалъ жалобщикъ подъ «чіими наговорами?» Не былъ ли это намекъ на дѣйствія великорусскаго правительства? Недаромъ же Полуботокъ и Чарнышъ въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи, которое производилось надъ ними въ Петербургѣ, говорили, что Вельяминовъ разсылалъ офицеровъ внушать поспольству, чтобъ оно не боялось ни

---

1) Тамъ же, стр. 39.
2) Ib., стр. 55 и слѣд.
3) Ib., стр. 57.
4) Ib., стр. 67—68.

*

своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ [1]). Костомаровъ упоминаетъ также и объ универсалѣ, которымъ Коллегія, при самомъ своемъ учрежденіи, оповѣстила по всей Малороссіи, чтобы всѣ, «которые имѣютъ какое нибудь неудовольствіе противъ старшинъ и какого бы то ни было начальства, подавали жалобы въ Коллегію, установленную государемъ съ тою цѣлью, дабы защищать бѣдныхъ противъ богатыхъ и вообще простой народъ противъ малорусскихъ властей [2]).

Какъ бы то ни было, посполъство волновалось. Въ іюлѣ Полуботокъ сдѣлался наказнымъ гетманомъ, а уже въ августѣ онъ разсылалъ въ полки универсалы, въ которыхъ были угрозы ослушному посполъству [3]). Но безпорядки продолжались. Въ декабрѣ Полуботокъ и генеральная старшина уже снова «требовали», какъ пишетъ Вельяминовъ въ 10-мъ изъ нижеприлагаемыхъ пунктовъ, «совѣту, чтобъ послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось, будто посполъство, подданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащаго отдавать послушанія, и ежели гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность, такихъ брали въ тюрьму и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали». Вельяминовъ объявилъ старшинѣ, «дабы они того не чинили, понеже, усмотря то, прочая старшина станутъ посполъству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины», а совѣтовалъ, «дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, освидѣтельствовали, а по свидѣтельству учинили таковымъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять». Полуботокъ и генеральная старшина не приняли этого совѣта и разослали свои универсалы. Изъ-за этого то и загорѣлся сыръ-боръ. Конечно, онъ не загорѣлся бы, еслибъ всѣми прочими условіями не былъ доведенъ до того, что достаточно было къ нему поднести малѣйшую искру, чтобъ онъ ярко вспыхнулъ. Тѣмъ не менѣе, любопытно все-таки, что именно эти универсалы были краеугольнымъ камнемъ обвиненія (на слѣдствіи въ Петербургѣ) противъ Полуботка и его товарищей [4]). Замѣтимъ притомъ, что въ указѣ, который представлялъ собою отвѣтъ на пункты Вельяминова, не упоминается объ этомъ, повидимому, такъ обострившемся и такъ интересовавшемъ правительство крестьянскомъ вопросѣ ни одного

---

[1]) Костомаровъ, стр. 234.
[2]) Ib. 231.
[3]) Лизар., стр. 68.
[4]) Костомар., стр. 233.

слова. Очевидно, что интересъ правительства къ этому вопросу былъ интересомъ не по существу дѣла, а лишь по временнымъ политическимъ соображеніямъ. Да и могло ли оно быть иначе? Вѣдь въ то же самое время въ Великой Россіи происходила первая ревизія, которая была существеннымъ шагомъ къ окончательному закрѣпощенію народа, какъ это отчетливо показываетъ Бѣляевъ [1]).

Въ самой тѣсной связи съ этимъ краеугольнымъ пунктомъ обвиненія противъ старшины стоитъ пунктъ 8-й. Здѣсь затрагивается вопросъ, который и потомъ долго возбуждалъ вниманіе правительства, вызвалъ нѣсколько спеціальныхъ указовъ, загромоздилъ архивы Малороссійской Коллегіи и Генеральной Канцеляріи массою дѣлъ: это переходъ козаковъ въ посполитые (дѣла «о посполитыхъ, ищущихъ козачества»). Вельяминовъ, на основаніи нѣкоторыхъ жалобъ, поданныхъ въ Малороссійскую Коллегію, обвинялъ старшину въ томъ, что она выключаетъ козаковъ изъ козацкой службы и беретъ ихъ насильно себѣ въ подданство; на генеральную же старшину и Полуботка набрасывалась тѣнь сознательнаго потворства и укрывательства всѣхъ такихъ злоупотребленій. Фактъ злоупотребленій былъ, по свидѣтельству Вельяминова, подтвержденъ розысками оберъ-офицеровъ, которые съ этой цѣлью высланы были Коллегіей. Но, повидимому, Вельяминовъ въ этомъ своемъ обвиненіи положилъ слишкомъ густыя краски на поведеніе старшины, и самъ это чувствовалъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по недостаточно рѣшительному тону этого пункта. «А по розыскамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и въ походахъ бывали, а старшина де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволи», пишетъ Вельяминовъ, отступая отъ своей обычной категоричности. Само петербургское слѣдствіе, сколько можно судить о немъ по статьѣ Костомарова, громоздившее всевозможныя вины на Полуботка и старшину, не подняло вопроса объ этомъ предметѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, оправдывалось ли подобное обвиненіе положеніемъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, обвиненіе въ такой рѣзкой и категорической его формѣ? Великороссу, человѣку незнакомому съ условіями мѣстной жизни, который натолкнулся бы на два-три факта обращенія козака въ посполитые при давленіи пана, напр. путемъ задолжанія, могло бы bona fide показаться, что онъ имѣетъ дѣло съ страш-

---

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 251 и слѣд.

нымъ злоупотребленіемъ. Но чтобы вѣрно судить объ этихъ фактахъ, надо не упускать изъ виду слѣдующаго соображенія. Конечно, съ великорусской, или вообще съ государственной точки зрѣнія между козакомъ и посполитымъ была огромная разница— это были два общественныхъ элемента съ совершенно различными функціями и значеніемъ; но дѣло въ томъ, что жизнь еще не успѣла отлить эти элементы въ прочныя, соотвѣтствующія ихъ функціямъ формы. Да и когда же было успѣть? Вѣдь все это начало осѣдать и кристаллизоваться изъ хаотическаго состоянія всего какихъ-нибудь полстолѣтія съ небольшимъ тому назадъ. Двѣ эти общественныя группы, посполъство и козачество, обозначились тотчасъ же,—но обозначились какъ? «Можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе осталися въ мужикахъ», вотъ какъ говорится объ этомъ въ одной тогдашней рукописи [1]). Кто имѣлъ возможность, по имущественному и семейному положенію, по наклонностямъ и энергіи, записываться въ козаки, записывался; кто не могъ, оставался въ мужикахъ. Этой первоначальной свободѣ не такъ то было легко положить конецъ, хоть она и шла совершенно въ разрѣзъ со всѣми цѣлями государственнаго благоустройства. Удержать не только личность, но даже землю при опредѣленной общественной функціи, оказывалось дѣломъ очень труднымъ: только съ 1739 г. вошелъ въ силу законъ о неотчуждаемости козачьей земли лицамъ некозачьяго сословія. До тѣхъ же поръ «за прежній давній обычай и по волностямъ грунта по куплѣ и иными образы отъ козаковъ въ посполитые, а отъ посполитыхъ въ козачіи руки отходили безпрепятственно, и не прежде землѣ утвержденія, гдѣ посполитая, а гдѣ козачая неположено» [2]). Понятно, что посполитый, еще лично свободный, покупая, получая въ приданое, въ даръ или по наслѣдству козачью землю, дѣлался или могъ дѣлаться козакомъ; понятно, что и козакъ, получая такимъ же образомъ землю посполитаго, дѣлался или могъ дѣлаться посполитымъ. Все это было дѣломъ доброй воли и желанія владѣльца земли, хотя, при извѣстномъ стеченіи условій, могло имъ и не быть: при благопріятномъ оборотѣ, можно было, пожалуй, освободить себя и отъ всѣхъ обязательствъ, при неблагопріятномъ—можно было быть вынужденнымъ принять тѣ или другія во что бы то ни стало, вынужденнымъ даже при помощи «вязення» или «кіевъ». Все это понятно для общества, еще не отлившагося въ прочныя формы. Если же при-

---

[1]) Лазар., 6.

[2]) Малор. Архивъ. Дѣло подъ № 2066.

нять все это въ соображеніе, то едва ли можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ о систематическихъ злоупотребленіяхъ со стороны старшины, о насильственномъ обращеніи ею козаковъ въ подданство. Конечно, злоупотребленія могли случаться и, по всей вѣроятности, случались, но въ нихъ не было никакой общей и настоятельной надобности; старшина могла дѣлать то же самое самымъ легальнѣйшимъ образомъ, тѣмъ же путемъ экономическаго давленія богатаго на бѣднаго, какой практикуется испоконъ вѣковъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Козакъ могъ и продать свою землю пану, и заложить ее, и такимъ образомъ дать ему права надъ собой; могъ и просто, тяготясь козачьей службой, придти къ мысли о томъ, чтобъ укрыться отъ всего за широкой спиной властнаго и добраго пана. Однимъ словомъ, въ пунктѣ 8-мъ Вельяминовъ, обобщая свое обвиненіе, или задался сознательно намѣреніемъ очернить старшину во что бы то ни стало, или былъ самъ введенъ въ заблужденіе по незнанію мѣстныхъ условій.

Но все-таки большая часть пунктовъ была посвящена сборамъ и вопросамъ, къ нимъ относящимся. Государство, да къ тому же еще Петровское государство съ его страшными потребностями и до нельзя стѣсненными средствами, не могло упускать изъ виду интересовъ фиска. До сихъ поръ Малороссія, можно сказать, не давала никакихъ прямыхъ доходовъ въ государственную казну (не считая консистентскихъ дачъ). Необходимо было измѣнить дѣло: съ одной стороны, надо было увеличить доходы, съ другой, организовать сборъ ихъ такъ, чтобъ они попадали въ государственную казну. Для всего этого уже приняты были нѣкоторыя предварительныя мѣры. Скоропадскій самъ подалъ поводъ къ вмѣшательству. При немъ, какъ извѣстно, войсковымъ скарбомъ завѣдывалъ его частный управляющій Иванъ Даровскій; понятно, что тутъ не могло быть и рѣчи о строгомъ порядкѣ или отчетности. Его смертью русское правительство воспользовалось, чтобъ, такъ сказать, упорядочить сборы. Сбирать доходы продолжали еще «ихъ же малороссійскіе люди», урядники, войты, бурмистры, райцы, лавники и опредѣленные генеральной старшиной сборщики изъ «людей добрыхъ и пожиточныхъ», которые могли бы гарантировать сборы своимъ имуществомъ. Но сбирались сборы уже подъ строгимъ контролемъ Малороссійской Коллегіи и доставлялись ей. Любопытно, что Малороссійская Коллегія не брезгала даже такими сборами, какъ яица, гуси, капуста и т. д.: все это шло на гетманскую кухню (пунктъ 6). Въ этомъ направленіи оставался еще одинъ послѣдній шагъ—на-

значеніе фискальныхъ агентовъ самимъ правительствомъ: на необходимость этого шага и намекаетъ Вельяминовъ въ 9 пунктѣ. Не менѣе важно было увеличеніе сборовъ. До сихъ поръ дѣло сборовъ находилось въ такомъ положеніи. Сборы дѣлались на слѣдующія главнѣйшія надобности: на войско, бывшее при гетманѣ, на церкви и монастыри, на гетмана, на ратуши, на полковниковъ, сотниковъ, войтовъ и прочую старшину. Войско содержалось на доходы съ арендъ, хотя при Скоропадскомъ дѣлались также и сборы съ полковъ на сердюковъ и компанейцевъ. На содержаніе гетмана и старшины шли: индукта съ товаровъ, стація съ нѣкоторыхъ посполитыхъ людей, покуховное, показанщина, хлѣбъ отъ мельницъ съ войсковыхъ частей, поколющина и покабанщина, тютюнная десятина, десятина медовая и нѣк. др. Это были доходы войскового скарбу; а гетманскій дворъ имѣлъ еще и свои спеціальные доходы. Ратуши сами дѣлали свои сборы и распоряжались ими.

Отъ сборовъ въ войсковой скарбъ была свободна старшина и все знатное войсковое товарищество. Изъ пунктовъ Вельяминова видно, въ какомъ направленіи дѣлались первые шаги къ увеличенію доходовъ. Это было, прежде всего, уничтоженіе всѣхъ платежныхъ льготъ—мѣра, вызвавшая было даже противодѣйствіе со стороны сената; затѣмъ расширеніе покуховнаго, очень важнаго сбора въ виду распространенности винокуренія; далѣе, привлеченіе ратушныхъ доходовъ въ общій фискальный оборотъ (пункты 2, 4, 5). Нечего и распространяться о томъ, какъ задѣвало все это матеріальные интересы старшины. Но ей ничего не оставалось, кромѣ пассивнаго сопротивленія недоставленіемъ вѣдомостей, справокъ (пунктъ 11), безъ чего Коллегія, впрочемъ, умѣла обходиться. Недостатку свѣдѣній должна была помочь и ревизія, которая имѣла мѣсто въ томъ же 1723 г.

И такъ, нашъ обзоръ Вельяминовскихъ пунктовъ почти законченъ. Остаются не разсмотрѣнными только два пункта. О пунктѣ 7-мъ, касающемся содержащихся подъ карауломъ «поповъ и прочихъ чиновъ тамошнихъ малороссійскихъ обывателей, въ непристойныхъ словахъ касающихся чести Его Императорскаго Величества», сказать нечего: мы ничего не знаемъ объ этомъ дѣлѣ. Остается сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдняго 12-го пункта—о комендантахъ. Коменданты, какъ начальники мѣстныхъ гарнизоновъ, повидимому, были старымъ учрежденіемъ; но съ появленіемъ Малороссійской Коллегіи нѣкоторымъ изъ нихъ (въ г.г. Стародубѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ) поручена была новая важная

обязанность. Изъ нихъ образовано было что то въ родѣ военно-административной цензуры, обязанной слѣдить за сношеніями генеральной старшины съ полковыми управленіями. Установленъ былъ такой порядокъ дѣлопроизводства по важнымъ дѣламъ (важными дѣлами считались, на первомъ планѣ, наряды войска, денежные и хлѣбные сборы, публикованіе смертныхъ экзекуцій и наклады на посполитство, а затѣмъ и другіе). Всякій указъ или универсалъ съ такимъ содержаніемъ, посылаемый генеральной старшиной въ полки, долженъ былъ быть представляемымъ въ копіи въ Малороссійскую Коллегію. Коллегія пересылала эти копіи комендантамъ. Обязанность комендантовъ заключалась въ слѣдующемъ. Получая копіи съ универсаловъ изъ Малороссійской Коллегіи, коменданты должны были свѣрять ихъ съ подлинными документами, получаемыми мѣстной полковой старшиной. Если бы универсалы оказались несходны съ копіями, или еслибъ обнаружились универсалы безъ соотвѣтствующихъ копій, то коменданты обязаны были не допускать такіе универсалы къ исполненію. Сомнительные же подлинники коменданты должны были отбирать и держать при себѣ, посылая съ нихъ копіи въ Малороссійскую Коллегію и ожидая дальнѣйшихъ распоряженій Коллегіи [1]).

Прилагаемъ въ подлинникѣ пункты Вельяминова и промеморію, заключающую въ себѣ распоряженія Петра по этимъ пунктамъ.

Пункты, поданные Его Императорскому Величеству въ Санктъ-Петербургѣ марта 31-го дня 1723 года.

1.

Въ Малой Россіи сборы, какъ было начаты собирать въ казну Вашего Величества съ сочиненія Коллегіи до полученія указу изъ Правительствующаго Сената, нынѣ оные попрежнему-ль собирать все въ казну Вашего Величества, а ежели собирать—все то такимъ образомъ, какъ сборщики показали, или сбирать во всѣхъ полкахъ и сотняхъ равнымъ образомъ, понеже помянутые сборщики показали, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ, сборы неравные.

2.

Покуховное, показанщина, пчельная, табачная десятины, съ мельницъ войсковая часть, такожъ и прочіе сборы, какъ видно по сбор-

---

[1]) Малор. Арх. Дѣло подъ № 995.

щиковымъ вѣдомостямъ, прежде сего сбирали въ Малой Россіи на гетмана, на полковниковъ, сотниковъ и прочую старшину съ козаковъ убогихъ и съ посполитыхъ людей, а старшина и знатные козаки и полковые товарищи, и монастырскіе и церковные владѣльцы, которые у себя имѣютъ казаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, противъ помянутыхъ козаковъ и посполитыхъ надлежащихъ сборовъ не платили, а нынѣ оные со всѣхъ ли равнымъ образомъ сбирать.

3.

Оброчныя статьи, которыя прежде сего въ Малой Россіи были на откупѣ, нынѣ охочимъ людямъ, ежели кто пожелаетъ взять на откупъ съ торгу и съ наддачи, отдавать ли, понеже изъ малороссійскихъ обывателей и прежде сего въ Малороссійской Коллегіи объ отдачѣ имъ тѣхъ статей на откупъ требовали указу.

4.

Во всей Малой Россіи покуховное берется токмо съ шинкарей съ вышинкованныхъ куфъ, а малороссійскіе тамошніе обыватели многіе продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ куфъ по сту и по двѣсти и больше, а покуховнаго, какъ берется съ вышинкованной куфы, не платятъ, а платятъ токмо скатного по 6 алтынъ по 4 деньги и по 8 алтынъ по 2 деньги; а нынѣ съ такихъ продавцовъ или купцовъ противъ вышинкованной куфы покуховное равнымъ образомъ брать ли.

5.

Въ Кіевѣ до ратуши имѣютъ быть разнаго званія сборы, на которые той ратуши войтъ съ магистратомъ объявили въ Малороссійской Коллегіи Вашего Императорскаго Величества жалованныя грамоты, чтобъ того сбору для всякихъ ихъ отправленій быть при той ихъ ратушѣ; а нынѣ тѣ ихъ ратушскіе сборы противъ другихъ малороссійскихъ ратушъ въ казну Вашего Величества собирать ли.

6.

Съ гетманскихъ маетностей сбираны гетману на булаву и на кухню сборы, кромѣ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, шубы, сапоги, козлины, чулки, рукавицы, полотна, сани, телѣги, всякая пряжа, яйца, яловицы, бараны, гуси, утки, капуста и прочіе сборы тому же подобные, которые прежде сего употреблялись въ домъ гетманской

на его домовые расходы,—а нынѣ оное по смерти гетманской съ тѣхъ маетностей собирать ли, и ежели собирать, на какіе расходы употреблять, понеже скотину и птицъ ежели держать, то на кормъ онымъ птицамъ въ расходъ хлѣба употребляться будетъ немалое число, а ежели впредь онаго не собирать, то нынѣшнее собранное куда употребить.

7.

По поданнымъ въ Малороссійскую Коллегію доношеніямъ отъ малороссійскихъ обывателей, содержутся во оной Коллегіи подъ карауломъ изъ поповъ и изъ прочихъ чиновъ тамошніе малороссійскіе обыватели въ непристойныхъ словахъ, касающихся къ Вашей Императорскаго Величества чести, по которымъ доношеніямъ во оной Коллегіи кѣмъ надлежитъ розыскивано, а по розыску оные за ними и явилось, и съ такими что чинить.

8.

Изъ малороссійскихъ посполитыхъ людей бьютъ челомъ въ Коллегіи на генеральную и прочую старшину и на другихъ владѣльцовъ, что дѣды и отцы ихъ, а изъ нѣкоторыхъ и они, челобитчики, многіе годы служили козацкую службу и были въ разныхъ походахъ, а старшина изъ той козацкой службы написали ихъ, а другихъ и по неволи взяли къ себѣ въ подданство. По которымъ ихъ прошеніямъ писано изъ Коллегіи къ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ Коллегію прислали извѣстіе, оные челобитчики, дѣды и отцы ихъ съ козаками по реестру написаны ль; на что они отвѣтствіемъ объявили: давнихъ де козацкихъ реестровъ у нихъ не сыскано, а которые есть реестры, и по тѣмъ имянъ ихъ, челобитчиковыхъ, нѣтъ. Чего ради въ тѣ села, гдѣ оные челобитчики жительство имѣютъ, для розъиску тамошними и сторонними старинными козаками и мужиками посыланы изъ Коллегіи оберъ-офицеры, а по розъискамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и въ походахъ бывали, а старшина-де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволѣ, и нынѣ оные челобитчики въ Коллегіи просятъ, дабы имъ по прежнему изъ подданства быть въ козацкой службѣ. И по тѣмъ ихъ прошеніямъ и по розъискамъ оныхъ челобитчиковъ, такожъ и впредь ежели будутъ такіе же по-

давать о томъ прошенія, изъ подданства по прежнему въ козацкую службу опредѣлять ли.

9.

По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго и на оное въ рѣшительныхъ въ 7-мъ пунктѣ показано въ городѣхъ быть урядникамъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ, и доходы всякіе денежные и хлѣбные сбирать на Ваше Императорское Величество и отдавать въ казну тѣмъ людямъ, которые отъ Вашего Величества присланы будутъ, да тѣмъ же присланнымъ людямъ надъ тѣми сборщики смотрѣть, чтобъ дѣлали правду. А нынѣ по указу Вашего Величества изъ Малороссійской Коллегіи для сбора денегъ и хлѣба и прочего сборщики изъ ихъ же людей опредѣлены во всѣ малороссійскіе полки, а для усмотрѣнія надъ тѣми сборщики, чтобъ въ томъ сборѣ дѣлали правду, надлежитъ опредѣлить изъ какихъ чиновъ Ваше Величество изволите десять человѣкъ людей добрыхъ, чтобъ въ каждомъ полку было по одному человѣку, а безъ такихъ нарочно къ тому дѣлу опредѣленныхъ за тѣми сборщики Коллегіи усмотрѣть неможно, понеже многіе малороссійскіе городы отъ Глухова имѣютъ быть въ дальнемъ разстояніи.

10.

По указу Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената велѣно мнѣ съ черниговскимъ полковникомъ Полуботкомъ и генеральною старшиною во всѣхъ ихъ дѣлахъ присутствовать и смотрѣть, дабы ничего противнаго Вашего Величества интересу чинено не было, и буде что усмотрю, того имъ не позволять. А прошедшаго 722 года декабря 15-го дня оной полковникъ и генеральная старшина требовали отъ меня совѣту, чтобы послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось будто посполиство, подданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащего отдавать послушанія, и ежели бъ гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность такихъ брали въ тюрмы и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали. Что я усмотря объявлялъ имъ, полковнику и генеральной старшинѣ, дабы они того не чинили, понеже усмотря то прочая старшина станутъ посполитству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины, а объявлялъ имъ, дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, и о такихъ бы прежде освидѣтельствовали, а по свидѣ-

тельству учинили таковымъ штрафъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять; токмо онъ полковникъ и генеральная старшина, не принявъ того моего совѣту, оные универсалы въ Малую Россію послали. И ежели впредь оная старшина будутъ чинить такіе отправленія безъ моего совѣту, и въ томъ какимъ образомъ съ ними поступать.

11.

Въ Малороссійской Коллегіи надлежитъ для всякихъ отправленій имѣть обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, также къ расположенію квартиръ на драгунскіе полки о дворовомъ числѣ да имянные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малой Россіи, и о прочемъ, которые многократно требованы отъ полковника Полуботка и генеральной старшины, токмо они такихъ вѣдомостей въ Коллегію не дали, а нынѣ ежели прилучится изъ Малороссійской Коллегіи взять изъ котораго полку ко исправленію Вашего Величества дѣлъ какія вѣдомости или о чемъ справиться, и для того въ тѣ полки къ полковникамъ или къ кому надлежитъ указы изъ Малороссійской Коллегіи мимо генеральной старшины посылать ли.

12.

Указомъ Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената въ Малороссійскую Коллегію объявлено о бытіи въ малороссійскихъ полкахъ опредѣленнымъ изъ Сенату комендантомъ, а именно въ Стародубѣ, въ Черниговѣ, въ Переяславлѣ, Полтавѣ, которые въ тѣ полки и прибыли. А велѣно тѣмъ комендантамъ, будучи во оныхъ городѣхъ, присланные отъ полковника Полуботка и генеральной старшины къ тамошнимъ малороссійскимъ полковникомъ указы и универсалы съ присланными жь къ тѣмъ комендантамъ изъ Коллегіи съ такихъ же указовъ и универсаловъ копіями свидѣтельствовать, а по свидѣтельству ежели будутъ несходны то оныхъ до дѣйства не допущать. О чемъ я письменно предлагалъ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ тѣ полки къ полковникомъ послали отъ себя указы, чтобъ тѣ полковники онымъ комендантомъ присланные къ нимъ отъ нихъ, генеральной старшины, указы и универсалы объявляли. Токмо того онъ, полковникъ, не учинилъ, а объявилъ въ Коллегію промеморіею, что о объявленіи-де тѣмъ комендантомъ оныхъ универсаловъ указу Вашего Величества они у себя о томъ собственнаго не имѣютъ. Того ради дабы

указомъ Вашего Величества повелѣно было оному полковнику и генеральной старшинѣ объявить, дабы они впредь по предложенію отъ Малороссійской Коллегіи во отправленіи Вашего Величества дѣлъ имѣли отправленіе безо всякія отговорки, дабы затѣмъ во исправленіи положенныхъ на оную Коллегію дѣлъ не имѣло быть остановки.

Промеморія отъ 3-го іюня 1723 года.

Изъ Коллегіи Малороссійской въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

По именному его Императорскаго Величества указу, который во оной Коллегіи сего іюня 3 дня чрезъ г-на Бригадира Вельяминова полученъ за подписаніемъ Его Величества собственной руки, велѣно учинить слѣдующее: 1. Въ Малороссіи всякіе доходы, денежные и хлѣбные, о которыхъ показали сборщики, сбирать въ казну урядникамъ и войтамъ малороссійскаго народа такъ, какъ сбирано, и принимать у нихъ въ Малороссійскую Коллегію и изъ тѣхъ сборныхъ денегъ жалованье давать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго и по даннымъ инструкціямъ. 2. Съ малороссійскихъ старшинъ и знатныхъ козаковъ и войсковыхъ товарищей и съ монастырскихъ и съ церковныхъ владѣльцевъ, которые у себя имѣютъ казаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, съ такихъ со всѣхъ надлежащіе сборы брать равно отъ высшихъ и до нижнихъ чиновъ, не выключая никого. 3. Съ малороссійскихъ же обывателей, которые продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ малымъ и великимъ числомъ куфъ, съ тѣхъ съ такого продажнаго вина въ отвозъ брать равно какъ и съ вышинкованныхъ куфъ. 4. Которые посполитые люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ быть въ козацкой службѣ попрежнему для того, что дѣды и отцы ихъ, а нѣкоторые и сами челобитчики прежде сего служили въ козакахъ многіе годы и были въ походахъ, а старшина и другіе владѣльцы написали ихъ, а иныхъ и по неволѣ къ себѣ взяли въ подданство,—того ради для подлинной о таковыхъ справкѣ изъ войсковой канцеляріи взять съ прежнихъ давнихъ и съ нынѣшнихъ козацкихъ реестровъ списки. А чтобъ оные присланы были конечно немедленно, о томъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію Его Императорскаго Величества указъ посланъ изъ Малороссійской Коллегіи. Съ тѣми реестрами справливаться и изъ которыхъ дѣды

и отцы и сами челобитчики въ козацкой службѣ прежде были написаны, тѣхъ по ихъ челобитью писать въ козаки по прежнему. А буде прежнихъ давнихъ реестровъ не сыщется, о такихъ свидѣтельствовать малороссійскими жителями, и ежели по подлиннымъ свидѣтельствамъ которыхъ дѣды и отцы или сами челобитчики въ козацкой службѣ были, тѣхъ по тому жъ писать въ козаки. 5. У полковника Полуботка и генеральной старшины взять обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, также къ расположенію квартиръ на полки о дворовомъ числѣ, именные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малороссіи, и о прочемъ; во умедленіи же оной или когда надобно будетъ въ Коллегію изъ котораго полку ко исправленію по указу дѣлъ такія вѣдомости или о чемъ справки, то посылать и мимо генеральной старшины. 6. Полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ посылаемые къ полковникамъ всѣ указы и универсалы, которые когда имѣютъ быть посланы о какомъ генеральномъ положеніи и публикованіи какихъ указовъ, о нарядахъ войска, о сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ, о публикованіи смертныхъ экзекуцій и публичныхъ наказаній, о накладахъ на посполство и о другихъ важныхъ дѣлахъ подписывать обще, а безъ коллежской подписи никуда никакихъ указовъ не посылать и по нимъ въ городѣхъ не дѣйствовать. А о прочихъ, которые не касаются до какого генеральнаго опредѣленія, но токмо въ ихъ партикулярныхъ дѣлахъ, оное имъ не воспрещается и безъ коллежской подписи. Того ради Войсковая Генеральная Канцелярія да благоволитъ о томъ вѣдать и о присылкѣ во оную Коллегію означенныхъ вѣдомостей и о прочемъ исполненіе учинить, какъ означенный Его Императорскаго Величества имянной указъ повелѣваетъ, и что учинено будетъ въ Коллегію Малороссійскую объявить промеморіею.

ТУРБАЕВСКАЯ КАТАСТРОФА[1].

I.

Еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ углу, образуемомъ впаденіемъ Хорола въ Пселъ (теперешній Хорольскій уѣздъ, Полтавской губ.) было большое село Турбаи. Теперь вы не отыщете такого названія ни на какой картѣ, какъ не найдете и самаго села. Налетѣвшій общественный шквалъ снесъ его съ лица земли. Весь этотъ любопытный эпизодъ составляетъ содержаніе огромнаго дѣла, на тысячѣ слишкомъ листовъ, «О турбаевскихъ жителяхъ, учинившихъ смертное убивство помѣщикамъ своимъ надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану и сестрѣ ихъ дѣвицѣ Марьи Базилевскимъ», хранящемся въ харьковскомъ историческомъ архивѣ. Но, конечно, самое любопытное въ этомъ дѣлѣ не убійство со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, бунтомъ, полнымъ разграбленіемъ помѣщичьяго имущества и т. п., а то, что турбаевскіе жители почти четыре года существовали, не признавая властей, пока не выселили ихъ, при содѣйствіи военной силы, «въ степныя мѣста». Сохранились ли у потомковъ турбаевцевъ воспоминанія о ихъ старой малорусской родинѣ, о хуторахъ, тонувшихъ въ зелени садковъ, о свѣтломъ Пелѣ съ его живописными берегами?

Смыслъ случившагося лежитъ, какъ это всегда бываетъ, позади разыгравшихся событій. Въ теченіе всего предшествующаго столѣтія въ малорусскомъ обществѣ происходило усиленное броженіе общественныхъ элементовъ. Броженіе это обусловливалось разложеніемъ первоначальнаго демократическаго равенства, водворившагося было на одинъ моментъ послѣ Хмельницкаго. Разложеніе вырази-

---

[1]) Кіевская Старина. 1891, № 3—4.

лось, прежде всего, выдѣленіемъ привилегированнаго класса. Козацкая старшина, сначала исключительно выборная, затѣмъ назначаемая, съ страстной энергіей устремилась на то, чтобъ упрочить за собой положеніе шляхетства, найти себѣ мѣсто въ рядахъ благороднаго россійскаго дворянства. Конечно, все это зависѣло въ концѣ концовъ отъ санкціи верховной власти, но можно было подготовить положеніе такъ, что санкція эта дѣлалась не только возможной, но и необходимой. Для этого надо было обезпечить за собой возможно больше земли и обязательнаго труда. Этой цѣли служили отчасти ранговыя маетности, т. е. населенныя земли, которыя давались козацкому уряду «на рангъ», вмѣсто жалованья, но этого, конечно, было мало, да къ тому же ранговыя маетности не имѣли характера собственности, хотя и обращались часто въ собственность. Помимо ранговыхъ маетностей, козацкая старшина начала пріобрѣтать землю всѣми правдами и неправдами: покупкой, свободной и насильственной, всякими видами захвата земли, какъ общественной (войсковой), такъ и принадлежавшей людямъ, которые по своему общественному положенію были слишкомъ слабы, чтобъ тягаться со старшиной, державшей въ своихъ рукахъ и военную, и административную, и судебную власть. Одновременно войсковая старшина, пользуясь своимъ положеніемъ, затягивала узы обязательнаго труда,—сначала крайне легкія,—которыя связывали ее съ населеніемъ, сидѣвшимъ на ея земляхъ. Во всемъ этомъ козацкая старшина проявляла удивительную энергію, которая производила результаты прямо чудесные. Въ какіе-нибудь полстолѣтія съ небольшимъ, безъ всякаго законодательнаго вмѣшательства, старшина проглотила всю войсковую землю, затѣмъ всю посполитскую землю и обратила такъ называемое свободное посполиство цѣликомъ въ такое состояніе, что знаменитый манифестъ Екатерины II, юридически прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ, собственно не внесъ въ ихъ положеніе ничего новаго.

Но, кромѣ посполитыхъ, была и еще группа свободныхъ земледѣльцевъ, по общественному положенію своему вполнѣ зависимыхъ отъ старшины—козаки. Однако проглотить козаковъ значило бы для старшины проглотить въ концѣ концовъ и самое себя; къ тому же и Петербургъ усиленно слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ козаки оставались козаками. А между тѣмъ, съ другой стороны, разыгравшимся аппетитамъ крайне трудно было удержаться отъ того, чтобъ не протянуть въ томъ или другомъ случаѣ руку къ козацкой собственности и личности, такъ соблазнительно предостав-

лонной à discretion пана урядника. Болѣе сильныя лица, гетманъ, вліятельный полковникъ, могли, конечно, и безъ всякихъ церемоній прямо брать свое, гдѣ оно имъ полюбится; но менѣе сильныя прибѣгали къ хитростямъ и подходамъ, какъ-нибудь выводили козака изъ козацкаго компута, а затѣмъ уже обращали въ подданные; чаще же всего, прежде обезземеливали козака, т.-е. покупали или отбирали за долгъ его землю, несмотря на прямые запретительные указы изъ Петербурга, а безземельнаго козака уже ничего не стоило обратить въ подданнаго, посадивъ его на свою, часто отъ него же отобранную, землю въ видѣ такъ наз. подсусѣдка. У всякаго пана были подобныя незаконныя «козачьи скупли», за которыя панство постоянно дрожало. Но и козаки, чувствуя за собой нѣкоторую юридическую опору, далеко не всегда оставались пассивными передъ натискомъ панства. Въ массѣ случаевъ они при первой возможности старались возвратить себѣ утраченную свободу. Южнорусскіе архивы запружены дѣлами «объ ищущихъ козачества». Часто ищущіе козачества подданные находили поддержку даже и въ мѣстной власти, если она не видѣла необходимости или интереса, въ томъ или другомъ случаѣ, укрывать беззаконіе.

Въ исторіи Турбаевъ, «какъ солнце въ малой каплѣ воды», отразилось то, что совершалось по всей Малороссіи.

Еще въ началѣ XVIII стол. «до прутской акціи», по выраженію документовъ, Турбаи было свободнымъ войсковымъ селомъ, въ которомъ на ряду съ свободными посполитыми жило и много козаковъ. Но село это имѣло несчастіе лежать на территоріи миргородскаго полка, полковникомъ котораго былъ Даніилъ Апостолъ. Апостолъ былъ хищникъ и пріобрѣтатель, къ тому же вліятельный полковникъ изъ породы тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ всегда выйти сухими изъ воды: въ теченіе 44 лѣтъ своего полковничества онъ успѣлъ таки пустить корни въ своемъ полку. Къ Турбаямъ онъ подобрался такъ. При селѣ, на рѣкѣ Хоролѣ, была загачена для переѣзда гребля; у гребли этой одинъ козакъ поставилъ мельницу. Апостолъ купилъ въ 1711 г. эту мельницу и плотину и такимъ образомъ запустилъ въ село руку. Во многихъ случаяхъ для сильнаго человѣка бывало достаточно такого ничтожнаго обстоятельства, чтобъ овладѣть совершенно территоріей и ея населеніемъ. Въ томъ же году турбаевскіе козаки двинулись въ прутскій походъ. Но Апостолъ, силой своей полковничьей власти, вернулъ ихъ съ дороги назадъ и приказалъ гатить греблю. Съ той поры турбаевскіе козаки исчезаютъ изъ козацкихъ компутовъ, а нѣсколько позже Турбаи уже и

прямо появляются въ спискахъ маетностей полковника Апостола. Какъ ни очевидно и грубо было насиліе, сдѣланное Апостоломъ надъ турбаевскими козаками, но «о ихъ приверненіе во власть Апостола просить имъ было», по выраженію документа, «опасно»: еще бы не опасно, когда Апостолъ былъ и военный начальникъ, и полномочный администраторъ, и судья въ своемъ полку. Конечно, не менѣе опаснымъ стало это и тогда, когда миргородскій полковникъ сдѣлался въ 1727 г. гетманомъ. Только смерть Апостола въ 1733 г. развязала руки турбаевцамъ. Правда, вдова гетмана тотчасъ же послѣ смерти мужа выхлопотала царскую грамоту, утверждавшую за нею и дѣтьми всѣ пріобрѣтенія Апостола, въ числѣ которыхъ упоминаются и Турбаи. Но тѣмъ не менѣе со смертью Апостола начинаются попытки турбаевцевъ возвратить себѣ отнятую свободу. Имъ пришло на помощь такое обстоятельство. Новый миргородскій полковникъ Капнистъ былъ старинный недоброжелатель роду Апостоловъ. Поэтому онъ ничуть не затруднился, опять таки силою своей же полковничьей власти, снова внести въ 1738 г. турбаевцевъ въ козацкіе компуты. Отсюда и потянулась новая вереница путаницы, которой были полны всѣ тогдашнія общественныя отношенія. Права Даніила Апостола на Турбаи перешли къ его внуку Павлу, а отъ него къ дочери, Катеринѣ Павловнѣ Битяговской. Это была слабая линія Апостолова дома. Павелъ Апостолъ умеръ молодымъ и оставилъ дочь всего шести недѣль. Когда она достигла полнаго возраста, ей, вѣроятно, было совсѣмъ не подъ силу «доходить» своихъ сомнительныхъ правъ, противъ которыхъ были уже и давно истекшіе сроки земской давности. Оставалось одно средство, къ какому постоянно прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ,—передать свои шаткія права такому лицу, которое бы было въ состояніи своимъ личнымъ вліяніемъ сдѣлать шаткое твердымъ, сомнительное—несомнѣннымъ. Битяговская передала свои права на Турбаи, путемъ купчей, одному изъ Базилевскихъ.

Генеалогическое древо рода Базилевскихъ, какъ и огромнаго большинства южнорусскихъ дворянскихъ фамилій, не имѣло ни глубокихъ корней, ни величественнаго вида. Базилевскіе происходили изъ рядового козачества. За родоначальника ихъ надо признать Василія Онисимовича, который въ началѣ прошлаго столѣтія имѣлъ маленькій чинъ обознаго миргородскаго полка, и былъ бѣденъ, безграмотенъ, и такъ мало значителенъ, что не имѣлъ даже за собой ни одной населенной маетности. Сынъ его былъ сотникомъ, и въ видахъ окруженія себя шляхетскимъ престижемъ, измѣнилъ свое на-

родное прозвище, слѣдовавшее ему по отцу, Василенка въ Базилевскаго. Два его сына, уже съ полонизированнымъ родовымъ прозвищемъ, были сотниками въ миргородскомъ полку, одинъ сотни остаповской (въ районъ которой входили Турбаи), другой—бѣлоцерковской, по сосѣдству. Они-то, повидимому, и положили основаніе тѣмъ большимъ богатствамъ, какими отличался родъ Базилевскихъ въ рядахъ войсковой старшины. Сотничій урядъ не былъ, конечно, важнымъ урядомъ въ тогдашней общественной іерархіи, но тѣмъ не менѣе онъ былъ урядомъ выгоднымъ. Для своей сотни сотникъ былъ тѣмъ же, что полковникъ для полка, и потому при беззастѣнчивости могъ многое выжимать изъ своей большой и сложной власти. Сотники нерѣдко наживали большія состоянія, конечно, главнымъ образомъ земельныя, скупая и иными способами пріобрѣтая земли и обязательный трудъ. Дѣти этихъ Базилевскихъ, хотя и были уже очень обезпеченные люди, продолжали тѣмъ не менѣе держаться маловамѣтныхъ, но выгодныхъ мѣстныхъ урядовъ, главн. образомъ сотничьяго. Съ наступленіемъ Екатерининскихъ реформъ, Базилевскіе устремились на государственную службу и, благодаря своимъ богатствамъ, легко выходили въ чины. Надо сказать, впрочемъ, что они, какъ и вообще малорусское панство, не пренебрегали образованіемъ: между прочимъ, и тѣ два Базилевскіе, которые сдѣлались жертвами катастрофы, учились въ геттингенскомъ университетѣ [1]).

Какъ энергично пріобрѣтали Базилевскіе землю, видно изъ того, что при одной турбаевской экономіи хранилось до пятидесяти купчихъ на однѣ только мѣстныя земли. Все это было скуплено еще до передачи Битяговской въ 1767 г. своихъ правъ Базилевскимъ, Скупали, главнымъ образомъ, отъ турбаевскихъ козаковъ (самое существованіе которыхъ Базилевскіе позже отвергали совершенно) сотникъ остаповскій Ѳедоръ Базилевскій, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и его вдова, родители пострадавшихъ братьевъ Базилевскихъ. Скупленныя земли заселялись переселенцами изъ другихъ мѣстностей, которые всѣ оказались послѣ Екатерининскаго манифеста крѣпостными Базилевскихъ. Но и кромѣ Турбаевъ у Базилевскихъ была масса земель. Къ моменту катастрофы, т. е. къ 1789 г., Базилевскимъ принадлежала въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, территорія, захватывавшая нѣсколько теперешнихъ волостей; да еще были земли и въ другихъ мѣстностяхъ, дававшія

---

[1]) Свѣдѣнія о родѣ Базилевскихъ заимствованы нами изъ ст. г. Лазаревскаго: Очерки малороссійскихъ фамилій (Русск. Архивъ, 1875 г. кн. 1-я).

имъ право числиться помѣщиками трехъ намѣстничествъ: кіевскаго, екатеринославскаго и харьковскаго.

Къ описываемому времени большія маетности Базилевскихъ были подѣлены между шестью братьями. Турбаи, вмѣстѣ съ Кринками, Зубанихой, Очеретоватымъ, достались на долю двухъ—Степана и Ивана Базилевскихъ. Эти Базилевскіе, относительно которыхъ выше было упомянуто, что они оба учились въ Геттингенѣ, сдѣлали Турбаи центромъ своихъ владѣній, центромъ хозяйственной единицы, очень сильной и очень благоустроенной, сколько можно судить по сохранившейся описи экономическихъ книгъ и другихъ хозяйственныхъ документовъ турбаевской экономіи. Многія современныя владѣльческія хозяйства могли бы позавидовать той строгой отчетности, какая заведена была Базилевскими. Надо сказать, что хозяйство ихъ было такъ обширно и сложно, что оно и не могло процвѣтать безъ правильнаго хозяйничанья. Это было большое владѣльческое хозяйство патріархальнаго типа. Наряду съ земледѣліемъ, которое велось въ очень большихъ размѣрахъ благодаря обязательному труду, имѣло мѣсто и обширное скотоводство. Оно сосредоточивалось главнымъ образомъ въ очеретоватской экономіи: здѣсь были заводы—конскій, товарячій и овечій. Но кромѣ того, черезъ крестьянъ скупались волы на выпасъ, какъ это дѣлается и теперь на югѣ всюду, гдѣ есть свободныя пастбища. Массу получаемаго сырья старались обрабатывать внутри хозяйства. Зерно обращалось въ вино, солодъ, муку, крупу, льняное и конопляное сѣмя—въ масло; волокно—въ прядиво и холстъ. Шерсть перерабатывалась въ сукно; выдѣлывались кожи, въ большихъ размѣрахъ заготовлялись сыръ и масло, въ собственныхъ, а частью и покупаемыхъ лѣсахъ гнался деготь. Винокурня, солодовня, олѣйница, мельницы, фалюши—все это, по преимуществу, сосредоточивалось въ главной экономіи, турбаевской. Но Базилевскіе не пренебрегали и торговыми операціями: продавали и раздавали «на боргъ» своимъ подданнымъ хлѣбъ и иные продукты своего хозяйства; покупали въ Крыму соль, а въ Кіевѣ желѣзо и перепродавали имъ же. На всей территоріи во владѣльческихъ шинкахъ шинкари, большею частью евреи, продавали, вмѣстѣ съ владѣльческой горѣлкой, вишневкой, пивомъ и т. п. напитками, также владѣльческій деготь, соль, табакъ. Не брезгали владѣльцы даже и раздачей своимъ подданнымъ денегъ въ ростъ. Подданные, кромѣ обработки панской земли и уборки сѣна, обязывались еще ко многимъ другимъ работамъ: имъ раздавалась конопля для мочки, ленъ и конопля для

прядива, холстъ для бѣленья, зерно для сушки, мука для печенья сухарей; они должны были дѣлать для экономіи кирпичъ и т. п. На основѣ такого хозяйничанья, защищеннаго отъ риска, кризисовъ, колебаній рынка, легко и свободно росло владѣльческое благосостояніе. Господская усадьба въ Турбаяхъ была переполнена всяческимъ добромъ: комнаты—украшены изысканными «меблями»; въ кладовыхъ заперто множество сундуковъ, ломившихся подъ тяжестью серебра, дорогихъ тканей, разныхъ принадлежностей комфорта и роскоши; сараи были наполнены всевозможными экипажами, между которыми были и англійскіе, очень цѣнные; въ погребахъ хранились дорогія иностранныя вина. По чрезвычайному обилію всяческихъ запасовъ, господская усадьба была то, что называется полною чашей. Мало того: у Базилевскихъ былъ большой запасъ наличныхъ денегъ, которыя они щедрою рукой раздавали подъ векселя, уже не подданнымъ, а лицамъ своего общества. Въ теченіе только одного года, предшествовавшаго катастрофѣ, было роздано ими больше 50,000 руб.,—огромная сумма на тогдашнія деньги—подъ шестьдесятъ векселей. Такимъ образомъ, они представляли для своей мѣстности какъ бы нѣкоторое подобіе кредитнаго учрежденія. Нечего распространяться о томъ, какъ велико было вліяніе, создаваемое и поддерживаемое ими такимъ образомъ. Конечно, должниками ихъ часто оказывались очень нужныя лица. Вѣроятно въ этомъ надо искать главное объясненіе той полнѣйшей и единодушной готовности оказывать Базилевскимъ содѣйствіе, какое всегда обнаруживали мѣстныя учрежденія.

Но подъ это цвѣтущее благосостояніе была подведена мина. Миной этой были турбаевскіе козаки или «турбаевскіе жители, присваивающіе себѣ мечтательно званіе козачее, а присужденные всѣми правительствами быть мужиками», по выраженію одного оффиціальнаго документа. Но что турбаевскіе жители лишь мечтательно присваиваютъ себѣ козачье званіе, такъ смотрѣли на дѣло только низшія, мѣстныя «правительства»; высшія же, петербургскія, наоборотъ, склонны были видѣть правоту въ притязаніяхъ турбаевцевъ. Получивъ отъ Битяговской ея сомнительныя права, Базилевскіе сумѣли ихъ осуществить. У нихъ хватило силы на то, чтобъ отобрать у козаковъ документы съ доказательствами ихъ козачьихъ правъ и заставить ихъ отбывать подданническія повинности. До поры до времени козаки протестовали только побѣгами, но не считали все-таки себя побѣжденными окончательно. Они успѣли какъ то найти себѣ повѣренныхъ и ходатаевъ, которые вели

отъ ихъ имени искъ въ Сенатѣ. Дѣло шло медленно, но принимало оборотъ благопріятный. Въ іюнѣ 1788 г., ровно за годъ до катастрофы, состоялось рѣшеніе Сената, которымъ признавались козачьи права за всѣми тѣми изъ турбаевскихъ жителей съ ихъ родомъ, кто былъ внесенъ полковникомъ Капнистомъ въ козачьи компуты. Отъ рѣшенія до его осуществленія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, на какой надѣялись и какого ожидали турбаевцы, было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было, рѣшеніе состоялось, и объ немъ скоро прослышали какъ Базилевскіе, такъ и турбаевцы. Однако оффиціально объявлено было мѣстными властями о состоявшемся рѣшеніи только въ январѣ: при этомъ власти увѣщевали турбаевцевъ оставаться въ полномъ повиновеніи у своихъ помѣщиковъ, пока не явится судъ привести указъ въ исполненіе. Но турбаевцы не хотѣли видѣть въ этихъ увѣщаніяхъ ничего, кромѣ угодничества властей передъ Базилевскими; Базилевскіе же своими дѣйствіями подливали масла въ огонь. Они встали прямо на военное положеніе: отнимали скотъ у своихъ враговъ, принуждали къ самымъ тяжелымъ работамъ, запирая ихъ, какъ рабовъ, на ночь въ амбары—въ холодные амбары, зимой, что уже имѣло видъ истязательства, и т. п.

Только въ іюнѣ появился въ Турбаяхъ, подъ прикрытіемъ воинской команды, нижній голтвянскій земскій судъ съ совѣтникомъ кіевскаго намѣстническаго правленія Корбе, чтобъ привесть въ исполненіе рѣшеніе Сената.

II.

Роковымъ днемъ для Базилевскихъ было 8 іюня 1789 г. Это былъ день, назначенный судомъ для объявленія указа турбаевской громадѣ и для начала дѣла о приведеніи его въ исполненіе.

Настроеніе турбаевцевъ было самое тревожное. Ничего не было похожаго на то, что они ожидаютъ радостнаго для себя событія. Наоборотъ, чувствовалось, что наступаетъ самый важный моментъ, когда требуется напряженіе всѣхъ силъ, чтобъ отстоять свои права. Еще наканунѣ, какъ только разослана была повѣстка насчетъ явки въ судъ, всѣ турбаевцы собрались въ домѣ атамана Цапка. Настроеніе выразилось въ общемъ единодушномъ рѣшеніи: не поддаваться до самой послѣдней крайности.

Положеніе дѣлъ объясняло и оправдывало такое настроеніе турбаевскихъ жителей.

Законныя власти съ первыхъ же своихъ шаговъ на турбаевской территоріи заявили себя рѣшительными сторонниками Базилевскихъ. Совѣтникъ Корбе, представлявшій собою лицо губернатора, который не явился самъ, хотя и долженъ былъ явиться въ силу предписанія изъ Петербурга, поселился въ домѣ Базилевскихъ: турбаевцы могли знать то, что знаемъ мы теперь изъ описи векселей, т. е. что онъ былъ у Базилевскихъ въ числѣ крупныхъ должниковъ. Съ нимъ поселился стряпчій и нѣкоторыя другія изъ должностныхъ лицъ. Члены земскаго суда были помѣщены въ домахъ безспорныхъ подданныхъ Базилевскихъ и пользовались содержаніемъ отъ владѣльцевъ. За то воинская команда расквартирована была исключительно въ домахъ ищущихъ козачества. Подъ двойнымъ прикрытіемъ могучихъ Базилевскихъ и воинской команды, представители власти и правосудія не стѣснялись высказываться громко, въ очень враждебномъ для турбаевцевъ смыслѣ. Они подсмѣивались открыто надъ смятеніемъ, царствовавшимъ въ Турбаяхъ. Исправникъ Клименко даже прямо сказалъ турбаевцамъ, что если кого-нибудь изъ нихъ и отберутъ, въ силу указа, отъ Базилевскихъ, то и это будетъ лишь на самое короткое время. Разумѣется, такое поведеніе властей, граничившее съ беззастѣнчивой наглостью, не могло способствовать успокоенію умовъ.

Къ несчастью, самый сенатскій указъ былъ составленъ такъ, что давалъ большой просторъ произволу мѣстныхъ властей. Сенатъ признавалъ козачьи права за 76 родами, внесенными Капнистомъ въ компуты. Но дѣло это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Чѣмъ могли теперешніе турбаевцы доказать связь съ этими родами? Письменные документы, у кого они случились, были отобраны Базилевскими, и судъ не предпринялъ ничего, чтобъ ихъ возвратить, а во многихъ случаяхъ ихъ, конечно, и вовсе не было. Родовыя прозвища? Но вѣдь извѣстно, что въ народѣ они никогда не бываютъ постоянными, мѣняются почти съ каждымъ поколѣніемъ. Одно и то же лицо, даже и теперь, часто называется Григоренкомъ по отцу, Савченкомъ по дѣду, Золотаренкомъ—по оффиціальному, Постриганомъ—по уличному. Конечно, пятьдесятъ лѣтъ не такой срокъ, чтобъ нельзя было возстановить истины по показаніямъ старожиловъ, церковнымъ записямъ и т. п. Но вѣдь это въ томъ лишь случаѣ, еслибъ власти были заинтересованы въ раскрытіи истины; а если онѣ были заинтересованы какъ разъ въ обратномъ?

Безъ сомнѣнія турбаевцы отлично понимали, что они нахо-

дятся вполнѣ въ рукахъ мѣстныхъ властей! Судъ могъ признать, для отвода глазъ, козачьи права за отдѣльными единицами, которымъ посчастливилось удержать какія-нибудь несомнѣнныя юридическія доказательства своего козачества, а насчетъ массы остальныхъ ограничиться отпиской: никакихъ, молъ, больше потомковъ старыхъ козацкихъ родовъ въ Турбаяхъ не оказывается. Поди тогда доказывай каждый въ отдѣльности—безъ документовъ, сидя въ подданствѣ у Базилевскихъ,—свои права въ сенатѣ: какъ ихъ доказывать тогда, когда ужъ и теперь власти не даютъ билетовъ на выѣздъ изъ Турбаевъ?

Не трудно себѣ представить, съ какими чувствами шли турбаевцы въ судейскую избу 8 іюня. До отхода они еще разъ дали другъ другу обѣщаніе «не поддаваться». Шло ихъ пятьдесятъ человѣкъ: но триста слѣдовало сзади на всякій случай. Другая часть громады оставалась на дворѣ у атамана. Лишь только судъ приступилъ къ разбору правъ, какъ турбаевцы единодушно отказались отвѣчать на какіе-либо относящіеся сюда вопросы, заявляя, что они всѣ козаки. Очевидно, они боялись дать какими-либо своими отвѣтами новое орудіе въ руки враждебной имъ власти. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ не случилось обстоятельство, которымъ разрѣшилась безвыходная напряженность положенія. Внезапно по селу пробѣжали роковыя слова: «занимаютъ череду!»—и тотчасъ же достигли какъ до судейской избы, такъ и до двора атамана. «Занимаютъ череду», т. е. забираютъ стадо. Никто, ни тогда, ни послѣ, не могъ дать отчета, откуда взялись эти роковыя слова и какое для нихъ было основаніе. Объясняли при позднѣйшемъ судебномъ разбирательствѣ, что видѣли около череды, одни—какихъ то незнакомыхъ людей, другіе—козаковъ, третьи—неизвѣстную повозку и т. д. Но, очевидно, дѣло было просто въ томъ, что въ крайне возбужденной турбаевской атмосферѣ было такое рѣзкое единодушное ощущеніе грозящаго насилія, что крики «занимаютъ череду!» явились воплощеніемъ того, что жило въ каждой турбаевской душѣ.

Въ одинъ моментъ волненіе охватило село. Воинская команда, зашевелившаяся было при видѣ поднимающейся бури, была тотчасъ же разбросана и обезоружена: впрочемъ, сдѣлать это было нетрудно, такъ какъ оружіе ея самымъ мирнымъ образомъ было сложено въ клунѣ. Всякій захватывалъ, въ качествѣ орудія, что попадалось подъ руку. Для чего? Опять таки никто не давалъ себѣ въ этомъ отчета. Вѣроятно, и тотъ кто крикнулъ первый: «въ господскій домъ!» не сознавалъ, что онъ сдѣлалъ. Но слово было выговорено,

и страшно возбужденная толпа, вооруженная пиками, дрюками, косами, кольями, дубинами, съ дикими криками кинулась къ усадьбѣ. Часть турбаевцевъ задержалась около судейской избы.

Вѣроятно, вѣсть о происходящемъ—какъ ни быстро все это дѣлалось—достигла до усадьбы раньше, чѣмъ прибѣжалъ народъ; по крайней мѣрѣ, двери были уже заперты. А можетъ быть, Базилевскіе, живя по-пански, еще спали, такъ какъ былъ всего только десятый часъ утра. Но что могло задержать этотъ страшный людской потокъ, весь насыщенный мстительной злобой? Онъ ворвался черезъ окна, черезъ выбитыя двери, и въ одинъ моментъ затопилъ, раздавилъ, разнесъ это уютное богатое гнѣздо... Несчастные владѣльцы и ихъ сестра, всѣ трое были — мало сказать—убиты, а заколочены до смерти. Ни о защитѣ ни о сопротивленіи не могло быть и рѣчи. Марія умоляла о пощадѣ: но что могла слышать эта обезумѣвшая толпа? Кто-то ударилъ ее по головѣ и, схвативши за волосы, бросилъ на землю. Кровавое дѣло было начато. Вслѣдъ за тѣмъ ее видѣли уже всю облитую кровью, съ выступившими на лобъ глазами... Съ ней было кончено быстро. Братья Базилевскіе спрятались подъ кровать; ихъ открыли, и вытащили. Били ихъ долго, съ страшнымъ ожесточеніемъ, били ногами, кольями, дубинами, били, когда они лежали уже безъ признаковъ жизни. Нѣсколько времени спустя, когда комнаты уже опустѣли, Степанъ Базилевскій приподнялся. Одинъ изъ караульныхъ, приставленныхъ атаманомъ къ дому, увидалъ это черезъ окно и, войдя, еще разъ ударилъ его бичемъ, но, кажется, только лишь для очистки совѣсти. Всѣ счеты съ міромъ были уже порѣшены Базилевскими. Три истерзанныхъ трупа въ лужахъ запекшейся крови лежало въ опустошенныхъ комнатахъ.

Въ господскомъ домѣ находился въ это время совѣтникъ Корбе съ стряпчимъ, земскимъ исправникомъ и другими должностными лицами. Корбе вышелъ къ толпѣ и умолялъ пощадить его жизнь, обѣщая сдѣлать все, что отъ него потребуютъ. И его, и другихъ осыпали бранью, угрозами, не обошлось и безъ побоевъ: на Корбе видѣли окровавленный халатъ, у кого то была перебита рука. Но ни убійствъ, ни истязаній не было больше, хотя побили еще и нѣкоторыхъ слугъ Базилевскихъ; все озлобленіе излилось на пановъ.

Судейской избы смятеніе достигло еще прежде, чѣмъ барской усадьбы. Но и здѣсь оно также не разрѣшилось ничѣмъ кровавымъ. Кажется, никто изъ «судейскихъ чиновъ» не ушелъ безъ

хорошаго «памятнаго»; но этимъ и удовлетворилось народное чувство.

Конечно, не могли не знать турбаевцы, что ихъ поступки не останутся безъ тяжелыхъ для нихъ послѣдствій. Но однако въ ихъ средѣ не воцарился хаосъ или прострація, по теперешнему выраженію, а наоборотъ обнаружился духъ организаціи и порядка. Вещи, разбросанныя и разнесенныя изъ господской усадьбы, турбаевская громада собрала и къ вещамъ этимъ, какъ и вообще къ имуществу, приставила караулъ. Изъ судейской избы турбаевцы также взяли зерцало и судейскія бумаги. На основаніи правила, что утро вечера мудренѣе, всѣхъ должностныхъ лицъ взяли подъ арестъ. Къ утру же былъ готовъ для властей такой ультиматумъ. Они должны были выдать турбаевской громадѣ такіе документы: судебное постановленіе о признаніи ихъ всѣхъ, за небольшимъ исключеніемъ несомнѣнныхъ подданныхъ Базилевскихъ, козаками; бланкъ пропускного билета въ Кіевъ, чтобъ ѣхать туда выборнымъ хлопотать по своимъ дѣламъ; удостовѣреніе въ томъ, что все это выдается добровольно. Наивная вѣра въ силу оффиціальной бумаги... Конечно, въ такихъ обстоятельствахъ судъ съ величайшей готовностью подписалъ бы постановленіе о собственной своей ссылкѣ въ вѣчную каторгу. Затѣмъ турбаевцы потребовали, чтобъ судъ приложилъ свои печати ко всему богатому имуществу, оставшемуся послѣ Базилевскихъ. Какъ только все было написано, подписано, припечатано, предоставили властямъ ѣхать на всѣ четыре стороны.

Въ тотъ же день тѣла убитыхъ переданы были дворовымъ людямъ, чтобъ тѣ отвезли ихъ въ Остапье, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось фамильное кладбище.

III.

Помѣщики были убиты, начальство выпровожено: турбаевцы остались сами по себѣ. Теперь первою ихъ заботою было предупредить высшія власти о событіяхъ, чтобъ склонить ихъ, по мѣрѣ силъ и возможности, на свою сторону. Тотчасъ же были выбраны и отправлены къ Потемкину ходоки, которые, кстати сказать, несмотря на вынужденный у суда «бланкетъ», никуда не дошли, потому что были схвачены и арестованы на дорогѣ.

Потемкину, тогдашнему новороссійскому генералъ-губернатору, принадлежитъ значительная роль въ турбаевской исторіи. Не

позже какъ черезъ мѣсяцъ Екатерина узнала объ этомъ выдающемся событіи и передала руководительство дѣломъ Потемкину. Тотъ, со свойственной ему быстротой, рѣшилъ устроить выкупъ подданныхъ у Базилевскихъ-наслѣдниковъ, братьевъ убитыхъ, и выкупленныхъ крестьянъ, также и козаковъ, переселить на свои заднѣпровскія земли. Въ этомъ смыслѣ уже и состоялось его распоряженіе Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества. Но прежде чѣмъ могла быть приведена въ исполненіе какая-нибудь мѣра въ этомъ родѣ, необходимо было удовлетворить правосудіе. Надо было разыскать и наказать «убійцовъ, разбойниковъ, пролившихъ кровь, которая вопіетъ къ небу о мщеніи», какъ краснорѣчиво писали въ многочисленныхъ прошеніяхъ и жалобахъ оставшіеся въ живыхъ четыре брата Базилевскіе.

Казалось бы, какія могли быть особенныя затрудненія разыскать преступниковъ, когда преступленіе было совершено среди бѣла дня, на глазахъ сотенъ людей и суда. А между тѣмъ затрудненія оказывались непреодолимыми. Обусловливались эти затрудненія прежде всего тѣмъ, что масса присутствовавшаго народа была не только свидѣтелемъ, но и вольнымъ или невольнымъ соумышленникомъ преступленія, а затѣмъ и другими обстоятельствами, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что турбаевская громада твердо установилась на своей своеобразной политикѣ, которую можно назвать политикой пассивнаго сопротивленія. Она не причиняла никакого зла то и дѣло наѣзжавшимъ въ Турбаи властямъ, но рѣшительно не исполняла никакихъ ихъ требованій и предписаній. Притомъ турбаевцы имѣли видъ настолько подозрительный, что власти, повидимому, съ крайнею неохотой появлялись въ Турбаи, и при первой же возможности спѣшили оттуда выбраться. Чего хотѣли добиться турбаевцы своимъ образомъ дѣйствій—трудно сказать: очевидно одно, они были твердо убѣждены, что «высшія правительства», до которыхъ надо добраться, окажутъ имъ снисхожденіе и правосудіе, а всѣ низшія, которыя къ нимъ наѣзжаютъ, ихъ злые враги, сплошь подкупленные и готовые утопить ихъ въ ложкѣ воды.

А между тѣмъ, происходили измѣненія и внутри турбаевской громады, перемѣщеніе силъ и настроеній. Болѣе умѣренный элементъ, желавшій придерживаться, елико возможно, духа легальности и порядка, уступилъ мѣсто крайному. Усиленію буйства и крайностей способствовало то обстоятельство, что въ Турбаяхъ появился, пользуясь смутой, какой то Красноглазовъ, казенный откупщикъ и,

несмотря на то, что юридически село все-таки было помѣщичьимъ, завелъ три шинковыхъ дома и спаивалъ народъ. «Триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ», по свидѣтельству властей, наѣзжавшихъ въ Турбаи, «провожаютъ все время въ непрестанномъ пьянствѣ и чрезъ то не имѣя никакого здраваго разсудка, каковъ долженъ имѣть трезвой человѣкъ, готовы всегда поступить и на самоважнѣйшія неистовства, и въ селѣ Турбаяхъ не видно даже ночью нигдѣ ни самомалѣйшаго благочинія и тишины, но во всякое время жители тамошніе мужчины и женщины со взрослыми дѣтьми, собравшись партіями, ходятъ по тремъ шинковымъ домамъ, и обращаясь въ пьянствѣ, производятъ междуусобную брань и драку».

Все это было преувеличено, но въ основаніи вѣрно. «Триста освирѣпѣвшихъ» изъ двухтысячнаго населенія Турбаевъ управляли теперь теченіемъ турбаевскихъ дѣлъ, и это не замедлило отразиться такими послѣдствіями. Богатое имущество Базилевскихъ послѣ катастрофы было, по требованію самой турбаевской громады, запечатано судомъ и турбаевцы приставили къ нему караулъ. А между тѣмъ триста освирѣпѣвшихъ турбаевцевъ, взявши преобладаніе, начали высказывать такія мнѣнія: Чье же это добро? развѣ оно не наше? развѣ не нашими трудами нажили себѣ все это Базилевскіе? Вѣдь девять лѣтъ мы работали на нихъ неправильно, терпѣли всяческое угнетеніе и порабощеніе... Живо припоминался забранный Базилевскими при обращеніи ихъ, козаковъ, въ подданные скотъ, порубленный лѣсъ, покошенное сѣно, ихъ общественныя церковныя деньги, взятыя Базилевскими у ктитора и т. д. и т. д. При данныхъ обстоятельствахъ немного надо было, чтобъ притти отъ мнѣнія къ дѣйствію. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. А деньги нужны были прежде всего, чтобъ подмазывать себѣ пути къ власть имущимъ, отъ которыхъ зависѣло дать такой или иной оборотъ всему дѣлу.

Началось расхищеніе имущества, прежде всего съ погреба, гдѣ хранились напитки, и съ винокуреннаго амбара. Затѣмъ атаманъ съ громадой, еще въ теченіе 1790 г., раза два доставалъ изъ кладовыхъ деньги. Но легче было встать на эту наклонную плоскость, чѣмъ на ней удержаться. Стали и отдѣльныя лица доставать себѣ потихоньку, подкапываясь подъ стѣнки, ломая замки, то одно, то другое, кто кусокъ сала, кто штуку сукна, кто денегъ. Въ августѣ 1791 г., т.-е. черезъ два года послѣ убійства, атаманъ забралъ остальныя деньги и документы, а затѣмъ имущество предоставлено было громадѣ «на потокъ и разграбленіе». Цѣлыхъ шесть дней тянулось это разграбленіе. Нѣкій корнетъ Шкурка, случайно про-

ѣзжавшій черезъ Турбаи въ это время, такъ описываетъ то, что онъ тамъ видѣлъ: «Ѣдучи дорогою, лежащею мимо дома убіенныхъ господъ надворныхъ совѣтниковъ Базилевскихъ, видѣлъ въ ономъ дворѣ и около двора толпу народа, скопившуюся во множественномъ числѣ людей, тамошнихъ турбаевскихъ жителей, во образѣ бунта кричащихъ и грабящихъ тотъ домъ, несущихъ съ онаго за дворъ въ домы ихъ или куда-то въ другое мѣсто разное движимое имѣніе, какъ то шубы, платье, полотна, разную посуду, деньги и пр.». Его увидали и повели въ одинъ дворъ, «гдѣ также было множество турбаевскихъ жителей пьяныхъ и пившихъ горячее вино, начали онымъ его потчивать и принуждать пить, угрожая, если воли ихъ исполнять не будетъ, боемъ, почему онъ, бывъ въ великомъ страхѣ, принужденъ былъ выпить поднесенные ему три рюмки, далѣе же когда пить отказался, то вдарили его большою палкою», а затѣмъ отпустили. На самомъ концѣ селенія онъ нагналъ двухъ мальчиковъ, несущихъ двѣ книги во французскомъ переплетѣ, и на его спросъ они согласились ихъ продать за двѣ копѣйки. Хлопотало надъ разнесеніемъ панскаго имущества все село, мужчины, женщины и болѣе взрослыя дѣти. Разбили всѣ кладовыя, коморы, каретные, хлѣбные и иные амбары. Все, что оставалось еще «изъ денегъ, платья, столовой каменной, серебряной и золотой посуды, хлѣба, напитковъ, припасовъ и иныхъ вещей», все было разнесено «до послѣдка»; забрали всѣ, какіе оставались, документы. Оборвали со строеній полы, потолки, ставни, двери, желѣзныя оковки. Чего не разсудили брать, изъ колясокъ, каретъ и др. повозокъ, оборвавши желѣза и обойки, плисовыя, суконныя и другія, кареты и коляски перебили, словомъ все разорили и истребили. Даже самыя стѣны нѣкоторыхъ строеній были пробиты насквозь. Библіотека расхищена, а многія книги порваны въ куски. Разломали ограду около сада, «заведеннаго на аглицкій манеръ», и пустили туда свой скотъ. Однимъ словомъ, какъ Базилевскіе-наслѣдники старались о томъ, чтобъ «снести съ лица земли самое имя Турбаевъ», съ такимъ же усердіемъ турбаевцы стремились уничтожить всѣ слѣды пребыванія Базилевскихъ на турбаевской землѣ.

Теперь турбаевцы почувствовали себя уже вполнѣ господами. Они начали распоряжаться всякими хозяйственными матеріалами и запасами, которые были скоплены въ экономіи Базилевскихъ; хозяйничали въ ихъ лѣсахъ и т. п. Мало того. Земли Турбаевъ находились въ черезполосномъ владѣніи съ землями Кринокъ и Остапья: слобода Кринки принадлежала убитымъ, мѣстечко Остапье—другимъ

братьямъ Базилевскимъ. Турбаевцы, пользуясь близостью, «разсѣяли возмущеніе» и въ тѣхъ мѣстахъ, такъ что населеніе и здѣсь начало «производить разныя буянства и управителей угрожаетъ убивать». Въ особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Турбаями находилось населеніе Кринокъ: оно частью было склонено турбаевцами на свою сторону и собиралось съ ними «во единое скопище», частью терроризировано турбаевской дерзостью. Турбаевцы ловили рыбу въ тамошнемъ владѣльческомъ ставу, выводили, по приговору своей громады, нѣкоторыхъ кринковскихъ подданныхъ въ Турбаи, какъ своихъ козаковъ, и вообще распоряжались тамъ безпрепятственно. Въ то же время турбаевцы всюду открыто заявляли, даже и передъ судомъ, что они намѣрены истребить всѣхъ Базилевскихъ. Базилевскіе не смѣли показаться не только въ Турбаяхъ, но и въ другихъ своихъ ближайшихъ владѣніяхъ. «Оставивъ домы свои, скитаемся мы по чуждымъ, а нынѣ убѣжища и мѣста не находимъ, гдѣ бы могли себя обезопасить и не безпокоиться, и принуждены въ отдаленнѣйшія мѣста удалиться», пишутъ Базилевскіе. Но и туда доходили до нихъ слухи, что турбаевскіе жители хотятъ, «раздѣлившись на части, итти и предать ихъ насильственной смерти». Серьезны или нѣтъ были угрозы турбаевцевъ, но напуганы то ими Базилевскіе были серьезно.

Какъ видно изъ сказаннаго выше, турбаевская исторія все усложнялась. Къ уголовному дѣлу присоединился гражданскій искъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ надо было привести къ концу три сложныхъ дѣла. Разыскать преступниковъ, чтобъ удовлетворить правосудіе; разыскать и возвратить разграбленное имущество Базилевскихъ; переселить турбаевцевъ, согласно предположенію Потемкина, утвержденному Екатериной.

А между тѣмъ и внѣшнія обстоятельства тормозили движеніе. Потемкинъ тѣмъ временемъ умеръ. Произошло новое разграниченіе, и Турбаи отошли отъ кіевскаго намѣстничества къ екатеринославскому. Такимъ образомъ это сложное дѣло должно было перейти въ совсѣмъ новыя руки. Именнымъ указомъ руководительство турбаевской исторіей передано было Коховскому, правителю екатеринославскаго намѣстничества; первой же инстанціей былъ теперь градижскій нижній земскій судъ.

Но что было дѣлать новому начальству съ этими людьми, которые «во мѣсто раскаянія приходятъ все въ большое неистовство отъ праздности, въ коей они пребываютъ, отъ безначалія, къ которому они съ начала бунта, ими предпринятаго, обыкли, не по-

винуясь ни закону, ни мѣстамъ, ни особамъ, отъ разврата, отъ пьянства и всѣхъ онаго послѣдствій?»

Все это были, правда, выраженія Базилевскихъ, очень преувеличенныя; но тѣмъ не менѣе положеніе начальства было не изъ легкихъ.

По поводу выдачи преступниковъ—убійцъ и зачинщиковъ бунта, турбаевцы твердили одно и суду, и спеціально командировавшимся чинамъ, и Коховскому, который рѣшился лично съѣздить въ Турбаи, «что въ содѣланномъ преступленіи никакого они намѣренія не имѣли, слѣдовательно, и нѣтъ между ними ни одного начинщика, но всѣ они начинщики и всѣ равно виновны»: все это они подтверждали «иные клятвою, а иные плачемъ, отдаваясь всѣ равнодушно сужденію строгости законовъ».

Масса разграбленнаго имущества находилась по рукамъ и расходилась на стороны. Но все-таки значительная его часть, въ видѣ денегъ и векселей, хранилась въ турбаевской съѣзжей избѣ. Однако турбаевцы рѣшительно отказывались не только разыскивать разграбленныя вещи, но и выдать то, что находилось на лицо. «Съ дерзостью» говорили суду, что «ничего не отдадутъ, покуда помѣщики Базилевскіе не удовольствуютъ ихъ за девятилѣтнее отправленіе имъ подданнической повинности и за какіе то грабежи ихъ имѣній».

О переселеніи пока начальство и не заикалось.

IV.

Если бы администраторы разсматриваемаго нами времени сплошь представляли собою прототипы героевъ «Исторіи одного города», турбаевское дѣло должно было бы имѣть самый трагическій конецъ. Но, благодаря Коховскому, оно распуталось такъ благополучно, какъ только можно было пожелать при этихъ въ высшей степени трудныхъ и сложныхъ обстоятельствахъ. Невольное удивленіе и уваженіе возбуждаетъ гуманность, долготерпѣніе и осторожность, съ какою онъ относился къ турбаевцамъ, наряду съ энергіей, которую обнаруживалъ, направляя дѣйствія «мѣстъ и особъ», ведшихъ турбаевское дѣло. И все это имѣя, съ одной стороны, «дерзкую закоснѣлость», съ какой турбаевцы отталкивали даже то, что дѣлалось въ ихъ прямыхъ интересахъ, съ другой, сутяжничество наслѣдниковъ Базилевскихъ, осаждавшихъ всѣ «правительства» до наивысшихъ просьбами и жалобами на свои бѣдствія и на бездѣйствіе властей,

потворствующихъ турбаевскимъ злодѣямъ. Видимо большія усилія приложилъ Коховскій къ тому, чтобъ устранить все, что могло сдѣлать «окончаніе дѣла сего какъ затруднительнымъ и нескорымъ, такъ сомнительнымъ и опаснымъ», какъ выражается онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ.

Коховскій самъ ѣздилъ въ Турбаи, посылалъ туда лицъ, видимо хорошо ему извѣстныхъ, какъ напр. ассесора Гладкого; добился того, чтобъ турбаевская громада выслала къ нему выборныхъ, хотя и не въ томъ количествѣ, какого онъ желалъ—очевидно, съ цѣлью повліять на ихъ настроеніе. Старанія его привели къ тому, что въ Турбаяхъ опять начали усиливаться люди, желавшіе найти какой-нибудь выходъ изъ своего положенія на пути законности и порядка. Появились отдѣльныя единицы изъ участвовавшихъ въ убійствѣ, которыя соглашались сознаться въ своей винѣ передъ закономъ, какъ ни отговаривали ихъ болѣе крайніе: «зачѣмъ де ты самъ лѣзешь въ огонь?» Девять человѣкъ преступниковъ сами пришли къ Коховскому «безъ всякой стражи въ пути и при двухъ только турбаевскихъ жителяхъ». Вѣроятно, турбаевская громада думала очиститься въ убійствѣ при посредствѣ этихъ искупительныхъ жертвъ; къ нимъ въ дополненіе проподносились еще Ѳемидѣ тѣ изъ участниковъ, которые, опасаясь послѣдствій, успѣли выбраться изъ Турбаевъ въ разныя отдаленныя заднѣпровскія, черноморскія и иныя мѣста: такихъ было не мало, тоже человѣкъ около десяти. Конечно, этимъ десяти «убійцамъ и зачинщикамъ», которые такъ спокойно препровождали себя въ руки правосудія, громада дала на прощанье обстоятельныя наставленія, какъ имъ вести себя, главное же «никого ни въ чемъ не оговаривать». Но тѣмъ не менѣе дѣло приняло такой оборотъ, какого турбаевцы, конечно, не ожидали, хотя оно и не могло быть иначе. Если даже въ числѣ этихъ девяти и не было малодушныхъ, готовыхъ, при малѣйшемъ затрудненіи, поступиться своимъ ближнимъ, то трудно предположить, чтобъ не проговорился наивный турбаевецъ, выступившій изъ-за плечъ своей громады и поставленный лицемъ къ лицу съ судьей, болѣе или менѣе опытнымъ въ судейскихъ подходахъ. Какъ бы то ни было, въ результатѣ судебнаго слѣдствія было пятьдесятъ девять оговоренныхъ, «въ числѣ которыхъ оказываются многіе изъ почетнѣйшихъ турбаевскихъ жителей», а въ дальнѣйшемъ открывалась не совсѣмъ то и для начальства пріятная перспектива, что эти «оговоренные нынѣ 59 человѣкъ могутъ оговорить еще столько же и болѣе», какъ опасливо выражается гуманный и осторожный Коховскій.

Но тутъ очнулись и сами турбаевцы, и устроили такое, чего трудно было ожидать и отъ турбаевской «отчаянности». Подсудимые турбаевцы сидѣли въ тюрьмѣ въ Градижскѣ. Правда, тюрьма была не важная «и вовсе къ содержанію въ оной преступниковъ опасная», такъ какъ, «будучи крайне обветшалою въ стѣнахъ, совсѣмъ начала разваливаться, и стѣны удержаны однѣми только подпорами». Но тюрьма есть тюрьма. Турбаевская же громада, ничто же сумняшеся, рѣшилась освободить изъ нея своихъ. Градижскъ находился верстахъ въ пятидесяти отъ Турбаевъ. Турбаевцы какъ то устроили тайныя сношенія съ градижской тюрьмой и уговаривали заключенныхъ бѣжать, обѣщая доставить изъ Турбаевъ отважныхъ людей, которые нападутъ ночью на караулъ и освободятъ ихъ изъ тюрьмы. Въ ночь на 2 февраля 1793 г. заключенные турбаевцы, подговоривъ и прочихъ арестантовъ, потушили огонь въ тюрьмѣ, напали на часовыхъ, прибили тяжело унтеръ-офицера, разломали двери и окна и, отбивши у часовыхъ пики, бѣжали.

Но тутъ уже и Коховскій увидалъ, что безъ содѣйствія военной силы ему не обойтись. Онъ обратился за разрѣшеніемъ къ Екатеринѣ. Отъ 16 апрѣля 1793 г. состоялся высочайшій указъ о введеніи въ Турбаи воинской команды.

Однако ни Коховскій, ни герой Праги и Измаила, который командировалъ въ Турбаи баталіонъ бугскаго егерскаго полка и 200 донскихъ козаковъ, видимо совсѣмъ не имѣли въ виду штурмовать Турбаи. Напротивъ, со всѣхъ сторонъ видны усиленнѣйшія старанія о томъ, чтобъ все обошлось самымъ мирнымъ образомъ. Все дѣлалось въ глубокой тайнѣ. Войска должны были расположиться въ Турбаяхъ, подъ предлогомъ слѣдованія въ Гадячъ, будто бы мимоходомъ для печенія хлѣбовъ и починки обоза. Войскамъ было строжайше предписано обращаться съ турбаевцами «съ пристойною обывателямъ ласкою». У Коховскаго была одна опредѣленная ближайшая цѣль: извлечь изъ Турбаевъ, по возможности незамѣтно, вожаковъ «огорченнѣйшихъ и строптивѣйшихъ невѣждъ, коихъ мнѣнію и совѣтамъ большая часть жителей слѣпо слѣдуетъ». Нѣкоторые изъ этихъ вожаковъ были настроены въ высшей степени враждебно по отношенію ко всѣмъ примирительнымъ мѣрамъ и компромиссамъ, или, по выраженію одного донесенія, находились «въ крайнѣйшемъ чувствовании претерпѣннаго ими огорченія, отъ коего вкоренившаяся въ нихъ отчаянность и довѣренность къ нимъ жителей могла бы многихъ вовлечь въ несчастіе».

Нелегко все было сдѣлать такъ, какъ хотѣлъ Коховскій, но

секундъ-майоръ Карповъ, которому это было поручено, оказался на высотѣ своей задачи. Прежде всего надо было захватить атамана Тарасенка. Карповъ «потребовалъ его съ ласковостью» въ лагерь будто бы по поводу дровъ, подводъ и пастбищъ; затѣмъ приказалъ съ квартиръ самимъ жителямъ носить въ лагерь печеный хлѣбъ, а нѣкоторыхъ призвалъ къ себѣ для покупки скота. Этими «и разными подобными симъ предлогами» онъ привлекъ въ лагерь и задержалъ десять человѣкъ, на которыхъ ему было указано Коховскимъ. Сдѣлано все это было такъ просто, незамѣтно, быстро, что турбаевскіе жители не успѣли опомниться; такимъ образомъ секундъ-майоръ Карповъ «своими благоразумными и кроткими поступками удалилъ то происшествіе, о коемъ всѣ здѣсь говорили», т.-е. новый взрывъ турбаевской отчаянности. Революціонная турбаевская гидра была обезглавлена безъ всякаго внѣшняго акта насилія, который могъ бы послужить для новой бури. Турбаи смирились. Жители стали «приходить въ раскаяніе въ оказанномъ ими невѣжествѣ, въ неповиновеніи судамъ». 11 іюля 1793 г. въ Турбаяхъ появились уѣздный и нижній земскій судъ и нижняя расправа градижскаго уѣзда и безпрепятственно «вступила въ производство дѣла». «Благодарю Всевышняго, что благословилъ приступить къ начальному производству дѣла въ тишинѣ и кротости», пишетъ одинъ изъ руководителей турбаевскаго дѣла: «молю нынѣ Его да спасетъ мя и дѣтокъ моихъ отъ напасти по случаю иска помѣщиковъ Базилевскихъ на жителяхъ турбаевскихъ. Страшусь сего, испытывая, какъ безъ вины можно быть виновату». Да, всю жизнь вѣрно помнили и разсказывали дѣтямъ и внукамъ участвовавшіе въ разборѣ турбаевскаго дѣла о той опасности, изъ какой имъ удалось вынести себя цѣлыми и невредимыми.

Теперь уже главнымъ затрудненіемъ для начальства было не дѣло объ убійствѣ, для котораго такъ или иначе, хорошо или худо, да уже были собраны кое-какіе необходимые для правосудія «зачинщики и убійцы». Затрудненіе было въ гражданскомъ искѣ Базилевскихъ, въ возвращеніи разграбленнаго имущества. То, что хранилось въ турбаевской съѣзжей избѣ, возвратить было не трудно: тамъ были документы въ числѣ 731 №№, векселя на 58,000 р., наличными деньгами больше 6,000 р. (впрочемъ, часть этихъ денегъ, 1,000 руб., была истрачена турбаевцами на ходоковъ въ Петербургъ) и двѣнадцать сундуковъ съ разными цѣнными вещами, серебромъ, разной иной посудой, платьемъ, мѣхами, бѣльемъ, дорогой бакалеей и пр. Но какъ было отбирать, а главное разыски-

вать вещи, находившіяся по рукамъ? Не значило ли это опять идти на явную опасность поголовно раздражить населеніе? Власти, сидя въ Турбаяхъ, конечно, понимали это отлично и очень охотно заняли бы все это. Но у нихъ на шеѣ сидѣли Базилевскіе, которые не желали поступиться ничѣмъ. Они жаловались на то, что турбаевцы продають принадлежащія имъ вещи на сторону, обвиняли разныхъ лицъ въ передержательствѣ вещей и требовали привлеченія ихъ къ отвѣтственности, просили о томъ, чтобъ былъ наложенъ секвестръ на имущество турбаевцевъ въ цѣляхъ обезпеченія иска и т. п. Все это усложняло и тормозило дѣло, и безъ того очень сложное, а главное требовало такихъ дѣйствій со стороны властей, которыя могли снова сдѣлать окончаніе дѣла «сомнительнымъ и опаснымъ». Коховскій, видимо, былъ крайне раздраженъ безтактнымъ поведеніемъ Базилевскихъ, и раздраженіе проглядываетъ даже въ оффиціальномъ тонѣ его дѣловыхъ бумагъ. Когда Базилевскіе прислали ему, при пріѣздѣ его въ Турбаи, вина и столовые припасы, онъ отвѣтилъ на этотъ простой актъ вѣжливости, который считался въ тѣ времена обязательнымъ даже и по отношенію къ незнакомому проѣзжему своего общества, что «онъ получаетъ на свое содержаніе жалованье».

Однако не могъ же судъ отказать въ признаніи юридической правоты за требованіями Базилевскихъ и долженъ былъ что-нибудь дѣлать для ихъ удовлетворенія. Начали турбаевцы возвращать коечто, какъ пишутъ Базилевскіе: «изъ каретъ аглицкихъ, колясокъ и др. экипажей доставлена ось желѣзная, два рессора, да ступица съ колеса обрубленная; мѣсто серебра, въ нѣсколькихъ пудахъ расхищеннаго, возвращено ничего не значящее количество; мѣсто брильянтовъ и другихъ дорогихъ вещей ни одного камушка не явилося». По дальнѣйшимъ розыскамъ и настояніямъ властей, снесено было довольно много вещей, такъ что составился порядочный ихъ списокъ; но содержаніе этого списка все было сплошь такое: «канапе совсѣмъ оборванное, двери горничныя разламанныя, столикъ побитой, кроват ломанная, съ кареты кусокъ кожи сгнилой, кафтанъ нѣмецкій бархату рытого совсѣмъ сгнилой, полотна голландскаго измоченнаго, вымараннаго и сгнилого кусокъ, сабля подъ серебряною оправою съ позолотою спорченная, кожъ овчинныхъ старыхъ, молью поѣденныхъ» и т. д., и т. д. Еслибъ мы не знали, что турбаевцамъ и начальству было въ это время не до шутокъ, то могли бъ подумать, что все это простая насмѣшка надъ претензіями Базилевскихъ. Коховскій сдѣлалъ для удовлетворенія Бази-

левскихъ все, что онъ считалъ возможнымъ: отдалъ строгій приказъ и распубликовалъ его по всему уѣзду, чтобъ никто, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, не смѣлъ покупать у турбаевцевъ никакого имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго; но терроризировать населеніе (а безъ того нельзя было добиться полнаго удовлетворенія всѣхъ претензій Базилевскихъ) онъ не хотѣлъ. Но такъ какъ эти претензіи угрожали затянуть турбаевское дѣло въ безконечность, то онъ испросилъ у Екатерины разрѣшеніе не задерживать его движенія искомъ Базилевскихъ. Такимъ образомъ, искъ этотъ, съ переселеніемъ турбаевцевъ, прекратился самъ собою.

31 января 1794 г. общее присутствіе градижскаго уѣзднаго суда и нижней расправы изрекло приговоръ надъ жителями турбаевскими, обвинявшимися въ убійствѣ помѣщиковъ Базилевскихъ и въ прочемъ: приговорено къ смертной казни—7, къ наказанію кнутомъ—42, плетьми—134, освобождено отъ суда—228 душъ. Смертные приговоры всѣ были отмѣнены; наказанія смягчены. Но турбаевцевъ ждало еще общее наказаніе, которому подверглись наравнѣ съ виновными и совсѣмъ невинные. Кровь Базилевскихъ не была, конечно, кровью невинныхъ, но она тѣмъ не менѣе упала не только «на васъ», но «и на чада ваша».

V.

Проектъ Потемкина насчетъ переселенія турбаевцевъ въ Заднѣпровье былъ утвержденъ Екатериной. Тогда же, т.-е. еще въ самомъ началѣ турбаевскаго дѣла, въ 1790 г., были выяснены основанія, на коихъ должно было совершиться это переселеніе. Базилевскіе, съ большой и понятной готовностью, отдавали на выкупъ казнѣ всѣхъ своихъ турбаевскихъ крестьянъ: просили за мужескую душу 50 руб., но соглашались и на низшую оцѣнку, согласны были и расчетъ отъ казны получить не деньгами, а солью таврической, лишь бы «не имѣть сихъ людей передъ своими глазами и не опасаться отъ нихъ злыхъ послѣдствій». Оставался еще вопросъ насчетъ «спорныхъ мужиковъ», т.-е. ищущихъ козачества. Дѣйствія суда по разбору козацкихъ правъ турбаевскихъ жителей были прерваны катастрофой. Но тѣмъ не менѣе какъ то состоялось постановленіе, чуть ли не заднимъ числомъ помѣченное

(по крайней мѣрѣ такъ утверждали турбаевцы въ одномъ своемъ прошеніи), такъ какъ на немъ стояла дата роковаго дня 8 іюня 1789 г. Вникать во все это теперь уже было некому и не для чего, такъ какъ послѣдующія событія совсѣмъ заслонили эту сторону. Упомянутымъ постановленіемъ признаны были козачьи права за 259 турбаевскими жителями. Земли этихъ спорныхъ мужиковъ Базилевскіе соглашались принять по сдѣланной казною оцѣнкѣ, съ вычетомъ стоимости этихъ земель изъ того, что имъ будетъ причитаться за выкупленныхъ казною крестьянъ.

Такимъ образомъ, все было улажено. Потемкинъ разсчитывалъ, что весной 1791 г. состоится и переселеніе. Но все это разсчитывалось безъ турбаевцовъ, а въ нихъ то и было дѣло. Когда духъ крайней оппозиціи завладѣлъ Турбаями, начальство не рѣшалось не только предпринимать что-нибудь въ видахъ ихъ переселенія, но даже и заговаривать съ ними объ этомъ предметѣ. И немудрено. «Видя самъ село Турбаи и нѣсколько хуторовъ, принадлежащихъ турбаевцамъ, сужу, что тяжко имъ будетъ разставаться съ ихъ домами, садами, рощами, словомъ со всѣмъ, въ совершенствѣ устроеннымъ, домоводствомъ, и съ мѣстами предковъ ихъ и ихъ рожденія», пишетъ Коховскій. «Объявилъ я нынѣ турбаевцамъ, что они въ казну покупаются, но о переселеніи ихъ возвѣщать воздержуся», продолжаетъ онъ. Это письмо относится къ времени его личнаго посѣщенія Турбаевъ въ мартѣ 1792 г. Онъ поручилъ другому лицу «предложить турбаевцамъ съ кротостью о переселеніи». Но тѣ отвѣчали просьбой о разрѣшеніи послать ходоковъ къ государынѣ, заявляя, что до полученія отвѣта они никуда выселяться изъ Турбаевъ не намѣрены, и «готовы хоть бы и смертью пострадать въ Турбаяхъ». Послѣ того власти уже не заводили больше и рѣчей о переселеніи до самыхъ тѣхъ поръ, пока Турбаи не были окончательно усмирены.

Но теперь выступаетъ вопросъ: куда же переселиться? Потемкинъ проектировалъ поселить турбаевцевъ на своихъ собственныхъ заднѣпровскихъ земляхъ; но онъ умеръ, а наслѣдники его были для казны простые частные владѣльцы, на земляхъ которыхъ не было смысла селить казенныхъ крестьянъ, какими были теперь турбаевцы. Началась переписка насчетъ отысканія подходящихъ казенныхъ мѣстъ. Рѣшено было при выселеніи совсѣмъ отдѣлить козаковъ отъ крестьянъ. Къ веснѣ 1794 г. мѣста были отысканы. Крестьяне должны были переселиться въ таврическую область, гдѣ имъ было отведено для поселенія четыре мѣста по сю сторону Перекопа: на двухъ

большихъ дорогахъ, бериславской—въ Черной Долинѣ и Чаплынкѣ, и херсонской—при урочищѣ Буркутъ и въ Каланчакѣ. Козаковъ переселяли за Бугъ, «къ рѣкѣ Днѣстру въ пріобрѣтенную отъ порты оттоманской область», въ селенія Яски и Бѣляевку.

Переселеніе должно было состояться весной 1794 г., лишь тридцати семьямъ разрѣшено было остаться для уборки засѣяннаго хлѣба. Подъ Турбаями былъ расположенъ лагерь воинской команды, подъ наблюденіемъ и конвоемъ которой должно было совершиться переселеніе.

Духъ сопротивленія былъ сломанъ. Но легко ли было все-таки турбаевцамъ покинуть «свои дома, сады и рощи» для того, чтобъ итти въ неизвѣстныя «степныя» мѣста? И вотъ они, какъ утопающій за соломинку, хватаются за всякіе предлоги и отговорки, чтобъ хоть отодвинуть тяжелую минуту. То они представляютъ начальству, что пятьдесятъ подсудимыхъ турбаевцевъ находятся въ Екатеринославѣ до конца дѣла, и что неизвѣстно какъ быть съ ихъ женами и дѣтьми, «которыя могутъ претерпѣть въ семъ переселеніи крайнюю нужду»; то указываютъ на разныя незаконченныя ими дѣла между собой и съ сосѣдями, на необходимость распорядиться имуществомъ; то оказывается, что до 30 человѣкъ турбаевцевъ нѣтъ на мѣстахъ, разошлись въ наймы по разнымъ селеніямъ, а то и вовсе пропали безвѣстно. Но власти не отступали ни на шагъ ни передъ какими доводами и настоятельно внушали турбаевцамъ, «что ежели они будутъ упорствовать, то наведутъ на себя по всей строгости законовъ жесточайшее наказаніе, а сверхъ того и переселеніе имъ учинено будетъ непремѣнно». Характеренъ одинъ эпизодъ. Начальство, какъ уже сказано было, согласилось оставить на мѣстѣ до осени для уборки хлѣба, тридцать семей по выбору громады, пятнадцать козацкихъ, пятнадцать крестьянскихъ. Но никто не соглашался добровольно оставаться, воображая, что оставляютъ въ подданство Базилевскимъ: даже всѣ ужасы переселенія не могли примирить съ мыслью снова попасть подъ панскую власть. Едва-едва удалось суду разсѣять недоразумѣніе.

Назначаемъ былъ срокъ за срокомъ для выступленія; а турбаевцы все не были готовы. Прошелъ и послѣдній срокъ— 17 мая 1794 г., турбаевцы не двигались. Тогда въ село вступило войско. Солдаты разведены были по домамъ, чтобъ понуждать жителей къ выступленію. Такимъ образомъ турбаевцы выведены были съ имуществомъ, женами и дѣтьми на дорогу. Здѣсь сдѣлана была имъ повѣрка, и турбаевцы попрощались на вѣки съ

родиной и другъ съ другомъ: одна часть двинулась въ таврическую губ. на Александровскъ, другая къ Днѣстру—каждая подъ прикрытіемъ роты егерскаго баталіона и донскихъ козаковъ.

Легко представить себѣ, что дорога нашимъ переселенцамъ не лежала скатертью. Вѣдь ихъ было въ одномъ отрядѣ мужескихъ душъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, 560, въ другомъ 468; сверхъ того, солдаты. По нашимъ извѣстнымъ русскимъ обыкновеніямъ, никто нигдѣ не былъ ни къ чему готовъ, несмотря на строгіе приказы отъ начальства. Напр., въ Александровскѣ не оказалось ротмистра, который былъ командированъ, чтобъ принять переселенцевъ; не оказалось солдатъ для конвоя на смѣну старому конвою и т. д. Разумѣется отъ всего происходила для переселенцевъ «остановка, а въ пропитаніи, равно и въ кормѣ скота отягощеніе и крайнее разореніе». Не лучше было и на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ первое время. Насчетъ козаковъ, выселенныхъ къ Днѣстру, мѣстное начальство доноситъ: «по нынѣшнему неурожаю въ здѣшнихъ мѣстахъ хлѣба заработать на первый случай не могутъ, и тѣмъ претерпѣваютъ крайнѣйшую нужду, такъ что иные питаются испрошеніемъ милостыни по народу». И это только что разставшись съ своимъ турбаевскимъ «въ совершенствѣ устроеннымъ домоводствомъ...» Наконецъ таки искупили турбаевцы свои многоразличныя вины.

«Селенія Турбаи даже и названіе истребить и не быть болѣе тамъ никакому жилищу по извѣстной причинѣ обагренія онаго кровію», такъ просили Базилевскіе, и просьба ихъ была исполнена.

Дополненіе къ «Турбаевской катастрофѣ».

Въ № 3-мъ «Кіевской Старины» помѣщено подъ выписаннымъ выше заглавіемъ описаніе общественной драмы, разыгравшейся въ одномъ селѣ Полтавской губ. въ іюлѣ 1789 г., съ ея любопытными послѣдствіями.

Уже послѣ того какъ статья была напечатана, получила я два другихъ судебныхъ дѣла, поясняющихъ то основное дѣло, которымъ я пользовалась.

Первое дѣло, или точнѣе отрывокъ изъ дѣла,—«О противозаконныхъ якобы поступкахъ бывшаго въ мѣстечкѣ Остапьѣ начальника, сотеннаго атамана Михна, по жалобамъ на него премьеръ-майора Ивана и полковника Петра Базилевскихъ, 1782 г. іюля 4-го».

Слѣдовательно, велось это дѣло за семь лѣтъ до катастрофы, на территоріи Остапья, которое принадлежало не убитымъ, а другимъ двумъ ихъ братьямъ. Но, очевидно, положеніе и здѣсь было почти такое же, какъ и въ Турбаяхъ. Противозаконные поступки атамана Михна заключались въ томъ, что онъ укрылъ въ своемъ дворѣ женщину козачьяго званія, деверя которой Базилевскіе захватили въ свой дворъ «и тамо чинили ему батожьемъ распросъ и другіе сверхъ человѣчества утѣсненія и тиранства». Атаманъ обязанъ былъ вступиться за козаковъ, на которыхъ Базилевскіе не имѣли ни малѣйшихъ правъ. Но тѣмъ не менѣе Базилевскіе подали жалобу на Михна «за учиненное имъ якобы въ мѣстечку Остапьи между ихъ подданными возмущеніе, чрезъ которое будто бы ихъ подданные отъ надлежащаго повиновенія и подданническихъ повинностей отложились». Но даже тогдашній судъ, подкупной и дрожащій передъ могуществомъ Базилевскихъ, нижній голтвянскій земскій судъ, выѣзжая въ мѣстечко для разслѣдованія дѣла, не могъ найти какихъ-либо слѣдовъ возмущенія. А между тѣмъ атаманъ Михно, представляя свои оправданія, сдѣлалъ Базилевскимъ такую зацѣпку, которую власти не могли оставить безъ вниманія. Онъ указалъ и приложеннымъ документомъ доказывалъ, что Базилевскіе совсѣмъ не имѣли на Остапье никакихъ правъ. Документъ этотъ—универсалъ Разумовскаго. Вотъ онъ:

«Господамъ генеральнымъ малороссійскимъ старшинамъ, полковникамъ, бунчуковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ сотенными урядами, а особливо сотнику остаповскому съ урядомъ же, и всѣмъ прочимъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ, симъ нашимъ универсаломъ объявляется: Сего августа 11-го дня полку миргородскаго сотникъ остаповскій Федоръ Базилевскій подалъ намъ доношеніе и онымъ представляя о службахъ предковъ его, дѣда, бывшаго обознаго полковаго миргородскаго, и отца, того-жъ полку сотника бѣлоцерковскаго, тако-жь и самимъ имъ сотникомъ остаповскимъ Базилевскимъ съ 1724 году всероссійскому Ея Императорскаго Величества престолу во всякой вѣрности продолженныхъ, о чемъ-де состоявшее въ нашу генеральную войсковую канцелярію въ прошломъ 1741 году отъ полковника миргородскаго, всей полковой старшины и сотниковъ того полку доношеніе съ удостоеніемъ его, Базилевскаго, къ полученію за тѣ службы въ награжденіе свободныхъ посполитыхъ дворовъ, въ мѣстечку Остапьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣющихся свидѣтельствуетъ, просилъ разсмотрѣнія о надачѣ по тому удостоенію ему, Базилевскому, въ награжденіе за

показанныя службы выпописанныхъ въ мѣстечку Остапьѣ и деревнѣ Болбасовкѣ имѣющихся свободныхъ посполитыхъ дворовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе къ содержанію его и наслѣдниковъ своихъ, еденъ сынъ канцеляристомъ войсковымъ, другой—въ кадетскомъ корпусѣ. А понеже и по справкѣ въ нашей генеральной войсковой канцеляріи явилось, что еще въ 1747 году полковникъ и вся старшина полковая, такъ же и сотники миргородскаго полку въ ту генеральную канцелярію чрезъ доношеніе свидѣтельствовали о вѣрныхъ, безпорочныхъ и ревностныхъ какъ дѣда и отца, такъ и самаго его, сотника Базилевскаго, службахъ—яко же де оные имъ полковнику, старшинѣ и сотникамъ извѣстны и признавали быти достойна къ полученію въ вѣчное владѣніе свободныхъ войсковыхъ мѣстечка Остапья и деревни Болбасовки съ принадлежащими грунтами и угодьи. Съ доношенія-жъ онаго значится, кромѣ прежнихъ службъ предковъ дѣда и отца ихъ сотника Базилевскаго, особь самого его, что онъ началъ продолжать ту свою службу съ 1724 году, бывалъ по разныхъ походахъ, какъ-то въ днѣпровскомъ, хотѣнскомъ, въ турецкихъ компанѣяхъ, въ предосторожности отъ непріятельскихъ нападеній по Днѣпрѣ, также на линѣи многими годами и въ разныхъ исправленіяхъ, коммиссіяхъ находился, того ради мы, гетманъ, кавалеръ, по данной намъ отъ Ея Императорскаго Величества власти, респектуя на оные многіе отправленные какъ предками его, сотника остаповскаго Базилевскаго, такъ и самимъ имъ съ 1724 году продолженные службы и къ которымъ еще и впредь въ немъ и въ оныхъ сынахъ его надежды предусматриваются, опредѣляемъ ему, сотнику Базилевскому, въ спокойное владѣніе въ мѣстечку Остапьи оставшіеся отъ роздачи грузинамъ находящіеся въ свободности посполитые дворы и хаты съ принадлежащими къ нимъ грунтами и угодьи и симъ нашимъ универсаломъ утверждая, предлагаемъ, дабы никто во владѣніи оными посполитыми съ принадлежащими къ онымъ грунтамъ и угодіи препятствія не чинилъ. А войтъ и оные оставшіеся отъ раздачи въ свободности посполитые во всемъ ему, сотнику Базилевскому, яко владѣльцу своему, всякое подданническое послушаніе и повинности отбывали бы безпрекословно; козаки-жь того мѣстечка Остапья должны быть всегда сохраняемы при ихъ владѣніи ненарушно. Во утвержденіе чего и сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и націоналною печатью данъ въ Борзнѣ. Августа дня 1757 году. Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій».

Изъ этого универсала видно, что хотя Базилевскій хлопоталъ о предоставленіи ему посполитыхъ Остапья въ вѣчное и потомственное

владѣніе, но даны они ему были лишь «въ спокойное владѣніе», безъ упоминанія о правахъ передачи по наслѣдству, слѣд. въ пожизненное пользованіе. Чѣмъ разрѣшилось это затѣянное дѣло для одной и для другой стороны—неизвѣстно, но Остапье осталось за Базилевскими.

Второй документъ интереснѣе и прямо относится къ турбаевской катастрофѣ. Онъ называется: «Экстрактъ изъ дѣла о арестанту отставному полковому канцеляристу Осипу Коробкѣ за дачу повода къ взбунтованію села Турбаевъ жителямъ въ неповиновеніи надворнымъ совѣтникамъ Степану и Ивану Базилевскимъ къ подданнической повинности и непослушаніи нижняго земскаго голтвянскаго суда, прибывшаго въ то село къ исполненію рѣшенія прав. сената, послѣдовавшаго по дѣлу ихъ съ оными Базилевскими и т. д.».

Вмѣстѣ съ вставочнымъ эпизодомъ о Коробкѣ, дѣло это прямо уясняетъ обстоятельства, непосредственно предшествовавшія взрыву, которыя мало выяснены въ основномъ дѣлѣ о турбаевской катастрофѣ. У турбаевцевъ былъ ходатай по ихъ дѣламъ въ Петербургѣ, атаманъ Кириллъ Золотаревскій. Коробка, отставной полковой канцеляристъ, 38 лѣтъ, изъ лубенскаго уѣзда, также проживалъ въ Петербургѣ по какимъ-то своимъ дѣламъ, познакомился съ Золотаревскимъ, помогалъ ему въ хожденіи по турбаевскому дѣлу, и когда Золотаревскій умеръ, естественно оказался турбаевскимъ повѣреннымъ. Когда состоялось сенатское рѣшеніе объ освобожденіи 76 человѣкъ съ ихъ родомъ, записанныхъ полковникомъ Капнистомъ въ козацкіе компуты 1738 г. изъ подданства Базилевскихъ, Коробка привезъ копію съ этого рѣшенія въ Турбаи. Затѣмъ онъ составилъ какой то документъ, который долженъ былъ служить къ выясненію темнаго вопроса о родахъ, происшедшихъ отъ 76 человѣкъ, записанныхъ въ компуты. Такъ какъ этотъ документъ составлялся на основаніи показаній турбаевцевъ, которые постоянно и упорно твердили, что они природные турбаевцы, всѣ козаки, то, вѣроятно, и составленъ былъ документъ въ этомъ духѣ: надо думать, что не внесены были только захожіе въ Турбаи или переселенные Базилевскими изъ другихъ мѣстъ, да, можетъ быть, и тѣхъ различали не строго. Какъ бы то ни было, Коробкѣ приходилось нѣсколько разъ пріѣзжать въ Турбаи и проживать здѣсь по недѣлямъ. При этомъ онъ старался не попадаться на глаза Базилевскимъ или властямъ: уже передъ тѣмъ одного ходатая Базилевскіе успѣли упрятать въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Чѣмъ руководствовался Коробка, держась за опасное турбаевское дѣло, трудно сказать: можетъ быть, корыстными побужденіями, такъ какъ турбаевцы, видимо, крайне дорожили своимъ повѣреннымъ и не жалѣли

издержекъ на его вознагражденіе, можетъ быть, отчасти и сожалѣніемъ къ положенію турбаевцевъ, которые, «будучи простолюдины, видѣли себя такъ угнетенными, что не только не имѣли ни отъ кого покровительства, но по устрашенію оныхъ Базилевскихъ не могли пріискать себѣ въ близости ихъ селенія къ написанію имъ куда слѣдуетъ письменной жалобы грамотѣ вѣдущаго человѣка». Базилевскіе были, конечно, крайне заинтересованы въ томъ, чтобы убрать Коробку, и доносили на него, какъ на возмутителя. Положеніе дѣлъ какъ бы оправдывало доносы и жалобы Базилевскихъ—Турбаи дѣйствительно волновались, и еще до перваго пріѣзда суда въ январѣ 1789 г. уже совсѣмъ отказались отъ повиновенія своимъ панамъ. Мало того, турбаевцы «разнесли ложные слухи въ другія владѣнія (Базилевскихъ), будто бы всѣ и прочихъ ихъ селеній подданные отсуждаются въ козаки, и что кто только изъ подданныхъ ихъ останется въ должномъ своимъ владѣльцамъ повиновеніи, тѣмъ грозятъ казнію, каковы зловредныя ихъ къ уловленію невѣждъ вымыслы столько подѣйствовали въ сердцахъ къ разврату склонныхъ людей, что другихъ селеній многіе подданные ихъ, также экономическіе и дворовые служители у непремѣнныхъ должностей бывшіе, остановя свои работы и должности, винокуренные, скотскіе и др. заводы, бросивъ въ кадяхъ заторы, не сдавъ ни отчету, ни того, что въ чьемъ вѣдѣніи было, и захватя, что кто моглъ, прочее же оставивъ на расхищеніе другимъ, убрались всѣ въ то же мятежниковъ скопище, и не только не упражняются въ нужныхъ работахъ, но паче провождаютъ время въ пьянствѣ и буйствѣ». Очень любопытно, что возмутившіеся турбаевцы, «назвавъ беззаконное свое скопище коммиссіею, разсѣяли слухъ, что въ той ихъ коммиссіи дѣлается всему Базилевскихъ владѣнію какая то перепись и что всѣ приступившіе въ ихъ скопище изъ-за Базилевскихъ въ свою бунтовщичью ревизію переписаны, и таковыми нелѣпыми разглашеніями напитавъ сердца невѣждъ, склонныхъ къ праздной и безначальственной жизни, и притомъ удостовѣрясь, что готовы они всякое блаженство промѣнять на праздность и безначаліе, учредили съ тѣхъ ихъ подданныхъ сборъ на содержаніе начальниковъ бунта, называемаго ими коммиссіею, и взыскиваютъ, смотря по имѣнію человѣка, съ каждаго отъ пяти до шестидесяти рублей, такимъ образомъ приводя тамошнихъ Базилевскихъ подданныхъ до такой нищеты, что многіе, продавши послѣднюю съ плечей шубу, взносятъ требуемую съ нихъ сумму, подушнаго же оклада и другихъ указныхъ выстатченій не платятъ и многіе платить уже не въ состояніи»...

Все это сильно преувеличено; но несомнѣнно ясно одно, что Турбаи еще за полгода до окончательнаго взрыва, разрѣшившагося кровавымъ истребленіемъ Базилевскихъ, находились уже въ состояніи полнаго броженія. При чемъ тутъ былъ Коробка, помимо своей оффиціальной роли ходатая, трудно сказать съ полною увѣренностью: вѣрнѣе, что не при чемъ. Турбаевцы узнали о состоявшемся въ ихъ пользу рѣшеніи, и этимъ вполнѣ объясняется ихъ возбужденное состояніе. Правда, противъ Коробки были нѣкоторыя свидѣтельскія показанія, какъ бы уличающія его въ подстрекательствѣ. Но свидѣтелями были крѣпостные Базилевскихъ изъ другихъ селеній, слѣд. люди, находившіеся подъ давленіемъ своихъ господъ, да и показанія ихъ не отличаются точностью и опредѣленностью. Показываютъ чаще всего, что слышали, будто Коробка говорилъ, что если кто въ козаки писаться не будетъ, всѣхъ тѣхъ катъ будетъ бить кнутомъ; но самая безсмысленность этого утвержденія заставляетъ сомнѣваться въ его справедливости. Опредѣленнѣе всего, и повидимому правдивѣе, показанія насчетъ сборовъ, которые турбаевцы дѣлали въ пользу Коробки. Сбирали со двора отъ 1 руб. до 15 рублей, такъ что Коробка получилъ, кажется, рублей до 700; да еще собрали для него же болѣе 200 смушковъ, сыра и масла, сукна, справили ему лиштваревый кожухъ, юхтовые чоботы, штаны синяго сукна, смушевую шапку; сверхъ того ѣздили къ нему въ домъ на работу. Однако всѣ эти блага Коробка могъ получить отъ турбаевцевъ и просто какъ повѣренный: турбаевцы были люди зажиточные и дѣйствительно доведены до отчаянія невозможностью добиться осуществленія своихъ законныхъ правъ. Однако судъ непремѣнно хотѣлъ принести Базилевскимъ въ жертву Коробку. Турбаевцы помогли суду своею безтактностью. Разъ уѣхавъ ни съ чѣмъ, судъ снова появляется въ Турбаяхъ въ усиленномъ составѣ и съ расчетомъ на содѣйствіе военной команды, которая оказалась расквартированной въ Турбаяхъ: онъ имѣлъ въ виду не только приведеніе въ исполненіе сенатскаго рѣшенія, но и обвиненіе Коробки. Коробка, какъ уже сказано выше, старался укрываться, какъ отъ Базилевскихъ, такъ и отъ начальства; а разыскивать его среди бунтующихъ турбаевцевъ было дѣло нелегкое. Однако суду удалось какъ то «ласкательнымъ образомъ» его вытребовать, и онъ явился самъ. Но когда турбаевцы увидали, что изъ представителя ихъ интересовъ Коробка превращается передъ лицомъ суда въ подсудимаго, они начали грозить суду, что пойдутъ на Базилевскихъ и разнесутъ ихъ въ прахъ, а когда угроза не подѣйствовала, ки-

нулись и, насильно выхвативъ Коробку, увели его съ собой. Потомъ онъ снова былъ взятъ судомъ, и уже увезенъ изъ Турбаевъ. Коробкѣ было поставлено въ вину, «что онъ, будучи грамотенъ и, какъ показуетъ, указы и законы знающъ, долженъ былъ вѣрителей своихъ, яко простолюдиновъ, кои, увѣривъ ему, дѣйствительно могли бы его слушать, приводить въ скромность, молчаливость и терпѣніе,—буде-бы въ томъ онъ не успѣвалъ и къ таковому добронравію привернуть не моглъ, то, во избѣжаніе законнаго истязанія, и вовсе бы въ ихъ дѣла не мѣшался, чѣмъ бы вездѣ могъ заслужить себѣ похвалу». За эту его, повидимому, единственную доказанную вину Коробка былъ присужденъ къ наказанію плетьми на мѣстѣ преступленія, т. е. въ Турбаяхъ. Но Турбаи въ это время были уже въ такомъ состояніи, что нечего было и думать являться туда съ Коробкой. Турбаевцы съ страшной наглядностью доказали, что они умѣютъ дѣйствовать и безъ уроковъ и подстрекательствъ Коробки.

АРХІЕРЕЙСКІЙ ПОДАРОКЪ[1].

Что человѣкъ рабъ привычки—старая истина. Но несмотря на то, что она стара, а можетъ быть именно потому, что она стара, надо не мало воображенія, чтобъ представить себѣ всю глубину и значеніе этого, повидимому избитаго, общаго мѣста. Привычка, какъ бы гипнотизируя человѣка постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній, извращаетъ то, что мы привыкли считать связаннымъ съ основными свойствами и законами человѣческой природы. Умный, подъ вліяніемъ привычки, перестаетъ замѣчать логическія противорѣчія, ясныя какъ дважды два, понятныя даже ребенку; одаренный чувствомъ справедливаго не возмущается вопіющими несправедливостями, добрый и сострадательный равнодушно смотритъ на отвратительныя жестокости и т. д. и т. д. Конечно, каждый изъ насъ множество разъ поражался этими противорѣчіями издали. Но какъ трудно усмотрѣть ихъ въ окружающей средѣ, непосредственно на насъ вліяющей, и сколько для этого надо исключительныхъ условій, заключающихся будь то въ выдающемся умѣ, въ большихъ и разностороннихъ знаніяхъ, въ особенной обстановкѣ или положеніи и т. д. Неудивительно поэтому, что лишь очень немногіе могутъ возвыситься до объективнаго или критическаго взгляда на окружающее, да и эти немногіе, большею частью, страдаютъ притупленной воспріимчивостью; притупленная же воспріимчивость выражается въ апатіи, неспособности что-нибудь предпринять въ смыслѣ воздѣйствія на окружающее.

Кому, напр., въ настоящее время не ясно, какъ Божій день, что крѣпостное право есть учрежденіе, противное и Божескимъ законамъ и естественнымъ, вложеннымъ, казалось бы, въ душу каждаго человѣка; и нужны ли, чтобы это понимать и чувствовать,

[1]) Кіевская Старина. 1888., № 12.

какія-нибудь особенныя высокія качества ума или сердца? А вотъ загляните въ только что появившееся въ свѣтъ собраніе сочиненій Квитки-Основьяненка, въ статейку: «Лысты до любезныхъ землякивъ» и прочитайте, что пишетъ о крѣпостномъ правѣ этотъ мягкій, искренній, добрый человѣкъ, человѣкъ, который любилъ и понималъ свой народъ, какъ немногіе до или послѣ него. Вотъ его слова: «Панськи жъ люды, що зовутця и по кныгамъ пышутця помищиччи крестяны, такъ тымы завидують, управляются и порядокъ дають сами паны, усякъ у своій державы. Якъ надъ казенными справныкъ або становый порядкуе..., такъ надъ своимъ пидданнымъ усякъ помищыкъ убываетця, подушне роспредиля, порядокъ дае и защища ихъ видъ усякыхъ обыдъ чы по сусидству, чы видъ чого бъ то не було; некрутъ дае по своій воли кого и скилки слидуе и усяке таке, яке е у своему господарстви. За те воны повынни помищыку своему робыты, слухаты его у усякимъ дили и якъ отця и начальныка почытуваты; а черезъ те облегченые е начальству: вже имъ нема хлопотъ прямо зъ мужыками: прямо пышуть до пана, що отъ то и то треба зробыты, стилки пидвидъ пидъ военну команду выслаты, отъ таку дорогу або мистъ справыты; отъ помищыкъ и роспорядытця, щобъ не у тягость було людямъ и зъ порядкомъ зроблено. Отъ такъ и йде усе гараздъ.» Что это такое? Сознательная ложь «страха ради іудейска», гнусное лицемѣріе или еще что-нибудь похуже? Ни то, ни другое: это просто состояніе душевной притупленности, психическаго гипноза. А вотъ и еще маленькая иллюстрація къ той же большой темѣ, извлеченная уже изъ архивнаго матеріала, иллюстрація не Богъ знаетъ какая яркая, но не лишенная интереса. Матеріалъ нашъ называется: «дѣло о ищущей свободы изъ крестьянства отъ протоіерея Могилевскаго Матронѣ Бубинской». Дѣйствующія лица нашего маленькаго повѣствованія, которыя заварили всю эту длинную по времени, краткую для передачи исторію, были: первый архіерей слободско-украинской епархіи Христофоръ Сулима и протоіерей Могилевскій, харьковскіе дѣятели первой половины настоящаго вѣка. Епископъ Сулима происходилъ изъ очень интеллигентнаго шляхетскаго южнорусскаго рода Сулимъ [1]). Протоіерей Аѳанасій Могилевскій былъ профессоръ харьковскаго университета и «разсудительный и занимательный», по выраженію Филарета [2]), духовный писатель. Значитъ, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, принадлежащими къ духовной интеллигенціи, которая

[1]) «Кіевская Старина». 1884 г. октябрь, стр, 332—6.

[2]) Обзоръ духовной литературы, преосв. Филарета, ст. Аѳанасій Могилевскій.

въ тѣ времена еще далеко не такъ была оттѣснена свѣтской, какъ теперь. Конечно, люди эти должны были представлять собою хоть до нѣкоторой степени и умъ, и знанія, и высшую нравственность своей эпохи. Дѣло происходило въ началѣ настоящаго столѣтія. Преосвященный Сулима, по какому то неизвѣстному намъ поводу, подарилъ протоіерею Могилевскому малолѣтнюю «дѣвку», вывезенную имъ изъ Черниговской губерніи, изъ своего родового имѣнія Пашковки, Нѣжинскаго повѣта, и умеръ. Дѣвка выросла у протоіерея на чужой сторонѣ, безъ роду, безъ племени, не помня ни родины, ни родныхъ, не зная даже, кто были ея родители, не зная, какъ она очутилась у протоіерея... Прошло двѣнадцать лѣтъ, и протоіерейская дѣвка уже достигла двадцатилѣтняго возраста. Тутъ, какъ пишетъ она въ своемъ прошеніи, начала она отъ своего господина и его семьи «претерпѣвать разныя изнуренія, какъ то безвинные побои и прочее». Т.-е. это собственно говоря не слѣдуетъ понимать буквально: претерпѣвала она дѣйствительно изнуренія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы они свалились на нее такъ вдругъ. Секретъ не въ изнуреніяхъ, а въ томъ, что «дѣвка» узнала, что «въ прошломъ 1823 г. послѣдовалъ указъ, воспрещающій разночинцамъ и другого званія людямъ имѣть въ услуженіи дворовыхъ людей и крестьянъ по вѣрющимъ письмамъ ихъ помѣщиковъ, и таковымъ крестьянамъ дарована свобода». Извѣстно, какъ чутокъ народъ ко всѣмъ подобнымъ распоряженіямъ высшей власти, и даже, къ сожалѣнію, наклоненъ толковать ихъ не въ мѣру льготно: а въ то время въ Малороссіи онъ еще, къ тому же, и не успѣлъ совсѣмъ притерпѣться къ крѣпостной неволѣ.

Итакъ, дѣвка узнала объ указѣ, узнала, что протоіерей Могилевскій не имѣетъ на нее крѣпостнаго акта, хотя и не знала главнаго: что протоіерей, не происходя изъ лицъ шляхетскаго званія, изъ какихъ происходилъ преосвященный Сулима, вовсе не имѣлъ права ею владѣть. Она ушла отъ Могилевскаго и начала искъ о свободѣ. Протоіерей Могилевскій, конечно, былъ человѣкъ достаточно образованный для того, чтобы знать, что онъ не имѣетъ права владѣть крѣпостными. Но тѣмъ не менѣе онъ не только не отступаетъ, а напротивъ энергично поддерживаетъ свое мнимое право, ссылаясь на какое то постановленіе губернскаго правленія, состоявшееся будто бы въ его пользу десять лѣтъ тому назадъ, когда его живую собственность требовалъ себѣ назадъ прямой наслѣдникъ преосвященнаго Сулимы, племянникъ покойнаго. Чрезвычайно характерны слова въ отвѣтѣ протоіерея на запросъ, вызванный жа-

лобой Матрены Бубинской, которыми протоіерей объясняетъ мотивы этой жалобы... «сіе произошло не отъ притѣсненій или побоевъ, но единственно по развратности ея поведенія и *по безразсудному намѣренію искать себѣ вольности и жить въ независимости»*... Потянулось это замысловатое дѣло, которое протоіерею въ концѣ концовъ суждено было проиграть, такъ какъ ему уже совсѣмъ не на чемъ было обосновать свои притязанія. Но тянулось оно восемь съ лишнимъ лѣтъ! Конечно, можно сказать, что это еще не Богъ знаетъ что. Мало ли въ судебной практикѣ можно насчитать дѣлъ, которыя тянулись не только восемь, но и дважды и трижды восемь лѣтъ. Это такъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ особенными обстоятельствами, которыя опять таки кидаютъ кой-какой свѣтъ на блаженное старое время и его порядки. Началось дѣло 24 января 1824 года жалобой Матрены Бубинской и отвѣтомъ протоіерея на запросъ полиціи, вызванный этою жалобой. Все пошло обычнымъ порядкомъ, отъ прокурора въ губернское правленіе, изъ губернскаго правленія въ уѣздный судъ. Дѣло было, повидимому, просто и ясно; ничто постороннее его не осложняло, такъ что можно было разсчитывать на такой или иной, но во всякомъ случаѣ скорый его исходъ. Не тутъ то было. Бѣдное правосудіе неожиданно зацѣпилось за невозможную по своей ничтожности преграду—и стало пнемъ. Вотъ какое вышло затрудненіе. Протоіерей, какъ сказано выше, основывалъ свои права на состоявшемся будто бы въ его пользу, десять лѣтъ тому назадъ, постановленіи губернскаго правленія. Уѣздный судъ, при разбирательствѣ дѣла, нашелъ необходимымъ навести справку въ губернскомъ правленіи, дѣйствительно ли было тамъ такое дѣло и состоялось постановленіе въ пользу протоіерея. И вотъ на этой то справкѣ и застряло дѣло. Уѣздный судъ послалъ въ губернское правленіе за справкой въ октябрѣ того же 1824 года. Губернское правленіе справки не доставляетъ. Прошелъ весь слѣдующій годъ—справки нѣтъ. Въ 1826 г. уѣздный судъ снова проситъ губернское правленіе о справкѣ—по прежнему ни гласа, ни послушанія. Въ слѣдующемъ году снова тотъ же результатъ. Такъ идетъ изъ года въ годъ до 1830 г., когда уѣздный судъ, вышедши изъ терпѣнія, доноситъ губернатору о бездѣятельности губернскаго правленія. Судъ продолжаетъ обстрѣливать губернское правленіе просьбами о справкѣ; къ нему присоединяется теперь и тяжелая артиллерія въ лицѣ губернатора, который предложилъ губернскому правленію «учинить немедленно распоряженіе къ поспѣшнѣйшему доставленію справки». Но губернское правленіе оказалось такимъ броненосцемъ, который не такъ то легко было пронять. Гу-

бернаторъ черезъ каждые два-три мѣсяца, наконецъ даже—недѣли, энергически требуетъ отъ губернскаго правленія исполненія просьбы уѣзднаго суда. Но только въ слѣдующемъ 1831 г. губернское правленіе затребовало у своего архиваріуса выправку: восемь лѣтъ надо было его толкать на этотъ подвигъ, надо было пустить для этого 22 бумаги отъ уѣзднаго суда и губернатора! По выправкѣ оказалось, что никакого такого дѣла въ губернскомъ правленіи нѣтъ и никакого постановленія въ пользу протоіерея Могилевскаго дѣлаемо не было, какъ и слѣдовало ожидать. Уѣздный судъ получилъ, что желалъ. Но тутъ новый сюрпризъ. Уѣздный судъ открываетъ неожиданно, что дѣло ему неподсудно, такъ какъ Могилевскій не дворянинъ: вещь, которую онъ обязанъ былъ знать ровно восемь лѣтъ тому назадъ до начала всякихъ справокъ. Да и узнавать то ему было незачѣмъ, такъ какъ въ судѣ было другое дѣло о протоіереѣ, изъ котораго судъ долженъ былъ знать, что протоіерей происходитъ изъ духовнаго званія, слѣдовательно, это дѣло уѣздному суду неподсудно. Дѣло снова поступаетъ въ губернское правленіе. Зная порядки губернскаго правленія, можно было думать, что дѣло забудется окончательно, но къ удивленію этого не случилось. Уже въ апрѣлѣ 1832 г. состоялось постановленіе губернскаго правленія, въ которомъ было сказано, что такъ какъ дѣло просто и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій, то дѣвкѣ и должна быть дарована свобода. Мытарства бѣдной дѣвки кончились. Но восемь лѣтъ висѣть между небомъ и землей только потому, что несмазываемое правосудіе губернскаго правленія не удосуживалось сдѣлать выправку у своего собственнаго архиваріуса...

Но что случилось съ губернскимъ правленіемъ, что оно вдругъ обнаружило такую сверхъестественную энергію: всего какой-нибудь годъ, да и того меньше, какъ дѣло поступило изъ уѣзднаго суда, и оно уже рѣшено. А случилось вотъ что. Не успѣло дѣло поступить изъ уѣзднаго суда, какъ губернскимъ правленіемъ полученъ былъ указъ изъ сената, вызванный жалобой прокурора съ требованіемъ дать «безъ малѣйшаго замедленія» объясненіе по дѣлу объ ищущей свободы дѣвкѣ Матренѣ Бубинской. Однако и сенатъ успѣлъ таки два раза повторить свое строжайшее требованіе, прежде чѣмъ губернское правленіе собралось разсмотрѣть дѣло и постановить рѣшеніе.

Строгость же сената объясняется тѣмъ, что губернское правленіе накопило нѣсколько такихъ, однородныхъ, дѣлъ (объ ищущихъ свободы) и цѣлые годы не давало имъ никакого движенія. Надо думать, что тутъ было не безъ вліянія отсутствія смазыванія, на которое едва ли можно было разсчитывать со стороны истцовъ,

*

ищущихъ свободы, а можетъ быть и хорошая смазка со стороны отвѣтчиковъ. Конечно, и личныя симпатіи губернскаго правленія были цѣликомъ на сторонѣ отвѣтчиковъ. Вѣдь отвѣтчики были по соціальному положенію близкіе, чиновники, купцы и т. п. низшіе пласты привилегированнаго класса, желавшіе распространить на себя пріятное право владѣнія живой человѣческой собственностью. Но допуская даже продажу крестьянъ «по вольнымъ цѣнамъ» (съ публичнаго торгу), правительство тѣмъ не менѣе твердо стояло на томъ, чтобы сдѣлать право крѣпостного владѣнія исключительной прерогативой дворянскаго сословія. Указы въ этомъ случаѣ слѣдовали за указами; нарушители подвергались тяжелой отвѣтственности; центральные органы строго слѣдили за примѣненіемъ закона органами областными. Мы сказали, строго слѣдили, но точнѣе было бы сказать: проявляли стремленіе строго слѣдить. На самомъ же дѣлѣ, такова была всеобъемлющая сила патріархальныхъ привычекъ, что и самъ сенатъ не могъ примѣнить своей большой власти къ тому, чтобъ дать дѣламъ желаемое движеніе. Онъ въ теченіе шести лѣтъ долженъ былъ понуждать губернское правленіе и уѣздный судъ покончить четыре залежавшихся дѣла объ ищущихъ свободы отъ крестьянства и выпустилъ для понужденія семь указовъ. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ такой героической мѣрѣ, которая наконецъ и подѣйствовала,—къ угрозѣ выслать на счетъ виновныхъ въ проволочкѣ курьера изъ Петербурга.

Просто это дѣло объ ищущей свободы дѣвкѣ, но въ немъ какъ солнце въ малой каплѣ воды, отражаются кое-какія характерныя черты эпохи. Передъ нами представители высшей духовной іерархіи, интеллигентные люди своего времени, которые не гнушаются тѣмъ не менѣе дарить и принимать въ даръ живого человѣка, беззастѣнчиво отрывая его отъ родины, родныхъ, всѣхъ привычныхъ условій жизни. Мало того, ученый протоіерей рѣшается поддерживать свое право, даже зная, что оно не опирается на твердую почву закона: конечно, онъ глубоко убѣжденъ, что если онъ не правъ формально, то правъ по существу, и что дѣвка лишь по «развратности и безразсудству» хочетъ нарушить его право, созданное архіерейскимъ дареніемъ. Передъ нами судебно-административныя учрежденія того дореформеннаго типа, который являлся представителемъ идеи, что не учрежденія существуютъ для общества, а общество для нихъ, для наполненія безконечно глубокихъ кармановъ ихъ служителей.

Рабство необходимо, по приведенному выше мнѣнію Квитки, для порядка; но не имѣемъ ли мы здѣсь случая убѣдиться, что оно является спутникомъ возмутительнаго безпорядка?

ДВА НАМѢСТНИКА[1].

Академикъ Зуевъ путешествовалъ въ 1781—1782 гг. съ учеными цѣлями по южной Россіи. Случилось ему проѣзжать черезъ Харьковъ. Здѣсь вышла съ нимъ нѣкоторая непріятность. Почтенный академикъ повздорилъ съ почтосодержателемъ изъ-за лошадей и пошелъ жаловаться губернатору. Тотъ его грубо оборвалъ и велѣлъ отвести къ намѣстнику. Намѣстникъ приказалъ посадить бѣднаго ученаго, будто бы за невѣжливость по отношенію къ губернатору, на ночь на гауптвахту, а на другое утро велѣлъ двумъ гусарамъ тащить его къ себѣ. Тутъ вышла слѣдующая милая сценка, какъ ее описываетъ самъ Зуевъ.—«Что, братецъ, куда ты заѣхалъ?» началъ намѣстникъ: «или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: для чего ты такъ неучтиво поступаешь?.. Конечно, васъ вѣжливости въ академіи не учатъ: такъ я ужъ много вашу братью училъ и теперь тебя учить стану». Намѣстникъ поставилъ академика у порога, велѣлъ смотрѣть на себя и началъ показывать, какъ тотъ долженъ передъ нимъ, намѣстникомъ и генералъ-аншефомъ, держать руки, какъ стоять, какъ кланяться, какъ говорить. Зуевъ былъ предупрежденъ офицеромъ, чтобы ни въ чемъ не прекословить намѣстнику: «иначе сила его велика и власть страшна»; онъ и не прекословилъ. Продѣлавши все по артикулу, бѣдный академикъ былъ милостиво отпущенъ съ такимъ напутствіемъ: «Мы въ тебѣ нужды не имѣли и не имѣемъ и зачѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ тебя знаетъ (не знать этого намѣстникъ не могъ, имѣя всѣ необходимыя бумаги), поѣзжай!»—«Дошла очередь и до меня»—пишетъ Зуевъ въ академію, «сравняться бѣдствіемъ съ славнѣйшими учеными людьми, которые, путешествуя по неизвѣстнымъ странамъ, сдѣ-

[1]) Кіевская Старина. 1889. № 7.

лались извѣстными несчастіемъ... все сіе, по большей части, внѣ государства, среди дикихъ и непросвѣщенныхъ народовъ случалось; я внутри моего отечества, въ Харьковѣ, захваченъ, посаженъ подъ караулъ, обезчещенъ... Я чувствую теперь ослабленіе силъ тѣла и духа; не чаю, будучи въ безпрестанномъ страхѣ, впредь въ дальнѣйшемъ пути, великихъ успѣховъ; прошу заранѣе стараться меня возвратить въ Петербургъ обратно, гдѣ паче чаянія безполезнѣйшая моя жизнь безопасностью своею однако будетъ для меня сноснѣе» [1]).

Намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ, задавшій такого страху бѣдному ученому, былъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ; онъ былъ первымъ намѣстникомъ вновь образовавшихся въ 1780 году двухъ намѣстничествъ, харьковскаго и воронежскаго. Прошло пятнадцать лѣтъ. Постъ намѣстника харьковскаго и воронежскаго, вмѣсто Щербинина, занимаетъ Андрей Яковлевичъ Леванидовъ. У насъ нѣтъ матеріала ни для какой сцены, которая бы пошла въ pendant къ предыдущей; но за то есть нѣсколько распоряженій, которыя достаточно рисуютъ административную личность намѣстника. Во главѣ всего—его первое распоряженіе, родъ манифеста къ жителямъ ввѣреннаго ему края, манифеста, обнародованнаго тотчасъ по принятіи въ руки браздовъ намѣстническаго управленія. Не желая портить характернаго оригинала переложеніемъ, мы не поскунимся на выдержки, въ полной увѣренности, что читатель на насъ за нихъ не посѣтуетъ. Документъ этотъ носитъ оффиціальное названіе «Предложеніе воронежскому намѣстническому правленію». Намѣстникъ прежде всего излагаетъ въ немъ взглядъ на свои обязанности. Вотъ этотъ взглядъ: «Долгъ служенія и обязанность требуетъ моего попеченія, дабы въ подчиненныхъ мнѣ губерніяхъ народъ и всѣ обитатели въ нихъ, блаженствуя, наслаждались покоемъ и не были безъ вины утѣсняемы сильными, заступать таковыхъ утѣсненныхъ и находить способы къ удовлетворенію каждаго законнымъ образомъ, что пріемля съ удовольствіемъ, не щажу я себя быть всегда въ сихъ заботахъ на службу отечеству и на выполненіе Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей моей Государыни высочайшихъ учрежденій и ея законовъ. И какъ рвеніе мое требуетъ поспѣшить на самомъ дѣлѣ показать мое усердіе и соболѣзнованіе къ отягощеннымъ жребіемъ людямъ, и по сему я готовъ каждому помогать, имѣющимъ во мнѣ надобность».

---

[1]) К. Щелкова. Харьковъ. историко-статистическій опытъ. 1880 г.

Такъ смотритъ генералъ-губернаторъ на свои обязанности. Теперешнее его предложеніе намѣстническому правленію именно и имѣетъ цѣлью оповѣщеніе городскихъ и сельскихъ обывателей, черезъ городничихъ и земскихъ исправниковъ, что «если кто по коимъ обстоятельствамъ отъ кого утѣсняется или терпитъ отъ судебныхъ мѣстъ и чиновъ притѣсненіе и по дѣламъ проволочку, то всѣ бы таковые являлись ко мнѣ, требуя моего заступленія и удовлетворенія, подтвердивъ наистрожайше, чтобы никто изъ чиновниковъ не заграждалъ обидимымъ свободнаго пути къ моему прибѣжищу». Въ заключеніе намѣстникъ высказываетъ, какихъ результатовъ онъ ждетъ отъ проведенія своихъ взглядовъ и системы: «Я надѣюсь и ожидаю благовременнаго прекращенія всѣхъ непорядковъ, законамъ противныхъ, гдѣ бы оные оказаться могли, такожъ сохраненія въ ненарушимости всякаго рода благонравія, мира и тишины».

Но, можетъ быть, намѣстникъ харьковскій и воронежскій Андрей Яковлевичъ Леванидовъ былъ просто на просто поэтъ въ душѣ, который чувствовалъ самоуслажденіе, представляя въ яркихъ и красивыхъ краскахъ свои обязанности и звучно о нихъ расписывая. Такіе поэты въ душѣ очень часто встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ; чувство нравственнаго долга по отношенію къ этимъ своимъ обязанностямъ можетъ у нихъ отсутствовать всецѣло. Но, повидимому, здѣсь было не то. Кромѣ приведеннаго выше документа съ общимъ характеромъ, сохранились и еще распоряженія Леванидова по детальнымъ вопросамъ управленія, показывающія, что намѣстникъ вникалъ въ подробности и желалъ внести въ нихъ серьезныя улучшенія. Прежде и больше всего, его вниманіе было обращено на городничихъ,—этотъ главный уѣздный органъ тогдашняго административнаго управленія. Тогдашніе городничіе не только не стояли на высотѣ своего призванія, какъ его понималъ намѣстникъ, а просто были, что говорится, ниже всякой критики. Вотъ какъ ихъ описываетъ Леванидовъ въ одной оффиціальной бумагѣ: «Господа городничіе подъ предлогомъ разныхъ невозможностей по своимъ должностямъ удерживаютъ просителей по дѣламъ долговременно и отнимаютъ время по хозяйству, да и медленность отъ сего по ихъ дѣламъ происходитъ. И какъ я самъ опытомъ сіе дозналъ, что городничіе покоиться обыкли, такъ по утрамъ, какъ и втеченіи дня, и что скоропроѣзжающимъ ихъ видѣть трудно. А есть таковые, что на хуторахъ проживаютъ, оставляя городъ, и пріѣзжимъ отговариваются болѣзнями, и часто

бываетъ, что и офицера при командѣ въ городѣ нѣтъ, а должно дѣло имѣть съ унтеръ-офицеромъ только или капраломъ статной команды, людьми развратившимися, часто пьяными или съ похмѣлья едва говорящими, къ стыду и нарѣканію начальникамъ губерніи и единственно только отъ лѣности, праздности и нераченія о своей должности господъ городничихъ... Ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ, а о исправности мостовыхъ по улицамъ и мостахъ черезъ рѣки и о умноженія строеній въ городахъ черезъ ласковое обхожденіе съ жителями, пріохочивая ихъ къ оному, никогда и въ мысль имъ не входитъ, чтобы имѣть о семъ попеченіе»...

Самъ же Леванидовъ понималъ обязанности городничихъ довольно широко. «Даю вамъ знать», пишетъ онъ бѣловодскому городничему: «чтобы вы оправдали свой выборъ порученіемъ столь важной должности, какова городническая, отличнымъ собственно вашимъ и примѣрнымъ въ жизни поведеніемъ, стараніемъ ежечаснымъ о устройствѣ города, о приведеніи ласкою обывателей къ скорому и хорошему исправленію строеній, дѣланію мостовыхъ въ городѣ»...

Въ обязанность городничаго, кромѣ «приведенія ласкою обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ», онъ включаетъ слѣдующее. Прежде всего наблюденіе за тѣмъ, чтобы «люди, торгующіе съѣстными припасами, особливо пріѣзжіе хлѣбопашцы и другіе купцы, были неутѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ, какъ и жители города не обременены возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы»; городничіе должны были слѣдить «за мѣрою и вѣсами, продажею мяса, также хлѣба или булки, чтобы были выпечены хорошо и въ полномъ вѣсѣ продаваемы». Затѣмъ на обязанность городничихъ возлагалось, «яко хозяевъ городовъ, имъ порученныхъ, вездѣ самолично быть, каждаго пріѣзжаго или проѣзжающаго видѣть, особамъ чиновнымъ (первыхъ пяти классовъ) услуги свои предлагать, дѣлая по чести должныя и, словомъ, всегда на все въ городѣ имѣть примѣчаніе». Наконецъ, городничіе же должны были доставлять намѣстнику свѣдѣнія о томъ, «какія случатся важныя и примѣчанія достойныя происшествія»: они должны были рапорты о такихъ происшествіяхъ «съ аккуратнѣйшимъ всего случившагося описаніемъ доставлять съ нарочными драгунами». Это относительно важныхъ происшествій; о неважныхъ же всѣхъ также нужно было сообщить, только уже не черезъ нарочныхъ, а «черезъ семь дней посредствомъ учрежденной для возки писемъ почты»

вмѣстѣ съ рапортами о благосостояніи города и воинской штатной команды, свѣдѣніями о торговыхъ и справочныхъ цѣнахъ на хлѣбъ и фуражъ и о проѣзжающихъ первыхъ классовъ знатныхъ особахъ. Видимо, Леванидовъ чувствовалъ себя серьезно заинтересованнымъ въ томъ, чтобы быть au courant всего, совершающагося въ его намѣстничествѣ.

Серьезнымъ бѣдствіемъ старинной общественной жизни было медленное дѣлопроизводство, главнымъ образомъ судебное; бѣдствіе это было особенно ощутительно для людей «отягченныхъ жребіемъ», слѣдовательно неимѣющихъ возможности подмазывать колесницу Ѳемиды и тѣмъ облегчать ея тяжелый ходъ. Леванидовъ, видимо, держалъ въ головѣ это обстоятельство еще въ то время, когда писалъ свой манифестъ. А затѣмъ изъ письма его воронежскому губернскому прокурору видно, что онъ принималъ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы ускорить движеніе дѣлъ. Онъ требовалъ, чтобы господа присутствующіе, секретари и всѣ, вообще, нижніе приказные служители всегда приходы и выходы изъ своихъ мѣстъ имѣли въ установленное время, нимало никуда отнюдь безъ позволенія и увольненія начальства ни на какое время изъ города не отлучаясь, такъ какъ до его свѣдѣнія дошло, что «уѣздныхъ нижнихъ земскихъ судовъ, такъ и расправъ нижнихъ вообще судьи, уѣзжая въ дома свои, живутъ почти безвыѣздно и рѣдко когда собираются». Требовалъ, чтобы тамъ, гдѣ накопилось много нерѣшенныхъ дѣлъ, судьи засѣдали и послѣ полудня и т. д. За неисполненіе этихъ требованій, за проволочки, за самовольныя отлучки онъ угрожалъ строгими карами закона.

Послѣдній пунктъ, на который была обращена административная дѣятельность Леванидова, поскольку мы можемъ судить о ней при помощи дошедшихъ до насъ документовъ, это была беззащитность крестьянъ (государственныхъ), ихъ неумѣнье организовать себѣ судебную защиту и всѣ послѣдствія такого неумѣнья. Леванидовъ изображаетъ все это въ очень рѣзкихъ краскахъ, особенно напирая на крестьянскихъ повѣренныхъ, или ходоковъ. «Поселяне казеннаго вѣдомства, такъ пишетъ онъ, для хожденія за дѣлами до цѣлаго ихъ общества касающимися, какъ то: о раздѣлѣ состоящихъ въ сосѣдствѣ или черезполосныхъ съ кѣмъ либо владѣній земель, о причиненныхъ имъ разнаго званія людьми вырубленіемъ собственныхъ ихъ лѣсовъ, выкошеніемъ травы и другихъ сему подобныхъ обидахъ, наряжаютъ изъ собратіи своей повѣренными людей такихъ, кои или вовсе безграмотные, или же, зная нѣсколько оной, невоздержной

жизни, которые неточію могутъ изобразить на словахъ обстоятельнѣйшимъ образомъ наносимыя обществу ихъ обиды, но и при написаніи прошеній пересказываютъ, смѣшавъ матерію, совсѣмъ не то, о чемъ имъ довѣрено отъ жителей; часто бываютъ сіи повѣренные нерадивые общей пользѣ и не хотятъ помыслить сыскивать для написанія прошеній людей, прямо знающихъ, а сами, обращаясь всегда въ пьянствѣ, не только, чтобы канцелярскій обрядъ были знающіе, но и писать не научившіеся и отъ невоздержанности и ежедневнаго въ пьянствѣ и невѣжествѣ обращенія всегда мысли имѣютъ отягченныя, составляютъ свои просьбы такія, какъ ему разсудится, уклоняясь совсѣмъ отъ настоящаго дѣла и довѣрія общественнаго». Такимъ образомъ появляются крестьянскія прошенія съ рукоприкладствомъ просителей, о которыхъ рукоприкладчики не имѣютъ «никакого понятія, ниже свѣдѣній, что въ нихъ помѣщено». Понятно, что отъ этого должны были происходить безчисленныя затрудненія и безполезная трата времени, какъ для самихъ крестьянъ, такъ и для присутственныхъ мѣстъ, которыя съ ними имѣли дѣло. Намѣстникъ хотѣлъ помочь злу оповѣщеніемъ крестьянъ через городничихъ и земскихъ исправниковъ, «чтобы они, если случится о чемъ либо принесть въ общественныхъ дѣлахъ ихъ начальству или какому либо другому присутственному мѣсту жалобы, то бы для подачи оныхъ и хожденія за дѣломъ избирали изъ собратіи своей людей трезваго поведенія и всякаго вѣроятія заслуживающихъ, и не одного, а двухъ, снабдивъ ихъ достаточными и закону соотвѣтствующими довѣріями, дозволили бы вступить въ просьбы». Затѣмъ эти повѣренные должны были предварительно представлять всѣ документы на разсмотрѣніе уѣздныхъ стряпчихъ, которые должны были удостовѣряться, что въ бумагахъ нѣтъ ничего «посторонняго и закону противнаго». Дѣло должно было имѣть движеніе лишь послѣ такой предварительной цензуры уѣздныхъ стряпчихъ.

Вотъ и все немногое, что мы могли извлечь изъ нашихъ актовъ о дѣятельности харьковскаго и воронежскаго намѣстника Андрея Яковлевича Леванидова. Итакъ, передъ нами двѣ фигуры двухъ харьковскихъ намѣстниковъ конца прошлаго вѣка, т.-е., собственно, не фигуры, а ихъ контуры, и даже не контуры, а кусочки контуровъ, но кусочки настолько характерные, что по нимъ легко реставрировать цѣлое. Все въ первой фигурѣ дышетъ неукоснительностью щедринскаго градоначальника, который готовъ самимъ стихіямъ предъявлять свое грозное: «зачѣмъ сіе?» и «не допущу!»

Все во второй благоухаетъ эс-букетомъ гуманности, немножко

сантиментальной на нашъ взглядъ, пожалуй слащавой, той специфической гуманности, которая характеризуетъ собою восемнадцатый вѣкъ. И вотъ эти фигуры, такъ непохожія, противоположныя, можно сказать исключающія одна другую, стоятъ рядомъ въ одномъ и томъ же общественномъ положеніи, на одной и той же территоріи, раздѣленныя незначительнымъ промежуткомъ времени. «Сила ихъ велика и власть страшна», по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой и очень не малой степени. Ну, и что жъ? Успѣлъ ли Щербининъ, со всей силой своей страшной намѣстнической власти, обратить харьковскую губернію въ казарму и обучить слободскихъ обывателей артикулу? Нѣтъ, сколько можно судить; по крайней мѣрѣ они и до сихъ поръ сохранили наивность своихъ исконныхъ привычекъ. Но академика Зуева онъ несомнѣнно выпроводилъ и несомнѣнно отвадилъ его отъ поползновеній производить научныя изслѣдованія на территоріи, ввѣренной его, Щербинина, намѣстническому попеченію. Успѣлъ ли Леванидовъ насадить въ харьковской губерніи рай, въ которомъ бы «народъ и всѣ обитатели, блаженствуя, наслаждались покоемъ»? Нѣтъ, повидимому: по крайней мѣрѣ нигдѣ не видно никакихъ слѣдовъ или остатковъ райскихъ наслажденій, и едва ли можно надѣяться, что ихъ откроетъ самое тщательнѣйшее разслѣдованіе. Но, можетъ быть, не успѣвъ устроить рая, онъ все-таки успѣлъ пересоздать, въ духѣ своихъ гуманныхъ принциповъ, какую нибудь частичку ввѣреннаго ему огромнаго дѣла? Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ и положительныхъ данныхъ, чтобы отвѣтить да или нѣтъ на этотъ вопросъ. Но позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній. У насъ приведено достаточно подлинныхъ выписокъ изъ распоряженій Леванидова, чтобы читатель могъ, буде это покажется ему интереснымъ, самъ слѣдить за нашими соображеніями и провѣрять ихъ. Не найдете ли вы, читатель, вмѣстѣ съ нами, что эти распоряженія, блещущія столь яркой гуманностью, на самомъ дѣлѣ полны противорѣчій и нецѣлесообразностей, уничтожающихъ ихъ реальный смыслъ? «Городничіе», по словамъ Леванидова, «покоиться обыкли по утрамъ, такъ и втеченіи дня, и ихъ нерадѣніе и ослабѣвшая мысль и тѣло отъ покоя и роскоши ничего въ пользу города дѣлать не допускаютъ». Такъ. Но гдѣ же черпаютъ городничіе средства для роскоши, отъ которой ослабѣла ихъ мысль и тѣло? Неужели въ тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ рублей ассигнаціями годового жалованія, которые они получали? Не могъ же Леванидовъ не знать ничего о взяточничествѣ, коренномъ злѣ, кото-

рое подтачивало всѣ тогдашнія общественныя отношенія; отчего же онъ не заикается объ этомъ ни однимъ словомъ, хотя и подходитъ вплотную? Далѣе: намѣстникъ желаетъ, чтобы городничіе «ласкою приводили обывателей къ дѣланію строеній и мостовыхъ по улицамъ и мостовъ чрезъ рѣки», «къ умноженію строеній». Но какъ стоитъ бѣлый свѣтъ, люди улучшали постройки или устраивали мостовыя лишь по двумъ побужденіямъ: или потому, что чувствовали въ этомъ потребность и имѣли необходимыя средства, или потому, что были вынуждаемы къ этому внѣшней силой. Конечно, ни одинъ мостикъ ни чрезъ малѣйшую рѣчку не воздвигся изъ любви обывателей къ ласковому начальству. А какъ трудно обходиться въ данномъ случаѣ лаской, можетъ служить яркимъ доказательствомъ самъ глашатай этихъ гуманныхъ принциповъ. Вотъ что пишетъ Ярославскій въ своихъ запискахъ [1]): «Господинъ генералъ-губернаторъ (никто иной, какъ Леванидовъ) захотѣлъ вымостить улицы Харькова, по неимѣнію вблизи дикаго камня, хоть фашинникомъ, и какъ на этотъ предметъ не было въ думѣ денегъ, то велѣлъ обложить жителей соразмѣрно числу квадратныхъ саженей занимаемыхъ ими дворовъ. Губернскій землемѣръ и директоръ классовъ г. Буксгевденъ объявилъ, что онъ не можетъ заплатить за свой обширный дворъ и садъ за Лопанью въ Дмитріевскомъ приходѣ, основываясь на указѣ, что безъ высочайшей власти никто не въ правѣ налагать налоги. Генералъ-губернаторъ сначала велѣлъ подать ему въ отставку отъ должности губернскаго землемѣра. Но не довольствуясь и тѣмъ, сталъ взыскивать съ Буксгевдена и по училищу. Буксгевденъ отъ печали заболѣлъ и вскорѣ умеръ». Вотъ тебѣ и примѣръ «ласковаго обхожденія съ жителями!» Наконецъ, намѣстникъ требовалъ отъ городничихъ наблюденія за тѣмъ, чтобы «люди торгующіе съѣстными припасами, особливо хлѣбопашцы и другіе купцы были не утѣснены и допущены къ тому въ совершенной свободѣ», и въ то же время, «чтобы жители города не были обременены возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы». Но если предоставить пріѣзжимъ торговцамъ полную свободу, то какъ сдѣлать, чтобы они никогда не обременяли жителей возвышеніемъ цѣнъ на жизненные припасы? Если же жители никогда не должны быть обременены, то какъ обезпечить торговцамъ полную свободу? «Свобода, такъ—не порядокъ; порядокъ, такъ—не свобода».

Что же остается затѣмъ изъ всѣхъ намѣстническихъ попеченій о го-

[1]) Харьковскій Сборникъ (приложеніе къ Харьковскому календарю на 1887 г.).

родничихъ? Предписаніе объ «отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи», о встрѣчѣ особъ первыхъ пяти классовъ, да о доставленіи свѣдѣній намѣстнику. Два послѣдніе пункта городничіе, конечно, держали и безъ всякихъ напоминаній крѣпко въ головѣ, памятуя, что именно здѣсь, а не въ иныхъ направленіяхъ «путь къ похвалѣ и награжденію».

Предписанія же объ «отличномъ и примѣрномъ въ жизни поведеніи», конечно, никогда не были и не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только реторическимъ украшеніемъ начальническихъ обращеній къ подчиненнымъ.

Тѣмъ же коренньмъ недостаткомъ, а слѣдовательно тѣмъ же безплодіемъ, поражено все, чѣмъ Леванидовъ думалъ исправлять тягостную медленность тогдашняго судопроизводства. Ни для кого самаго наивнѣйшаго изъ современниковъ не было тайной, что уже гдѣ-гдѣ, а въ судѣ то непремѣнно все держится подмазываніемъ, и хоть собирайся судьи аккуратно, хоть не собирайся, а все-таки скорость дѣла будетъ находиться въ прямомъ отношеніи къ количеству даяній, если только не нарушитъ этотъ соціальный законъ вліяніе какого-либо сильнаго лица. А что могли сдѣлать распоряженія Леванидова для крестьянскаго благосостоянія—объ этомъ, право, даже и говорить совѣстно. Конечно, если крестьяне временъ Леванидова были такъ глупы, что не понимали, что необходимо вручить защиту своихъ интересовъ толковымъ и порядочнымъ людямъ, то едва ли земскіе исправники могли имъ втолковать эту истину, тѣсно связанную съ практическимъ умѣньемъ отличать толковаго человѣка отъ безтолковаго и порядочнаго отъ безпорядочнаго. Уѣздный же стряпчій, въ качествѣ посредника и цензора, былъ только лишнимъ крючкомъ, цѣплявшимся за просительскіе карманы. Итакъ, если о гуманной дѣятельности Леванидова можно судить по тѣмъ распоряженіямъ, которыя дошли до насъ, — а пожалуй, что мы и въ правѣ это дѣлать, то едва ли можно приписать ей какую либо дѣйствительную, объективную цѣнность: субъективная же сторона, оцѣнка его побужденій, конечно, сама по себѣ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Не въ личности ли Леванидова, недостаточно цѣльной и сильной, чтобы идти напрямикъ съ проведеніемъ своихъ гуманныхъ принциповъ? Есть основаніе думать, что можетъ быть отчасти и такъ.

Ярославскій пишетъ о Леванидовѣ слѣдующее: «Императоръ Павелъ, бывши наслѣдникомъ престола, любилъ его и считалъ преданнымъ себѣ; но Леванидовъ, оставя его, приласкался къ фаво-

риту Зубову и черезъ него получилъ знатное имѣніе, принадлежавшее волынскому бискупу, и генералъ-губернаторство»... Но уже во всякомъ случаѣ, гораздо больше чѣмъ въ личности, въ самихъ условіяхъ, не только ставившихъ непреодолимыя преграды для дѣятельности, но заполонявшихъ и самую личность со всѣми ея гуманными принципами. Напр., въ его же собственномъ намѣстничествѣ, въ воронежской губерніи, гдѣ была казенная продажа водки, цѣловальникамъ ставилось казенной палатой постоянно на видъ, если они продавали въ извѣстный періодъ водки меньше, чѣмъ въ предыдущій. Къ чему могли тутъ привести заботы о народной нравственности?

Въ чемъ же мораль басни, буде басня нуждается въ морали? А мораль незамысловатая. Щербинину ничего не стоило выгнать изъ своего намѣстничества Зуева, казалось бы совершенно гарантированнаго своимъ званіемъ академика по крайней мѣрѣ хоть отъ выправки по артикулу. Леванидову же едва ли удалось добиться и того, чтобы въ районѣ его владѣній булки были выпечены какъ слѣдуетъ. Ergo: разрушать легче, чѣмъ созидать [1]).

---

[1]) Дѣло изъ Малороссійскаго Архива: распоряженія намѣстника харьковскаго и воронежскаго Леванидова.

СТАРИННАЯ ОДЕЖДА

И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ДОМАШНЯГО БЫТА СЛОБОЖАНЪ [1]).

Историческій южно-русскій Архивъ, хранящійся при Харьковскомъ университетѣ, заключаетъ въ себѣ массу цѣннаго матеріала и для внѣшней исторіи и, вѣроятно, еще болѣе — для внутренняго быта Украины, вообще, а въ частности и Слободской Украины. Онъ, можно сказать, еще не тронутъ и ждетъ работниковъ. Настоящая замѣтка можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какія детальныя подробности внутренняго быта могутъ быть возстановлены по дѣламъ, заключающимся въ архивѣ. Мы взяли дѣло (начавшееся въ 1705 г.) о конфискованныхъ вещахъ, составлявшихъ движимое имущество ахтырскихъ полковниковъ Ивана и сына его Данила Перекрестовыхъ, и на основаніи его хотимъ представить, какъ одѣвались, а частью также и какъ обставляли себя въ своемъ домашнемъ быту Слобожане начала XVIII, а слѣдовательно и конца XVII вв. Конечно, описаніе, составленное на основаніи лишь такого матеріала, какъ голый перечень вещей, не можетъ не страдать отрывочностью и сухостью; но за то оно составлено на основаніи матеріала, относящагося къ первой эпохѣ существованія Слободской Украины, хотя, какъ надо думать, имѣетъ силу и для послѣдующаго времени вплоть до учрежденія намѣстничества, когда произошелъ крутой переломъ въ нравахъ и была оставлена, между прочимъ, и старинная одежда. Но, скажутъ, можетъ быть, можно ли принять обстановку человѣка, находящагося въ такомъ исключительномъ положеніи, какъ богатый полковникъ, за характерную для данной эпохи? Конечно, можно, отвѣчаемъ мы съ увѣренностью, такъ какъ разница въ обстановкѣ между исключительно поставлен-

---

[1]) Харьковскій Сборникъ на 1887 г. Вып. I.

нымъ и среднимъ человѣкомъ того времени могла быть только количественная, но не качественная. Наоборотъ, обстановка богатаго имѣетъ для изученія тѣ преимущества, что представляетъ полноту типа, идеалъ, къ осуществленію котораго стремилось все ниже стоящее на ступеняхъ общественной лѣстницы. Вліяніе же личнаго настроенія, индивидуальнаго вкуса, моды и т. п. также мало отражалось на принадлежностяхъ домашняго быта полковника Перекрестова, какъ и послѣдняго козака или подданнаго мужика. Такимъ образомъ мы считаемъ себя въ полномъ правѣ брать обстановку полковника Перекрестова, какъ она выступаетъ изъ перечня движимаго имущества, за типичную. Въ нѣкоторую помощь себѣ, воспользуемся маленькой замѣткой Квитки объ одеждѣ Слобожанъ, помѣщенной въ «Современникѣ» за 1841 г. (№ 1, ст. «Украинцы». стр. 79).

Приступая къ изложенію, сдѣлаемъ прежде всего слѣдующее ограничивающее замѣчаніе. Перечень вещей—нашъ основной матеріалъ—несмотря на свою кажущуюся полноту, очень одностороненъ. Очевидно, въ него вошли только вещи, имѣвшія «денежную», «рыночную» стоимость въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. пріобрѣтенныя за деньги. Вся масса вещей, производившихся въ домашнемъ хозяйствѣ и потреблявшаяся, конечно, внутри этого хозяйства,—не вошла въ этотъ перечень вовсе. А масса этихъ вещей, при тогдашнихъ патріархальныхъ условіяхъ экономическаго быта, должна была быть чрезвычайно значительна и по объему и по цѣнности. Бѣлье, разумѣется, шилось изъ полотна, которое ткалось работницами подъ личнымъ наблюденіемъ пани-полковницы; сама пани-полковница, конечно, не брезгала одѣваться въ плахты, которыя производились искусными мастерицами тутъ же, у нея, въ домѣ. Такъ, полковникъ носилъ въ будни шапку изъ смушекъ своего стада и домашней выдѣлки; въ горницахъ персидскими коврами покрывались лавки, сдѣланныя изъ своего лѣса собственными мастерами въ своей домашней мастерской и т. д. и т. д. Понятно, какой пробѣлъ въ представленіи о домашнемъ обиходѣ долженъ вытекать, когда исключить изъ его принадлежностей всю эту массу вещей, оставивъ лишь то, что, по понятіямъ того времени, единственно представляло собою денежную цѣнность. Но мы даемъ, что можемъ, т.-е. то, что намъ самимъ даетъ матеріалъ.

Прежде всего, самый существенный, самый главный и цѣнный предметъ бытовой обстановки—одежда. Сначала скажемъ о мужской одеждѣ, затѣмъ о женской.

Верхняя одежда Слобожанъ, какъ и вообще малорусскаго козачества тѣхъ временъ, состояла изъ слѣдующихъ главныхъ составныхъ частей: широкихъ шароваръ, нижняго полукафтанья и верхней одежды, черкесски съ откидными рукавами, на красотѣ которой, кажется, сосредоточивались главнѣйшія попеченія. Эти двѣ главныя составныя части мужской одежды въ перечнѣ вещей полк. Перекрестова всюду окрещены посадскими воронежскими людьми,—вѣроятно, великороссами,—общимъ именемъ кафтана. Такъ и мы будемъ ихъ называть. Кафтаны эти мы находимъ въ огромномъ обиліи и разнообразіи. Прежде всего они дѣлятся на теплые, т.-е. мѣховые, и холодные. Теплые были сравнительно проще, такъ какъ не имѣли никакихъ украшеній, лишь изрѣдка полы опушались «огонками» (хвостами). Мѣха подъ эти кафтаны клались собольи,—пластинчатые, пупчатые или лапчатые,—лисьи,—черевьи или хребтовые, красныхъ лисицъ,—и, наконецъ, бѣльи хребтовые. Крылись эти мѣха: собольи краснымъ, зеленымъ бархатомъ или сукномъ, остальные—сукномъ, краснымъ, васильковымъ, коричневымъ, маковымъ или лимоннымъ съ искрою, свѣтло-лимоннымъ, а также камкою, дымчатою, песочною, коричневою, васильковою, осиновою. Холодные кафтаны имѣли болѣе нарядный видъ. Для покрышки ихъ допускались ткани болѣе блестящія и нарядныя. Ткань эта клалась на простую подкладку; но за то такой кафтанъ долженъ былъ необходимо имѣть «подпушекъ», т.-е. быть обложенъ какой-нибудь другой тканью, иного цвѣта и тоже болѣе или менѣе цѣнной. Кромѣ того, на этихъ кафтанахъ бывали серебряныя пуговицы, «мелкія», «частыя», какъ объ нихъ часто говорится въ перечнѣ, и иногда на обѣихъ полахъ по драгоцѣнной «запонкѣ» съ изумрудами, «красными каменьями», и т. п. Кафтаны эти дѣлались изъ объяри, «баберeку», вишневые, золотые, или жаркіе, темнолимонные,—все это съ золотыми и серебряными травами, затѣмъ изъ бархату, красные и желтые, наконецъ, болѣе простые и больше всего изъ камки самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: коричневые, васильковые, зеленые, красные, осиновые, малиновые, дымчатые; также иногда и изъ сукна. Камчатные кафтаны бывали иногда тоже и съ серебряными травками. «Подпушекъ» непремѣнно долженъ былъ быть другого цвѣта, чѣмъ покрышка: такъ красный кафтанъ имѣлъ желтый,—лазоревый подпушекъ, дымчатый кафтанъ — зеленый подпушекъ и т. д. Достоинство подпушка было въ соотвѣтствіи съ достоинствомъ покрышки кафтана: объяринный, бархатный кафтанъ подпушался обыкновенно «тафтой», иногда даже атласомъ или объярью, кам-

чатный обыкновенно тоже камкой, изрѣдка тафтой. Для подпушка выбирались яркія матеріи, часто съ травками серебряными или золотыми. Подкладка дѣлалась обыкновено изъ кумачу; для болѣе цѣнныхъ кафтановъ брался иногда киндякъ.

На изображеніяхъ малорусскихъ полковниковъ, въ ихъ полномъ уборѣ, всегда видимъ накинутую на плечи сверхъ всего мантію. И, дѣйствительно, въ числѣ вещей полк. Перекрестова находимъ «епанчу», темнозеленую суконную.

Полукафтанье непремѣнно подпоясывалось, и на достоинство пояса обращалось большое вниманіе. Не мудрено поэтому, что въ перечнѣ мы находимъ значительное количество болѣе или менѣе цѣнныхъ кушаковъ. Все это кушаки турецкіе, или «простые шелковые», или «съ золотомъ», или «съ золотомъ и серебромъ». Они были разныхъ размѣровъ, «большей руки» и «меньшей руки». Преобладающій цвѣтъ кушаковъ—красный, также зеленый.

Шапки мы находимъ въ перечнѣ только бархатные собольи; упоминается о красномъ цвѣтѣ. Про нѣкоторыя сказано, что у нихъ исподъ бѣличьяго мѣху.

Кстати теперь было бы сказать нѣсколько словъ и о саблѣ, этой необходимой принадлежности полнаго козачьяго наряда. Но такъ какъ мы имѣемъ въ виду дальше поговорить объ оружіи, то оставляемъ пока и саблю, чтобы перейти къ женской одеждѣ.

Въ перечнѣ женской одежды на первомъ мѣстѣ стоитъ также самая верхняя одежда, по терминологіи воронежскихъ посадскихъ людей кафтаны, по мѣстной кунтуши. Кунтушъ имѣлъ талію и рукава въ обтяжку—только назади, въ таліи, были маленькіе сборы,—лежачій воротникъ, откидные отвороты на груди и обшлага на рукавахъ. На груди онъ былъ открытъ и только на таліи схватывался крючкомъ, безъ пояса. Эти женскіе кафтаны такъ же, какъ и мужскіе, были или теплые или холодные. По количеству матерій, употреблявшихся на покрышку подпушекъ, подкладку, по цвѣтамъ этихъ матерій они совсѣмъ приближались къ мужскимъ; главное различіе было въ украшеніяхъ. Въ нихъ, какъ и слѣдовало ожидать, обнаруживается больше притязаній на красоту, или по крайней мѣрѣ на блескъ, чѣмъ въ мужскихъ. Матеріи тѣ же самыя: объярь, бархатъ, баберекъ, сукно, камка. Но прежде всего, замѣтно, что женщины, для болѣе нарядныхъ кафтановъ, предпочитаютъ объярь и баберекъ съ золотыми и серебряными травками бархату. Затѣмъ видно было, что онѣ обращали большое вниманіе на подпушекъ своихъ кафтановъ, который являлся въ видѣ отложныхъ воротника,

отворотовъ и обшлаговъ. Подпушекъ былъ, конечно, другого цвѣта и цѣнной матеріи. Чаще всего на него шла тафта желтая, простая или струйчатая, жаркая, рудожелтая, алая, также объярь. Старались, чтобъ подпушекъ былъ не только не хуже покрышки по достоинству, но даже лучше: напр., камчатный рудожелтый кунтушъ подпушался лазоревой объярью и т. п. Но подпушкомъ не ограничивалось украшеніе кунтуша. Онъ, какъ теплый, такъ и холодный, непремѣнно обшивался «нѣмецкимъ кружевомъ», или хоть узенькимъ кружевомъ, золотымъ, серебрянымъ, «съ городами». Кружево иногда замѣнялъ галунъ золотой или золотой съ серебромъ. Случалось, что и кружево и галунъ шли вмѣстѣ. Лишь самые простые суконные теплые кунтуши, вѣроятно, старушечьи — обкладывались простымъ шнуркомъ. Женскіе кафтаны, какъ и мужскіе, клались на подкладку; только бархатные могли обходиться безъ нея. Подкладкой служилъ тотъ же кумачъ, рѣже киндякъ; болѣе простые клались и на крашонину. Это — холодные кунтуши. Теплые были двухъ родовъ: или мѣховые или стеганные на ватѣ. Стеганные на ватѣ — это были болѣе простые кунтуши, обыкновенно камчатные. Но на мѣху дѣлались и нарядные кунтуши, не только камчатные, но объяренные и баберековые со всѣми употребительными украшеніями. Только, надо сказать, что подъ женскіе кафтаны меньше клались цѣнные мѣха, чѣмъ подъ мужскіе. Чаще всего встрѣчается мѣхъ бѣлій, черевій или хребтовый, рѣже лисій, черевій, красныхъ лисицъ, и еще рѣже соболій и рысій; полы нарядныхъ кунтушей опушались иногда огонками собольими и другими. Цвѣта женскихъ кафтановъ тѣ же, что и мужскихъ, только, можетъ быть, нѣсколько чаще, чѣмъ въ мужскихъ, встрѣчается цвѣтъ жаркій, рудожелтый, зеленый, васильковый, вишневый, темномалиновый, лазоревый и сравнительно рѣже коричневый, дикій.

Но женская цѣнная одежда не ограничивается, какъ мужская, кафтаномъ. Кромѣ него находимъ еще саяны и бостроги, хотя надо сказать, что того и другого было по счету гораздо меньше, чѣмъ кунтушей. Саяны—это юбки или, по мѣстному, спідныци. Онѣ дѣлались изъ тѣхъ же матерій, что и кунтуши: серебряной, зеленой, и т. п. объяри съ золотыми и серебряными цвѣтами, цвѣтной камки; также обкладывались нѣмецкимъ кружевомъ «золото съ серебромъ» и клались на кумачную подкладку. Необходимую принадлежность саяна составлялъ бострогъ или корсетъ, безъ рукавовъ; онъ иногда пришивался къ саяну, но чаще надѣвался отдѣльно. Бострогъ, подходя подъ горло, былъ виденъ изъ подъ кунтуша,

который имѣлъ, какъ уже сказано выше, отвороты на груди: оттого и бострогъ также дѣлался изъ цѣнныхъ и блестящихъ матерій: объяри и камки, иногда бархату. Подъ нимъ обыкновенно не было подкладки; украшался онъ тѣми же нѣмецкими кружевами и галуномъ. Чтобъ дать понятіе о вкусѣ тогдашнихъ щеголихъ, проявлявшемся въ такомъ или иномъ соединеніи саяна съ бострогомъ, приведемъ два-три примѣра: «саянъ, объярь серебрянная, по осиновой землѣ травы золотыя, кружево нѣмецкое золото съ серебромъ съ городами,—у него бострогъ объяринной жаркой съ травки золотыми, кружево золото съ серебромъ», или: «саянъ объяринной зеленой, на немъ травки золотыя, кружево нѣмецкое съ городами золото съ серебромъ—у него бострогъ камчатой красной, кружево золото съ серебромъ», или еще: «саянъ камчатой цвѣтной кружево золото съ серебромъ...—у него бострогъ камчатой вишневой кружево золото съ серебромъ» и т. д.

Ни женскихъ шапокъ, ни корабликовъ, ни очипковъ, однимъ словомъ, никакихъ головныхъ уборовъ нѣтъ въ числѣ вещей, вѣроятно, какъ слишкомъ ничтожныхъ по цѣнности.

Можетъ быть, слѣдуетъ причислить къ принадлежностямъ одежды платы и платки, которыхъ упоминается довольно много: бархатные, шитые по угламъ и вкругъ золотомъ и серебромъ, суконные, тоже шитые, наконецъ, турецкіе съ золотомъ и серебромъ; но платы употреблялись и для другихъ надобностей, напр. для покрыванія сѣделъ и т. п.

Неизвѣстно, почему въ числѣ вещей не упоминается монета, которая тогда, конечно—какъ и теперь, составляла одну изъ самыхъ цѣнныхъ принадлежностей малорусскаго женскаго наряда. Нѣтъ ни коралловъ, ни янтарей, ни гранатъ, ни золотыхъ или серебряныхъ крестовъ, ничего, кромѣ одного «червонного, что называется отдукатъ» съ золотою цѣпочкою. Вмѣсто всего этого упоминается только жемчугъ, но зато въ большомъ количествѣ. Изъ остальныхъ драгоцѣнныхъ украшеній находимъ только золотые перстни, большею частью женскіе, хотя упоминаются и мужскіе. Перстни эти были съ алмазами и алмазными искрами, яхонтами, обыкновенными и лазоревыми, изумрудами, лалами.

Если женщины украшали себя перстнями, жемчугомъ и т. п., то главнымъ украшеніемъ мужского наряда было оружіе. Красивое и цѣнное оружіе по крайней мѣрѣ столько же служило для своихъ спеціальныхъ цѣлей, какъ и для удовлетворенія потребностей вкуса, стремленій къ изящному. Разумѣется, не всякое оружіе было оди-

наково пригодно для этой цѣли, а то, по преимуществу, которое могло быть надѣваемо на себя. На первомъ планѣ между этимъ оружіемъ стояла сабля (также палашъ), которая составляла необходимую принадлежность полнаго казачьяго наряда. Самыя цѣнныя сабли это были сабли турецкія. Цѣнныя сабли имѣли золотыя насѣчки, серебряныя вызолоченныя оправы съ червчатыми яхонтами, съ бирюзами и др. драгоцѣнными камнями; черены были яшмовые, черепаховые, рыбьей кости (моржевые), у болѣе простыхъ сабель—буйволовые; ножны хозовыя оправлялись серебромъ, золотились иногда, украшались также цѣнными каменьями, покрывались краснымъ бархатомъ, ножны болѣе простыхъ сабель оправлялись посеребренной мѣдью. Изъ остальнаго холоднаго ручного оружія упоминается лишь обушекъ желѣзной съ насѣчкою, но тоже въ серебряной оправѣ. Огнестрѣльное оружіе обыкновенно оставлялось безъ украшеній; но все-таки щеголяли пистолетными ольстрами (кобурами), отвороты которыхъ шились по сафьяну или сукну золотомъ и серебромъ. Кстати упомяну, что огнестрѣльное ручное оружіе состояло изъ пистолетовъ нѣмецкой работы и пищалей турецкихъ, а также тульскаго и нѣмецкаго дѣла. Турецкія пищали украшались серебряными бляхами. Остальныя принадлежности огнестрѣльнаго оружія были: рога, лядунки и борошни (вѣроятно мѣшки подъ пули). Нарядныя лядунки и борошни также шились золотомъ и серебромъ; рога были буйволовые или простые, накрытые хозомъ, и оправлялись въ серебро. Но все-таки огнестрѣльное оружіе далеко не было такъ удобно для щегольства, какъ его предшественникъ—лукъ съ принадлежностями: хотя въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, луки уже, вѣроятно, не имѣли практическаго значенія, но они упоминаются еще въ числѣ вещей полк. Перекрестова. Упоминаются луки двухъ родовъ: крымскіе и сайдашные. Украшались собственно не луки, а «лубья съ колчанами и стрѣлами». Къ нимъ, прежде всего, требовались сайдачные пояса, которые оправлялись въ вызолоченное серебро; затѣмъ «луби съ колчаны» дѣлались сафьянные и допускали украшенія въ видѣ серебряныхъ и вызолоченныхъ оправъ. Какъ луки, такъ, конечно, и панцыри, мисюрки, наручи были въ началѣ прошлаго столѣтія уже нѣкотораго рода анахронизмомъ, но тѣмъ не менѣе мы находимъ ихъ, и притомъ въ такомъ видѣ, что легко можно представить, какое широкое поле для щегольства представляли они, когда были въ общемъ употребленіи. Панцыри—турецкіе «съ серебряными приправами». Къ панцырямъ добавлялись наладонки съ наручами; наручи дѣлались серебряные.

Мисюрки были тоже серебряныя, мѣстами вызолоченныя—лишь подкладывались желѣзомъ. Иногда желѣзныя мисюрки украшались золотыми насѣчками.

Кстати будетъ здѣсь сказать еще два слова о булавахъ: хоть это и не украшеніе и не оружіе, но ближе все-таки къ этимъ вещамъ, чѣмъ къ принадлежностямъ домашняго обихода, о которыхъ пойдетъ рѣчь дальше. Собственно знаки полковничьяго достоинства назывались не булавами, а перначами, но мы удерживаемъ то названіе, которое встрѣчаемъ въ перечнѣ. Булавы «вѣшались» на деревѣ и были серебряныя вызолоченныя, иногда по черни, и украшались бирюзою. Въ заключеніе этого отдѣла необходимо поговорить о принадлежностяхъ верховой ѣзды, которыя составляли для мужчинъ предметъ заботъ, пожалуй неменьшихъ, чѣмъ и оружіе. Главныя заботы сосредоточивались на самой сложной изъ этихъ принадлежностей, на сѣдлахъ. Сѣдла были или польскія, или черкасскія, или русскія (орчаки). Самое сѣдло могло быть или вовсе безъ оправы, или писано по дереву золотомъ, или крыто ящуромъ, оправлено серебромъ, или серебромъ съ бирюзой, или украшено вызолоченными серебряными штуками съ чернью и т. п. Сѣдельная подушка крылась краснымъ, зеленымъ, гвоздишнымъ бархатомъ, сафьяномъ, сукномъ, шитыми золотомъ и серебромъ; сѣдельныя крыльца того же матеріала и той же отдѣлки, какъ и подушки. Сѣдельные войлоки также покрывались сафьяномъ или бархатомъ, вышивались по угламъ серебромъ, а случалось, даже обкладывались нѣмецкимъ кружевомъ—золото съ серебромъ. Для покрыванія сѣделъ употреблялись также суконные платы, шитые по угламъ золотомъ и серебромъ.

Затѣмъ—узды. Узды были «оправные серебрянныя», вызолоченныя, «болванчатыя», съ похвями и съ паперстями. Упоминается еще «муштучекъ турецкій съ паперсью узенькою, оправа легкая», и сѣдельные тебеньки, простые и крымскіе. Употреблялись и попоны: между прочимъ есть въ числѣ вещей попона «красная, греческая» и попоны «черкасскія, что называются коцы». Этимъ мы заканчиваемъ описаніе одежды и вооруженія слобожанъ, чтобъ перейти къ принадлежностямъ ихъ домашняго быта, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Если для одежды и вооруженія есть въ нашемъ перечнѣ сравнительно цѣльный матеріалъ, хотя не лишенный значительныхъ пробѣловъ, причины которыхъ указаны выше, то для того предмета, къ которому переходимъ, мы находимъ, такъ сказать, лишь от-

рывки, намеки. Но читатель не будетъ требовать отъ насъ больше того, что мы можемъ ему дать по добросовѣстномъ знакомствѣ съ матеріаломъ. Все-таки и предлагаемое нами немногое можетъ нѣсколько помочь составить представленіе о степени домашняго комфорта, какимъ пользовались зажиточнѣйшіе изъ нашихъ не слишкомъ отдаленныхъ предковъ.

Вотъ передъ нами спальня богатаго слобожанина. Въ перечнѣ, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ рѣчи ни о перинахъ, ни о подушкахъ, которыя, конечно, были роскошны, такъ какъ черпали свой матеріалъ изъ обильныхъ домашнихъ запасовъ. Нѣтъ рѣчи и о постельномъ бѣльѣ, по той же причинѣ, по какой нѣтъ рѣчи ни о какомъ бѣльѣ. Но зато можно составить себѣ понятіе объ одѣялахъ, наволокахъ, по крайней мѣрѣ, нарядныхъ, пологахъ.

Одѣяла были теплыя и холодныя. Теплыя одѣяла подкладывались мѣхомъ или стегались на ватѣ. Употребительный мѣхъ подъ одѣяла—лисій, черевій или хребтовый, красныхъ лисицъ. Одѣяла, кромѣ покрышки, имѣли еще опушку, иногда одного цвѣта сверху, другого—снизу, и подкладку. Болѣе цѣнныя одѣяла крылись камкой, самыя нарядныя—объярью, мѣховыя также и сукномъ. Объяринныя одѣяла опушались также объярью сверху, снизу тафта, напр. такъ: объяринное осиновое одѣяло имѣло опушку изъ красной объяри съ травками золотыми, а снизу подпушено рудо-желтою тафтою. Камчатное одѣяло опушалось камкой непремѣнно другого цвѣта: зеленое—красною камкой, лазоревое—желтою, васильковое—брусничною и т. д. На подкладку этихъ одѣялъ употреблялся кумачъ. Болѣе простыя одѣяла были выбойчатыя, опушались кумачемъ и подкладывались крашенинами. Нарядныя наволоки дѣлались или изъ камки разныхъ цвѣтовъ или изъ атласу, кажется, чаще краснаго; вышивались золотомъ или украшались нѣмецкимъ кружевомъ золото съ серебромъ. На нарядные пологи шла чаще всего тафта, одноцвѣтная или полосатая, также и другія шелковыя легкія ткани. Иногда пологъ дѣлался изъ двухъ тафтъ, напр. рудожелтой и лазоревой и т. п. Простые пологи были выбойчатые, пестрядинные.

Отъ спальныхъ переходимъ къ другимъ комнатнымъ принадлежностямъ или украшеніямъ. Вмѣстѣ съ пологами встрѣчаются завѣсы. Что драпировалось ими? также ли кровати? или окна, двери? на что мы не можемъ дать отвѣта. Только можно сказать, что завѣсы дѣлались тяжелѣе, чѣмъ пологи: кромѣ того, что матеріи для нихъ брались болѣе плотныя, онѣ еще клались на подкладку и

опушались. Онѣ были изъ бархату, атласа, тафты, камки разныхъ цвѣтовъ, непремѣнно съ золотыми травками, на подкладку тоже бралась матерія не изъ простыхъ: тафта, киндякъ, кутня (сукно?). Опушка, замѣнявшая позднѣйшія бахромы, придумывалась иногда очень замысловато: такъ, у краснаго атласнаго завѣса находимъ опушку изъ чернаго бархата съ золотыми и шелковыми травами и изъ краснаго съ личинами и золотыми травами. Завѣсы прикрѣплялись на серебряныхъ кольцахъ.

Стѣны комнатъ обивались цвѣтнымъ трипомъ, золочеными кожами, польскими килимами (ковры). Вообще, ковровъ было много, простыхъ, польскихъ, турецкихъ, персидскихъ. Вѣроятно, болѣе цѣнными покрывалась мебель (упоминаются столовые ковры), менѣе цѣнными—полъ. Впрочемъ, для столовъ мы встрѣчаемъ еще зеленое сукно, а также спеціальныя скатерти: напр., упоминается турецкая красная шелковая скатерть съ серебряными травками и золотыми полосками. Лавки обивались зеленымъ сукномъ или покрывались «налавошниками», цвѣтными, съ серебряными и золотыми травками. Цѣнной мебели мы встрѣчаемъ очень мало: въ числѣ вещей нѣсколько стульевъ, обитыхъ золочеными кожами, да рѣзная золоченая кровать—вотъ и все. Очевидно, почти вся мебель была простой домашней работы и лишь покрывалась разными цѣнными покрышками. Но все-таки комнаты не были лишены украшеній, напротивъ, имѣли ихъ даже въ большомъ изобиліи, и притомъ такихъ, которыя обнаруживали большія склонности къ изящному. Прежде всего, находимъ множество картинъ: разумѣется, мы ничего не знаемъ ни о ихъ сюжетахъ, ни о достоинствахъ ихъ выполненія—ничего, кромѣ того, что онѣ были большого и малаго формата и писаны, большею частью, на холстѣ, а нѣкоторыя также на камкѣ и даже тафтѣ и объяри. Но все-таки любопытенъ самъ по себѣ фактъ того исключительнаго интереса, который заставлялъ пріобрѣтать картины цѣлыми десятками. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и большой вкусъ къ музыкѣ, который побуждалъ пріобрѣтать разнообразные органы, «сундушные», «самоигрательные», «съ шпинетами» большіе и малые, золоченые, съ часами наверху и т. п. Однимъ словомъ, картины и органы—это главнѣйшія принадлежности комнатныхъ украшеній. За ними слѣдуютъ часы «боевые въ ящикѣ», «стѣнные», «стѣнные нѣмецкіе мѣдные»; затѣмъ зеркала также нѣмецкія стѣнныя. Думаемъ, что мы въ правѣ причислить къ комнатнымъ украшеніямъ и иконы: ихъ искусное письмо, богатые оклады, рѣзные золоченые иконостасы составляли многое въ

общемъ эффектѣ комнатнаго убранства. Но, къ сожалѣнію, при перечисленіи ихъ не упоминается подробностей; узнаемъ только, что у богатыхъ людей того времени, какъ полковники Перекрестовы, кромѣ простыхъ иконъ, были иконы, писанныя на кипарисѣ и на бѣломъ желѣзѣ.

Въ числѣ принадлежностей, украшавшихъ покои ахтырскихъ полковниковъ, упоминается еще «рѣзной бѣлой поставецъ». Поставецъ этотъ былъ, конечно, уставленъ той цѣнной серебряной и хрустальной посудой, которая такою массой перечисляется въ перечнѣ. Эта посуда, удовлетворяя своему спеціальному назначенію, служила въ то же время и большимъ украшеніемъ для комнатъ; къ ней-то мы теперь и переходимъ.

Столовую серебряную посуду мы находимъ въ большомъ количествѣ и разнообразіи. Тутъ есть блюда, тарелки, четвертины, судки, кружки, стаканы и стаканцы, кубки и кубочки, чарки, рюмки, братиночка и горшечекъ, чашки, стопы, ковши, солонки, ложки. Въ число посуды попала даже одна турецкая чернильница. По способу ея выдѣлки, посуда называлась «чеканною», «рѣзною», «лощатою». Она дѣлалась или гладкою, или чешуйчатою, грановитою. Иногда она украшалась сканымъ серебромъ съ финифтью, иногда какими-нибудь фигурами. Серебряная посуда обильно золотилась, и снаружи, и извнутри. Наружная позолота была или полная, или только «мѣстами»; довольно часто серебро покрывалось чернью. Между столовой серебряной посудой первое мѣсто по обилію, разнообразію и даже изысканности украшеній, принадлежало сосудамъ для питья. Прежде всего стаканы. Стаканы были простые и «конфаренные», иногда съ «личинами», въ видѣ украшеній, па ножкахъ и съ «кровлею», на которой тоже допускалось украшеніе вродѣ какого-нибудь «древца». Кубки были или обыкновенныхъ размѣровъ или высокіе, съ крышками, хотя случалось и безъ крышекъ; но замѣтпо, что какъ для стакана «кровля» являлась исключеніемъ, такъ для кубка она была общимъ правиломъ. Также обязательно дѣлались съ кровлями и кружки. Это, кажется, былъ самый затѣйливый изъ сосудовъ: по крайней мѣрѣ, мы на кружкахъ чаще всего встрѣчаемъ украшенія, въ видѣ оленя, орла, яблока и т. п. Чарокъ и рюмокъ очень немного, видно, что это не была распространенная посуда; чарки упоминаются «винныя» и «большія раковыя». Въ видѣ исключенія, встрѣчается братиночка, какъ-нибудь случайно забредшая сюда со своей сѣверной родины. Такимъ же исключеніемъ является ковшъ и стопы. Но четвертины

(кварты) видимо принадлежали къ числу очень употребительной посуды. Чашки дѣлались съ ручками и съ крышкою. Изъ остальной столовой серебряной посуды, на первомъ планѣ, стоятъ тарелки; ихъ украшенія ограничивались тѣмъ, что онѣ мѣстами золотились. Блюда были или продолговатыя или круглыя, «съ вызолоченными наконешниками», или мѣстами золоченыя, или вовсе безъ золота. Остальную необходимую для сервировки стола посуду, какъ то солонки, судки, встрѣчаемъ лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ; только ложекъ довольно много, больше четырехъ дюжинъ. Между солонками упоминается одна «тройная, сдѣланная тюмпанцами».

Въ числѣ хрустальной посуды больше всего опять-таки стакановъ, большихъ, среднихъ и малыхъ; затѣмъ рюмокъ; упоминаются еще хрустальныя толстыя чашки и такая же сулейка.

Простая столовая посуда дѣлалась главнымъ образомъ изъ олова. Оловянныя блюда, плоскія и глубокія, подблюдники, тарелки, большія и малыя, кружки и четвертины были въ большомъ количествѣ, особенно тарелки и блюда. Кувшины и четвертины дѣлались также и изъ вылуженной красной мѣди.

Наше описаніе столовой посуды будетъ неполно, если мы не скажемъ еще о посудѣ дорожной. Въ козацкомъ обиходѣ, съ ихъ постоянными военными походами, всѣ дорожныя приспособленія должны были играть большую роль, въ томъ числѣ и посуда. Отсюда эти многочисленные погребцы и «дорожныя шкатулы». Погребцы заключали въ себѣ обыкновенно «хрустальныя скляницы», простыя же или «черкасскія и съ граненными травками»; скляницы эти были или съ оловянными «тисками» или безъ нихъ. Были погребцы и съ оловянною посудою, блюдами и тарелками. Дорожная шкатула, обитая бѣлымъ желѣзомъ, заключала въ себѣ блюда, тарелки, ложки, четвертины изъ бѣлаго желѣза. Эта жестяная посуда должна была имѣть преимущество передъ оловянной по своей легкости, но оловянная все-таки была употребительнѣе. Полная совокупность столовыхъ оловянныхъ вещей для похода носила особое названіе «полеваго стола». Чтобъ сохранять лѣтомъ напитки въ дорогѣ употреблялось «мѣдное пуздро», въ которое клался ледъ и вставлялись фляжки. Для перевозки напитковъ служили также круглыя мѣдныя «бани» нѣмецкой работы. Очевидно, полковники очень заботились о томъ, чтобъ не обходиться въ своихъ походахъ безъ привычныхъ напитковъ.

Объ остальныхъ принадлежностяхъ домашняго комфорта можно извлечь изъ нашего перечня только лишь кой-какія крохи. Узнаемъ

мы, что для освѣщенія служили мѣдные шандалы; болѣе нарядные серебрились. Чтобъ складывать мелкія и цѣнныя вещи—для этого служили ларчики и скрыночки, которые сами бывали тоже затѣйливые, изъ каменныхъ дощечекъ и даже серебряные, позолоченные. Теперь нѣсколько словъ насчетъ туалетныхъ приспособленій. Для умыванья мы находимъ лишь простые оловянные рукомойники и кувшины, да мѣдные лохани и тазы—красной и зеленой мѣди. Но зато гребенки и гребешки имѣютъ «ногалища» бархатныя красныя, шитыя золотомъ и серебромъ. Интересно, что въ числѣ туалетныхъ принадлежностей находимъ даже костяную зубочистку.

Въ числѣ кухонной посуды на первомъ мѣстѣ стоятъ котлы и котлики, которые дѣлались изъ красной мѣди. Были еще и другіе котлы, входившіе въ составъ такъ называемой черной поваренной посуды: въ число ея, кромѣ котловъ, входили сковородки и кубы съ желѣзными ножками, ручками и дужками. Затѣмъ къ кухонной посудѣ относятся мѣдныя жаровни и рѣшетки, подблюдники, иготь; сюда же частью входили и всѣ же вышеупомянутые мѣдные и оловянные блюда, кувшины, кружки, четвертины, лохани, кубганцы и т. д.

Для храненія денегъ служили такъ называемыя «передачи», которыя дѣлались изъ зеленой или красной мѣди.

Ахтырскіе полковники уже имѣли для своихъ выѣздовъ кареты, рыдваны, коляски нѣмецкой работы, городовыя сани. Кареты украшались гарусными бахромами, или махрами, и обивались какой-нибудь матеріей и гвоздями съ мѣдными шляпами. Изъ принадлежностей упряжи упоминаются нѣмецкія шоры съ мѣдными наборами и шоры простыя. Хомутныя крышки были сафьянныя, шитыя золотомъ и серебромъ. Для поклажи служили кожаныя сумки. Дорога освѣщалась слюдяными фонарями.

Къ дорожнымъ, точнѣе къ походнымъ принадлежностямъ относится наметъ: упоминается большой крашенинный осиновый наметъ съ полами и большой полстью, что постилается въ наметѣ.

Вотъ все, что мы извлекли изъ перечня вещей полковниковъ Перекрестовыхъ, что могло бы служить для характеристики ихъ бытовой обстановки, слѣдовательно, для характеристики бытовой обстановки богатаго слобожанина начала прошлаго вѣка. Но если читатель сдѣлаетъ изъ сказаннаго такой выводъ, что вещи Ахтырскихъ полковниковъ ограничивались тѣми предметами, о которыхъ мы упомянули, то онъ очень ошибется. Необходимо еще принять во вниманіе огромное количество запаснаго матеріала въ

видѣ всевозможныхъ тканей, мѣховъ, кожъ и т. п. Люди того времени жили такъ, что при всякой новой надобности обращались не въ лавку, а въ свою кладовую, и зато уже если имъ случалось имѣть дѣло съ торговымъ человѣкомъ, то они не срамили себя бездѣлицей, а закупали обстоятельно, имѣя въ виду не текущій моментъ, а цѣлые годы, не себя только, а и своихъ дѣтей и внуковъ. Деньги имѣли для нихъ только мѣновую стоимость, и чѣмъ скорѣе и успѣшнѣе обращались онѣ въ вещи, тѣмъ лучше. Неудивительно поэтому что у полковника Перекрестова, при такой массѣ вещей, упоминается наличными деньгами только: чеховъ на 85 руб., осмаковъ на 6 руб., 5 ефимковъ да 105 червонныхъ. Запасы же являются въ такихъ, можно сказать, грандіозныхъ размѣрахъ. Прежде всего мы находимъ запасъ золота и серебра для подѣлокъ, но къ сожалѣнію не умѣемъ перевести его на современныя мѣры. Золота (литорнаго) упоминается 22 четвертки да кромѣ того еще 4 литры; затѣмъ 1 литра да 4 цевки золота пряденаго нѣмецкаго. Серебра—3 литры и 4 цевки да литорнаго серебра 17 четвертокъ. Сверхъ того 2 литры серебра и золота польскаго, 12 пучковъ серебряныхъ снурковъ, серебряныхъ и золотыхъ, и еще 2 снурка вѣсомъ 10 золотниковъ. Запасъ галуновъ и нѣмецкихъ кружевъ золото съ серебромъ вполнѣ соотвѣтствовалъ той большой роли, какую играли эти украшенія въ женскомъ костюмѣ; ихъ было въ сундукахъ полковника Перекрестова около пуда. Запасныхъ парчей, камокъ, суконъ было столько, что ихъ хватило бы на наряды еще многимъ полковничьимъ дочерямъ и сыновьямъ. Парчей и камокъ около 20 кусковъ, больше 300 аршинъ; все это парчи и камки съ золотыми травками, красныя, лазоревыя, зеленыя, васильковыя и жаркія. Сукна находимъ въ большомъ числѣ небольшихъ кусковъ, разныхъ цвѣтовъ, около 200 аршинъ. Зеленаго и краснаго бархату—50 арш.; бѣлаго атласа—10 арш.; тафтъ разныхъ цвѣтовъ—252 арш. да двѣ пестряди тафтяныхъ персидскихъ по 13 арш. каждая; лудановъ, разныхъ цвѣтовъ, 9 косяковъ; кумачей, красныхъ, зеленыхъ и вишневыхъ—18, киндяковъ—17, ценделей—15, выбоекъ—5, трипу—4 штуки, или кусковъ. Кромѣ того, 30 аршинъ полосатой китайской кутни да 117 аршинъ обы крымской. Въ значительномъ количествѣ находимъ въ полковничьихъ сундукахъ также всевозможные мѣха. Собольихъ $2^1/_2$ мѣха да лоскутъ; лисьихъ—$5^1/_2$ мѣховъ да еще 4 лисицы красныхъ да 62 пары лисьихъ душекъ; $1^1/_2$ мѣха рысьихъ; хвостовъ, которыми отдѣлывалась зимняя одежда, собольихъ—56, куньихъ—24, да пупковъ, куньихъ,—27; 3 куницы съ хвостами; выдѣланный боберъ; бѣлькихъ

мѣховъ, хребтовыхъ и черевыхъ, больше 50; мѣхъ волчій лапчатой да 2 волка; 4 медвѣдицы, черныхъ и бѣлыхъ. Къ мѣхамъ же надо отнести 82 овчины бараньихъ. Для обуви и разныхъ подѣлокъ находимъ порядочный запасъ выдѣланныхъ тонкихъ цвѣтныхъ кожъ: 10 замшей, вишневыхъ и красныхъ, 70 сафьяновъ и 30 козлинъ желтыхъ и красныхъ, 10 черныхъ хозовъ. Для отдѣлки одежды, кромѣ упомянутыхъ выше кружевъ и галуновъ, есть 12 штучекъ «линтовъ нѣмецкихъ разныхъ цвѣтовъ» и 1200 арш. всевозможнаго шелковаго снурка. Объ остальныхъ запасахъ, въ видѣ дощатой мѣди, каретныхъ гвоздей, подошвенныхъ кожъ и т. д. не будемъ распространяться.

Но зачѣмъ мы такъ остановились на запасахъ, приводя даже ихъ подлинныя цифры? Мы имѣли при этомъ двѣ цѣли; во-первыхъ, дать понятіе о томъ, какое значеніе имѣли запасы въ общей суммѣ хозяйственныхъ вещей; во-вторыхъ, при помощи цифровыхъ данныхъ показать, въ чемъ состояло богатство тогдашняго состоятельнаго человѣка. Но для этой второй цѣли необходимо еще привести такія же цифровыя данныя о количествѣ готовыхъ вещей, входившихъ въ имущество полк. Перекрестова. Мы и приведемъ ихъ въ возможно сокращенномъ видѣ. Всего серебра въ посудѣ насчитывается больше 4-хъ пудовъ, да въ сайдачныхъ и поясныхъ оправахъ, наручкахъ и мисюркахъ, кромѣ булавъ, около $^{1}/_{2}$ пуда, итого $4^{1}/_{2}$ пуда; олова въ посудѣ кромѣ 24 блюдъ и столькихъ же тарелокъ, въ погребцѣ, 30 пуд. Мѣди, красной и зеленой, въ разнообразной посудѣ, столовой, дорожной, кухонной, около 25 пуд. Погребцовъ и дорожныхъ шкатулъ съ хрустальною, оловянной и жестяною посудою, кромѣ пуздра и бань, 9. Разныхъ хрустальныхъ вещей больше 100 штукъ. Изъ драгоцѣнностей, въ настоящемъ смыслѣ этого слова перечисляется 15 перстней и около 2 фунтовъ жемчугу. Сюда-же относятся булавы—ихъ всего счетомъ 3—и сабли: сабель, украшенныхъ драгоц. камнями, 5, всего сабель и палашей 12. Остальное оружіе и военныя принадлежности, больш. частью съ цѣнной отдѣлкой и украшеніями, въ такомъ количествѣ: мисюрекъ—7, лубьевъ съ колчанами—16, луковъ—6, панцырей—9, пищалей—26, пистолетовъ—6 паръ, также и олстръ, кромѣ отдѣльныхъ олстровыхъ отворотовъ, роговъ—9, борошней—21, лядунокъ—8. Сѣделъ 12, кромѣ 19 простыхъ *людскихъ*, неоклеенныхъ арчаковъ, да еще отдѣльныя сѣдельныя подушки, крыльца, войлоки, платы; около 20 уздъ. Нарядной одежды мы находимъ: мужскихъ кафтановъ—45, женскихъ кафтановъ—53, саяновъ—5, бостроговъ—8. Затѣмъ одѣялъ—25,

наволокъ—6, завѣсъ и пологовъ—8, ковровъ съ килимами—34. Иконъ и крестовъ—19, органъ съ шпинетами—6, часовъ—5, экипажей—10. Вотъ почти и всѣ цифры цѣнныхъ вещей, составлявшихъ имущество ахтырскихъ полковниковъ Перекрестовыхъ; пропустили мы лишь кой-какія мелочи—платки, упряжныя принадлежности, картины, также не особенно цѣнныя вещи, попадавшіяся въ перечнѣ единично.

Но зачѣмъ мы здѣсь нагромоздили столько подробностей, не остановившись даже передъ числовымъ перечнемъ, всегда, естественно, такъ непривлекательнымъ для читателя? Изъ уваженія ли къ исторической детальности, которая спѣшитъ регистрировать всякій фактъ въ надеждѣ, что онъ найдетъ свое приложеніе въ будущемъ творчествѣ научнаго труда, или «умыселъ другой тутъ былъ»? Признаться, именно другой, хотя мы и не знаемъ, вышло ли что изъ этого умысла. Намъ хотѣлось дать читателю возможно больше конкретныхъ данныхъ, которыя могли бы ему представить, что такое былъ домашній обиходъ тогдашняго пана и сравнить его съ современнымъ строемъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ: возьмемъ ахтырскую полковницу, у которой лежитъ въ сундукахъ 50 нарядныхъ кафтановъ, которые она получила отъ своей бабушки и передаетъ внучкѣ, да еще въ запасѣ матерій на столько же,—и современную даму соотвѣтственнаго соціальнаго положенія, которая шьетъ, при помощи магазина и модистки, нѣсколько платьевъ въ годъ, чтобъ бросить ихъ на слѣдующій. Разница огромная. Разница эта прежде всего, конечно, обусловливается тѣмъ, что называютъ различіемъ въ правахъ и обычаяхъ. Но нигдѣ такъ отчетливо, какъ въ этой сферѣ, не выступаетъ связь между обычаемъ общества и его экономическимъ строемъ. Всѣ эти сундуки съ безчисленными кафтанами, саблями, кусками матерій и т. п. есть яркіе симптомы того хозяйственнаго строя, который принято называть патріархальнымъ. Отдѣльное хозяйство есть законченная экономическая единица, которая производитъ для собственнаго потребленія, а избытокъ обращаетъ въ предметы роскоши. Деньги цѣнятся почти столько же, сколько и всякій другой предметъ, составляющій богатство, и понятно стремленіе поскорѣе обращать ихъ въ вещи: онѣ еще не выросли въ капиталъ, своимъ ростомъ и оборотомъ постоянно создающій новыя и новыя цѣнности. Ахтырскому полковнику пріятнѣе видѣть на полкѣ въ своей горницѣ лишній десятокъ драгоцѣнныхъ кубковъ, чѣмъ знать, что въ мѣдной «передачѣ», запертой въ его кладовой, лежитъ лишняя сотня червонцевъ: богатство въ такой формѣ доставляетъ ему несравненно больше удовольствія, пользы,

даже уваженія. Неподвижность обычая, крѣпко защищеннаго отъ вліяній капризной и скоропреходящей моды, неподвижность, которая была результатомъ патріархальнаго экономическаго строя, поддерживала его въ свою очередь: всякій спѣшилъ обращать деньги въ вещи, между прочимъ и потому, что вещамъ не угрожало обезцѣненіе, вслѣдствіе измѣнившихся требованій вкуса. Ахтырскій полковникъ былъ увѣренъ, что сабля, снятая его дѣдомъ съ польскаго шляхтича въ битвѣ при Збаражѣ, будетъ точно также украшать нарядный кафтанъ его внука. Увы, онъ не предчувствовалъ, какъ близки иныя времена: внуки выломали драгоцѣнные каменья изъ эфесовъ, чтобъ украсить ими пряжки своихъ французскихъ башмаковъ, перелили серебряную посуду, побросали парчевые кунтуши—въ лучшемъ случаѣ пожертвовали ихъ въ церковь на ризы и др. украшенія. Медленными, но неотразимыми шагами падвигался иной экономическій строй, и въ то же время вторгались иные обычаи, нравы, вкусы, моды, для которыхъ мѣняющіяся экономическія условія все болѣе и болѣе расчищали почву. И вотъ уже и любитель старины, составитель археологической коллекціи, съ трудомъ отыщетъ какую-нибудь вещь изъ полковничьихъ сундуковъ, и только архивъ вѣрно хранитъ свою запись.

МАЛОРУССКІЙ ЯЗЫКЪ

ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ [1]).

Необходимо, чтобы школа была прикрѣплена къ почвѣ, а не просто наложена на нее сверху.

Бреаль.

Въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ наша общественная жизнь, особенно въ провинціи, запуталась въ цѣлой, страшно широкой, страшно сложной сѣти недоразумѣній. При малѣйшемъ шевеленіи—а вѣдь не можетъ же живой организмъ не оказывать какого-нибудь, хоть непроизвольнаго, шевеленія—шевелящееся тѣло плотно охватывалось петлями этой роковой, невидимой сѣти. Сѣть все запутывалась, все усложнялась, уплотнялась, изъ одной ячейки выростало по нѣсколько новыхъ, пока... пока не явилось нѣкоторой возможности для общества и литературы приняться за обратную работу, за распутываніе этой сѣти. Работа медленная, трудная и неблагодарная, работа вродѣ той, какую нѣкогда взялъ на себя Геркулесъ, когда принялся за очистку извѣстныхъ учрежденій царя Авгія.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не одно сплошное и печальное недоразумѣніе хоть бы, напримѣръ, вопросъ о преподаваніи въ южнорусской народной школѣ на мѣстномъ нарѣчіи? Развѣ не очисткой его отъ грязныхъ наносныхъ наслоеній надо прежде всего заняться всякому, кому близки и дороги интересы народа?

Какимъ образомъ, съ какой стати невиннѣйшій педагогическій вопросъ перенесся у насъ въ совсѣмъ неподходящую для него политическую сферу? Все это—одно достаточно-таки длинное и достаточно скучное qui pro quo, отъ котораго тѣмъ не менѣе страдаютъ, и чувствительно, насущнѣйшіе интересы видной части русскаго народа. Мы понимаемъ, что бываютъ историческіе моменты, когда

[1]) Слово. 1881. № 1. Писано въ 1880 году.

одна нація, въ интересахъ своего существованія, можетъ считать себя вынужденной навязывать другой свой языкъ, свою культуру и т. п.,—справедливо или несправедливо, вопросъ до насъ не касающійся. Но тутъ есть положеніе, которымъ такъ или иначе оправдываются принудительныя дѣйствія. Кто же изъ друзей, враговъ или объективныхъ наблюдателей южно-русской половины русской народности—одной и той же народности, не чужой, не враждебной—можетъ сказать, сознательно и bona fide, что былъ хоть одинъ моментъ, когда южно-русскій народъ могъ вынудить своего сѣвернаго брата встать къ нему въ угрожающее положеніе? Никто не посмѣетъ сказать ничего подобнаго, такъ какъ это была бы наглая и до очевидности ясная ложь. Но тогда къ чему бы и городить всѣ эти невозможные охранительные огороды? Къ чему? Въ томъ то и остроуміе нашего положенія, что къ нему никакъ нельзя подойти съ простымъ вопросомъ, такъ какъ невозможно получить на него отвѣтъ. Нѣсколько лишнихъ петлей въ безконечной сѣти недоразумѣній, вотъ и все.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ литература лишь съ большой осторожностью и разными обходами и подходами касается всего относящагося до малорусской народности. Конечно, эта осторожность не была съ ея стороны капризомъ или прихотью. О допущеніи украинскаго нарѣчія въ народной школѣ не могло быть рѣчи еще и потому, что до послѣдняго времени всякіе разговоры о школѣ могли быть лишь пустыми сотрясеніями воздуха посредствомъ звуковъ, такъ какъ министерство гр. Толстого безусловно не интересовалось никакими мнѣніями. Министерство г. Сабурова, наоборотъ, повидимому желаетъ знать, что думаетъ общество о положеніи школы. Какъ результатъ этой-то перемѣны, начали въ литературѣ появляться заявленія и о спеціальныхъ потребностяхъ южно-русской народной школы вродѣ того, которое было напечатано въ Педагогической Хроникѣ «Семьи и Школы» въ № 21, подъ названіемъ «Народная школа на югѣ Россіи», и которое вызвало реплику въ 208 № «Кіевлянина». Но что это за жалкія, робкія заявленія! Хоть бы, напр., то, которое напечатано въ Педагогической Хроникѣ. Можно подумать, что авторъ въ самомъ дѣлѣ подводитъ мины подъ какой-то щекотливѣйшій вопросъ государственной важности. А между тѣмъ дѣло идетъ всего-на-все о томъ, что необходимо устроить такъ, чтобы хохлята, на правахъ прочихъ разумныхъ Божіихъ созданій, понимали, поступая въ школу, то, съ чѣмъ къ нимъ обращаются. Кажется, достаточно просто и невинно.

Мы хотимъ сдѣлать попытку очистить этотъ простой, чисто педагогическій, вопросъ отъ той грязи, которою его закидали въ послѣдніе годы до потери всякаго образа и подобія. Конечно, сразу не передѣлаешь того, что дѣлалось долгимъ рядомъ лѣтъ, но надо же когда-нибудь начать. Въ качествѣ исконнаго великорусскаго человѣка, лишь недавно заброшеннаго судьбой на Украйну, мы считаемъ себя обладающими тѣмъ преимуществомъ, которое отрицаютъ у коренныхъ обитателей южной Руси—необходимымъ безпристрастіемъ.

Какъ все на свѣтѣ, и вопросы имѣютъ судьбу. Вопросъ объ обученіи на малорусскомъ языкѣ тоже имѣлъ свою, и, надо сознаться, крайне для себя неблагопріятную. Онъ попалъ въ подозрительную компанію съ разными другими болѣе или менѣе неудобными вопросами, и вмѣстѣ съ ними, безъ всякаго повода съ своей стороны, очутился подъ запретомъ. Въ пользу его собственной невинности достаточно краснорѣчиво говоритъ то обстоятельство, что ни одинъ изъ самыхъ яростныхъ его враговъ, собственно, никогда не отрицалъ его невинности, т.-е. чисто педагогическаго, а не политическаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были дерзки наѣздники катковскаго охранительнаго эскадрона и ихъ вольные послѣдователи, ни у кого, сколько намъ извѣстно, не хватало смѣлости поставить вопросъ на почву политическую: нельзя, дескать, разрѣшить обученія въ южно-русской школѣ на малорусскомъ нарѣчіи, потому что изъ сего имѣютъ быть такія то вредныя послѣдствія для государства, для государственнаго единства и т. п. Напротивъ, всѣ всегда упорно держались на чисто педагогической точкѣ зрѣнія, т.-е. точкѣ зрѣнія удобства или выгоды самой школы: незачѣмъ, молъ, отвлекать дѣтей отъ прямого пути къ уразумѣнію премудрости, т.-е. общерусской грамоты, тратить время даромъ, такъ какъ хохлы отлично понимаютъ по-русски, да и родители совсѣмъ не хотятъ ничего подобнаго и т. д. Правда, со второй половины шестидесятыхъ годовъ охранители, московскіе или доморощенные, заводя рѣчь о малорусской школѣ и языкѣ, всегда пользовались случаемъ, чтобъ кивнуть при этомъ на людей, не раздѣляющихъ этихъ взглядовъ, какъ на злоумышленниковъ, преисполненныхъ кознями сепаратизма: якобы только такіе злоумышленники и могутъ говорить о малорусскомъ языкѣ. Но уже на то они и охранители.

Оставимъ пока въ сторонѣ всякія препирательства, для которыхъ будетъ мѣсто впереди. Перенесемся на минутку на далекій

сѣверъ, въ царство новгородскихъ говоровъ,—въ Архангельскую губернію, въ одну изъ ея очень немногочисленныхъ народныхъ школъ, близко знакомыхъ автору. Учительница школы—мѣстная уроженка и потому ôкаетъ такъ же, какъ и ея ученицы; впрочемъ, нѣсколько конфузится этого обстоятельства и старается, сколько можетъ, говорить «по-московски». Въ качествѣ туземки она хорошо понимаетъ, когда ученица, напримѣръ, на вопросъ, отчего не была въ школѣ, отвѣчаетъ: «вишь татка-то поpàто не можетъ» (отецъ очень боленъ) или «мамка не спустила — погода шла» (не отпустила мать—была мятель), или, когда обращается къ ней съ разговорами въ родѣ: «ужь и перепалась же я въ утряхъ: оболокаюсь, а тутотка, чую, въ опечкѣ що-то ворушится да пишшитъ не таково» (ужь и испугалась же я сегодня утромъ: одѣваюсь, а тутъ, слышу, подъ печкой что-то шевелится, да такъ-то пищитъ) и т. п. Искренно преданная своей бѣдной школѣ, отъ души желающая чему-нибудь научить своихъ дѣвочекъ, но въ то же время исполненная сознаніемъ своего образованія, вскормленнаго литературнымъ языкомъ,—учительница объявляетъ войну отвратительному patois (хоть онъ и ея родной, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ школы онъ кажется ей достойнымъ лишь презрѣнія), на которомъ говорятъ ея ученицы. Научить говорить «по-человѣчески»—не первая ли ея обязанность? Начинается отчаянное ломаніе языковъ. Малютки, только что являющіяся въ школу, сейчасъ же встрѣчаются рѣчью, въ которой онѣ очень мало чего понимаютъ. Онѣ глубоко озадачиваются тѣмъ, что каждое слово ихъ вызываетъ поправки со стороны учительницы, случается, и насмѣшки со стороны старшихъ, болѣе двинувшихся въ усвоеніи книжнаго языка. Какъ ни добра учительница, какъ ни располагаетъ къ себѣ школьная обстановка, все-таки на маленькія души не можетъ не влiять въ высшей степени неблагопріятно то обстоятельство, что онѣ не могутъ высказываться свободно, безъ рефлекса. А затѣмъ, сколько усложненій, когда дѣло переходитъ къ обученію! Первыя слова, которыя дѣти съ такимъ трудомъ складываютъ или царапаютъ на своихъ дощечкахъ, первыя фразы, которыя удается имъ не безъ большихъ усилій прочесть въ книжкѣ, звучатъ имъ на три четверти дико, требуютъ перевода на ихъ patois. Можетъ ли быть тутъ мѣсто тому цѣльному впечатлѣнію дѣтскаго восторга, когда ребенокъ впервые увидитъ воплощенной во внѣшней формѣ частицу своего внутренняго содержанія! А вѣдь на этомъ первомъ впечатлѣніи основывается въ значительной степени и дальнѣйшее отношеніе ребенка

къ книгѣ, къ грамотѣ. Но неужели учительница, если она не совсѣмъ глупа и дѣйствительно любитъ дѣло свое и дѣтей, не можетъ понять всего вреда, какой заключается въ такомъ приступѣ къ ученію,—не можетъ понять, сколько во всемъ этомъ запугивающаго, отталкивающаго и притупляющаго ребенка? О, она понимаетъ— но не видитъ выхода—зло, но зло, которое кажется ей неизбѣжнымъ. Она очень усвоила педагогическую аксіому, что надо отъ извѣстнаго переходитъ къ неизвѣстному, отъ близкаго къ далекому, отъ родного къ чужому. Но какъ ее приложить въ данномъ случаѣ? Ей не приходитъ въ голову простая мысль, что для достоинства школы не будетъ никакого ущерба, если она вмѣсто книжнаго слова мотылекъ напишетъ на классной доскѣ липка, вмѣсто ловлю—имàю, вмѣсто красиво—баско и т. д. Не можетъ придти, потому что она глубоко проникнута убѣжденіемъ, что patois годится лишь для того, чтобы его изгонять изо всѣхъ закоулковъ; въ душѣ ея съ ея роднымъ говоромъ тѣсно сплелось представленіе о тьмѣ и невѣжествѣ, обо всемъ, къ чему можно относиться лишь сверху внизъ, съ отрицаніемъ и даже презрѣніемъ. То же отношеніе, со всей ревностью прозелита, пытается она привить и къ юнымъ душамъ, ввѣреннымъ ея попеченію. Если бы въ ней могло зародиться предчувствіе того, какой грѣхъ она дѣлаетъ, когда старается—конечно, безсознательно—порвать нравственную связь между ученицами своими и окружающей ихъ средой, когда пытается привить—конечно, тоже безсознательно—въ своихъ ученицахъ, вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ языку, презрѣніе ко всему душевному міру, которымъ живетъ ихъ близкое, когда создаетъ или стремится создать нравственную пропасть между дѣтьми и родителями, которую ей нечѣмъ, нечѣмъ наполнить!...

Но пусть бы учительница какимъ-нибудь путемъ и пришла къ убѣжденію, что ничего кромѣ пользы не выйдетъ изъ того, если она при обученіи грамотѣ будетъ пользоваться своимъ роднымъ говоромъ, что можно устроить постепенный и естественный переходъ отъ patois къ языку литературному, и всѣ интересы могутъ быть соблюдены: ребенокъ не запугается ученіемъ, очутившись сразу въ области незнакомой рѣчи, и не привыкнетъ относиться съ презрѣніемъ къ языку своихъ родителей, такъ какъ и его авторитетъ— школа и учитель—не брезгаетъ этимъ языкомъ; съ другой стороны, и усвоеніе литературнаго языка врядъ ли что потеряетъ, если въ него окунутъ не сразу, а будутъ погружать постепенно. Можетъ быть, если patois не будетъ изгоняться на старый, рѣшительный

манеръ, что-нибудь изъ него и будетъ оставаться даже въ литературномъ языкѣ учениковъ,—но что же за бѣда? На что нужна идеальная чистота языка, да и въ чемъ она заключается? Не вводится ли въ литературный языкъ незамѣтно, но тѣмъ не менѣе постоянно цѣлая масса словъ и оборотовъ изъ нашихъ многочисленныхъ patois? Итакъ допустимъ, что учительница пришла какимъ-нибудь путемъ къ такимъ благоразумнымъ заключеніямъ. Но можетъ ли она осуществить ихъ на практикѣ? Едва ли. Она хорошо помнитъ, какъ наморщилось чело начальства, осматривавшаго школу, когда ученица, вмѣсто ель—дерево, сказала: елка—лѣсина. Начальство непремѣнно хочетъ, чтобъ «лѣсина» была изгнана, а между тѣмъ для ребенка это слово такъ и трепещетъ жизнью: лѣсина—живой организмъ, часть лѣса, а дерево—это мертвый матеріалъ, и ребенокъ такъ свыкся съ этимъ различіемъ. Мало того, начальство не только ревностно изгоняетъ мѣстные слова и обороты, но еще, къ великому горю учительницы, непремѣнно хочетъ, чтобы ученицы не окали по-мѣстному, но акали по-московски, говорили «свысока», какъ обзываютъ мѣстные жители московскій говоръ. А между тѣмъ, въ глазахъ обывателей «свысока» невольно ассоціируется съ тѣмъ цивилизованнымъ лоскомъ столичныхъ трактировъ, который заносятъ, вмѣстѣ съ «пинжакомъ», папиросой, резиновыми калошами, отхожіе туземцы, возвращающіеся на лоно своей родины. Понятно, что на дѣвочку, которая попыталась бы выполнять начальственные завѣты, посыпались бы со всѣхъ сторонъ насмѣшки; пожалуй, досталась бы и волосянка отъ отца или матери изъ болѣе озабоченныхъ тѣмъ, чтобы «дѣвка» ихъ держалась прилично, какъ люди. Но благоразумная дѣвка и пробовать не станетъ говорить «свысока» при отцѣ съ матерью; развѣ гдѣ-нибудь въ своемъ кружкѣ щегольнетъ своей новой наукой.

Но пусть школа будетъ не на почтовомъ трактѣ, и потому относительно свободна отъ начальственныхъ воздѣйствій и мѣропріятій. Все-таки для нашей учительницы, въ ея предполагаемомъ желаніи не изгонять patois, а пользоваться имъ для воспитательныхъ цѣлей вообще, для постепеннаго, систематическаго пріученія къ литературному языку въ частности, встрѣтится непреодолимое препятствіе въ отсутствіи книги. Всѣ учебники написаны, конечно, на литературномъ языкѣ; лучшіе изъ нихъ дѣлаютъ произвольныя экскурсіи въ области мѣстныхъ говоровъ, что лишь затрудняетъ дѣло. Всѣ литературныя выраженія по крайней мѣрѣ понятны учительницѣ, а слѣдовательно можно ихъ объяснить и ученицамъ. Но

вотъ въ «Родномъ Словѣ» учительница встрѣчаетъ выраженія: рало, рядно, тхоръ, кожанъ, веснянка и т. п. Что они значатъ и гдѣ искать объясненія? Вѣдь нельзя же предполагать въ каждомъ захолустьѣ академическіе словари или Областной Словарь Даля,—да, впрочемъ, и тамъ этихъ выраженій можетъ не быть, такъ какъ они взяты изъ нарѣчій малорусскаго языка. Приходится прибѣгать по догадкѣ къ вольнымъ толкованіямъ.

И вотъ выступаетъ на сцену новое зло—полнѣйшее отсутствіе учебной книги, приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ; ужъ не то, чтобы написанной на patois—гдѣ тамъ мечтать объ этомъ при нашей всяческой скудости—а хоть бы сколько-нибудь приноровленной къ спеціальнымъ педагогическимъ требованіямъ мѣстности. Послѣ «Друга Дѣтей» Максимовича, которымъ угощались дѣти за отсутствіемъ другой пищи, наша учительница съ восторгомъ беретъ въ руки «Родное Слово» Ушинскаго. Ей кажется, что сбылись ея мечтанія: она имѣетъ книгу, гдѣ, дѣйствительно, соблюденъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, гдѣ предлагается дѣтямъ то, что можетъ истинно и плодотворно интересовать ребенка, какъ привязывающееся психологическими нитями къ его душевному содержанію. Но, увы, вскорѣ наступаетъ разочарованіе!.. Преобладающіе мотивы сказокъ, пѣсенъ не тѣ, которые обращаются между дѣтворой сѣвера: поговорки, присказки, загадки, скороговорки—все не то, все не то. Нельзя сказать, чтобы не встрѣчалось ничего знакомаго и родного; но за то сколько и чужого, непонятнаго, ничего не говорящаго. Вотъ вамъ пословица: «у него и на вербѣ груши растутъ»—пословица сама по себѣ довольно выразительная. Но что она можетъ сказать сѣверному ребенку, который не имѣетъ никакого понятія ни о вербѣ, ни о грушѣ—пускай себѣ растутъ на здоровье: вотъ если бы было написано «у него и на елкѣ морошка растетъ», о, это другое дѣло! Перечисляются цвѣты, деревья, птицы звѣри,—все незнакомые, на половину, на три четверти! А вѣдь это—для самыхъ маленькихъ, только что начинающихъ дѣтей, для которыхъ все, что они читаютъ, должно быть знакомо, свое. «Яблоня, слива, вишня»—не такъ же ли дико звучатъ для ребенка описываемой нами школы, какъ «кипарисъ, пальма, кактусъ»? Природа и людская жизнь, въ которую авторъ вводитъ ребенка, какъ въ свою родную, возбуждаютъ въ нашихъ дѣтяхъ, большею частью, лишь недоумѣнія. «Въ февралѣ дороги широки», «въ мартѣ курица напьется изъ лужицы», въ «апрѣлѣ земля прѣетъ»... «декабрь годъ кончаетъ, зиму начинаетъ»,—не переворачиваетъ ли это у сѣвернаго ребенка

всѣхъ его представленій о природѣ, основанныхъ на опытѣ? Отдѣлъ изъ Дѣтскихъ Воспоминаній, расчитанный на то, чтобъ возбудить дѣтскую душу самыми близкими и яркими изъ ея впечатлѣній, оставляетъ нашихъ дѣтей опять-таки холодными и недоумѣвающими. Наканунѣ Рождества, по дневнику, появляется кутья и узваръ со своей обстановкой; колядованье и пр. тѣмъ менѣе можетъ заинтересовать сѣвернаго ребенка, что учительница не въ состояніи даже сдѣлать сколько-нибудь выразительнаго описанія этихъ рождественскихъ обрядовъ—гдѣ жъ ей ихъ знать? и почему наканунѣ Рождества появляется кутья, которой, по архангельскимъ представленіямъ, мѣсто лишь на поминкахъ; «чистый понедѣльникъ—въ воздухѣ пахнетъ весной, въ саду показываются проталинки» и т. д. Боже мой, можетъ ли чистый понедѣльникъ хоть отдаленнымъ образомъ ассоціироваться съ весной у дѣтей нашей школы? Всего прочнѣе связывается у нашихъ дѣтей чистый понедѣльникъ съ ледяной горой, которая стоитъ себѣ, какъ стояла, во всемъ своемъ холодномъ и соблазнительномъ величіи, но на которой не позволяютъ старшіе кататься съ этого дня, угрожая какой-то миѳической смолой, куда имѣетъ закатиться преступающій запретъ. «Страстная суббота: Ахъ, какая радость—ледъ на рѣкѣ тронулся и т. д..... Радоница: бабушка и мамаша взяли меня и двухъ сестеръ на кладбище...» Увы! никогда не можетъ у насъ ледоплавъ приключиться въ страстную субботу; ни ученики, ни учительница не имѣютъ представленія о томъ, что такое радоница, и т. д. и т. д. Конечно, дѣти нашей школы могутъ заинтересоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что у какихъ-то счастливыхъ дѣтей въ Ѳомино воскресенье «проглядываютъ желтые одуванчики, длинныя космы плакучихъ березъ будто осыпаны зеленымъ пухомъ, пташки принялись вить гнѣзда», точно такъ же, какъ заинтересуются, когда учительница разскажетъ имъ о природѣ Индіи, о Сахарѣ, о тѣхъ странахъ, «wo die Zitronen blühen»... Но это очевидно не то, на что расчитывалъ педагогъ. И такъ черезъ всю книгу: на каждомъ шагу учительница должна объяснить, что это, конечно, все бываетъ такъ, какъ въ книжкѣ написано, но не у насъ, а у людей. Вотъ вамъ и переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ родного къ чужому.....

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ общественнымъ и литературнымъ оживленіемъ, оживилась и педагогика. Она отзывалась на запросы жизни, и жизнь интересовалась ею. Появились талантливые педагоги, осмысленныя жизненнымъ содержаніемъ работы, плодотворныя идеи. Между прочимъ выступилъ на сцену и

вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ обученіи. Извѣстный педагогъ г. Вессель, въ обстоятельной статьѣ («Учитель», 1862 г.), развивая мысль, что общее образованіе непремѣнно должно опираться на мѣстный элементъ, категорически высказывалъ, что «одна книга для чтенія, какъ бы она ни была хорошо составлена, не можетъ быть пригодною для всѣхъ совершенно разнохарактерныхъ мѣстностей нашего необъятнаго отечества; какъ первый шагъ къ практическому осуществленію своихъ взглядовъ, онъ предлагалъ разбить на восемь частей премію учебнаго комитета на составленіе читальника для народной школы, чтобы такимъ образомъ появились мѣстные читальники для восьми районовъ. Даровитѣйшіе изъ нашихъ педагогическихъ писателей, Ушинскій и Водовозовъ, высказывались въ томъ же направленіи. Плодотворная идея, глубоко затрогивающая самые насущные интересы народной школы, была брошена въ общественное сознаніе. Казалось, свѣтлому будущему принадлежали ея разработка и осуществленіе. Но слово было сказано «не въ надлежащемъ мѣстѣ и не въ надлежащее время». Вскорѣ подули холодные вѣтры и общественная температура вдругъ упала. Точно по манію волшебнаго жезла, педагогическая нива покрылась терніемъ и разными дикими злаками; на мѣстѣ святѣ водворилась мерзость запустѣнія. Педагогика сдѣлалась синонимомъ отсутствія жизни, тупого педантизма, мертвой рутины. Заглохла работа педагогической мысли, питающейся жизненными соками; прекратилась и педагогическая производительность. Около двадцати лѣтъ первоначальная школа почти исключительно живетъ лишь «Роднымъ Словомъ». «Родное Слово»—трудъ, носящій на себѣ несомнѣнные слѣды выдающейся педагогической даровитости, задуманный подъ сильнымъ давленіемъ стремленія связать школу съ жизнью, съ почвой, съ народнымъ духомъ; но трудъ, выполненный кабинетнымъ педагогомъ и потому неизбѣжно очутившійся между двухъ стульевъ. Идеи автора «Родного Слова», которыя онъ такъ увлекательно развивалъ въ теоріи и такъ неудачно примѣнялъ на практикѣ, не только не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, пришли въ такое полное забвеніе, что педагогическая литература, если только она выйдетъ когда-нибудь изъ своей оцѣпенѣлости, должна будетъ начинать разработку вопроса съ начала, съ азовъ.

Всѣ упомянутые нами педагоги, которымъ обязана русская общественная мысль возбужденіемъ въ высшей степени важнаго вопроса о введеніи мѣстнаго элемента въ обученіе, всегда останавливались на малорусской народной школѣ. Это было совершенно естественно. Нигдѣ областное различіе не выступаетъ ярче, нигдѣ, слѣдовательно,

настоятельная надобность въ обученіи, проникнутомъ мѣстнымъ элементомъ, не чувствуется рѣзче. Прежде всего педагогъ наталкивается на языкъ, настолько отличный отъ книжнаго русскаго, что не принимать его въ расчетъ при обученіи становится до очевидности яснымъ педагогическимъ промахомъ. Вессель—исходя изъ положеній, что не обучать народъ его родному языку значитъ не доставлять возможности развиваться его мысли, его духовнымъ силамъ, а обучать его на неродномъ языкѣ, хотя бы и самомъ близкомъ и сродномъ, значитъ извращать самостоятельное умственное развитіе народа, извращать всю его духовную природу,—настаивалъ на томъ, что для малорусской народной школы необходима книга для чтенія на малорусскомъ языкѣ. Ушинскій развилъ тѣ же положенія въ яркой картинѣ отрицательныхъ результатовъ, какіе даетъ по отношенію къ малорусскому ребенку, а съ нимъ и народу, школа, устроенная на общій ладъ. Ребенокъ, попадая въ школу, гдѣ онъ ничего не понимаетъ, прежде всего запугивается: она ему представляется дикимъ и страннымъ мѣстомъ, единственнымъ въ цѣломъ селѣ, гдѣ говорятъ на непонятномъ языкѣ. Мало-по-малу онъ научается ломать языкъ на великорусскій ладъ, пріучается къ тому отвратительному жаргону, на которомъ говорятъ понюхавшіе образованія малороссы, когда стараются говорить по-великорусски. Результатомъ его школьной науки остается нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которыя, конечно, забываются, когда ребенокъ возвращается въ свою среду, вмѣстѣ съ понятіями, привязанными къ этимъ словамъ,—въ лучшемъ случаѣ кое-какая грамотность, которая можетъ пригодиться къ тому, чтобъ написать на полурусскомъ нарѣчіи какую-нибудь грамоту. Въ концѣ концовъ такая школа въ умственномъ отношеніи можетъ лишь задержать естественное развитіе ребенка, въ нравственномъ—испортить душу будущаго человѣка. Къ такимъ поражающимъ своею рѣзкостью выводамъ приходилъ почтенный педагогъ. Въ чемъ же причина того, что подобная школа можетъ давать лишь такіе отрицательные результаты? Онъ резюмировалъ свои разсужденія по этому поводу такъ: «Во-первыхъ, такая школа гораздо ниже народа: что значитъ она, со своей сотней плохо заученныхъ словъ, передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы

совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу».

Но не одни столичные педагоги-теоретики высказывались въ пользу мѣстнаго элемента въ южно-русской школѣ. Высказывались и мѣстные педагоги-практики, когда они могли это дѣлать. Въ «Замѣчаніяхъ на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ 1862 г.» можно видѣть, что педагоги кіевскаго учебнаго округа почти цѣликомъ оказались за то, чтобъ ввести преподаваніе въ народной школѣ для малорусскаго населенія на малорусскомъ языкѣ. Совѣтъ второй кіевской гимназіи прямо высказалъ, что считаетъ невозможною для малорусской школы разумную постановку элементарнаго обученія безъ посредства мѣстнаго языка. Директоръ житомирской гимназіи, г. Пристюкъ, не ограничился общимъ положеніемъ, что малорусскій ребенокъ долженъ обучаться, по крайней мѣрѣ, первый годъ своего пребыванія въ школѣ, на томъ языкѣ, «на которомъ онъ научился отъ отца и матери первому лепету и получилъ первыя человѣческія понятія»,—онъ проектировалъ и мѣстные читальники для народной школы.

Казалось, важный народно-педагогическій вопросъ становился на твердую почву. Но это только казалось. Съ измѣненіемъ погоды, все измѣнилось. Общая идея о мѣстномъ элементѣ въ обученіи народа затерлась такъ, какъ будто никогда и не бывала въ общественномъ сознаніи. Вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ южно-русской школѣ—частное примѣненіе этой общей педагогической идеи—не затерся, но съ нимъ приключилось нѣчто еще худшее. Оторванный отъ своего педагогическаго стебля, онъ остался, вслѣдствіе стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, на виду и сдѣлался предметомъ заушеній и оплеваній. На него накинулась цѣлая клика отчасти заправскихъ охранителей, отчасти разныхъ проходимцевъ, имѣющихъ повадку лаять въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ. Никто и думать не думалъ о томъ, что вопросъ этотъ имѣетъ подъ собой широкую принципіальную почву, и что на ней, и только на ней, можно бороться противъ него, не роняя достоинства печатнаго слова. Литературная почва начала очень быстро уходить изъ-подъ злосчастнаго вопроса...

На что же опирались доводы противниковъ малорусскаго языка въ южно-русской школѣ? Общей педагогической основы, въ которой коренится потребность въ мѣстномъ языкѣ, для этихъ лицъ, какъ мы уже сказали, не существуетъ вовсе. Отсюда главнымъ центромъ

ихъ незамысловатой аргументаціи всегда было, есть, да, вѣроятно, и будетъ одно положеніе, которое они варьируютъ на всѣ лады и за которое держатся, какъ за каменную стѣну: что въ мѣстномъ языкѣ нѣтъ совсѣмъ никакой надобности. Почему? Потому, во-первыхъ, что языкъ малорусскаго населенія не есть самостоятельный языкъ, а есть только нарѣчіе, или поднарѣчіе, или говоръ общерусскаго языка, однимъ словомъ patois, и, какъ таковое, не имѣетъ правъ на самостоятельное существованіе, а слѣдовательно и на употребленіе въ школѣ—доказательство отъ науки; во-вторыхъ, потому, что хохлы отлично понимаютъ общерусскій языкъ, слѣдовательно, нечего даромъ тратить время на переходъ къ общему языку, когда можно приступать къ нему прямо—доказательство отъ практики. Откуда же взялся вопросъ, если онъ не имѣетъ подъ собой никакой реальной подкладки? Очень просто: его выдумали злоумышленные люди. Эти злоумышленные люди, вѣроятно, мечтаютъ въ будущемъ о сепаратизмѣ, а пока выдумываютъ разный вздоръ, подталкиваемые тѣмъ злымъ общеславянскимъ демономъ, который никакъ не даетъ славянству создать политическое единство, единую культуру, великій единый литературный языкъ, какъ все это устроили у себя передовыя европейскія націи: французская и германская; конечно, при этомъ удобномъ случаѣ злоумышленные люди не прочь и деньгу зашибить, издавая буквари для народа, или, по крайней мѣрѣ, раздобыться извѣстностью въ своемъ муравейникѣ.

Та часть доводовъ противъ допущенія въ малорусскую школу мѣстнаго языка, которая не держится на почвѣ донесенія по начальству, можетъ быть совершенно разбита и изъ чисто педагогическихъ основаній. Но такъ какъ противники не хотятъ знать этихъ основаній, то попробуемъ взглянуть на дѣло съ ихъ точки зрѣнія. Какъ ни непріятно все это, но надо же, наконецъ, разобраться; тѣмъ болѣе, что они, имѣвшіе возможность разговаривать о предметѣ много и долго, оказывали извѣстное давленіе на взгляды той части русскаго общества, которая не знаетъ положенія дѣла, и потому можетъ принять кое-что на вѣру.

Прежде всего приходится сдѣлать маленькую экскурсію въ область науки. Говорятъ: малорусскій языкъ не есть самостоятельный языкъ, а говоръ языка общерусскаго. Что такое общерусскій, или просто русскій языкъ? Въ бѣглой рѣчи, ради удобства, можно употреблять, конечно, это выраженіе; но нельзя забывать того, что это въ сущности условный терминъ, не имѣющій конкретнаго содержанія. У насъ нѣтъ вообще русскаго языка, а есть языкъ русскій литера-

турный и двѣ группы народныхъ русскихъ говоровъ--сѣверная и южная: дѣленіе это сдѣлано не злоумышленниками, а филологами. Группы эти, какъ все органическое, примыкаютъ одна къ другой промежуточными ступенями, но тѣмъ не менѣе имѣютъ между собою достаточно различій, на основаніи которыхъ филологическая наука и дѣлаетъ свою классификацію. Кто далъ этимъ группамъ названіе великорусскаго и малорусскаго языковъ? Можетъ быть, это неточный терминъ разговорной рѣчи; или, можетъ быть, выдумки злоумышленниковъ, подъ разными флагами пускающихъ грузъ своихъ злостныхъ сепаратистскихъ мечтаній и стремленій? Ничуть не бывало. Это опять-таки дѣло филологовъ, которые находятъ различіе между этими группами настолько рѣзкимъ, что считаютъ возможнымъ приложить къ нимъ названіе языковъ.

Есть филологическіе авторитеты, нѣмецкіе, славянскіе и русскіе, которые высказываются очень рѣзко насчетъ степени отличія великорусскаго и малорусскаго нарѣчій. Напр., нѣмецкій филологъ Августъ Шлейхеръ говоритъ: «Малорусскій (рутенскій, русинскій) языкъ нельзя разсматривать какъ разновидность русскаго, но какъ нарѣчіе, стоящее къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ и къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ». Извѣстный авторитетъ по славянской филологіи, Францъ Миклошичъ, также высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Языкъ малорусскій долженъ быть разсматриваемъ наукой, какъ самостоятельный языкъ, а не какъ поднарѣчіе великорусскаго». Все это мнѣнія, которыя не могутъ быть заподозриваемы въ заднихъ цѣляхъ. Но несмотря на авторитетность приведенныхъ выше громкихъ именъ, въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе имѣетъ мнѣніе извѣстнаго русскаго филолога, спеціалиста по славянской филологіи, г. П. Лавровскаго,—ученаго, съ открытой враждебностью относящагося ко всему, что имѣетъ въ жизни какую-нибудь спеціальную малорусскую окраску. Вотъ какъ резюмируетъ г. Лавровскій результаты своихъ сравнительныхъ изслѣдованій. Между особенностями малорусскаго нарѣчія «есть много такихъ, которыя неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія». Малорусское нарѣчіе стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ великорусскимъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ нѣкоторыя свойства, приближающія его къ нарѣчію сербскому. Эти свойства, по мнѣнію г. Лавровскаго, дѣлаютъ малорусское нарѣчіе переходнымъ отъ сѣвернаго великорусскаго къ южнымъ славянскимъ. Самое названіе работы, изъ которой мы заимствуемъ это резюме, «Обзоръ замѣча-

тельныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями»—не указываетъ ли на отношеніе автора къ своему предмету? Даже г. Катковъ, въ извѣстной диссертаціи своихъ молодыхъ лѣтъ, «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» (Москва, 1845 г.), выставлялъ рѣзкое фактическое различіе «малорусскаго и великорусскаго нарѣчій», не находя возможнымъ смѣшать «малорусское нарѣчіе» съ какимъ-нибудь «новгородскимъ или рязанскимъ разнорѣчіями».

Малорусскіе ученые и у насъ и въ Галиціи уже давно занимаются разработкой своего языка. Еще въ началѣ XIX вѣка появилась у насъ малорусская грамматика. Въ Галиціи уже существуетъ небольшая филологическая литература, учебная и ученая. Не дальше, какъ въ настоящемъ году, появилось новое изслѣдованіе малорусскаго языка, сдѣланное галицкимъ ученымъ г. Огоновскимъ: «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg», 1880. Авторъ задался цѣлью указать особенности этого языка и его отношеніе къ такъ-называемому языку русскому. «Удивительно,—замѣчаетъ г. Огоновскій во введеніи къ своему труду,—что языкъ, который цѣлыя столѣтія разсматривался какъ самостоятельный, теперь, изъ-за основаній большею частью политическаго характера, или совершенно игнорируется, или выставляется поднарѣчіемъ русскаго, иногда даже польскаго... Однако, всякому мыслящему изслѣдователю языка ясно до очевидности, что русинскій языкъ, несмотря на кажущееся тождество въ названіи, ни въ какомъ случаѣ не есть поднарѣчіе русскаго языка, а языкъ, стоящій къ этому послѣднему въ совершенно самостоятельномъ отношеніи». Наши малорусскіе ученые съ особымъ вниманіемъ останавливались на исторіи своего языка: назовемъ Максимовича и г. Житецкаго. Замѣчательно, что эти ученые въ своихъ трудахъ не проявляютъ и отдаленныхъ слѣдовъ какой-нибудь тенденціи отрознить сѣверно-русскій языкъ и національность отъ южнорусскихъ, рѣшительно отвергая всякія гипотезы въ родѣ великорусской погодинской, выводившей малороссовъ изъ-за Карпатъ около XIV вѣка. Всюду съ глубокимъ убѣжденіемъ высказываются они за существованіе общаго русскаго праязыка, отъ котораго пошли обѣ вѣтви (великорусская и малорусская). Вопросъ о томъ, когда произошло раздѣленіе—вопросъ спорный, который трактуется разными учеными разно и въ который намъ незачѣмъ погружаться. Замѣтимъ только съ своей стороны, что съ XIV вѣка обозначается въ южной половинѣ русскаго міра особый литературный языкъ, конечно, искусственный,

какъ и въ сѣверной половинѣ, но явно питающійся уже стоящими подъ нимъ народными малорусскими говорами. Такимъ образомъ, съ этой эпохи Великая и Малая Россія имѣютъ по особому литературному языку, и подъ каждымъ изъ этихъ двухъ языковъ стоитъ цѣлая большая группа народныхъ говоровъ.

Изъ всего изложеннаго выше видно, какъ мало основательны увѣренія развязныхъ наѣздниковъ въ публицистикѣ, что малорусскій языкъ есть ничто иное, какъ областной говоръ, patois, и, какъ таковое, не имѣетъ, якобы, какихъ-то правъ на самостоятельное существованіе. Но они говорятъ еще и другое: они говорятъ, что южно-русская школа совсѣмъ не нуждается ни въ какомъ мѣстномъ языкѣ на томъ основаніи, что хохлы отлично понимаютъ по-русски. Что отвѣчать на это? Корреспонденты разсказывали, что наши солдаты и болгарскіе обыватели отлично понимали другъ друга; несомнѣнно, что малороссы и поляки, искони живущіе бокъ-о-бокъ въ юго-западномъ краѣ, тоже отлично понимаютъ другъ-друга; недаромъ же поляки и вывели заключеніе, что малорусскій языкъ есть областной говоръ польскаго. Въ одной чешской книжкѣ мы прочли такой разсказъ. Словакъ-разносчикъ, изъ южной Венгріи, зашелъ разъ съ своимъ товаромъ въ Галицію, гдѣ торговалъ между поляками и малороссами, а оттуда забрелъ и въ Великороссію, видѣлъ Петербургъ и Москву, добрался даже до Чернаго моря. Когда воротился домой, стали его земляки спрашивать, какъ онъ рѣшился пуститься въ такое путешествіе, не зная никакого языка, кромѣ своего, и какъ объяснялся съ покупателями. «Да я же все говорилъ по-своему, по-словацки», отвѣчалъ тотъ. «А развѣ тамъ люди говорятъ тоже по-словацки?» спрашиваютъ земляки. «Да, все же по-словацки», отвѣчаетъ онъ: «только не такъ хорошо, какъ говоримъ мы здѣсь, подъ нашими Татрами».

Пониманіе пониманію рознь. Если словакъ понималъ поляка, великоросса, малоросса, то, разумѣется, съ достаточнымъ основаніемъ можно сказать, что малороссы съ великороссами отлично понимаютъ другъ друга. Конечно, нельзя забывать того, что это отличное пониманіе не исключаетъ случаевъ большихъ недоразумѣній, особенно между простыми хохлами и великорусской интеллигенціей. Вѣроятно, не станетъ очень настаивать на этомъ взаимномъ пониманіи, напр., та сестра милосердія Краснаго Креста, которая, подверглась освидѣтельствованію отъ миргородскихъ бабъ вслѣдствіе того, что на вопросъ «кто она?» не безъ достоинства отвѣчала: «человѣкъ» (чоловикъ—по-хохлацки мужъ, мужчина)—печальный

фактъ изъ не менѣе печальныхъ лѣтописей прошлогодней дѣятельности Краснаго Креста по уничтоженію дифтерита въ Полтавской губ. Это, само собой разумѣется, очень исключительный случай, такъ какъ пострадавшимъ отъ недоразумѣнія оказалось интеллигентное лицо, а не мужикъ-хохолъ. Обратныхъ случаевъ, конечно, гораздо больше, только нѣтъ лѣтописей, куда бы они заносились. Мужицкія спины, мужицкіе гроши, мужицкія землишки и животишки,—для нихъ пока еще не заведены лѣтописи. Если разобраться поближе, напр., хоть въ различныхъ «прискорбныхъ случаяхъ», «деревенскихъ исторіяхъ», дифтеритныхъ, лѣсныхъ, земельныхъ, межевыхъ и т. д., которыми такъ богатъ нашъ Югъ, присмотрѣться поближе къ тому пресловутому хохлацкому упрямству, недовѣрчивости, подозрительности, настойчиво пятящимися передъ вещами самой элементарнѣйшей простоты и очевиднѣйшей полезности,—можетъ быть, тогда бы мы не утверждали съ такой увѣренностью, что хохлы отлично понимаютъ по-русски. Но пусть будетъ и такъ; пусть хохлы, вслѣдствіе постояннаго общенія съ великороссами, дѣйствительно изловчились понимать великорусскій говоръ такъ хорошо, какъ только можно этого желать. Но вѣдь это взрослые; а дѣти? Не можетъ же знаніе великорусскаго говора передаваться по наслѣдству. Ребенокъ въ своей хатѣ отъ матери и отца—допустимъ, отлично понимающихъ по-русски—слышитъ все-таки только малорусскій говоръ и съ нимъ приходитъ въ школу. Дѣтей же школьнаго возраста, не знающихъ никакого говора кромѣ родного,—а таково огромное большинство сельскихъ дѣтей,—будетъ смущать всякая особенность выговора: то же слово, но съ другимъ удареніемъ, уже будетъ звучать имъ дико. И такъ дико, уже въ силу одного выговора, будетъ звучать имъ по крайней мѣрѣ три четверти словъ литературнаго языка. А сколько словъ или прямо непонятныхъ или, что въ педагогическомъ смыслѣ еще хуже, такихъ, которыя при внѣшнемъ звуковомъ сходствѣ имѣютъ различное значеніе... Чтобъ не подвергнуться упреку въ голословности, приведемъ примѣры. Развернемъ наудачу сборникъ малорусскихъ дѣтскихъ пѣсенъ, сказокъ, и загадокъ (Дитьски писни, казкы и загадкы. Кыивъ, 1876) и читаемъ:

Два ведмеди, два ведмеди
Горохъ молотылы;
Два пивныка, два пивныка
До млына носылы.
А горобчыкъ, гарный хлопчыкъ
На скрыпочку грайе;
Гороблычка, гарна птычка,

Хатку замитайе.
А вороны, добри жоны,
Пишлы танцюваты;
Злетивъ крюкъ, вхопывъ дрюкъ,
Пишовъ пидганяты.

Всего въ этой пѣсенкѣ тридцать семь словъ. Изъ нихъ слѣдующія въ переводѣ на такъ называемый русскій языкъ, т.-е. литературный, звучатъ совсѣмъ иначе: ведмидь, пивныкъ, до млына, горобчыкъ, гарный, гарна, хлопчыкъ, гороблычка, хатка, крюкъ, вхопывъ, дрюкъ; слѣдующія звучатъ сходно, но не близко сходно: грайе, замитайе, пишлы, злетивъ, пишовъ, пидганяты; слѣдующія звучатъ близко сходно, но не тождественно: горохъ, добри, молотылы, носылы, на скрыпочку, птычка, танцюваты; наконецъ, слѣдующія звучатъ тождественно лишь съ свойственнымъ малорусскому выговору умягченіемъ конечной буквы въ существительныхъ: два, а, на, вороны, жоны (въ общемъ смыслѣ— женщины). Надѣемся, никто не заподозритъ въ томъ, что мы умышленно выбирали отрывокъ, заключающій большую пропорцію словъ и оборотовъ, отличающихъ великорусскій языкъ отъ малорусскаго. Итакъ, словъ, совершенно иначе звучащихъ по-русски, будетъ въ этой пѣсенкѣ 15 изъ 37, т.-е. 40%; звучащихъ болѣе или менѣе сходно—35%, и лишь остальное звучитъ совсѣмъ или почти тождественно.

Вотъ грубая цифровая схема, выражающая степень затемнѣнія головы хохлацкаго ребенка, поступающаго въ школу, гдѣ къ нему обращаются на общерусскомъ языкѣ. Около половины словъ совсѣмъ непонятныхъ, не имѣющихъ съ соотвѣтственными словами языка книжнаго звукового сходства,—кажется, пропорція достаточно внушительная. А сколько подбавляютъ къ затемнѣнію головы ребенка тѣ слова, которыя звучатъ на томъ и на другомъ языкѣ одинаково, но имѣютъ разные смыслы. Въ приведенномъ нами отрывкѣ встрѣчается только два случая подобнаго рода: «до млина», что по-русски никакъ не можетъ быть переведено «до мельницы», но «на мельницу», и «крюкъ» (воронъ). Но въ развернутой передъ нами книжкѣ рядомъ съ выписанной пѣсенкой стоитъ другая:

Ой у поли могыла,
Край могылы долына,
Край долыны ставочокъ,
Край ставочка гребелька,
Край гребелькы млыночокъ,
Край млыночка кладочка,
Край кладочкы лужечокъ.

Въ этой пѣсенкѣ на двадцать словъ десять разъ повторяются

слова, звучащія одинаково съ русскими, но имѣющія другой смыслъ: у (въ), край (около, возлѣ), могыла (курганъ), лужечокъ (лѣсочекъ па низинѣ). Въ педагогическомъ смыслѣ подобныя слова—настоящіе подводные камни: обманчивая тождественность звука неизбѣжно приводитъ къ непоправимой путаницѣ понятій. Возможно ли разумное развитіе ребенка, когда такъ попираются самыя элементарныя педагогическія требованія?

Мы указали лишь на самыя простыя и очевидныя педагогическія неудобства и необходимости, вытекающія изъ того, что малорусскаго ребенка начинаютъ въ школѣ учить не на его языкѣ, но на книжномъ или общерусскомъ. Но развѣ все исчерпывается этимъ? А та оригинальность мысли и чувства, которая находится въ тѣснѣйшей и непосредственной связи съ языкомъ народа, съ тѣмъ, что называютъ неопредѣленнымъ терминомъ духа языка? Живая связь, которую сохранилъ еще языкъ народа, между звукомъ и обозначаемымъ имъ предметомъ, точнѣе, впечатлѣніемъ отъ него, при передачѣ на чужой языкъ—исчезаетъ; всѣ ассоціаціи, которыя родные звуки возбуждаютъ съ цѣлымъ неистощимымъ запасомъ народнаго творчества—исчезаютъ, и т. д. и т. д. Глубокой правдой звучатъ приведенныя выше слова Весселя: «обучать на не-родномъ языкѣ, хоть бы и самомъ близкомъ и сродномъ, значитъ извращать самостоятельное умственное развитіе народа, извращать всю его духовную природу».

Но если бы противники малорусскаго языка ограничивались лишь возраженіями—это было бы еще пол-бѣды. Цѣлая бѣда въ томъ, что они приправляютъ свои возраженія острымъ соусомъ опасеній и наущеній. Чего они опасаются сами и чего наущаютъ опасаться другихъ?—трудно сказать съ опредѣленностью. Слово «сепаратизмъ» лишь въ минуты увлеченія срывалось съ ихъ перьевъ, и то больше въ смыслѣ гадательнаго будущаго, чѣмъ положительнаго настоящаго. Въ самомъ дѣлѣ, это было бы уже слишкомъ. Однако, они подпускали разные экивоки насчетъ государственнаго единства. Что же угрожало этому единству? Неужто это единство—единство внутри русскихъ областей—до такой жалости непрочно, что для него будетъ опаснымъ и то, если ребятишки въ школахъ будутъ начинать обученіе грамотѣ на ихъ областныхъ нарѣчіяхъ? Нѣтъ, дѣло, конечно, не въ этомъ, скажутъ намъ противники,—а въ томъ, что кроется за этимъ... Да что же, однако, кроется?

Съ половины XVII вѣка, южнорусскій народъ добровольно присоединился къ сѣвернорусскому. Вскорѣ послѣ присоединенія были

попытки отдѣльныхъ лицъ и политическихъ партій верхняго малорусскаго общественнаго слоя—козацкой старшины—разорвать возникшій союзъ: всѣ эти попытки разбивались объ активное или пассивное сопротивленіе народной массы. Присоединеніе это дало Малороссіи внѣшнюю безопасность, но оно не обошлось для нея безъ жертвъ. Можетъ быть, масса и не особенно цѣнила политическую автономію; но она не могла не цѣнить независимости въ ближайшихъ своихъ дѣлахъ, въ выборѣ священника для своего прихода, въ устройствѣ школы и т. п.; наконецъ, не могла же не цѣнить своей личной свободы, а и той пришлось лишиться при введеніи Екатериной крѣпостного права. И, однако, масса эта всетаки не дѣлала и тѣни какой-нибудь попытки разорвать союзъ. Отчего?—отъ апатіи, отъ косности? Однако, косность не мѣшала народу въ то же самое время на правой сторонѣ Днѣпра продолжать вести съ польскимъ государствомъ своеобразную гайдамацкую борьбу, которая стоила народу большихъ жертвъ и прекратилась лишь съ существованіемъ Польши. А вѣдь Сибирь не была страшнѣй Кодни и кнутъ не страшнѣй тѣхъ человѣческихъ гекатомбъ, которыя устраивали поляки, торжествовавшіе свои побѣды въ періодически наступавшіе моменты обостренія гайдамачины. Не зная ни этнографіи, сближающей южно русскій народъ съ сѣверно русскимъ, ни древняго періода совмѣстной исторіи, о которомъ не сохранилось воспоминаній въ народной малорусской исторической поэзіи,—малорусскій народъ, руководясь какимъ-то чутьемъ, избралъ слитіе съ великой Россіей за самый лучшій изъ представлявшихся ему выходовъ и, разъ установившись на этомъ, не сдѣлалъ ни разу ни малѣйшей попытки измѣнить свое рѣшеніе. И вдругъ ни съ того ни съ сего бьютъ тревогу объ опасности за государственное единство! И когда же? Когда политическая психологія малорусскаго крестьянина вѣковымъ процессомъ уже успѣла совершенно отлиться въ тѣ же общерусскія формы народной мужичьей политической психологіи, какими живетъ все крестьянство... Не страннѣй было бы, если бы вдругъ съ какой-нибудь литературной каланчи возвѣстилось, что новгородскій мужикъ вспомнилъ о своемъ вѣчевомъ колоколѣ и требуетъ его отъ Москвы обратно.

Впрочемъ, къ чести здраваго смысла нашихъ охранителей, надо сказать, что въ своихъ экивокахъ насчетъ государственнаго единства они никогда прямо не затрогивали народа. Дѣло, видите-ли, не въ немъ, а во вредно настроенныхъ людяхъ изъ малорусской интеллигенціи, которые замышляютъ сепаратизмы и угрожаютъ государственному единству...

Но, говорятъ ученые люди, всякій миѳъ, самый фантастическій, всегда имѣетъ въ основѣ хоть сколько-нибудь, хоть какое-нибудь зернышко реальнаго характера. Гдѣ же это зернышко въ охранительномъ миѳѣ о малорусскомъ сепаратизмѣ? Сами охранители могли бы, конечно, сдѣлать наиточнѣйшій анализъ своего миѳа; мы же должны ограничиться лишь догадками. Вотъ одна изъ нихъ. Въ Малороссіи ходятъ темныя преданія о нѣкіихъ, существовавшихъ во времена оны, фрондирующихъ барахъ, обрушенныхъ шляхтичахъ или ошляхетченныхъ русскихъ дворянахъ, которые мечтали якобы о какихъ-то бунчукахъ и булавахъ. Отчего они не печатали своихъ мечтаній на страницахъ «Русскаго Вѣстника?» Можетъ быть, потому, что «Русскій Вѣстникъ» не открылъ бы имъ объятій, памятуя государственное единство еще тверже, чѣмъ аристократическіе принципы; а можетъ быть и потому, что «Русскаго Вѣстника» еще и на свѣтѣ въ то время не было. Какъ бы то ни было они мечтали лишь про себя, въ тиши своихъ болѣе или менѣе роскошныхъ усадебъ, никакими звуками, ни движеніями не выдавая своихъ мечтаній, и потомъ повымирали себѣ такъ же мирно и безмятежно, какъ жили. Остался послѣ нихъ лишь темный слухъ о ихъ существованіи, который пошелъ бродить по свѣту и невѣдомыми путями забрелъ въ охранительныя редакціи; встрѣтивъ тамъ тучную почву, онъ пустилъ корни, разросся до предѣловъ такого громаднаго призрака, что изъ-за него начали охранители взывать даже къ экстреннымъ государственнымъ мѣрамъ. Впрочемъ, все это наша догадка, на которой мы не настаиваемъ особенно. Стоимъ мы твердо лишь на томъ фактѣ, что для малорусской школы малорусскій языкъ нимало не вреденъ.

Мы знаемъ, что въ верхнемъ слоѣ южнорусскаго, какъ и всякаго другого русскаго общества, есть группа людей, желающихъ укрѣпить свои общественные идеалы на народной почвѣ и стремящихся дѣйствовать въ интересахъ народа. Группа эта по всей Россіи еще не строго опредѣленная партія, такъ какъ «интересы народа» еще не достаточно выяснившійся терминъ...

Но тѣмъ не менѣе, этотъ еще не вполнѣ выяснившійся лозунгъ, сбираетъ около себя все, что есть въ русской землѣ живого и честнаго, даже изъ лицъ противоположныхъ лагерей, сбираетъ, если не на полѣ дѣйствія, то на полѣ сочувствія. Какъ интересы южнорусскаго народа въ главныхъ и существенныхъ чертахъ не отличаются отъ интересовъ сѣвернорусскаго, такъ не отличаются и интересы тѣхъ группъ изъ верхнихъ слоевъ сѣверно и южнорусской интеллигенціи, которыя хотятъ созидать свои общественные идеалы

*

на почвѣ народныхъ желаній и потребностей. Однако нельзя сказать, чтобъ малорусская интеллигентная группа, о которой мы говоримъ, не отличалась совсѣмъ отъ соотвѣтствующей группы великорусской. Есть нѣкоторая разница, коренящаяся въ особенностяхъ общественной психологіи обѣихъ половинъ русской народности. Въ малороссѣ, какъ крестьянинѣ, такъ и интеллигентномъ человѣкѣ, по сравненію съ великороссомъ, гораздо живѣе чувство любви къ родинѣ, къ тому углу, съ которымъ связываются его первыя непосредственныя дѣтскія впечатлѣнія. Великороссъ по преимуществу скиталецъ, у котораго есть отечество, но нѣтъ родины; малороссъ—человѣкъ земли, угла, своего хутора. Это необходимо отражается и на міросозерцаніи интеллигентнаго человѣка той и другой половины русскаго міра. Интеллигентный малороссъ болѣе склоненъ сливать свои теоретическія симпатіи къ народу—съ конкретнымъ образомъ мужика-хохла съ его волами, съ его хатой, со всей его хохлацкой обстановкой; интеллигентный великороссъ больше тяготѣетъ къ отвлеченному мужику, къ обще-мужику, У послѣдняго нѣтъ такой психологической потребности воплощать свой мужицкій культъ въ образѣ опредѣленнаго мужика, съ такимъ или инымъ говоромъ, въ лаптяхъ или чоботахъ, съ сохой или плугомъ, съ православнымъ чумакомъ или жидомъ, запускающимъ руку въ его тощій карманъ. На чьей сторонѣ преимущество, да и можетъ ли быть тутъ вообще рѣчь о преимуществѣ,—этого мы не беремся рѣшать; да и не въ этомъ дѣло. Но мы должны указать на то, что изъ этой разницы выходитъ вотъ какое слѣдствіе. Малорусскій интеллигентный человѣкъ обнаруживаетъ менѣе наклонности увлекаться широкими теоретическими построеніями и больше способности становиться на реальную почву конкретныхъ потребностей своего мужика.

Слѣдовательно, съ этой стороны нимало, конечно, не угрожаетъ государственному единству то чисто педагогическое соображеніе, что въ южно-русской народной школѣ слѣдуетъ пользоваться языкомъ мѣстнаго населенія, какъ необходимымъ подспорьемъ при первоначальнолъ обученіи, какъ ступенью для правильнаго перехода къ языку общерусскому, или литературному. Вопросъ о таковомъ педагогическомъ употребленіи областныхъ нарѣчій не нами, русскими, начался, не нами и кончится. Германія и Франція—передовыя изъ европейскихъ странъ по развитію въ нихъ объединительнаго государственнаго принципа, и на нихъ, обыкновенно, указываютъ охранители, какъ на поучительный примѣръ того, до какихъ блестящихъ результатовъ доводитъ объединеніе языка и куль-

туры. Но примѣръ оказывается, дѣйствительно, поучительнымъ, да только на-изнанку.

Германія, классическая страна педагогики, обладаетъ цѣлой богатой литературой, касающейся вопроса о введеніи въ народную школу преподаванія на областныхъ нарѣчіяхъ. Тамъ этотъ вопросъ возбудился особымъ, чисто нѣмецкимъ способомъ, при посредствѣ ученыхъ филологовъ. Гриммъ и другіе изслѣдователи нѣмецкаго языка, въ его развѣтвленіяхъ, измѣнили господствовавшій до тѣхъ поръ въ общественномъ сознаніи взглядъ на отношеніе литературнаго верхне-нѣмецкаго языка къ областнымъ нарѣчіямъ. Благодаря ихъ работамъ, сдѣлалось уже невозможнымъ дальше смотрѣть на областные говоры, какъ на порчу чистаго языка: оказалось, что областные говоры питаютъ собою литературный языкъ, который безъ нихъ закаменѣлъ бы въ мертвыхъ формахъ; что лишь при помощи ихъ возможно возстановить правильную картину жизни языка во всемъ его разнообразіи и ростѣ и т. д.; что, слѣдовательно, прямой интересъ—не уничтожать нарѣчій, буде бы это оказалось возможнымъ, а оберегать, изслѣдовать, заботиться о нихъ. Однимъ словомъ, оказалось кое-что неожиданное для науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оно обыкновенно бываетъ, и для жизненной практики. Педагоги пошли навстрѣчу измѣнившимся взглядамъ на языкъ. Они не могли не пойти, такъ какъ ихъ неизбѣжно толкали на этотъ путь самыя основныя положенія ихъ педагогическихъ теорій. Могъ ли уклониться отъ этого пути, напримѣръ, Дистервегъ, который утверждаетъ, что «новое должно быть объясняемо посредствомъ стараго, неизвѣстное посредствомъ извѣстнаго,—другой дороги нѣтъ, другіе способы невозможны» и, что «привязать человѣка къ родинѣ (въ смыслѣ мѣстномъ, областномъ), научить его не только познавать эту родину, но и воодушевить его любовью къ ней, ея свойствамъ и особенностямъ—вовсе не значитъ покровительствовать провинціальной узости, а, напротивъ, укрѣпить корни его силы, корни, которые заключаются въ почвѣ его родины, въ особенностяхъ его земляковъ, въ ихъ исторіи»? Исходя изъ такихъ положеній, Дистервегъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ тому, что «учитель долженъ обращать вниманіе на языки, которыми объясняются ученики при вступленіи въ школу»; но онъ не рѣшался взять на себя выясненіе того, въ какой формѣ должно выражаться это вниманіе, предоставляя этотъ вопросъ рѣшить учителямъ-практикамъ.

Интересно, что еще раньше другой знаменитый педагогъ, Пе-

сталоцци, утверждая, что «рѣчь есть отраженіе всякаго впечатлѣнія, производимаго на насъ природой», самъ употреблялъ въ «Лингардѣ и Гертрудѣ» областныя выраженія, тамъ, гдѣ находилъ для себя недостаточнымъ литературнаго языка.

Практическая разработка такого вопроса, какъ введеніе мѣстнаго нарѣчія въ школу, конечно, должна была возбудить массу затрудненій и недоразумѣній. Ясно, что нарѣчіями надо пользоваться въ первые школьные годы, когда ребенокъ не усвоилъ еще себѣ литературнаго языка; ясно, что изученіе книжнаго языка должно идти путемъ сравненія съ нарѣчіемъ, такъ какъ такимъ путемъ изученіе формъ книжнаго языка—всего того, что въ школахъ извѣстно подъ отталкивающимъ именемъ грамматики—выигрываетъ въ интересѣ, сознательности, а слѣдовательно, прочности и плодотворности. Но этихъ ясныхъ положеній еще недостаточно, чтобъ съ помощью лишь ихъ однихъ точно опредѣлить то мѣсто, какое должны занимать нарѣчія въ школѣ. Отсюда разнорѣчія между педагогами. Одни требуютъ, чтобъ учитель самъ вначалѣ говорилъ на нарѣчіи и чтобы нѣкоторые школьные предметы преподавались лишь на нарѣчіи: такъ, ожидаютъ хорошихъ результатовъ отъ того, если законъ Божій будетъ всецѣло идти на мѣстномъ, а не на общемъ языкѣ. Другіе, какъ напримѣръ, довольно извѣстный въ нѣмецкой учено-педагогической литературѣ Альбертъ Рихтеръ, авторъ книги: «Преподаваніе на родномъ языкѣ и его народное значеніе», находятъ, что не слѣдуетъ отводить нарѣчіямъ такого большого и прочнаго мѣста. Достаточно, если учитель постепенно будетъ замѣнять нарѣчіе литературнымъ языкомъ, если онъ будетъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы обращать вниманіе учениковъ на особенности ихъ нарѣчія, на законность и красоту этихъ особенностей, если онъ пріучитъ учениковъ относиться съ уваженіемъ къ своему говору, не выдавая его за неправильный и испорченный по отношенію къ литературному языку. Педагоги эти, такъ сказать, болѣе умѣренные въ своихъ требованіяхъ относительно роли нарѣчій въ школѣ, главнымъ образомъ руководствуются соображеніями тѣхъ непреодолимыхъ трудностей, какія представятся учителю при иной постановкѣ дѣла, такъ какъ нарѣчія въ большинствѣ случаевъ не разработаны научнымъ образомъ, а учителя не имѣютъ достаточно солиднаго филологическаго образованія. Этотъ представитель болѣе умѣренной фракціи педагоговъ, Рихтеръ, требуетъ широкаго примѣненія мѣстнаго элемента въ книгѣ для чтенія. Каждый районъ типическаго очертанія долженъ имѣть свой читальникъ, который не

можетъ имѣть иного значенія, какъ провинціальное. Это, конечно, не исключаетъ общаго ствола, пригоднаго для читальниковъ всѣхъ мѣстностей. Но мѣстный характеръ долженъ быть строго выдержанъ. Въ читальникѣ «необходимо должны найти себѣ мѣсто сказанія и пословицы соотвѣтственной мѣстности—сколько возможно на діалектѣ. Далѣе—картины изъ жизни природы и людей, насколько эта мѣстность представляетъ собою что-либо особенное, отличительное. Гдѣ имѣются поэтическія воспроизведенія какой-либо мѣстности, на нихъ должно быть обращено вниманіе. Прославленіе тѣсной родины чрезвычайно важно. Подобно тому, какъ мы научаемся уважать въ собственномъ народѣ всѣ народы, въ отечествѣ—всѣ страны, такъ точно и тутъ уваженіе къ небольшой части производитъ свое вліяніе на возбужденіе уваженія къ цѣлому».

Такого же рода педагогическіе вопросы подняты были во Франціи г. Бреалемъ, парижскимъ профессоромъ сравнительнаго языкознанія, въ книгѣ: «Нѣсколько словъ объ общественномъ образованіи во Франціи». Уже не говоря объ уваженіи къ провинціальнымъ языкамъ, стоящимъ независимо отъ французскаго, какъ напр., языкъ Бретани или страны Басковъ, онъ требуетъ, какъ во имя филологической науки, такъ и во имя здравой педагогики, признанія за всѣми французскими нарѣчіями ихъ правъ на участіе въ образованіи ребенка. Его глубоко возмущаетъ то установившееся отношеніе къ провинціальнымъ нарѣчіямъ, которое понимаетъ ихъ лишь какъ каррикатуру и искаженіе языка господствующаго. Онъ съ разныхъ пунктовъ доказываетъ, какъ выиграли бы теорія и практика воспитанія, если бы онѣ взяли на себя борьбу съ господствующимъ предразсудкомъ, а не слѣпое потворство ему. «Не первое ли это изъ благъ, если у васъ не отнимаютъ вашего собственнаго языка, для того, чтобы заставить васъ усвоить языкъ Парижа? Если, по счастію, провинція ваша имѣетъ нѣсколько авторовъ, такихъ какъ Жасменъ, Руманиль или Мистраль (провансальскіе поэты), читайте эти книги наряду съ французскими. Дитя будетъ гордиться своей провинціей и только еще больше будетъ любить Францію. Духовенство хорошо знаетъ эту силу родного діалекта и умѣетъ при случаѣ пользоваться имъ: ваша же культура часто безъ корней и глубины, потому что вы не признавали силы мѣстныхъ связей. Нужно, чтобы школа была прикрѣплена къ почвѣ, а не только просто сверху положена на нее... Пусть не боятся, что авторитетность оффиціальнаго языка будетъ поколеблена,—этой опасности нѣтъ; достаточно литературы, публицистики и администраціи для того, чтобъ напомнить во-время о необходимости его».

Выше мы указали на то, какъ хорошо былъ поставленъ и у насъ вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ обученіи, мѣстныхъ нарѣчіяхъ вообще и малорусскомъ въ частности, даровитѣйшими представителями нашей педагогической литературы; указали и на то, какъ неожиданно перешелъ онъ изъ сферы педагогической литературы въ сферу литературы охранительной. Но, помимо этихъ спеціальныхъ литературныхъ вѣдомствъ, этотъ вопросъ не могъ быть обойденъ и общей литературой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не затрогивалъ онъ одного изъ насущнѣйшихъ интересовъ народа? Но литература наша, надо сказать правду, не погрѣшила относительно него излишнимъ вниманіемъ. Послѣднее десятилѣтіе она, можно сказать, почти совсѣмъ его не касалась (исключеніе—Вѣстникъ Европы, въ которомъ, въ 1874 г., появилась обстоятельная статья: «Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи»—мы воспользовались изъ нея многими фактами, особенно относительно Франціи и Германіи); отчасти это объясняется положеніемъ дѣлъ, такъ какъ при министерствѣ гр. Толстого толковать объ этихъ вещахъ практически было совсѣмъ лишнимъ. Въ шестидесятыхъ же годахъ, особенно въ началѣ ихъ, когда просвѣтительные вопросы были въ полномъ ходу и эта сторона дѣла была рѣзко поставлена и ярко освѣщена, главнымъ образомъ, южнорусскими дѣятелями, литература не могла совсѣмъ обойти поднимающагося движенія. Но не обошла именно только потому, что не могла обойти ради, такъ сказать, литературныхъ приличій. На самомъ же дѣлѣ видно было, что ей, собственно говоря, все равно; что вопросъ ее мало интересуетъ, что онъ имѣетъ для нея лишь второстепенное, частное, мѣстное значеніе. Ни одинъ литературный органъ не удостоилъ разобрать этотъ вопросъ по существу, по его дѣйствительному отношенію къ народнымъ интересамъ и потребностямъ; всѣ ограничивались тѣмъ, что изрекали ему приговоры, исходя изъ своихъ общихъ представленій, а то иногда и Богъ знаетъ изъ чего. Изъ общихъ представленій исходили обыкновенно блѣдные, такъ называемые, либеральные органы, которые, выдерживая свои либеральные принципы, всегда снисходительно разрѣшали и мѣстнымъ элементамъ существовать, сколько имъ пожелается: странныя и совсѣмъ неожиданныя сужденія появлялись въ органахъ болѣе цвѣтной окраски. Извѣстно, что почвенные органы Достоевскихъ «Время» и «Эпоха», совершенно въ духѣ своего общаго міровоззрѣнія, взяли подъ защиту гр. Толстого и его педагогическіе принципы; но въ то же самое время, уже совершенно неизвѣстно въ какомъ духѣ, заявили себя противниками употребленія малорус-

скаго языка въ южнорусской народной школѣ—тульскій-де мужикъ имѣетъ право на почву, а у полтавскаго еще носъ не доросъ. Это было уже совсѣмъ несообразно. Славянофилы, представителемъ которыхъ былъ въ тѣ времена «День», по своему обыкновенію, сидѣли между двухъ стульевъ, народности и государственности, областности и централизаціи, и потому не могли обойтись безъ компромиссовъ. Они вымудрили себѣ относительно малорусскаго языка такое рѣшеніе, что онъ, дескать, можетъ быть допущенъ «для домашняго обихода». Надо думать, что народная школа должна была входить въ домашній обиходъ. Спасибо и за то, такъ какъ, собственно, ни о чемъ другомъ, кромѣ домашняго обихода, какъ слѣдуетъ понимаемаго, и рѣчи не заводилось.

Но въ то же самое время, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, былъ одинъ литературный органъ, который не только усвоилъ себѣ въ теоріи положеніе о необходимости мѣстнаго элемента въ народномъ обученіи, но и разработывалъ его практически, примѣнительно къ той мѣстности, интересы которой онъ взялся представлять. Это была «Основа»—органъ южнорусской интеллигенціи, т.-е. той ея части, которая пришла къ сознанію всего зла, происходящаго отъ разрыва ея съ народомъ, и которая, исходя изъ этого сознанія, рѣшилась дѣйствовать по своему крайнему разумѣнію, для наполненія этого разрыва, для слитія съ народомъ. Она понимала тогда это слитіе такъ. Одно теченіе должно было идти снизу вверхъ, отъ народа къ интеллигенціи, должно было оживить мысль и чувство культурнаго человѣка элементами народной мысли и чувства, именно: интеллигенція должна была взять отъ народа его богатый, живой языкъ, должна была изучать духъ народа, поскольку онъ проявляется въ его исторіи, въ его преданіяхъ, поэзіи, міросозерцаніи и формахъ жизни... Другое теченіе должно было идти отъ интеллигенціи къ народу, именно: интеллигенція должна была дѣлиться съ народомъ плодами своихъ знаній и высшей культуры, ничего не навязывая народу, а лишь сообщая удовлетворяющее той или другой сознанной и выясненной народной потребности. Понятно, какое вниманіе должно было удѣлять съ этой точки зрѣнія народной школѣ. А между тѣмъ и оживившаяся педагогика изъ общихъ педагогическихъ основаній развивала тѣ же принципы, къ которымъ южнорусская интеллигенція подходила съ другой стороны. Все это возбудило на Югѣ необычайное общественное вниманіе къ вопросамъ народнаго обученія, вниманіе, литературнымъ выразителемъ котораго явилась «Основа».

На Югѣ впервые появились воскресныя школы и быстро распро-

странились по всѣмъ южнорусскимъ городамъ и городишкамъ; по селамъ всюду помѣщики одинъ передъ другимъ заводили школы. «Основа» самымъ внимательнымъ образомъ слѣдила за этимъ движеніемъ, посвящая ему постоянно обстоятельныя хроники. Но изъ факта этого движенія необходимо вытекалъ вопросъ—какъ и чему учить? Общимъ міровоззрѣніемъ «Основы» обусловливались два положенія: учить слѣдуетъ непремѣнно на народномъ языкѣ и учить тому, чему желаетъ учиться народъ, лишь постепенно и послѣдовательно расширяя кругъ его воззрѣній. Но для ученья нужны подходящія учебныя книги, а ихъ нѣтъ. И вотъ на созданіе то учебной литературы для народа и направилось главное вниманіе «Основы», т.-е. той части южнорусской интеллигенціи, которую она представляла. Одна за другой начали появляться азбуки на малорусскомъ языкѣ, болѣе или менѣе приноровленныя къ народу и вообще спеціальнымъ требованіямъ южно-русской народной школы; больше другихъ имѣла успѣха граматка г. Кулиша, которая быстро разошлась, хотя была издана въ большомъ количествѣ экземпляровъ. За азбуками появились на народномъ языкѣ ариѳметики и другія необходимыя для школы книги. Со всѣхъ концовъ южнорусскаго края стали появляться извѣстія, что обученіе на родномъ языкѣ идетъ очень успѣшно, что народъ быстро освоивается съ новой школой, что школьное дѣло становится на твердую почву, возбуждая къ себѣ общія народныя симпатіи. Дѣло развивалось. Однѣхъ граматокъ, ариѳметикъ съ небольшимъ количествомъ поэтическихъ и беллетристическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ казалось уже недостаточнымъ. «Основа» разработываетъ мысль о томъ, что необходимо дальше двигаться въ созданіи учебной литературы для школы и народа: необходимы разнообразныя книги и—нравственнаго содержанія, какъ питающія нравственныя основы народнаго характера, и такія, которыя должны знакомить съ природой и ея законами, и такія, которыя должны помогать народу оріентироваться въ его общественномъ положеніи. Журналъ обращается къ южнорусскому обществу за содѣйствіемъ трудомъ и матеріальными средствами. Общество энергично откликается на призывъ. Отдѣльныя лица, кружки, студенты кіевскаго университета начинаютъ работать надъ составленіемъ малорусскихъ книжекъ для народа по заявленной «Основой» программѣ; въ редакцію «Основы» стекаются съ разныхъ сторонъ пожертвованія на изданіе этихъ книжекъ. Казалось, малорусскому Югу суждено было явить примѣръ того, какъ можетъ и должна служить интеллигенція своему народу и интересамъ мирнаго общественнаго прогресса. Но наступившая

реакція въ зародышѣ прервала начавшееся движеніе: послѣ всего лишь двухъ лѣтъ существованія, «Основа» прекратилась; издательская дѣятельность для народа подверглась стѣсненіямъ; воскресныя школы закрыты; мѣстный языкъ безусловно изгнанъ изъ школъ. Мало того: въ заботахъ о народной школѣ начали выступать на первый планъ не соображенія педагогическаго значенія мѣстнаго ли или какого-либо другого элемента, а соображенія и интересы политики и полицейскаго надзора.

Но южнорусская интеллигенція, несмотря на всю массу внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій, не оставляла мысли работать для народа въ намѣченномъ ею направленіи. Когда около половины семидесятыхъ годовъ реакція временно ослабла, въ Кіевѣ появилось множество книгъ для народа на малорусскомъ языкѣ, самаго разнообразнаго содержанія: и нравственнаго, и историческаго, и естественно-историческаго, и практическаго. Мы не говоримъ о замѣчательныхъ научныхъ изданіяхъ изъ области народной словесности. Теперь и введеніе народнаго языка въ школу не встрѣтило бы недостатка въ книжныхъ пособіяхъ. Правда, до сихъ поръ еще не были возобновлены мѣстныя изданія собственно педагогическаго характера, т.-е. азбуки и мѣстные читальники, но, нѣтъ сомнѣнія, они появились бы тотчасъ же, какъ жизнь предъявила бы на нихъ запросъ.

Мы читали, что одно изъ южнорусскихъ земствъ (уѣздное черниговское) постановило ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о допущеніи малорусскаго языка въ мѣстную народную школу. Вѣроятно, за этимъ ходатайствомъ послѣдуютъ и другія.

ФИЛОСОФЪ ИЗЪ НАРОДА [1].

Въ наступившемъ году, въ октябрѣ, минетъ сто лѣтъ со дня смерти Григорія Саввича Сковороды, и нѣтъ сомнѣнія, что харьковскій университетъ почтитъ его память юбилеемъ.

«Сковорода, университетъ, юбилей... что́-бы сей сонъ значилъ?» подумаетъ, вѣроятно, каждый великорусскій читатель; но южнорусскій навѣрно отнесется иначе: «А, Сковорода! Вѣдь его портретъ висѣлъ у отца въ кабинетѣ!»—«Большой чудакъ былъ покойникъ, должно быть! Помню, дѣдушка разсказывалъ, что онъ нерѣдко живалъ у нихъ на пасѣкѣ»...—«Да, да, сковородинскіе псальмы поютъ слѣпцы, и въ «Наталкѣ Полтавкѣ»: «Всякому городу нравъ и права»—тоже сковородинское»...—«Экая жалость! Еще недавно въ кладовой валялась книжонка сочиненій Сковороды: взглянулъ-бы теперь, а ее какъ нарочно мыши изгрызли!»—«Слыхалъ я, что у сосѣдняго батюшки было много тетрадей—рукописей Сковороды, да матушкѣ понадобилась какъ-то бумага на оклейку, она и порѣзала все» и т. д. и т. д.

Но хотя южноруссъ, особенно лѣвобережный, и не поразится этимъ страннымъ и вульгарнымъ именемъ, тѣмъ не менѣе у него въ сознаніи не будетъ яснѣе,—кто такой былъ Сковорода, почему его будутъ чтить, въ чемъ его заслуги передъ современниками или потомствомъ?

Не будетъ удивленъ развѣ только читатель изъ духовныхъ, который можетъ припомнить, что въ исторіи философіи архимандрита Гавріила упоминается и Сковорода, помѣщенный между архіепископомъ бѣлорусскимъ Георгіемъ Конисскимъ и митрополитомъ московскимъ Платономъ Левшинымъ; да еще записной философъ, который знаетъ, что и въ приложеніи къ переводу знаменитаго сочиненія Ибервега «Исторія новой философіи», сдѣланному г. Колубовскимъ,

---

[1]) Книжки „Недѣли". 1894. № 1.

сказано: «Мистикъ Сковорода можетъ считаться первымъ русскимъ философомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова». Да и то въ его признаніе, основанное на слѣпой вѣрѣ, вкрадется недоразумѣніе: можно или нѣтъ считать Сковороду первымъ русскимъ настоящимъ философомъ, а тѣмъ болѣе—можно-ли считать его мистикомъ?

А юбилей въ Харьковѣ все-таки будетъ. Та территорія, которую Сковорода исходилъ вдоль и поперекъ собственными ногами, разнося какъ по панскимъ дворамъ, такъ и по крестьянскимъ хатамъ свѣтъ своей «новой славы», слишкомъ тѣсно связана съ нимъ духовными нитями, присутствіе которыхъ хотя сознается и смутно, но тѣмъ не менѣе чувствуется. Юбилей будетъ, и надо надѣяться, освѣтитъ болѣе или менѣе полно эту туманную, но несомнѣнно высокодаровитую и чрезвычайно оригинальную фигуру, такъ сильно поражавшую мысли и чувства не только современниковъ, но и ближайшаго потомства. Прилетѣли новыя птицы, запѣли новыя пѣсни; но это не даетъ намъ права быть неблагодарными, тѣмъ болѣе, что Сковорода несъ на алтарь своего служенія не избытки отъ своихъ душевныхъ богатствъ, а самую душу, кровь своего сердца. Тѣмъ не менѣе культурные люди края успѣли забыть его довольно основательно. За то его помнитъ народъ. Въ разныхъ мѣстахъ существуютъ о немъ разсказы и легенды, а главное, вездѣ знаютъ и поютъ его духовные стихи, которые вошли въ циклъ произведеній народнаго пѣсеннаго творчества на полныхъ правахъ гражданства. А такая память стóитъ юбилейныхъ торжествъ...

I.

Несомнѣнно, природа слѣпила Сковороду изъ того драгоцѣннаго матеріала, который она хранитъ въ скудномъ запасѣ для людей «дѣлающихъ эпохи». Но тѣмъ не менѣе Сковорода никакой эпохи не сдѣлалъ, и въ этомъ-то заключается, вѣроятно, объясненіе того страннаго обстоятельства, что мы какъ-бы и помнимъ, а съ другой стороны, какъ-бы и совсѣмъ забыли Сковороду; отчетливо чувствуемъ, что надо чтить его память, и неясно сознаемъ, за что мы его должны чтить. Очевидно, природа сдѣлала по отношенію къ Сковородѣ ошибку: онъ явился не въ надлежащее время и не въ надлежащемъ мѣстѣ.

Сковорода родился въ 1722 году, въ с. Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи; умеръ въ селѣ Панъ-Ивановкѣ, Харьковскаго уѣзда, въ октябрѣ 1794 года; лѣвобережная Малороссія съ Слободской Украйной—вотъ та территоріальная арена, на которой дѣйствовалъ Сковорода.

18-й вѣкъ для лѣвобережной Малороссіи былъ эпохой съ своеобразной окраской. Снаружи все было тихо: никакихъ яркихъ событій, бурь, переворотовъ. Казалось, жизнь края, еще такъ недавно бурлившая внѣ всякаго русла, вошла окончательно въ берега и елееле движетъ свои мутныя и сонныя струи. Но на самомъ дѣлѣ эта мутная рябь верхняго теченія укрывала собою очень дѣятельную работу перемѣщенія и новой формировки общественныхъ элементовъ. Волею Петра Малороссія была накрѣпко припряжена къ русскому государственному тяглу, но исполнять свое новое назначеніе какъ слѣдуетъ она могла лишь произведя крупныя измѣненія въ формахъ и условіяхъ своего общественнаго строя. Эти измѣненія при данномъ положеніи были фатально неизбѣжны, и произошли они съ чрезвычайной быстротой. Козачество, еще недавно центральный элементъ строя, перешло на положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, хлѣборобовъ и чумаковъ, безъ всякихъ притязаній на какое бы то ни было политическое значеніе; козацкая старшина образовала новое дворянское сословіе; всѣ свободные сельскіе люди какъ земельные собственники, не вошедшіе въ козацкіе компуты, такъ и беземельные, очутились въ крѣпостной зависимости у новыхъ дворянъ. И все это произошло на глазахъ какихъ-нибудь двухъ поколѣній.

Понятно, какая усиленная работа переформировки и приспособленія шла въ этомъ обществѣ; понятно, какую плохую почву представляло это общество для той страстной проповѣди личной раціоналистической нравственности, какую преподносилъ ему Сковорода. Онъ проповѣдывалъ разумно-нравственное а въ условіяхъ жизни все, происходило совсѣмъ иначе, и ужъ, конечно, не тѣ люди, которые извлекали выгоды изъ измѣненія условій, могли активно прислушиваться къ его словамъ; тѣ же, которые явились жертвами условій, прислушивались несомнѣнно и кое-что запоминали такъ твердо, что помнятъ и до сихъ поръ. Но эти послѣдніе не могли оцѣнить Сковородинской учености: они были глухи къ аргументамъ отъ Сенеки, Платона или нѣмецкой философіи. Тѣ же, кто могъ взвѣшивать ученые аргументы, предпочитали классикамъ и нѣмецкимъ философамъ французскій языкъ и французскихъ писателей, знаніе которыхъ, сообщая блескъ образованности, обезпечивало вмѣстѣ съ тѣмъ

и успѣхи на жизненномъ поприщѣ. Тѣмъ не менѣе Сковороду слушали всѣ, слушали и тѣ, противъ кого онъ направлялъ свое страстное обличительное краснорѣчіе, полное злыхъ сарказмовъ,—и это большое доказательство его выдающейся силы.

Повидимому, необходимымъ аттрибутомъ всякой выдающейся силы надо считать ея стремленіе къ самоопредѣленію. Сковорода съ этой точки зрѣнія необыкновенно типиченъ. Правда, обстоятельства его жизни мало извѣстны; хотя свѣдѣній о немъ сохранилось порядочное количество, но все это скорѣе передача впечатлѣній отъ его личности, чѣмъ объективный біографическій матеріалъ. Вѣроятно, Сковорода не любилъ занимать другихъ своей особой, и потому его друзья и знакомые такъ мало могли передать о немъ точныхъ фактовъ [1]). Тѣмъ не менѣе, изъ всего дошедшаго до насъ ясно, что этотъ человѣкъ самъ въ себѣ носилъ свой идеалъ жизни и творилъ жизнь по этому идеалу, не зная, что такое среда съ ея заѣдающими вліяніями, что такое сдѣлка, приспособленіе.

Сковорода съ ранняго дѣтства обнаруживалъ большую склонность къ ученью и музыкальность. Способныя козацкія дѣти въ Малороссіи часто поступали въ кіевскую академію: родители расчитывали вдвинуть ихъ черезъ образованіе въ ряды старшины или духовенства. Очутился въ академіи и Сковорода. Но, благодаря прекрасному голосу и музыкальнымъ способностямъ, онъ былъ взятъ изъ академіи для пѣвческой капеллы при дворѣ Елизаветы Петровны. Это все, что мы знаемъ относительно дѣтства и ранней юности Сковороды. 22-хъ лѣтъ онъ вернулся на родину, въ Кіевъ, и, повидимому, опять поступилъ въ академію. По крайней мѣрѣ, существуетъ разсказъ о томъ, какъ кіевскій архіерей хотѣлъ посвятить его въ священники, и онъ, чтобы отдѣлаться какъ-нибудь, притворился психически больнымъ, началъ заикаться, такъ что его оставили въ покоѣ. Ясно одно, что онъ очень много учился, такъ какъ успѣлъ пріобрѣсти большія познанія даже и внѣ круга академическихъ наукъ. Въ такихъ душевныхъ организаціяхъ жажда знанія ненасытима: онѣ ищутъ въ знаніяхъ внутренняго свѣта, безъ котораго существованіе представляется имъ немыслимымъ. Но гдѣ взять этихъ знаній и этого свѣта?. Конечно, за границей. Малороссовъ никогда не пугала Европа; но не каждый рѣшился бы знакомиться съ нею при такихъ

---

[1]) Кто заинтересовался бы ближе личностью Сковороды, укажемъ на біографію, составленную Г. П. Данилевскимъ въ журналѣ „Основа" за 1861 годъ (или въ книгѣ „Украинская Старина"), и записки Коваленскаго въ „Кіевской Старинѣ" 1886 года, кн. IX.

условіяхъ, какъ Сковорода. Онъ пристроился было къ свитѣ генералъ-маіора Вишневскаго, отправлявшагося «къ токайскимъ садамъ», то-есть для закупки къ двору Елизаветы токайскихъ винъ; былъ нѣкоторое время дьячкомъ при православной церкви въ Офенѣ, а потомъ отправился странствовать по Европѣ. Почти безъ всякихъ средствъ, пѣшкомъ, съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукѣ обошелъ онъ Венгрію, Польшу, Германію и Италію. Благодаря тому, что Сковорода хорошо зналъ языки греческій, латинскій, а также и нѣмецкій, онъ могъ заводить знакомства и сношенія съ учеными людьми, долженъ былъ дѣлать это и дѣлалъ, по словамъ его біографовъ; но опять-таки мы рѣшительно ничего не знаемъ, что это были за ученые люди, въ какихъ умственныхъ центрахъ или умственныхъ теченіяхъ искалъ онъ удовлетворенія своихъ стремленій, нашелъ ли онъ хотя отчасти то, чего искалъ, и если нашелъ, то гдѣ и въ чемъ.

Какъ бы то ни было, Сковорода вернулся на родину, въ восточную Малороссію, сложившимся человѣкомъ. Средствъ къ жизни у него не было никакихъ; но, благодаря остроумію и краснорѣчію, его выдающійся умъ и образованіе не могли долго оставаться подъ спудомъ. Тѣмъ не менѣе Сковородѣ, при особенностяхъ его натуры и міровоззрѣнія, не такъ-то легко было извлечь изъ своихъ талантовъ даже и тѣ ничтожныя средства къ жизни, въ какихъ онъ нуждался. Единственное оффиціальное положеніе, съ которымъ онъ въ идеѣ и мирился, было педагогическое; но при всякой попыткѣ устроиться онъ неизбѣжно наталкивался на подводные камни.

Вскорѣ по возвращеніи изъ-заграницы онъ былъ приглашенъ на мѣсто учителя поэзіи въ Переяславскую семинарію. Въ семинаріи господствовалъ еще Симеонъ Полоцкій. Сковорода хотѣлъ ввести въ свое преподаваніе новые взгляды на предметъ и написалъ «Руководство о поэзіи.» Однако епископъ требовалъ, чтобы преподаваніе шло по-старинѣ. Сковорода, конечно, не могъ подчиниться такому требованію, ссылался на авторитеты и свое письменное объясненіе епископу усилилъ изреченіемъ: «alia res spectrum, alia plectrum» (одно дѣло пастырскій жезлъ, другое пастушья свирѣль). Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ не менѣе выразительную надпись: «Не живяше посреди дому моего творяй гордыню». И Сковорода былъ изгнанъ.

Потомъ мы видимъ, какъ онъ пробуетъ устроиться педагогомъ въ частномъ домѣ, беретъ мѣсто наставника сына одного богатаго и вельможнаго землевладѣльца Тамары. Воспитанникъ привязался

къ воспитателю, и Сковорода терпѣливо сносилъ панскую спесь, которая не позволяла пану даже разговаривать съ воспитателемъ своего сына,—сносилъ тѣмъ болѣе терпѣливо, что было заключено годовое обязательство. Но тутъ вышелъ такой случай. Бесѣдуя разъ съ своимъ воспитанникомъ, Сковорода спросилъ его мнѣніе о какомъ-то предметѣ и на его неподходящій отвѣтъ замѣтилъ, что такъ можетъ думать только свиная голова... Кто-то слышалъ эти слова, донесено было матери, которая сочла это оскорбленіемъ шляхетскаго достоинства своего сына, и Сковорода снова былъ изгнанъ. Старикъ Тамара, который былъ, несмотря на свое чванство, человѣкъ умный и образованный, употреблялъ потомъ большія усилія, чтобы вернуть Сковороду, и его удалось хитростью, соннымъ, завезти въ домъ, гдѣ и уговорили его остаться; но онъ рѣшительно отказался на дальнѣйшее время отъ всякихъ обязательствъ и условій.

Въ 1759 г. Сковорода поступаетъ учителемъ поэзіи въ Харьковскій духовный коллегіумъ, но черезъ годъ опять уходитъ, такъ какъ между нимъ и епископомъ Бѣлгородскимъ, доставившимъ ему это мѣсто, возникли холодныя отношенія изъ-за отказа Сковороды принять монашество. Черезъ нѣкоторое время мы видимъ, что онъ снова преподаетъ въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ. Но блестящій финалъ его оффиціальной дѣятельности былъ впереди. Въ 1766 г. въ харьковскихъ училищахъ устроены были прибавочные классы, гдѣ вводились въ преподаваніе для благороднаго юношества нѣкоторые новые предметы, и, между прочимъ, должны были преподаваться правила благонравія. Сковорода назначенъ былъ преподавателемъ этого благонравія. Конечно, преподавать благонравіе не то, что преподавать греческій языкъ, и Сковорода теперь достигъ того, къ чему, по особенностямъ своей психологіи, долженъ былъ страстно стремиться—возможности свободно и открыто, съ каѳедры, проповѣдывать то, что было близко его сердцу. И онъ воспользовался этой возможностью со всей прямотой, какая вытекала изъ его цѣльнаго характера. «Весь міръ спитъ», говорилъ онъ въ своей вступительной лекціи: «спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее—чего опасаться!» Волненіе, произведенное рѣзкимъ характеромъ этой лекціи, само по себѣ не имѣло бы дальнѣйшихъ послѣдствій, если бъ не появилась вскорѣ рукопись «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи», предста-

влявшая какъ-бы конспектъ лекцій Сковороды. Едва-ли и теперь возможно съ какой-нибудь каѳедры такъ рѣзко высказываться въ духѣ религіознаго раціонализма, какъ это сдѣлалъ Сковорода въ своей «Начальной двери». Рукопись пошла по рукамъ и вызвала цѣлую бурю негодованія и нареканій. Сковородѣ назначенъ былъ диспутъ для защиты его положеній. Зная его страстное стремительное краснорѣчіе и полное отвращеніе къ какимъ бы то ни было изворотамъ мысли и слова, нетрудно представить себѣ, какъ онъ защищался. Въ результатѣ, онъ не только былъ отставленъ отъ преподавательства, но и вынужденъ покинуть Харьковъ.

Очевидно, никакая проторенная жизненная колея по немъ не приходилась, а прилаживать себя къ чему-нибудь Сковорода считалъ униженіемъ для своего достоинства. Его друзья, знакомые и почитатели изъ духовенства дѣлали попытки привлечь его въ духовное званіе—конечно, только потому, что не умѣли ясно разсмотрѣть, какъ уклоняются его якобы религіозные взгляды отъ ортодоксальныхъ. Но онъ то, разумѣется, не могъ не видѣть этого. «Полно бродить по свѣту! Намъ извѣстны твои таланты; ты будешь столпъ и украшеніе обители!» уговаривали его разъ монахи Кіево-Печерской лавры. «Довольно и васъ...», отвѣчалъ имъ Сковорода съ свойственною ему рѣзкостью [1]).

Щербининъ, харьковскій губернаторъ, спросилъ какъ то Сковороду, отчего онъ не выберетъ себѣ какого-нибудь положенія. «Милостивый государь!» отвѣчалъ Сковорода:—«свѣтъ подобенъ театру. Чтобы представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, безпечнаго, уединительнаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ...»

И Сковорода дѣйствительно выбралъ себѣ роль и уже не разставался съ нею до смерти. Это была роль «старца», «старчика». «Старецъ» теперь значитъ нищій; но въ прошломъ столѣтіи это слово не имѣло еще, вѣроятно, того презрительнаго смысла, какой оно имѣетъ въ настоящее время. Старцы были люди, оставшіеся, по стеченію какихъ-нибудь обстоятельствъ, внѣ родственныхъ связей

[1]) Это передаетъ вполнѣ достойный довѣрія свидѣтель Коваленскій, сопровождавшій Сковороду въ Кіевъ. Вообще, сохранилось много анекдотовъ, изреченій и острословій, приписываемыхъ Сковородѣ; но мы пользовались только относительно достовѣрнымъ; разумѣется, за полную точность выраженій нельзя ручаться; кто ихъ дословно записывалъ?

и вынужденные жить людской помощью; но за эту помощь они платили знаніями и жизненнымъ опытомъ, которые пріобрѣтали въ своихъ странствованіяхъ. Вотъ именно такую «простую, безпечную и уединительную» роль старца и выбралъ себѣ Сковорода, съ той разницей отъ простого старца, что онъ представлялъ собой для Украйны, по выраженію современниковъ, цѣлую «бродячую академію» и что для него распахивались настежь двери не только мужицкихъ хатъ, но и панскихъ дворцовъ. Выраженіе «выбралъ роль», конечно, не совсѣмъ удачно, такъ какъ оно неправильно оттѣняетъ положеніе. Сковорода, дѣлаясь старцемъ, не актерствовалъ: это былъ естественный выходъ, открывавшійся нравами и обычаями той исторической среды, въ которой онъ жилъ. Дѣло въ томъ, что старая Малороссія—очень простая и демократическая по строю—всегда смотрѣла на образованіе по-просту, не считая его привилегіей какого-нибудь званія или состоянія, и распространеніе всякой мудрости, какъ школьной, такъ и житейской, по образу пѣшаго хожденія старцами и кобзарями, мандрованными дьяками и эпетентами, было самымъ обычнымъ дѣломъ. Но, разумѣется, только Сковорода могъ избрать такой выходъ, разъ передъ нимъ было сколько угодно иныхъ выходовъ, несравненно болѣе привлекательныхъ въ житейскомъ смыслѣ. Къ его времени уже слишкомъ рѣзко пролегла демаркаціонная линія между старымъ однородно-демократическимъ строемъ и новой панско-бюрократическо-европейской надстройкой. Много надо было самобытной силы, чтобы личность могла удержаться, подобно Сковородѣ, на этой границѣ.

Удивительно оригинальную фигуру представлялъ собою этотъ мудрецъ и ученый съ его простонародной внѣшностью, изъ-подъ которой все-таки проглядывала та складка, которую наложило когда-то школьное образованіе. Простонародность была для Сковороды, казацкаго сына и бурсака, съ одной стороны естественнымъ проявленіемъ его симпатій, съ другой—сознательнымъ принципомъ. Онъ страстно любилъ природу Малороссіи, ея языкъ, пѣсни, обычаи, любилъ такъ, что не могъ надолго разставаться съ родиной; но по отношенію къ народу эта любовь являлась и въ освѣщеніи сознательной мыслью. «Знаніе не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и пресыщаются,—писалъ онъ кому-то изъ своихъ друзей,—но должно переходить на весь народъ, войти въ народъ и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: и я человѣкъ, и мнѣ, что человѣческое, то не чуждо!» Что онъ подразумѣвалъ подъ словомъ народъ,—ясно

изъ всей его жизни: онъ постоянно училъ всюду, гдѣ могъ—въ хатѣ, на дорогѣ, на ярмаркѣ. Да и въ дошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ онъ не разъ высказывается на этотъ счетъ очень опредѣленно. «Барская умность, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная... Какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа? Мудрствуютъ: простой народъ спитъ; пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ—тотъ не мертвечина и трупище околѣвшее». «Надо мной позоруются (насмѣхаются—по поводу его учительства въ простомъ народѣ), пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу передъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа; пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу; пускай острятъ; они знаютъ свое, а я знаю мое, и дѣлаю мое какъ я знаю, и моя тяга мнѣ успокоеніе».

Такъ и бродилъ по Украйнѣ не одинъ десятокъ лѣтъ этотъ своеобразный простонародный философъ. Всѣ его знали или желали знать, любили или ненавидѣли, хвалили или злословили, но, главное, всѣ имъ интересовались, и всѣ двери были для него раскрыты настежь. Складывалось понемногу повѣрье, что онъ приноситъ благословеніе тому дому, гдѣ останавливается. Онъ предпочиталъ всему уединенныя пасѣки, но живалъ и въ домахъ сельскихъ священниковъ, и въ монастыряхъ, и въ панскихъ усадьбахъ, гдѣ, впрочемъ, обыкновенно спалъ или въ саду или въ конюшнѣ. Сѣрая свита и чоботы, палка въ рукахъ и торба съ нѣсколькими книгами и рукописями за спиной—вотъ все его имущество; никогда ни отъ кого не принималъ онъ ничего, кромѣ самаго насущно-необходимаго. «Давайте тѣмъ, кто нуждается больше меня», говорилъ онъ обыкновенно, если ему что-нибудь предлагали. Потребности его были до-нельзя ограничены: ѣлъ онъ крайне умѣренно, и то разъ въ сутки, мяса не ѣлъ вовсе, изъ-за чего потерпѣлъ даже разъ обвиненіе въ манихейской ереси [1]). Спалъ всего четыре часа. Но въ то же время это совсѣмъ не былъ аскетъ. Для этого онъ слишкомъ любилъ природу, любилъ музыку: онъ никогда не разставался со своей флейтой, и сочиненные имъ «сковородинскіе» напѣвы духовныхъ пѣсенъ извѣстны на югѣ до сихъ поръ въ средѣ мѣстнаго духовенства. Онъ не уклонялся отъ веселой бесѣды, хотя бы она даже и приправлялась, какъ это обык-

---

[1]) Гоненіе воздвигнуто было на него послѣ вышеупомянутаго дебюта въ качествѣ преподавателя благонравія. Его, между прочимъ, обвиняли въ томъ, что онъ называетъ вредными золото, серебро и проч. драгоцѣнныя вещи, созданныя Богомъ, и что, слѣдовательно, онъ богохульникъ.

новенно водилось, малороссійской наливкой, если только люди сами по себѣ не были ему непріятны.

Да и философія его никогда не была философіей самоотреченія и скорби, но философіей разума и счастія.

II.

Философія Сковороды... Мы подходимъ теперь къ очень трудному для насъ предмету. Труденъ онъ тѣмъ болѣе, что приходится разбираться въ немъ на собственный рискъ и страхъ. Всякій, кто касался до сихъ поръ Сковороды, обходилъ эту сторону тѣмъ, что приклеивалъ ярлычокъ «мистикъ» и тѣмъ избавлялъ себя отъ дальнѣйшаго труда, какъ будто этимъ ярлычкомъ уже было сказано все, что нужно. Но намъ кажется, что во всякомъ случаѣ для такой оригинальной фигуры, какъ Сковорода, нельзя обойтись ярлычкомъ, да и приклеивался онъ по недоразумѣнію. Сковорода подавалъ самъ къ тому поводъ своими сочиненіями,—но только и всего что поводъ.

По нашему крайнему разумѣнію, Сковорода совсѣмъ не былъ мистикомъ; мало того, онъ крайне далекъ отъ мистицизма по свойствамъ своего сильнаго ума съ рѣзко раціоналистической складкой. Конечно, это утвержденіе покажется нелѣпымъ тому, кому удалось заглядывать въ сочиненія Сковороды, и онъ припомнитъ какую-нибудь «Прю бѣса съ Варсавой» (Варсавой, т.-е. сыномъ Саввы, Сковорода называлъ себя) или разсужденіе «объ израильскомъ зміи», полное темныхъ, пожалуй, можно сказать, мистическихъ аллегорій. Но намъ все это представляется иначе. Сковорода несомнѣнно имѣлъ ясную и чисто логическимъ путемъ построенную философскую концепцію, о которой будетъ рѣчь ниже; но ему какъ бы холодно становилось на этихъ философскихъ высотахъ, въ этой абсолютной отчужденности отъ всего, чѣмъ живетъ окружающій міръ,—и къ тому же не чувствовалъ ли онъ, можетъ быть, какихъ-нибудь противорѣчій и недостатковъ въ такъ хорошо на видъ возведенномъ зданіи? Какъ бы то ни было, онъ постоянно пытался связать свое логическое построеніе съ традиціей, въ которой онъ воспитался, въ которой жило все окружающее, связать очень хитро сплетенными, но чисто внѣшними нитями. Въ этой своей «простонародной тканкѣ и плеткѣ» (его собственное выраженіе) онъ крайне злоупотреблялъ

аллегоріей, пытаясь образамъ и понятіямъ Библіи навязать совсѣмъ чуждый имъ философскій смыслъ. Побужденія его были понятны и по своему правильны; но они увлекли его на ложный путь, гдѣ онъ иногда безповоротно запутывался въ словесныхъ дебряхъ. Въ концѣ концовъ, онъ убѣдилъ себя, что Библія содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ отвѣты на всякіе вопросы и что надо только умѣть ихъ извлечь оттуда, и на эту то безплодную работу онъ убилъ много времени и энергіи. Но это была ошибка въ методѣ, и тѣмъ самымъ его природа философа и изслѣдователя не превратилась въ природу мистика. Алхимикъ, который ждетъ, что сѣра или песокъ въ его ретортѣ превратится въ золото, на самомъ дѣлѣ ждетъ чуда, конечно; но самъ онъ можетъ слѣдить за своей ретортой съ тѣмъ же самочувствіемъ, съ какимъ слѣдитъ любой современный ученый въ своей лабораторіи за результатомъ своего новаго опыта. Конечно, Сковорода поступилъ какъ алхимикъ, полагая, что можно выжать что-нибудь, имѣющее реальную цѣнность, изъ игры словами, изъ созвучій и метафоръ... Но въ нашихъ цѣляхъ не лежитъ слѣдить за ошибками и заблужденіями этого ума, который былъ лишенъ воспитательнаго вліянія строгой научной дисциплины. Несравненно интереснѣе и поучительнѣе высвободить положительныя стороны ученія Сковороды изъ-подъ опутывающей его словесной сѣти и познакомиться съ нимъ поближе.

Чтобъ собрать во-едино философскія мысли Сковороды, надо ознакомиться и съ его духовными стихами («Садъ божественныхъ пѣсней»), и съ притчами или баснями, и съ письмами, но особенно съ діалогами (напримѣръ, «О познаніи себя»), которые цѣликомъ посвящены философскимъ разсужденіямъ, и съ упомятутой выше «Начальной дверью къ христіанскому добронравію», которая навлекла на него гоненія [1]).

Какъ могъ явиться съ эпитетомъ «мистикъ» этотъ раціоналистъ pur sang, для котораго единственно важно только познаніе? И подъ какими вліяніями сложился этотъ суровый раціонализмъ, безпощадный въ своей послѣдовательности?

Одно великое имя напрашивается на перо,—имя Спинозы. Предупреждаемъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшихъ внѣшнихъ доказа-

---

[1]) Въ Харьковѣ, университетскомъ городѣ, главномъ центрѣ дѣятельности Сковороды, при содѣйствіи мѣстныхъ ученыхъ, мы могли раздобыть только одну печатную книжку сочиненій Сковороды (С.-Петербургъ, 1860 г.) и одну рукопись „Израильскій змій“. Это все изъ произведеній Сковороды, чѣмъ мы пользовались, кромѣ многочисленныхъ выдержекъ въ различныхъ матеріалахъ къ его біографіи.

тельствъ какого бы то ни было знакомства Сковороды съ сочиненіями Спинозы или кого-нибудь изъ его учениковъ и послѣдователей; но какъ только мы отвлекаемъ концепцію Сковороды отъ сопровождающихъ ее внѣшнихъ наростовъ, духъ великаго еврея властно навязывается сознанію.

«Трудно сыскать начало всемірной машины»; но «испытуй ὀпасно» (осторожно), и ты ее найдешь. «Въ чемъ же нашелъ его Сковорода?

«Взглянемъ теперь на всемірный міръ сей... какъ на машинище изъ машинокъ составленный, ни мѣстомъ, ни временемъ не ограниченный... Я вижу въ немъ единое начало, одинъ центръ и одинъ умный цыркуль во множествѣ ихъ. Сіе начало и сей центръ есть вездѣ, а окружія его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что внѣшній міръ сей въ какихъ то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу, кончится, сирѣчь, начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда жъ начинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда все идетъ въ безконечность. Все исполняющее начало и міръ сей, какъ тѣнь его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то исчезаетъ, и есть ничто: materia aeterna».

Не есть ли это «единое начало», этотъ «вездѣсущій центръ и умный цыркуль», по отношенію къ которому міръ есть только сумма то рождающихся, то исчезающихъ, вообще преходящихъ явленій—спинозовская субстанція, которая есть вмѣстѣ и Богъ, и природа, всеобъемлющая natura naturans, относящаяся къ міру явленій, къ своимъ модусамъ, какъ океанъ относится къ вздымающимся волнамъ? Въ вышеприведенномъ отрывкѣ изъ «Израильскаго змія» (предѣлъ 3-й) Сковорода употребилъ выраженіе «materia aeterna»; но обыкновенно онъ называетъ это начало, или субстанцію, Богомъ, поясняя, что «у древнихъ Богъ назывался умъ всемірный, также бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость; а у христіанъ знатнѣйшія ему имена слѣдующія: духъ, Господь, царь, отецъ, умъ, истина». «Божественный духъ весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ *и самъ бытіемъ есть всякому созданію*. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ *и по своей-же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращается.*

По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ или геометромъ; потому что непрестанно въ пропорціяхъ или размѣрахъ упражняется, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напримѣръ, травы, дерева, звѣрей и все проч.»... «Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится».

Нетрудно усмотрѣть во всемъ этомъ совершенно опредѣленно выраженное пантеистическое міровоззрѣніе. Но противъ толкованія Сковородинскихъ взглядовъ въ духѣ именно спинозовскаго монизма можно выставить одно возраженіе. Сковорода слишкомъ часто и настойчиво говоритъ о двойственности всего сущаго, о двухъ мірахъ, двухъ тѣлахъ и т. д., такъ что одинъ свой философскій діалогъ онъ даже назвалъ: «Бесѣда—Двое»; такимъ образомъ онъ даетъ большой поводъ приписывать своему міропониманію дуалистическій характеръ. Но намъ кажется, что будетъ ошибкой, затемняющей сущность взглядовъ Сковороды, останавливаться на этомъ совершенно внѣшнемъ дуализмѣ. У Сковороды этотъ якобы дуализмъ, по нашему крайнему разумѣнію, вытекаетъ изъ требованій практической морали и вовсе не есть дуализмъ въ философскомъ смыслѣ слова, т.-е. противопоставленіе двухъ началъ, а простое, для этическихъ цѣлей необходимое, указаніе на различіе между субстанціальнымъ и модальнымъ, существеннымъ и случайнымъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, пребывающимъ и кажущимся.

Здѣсь мы подходимъ къ самой интересной сторонѣ философіи Сковороды, въ которой еще сильнѣе обнаруживается его родство съ Спинозой,—къ его этическимъ взглядамъ. Повидимому, у одного, какъ и у другого, требованія практической морали были скрытой пружиной, направлявшей ихъ сознаніе и въ чисто отвлеченныхъ построеніяхъ.

Все случайное и внѣшнее—по отношенію къ существенному, внутреннему и вѣчно-пребывающему—плоть, тлѣніе, тѣнь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и зло; благо, добро есть вѣчное, Богъ. Въ человѣкѣ отраженіе этого вѣчнаго, божественнаго есть мысль; она только и составляетъ истиннаго человѣка. Истинный человѣкъ, т.-е. мысль или духъ его, отражая въ себѣ это вѣчное, носитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно доступную «мѣру» (критерій) познанія Бога, или плана вселенной. Такимъ образомъ, познаніе есть единственный путь къ сліянію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. «Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея»; «животворитъ одна истина», и «не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ

и не ученымъ предѣлъ мертваго и живого»; «Богъ отъ насъ ни молитвъ, ни жертвъ принять не хощетъ, если мы его не узнали». Познаніе, составляя цѣль жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственное истинное счастіе человѣка. «Изъясняетъ боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины; а намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость»; кому «не сладокъ Богъ», тому «нѣсть Богъ». Но познаніе же есть и единственная основная добродѣтель, которою обусловливаются всѣ остальныя добродѣтели. Впрочемъ, между добродѣтелью и счастіемъ нѣтъ разницы по существу,—это двѣ точки зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

Въ этомъ скелетѣ этическихъ воззрѣній Сковороды мы признаемъ вліяніе—прямое или непосредственное—спинозовской этики; да и религія Сковороды, насколько о ней можетъ быть рѣчь, не есть ли спинозовская amor Dei intellectualis?

Но самостоятельный интересъ представляетъ прослѣдить, какъ Сковорода облекалъ этотъ скелетъ плотію, которая носитъ уже конкретныя черты, отражающія и личность Сковороды, и ту среду, въ которой онъ вращался.

«Нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, какъ суевѣріе... Изъ суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи... Нѣтъ желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія, и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, ражженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ—тогда, когда сія ехида, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки надъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносити Богу». «Говорятъ суевѣру: слушай, другъ! Нельзя сему статься... противно натурѣ... Но онъ во весь опоръ съ желчью вопіетъ, что для Бога все возможно... Дѣтское сіе есть мудрованіе, обличающее непостоянность блаженныя натуры: будто она когда-то и гдѣ-то дѣлала то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впередъ не станетъ... Возстать противъ царства натуры и ея законовъ, сія есть несчастная, исполинская дерзость; какъ же могла сама возстать на свой законъ блаженная натура?» и т. д.

Въ вышеприведенныхъ отрывкахъ, взятыхъ изъ одной имѣющейся у насъ рукописи Сковородинскихъ сочиненій, можно, пожалуй, усмотрѣть отголосокъ свободомыслія французскихъ писателей 18-го вѣка; но Сковорода былъ совершенно внѣ ихъ вліянія, крайне отрицательно относился къ ихъ «безбожію», хотя все-таки отдавалъ ему

предпочтеніе передъ суевѣріемъ, съ которымъ у него, конечно, было не мало и личныхъ счетовъ.

Въ практической морали Сковороды было одно, такъ сказать, центральное положеніе, изъ котораго онъ дѣлалъ разнообразные выводы и приложенія. Это свое положеніе онъ формулировалъ такъ: «Благодареніе блаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ» (собственно, это перифразъ одного изреченія Эпикура, но у Сковороды оно является съ самостоятельнымъ значеніемъ). Разумѣется, это положеніе само было лишь отраженіемъ общаго теоретическаго положенія, что нужно лишь познаніе, а познаніе не трудно, такъ какъ оно находится въ волѣ человѣка. Но Сковорода дѣлалъ изъ этого положенія нѣкоторую этическую аксіому, разворачиваніемъ которой получились у него важные выводы. Собственно, два основныхъ вывода: одинъ относится къ счастію, другой къ добродѣтели. Утомительно слѣдить за его діалектикой; скажемъ лишь, что первый заключительный выводъ такой: счастье есть человѣку самое нужное, но оно же есть и самое легкое, если только человѣкъ пойметъ, въ чемъ оно заключается. Второй выводъ дѣлается посредствомъ какъ бы вспомогательной теоремы: «трудно быть злымъ, легко быть благимъ», которая доказывается имъ самостоятельно.

Всѣ эти разсужденія сильно отзываются, конечно, школьной схоластикой; но это забывается, когда вспоминаешь, что они были для Сковороды не только рядомъ отвлеченныхъ положеній, на которыхъ онъ упражнялъ свои діалектическія способности, но конкретной, живой истиной, которую онъ не только страстно проповѣдывалъ, но и послѣдовательно примѣнялъ въ своей собственной жизни. Сковорода былъ однимъ изъ тѣхъ крайне немногочисленныхъ философовъ и моралистовъ, которые исповѣдывали принципы дѣломъ и жизнью.

Да, таковъ былъ этотъ якобы мистикъ, на самомъ дѣлѣ послѣдовательный раціоналистъ. Этика его была строга и сурова, много требовала отъ человѣка, но она требовала не аскетизма. Она требовала отъ человѣка, ради его же собственнаго счастія, отвлеченія вниманія «отъ тяжбъ, войнъ, коммерцій, домостроительства» къ познанію истины, ограниченія потребностей насущно-необходимымъ, обращенія къ природѣ, какъ къ вѣчному и неизсякаемому источнику ничѣмъ не отравляемаго наслажденія.

Въ духѣ своей философіи онъ проповѣдывалъ душевное спокойствіе, внутреннее равновѣсіе, какъ обязательное и необходимое условіе

счастія. Но самъ онъ слишкомъ часто напоминалъ своею проповѣдью ветхозавѣтнаго пророка, полнаго то скорби, то гнѣва, то презрительнаго смѣха... И опять-таки скажемъ: онъ родился не въ надлежащее время и не въ надлежащемъ мѣстѣ.

III.

Жизнь катилась себѣ съ неудержимой быстротой по наклонной плоскости, и не одинокой фигурѣ чудака-философа было задержать ея тяжелую колесницу. Но неужели такъ таки и разлетѣлось безслѣднымъ прахомъ это оригинальное существованіе, достойное лучшихъ временъ и лучшихъ условій?

Вѣроятно, каждому образованному человѣку въ Россіи извѣстна эффектная исторія основанія харьковскаго университета. Образъ Каразина, на колѣняхъ умоляющаго дворянство о деньгахъ на университетъ, если не приспособился до сихъ поръ къ школьной реторикѣ, то единственно по нашей общечеловѣческой слабости къ классицизму. А между тѣмъ у этой эффектной исторіи есть одна мало кому извѣстная, но для насъ очень интересная сторона. Тѣ дворяне, которые подписались на огромную по теперешнему курсу сумму 618,000 рублей, были всѣ или ученики, или друзья, или короткіе знакомые Сковороды [1]). Чему въ такомъ случаѣ приписать этотъ единственный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія фактъ: драматическимъ ли жестамъ Каразина, или той неустанной проповѣди мысли, которую десятки лѣтъ велъ Сковорода?

Мы лично слышали отъ одного очень древняго и очень почтеннаго харьковскаго старожила такое преданіе. Въ тѣхъ панскихъ дворахъ, куда заглядывалъ Сковорода во время своихъ постоянныхъ странствованій, паны мѣняли на время его пребыванія свое обращеніе съ дворовой челядью и крѣпостными. Небольшой это фактъ, буде онъ вѣренъ—что́ болѣе чѣмъ правдоподобно—небольшой фактъ въ общей экономіи человѣческихъ дѣлъ, но очень большой—для оцѣнки этой личности, которая сумѣла въ себѣ такъ воплотить правду, что однимъ своимъ появленіемъ уже дѣлалась живымъ укоромъ и обличеніемъ неправдѣ.

---

[1]) Это утверждаетъ Г. П. Данилевскій въ своей біографіи Сковороды.

А народъ, интересы котораго Сковорода защищалъ уже и тѣмъ, что всегда, въ лицѣ своемъ, требовалъ уваженія къ его внѣшнему облику? Народъ, такъ же какъ и культурный слой общества, долженъ былъ неизбѣжно оставаться глухимъ ко многому, что проповѣдывалъ ему Сковорода. Но кое-что онъ запомнилъ, что и любопытнѣе всего, запомнилъ то, на что Сковорода, вѣроятно, не расчитывалъ. Онъ твердо запомнилъ нѣкоторыя обличительныя произведенія Сковороды, тѣ, въ которыхъ онъ, со свойственнымъ ему злымъ юморомъ, обличаетъ жизнь высшаго класса, съ ея праздной и вредной суетой, съ ея отсутствіемъ истиннаго содержанія и смысла. Стихотвореніе «Всякому городу нравъ и права», въ которомъ выводятся на позоръ «Петръ, что для чиновъ углы панскіе третъ», и «Ѳедька купецъ, что при аршинѣ все лжетъ», тѣ, которые «формируютъ для ловли собакъ» и которыхъ «шумитъ домъ отъ гостей какъ кабакъ», это стихотвореніе такъ усвоилось вездѣ въ малорусскомъ народѣ, что имѣетъ теперь уже множество варіантовъ.

Итакъ, Сковорода посвятилъ всю свою жизнь развитію своего философскаго ученія и проповѣди его, посвятилъ жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова: ни одной стороны въ его существованіи не было такой, которую бы можно было считать его личною, не связанной съ тѣмъ, что онъ считалъ своей миссіей. Въ этомъ смыслѣ это фигура рѣдчайшей цѣльности. Но какъ оцѣнить все-таки то, что онъ внесъ въ сознаніе той среды, которой посвятилъ свое существованіе,—мы не знаемъ.

Къ своимъ философскимъ «догматамъ», къ своей миссіи, какъ распространителя этихъ «догматовъ», онъ относился съ религіознымъ энтузіазмомъ. Жизнь въ постоянномъ духовномъ углубленіи и напряженіи, при крайнемъ ограниченіи потребностей тѣла, придала Сковородѣ особыя черты необычности и исключительности. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ такое исключительное сосредоточеніе на интересахъ духа можетъ утончать нѣкоторыя способности человѣка до размѣровъ чудеснаго? По крайней мѣрѣ, современники приписывали Сковородѣ прозорливость, даръ предвидѣнія. Его любимый ученикъ и біографъ Коваленскій разсказываетъ обстоятельно о томъ, какъ Сковорода ушелъ изъ Кіева, почувствовавъ приближеніе чумы, о которой еще не было никакихъ слуховъ; да и самъ Сковорода вѣрилъ въ своего духа, который имъ руководитъ.

Этотъ духъ побудилъ Сковороду вернуться изъ Орловской губерніи, куда онъ поѣхалъ было въ августѣ 1794 г. повидаться съ давно невиданнымъ другомъ, на Украйну и заѣхать въ слободу

Ивановку. Здѣсь онъ въ октябрѣ того же года и умеръ,—умеръ такъ, какъ только можетъ желать умереть философъ, для котораго смерть есть лишь необходимое звено въ цѣпи развивающихся явленій. Онъ все время былъ на ногахъ, бесѣдовалъ съ окружающими, говорилъ о своей приближающейся смерти, самъ вырылъ себѣ могилу; пришелъ моментъ—онъ пошелъ въ свою «кимнатку», перемѣнилъ бѣлье, подложилъ подъ голову свои сочиненія и сѣрую свиту, легъ и умеръ. Онъ не хотѣлъ было совершать передъ смертью извѣстные установленные обряды, но потомъ, «представляя себѣ совѣсть слабыхъ», согласился ихъ исполнить.

На могилѣ его можно видѣть надпись: «Міръ ловилъ меня, но не поймалъ», которую онъ самъ велѣлъ себѣ сдѣлать.

Чтобъ оставить читателя подъ болѣе полнымъ впечатлѣніемъ отъ личности Сковороды, хочется въ заключеніе еще заставить его поговорить самого; вѣдь значительному большинству читателей уже никогда въ жизни не удастся болѣе побесѣдовать съ этимъ необыкновеннымъ философомъ. Пусть онъ выскажется на модную теперь тему (хотя надо сказать, что онъ ненавидѣлъ все модное и самое слово это произносилъ съ явнымъ отвращеніемъ) «о недѣланіи». Это отрывокъ изъ письма Сковороды къ одному его пріятелю.

«Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, что онъ дѣлаетъ? Если бъ я отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я праздень, и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка—продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрей? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы самихъ себе, за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущись. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ—не о ногѣ, о красныхъ углахъ—не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ—не о деньгахъ. Коликая же намъ отсюду тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны?

Точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ: одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкарбутика или подагрика ноги, или матросскій, алтына нестоющій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ недовольная, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдная, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если самый центръ души гніетъ и болитъ, кто или что увеселитъ ее?..»

ЛИЧНОСТЬ Г. С. СКОВОРОДЫ

КАКЪ МЫСЛИТЕЛЯ [1]).

29-го октября окончилось сто лѣтъ со дня смерти Г. С. Сковороды. Харьковъ готовился въ стѣнахъ своего университета почтить память не только мѣстнаго дѣятеля, но и перваго по времени русскаго философа.

Съ естественной робостью выступаю я передъ Обществомъ, какъ человѣкъ, умственные интересы котораго вращались всегда въ сферахъ, далекихъ отъ чистой философіи. Но внимательно изучая сочиненія Сковороды, какъ только что изданныя Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, такъ и рукописныя, я такъ сжилась съ этой необыкновенно сильной и цѣльной духовной личностью, такъ успѣла оцѣнить и полюбить ее, что настоящее выступленіе является для меня результатомъ настойчиваго нравственнаго побужденія. Сковорода, какъ мыслитель, слишкомъ долго и слишкомъ несправедливо былъ въ полномъ забвеніи, чтобы не явилось опасенія, какъ бы волны житейскаго моря съ ихъ непрерывнымъ миражемъ все новыхъ, пестрыхъ и захватывающихъ интересовъ, снова не захлестнули этой фигуры, которой не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя.

Такова была печальная судьба Сковороды какъ философа. Но какъ нравственная и психическая личность, какъ общественный дѣятель, Сковорода не умиралъ во всѣ эти сто лѣтъ, которыя прошли со дня его смерти. Традиція—правда, все блѣднѣющая, такъ какъ печать почти не поддерживала ея,—какъ-никакъ, а все-таки жила и несла смѣняющимся поколѣніямъ смутный обликъ чудака-философа, «старця» (по мѣстному выраженію), который взялъ на свои

---

[1]) Вопросы философіи и психологіи. 1895, книга 25. Рефератъ, прочитанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 5 ноября 1894 г., въ память столѣтней годовщины смерти Сковороды.

плечи и несъ всю долгую жизнь иго добровольнаго нищенства, полнаго отреченія отъ всего, что зовется и звалось житейскими благами, и подвига непрерывной и неустанной проповѣди. Для высшихъ классовъ, для «панской» Украины онъ былъ «бродячей академіей» и для этого онъ обладалъ всѣми необходимыми аттрибутами тогдашней учености: прекраснымъ латинскимъ языкомъ, о которомъ свидѣтельствуютъ изданныя теперь его письма, а также знаніемъ языковъ греческаго, древне-еврейскаго и нѣмецкаго, которому онъ хорошо выучился въ то время, какъ обошелъ, еще въ молодости, пѣшкомъ полъ-Европы. Для простого народа, который Сковорода также обучалъ всю жизнь во время своихъ безпрерывныхъ странствованій—обучалъ по дорогамъ, деревенскимъ улицамъ, на сельскихъ ярмаркахъ, на церковныхъ погостахъ, или просто заходя въ хаты—для простого народа у Сковороды были свои особыя, простыя и понятныя рѣчи. И если панскіе дворы наперерывъ старались залучить къ себѣ философа и готовы были щедро одѣлять его отъ своихъ избытковъ—отъ чего онъ, впрочемъ, всегда и совершенно уклонялся—то и простыя хаты не только кормили его чѣмъ Богъ послалъ, но и осыпали его всѣми услугами, въ какихъ нуждался одинокій вѣчный странникъ: чинили его свитку и чоботы, обшивали и обмывали его. Память народа о немъ оказалась прочнѣе и благодарнѣе, чѣмъ память культурнаго класса. Въ то время какъ потомки дворянскихъ родовъ Слободской Украины, тѣхъ, которые гордились когда то дружбой Сковороды, едва-едва помнятъ его имя и, можетъ быть, нѣсколько анекдотовъ, народъ до сихъ поръ живетъ Сковородинскимъ духовнымъ наслѣдствомъ. Каждый украинскій кобзарь и лирникъ поетъ сковородинскіе псальмы, духовные стихи, и очевидно, ихъ суровая мораль, полная презрѣнія къ жалкой мірской суетѣ, находитъ глубокій откликъ въ народной душѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы знали вполнѣ біографію Сковороды; но во всякомъ случаѣ обстоятельства его жизни до сихъ поръ были извѣстны гораздо больше, чѣмъ его философскія воззрѣнія. И о немъ можно сказать то, что можно сказать лишь объ очень немногихъ, совсѣмъ особенныхъ, исключительныхъ людяхъ: онъ жилъ такъ, какъ училъ. Онъ не зналъ, что такое компромиссъ, сдѣлка. Ни одного, ни малѣйшаго факта въ его біографіи нельзя найти такого, въ которомъ бы можно было усмотрѣть намѣренное или безсознательное уклоненіе отъ выработанныхъ идеаловъ, намѣченныхъ цѣлей жизни. Такъ могутъ жить только глубоко и цѣльно вѣрующіе люди, какимъ бы именемъ ни называлась ихъ религія.

Философіи Сковороды не поняли его современники, совсѣмъ не поняло ея и ближайшее потомство: до насъ дошелъ онъ съ эпитетомъ мистика, сочиненія котораго якобы написаны темнымъ, невразумительнымъ языкомъ, почти недоступнымъ для пониманія. И все это, какъ мы увидимъ, миѳъ: Сковороду никакъ невозможно назвать мистикомъ, а сочиненія его написаны, хотя своеобразнымъ, но по-своему прекраснымъ, сильнымъ и сжатымъ языкомъ, съ которымъ надо лишь нѣсколько освоиться предварительно: не слѣдуетъ забывать, что, по обстоятельствамъ мѣста и времени, Сковорода былъ самъ творцомъ своего языка. Всякія же недоразумѣнія насчетъ Сковороды объясняются тѣмъ, что лица, писавшія о Сковородѣ, по большей части, даже и не видали его сочиненій, пользуясь лишь цитатами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и чужими мнѣніями. Когда, годъ тому назадъ, мнѣ пришлось разыскивать сочиненія Сковороды, то въ Харьковѣ, университетскомъ городѣ, который былъ когда то центромъ района дѣятельности Сковороды, при помощи профессоровъ университета, мнѣ удалось достать лишь жалкое изданьице нѣкоторыхъ сочиненій Сковороды 60 года и одну единственную рукопись, которыми я только и пользовалась, когда дѣлала характеристику Сковороды въ читанной мною тогда публичной лекціи. Послѣ того уже въ Харьковѣ были собраны изъ разныхъ книгохранилищъ: Императорской Публичной библіотеки, Румянцевскаго музея, Кіевскаго музея при Духовной академіи—рукописи Сковороды, и явилась возможность освѣтить философскую его личность. Этою возможностью воспользовался проф. Зеленогорскій въ работѣ, напечатанной въ недавнихъ книжкахъ «Вопр. Филос. и Псих». Воспользовался, къ сожалѣнію, не въ полной мѣрѣ. Онъ уклонился отъ задачи представить цѣльную философскую личность Сковороды, а предпочелъ разбить его философію на отдѣльные взгляды, мнѣнія и утвержденія, чтобы свести ихъ по одиночкѣ къ предполагаемымъ источникамъ, откуда Сковорода ихъ якобы заимствовалъ. Этими источниками оказались Платонъ и Аристотель, стоики, Филонъ Іудейскій, Лейбницъ. Конечно, такая постановка дѣлаетъ честь трудолюбію и учености автора. Но она неблагодарна какъ въ практическомъ отношеніи, не удовлетворяя нашей законной потребности имѣть передъ собою цѣльный философскій обликъ,—такъ и въ методологическомъ, ибо едва ли возможно правильно поставить вопросъ объ источникахъ міровоззрѣнія того или другого мыслителя, пока мы не будемъ имѣть яснаго и отчетливаго понятія о самомъ этомъ міровоззрѣніи. Такимъ образомъ, работа г. Зеленогорскаго представляетъ намъ

философію Сковороды въ видѣ пестраго аггрегата пестрыхъ мнѣній, надерганныхъ изъ философскихъ системъ разныхъ эпохъ и разныхъ качествъ. А между тѣмъ трудно дальше уйти отъ истины, чѣмъ при такой постановкѣ вопроса. Какъ бы мы ни относились къ воззрѣніямъ Сковороды, во что бы мы ни цѣнили его философію, одного то ужъ, конечно, у него нельзя отнять никогда: чрезвычайной цѣльности и законченности его философскаго міровоззрѣнія, которая дѣлаетъ изъ его построенія монолитъ безъ примѣсей и трещинъ. Никогда вы не встрѣтите у него уклоненій въ сторону какихъ-нибудь побочныхъ теченій мысли, перерѣзающихъ главный, центральный потокъ. Философія Сковороды такъ же глубоко и сильно индивидуальна, какъ и вся его рѣзко и сурово очерченная психическая личность.

Когда я впервые приступила къ знакомству со Сковородой, какъ мыслителемъ, меня поразило его духовное родство съ Спинозой, на которое я тогда уже и указала [1]). По мѣрѣ того, какъ мое знакомство со Сковородой расширялось при посредствѣ вновь собраннаго матеріала, мнѣ становилось все яснѣе, что Сковорода не имѣлъ никакого непосредственнаго отношенія къ Спинозѣ, не читалъ его сочиненій, не зналъ его ученія и какимъ-нибудь инымъ путемъ. И въ то же время все яснѣе дѣлалось его совпаденіе съ ученіемъ Спинозы въ двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что значеніе настоящей дѣйствительности приписывается лишь единой міровой субстанціи, по отношенію къ которой вся множественность единичныхъ явленій есть лишь видимость; во-вторыхъ, въ томъ безграничномъ довѣріи къ компетентности человѣческаго разума, которое такъ характерно для умонастроенія Сковороды [2]). Но несомнѣнно, что Сковорода шелъ своимъ особымъ путемъ, и эти положенія, какъ и всѣ другія, имѣютъ у него свою особую окраску.

«Невидимость», по выраженію Сковороды «первенствуетъ не только въ человѣкѣ, но и во всемъ остальномъ мірѣ»; она есть «иста», т.-е. истинная дѣйствительность всего сущаго, также вѣчность, Богъ, который все въ себѣ содержитъ, самъ есть всему бытіемъ, который есть единство, простирающееся по всѣмъ вѣкамъ, мѣстамъ и тварямъ, единство, «которое частей чуждое есть и потому разрушитися ему есть дѣло лишнее, а погибнути совсѣмъ постороннее». Въ то же

---

1) „Книжки Недѣли". Январь 94 г. „Философъ изъ народа."

2) Въ первой сторонѣ ученія Сковороды можно, по нашему мнѣнію, скорѣе прослѣдить вліяніе ученій Платона и новоплатониковъ, чѣмъ Спинозы, въ чемъ можно убѣдиться изъ послѣдующаго изложенія. *Ред.*

время Богу нельзя, по словамъ Сковороды, «сыскать важнѣе и приличнѣе имени, какъ натура, т.-е. природа или естество, такъ какъ этимъ словомъ обозначается не только рождаемое и премѣняемое вещество, но и тайная экономія той присносущной силы, которая вездѣ имѣетъ свой центръ или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей не имѣетъ нигдѣ... Сея повсемѣстныя и премудрыя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, по всему матеріалу разлитымъ безконечно и безвременно—сирѣчь, нельзя о ней спросить: когда она началась?—она всегда была; или поколь она будетъ?—она всегда будетъ; или до коего мѣста она простирается?—она всегда вездѣ есть. Сія-то блаженнѣйшая натура весь міръ, будто машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ и сама бытіемъ есть всякому сознанію: сама одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращаетъ»...

Невидимость или Богъ есть, по отношенію къ безчисленному міру вещей или явленій, «господственная натура». Такимъ образомъ, Сковорода допускаетъ двѣ натуры, невидимую и видимую, господственную и подлую, рабскую. Двойственность эту Сковорода утверждаетъ и усиленно подчеркиваетъ во множествѣ мѣстъ; ей посвященъ спеціальный діалогъ, который такъ и называется: «Бесѣда—Двое». Но это усиленное утвержденіе «двухъ» всюду ярко обнаруживаетъ заднюю цѣль: поколебать столь естественную въ простомъ житейскомъ человѣкѣ вѣру въ дѣйствительность видимаго міра, въ его реальность. Натуръ двѣ; но видимая натура, которую человѣкъ привыкъ считать за единственно существующую, есть лишь отраженіе, тѣнь невидимой натуры. Множество разсужденій, доказательствъ, художественныхъ образовъ употребляетъ Сковорода для того, чтобъ основательнѣе утвердить въ умахъ своихъ учениковъ это положеніе. «Вижу въ семъ цѣломъ мірѣ два міра,—говоритъ онъ,—единъ составляющіе міръ: видный и невидный, живый и мертвый, цѣлый и сокрушаемый; сей риза, а тотъ тѣло, сей тѣнь, а тотъ древо, сей вещество, а тотъ ипостась, сирѣчь основаніе, содержащее вещественную грязь—такъ, какъ рисунокъ держитъ свою краску. Итакъ, міръ въ мірѣ есть та вѣчность въ тлѣніи, жизнь въ смерти, возстаніе во снѣ, свѣтъ во тьмѣ, во лжи истина. Вся исполняющее начало и міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то переходитъ, то родится, то исчезаетъ, и есть ничто».

Вообще, яблоня и ея тѣнь—любимѣйшее сравненіе, къ которому охотнѣе всего прибѣгалъ Сковорода, когда рѣчь заходила о выясненіи отношеній міровой субстанціи къ міру явленій. Но у Сковороды въ его богатомъ образами языкѣ всегда находились все новыя и новыя метафоры, сравненія, эпитеты, которыми онъ оттѣнялъ свое презрительное отношеніе къ этому жалкому и ничтожному миражу вещей, заслоняющему въ глазахъ непросвѣщеннаго философски человѣка, не умѣющаго проникать умственнымъ взоромъ за поверхность,—ихъ истинную сущность, «исту». Тѣнь, тлѣнь, пустошь, плоть, пепелъ, песокъ, полынь, желчь, грязь, лесть, мечта, смерть, тьма, злость, адъ, подлая обветшающая стихійная риза, обезьяна, подражающая во всемъ своей госпожѣ, господственной натурѣ,—вотъ тѣ образныя выраженія, которыя находилъ умѣстными въ данномъ случаѣ Сковорода, то употребляя ихъ какъ эпитеты, то развивая въ аллегоріи, къ которымъ онъ вообще любилъ прибѣгать для уясненія своихъ мыслей.

Но Сковорода былъ слишкомъ индивидуалистъ для того, чтобъ успокоиться на такомъ чисто пантеистическомъ пониманіи міра: не носилъ ли онъ въ этой складкѣ своей духовной физіономіи отраженія національныхъ особенностей своего племени? Его вниманіе, какъ мыслителя, всегда привлекалъ гораздо больше субъектъ, чѣмъ объектъ, «микрокосмъ», чѣмъ «міръ обительный» (его собственныя выраженія). «Познай себе» въ концѣ концовъ облеклось для него какимъ то мистическимъ ореоломъ, пріобрѣло силу волшебнаго ключа ко всѣмъ тайнамъ всего сущаго. «Возлюби свою душу,—говоритъ онъ своимъ ученикамъ,—будь блаженный самолюбъ». Нарциссъ,—этимъ названіемъ обозначенъ его первый философскій діалогъ въ изданномъ нынѣ собраніи его сочиненій,—Нарциссъ, преобразованный Сковородой изъ античнаго миѳа, «не о многомъ печется, не о пустомъ чемъ-либо, а о себе, про себе и въ себе; печется о единомъ себѣ; едино есть ему на потребу»... Конечно, Нарциссъ, въ концѣ концовъ, «истаявъ отъ самолюбнаго пламени», преображается въ источникъ, что только и сообщаетъ ему, такъ сказать, его санкцію.

Но мнѣ представляется очень важнымъ и характернымъ для философской физіономіи Сковороды именно этотъ эгоцентрическій моментъ, который у него всегда и необходимо появляется на сцену, то вниманіе, которое на немъ задерживаетъ философъ.

Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Сковороды, человѣкъ не имѣетъ возможности познать міровую субстанцію иначе, какъ путемъ по-

знанія ея въ себѣ. Всѣ другіе пути ему отрѣзаны. Органъ познанія—мысль, отождествляемая Сковородой съ душой и сердцемъ человѣка, которая есть «тайная въ нашей тѣлесной машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея, невещественная и безстихійная, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, не прекращающая своего движенія ни на одно мгновеніе и продолжающая равномолнійное своего летанья стремленіе черезъ неограниченныя вѣчности, милліоны безконечные». Мысль эта, по представленію философа, сродная, если не тождественная съ міровой субстанціей, можетъ устремляться и на внѣшній міръ, ищетъ своего сродства по мертвымъ стихіямъ, измѣряетъ, по его выраженію, море, воздухъ, землю, небеса, размежевываетъ планеты, находитъ закомплектныхъ міровъ несчетное множество, строитъ непонятныя машины, дѣлаетъ, что-денно, новые опыты и изобрѣтенія. Но все это ее не удовлетворяетъ; все кажется ей, что недостаетъ чего то великаго, а чего—она не понимаетъ, только плачетъ. Ясно, что душевная бездна не наполняется науками. Мы пожираемъ безчисленное множество системъ съ планетами, математику, медицину, физику, механику, и все алчемъ; не утоляется, а рождается душевная жажда. Такъ, аѳиняне Павловыхъ временъ зѣвали на мірскую машину, но видѣли въ ней одну только глинку; глинку мѣрили, глинку считали, глинку существомъ называли. Одно только у нихъ было истиною, что ощупать можно; одно точно осязаемое было у нихъ натурою или физикою, физика—философіею, а все неосязаемое—пустою фантазіею, чепухою, вздоромъ, суевѣріемъ и ничтожностью. Но и они догадывались, по тайному душевному воплю, по неутолимой внутренней жаждѣ, что не все-на-все перезнали, что, наоборотъ, они не знаютъ самаго главнаго и самаго нужнаго. А это самое нужное познаніе, которое осмысливаетъ всѣ остальныя, можно пріобрѣсти только однимъ путемъ: обращеніемъ къ самому себѣ, познаніемъ своего внутренняго существа, которое тождественно съ міровой субстанціей, съ Богомъ. Искать познанія Бога внѣ себя, въ стихіяхъ, «въ околичностяхъ», по выраженію Сковороды, есть пагубная ошибка, такъ какъ тамъ «все для насъ гораздо крайнѣйшая тьма, чѣмъ мы для себя сами». Пока мы не узнаемъ самихъ себя, т.-е. нашего внутренняго существа, или живущаго въ насъ «истиннаго человѣка», мы собственно не знаемъ ничего достойнаго познанія и внѣ насъ. Нельзя узнать плана въ земныхъ и небесныхъ пространныхъ матеріалахъ, плана, по которому все-на-все создано и безъ котораго ничто не можетъ держаться, если не усмотрѣть его прежде

въ своей собственной ничтожной плоти. Если хотимъ измѣрить небо, землю и моря, должны прежде всего измѣрить самихъ себя собственною нашею мѣрою. А если не сыщемъ этой мѣры внутри насъ, то чѣмъ можемъ измѣрить остальной міръ? Такъ разсуждаетъ Сковорода, отказывая въ какой бы то ни было цѣнности и достовѣрности всякому нашему непосредственному знанію внѣшняго міра. Но за то, по его мнѣнію, «познать себя и познать Бога, т.-е. истинную сущность міра, есть одинъ трудъ: чѣмъ больше мы познаемъ себя, тѣмъ выше поднимаемся и вообще на гору вѣдѣнія». Что же нужно дѣлать для того, чтобы познать себя? Одно: непрестанно думать. Думать, направляя движеніе мысли прежде всего къ тому, чтобы разсѣчь себя на-двое, т.-е. отдѣлить все преходящее, тлѣнное, кажущееся своей природы отъ неизмѣннаго, дѣйствительнаго. «Ищи, стучи, перебирай, рой, выщупывай, испытывай, прислушивайся» въ этомъ направленіи, и ты будешь преуспѣвать въ верховной наукѣ, разомъ самоновѣйшей и самодревнѣйшей. Приближаться къ Богу можно только познаніемъ; мысль, направленная къ этому познанію, по выраженію Сковороды, есть молитва.

Но значеніе «познанія себя» далеко не исчерпывается тѣмъ, что мы указали; этотъ принципъ имѣлъ безконечно обширное примѣненіе въ другой области, въ области, такъ сказать, субъективныхъ цѣлей человѣческаго бытія.

Дѣло въ томъ, что человѣкъ, какъ и все живое, рожденъ для счастья: «все-на-все родилось на добрый конецъ» — это была для Сковороды аксіома, совершенно ясная сама по себѣ и потому не требующая никакихъ доказательствъ.

Но между человѣкомъ и остальной тварью есть та огромная разница, что онъ долженъ самъ открыть законъ своего счастья, что законъ этотъ, если не совсѣмъ закрытъ отъ человѣка, то и не открытъ ему вполнѣ. Человѣкъ долженъ проникать въ него, раскрывать его работой своихъ мыслей, трудомъ познанія. Такимъ образомъ, счастіе человѣка находится въ самой тѣсной, непосредственной зависимости отъ его успѣховъ въ познаніи себя, а слѣдовательно и Бога. Уразумѣть, въ чемъ состоитъ счастіе, значитъ почти то же, что и получить его, такъ какъ отъ разумѣнія родится желаніе, отъ желанія искъ, отъ иска полученіе; причемъ природа счастія такова, что всѣ эти промежуточныя ступени между разумѣніемъ и полученіемъ не имѣютъ никакого существеннаго значенія.

Но въ чемъ же состоитъ законъ человѣческаго счастія? Въ согласіи нашихъ желаній, стремленій, нашей воли, съ направленіемъ

и требованіями господственной натуры. Жить по натурѣ, жить по волѣ Божіей и быть счастливымъ — одно и то же. Человѣкъ долженъ уразумѣть эту волю и сдѣлать ее своею волею—вотъ на чемъ зиждется истинное человѣческое счастіе.

Этотъ основной законъ человѣческаго счастія не совсѣмъ закрытъ для человѣка. Преблагая натура облегчила его пониманіе; она обставила истинное, т.-е. согласное съ этимъ верховнымъ закономъ счастіе, особыми условіями; точнѣе, сама природа этого счастія такова, что оно, такъ сказать, само навязывается человѣку.

Первое указаніе, данное человѣку на природу истиннаго счастія, состоитъ въ томъ, что все нужное и полезное въ цѣляхъ его достиженія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и легкое, достижимое, доступное каждому. И обратно: все трудно достижимое, рѣдкое есть несомнѣнно неполезное и ненужное для счастія. «Нѣтъ слаще для человѣка и нѣтъ нужнѣе, какъ счастіе,—говоритъ Сковорода,—нѣтъ же ничего и легче сего. Что было бы тогда, если бы счастіе зависѣло отъ мѣста, отъ времени, отъ плоти и крови? Скажу яснѣе: что было бы тогда, если бы счастіе заключилъ Богъ въ Америкѣ или въ Канарскихъ островахъ, или въ азіатскомъ Іерусалимѣ, или въ царскихъ чертогахъ, или въ Соломоновскомъ вѣкѣ, или въ богатствахъ, или въ пустыни, или въ чинѣ, или въ наукахъ, или въ здравіи?.. Кто бы могъ добраться къ тѣмъ мѣстамъ? Какъ можно всѣмъ родиться въ одномъ коемъ-то времени? Какъ же и помѣститься въ одномъ чинѣ и статьѣ?»

«Нынѣ же желаешь ли быть счастливымъ? Не ищи счастія за моремъ, не проси его у человѣка, не странствуй по планетамъ, не влачись по дворцамъ, не ползай по шару земному, не броди по Іерусалиму... Златомъ можешь купить деревню, вещь трудную, яко обходимую, а счастіе, яко необходимая необходимость, туне вездѣ и всегда даруется»... Положеніе: «Благодареніе всевышнему Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ», есть одно изъ немногихъ, такъ сказать, центральныхъ, любимыхъ положеній Сковороды; къ нему онъ часто возвращался и охотно развивалъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Счастіе вездѣ и всегда съ нами; какъ рыба въ водѣ, такъ мы въ немъ, а оно около насъ ищетъ насъ. Другой признакъ для распознаванія, которымъ натура вооружила насъ, чтобы мы не сбились съ пути, ведущаго къ истинному счастію, есть чувство внутренняго удовлетворенія, «душевной сладости, веселія, куража», которымъ необходимо сопровождается жизнь, направленная какъ слѣдуетъ. Наивысшимъ выраженіемъ этой сладости является

душевный миръ, которому Сковорода посвятилъ двѣ лучшія свои философскія бесѣды, въ которыхъ душевный миръ прямо отождествляется со счастіемъ. Еще однимъ важнымъ признакомъ, который характеризуетъ природу истиннаго счастія, въ отличіе его отъ ложнаго, служитъ то, что истинное счастіе можетъ имѣть «множество сопричастниковъ, и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ оно становится слаже и дѣйствительнѣе».

И, наконецъ, одинъ отрицательный признакъ не можетъ входить въ опредѣленіе нашего счастія, а именно все, что непостоянно, преходимо, что насъ оставляетъ. Нельзя ничего называть счастіемъ, сладостью, что рождаетъ горесть. Счастіе ли здоровье, если концомъ его слабость? Счастіе ли молодость, если концомъ ея старость? Счастіе ли даже и жизнь, если концомъ ея смерть? Радуются долголѣтію; но если умирать есть несчастіе, то не все ли равно, постигнетъ ли оно черезъ 30 или черезъ 300 лѣтъ? Не велика отрада заключенному, что его не черезъ 3 часа, а на 30-й день вытащатъ на эшафотъ. Только постоянство, неотъемлемость и неизмѣнность совмѣстимы съ понятіемъ истиннаго счастія.

Такъ какъ люди рождены къ счастію, то стремленіе къ нему, «забава», какъ выражается Сковорода на своемъ оригинальномъ языкѣ, «есть верхъ и цвѣтъ, и зерно человѣческія жизни; она есть центръ каждыя жизни; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ». Но въ своемъ естественномъ стремленіи къ счастію человѣкъ часто заблуждается. Сколь разнообразными и краснорѣчивыми указаніями ни обставила натура путь къ истинному счастію, какъ ни старалась сдѣлать его широкимъ и торнымъ, все-таки человѣку, по свойственной ему свободѣ воли, свободѣ выбора, возможно заблуждаться, и онъ широко пользуется этою свободой. Видимая, тлѣнная сторона его природы, его рабская, подлая, стихійная натура постоянно увлекаетъ его въ погоню за всякими видимостями.

Безумный человѣкъ выходитъ изъ дому своего, ищетъ счастія внѣ себя, бродитъ по разнымъ посторонностямъ, достаетъ блистающее имя, обвѣшивается свѣтлымъ платьемъ, притягиваетъ разновидную сволочь золотой монеты и серебряной посуды, находитъ друзей и безумія товарищей, чтобъ занесть въ душу лучъ свѣтлаго блаженства... Чего онъ ни дѣлаетъ? Воюется, тяжбы водитъ, коварничаетъ, печется, затѣваетъ, строитъ, разоряетъ, кручинится... есть ли свѣтъ? Смотритъ: ничего нѣтъ. А свѣтъ этотъ такъ близко, у себя дома, только стóитъ въ этомъ своемъ домѣ прорубить окошко, чтобы хлынули въ него цѣлые потоки, несущіе блаженство... Но

человѣкъ, затуманенный видимостями, не можетъ догадаться, въ чемъ заключается этотъ простой секретъ. Даже то естественное наказаніе, которымъ неизбѣжно сопровождаются человѣческія ошибки, заключающіяся «въ претыканіи, паденіи и сокрушеніи» всѣхъ его дѣлъ, построенныхъ на пескѣ, не всегда наводитъ человѣка на пониманіе истины. И тутъ то долженъ ему притти на помощь философъ, вооруженный верховною мудростью, и вести такого человѣка путемъ познанія самого себя къ уразумѣнію закона своего счастія.

Но, указавъ на познаніе, какъ на единственный путь къ счастію, Сковорода, повидимому, ставитъ познаніе же и цѣлью, самымъ содержаніемъ счастія. По крайней мѣрѣ, онъ въ такомъ смыслѣ высказывается въ предисловіи къ «Израильскому змію», одному изъ наиболѣе типичныхъ его философскихъ разсужденій.

Идя навстрѣчу нуждамъ слабой человѣческой природы, Сковорода дѣлаетъ изъ своихъ общихъ положеній нѣкоторые выводы, идущіе въ область прикладной морали. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ моралистомъ quand-même, какимъ его считаютъ нѣкоторые, между прочимъ и г. Зеленогорскій, который именно съ этого утвержденія начинаетъ свою работу. Нѣтъ, онъ не былъ моралистомъ: проповѣдь нравственныхъ истинъ съ цѣлью исправленія нравовъ была совсѣмъ чужда его задачамъ, — не объ исправленіи нравовъ думалъ онъ... Оттого изъ всей обширной области «практической морали» онъ касался лишь очень немногихъ сторонъ, которыя въ его построеніи были тѣсно связаны съ его общими положеніями, вытекали изъ нихъ непосредственно. Внѣ этого, насущнонеобходимаго по его философскому построенію, онъ ничего не хотѣлъ знать. Но прикладная его мораль является съ тѣми же рѣзкими чертами, какъ и вся его философія, съ которой она неразрывно слита. Всѣ ея немногочисленныя положенія Сковорода не только проповѣдовалъ и доказывалъ, но и цѣльно примѣнялъ къ себѣ, иллюстрируя ихъ примѣнимость своимъ собственнымъ примѣромъ.

Всякому, стремящемуся къ нравственному совершенству, Сковорода предлагалъ три вещи: правильный выборъ пищи, дружбы, званія. Два послѣдніе пункта онъ формулировалъ въ слѣдующихъ какъ бы заповѣдяхъ, запрещающихъ: А) входить въ несродную стать (status); Б) несть должность природѣ противную; В) обучаться къ чему не рожденъ; Г) дружить съ тѣми, къ коимъ не рожденъ. Этими положеніями совершенно исчерпывается вся практическая мораль Сковороды, которую онъ внушалъ своимъ ученикамъ.

Вопроса о пищѣ онъ не считалъ, повидимому, настолько важнымъ, чтобы разработывать его въ своихъ сочиненіяхъ: но въ устныхъ бесѣдахъ и письмахъ онъ его касался, а главное—проводилъ строго въ своемъ личномъ режимѣ. Одно время, когда на него было обращено подозрительное вниманіе начальства послѣ его краткаго выступленія на оффиціальную сцену, какъ преподавателя благонравія при харьковскихъ училищахъ (о характерѣ этого выступленія свидѣтельствуетъ напечатанная въ вышедшемъ томѣ предварительная лекція и компендіумъ слѣдующихъ), онъ былъ обвиняемъ въ манихейской ереси. Обвиненіе основывалось, главнымъ образомъ, на его воздержаніи отъ мяса. По этому поводу Сковорода дѣлалъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ не считаетъ мясо вреднымъ само по себѣ, но полагаетъ, что потребленіе его можетъ вредить во многихъ случаяхъ, особенно молодымъ людямъ. Самъ Сковорода былъ въ пищѣ чрезвычайно умѣренъ: ѣлъ разъ въ сутки, вечеромъ, и то очень мало. Это было въ гармоніи со всѣмъ его аскетическимъ режимомъ, который у него, впрочемъ, не исключалъ жизнерадостнаго настроенія, какое онъ считалъ обязательнымъ поддерживать всегда и въ себѣ и въ другихъ. Вообще, выставляя правильное употребленіе пищи въ число немногихъ основаній своей прикладной морали, Сковорода, конечно, подразумѣвалъ подъ ней не только ѣду въ тѣсномъ смыслѣ слова, а вообще удовлетвореніе своихъ насущныхъ потребностей. Ограниченіе себя до крайнихъ предѣловъ возможности было принципомъ всей долгой жизни Сковороды, и его же онъ рекомендовалъ своимъ ученикамъ какъ первую, легчайшую ступень къ дальнѣйшему совершенству.

То значеніе, которое Сковорода придавалъ дружбѣ и выбору друзей, ставя это въ число основныхъ требованій, предъявляемыхъ имъ къ человѣку, можетъ показаться страннымъ; но эта странность зависитъ только отъ того, что я еще не указала той стороны въ міровоззрѣніи Сковороды, изъ которой это требованіе вытекало. На самомъ дѣлѣ, оно было такъ же пригнано къ цѣлому, какъ и всѣ составныя части его философіи. Объяснюсь пока коротко. Подъ дружбой Сковорода понималъ не случайную личную пріязнь, неопредѣленную симпатію, связывающую людей легкой и ни къ чему не обязывающей связью. Дружба въ его глазахъ была союзомъ избранныхъ, такъ сказать, отмѣченныхъ высшею печатью душъ, съ ясно сознанными цѣлями исканія истины. Дѣло въ томъ, что онъ полагалъ, что истина не можетъ притти въ міръ иначе, какъ черезъ такой союзъ. Понятно отсюда то мѣсто, какое онъ отводитъ дружбѣ въ своемъ построеніи.

Наконецъ, третій пунктъ Сковорода, въ силу той важности, какую онъ придавалъ его разъясненію, разбивалъ на слѣдующія отдѣльныя положенія: не входить въ несродную стать, не несть должность природѣ противную, не обучаться, къ чему не рожденъ. Конечно, это все разныя стороны одного и того же положенія, называемаго Сковородою кратко, однимъ словомъ: «несродность». Объ этой несродности и необходимо связанной съ ней сродности Сковорода писалъ очень часто, конечно, еще чаще бесѣдовалъ о ней съ своими друзьями; выдвигалъ для доказательства своихъ утвержденій множество аргументовъ, иллюстрировалъ ихъ массой примѣровъ, художественныхъ образовъ, аллегорій. Видно, что этой прикладной сторонѣ своего ученія Сковорода придавалъ особенную важность. И самой жизнью своей онъ подчеркивалъ ее очень старательно. Я уже сказала выше, что онъ всю жизнь свою провелъ какъ добродѣтельный нищій, не имѣя никогда ни своего угла, ни какой-либо собственности, кромѣ одежды на тѣлѣ, нѣсколькихъ книгъ, рукописей и флейты въ торбѣ, которую онъ носилъ за плечами. Но многимъ, и на большомъ районѣ, куда входили не только Харьковъ и Кіевъ, но и Москва, извѣстна была ученость Сковороды, его выдающееся остроуміе, замѣчательное краснорѣчіе. Естественно, что его доброжелатели, цѣнившіе его таланты, а въ числѣ ихъ было не мало и сильныхъ міра сего,—очень желали дать ему какое-нибудь житейское положеніе. Но всѣ направленныя сюда старанія, всѣ дѣлаемыя ему предложенія Сковорода всегда отклонялъ тѣмъ, что эта стать ему несродна; что если бы только онъ почувствовалъ влеченіе хоть, напримѣръ, къ воинскому званію, то тотчасъ же нацѣпилъ бы на себя саблю, но онъ этого не чувствуетъ, а, наоборотъ, чувствуетъ, что ему прилична роль на свѣтѣ лишь самая простая, безпечная, уединительная, и что въ этой выбранной себѣ роли онъ чувствуетъ себя совершенно удовлетвореннымъ и счастливымъ. Беззавѣтно преданный своимъ идеямъ, совершенно цѣльный, Сковорода хотѣлъ доказать жизнью свое ученіе; доказалъ ли что или не доказалъ, во всякомъ случаѣ, онъ оставилъ въ общественной атмосферѣ бодрящее душу сознаніе того, какъ велика можетъ быть власть человѣка надъ собой.

Ученіе о сродностяхъ и статяхъ у Сковороды складывалось такъ. Онъ предполагалъ существованіе своего рода harmonia praestabilita между обществомъ и человѣкомъ. Общество Сковорода любитъ сравнивать съ часовымъ механизмомъ, гдѣ каждая часть хитро подогнана къ цѣлямъ всего. Въ цѣлесообразности своего устройства

общество носитъ на себѣ, по его мнѣнію, отпечатокъ непосредственнаго воздѣйствія той самой невидимости, высшей воли, которая царитъ во всемъ мірѣ, какъ и въ человѣкѣ. Такимъ образомъ, между обществомъ и душой человѣка существуетъ гармонія, происходящая, такъ сказать, отъ единства источника, который далъ начало какъ одному, такъ и другой. Эта гармонія отражается въ душѣ человѣка прирожденною ему наклонностью и способностями къ тому или другому виду общественной дѣятельности. Вотъ это то и есть «сродность къ той или другой стати».

Отъ того, будутъ ли люди руководствоваться въ жизни своими сродностями или нѣтъ, цѣликомъ зависитъ и общественное благо и личное счастіе человѣка. Указать свою сродность и есть одна изъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ самопознанія, раскрытія воли Божіей, пребывающей въ человѣкѣ,—такая задача, удачное рѣшеніе которой значительно облегчаетъ всѣ дальнѣйшія трудности въ стремленіи человѣка къ высшему совершенству. Внѣ удачнаго ея рѣшенія не можетъ быть для человѣка и рѣчи о счастьи. Человѣкъ можетъ быть счастливъ только тогда, по мнѣнію Сковороды, когда принимаетъ на себя общественную обязанность не по своимъ прихотямъ и не по чужимъ совѣтамъ, но вникнувъ въ самого себя и внявъ живущему въ немъ и зовущему духу, который не ошибается и поведетъ человѣка къ тому, къ чему онъ рожденъ, чтобъ онъ былъ полезнымъ для себя и для другихъ. И общество можетъ продолжать правильное свое теченіе только тогда, когда каждый его членъ не только добръ, но и исполняетъ сродную себѣ часть отъ всеобщей должности, разлитой по всему составу. «Самая добрая душа,—разсуждаетъ Сковорода,—тѣмъ безпокойнѣе и несчастливѣе живетъ, чѣмъ важнѣйшую должность несетъ, если къ ней не рождена. Да и какъ не быть несчастной, если потеряла сокровище душевнаго мира? Какъ же не потерять, если вмѣсто услугъ обижаетъ друзей и родственниковъ, ближнихъ и дальнихъ, однородныхъ и чужестранныхъ? Какъ не обижать, если вредъ приноситъ обществу? Какъ не вредить, если нѣтъ неутомимаго труда? Откуда же уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ-жъ возьмешь охоту безъ природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота стремится къ труду и радуется имъ. Трудъ есть живой и неусыпный всей машины ходъ потоль, поколь породитъ совершенное дѣло, соплетающее творцу своему вѣнецъ радости».

Увлекаясь своей идеей, Сковорода временами былъ склоненъ

приписывать чуть не все зло и всѣ несовершенства нашей жизни тому, что люди не уразумѣли этой простой истины и не стремятся устраивать жизнь свою по сродностямъ. Конечно, Сковорода не могъ не понимать, какъ трудно бороться съ заблужденіемъ, корни котораго такъ глубоко вкоренились въ рабскую и внѣшнюю природу человѣка и такъ омрачили всѣ сердца, что «не сыщешь столь подлой души нигдѣ, которая не рада бы хоть сегодня взойти и на самое высокое званіе, ни мало не разсуждая о сродности своей». Самые близкіе друзья, хотя, вѣроятно, и охотно слушали, но плохо принимали къ сердцу его краснорѣчивую проповѣдь на темы, что «природный и честный сапожникъ милѣе и почтеннѣе, чѣмъ безприродный штатскій совѣтникъ», или что «во сто разъ блаженнѣе пастухъ, овцы или свиньи съ природою пасущій, нежели священникъ, брань противу Бога имущій», или что «вѣрный признакъ несродности къ званію есть гоняться за доходами» и т. д. Но, конечно, самой краснорѣчивою проповѣдью, хотя столь же мало убѣдительною для окружающихъ, была самая жизнь Сковороды.

Въ своей фанатической вѣрѣ въ теорію сродности Сковорода развивалъ свое ученіе дальше, въ его практическихъ подробностяхъ и приложеніяхъ. Онъ разсматривалъ спеціально нѣкоторыя общественныя стати въ связи съ соотвѣтствующими имъ сродностями. При этомъ онъ предупреждалъ, что чѣмъ важнѣе стать, тѣмъ внимательнѣе надо испытывать свою сродность, чтобы не произошло ошибки, тѣмъ болѣе пагубной, чѣмъ самая стать отвѣтственнѣе. Къ наиболѣе отвѣтственнымъ статямъ онъ относитъ и занятіе философіей, и разъясненію этой стати и ея сродности онъ посвящаетъ наиболѣе вниманія. Настоящимъ философомъ можетъ быть только тотъ, по его мнѣнію, кто способенъ вмѣстить идеалъ, который онъ опредѣляетъ слѣдующими выраженіями: «Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи съ терпѣніемъ, учись священнымъ языкамъ, научись хоть одному твердо, привитайся съ древними языческими философами, побесѣдуй съ отцами вселенскими; голодъ, холодъ, ненависть, гоненіе, клевета, руганіе и трудъ да будетъ не только сносенъ, но и сладостенъ...» Полны истиннаго краснорѣчія слова, которыя онъ обращаетъ къ предполагаемому имъ безприродному любителю философіи. «Учителю, иду по тебѣ... Иди лучше паши землю или носи оружіе, отправляй купеческое дѣло или художество твое. Дѣлай то, къ чему рожденъ, будь справедливый и миролюбный гражданинъ, и довлѣетъ... Учи-

телю, иду по тебѣ... Не ходи... Сего недовольно, что ты остръ и учонъ. Должно быть другомъ званію, не любителемъ прибыли отъ него... Учителю, иду по тебѣ... Иди... и будешь естества лишенный чучелъ, облакъ бездождный, сатана, съ небесной должности къ подлымъ похотямъ падшій...»

Никакихъ другихъ сторонъ изъ безконечной области практической нравственности, кромѣ трехъ указанныхъ мною, Сковорода никогда не касался. Вѣроятно, онъ полагалъ, что все остальное само приложится человѣку, если онъ встанетъ на указываемый путь. Да и вообще съ его духовной индивидуальностью было несовмѣстимо проповѣдывать ad hoc, что требуется природой истиннаго моралиста.

Итакъ, я представила остовъ философскаго міровоззрѣнія Сковороды съ указаніемъ всѣхъ его важнѣйшихъ частей и ихъ соотношеній. Но мнѣ предстоитъ еще указать, чѣмъ былъ оживленъ этотъ остовъ, что и труднѣе, и отвѣтственнѣе: дѣло въ томъ, что все сказанное мною выше можетъ быть провѣрено по сочиненіямъ, изданнымъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ; то же, что я буду говорить дальше, главнымъ образомъ, опирается на сочиненія, еще не вошедшія въ настоящее изданіе.

Не затрогивая общаго вопроса объ отношеніи философіи къ религіи, я съ увѣренностью могу выставить такое положеніе: философія Сковороды была, несомнѣнно, и его религіей. Была—не въ томъ условномъ, субъективномъ, смыслѣ, въ которомъ всякая идея можетъ отродиться въ душѣ человѣка въ объектъ религіознаго отношенія, а въ прямомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Вотъ здѣсь-то и лежитъ глубокая пропасть между Сковородой и нѣкоторыми западноевропейскими мыслителями, на него повліявшими, но которые проводили всегда болѣе или менѣе рѣзкую грань между философіей и религіей. Какъ настоящая религія,—а не суррогатъ ея, отмѣченный печатью личнаго творчества,—міровоззрѣніе Сковороды впадаетъ въ общій стихійный центральный потокъ религіозной мысли,—преданія, которымъ жило и живетъ человѣчество,—впадаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ ему дерзкое отрицаніе. Не увидѣть или не понять этой стороны въ ученіи Сковороды — значитъ не увидѣть подъ общими его чертами его индивидуальной духовной физіономіи.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, вообще совершенно лишенныхъ біографическихъ подробностей, Сковорода говоритъ, что онъ началъ читать Библію 30 лѣтъ отъ роду. Утвержденіе какъ

бы несообразное для человѣка, который учился въ Кіевской Духовной академіи, — но совершенно ясное и несомнѣнно правдивое. Смыслъ его таковъ: конечно, Сковорода зналъ Библію съ ранняго дѣтства; но только тридцати лѣтъ, уже послѣ своихъ странствованій по Европѣ, въ которыхъ онъ, повидимому, много пріобрѣлъ для расширенія своего умственнаго кругозора, Библія явилась для него съ тѣмъ особымъ значеніемъ, которое отмѣчаетъ его міровоззрѣніе. Съ тѣхъ поръ до конца своей жизни онъ оставался «любителемъ священныя Библіи», какъ онъ подписывался въ своихъ письмахъ. Но странная это была любовь...

Наряду съ космосомъ, или міромъ обительнымъ, который въ совокупности своихъ преходящихъ явленій заключаетъ въ себѣ неизмѣнную и непреходящую, вѣчную основу, и маленькимъ міркомъ, человѣческимъ микрокосмомъ, отношеніе котораго къ большому міру выяснено выше, есть еще микрокосмъ, другой малый мірокъ—«мірокъ символичный, или Библія». Библія, въ полномъ своемъ составѣ, есть не что иное, какъ собраніе образовъ, фигуръ, «ведущихъ мысль нашу въ понятіе вѣчныя натуры, утаенной въ тлѣніи», иначе говоря, собраніе притчей или аллегорій, значеніе которыхъ заключается въ скрытой подъ этими аллегоріями философской истинѣ. Такимъ образомъ, библейный микрокосмъ, какъ и человѣческій, заключаетъ въ себѣ двѣ природы: одну внутреннюю, подлежащую раскрытію разумнымъ въ нее проникновеніемъ, и другую внѣшнюю, стихійную, которая должна быть отброшена, какъ ненужная ветошь, разъ человѣкъ проникъ своимъ разумомъ въ истинную сущность, скрытую подъ этой тлѣнной оболочкой. Отсюда двойственное отношеніе Сковороды къ Библіи. Съ одной стороны, онъ относился къ Библіи какъ глубоко вѣрующій, искренно религіозный человѣкъ; съ другой стороны, совершенно отрицалъ ее, отрицалъ почти до издѣвательства, приличнаго какому-нибудь ученику Вольтера.

Складывалось это у него, сколько я могла понять, такъ. Онъ полагалъ, что невидимая основа всего сущаго, открываясь въ человѣкѣ, такъ сказать, нарочито открылась въ Библіи (какъ отчасти и въ языческихъ миѳологіяхъ). Но понять это его отношеніе къ Библіи можно только тогда, когда поймешь его идею объ избранныхъ людяхъ и ихъ особой роли въ мірѣ. Библія есть твореніе этихъ избранныхъ людей, черезъ которыхъ только и открываетъ себя верховная основа міра. Вѣра въ этотъ родъ Израилевъ, избранныхъ, Божьихъ, истинныхъ людей, призванныхъ самой натурой быть истолкователями воли Божьей, живою связью между человѣ-

ческимъ прахомъ и вѣчностью, была одной изъ важнѣйшихъ основъ въ ученіи Сковороды.

Собственно, каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ зерно истиннаго человѣка. Но онъ не хочетъ этого уразумѣть, почитаетъ себя за скота, говоритъ въ сердцѣ своемъ: «кровь и плоть моя я-то есмь, и что же еще кромѣ сего?»—и въ самомъ дѣлѣ дѣлается скотомъ. Но кто захочетъ трудомъ разумѣнія высѣчь заключающуюся въ немъ искру, тотъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ этихъ избранниковъ никогда не умирающаго Божьяго рода, не имѣющаго ни начала, ни конца, ни раздѣленія. Если узнаешь одного изъ этого рода, узнаешь всѣхъ, такъ какъ во всѣхъ одинъ новый, или истинный человѣкъ, и они въ немъ, а онъ въ отцѣ своемъ. Изъ этого рода—Моисей, также какъ патріархи и пророки, да и Плутархъ, напримѣръ, тоже принадлежалъ къ числу тѣхъ, «которые хотя за Христомъ и не ходили, но именемъ Его бѣсовъ изгоняли...»

Къ этому роду «вторичнорожденныхъ» носителей верховной мудрости Сковорода, несомнѣнно, причислялъ и себя: помимо отдѣльныхъ указаній и намековъ, драматическій діалогъ: «Пря бѣса съ Варсавой», теперь напечатанный, говоритъ объ этомъ очень ясно. Въ число первыхъ задачъ своей миссіи Сковорода ставилъ созданіе этого новаго Израиля путемъ своего личнаго воздѣйствія, пропаганды, какъ можно выразиться на современномъ языкѣ. Впереди, и въ недалекомъ будущемъ, ему, полному страсти энтузіасту, мерещилось «второе время», «царство Божіе», «жизнь вѣчная», когда огнемъ разумѣнія будетъ пожрано все мертвенное, тлѣнное, стихійное человѣческой природы, и земля сдѣлается «землей живыхъ, страной и царствомъ любви, горнимъ Іерусалимомъ—сверхъ подлаго азіатскаго—безъ вражды и раздора, гдѣ все общее, гдѣ общество будетъ въ любви, любовь въ Богѣ, Богъ въ обществѣ...»

Такимъ образомъ, Сковорода вѣрилъ, вѣрилъ, какъ истинный фанатикъ, что весь смыслъ Библіи—тотъ самый, который заключается въ его философскомъ построеніи; что только нужно раскрыть этотъ смыслъ, извлечь его изъ-подъ скрывающихъ его внѣшностей, чтобъ уразумѣть это; что весь смыслъ Библіи заключается въ томъ же «познай себя», чтобы черезъ самопознаніе взойти къ познанію Бога, основы сущаго. Главной своей задачей Сковорода и считалъ именно—раскрыть эту внутреннюю связь между Библіей и философіей и сдѣлать ее ясной для другихъ.

Въ исполненіи этой задачи онъ видѣлъ необходимую ступень къ водворенію на землѣ царства Божія. Отсюда и та особая

складка, которою отмѣчены всѣ его философскія разсужденія и которая даетъ поводъ дѣлать о немъ такія разнообразныя и противорѣчивыя заключенія. Его называли мистикомъ только потому, что не давали себѣ труда разобрать, въ какомъ отношеніи стоятъ многочисленныя цитаты изъ Библіи, сопровождающія почти каждое его философское положеніе, къ его основной темѣ. Понять это отношеніе значитъ найти ключъ къ пониманію Сковороды.

Пламенная любовь вѣрующаго, какую питалъ Сковорода къ «своей» Библіи, къ той, которая укрывала подъ своими образами истину, обращалась въ его цѣльной и суровой душѣ въ страстную ненависть къ внѣшней буквѣ Библіи. Въ этомъ чувствѣ большое мѣсто занималъ страхъ передъ пагубною, съ его точки зрѣнія, силой, какую она обнаруживала надъ умами человѣчества [1]). Онъ предостерегаетъ отъ чтенія Библіи; онъ боится, чтобъ ее не читали тѣ, кто инымъ путемъ не пріобрѣлъ критерія истины: не узнавъ себя, нельзя узнать Библіи; не узнавшихъ себя Библія мучитъ, какъ сфинксъ. «Библія подобна ужасной пещерѣ,—она вся преисполнена пропастей и соблазновъ; она первѣе на еврейскій, потомъ на христіанскій родъ безчисленныя навела суевѣрій наводненія»... Увлекаясь внѣшностью Библіи и забывая, что «она есть, какъ всякая внѣшность, тлѣнь, и что нѣтъ блага, кромѣ Бога, люди начинаютъ уповать на плоть и кровь, обожаютъ вещество въ свѣчахъ, живописи и церемоніяхъ. Сколько уже вѣковъ люди мудрствуютъ въ церемоніяхъ и каковы плоды? Только одни расколы, суевѣрія и лицемѣрія. Церемоніальнымъ терновникомъ заросъ входъ въ садъ Божіей истины, и нѣтъ туда доступа человѣку».

Видя въ Библіи источникъ всякой внѣшности въ богопочитаніи, которую онъ отожествлялъ съ язычествомъ и суевѣріемъ, Сковорода пытался съ корнемъ вырвать изъ душъ своихъ послѣдователей уваженіе къ этой внѣшней Библіи. Для этого онъ прибѣгалъ даже къ грубой насмѣшкѣ. «Люди, по словамъ Библіи, преобразуются въ соляные столбы, возносятся къ планетамъ, ѣздятъ колясками на морскомъ днѣ и на воздухѣ, солнце будто карета останавливается, желѣзо плаваетъ, рѣки возвращаются, отъ гласа трубнаго разваливаются городскія стѣны, горы какъ бараны скачутъ, волки съ овцами дружатъ, возстаютъ мертвыя кости, падаютъ съ яблонь небесныя свѣтила, а изъ облаковъ крупяная каша съ перепелками...

*) Въ послѣдующихъ строкахъ, весьма характерныхъ для ученія Сковороды, явно проглядываетъ крайній его раціонализмъ и, по всей вѣроятности, вліяніе западной критики Библіи, начавшейся со времени Спинозы. *Ред.*

Будто блаженная натура когда-то гдѣ-то дѣлала то, что теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ... Возстать противъ царства натуры и ея законовъ есть несчастная, исполинская дерзость: какъ же могла возстать на свой законъ блаженная натура?»... Въ виду такихъ кощунственныхъ разсужденій весьма возможно, что Сковорода игралъ извѣстную роль, если не въ основаніи, то въ развитіи въ Малороссіи духоборческой раціоналистической ереси [1]).

Я кончила. Мнѣ кажется, я указала всѣ характерныя черты міровоззрѣнія Сковороды, насколько оно выразилось въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ. Но я больно чувствую одинъ огромный недостатокъ въ своемъ изложеніи. Я все-таки отдѣлила философа отъ ересіарха, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эти двѣ стороны сливаются въ Сковородѣ въ одну цѣльную духовную личность, поражающую своей суровой оригинальностью. Но я не сумѣла это сдѣлать иначе.

Не въ моихъ средствахъ взять на себя задачу опредѣлить, къ какому философскому теченію или школѣ должно отнести Сковороду какъ философа. Больше того, мнѣ навязывается мысль: должно ли и можно ли это сдѣлать? Не принадлежалъ ли Сковорода къ тѣмъ любопытнымъ, такъ-сказать, самороднымъ индивидуальностямъ, къ которымъ такъ идетъ выраженіе: самъ себѣ предокъ. Конечно, это не исключаетъ вопроса о вліяніяхъ, внѣ которыхъ немыслимъ человѣкъ, но отодвигаетъ его на другой планъ. Такъ или иначе, несомнѣнно одно: Сковорода былъ сыномъ своего вѣка. Съ роскош-

*) Въ одномъ изданіи сороковыхъ годовъ, извѣстномъ только развѣ записнымъ любителямъ мѣстной старины, въ „Описаніи Полтавской губ., Арендаренка“ есть прямое и категорическое указаніе, что секту духоборцевъ основалъ Сковорода. До сихъ поръ никто и никогда не связывалъ духоборцевъ съ Сковородой, въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о духоборствѣ нѣтъ и намека на подобную связь. Но если принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) что духоборство возникло несомнѣнно на территоріи Слободской Украины того района, гдѣ странствовалъ и постоянно училъ народъ Сковорода, 2) что и хронологически появленіе его совпадаетъ съ дѣятельностью Сковороды, 3) но главное, что ученіе духоборцевъ чрезвычайно напоминаетъ по духу Сковородинскій раціонализмъ, — то предположеніе о связи духоборства со Сковородой дѣлается во всякомъ случаѣ правдоподобнымъ. Проф. Амф. Степ. Лебедевъ, который писалъ о духоборствѣ въ Харьк. губ., на высказанное мною вышеупомянутое предположеніе, совершенно согласился со мною въ 3-мъ, главнѣйшемъ пунктѣ. Какъ онъ, такъ и проф. Багалѣй, возражаютъ одно, что духоборство появилось въ великорусскомъ населеніи губерній, а не малорусскомъ, какъ бы слѣдовало ожидать, если связывать его со Сковородой. Но я не нахожу это возраженіе достаточно убѣдительнымъ: Сковорода писалъ не по-малорусски, слѣдовательно могъ говорить и не съ малорусскимъ народомъ, а что его взгляды привились тутъ, а не привились тамъ, что же это доказываетъ? Несомнѣнно, что сочиненія Сковороды, его портретъ, духовныя его пѣсни до сихъ поръ пользуются огромнымъ уваженіемъ среди нашихъ сектантовъ-раціоналистовъ.

ной трапезы европейской философской мысли онъ, ея скромный участникъ-варваръ, вынесъ безграничное довѣріе къ компетентности человѣческаго разума.

Съ безудержной требовательностью, такъ характерной для цѣльной варварской природы, онъ захотѣлъ подчинить своему принципу все, включая и міръ преданія. Замыслъ возмутительно дерзкій. Но дерзость, не соразмѣренная съ природой вещей, несетъ свое естественное наказаніе въ неудачѣ своихъ результатовъ: не понесъ ли Сковорода строгаго наказанія за нее въ томъ забвеніи, которое его постигло,—забвеніи, несправедливомъ, если принять во вниманіе огромные размѣры этой фигуры, на ряду съ той массой пигмеевъ, которая испещряетъ собою страницы всякой исторіи?

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ

По г. В. СОЛОВЬЕВУ [1]).

На тихой и сонной поверхности современной русской общественной мысли время отъ времени то промелькнетъ зыбь, то прокатится что-то въ родѣ волны, чтобъ замереть у соннаго берега, то въ какой-нибудь точкѣ вдругъ заюлитъ и закрутитъ воронкой, втягивая куда-то въ глубину и оторвавшійся отъ родимой вѣтки листокъ, и мелкую рыбешку, беззаботно плескавшуюся на своемъ маленькомъ привольѣ. Заюлитъ, закрутитъ—и опять тихо, снова легла та же зеркальная поверхность, неподвижная и какъ бы безнадежно-мертвая, точно ничто никогда и не волновало ея. Что-же значитъ все это? Или русская общественная мысль—пока еще, до поры до времени, безжизненная, а слѣдовательно и инертная стихія, которая приводится лишь въ кажущееся движеніе случайными толчками внѣшнихъ силъ? Или, можетъ быть, она живетъ и работаетъ въ глубинахъ, прикрываясь внѣшней неподвижностью и лишь изрѣдка и случайно прорываясь на поверхность?

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нашъ литературный міръ былъ взволнованъ такимъ случаемъ: въ «Вѣстникѣ Европы» появилась статья г. В. Соловьева «Россія и Европа». О г. В. Соловьевѣ было извѣстно, что онъ человѣкъ честный и убѣжденный; извѣстно было также, что онъ печатался до тѣхъ поръ въ «Руси» и «Православномъ Обозрѣніи». Но «Русь» и «Православное Обозрѣніе», съ одной стороны, «Вѣстникъ Европы» съ другой,—вѣдь это двѣ противоположности, не допускающія никакого средняго термина: причемъ же тутъ г. Соловьевъ? Неужто онъ могъ такъ круто оборвать съ своимъ міросозерцаніемъ? Что случилось? Опять же неправдоподобно, чтобъ и «Вѣстникъ Европы», изъ-за чести видѣть на сво-

---

1) Недѣля 1888, № 36.

ихъ страницахъ г. Соловьева, могъ поступиться азбукой своихъ взглядовъ. Чтеніе, казалось-бы, должно было разрѣшить всѣ недоумѣнія. Но оно не разрѣшило ихъ. Конечно, читая статью «Вѣстника Европы», легко подумать, что г. Соловьевъ, этотъ новый Чаадаевъ, совершенно разочаровался въ Россіи и просто-на-просто махнулъ на нее рукой. Но вотъ вслѣдъ за статьей появляется книжка г. Соловьева «Національный вопросъ въ Россіи», гдѣ рядомъ съ этой рѣзко отрицательной статьей появляются и статьи положительнаго характера изъ «Православнаго Обозрѣнія» и «Руси». Очевидно, г. В. Соловьевъ хотѣлъ этимъ сказать, что онъ ни отъ чего не отрекается и ничего не сжигаетъ, что старые боги стоятъ на своемъ мѣстѣ. Разумѣется, г. В. Соловьевъ—при своемъ правѣ, но недоразумѣнія читателя только растутъ. Формальныхъ противорѣчій между двумя половинами книжки нѣтъ; нигдѣ г. Соловьевъ не отрицаетъ ни одного изъ своихъ старыхъ положеній. Однако, отъ этого не легче на душѣ у читателя, желающаго въ этомъ разобраться, а наоборотъ, еще темнѣе и тяжелѣе. Вся первая половина книги проникнута одной общей идеей о высшей, если не миссіи (г. Соловьевъ не вѣритъ въ предопредѣленіе) Россіи по отношенію къ человѣчеству, то задачѣ, заключающейся въ томъ, что Россія должна дать человѣчеству великое счастіе объединенія на почвѣ одной общей религіи. Но если Россія такъ нища духомъ, какъ это утверждаетъ вторая половина, то не правильнѣе ли было-бы ей не думать ни о какихъ высшихъ задачахъ, а старательно укрывшись въ тѣни собственнаго ничтожества, употребить всѣ усилія на то, чтобъ развить скудные зачатки своихъ духовныхъ силъ и тѣмъ оправдать свое право на человѣческое существованіе? Казалось бы, тутъ не можетъ быть иной постановки. Г. Соловьевъ, очевидно, думаетъ объ этомъ иначе, хотя мы совершенно не можемъ понять, какъ и что онъ объ этомъ думаетъ.

Но мы только указываемъ на эту темную сторону книжки г. Соловьева; углубляться же въ нее не будемъ. Наша цѣль совсѣмъ иная. Намъ хотѣлось бы разобрать общественные взгляды г. Соловьева по ихъ существу.

Для того, чтобъ освѣтить философскимъ свѣтомъ хаосъ явленій общественной жизни или, проще говоря, осмыслить ихъ, необходимо занять по отношенію къ нимъ какой-нибудь опредѣленный пунктъ, установить центръ, къ которому эти явленія будутъ пріурочиваться. Каждый мыслитель такъ и поступаетъ. Онъ беретъ изъ жизни элементъ, наиболѣе цѣнимый имъ на основаніи ли своихъ симпатій или по теоретическимъ соображеніямъ, беретъ его или непосредственно

[illegible]

[illegible] умозрѣнія г. Соловьева—такъ же, какъ и у славянофиловъ, религіозно-нравственный; пріемы его разсужденій также близко имъ родственны. Разница оказывается лишь въ томъ, что славянофилы ставятъ въ центръ русскій народъ, которому, какъ носителю высшей религіозной истины, предстоитъ просвѣтить этой истиной міръ, человѣчество, если хотите; г. же Соловьевъ полагаетъ въ центръ человѣчество, которое имѣетъ быть осчастливлено черезъ религіозный духъ русскаго народа, буде онъ пойметъ свою задачу. Разница, какъ видите, не особенно значительная. Изъ этого можно также заключить, что «человѣчество» г. Соловьева есть въ нѣкоторой степени просто бранный кличъ, который онъ кидаетъ славянофильству. Но тѣмъ не менѣе г. Соловьевъ все-таки философъ, и

мы считаемъ долгомъ своимъ разобрать, какое содержаніе вкладываетъ онъ въ это свое кардинальное понятіе, хотя бы и безъ надежды оказать при посредствѣ этого разбора что-нибудь особенно цѣнное.

Мы сказали: разобрать. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что разбирать то пожалуй и нечего. Несмотря на то, что г. Соловьевъ говоритъ о человѣчествѣ, всечеловѣческомъ, общечеловѣческомъ чуть не на каждой страницѣ,—точныхъ опредѣленій, ясныхъ и обоснованныхъ положеній у него оказывается не пофилософски мало. Однако, помимо крохъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто, которое уясняетъ всетаки взглядъ г. Соловьева: «Человѣчество», говоритъ онъ, возражая г. Данилевскому, «относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, не какъ родъ къ видамъ, а какъ *цѣлое къ частямъ*, какъ реальный и живой организмъ къ своимъ органамъ или членамъ, жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла». Въ другихъ мѣстахъ авторъ поясняетъ, что органы этого всечеловѣческаго организма суть народы, а люди—клѣточки. Поразительно слабо оправдываетъ авторъ это свое основное положеніе. Вмѣсто всѣхъ доказательствъ, онъ просто говоритъ, что этотъ взглядъ «раздѣляется лучшими умами Европы, а въ настоящее время становится даже достояніемъ положительной научной философіи». Вотъ и все, что выставляетъ г. Соловьевъ въ защиту своего положенія. Но что это за лучшіе умы, на которые достаточно намекнуть, чтобъ оправдать даже такое рискованное положеніе, какъ то, съ которымъ выступаетъ г. Соловьевъ? Что это за положительная научная философія? Гдѣ она и кто ея представители? Мы, съ своей стороны, рѣшаемся съ увѣренностью утверждать, что такой положительной научной философіи, которая бы раздѣляла съ г. Соловьевымъ его утвержденіе, нѣтъ, какъ нѣтъ и такихъ философовъ, да и самое утвержденіе гораздо ближе стоитъ къ поэтической метафорѣ, чѣмъ къ научно-философской истинѣ. Что такое организмъ—это уже въ значительной степени установлено положительной философіей; что человѣчество не можетъ быть подведено подъ понятіе организма, объ этомъ едва ли стоитъ и распространяться; что утвержденіе г. Соловьева совершенно голословно и бездоказательно—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Конечно, можно оспаривать положеніе Данилевскаго, что человѣчество относится къ народу (нація, племя), какъ родъ къ виду; можно доказывать, что здѣсь отношеніе будетъ иное, напримѣръ отноше-

ніе вида къ разновидности, или можетъ быть даже какое-нибудь специфическое отношеніе, не имѣющее точной аналогіи въ остальномъ органическомъ мірѣ: обо всемъ этомъ можетъ быть разговоръ и въ наукѣ, и въ научной философіи. Но что человѣчество есть организмъ—на такую постановку всякая философія, имѣющая хоть какое-нибудь право на названіе научной и положительной, можетъ отвѣтить лишь улыбкой. Да и самъ г. Соловьевъ ссылается на положительную философію лишь въ статьѣ, которая печаталась въ «Вѣстникѣ Европы». Въ остальныхъ же статьяхъ онъ просто говоритъ, что онъ *вѣритъ*, что человѣчество есть единый организмъ, и что эта его вѣра есть вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе христіанской религіи. Конечно, вѣра есть вѣра, и ея преимущество въ томъ, что она не требуетъ доказательствъ; но за то она ни къ чему никого и не обязываетъ, кромѣ самого вѣрующаго. А есть ли вѣра въ организмъ человѣчества требованіе христіанской религіи—это вопросъ очень спорный, и здѣсь не мѣшало бы г. Соловьеву прибѣгнуть къ своей философской эрудиціи. Мы же, съ своей стороны, полагаемъ, что г. Соловьевъ совершенно произвольно подставляетъ вмѣсто «ближняго» христіанской религіи «человѣчество» и дѣлаетъ выводы изъ этой подстановки, во всякомъ случаѣ ничѣмъ имъ не оправданной.

Въ какомъ отношеніи, по г. Соловьеву, стоитъ народъ (нація) къ человѣчеству, это видно уже и изъ вышесказаннаго. Человѣчество—организмъ. Организмъ есть единство функцій и соотвѣтствующихъ органовъ. Каждый народъ есть органъ человѣчества, и слѣдовательно имѣетъ свою функцію. Функція русскаго народа—религіозная. Какъ видите, старая пѣсня, заимствованная въ славянофильской передачѣ еще изъ нѣмецкой натурфилософіи блаженной памяти, хотя и формулируемая г. Соловьевымъ по-своему. Правда, отрѣзаясь отъ славянофиловъ, г. Соловьевъ утверждаетъ, что религіозное назначеніе русскаго народа есть не «миссія» его, т.-е. нѣчто предопредѣленное и неизбѣжное, а «задача», т.-е. нѣчто, допускающее свободу и самоопредѣленіе. Но мы право не знаемъ, какъ понимать эту оговорку. Какъ бы мы ни назвали—миссіей или задачей функціональное отправленіе желудка, во всякомъ случаѣ не отъ него зависитъ, заняться ли перевариваніемъ пищи, или философскимъ мышленіемъ. Конечно, желудокъ можетъ отказаться отъ перевариванья пищи, но тогда смерть и ему, и всему организму: результатъ неизбѣжный и въ извѣстномъ смыслѣ предопредѣленный. Къ тому же г. Соловьевъ человѣкъ религіозный, и ему, какъ та-

ковому, не можетъ быть чужда идея о Божьихъ предначертаніяхъ. Однимъ словомъ, мы не можемъ видѣть въ этой оговоркѣ г. Соловьева ничего другого, кромѣ намѣренія сѣсть между двухъ стульевъ,—съ одной стороны теологическаго и телеологическаго міросозерцанія, съ другой стороны міросозерцанія научно-положительнаго. Только человѣчество, какъ цѣлое, какъ организмъ, можетъ имѣть, по г. Соловьеву, самостоятельныя цѣли; роль народовъ есть подчиненная и служебная. На этомъ подчиненіи основывается и идея нравственности и нравственный долгъ.

Вообще, на понятіи «народа» (націи) г. Соловьевъ останавливается гораздо больше, чѣмъ на понятіи «человѣчества». Но основное и необходимѣйшее и въ этомъ понятіи онъ выясняетъ такъ же мало, пожалуй, еще меньше. Въ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ его представленій, народъ есть также органическое цѣлое, хотя и не доросшее до высоты независимаго, самоопредѣляющагося организма. Но эту его органическую цѣлостность г. Соловьевъ не пытается доказать даже простой ссылкой на лучшіе умы. Можетъ быть, онъ считаетъ это такъ необходимо вытекающимъ изъ своего основного понятія, или можетъ быть, такъ яснымъ само по себѣ, что нѣтъ ни малѣйшей необходимости вдаваться въ какія-нибудь разъясненія. А между тѣмъ какой признательностью обязаны были бы мы г. Соловьеву, если бъ онъ употребилъ свою философскую ученость, въ которой мы не сомнѣваемся, на разъясненіе этой темной и въ высокой степени важной стороны. Выраженія «національный духъ», «душа народа» и т. п. есть принадлежность всякой обыденной рѣчи. Между тѣмъ мы, можно сказать, совсѣмъ не знаемъ, въ чемъ имѣютъ свое оправданіе эти выраженія, какимъ реальнымъ сущностямъ или отправленіямъ они соотвѣтствуютъ. Если народъ есть нѣчто большее, чѣмъ простая механическая совокупность людей, связанныхъ между собою сожительствомъ и нѣкоторыми особенностями, то чѣмъ же характеризуется это бо́льшее? въ чемъ его содержаніе? какое его отношеніе къ элементамъ, его составляющимъ? и т. д. Или г. Соловьевъ такъ хорошо все это знаетъ, что даже и заподозрить не можетъ, что могутъ быть люди, этого не знающіе; или онъ ничего этого не знаетъ, и тогда удивительна смѣлость, съ какой онъ обращается съ этими сложными и темными вещами.

Какъ бы то ни было, г. Соловьевъ очень много занимается тѣмъ, что́ называютъ національнымъ вопросомъ вообще, приложеніемъ его къ Россіи—въ частности. Все это очень любопытно, тѣмъ болѣе,

что г. Соловьевъ держитъ себя независимо отъ какихъ-либо сторонъ или партійныхъ мнѣній: единственный его грѣхъ въ этомъ отношеніи—его большія и все-таки въ значительной степени безплодныя усилія отгородиться отъ славянофильства. Русская общественная мысль привыкла нѣсколько третировать національный вопросъ, но тѣмъ не менѣе она не можетъ его обходить: иначе откуда бы взялись эти завзятые націоналы, эти отчаянные русскіе космополиты, подобныхъ которымъ и свѣтъ, кажется, еще не производилъ? Этого не было бы, не будь національный вопросъ для нашего общества живымъ, да кромѣ того еще и больнымъ мѣстомъ. Въ самомъ дѣлѣ: если для ядра русскаго государственнаго тѣла «національный вопросъ не есть вопросъ существованія» (выраженіе г. Соловьева), то для пестраго конгломерата толстой оболочки этого ядра дѣло обстоитъ иначе, и такое положеніе не можетъ не имѣть своего отраженнаго дѣйствія и на ядро. Если вдуматься во все это, то станетъ понятно, почему оно съ одной стороны третируется, а съ другой—и раздражаетъ, и болитъ, и пришпориваетъ на разные теоретическіе salto mortale то въ одномъ направленіи, то въ другомъ.

Г. Соловьевъ разсуждаетъ такъ. Нація, какъ не самостоятельный организмъ, а часть цѣлаго, не можетъ, или по крайней мѣрѣ не должна довлѣть самое себѣ, не должна имѣть самостоятельныхъ цѣлей и интересовъ, иначе она впадаетъ въ пагубный грѣхъ національнаго эгоизма. Такъ называемая «политика интереса», т.-е. преслѣдованіе во что бы то ни стало и какой бы то ни было цѣной своихъ національныхъ интересовъ, есть ничто иное, какъ увѣковѣчиваніе борьбы за существованіе внутри человѣческаго общества. Съ спокойной совѣстью идетъ эта политика даже на національное пожираніе, денаціонализацію,—идетъ мало того что съ спокойной совѣстью, а часто даже гордясь своимъ античеловѣческимъ дѣломъ, какъ подвигомъ, благодѣтельнымъ для человѣчества, совершеннымъ во имя торжества высшей культуры надъ низшей. Все это и безнравственно, и пагубно: безнравственно, такъ какъ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ христіанской морали и идетъ въ разрѣзъ цѣлямъ человѣчества; пагубно, потому что вноситъ принципы розни и нравственнаго разложенія внутрь общества, такъ какъ человѣкъ есть существо цѣльное и не можетъ безъ ущерба для своего нравственнаго существа въ однихъ случаяхъ руководствоваться одной моралью, въ другихъ—другою, въ однихъ обстоятельствахъ заниматься людоѣдствомъ, въ другихъ—оставаться высоко гуманнымъ и нравственнымъ. Таковы разсужденія г. Соловьева, и надо со-

знаться, что сама истина говоритъ его устами. Можно какъ угодно относиться къ его философіи, но эти его выводы, касающіеся практической морали, достойны всяческаго сочувствія и могутъ быть оправданы даже изъ совсѣмъ другихъ точекъ зрѣнія. Но г. Соловьевъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ.

Итакъ, всякое насиліе одной націи надъ другой—дѣло безбожное и безнравственное, включая сюда и насиліе, дѣлаемое якобы въ цѣляхъ пріобщенія народности къ высокой культурѣ. Каждый народъ обязанъ быть справедливымъ, обязанъ уважать равное право каждаго другого народа на самостоятельное существованіе и самобытное развитіе. Но все ли это, что требуется отъ народа по отношенію къ другимъ народамъ? Нѣтъ, не все: уваженіе требованій международной справедливости есть лишь исполненіе отрицательной заповѣди. Народъ, какъ и отдѣльное лицо, обязанъ своимъ нравственнымъ долгомъ къ бо́льшему—къ добродѣтелямъ положительнымъ, а именно къ высшей изъ добродѣтелей: къ тому, чтобы умѣть положить души своя за други, къ національному самопожертвованію. Это національное самопожертвованіе должно выражаться въ самоотверженномъ служеніи высшей религіозной истинѣ, въ пожертвованіи всѣмъ своимъ національнымъ, чтобъ осчастливить ею человѣчество (послѣднее, разумѣется, относится только къ Россіи).

Фальшь разсужденій г. Соловьева, зависящая отъ игры словами, очевидна, и разобраться въ ней нетрудно. Когда мы говоримъ, положимъ, о народной нравственности, мы понимаемъ, конечно, что дѣло идетъ о совокупности лицъ, составляющихъ народъ. Какое бы широкое содержаніе мы ни вкладывали въ понятіе народа, какъ бы мы ни думали о народномъ духѣ, о коллективномъ сознаніи и т. п., мы знаемъ, что эти понятія болѣе поэтическаго и метафорическаго, чѣмъ точнаго, положительнаго характера; что въ настоящемъ смыслѣ этого слова нѣтъ ни народнаго сознанія, ни народной воли (біологическая аксіома: нѣтъ функціи безъ органа). Но помня все это, мы можемъ все-таки, не выходя за предѣлы точныхъ понятій, утверждать, допустимъ, такое положеніе, что одинъ народъ долженъ наблюдать по отношенію къ другому справедливость, т.-е. долженъ признавать за нимъ равное право на существованіе и поддерживать это право, а не нарушать. Какой смыслъ подобнаго утвержденія? Очевидно, тотъ, что личности, составляющія народъ (всегда извѣстная часть суммы, иногда даже незначительная), усвоиваютъ себѣ одинаковое сознаніе и воплощаютъ его въ законахъ и учрежденіяхъ своего общества. Такимъ образомъ идея международ-

ной справедливости по отношенію къ остальнымъ личностямъ того же народа является съ императивнымъ характеромъ, и выраженіе, что народъ наблюдаетъ по отношенію къ другому справедливость, имѣетъ свой реальный и точный смыслъ. Но какой же смыслъ имѣетъ требуемое г. Соловьевымъ національное самопожертвованіе? Жертва есть дѣло вольное, основывающееся на самоопредѣленіи личности. Принудительное самопожертвованіе не самопожертвованіе, а просто актъ грубаго насилія съ одной стороны, трусливаго подчиненія съ другой, т.-е. нѣчто гадкое, а не благородное. Какъ можетъ народъ, не обладая никакимъ органомъ коллективнаго сознанія въ видѣ личной души, одаренной свободой и способностью къ самоопредѣленію, жертвовать собой? Но если бъ отдѣльныя лица, составляющія народъ, и возвысились до идеи національнаго самопожертвованія, то какъ быть съ остальными личностями, которыя до этой идеи не достигнутъ? Однимъ словомъ, переходить отъ идеи международной справедливости къ идеѣ національнаго самопожертвованія—это значитъ просто пользоваться, хотя бы и безсознательно, неясностью понятій и выраженій, находящихся въ ходячемъ обращеніи публики, и на немъ воздвигать странныя, можно сказать, лишенныя смысла заключенія.

Да, нравственный подвигъ, самоотверженіе—понятія, совмѣстимыя исключительно съ понятіемъ личности, а никакъ не народа: такое только пониманіе согласно и съ христіанской религіей, которая обращается лишь къ личности съ ея свободной и безсмертной душой. Правда, случалось, что народы выступали на арену исторіи подъ знаменемъ якобы общечеловѣческой, религіозной идеи: г. Соловьевъ указываетъ на примѣръ арабовъ съ ихъ исламомъ; но не станетъ же онъ отрицать того, что они выступили, несмотря на свою идею, только какъ простые насильники и завоеватели. И это не можетъ быть иначе.

Зачѣмъ нужна была г. Соловьеву эта фальшивая и натянутая идея національнаго самоотреченія? Все затѣмъ же, чтобъ вывести любезное отечество подъ якобы инымъ, не славянофильскимъ флагомъ,—изъ тѣсныхъ и каменистыхъ путей его современной дѣйствительности въ вольный и безбрежный океанъ химеръ и утопій. Заботы о злобѣ дня, объ упорядоченіи и очеловѣченіи отношеній личныхъ и общественныхъ, о справедливости въ отношеніяхъ междуплеменныхъ—все это мелко и недостойно насъ, все это проявленіе узости и національнаго эгоизма. Ставить цѣли и идеалы на этихъ путяхъ значитъ отвлекать широкія русскія

души «ползучими» общественными теоріями отъ единственно истинныхъ и родственныхъ этимъ душамъ «летучихъ» теорій (выраженія г. Соловьева), при помощи которыхъ можно прямо попасть... пальцемъ въ небо. И вотъ подъ опекой этихъ летучихъ теорій широкій русскій человѣкъ обреченъ сидѣть, сложа руки и вперивъ взоры въ отдаленные горизонты, гдѣ злой геній его общественной мысли, эта фата-моргана, постоянно разворачиваетъ свои блестящія перспективы, окончательно гипнотизируя его и безъ того не особенно дѣятельное сознаніе. Хоть бы г. Соловьевъ вспомнилъ притчу Христа о дѣвахъ, которымъ Онъ заповѣдалъ ждать жениха съ возженными свѣтильниками и въ брачныхъ одеждахъ: буде Россіи въ самомъ дѣлѣ предстоятъ великія задачи, то едва ли будетъ съ ея стороны эгоизмомъ, прежде чѣмъ итти на встрѣчу этимъ задачамъ, также возжечь свои свѣтильники и облечься въ брачныя одежды.

Говоря о человѣчествѣ и народности, ихъ существѣ и взаимныхъ отношеніяхъ, г. Соловьевъ не затронулъ третьей, по истинѣ основной соціально-морфологической единицы—личности. Не затронемъ ея пока и мы.

ПО ПОВОДУ
УКРАИНОФИЛЬСТВА [1]).

Les extremités se touchent, т.-е. крайности сходятся. И иногда самымъ удивительнымъ и неожиданнымъ образомъ. Ужъ на что бы, казалось, крайнѣе крайностей: съ одной стороны «Кіевлянинъ», прихвостень «Московскихъ Вѣдомостей», съ другой—«Русское Богатство», именующее себя органомъ «по преимуществу общинниковъ и народниковъ». А между тѣмъ эти крайности, на удивленье, сошлись въ одномъ вопросѣ, о которомъ имъ случилось трактовать одновременно—въ вопросѣ объ украинофильствѣ. Что «Русское Богатство» и «Кіевлянинъ» приходятъ къ одинаково отрицательному выводу по отношенію украинофильства, находя это движеніе не отвѣчающимъ требованіямъ времени и потому вреднымъ («Кіевлянинъ» отчасти съ полицейской точки зрѣнія, «Русское Богатство», разумѣется, безъ всякаго участія таковой), въ этомъ само по себѣ нѣтъ ничего удивительнаго. По истинѣ достойно удивленія и размышленія нѣчто другое, а именно сходство пріемовъ, какими эти два противоположные литературные полюса приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Въ «Кіевлянинѣ» ратуетъ нѣкто г. Ивановъ. Онъ еще не кончилъ своихъ размышленій и, видимо, не расположенъ кончить ихъ скоро, угрожая украинофильству «рѣшительнымъ и упорнымъ боемъ», имѣющимъ длиться до тѣхъ поръ, пока будетъ въ немъ «надобность», т.-е. до тѣхъ поръ, пока украинофильство не будетъ стерто съ лица земли. Размышленія, очевидно, затянутся не на шутку. Но такъ какъ г. Ивановъ еще прежде размышлялъ и угрожалъ на эту тему въ «Русскомъ Вѣстникѣ» старыхъ временъ (1863 г.), то мы съ теченіемъ его мыслей и чувствъ достаточно знакомы. Онъ разсуждаетъ такъ: Прогрессъ человѣчества заключается

---

[1]) Недѣля. 1881, № 25.

въ томъ, что каждая изъ политическихъ единицъ, (т.-е. государствъ), входящихъ въ составъ человѣчества, по возможности больше притягиваетъ къ себѣ элементовъ, поддающихся притяженію, и по возможности крѣпче сплачиваетъ ихъ, ассимилируя, объединяя. Чѣмъ сильнѣе и сплоченнѣе государство, тѣмъ болѣе способно оно къ выполненію разныхъ великихъ задачъ, которыя задаетъ ему судьба, провидѣніе или исторія. Ради этого объединенія, столь важнаго и необходимаго въ интересахъ человѣчества, каждая отдѣльная часть всякаго политическаго общества должна жертвовать своими особенностями; чѣмъ легче и полнѣе она разстается съ своею исключительностью, тѣмъ легче ей функціонировать въ качествѣ винта или колеса великой государственной машины. Національности, которымъ посчастливилось попасть въ число составныхъ частей государственной машины, предназначенной къ исполненію великихъ задачъ, должны разстаться съ своими особенностями; самая типическая изъ этихъ особенностей и наиболѣе мѣшающая государству—языкъ—прежде всего подлежитъ упраздненію. Единый языкъ есть самая важная и самая мощная скрѣпа государства. Только подъ сѣнью единаго языка возможно итти, мимо племенныхъ распрей и вражды, къ великимъ обще-человѣческимъ цѣлямъ, къ распространенію образованія и гуманности, къ усвоенію всѣхъ благъ, какія составляютъ общее достояніе человѣчества. Всѣ историческіе народы шли этимъ путемъ, какъ древніе, такъ и современные. Объединяя всѣ свои разноплеменныя составныя части, они создавали государства, сильныя политически и вмѣстѣ съ тѣмъ сильныя культурой и наукой, разцвѣтъ которыхъ былъ бы такъ же немыслимъ безъ объединенія, какъ и политическая сила. Русское государство, которому предстоятъ великія историческія судьбы—указываемыя ему хотя бы уже одними его размѣрами,—больше чѣмъ какое-нибудь другое обязано пещись объ усиленіи своей внутренней крѣпости и цѣлостности, которая одна гарантируетъ возможность исполненія этихъ великихъ предназначеній. Поэтому все, что идетъ внутри его въ разрѣзъ съ объединительнымъ теченіемъ, должно быть разсматриваемо, какъ прямо вредное и мѣшающее прогрессивному движенію государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣчества, въ судьбахъ котораго суждено разыграть этому государству свою будущую великую роль. Украинофильство есть движеніе національное, т.-е. направленное поперекъ стремленій государственнаго механизма къ возможно большому скрѣпленію,—слѣдовательно оно вредное. Такъ размышляетъ философъ «Кіевлянина». Размышленія, какъ видитъ читатель, не ахти-какія мудрыя; но дѣло не въ томъ.

«Русское Богатство», въ лицѣ г. Алексѣева, полагаетъ такъ: Прогрессъ, съ тѣми его типическими чертами, которыя обозначились особенно рѣзко въ послѣднее время, въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ десятилѣтій, неизбѣжно ведетъ человѣчество къ объединенію, къ слитію въ одно цѣлое, къ уничтоженію національныхъ отличій. Это—процессъ внѣшней исторической необходимости; но онъ имѣетъ за собой и нравственное оправданіе. «Исчезновеніе національныхъ различій должно быть желательно, ибо, чѣмъ больше разницы, несходства между группами человѣчества, тѣмъ возможнѣе между ними вражда и рознь. Взаимное непониманіе, вытекающее изъ несходства въ бытѣ и нравахъ, ведетъ къ враждѣ и войнѣ. Единство интересовъ, цѣлей, стремленій, привычекъ и взглядовъ—лучшая гарантія мирныхъ отношеній между людьми». Такимъ образомъ всякое національное движеніе идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ процессомъ объединенія человѣчества, который не только необходимъ, но и желателенъ. Украинофильство есть движеніе, направленное къ поддержанію національныхъ отличій; слѣдовательно оно вредно.

Теоретическій выводъ одинъ и тотъ же. Практическія его приложенія различны. «Русское Богатство» великодушно предоставляетъ украинофильству забавляться своими пустыми игрушками, своими шароварами, галушками, изданіемъ газеты на непонятномъ нарѣчіи и т. под., не обращаясь ни къ какимъ мѣрамъ внѣшняго побужденія. «Кіевлянинъ», наоборотъ, не обнаруживаетъ никакого великодушія, а только одну неукоснительную строгость, грозитъ упорнымъ боемъ и даже собирается ходатайствовать о перенесеніи столицы въ Кіевъ, чтобы при помощи такого энергическаго средства окончательно сокрушить выю вредному движенію. И еще есть одна разница, свидѣтельствующая въ пользу хорошихъ чувствъ и настроеній автора статьи «Русскаго Богатства», но, къ сожалѣнію, не въ пользу его послѣдовательности. Въ то время какъ «Кіевлянинъ» преслѣдуетъ и будетъ преслѣдовать все пахнущее мѣстнымъ элементомъ, начиная отъ «кулеша съ бараньимъ бокомъ» и кончая литературой на мѣстномъ нарѣчіи, г. Алексѣевъ, въ видѣ бѣглой вставки, дѣлаетъ въ пользу украинофильства одно допущеніе, совершенно разрушающее все его построеніе. Онъ говоритъ о необходимости ввести малорусскій языкъ въ народную школу и создать народную литературу на мѣстномъ языкѣ. Но неужто г. Алексѣевъ не понимаетъ, что введеніе мѣстнаго языка въ школу и созданіе народной литературы есть самый вѣрный, или, точнѣе сказать, единственный путь къ поддержанію или даже возрожденію народности, буде бы она кло-

нилась къ упадку? Онъ говоритъ совершенно послѣдовательно: «возрожденіе малорусской народности вовсе ненужно», — и въ то же время допускаетъ и даже требуетъ, какъ удовлетворенія «одной изъ самыхъ важныхъ и настоятельныхъ нуждъ», такихъ условій, которыя необходимо и неизбѣжно должны возродить эту народность. Воля ваша, — а тутъ что-то нескладно... Психологическій мотивъ такой уступки понять можно: г. Алексѣевъ называетъ себя народникомъ, а народникъ, требующій вмѣстѣ съ «Московскими Вѣдомостями» и «Кіевляниномъ» стѣсненій для народнаго языка, — оно дѣйствительно выходитъ какъ-то неблаговидно. Но надо имѣть смѣлость быть послѣдовательнымъ. Уничтоженіе лишней національности въ глазахъ г. Алексѣева такое благо, что ради его достиженія, конечно, можно подвергнуть народъ нѣкоторымъ временнымъ стѣсненіямъ. Да и какія же особенныя стѣсненія? Говорить по-малорусски, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Алексѣевъ, никогда не запрещалось; учиться же народъ будетъ, какъ учился все послѣднее время, по-русски, читать будетъ русскія книжки... Не все ли равно? Если народъ голоденъ, если у него нѣтъ времени учиться и читать по-русски, то не будетъ, конечно, времени учиться и читать также и по-малорусски. Надо прежде всего удовлетворить его «общечеловѣческимъ требованіямъ», а во главѣ всего «требованіямъ его желудка». «Мы идемъ по лужамъ крови, разрывая безчисленныя путы неправды, стремясь къ идеалу, который свѣтитъ намъ изъ далекаго будущаго,—гдѣ намъ заботиться о языкѣ!»

Вотъ естественный ходъ мыслей г. Алексѣева; очевидно, упомянутая уступка есть случайное увлеченіе въ сторону, рѣшительно не вяжущееся ни съ его общимъ настроеніемъ, ни съ его аргументаціей. Вѣдь если допустить, что малорусскій языкъ нуженъ для школы и для созданія народной литературы, то украинофильство, такое, какимъ его опредѣляетъ самъ г. Алексѣевъ въ началѣ своей статьи, т.-е. движеніе, направленное главнымъ образомъ на разработку и поддержаніе языка, вдругъ, изъ самаго этого допущенія получаетъ смыслъ и значеніе. Разрабатывать языкъ, нужный для школы и народной литературы,—какого-бъ еще, казалось, рожна требовать отъ украинофильства! Но въ томъ-то и бѣда, что съ логикой статьи г. Алексѣева нельзя иначе справиться, какъ подвергнувъ остракизму то, что торчитъ въ ней ребромъ, наперекоръ всякимъ требованіямъ послѣдовательнаго мышленія, и на первомъ планѣ самое существенное—уступку, которую онъ дѣлаетъ мѣстному языку для школы и народной литературы. Тѣмъ болѣе, что авторъ, видимо, не придавалъ

этой уступкѣ большого значенія, такъ какъ бѣгло оговорилъ ее въ нѣсколькихъ строчкахъ, не потрудившись какъ-нибудь обосновать или оправдать ее. Теперь возвратимся къ исходному пункту. Итакъ, два противоположные лагеря выдвинули противъ украинофильства двѣ сокрушающія формулы: съ одной стороны — необходимое объединеніе государства, съ другой—грядущее объединеніе человѣчества. И то и другое требуетъ сокрушенія всякаго движенія, становящагося поперекъ объединительныхъ теченій, въ томъ числѣ и украинофильства. Пусть г. Алексѣевъ не требуетъ внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ — это дѣло его личнаго великодушія. Разъ движеніе признано вреднымъ, выводъ одинъ: великодушіе или строгость въ его приложеніи «не мѣняютъ сути дѣла». Формула «Русскаго Богатства» несравненно шире и яснѣе формулы «Кіевлянина». Но мы не будемъ пока вдаваться въ ея разборъ по существу, а остановимъ вниманіе читателя на слѣдующемъ. Не находитъ ли читатель чего-то неестественнаго и возмущающаго внутреннее чувство въ самыхъ пріемахъ мышленія, которыми выводятся подобныя формулы съ ихъ послѣдствіями? Существуетъ жизненный фактъ (примѣръ—народность), фактъ, не созданный вмѣшательствомъ людской воли, людскихъ желаній и интересовъ, а выросшій въ силу такихъ же естественныхъ процессовъ, въ силу какихъ растетъ и развивается все въ природѣ. Фактъ этотъ неразрывными узами связанъ съ чувствами, ощущеніями, настроеніями,—однимъ словомъ, съ психологіей массы людей. Казалось бы, человѣку мысли не оставалось ничего иного, какъ взять этотъ естественный фактъ въ видѣ готоваго даннаго и на немъ уже дѣлать свои построенія, свои теоріи, изъ него извлекать свои выводы. Оказывается не такъ: изъ какихъ-то чуждыхъ областей выскакиваютъ кое-какъ слѣпленныя формулы— пусть даже и съ большимъ искусствомъ, артистически слѣпленныя— и подступаютъ къ указанному факту съ требованіемъ устраниться, такъ-таки совсѣмъ устраниться, ибо его существованіе мѣшаетъ съ одной стороны государственному прогрессу, съ другой человѣческому. «Устранись или устраню!» ревутъ съ одного бока; «не угодно ли вамъ положить вашу психологію подъ колесницу человѣческаго прогресса? Вы получите за это приличное вознагражденіе», мягко, но настойчиво предлагаютъ съ другого. Но, господа ревнители человѣческаго прогресса, вдумайтесь же, пожалуйста, хоть сколько-нибудь въ то, что́ значитъ проѣхать по душамъ милліоновъ! Я не украинофилъ и для украинофильства лицо совершенно постороннее, хотя и знаю украинофильство настолько, чтобъ видѣть въ немъ кое-что и

другое, чего не видитъ авторъ статьи «Русскаго Богатства». Но не будучи ни украинцемъ, ни тѣмъ паче украинофиломъ я легко могу представить себя на мѣстѣ завзятаго украинскаго націонала, когда къ нему подступитъ г. Алексѣевъ съ своей формулой человѣческаго прогресса. «Я могу бросить подъ колесницу человѣческаго прогресса мою жизнь», скажетъ такой націоналъ: «бросить подъ нее особенности моей нравственной личности будетъ уже гораздо труднѣе и даже едва ли возможно. Но бросить нравственную физіономію моей народности—это не только невозможно, но даже и нелѣпо. Я не могу представить себѣ счастья человѣчества независимо отъ счастья моего собственнаго народа; счастье же моего народа мнѣ кажется несовмѣстимымъ съ тѣмъ, что онъ будетъ ободранъ отъ всего, что составляетъ въ данную минуту его физіономію. Можетъ быть, когда-нибудь народъ самъ откажется отъ своихъ особенностей,—о, это другое дѣло! Но пока онъ ихъ имѣетъ,—мое дѣло, какъ сознательнаго представителя моей народности, охранять ихъ отъ постороннихъ и насильственныхъ на нихъ посягательствъ». Пусть дѣло идетъ не объ украинской народности, не о полутора десяткахъ милліоновъ, которые имѣли свою исторію, еще живущую въ народномъ сознаніи, которые проявили въ разныхъ сторонахъ своей культуры извѣстный запасъ замѣтной творческой силы, которые, слѣдовательно, имѣютъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на то, что и ихъ «особенное» можетъ что-нибудь значить для человѣчества. Пусть дѣло идетъ о какой-нибудь горсточкѣ инородцевъ, положимъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ самоѣдовъ, жалкаго, скудно-одареннаго племени, съ поразительно-низкой культурой. Повидимому, человѣчеству ждать отъ него нечего: для прогресса человѣчества его существованіе совершенно безразлично; мало того, его вымираніе, даже независимо отъ соображеній о грядущемъ объединеніи человѣчества, выгодно: болѣе высоко одаренному русскому племени будетъ просторнѣй. Ему неминуемо грозитъ или вымираніе, или, въ лучшемъ случаѣ, раствореніе въ русскомъ племени. Но допустимъ, что изъ среды несчастнаго племени, стеченіемъ какихъ-нибудь благопріятныхъ условій, выдвигается нѣсколько человѣкъ, которымъ посчастливилось расширить свой кругозоръ и не утратить вмѣстѣ съ тѣмъ привязанности къ своему родному. Эти нѣсколько человѣкъ любятъ тундру, свое жалкое племя, его скудный языкъ, его убогую зародышевую поэзію; они хотятъ посвятить свою жизнь счастью своего племени. Что имъ дѣлать? Есть одинъ путь: это помогать тому процессу, который превращаетъ простодушнаго, до-

вѣрчиваго самоѣда въ плутоватаго русскаго мезенца — какъ-то оно всегда такъ выходитъ, что, при потерѣ національныхъ, какъ и всякихъ другихъ устоевъ, выплываетъ на первый разъ наверхъ всякая дрянь—а черезъ него уже, дастъ Богъ, полегоньку да помаленьку и въ высшій культурный типъ. Но имъ глубоко претитъ этотъ путь, возмущаетъ ихъ интимнѣйшія внутреннія чувства. Правда, родной ихъ языкъ скуденъ,—но развѣ онъ не можетъ развиться? Правда, міросозерцаніе ихъ родного племени страшно узко,—но развѣ оно не можетъ расшириться? Не было ли момента въ исторіи человѣчества, когда оно обладало еще меньшимъ умственнымъ запасомъ, чѣмъ самоѣды? и вотъ, движимые любовью къ своему родному племени и гордой мечтой, что, можетъ быть, и оно когда-нибудь на равныхъ правахъ займетъ свое мѣсто въ ряду прочихъ человѣческихъ племенъ, люди эти начинаютъ работать надъ самоѣдской азбукой, самоѣдской грамотностью, самоѣдской школой. Пусть люди ошибаются, увлекаются своимъ пристрастіемъ къ родному; пусть самоѣдское племя такъ обижено природой, что оно никогда ничего не сдѣлаетъ для человѣческаго прогресса, никогда не займетъ равнаго съ другими мѣста, всегда будетъ только плестись по чужимъ пятамъ. Осудимъ ли мы этихъ людей? Назовемъ ли ихъ врагами человѣчества за то, что они своею дѣятельностью поддержали лишнюю національную клѣточку, которая бы иначе стерлась, и къ тому-же клѣточку для человѣчества совсѣмъ безполезную, ничего своего не внесшую въ общечеловѣческое? [1]). Г. Алексѣевъ долженъ ихъ осудить, и жестоко, а мы отказываемся, и вотъ изъ какого соображенія. Мы слишкомъ мало понимаемъ въ теоріи соціальнаго садоводства, чтобы имѣть право утверждать, что надо срѣзать такой-то или такой-то жизненный ростокъ для того, чтобы онъ не отнималъ силы у главнаго побѣга. Слишкомъ мало знаемъ, а приговоръ надъ жизнью можно произносить только запасшись большой увѣренностью въ его непогрѣшимости; увѣренность же можетъ быть дана лишь

---

[1]) Въ сущности, къ такому же обособленію клонилась и дѣятельность первыхъ христіанскихъ просвѣтителей нашихъ финскихъ народцевъ, просвѣтителей, которые переводили евангеліе и другія священныя книги на мѣстные языки. Въ числѣ ихъ находится и просвѣтитель самоѣдовъ, архимандритъ Веніаминъ, который крестилъ самоѣдовъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія и перевелъ св. писаніе на самоѣдскій языкъ (жители г. Архангельска до сихъ поръ могутъ слышать за пасхальной заутреней чтеніе первой главы отъ Іоанна на самоѣдскомъ языкѣ). Осудимъ ли мы ихъ дѣятельность съ нравственной и культурной точки зрѣнія? Не слѣдуетъ ли скорѣе пожалѣть, что государственный прогрессъ разрушилъ результаты ихъ по-истинѣ христіанской и высоко-гуманной дѣятельности?

твердымъ, отчетливымъ, полнымъ знаніемъ. Оставимъ же до поры до времени эти приговоры, эти абстрактныя формулы, подкашивающія жизненные ростки; оставимъ до той поры, до того времени, когда явится увѣренность, основанная на положительныхъ научныхъ данныхъ, если она можетъ когда-нибудь явиться. Пока же будемъ охранять жизнь. Для каждаго изъ насъ и для всѣхъ насъ вмѣстѣ слишкомъ достаточно дѣла въ борьбѣ съ темными, глушащими жизнь силами, такого дѣла, которое можно дѣлать съ полною увѣренностью въ его несомнѣнности, которое вытекаетъ не изъ шаткой формулы, а изъ воплей придушаемой жизни. Я не ищу ключа къ умонастроенію философовъ «Кіевлянина»: это неблагодарное и неинтересное занятіе. Но умонастроеніе г. Алексѣева — другое дѣло. Намъ кажется, что мы нашли въ его статьѣ ключъ, при посредствѣ котораго открываются секреты его логическихъ построеній. Г. Алексѣевъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Украинофилы создаютъ себѣ изъ отвлеченнаго понятія народности идола, коему поклоняются. За этимъ идоломъ забывается человѣкъ. Реальна только человѣческая личность, а народность, государство, сословіе—только отвлеченныя понятія, постольку лишь имѣющія право на наше вниманіе, поскольку они выражаютъ собой чувства и стремленія личностей. Внѣ сознающаго ее большинства, народность — миѳъ, фантомъ, пустое слово, явленіе имѣющее цѣну, какъ этнографическій фактъ и только». Мы не можемъ понять съ полной отчетливостью той мысли, какую заключаетъ въ себѣ вышеприведенная тирада; но, кажется, ее можно формулировать такъ: личность, и только она одна, должна служить точкой отправленія для всѣхъ нашихъ общественныхъ построеній: народность, государство, сословіе иногда становятся вмѣсто личности на неподлежащее имъ центральное мѣсто, и въ этомъ источникъ разнообразныхъ человѣческихъ заблужденій въ сферѣ общественной мысли, въ томъ числѣ и украинофильства. «Народность, государство, сословіе» (и человѣчество — прибавимъ мы отъ себя, такъ какъ человѣчество г. Алексѣева—его «великій фетишъ»), совсѣмъ не то, что личность. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: умышленно или неумышленно, но допущена большая логическая ошибка, когда смѣшаны въ одно такія разнородныя понятія, какъ государство и сословіе, съ одной стороны, народность — съ другой. Государство и сословіе—соціальныя организаціи, результаты общественнаго процесса, относящіеся къ личности внѣшнимъ образомъ, т.-е. регулирующіе ея отношенія къ внѣшнему міру и лишь непрямымъ способомъ отражающіеся на ея психологіи. Народность—естествен-

ный фактъ, который тѣснѣйшимъ и непосредственнѣйшимъ образомъ связанъ съ психикой личности. Личность можетъ противопоставлять себя той соціальной организаціи, въ которую она заключена; можетъ относиться къ ней критически, можетъ работать надъ пересозданіемъ или разрушеніемъ ея. Но личность не можетъ противополагать себя своей народности. Все, что связываетъ ее съ ея народностью, она носитъ въ себѣ: языкъ, который глубокимъ образомъ связанъ съ мыслительными процессами, всѣ особенности въ ощущеніяхъ, настроеніяхъ, чувствахъ, вытекающія изъ тонкихъ различій въ физическомъ устройствѣ, обусловливающихъ разнообразіе физическихъ національныхъ типовъ, наконецъ наслѣдственный запасъ переработанныхъ впечатлѣній, ложащихся въ основу міросозерцанія того или иного народа — запасъ, отъ тяготѣнія котораго не высвободитъ личность никакая культура. Общечеловѣческое преломляется въ средѣ личности непремѣнно и неизбѣжно подъ угломъ зрѣнія національнаго. Все это, конечно, такія элементарныя вещи, что какъ-то неловко даже и говорить о нихъ; но что же дѣлать, когда онѣ, бываетъ, забываются такимъ неожиданнымъ и страннымъ способомъ. Г. Алексѣевъ увѣряетъ, что человѣчество стремится къ объединенію, къ уничтоженію національныхъ различій. Охотно желали бы вѣрить; но, къ сожалѣнію, доказательства его тезиса слабы такъ, что изъ рукъ вонъ.

Чѣмъ докажете вы, что теперешній нѣмецъ ближе теперешнему русскому, чѣмъ они были другъ другу десять вѣковъ тому назадъ? А антитезисъ имѣетъ за собой вѣское доказательство; вѣдь нѣмецъ и русскій десять вѣковъ тому назадъ были ближе къ тому несомнѣнно общему стволу, отъ котораго они когда-то отдѣлились. Право жаль, что г. Алексѣевъ тратитъ свое остроуміе на такой эффектный, но пустой фейерверкъ безплодныхъ воздушныхъ построеній; въ этой области онъ, да пожалуй и никто другой, не можетъ пока ничего доказать на прочномъ основаніи, а потому долженъ пускаться на логическіе фокусы, болѣе или менѣе сомнительнаго достоинства. Г. Алексѣевъ гораздо лучше сдѣлалъ бы, еслибъ познакомился самъ поближе съ украинофильствомъ и познакомилъ бы съ нимъ читателей «Русскаго Богатства»: для великороссовъ это было бы далеко не безполезно, такъ какъ у нихъ существуютъ насчетъ этого движенія лишь крайне недостаточныя и даже совсѣмъ фальшивыя представленія. То немногое, что писалось объ украинофильствѣ въ послѣднее время, имѣло характеръ больше полемическій, чѣмъ уясняющій. А что писалось двадцать лѣтъ тому назадъ

(извѣстно, что въ теченіе двадцати лѣтъ самое слово «украинофильство» было изгнано изъ литературнаго обращенія, и лишь «Московскія Вѣдомости» на особомъ льготномъ основаніи могли имъ пользоваться) кто же помнитъ, что писалось двадцать лѣтъ тому назадъ? И времена тогда были другія—украинское движеніе не имѣло шансовъ обратить на себя общее вниманіе. Теперь дѣло иное. Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ вдаваться въ пространныя разсужденія насчетъ украинофильства. Но мы все-таки сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ читатель усмотритъ, что не всякій посторонній наблюдатель украинофильства приходитъ къ такимъ же отрицательнымъ выводамъ относительно этого явленія, какъ г. Алексѣевъ. Допустимъ, что украинофильство есть именно такое движеніе, какимъ изображаетъ его, нѣсколько юмористически, авторъ статьи «Русскаго Богатства», т.-е. движеніе узко и исключительно національное. Но, представляя его такимъ, можно ли, должно ли забыть то, что оно, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда было протестомъ жизни противъ излишней государственной регламентаціи, протестомъ мѣстной и областной самобытности противъ мертвящей и обезличивающей централизаціи? Въ этомъ смыслѣ оно стоитъ на ряду или, точнѣе, во главѣ тѣхъ культурныхъ движеній, которыя время отъ времени появлялись въ различныхъ русскихъ областныхъ районахъ. Эти культурныя движенія вообще были крайне слабы, руководились болѣе смутными инстинктами, чѣмъ яснымъ сознаніемъ, идеей или принципомъ, и подъ натискомъ административнаго давленія расплывались безъ всякой борьбы, хотя и нельзя сказать, чтобы безслѣдно. Украинское движеніе, несомнѣнно, самое интенсивное изъ этихъ культурныхъ движеній. Оно и понятно: движеніе это имѣло свои корни въ самобытномъ культурномъ прошломъ украинскаго народа и, развиваясь изъ готоваго корня, было въ силу этого несравненно устойчивѣе другихъ аналогичныхъ ему областныхъ движеній. — Но есть и другая причина его большей устойчивости, и на нашъ взглядъ—еще болѣе важная. Движеніе это, будучи въ извѣстномъ смыслѣ національнымъ, всегда было—и не могло не быть—въ то же время и народническимъ,—если употребить этотъ терминъ, которому, кажется, грозитъ судьба быть избитымъ и истрепаннымъ до невозможности, прежде чѣмъ онъ удостоится точнаго опредѣленія, котораго вполнѣ заслуживаетъ. Украинское движеніе, будучи въ источникѣ своемъ національно-культурнымъ (отнюдь не національно-политическимъ, какъ ни навязываютъ ему эту окраску наши охранители), въ то же время выдѣляется изъ

ряда національныхъ движеній. Извѣстно, что высшій классъ малорусскаго народа цѣликомъ перенялъ чужую культуру: польскую въ юго-западномъ краѣ, великорусскую или просто русскую въ Малороссіи собственно. Отсюда и неизбѣжно, стремленіе къ національному, проявившееся въ малорусской привилегированной средѣ, становилось стремленіемъ къ народному. Правда, это обстоятельство само по себѣ еще не обязывало барина вмѣстѣ со свиткой и шароварами брать на себя и обязанности стража народныхъ интересовъ. Вначалѣ оно такъ и было: народный костюмъ былъ самъ по себѣ, а народные интересы тоже сами по себѣ. Но логика вещей неотвратимо направляла движеніе къ его собственному руслу. Уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ украинофильство было больше народническимъ, чѣмъ чисто національнымъ, если судить по литературному его представителю. «Основа»— единственный украинофильскій журналъ—представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ замѣчательный образчикъ литературнаго органа, очень выдержанно и послѣдовательно исполнявшаго свою задачу—служить народу, его интересамъ, дѣлу его изученія. Правда, съ теперешней точки зрѣнія, онъ понималъ свою задачу односторонне, не устанавливалъ отчетливой перспективы въ отдѣленіи болѣе важнаго отъ менѣе важнаго — вообще страдалъ отсутствіемъ строго-теоретической подкладки. Тѣмъ не менѣе можно сказать, не опасаясь обвиненія въ натяжкѣ, что въ русской литературѣ не бывало органа болѣе народнически задуманнаго и выполненнаго. Дальнѣйшая литературная дѣятельность украинофильства, направленная главнымъ, чуть не исключительнымъ образомъ на изученіе народа и созданіе народной литературы, цѣликомъ подтверждаетъ сказанное нами. Если и были литературныя и другія уклоненія того узко-національнаго характера, на которыя указываетъ авторъ статьи «Русскаго Богатства», то они являются именно только частными уклоненіями отъ главнаго теченія, да и то уклоненіями, вызванными по преимуществу тѣми внѣшними условіями, о которыхъ, конечно, знаетъ г. Алексѣевъ. Теперешнее украинское народничество страдаетъ отсутствіемъ теоріи. Но такъ какъ свѣжая русская мысль упорно вращается около теоретической выработки народническаго міросозерцанія, то и украинское народничество не можетъ дольше оставаться на своемъ старомъ положеніи естественной непосредственности. Оно должно быть разработано и уяснено критической мыслью и будетъ. Тогда для украинофильства начнется новый, болѣе свѣтлый фазисъ существованія—разумѣется, если измѣнятся хоть нѣсколько внѣшнія условія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ

СИЛЫ ПРОВИНЦІИ [1].

В. Б. Антоновичъ.

По поводу М. Антоновича, бывшаго критика «Слова», въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» было какъ-то сказано, что у него есть какой-то никому почти неизвѣстный однофамилецъ», т.-е. кіевскій профессоръ В. Б. Антоновичъ. «Недѣля» упрекнула тогда «Биржевыя Вѣдомости» въ невѣжествѣ, замѣтивъ совершенно вѣрно, что В. Б. Антоновичъ извѣстенъ даже въ Европѣ и о немъ даютъ отзывы такія изданія, какъ французское «Revue politique et litteraire» и итальянское «Revista europea». И все-таки едва ли было справедливо упрекать «Биржевыя Вѣдомости» въ невѣжествѣ собственно за В. Б. Антоновича, такъ какъ въ данномъ случаѣ грѣхъ невѣжества раздѣляетъ съ «Биржевыми Вѣдомостями» едва ли не вся великорусская интеллигенція. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ встрѣтите вы отзывы о замѣчательныхъ трудахъ кіевскаго профессора или о его не менѣе замѣчательной личности (собственно въ смыслѣ общественной личности)? Нигдѣ. Его знаютъ развѣ одни спеціалисты— историки, археологи, этнографы. А между тѣмъ г. Антоновичъ долженъ быть для интеллигенціи нашей интересенъ никакъ не меньше, чѣмъ для спеціалистовъ. И если мы до сихъ поръ какъ то не замѣтили его, то главнымъ образомъ потому, что г. Антоновичъ — дѣятель чисто мѣстнаго, провинціальнаго типа; мы же порядкомъ-таки заражены первороднымъ русскимъ грѣхомъ, привитымъ нашей централистической исторіей, который мѣшаетъ намъ, даже на зло теоретическимъ воззрѣніямъ, видѣть и цѣнить какъ слѣдуетъ проявленія мѣстной жизни. Да,—даже на зло нашимъ собственнымъ теорети-

[1]) Недѣля. 1878, № 20—21.

ческимъ воззрѣніямъ; и это самое печальное. Кто изъ насъ не говоритъ о необходимости изученія народа, о важности знакомства съ провинціей, ея интересами и нуждами и т. под.? Это говорится при всякомъ удобномъ случаѣ; а дѣлается? А дѣлается то, что литература наша слишкомъ часто съ пренебреженіемъ проходитъ мимо не бьющихъ въ глаза фактовъ нашей провинціальной жизни, мимо ея скромныхъ дѣятелей, удостоивая небрежно подобрать одно, такъ же небрежно оттолкнуть другое, руководствуясь въ выборѣ если не капризомъ или прихотью, то все-таки совершенно призрачными представленіями объ относительной важности того или другого факта,—призрачными, такъ какъ они основываются не на настоящемъ пониманіи сущности явленія, а на теоретическомъ построеніи, не имѣющемъ съ даннымъ явленіемъ ничего общаго. А результатъ? Результатъ оказывается о двухъ концахъ—одинъ бьетъ по столичной печати, другой—по провинціальной жизни. Мы сплошь и рядомъ, сидя въ провинціи, любуемся на то, какъ гибнетъ хорошая мысль, доброе начинаніе, честный дѣятель въ непосильной борьбѣ съ враждебными элементами, сознавая хорошо, что поддержка вò-время со стороны гласнаго общественнаго мнѣнія, со стороны печати, могла бы спасти,—о, конечно, далеко не всегда—и мысль, и начинаніе, и честнаго дѣятеля. Сокращается сумма жизни въ провинціи, опускаются руки у ея и безъ того немногочисленныхъ борцовъ, не находящихъ сочувствія и опоры даже тамъ, гдѣ они имѣютъ полное и законное право разсчитывать. Но развѣ ненормальность такого положенія вещей не отзывается и на литературѣ? развѣ она не чувствуетъ болѣе или менѣе бремени своей безцѣльности и непригодности? развѣ она не сознаетъ, что слишкомъ часто «писатель пишетъ для того, чтобъ писать, читатель читаетъ для того, чтобы читать»,—что читаніе и писаніе лишены органической связи, жизненной необходимости? Да, литература это слишкомъ хорошо чувствуетъ. Однако, что же тутъ дѣлать и какъ помочь? Конечно, это дѣло нелегкое,—больше того, дѣло крайне трудное, зависящее отъ многихъ причинъ, и иныя не въ нашихъ силахъ устранить, напр. главнѣйшую—отсутствіе провинціальной печати, которая естественно должна служить въ будущемъ связующимъ звеномъ между провинціальной жизнью и столичной печатью. Но надо дѣлать, что можно при наличныхъ условіяхъ. Самое существенное — надо, чтобъ столичная печать перестала себя чувствовать исключительно столичной, центральной, обязанной заниматься лишь общимъ, всероссійскимъ, европейскимъ, общечеловѣческимъ. Это, неоспоримо, ея роль, но роль

не настоящаго, когда мы не имѣемъ провинціальной, почвенной печати, а роль будущаго, когда у насъ явится такая печать. Пока же столичная печать въ той мѣрѣ можетъ быть жизненной, въ какой ей возможно сдѣлаться въ то же время и провинціальной, — провинціальной по духу. Она должна сдѣлать мелкіе, будничные, такъ сказать, интересы провинціальной жизни своими интересами, не пренебрегая проявленіями мѣстной жизни вслѣдствіе ихъ относительной невзрачности, обыденности. Мы ничуть не скрываемъ отъ себя, какое множество практическихъ затрудненій встрѣтится при осуществленіи этого; но дѣло въ томъ, что нельзя иначе, что нѣтъ другого выхода, что пока печать иначе не можетъ связать себя съ жизнью. Конечно, одинъ органъ не можетъ сдѣлаться провинціальнымъ представителемъ всей Россіи; но онъ можетъ свободно—помимо своей прежней роли центральнаго органа—сдѣлаться представителемъ интересовъ извѣстной области, и такимъ образомъ вся провинціальная Россія могла бы по частямъ имѣть своихъ представителей въ столичной печати. Мы увѣрены, что эта мысль покажется странной, можетъ-быть, нелѣпой большинству писателей исключительно столичныхъ; но еслибъ они могли взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія провинціи, они, конечно, также отчетливо увидѣли бы, что иначе *нельзя*, а въ этомъ вся суть дѣла: развитіе жизни въ провинціи значительно задерживается тѣмъ, что ея жизненные, т.-е. повседневные интересы не находятъ своего представительства въ печати. А ужъ если Франція не могла жить Парижемъ, то Россія и подавно не можетъ жить Петербургомъ. Значитъ, нѣтъ выхода, кромѣ одного, неудобнаго, неестественнаго, но при настоящемъ положеніи вещей неизбѣжнаго—создавать провинціальную печать въ столицѣ. А пока пусть столичная печать относится съ возможно большимъ вниманіемъ къ фактамъ провинціальной жизни, а главное,—главное,—къ ея дѣятелямъ. Трудно представить себѣ, сколько коренного, непоправимаго зла происходитъ отъ того, что нѣтъ возможности поставить подъ защиту печати, гласнаго общественнаго мнѣнія, того или другого NN, который въ томъ или другомъ захолустьи дѣлаетъ то или другое хорошее дѣло. «Кому интересенъ этотъ NN съ его захолустьемъ», скажетъ всякій столичный органъ. А, между тѣмъ, появись въ свое время извѣщеніе, положимъ, о школѣ для взрослыхъ, которую устроилъ NN въ своемъ селѣ, съ приличными разъясненіями дѣла,—и сосѣдъ не съ такою легкостью сдѣлаетъ доносъ или доношеніе, что NN свилъ въ своемъ селѣ гнѣздо революціонной пропаганды, и если сдѣлаетъ, то результаты доношенія явятся да-

леко не въ такомъ безыскусственномъ и безцеремонномъ видѣ, въ какомъ они большею частью являются. Разъ знаетъ общество о дѣятельности человѣка, онъ ужъ не одинъ, и не беззащитенъ—это чувствуетъ онъ самъ, а главное—чувствуютъ тѣ, кому надлежитъ чувствовать. Печать – сила; конечно, не такая сила, какою она можетъ и должна быть, но все-таки сила, и ей не слѣдуетъ этого забывать. Пусть же каждый, у кого есть охота взяться за какое-нибудь стоющее дѣло, будетъ увѣренъ, что онъ встрѣтитъ, въ случаѣ надобности, хоть защиту и поддержку. А надобность будетъ непремѣнно: кто знаетъ условія нашей провинціальной жизни, тотъ знаетъ также, что у насъ каждый человѣкъ, выдвигающійся на полъ-шага изъ толпы, тотчасъ же дѣлается предметомъ общаго подозрительнаго вниманія и всякихъ благонамѣренныхъ экспериментовъ, хоть будь онъ самъ чистъ отъ подозрѣній, какъ ангелъ, хоть будь его дѣло легально, какъ сама легальность,—довольно, что онъ выдвигается. Поэтому намъ кажется, что ни чѣмъ столичная печать не можетъ быть такъ полезна провинціи, какъ тѣмъ, если будетъ выдвигать на видъ личности провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей, заявляющихъ себя на поприщѣ общественнаго самоуправленія, научной дѣятельности, частной инипіативы въ томъ или другомъ хорошемъ дѣлѣ,—какъ можно меньше стѣсняясь необходимо-скромными размѣрами ихъ дѣятельности, ихъ яко бы неинтересностью для столицы, для Россіи. До сихъ поръ по отношенію къ личностямъ провинціальныхъ дѣятелей столичная печать держалась какъ-разъ противоположнаго. Обходились ею не только болѣе заурядныя личности провинціальныхъ дѣятелей, но даже такія рѣзко выдающіяся явленія, какъ г. Антоновичъ, значеніе котораго далеко не ограничивается однимъ какимъ-либо городомъ или уѣздомъ, — даже такія явленія оставлялись безъ вниманія. И невольно бросается въ глаза и рѣжетъ ихъ параллель. Вотъ г. Антоновичъ, петербургскій писалель, участвовалъ когда-то въ «Современникѣ»—неособенно много и неособенно долго,—писалъ, положимъ, не безъ ума и таланта, затѣмъ совершенно удалился отъ литературы и, сколько извѣстно, отъ всякой общественной дѣятельности. Однако тотъ фактъ, что онъ участвовалъ когда-то въ «Современникѣ», дѣлаетъ изъ него извѣстность и даетъ ему право принимать позу, изъ которой усматривается, что на него обращены, такъ сказать, всероссійскія очи. Другой г. Антоновичъ обнаружилъ ужъ никакъ не меньше ума, таланта и трудолюбія на поприщѣ научной дѣятельности, обогативъ русскую литературу цѣнными историческими изслѣдованіями, а главное—былъ

въ свое время представителемъ и борцомъ извѣстной и очень важной общественной идеи, что далеко не обошлось ему даромъ; но онъ до сихъ поръ «никому почти неизвѣстенъ» лишь потому, что работаетъ не въ столицѣ. Конечно, онъ не нуждается въ рекламахъ, и придетъ несомнѣнно время, когда и его личность и его труды найдутъ себѣ должную оцѣнку и въ русскомъ обществѣ; но всетаки просто со стороны какъ-то прискорбно видѣть такую несправедливость, тѣмъ болѣе, что это не случай или исключеніе, а общее явленіе, имѣющее и свои общія причины. Однако же намъ пора обратиться къ предмету настоящей статьи—г. Антоновичу. Но мы еще не будемъ имѣть возможности сразу перейти къ нему, а должны будемъ начать нѣсколько или даже очень издали. Дѣло въ томъ, что г. Антоновичъ—мѣстный, почвенный дѣятель, и потому, чтобъ дать о немъ настоящее понятіе, необходимо прежде сдѣлать очеркъ той среды, которая его выдвинула, тѣхъ мѣстныхъ условій, которыми опредѣлялась и опредѣляется его дѣятельность. И именно тотъ фактъ, что дѣятельность лишается значенія и смысла безъ предварительнаго знакомства съ почвой, которою она обусловливается, еще даетъ одинъ лишній доводъ въ пользу того мнѣнія, какъ необходимо намъ знакомство съ такими дѣятелями: ихъ дѣятельность можетъ служить намъ указаніемъ на тѣ реальные идеалы, которые прописываются жизнью, а не навязываются ей извнѣ.

Всякій знаетъ, что губерніи Кіевская, Волынская и Подольская носятъ названіе юго-западнаго края и находятся въ особыхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ примѣненіе къ нимъ исключительныхъ административныхъ и законодательныхъ мѣръ. Но едва ли будетъ лишнимъ для читателей, если мы хоть коротко сообщимъ имъ, въ чемъ заключается суть особенностей этихъ мѣстныхъ условій. Трудно представить себѣ что-либо болѣе ненормальное, чѣмъ соціальный строй юго-западнаго края, созданный его бурной исторіей. Низшій слой населенія—русское православное крестьянство—чистѣйшаго малорусскаго типа (всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ юго-западномъ краѣ 3.070.000) съ небольшой примѣсью окатоличенныхъ малороссовъ, чиншевиковъ-католиковъ («ходачковой» шляхты), болѣе приближающихся по языку и нравамъ къ малорусскому крестьянину, чѣмъ къ поляку, и польскихъ крестьянъ, выселенцевъ изъ Мазовіи. Высшій слой населенія—польское дворянство (дворянство русское хоть и не мало по

числу, но не очень значительно по количеству земельнаго владѣнія — ему принадлежитъ лишь 1/5 дворянскихъ земель). Счетомъ его, т.-е. польскаго дворянства, относительно, конечно, немного, всего 67,000 чел., но ему принадлежитъ около половины всѣхъ земель и до 30 милліоновъ изъ ежегоднаго дохода этого богатаго края, по расчету г. Чубинскаго (Труды этногр.-статистической экспедиціи, снаряженной Имп. русск. геогр. обществомъ.—Юго-западный отдѣлъ, томъ 7, вып. I, стр. 291), что составитъ на каждаго помѣщика годового дохода около 5,000 рублей. Экономическое положеніе, какъ видите, весьма и весьма завидное. Теперь представьте себѣ картину соціальнаго строя юго-западнаго края.

Русское крестьянство и польское дворянство — двѣ главнѣйшія общественныя группы — совершенно обособлены одна отъ другой, такъ обособлены, какъ только можетъ быть одна часть человѣческаго общества обособлена отъ другой. Уже не сословное и экономическое положеніе только раздѣляетъ ихъ, а культура, національность со всѣми ея аттрибутами, религія. Одна группа живетъ, говоритъ и молится по-пански, другая — по-хлопски; сословная рознь слилась въ одно неразрывное цѣлое съ рознью національной и религіозной. И не рознь и отчужденіе только существуетъ между этими двумя группами, а взаимное презрѣніе и ненависть, которая создалась и питалась постоянно исторіей. Народъ еще лучше культурныхъ классовъ помнитъ свою исторію, такъ какъ помнитъ ее не одной головой, а, такъ сказать, всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ. Самый хорошій полякъ для него есть все-таки нѣчто такое, къ чему онъ относится съ презрительнымъ снисхожденіемъ: «добрый ляшишко»; а въ худшихъ случаяхъ... мы знаемъ, что еще въ 1863 г. только страхъ передъ правительственною властью помѣшалъ крестьянству вырѣзать поляковъ по старымъ, но еще далеко не забытымъ примѣрамъ. И панъ платитъ хлопу той же монетой. У него, какъ у человѣка хоть сколько-нибудь помазаннаго культурой, можетъ быть слабѣе инстинктивная сторона религіозно-національно-сословной ненависти, но можетъ ли онъ забыть, что хлопъ есть свинцовая гиря, которую ему навязала исторія на ноги, — гиря, которая неодолимо тянетъ его въ сторону, противоположную той, куда его влекутъ всѣ его задушевныя симпатіи и идеалы. Такъ стоятъ одно по отношенію къ другому крестьянство и дворянство юго-западнаго края. Чтобъ ихъ обоюдное отчужденіе было еще полнѣе, всѣ мыслимыя экономическія столкновенія и сближенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ взяло на себя еврейство, вѣчный экономическій посредникъ

и эксплуататоръ обѣихъ сторонъ. Итакъ, положеніе края въ высшей степени ненормально и печально. Съ кѣмъ встрѣчается крестьянинъ? Съ ненавистнымъ польскимъ паномъ, съ чиновникомъ-обрусителемъ, который часто смотритъ на крестьянина съ такимъ же недовѣріемъ и презрѣніемъ, какъ и польскій помѣщикъ, и всегда относится къ нему лишь какъ къ объекту своихъ административныхъ экспериментовъ; съ евреемъ, для котораго крестьянинъ есть только губка, изъ которой онъ выжимаетъ трудъ и деньги. Русской интеллигенціи въ краѣ нѣтъ; русское дворянство, которое завелось тутъ послѣ польскаго возстанія, большею частью не живетъ въ помѣстьяхъ, да пожалуй, это и не большая потеря для крестьянства; сельское духовенство стоитъ къ народу въ неудобныхъ экономическихъ отношеніяхъ, да и само оно далеко отъ народа по духу, такъ какъ заражено нѣсколько панской культурой. Откуда же ждать народу юго-западнаго края хоть какой-нибудь помощи, хоть какого-нибудь сочувствія? Безусловно неоткуда. Съ другой стороны, некрасиво, конечно, положеніе и дворянства, — какъ оно ни хорошо поставлено экономически, — такъ какъ оно своимъ отчужденіемъ отъ народа осуждаетъ себя на совершенно бездѣятельную жизнь, на полное прозябаніе. Вообще, польское дворянство юго-западнаго края, замкнутое въ свои исключительные идеалы и шляхетско-католическіе предразсудки, сторонящееся Россіи, въ которой оно видитъ одно варварство, противопоставляя ему свою якобы культуру,—вообще это дворянство представляетъ среду, еще менѣе, чѣмъ наше захолустное дворянство, доступную вліянію какого-либо иного строя идей, какому-либо прогрессивному движенію. Однако и тутъ никакая замкнутость въ свои исключительныя представленія и предразсудки не можетъ вполнѣ закрыть доступъ для такого вліянія. И замѣчательно, какъ ни чуждъ этотъ чисто аристократическій строй всему демократическому,—все-таки духъ времени окрашиваетъ и тутъ общественное броженіе въ демократическій цвѣтъ. Таковы, появившіяся въ панскомъ обществѣ лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ, «балагульщина» и «козакофильство», направленія совершенно поверхностныя, но съ несомнѣннымъ демократическимъ характеромъ: первое заключалось въ подражаніи простонародному костюму и грубости простонародныхъ привычекъ, второе — козакофильство—есть направленіе литературное, которое состоитъ въ своеобразномъ шляхетско-польскомъ идеализированіи малорусскаго козачества, создавшемъ цѣлую козацко-польскую литературу. Но это были только первые невинные цвѣтки панскаго демократизма. Въ концѣ пятидесятыхъ и на-

чалѣ шестидесятыхъ годовъ общее всероссійское возбужденіе коснулось и юго-западнаго края и произвело между мѣстною интеллигентною молодежью уже болѣе глубокое, болѣе захватывающее движеніе въ пользу демократическихъ идей. Появилась молодая партія, которую враги окрестили прозвищемъ «хлопомановъ». Хлопоманы искренно сочувствовали положенію народа и понимали нравственную обязательность жертвъ для облегченія его положенія, понимали, что необходимо относиться съ уваженіемъ къ личности народа, который перестал быть въ ихъ глазахъ тѣмъ «быдломъ», какимъ онъ всегда былъ въ глазахъ дворянства, понимали, что народъ надо учить и учить на его языкѣ и т. под. Идеи ихъ были высоки и гуманны, но носители этихъ идей не могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ были,—дѣтьми своихъ отцовъ, произведеніями своей исключительной польско-шляхетской католической почвы. Они готовы были пожертвовать ради своихъ идей частью своего традиціоннаго «я», своимъ шляхетствомъ, но исторія круто поставила дѣло: или отдай все свое «я», или не надо ничего,—панъ юго-западнаго края долженъ быть полякомъ, и полякъ паномъ. И они необходимо должны были попасть въ безвыходное положеніе: то, что было въ нихъ польскаго, то стало въ нихъ враждебно къ тому, что было въ нихъ демократическаго, и наоборотъ.

Конечно, культурная голова все можетъ уладить въ теоріи, и они улаживали и примиряли непримиримое, но жизнь не слушается теорій: они оставались практически безплодными и обращались или въ фантазеровъ, услаждающихся праздными мечтаніями на соціальныя и политическія темы, или въ такихъ же мошродзѣевъ (насмѣшливое прозвище заправскихъ помѣщиковъ), какъ и окружающая масса. Но между этой хлопоманской молодежью нашлась таки кучка людей, хоть и крайне незначительная по числу, у которой хватило пониманія и мужества посмотрѣть прямо на дѣло. Она поняла, что надо или отказаться отъ мысли работать для народа, по крайней мѣрѣ въ Украинѣ, или надо перескочить черезъ послѣдній барьеръ отдѣляющій ее отъ народа,—отказаться отъ враждебной и ненавистной этому народу національности. Во главѣ этой группы и стоялъ г. Антоновичъ. Вотъ какъ характеризуетъ суть своихъ воззрѣній одинъ изъ послѣдователей г. Антоновича, Ѳаддей Рыльскій: «Эти люди (хохломаны—прозвище упомянутой групы), вышедши изъ среды украинской ополяченной шляхты, изучая мѣстную прошедшую жизнь и современныя ея потребности, пришли къ сознанію своей національной солидарности съ мѣстнымъ украинскимъ населеніемъ и считаютъ

интересы его самыми близкими своими интересами. Предмета для своей общественной дѣятельности они ищутъ въ просвѣщеніи народа на его собственныхъ началахъ, въ развитіи его общественной жизни, дѣйствуя при томъ самымъ спокойнымъ и систематическимъ образомъ. На нихъ нападаютъ всѣ предыдущія группы (авторъ раньше характеризовалъ различныя направленія, замѣчаемыя въ средѣ дворянства правобережной Украины), называя ихъ взгляды и дѣятельность національнымъ отступничествомъ, но они на это отвѣчаютъ, что это только обращеніе; что желающій быть дѣйствительно полезнымъ какому-нибудь обществу не можетъ оставаться въ роли колониста, дѣйствующаго на пользу метрополіи; что ихъ образъ дѣйствій согласенъ съ мѣстными простонародными интересами, которые они принимаютъ за точку отправленія во всѣхъ своихъ взглядахъ». («Основа» 1861 г., ноябрь—декабрь, ст. «Нѣсколько словъ о дворянахъ праваго берега Днѣпра», стр. 99).

Нелегко было положеніе той группки, во главѣ которой сталъ г. Антоновичъ—группки, такъ беззавѣтно порвавшей съ своимъ прошлымъ во имя любви къ народу. Общество, отъ котораго они отреклись, обвиняло ихъ въ отступничествѣ, и этотъ упрекъ имѣлъ смыслъ и вѣсъ, когда онъ исходилъ отъ людей, которые указывали на свое политическое несчастье. Отреченіе при такихъ обстоятельствахъ дѣйствительно требуетъ немало нравственнаго мужества и преданности своему идеалу. Упреки появлялись и въ печати и подали поводъ г. Антоновичу, написать свое объясненіе въ надеждѣ, какъ онъ говоритъ, что это объясненіе, сколько-нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей выяснить свое положеніе въ юго-западномъ краѣ». («Основа», январь, 1862 г., ст. «Моя исповѣдь», стр. 94). Приведемъ отрывокъ изъ этого объясненія, который можетъ краснорѣчивѣе, чѣмъ наши слова, обрисовать и положеніе этой группы, и личность самого г. Антоновича. «Да, г. Падалица (писатель шляхетскаго направленія, который обращался къ г. Антоновичу съ печатной полемикой и между прочимъ упрекнулъ его въ отступничествѣ), вы правы! Я перевертень (ренегатъ), но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово «отступникъ» само по себѣ не имѣетъ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, надо знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому присталъ,—иначе слово это лишено смысла—оно пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ, въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ

сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался. Но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ мое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность. Я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности;—или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобъ не прибавлять собой еще одной тунеядной личности, для того чтобъ наконецъ избавиться самому передъ собой отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что, впрочемъ, все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ, и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ,—изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово (хоть я былъ и паничъ), не одну трагическую повѣсть объ истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтой и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ

человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ,—къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, ложные доносы и намеки о колівщинѣ. Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество;—я выбралъ второе и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда-нибудь, что украинцы признàютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что современемъ среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украйнѣ поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться въ его пользу—раньше или позже—станетъ нравственной потребностью не только отдѣльныхъ лицъ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственной совѣстью дѣлу». (Тамъ же, стр. 94—5). На обвиненія Падалицы въ намѣреніи вести народъ на свой ладъ г. Антоновичъ отвѣчалъ: Вы сомнѣваетесь, захочетъ ли нашъ народъ муштроваться по моей командѣ:—да кто же вамъ сказалъ, что я мечтаю объ этомъ? Желаніе заставлять другого плясать по своей дудкѣ—это давняя привычка польской шляхты. Я могу стараться изучать и заявлять, по мѣрѣ пониманія, нужды народа, степень его развитія, его потребности, могу способствовать его образованію, но навязывать ему что-нибудь задуманное мною a priori я никогда бы не рѣшился! Это манера, которой, еще разъ повторяю вамъ, г. Падалица, до сихъ поръ держались одни шляхтичи. Только у нихъ однихъ напередъ придуманъ одинъ и единственный—по ихъ мнѣнію—спасительный путь для народа, по которому они, по волѣ или по неволѣ, желали бы потащить его; но въ томъ то и дѣло, что истинные друзья народа не такъ должны съ нимъ поступать: они должны сознать все его громадное величіе,—должны сознать, что вести куда бы то ни было народъ не въ ихъ правѣ, и не въ ихъ силахъ; что ихъ задача только помочь народу въ образованіи, въ достиженіи самосознанія, а тамъ онъ самъ себѣ придумаетъ цѣли, вѣроятно, несравненно высшія и разумнѣйшія, чѣмъ бы предложили ему хоть бы мы съ вами, г. Падалица. Истинные друзья народа не ломаютъ себѣ голову надъ далекимъ будущимъ, но если они люди дѣла и если имѣютъ средства, то стараются о народномъ просвѣщеніи, объ улучшеніи матеріальнаго быта крестьянъ, объ отысканіи

лучшихъ средствъ для достиженія той или другой цѣли; они готовы скорѣе сто разъ сознаться публично, что ошиблись въ своихъ заключеніяхъ о той или другой народной потребности, чѣмъ навязывать народу то, въ чемъ онъ не нуждается, или то, чего онъ не хочетъ». (Тамъ-же). Польско-шляхетская партія не ограничилась, къ сожалѣнію, одними словесными препирательствами, намеками на коліивщину, упреками и бранью,—она пускала въ ходъ и разныя другія, болѣе дѣйствительныя средства, чтобъ прекратить для этой группы всѣ пути дѣятельности, къ которой та стремилась, и сдѣлать ее подозрительною въ глазахъ правительства. «Вы не только сами не способствуете просвѣщенію народа», писалъ по этому поводу г. Антоновичъ, «но стараетесь завалить дорогу желающимъ того—сплетнями, баснями, ложными доносами. Вы рачительно заботитесь о подавленіи всего того, что сколько-нибудь проявляетъ мѣстную народность: вспомните, г. Падалица, всѣ слѣдствія похоронъ Шевченка въ Каневѣ, вспомните исторію букварей, вспомните все то, чего я въ настоящее время не могу гласно и подробно высказать, но о чемъ вы, вѣроятно, лучше меня знаете». (Тамъ-же, 89 стр.). До какихъ предѣловъ доходила ненависть дворянства къ этимъ лицамъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Можетъ быть, читатели помнятъ изданную въ Вильнѣ вскорѣ послѣ польскаго возстанія брошюру одного изъ обрусителей юго-западнаго края: онъ сообщаетъ, что дворяне края на судебныхъ допросахъ показывали, что они пристали къ возстанію изъ боязни хлопомановъ, Антоновича и Рыльскаго, которые хотѣли возбудить народъ и перерѣзать ихъ, дворянъ. Конечно, только слѣпая злоба и безсильная месть могла подвигать благородное шляхетство на такія показанія; но тѣмъ не менѣе эта клевета была причиной многихъ непріятностей для г. Антоновича и его послѣдователей.

Но если бъ непріятности шли только съ этой стороны, со стороны польско-шляхетской партіи,—это еще было бы полъ-бѣды; но онѣ появились и оттуда, откуда ужъ ихъ совсѣмъ нельзя было предвидѣть. Извѣстно, въ какомъ ажитированномъ состояніи находилось наше русское общество до польскаго возстанія: все ожило, все залиберальничало, тѣхъ людей, что принято называть охранителями, точно и на свѣтѣ никогда не бывало. Заглядывая въ лѣтописи того ликующаго времени, сплошь и рядомъ встрѣчаешь, что извѣстное лицо высказываетъ такую мысль, которую теперь это самое лицо не только не выскажетъ, но если встрѣтитъ гдѣ-нибудь въ печати, то не преминетъ, по крайней мѣрѣ, указать на нее, какъ на крайне

опасную и разрушительную. Послушайте, что, напр., говоритъ въ 1860 г. Юзефовичъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ современныхъ обрусителей: «Найдется ли у насъ хоть одинъ журналъ, хоть одна печатная по-русски строка,—гдѣ бы выражалось неблагосклонное чувство къ польской народности, и гдѣ бы не выражалось, когда говорится о ней, полное къ ней уваженіе и сочувствіе? Мы не только не враждуемъ съ польскою народностью, но первые теперь отъ души радуемся и благодаримъ правительство за введеніе въ здѣшнія учебныя заведенія польскаго языка, который не только необходимъ для своихъ, но можетъ быть полезенъ и для нашихъ по близкому намъ родству и богатству его литературы» и т. д. («Основа», мартъ 1861 г., ст. «По поводу древнихъ актовъ», стр. 5). Злополучное польское возстаніе послужило поворотнымъ пунктомъ въ общественномъ настроеніи. Г. Катковъ возсталъ спасать отечество, и чѣмъ болѣе входилъ онъ въ свою новую роль, тѣмъ сильнѣе разыгрывалась его фантазія: враги отечества росли, всюду открылись сепаратизмы—въ Сибири, въ Остзейскомъ краѣ, въ Малороссіи. Особенно ловко удалось г. Каткову открытіе сепаратизма малорусскаго: въ то время въ Малороссіи сложилась литературная партія, издававшая передъ тѣмъ свой журналъ «Основу». Хотя другими путями, какъ извѣстно, никакого сепаратизма не открыто, и сами такъ называемые украинофилы считаютъ его такимъ же вздоромъ, какъ и г. Катковъ, однако ревность московскаго спасителя отечества не осталась безъ результатовъ. Въ средѣ самого украинскаго общества нашлись охотники итти по стопамъ г. Каткова, такъ какъ шествіе по сему нетернистому пути было очень и очень не лишено привлекательности. Понятно, что начавшая формироваться литературная партія, группировавшаяся около «Основы», распалась, и участники «Основы» должны были сложить руки. Г. Антоновичъ и его послѣдователи, отвернувшись отъ польскаго общества и приставъ къ русскому, естественно примкнули къ литературной партіи «Основы», съ которой у нихъ было одно великое общее—сочувствіе интересамъ народа и желаніе служить ему. Вмѣстѣ съ участниками «Основы» они должны были вынести и послѣдствія недоразумѣній, порожденныхъ московскимъ рвеніемъ не по разуму. И вотъ г. Антоновичъ, человѣкъ, который могъ бы оказать Россіи большія услуги своимъ воздѣйствіемъ на общественное настроеніе юго-западнаго края, долженъ былъ сосредоточиться исключительно на служеніи наукѣ. Научные труды г. Антоновича такъ же мало извѣстны обществу Великой Россіи, какъ и личность почтеннаго ученаго. Отчасти это обусловливается и тѣмъ обстоятельствомъ, что

его замѣчательныя изслѣдованія по исторіи Малороссіи (преимущественно юго-западнаго края) являются въ видѣ приложеній, или введеній, къ сборникамъ актовъ кіевскаго центральнаго архива, выходящихъ подъ названіемъ «Архивъ юго-западной Россіи» (г. Антоновичъ—главный редакторъ кіевской археографической комиссіи); и потому раздѣляютъ вмѣстѣ съ сборниками судьбу всѣхъ спеціальныхъ изданій; въ небольшомъ количествѣ появляются и отдѣльные оттиски этихъ изслѣдованій, только ихъ раньше, кажется, вовсе не было въ продажѣ въ столичныхъ магазинахъ и складахъ. Лишь въ послѣднее время они появились въ книжномъ складѣ при редакціи «Вѣстника Европы». Въ современной малорусской исторической литературѣ,—которая, впрочемъ надо сознаться, крайне бѣдна, г. Антоновичъ своими изслѣдованіями занимаетъ, несомнѣнно, первое мѣсто. Достоинства остальныхъ историковъ Малороссіи черезчуръ односторонни: Максимовичъ, человѣкъ большихъ знаній и научной добросовѣстности, часто не видитъ лѣса изъ-за деревьевъ своей учености; г. Кулишъ, наоборотъ, слишкомъ третируетъ деревья, гоняясь за образомъ того фантастическаго лѣса, который создаетъ ему его настроенная на предвзятый ладъ фантазія, такъ что его сочиненія, изобилующія и новыми фактами, добываемыми имъ изъ малоизвѣстныхъ въ Россіи польскихъ источниковъ, и нерѣдко поражающія свѣжой, оригинальной мыслью, теряютъ черезъ слишкомъ произвольные пріемы автора значительную долю научнаго значенія; г. Костомаровъ больше преслѣдуетъ цѣли хорошаго разсказчика явленій. Въ изслѣдованіяхъ г. Антоновича всегда сохраняется полное равновѣсіе и гармонія между идеей и фактомъ. Онъ никогда не даетъ вамъ никакой готовой идеи, не открываетъ никакихъ горизонтовъ, ничего не предпосылаетъ своему изслѣдованію, кромѣ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній. Всегдашній общій планъ его работъ такой: за необходимыми предварительными историческими свѣдѣніями и разъясненіями идетъ группировка сырого матеріала, время отъ времени поддерживаемая ссылками на того или другого писателя, чаще польскаго,—и ничего больше. Но голые факты подъ искусной рукой историка укладываются въ такой ясной перспективѣ, такъ логично и стройно, что идея явленія вырисовывается передъ вами съ самой отчетливой наглядностью. Поэтому, несмотря на видимую сухость изложенія, на полное отсутствіе со стороны автора стараній заинтересовать читателя, подѣйствовать на его фантазію, чувство,—изслѣдованія г. Антоновича читаются очень легко и при той рельефности, какая дается искусной группировкой фактовъ,

несмотря на свою сухость, могутъ дѣйствовать и на чувство и на воображеніе. Ясности изложенія, которая, конечно, обусловливается ясностью представленія, можетъ быть содѣйствуетъ то обстоятельство (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ работахъ съ болѣе конкретнымъ содержаніемъ, какъ напр. «Послѣднія времена козачества»), что г. Антоновичъ самъ исходилъ и изъѣздилъ весь юго-западный край, такъ что ни одно названіе мѣстности не остается для него пустымъ звукомъ. Крайне жаль, что работы г. Антоновича не распространены: онѣ помогли бы русскому обществу познакомиться съ такъ мало извѣстнымъ прошедшимъ коренной русской земли, какую представляетъ нашъ юго-западный край, и, можетъ быть, заинтересовали бы и его настоящимъ. Но значеніе нѣкоторыхъ изъ его работъ далеко выходитъ за предѣлы мѣстнаго историческаго интереса. Напр. его «Изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи», (Кіевъ, 1870 г.) представляетъ краснорѣчивую страницу изъ исторіи народнаго закрѣпощенія и указываетъ, между прочимъ, на то громадное вліяніе, какое оказываетъ на соціальное положеніе народа существованіе или отсутствіе свободныхъ земель. Единственная изъ работъ г. Антоновича, про которую можно сказать, что ей повредила, и сильно повредила, предвзятая теорія, есть его первый по времени научный трудъ «Изслѣдованіе о козачествѣ по актамъ 1500—1648 г.г.» (приложеніе къ I тому III части «Архива юго-западной Россіи», Кіевъ, 1893 г.). Авторъ приступаетъ къ анализу съ готовой гипотезой о происхожденіи козачества изъ древнихъ славянскихъ общинъ, остаткомъ которыхъ онъ его считаетъ. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ вопросахъ—происхожденіе Запорожья, отношеніе къ Запорожью козачества вообще, отношеніе реестроваго козачества къ нереестровому и т. д.—онъ находится, видимо, еще подъ вліяніемъ малорусскихъ историковъ и лѣтописцевъ, между тѣмъ какъ малорусскими лѣтописями надо пользоваться съ большою осторожностью, такъ какъ онѣ составлялись въ относительно позднѣйшее время и о явленіяхъ болѣе ранней эпохи естественно склонны судить по современному имъ положенію вещей. Изслѣдованіе г. Антоновича о козачествѣ можетъ дать еще лишній примѣръ того, какъ иногда самый ясный умъ впадаетъ въ очевиднѣйшія заблужденія, когда онъ затемненъ предвзятой идеей. Когда мы просматривали самые акты о козакахъ—особенно тѣ изъ нихъ, которые относятся до исторіи Запорожья—насъ поражало неправильное и одностороннее толкованіе, какое даетъ имъ г. Антоновичъ. Но это изслѣдованіе, какъ мы уже сказали, стоитъ особнякомъ въ ряду изслѣдованій г. Антоно-

вича. Тѣ невольныя ошибки, въ которыя впалъ авторъ, увлекаясь предвзятой теоріей, онъ, конечно, исправитъ въ предисловіи къ чрезвычайно интересному тому актовъ, который печатается нынѣ, объ старинныхъ украинскихъ замкахъ, гдѣ авторъ снова будетъ имѣть случай коснуться вопроса о козачествѣ, собственно о его происхожденіи. Козачество составляетъ одну изъ самыхъ видныхъ сторонъ въ исторіи южной Руси, рѣзко окрашивающую ее въ своеобразный колоритъ; поэтому немудрено, что г. Антоновичъ посвятилъ этому замѣчательному явленію еще одно изслѣдованіе—«Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра, по актамъ 1679—1716 г.г.»—изслѣдованіе, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть названо прекраснымъ. Никогда козачество не вырисовывалось съ такой отчетливостью въ роли борца за демократически-русское противъ шляхетско-польскаго, и авторъ сумѣлъ прекрасно схватить и обрисовать этотъ историческій моментъ; несмотря на полное отсутствіе красокъ и художественныхъ пріемовъ, личность Палія, воплотившаго въ себѣ основной принципъ козачества, выступаетъ въ той грандіозности, которая вполнѣ объясняетъ и оправдываетъ миѳы объ этомъ козацкомъ героѣ, созданные народнымъ воображеніемъ. Въ близкой связи съ козачествомъ стоитъ родственное ему по духу явленіе—такъ называемой гайдамачины, которому г. Антоновичъ посвятилъ послѣднее, недавно вышедшее въ свѣтъ изслѣдованіе,—о немъ мы поговоримъ особо. «Изслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Россіи, по актамъ 1432—1798 г.г.» (предисловіе къ I тому V части «Архива», Кіевъ, 1870 г.) захватываетъ также чрезвычайно важный предметъ въ исторической жизни народа—извѣстно, какое значеніе имѣетъ для страны существованіе или отсутствіе развитого городского сословія. Польшу погубило отсутствіе этого сословія, которое должно было бы встать среднимъ терминомъ между полноправнымъ шляхтичемъ и безправнымъ холопомъ.

Въ южной Руси экономическія функціи городского сословія захватило еврейство, которое является истинной экономической и соціальной язвой края, съ которой Богъ знаетъ какъ успѣетъ онъ раздѣлаться. Шагъ за шагомъ показываетъ авторъ весь историческій ходъ, который привелъ къ такому ненормальному положенію: какъ городъ является сначала центромъ общины, ея самоуправленія, какъ налегшій на край феодально-военный литовскій строй мало-по-малу уничтожаетъ всякую тѣнь городской свободы, пока, наконецъ, само правительство, почувствовавъ невыгодные для себя результаты подавленія городской жизни, не спохватилось и не нача-

ло поправлять зла дарованіемъ такъ-называемаго магдебургскаго права. Но было уже поздно, да и средство для оживленія убитаго города оказалось мало пригоднымъ. Чрезвычайно интересны тѣ страницы, которыя авторъ посвящаетъ пресловутому магдебургскому праву въ русскомъ его примѣненіи: онѣ представляютъ намъ новый примѣръ того, какъ иногда полезныя и прекрасныя учрежденія оказываются никуда негодными на чуждой для нихъ почвѣ. Магдебургское право имѣло для южно-русскихъ городовъ лишь постольку значеніе, поскольку оно обезпечивало за городской общиной извѣстную долю свободы; во всемъ остальномъ право это почти не имѣло никакого реальнаго примѣненія. Его, можно сказать, даже и не знали да и не интересовались знать; все устраивалось по своимъ собственнымъ русскимъ обычаямъ. Коллегіальныя учрежденія для городского самоуправленія, правда, существовали, но они были лишены жизненности, оставались учрежденіями чуждыми, такъ что горожане часто уклонялись отъ выборовъ въ городскія должности, и городъ не стѣснялся въ важныхъ случаяхъ, пренебрегая своими представительными учрежденіями, прибѣгать къ родной славянской общенародной сходкѣ; съ другой стороны, городъ никакъ не могъ установиться на нѣмецкомъ понятіи своей городской исключительности и по древнимъ общиннымъ преданіямъ притягивалъ къ себѣ землю, волость, такъ что, къ удивленію, оказывалось, что магистраты вѣдаютъ дѣла окрестнаго крестьянства и т. д. Однако мы слишкомъ увлеклись—пусть читатель самъ обратится къ прекрасному изслѣдованію г. Антоновича—надѣемся, онъ не посѣтуетъ на насъ за совѣтъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ историческихъ трудовъ г. Антоновича, мы знаемъ еще о существованіи «Очерка состоянія православной церкви въ юго-западной Россіи въ XVII и XVIII ст.» (приложеніе къ т. IV, ч. 1-й «Архива», Кіевъ, 1871 г.); но намъ не удалось съ нимъ познакомиться. Въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» печатается въ настоящее время его же «Исторія великаго княжества Литовскаго». Какъ ни далеки, повидимому, отъ современной жизни и ея интересовъ изслѣдованія г. Антоновича, однако они стоятъ въ самой тѣсной связи съ общественными тенденціями ихъ автора, о которыхъ мы говорили выше. Основной мотивъ всѣхъ его историческихъ работъ есть противоположность двухъ началъ—созданнаго польской жизнью и исторіей шляхетско-аристократическаго и созданнаго русскимъ народомъ—демократическаго. Вся исторія юго-западной Россіи есть столкновеніе этихъ двухъ началъ, постоянно и непримиримо враждебныхъ, при чемъ беретъ верхъ то одно, то дру-

гое, окрашивая своимъ преобладаніемъ различные историческіе моменты: современность есть только итогъ, который подвела этой борьбѣ исторія.

Въ недавно вышедшемъ второмъ выпускѣ перваго тома «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ» (С.-П.Б., 1877 г.) въ числѣ прочихъ матеріаловъ и изслѣдованій, собранныхъ г. Чубинскимъ, находится сборникъ актовъ о колдовствѣ, извлеченныхъ г. Антоновичемъ изъ книгъ градскихъ и магистратскихъ судовъ юго-западнаго края, сопровождаемый изслѣдованіемъ г. Антоновича объ этомъ предметѣ. Это изслѣдованіе подтверждаетъ еще разъ и на совсѣмъ иной почвѣ, какимъ особымъ теченіемъ шла жизнь южно-русскаго народа, хотя исторія и влила ее въ общее съ Польшей русло. Между тѣмъ какъ Польша въ понятіяхъ о колдовствѣ и въ преслѣдованіи его не только шла рука объ руку съ западной Европой, а даже опередила ее, такъ какъ послѣдняя колдунья была сожжена въ окрестностяхъ Познани въ 1793 г. (въ классической странѣ костровъ, Испаніи, послѣднее сожженіе относится къ 1781 г.),—въ южной Руси, которая юридически управлялась тѣмъ же польскимъ законодательствомъ, въ процессахъ, вытекавшихъ изъ обвиненій въ колдовствѣ, мы не видимъ ничего общаго съ инквизиціей. Дѣло въ томъ, что, какъ объясняетъ г. Антоновичъ, русскій народный взглядъ на колдовство былъ не демонологическій, какъ въ Польшѣ и западной Европѣ, а пантеистическій: то или иное сверхъестественное дѣйствіе, полезное или вредное, народъ приписывалъ не связямъ лица съ злымъ духомъ, а лишь знанію его тѣхъ или иныхъ силъ и законовъ природы, недоступныхъ массѣ. Оттого дѣла о колдовствѣ разбирались большею частью съ точки зрѣнія гражданскаго иска объ ущербѣ, и наказаніе соразмѣрялось со степенью причиненнаго вреда; понятно, что когда вредъ наносился большой, какъ напр. если знахарь насылалъ эпидемію, и наказаніе могло быть жестокое. Иной, инквизиціонный характеръ процессовъ встрѣчается лишь тогда, когда дѣйствующими лицами въ процессѣ являются дворяне, воспитанные подъ вліяніемъ польской культуры на демонологическихъ представленіяхъ. Въ числѣ научныхъ заслугъ г. Антоновича нельзя не упомянуть объ изданномъ имъ вмѣстѣ съ г. Драгомановымъ собраніи «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» (Кіевъ, 1874—5 г.). Это изданіе, получившее отъ Академіи Наукъ Уваровскую премію, можно назвать образцовымъ: строго научная группировка пѣсенъ по

историческимъ эпохамъ, всевозможныя указанія, варіанты, историческія объясненія—все дано для того, чтобы сдѣлать его драгоцѣннымъ научнымъ пособіемъ. Въ высшей степени жаль, что оно остановилось на первомъ выпускѣ второго тома, закончившемся смертью Богдана Хмельницкаго. Настоящая потеря для малорусской исторіи и этнографіи, если оно не будетъ продолжаться; будемъ надѣяться, что этого не случится. Г. Антоновичъ еще извѣстенъ какъ археологъ. Наши историки и археологи имѣли возможность съ нимъ познакомиться на двухъ археологическихъ съѣздахъ—кіевскомъ, гдѣ онъ былъ секретаремъ съѣзда, и казанскомъ, на которомъ онъ представилъ результаты своихъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ имъ по порученію Кіевской археографической комиссіи. Вотъ короткій перечень трудовъ г. Антоновича. Уже и изъ этого перечня видно, что тѣ слова, которыя сказалъ когда-то г. Антоновичъ о своемъ намѣреніи служить народу русскому, для него не пустой звукъ, а нравственное обязательство, которое онъ взялъ на себя и которое вѣрно исполняетъ. Можетъ быть, онъ служитъ народу не на томъ поприщѣ, о какомъ мечталъ въ молодости, но это уже не его вина. Все-таки Украина съ полнымъ основаніемъ можетъ сказать, что пріобрѣла въ немъ себѣ вѣрнаго сына, честнаго работника: онъ сдѣлалъ для нея гораздо больше, чѣмъ многіе изъ ея кровныхъ сыновъ. Хорошо сдѣлалъ бы г. Антоновичъ, если бъ предпринялъ изданіе своихъ сочиненій по исторіи Малороссіи, чтобы облегчить нашему обществу возможность познакомиться съ своими трудами.

КОТЛЯРЕВСКІЙ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКѢ [1]).

Полтава открываетъ памятникъ Котляревскому, автору «Перелицованной Энеиды», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чарівника»,—признанному родоначальнику малорусской литературы. Открытіе памятника пріурочивается къ столѣтней годовщинѣ появленія въ свѣтъ печатной «Энеиды». Вся южная Русь малорусскаго нарѣчія, и наша, и заграничная, галицкая, откликнулась на призывъ, сдѣланный съ мѣста родины поэта. Конечно, это не тотъ ґромкій откликъ, какой раздался при воззваніи на памятникъ Мицкевичу; но вѣдь южно-русскія отношенія, внѣшнія и внутреннія, коренятся совсѣмъ въ иной исторической почвѣ. Освѣтить сколько-нибудь эту почву, намѣтить тѣ историческія условія, которыя опредѣлили художественную личность Котляревскаго, а отчасти и современныя отношенія къ этой личности — вотъ цѣль настоящаго очерка.

Во время появленія на свѣтъ Ивана Петровича Котляревскаго — извѣстно, что онъ родился 28-го августа 1767 года — Полтава, мѣсто его рожденія, доживала свои послѣдніе дни въ достоинствѣ «полкового» города: большая часть сотенъ, составлявшихъ «полтавскій полкъ», уже отошла къ Новороссіи, и оставалось всего нѣсколько лѣтъ до того, какъ и сама Полтава должна была сдѣлаться уѣзднымъ городомъ Новороссійской губерніи. Когда, за два года до рожденія Котляревскаго, полтавскіе граждане давали «наказъ» своему депутату въ «Екатерининскую Комиссію», они писали о родномъ городѣ, что онъ «никакихъ публичныхъ строеній и должнаго украшенія не имѣетъ». И дѣйствительно, всѣ немало-

[1]) „Вѣстникъ Европы". 1900. Мартъ.

численные путешественники, посѣщавшіе Полтаву, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, какой жалкій видъ представлялъ собою городъ въ то время. Около тысячи маленькихъ хатъ,—частью внутри жалкихъ остатковъ крѣпости, большею же частью внѣ ея, на предмѣстьѣ, — хатъ, правда, чистенькихъ, окруженныхъ вишневыми садиками, но стоявшихъ среди непролазной грязи,—вотъ и вся Полтава. Лишь одинъ гостиный дворъ свидѣтельствовалъ, что здѣсь живутъ не одни «хліборобы». Только четверть вѣка спустя, когда Полтава дѣлается губернскимъ городомъ и резиденціей малорусскаго генералъ-губернатора, начинаетъ она пріобрѣтать внѣшній видъ и лоскъ культурнаго города.

И однако, Полтава — этотъ захудалый или не успѣвшій развернуться городокъ, какимъ онъ представляется во второй половинѣ XVIII-го вѣка,—былъ если не административнымъ или торговымъ центромъ края, то все-таки однимъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ всего яснѣе, отчетливѣе проявлялась жизнь соціальнаго организма лѣвобережной Украины. Причины налицо: полтавская территорія, какъ заключенная внутри края, была болѣе свободна отъ посторонних вліяній; вмѣстѣ съ тѣмъ, она питала свой духъ самостоятельности близостью и постоянными сношеніями съ запорожской козацкой общиной. И въ маленькомъ городкѣ, лишенномъ «публичныхъ строеній и должнаго украшенія», въ его скромныхъ хаткахъ, на его базарахъ и ярмаркахъ, въ ратушѣ, на «цвинтаряхъ» его церквей—всюду чувствовалась та общественная волна, которая за сто лѣтъ передъ тѣмъ всколыхнула жизнь всей огромной южно-русской территоріи и перевернула ее до основаній.

Но волна эта уже замирала; ее перехватывали новыя вліянія. Послѣ переворота, произведеннаго возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, лѣвобережная Украина, или гетманщина, Малороссія, оторвалась отъ правобережной и вступила въ кругъ могущественнаго сосѣдняго государственнаго организма — великорусскаго. Начался трудный процессъ переработки общественныхъ силъ и элементовъ и приспособленія ихъ къ новымъ требованіямъ. Къ тому времени, съ котораго ведется нить настоящаго изложенія, процессъ этотъ началъ развиваться съ особою энергіей: южно-русская исторія вступила въ вѣкъ Екатерины II.

Екатерина II не принесла съ собой на тронъ тѣхъ симпатій къ Малороссіи, какими отличалась ея предшественница Елизавета; но, конечно, не отсутствіемъ этихъ симпатій, съ которыми у Елизаветы тѣсно переплетались ея личныя чувства, надо искать объясненія той

опредѣленной политической программы, какую Екатерина заявила тотчасъ по вступленіи на тронъ и настойчиво преслѣдовала. Екатерина имѣла въ головѣ идеалъ государственнаго строя и чувствовала себя призванной осуществить его въ Россіи. Проявленія своеобразныхъ формъ общественной украинской жизни и естественная привязанность украинцевъ къ этимъ формамъ, выработаннымъ ихъ исторіей, казались ей, съ ея точки зрѣнія, неразумнымъ варварствомъ. Покончить съ этимъ варварствомъ — являлось для нея не только дѣломъ правильнаго политическаго расчета, но и долгомъ совѣсти по отношенію къ передовымъ идеямъ вѣка, адептомъ которыхъ заявляла себя императрица. Румянцевъ выдвинутъ былъ ею, какъ умный толкователь и вѣрный исполнитель ея идей въ ихъ приложеніи къ Малороссіи.

Послѣдній гетманъ былъ отставленъ почти тотчасъ же по вступленіи Екатерины въ управленіе государствомъ. Хотя гетманская власть Разумовскаго представляла собою лишь фантомъ, слабую тѣнь политической власти, но и этотъ фантомъ надо было удалить немедленно, «чтобы и имя гетмановъ исчезло, не только бы персона какая была произведена въ оное достоинство». Румянцевъ, какъ президентъ малороссійской коллегіи, формально заступавшей мѣсто устраненнаго гетмана, вступилъ въ роль правителя Малороссіи, «главнаго малороссійскаго командира», — по тогдашнему выраженію.

Но либеральные принципы императрицы, прикрывавшіе пока расчеты практической политики, еще удерживали ее отъ крутыхъ мѣръ, которыя имѣли бы характеръ насилія. Ей хотѣлось, чтобы малороссы сами выразили стремленіе къ реформамъ въ духѣ ея собственныхъ идей и плановъ. Припомнимъ, что это было время созыва комиссіи для составленія новаго уложенія, когда вся русская земля была призвана къ участію въ законодательной дѣятельности, должна была выбирать депутатовъ въ комиссію, составлять для этихъ депутатовъ «наказы», въ которыхъ обязана была представить не только свои нужды, но и свои желанія. Естественно было предположить, что Малороссія съ ея исконной привычкой къ общественной самодѣятельности, легко пойдетъ на встрѣчу начинаніямъ императрицы, обращавшейся именно къ этой самодѣятельности. Но вышло нѣчто совсѣмъ иное.

Румянцевъ издалъ циркуляръ, разъясняющій малороссамъ знаменитый манифестъ 14-го декабря 1766 года. Циркуляръ этотъ, дышавшій искренностью тона, доказывалъ малорусскому обществу

необходимость реформъ, обезпечивающихъ правосудіе, общественное благосостояніе, правовой порядокъ. Но малороссы, «ослѣпленные любовью къ своей землицѣ», по ироническому замѣчанію Румянцева, оставались глухи къ такимъ обращеніямъ. Они были убѣждены, что ихъ страна не нуждается ни въ какихъ реформахъ, что ихъ законы и такъ вполнѣ хороши, что имъ нужно одно—подтвержденіе ихъ старинныхъ правъ и вольностей. «Эти люди иначе не отзываются»,—пишетъ Румянцевъ Екатеринѣ,—«что нигдѣ нѣтъ ничего хорошаго, ничего полезнаго и ничего прямо свободнаго, что бы имъ годиться могло, и все, что у нихъ есть, то лучше всего». Въ словахъ этихъ звучитъ досада человѣка, обманувшагося въ своихъ лучшихъ надеждахъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно, что малорусское общество того времени искало своего лучшаго не тамъ, гдѣ указывали его Екатерина и Румянцевъ, не въ «Esprit des Lois» и твореніяхъ энциклопедистовъ, а въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмельницкаго. Соглашеніе было невозможно. При видѣ «изумительнаго своеволія, доходившаго до коварства», какое обнаруживали малороссы въ томъ дѣлѣ, къ какому они были призваны правительствомъ, Румянцевъ почувствовалъ себя вынужденнымъ смѣнить тонъ просвѣтителя и совѣтчика, съ какимъ онъ выступалъ въ циркулярѣ, на тонъ суроваго начальника. Лично и черезъ агентовъ, какъ своихъ, русскихъ, такъ и изъ мѣстныхъ людей, «имѣющихъ великое желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованью», онъ вмѣшивался въ выборы, кассировалъ ихъ, не допускалъ наказовъ, въ которыхъ выступало слишкомъ ярко пристрастіе къ старой гетманщинѣ. Вмѣсто свободнаго выраженія нуждъ и желаній, является необходимость подавлять «желанія, несходственныя съ общимъ добромъ», а общее добро совпадало, конечно, съ выгодами государства.

Екатерина склонна была, повидимому, легко смотрѣть на эти проявленія привязанности малороссовъ къ своей старинѣ, къ своимъ правамъ и вольностямъ; ей казалось, что все это, какъ основанное лишь на неразумномъ пристрастіи, не оправдываемомъ просвѣщенными взглядами на государственное благоустройство, быстро разсѣется, что малорусскіе депутаты, напр., явясь съ своими исключительными домогательствами предъ многочисленное собраніе комиссіи, сами ихъ устыдятся. Но потомъ она совсѣмъ измѣнила свои отношенія къ этому предмету. Она пришла къ убѣжденію, что такой оптимизмъ здѣсь неумѣстенъ, и что относительно малорусскихъ дѣлъ надо держаться правила «имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ»,—правила, основывающагося на пріобрѣтенномъ ею убѣжденіи, что

«какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ». Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ созыва комиссіи, и на Малороссію посыпались, одно за другимъ, крупныя преобразованія; для осуществленія ихъ теперь не нужны были мнѣнія населенія о своихъ желаніяхъ и нуждахъ, да и самый характеръ преобразованій освобожденъ былъ отъ стараго вліянія философскихъ теорій. Преобразованія эти имѣли цѣлью совершенно передѣлать старый строй малорусскаго общества въ духѣ общерусскихъ государственныхъ учрежденій; но въ то же время они были разсчитаны и на то, чтобы парализовать ожидаемое неудовольствіе тѣми выгодами, какія предоставлялись господствующему классу малорусскаго общества, будущему малорусскому дворянству, пока еще только лишь козацкой старшинѣ, которая въ эпоху комиссіи и наказовъ являлась представительницей протеста противъ преобразовательныхъ начинаній правительства. Въ 1782 г. введено было въ Малороссіи «Учрежденіе о губерніяхъ»—въ томъ же году произведена ревизія; въ 1783 году вышелъ указъ, запрещающій крестьянамъ вольные переходы—вслѣдъ за нимъ другой, преобразующій козачьи полки въ регулярные. Нѣсколько указовъ въ теченіе двухъ лѣтъ,—и историческая Малороссія была упразднена. Не стало козачества, которое составляло основной элементъ малорусскаго общества; посполитство (крестьянство),—правда, уже въ значительной степени обездоленное по отношенію къ землѣ, но все-таки пользовавшееся неоцѣненнымъ благомъ личной свободы,—было обращено въ крѣпостное рабство; тѣмъ самымъ козацкая старшина, уже успѣвшая занять, но неуспѣвшая еще оформить свое привилегированное положеніе, обращалась въ благородное русское дворянство. Новыя сословныя отношенія вставлялись въ рамки новыхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій общерусскаго типа.

Въ такую эпоху и среди такихъ соціально-политическихъ условій прошло дѣтство Котляревскаго. Чѣмъ, какими непосредственными жизненными фактами отражались эти условія на формирующемся духѣ будущаго поэта? Біографическій матеріалъ, касающійся дѣтства Котляревскаго, почти отсутствуетъ; но при помощи матеріала историческаго мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя предположенія, имѣющія значительную степень вѣроятности. Что до Котляревскаго съ ранняго дѣтства доходили, въ той или иной формѣ, отзвуки крупныхъ совершающихся событій — это несомнѣнно: вѣдь эти событія затрогивали существенные интересы всѣхъ и каждаго, а украинцы той эпохи еще не успѣли отвыкнуть отъ свободнаго обсужденія того, чтó ихъ интересовало. Возьмемъ хотя бы самаго

Котляревскаго, его ближайшее родство: дѣдъ его былъ дьякономъ, отецъ служилъ въ магистратѣ. Этихъ краткихъ свѣдѣній изъ формулярнаго списка достаточно, чтобы представить себѣ, что семья Котляревскаго принадлежала къ той несчастной межеумочной группѣ, которая постоянно дрожала за свою привилегированность, не извлекая изъ нея ничего, кромѣ личной свободы: вѣдь достаточно было попасть въ ревизію, чтобы очутиться въ числѣ пожалованныхъ какому-нибудь графу Безбородкѣ. Въ томъ переходномъ состояніи, въ какомъ жило малорусское общество, среди неустановившихся, хаотическихъ, отношеній такіе случаи были совершенно заурядными. Поэтому, если мы видимъ, что родичи Котляревскаго, въ концѣ концовъ, причисляются къ дворянамъ, то мы можемъ быть увѣрены, что дворянство это стоило немалыхъ усилій и жертвъ его носителямъ; что около добыванія этого злосчастнаго дворянства сосредоточивались мысли и чувства, можетъ быть, не одного поколѣнія восходящаго родства Котляревскаго.

Но дворянство Котляревскаго было привилегированностью, повидимому, лишь ровно настолько, насколько это было нужно, чтобы избавиться отъ страшной опасности—приписки къ податному состоянію. Къ счастью, оно не окружило его дѣтство исключительными условіями, а оставило его въ той же общенародной, такъ сказать, демократической обстановкѣ, благодаря которой Котляревскій сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Для подобнаго заключенія мы имѣемъ такое біографическое указаніе: Котляревскій учился, передъ поступленіемъ въ семинарію, у дьяка. Со словомъ «дьякъ»—дьякъ просто и дьякъ мандрóваный—передъ всякимъ, кто знакомъ съ малорусской стариной, возстаетъ своеобразная и въ высшей степени интересная и важная сторона нашего южно-русскаго прошлаго. Какъ бы мы ни были проникнуты вѣрой въ прогрессъ, какъ ни наклонны прозрѣвать золотой вѣкъ лишь въ туманѣ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго—тѣмъ не менѣе, мы не можемъ отказать въ глубокой симпатіи къ той несомнѣнной и страстной жаждѣ просвѣщенія, какую обнаруживала вся масса малорусскаго народа, пока гнетъ крѣпостного состоянія не придавилъ его духовныхъ потребностей. Какой-то радостный, восторженный порывъ къ свѣту охватилъ малорусскій народъ, какъ только онъ освободился, съ Богданомъ Хмельницкимъ, «отъ рабства лядскаго-египетскаго». Одинъ совершенно посторонній наблюдатель, ученый діаконъ Павелъ Алеппскій, сопутствовавшій антіохійскому патріарху Макарію въ Москву, съ чрезвычайнымъ интересомъ наблюдалъ и отмѣтилъ для насъ

рельефными чертами эту особенность «козацкаго народа». «Послѣ освобожденія,—пишетъ онъ,—люди эти предались съ большою страстью ученію, чтенію и церковному пѣнію пріятнымъ напѣвомъ... Всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы; священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами»... «Тутъ-то (по въѣздѣ въ козацкую землю) настало для насъ (восточныхъ людей, сопровождавшихъ патріарха) время пота и труда, такъ какъ во всѣхъ козацкихъ церквахъ нѣтъ сидѣній. Представь себѣ читатель: они стоятъ отъ начала службы до конца неподвижно, какъ камни, и всѣ вмѣстѣ, какъ бы изъ однихъ устъ, поютъ молитвы; и всего удивительнѣе, что во всемъ этомъ принимаютъ участіе и маленькія дѣти... Усердіе ихъ къ вѣрѣ приводило насъ въ изумленіе... О, Боже, Боже, какъ долго тянутся эти молитвы, пѣніе и литургія! Но ничто насъ такъ не удивляло, какъ красота маленькихъ мальчиковъ и ихъ пѣніе, исполняемое въ гармоніи со старшими»... Кромѣ пѣнія, которымъ Павелъ не устаетъ восторгаться, онъ говоритъ еще съ глубокимъ чувствомъ о красотѣ множества вновь выстроенныхъ церквей съ прекрасной иконной живописью. «О, какой это благословенный народъ! и какая это благословенная страна!—восклицаетъ онъ то-и-дѣло:—блаженны глаза наши за то, что видѣли, уши наши—за то, что слышали, и сердца наши—за испытанную ими радость и восхищеніе...»

Цвѣтистый восточный стиль Павла Алеппскаго, какимъ онъ описываетъ Украину XVII-го вѣка, не превосходитъ своимъ краснорѣчіемъ цифръ и извѣстій документовъ относительно Малороссіи XVIII вѣка. Всюду населенныя мѣста изобилуютъ церквами; при каждой церкви есть «шпиталь» и школа. Къ церкви примыкаютъ братства церковныя и цеховыя, преслѣдующія религіозно-нравственныя и филантропическія цѣли. Шпиталь является пріютомъ для всѣхъ, кто лишенъ пріюта семейнаго: обитатели шпиталя составляли между собою тоже братства и владѣли, случалось, даже и земельными фондами. Наконецъ, школа была необходимымъ третьимъ членомъ учрежденій, удовлетворявшихъ культурнымъ потребностямъ малорусскаго народа.

Вотъ здѣсь-то, въ школѣ, и царилъ панъ-дьякъ, тотъ дьякъ, у котораго учился Котляревскій, какъ учились малолѣтки всего малорусскаго народа, безъ различія ихъ общественныхъ положеній,—учились до тѣхъ поръ, пока благородное дворянство, вылу-

пившееся изъ козацкой старшины, не отдало своихъ дѣтей на воспитаніе великорусскимъ учителямъ и иностраннымъ гувернерамъ, а поспольство, обратившееся въ «крѣпаковъ», за панщиной не забыло дорожки до школы, а наконецъ, не завалилась и самая школа, никѣмъ не пригрѣтая, никому не нужная...

Панъ-дьякъ—не совсѣмъ то, что современный дьячокъ. Это была значительная фигура, игравшая большую роль въ жизненномъ обиходѣ малорусской громады прошлаго вѣка. Прежде всего, надо сказать, что громада сама подыскивала себѣ въ дьяки лицо, удовлетворявшее всѣмъ ея, довольно сложнымъ, требованіямъ: дьякъ долженъ былъ обладать «добрымъ гласомъ», знать хорошо порядокъ и благолѣпіе церковной службы и имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ педагогическія—если не способности, то навыки. Панъ-дьякъ былъ и паномъ-бакаляромъ, и паномъ-дирехторомъ, т.-е. учителемъ и начальникомъ школы.

Конечно, наука дьяка, и по своему содержанію, и по педагогическимъ пріемамъ, была очень далека отъ современнаго идеала. Грамàтка, псалтырь, часословецъ, въ ихъ педагогической обстановкѣ въ видѣ пучка розогъ подъ сволокомъ и неизбѣжныхъ «субитокъ» (субботнихъ наказаній)—все это кажется теперь очень непривлекательнымъ. Но «всякому овощу свое время», всякій предметъ надо разсматривать въ его обстановкѣ. Школа эта имѣла одно въ высокой степени важное достоинство: она удовлетворяла запросамъ массы, опирающимся на такія ея потребности, какъ религіозно-нравственное чувство. И она, эта школа, была не механическимъ придаткомъ жизни, а ея органическою составною частью. Отсюда школьный ритуалъ, въ которомъ принимала участіе и семья, напр. въ видѣ «каши», сопровождавшей переходъ ученика съ одной ступени знанія на другую: все это, что имѣетъ для насъ характеръ случайности и странности, нѣкогда было живымъ свидѣтельствомъ органической связи школы съ жизнью,—связи, отсутствіемъ которой такъ страдаетъ современная школа, при всемъ ея сравнительномъ совершенствѣ.

Но мы не поймемъ, что такое была тогдашняя школа, если не вглядимся ближе въ фигуру пана-дьяка, душу этого учрежденія. А панъ-дьякъ, уже прочно усѣвшійся въ школѣ, съ тайнымъ ли намѣреніемъ «выдряпаться» современемъ на попа, или съ покорностью судьбѣ рѣшившійся быть сыту отъ скромныхъ плодовъ своей дьяковской спеціальности, — этотъ осѣдлый панъ-дьякъ выяснится намъ лучше всего изъ его тѣсныхъ родственныхъ связей съ дья-

комъ «мандро́ванымъ». Мандро́ваные дьяки, изъ которыхъ выходили дьяки осѣдлые, это въ высокой степени любопытная соціальная группа. Составлялась она изъ тѣхъ латинниковъ, «спудеевъ» высшихъ школъ, которые или убоялись бездны премудрости, или просто больше чувствовали вкуса къ жизни, чѣмъ къ схоластической наукѣ. Выбитые изъ старой жизненной колеи и не вошедшіе пока еще въ новую, они до поры до времени вели бродячій образъ жизни, обогащаясь впечатлѣніями и свѣдѣніями, и служили поставщиками того незатѣйливаго духовнаго товара, на какой былъ спросъ среди простонародной массы. Это были люди не только «письме́нные», но и особыхъ «политичныхъ звычаевъ», имѣли нѣкоторыя, хотя, конечно, скудныя научныя познанія, а главное, разнообразные художественные вкусы и навыки: уже не говоря о пѣніи, на которое всегда былъ спросъ, они знали разные канты и вирши, умѣли рисовать, умѣли поставить для общественнаго развлеченія вертепную драму и т. п. На ряду съ тупицами, среди этого люда были и даровитыя головы, остроумные люди, и во всякомъ случаѣ не было здѣсь недостатка въ энергіи и отвагѣ. Надо думать, что именно творчеству этой безпокойной среды мы обязаны множествомъ тѣхъ произведеній, которыя дошли до насъ въ устной народной передачѣ и частью въ старинныхъ записяхъ, но всѣ они носятъ несомнѣнные слѣды искусственнаго происхожденія, книжной мудрости ихъ авторовъ. Членомъ этой среды надо считать и нашего украинскаго философа Григорія Саввича Сковороду съ тою разницей, что болѣе широкій размахъ его духа погналъ его не изъ Березны въ Коропъ, а въ Германію и Италію. Вотъ въ какой почвѣ разбрасывала свои корни малорусская школа; надо думать, она извлекала отсюда коечто и сверхъ простой грамотности.

Въ полной гармоніи съ демократическимъ строемъ малорусскаго общества была демократична и высшая школа: семинарія, коллегіумъ, даже кіевская академія, несмотря на вполнѣ схоластическое, какъ бы далекое отъ интересовъ повседневной жизни и потребностей массы, направленіе преподаваемой ею науки. Уже не говоря о томъ, что двери ея были открыты для всѣхъ и каждаго; что масса бѣдняковъ, жаждущихъ знанія, питалась на счетъ громады — укажемъ на одну сторону ея жизни, менѣе извѣстную. Школа эта, между прочимъ, стремилась, такъ сказать, къ популяризаціи науки среди народа посредствомъ устройства драматическихъ зрѣлищъ поучительнаго содержанія, публичныхъ диспутовъ, діалоговъ и т. п., гдѣ, «для разумѣнія и простому во множествѣ стекавшемуся на-

роду», школьный латинскій языкъ замѣнялся народнымъ малорусскимъ.

Но во второй половинѣ XVIII-го вѣка, въ связи съ указанными нами выше глубокими перемѣнами, какимъ подвергся строй малорусскаго общества, эта высшая школа получила иное направленіе. Еще недавно южная Русь поставляла образованное высшее духовенство на всю сѣверную Русь, и московскіе попы не знали, какъ избыть свое «черкасское» начальство. Теперь кіевскіе митрополиты, высшая духовная и вообще просвѣтительная власть края, являлись съ сѣвера съ рѣшимостью подвести все имъ подвѣдомственное подъ общій уровень великорусскихъ учрежденій,—и школу на первомъ планѣ. Таковы были митрополиты Гавріилъ Кременецкій и, въ особенности, Самуилъ Миславскій.

Прежде всего и больше всего пришлось работать надъ языкомъ, вытѣснить «простонародное здѣшнее нарѣчіе» и замѣнить его «чистымъ россійскимъ слогомъ». Для достиженія этой цѣли примѣнялись энергическія мѣры: призывались преподаватели съ сѣвера, а мѣстные студенты отсылались на сѣверъ для изученія великорусскаго говора и произношенія; наличнымъ преподавателямъ строго внушалось не только объясняться на россійскомъ языкѣ, но и наблюдать выговоръ, несмотря на откровенное заявленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, что они никакъ не могутъ сладить съ своимъ выговоромъ; составлялись руководства для малороссовъ, спеціально указывающія отличія малорусскаго языка отъ великорусскаго, дабы малороссы не могли отговариваться невѣдѣніемъ. Конечно, школьныя драмы съ ихъ остроумными интермедіями, вирши, канты, діалоги и пр., изгонялись изъ оффиціальнаго употребленія; вмѣсто всего этого, воспитанникамъ рекомендовали заучивать оды Ломоносова и слагать стихи, «наблюдая остроту въ эпиграммахъ, нѣжность въ мадригалахъ, простоту въ басняхъ, удовольствіе въ пѣсняхъ, страданіе въ элегіи, искренность въ сатирѣ, восторгъ въ одѣ, ужасъ въ трагедіи, смѣхъ и обманъ въ комедіи».

Мы не знаемъ точно, въ какіе годы учился Котляревскій въ семинаріи; но, несомнѣнно, это были тѣ годы, когда тамъ уже царилъ новый духъ, водворенный усиліями митрополита Миславскаго. Свое замѣчательное чутье къ риѳмѣ Котляревскій примѣнялъ, конечно, къ тѣмъ же мадригаламъ, сонетамъ и акростихамъ, которые слагали воспитанники въ честь своего начальства на разные торжественные случаи.

Но отчего, въ послѣдующей своей литературной дѣятельности,

Котляревскій не пошелъ по слѣдамъ переяславскаго уроженца Хераскова, земляка Капниста, своего школьнаго товарища Гнѣдича, а выбралъ себѣ такой исключительный и, казалось, такой неблагодарный путь? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ аналитическаго углубленія въ психологію поэта; а возможно ли такое углубленіе, если мы лишены даже самаго простого и насущно-необходимаго для характеристики этой личности біографическаго матеріала... Но мы все-таки попытаемся дать—не отвѣтъ,—а хотя бы нѣкоторый суррогатъ отвѣта. Онъ можетъ относиться, какъ и самый вопросъ, лишь къ автору «Энеиды»; полувѣковой старикъ, какимъ былъ авторъ «Наталки-Полтавки» и «Москаля Чарвиныка», конечно, жилъ, какъ и всѣ мы, лишь процентами съ того духовнаго капитала, какой пріобрѣлъ въ годы своей молодости.

Ученые, которые по случаю юбилейнаго года занялись разслѣдованіемъ источниковъ происхожденія «Перелицованной Энеиды», указываютъ намъ на такія же перелицованныя Энеиды другихъ народовъ: великорусскую—Осипова; нѣмецкую — Блумайера; французскую—Скаррона. Конечно, Котляревскій, какъ человѣкъ образованный, могъ знать «Энеиду» русскую, а также и французскую, такъ какъ владѣлъ французскимъ языкомъ; повидимому, кое въ чемъ даже и пользовался «Энеидой» Осипова. И тѣмъ не менѣе, его «Энеида» относится къ «Энеидѣ» Осипова, какъ живой цвѣтокъ— къ жалкому тряпичному издѣлію. Кто внушилъ Котляревскому мысль обратиться къ малорусскому языку и при его посредствѣ рисовать эти рельефные образы и картины современной ему малорусской жизни? А главное,—откуда взялъ онъ этотъ своеобразный, неподражаемый юморъ, который не допуститъ умереть «Энеиду», пока будетъ живо малорусское слово?

Среди произведеній малорусской словесности, дошедшей до насъ отъ прошлаго вѣка, частью въ устной передачѣ, частью въ записяхъ, — немаловажное мѣсто занимаютъ вирши (поздравительные стихи), рождественскія и пасхальныя. Но не народъ твердилъ ихъ, а та среда мандрованыхъ дьяковъ, бродячихъ школьниковъ и «спудеевъ», которая удовлетворяла живой потребности малорусской жизни къ сближенію школьной науки съ простонародною массой. Среди этихъ виршъ есть одна группа, чрезвычайно любопытная: это «ораціи»—вирши, предназначенныя не для пѣнія, а для декламаціи. Ораціи эти—нѣчто, трудно поддающееся опредѣленію или характеристикѣ. Всякій, кто знакомится съ ними впервые, — особенно не малороссъ по происхожденію, неизбѣжно повергается въ недоумѣніе,

такъ какъ не можетъ понять, съ чѣмъ имѣетъ дѣло: наивность ли это невѣжества, еще не додумавшагося до того, что для извѣстныхъ высокихъ предметовъ необходимъ тотъ особый словесный ореолъ, въ какой облекаетъ ихъ наше благоговѣйное чувство?—или злой умыселъ, сознательно ставящій себѣ цѣлью профанацію священныхъ образовъ? И только дальнѣйшее углубленіе въ предметъ приводитъ къ убѣжденію, что здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. Мы просто-напросто наталкиваемся на своеобразное проявленіе малорусскаго юмора, который такъ глубоко проникаетъ духовную природу малорусскаго человѣка, что допускаетъ, безъ оскорбленія чувствъ, сліяніе комическаго даже съ высокимъ, даже съ святымъ. Вотъ въ какомъ видѣ проходятъ передъ нами священныя библейскія сказанія (въ появившихся въ печати варіантахъ). Падшій сатана — «старшій чортъ», который, «хотивъ зривнятьця зъ Богомъ, надувсь, ажь очи лизуть рогомъ... А Богъ ему сказавъ: «А вонъ, а засъ! Нема тоби тутъ місця въ насъ!» Вотъ Богъ гонитъ обманутаго Адама изъ рая: «Пишовъ же вонъ, поганый, зъ раю! Объився яблукъ—ажъ сопешъ... Отъ такъ ты доглядаешь гаю: безъ поспыту що хочешъ, то и рвешъ?.. И ты иды, небого (къ Евѣ), прясты, Адамъ тебе щобъ доглядавъ; а щобъ не смила яблукъ красты, такъ я Адамови нагайку давъ...» Рожденіе Христа съ его трогательными эпизодами переносится цѣликомъ въ самую обыденную обстановку сельской малорусской жизни съ «пидпасычами», которые пасутъ «ватагу овечокъ», съ «кошарой», гдѣ «съ края въ край шагае таке велыке, ще й литае, не чоловикъ, а бачу я схоже», т.-е. ангелъ и т. п. Волхвы приносятъ дары и «поздоровляють по-письмѐнскы, звысока»; «Исько (Іосифъ) старѐнькый имъ бувъ радѐнькый, гостынця принявъ да й каже: — «сидайте въ насъ, почастуемъ васъ чымъ Богъ намъ давъ». По каганцю сывухы, по кухлыку варенухы имъ якъ пидсулывъ; якъ же хлыснулы, сыдячи й поснулы, а Исько и свичку погасывъ»... Получивъ во снѣ вѣсть, «царі схопылысь, перехрестылысь и до дому почухралы». А Іосифъ тоже «схопывся, водою умывся, ослыцю осидлавъ, Марію взявъ, дуже поспишавсь и не оглядався—такъ пьятамы накывавъ»... Даже такой высокоторжественный моментъ, какъ воскресеніе Христа, не избѣгъ соотвѣтствующей редакціи. Но въ особенности апокрифическое сказаніе о сошествіи Христа въ адъ дало роскошную канву для причудливѣйшихъ сочетаній. Вотъ до пекла дошла вѣсть о приближеніи Христа и «Адамъ сміяться ставъ, а Мойсей и засвыставъ, прыбигъ швыдче къ Аарону зробыть справу по закону. Ааронъ ѝчкы надивъ и въ Библію поглядивъ, не утер-

пивъ, засміявся». Христосъ приближается къ пеклу и спрашиваетъ у чорта: «Де старенька баба Ева, що глонула въ раю древа?» — Куцый кочергу узявъ и у пекли помишавъ... Вылизла баба зъ печи; обгорили вельмы плечи»... и вотъ Адамъ и Ева «изъ пекла драла; Ева на вси жылы брала, и Адамъ ажъ употивъ, поперодъ усихъ летивъ...» Или изъ другой вирши: «Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла убравсь, винъ зъ Исакомъ ледви ракомъ и соби поплыгавъ; свята Сара, хочь и стара, та женщина руча: вся пихота шла въ ворота, вона куды луча». Всѣ святые «такъ покотылы у Божу путь, тилько сопуть, ажъ попотилы». Или еще одна вирша изображаетъ всѣхъ освобожденныхъ изъ ада праотцевъ отдыхающими, по дорогѣ въ рай, на лугу, гдѣ они «посидавшы розмовлялы де-що бачъ про старыну, въ Сичи якъ колысь гулялы; парубки въ мяча игралы, де-якіи-жь у жгута; дивкы писеньки спивалы, мали-жъ диты у кота... Тутъ Давыдъ гусли пидстроивъ—козацькои якъ дернувъ! тутъ вже нихто не встоявъ и неживый бы скакнувъ... Якъ тильки вчувъ святый Афетъ, що вже гусельки брынчать, якъ схопывся, якъ махнеть!»... А за нимъ и другіе «бралы навпрысядкы, былы трепака, забывалы пидкивкамы гопака, попотилы такъ, що сорочка ажь хлющыть»,—пока не пристыдила ихъ Сарра, и тогда всѣ святые гуртомъ «давай чухрать до раю».

Намъ необходимы были эти выдержки, чтобы наглядно установить то непосредственное духовное родство, которое связываетъ автора «Энеиды» съ его темными предшественниками, дьяками и «спудеями», авторами этихъ виршъ-орацій. Родство это несомнѣнно. Если Котляревскій и заимствовалъ у Осипова ли, Блумайера или Скаррона, мертвую форму своего произведенія, то, конечно, не имъ обязанъ онъ тѣмъ, что мы единственно и цѣнимъ — живой душой своей «Энеиды». Все, чѣмъ обусловливается ея неувядающая жизненность,—яркія картины простонародной малорусской жизни и та особая юмористическая складка, какая придается образамъ сочетаніемъ этого простонароднаго съ высокимъ — все это мы находимъ уже въ виршахъ, конечно, лишеннымъ той законченности, какая явилась у талантливаго и культурнаго автора «Энеиды». Разумѣется, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи или подражаніи: рѣчь идетъ лишь о томъ, что художественная индивидуальность Котляревскаго сложилась въ духовной атмосферѣ, какою жила масса малорусскаго народа, и сама «Энеида», несмотря на ея чуждую оболочку, есть плоть отъ плоти и кость отъ костей народнаго творчества.

Но Котляревскій не былъ непосредственнымъ человѣкомъ, подобно своимъ стихійнымъ предшественникамъ даже и изъ наиболѣе вкусившихъ отъ школьной науки. Онъ былъ культурнымъ продуктомъ своего fin-de-siècle, того fin-de-siècle, который смотритъ уже въ нашъ девятнадцатый вѣкъ съ его анализомъ и скептицизмомъ. Котляревскій могъ отрѣшиться въ своемъ сознаніи отъ той соціальной среды, къ которой принадлежалъ фактически, могъ оцѣнивать ее, такъ сказать, со стороны,—съ точки зрѣнія того идеала, который сложился подъ вліяніемъ гуманныхъ идей времени. Вотъ что отдѣляетъ его стѣной отъ его предшественниковъ и даетъ намъ право именно въ немъ видѣть родоначальника современной малорусской литературы, какъ органа сознательной духовной жизни націи.

А соціальная среда подверглась огромнымъ измѣненіямъ за тотъ относительно короткій промежутокъ времени, какой протекъ отъ появленія на свѣтъ Котляревскаго до того, какъ онъ выступилъ въ качествѣ молодого автора «Энеиды». Надо сказать вообще, что малорусское общество прошлаго вѣка представляетъ собой очень поучительную для наблюдателя картину необычайной быстроты, съ какой могутъ совершаться въ извѣстныхъ условіяхъ рѣзкія и глубокія измѣненія соціальнаго строя, превращающія данный общественный типъ въ иной, почти діаметрально противоположный. Еще въ началѣ царствованія Екатерины въ Малороссіи не было такой юридической разницы между козакомъ и посполитымъ, какая не позволяла бы членамъ одной группы переходить въ другую, и какъ козаки, такъ и посполитые, могли быть выбираемы на уряды, которые переводили уже занимающихъ эти уряды лицъ въ высшую, привилегированную, группу, называвшую себя шляхтой, хотя она и была лишь козацкой старшиной. Посполитый, козакъ, шляхтичъ—этими словами больше обозначалось фактическое положеніе даннаго лица въ обществѣ, чѣмъ давалось юридическое опредѣленіе. Но блестящее царствованіе Екатерины кануло въ вѣчность, — и что̀ видѣлъ теперь вокругъ себя творецъ «Энеиды»! Крѣпостное право, какъ злокачественная гангрена, охватило весь общественный организмъ, отражаясь и на тѣхъ его частяхъ, которыя были свободны отъ непосредственнаго вліянія пагубнаго процесса. Между двумя крайними членами общества, дворянствомъ и посполитствомъ, залегла пропасть, исключающая всякую возможность взаимнаго пониманія. Завѣтнымъ стремленіемъ дворянства стало—расширить эту пропасть до непроходимости, — расширить чѣмъ бы то ни было: доказательствами своего происхожденія отъ иной, а не отъ «малороссійской породы»,

намекающей на простонародность, усвоеніемъ иного языка, иной культуры, быта, одежды. Теперь дворянство уже могло, какъ выражается одинъ современникъ, «скинуть національное платье, могло говорить, пѣть и плясать по-русски», и оно не могло, а должно было это сдѣлать, чтобы заставить позабыть всѣхъ, и даже самого себя, о своемъ еще столь недавнемъ родствѣ съ своими «крѣпаками». Конечно, этимъ людямъ уже было недоступно то, что̀ еще представлялось совершенно естественнымъ ихъ отцамъ, засѣдавшимъ депутатами въ «Екатерининской Коммиссіи»—мысль, что они, высшій классъ страны, должны являться представителями общенародныхъ интересовъ, политическихъ идеаловъ и стремленій своей родины. Люди образованные, они научились употребленію такихъ словъ, какъ «патріотизмъ» и «національизмъ»,—но какой жалкій, по своей узости, смыслъ вкладывали они въ эти слова!..

Въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго, сенатъ и герольдія измѣнили было, подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ вѣяній, старое отношеніе къ вопросу о малорусскомъ дворянствѣ: перестали съ прежней легкостью превращать козацкую старшину въ дворянъ, довольствуясь доказательствами дворянства въ родѣ свидѣтельства о томъ, что столько-то предковъ вело благородную жизнь, или генеалогіями, сфабрикованными отъ руки въ Бердичевѣ, и только что народившееся малорусское дворянство почувствовало, что почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ. Вотъ тутъ-то и началась необычайная дѣятельность мѣстныхъ «патріотовъ». Они изучаютъ малорусскія лѣтописи и польскія хроники, статутъ, сеймовыя конституціи и гетманскія статьи, разыскиваютъ документы; параллельно подвергается изученію исторія не только русскаго, но и иностраннаго дворянства. Добытыя свѣдѣнія систематизируются, и въ результатѣ появляются «мнѣнія» и «записки», доказывающія якобы на документальныхъ основаніяхъ неоспоримость дворянскихъ правъ малорусскаго шляхетства. «Патріоты», какъ называли сами себя эти люди, добились въ концѣ концовъ своей цѣли и съ гордостью говорили «о своемъ усердіи къ соотчичамъ и любви къ націи», «о безпристрастномъ къ отечеству поревнованіи», о томъ, «какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества». Грустное впечатлѣніе производитъ эта подтасовка чувствъ и понятій —допустимъ, безсознательная,—все это ложное направленіе энергіи, имѣющее единственной цѣлью порабощеніе народной массы. Но еще грустнѣе становится, когда видишь—изъ мемуаровъ, частной переписки и т. п.—какъ крѣпостное право, и въ такое короткое время, искажаетъ психику

людей, повидимому, не лишенныхъ серьезныхъ достоинствъ. Такой образованный и вдумчивый «патріотъ», какъ Полетика-сынъ, предполагаемый авторъ «Исторіи руссовъ», пишетъ, напр., изъ Петербурга своей женѣ, чтобы она высылала къ нему хлопцевъ, не обращая вниманія на заявленія и просьбы родителей, чтобы размѣстить ихъ по мастерскимъ столицы; по поводу незаконнаго ребенка у сельской дивчины, братъ этого Полетики очень мило шутитъ, что, молъ, у него эта дивчина «получила бы за то ординъ, такъ какъ нынѣ настало время стараться умножить людей и за умноженіе людей въ семъ искусныхъ награждать всячески»... А какія веселыя картины рисуетъ намъ любезный кн. Шаликовъ, «путешествовавшій» по Малороссіи! Передъ нами проходятъ крѣпостные хоры и оркестры, спектакли крѣпостныхъ балансёровъ, причемъ на глазахъ Шаликова одна беременная балансёрка падаетъ съ веревки, крѣпостные актеры и актрисы, наконецъ балерины, которыя такъ плѣняютъ сердца гостей своего господина, что и «Амуръ не оставался безъ дѣла; и можно ли Амуру не рѣзвиться тамъ, гдѣ граціи?»—замѣчаетъ игривый князь, сообщая, что и онъ самъ «сталъ плѣнникомъ одной Эвхарисы и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы», но умалчивая о подаркахъ, какіе онъ дѣлалъ своей Эвхарисѣ изъ магазина ювелирныхъ вещей, который содержалъ остроумный владѣлецъ, отбиравшій отъ крѣпостныхъ Эвхарисъ вещи, подаренныя имъ гостями.

Конечно, все это и подобное—еще далеко не то, что Аракчеевскія истязательства. Но когда навязывается для сравненія съ этимъ временемъ прошлое, такое недавнее, что оно еще жило въ памяти старшаго поколѣнія,—то становится понятною жгучая злоба и ненависть, которая залегла тогда глубоко въ народной душѣ; становится понятнымъ и то, какъ дерзнулъ благородный кн. Репнинъ, малорусскій генералъ-губернаторъ, сказать уже въ 1831-мъ году самому императору Николаю I, что «малорусскіе крестьяне порабощены происками царедворцевъ и малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для своихъ выгодъ»...

Но намъ взвѣшивать теперь то, что́ происходило сто лѣтъ назадъ, обсуждать или даже осуждать—это совсѣмъ не то, что́ было взвѣшивать современникамъ и участникамъ той эпохи. Если счастливая случайность втолкнула кого въ станъ торжествующихъ, то и чувство естественно располагало къ ликованію и краснорѣчиво подсказывало уму аргументы, доказывающіе его правоту. Мы видѣли, какую энергическую позицію приняли малорусскіе «патріоты», по-

чувствовавъ отдаленно непрочность своего торжества, и какъ легко отождествили они свои узко-эгоистическіе интересы съ отечествомъ и націей.

Но Котляревскій былъ человѣкъ иного закала; его благородная душа была далека отъ этого эгоистически-хищническаго настроенія. «Перелицованная Энеида» свидѣтельствуетъ, съ какимъ порицаніемъ относился онъ какъ къ крѣпостному праву, такъ и къ другимъ язвамъ своей общественной среды. Что же создало въ немъ такое настроеніе, которое такъ возвышало его надъ уровнемъ его общества? Конечно, гуманныя идеи, имѣвшія своимъ источникомъ Францію того времени, сыграли въ этомъ свою роль, но не онѣ однѣ: всякій знаетъ, какъ глохнетъ сѣмя самыхъ гуманныхъ, самыхъ благородныхъ идей на неблагодарной почвѣ. Почвой, которая подготовила душу Котляревскаго къ воспріятію и росту этихъ идей, была его страстная любовь къ своей народности.

Страстная любовь къ своей народности!.. Въ выраженіи этомъ—впрочемъ, очень обыденномъ по своей употребительности—чувствуется извѣстное противорѣчіе, какъ бы нѣкоторая логическая несообразность. Если отчизна, по выраженію геніальнаго польскаго поэта, все равно что здоровье, которое цѣнишь только тогда, когда его теряешь, то тѣмъ болѣе это же можно сказать о народности. Вѣдь народность по отношенію къ личности есть стихія, которая проникаетъ собою данную индивидуальность во всѣхъ ея тѣлесныхъ и душевныхъ проявленіяхъ. Любишь или не любишь всегда лишь то, что́ можно себѣ противопоставить, какъ извѣстный объектъ: какъ же можно, спрашивается, любить свою народность, да еще любить страстно?

И однако, творчество жизни безпредѣльно. Жизнь творитъ какъ нормальныя, здоровыя формы, такъ и болѣзненныя отъ нихъ уклоненія. И жизнь малорусскаго народа—или его исторія—создала такое положеніе, когда психологическій абсурдъ какъ бы сдѣлался несомнѣнной психологической истиной.

Верхній слой малорусскаго народа, разомъ обратившійся въ дворянство, въ собственниковъ своихъ недавнихъ братьевъ, какъ по происхожденію, такъ и по общественному положенію,—поставилъ цѣлью своихъ усилій, освободиться отъ проявленій своей малорусской особности. Сначала онъ научился «говорить, одѣваться, пѣть и плясать по-русски»; затѣмъ, при посредствѣ соотвѣтственнаго воспитанія дѣтей, достигъ и дальнѣйшаго. Южнорусская культура прекратила свой естественный ростъ; мало-

русская народность скрылась въ простонародности, а простонародность замерла подъ давленіемъ крѣпостного права. Правда, въ общественныхъ группахъ, промежуточныхъ между панствомъ и крѣпостной массой, еще были живы нѣкоторые элементы народности; да и паны въ своихъ новыхъ костюмахъ по французской модѣ не прочь были послушать національныхъ пѣсенъ, а при случаѣ и всплакнуть, слушая какую-нибудь «Чайку». Но чувство національнаго достоинства было утрачено, а при этомъ условіи и національныя симпатіи теряли значеніе дѣятельной творящей силы.

Но малорусская народность была еще слишкомъ жизненна, слишкомъ богата тѣми историческими и культурными осадками, которые она вынесла изъ своего прошлаго и втянула въ себя, какъ свое достояніе, чтобы ее можно было такъ легко удержать въ тѣхъ соціальныхъ нѣдрахъ, куда заключила ее иронія ея исторической судьбы и—такъ сказать—эгоистическая воля ея первородныхъ дѣтей. И вотъ, среди этой самой привилегированной группы, которая поставила себѣ сознательной цѣлью отрѣшеніе отъ своей народности, начинаютъ попадаться отдѣльныя единицы, въ душѣ которыхъ стремленіе къ этой народности получаетъ болѣзненно-страстный характеръ. Они нѣжно лелѣютъ въ себѣ остатки народности, пощаженные воспитаніемъ и вліяніемъ обстановки, и жадно стремятся къ тому, чтобы воплотить въ себѣ ея полноту, сохранившуюся лишь въ народной массѣ. Украинскій народъ въ его непосредственной цѣльности—конечно, лишь простой народъ—сдѣлался альфой и омегой стремленій этихъ людей. Это духовное движеніе проходитъ красною нитью черезъ всю жизнь южно-русскаго общества въ теченіе настоящаго столѣтія. И, конечно, съ нашей стороны не будетъ ни преувеличеніемъ, ни ошибкой, если мы назовемъ Котляревскаго его родоначальникомъ въ смыслѣ перваго его представителя, замѣтнаго по своимъ силамъ и сознательнаго по проявленіямъ этихъ силъ во внѣшней дѣятельности, въ литературѣ.

Если раннее произведеніе Котляревскаго, его «Энеиду», мы поставили выше въ причинную связь преемства съ указанными произведеніями самобытнаго творчества малорусскаго народа, то остальныя его произведенія зрѣлаго—даже болѣе чѣмъ зрѣлаго—возраста: «Наталку-Полтавку» и «Москаля-Чаривныка», мы не рѣшимся сопоставить ни съ «вертепной драмой», ни сопровождавшими ее комическими интерлюдіями и интермедіями, какъ ни съ соблазнительно такое сопоставленіе. Это было бы натяжкой. Пожилой авторъ «Наталки-Полтавки» слишкомъ много пережилъ вмѣстѣ съ своимъ обществомъ.

Передъ нимъ прошла дѣятельность «патріотовъ», увѣнчавшаяся полнымъ торжествомъ малорусскаго дворянства, достигло своего апогея развитіе крѣпостного права, замерло окончательно всякое проявленіе самобытности. Если, при восшествіи на престолъ Екатерины, малорусское шляхетство представило правительству цѣлую обширную программу своихъ desiderata, если, при восшествіи Александра I, оно все-таки еще рискнуло повергнуть къ стопамъ государя просьбу о возстановленіи судовъ по статуту (земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ), о свободѣ винокуренія и объ устройствѣ университета въ Черниговѣ;—то теперь уже оно ничего не просило и ничего не желало, кромѣ государственной охраны своего положенія, а помимо дворянства никто не могъ возвысить голоса до высоты трона. «Козацкій запорожскій духъ», который еще во время появленія на свѣтъ «Энеиды» всюду усматривалъ въ Малороссіи желчный авторъ «Замѣчаній о Малой Россіи», выдохся окончательно. Историческая Малороссія перестала существовать, и Котляревскому незачѣмъ было оглядываться назадъ, туда, гдѣ онъ не видѣлъ ничего, кромѣ безмолвія могилы. Но и впереди былъ полный и безпросвѣтный мракъ. Однако, ясновидѣніе творческаго духа и любви—именно той страстной любви къ своей народности, которою была полна его душа—подсказало ему, чтó дѣлать. Надо было стучаться въ умы и сердца своихъ привилегированныхъ собратій, чтобы высѣкать изъ этой глухой и черствой среды искры сочувствія къ народу, надо было не дать имъ забыть, что народъ созданъ по тому же óбразу и подобію; что онъ также способенъ къ благороднымъ мыслямъ и чувствамъ, къ возвышеннымъ движеніямъ души. Мало того: надо было и внѣшнему міру показать, какія сокровища общечеловѣческаго значенія укрываются въ малорусской народности: богатый и гибкій языкъ, своеобразныя бытовыя формы, несравненная поэзія пѣсеннаго творчества. И Котляревскій сдѣлалъ все это,—сдѣлалъ своими двумя произведеніями послѣдняго періода, ничтожными по размѣрамъ, простыми по содержанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма значительными—въ особенности такова «Наталка-Полтавка». Поэтическая теплота этой своеобразной оперетты неотразимо дѣйствуетъ на малорусское сердце; и въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ возбужденія симпатій къ малорусскому народу и народности, она можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими произведеніями Шевченка. Но этимъ не ограничивается значеніе послѣднихъ двухъ твореній Котляревскаго. Будучи произведеніями несомнѣннаго художественнаго таланта, они вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ собой научное движеніе, направленное на изу-

ченіе народа. «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ» есть первые сборники малорусскаго пѣсеннаго творчества, сохранившіе намъ нѣсколько крупнѣйшихъ перловъ народной поэзіи. Всѣмъ извѣстно, какіе широкіе размѣры приняло позже это движеніе, и къ какимъ важнымъ результатамъ оно привело не только въ спеціально-научномъ, но и въ общественномъ смыслѣ.

Итакъ, выдающееся значеніе Котляревскаго въ исторіи развитія малорусской народности есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Дѣло не въ томъ лишь, что «Энеида» есть первое произведеніе народнаго малорусскаго языка, вышедшее въ свѣтъ изъ-подъ печатнаго станка,—какъ ни важенъ самъ по себѣ этотъ фактъ, но это фактъ внѣшній, случайный. Дѣло въ томъ, что внѣшній характеръ факта совпадаетъ съ его внутреннимъ значеніемъ. Котляревскій есть дѣйствительно первый литературный представитель малорусской народности, и «Энеида» есть дѣйствительно первая попытка ввести малорусскій языкъ въ циклъ языковъ литературныхъ. Но этимъ не исчерпывается значеніе Котляревскаго. Онъ открываетъ собою то духовное движеніе, которое съ тѣхъ поръ проходитъ черезъ всю жизнь южно-русскаго общества—движеніе, исходившее нѣкогда изъ оскорбленнаго нравственнаго чувства и стремившееся—въ значительной степени безсознательно—къ очевидной цѣли: дать коррективъ тяжелымъ урокамъ исторіи. И, наконецъ, онъ же, Котляревскій, кладетъ починъ въ дѣлѣ научнаго изученія родной народности—дѣлѣ, оцѣнка результатовъ котораго еще принадлежитъ будущему. Тотъ фактъ, что онъ руководился въ своей дѣятельности не сознательно поставленной цѣлью, не опредѣленной программой, а могучимъ инстинктомъ любви,—конечно, не уменьшаетъ его значенія въ глазахъ историка...

ПАМЯТИ

ТАРАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ШЕВЧЕНКА [1]).

Сорокъ лѣтъ прошло съ той поры, какъ Украина лишилась своего поэта, своего великаго «кобзаря», и украинцы сложили его прахъ надъ Днѣпромъ, высоко на горѣ, откуда бѣлый крестъ глядитъ на страстно любимую поэтомъ родную рѣку съ ея прекрасными берегами [2]). За это время имя Тараса Шевченка успѣло перейти изъ русской Украйны за границу, въ Галицію, Буковину, Венгрію—австрійскія области, гдѣ также живетъ малорусскій народъ,—и бѣдный галицкій крестьянинъ унесъ его съ собой за океанъ, въ Америку, куда поплылъ искать «счастья-доли». Однимъ словомъ, всюду, гдѣ украинскій человѣкъ говоритъ, читаетъ и учится по-украински,—онъ произноситъ имя Шевченка благоговѣйными устами, какъ священное имя хранителя родной народности. Сорокъ лѣтъ изъ году въ годъ наши русскіе интеллигентные украинцы, по всѣмъ городамъ южной Руси, сбираются въ извѣстный день «на роковыны» (на поминки), которыя справляются иногда въ большихъ блестящихъ собраніяхъ, но большою частью въ скромныхъ домашнихъ кружкахъ. Долгій срокъ—сорокъ лѣтъ... Ушло за Шевченкомъ въ могилу большинство тѣхъ, кто зналъ и любилъ его; неразумныя дѣти обратились въ зрѣлыхъ людей, у которыхъ больше жизни позади, чѣмъ впереди. А какъ измѣнилась за это время сама Украина! Достаточно было времени, слишкомъ достаточно случаевъ, чтобъ подумать, чтобъ дать себѣ отчетъ: въ чемъ же собственно дѣло Шевченка? Что далъ Шевченко Украинѣ? Можетъ быть, онъ просто лишь зачаровалъ украинцевъ своимъ стихомъ, чудными звуками родной рѣчи, которую малороссы такъ горячо любятъ, но которую

---

[1]) „Журналъ для всѣхъ". 1901, № 2.

[2]) Умеръ Шевченко въ Петербургѣ 26 февраля 1861 г.; схоронили его на берегу Днѣпра, недалеко отъ Канева, въ маѣ того же года.

поневолѣ теряютъ? Передъ нами стихотворенія Шевченка, его «Кобзарь», книга, которая для каждаго уроженца юга, признающаго себя украинцемъ, есть своего рода національная библія. Перелистаемъ ее медленно, вдумчиво, и постараемся осмыслить себѣ, что кроется подъ звуками этихъ стиховъ, какъ бы русскими и въ то же время столь странными для русскаго слуха, такими мягкими и нѣжными. Мы читаемъ, и тихая грусть овладѣваетъ душой. Въ грусть эту врывается по временамъ стонъ невыносимой боли, бурный крикъ отчаянія, грозный призывъ къ мести, и снова все стихаетъ, и опять вы стоите вмѣстѣ съ поэтомъ въ грустномъ раздумьи. Но эта грусть не возбуждаетъ отвращенія къ жизни—о, нѣтъ! Жизнь хороша, и тотъ уголокъ ея, который зовется Украиной, такъ чудно, такъ обаятельно прекрасенъ. Взгляните. Широко, какъ море, синѣетъ-зеленѣетъ степь, убранная въ разноцвѣтныя нивы; тамъ темнѣетъ на ней лѣсокъ, тамъ высокая могила ведетъ безконечную бесѣду съ степнымъ вѣтромъ, а тамъ въ байракѣ, гдѣ зеленѣетъ верболозъ, качается стройный тополь, пышно раскинулась калина, тихо-тихо, едва замѣтно блеститъ рѣчка. Утро ли, когда соловей встрѣчаетъ солнце въ темной дубравѣ, и пышные сады зеленѣютъ, умытые ранней росой; вечеръ ли, когда солнце гаснетъ между вербами, купающими въ зеркальной водѣ свои зеленыя вѣтви, а хрущи гудятъ надъ вишнями; или весна будитъ сонную землю и убираетъ ее цвѣтами, какъ невѣсту... Сколько красоты, которая можетъ обратить жизнь въ рай! И много ли нужно человѣку, чтобы быть счастливымъ? Вотъ дѣвушка, заслышавъ пѣніе пташки, идетъ изъ своей бѣленькой хатки по долинѣ, а навстрѣчу ей вышелъ изъ зеленой дубравы ея милый; вотъ сѣдой дѣдъ забавляетъ своего маленькаго кудряваго внука, а молодая мать подходитъ и весело цѣлуетъ обоихъ... Какого же еще счастія просить у Бога? Но, можетъ быть, душа ваша не удовлетворяется яснымъ небомъ, тихимъ покоемъ семьи; вамъ мерещится иное счастье—счастье борьбы, подвига, жертвы: поэтъ готовъ развернуть передъ вами и иныя картины. Ревутъ и стонутъ пороги, свирѣпый вѣтеръ вздымаетъ на Днѣпрѣ сѣдыя волны горами, гнетъ до земли вербы и несется дальше по безконечной степи. А на степи чернѣютъ могилы и говорятъ съ вѣтромъ про старые, стародавніе годы и про то, какъ жили когда-то на Украйнѣ люди. Много видѣли онѣ, много знаютъ эти высокія могилы. Давно то было, два-три вѣка тому назадъ и больше. Степь едва была тронута плугомъ, но по берегамъ рѣкъ и тихихъ степныхъ рѣчекъ, по зеленымъ байракамъ

широко и весело раскинулись свободныя села; въ тѣни роскошныхъ садовъ расцвѣтали дѣвушки, какъ бѣлыя лилія; матери гордились своими вольными сыновьями. Украйна не знала ни холопа, ни пана. Дальше, за днѣпровскими порогами, свили себѣ неприступное гнѣздо степные рыцари—козаки, тѣ же вольныя дѣти вольной Украйны: тамъ, въ Запорожской Сѣчи, стояли они на сторожѣ своей родины, не выпуская изъ рукъ оружія. Время отъ времени они спускались изъ Запорожья на своихъ челнахъ внизъ по родному Днѣпру на Черное море, и тогда не только крымскій ханъ, но и турецкій султанъ, гроза всего христіанскаго міра, трепеталъ передъ незванными чубатыми гостями. Не славы лишь и добычи искали козаки на Черномъ морѣ; больше влекла ихъ туда, въ путь, полный опасностей, мысль о бѣдныхъ русскихъ невольникахъ, захваченныхъ хищными татарами. О, какъ ужасно было положеніе этихъ невольниковъ! Стоны ихъ, звонъ цѣпей, отчаянныя мольбы о волѣ, о родинѣ, наполняли воздухъ проклятыхъ крымскихъ невольничьихъ рынковъ; ихъ кровью, потомъ, слезами была пропитана земля Крыма и турецкихъ береговъ Чернаго моря. Слѣпые, калѣки, которымъ удавалось вернуться изъ неволи на родину, распѣвали по Украйнѣ, подъ звуки кобзы, потрясающія душу невольничьи думы, и отважныя сердца рвались на подвигъ: «вызволить» братскія христіанскія души изъ тяжкой неволи или сложить буйныя головы на днѣ Чернаго моря, на цареградской висѣлицѣ, подъ кинжаломъ янычара, а то хоть просто залить свою злобу и жажду мести басурманской кровью. Облегла прекрасное украинское небо черная туча съ мусульманскаго юга; еще болѣе страшная туча надвинулась съ сѣвера отъ Польши. Не долго вольные украинцы жили побратски съ вольными поляками. Польская шляхта и гордые магнаты, распоряжавшіеся королевскимъ престоломъ, разобрали между собой украинскую землю; съ ними пришли на православную Украйну католическая вѣра, ксендзы, іезуиты, евреи. Настало для Украйны тяжелое горе: гибнетъ козачество съ его старой славой, со всей его волей и долей; еврей откупилъ у магната церкви, и православныя дѣти растутъ безъ креста, люди женятся безъ вѣнца, хоронятся безъ попа. Сзываетъ Запорожье на раду своихъ атамановъ и товарищей—что дѣлать съ вражьими ляхами?—сзываетъ и высылаетъ на защиту Украйны одного вождя за другимъ. Но всѣ кладутъ свои головы въ неравной борьбѣ: кровавая «Тарасова ночь» покрыла поле трупами «ляшковъ-панковъ», но не освободила Украйны. Но вотъ еще одно страшное усиліе, потрясшее край изъ конца

въ конецъ,—и Украйна свободна. Изъ Чигирина правитъ Украйной гетманъ Богданъ Хмельницкій, выбранный вольной козацкой радой: блеснетъ булавой, и козацкое войско закипитъ какъ море и разольется по украинскимъ степямъ и ярамъ. Гуляетъ козачество, никому не уступая дороги; льетъ, какъ воду, вина и меды, топчетъ ногами шелкъ и бархатъ, отбиваетъ каблуки въ бѣшеной пляскѣ. И опять все мѣняется. Украйну разбираютъ на части сильные сосѣди: отъ Чернаго моря выступаютъ турки съ татарами; съ сѣвера, съ Полѣсья, снова надвигается польская шляхта; изъ-за Днѣпра напираетъ Москва. Стая хищниковъ покрываетъ Украйну и клюетъ ее, что есть силы. Вслѣдъ за чужими и свои продаютъ братьевъ въ басурманское ярмо, разливаютъ братнюю кровь; до сихъ поръ изъ заклятыхъ могилъ поднимаются по ночамъ козацкія тѣни, не находящія себѣ покоя въ землѣ, какъ измѣнники и братоубійцы. Старый гетманъ Дорошенко, Палій Семенъ, съ ихъ великой любовью и жалостью къ прекрасной несчастной родинѣ, кончаютъ неволей, снѣгами Сибири, монастырской кельей. Пришелъ послѣдній конецъ свободѣ; по одинъ бокъ Днѣпра запановали поляки, по другой—Москва. Уже нѣтъ больше силъ бороться, но все-таки не можетъ украинскій народъ примириться съ неволей. Еще разъ съ бѣшеной злобой потрясаетъ онъ своими тяжелыми цѣпями,—и Боже, сколько ужаса, крови, мукъ! Съ «свячеными» ножами въ рукахъ неистовствуютъ гайдамаки, и нѣтъ мѣры, ни краю ихъ слѣпой кровожадной мести. Отъ Кіева до Умани все горитъ, подплываетъ кровью. Нѣтъ пощады ни одной польской и еврейской душѣ; плачъ, стоны, мольбы—все напрасно; гибнутъ безъ разбора старики и дѣти, калѣки, женщины. Какъ въ аду, страшно чернѣютъ на висѣлицахъ трупы, охваченные пламенемъ; но еще больше валяется этихъ труповъ по улицамъ, на распутьяхъ, гдѣ ихъ рвутъ собаки, клюютъ вороны; тихія степныя рѣчки краснѣютъ кровью. А было ли когда-нибудь на свѣтѣ подобное тому, что дѣлалось въ Умани? Страшно вспомнить.... Напоили гайдамаки землю шляхетскою кровью и разошлись кто куда. Войска Екатерины разорили Сѣчь, и запорожскіе козаки ушли искать пристанища на тихій Дунай, на Кубань. Все минуло, только пороги ревутъ, завываютъ по старому; а Украйна заснула. Заснула Украйна, заросла бурьяномъ, зацвѣла плѣсенью. Розданы, разобраны, разграблены ея козацкія степи, вольный народъ закрѣпощенъ панамъ. На развалинахъ славнаго прошлаго развернулось мрачное чудовище—имя ему: крѣпостное право. О, какъ ненавидѣлъ Шевченко крѣпостное право, эту страшную, позорную

власть человѣка надъ человѣкомъ! Мысль о томъ, что его родной украинскій народъ,—вся исторія котораго есть борьба за свободу,—стонетъ въ ярмѣ крѣпостного рабства, мысль эта была для души поэта вѣчно открытой, вѣчно болящею язвой. Подъ ядовитымъ дыханіемъ этой мысли меркъ, исчезалъ изъ его души тихій рай украинскаго села, украинской хаты въ зеленой дубравѣ надъ прозрачной водой; засыхали зеленые сады, гнили, валились бѣленькія хаты, заростали бурьяномъ тихія воды; а среди этого поруганнаго рая «чернѣе черной земли» брели на тяжелый подневольный трудъ нѣмые, одурѣвшіе люди, таща за собой дѣтей. Припомнимъ, что поэтъ самъ былъ крѣпостнымъ, на себѣ самомъ испыталъ весь ужасъ рабской зависимости. Игра случая создаетъ иногда знаменательныя совпаденія: такъ совпала тяжелая личная судьба Шевченка съ тяжелыми историческими судьбами его родного народа. Сначала крѣпостное рабство, затѣмъ солдатчина, мучительная ссылка въ забытыя Богомъ и людьми киргизскія степи,—однимъ словомъ: изъ сорока семи лѣтъ всей своей жизни Шевченко только тринадцать лѣтъ жилъ человѣкомъ свободнымъ, настолько свободнымъ, насколько могли считаться свободными русскіе обыватели тѣхъ дореформенныхъ временъ. Мудрено ли, что онъ сумѣлъ найти такія трогательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающія душу слова, чтобъ выразить боль, обиду и позоръ неволи. И не только неволи, а общественной несправедливости во всѣхъ ея видахъ. Едва ли есть, напримѣръ, другой поэтъ, у котораго можно найти столько чарующе-нѣжныхъ и трогательныхъ выраженій и образовъ для женской доли, въ особенности для положенія дѣвушки-матери, этой такъ часто совсѣмъ невинной жертвы минутнаго ослѣпленія, которой приходится искупать свою ошибку горемъ цѣлой жизни. Мы пересмотрѣли Кобзарь, и, кажется, уже можемъ сдѣлать заключеніе о томъ, что далъ поэтъ своей родинѣ. Поэзія Шевченка, какъ прекрасное волшебное зеркало, отразила въ себѣ и неизгладимо запечатлѣла Украйну въ ея природѣ и человѣкѣ, въ ея исторіи и бытѣ. Конечно, будетъ преувеличеніемъ сказать, что ни одна черта не проскользнула мимо этого отраженія. Но вполнѣ справедливо утвержденіе, что все наиболѣе важное и характерное для украинской жизни нашло свое выраженіе въ Кобзарѣ,—и какое выраженіе! Страстная любовь поэта къ его страдающей родинѣ придала этому выраженію такую силу, которая неотразимо дѣйствуетъ на каждаго украинца, еще не утратившаго вполнѣ сознанія своей народности. Читая и перечитывая поэтическія строки Кобзаря, украинецъ снова и снова переживаетъ

свое историческое прошлое; снова поднимаются въ его душѣ настроенія и чувства, какими живетъ еще масса украинскаго народа, оживаетъ красота украинскаго слова и чудныхъ поэтическихъ образовъ, которые поэзія Шевченка унаслѣдовала отъ своей родной матери, поэзіи народной.

Понятно, что все это доставляетъ большое удовлетвореніе украинскому сердцу. А доставлять удовлетвореніе сердцу—значитъ творить счастіе. Но этимъ не исчерпывается значеніе Шевченка. Есть другая сторона, въ силу которой личность и дѣятельность Шевченка пріобрѣтаютъ значеніе крупнаго общественнаго историческаго факта. Украинскій народъ, какъ видно и изъ сказаннаго выше, имѣлъ особую историческую судьбу. Ему не удалось отстоять своей самостоятельности въ той борьбѣ за существованіе, на какую націи обречены, какъ и все живущее на землѣ; и теперь онъ раздѣленъ между Россійской и Австрійской монархіями. Но изъ того, что украинскій народъ не отстоялъ своей политической самостоятельности, еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ утратить и свою особую культуру, т.-е. языкъ, бытъ, обычай, письменность. А между тѣмъ выходитъ именно такъ: господствующая народность поглощаетъ народность зависимую, втягиваетъ ее въ себя. Такъ, въ Австріи господствующія народности, польская, нѣмецкая, венгерская, стремятся поглотить народность украинскую; но какъ та ни слаба, а все-таки противится поглощенію, благодаря свободѣ слова. Гораздо больше успѣха въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ великорусская народность, и не удивительно: великороссъ гораздо ближе, родственнѣе украинцу, чѣмъ полякъ, не говоря уже о нѣмцѣ или венгрѣ. Въ силу близкаго родства языковъ, украинцы нерѣдко оставляютъ свой языкъ для языка общерусскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно утрачиваютъ и остальныя особенности своей народности. Въ этой «денаціонализаціи» украинскаго народа есть нѣкоторыя практическія выгоды: удобнѣе, когда люди, живущіе въ одномъ государствѣ, говорятъ однимъ языкомъ. Но практическія удобства далеко не искупаютъ страшныхъ духовныхъ потерь, какія влечетъ за собой это претвореніе народности въ иную. Теряя родной языкъ, народъ теряетъ вмѣстѣ съ нимъ и свое духовное достояніе, нажитое многими вѣками: свой особый способъ пониманія міра, особый способъ передавать это пониманіе, свой запасъ мудрости, сберегаемый въ народной поэзіи, въ произведеніяхъ устной словесности, которыми богатъ каждый даровитый народъ. Познакомьтесь хотя бы, напр., съ украинскими «народными думами»: каждая изъ нихъ есть поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ историческое

произведеніе высокой художественной и научной цѣны. И все это народъ теряетъ вмѣстѣ съ языкомъ. Народная душа скудѣетъ, вырождается; народъ падаетъ въ своихъ духовныхъ силахъ, переходитъ на низшую ступень развитія; слова чужого языка, хотя и родственнаго, есть для него мертвые звуки, которые не вызываютъ мыслей, чувствъ, всей той плодотворной творческой работы, какую вызываютъ звуки языка родного. Можетъ быть, пройдутъ годы, смѣнятся поколѣнія, и чужой языкъ усвоится какъ родной; но нужно ли подвергать народную душу этой тяжелой, болѣзненной ломкѣ? Въ такомъ колебательномъ положеніи находилась украинская народность, осаждаемая съ разныхъ сторонъ сильными враждебными вліяніями. Появился Шевченко и своей поэзіей далъ ей опорную точку. Его устами какъ бы заговорилъ самъ украинскій народъ и заявилъ міру о томъ, какъ богатъ и звученъ его языкъ, какъ содержательна его исторія, какъ своеобразна и интересна вся его духовная природа. Поэзія Шевченка есть проявленіе *національнаго самосознанія,* а разъ нація, народность сознала себя, какъ культурную особь, она тѣмъ самымъ въ значительной степени обезпечила себя отъ исчезновенія, отъ поглощенія другой народностью. Такое особенное значеніе Шевченка для Украйны, не какъ поэта лишь, а какъ дѣятеля историческаго, сознается на всей обширной территоріи, занятой украинскимъ народомъ. Такъ, напримѣръ, въ Галиціи, въ г. Львовѣ, есть ученое общество, которое выпускаетъ ежегодно разнообразные ученые труды на украинскомъ языкѣ и, вѣроятно, скоро будетъ признано австрійскимъ правительствомъ украинской Академіей Наукъ: общество это называетъ себя «Науковымъ товариствомъ имени Шевченка», хотя Шевченко никогда не имѣлъ никакого отношенія къ наукѣ. Устами своего «Чернеца» поэтъ спрашиваетъ:

Для чого жъ я на свитъ родывся,
Свою Украину любывъ?

И это былъ съ его стороны не праздный вопросъ, не простая красивая фраза: это былъ вопль наболѣвшей души, измученной страданіемъ, измученной сомнѣніемъ въ себѣ и въ другихъ. Такъ и умеръ онъ, не рѣшивъ рокового вопроса.

УКРАИНСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ВЪ ТВОРЧЕСТВѢ ГОГОЛЯ

ОЧЕРКЪ [1]).

Душа Гоголя была полна тяжелыхъ и непримиримыхъ противорѣчій—это знаетъ каждый, кто ближе подходилъ къ личности великаго писателя путемъ ли углубленія въ матеріалъ біографическій или въ произведенія его творчества. Наличность этихъ противорѣчій такъ очевидна, что вызывала даже попытки ихъ объясненія на патологической основѣ. Одинъ извѣстный психіатръ подводилъ всѣ якобы ненормальныя проявленія въ психологіи Гоголя подъ одну форму душевнаго заболѣванія—извѣстный видъ меланхоліи. Противорѣчія, разсматриваемыя подъ этимъ угломъ зрѣнія, являются лишь періодически наступающими помраченіями и просвѣтленіями сознанія, столь характерными для нѣкоторыхъ психическихъ заболѣваній. Но врядъ ли можно добиться чего-либо цѣннаго на этомъ скользкомъ пути. Читайте корреспонденцію Гоголя, изданную недавно подъ редакціей г. Шенрока въ четырехъ солидныхъ томахъ и развертывающую передъ нами личность великаго писателя, если не день за днемъ, то недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, отъ ранняго дѣтства до могилы—и вы должны неизбѣжно притти къ убѣжденію, что имѣете дѣло съ единымъ и цѣльнымъ сознаніемъ, т.-е. вполнѣ здоровымъ психически.

Но за всѣмъ тѣмъ все-таки остается въ наличности фактъ, что душа Гоголя была, дѣйствительно, жертвой мучительныхъ противорѣчій; остается и нашъ вполнѣ естественный и понятный интересъ къ этому факту.

[1]) „Вѣстникъ Европы". 1902, іюль.

О полномъ освѣщеніи этой темной, страдальческой души пока не можетъ быть и рѣчи: психологія, какъ наука, не даетъ прочной почвы для сложныхъ психологическихъ построеній, а Гоголевскій матеріалъ только вступаетъ въ первый фазисъ своей разработки. Пока возможно лишь намѣтить нѣкоторые элементы этой сложной задачи, и мы хотимъ предложить вниманію читателя нѣкоторыя, относящіяся сюда, соображенія, вынесенныя изъ изученія Гоголя въ его жизни и твореніяхъ.

I.

Мы не имѣемъ возможности распространяться здѣсь о томъ значеніи—вполнѣ выясненномъ современной филологіей—какое имѣетъ въ творчествѣ стихія народности: всякое творчество, и поэтическое въ особенности, заключено въ ней, въ своей народности, ею питается, и въ свою очередь само вліяетъ на нее, расширяя ея предѣлы, обогащая ея содержаніе. Душа Гоголя была, прежде всего, поражена раздвоенностью въ этой основной стихіи своего бытія. Великій писатель былъ роднымъ сыномъ народности малорусской и пріемнымъ—великорусской. Своей пріемной матери онъ отдалъ все: свой великій талантъ, жизнь свою, кровь своего сердца. Но ничто не могло уничтожить значеніе того, что и жизнь, и талантъ онъ получилъ не отъ нея, а отъ той, отъ другой...

Рѣшаемся утверждать, что, ставъ на эту точку зрѣнія, мы получимъ опору для нѣкоторыхъ выводовъ, иначе освѣщающихъ личность и творчество Гоголя, чѣмъ это было до сихъ поръ принято.

Однажды А. О. Смирнова, въ письмѣ къ своему великому другу, затронула вопросъ о его національности. Гоголь отвѣчалъ ей такъ: «Скажу вамъ, что я самъ не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой»...

Несомнѣнно, отвѣтъ этотъ—отвѣтъ вполнѣ искренній и правдивый. Гоголю нерѣдко посылались упреки въ лицемѣріи, неискрен-

ности, въ сознательныхъ намѣреніяхъ обмануть или одурачить людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Но ничего подобнаго не могло быть относительно Смирновой, которую Гоголь глубоко уважалъ и любилъ. Мы вѣримъ, что Гоголь, когда писалъ Смирновой, то дѣйствительно самъ не зналъ, какова у него душа—хохлацкая или русская? Но значитъ ли это, что его духовный обликъ былъ лишенъ національной окраски, и его душа не знала національныхъ чувствъ и симпатій? или что въ его душѣ два національныхъ элемента уживались въ полной гармоніи, никогда и ничѣмъ не заявляя о своихъ взаимныхъ противорѣчіяхъ? Едва ли можно допустить одно или другое.

Но, можетъ быть, то, чего Гоголь не зналъ про себя, то знали про него другіе: объективное наблюденіе во многихъ случаяхъ пригоднѣе для рѣшенія психологической задачи, чѣмъ внутреннее самонаблюденіе.

Обстоятельства жизни Гоголя хорошо извѣстны; кромѣ того, Гоголя близко знали многіе люди, которые передали намъ свои впечатлѣнія и наблюденія.

Гоголь былъ, по происхожденію, коренной малороссъ и провелъ свое дѣтство на Украйнѣ въ родномъ домѣ. Домъ этотъ былъ типичнымъ домомъ тогдашняго малорусскаго дворянина средней руки. Малорусское дворянство временъ Гоголевскаго дѣтства было уже въ значительной степени денаціонализировано; но эта денаціонализированная среда была все-таки окружена атмосферой, насыщенной исторической традиціей. Традиція была такъ сильна, что захватывала даже умы и настроенія высшихъ мѣстныхъ представителей правительственной власти. Малороссійскіе генералъ-губернаторы, сначала кн. Лобановъ-Ростовскій, вслѣдъ за нимъ кн. Репнинъ, подаютъ въ Петербургъ проектъ за проектомъ о возстановленіи козачества, т.-е. возвращеніи малорусскаго козачества изъ того положенія казенныхъ поселянъ, въ какое ихъ поставили реформы Екатерины II, «къ первобытному ихъ воинственному состоянію», какъ выражаются авторы проектовъ. Проекты эти потерпѣли фіаско, а кн. Репнинъ, коренной русскій вельможа, подвергся даже подозрѣніямъ въ украинскомъ сепаратизмѣ. Но вѣдь старое козачество съ его оригинальной организаціей еще держалось въ Черноморьѣ въ видѣ кубанскаго козачьяго войска; въ устьяхъ Дуная, подъ покровительствомъ Турціи, существовала еще Задунайская Сѣчь, воспроизводившая запорожскіе порядки. На Кубань и Дунай то и дѣло бѣжали, постоянно и отовсюду, крѣпостные малороссы, отыскивая утраченную свободу, доставляя тѣмъ своимъ панамъ неизсякаемый источникъ заботъ,

огорченій и толковъ. Гоголю было 11 лѣтъ, когда правительство увидѣло себя вынужденнымъ произвести второе крупное переселеніе козаковъ изъ Полтавской и Черниговской губ. на Кавказъ; первое переселеніе совершилось въ годъ рожденія Гоголя: такіе факты не проходятъ безслѣдно для общественнаго самосознанія. Но самосознаніе это получало пищу и изъ иныхъ источниковъ. Только что народившійся харьковскій университетъ, сдѣлавшись культурнымъ центромъ украинской территоріи, живо откликнулся на идею славянскаго возрожденія, зашедшую съ Запада: на харьковской почвѣ, тогда еще сильно насыщенной мѣстной національной культурой, идея славянскаго возрожденія быстро превратилась въ идею возрожденія украинскаго. Явилась группа слободско-украинскихъ поэтовъ и писателей, рядъ малорусскихъ изданій, ученыхъ и литературныхъ. Та же идея украинскаго возрожденія бродила и развивалась въ правобережной Украйнѣ, принимая здѣсь свою окраску, согласную съ польскими историческими традиціями края.

Семья Гоголя, для своего времени образованная и въ высокой степени общительная, не могла оставаться чуждой различнымъ вліяніямъ этого рода. Но она и внутри себя носила живую историческую традицію. Предокъ Гоголей, Остапъ, былъ при Дорошенкѣ подольскимъ полковникомъ, и, когда Дорошенко передался подъ турецкій протекторатъ, получилъ гетманскую булаву, какъ ставленникъ Польши. Такіе факты, вообще, не забываются потомками; а въ условіяхъ быта и нравовъ тогдашней Малороссіи они пріобрѣтали исключительную важность. Малорусское дворянство, почти все сплошь и очень недавно лишь отдѣлившееся отъ народной массы, цѣплялось за всякій фактъ, могущій утвердить и украсить ихъ родословную, и предокъ-гетманъ,—хотя бы лишь наказной, хотя бы лишь польскій и фиктивный,—это былъ драгоцѣннѣйшій клейнодъ, семейная реликвія, на которой незыблемо покоилось достоинство и честь семьи. Малорусская стихія была такъ сильна въ Гоголевской семьѣ, что отецъ Гоголя считалъ малорусскій языкъ за свой родной: когда его незаурядныя творческія силы искали выхода и приложенія, онѣ нашли это приложеніе въ стихіи именно родного языка. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь—авторъ двухъ малорусскихъ комедій, что даетъ ему право считаться однимъ изъ родоначальниковъ современной украинской литературы. Все это—и многое другое—не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что ребенкомъ Гоголь росъ, окруженный атмосферой малорусской народности. Каковъ былъ языкъ его дѣтства? Тотъ ли «языкъ души»,—какъ онъ называетъ малорус-

скій языкъ въ одномъ письмѣ къ Максимовичу—или иной, общерусскій? Мы ничего не знаемъ объ этомъ. Легко допустить, что его отецъ въ своихъ заботахъ о будущей карьерѣ сына—и уже мать, непремѣнно—заставляли ребенка говорить «по-пански», а не «по-хлопски», какъ это дѣлали и дѣлаютъ тысячи иныхъ малорусскихъ отцовъ и матерей. Но Гоголь-подростокъ владѣлъ языкомъ своей родины, какъ роднымъ—объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ извѣстный разсказъ Стороженка, который сообщаетъ, какъ Гоголь объяснялся съ крестьяниномъ и его жинкой по поводу своего незаконнаго вторженія въ ихъ огородъ. Школьная жизнь въ Нѣжинѣ не вырвала Гоголя изъ національной украинской среды. «А що, Васылю, якъ бы гимназія згорила?»—повторяетъ онъ въ письмѣ къ нѣжинскому товарищу запавшую ему въ голову школьную шутку, указывая тѣмъ самымъ, что малорусскій языкъ былъ въ обычномъ употребленіи между нѣжинскими школярами.

Великій писатель оставилъ родину уже сложившимся человѣкомъ. Двадцатилѣтній юноша неспособенъ мѣняться въ основныхъ чертахъ своей духовной личности, если бъ эта личность даже и не носила на себѣ отпечатка той упорнѣйшей индивидуальности, какую носитъ личность Гоголя. Даже украинская внѣшность Гоголя была настолько выразительна, что прозвище «хохолъ», «хохликъ», такъ и осталось за нимъ въ петербургскомъ кружкѣ Россетъ-Смирновой, Пушкина и Жуковскаго. Эту украинскую внѣшность Гоголь сохранилъ, какъ утверждаютъ наблюдатели, до конца жизни, хотя въ зрѣломъ возрастѣ только изрѣдка и на короткое время пріѣзжалъ на родину. А извѣстныя стороны его характера—скрытность, упрямство, своеобразный юморъ—всегда и всѣми объяснялись какъ проявленіе малорусскихъ національныхъ особенностей. Мы знаемъ, что Гоголь, въ теченіе своей жизни, не упускалъ случаевъ пользоваться малорусской рѣчью: по-малорусски объяснялся онъ за границей съ польскими эмигрантами, Богданомъ Залѣсскимъ и Мицкевичемъ; сохранилось его письмо къ Богдану Залѣсскому, написанное на народномъ малорусскомъ языкѣ,—по-малорусски говорилъ онъ въ Москвѣ, уже передъ смертью, со своимъ слугой, и, конечно, по-малорусски бесѣдовалъ со своими земляками. Объ исключительномъ расположеніи Гоголя къ землякамъ сохранилось много свидѣтельствъ. Даже съ Россетъ-Смирновой, «дамой блистательнаго свѣта», онъ сошелся легко и быстро потому, что она, по ея собственнымъ словамъ, привлекла и, такъ сказать, приручила его заявленіями самыхъ горячихъ симпатій ко всему украинскому.

Его ближайшіе друзья, друзья всей его жизни, Данилевскій и Прокоповичъ, были малороссы. А то обстоятельство, что Гоголь рѣзко мѣнялся, когда попадалъ въ кругъ земляковъ, и не только въ молодости, а и въ концѣ жизни—это замѣтили и вспоминали многіе, иные, какъ, напр., Бергъ, рѣзко и съ недоброжелательствомъ подчеркивая этотъ фактъ. Съ земляками исчезала скрытность Гоголя, его натянутыя манеры—та напряженность и настороженность, которая безъ словъ предупреждала всякую отдаленную попытку коснуться того, что́ таилось въ душѣ Гоголя вѣчно болящею язвой... Читайте его письма къ землякамъ, сравните ихъ простой, открытый, любящій тонъ съ тономъ остальной его корреспонденціи за малыми исключеніями, и вы почувствуете всю огромную разницу его настроеній въ томъ и другомъ случаѣ. «Ради всего нашего», «ради нашей Украины», «наша единственная бѣдная Украина», «душа сильно тоскуетъ за Украиной»—вотъ выраженія изъ его писемъ къ землякамъ. Малорусскую музыку, танцы и въ особенности пѣсни Гоголь всегда любилъ страстно: даже передъ смертью, уже больной, съ крайне притупленной воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ и интересамъ внѣшняго міра, писатель вспыхивалъ и оживалъ при звукахъ родной пѣсни. А его огромный интересъ къ малорусской исторіи, которую онъ изучалъ и зналъ какъ спеціалистъ, къ украинскимъ лѣтописямъ, къ собиранію всякаго рода этнографическаго матеріала, въ особенности пѣсеннаго...

Факты этого рода можно бы умножать еще и еще; но мы прибавимъ только вотъ что. Если Гоголь писалъ Смирновой, что онъ не знаетъ самъ, какова его душа, хохлацкая или русская, то вѣдь онъ же писалъ,—правда, нѣсколькими годами раньше—другому близкому человѣку, извѣстному ученому тогда, профессору въ Москвѣ, Максимовичу: «Бросьте, въ самомъ дѣлѣ, эту кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину... Туда, туда, въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли? Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Дурни мы, право, какъ разсудить хорошенько... Для кого и кому мы жертвуемъ всѣмъ? Идемъ въ Кіевъ»... Ясно, изъ какой души вырывались эти горячія, молодыя рѣчи...

Однако сколько бы мы ни собрали свидѣтельствъ въ томъ же родѣ, включая даже показанія литературныхъ враговъ Гоголя, которые обзывали его «хохлацкой душой» и «врагомъ Россіи»,—все-таки на противоположной чашкѣ вѣсовъ останется одно, значительностью своей перевѣшивающее все остальное: Гоголь былъ русскимъ писателемъ, гордостью русской, а не украинской литературы.

Намъ кажется, что для рѣшенія вопроса о національности Гоголя незачѣмъ обращаться ни къ его біографіи, ни къ его личнымъ свидѣтельствамъ, ни къ показаніямъ его друзей или враговъ. Біографическія данныя могутъ быть толкуемы такъ или иначе; свидѣтельства и показанія всегда субъективны. Въ данномъ вопросѣ есть возможность объективнаго рѣшенія: его даютъ сами произведенія Гоголя.

II.

Недавно вышло спеціальное изслѣдованіе гельсингфорскаго профессора Мандельштама: «О характерѣ Гоголевскаго стиля». Проф. Мандельштамъ тщательно изучилъ языкъ Гоголя, слѣдуя пріемамъ великихъ языковѣдовъ XIX вѣка, въ особенности Потебни, и пришелъ къ такимъ выводамъ. Онъ утверждаетъ, что «возбужденіе мысли шло у Гоголя по колеѣ родного, т.-е. малорусскаго языка». Участіе малорусскаго языка, малорусской національной стихіи, сообщаетъ художественному міросозерцанію Гоголя ту особую складку, которая выдѣляетъ его творческую индивидуальность. Гоголь, повидимому, самъ не сознавалъ того, что̀ открываетъ ученый анализъ его слова, а именно, что онъ безсознательно пользовался стихіей малорусской рѣчи всегда, когда ощущалъ подъемъ чувства, подъемъ художественнаго настроенія. Писатель мысленно переводилъ слова и обороты съ языка малорусскаго на общерусскій, такъ что всякому, знакомому съ обоими языками, и чуткому человѣку легко замѣтить эти мысленные переводы. Но во многихъ случаяхъ, думая на родномъ языкѣ, Гоголь и не давалъ себѣ труда переводить, а оставлялъ малорусскіе обороты и выраженія. Отсюда происходитъ тотъ своеобразный колоритъ языка, который заставилъ кого-то выразиться, что Гоголь писалъ не на русскомъ, а на гоголевскомъ языкѣ. Естественно, что въ болѣе раннихъ произведеніяхъ эта сторона выступаетъ рѣзче. Но и позже, когда русская рѣчь окрѣпла, все-таки въ моменты художественнаго подъема, подъема чувства, у Гоголя наплывала рѣчь малорусская. По мнѣнію проф. Мандельштама, малорусскій и русскій языки связаны были въ душѣ Гоголя съ различными областями и пріемами мысли, и эти области были разграничены, хотя иногда и не очень рѣзко. Если бы мы не имѣли никакихъ біографическихъ свѣдѣній относительно Гоголя, то «по языку, по выраженіямъ, образамъ, сравненіямъ, входящимъ въ главныя его

произведенія, мы должны были бы заключить, что имѣемъ дѣло съ малороссомъ»...

Вотъ первое проявленіе психической раздвоенности, укрывавшейся въ глубочайшей глубинѣ души Гоголя, недоступной для сознанія самого художника.

Идемъ дальше, отъ слова и стиля къ самому процессу и содержанію художественнаго творчества.

Многіе указывали на то, что въ творчествѣ Гоголя переплетаются два элемента, какъ бы несовмѣстимые, исключающіе другъ друга. Это—лиризмъ и юморъ—восторженная, пылкая идеализація дѣйствительности и низведеніе ея черезъ осмѣяніе на степень не только вульгарнаго, пошлаго, но и низкаго, безобразнаго. И, конечно, это правда: даже въ такомъ произведеніи, какъ Тарасъ Бульба, глубоко проникнутомъ лирическимъ элементомъ, пробивается мѣстами юмористическая жилка, и такое глубоко юмористическое произведеніе какъ «Мертвыя Души» перерывается отступленіями страстно-лирическаго характера. Но для нашихъ цѣлей любопытно не это: любопытно прослѣдить эту двойственность творчества Гоголя въ связи съ содержаніемъ его произведеній. И здѣсь мы замѣчаемъ слѣдующее. Почти весь лиризмъ его творчества изливается въ произведеніяхъ изъ малорусской жизни; на долю произведеній изъ жизни общерусской выпадаетъ только юморъ, и притомъ не тотъ нѣжный, мягкій, такъ сказать, любовный юморъ, которымъ расцвѣчены также кое-гдѣ и малорусскія произведенія Гоголя, а совсѣмъ иной, холодный и суровый, бьющій и клеймящій, какъ орудіе казни.

Собственно говоря, неправильно подводить эту двойственность подъ опредѣленія лиризма и юмора. Тутъ есть кое-что другое, болѣе сложное.

Если обхватить произведенія Гоголя однимъ общимъ взглядомъ, то невольно получаешь такое впечатлѣніе, какъ будто имѣешь дѣло съ двумя различными писателями, правда, имѣющими между собой много общаго, но сильно расходящимися въ своихъ художественныхъ пріемахъ, въ характерѣ творчества. Одинъ Гоголь, обращенный къ малорусской жизни, цѣльно схватываетъ эту жизнь и воспроизводитъ. Картины, образы, типы—все является передъ вами въ своихъ естественныхъ отношеніяхъ; положительное и отрицательное, добро и зло, красота и безобразіе въ ихъ оттѣнкахъ и комбинаціяхъ—все отражается въ творчествѣ Гоголя въ той гармоніи, какая характеризуетъ полноту жизни. А главное, во всемъ чувствуется присутствіе всеобъемлющей любви художника къ этой

изображаемой имъ жизни. Вы понимаете, что художникъ любитъ не только то, что́ онъ изображаетъ какъ прекрасное и доброе, справедливое и благородное: онъ любитъ и пьяницу Солопія Черевика, и предателя Андрія, и совсѣмъ недобродѣтельнаго Хому Брута, и глупаго Шпоньку. Кто-то выразился, что Гоголь въ «Тарасѣ Бульбѣ» представляетъ дѣйствительность, освѣщенную бенгальскимъ огнемъ. Нѣтъ, это не свѣтъ бенгальскаго огня: это—тотъ особый свѣтъ, которымъ освѣщено въ глазахъ молодой матери лицо ея первенца. Въ будничномъ настроеніи вы склонны чувствовать преувеличеніе въ описаніи украинской ночи, Днѣпра; но если ваше настроеніе приподнято, или, если вы тоскуете на чужбинѣ за родиной, какъ несомнѣнно тосковалъ за ней Гоголь первое время своей жизни въ Петербургѣ, весь этотъ блескъ, яркость, роскошь красокъ,—все кажется вамъ вполнѣ естественнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Ясно, что художникъ, когда писалъ, жилъ заодно съ изображаемой имъ жизнью.

Но вотъ художественное творчество Гоголя обращается къ русской дѣйствительности,—и его пріемы рѣзко мѣняются. Художникъ какъ бы помѣщается внѣ «громадно-несущейся передъ нимъ жизни» и наблюдаетъ ее. При этомъ онъ помѣщается такъ, что можетъ наблюдать жизнь лишь «съ одного боку», по его собственному выраженію. Жизнь, наблюдаемая такъ, даетъ въ воспроизведеніи своемъ образы совсѣмъ иного характера. Образы эти теряютъ свои естественныя очертанія и соотношенія, являются крайне преувеличенными въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ ихъ наблюдаетъ художникъ, но зато чрезвычайно выигрываютъ въ выразительности. По замыслу художника, о которомъ онъ самъ опредѣленно свидѣтельствуетъ, это должны быть только карриватуры; но сила огромнаго таланта, помимо воли художника, даетъ душу этимъ карриватурамъ: онѣ живутъ, какъ живутъ глаза въ его «Портретѣ»,—живутъ, возбуждая смѣхъ, скорбь, негодованіе, возбуждая въ самомъ художникѣ ужасъ передъ этой созданной имъ жизнью. Вся красота, которою Гоголь окружалъ такъ любовно, такъ роскошно малорусскую дѣйствительность, исчезла безслѣдно. То, что́ разворачивается теперь передъ вами, даже нельзя назвать жизнью: это какая-то геенна, изъ которой авторскій геній своею волею удалилъ «плачъ и скрежетъ зубовъ», а оставилъ только безобразіе, освѣтивъ это безобразіе такъ, что оно вызываетъ невольный и неудержимый смѣхъ. Но измѣните нѣсколько освѣщеніе, удалите смѣхъ—и что́ явится передъ вами?

«Пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же

безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ-будто мы не у себя дома, не подъ родною нашею крышей, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодной, занесенной вьюгой почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: «нѣтъ лошадей»... Какой это геніально простой и потрясающій скорбью образъ! Воспримите его подготовленной душой, и васъ будетъ преслѣдовать, какъ тяжелый кошмаръ, эта холодная, занесенная вьюгой почтовая станція, представляющая собою Россію, и русскій гражданинъ—злосчастный путникъ, который безпріютно бродитъ во мракѣ и холодѣ, осужденный на то, чтобъ вѣчно слышать одно равнодушно-грубое: «нѣтъ лошадей!»

Итакъ, Гоголь относился къ русской жизни, какъ посторонній наблюдатель. Посторонній, но не равнодушный: все-таки онъ былъ связанъ съ этою жизнью кровными интересами. Однако неравнодушіе это имѣетъ мало общаго съ тѣмъ чувствомъ, которое питалъ Гоголь къ своей малорусской родинѣ. Малороссія «единственно вдохновляла его», по выраженію проф. Мандельштама, т.-е. въ ней лишь онъ черпалъ положительное содержаніе своихъ художественныхъ воззрѣній, идеальные мотивы своего творчества. Для Великой Россіи у него оставалось только отрицаніе, его безпощадный, злобный, неподражаемый юморъ. Но народъ, нація, какъ соціально-духовный организмъ, не можетъ быть содержаніемъ юмора—такое предположеніе было бы нелѣпостью, разрушающей себя своими внутренними противорѣчіями. Къ тому же вполнѣ очевидно, что Гоголь не только не зналъ великорусскаго народа съ его столь характернымъ національнымъ обликомъ, но и совсѣмъ не интересовался имъ,—ни его современными особенностями, ни его историческимъ прошлымъ. Когда, во время его неудачной профессуры, ему предложили, со свойственной тѣмъ временамъ безцеремонностью, читать русскую исторію, Гоголь ужаснулся. «Чортъ возьми»,—пишетъ онъ:—«если бъ я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, чѣмъ русскую исторію. Ты хочешь, чтобъ самая должность была для меня тягостной! Если меня не будетъ занимать предметъ мой, я буду несчастливъ»... И это пишетъ тотъ самый Гоголь, который сбирался «удрать» исторію Малороссіи чуть не въ десяти томахъ, въ столькихъ же томахъ исторію среднихъ вѣковъ, который, по нуждѣ, брался читать и древнюю исторію, извѣстную ему, конечно, гораздо меньше, чѣмъ исторія Россіи, въ силу естественной связи этой послѣдней съ исторіей Мало-

россіи, несомнѣнно и серьезно его интэресовавшей. Все положительное въ великорусской націи онъ обходилъ, можно бъ сказать тенденціозно, если бъ это не было такъ вполнѣ безсознательно. Его московскіе поклонники славянофилы восхищались—конечно, за неимѣніемъ лучшаго — фигурой кучера Селифана, воплощавшей якобы въ себѣ великорусскій народный духъ. Но вѣдь это такое же смѣшное преувеличеніе и той же категоріи, какъ и сравненіе «Мертвыхъ Душъ» съ поэмами Гомера, на какое рискнулъ умный, даровитый и искренній К. С. Аксаковъ. Ни кучеръ Селифанъ, ни Петрушка, ни трактирные половые и лакеи, ни мужики, бесѣдующіе о томъ, доѣдетъ ли колесо до Казани — не великорусскій народъ. Гоголь какъ бы даже и не подозрѣвалъ о существованіи этой здоровой и сильной великорусской народной стихіи, а судилъ о ней только по тѣмъ нечистымъ междуклассовымъ, междунаціональнымъ осадкамъ, которые неизбѣжны при извѣстныхъ условіяхъ. Гоголь зналъ болѣе или менѣе только русскую общественность—выработанныя исторіей формы культурной русской жизни и ненавидѣлъ какъ эти формы, такъ и ихъ носителей до глубины души. Какъ онъ ненавидѣлъ эти формы—объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его произведенія. Какъ онъ ненавидѣлъ ихъ носителей — само русское общество, воплощавшее въ себѣ эти формы, ясно изъ его переписки, изъ тѣхъ выраженій, которыя прорываются то тамъ, то сямъ, напр.: «на Руси такая коллекція гадкихъ рожъ»; этотъ «безмозглый классъ людей»—выраженія, равносильныя жесту человѣка, сбрасывающаго съ своего платья какое-нибудь отвратительное насѣкомое. Вотъ этой-то ненависти и суждено было сдѣлаться источникомъ той огромной, исторической заслуги, какую оказалъ Гоголь нашему развитію. Коренному русскому человѣку, конечно, трудно было порвать тѣ тонкія психологическія нити кровныхъ симпатій, какія связывали его съ роднымъ народомъ и его культурой, и нужна была большая внутренняя работа надъ своимъ образованіемъ и развитіемъ критической мысли, чтобъ встать внѣ своей среды и отнестись къ ней объективно. Какими судорожными усиліями мысли, какой душевной борьбой дошелъ Бѣлинскій до того настроенія, какое продиктовало ему его знаменитое письмо къ Гоголю: вѣдь не трудно понять, что значило его примиреніе съ дѣйствительностью подъ флагомъ Гегелевской философіи, его Бородинская годовщина... Первые московскіе славянофилы относились вполнѣ отрицательно къ современной имъ русской дѣйствительности и готовы были молиться на Гоголя, какъ выразителя этого отрицанія: и тѣмъ не менѣе, какъ

тяжело давалось оно имъ, какъ упорно стремилась ихъ мысль и чувство къ положительнымъ сторонамъ русской жизни... То, что дорого обходилось Бѣлинскому или Герцену, Хомякову или Аксаковымъ, то далось Гоголю само собой, безъ всякаго подготовительнаго труда и усилій, безъ работы критической мысли, безъ того душевнаго надрыва, которымъ сопровождается низверженіе старыхъ родныхъ кумировъ. Всѣ недостатки русскаго общественнаго строя, его вопіющія отклоненія отъ человѣческой правды были непосредственно ясны холодному и наблюдательному взору Гоголя, а его великій талантъ уже помогъ заключить эти наблюденія въ образы поразительной силы.

Но значитъ ли это, что у Гоголя вовсе не было никакого «смѣха сквозь слезы»? что ему не надъ чѣмъ было плакать? Нѣтъ, не значитъ. Слезы Гоголя надъ русской жизнью не были тѣми кровавыми, тѣми разбивающими сердце слезами, какъ слезы Бѣлинскаго: но все-таки это были слезы. Прежде всего, Гоголь по особымъ свойствамъ своей духовной природы—или, можетъ быть, точнѣе сказать, своей нервной организаціи—вообще воспринималъ дѣйствительность какъ страданіе: его природа была природой пессимиста. Затѣмъ, русская дѣйствительность, имъ наблюдаемая, стояла слишкомъ въ разрѣзъ съ его моральными идеями и чувствами: онъ вынесъ изъ дѣтства опредѣленное, традиціонное, религіозно-нравственное міропониманіе и пронесъ его неприкосновеннымъ черезъ всю свою жизнь—свободный отъ заразы даже тѣмъ легкимъ французскимъ скептицизмомъ, которому отдавали обычную дань современные ему молодые умы. А, наконецъ, самое главное — то, что русская дѣйствительность оскорбляла въ Гоголѣ одну идею, которая выросла изъ этой же самой дѣйствительности. Это—идея русскаго государства, которую Гоголь какъ-то странно отвлекалъ отъ всякихъ формъ ея воплощенія и облекалъ въ своей душѣ настоящимъ апоѳеозомъ. Какъ сложилось въ великомъ писателѣ преклоненіе передъ идеей русской государственности—трудно прослѣдить: совершенно очевидно лишь, что онъ вывезъ эту идею готовой изъ своей малорусской родины. Можетъ быть, здѣсь вліяли впечатлѣнія, полученныя имъ еще въ дѣтствѣ во время частыхъ посѣщеній, вмѣстѣ съ родителями, Трощинскаго; вліяли и понятія, привитыя въ юношествѣ частью школой, частью русской литературой. Воспріимчивую почву находили эти чувства и понятія также въ южномъ темпераментѣ Гоголя, въ его влеченіи ко всему яркому, эффектному, грандіозному. Конечно, не придуманъ писателемъ, а выброшенъ изъ глубины души знаменитый

образъ, заключающій первую часть «Мертвыхъ Душъ»: «Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобой дорога... летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь постараниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства»...

Какъ ни противорѣчитъ этотъ образъ приведенному выше образу Россіи въ видѣ занесенной вьюгой почтовой станціи, но оба они одинаково выношены въ противорѣчивой душѣ Гоголя. И несомнѣнно, что Гоголь всю жизнь находился подъ обаяніемъ идей, связанныхъ съ этой Россіей, отъ которой, «косясь постараниваются другіе народы и государства». Обстоятельства и условія жизни укрѣпляли въ немъ эти идеи. Кружокъ Жуковскаго, Пушкина и Россетъ-Смирновой, который имѣлъ на Гоголя наибольшее вліяніе, былъ всецѣло пропитанъ преданной любовью къ русской государственности. Наконецъ, даже личныя чувства признательности привязывали Гоголя къ императору Николаю и императорскому Двору. Въ связи съ этими идеями и чувствами находится, конечно, и та мысль, около которой, какъ около неподвижной оси, вращалась писательская дѣятельность Гоголя: мысль о службѣ государству. Еще школьникомъ изъ Нѣжина Гоголь писалъ своему дядѣ: «съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства»... «Службу государству», «благо государства» Гоголь понималъ, конечно, сперва очень элементарно: это значило поступить на государственную службу по министерству юстиціи, добиться важнаго чина и такимъ путемъ сдѣлаться «благодѣтелемъ человѣчества». Да и какое иное пониманіе жизненныхъ задачъ могла дать русская жизнь того времени, жизнь Николаевской эпохи? Когда Гоголь въ Петербургѣ пришелъ къ сознанію своего великаго таланта, первыя его произведенія есть еще проявленія свободной, такъ сказать, стихійной игры его огромныхъ творческихъ силъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ уже спѣшитъ набросить на свое творчество узду изъ своей излюбленной идеи: «службы государству». Посмотрите, какъ Гоголь цѣнитъ свои произведенія: его обычный критерій есть государственная польза. Оскорбляетъ его до глубины души лишь то, когда противники и недоброжелатели отвергаютъ такую пользу его произведеній или, наоборотъ, утверждаютъ, что они приносятъ вредъ государству.

Вотъ именно въ этомъ пунктѣ,—въ томъ коренномъ разграниченіи, какое выступаетъ въ отношеніяхъ Гоголя, съ одной стороны, къ русской государственности, къ политическимъ формамъ жизни,

*

съ другой—къ формамъ культурной жизни русскаго общества, и заключается одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей Гоголевскаго міропониманія. Онъ не видѣлъ связи между этими двумя категоріями явленій,—связи, которая была ясна для другихъ его передовыхъ современниковъ, для его поклонниковъ и почитателей какъ славянофильскаго, такъ и западническаго лагеря. Какъ могъ творецъ «Мертвыхъ Душъ» не понимать, что крѣпостныя отношенія есть отвратительнѣйшее изъ соціальныхъ золъ, что только въ ихъ отравленной атмосферѣ могла зародиться эта возмущающая душу коллекція нравственныхъ уродовъ, имъ выведенныхъ? И однако онъ не понималъ этого. «Объясни мужикамъ»,—пишетъ Гоголь въ письмѣ къ русскому помѣщику,—«что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бъ ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которой родились... Скажи имъ, что заставляешь ихъ работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на свои удовольствія (и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнацію), а потому, что Богомъ повелѣно трудомъ и пóтомъ снискивать хлѣбъ... Учить мужика грамотѣ, чтобы читать книжонки, которыя издаютъ европейскіе человѣколюбцы, есть вздоръ» и т. д. Какъ могъ великій творецъ «Ревизора» не понимать, что взяточничество и всякій видъ произвола неизбѣжны въ обществѣ, связанномъ по рукамъ и ногамъ собственной темнотой и отданномъ тогда въ распоряженіе орды чиновниковъ, невѣжественной и своекорыстной? И однако онъ не понималъ этого. Онъ находилъ, что общій строй нашъ превосходенъ. «Все полно и вездѣ слышна законодательная мудрость, какъ въ установленіи самихъ властей, такъ и въ соприкосновеніяхъ ихъ между собой... Слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей. Все устроено такъ, чтобы споспѣшествовать въ добрыхъ дѣйствіяхъ и останавливать на пути къ злоупотребленіямъ»... Изученіе Гоголевской корреспонденціи, изданной недавно въ четырехъ томахъ, заключающихъ больше двухъ тысячъ страницъ, убѣждаетъ насъ, что въ приведенныхъ цитатахъ Гоголь выражалъ мысли всей своей жизни, которымъ онъ не измѣнялъ никогда. Искренно, всей душой стремясь къ воплощенію добра въ формахъ тогдашней русской жизни, Гоголь былъ убѣжденъ, что добро это призваны воплощать въ общественныхъ низахъ добродѣтельные отцы-помѣщики, а на общественныхъ верхахъ мудрые губернаторы и генералъ-губернаторы съ ихъ до-

стойными супругами, на совѣсти и отвѣтственности которыхъ лежатъ общественные нравы.

Итакъ, Гоголь не понималъ, что формы жизни государственной, политической, съ одной стороны, и соціально-культурной, съ другой, находятся въ самой тѣсной связи между собой. Трудное дѣло—отдѣлить одно отъ другого, да еще отдѣлить такъ рѣшительно, какъ отдѣлялъ Гоголь, отдавая одной сторонѣ благоговѣйное почтеніе, другой—безпощадную насмѣшку. Императоръ Николай лучше Гоголя понималъ это, когда сказалъ, глядя на «Ревизора»: «Ну, комедійка! досталось всѣмъ, а больше всѣхъ мнѣ»... Но и Гоголь, если не понималъ ясно, то чувствовалъ, что его насмѣшка бьётъ дальше намѣченной цѣли, вторгаясь въ ту область, которую онъ хотѣлъ бы видѣть неприкосновенной святыней. Отсюда то крайнее угнетеніе духа, въ которое онъ впалъ, когда написалъ «Ревизора»; отсюда мучительныя попытки сдвинуть «Мертвыя Души» съ ихъ первоначальнаго пути. Ничего подобнаго не могло быть, если бы Гоголь былъ увѣренъ въ своей правотѣ...

Но чтобы представить себѣ всю глубину противорѣчій, опутывавшихъ мысль Гоголя, надо имѣть въ виду еще слѣдующее. Конечно, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что Гоголь былъ вполнѣ искреннимъ, когда окружалъ словеснымъ апоѳеозомъ идею русской государственности, политическій строй русской жизни. Но можно ли предположить, что онъ былъ менѣе искреннимъ, когда, въ «Тарасѣ Бульбѣ», окружалъ апоѳеозомъ—не словеснымъ лишь, а художественнымъ—совсѣмъ иной историческій строй, демократическій строй малорусскаго козачества, который онъ изучилъ и прекрасно понималъ? И, конечно, мы въ правѣ сказать, что даже по отношенію къ этой, такъ сказать, специфически ограниченной области, Гоголь носилъ въ душѣ двѣ правды, изъ которыхъ одна укрывалась въ глубинахъ его художественно-творческой психологіи, питавшейся національной стихіей, другая—владѣла поверхностной оболочкой его резонирующей мысли...

Такимъ образомъ, міросозерцаніе великаго писателя было полно раздвоенности и тяжелыхъ противорѣчій. Эта раздвоенность и противорѣчивость есть естественный и психологически необходимый результатъ того, что Гоголь оторвался отъ своей національной почвы «для службы» русскому государству, но не отрѣшился, и не могъ отрѣшиться, отъ исключительности своихъ національныхъ симпатій. Гоголь сдѣлался преданнымъ пріемнымъ сыномъ русской государственности, но до конца не могъ ассимилироваться съ русской на-

родностью. Конечно, не онъ первый, не онъ послѣдній былъ въ такомъ положеніи. Разные люди находятъ изъ него разные психологическіе выходы. Гоголь нашелъ свой выходъ въ мистицизмѣ. Съ точки зрѣнія небесъ и вѣчности обращались въ ничтожную суету всѣ вопросы и противорѣчія. Но на этомъ пути ждала писателя гибель его великаго таланта, который не могъ питаться одними «Размышленіями о божественной литургіи». А гибель таланта сдѣлалась гибелью и самого человѣка...

Гоголь палъ жертвой душевной раздвоенности, имѣвшей свои глубочайшіе корни въ раздвоенности національной.

Отъ Общества имени Т. Г. Шевченка.

Общество имени Тараса Григорьевича Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, существуетъ съ 1898 года.

Изданіе сочиненій г-жи А. Я. Ефименко по исторіи Южной Руси предпринято Обществомь для увеличенія фонда на устройство общежитія и столовой для южно-русской учащейся молодежи. Фондъ этотъ составился изъ пожертвованій, каковыя продолжаютъ приниматься казначеемъ Правленія Общества, адресъ котораго извѣстенъ С.-Петербургскому почтамту.

2 р.

Цѣна 2 руб.

Главный складъ изданія въ „**Литературной Книжной лавкѣ**“ М. В. Пирожкова (СПБ., Васильевскій островъ, 2-я линія, домъ № 13).

3

2 р.

Цѣна 2 руб.

Главный складъ изданія въ „**Литературной Книжной лавкѣ**“ М. В. Пирожкова (СПБ., Васильевскій островъ, 2-я линія, домъ № 13).

2 15

Цѣна 2 руб.

Главный складъ изданія въ **„Литературной Книжной лавкѣ“** М. В. Пирожкова (СПБ., Васильевскій островъ, 2-я линія, домъ № 13).

2 р.

Цѣна 2 руб.

Главный складъ изданія въ „**Литературной Книжной лавкѣ**“ М. В. Пирожкова (СПБ., Васильевскій островъ, 2-я линія, домъ № 13).

2 п.

Цѣна 2 руб.

Главный складъ изданія въ „**Литературной Книжной лавкѣ**“ М. В. Пирожкова (СПБ., Васильевскій островъ, 2-я линія, домъ № 13).

3